

11-12
Реп. изд. № 21

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

КНИГА XI

МОСКВА.

1906.

11-12
2. 1. 1906

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

КНИГА XL

МОСКВА.

1906.

△
P Slav 605.10
✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

Типо-литография Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1906.

54-177
2-52

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. ЗА ПОЛВѢБА. Мои воспоминанія. Глава третья.—П. Д. Боборыкина.	1
II. ВЪ ПУТАХЪ ШАЙТАНА. Разсказъ М. Кацюбинскаго.—Пер. съ малорусск. Н. Н.	53
III. ТАЙНА КУЗЬМЫ ПЛАТОНОВИЧА. Разсказъ.—И. П. Блелонскаго.	65
IV. ДѢТИ ЗЕМЛИ. Разсказъ Арвида Јернефельта.—Перев. съ финск. М. П. Благовѣщенской.	103
V. ЗИМА.—Петра Комовникова	191
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Татьяны Грейеръ	196
VII. О ПОДСТАВѢ НАСЛѢДНИКА (СУБСТИТУЦІИ).—А. М. Загорскаго. <i>Окончаніе</i>	1
VIII. ХАРАКТЕРНЫЯ ЧЕРТЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКАГО ПРАВОСУДІЯ.—А. С. Гольденвейзера	30
IX. ПАНГЕРМАНИЗМЪ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНІЯ. (<i>Georges Weil: «Le Rangementisme en Autriche». Préface de M. Anatole Leroy-Beaulieu</i>).—Ф. И. Рудченко. <i>Окончаніе</i>	64
X. А. П. ЧЕХОВЪ. (Матеріалы для біографіи).—Бор. Лазаревскаго.	91
XI. НОВЫЙ НАУЧНЫЙ ОРГАНЪ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНАГО И СОЮЗНАГО ПРАВА.—Гр. Л. А. Намаровскаго.	100
XII. АЛЬБЕРЪ СОРЕЛЬ. Статья академика А. Вандаля.—Перев. съ франц. Ю. Б.	107
XIII. ПЕРВЫЙ АРЕСТЪ. ЗНАКОМСТВО СЪ Г. ЗУБАТОВЫМЪ. (Изъ воспоминаній и переписки).—В. А. Гольцева.	113
XIV. НОВЫЯ СЛАВЯНСІЯ ТЕЧЕНІЯ.—М. С.	118

	<i>Стр.</i>
XV. ТРЕТИЙ КОНГРЕССЪ «МЕЖДУНАРОДНАГО СОЮЗА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ПРАВЪ ЖЕНЩИНЪ» ВЪ БОПЕНГАГЕНЪ. (7—12 августа 1906 г.).—Н. Мирвичъ.	125
XVI. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ	150
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ	160
XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	189
XIX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.—Ю. А. и М. Л.	200
XX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книжки: Беллетристика.—Бритика, публицистика.—Философія, педагогика.—Исторія литературы, біографіи.—Учебники, пособія, книги для дѣтей.—Книги для народа.—Справочныя книги.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1906 г.	291
XXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятая редакціей рукопись хранится въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятая редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

ЗА ПОЛВѢКА *).

Мои воспоминанія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Переходъ изъ Казани въ Дерптъ.—Мой служитель Михаилъ Бушуевъ.—Переправа черезъ Волгу.—Побѣда студента-камералиста.—Что лежало въ „идеѣ“ Дерпта?—На слѣдочныхъ въ Москву и Петербургъ зимой 1855 г.—Послѣ севастопольскаго погрома.—Петербургское искусство.—„Ливонскія Аэны“.—Я и герой „Въ путь-дорогу“, въ Дерптъ.—Главная программа этой главы.—Мы и нѣмцы.—Корпорация „Рутенія“.—Нравы студентовъ.—„Дикіе“.—Исторія съ „ферруфомъ“.—Дуали.—Что представлялъ собою университетъ, сравнительно съ русскими?—Физиономія города Дерпта.—Уличная жизнь.—Наша студенческая бѣдность.—Развлеченія Дерпта.—„Академическая Мусса“.—Мои два факультета.—Мой учитель Карлъ Шмидтъ.—Порядки экзаменовъ.—Учебная свобода.—Мѣстное равнодушіе къ тогдашнему русскому движенію.—Знакомство съ С. О. Уваровымъ.—Русскія барскія дома.—Графъ С. А. Соллогубъ и жена его С. М.—Переводъ химіи Лемана.—Академикъ Зининъ.—Петербургъ въ мои поѣздки туда.—Составленіе учебника.—Проф. Лясковскій.—Н. Х. Кетчеръ.—Вакаціи въ Нижнемъ и въ деревнѣ.—Поворотъ къ писательству.—Любительскіе спектакли.—Комедія: „Фразеры“ и „Одноворецъ“.—Нашъ кружокъ. Драма „Ребенокъ“.

Эта глава посвящена цѣликомъ моему студенчеству въ Дерптѣ. Оно длилось слишкомъ пять лѣтъ: съ конца ноября 1855 г. по конецъ декабря 1860 г. и захватило собою, какъ разъ, первое пятилѣтіе «эпохи реформъ».

Николаевское время было позади. Но для насъ—для учащейся молодежи, особенно въ тогдашней Казани—все еще пока обстояло по-прежнему.

Я долженъ отойти нѣсколько назадъ и напомнить читателю о нѣкоторыхъ фактахъ изъ предыдущей главы.

Въ идею моего перехода въ Дерптъ потребность свободы входила несомнѣнно, но свободы, главнымъ образомъ «академической» (по нѣмецкому термину). Я хотѣлъ серьезно учиться, не школьнически,

*) *Русская Мысль*, V кн., 1906 г.

не на моемъ двойственномъ, какъ бы дилетантскомъ, камеральномъ разрядѣ. *Это* привлекало меня больше всего. А затѣмъ и желаніе вкусить другой, чисто-студенческой жизни, съ ея традиционными дозволенными вольностями, въ тѣхъ «Ливонскихъ Аѳнахъ», гдѣ порядки напоминали уже Германію.

Во всемъ этомъ воображеніе играло не малую роль. Новизна манила чрезвычайно, и опять-таки, новизна научная. Не думаю, чтобы въ средѣ большинства моихъ ближайшихъ товарищей «камераловъ» по третьему курсу, научный интересъ могъ привлекательно дѣйствовать. Изъ нихъ было много два-три человѣка, способныхъ хорошо заниматься. Но для того, чтобы сразу, безъ какого-нибудь, чисто-житейскаго повода — семейныхъ обстоятельствъ или временнаго исключенія — въ началѣ третьяго курса, задумать такое переселеніе въ дальній университетскій городъ съ чужимъ языкомъ, для поступленія на другой совсѣмъ факультетъ, съ потерей всего, что было достигнуто здѣсь, для этого надобенъ былъ особый зарядъ. Можетъ быть, и у меня недостало бы настойчивости, еслибъ мы не собрались втроемъ и не возбуждали другъ друга разговорами все на ту же тему, предаваясь радужнымъ мечтамъ.

И все было сдѣлано въ какихъ-нибудь шесть недѣль. Кромѣ начальства университетскаго, было и свое домашнее. Я предвидѣлъ, что этотъ внезапный переходъ въ Дерптъ смутитъ мою матушку болѣе, чѣмъ отца. Но согласіе все-таки было получено. Мы сложили наши скудные финансы. Свое содержаніе я получилъ впередъ на семестръ; но больше половины его должно будетъ уйти на дорогу. И для меня все это осложнялось еще постояннымъ расходомъ на моего служителя, навязаннаго мнѣ, съ самаго поступленія въ студенты. Да и жалъ было разстаться съ нимъ.

Михаилъ Мемноновъ, по прозвищу Бушугевъ, сдѣлался и для меня, и для моихъ товарищей, какъ бы членомъ нашей студенческой семьи. Ему самому было бы горько покидать насъ. Отцу моему онъ никогда не служилъ, въ деревнѣ ему было дѣлать нечего. Въ житейскомъ обиходѣ мы его считали «мужемъ совѣта»; а въ дорогѣ онъ тѣмъ паче окажется опытиѣе и практичнѣе всѣхъ насъ.

Зима близилась, но саннаго пути еще не было. Стояли безснѣжные морозные дни. Приходилось ѣхать до Нижняго въ перекладной телѣгѣ, всѣмъ четверымъ: три студіоза и одинъ дворовый человѣкъ, тогда даже еще не «временно-обязанный».

Покидали мы Казань весело. У насъ не было къ ней никакихъ особенныхъ привязокъ. Меня лично давно уже не удовлетворяли ни университетскіе порядки, ни нравы студенческой братні. Чего-ни-

будь общаго, сплоченнаго въ студенчествѣ не было. Отъ свѣтской жизни сословнаго губернскаго города я добровольно ушелъ, еще годъ назадъ, какъ я уже говорилъ во второй главѣ. Изъ профессоровъ жалъ было только двоихъ—Бутлерова и Киттары, но Бутлеровъ самъ одобрилъ мою идею перехода въ Дерптъ, для спеціальнаго изученія химіи, далъ мнѣ и рекомендательное письмо къ своему когда-то наставнику, старику Клаусу, отерывшему въ Казани, металлъ *рутеміи*. Клаусъ давно уже занималъ, въ Дерптѣ, мѣсто директора фармацевтическаго института, профессора фармакологии и фармаціи.

Припомню и то, что начальство, т.-е. инспекція, и тутъ заявила себя въ должномъ видѣ.

Читатель уже знаетъ, что на «увольнительномъ» свидѣтельствѣ моемъ инспекторъ поставилъ мнѣ въ поведеніи *четверку*, что считалось плохой отиѣткой и могло затруднить мое принятіе въ Дерптѣ.

Почему? Должно быть, потому, что въ моемъ «кондуитномъ спискѣ» значился карцеръ за инцидентъ, о которомъ я упоминалъ выше. Больше у меня не бывало никакихъ столкновеній съ инспекціей. Еще на первомъ курсѣ случалось погучивать съ товарищами, но весь второй я провелъ почти что затворникомъ. Въ смыслѣ неблагонадежности другого рода—инспекція не могла также меня заподозрить. И вообще-то тогда не было никакихъ «движеній» въ студенчествѣ. Лично я не имѣлъ исторій или даже рѣзкихъ разговоровъ съ какимъ-нибудь «субомъ», еще менѣе съ инспекторомъ. Ни одного замѣчанія по ношенію формы не доставалось.

Мы всѣ трое значились студентами разныхъ курсовъ и факультетовъ. Но проводы наши были самые скромные: нѣсколько ближайшихъ пріятелей пришли проститься, немножко, вѣроятно, выпили и только. Сплоченнаго товарищества по курсамъ, если не по факультетамъ, не существовало. Не помню, чтобы мои однокурсники особенно заинтересовались моимъ добровольнымъ переходомъ, разспрашивали бы меня о мотивахъ такого «*coup de tête*», приводили бы доводы за и противъ.

Не впервые приходилось ѣхать на перекладныхъ. Мои переѣзды на вакаціяхъ происходили и лѣтомъ, и зимой—въ кибиткѣ. Телѣга катала по мерзлой землѣ стараго казанскаго «тракта», съ колеями и выбоинами. На облучкѣ высилась фигура нашего «фамулюса» (говоря по-дерптски) Михаила Мемнонова, а мы въ рядъ засѣдали на сѣнѣ, упираясь спинами въ чемоданы.

Волгу уже начало затягивать «сало». На перевозѣ мы всѣ чуть было не перекинулись черезъ бортъ парома, такъ его накренило отъ разыгравшейся «погоды».

Впервые испыталъ я чувство настоящей опасности. Это было всего нѣсколько секундъ, но памятныхъ. До сихъ поръ мечется передо мною картина хмураго дня съ темно-сѣрыми волнами рѣки и очертаніями береговъ, и весь переполохъ на паромѣ.

Свиданіе со своими въ Нижнемъ обошлось болѣе мирно, чѣмъ я ожидалъ. Я не особенно огорчался тѣмъ, что къ моему переходу въ Дерптъ относились съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, если и не съ сильнымъ безпокойствомъ. Довольно было и того, что помирились съ моимъ рѣшеніемъ. Это равнялось признанію права: руководить самому своими идеями и стремленіями, искать лучшаго не затѣмъ, чтобы безпорядочно «прожигать» жизнь, а чтобы работать, расширять свой умственный горизонтъ, увлекаясь наукой, а не гусарскимъ ментигомъ.

Это была несомнѣнная *побѣда*, а для меня самого — пріобрѣтеніе, даже если бы я и не выполнилъ свою главную цѣль: сдѣлаться специалистомъ по химіи, что и случилось.

Но начиная съ самаго этого переселенія «изъ земли Халдейской въ землю Ханаанскую», сейчасъ же расширился кругозоръ студента-камералиста, инстинктивно искавшаго пути къ высшему знанію *или* къ художественному воспроизведенію жизни.

Останься я оканчивать курсъ въ Казани, вышло бы одно изъ двухъ:

Или я, получивъ кандидатскій дипломъ по камеральному разряду (я его непременно бы получилъ), вернулся бы въ Нижний и поступилъ бы на службу, т. -е. осуществилъ бы всегдашнее желаніе моихъ родныхъ. Матушка желала всегда видѣть меня чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ. А дальше, стало бытъ, совѣтникомъ губернскаго правленія, и, если бы удалось перевестись въ министерство, петербургскимъ чиновникомъ извѣстнаго ранга.

Или же я пошелъ бы по ученой части, съ ресурсами казанской выучки. Бутлеровъ обнадеживалъ меня на счетъ магистерства. Камералисту, безъ болѣе серьезной подготовки «естественника», безъ специальныхъ знаній по физикѣ нельзя было пріобрѣсти правъ на занятіе каведры, развѣ въ области прикладной химіи, т. -е. технологіи. Но и въ лучшемъ случаѣ, еслибъ я даже и выдержалъ на магистра и занялъ мѣсто *адъюнкта* (какъ тогда называли привать-доцента), я бы впрягъ себя въ такое дѣло, къ которому у меня не было *настоящаго* призванія, въ чемъ я и убѣдился, продѣлавъ въ Дерптѣ, въ теченіе пяти лѣтъ, цѣлую, такъ сказать, *эволюцію* интеллектуальнаго и нравственнаго развитія, которую врядъ ли бы продѣлалъ въ Казани.

И что же бы случилось? Весьма вѣроятно, я добился бы кафедры, сталъ бы составлять недурные учебники, читалъ бы, пожалуй, живо и занимательно, благодаря моему словесному темпераменту; но истиннаго ученаго изъ меня (даже и на одну треть такого, какъ мой первоначальный наставникъ Бутлеровъ) не вышло бы. Заложенныя въ мою природу литературныя стремленія и склонности пришли бы въ конфликтъ съ требованіями, какія наука предъявляетъ своимъ истиннымъ сынамъ.

Профессорскую *карьеру* я могъ бы сдѣлать; но, заморивъ въ себѣ писателя, оставался бы только болѣе или менѣе искуснымъ лекторомъ, а не двигателемъ науки.

Идея Дерпта, какъ научнаго «эльдорадо», такъ быстро охватившая меня въ сентябрѣ 1855 г., была только дальнѣйшей фазой моихъ порываній въ области свободнаго труда, далекаго отъ всякихъ соображеній карьеры, служебныхъ успѣховъ, прибыльныхъ мѣстъ, чиновъ и орденовъ.

Довольно даже странно выходило, что въ отпрыскѣ дворянскаго рода, въ самый разгаръ николаевскихъ порядковъ и нравовъ, на студенческой скамьѣ и даже на гимназической оказалось такъ мало склонности къ «государственному пирогу», такъ же мало, какъ и къ военной карьерѣ, т.-е. ровно никакой. Какъ гимназистомъ 4 класса, когда я выбралъ латинскій языкъ для того, чтобы попасть, современемъ, въ студенты, такъ и дальше, въ Базани и Дерптѣ, я оставался безусловно вѣренъ царству высшаго образованія, университету, въ самомъ обширномъ смыслѣ—*universitas*, какъ понимали ее люди эпохи Возрожденія, къ совокупности всѣхъ знаній, философскихъ системъ, краснорѣчія, поэзіи, діалектики, прикладныхъ наукъ, самыхъ важныхъ для человѣка, какъ астрономія, механика, медицина и другія прикладныя доктрины.

Черезъ все это я и прошелъ, благодаря, главнымъ образомъ, моему, на иной взглядъ порывистому и необдуманному шагу—переходу въ дерптскій университетъ, на *другой* факультетъ.

Я такъ былъ этимъ воодушевленъ, что не могъ, конечно, отговаривать моихъ двухъ товарищей. Старшій изъ нихъ, мой землякъ, нижегородецъ З—чъ былъ сильно увлеченъ идеей Дерпта и сначала всего больше подговаривалъ и меня. Другой, камералистъ З—нъ, присталъ къ намъ позднѣе. Для обоихъ переходъ этотъ и тогда казался мнѣ рискованнымъ. Ни тотъ, ни другой не знали по-нѣмецки; а я говорилъ на этомъ языкѣ съ дѣтства. З—чъ перешелъ уже на четвертый курсъ. З—нъ никакой специальности еще не избиралъ, а

былъ просто бойкій, франтоватый, кое-что читавшій студентъ, склонный къ романтическимъ похождениямъ юноша.

Его, кажется, всего больше привлекала «буршикозная» жизнь корпорацій, желаніе играть роль, имѣть походы, чего онъ впоследствии и достигъ, и даже въ такой степени, что, послѣ побойщъ съ нѣмцами, былъ исключенъ и кончилъ курсъ въ Москвѣ, гдѣ сталъ серьезно работать и даже готовился, кажется, къ ученой дорогѣ.

Но тогда, т.-е. на тряской телѣгѣ, трое казанскихъ студентовъ были одинаково заражены «Ливонскими Аянами».

Зимняго пути все еще не было, и отъ Нижняго до Москвы, мы наняли тарантасъ на «сдаточныхъ», и ѣхать пришлось нѣсколько поудобнѣе, съ защитой отъ погоды и по менѣе тряскому грунту тогдашняго, очень хорошаго московскаго шоссе.

Для меня бытовая жизнь рано стала привлекательна. Поѣздамъ въ студенческіе годы, т.-е. за цѣлыхъ семь лѣтъ, я многимъ былъ обязанъ. Этимъ путемъ я знакомился съ разными мѣстностями Россіи, попадалъ въ захолустные углы и бойкія мѣста Нижегородской, Тамбовской, Рязанской губерній, а на востокъ отъ Нижняго до Казани по Волгѣ зимой и на пароходахъ. Изъ Нижняго въ Москву дорога была мнѣ уже хорошо извѣстна; послѣ первой моей поѣздки въ Москву на масляницѣ 1853 г., а не дальше какъ за четыре мѣсяца передъ тѣмъ я пролетѣлъ, на перекладныхъ, отправляясь къ отцу, въ Тамбовскую губернію на Москву и Рязань.

Ѣзда на «сдаточныхъ» была много разъ описана въ былое время. Она представляла собою родъ азартной игры. Все дѣло сводилось къ тому: удастся ли вамъ доѣхать, безъ исторіи, т.-е. безъ отказа ящика, до послѣдняго конца, доставятъ ли васъ до мѣста назначенія, безъ прибавки.

Вы условливаетесь: столько-то за всю дорогу. Но сразу у васъ забирали впередъ больше, чѣмъ слѣдуетъ по расчету верстъ. То же происходило и на каждомъ новомъ привалѣ. И послѣднему ящику приходилось такъ мало, что онъ васъ прижималъ и вымогалъ прибавку.

Нашимъ министромъ финансовъ былъ Михаилъ Мемноновъ, довольно-таки опытный по этой части. Благодаря его умѣлости, мы доѣхали до Москвы безъ исторіи. Привалы на постоянныхъ дворахъ и въ трактирахъ были гораздо занимательнѣе, чѣмъ остановки на казенныхъ почтовыхъ станціяхъ. Одинъ комическій инцидентъ остался до сихъ поръ въ памяти. Въ ночь передъ вѣздомъ въ Москву, баба, которую ящикъ посадилъ на «задохъ» тарантаса, разрѣшилась отъ

бремени, только что мы сдѣлали привалъ въ трактиръ, уже на разсвѣтъ. И мы же давали ей на «пеленки».

Москва промелькнула, не оставивъ никакихъ новыхъ впечатлѣній. Мы спѣшили захватить конецъ учебнаго семестра и на Петербургъ отсчитывали не больше недѣли.

Наши финансы были настолько не роскошны, что мы взяли товаро-пассажирскій поѣздъ, совершавшій переѣздъ въ 604 версты въ две сутокъ. Второй товарищъ З—нъ заболѣлъ и доѣхалъ до Петербурга уже совсѣмъ больной. Мы должны были помѣстить его въ Обуховской больницѣ. У него открылся тифъ и онъ пріѣхалъ въ Дерптъ уже въ началѣ слѣдующаго полугодія.

Петербургъ встрѣтилъ насъ санной ѣздой. Въ какой-то мебелировкѣ, около вокзала, мы переодѣлись и въ тотъ же вечеръ устремились «на авось» въ итальянскую оперу, ничего и никого не зная.

Невскій, въ зимнемъ уборѣ, съ тогдашнимъ освѣщеніемъ, казавшимся намъ блестящимъ, давалъ гораздо болѣе столичную ноту, чѣмъ Москва съ своимъ Кузнецкимъ мостомъ и безконечными бульварами.

У кассы Большаго театра какой-то пожилой господинъ, чиновничьяго типа, предложилъ намъ три мѣста въ галереѣ пятаго яруса. Это былъ абонентъ, промышляющій своими билетами. Онъ поднялся съ нами наверхъ и сдалъ насъ капельдинеру. Взялъ онъ съ насъ не больше восьмидесяти копеекъ за мѣсто.

Попадали мы на историческій спектакль. Это было *первое* представленіе «Трубадура», въ бенефисъ баритона Дебассини, во вновь отдѣланной залѣ Большаго театра, съ ея позолотой, скульптурной отдѣлкой и фресками.

Даже и послѣ московскаго Большаго театра эффектъ былъ еще неиспытанный. Итальянцевъ ни одинъ изъ насъ не слышалъ, какъ слѣдуетъ.

Тогда была еще блистательная пора оперы: Тамберлякъ, Бальцолари, Лаблашъ, Демерикъ, Бозіо, Дебассини. Въ этотъ спектакль зала показала намъ особенно парадной. И на верхахъ насъ окружала публика, какую мы не привыкли видѣть въ парадизѣ. Все смотрѣло такъ чопорно и корректно. Учащейся молодежи очень мало, потому и гораздо меньше крика и неистовыхъ вызываній, чѣмъ въ настоящее время.

Пылкій и сообщительный З—нъ сталъ было въ антрактахъ заводить разговоры съ сосѣдями: но на него только косились. Къ тому же онъ былъ странно одѣтъ: въ какомъ-то сакъ-пальто съ капюшономъ.

Мое впечатлѣніе отъ петербуржцевъ средней руки, отъ той мас-

сы, гдѣ преобладалъ чиновникъ, холостой и семейный, сразу дало вѣрную ноту на десятки лѣтъ впередъ. И теперь, приличная петербургская толпа въ общихъ чертахъ—та же. Но она сдѣлалась по-нервнѣе, отъ огромнаго наплыва, въ послѣдніе годы, молодежи—студентовъ, студентовъ, профессиональныхъ женщинъ и «интеллигентнаго разночинца».

Въ ложахъ и креслахъ чиновно-свѣтскій мондъ, съ преобладаніемъ военныхъ, по манерѣ держать себя—мало отличался отъ теперешняго. Бросилось мнѣ въ глаза съ верховъ, что тогдашніе фешенебли не всѣ, но очень многіе, одѣвались такъ: черный фракъ, *світ-ло-стрые* панталоны, при черномъ галстукѣ и бѣломъ жилетѣ.

Тамберликъ бралъ свои «и҃гы», Бозіо плѣняла голосомъ и игрой, бенефициантъ пѣлъ во всю, красиво носилъ костюмъ и бралъ своей видной фигурой и энергическимъ лицомъ.

Охваченный всѣми этими ощущеніями отъ сцены, оркестра, залы, я нѣтъ-нѣтъ да и вспомню, что вѣдь злосчастная война не кончена, прошло какихъ-нибудь два-три мѣсяца со взятія Севастополя, что тамъ десятки тысячъ мертвецовъ гниютъ въ общихъ ямахъ и тысячи раненыхъ томятся въ госпиталяхъ. А кругомъ ни малѣйшаго признака національнаго горя и траура! Все разряжено, все ликуетъ, упивается сладкозвучнымъ пѣніемъ, болтаетъ, охорашивается, глазѣетъ и грызетъ конфеты.

Въ Казани, какъ я говорилъ выше, замѣчалось такое же равнодушіе и въ средѣ студенчества. Не больше было одушевленія и въ дворянскомъ обществѣ. Петербургъ, какъ столица, какъ центръ національнаго самосознанія, поражалъ меня и тутъ, въ залѣ Большаго театра, и во всю недѣлю, проведенную нами передъ отъѣздомъ въ Дерптъ, невозмутимостью своей обычной сутолоки, безъ малѣйшаго признака, въ чемъ бы то ни было, того трагическаго момента, какой переживало отечество.

Вѣдь это былъ какъ разъ поворотный пунктъ нашего внутренняго развитія. Жестокій урокъ только что былъ данъ западомъ сѣверо-восточному колоссу. Сторонниковъ николаевскаго режима, конечно, было не мало въ тогдашнемъ Петербургѣ. Въ военно-чиновничьей сферѣ они преобладали. И ни одного сокрушеннаго лица, никакихъ патріотическихъ настроеній, разговоровъ въ театрахъ, на улицѣ, въ магазинахъ, въ церквахъ.

И молодежь—тѣ студенты, съ какими мы видѣлись—не выказывала никакихъ признаковъ особаго подъема духа, даже и въ сторону какихъ-либо новыхъ теченій и упованій.

А мы нашли здѣсь довольно большую семью казанцевъ—студен-

товъ восточнаго факультета, только что переведеннаго въ Петербургъ. Многіе изъ нихъ были «казенные», и въ Казани мы надъ ними подтрунивали, какъ надъ болѣе или менѣе «восточными человѣками», хотя настоящихъ восточниковъ между ними было очень мало.

Здѣсь, въ какихъ-нибудь два полугодія, они сильно отшлифовались, носили франтоватыя мундиры и треуголки, сдѣлались меломанами и даже любителями балета. «Казанными», съ особымъ произношеніемъ этого слова, ихъ уже нельзя было называть, такъ какъ въ Петербургѣ они жили не въ казенномъ зданіи, а на квартирахъ и пользовались только стипендіями.

Изъ моихъ товарищей по нижегородской гимназіи я нашелъ здѣсь Г—ва, моего одноклассника. Въ гимназіи онъ шелъ далеко не изъ первыхъ, а въ Петербургѣ изъ него вышелъ дѣльный студентъ-юристъ, работавшій уже по исторіи русскаго права, погруженный въ разбирание актовъ XVI и XVII вѣковъ.

И въ этомъ серьезномъ маломъ (онъ умеръ тотчасъ по выходѣ изъ университета) я не нашелъ какого-нибудь особаго подъема, въ смыслѣ общественномъ.

У него и у бывшихъ казанцевъ мы успѣли познакомиться съ дюжиной другихъ петербургскихъ студентовъ. Общій уровень былъ выше, разговоръ бойчѣе и культурнѣе и гораздо болѣе свѣтскости, даже и у тѣхъ, кто пробивался на стипендію. Я не помню, чтобы мы зачуяли какія-нибудь особенныя *настроенія*, чтобы вольный духъ сказывался въ направленіи идей и въ тонѣ разговоровъ. Но прежній режимъ уже значительно поослабъ, да въ огромномъ городѣ и немислимъ былъ надзоръ, который и въ Казани-то ограничивался почти что только контролемъ по части соблюденія формы и хожденія въ церковь.

Когда, черезъ два года, мнѣ привелось провести зимнія вакаціи въ студенческомъ обществѣ, «духъ» уже вѣялъ совсѣмъ другой. Но объ этомъ ниже.

Зима 1855—1856 гг. похожа была на тотъ моментъ, когда замерзлое тѣло вотъ-вотъ начнетъ оттаивать и къ нему, быть можетъ, вернется жизнь.

Но бѣлая жизненность уже сказывалась въ отсутствіи гнета, трусливыхъ разговоровъ, въ какой-то новой бойкости и пестротѣ.

Въ сущности, такъ и должно было случиться. Севастопольскій пожаръ стоялъ уже позади. Чувствовалось наступленіе другой эры и всѣмъ хотѣлось стряхнуть съ себя національный трауръ.

Былъ ли онъ и въ разгаръ крымской трагедіи очень силенъ въ

тогдашнемъ обществѣ, позволяю себѣ сомнѣваться, на основаніи всего, что видѣлъ во время войны.

Какъ заѣзжіе провинціалы, мы днемъ обозрѣвали разныя достопримѣчательности, начиная съ Эрмитажа, а вечеромъ я побывалъ во всѣхъ театрахъ. Одинъ изъ моихъ спутниковъ уже слегъ и помѣщенъ былъ въ больницу—у него открылся тифъ, а другой менѣе интересовался театрами.

По состоянію своихъ финансовъ я попадалъ на верхи. Но тогда, не такъ какъ нынче, всюду можно было попасть гораздо легче, чѣмъ въ настоящее время, начиная съ итальянской оперы, самой дорогой и посѣщаемой. Попалъ я и въ балетъ, чуть ли не на бенефисъ, и въ галерею пятого яруса нашелъ и нашихъ восточниковъ-казанцевъ, въ мундирчикахъ, очень франтоватыхъ и подстриженныхъ, совсѣмъ не отзывавшихъ казанскими «занимательными».

Давали балетъ «Армида», гдѣ впослѣдствіи знаменитая Муравьева исполняла, еще воспитанницей, роль Амура, а балериной была Фанни Черрито. Я успѣлъ побывать еще два раза у итальянцевъ, слушалъ «Ломбардовъ» и «Донъ-Паскале», съ Лаблашемъ въ главной роли. Во всю мою жизнь я видѣлъ всего одну оперу въ современныхъ костюмахъ, во фракахъ и, по-тогдашнему, въ пышныхъ юбкахъ и прическахъ съ большими зачесами на ухахъ.

Воскресный спектакль въ Александринскомъ театрѣ огорчилъ меня. Давали ужасную драму «Сальваторъ Роза», съ пожаромъ и разрушеніемъ замка. Леонидова, за его болѣзнь, замѣнялъ еще болѣе ужасный актеръ Славинъ, отличавшійся всегда способностью перевирать слова. Героиню играла Жулева, бывшая еще на молодомъ амплуа. Лейтенанта при атаманѣ разбойниковъ исполнялъ первый любовникъ труппы Алексѣй Максимовъ. Я просто вѣрить не хотѣлъ, что эта сухопарая фигура, съ глухимъ, смѣшнымъ, гнусавымъ голосомъ—первый сюжетъ и въ свѣтскихъ пьесахъ. Все это зрѣлище было, и на оцѣнку казанскаго студента, совершенно недостойно Императорской сцены, даже и въ воскресный вечеръ.

Послѣ жестокой драмы давали какой-то трехактный переводный водевиль, гдѣ троихъ мужей-рогоносцевъ играли Мартыновъ, Самойловъ и П. Григорьевъ. Мартынова я помнилъ по моимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Нижній на ярмарку; но я привыкъ и заочно считать его великимъ комикомъ, а тутъ роль его была такъ ничтожна и въ игрѣ его сквозила такая малая охота исполнять ее, что я съ трудомъ вѣрилъ въ подлинность Мартынова. Самойловъ пускалъ разныя штучки, изображая чудаковатаго старика-ревнивца, и его комизмъ казался мнѣ дѣланнымъ.

Брутомъ меня, въ галлерей пятого яруса сидѣла разночинская публика, сортомъ гораздо ниже той, какая бываетъ теперь. Но и въ воскресный спектакль было гораздо меньше нынѣшняго «галдѣнья», надобдливыхъ вызововъ и криковъ.

Изъ глубины «куратника» въ райкѣ Михайловскаго театра смотрѣлъ я пьесу, передѣланную изъ романа Бальзака «Le lys dans la vallée». Послѣ прощальнаго вечера, на масляной, въ московскомъ Маломъ театрѣ, это былъ мой первый французскій спектакль. И въ этой слащавой, свѣтской пьесѣ, и въ какомъ-то трехактномъ фарсѣ (тогда были щедры на количество актовъ) я ознакомился съ лучшими силами труппы—въ женскомъ персоналѣ: Луиза Майеръ, Вольнисъ, Милл, Мальвина; въ мужскомъ—Бертонъ, П. Бондуа, Лемениль, Верне, Дешанъ, Пешна и др.

Нѣмцы играли въ Мариинскомъ театрѣ, передѣланномъ изъ цирка, и нѣмецкій спектакль оставилъ во мнѣ смутную память. Тогда въ Мариинскомъ театрѣ давали и русскія оперы; но театръ этотъ былъ еще въ загонѣ у публики и никто бы не могъ предвидѣть, что русскія оперныя представленія замѣнятъ итальянцевъ, и Мариинскій театръ сдѣлается тѣмъ, чѣмъ былъ Большой, въ дни итальянцевъ, что онъ будетъ всегда полонъ, что абонементъ на русскую оперу такъ войдетъ въ нравы высшаго петербургскаго общества.

Уже вдвоемъ, съ медикомъ З—чемъ, оставивъ больного товарища, мы выѣхали по шоссе въ Ливонскіе предѣлы. Путь нашъ шелъ на Нарву, по Эстляндіи, съ «раздѣльной» тогда станціей «Вайвара», откуда уже начинались настоящія чухонскія страны.

Русскихъ ямщиковъ смѣнили тяжелыя, закутанныя фигуры астовъ, которымъ надо было кричать: «Кухле! Рутту!» Выѣсто тройки—пара въ дышло и сани въ видѣ лодки.

Морозъ крѣпчалъ и первый ночной привалъ на станцію—чистую, свѣтлую, съ чаемъ и дешевымъ нѣмецкимъ ужиномъ—произвелъ на насъ впечатлѣніе нѣкоторой «заграницы».

Тутъ я останавливаюсь и долженъ опять (какъ дѣлалъ для Нижнего и Казани) оговориться передъ читателями романа «Въ путь-до-рогу», а въ то же время и передъ самимъ собою.

Все самое характерное, черезъ что прошелъ герой романа Телепневъ въ «Ливонскихъ Аениахъ»—испыталъ въ общихъ чертахъ и я, и мнѣ пришлось бы неминуемо повторяться здѣсь, еслибъ я захотѣлъ давать заново подробности о тогдашнемъ Дерптѣ, университетѣ, буршахъ, фізіономіи города.

Городъ, въ своей центральной части, гдѣ площадь «Маркта», университетъ и Ritterstrasse—чрезвычайно сохранилось и до сихъ

поръ. Меня это тронуло, когда я, по прошествіи тридцати слишкомъ лѣтъ, въ 90-хъ годахъ, заѣхалъ въ Дерптъ (теперь Юрьевъ) лѣтомъ.

Вы могли бы провѣрить фізіономію этого стараго города съ тѣми страницами пятой книги романа, гдѣ описывается первое знакомство съ нимъ Телепнева. Маркъ списанъ точно вчера.

Но я долженъ сдѣлать опять весьма существенную оговорку—о предполагаемомъ тождествѣ Телепнева съ авторомъ романа.

Тутъ пути обоихъ расходятся: романистъ провелъ своего героя черезъ цѣлый рядъ итоговъ—и житейскихъ, и чисто умственныхъ, закончивъ его личныя испытанія любовью. Но главная нить осталась та же: исканіе высшаго интеллектуальнаго развитія, а подъ конецъ неудовлетворенность такой мозговой эволюціей, потребность въ болѣе тѣсномъ сліянніи съ жизнью роднаго края, съ идеалами общественнаго дѣятеля.

Въ самомъ же авторѣ романа, на протяженіи его пятилѣтней выучки въ Дерптѣ—происходила сначала скрытая, а потомъ и явная борьба будущаго писателя-беллетриста съ «питомцемъ точной науки», явившемся сюда готовиться къ ученой дорогѣ.

Сначала, въ первые два года, я еще считалъ себя воздѣльвателемъ химіи («*Chemiae cultor*») въ качествѣ главнаго предмета.

И уже въ этотъ слишкомъ двухлѣтній періодъ литературныя стремленія начали проявлять себя. Я сталъ читать нѣмецкихъ поэтовъ, впервые вошелъ въ Гейне, интересовался Шекспиромъ, сначала въ нѣмецкихъ переводахъ, его критиками, біографіями Шиллера и Гёте.

Но мысли о томъ, чтобы «пересѣдлатъ» (слово дерптскихъ русскихъ), измѣнить наукѣ, предаться литературѣ—только еще дремали во мнѣ.

Когда программа отдѣла химіи была преобразована (что случилось ко времени моего половиннаго экзамена) и въ нее введены были астрономія и высшая математика, и расширена фізико-математическая часть химіи, я почувствовалъ впервые, что меня эта болѣе строгая специальность нѣсколько пугаетъ. Работы въ лабораторіи за цѣлые четыре семестра показали довольно убѣдительно, что во мнѣ нѣтъ той выдержки, какая отличаетъ изслѣдователей природы; слабъ и особый интересъ къ деталямъ химической кухни.

Первый поворотъ отъ строгой специальности сложился въ видѣ измѣны моей университетской «учобѣ». Фізіологическая химія повела къ большому знакомству съ фізіологіей, которая стояла какъ обязательный предметъ въ обѣихъ программахъ. Я былъ подгото-

влезъ (за исключеніемъ практическихъ занятій по анатоміи) къ тому, что тогда называлось у медиковъ «philosophicum», т.-е. къ поступленію на третій курсъ медицинскаго факультета, что я и рѣшилъ сдѣлать на третьемъ году моего житія въ Дерптѣ. Но и тогда о карьерѣ практикующаго врача я не думалъ. Студентомъ медицины оставался я до самаго конца, прослушавъ весь курсъ медицинскихъ наукъ, вплоть до клинической практики включительно.

Но въ послѣдніе три года, къ 1858 г., меня, дерптскаго студента, стало все сильнѣе забирать стремленіе не къ научной, а къ литературной работѣ. Пробужденіе нашего общества, новые журналы, приподнятый интересъ къ художественному изображенію русской жизни, наплывъ освобождающихъ идей во всѣхъ смыслахъ, пробудили нѣчто болѣе трепетное и теплое, чѣмъ чистая или прикладная наука.

И къ моменту прощанія съ Дерптомъ—химика и медика во мнѣ уже не было. Я уже выступилъ, какъ писатель, отдавшій на судъ критики и публики цѣлую пятиактную комедію, которая явилась въ печати въ октябрѣ 1860 г., когда я еще носилъ голубой воротникъ, но уже твердо рѣшилъ избрать писательскую дорогу, на доктора медицины не держать, а переѣхать въ Петербургъ, гдѣ и приобрести кандидатскую степень по другому факультету.

Я забѣжалъ впередъ, чтобы сразу выяснить процессъ того внутренняго броженія, какое происходило во мнѣ, и отгнѣнить существенную разницу между дерптской эпопеей героя романа «Въ путь-дорогу» и тѣмъ, что случилось съ самимъ авторомъ.

И въ этой главѣ я буду останавливаться на тѣхъ сторонахъ жизни, которыя могли доставлять будущему писателю в его больше жизненныхъ чертъ того времени, поддерживать его наблюдательность; воспитывали въ немъ интересъ къ воспроизведенію жизни, давали толчокъ къ болѣе широкому умственному развитію, не по однимъ только специальнымъ познаніямъ, а въ смыслѣ той *Universitas*, какою я, въ семь лѣтъ моихъ студенческихъ исканій, въ сущности и прошелъ, побывавъ на трехъ факультетахъ; а четвертый, словесный, также не остался мнѣ чуждымъ, и онъ-то и пересилилъ все остальное, такъ какъ я становился все болѣе и болѣе *словесникомъ*, хотя и не прошелъ строго-классической выучки.

Передъ принятіемъ меня въ студенты дерптскаго университета, возникъ было вопросъ: не понадобится ли сдавать дополнительный экзаменъ изъ греческаго? Тогда его требовали отъ окончившихъ курсъ въ остзейскихъ гимназіяхъ. Передъ нашимъ поступленіемъ, будущій товарищъ мой Л—скій (впослѣдствіи профессоръ въ Кіевѣ), перейдя изъ кіевского университета на медицинскій факультетъ, долженъ

былъ сдать экзаменъ по-гречески. Тоже требовалось и съ натуралистовъ, но мы съ З—чемъ почему-то избѣгли этого.

Тогда это считалось крайне отяготительнымъ и чѣмъ-то глубоко ненужнымъ и схоластическимъ. А впоследствии я не разъ жалѣлъ о томъ, что меня не заставили застѣть за греческій. И уже больше тридцати лѣтъ спустя я—шоту прогрю, въ Москвѣ надумалъ дополнить свое «словесное» образованіе и принялся за греческую грамоту, подъ руководствомъ одной дѣвицы—«фишерки», что было характернымъ штрихомъ, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе XIX вѣка, для тогдашней Москвы.

Дерптскія моя «откровенія бытія» я обозрю здѣсь *синтетически*, въ видѣ крупныхъ выводовъ, и начну съ студенческаго быта, который такъ рѣзко отличался отъ того, что я оставилъ въ Казани.

Подробности значатся всего больше въ пятой книгѣ романа «Въ путь-дорогу». Не знаю—какой окончательный выводъ получаетъ читатель, въ пользу дерптскихъ порядковъ или нѣтъ; но думаю, что полной объективности у автора романа быть еще не могло.

Вѣдь и я, и всѣ почти русскіе, учившіеся въ мое время (если они пріѣхали изъ Россіи, а не воспитывались въ остзейскомъ краѣ), знали нѣмцевъ, ихъ корпоративный бытъ, семейные нравы и рельефныя черты тогдашней балтійской культуры, и дворянско-сословной, и общепбургерской—больше *изъ вторыхъ рукъ*, по наслышкѣ, со стороны, издали, во всякомъ случаѣ недостаточно, чтобы это приводило къ полной и безпристрастной оцѣнкѣ.

Какъ авторъ романа, я не погрѣшилъ противъ *субъективной* правды. Черезъ все это проходилъ его герой. Черезъ все это проходилъ и я. Въ романѣ—это монографія, интимная исторія одного лица, родъ «Ученическихъ годовъ Вильгельма Мейстера», разувѣется *mutatis-mutandis!* Вѣдь и у олимпійца Гёте, въ этой первой половинѣ романа, нѣтъ полной объективной картины, даже и многихъ уголковъ нѣмецкой жизни, которая захватывала Мейстера только съ извѣстныхъ своихъ сторонъ.

Такъ и тутъ. Какъ испытанія Телепнева—все это и теперь правдиво, но какъ *итомъ*—тутъ многого недостаетъ. И большинство моихъ сверстниковъ оставляло Дерптъ съ оцѣнками и взглядами, на которыхъ лежалъ значительный налетъ *субъективныхъ* чувствъ.

Иначе и не могло быть. Съ нѣмцами всѣ мы только сталкивались, а не жили съ ними. Сначала, въ первые два-три года моего студенчества, русскіе имѣли свою корпорацію; потомъ всѣ мы, послѣ того, какъ ее «прикончили», превратились въ безправныхъ. Нѣмецкіе бурши посадили насъ на «Verruf» (по-студенчески есть слово болѣе без-

попадное и циничское), и въ такомъ положеніи мы всё дожили до выхода изъ университета. Съ нами нѣмцы не сносились, не разговаривали съ нами и въ аудиторіяхъ, и при занятіяхъ въ кабинетахъ и клиникѣ, черезъ что прошелъ и я съ другими медиками. Это было крайне тягостно. Дѣло кончилось генеральной схваткой, зачинщикомъ которой и былъ нашъ казанецъ З—нъ. Она описана въ романѣ довольно безпристрастно.

Въ подобныхъ условіяхъ полного знакомства съ нѣмецкимъ бытомъ—и студенческимъ, и бюргерскимъ, и сословно-дворянскимъ—не могло быть и не было. Въ нѣмецкихъ корпораціяхъ значилось нѣсколько русскихъ, уроженцевъ остзейскаго края; но мы ихъ не знали. Члены русской корпораціи—жили только «своей компаніей», съ буршами нѣмцами имѣли лишь официальные сношенія по *Комману*, въ разныхъ засѣданіяхъ, вообще относились къ нимъ не особенно дружелюбно, хотя и были со всѣми на «ты», что продолжалось до того момента, когда русскихъ подвергли остракизму.

Стало быть, и мои итоги не могли выдти вполне объективными, когда я оставлялъ Дерптъ. Но я былъ поставленъ въ условія болѣе умственной и такъ сказать *бытовой* свободы. Я пріѣхалъ уже студентомъ третьяго курса, съ серьезной, опредѣленной цѣлью, безъ всякаго національнаго или сословнаго задора, чтобы воспользоваться какъ можно лучше тѣмъ «академическимъ» (т.-е. учебно-ученымъ) режимомъ, который выгодно отличалъ тогда Дерптъ отъ всѣхъ университетовъ въ Россіи.

Въ этомъ я не ошибся. Учиться можно было *во всю*, работать въ лабораторіи, посѣщать всевозможные курсы, быть у источника нѣмецкой науки, жить дешево и тихо.

Корпорація «Рутенія», куда я попалъ съ моими казанцами, въ какихъ-нибудь полгода не только выдохлась для меня, но стала прямо невыносимой.

На нее нѣмецкій «буршиковзный» бытъ подѣйствовалъ всего сильнѣе своими отрицательными сторонами. Я нашелъ кружокъ изъ разныхъ элементовъ, на одну треть не русскихъ (нѣмцы изъ Россіи и одѣвъ еврей), съ привычкой къ молодечеству на нѣмецкій ладъ, въ видѣ постоянныхъ пооекъ, безъ всякихъ серьезныхъ запросовъ, даже съ принципиальнымъ нежеланіемъ, на попойкахъ и сходкахъ, говорить о политикѣ, религіи, общественныхъ вопросахъ, съ очень малой начитанностью (особенно по-русски), съ варварскимъ жаргономъ и такимъ складомъ веселости и остроумія, который сразу я нашелъ довольно-таки низменнымъ.

По-своему, я (какъ и герой романа Телелневъ) былъ правъ. Я

ожидалъ совѣмъ не того и, безъ всякаго сомнѣнія видѣлъ, что казанскій третьекурсникъ представлялъ собою нѣчто другое, хотя и явился изъ варварскихъ, полутатарскихъ странъ.

Но такъ ли оно было на самомъ дѣлѣ, если поглядѣть «ретроспективнымъ» взглядомъ? Русскимъ «бурсакамъ» (какъ они себя называли въ пѣсняхъ) вредилъ всего больше подражательный ритуаль товарищеской жизни, по образцу нѣмецкихъ корпорацій. Когда они сдѣлались «vogelfrei», были посажены нѣмцами на «Vegetuf» — тѣ же самые бурши, къ которымъ присоединились нѣсколько «дикихъ» (Wilde), въ томъ числѣ и я, зажили гораздо осмысленнѣе, и въ ихъ же средѣ я могъ найти весьма сочувственный откликъ на мои опыты писательства.

Наукой, какъ желалъ работать я, никто изъ нихъ не занимался, но всѣ почти кончили курсъ, были дѣльными медиками, водились и любители музыки, въ послѣдніе 50-е годы стали читать русскіе журналы, а нѣмецкую литературу знали всетаки больше, чѣмъ рядовые студенты въ Казани, Москвѣ или Кіевѣ.

Корпоративный бытъ привилъ, кромѣ того, привычку къ болѣе сомнѣному товариществу, при которомъ нельзя сторониться другъ друга. Суть этого единенія была слишкомъ уже пуста, сводилась къ кутежу и «шалдашничанью» (т.-е. ничегонедѣланью), но идея солидарности всетаки держалась.

Меня лично такая совмѣстная жизнь не могла удовлетворять. Превратись я въ настоящаго «бурша», я бы смотрѣлъ на это, какъ на сильный шагъ назадъ, на паденіе своего «я». Для меня, въ тотъ моментъ, предметъ пылаго бульты были *точное* знаніе вообще и «наука паугъ» — *химія*. А у нихъ, на попойкахъ, слово «Gelehrter» было шутливо-оскорбительнымъ прозвищемъ, за которое вызывали на пивную дуэль. Это называлось на ужасномъ нѣмецко-русскомъ жаргонѣ «закатить гелертера». Если вдуматься, то такое отношеніе къ учености, къ бульту науки, совѣмъ не такъ глупо и пошло.

Подъ этимъ сидитъ такой рядъ афоризмовъ: «въ юности не напускай на себя излишней серьезности; лови моментъ, пой и смѣйся; учись, если желаешь; но на товарищеской пирушкѣ не кичись своей ученостью, а то получишь нахлобучку».

Никто изъ буршей не возмущался тѣмъ, что явившійся изъ Казани студентъ хочетъ изучать химию у Барла Шмидта; но если онъ желалъ быть сразу persona grata, онъ, поступивъ «фуксомъ» въ корпорацію, долженъ былъ продѣлывать *ихъ* родъ жизни, т.-е. пить и поить другихъ, пѣть вакхическія пѣсни и предаваться болтовнѣ, которая вся вертѣлась около такого буршикознаго прожитанія жизни.

За цѣлое полугодіе моея выучки, въ званіи фукса, я не слышалъ— на какой-нибудь вечеринкѣ или попойкѣ (что было одно и то же), разговора, который хоть немного напомнилъ бы мнѣ: зачѣмъ, собственно, переѣхалъ я съ береговъ рѣчки Казанки на берега чухонскаго Эмбаха?

Можно и теперь безъ преувеличенія сказать, что въ самомъ преддверіи эпохи реформъ, бурши «Рутеніи» совершенно еще спали, въ смыслѣ общественнаго обновленія; они были—по всему складу ихъ кружковой жизни—дореформенные молодые люди, какъ бы ничѣмъ не связанные съ тѣми упованиями и запросами, которые повсюду, внутри страны, уже пробивались наружу.

Одинъ примѣръ изъ сотни—и самый вѣскій.

И въ Казани, и въ Дерптѣ состоялъ при мнѣ все тотъ же крѣпостной слугитель, Михайлъ Мемноновъ, который въ Дерптѣ находилъ свою матеріальную жизнь лучше, чѣмъ мы, его господа, ходилъ кормиться къ русскому портному, по фамиліи Пѣтухъ, и ѣлъ куда вкуснѣе и свѣжѣе, чѣмъ мы. Въ Казани мы съ своими товарищами по квартирѣ, то и дѣло, говорили о крѣпостномъ правѣ и *всѣ искренно желали его уничтоженія*. Этотъ слугитель мнѣ не былъ нуженъ и я не отсылалъ его потому, что привязался къ нему и у меня ему было очень хорошо: мы обращались съ нимъ, какъ съ пріятелемъ, и дѣлились всѣмъ, что сами получали. И всѣмъ намъ дѣлалось весело, когда Михайлъ Мемноновъ пророчески восклицалъ:

— «Не умру крѣпостнымъ. Будетъ воля—не сегодня, такъ завтра!»

И что же? За всю мою выучку въ корпораціи, и позднѣе, когда я видался съ буршами, я никогда не слышалъ ни единого слова на эту тему,—такова была ихъ отчужденность отъ всего того, что уже назрѣло «въ Россіи».

И всетаки, въ общемъ, корпораціи были культурнѣе того, какъ жили инныя товарищескія компаніи Казани, съ очень грубыми и циническими нравами. Самая вышивка была вставлена въ рамки, съ вѣстнымъ обрядомъ, хотя я и нашелъ въ «Рутеніи» двухъ-трехъ вѣрыхъ студентовъ—«филистровъ» (отслушавшихъ лекціи)—настоящихъ алкоголиковъ. Не было и цинизма, ни на дѣлѣ, ни даже на словахъ, и это обнаруживало несомнѣнный культурный признакъ. Въ Казани, въ разговорахъ и прибауткахъ, у многихъ все уснащалось народной «родительской» бранью. Нѣкоторые доходили до прямой виртуозности. У буршей, несмотря на то, что половина пріѣхала сюда изъ русскихъ городовъ—ничего подобнаго! Это считалось непростительнымъ, даже и въ пьяномъ видѣ.

Эротическіе нравы стояли совсѣмъ на другомъ уровнѣ. И въ этомъ давали тонъ нѣмцы. Одна корпорація (*Fraternitas Bigensis*) славилась особеннымъ, какъ бы обязательнымъ, цѣломудріемъ. Прочее русскіе бурши любили рассказывать смѣшные анекдоты, — о томъ, какъ «рижане» будто бы шпиюнили, по этой части, другъ друга, ловили товарищей у мамзелей зазорнаго поведенія.

Но и «мамзелей» въ тогдашнемъ Дерптѣ водилось очень мало. Открытая проституція почти что не допускалась, не такъ, какъ въ Базани, гдѣ любимой формой молодечества пьяныхъ студенческихъ ватагъ считалось: разбивать публичные дома за Булакомъ!

Все это въ Дерптѣ было невысказано. Если мои товарищи по «Рутенію», а позднѣе по нашему вольному товарищескому кружку, грѣшили противъ цѣломудрія, то это считалось «приватнымъ» дѣломъ, наружу не всплывало, такъ что я, за всѣ пять лѣтъ, не зналъ, на примѣръ, ни у одного товарища ни единой нелегальной связи, даже въ самыхъ приличныхъ формахъ; а о женитьбѣ тогда никто и не помышлялъ, ни у нѣмцевъ, ни у русскихъ. Это просто показалось бы дико и смѣшно.

Ни одной попойки не помню я съ жѣнскимъ поломъ. Онѣ водились на окраинахъ города, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ, изъ нѣмокъ и онѣмеченныхъ чухонокъ. Всѣ онѣ были наперечетъ и разговоры о нихъ происходили крайнѣ рѣдко.

Не отвѣчаю за всѣхъ моихъ товарищей, но въ мою пятилѣтнюю дерптскую жизнь этотъ элементъ не входилъ ни въ какой формѣ. И такая строгость вовсе не исходила отъ одного высшняго гнета. Она была скорѣе въ воздухѣ и отвѣчала тому настроенію, какое владело мною, особенно въ первые четыре семестра, когда я предавался культу чистой науки и еще мечталъ сдѣлать изъ себя ученаго.

Какова бы ни была скудость корпоративнаго быта, среди русскихъ, по умственной части, всетаки же этотъ бытъ сдѣлалъ то, что послѣ погрома «Рутенія» мы всѣ могли собраться и образовать свободный кружокъ, безъ всякаго письменнаго устава, и прожили больше двухъ лѣтъ очень дружно.

«Дивныхъ» оказалось нѣсколько человекъ (въ томъ числѣ и я) и они внесли съ собою другой духъ, другія повадки. Пало обязательное выпиванье, начались сходки съ литературнымъ оттѣнкомъ, и въ моей писательской судьбѣ онѣ сыграли роль весьма значительную. Въ тому времени меня уже гораздо сильнѣе потянуло въ сторону беллетристики. На нашихъ сборищахъ читалась уже въ зиму 1858—59 гг. комедія «Фразеры», первоначально озаглавленная

«Шила въ мѣшкѣ не утаишь», которую я рѣшился везти въ Петербургъ печатать и ставить, если она пройдетъ въ театральнo-литературномъ комитетѣ.

Нашъ кружокъ сплотился еще сильнѣе, въ бурные дни массоваго столкновенія съ нѣмцами, подробно описаннаго въ моемъ романѣ. Тогда всѣ почувствовали себя русскими, даже и тѣ обрусѣлыя кѣшцы, какіе были въ «Рутеніи». Главнаго зачинщика, нашего казанца З—на, ударившаго нѣмца ремнемъ по лицу за нежеланіе давать ему «сатисфакцію» (такъ какъ мы всѣ были на *ferrucfь*), начальство немедленно удалило, продержавъ въ заперти въ полицейской тюрьмѣ. Но нашъ свободный кружокъ не проникался никакимъ особеннымъ шовинизмомъ. На нѣмцевъ мы смотрѣли съ болѣе терпимостью, чѣмъ они на насъ. Страдали отъ остракизма мы, а не они. Намъ казалось все болѣе и болѣе дикимъ, что русскимъ студентамъ, въ Россіи, въ Императорскомъ университетѣ, нельзя жить безъ подчиненія нѣмецкому «Комману», который не имѣлъ никакой правительственной санкціи. Но и попечитель ничего не могъ, или не хотѣлъ, сдѣлать, чтобы прекратить такое *statu quo*. Его разговоръ съ нашими депутатами (роль Телепнева игралъ я) описанъ мною безъ всякихъ прикрасъ и всего какихъ-нибудь четыре года спустя, когда все еще свѣжо сохранялось въ памяти.

Больше уже до выхода моего никакихъ, ни кровавыхъ, ни рукопашныхъ столкновений не происходило. Нашимъ медикамъ приходилось (какъ я замѣтилъ и выше) всего тяжелѣ въ клиникахъ, гдѣ никто изъ нѣмцевъ съ нами не говорилъ.

Теперь, въ Юрьевскомъ университетѣ такія претензіи остзейцевъ показались бы комическими.

Но и тогда существовали давно два польскихіхъ союза «Щегуль» и «Огуль», которые не признавали нѣмецкаго общаго устава. Они добились этого не безъ борьбы, и ихъ нѣмцы побаивались уже потому, что, въ случаѣ дуэлей (по-дерпткн «шкандаловъ») они выходили только на пистолетахъ, а не на нѣмецкихъ эспадронахъ, которые мы звали неправильно «рапирами».

Дуэлированіе (сохранившееся, какъ я слышу, и по днесъ, по крайней мѣрѣ, у нѣмцевъ) описано въ моемъ романѣ. Оно выродилось въ кѣшноватый ритуалъ, изрѣдка съ болѣе серьезными послѣдствіями поддерживало въ корпоративномъ быту постоянный задоръ, амбициозность, не высокаго сорта удалство—совершенно такъ, какъ, до сихъ поръ, въ Германіи, гдѣ шрамы на лицѣ считаются патентомъ и геройство. Въ Дерптѣ ударовъ по лицу не получали, потому что тамъ официально преслѣдовались, и дрались въ огромныхъ кожаныхъ

шлемахъ. Поводы къ дуэлямъ отличались вздорностью, и внутри корпораціи, и между буршами разныхъ корпорацій. Извѣстное количество «шкандаловъ» надо было имѣть съ чужими: безъ этого репутація падала въ глазахъ остальныхъ.

Но и эта полукомическая игра въ средневѣковыя *ордали* давала извѣстный тонъ, вырабатывала болѣе сознание своего, хотя бы и вѣшняго, достоинства. Всякій долженъ былъ отвѣчать не только за свои поступки, но и за слова. Оправданія состояніемъ опьяненія (такъ частаго у буршей) не принимались.

Съ такимъ пережиткомъ варварства я никогда не мирился и всегда это высказывалъ. И тогда уже среди нѣмцевъ водились студенты (особенно теологи), которые не дрались, объявляя это «противъ ихъ убѣжденія». Но въ «Рутеніи» такихъ не было. Какъ всегда русскіе, когда обезьяннать съ чужого, теряютъ всякую самобытность. Но все это было—напускное. Доказательство налицо. Тѣ же бурши, послѣ того, какъ сбросили съ себя иго *коммана* и стали вмѣстѣ съ нами, «дикими», жить свободнымъ товарищескимъ кружкомъ, утратили всякій задоръ. Въ теченіе двухъ лѣтъ не случилось у насъ ни одной дуэли, ни одной даже неприятной исторіи между своими, не оказалось надобности учреждать и «судъ чести», какой завели у себя нѣмцы. Это учрежденіе (вѣроятно, оно и до сихъ поръ существуетъ) поддерживало извѣстную нравственную дисциплину; идею его похулить нельзя, но разбирательства всего больше вертѣлись около «шкандаловъ», вопросовъ «сатисфакціи» и подчиненія *комману*; я помню, однако, что нѣсколько именъ стояло на такъ называемомъ «*Verpflichtet*» за неблаговидные поступки, хотя это и не вело къ ходатайствамъ передъ начальствомъ объ исключеніи, даже и въ случаяхъ подозрѣнія въ воровствѣ или мошенническихъ продѣлкахъ.

Нашъ вольный кружокъ, уже черезъ какихъ-нибудь полгода, потерялъ прежнюю буршикозную фізіономію. Насъ, «дикихъ», принесли съ собою другіе умственные запросы и другіе нравы, прозвали *эллинами* въ противоположность старымъ, *пелазгамъ*. Полнаго сліянія, конечно, не могло произойти, но жили въ ладу съ преобладаніемъ эллинской культуры.

Въ подведеніи этихъ дерптскихъ *итоговъ* я уже забѣжалъ впередъ. Держаться хронологическаго порядка, повело бы къ лишнимъ подробностямъ, было бы очень пестро, пришлось бы и разбрасываться. Лучше будетъ раздѣлить то, о чемъ стоитъ вспомнить, на нѣсколько крупныхъ пунктовъ.

Сначала, что представлялъ собою Дерптъ въ его общей жизни, какъ «академическій» городокъ и какъ уѣздный городокъ остзейскаго

края, который всетаки входилъ въ составъ Русской имперіи и, въ извѣстной степени, испытывалъ неизбежное воздѣйствіе нашего государственнаго и національнаго строя?

Затѣмъ, университетъ въ его лучшихъ представителяхъ, складъ занятій, отличіе отъ тогдашнихъ университетскихъ городовъ, сравнительно, наприм., съ Казанью, все то, чѣмъ дѣйствительно можно было попользоваться для своего общаго умственнаго и научно-спеціального развитія; какъ поставлены были студенты въ городѣ; что они имѣли въ смыслѣ общеразвивающихъ условій; какія художественныя удовольствія; какія формы общительности, внѣ корпоративной, т.-е. почти исключительно трактирной (по «кнѣйпамъ») жизни, какую вело большинство буршей?

Русское общество въ тогдашнемъ Дерптѣ, всѣ знакомства, какія имѣлъ я въ теченіе пяти лѣтъ, и ихъ вліяніе на мое развитіе. Наши *свѣтскія* знакомства, театральное любительство, характеръ свѣтскости, отношеніе къ намъ—студентамъ—русскихъ семействъ и все развивавшаяся связь съ тѣмъ, что происходило внутри страны, въ нашихъ столицахъ.

Мои экскурсіи въ вакаціонное время. Петербургъ, Москва, Нижний, деревня. Расширеніе кругозора наблюденій и всякаго рода жизненныхъ опытовъ.

Въ связи со всѣмъ этимъ во мнѣ шла и внутренняя работа, та борьба, въ которой писательство окончательно побѣдило, подъ прямымъ вліяніемъ обновленія нашей литературы, журналовъ, театра, прессы. Жизнь все сильнѣе тянула къ работѣ бытописателя. Опыты были продѣланы въ Дерптѣ, въ тѣ послѣдніе два года, когда я еще продолжалъ слушать лекціи по медицинскому факультету. Найдена была и та форма, въ какой сложилось первое произведеніе, съ которымъ я дерзнулъ выступить уже какъ *настоящій* драматургъ, еще нося голубой воротникъ.

«Ливонскія Аѳины» представлялись издали, какъ и намъ изъ Казани, чѣмъ-то гораздо болѣе *заграничнымъ*; вообще чѣмъ-то красивѣе и привлекательнѣе того, что имѣлось въ дѣйствительности.

Дерптъ, теперешній Юрьевъ, былъ въ то время, т.-е. полвѣка назадъ, городкомъ лучше обстроенымъ и болѣе культурнымъ, чѣмъ всѣ уѣздные города, въ какихъ я тогда бывалъ, даже самые многолюдные и бойкіе. Его можно было сравнивать только съ губернскими городами, не такими, какъ, напримѣръ, Саратовъ, Казань, Харьковъ, Кіевъ, Нижний, но—весьма и весьма въ его пользу—съ такими какъ Владиміръ, Витебскъ, Кострома. Выше я уже говорилъ, какъ

онъ, до сихъ поръ, мало измѣнился въ своемъ центрѣ, самомъ характерномъ кварталѣ, на Марктъ и смежныхъ улицахъ.

Зданіе университета его не красить, потому что стоитъ въ сторонѣ, на узкой площадкѣ. Но холмы, разбитые подъ паркъ (такъ называемый *Dom*), гдѣ руины католической церкви рыцарскаго ордена и зданіе клиникъ, анатомическаго театра и кабинетовъ, придаютъ Дерпту особый живописный и совсѣмъ не провинціальный отпечатокъ. Эти верхи, въ послѣдніе годы, обстроились, въ направленіи желѣзной дороги, и разрослись въ новый кварталъ, который былъ для меня неожиданностью, когда я навѣстилъ Юрьевъ, послѣ слишкомъ тридцатилѣтняго отсутствія, въ 90-хъ годахъ.

И тогда въ Дерптъ можно было и людямъ, привыкшимъ къ комфорту болѣе, чѣмъ студенческая братія, устроиться лучше, чѣмъ въ любомъ великорусскомъ городкѣ. Были недурныя гостиницы, не мало сносныхъ и недорогихъ квартиръ, даже и съ мебелью, очень дешевые парные извозчики, магазины и лавки всякаго рода (въ томъ числѣ прекрасныя книжныя магазины), кондитерскія, клубы, разные фрейны, цѣлый ассортиментъ студенческихъ ресторановъ и кеймпъ.

Нѣмецкая печать лежала на всей городской культурѣ, съ сильной примѣсью народнаго, т. е. эстонскаго элемента. Языки слышались на улицахъ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, лавкахъ, на рынкѣ почти исключительно—нѣмецкій и эстонскій. Въ базарные дни наѣзжали эстонцы, распространяя запахъ своей махорки и особенной чухонской вони, которая бросилась мнѣ въ носъ и когда я попалъ въ первый разъ на базарную площадь Ревеля, въ 90-хъ годахъ.

Но и тогда уже, т. е. во второй половинѣ 50-хъ годовъ, чувствовалось то, что «Ливонскія Аеины» принадлежать *русскому* государству и представляютъ собою уѣздный городъ Лифляндской губерніи.

Во-первыхъ, я нашелъ тамъ, въ зиму 1855—56 гт., цѣлый гвардейскій уланскій полкъ, тотъ самый, гдѣ тогда еще служилъ Фетъ-Шеншинъ, въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Онъ и воспитывался въ нѣмецкомъ пансіонѣ, въ одномъ изъ городковъ Лифляндской губерніи. Долго оставался въ Дерптѣ и цѣлый отрядъ корпуса топографовъ, съ училищемъ; была русская пробирная палатка, русская почта, разныя другія присутственныя мѣста; много колоніальныхъ лавокъ, содержимыхъ нашими ярославцами; а на базаръ приѣзжали постоянно русскіе старовѣры, безпоповцы изъ деревни Черной.

Городъ жилъ такъ, какъ описано въ моемъ романѣ. Тамъ ничего не прибавлено и не убавлено. Внѣшняя жизнь вообще была тихая; но не тише, чѣмъ въ среднихъ русскихъ губернскихъ городахъ, даже

бойтѣе, по ѣздѣ студентовъ на парныхъ пролеткахъ и саняхъ, особенно когда происходили періодическія попойки и загородныя экскурсіи.

Мы, русскіе студенты, мало проникали въ домашнюю и свѣтскую жизнь нѣмцевъ разныхъ слоевъ общества. Сословныя дѣленія были такія же, какъ и въ Россіи, если еще не сильнѣе. Преобладалъ бургерскій классъ нѣмецкаго и онѣмеченнаго происхожденія. Жили домами и не мало *каксовъ*, т. е. дворянъ-балтовъ. Они имѣли свое сословное собраніе «Bessource», давали балы и вечеринки. Бупечество собиралось въ своемъ «Casino»; а мастеровые и мелкіе лавочники въ пугстеръ-клубъ—«Bürgermusse».

Всякій остзеецъ изъ Риги, Митавы, Ревеля, а тѣмъ болѣе изъ мелкихъ городовъ Прибалтійскаго края, находилъ въ Дерптѣ все, къ чему онъ привыкъ, и ему жизнь въ Дерптѣ должна была нравиться еще и по тому отгѣнку, какой придавала ей университетская молодежь.

При всей «буршиковности» корпоративнаго быта, уличныхъ оказательствъ молодечества почти что не водилось: шумной, бѣшеной ѣзды, задиранья женщинъ, ночныхъ скандаловъ. Въ одиннадцать часовъ педеля производили ночной обходъ всѣхъ ресторановъ и пивныхъ, заходили во всѣ квартиры, гдѣ «анимельдованы» были попойки, и просили студентовъ разойтись.

Въ самыя глухіе часы уличная тишина нарушалась только студенческимъ кортежемъ, въ саняхъ или шарабанахъ, за городъ, въ тѣ корчмы, гдѣ происходили обыкновенно дуэли на рапирахъ.

Нѣмецъ-гимназистъ изъ другихъ городовъ края, попадая въ дерптскіе студенты, устраивался по своимъ средствамъ и привычкамъ сразу, безъ всякихъ хлопотъ, и если въ корпораціи дѣлалъ долги и тратилъ сравнительно много, то «дикимъ» могъ проживать меньше, чѣмъ проживали мы и въ русскихъ провинціальныхъ университетскихъ городахъ.

Слышно, что и теперъ бѣдняки ѣдутъ въ Юрьевъ, зная, что тамъ можно просуществовать чуть не на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ!

То же возможно было и тогда.

Обыкновенно, *полуродовую* квартиру, одну комнату съ передною или безъ нея, нанимали, съ отопленіемъ и мебелью—за 20—30 рублей. Обѣдъ, на двоихъ, стоилъ тогда отъ 4 до 6 рублей. Къ кой это былъ обѣдъ—не спрашивайте! Но *такой* ѣдой довольствовались двѣ трети студенчества, остальная треть ѣла въ кнейпѣхъ и въ «ресторацияхъ» (Restauration) съ цѣнами порцій отъ пяти цати до тридцати копеекъ.

Ничтожное меньшинство ходило въ ресторанахъ тогдашняго «Hotel London» съ выписанными изъ Пруссіи вельнерами, гдѣ можно было ѣсть на марки—по двадцати копеекъ каждая.

Сбѣить всетаки напомнить, что такое былъ тотъ обѣдъ, который мы имѣли помѣсячно. Его приносили въ судахъ (по тамошнему «менажи»). Онъ состоялъ изъ двухъ блюдъ, причеиъ каждое блюдо составляло, по больничному выраженію, только *полпорции*. Супъ въ рѣдко получали; его замѣняла каша-размазня, или родъ лапши съ прогорѣлымъ масломъ. Второе блюдо—яко бы мясное; но тѣ «крово-ныя котлеты съ патовой и коринной», о которыхъ упоминается въ моемъ романѣ—не принадлежать вовсе къ повѣстическимъ мнѣамъ; а могли быть отнесены и къ реальнымъ возможностямъ.

И на такую-то пищу мы съ моимъ казанскимъ товарищемъ З—имъ сразу съѣли. Состояніе нашихъ финансовъ вскорѣ такъ ослабло, что пришлось, поджидая присылки денегъ, питаться, не одну недѣлю, сухарями изъ ржаного хлѣба (мы ихъ сами сушили въ печкѣ) съ дешевымъ мѣстнымъ сыромъ, по двѣнадцати копеекъ фунтъ.

Тутъ я открою скобку и повторю еще разъ (чтобы къ этому уже болѣе не возвращаться), что мы—въ наше студенческое время, и въ Казани, и въ Дерптѣ, да и въ столицахъ—не смотрѣли такими глазами на свою нужду, какъ нынѣшняя молодежь.

Вѣдь и въ наше время вездѣ было не мало бѣдняковъ, среди своекоштныхъ студентовъ. Согласитесь, если вы кормитесь, мѣсяцами, *на два рубля*, питаетесь *недѣлями* черными сухарями съ сквернымъ сыромъ и платите за квартиру 4—6 рублей въ мѣсяцъ, вы—настоящій *бѣднякъ*.

Но тогда не было въ обычаѣ, какъ я уже замѣтилъ, вызывать въ обществѣ особый видъ благотворительности, обращенной на учаща-ся. Не знали мы—студенты—того взгляда, что общество какъ будто *обязано* насъ поддерживать. Это показалось бы намъ прямо *унизительнымъ*, а теперь это норма, нѣчто, освященное традиціей.

Не хочу впадать здѣсь въ рѣзко-обличительный тонъ! При нынѣшнихъ прерогативахъ университетской молодежи, это—скользкая почва. Но я утверждаю положительно, что мы мирились съ бѣдностью, дурной пищей, плохой квартирой—гораздо охотнѣе и выносливѣе; не позволяли себѣ дѣлать изъ этой бѣдности какого-то мундира. А помощь тогда являлась крайне рѣдко и скудно. Были казенные студенты, живущіе въ университетѣ или нѣтъ (какъ въ Петербургѣ), были кое-какія субсидіи, но такого всеобщаго исканія денежной поддержки отъ государства и общества—положительно не водилось въ

правахъ студентовъ ни въ Базани, ни въ Дерптѣ. Благотворительныхъ обществъ, для поддержки студентовъ, нигдѣ и не было.

Я, до сихъ поръ, не знаю—сколько тогда значилось въ Дерптѣ «казенныхъ» студентовъ среди нѣмцевъ, поляковъ, эстонцевъ и латышей; но среди русскихъ—ни буршей, ни «дикихъ»—не помню *ни одного*.

А какіе мы были богачи—видно изъ того, что я сейчасъ привелъ насчетъ нашего питанія съ З—чемъ въ первый семестръ нашего дерптскаго житья.

Правда, при мнѣ состоялъ крѣпостной служитель. Но это была для меня только лишняя обуза! Приходилось брать квартиру побольше, а кормился нашъ Михайлъ Мемноновъ у портного Пѣтуха гораздо лучше насъ—его *исподъ!*

Возвращаюсь къ городу Дерпту и его ресурсамъ—въ тѣ мѣсяцы, когда университетъ жилъ полною жизнью.

По развлечениямъ Дерптъ, за все время моего житья тамъ—не отличался большимъ разнообразіемъ.

Театръ не допускался—именно *не допускался*, а не то, что не могъ бы существовать.

Этотъ запретъ шелъ прямо отъ университетскаго начальства. Опасались, должно-быть, лишнихъ расходовъ и отвлеченія отъ занятій или вліянія на нравственность студентовъ закусныхъ сферъ.

Но расчетъ отзывался филистерски-учительскимъ недомыслиемъ.

Нынче и для народа строить у насъ великолѣпные театры и хлопотуть объ этомъ Общества народной трезвости, желая оттягивать народъ—отъ чего?... Отъ пьянства.

А въ Дерптѣ кутежей, т. е. по просту пьянства—и у нѣмцевъ, и у русскихъ—было слишкомъ достаточно. Кромѣ пооекъ и «шкандаловъ», не имѣлось почти никакихъ диверсій для молодыхъ силъ. Театръ могъ бы сослужить и обще-просвѣтительную, и эстетическую службу.

Но начальство разсуждало по-своему, и эта традиція сохраняется, если не ошибаюсь, и до сегодня.

Только съ половины мая пріѣзжала въ Дерптъ плохая труппа изъ Ревеля и давала представленія въ балаганѣ—въ вакаціонное время, и то за чертой города, что дѣлало мѣста вдвое дороже, потому что туда приходилось брать извозчика *).

Бъ чему же сводились художественныя развлечения? Исключительно къ музыкѣ, къ концертамъ въ университетской актовой залѣ. Да-

*) Такой остракизмъ театра поддерживался и штилизмомъ мѣстнаго лютеранства.

вались концерты, гдѣ дѣйствовалъ мѣстный оркестръ любителей и пѣлись квартеты—членами нѣмецкихъ кружковъ—почти всегда студентами. Стоячія мѣста стоили довольно дорого, всегда около рубля. Наѣзжали и знаменитости, но рѣдко.

Больше студенту некуда было дѣться вечеромъ. Въ «Шустеръ-клубъ» входъ имъ былъ затрудненъ, изъ-за боязни скандаловъ, а остальные два клуба были мужскіе, картежные.

Такъ тянулось до учрежденія университетскаго клуба—«Academische Musse», въ казенномъ зданіи, около университета, гдѣ внизу, споконъ вѣка, помѣщался одинъ изъ книжныхъ магазиновъ.

Идею этого клуба поддержалъ тогдашній попечитель, сенаторъ Бранке, герренгутеръ-пѣтистъ и когда-то адъютантъ Аракчесава, умный и тонкій старичокъ, который давалъ мнѣ рекомендательное письмо въ Петербургъ, къ одному академику, когда я поѣхалъ туда продавать переводъ химіи Лемана.

«Академическая Мусса» объединяла профессоровъ со студентами и студенты были въ ней главные хозяева и распорядители. Представительство было по корпораціямъ. Я тогда уже ушелъ изъ бурсацкой жизни, но и какъ «дикій» имѣлъ право—сдѣлаться членомъ Муссы. Но что-то она меня не привлекла. А вскорѣ всѣ «рутенисты» должны были выдти изъ нея «in cogroge», послѣ того, какъ нѣмцы посадили и ихъ и насъ на «ферруфъ».

Въ этомъ профессорско-студенческомъ клубѣ шла такая жизнь, какъ въ нашихъ смѣшанныхъ клубахъ, куда вхожи и дамы: давались танцевальныя и музыкальныя вечера, допускались, кажется, и карты, имѣлись столовая и буфетъ, читались общедоступныя лекціи для городской публики.

Русскіе въ Дерптѣ—въ студенческой сферѣ—держались, какъ всегда и вездѣ—скорѣе разрозненно. И только въ послѣдніе два года моего житія нѣсколько семействъ изъ свѣтско-дворянскаго общества дѣлали у себя приемы и сближались съ нѣмцами «каксами». Объ этомъ я поговорю особо, когда перейду къ итогамъ тѣхъ знакомствъ и впечатлѣній, черезъ какія я прошелъ, какъ молодой человѣкъ, въ университетѣ.

Никакого общества или организованнаго кружка среди русскихъ чиновниковъ, купцовъ, учителей—я не помню въ тѣ времена.

Въ церкви сходились всѣ, и въ домѣ старшаго священника, который, въ то же время, читалъ для православныхъ обязательный курсъ не только богословія и церковной исторіи, но психологіи и логики.

Только подъ самый конецъ этого пятилѣтняго періода образовался родъ общества, которое открыло школу для дѣвочекъ мѣстныхъ пра-

вославныхъ изъ простаго люда, и я тамъ цѣлый годъ преподавалъ грамматику и ариѳметику.

Вотъ какъ жилъ городъ Дерптъ, въ крупныхъ чертахъ, и вотъ что казанскій третьякурсникъ, вкусившій довольно бойкой жизни большаго губернскаго города съ дворянскимъ обществомъ, могъ найти въ «Ливонскихъ Аѳинахъ».

Теперь остановлюсь на томъ, что Дерптъ могъ дать студенту вообще—и нѣмцу или онѣмеченному чухонцу, и русскому—и такому, кто поступилъ прямо въ этотъ университетъ, и такому, какъ я, который прѣѣхалъ уже «матерымъ» русскимъ студентомъ, хотя и изъ провинціи, но съ опредѣленными и притомъ высшими запросами.

Тогда Дерптъ еще сохранялъ свою областную самостоятельность. Онъ былъ нѣмецкій, предназначенъ для остзейцевъ, а не для русскихъ, которые составляли въ немъ ничтожный процентъ.

Но не нужно думать, что государственная власть не дѣлала и тогда попытокъ къ нѣкоторому обрусенію. Каждаго студента, на всѣхъ факультетахъ, въ томъ числѣ и русскаго (что было совершенно лишнее) обязывали: слушать лекціи русской литературы. Ихъ экзаменовали и изъ русскаго языка, при поступленіи въ студенты. Но и то и другое сводилось къ формальности. Масса остзейцевъ изъ своихъ гимназій (гдѣ уже читали русскій языкъ), оканчивая курсъ съ порядочными теоретическими познаніями, совершенно забывали русскій языкъ къ окончанію курса въ университетѣ. А тѣ остзейцы изъ русскихъ, которые тамъ родились, въ онѣмеченныхъ семействахъ, ходя на лекціи православнаго богословія, не понимали того, что читаетъ протоіерей. Помню два такихъ продукта остзейскаго быта: фонъ-Атропова и сына русскаго дьячка въ Ревелѣ, по фамиліи Цвѣтковъ (или что-то вродѣ этого), который состоялъ все время буршею въ корпораціи «Эстонія».

Нечего и говорить, что языкъ вездѣ—въ аудиторіяхъ, кабинетахъ, клиникахъ—былъ *обязательно* нѣмецкій. Большинство профессоровъ не знали по-русски. Между ними довольно значительный процентъ составляли заграничные, выписные нѣмцы; да и остзейцы рѣдко могли свободно объясняться по-русски, хотя одинъ изъ нихъ, профессоръ Ширренъ, заядлый руссофобъ, одно время читалъ даже русскую исторію.

Но мы разбираемъ здѣсь не вопросъ національной политики. На Дерптскій университетъ слѣдовало такому русскому студенту, какъ я, смотрѣть, какъ на *нѣмецкій* университетъ и дорожить именно этимъ, ожидая найти въ немъ повышенный строй всей учебной и учебной жизни.

И въ общемъ, и въ подробностяхъ, ожиданія эти могли соваться.

Уровень—не на всѣхъ факультетахъ одинаково—былъ дѣйствительно повышенъ, особенно въ сравненіи съ Казанскимъ университетомъ.

На моихъ двухъ факультетахъ, сначала физико-математическомъ потомъ медицинскомъ—можно было учиться гораздо серьезнѣе и успѣшнѣе. Я уже говорилъ, что натуралисты и математики выбирали себѣ специальности, о какихъ даже и слыхомъ не слыхали студенты русскихъ университетовъ, то, что теперь называется: «предметная система».

И, въ то же время, всякій химикъ, физикъ или натуралистъ, въ тѣсномъ смыслѣ, слушалъ всѣ факультетскіе предметы. Въ профессорскомъ составѣ значились такіе ученые, какъ Барль Шмидтъ (химія), Бэмцъ (физика), Мэдлеръ (астрономія). Въ Казани, кромѣ какъ въ анатомическомъ театрѣ, да въ лабораторіи—нигдѣ не работали студенты. О физиологическомъ кабинетѣ, о вивисекціяхъ и демонстраціяхъ на аппаратахъ, на лекціяхъ физиологіи, тамъ не имѣли понятія! Профессоръ Берви показывалъ казанцамъ процессъ дѣятельности сердца на своемъ носовомъ платкѣ. Тамъ терапію читалъ *юмеллатъ*, а фармакологию запоздалый *эскулапъ*, который рекомендовалъ марену противъ блѣдной немочи!

А въ Дерптѣ на медицинскомъ факультетѣ я нашелъ такихъ ученыхъ, какъ Биддеръ, сотрудникъ моего Шмидта, одинъ изъ создателей животной физиологіи питанія, какъ прекрасный акушеръ Вальтеръ, терапевтъ Эрдманъ, хирурги Адельманъ и Эттингенъ, и другіе. Въ клиникахъ пахло новыми теченіями въ медицинѣ, читали «*privatissima*» по разнымъ отдѣламъ теоріи и практики. А въ то же время въ Казани не умѣли еще порядочно обходиться съ *плевссиметромъ* и никто не читалъ лекцій о «выстукиваніи» и «выслушиваніи» грудной полости.

Блестящихъ и даже просто пріятныхъ лекторовъ было немного на этихъ двухъ факультетахъ. Лучшими считались физикъ Бэмцъ и физиологъ Биддеръ (впослѣдствіи ректоръ)—чрезвычайно изящный лекторъ, въ особомъ, приподнятомъ, но мягкомъ тонѣ. Остроуміемъ и широтой взглядовъ отличался талантливый неудачникъ, специалистъ по палеонтологіи, Асмусъ. Эту симпатичную личность и его похороны читатель найдетъ въ моемъ романѣ, вмѣстѣ съ портретами многихъ профессоровъ, начиная съ моего ближайшаго наставника, Барла Шмидта, недавно умершаго.

Онъ читалъ такъ связано и стремительно, что я долго не понималъ

го. Но особенно плохой дикцией и диалектикой отличался профессор Бугеймъ— создатель новейшей фармакологин, и Рейсснеръ, анатомъ, безсмертившій себя отпрепарованіемъ маленькой неровности въ ушной кости, которая носитъ его имя: «*recessus Weisspetii*». Этого читалъ жасно по монотонности и «дубиноватости», какъ говорили мы, русскіе; но работать у него по описательной и микроскопической анатоміи всетаки можно было не такъ, какъ въ Казани. При мнѣ лекцы «микроскопической анатоміи» тамъ и совсѣмъ еще не имѣлось.

Чтобы наглядно убѣдиться въ громадной разницѣ «академическихъ» (выражаясь и по-дерптски) порядковъ въ Казани и Дерптѣ— можно перечестъ въ моемъ романѣ описаніе экзаменовъ тамъ и тутъ.

Въ Казани экзаменовались, какъ школьники, иногда даже съ *шести* билетами, выдергивая ихъ изъ-подъ обшлага мундира, въ столовой залѣ, на вытяжку передъ столомъ экзаменатора.

Въ Дерптѣ не было и тогда курсовыхъ экзаменовъ ни на одномъ факультетѣ. Главные предметы сдавали въ два срока: первая половина у медиковъ «*philosophicum*»; а у остальныхъ «*rigorosum*». По этимъ предметамъ дозволялось сдавать когда угодно. Вы приходили къ профессору, и у него на квартирѣ, или въ кабинетѣ, въ лабораторіи— *садились* передъ нимъ и давали ему вашу матрикульную книжечку, гдѣ онъ и производилъ отиѣтки.

На химіи, мой двухлѣтній *rigorosum* продолжался цѣлый день, въ два приѣма, съ глазу на глазъ съ профессоромъ и безъ всякихъ другихъ формальностей. Но изъ одного такого испытанія можно бы перенять дюжину казанскихъ студенческихъ экзаменовъ. Почти такъ замѣняютъ у насъ развѣ магистрантовъ.

Для того, кто бы пожелалъ расширять свои познанія и въ аудиторіяхъ другихъ факультетовъ (что нисколько не возбранялось), тогдашній Дерптъ былъ въ общемъ, опять-таки выше. Особенно даваемыхъ и блестящихъ лекторовъ водилось не много. На историко-филологическомъ факультетѣ преобладала классическая филологія; лекцы всеобщей литературы не имѣлось (да, кажется, и до сихъ поръ ея нѣтъ). Но исторію философіи и разныя части ея читали тогда только въ Дерптѣ, и профессоръ Штрюмпель, послѣдователь Гербарта, заграничный нѣмецъ— выдѣлялся своей диалектикой. Психологію читалъ по Бенеке. Филологія и лингвистика обогащались и восточными языками—на богословскомъ факультетѣ: арабскимъ, сирийскимъ и еврейскимъ языками. Теологія стояла на высотѣ германской экзегетики, и нѣкоторыя лекцы могли весьма и весьма развивать слухъ орошняго слушателя. Но направленіе, на этомъ факультетѣ, отзы-

ваюсь *ортодоксальнымъ лютеранствомъ*, хотя въ городѣ водились и герренгутеры. Ортодоксальность большинства профессоровъ-теологовъ не мѣшала имъ преподавать, кромѣ лютеранъ, и тѣмъ полякамъ-кальвинистамъ, которые въ Дерптѣ получали свое богословское образование, будущимъ кальвинистскимъ пасторамъ.

По русской исторіи, праву и литературѣ приходилось довольствоваться болѣе скуднымъ составомъ профессоровъ и программъ. Сколько помню, единственный русскій юристъ Жиряевъ, по уходѣ его, не былъ никѣмъ замѣненъ. Русскую исторію читалъ одно время прѣѣзжавшій послѣ насъ изъ Казани профессоръ Ивановъ, который въ Дерптѣ окончательно спился, и его аудиторія—сначала многолюдная, совсѣмъ опустѣла. Русскую литературу читалъ интересный москвичъ, чело-вѣкъ времени Надеждина и Станкевича, зять Н. Полевого, Михаилъ Розбергъ; но этотъ курсъ сводился къ тремъ-четыремъ лекціямъ въ семестръ. Лекторомъ русскаго языка состоялъ Павловскій, извѣстный составитель лексикона, который въ мое время и сталъ появляться въ печати у рижскаго книгопродавца Киммеля.

Еслибъ прикинуть Дерптскій университетъ къ германскимъ, онъ конечно, оказался бы ниже такихъ, какъ берлинскій, гейдельбергскій или боннскій. Но, въ предѣлахъ Россіи, онъ давалъ все существенное, изъ того, что нѣмецкая нація вырабатывала на западѣ. Самый нѣмецкій языкъ велъ къ расширенію умственныхъ горизонтовъ, позволяя знакомиться со множествомъ научныхъ сочиненій, неизвѣстнымъ тогдашнимъ студентамъ въ Россіи и по заглавіямъ.

И все это—на почвѣ большой умственной и учебной *свободы*. Студенчество подчинялось надзору только въ уличной, трактирной и бурсацкой жизни. Этотъ надзоръ производили *педеля*—родъ сторожей. Но въ университетское зданіе, въ аудиторіи, кабинеты и даже коридоры, они не заглядывали. Инспектора и «субовъ» и вовсе не существовало. И даже «оберъ-педелъ», знаменитый старикъ Шмитъ, допускался только въ правленіе, докладывая ректору (впослѣдствіи проректору) о провинившихся студентахъ, которыхъ вызывали для объясненія или выслушиванія выговоровъ и вердиктовъ университетскаго суда.

Какъ «воздѣлыватель» науки (Cultor), студентъ не зналъ никакихъ стѣсненій; а если не попадался въ кутежныхъ и дуэльныхъ исторіяхъ, то могъ совершенно игнорировать всякую инспекцію. Его не заставляли ходить къ обѣднѣ, носить трехуголку, не переписывали на лекціяхъ или въ шинельныхъ, какъ дѣлали еще у насъ въ недавнее время.

По факультетамъ—словесному и юридическому—устроивали уже

и тогда семинаріи; а теологи eo ipso упражнялись въ краснорѣчіи и представляли на просмотръ свои произведенія.

И та, даже крайняя специализація, какую я нашелъ на физико-математическомъ факультетѣ, существовала и у словесниковъ, и у юристовъ. Значилось нѣсколько разрядовъ; кончали курсъ и «экономистами», и «дипломатами», и даже специально по статистикѣ и географіи.

При томъ же стремленіи къ строгому знанію, по самому складу жизни въ Базани, Москвѣ или Петербургѣ—нельзя было такъ устроить свою студенческую жизнь—въ интересахъ чисто научныхъ, какъ въ тихихъ Ливонскихъ Аѳинахъ, гдѣ некутыаго молодого человѣка, ушедшаго изъ корпораціи—ничто не отвлекало отъ обихода, ограниченнаго университетомъ съ его клиниками, кабинетами, бібліотекой—и не веселаго, но бодрящаго и цѣломудреннаго одиночества въ дешевой, студенческой мансардѣ.

Словомъ, для *общеєвропейскаго* умственнаго роста—находилъ это и я, и всѣ, кто прѣзжалъ сюда учиться, а не «шалдашничать»—дерптѣ, какъ университетъ нѣмецко-остзейскаго склада, могъ дать очень многое. Но для *русскаго* молодого человѣка, съ того момента, какъ наше отечество, къ 1856 году, встрепенулось и пошло другимъ ходомъ, въ стѣнахъ «alma mater» воздухъ оставался совершенно чужимъ. Если бы, за всѣ пять лѣтъ, забыть о томъ, что тамъ, къ востоку, есть обширная родина и что въ ея центрахъ и даже въ провинціи началась работа общественнаго роста, что оживились литература и пресса, что множество новыхъ идей, упованій, протестовъ подталкивало поступательное движеніе Россіи, въ ожиданіи великихъ реформъ, забыть и не знать ничего, кромѣ своихъ нѣмецкихъ книгъ, лекцій, кабинетовъ, клиникъ, то вы не услышали бы съ кафедръ ни единого звука, говорившаго о связи «Ливонскихъ Аѳинъ» съ общимъ отечествомъ. Обособленность, исключительное тяготѣніе къ тому, что дѣлается на *нѣмецкомъ* западѣ и въ прибалтійскомъ краѣ, вотъ какая нота слышалась всегда и вездѣ.

Это равнодушіе къ *русскому* движенію оттолкнуло меня и отъ русскихъ буршей, и только когда рухнула корпорація и образовался новый вольный русскій кружокъ, наши закорузлые «бурсаки» стали сбрасывать съ себя эту чисто дерптскую осособленность и безличный индифферентизмъ.

Въ борьбѣ двухъ направленій, какая началась во мнѣ въ послѣдніе годы дерптской выучки, будущій писатель и пробудился и на штилъ свой путь въ воздухъ русскихъ интересовъ, знакомствъ и ихъ чинныхъ испытаній.

Начало этого внутреннего процесса совпало съ образованіемъ (послѣ разрыва русской корпораціи съ нѣмцами) нашего новаго товарищескаго кружка. Къ тому времени и меня начало забирать то, что шло изъ Россіи. Я сталъ зачитываться русскими журналами. Горный чиновникъ, завѣдывавшій мѣстной пробирной палаткой, организовалъ дешевый абонементъ на русскіе журналы, и мой служитель, Михаилъ Мемноновъ, очутился въ разсылныхъ. Горный инженеръ былъ еще молодой малый, холостякъ, ходилъ на лекціи и въ кабинеты при кафедрѣ минералогіи (ее занималъ довольно обрусѣлый остзеецъ профессоръ Грѣвингкъ) и переводилъ учебникъ минералогіи. На просмотрѣ этого перевода (по части языка) мы и сошлись.

Квартира при пробирной палаткѣ была обширная, съ просторной залой, и въ ней я впервые участвовалъ въ спектакляхъ, которые устраивались учениками школы топографовъ, помѣщавшейся въ томъ же казенномъ домѣ. Какъ во времена Шекспира, и женскія роли у насъ исполняли подростки-ученики. Мы сладили «Женитьбу» и даже второй актъ изъ «Свадьбы Кречинскаго», причемъ я игралъ въ гоголевской комедіи Кочегарева, а тутъ — Расплюева. Пьеса Сухово-Кобылина была еще вновь, и я успѣлъ видѣть ее въ Москвѣ, въ одну изъ вакаціонныхъ поѣздокъ домой.

Но и раньше, еще въ «Рутеніи», я, въ самый разгаръ увлеченія химіей, послѣ казанскаго повѣствовательнаго опыта (вещица, посланная въ *Современникъ*) написалъ юмористическій рассказъ «Званые блины», который читалъ на одной изъ литературныхъ сходокъ корпорацій. И въ ней онъ уже существовали, но литература была самая первобытная, больше немудрые стихи и переводцы. Мой рассказъ произвелъ сенсацію и былъ пѣликомъ переписанъ въ Альбомъ, который служилъ лѣтописью этихъ литературныхъ упражненій.

Черезъ «Рутенистовъ» познакомился я и сошелся (уже позднѣе, когда вышелъ изъ корпораціи) съ типичнымъ человѣкомъ сороковыхъ годовъ; но совсѣмъ не въ томъ значеніи, какое этотъ терминъ приобрѣлъ въ нашемъ писательскомъ жаргонѣ.

Это былъ русскій баринъ, съ большимъ учено-литературнымъ багажемъ, съ своеобразной и чудаковатой умственной и нравственной фізіономіей—С. Ѳ. Уваровъ.

Такихъ я еще до того не встрѣчалъ; не встрѣчалъ никогда и нигдѣ, ни въ какихъ сферахъ и наслоеніяхъ русской интеллигенціи.

По времени своей студенческой юности, онъ принадлежалъ поколѣнію Тургенева, Баткова, Леонтьева, Бударяцева—и одновременно съ ними попалъ въ Берлинъ, гдѣ страстно предавался изученію фи-

логіи и исторіи литературы, въ особенности Шекспира и итальянскихъ поэтовъ. Но онъ вышелъ не изъ русской школы, кажется не былъ никогда гимназистомъ, не готовилъ себя ни къ какой профессіи. Сергій Федоровичъ родился и воспитывался въ богатой и родовитой семьѣ, отъ отца—генерала эпохи отечественной войны, и матери—Луниной, фрейлины императрицы Елизаветы Алексѣевны и родной сестры извѣстнаго декабриста Лунина. Отца онъ рано лишился, и съ тѣхъ поръ состоялъ «при маменькѣ», до весьма почетныхъ годовъ, все холостякомъ и вѣчнымъ буршемъ, но буршемъ чисто платоническимъ; а въ сущности архи-кабинетнымъ человѣкомъ.

Германія, ея университетская наука и «академическія» сферы урѣшили въ немъ его ненасытную, но не упорядоченную любознательность и слабость ко всему традиціонному складу нѣмецкой студенческой жизни, хотя онъ по своей болѣзненности (настоящей или мнимой), не могъ, вѣроятно, и въ юности быть кутилой.

Изъ-за границы онъ уже во второй періодъ своей юности, пошелъ въ Дерптъ, здѣсь держалъ на кандидата и потомъ на магистра, не по филологіи, а по исторіи.

При мнѣ онъ пріѣхалъ «съ маменькой» на новое житье, уже магистромъ, человѣкомъ подъ сорокъ (если не за сорокъ) лѣтъ, съ лысой, характерной головой, страннаго вида и еще болѣе странныхъ приеѣмовъ, и въ особенности жаргона. Его «маменька» открыла у себя пріемы, держала его почти какъ малолѣтка, не позволяла даже ему ходить одному по улицамъ, а непременно съ лакеемъ, изъ опасенія, что съ нимъ сдѣлается припадокъ.

Когда я сталъ бывать у него и былъ приглашаемъ на обѣды и вечера «генеральши», я нашелъ въ ихъ квартирѣ обстановку чисто тамбовскую (ихъ деревня и была въ той губерніи), съ своей крѣпостной прислугой, ключницей, поваромъ, горничными.

Съ «Рутенистами» Уваровъ держался, какъ бывшій буршъ, ходилъ на ихъ вечеринки, со всѣми, даже съ юными «фуксами» былъ на «ты» и смотрѣлъ на ихъ жизнь съ особой точки зрѣнія, такъ сказать, символической. Онъ находилъ такую жизнь «лихой» и училъ ствуй въ ихъ литературныхъ сходкахъ, читалъ тамъ свои стихи и серен, написанные чрезвычайно страннымъ, смѣшаннымъ языкомъ, который въ него глубоко вѣлся.

Онъ же, послѣ паденія «Рутеніи», когда сложился нашъ новый кружокъ, пустилъ прозвище: *Пелазговъ* и *Эллиновъ*.

Даже по своей европейской выучкѣ и культурности, онъ былъ до форменный баринъ-гуманистъ, словесникъ, съ культамъ всего,

что германская наука внесла, въ то время, въ изученіе и классической древности и Возрожденія, и Средневѣковья. Уварова можно было назвать «исповѣдникомъ» нѣмецкаго гуманизма и романтизма. И Шекспира, и итальянскихъ великихъ поэтовъ онъ облюбовалъ черезъ нѣмцевъ, подъ ихъ руководство.

И въ то же время, онъ продолжалъ проходить по іерархіи высшихъ ученыхъ степеней, какъ историкъ; но, въ сущности, никогда имъ не былъ. Не знаю, имѣлъ ли онъ когда-либо опредѣленное намереніе занять въ Россіи кафедру исторіи, древней или новой; но крайней мѣрѣ, онъ ничего не дѣлалъ, чтобы этого добиться. Его магистерская диссертация, защищенная до моего пріѣзда въ Дерптъ, называлась: «De sedibus Vulgagogum»; а докторская, которую онъ защищалъ при мнѣ, уже въ концѣ пятидесятихъ годовъ, написанная также по латыни (тогда это еще требовалось отъ словесника), носила такое трудно-переваримое заглавіе: «De provinciarum imperii orientis administrandarum forma mutata».

Эта старина—древняя Болгарія (когда болгары еще сидѣли на Волгѣ) и Византія—не находилась нисколько въ связи съ его постоянно взвинченнымъ, чисто литературнымъ настроеніемъ, но литературнымъ не въ смыслѣ художественной писательской работы, а по предметамъ своихъ чтеній, бесѣдъ, записей.

Повторяю: такого русскаго барина-интеллигента, съ такимъ словеснымъ дилетантствомъ *высшаго пошиба*, съ такимъ обширнымъ запасомъ чтеній, воспоминаній, подготовки, при постоянномъ подъѣмѣ пестрой и своеобразной діалектики—я не знавалъ ни въ людяхъ его поколѣнія, ни въ дальнѣйшихъ генерацияхъ.

Какъ питомецъ тогдашнихъ нѣмецкихъ аудиторій, онъ сохранилъ гораздо большій германскій налетъ, чѣмъ, напримѣръ, Тургеневъ. Не сухая эрудиція, не аппаратъ специальной учености отличали его; а неизмѣнно-юношеская любовь къ прекрасному творчеству, къ эллинской и римской мифологіи и поэзіи, къ великому движенію итальянскихъ гуманистовъ, къ старо-англійской литературѣ, Шекспиру и его предшественникамъ и сверстникамъ, во всѣмъ крупнѣйшимъ моментамъ нѣмецкой поэзіи и литературы, къ людямъ «Sturm und Drang» періода, до романтиковъ первой и второй генерации—къ Тикамъ, Шлегелямъ, Гофманамъ, Новалисамъ.

Изъ такого высшаго дилетантства не могло вытечь строгой научной работы. Мѣшала этому вся психическая организація этого русскаго барина-гуманиста. Натура слишкомъ нервная, склонная къ постояннымъ скачкамъ, къ переходу отъ одной умственной области къ другой. Въ своихъ записныхъ книжкахъ, которыя составляли уже

тогда цѣлую бібліотеку—записи онъ постоянно дѣлалъ на всѣхъ ему извѣстныхъ языкахъ: по-гречески, по-латыни, по-нѣмецки, французски, англійски, итальянски, и не цитаты только, а свои мысли, вопросы, отмѣтки, соображенія, мечты.

Судьба—точно нарочно—свела меня съ такимъ человѣкомъ въ ту полосу моей дерптской жизни, когда будущій писатель сталъ за-вивать естественника и студента медицины.

Сближеніе пошло быстро. Отъ него пахнулі на меня разомъ нѣсколько изящныхъ литературъ и нѣсколько эпохъ. Въ бесѣдахъ съ нимъ я бывалъ обвѣянъ неувыдаемыми красотами древняго и новаго творчества, и во мнѣ все разгоралась потребность расширить, насколько возможно, мое *словесное* образованіе, прочесть многое, если не въ подлинникахъ, то въ переводахъ. Тогда же зародилось во мнѣ желаніе изучать англійскій языкъ—Эсхиль, Софокль, Эврипидъ, Шекспиръ, Данте, Аріосто, Боккаччо, Сервантесъ, испанскіе драматурги, нѣмецкіе классики и романтики—спеціально «Фаустъ»—и вплоть до лириковъ и драматурговъ 30-хъ и 40-хъ гг.—съ особымъ интересомъ къ Гейне—вотъ что вносилъ съ собою Уваровъ въ наши продолжительныя бесѣды у него въ кабинетъ. И все это было скрашено и согрѣто его тономъ, юморомъ, возгласами и полетами фантазіи. Трудно было не привязаться къ такому чудаку и не быть ему благодарнымъ за тѣ «заряды», какіе давали моему назрѣвающему писательству подобная подготовка и беззавѣтная любовь къ области прекраснаго слова.

Бъ современнымъ «злобамъ дня» онъ былъ равнодушенъ, также, какъ и его пріятели, бурсаки «Рутеніи». Но случилось такъ, что именно наше литературное возрожденіе во второй половинѣ 50-хъ гг. дало поводъ къ тому, что у насъ явилась новая потребность еще чаще видѣться и работать вмѣстѣ.

Въ это время онъ ушелъ въ предшественниковъ Шекспира, въ изученіе этюдовъ Тэна о староанглійскомъ театрѣ. И я сталъ упражнять его разработать эту тему, остановившись на самомъ крупномъ изъ предтечъ Шекспира—Христоферѣ Марло. Языкъ автора мы и очищали цѣлую почти зиму отъ черезчуръ не русскихъ особенностей. Эту статью я повезъ въ Петербургъ уже какъ авторъ первой моей комедіи и былъ особенно радъ, что мнѣ удалось помѣстить ее въ *Русскомъ Словѣ*.

А тутъ по необходимости забѣгаю впередъ. Передъ этимъ прошли два дерптскихъ сезона. Уваровъ продолжалъ жить домомъ и мы—русскіе студенты—сдѣлались въ немъ постоянными «филитесами»—слѣдуя жаргону буршей. Тамъ я ставилъ впервые въ

Дерптѣ комедію Островскаго «Не въ свои сани не садись», гдѣ игралъ Бородинъ, и этотъ памятный тамошнимъ старожиламъ спектакль начался комическими сценами изъ Шекспировскаго «Сна въ лѣтнюю ночь», въ нѣмецкомъ переводѣ Тика; а Мендельсоновскую музыку исполнялъ за сценой въ четыре руки самъ С. Ѳ. съ однимъ изъ бывшихъ «рутенистовъ» — впоследствии извѣстнымъ въ Петербургѣ врачомъ — Тицнеромъ.

Домъ Уварова и былъ за этотъ періодъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ на русской почвѣ (несмотря на международный гуманизмъ С. Ѳ.—ча) мои писательскія стремленія усилились и проявляли себя и въ усиленномъ интересѣ къ всемірной литературѣ, и все возрастающей любовью къ театру, въ видѣ сценическихъ опытовъ.

Отъ Уварова пошли и другія русскія знакомства въ той дворянской свѣтской полосоѣ, какая сложилась въ Дерптѣ въ послѣднія мои зимы.

На окраинахъ Дерпта стояла знаменитая «Мыза Барлово» — когда-то постоянная лѣтняя резиденція Ѳаддея Булгарина — обширные хоромы съ картинной галлереей (съ весьма грубоватыми новыми картинами), концертной залой и садомъ.

Въ ней двѣ зимы жило семейство князя М. А. Дондукова-Корсакова. Черезъ Уваровыхъ и старшую дочь князя, Марью Михайловну, я сдѣлался вхожъ въ ихъ домъ и сошелся со всѣмъ женскимъ персоналомъ этой фамиліи, начиная съ самой княгини и двухъ старшихъ дочерей. Здѣсь, въ гостепріимномъ Барловѣ, происходила моя дальнѣйшая писательская «эволюція». Всѣ свои досуги и въ денные, и въ вечерніе часы я проводилъ въ Барловѣ цѣлыхъ два года. Здѣсь я бралъ уроки англійскаго языка у одной изъ княженъ, читалъ съ ней Шекспира и Гейне, музицировалъ съ другими сестрами, ставилъ пьесы, игралъ въ нихъ, какъ главный режиссеръ и актеръ, читалъ свои критическіе этюды, отдѣльные акты моихъ пьесъ и очерки казанской жизни, вошедшіе потомъ въ романъ «Въ путь-дорогу».

Тамъ же завязывались и мои остальные знакомства. Довольно часто, на обѣдахъ и вечерахъ, бывалъ у нихъ профессоръ М. П. Резбергъ, слушалъ мои вещи и охотно рассказывалъ о литературно-университетской Москвѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Какъ профессоръ, онъ былъ лѣнтяй, и я ничѣмъ не могъ у него попользоваться; но какъ у собесѣдника и человѣка своей эпохи — очень многимъ. Онъ же, когда я — уже авторомъ, напечатавшимъ цѣлую пятиактную комедію — отправился окончательно въ Петербургъ — далъ мнѣ письмо къ своему сверстнику П. А. Плетневу — бывшему тогда ректоромъ университета.

Въ Барловѣ, послѣ Дондуговыхъ, поселилась семья автора «Тарантаса», гр. В. А. Соллогуба, котораго я впервые увидалъ у Дондуговыхъ, когда онъ прїѣхалъ подсмотреть для своего семейства квартиру, еще за годъ до найма болгаринскихъ хоромъ.

Признаюсь, онъ мнѣ, въ тотъ визитъ къ обывателямъ Барлова, не особенно приглянулся. Наружностью онъ походилъ еще на тогдашніе портреты автора «Тарантаса», безъ сѣдины, съ бакенбардами, съ чувственнымъ ртомъ, очень рослый, если не тучный, то плотный; держался онъ сутуловато и какъ бы умышленно-небрежно, говорилъ, ища французскій жаргонъ съ русскимъ—скорѣе дѣланнымъ тономъ, часто острилъ и пускалъ въ ходъ комическія интонаціи.

Такимъ оставался онъ и позднѣе, когда я сталъ часто бывать у Соллогубовъ, но больше у жены его, графини Софьи Михайловны (урожденной гр. Вьельгорской), чѣмъ у него, потому что онъ то и дѣло уѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ состоялъ на какой-то службѣ, кажется по тюремному вѣдомству.

Но мы съ нимъ всетаки ладили. Я былъ къ тому времени довольно уже обстрѣленный «студіозусъ», любящій поспорить и отстоять свое мнѣніе.

Какъ писатель, тогдашній гр. Соллогубъ уже мало «импонируетъ» мнѣ, какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ. Не одинъ я находилъ уже, что онъ развѣнялся на мелкія деньги. Его либеральная комедія «Чиновникъ» совсѣмъ меня не обманула, ни въ «цивѣчскомъ», ни въ художественномъ смыслѣ. И въ первый же вечеръ, когда графъ (еще въ первую зиму) пригласилъ къ себѣ слушать дѣйствіе какой-то новой двухактной пьесы (которую Вѣра Самойловна попросила его написать для нея), студіозусъ, уже мечтавшій тогда о дорогѣ писателя, позволилъ себѣ довольно-таки сильную атаку и на замыселъ пьесы, и на отдѣльныя лица и, главное, на діалогъ.

И со мною согласилась, прежде всѣхъ остальныхъ слушателей, сама графиня. Авторъ не обидѣлся, по крайней мѣрѣ не выказалъ никакого «генеральства», почти не возражалъ и вскорѣ потомъ говорилъ нашимъ общимъ знакомымъ, что онъ пьесу доканчивать не будетъ, ссылаясь и на мои замѣчанія.

Отъ такого критическаго успѣха я не возгордился. И графъ не сталъ вовсе избѣгать разговоровъ со мною. Напротивъ, отъ него я услыхалъ—за два сезона, особенно въ Барловѣ—цѣлую серію разсказовъ изъ его воспоминаній о Пушкинѣ, котораго онъ хорошо зналъ, Одо вскомъ, Тургеневѣ, Григоровичѣ, Островскомъ.

Онъ, дѣйствительно, былъ первый петербургскій литераторъ, у котораго Островскій прочелъ комедію «Свои люди—сочтемся». И онъ

искренно цѣнилъ его талантъ и значеніе, какъ создателя бытового русскаго театра.

Въ такихъ людяхъ, какъ гр. Соллогубъ, надо различать двѣ половины: личность извѣстнаго *нравственнаго* склада, продуктъ барски-дилетантской среды, съ разными «провинностями и шалухами», и человѣка, преданнаго идеѣ искусства и вообще, и въ области литературнаго творчества. Въ немъ сидѣлъ неліцемерный культъ Пушкина и Гоголя; онъ въ свое время, да и въ эти годы, способенъ былъ поддержать своимъ сочувствіемъ всякое новое дарованіе. Но связи съ тогдашними передовыми идеями у него уже не было настолько, чтобы самому обновиться. Онъ уже растратилъ все то, что имѣлъ, когда писалъ лучшія свои повѣсти, вродѣ «Исторіи двухъ калошъ» и свой «Тарантасъ». Онъ, дѣйствительно, разбѣялся, выдаясь отъ театра (вплоть до водевиля) къ этнографіи, къ разнымъ видамъ полуписательской службы, состоя чиновникомъ по спеціальнымъ порученіямъ.

Но и въ этой сферѣ онъ былъ для меня интересенъ. Только что передъ тѣмъ онъ бралъ командировку въ Парижъ по порученію министра двора для изученія парижскаго театральнаго дѣла. Онъ охотно читалъ мнѣ отрывки изъ своей обширной докладной записки, изъ которой я сразу ознакомился со многимъ, что мнѣ было полезно и тогда, когда я въ Парижъ въ 1867—1870 гг., изучалъ и общее театральное дѣло, и преподаваніе сценическаго искусства.

Въ Соллогубѣ остался и *буржуа*, когда-то учившійся въ Дерптѣ, членъ русской корпораціи. Сквозь его свѣтскость чувствовался все-таки особаго пошиба баринъ, который и въ петербургскомъ модѣ, въ года молодости, выдѣлялся своимъ тономъ и манерами, водился постоянно съ писателями, и когда женился и зажилъ домою, собиралъ къ себѣ лишущую братію.

И тутъ—въ предпоследнюю мою дерптскую зиму—онъ вошелъ въ наше сценическое любительство, когда мы съ благотворительной цѣлью (въ пользу русской школы, гдѣ я преподавалъ) ставили спектакли въ клубѣ *Casino*, давали и «Ревизора», и «Свадьбу Бречинскаго», и обѣ комедіи Островскаго. Онъ приходилъ въ наши уборныя, гримировалъ насъ и одѣвалъ, и угощалъ при этомъ шампанскимъ.

Его жена, графиня Софья Михайловна, была для всего нашего кружка гораздо привлекательнѣе графа. Но первое время она казалась чопорной и даже странной, съ особымъ тономъ, жестами и говоромъ, немного на иностранный ладъ. Но она была—въ ея поколѣніи—одна изъ самыхъ милыхъ женщинъ, какихъ я встрѣчалъ среди нашихъ барынь свѣта и придворныхъ сферъ; а ея мать вышла изъ

семьи герцоговъ Бироновъ, и воспитывали ее вмѣстѣ съ ея сестрой Веневитиновой чрезвычайно строго.

Тогда графиня уже была матерью цѣлой вереницы дѣтей и старшая дочь (теперь Е. В. Сабурова) еще ходила въ короткихъ платьяхъ и носила прозвище «Булки», какимъ окрестилъ ее когда-то Гоголь.

Воспоминанія о Гоголѣ были темой моихъ первыхъ разговоровъ съ графиней. Она задолго до его смерти была близка съ нимъ, состояла съ нимъ въ перепискѣ и много намъ рассказывала изъ разныхъ полосъ жизни автора «Мертвыхъ душъ».

Въ маленькомъ кабинетѣ графини (въ Барловѣ) я читалъ ей, въ послѣднюю мою зиму, и статьи, и беллетристику, въ томъ числѣ и свои вещи. Тогда же посвятилъ я ей пьесу «Мать», которая явилась къ печати подъ псевдонимомъ.

Въ семьѣ Соллогуба, въ той же залѣ Барлова, продолжалась, но уже менѣе широко и гостепріимно, жизнь дерптскихъ русскихъ.

Не знаю, выдавались ли такія же эпохи въ дальнѣйшихъ судьбахъ русской колоніи съ такимъ оживленіемъ и свѣтскимъ, и литературно-художественнымъ. Врядъ ли. Что-то я не слыхалъ этого потомъ, отъ дерптскихъ русскихъ—бывшихъ студентовъ и не студентовъ—съ какими встрѣчался до послѣдняго времени.

Въ прямой связи съ тѣмъ, что исходило отъ русскихъ и шло изъ Россіи, находились и мои поѣздки на вакаціи, сначала на всѣ лѣтнія, а раза два-три и на зимнія.

Первая поѣздка—исключительно въ Петербургъ—пришлась на ближайшую лѣтнюю вакацію. Переводъ учебника химіи Лемана я уже приготовилъ къ печати. Переписалъ мнѣ его мой сожитель по квартирѣ З—чь, у котораго случилась пистолетная дуэль съ другимъ моимъ спутникомъ З—нымъ, уже превратившимся въ бурша. З—чь сталъ сильно хандрить въ Дерптѣ, и я его уговаривалъ перейти обратно въ какой-нибудь русской университетъ, что онъ и сдѣлалъ, перебравшись въ Москву, гдѣ и кончилъ по медицинскому факультету.

Впервые позналъ я въ Петербургѣ хлопоты о помѣщеніи своего труда. Старикъ Кляузъ прослушалъ всю огромную рукопись, съ весны 1856 года, и далъ отъ себя удостовѣреніе о достоинствѣ перевода. У меня были рекомендаціи къ двумъ русскимъ химикамъ—Воскресенскому и гораздо болѣе извѣстному, даже знаменитому Н. Н. Зинину. Оба—бывшіе ученики Юстуса Либиха, оба—академики, жившіе въ акадѣмическихъ зданіяхъ. Воскресенскій ничего для меня не сдѣлалъ. Зининъ сейчасъ же познакомилъ меня съ докторомъ Ханомъ, впоследствии редакторомъ *Всемирнаго труда*, гдѣ я печаталъ въ концѣ

60-хъ годовъ свой романъ «Жертва вечерняя». Д-ръ Ханъ свелъ меня къ книгопродавцу Маврикію Вольфу, тогда еще только начинавшему свое книгоиздательство, на томъ же мѣстѣ, въ Гостинномъ дворѣ. Вольфъ купилъ у меня рукопись въ *сорокъ* слишкомъ печатныхъ листовъ за 300 руб. Изъ нихъ онъ 100 руб. мнѣ не уцѣлалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что переводъ былъ не точенъ и онъ долженъ былъ отдать его кому-то на исправленіе. Это не помѣшало ему пропечатать то удостовѣреніе, какое я получилъ отъ профессора Бляуса.

Изъ двухсотъ рублей заплатилъ я шестьдесятъ 3—чу за переписку, сто сорокъ рублей были моимъ *первымъ* гонораромъ. Это приходилось по 3 р. 50 к. за переводъ печатнаго листа in 8°, который я продолжалъ около двухъ лѣтъ. Не знаю, въ какой степени переводъ вышелъ удаченъ, но я, перевода и неорганическую, и *органическую* части этого учебника, долженъ былъ создавать русскіе термины. Тогда химическая литература по-русски почти что не существовала. Вся она сводилась къ двумъ учебникамъ: Гессе, русскаго нѣмца, и къ переводу *неорганической* химіи француза Реньо. Органическую химію я слушалъ цѣлый годъ у А. М. Бутлерова, но совсѣмъ не въ такихъ размѣрахъ, какіе значились въ учебникѣ Лемана. Множество терминовъ я пустилъ *впервые* въ русской печати, и мнѣ нѣкоторымъ подспорьемъ служили только учебники фармакологіи: въ томъ числѣ и переводъ Эстерлена—того же доктора Хана—переводъ мѣстами очень плохой, съ варварскими германизмами и съ уродливыми передѣлками терминовъ.

Академикъ Зининъ заинтересовалъ меня въ тѣ визиты, какіе я ему дѣлалъ. Я нашелъ въ немъ отъявленнаго противника самостоятельнаго развитія физиологической химіи, какъ разъ специальности своего дерптскаго учителя Карла Шмидта.

Я еще не встрѣчалъ тогда такого оригинальнаго чудака на подкладѣ большого ученаго. Видомъ онъ напоминалъ скорѣе отставнаго военнаго, чѣмъ академика, коренастый, уже очень пожилой, дома въ архауеѣ, съ сильнымъ голосомъ и особенной рѣчистостью. Онъ охотно «разносилъ», въ томъ числѣ и своего первоначальнаго учителя Либиха. Всѣ его симпатіи были за основателей новѣйшей органической химіи—француза Жерара и его учителя Лорана, котораго онъ также зазналъ въ Парижѣ.

Зининъ изображалъ его жертвой тупоумія и ученаго генеральства такихъ тузовъ химическаго міра, какъ Дюма и знаменитый шведъ Берцеліусъ.

Я затруднился бы передать стенографически тѣ выраженія, ка-

нія соскакивали съ губъ Зинина. Нѣкоторые были совершенно нецензурныя.

Въ этомъ сказывался настоящій казанецъ начала 40-хъ годовъ, умный, хлесткій въ своей діалектикѣ и разсказахъ руссагъ, хотя онъ былъ, если не ошибаюсь, сынъ французенки.

Мало знавалъ я на своемъ вѣку такихъ оригинальныхъ русскихъ самородковъ, какъ Зининъ, который и въ долгіе годы заграничной выучки не утратилъ своего казанскаго «букета» во всемъ; что онъ зналъ, о чемъ думалъ и говорилъ. Тогда съ молодыми учеными начальство не церемонилось. Зинина послали изучать химию; а потомъ ему приказали превратиться въ технолога и еще во что-то, по волѣ тогдашняго казанскаго самодура, попечителя Мусина-Пушкина. Онъ не безъ юмора разсказывалъ мнѣ про всѣ опыты, какіе съ нимъ продѣлывало начальство. И подъ конецъ, когда онъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, онъ долженъ былъ по тогдашнему уставу сдавать экзамены изъ всѣхъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ.

Я еще засталъ Зинина въ живыхъ, когда я поселился въ Петербургѣ, и незадолго до его смерти встрѣчалъ его. Его лабораторія въ академіи перешла къ Бутлерову и въ его академической квартирѣ я бывалъ вплоть до смерти Александра Михайловича, уже въ восьмидесятыхъ годахъ.

Оба знаменитыхъ химика оказались казанцами. Бутлеровъ создалъ русскую «школу» химіи, чего нельзя сказать про Зинина. Онъ оставался *самъ по себѣ*, крупный ученый и прекрасный преподаватель, но не сыгралъ такой роли, какъ Бутлеровъ, въ исторіи русской химической науки въ смыслѣ созданія цѣлой «школы».

Личность Зинина сдѣлала мою лѣтнюю экскурсію въ Петербургъ особенно цѣнной. Въ остальномъ время прошло безъ такихъ яркихъ и занимательныхъ эпизодовъ, о которыхъ стоило бы вспоминать. Мужъ кузины моего отца—тогда оберъ-прокуроръ одного изъ департаментовъ сената—предложилъ мнѣ жить въ его пустой городской квартирѣ. Его чиновничья фигура и суховатый педантскій тонъ порядочно коробили меня; къ счастью, онъ только разъ въ недѣлю ночевалъ у себя, наѣзжая съ дачи.

Стояли петербургскія бѣлыя ночи, для меня еще до того невидимыя. Я много ходилъ по городу, пристроивая своего Лемана. И замѣчательно, какъ и провинціальному студенту Невская «перспектива» быстро пріѣдалась! Петербургъ, внутри города, былъ такимъ же, какъ и теперь, въ началѣ XX вѣка. Что-то такое фатально-петербургское чувствовалось и тогда, въ этихъ безлюдныхъ широкихъ

улицахъ, въ лѣтнихъ запахахъ, въ бѣлесовой мглѣ, въ дребезжаніи извозчичьихъ дрожекъ.

И позднѣе, когда я попадалъ на острова и въ разныя загородныя заведенія, вродѣ Излера, я туго поддавался тогдашнимъ приманкамъ Петербурга. И Нева, ея ширь, красивость прогулокъ по островамъ— не давали мнѣ того столичнаго «настроенія», какое нападало на другихъ прїѣзжихъ изъ провинціи, которые годами вспоминали про острова, Царское, Петергофъ.

Зимняго Петербурга вкусилъ я еще студентомъ, въ вакаціонное время, въ началѣ и въ концѣ моего дерптскаго студенчества. Я гащивалъ у знакомыхъ студентовъ; ѣздилъ и въ Москву, зимой, нѣсколько разъ осенью, проводилъ по недѣлямъ и въ Петербургъ, возвращаясь въ свои «Ливонскія Асины». Съ каждымъ заѣздомъ въ обѣ столицы я все сильнѣе втягивался въ жизнь тогдашней интеллигенціи, сначала какъ натуралистъ и медикъ, по поводу своихъ научно-литературныхъ трудовъ; а потомъ уже какъ писатель, рѣшившійся попробовать удачи на театрѣ.

Москва конца пятидесятыхъ годовъ (гдѣ 3—чѣ знакомилъ меня съ студенческой братіей) памятна мнѣ всего больше знакомствами въ ученомъ и литературномъ мірѣ.

Черезъ годъ послѣ продажи перевода химіи Лемана я задумалъ обширное руководство по животно-физиологической химіи—въ трехъ частяхъ, и первую часть вполне обработалъ и хотѣлъ найти издателя въ Москвѣ. Поручилъ я первые «ходы» 3—чу, который отнесъ рукопись къ знаменитому д-ру Кетчеру, экс-другу Герцена и переводчику Шекспира. Онъ въ то время завѣдывалъ только что народившимся книгоиздательствомъ фирмы «Солдатенковъ и Щепкинъ».

Мой учебникъ (первую его часть) весьма одобрилъ тогдашній профессоръ химіи, Лясковскій, къ которому я привезъ письмо отъ Карла Шмидта. Мнѣ и теперь кажется курьезнымъ, что студентъ задумалъ цѣлый учебникъ, «собственнаго сочиненія», и самая существенная часть его—первая, удостоилась лестной рекомендаціи отъ авторитетнаго профессора.

Изъ-за изданія моего учебника попалъ я къ Кетчеру, и сношенія съ нимъ затянулись на нѣсколько сезоновъ. Не одинъ годъ на задней страницѣ обертки сочиненій Бѣлинскаго стояло неизмѣнно:

Печатается: «Руководство къ животно-физиологической химіи Петра Боборыгина».

Но, на дѣлѣ, рукопись «и не думала» печататься, и уже конечно не авторъ ея былъ виновникъ такого обмана публики. Зачѣмъ такъ поступалъ Кетчеръ—не знаю; но что я прекрасно знаю и пом-

ню—это то, что онъ затягивалъ печатаніе сначала потому, что потребовались рисунки по химико-микроскопическому анализу крови и другихъ животныхъ жидкостей, образцы которыхъ (съ одного нѣмецкаго изданія) я и доставилъ; а потомъ онъ требовалъ, кажется, окончанія моей работы. Вскорѣ, однако, выяснилось, что рукопись моя *затерялась*, и я, послѣ того, не могъ ее получить ни лично (въ проѣзды Москвой), ни черезъ З—ча.

Жаловаться, затѣвать исторію я не сталъ, и трудъ мой, доведенный мною почти до конца второй части—такъ и погибъ «во двѣдѣтъ», въ такомъ же возрастѣ, въ какомъ находился и самъ авторъ. Мнѣ тогда было не больше двадцати двухъ лѣтъ.

У Бетчера я бывалъ не разъ, въ его домикѣ-особнякѣ, съ садомъ, въ одной изъ Мѣщанскихъ, за Сухаревой башней. Этотъ домъ ему подарили на какую-то годовщину его друга, главнымъ образомъ, конечно, Бузьма Терентьевичъ Солдатенковъ, котораго мнѣ, въ тѣ годы, еще не удалось видѣть.

Въ посмертныхъ очеркахъ и портретахъ, вошедшихъ въ томъ, изданный тотчасъ послѣ кончины А. И. Герцена—есть превосходная характеристика Бетчера-друга, съ которымъ Герценъ впоследствии разошелся, и заочно. Охлажденіе произошло со стороны Бетчера, вѣроятно испугавшагося дальнѣйшей фазы революціонной эволюціи своего московскаго закадыки. Бетчеръ, у Герцена, какъ вылитый, со всѣми безпощадными подробностями его интимной жизни, вплоть до связи съ простой женщиной,—связи (кажется, впоследствии узаконенной), которая медленно, но радикально измѣнила весь его душевный обликъ.

И вотъ, въ такой періодъ «перерожденія» и зазналъ я этого гурьезнаго москвича, званіемъ «штадт-физика» города Москвы, считавшагося еще, въ публикѣ, другомъ Герцена и Бакунина, Грановскаго, Огарева и всѣхъ радикаловъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ.

Такого же точно литературнаго Собакевича я не знавалъ, не исключая и М. Е. Салтыкова! Бетчеровскій «смѣхъ» сдѣлался легендарнымъ. Слово «смѣхъ» слишкомъ слабо... Надо бы сказать: «хочущее ржаніе», которое раскатисто гремѣло послѣ каждой фразы. Онъ былъ виртуозный ругатель. Про кого бы вы ни упоминали, юбенно изъ петербургскихъ писателей, онъ сейчасъ раздражался нимъ-нибудь эпитетомъ во вкусъ Собакевича. Помню, въ одинъ изъ нашихъ разговоровъ, отъ него особенно круто досталось Полоному и Некрасову—одному по части умственныхъ способностей, другому по части личной нравственности, и то, и другое по поводу

изданій ихъ стихотвореній, которыя онъ долженъ былъ корректировать, такъ какъ ихъ издала фирма: «Солдатенковъ и Щепкинъ». Вся Москва—десятки лѣтъ—знала Бетчеровскую огромную голову, и его ротъ съ почернѣлыми большими зубами, и его топорно-сбитую фигуру, въ вицмундирѣ медицинскаго чиновника.

Дома онъ, по утрамъ, принималъ въ кабинетѣ, огнями въ садъ, заваленномъ книгами, рукописями и корректурами, съ обширной коллекціей трубокъ на длинныхъ чубукахъ. Онъ курилъ «жуковъ», безпрестанно зажигалъ бумажку и закуривалъ, ходилъ въ затрапезномъ халатѣ, съ раскрытымъ воротомъ ночной рубашки не особенной чистоты. Его старая подруга никогда не показывалась, и всякій бы счелъ его закоренѣлымъ холостякомъ.

Изъ его пріятелей я встрѣтилъ у него, въ разные пріѣзды, двоихъ: Санина, друга Герцена и Огарева и переводчика шекспировскихъ комедій, и Галахова, тогда уже знакомаго всѣмъ гимназистамъ составителя хрестоматіи. Санинъ смотрѣлъ бариномъ сороковыхъ годовъ, съ прической *à la moujik*, а Галаховъ—учителемъ гимназіи, съ сухимъ петербургскимъ тономъ, очень похожимъ на его педагогическіе труды.

Трудно мнѣ было и тогда представить себѣ, что этотъ московскій обыватель, съ натурой и пошибомъ Собакевича, состоялъ, когда-то, душою общества въ томъ кружкѣ, гдѣ Герценъ провелъ годы «Былого и Думъ». И его шекспироманія казалась мнѣ совершенно неподходящей ко всему его бытовому *habitus*. И то сказать: по тогдашней же прибауткѣ, онъ болѣе «переперъ», чѣмъ «перевелъ» великаго «Вилли».

Театръ онъ любилъ и считалъ себя самымъ авторитетнымъ носителемъ традицій Малаго театра; но Малаго театра Мочаловско-Щепкинской эпохи, а не той, которая началась съ нарожденіемъ новой генерациі исполнителей, нашедшихъ въ Островскомъ своего автора, т.-е. Садовскихъ, Васильевыхъ, Косицкихъ, Полтавцевыхъ.

Къ Островскому Бетчеръ относился прямо ругательно, какъ бы не признавалъ его таланта и того, чѣмъ онъ обновилъ нашъ театръ. Любимымъ его прозвищемъ было: «*Островитяне, папуасы!*...» Этой вличкой онъ окрестилъ всѣхъ цѣнителей Островскаго.

— Папуасы! Ха-ха! Островитяне! Ха-ха! Иерихонцы! Трактирные ярыги!

Вотъ что звенѣло въ ухахъ дерптскаго студіоза—автора злощастнаго руководства, когда онъ шелъ отъ Сухаревой башни къ тому домику мѣщанки *Поносовой* (эта фамилія оставалась у меня въ памяти десятки лѣтъ), гдѣ гостилъ у своего товарища.

Вѣроятно, Бетчеръ не могъ не сознавать таланта и значенія Островскаго, но ему, кромѣ *разносной* его натуры и вкоренившейся въ него ругательной манеры, мѣшало запоздалое, уже и тогда, крайнее западничество, счеты со славянофилами, обида за европеизмъ, протестъ противъ купеческой «чуйки» и мужицкой «сермяги», которые начали водворяться на сценѣ и въ беллетристикѣ.

Объ Аполлонѣ Григорьевѣ онъ выражался также рѣзко и терпивно: «трактирные ярыги» — относился, всего больше, къ нему.

Случилось мнѣ, за эти пять лѣтъ, провести и зимніе праздники въ Москвѣ, куда пріѣхалъ пожить и полѣчиться и отецъ мой. Мы жили въ тѣхъ архимосковскихъ номерахъ Челышевскаго дома, которые прошли черезъ столько «аватаровъ», и кончили, въ видѣ миллионнаго «Метрополя», послѣ грандіознаго пожара. Тогда Малый театръ снова захватилъ меня, послѣ впечатлѣній гимназиста, въ зиму 1852—53 гг. Щепкинъ еще игралъ, и я его видѣлъ въ «Свадьбѣ Бречинскаго» и въ передѣланной на русскіе нравы комедіи Ожье «Le gendre de m-g Poigier». Онъ уже сильно постарѣлъ и говорилъ невнятно отъ вставной челюсти, которая у него разъ и выпала, но это случилось не при мнѣ. Инцидентъ этотъ, какъ я говорю выше, — передавалъ мнѣ позднѣе, въ 60-хъ годахъ, мой сотрудникъ по «Библиотекѣ для чтенія», Ев. Н. Эдельсонъ.

Талантъ Шумскаго, Самарина и всѣхъ «папуасовъ» (по номенклатурѣ Бетчера), Садовскаго, Серг. Васильева, его жены Екатерины, Степанова, Босицкой, Колосовой, Бороздиныхъ, Акимовой — были въ полномъ расцвѣтѣ; а двѣ замѣчательныя старухи — Сабурова и Балерова — уже доживали свой сценическій вѣкъ.

Какъ я расскажу ниже, толчокъ къ написанію моей первой пьесы дала мнѣ не Москва, не спектакль въ Маломъ, а въ Александринскомъ театрѣ. Но это былъ только толчокъ: Малый театръ, конечно, всего болѣе, помогъ тому внутреннему процессу, который въ данный моментъ, сказался въ позывѣ къ писательству, въ *драматической* формѣ.

Поѣздки въ Нижній и въ деревню, почти въ каждую лѣтнюю вакацію, вели дальше эту открытую работу надъ русской дѣйствительностью. И въ Нижнемъ, и въ усадьбѣ отца я входилъ въ жизнь дворянскаго общества и въ крестьянскій бытъ, съ прибавкой того разнообразнаго купеческаго и мѣщанскаго разночинства, которое имѣлъ возможность наблюдать на Магарьевской ярмаркѣ.

Сестра моя вышла замужъ, въ Нижнемъ, за мѣстнаго дворянина, учившагося въ Дерптѣ, какъ разъ въ тѣ годы, когда С. О. Уваровъ, пріѣхавъ изъ-за границы, поступилъ въ «Руменію» и готовился

потомъ къ магистерскому экзамену. Отношеніе ко мнѣ всѣхъ моихъ нижегородскихъ родныхъ, начиная съ матушки, вступило въ новую фазу. Время и та самостоятельность, которая развилась во мнѣ въ Дерптѣ—сдѣлали то, что на меня всѣ смотрѣли уже, какъ на *личность*. И прежняя разница между тѣмъ, какъ мнѣ жилось въ домѣ дѣда (гдѣ оставалась мать моя), и въ Тамбовской усадьбѣ, у отца—уже ни чувствовалась. Но съ отцомъ, всетаки, жилось гораздо привольнѣе, какъ бы въ воздухѣ товарищества. Мы проводили дни въ откровенныхъ бесѣдахъ, я очень много читалъ, немного присматривался къ хозяйству, лѣчилъ крестьянъ, ѣздилъ къ сосѣдямъ, съ возрастающимъ интересомъ приглядывался и прислушивался ко всему, что давали тогдашняя деревня, помѣщики и крестьяне.

Запахло освобожденіемъ крестьянъ. Дѣдъ мой, въ Нижнемъ, еще бодрый старикъ, за восемьдесятъ лѣтъ, ревниво и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось по крестьянскому вопросу, разумѣется не мирясь съ такими крутыми, на его аршинъ, мѣрами, но не позволялъ себѣ вслухъ никакихъ рѣзкихъ выходовъ. Отецъ не стоялъ на сторонѣ реформы, какъ то меньшинство, которое поддерживало ее впоследствии, но особаго раздраженія не выказывалъ, не предавался преувеличеннымъ страхамъ. Впоследствии онъ довольно долго состоялъ кандидатомъ въ мировые посредники и не безъ гордости носилъ крестъ въ память 19-го февраля.

Ежегодныя мои поѣздки «въ Россію»—въ цѣломъ и въ деталяхъ—доставляли обширный матеріалъ будущему беллетристу. И жизнь нашего дерптскаго товарищескаго кружка, въ послѣдніе два года, питалась уже почти исключительно чисто русскими интересами. Журналы продолжали свое развивающее дѣло. Они поддерживали во мнѣ, сильнѣе чѣмъ въ остальныхъ, уже не одну книжную отвлеченную любознательность, а все возраставшее желаніе самому испробовать свои силы.

Въ семействѣ Дондуковыхъ я нашелъ за этотъ послѣдній дерптскій періодъ много ласки и поощренія всему, что во мнѣ назрѣвало, какъ въ будущемъ писателѣ. Два лѣта я—отчасти или цѣликомъ—провелъ въ ихъ живописной усадьбѣ, въ Опочскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи. Тамъ писалась и вторая моя—по счету—пьеса «Ребенокъ»; первая—«Фразеры»—въ Дерптѣ; а «Одноворецъ»—у отца, въ усадьбѣ, въ селѣ Павловскомъ, Лебедянскаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

Петербургу принадлежитъ знаменательная доля впечатлѣній, за послѣдніе дерптскіе годы, и до того момента, когда я приступилъ къ первой серьезной литературной вещи.

Довольно свѣжо сохранился у меня въ памяти тотъ проѣздъ Петербургомъ, когда выставлялась картина Иванова: «Явленіе Христа народу». Я попалъ въ воздухъ горячихъ споровъ и толковъ, на Васильевскомъ Острову, и помню, что молодежь (въ томъ числѣ мои пріятели и новые знакомцы изъ студентовъ) стояли за картину Иванова; а въ академическихъ кружкахъ на нее сильно нападали. На Васильевскомъ Острову узналъ я не мало студентовъ, принимавшихъ потомъ участіе въ волненіи 1861 г. Я гостилъ въ квартирѣ братьевъ того Вл. Бакста, съ которымъ мы въ Дерптѣ перевели первый томъ физиологіи Дондереса. Оба они извѣстны публикѣ: старшій какъ одинъ изъ первыхъ передовыхъ издателей-переводчиковъ нѣмецкихъ и англійскихъ книгъ; второй—какъ профессоръ физиологіи. Позднѣе, къ 60-мъ годамъ, къ тѣмъ же кружкамъ принадлежалъ студентъ Н. Неклюдовъ, вожакъ студенческой братіи, который началъ свою извѣстность съ Петропавловской крѣпости, а кончилъ должностію товарища министра внутреннихъ дѣлъ и умеръ въ зданіи «у Цѣпного моста», превратившись изъ архикраснаго въ бѣлоснѣжнаго государственника и обличителя крамолы.

Авторомъ пьесъ, я—еще студентомъ — попалъ и въ тогдашній театрално-писательскій міръ, и въ журнальную среду.

Изъ тогдашнихъ крупныхъ литераторовъ узналъ я Дружинина, къ которому явился, какъ къ члену театрално-литературнаго комитета, куда я представилъ уже свою комедію «Шила въ мѣшкѣ не утаишь», переименованную потомъ въ «Фразеры». Изъ-за пьесы вышло знакомство съ Я. П. Полонскимъ, жившимъ въ домѣ Штакель-Шнейдера. Онъ заставилъ меня прочесть мою вещь на вечерѣ у хозяевъ дома, гдѣ я впервые видѣлъ П. Л. Лаврова, въ формѣ артиллерійскаго полковника, Шевченко, Бенедиктова, М. Семеновскаго—офицеровъ, а потомъ, уже лѣтомъ, Полонскій познакомилъ меня съ М. Л. Михайловымъ, котораго я видалъ, издали, еще въ Нижнемъ, гдѣ онъ когда-то служилъ у своего дяди—завѣдующаго солянымъ правленіемъ.

Помню и маленькій эпизодъ, о которомъ рассказывалъ С. П. Максимову, въ годъ его смерти, когда мы очутились съ нимъ коллегами по академіи. Это было въ концѣ лѣта, когда я возвращался въ Дерптъ. У Доминика, въ ресторанѣ, меня сильно заинтересовалъ гротескный разговоръ двухъ господъ, въ которыхъ я сейчасъ же заподозрилъ литераторовъ. Это были Вас. Бурочкинъ и Максимовъ.

Въ послѣднюю мою поѣздку въ Петербургъ, дерптскимъ студентомъ, я былъ принятъ и начальникомъ репертуара П. С. Федоровымъ, послѣ того, какъ мою комедію «Фразеры» окончательно одобрили въ комитетѣ и она находилась въ цензурѣ, гдѣ ее и запрети-

ли. Въ судьбѣ ея повторилась исторія съ моимъ руководствомъ. Редакція *Русскаго Слова* затеряла рукопись, и молодой авторъ оказался такъ безобиденъ, что не потребовалъ никакого вознагражденія.

Теперь, въ заключеніе этой главы, я отмѣчу особенно главнѣйшіе моменты того: какъ будущій писатель складывался во мнѣ, въ студенческіе годы, проведенные въ «Ливонскихъ Аѳинахъ», и что поддержало во мнѣ все возрастающее внутреннее влеченіе къ міру художественно воспроизведенной русской жизни, удаляя меня отъ міра теоретической и прикладной науки.

Въ корпораціи, какъ я уже говорилъ—въ тотъ семестръ, который я пробылъ въ ней «фуксомъ», я, въ самый горячій періодъ моего увлеченія химіей, для оживленія якобы «литературныхъ» очередныхъ вечеровъ—сочинилъ и прочелъ съ большимъ успѣхомъ юмористическій разсказъ «Званные блины», написанный въ тонѣ тогдашней сатирической беллетристики.

Послѣ того прошло добрыхъ два года, и въ этотъ періодъ я ни разу не приступалъ къ какой-нибудь серьезной «пробѣ пера». Мысль измѣнить научной дорогѣ еще не дозрѣла. Но въ эти же годы чтеніе поэтовъ, романистовъ, критиковъ, особенно тогдашнихъ русскихъ журналовъ, продолжительныя бесѣды и совѣстная работа съ С. Ѳ. Уваровымъ, поѣздки въ Россію, въ обѣ столицы, Нижній и деревню—все это поддерживало работу «подъ порогомъ сознанія», по знаменитой фразѣ психо-физика Фехнера.

Еслибъ кто продолжалъ упорно отрицать бессознательную «церебрацію»—на моемъ примѣрѣ долженъ бы былъ убѣдиться въ возможности такого именно психического явленія.

Я продолжалъ заниматься наукой, сочинялъ цѣлый учебникъ, ходилъ въ лабораторію, послѣдовательно перешелъ отъ специальности химика въ область биологическихъ наукъ, перевелъ съ товарищемъ цѣлый томъ физиологій Дондерса, усердно посѣщалъ лекціи медицинскаго факультета, даже практиковалъ какъ «студентъ-кураторъ», ходилъ на роды и дежурилъ въ акушерской клиникѣ.

И, въ то же время, писательская *церебрація* шла своимъ чередомъ, и къ четвертому курсу я былъ уже на одинъ вершокъ отъ того, чтобы взять дестъ бумаги, обмокнуть перо и начать писать, охваченный назрѣвшимъ желаніемъ что-нибудь создать.

Въ какой формѣ? Почему первая серьезная вещь, написанная мною, четверокурсникомъ, была пьеса, а не разсказъ, не повѣсть, не поэма, не рядъ лирическихъ стихотвореній?

Поэтомъ, и даже просто стихотворцемъ—я не мечталъ быть. Въ Дертѣ я кое-что переводилъ и написалъ даже нѣсколько стихотво-

рней, которыя моимъ товарищамъ очень нравились. Но это не развилось. Серьезно я никогда въ это не уходилъ.

Драматическая форма явилась сразу, въ видѣ замысла большой комедіи изъ современныхъ нравовъ, опять - таки какъ результатъ бессознательной психической работы.

Наши спектакли въ Дерптѣ, открывшіе у меня актерскія способности, и всѣ мои русскія впечатлѣнія дѣлали для меня театръ все ближе и ближе.

И вотъ разъ (это было осенью), возвратившись изъ Петербурга, я сталъ думать о комедіи, гдѣ героиней была бы эмансипированная дѣвица, какихъ я уже видалъ, хотя больше издали.

Я попалъ въ Александринскій театръ, на бенефисъ А. И. Шубертъ, уже и тогда почти сорокалѣтней «ingénue», поражавшей своей юностью. Давали комедію «Бапризница» съ главной ролью для бенефициантки. Но не она заставила меня мечтать о моей героинѣ, а тогдашняя актриса на первое амплуа, въ драмѣ и комедіи, Владимірова. Ея эффектная красота, тонъ, туалеты въ роли «Далилы» въ переводной драмѣ Октава Фёлье, взволновали пріѣзжаго студента. И между этимъ спектаклемъ и замысломъ первой моей пьесы—несомнѣнная связь.

Обстановку дѣйствія и діалоговъ доставила мнѣ помѣщичья жизнь; а характерные моменты я взялъ изъ впечатлѣній того лѣта, когда тамбовскіе ополченцы отправлялись на войну. Сдается мнѣ также, что замыселъ выяснился послѣ прочтенія повѣсти Н. Д. Хвощинской «Фразы». Въ первоначальной редакціи комедія называлась «Шила въ мѣшкѣ не утаишь»; а заглавіе «Фразеры» я поставилъ уже на рукописи, которую передѣлалъ по предложенію театрално-литературнаго комитета.

Этотъ пріемъ имѣлъ рѣшающее значеніе. Стало быть, дѣльный комитетъ считалъ меня уже молодымъ писателемъ, достойнымъ поощренія.

Чѣмъ ближе подходилъ срокъ окончанія курса, тѣмъ ближе былъ я къ рѣшенію: врачомъ не дѣлаться, а заняться литературой, какъ профессиональному писателю.

Замыселъ «Одnodворца», написаннаго въ усадьбѣ отца, былъ ужъ совсѣмъ *свой*, нисколько не навѣянный ни впечатлѣніями сценъ ни мотивами тогдашней беллетристики, по крайней мѣрѣ никакиъ опредѣленнымъ произведеніемъ. Комитетъ принялъ «Одnodворца» сразу; журналъ *Библиотека для чтенія* помѣстилъ его въ октябрьской книжкѣ 1860 г. Мое писательское крещеніе совершилось. Изъ-на химіи и медицинѣ уже совсѣмъ назрѣла. Когда «Одnodворецъ»

лежалъ въ комитетѣ, а потомъ въ редакціи толстаго журнала, я—въ слѣдующее лѣто, уже написалъ драму «Ребенокъ». Въ ней идеализмъ съ отгѣнкомъ прекраснѣйшій былъ навѣянъ тѣмъ воздухомъ, какимъ я уже болѣе года дышалъ въ семьѣ Д—выхъ. Это было и для меня пробужденіе моего лиризма, потребности въ любви и нѣжности, которыя слишкомъ долго лежали подъ спудомъ въ душѣ студента, ушедшаго въ мозговую жизнь и въ *научную* философію.

Когда я съ вакаціи изъ усадьбы Д—выхъ вернулся въ Дерптъ, писатель уже вполнѣ побѣдилъ химика и медика. Я рѣшилъ: засѣсть на четыре мѣсяца, написать нѣсколько вещей, съ медицинской карьерой проститься, если нужно, держать на кандидата экзаменъ въ Петербургѣ и начать тамъ жизнь литератора.

И дѣйствительно, я написалъ цѣлыхъ четыре пьесы, изъ которыхъ три были драмы и одна веселая, сатирическая комедія. Изъ нихъ драма «Старое зло» была принята Писемскимъ; а драму «Мать»—я напечаталъ, четыре года спустя, уже въ *свѣдѣнн* журналь *Библиотека для чтенія*, подъ псевдонимомъ; а изъ комедіи появилось только первое дѣйствіе, въ видѣ «сценъ», въ журналь *Вѣкъ*, съ сохраненіемъ первоначальнаго заглавія «Наши знакомцы».

Этотъ зарядъ «творчества» (выражаясь высокимъ терминомъ), хотя самые продукты и не могли быть особенно цѣнны, показывалъ несомнѣнно, что бессознательная церебрація находилась въ сильнѣйшемъ возбужденіи. И ее прорвало въ видѣ такой чрезмѣрной производительности, передъ оставленіемъ «Ливонскихъ Аонизъ».

Послѣ напечатанія «Однодворца» я сталъ считать драматическую литературу моею коренною областью.

О *повѣствовательной* беллетристикѣ я не думалъ въ двухлѣтній, уже прямо писательскій, періодъ моего студенчества. Будь это иначе—я бы написалъ повѣсть или хотя бы два-три разсказа.

Послѣ «Званныхъ блиновъ» я набросалъ только нѣсколько картинокъ изъ жизни казанскихъ студентовъ (которыя вошли впоследствии въ казанскую треть романа «Въ путь-дорогу») и даже читалъ ихъ у Д—выхъ, въ первый ихъ пріѣздъ, въ присутствіи профессора Розберга, который былъ очень огорченъ низменнымъ уровнемъ нравовъ моихъ бывшихъ казанскихъ товарищей и вспоминалъ свое время, въ Москвѣ, когда всѣ они болѣе или менѣе настраивали себя на идеи, чувства, вкусы и замашки идеалистовъ. Но Писемскій, въ своихъ «Людяхъ сороковыхъ годовъ», изображаетъ тогдашніе нравы далеко не въ розовомъ свѣтѣ; а его эпоха отстояла отъ студенческихъ годовъ профессора всего на какой-нибудь десятокъ лѣтъ.

Эти казанскіе очерки были набросаны до написанія комедій. По-

томъ, вплоть до конца 1861 года, когда я приступилъ прямо къ работѣ надъ огромнымъ романомъ—я не написалъ ни одной строки въ повѣствовательномъ родѣ.

А беллетристика второй половины 50-хъ годовъ очень сильно увлекла меня. Тогда именно я знакомился съ новыми вещами Толстого, накидываясь въ журналахъ и на все, что печаталъ Тургеневъ. Тогда даже въ корпораціи «Рутенія» я дѣлалъ рефератъ о «Рудинѣ». Такія повѣсти, какъ «Ася», «Первая любовь», а главное «Дворянское гнѣздо» и «Наканунѣ», слѣдовали одна за другой и питали во мнѣ все возрастающее, чисто литературное *направленіе*.

О «Дворянскомъ гнѣздѣ» я даже написалъ небольшую статью для прочтенія и въ нашемъ кружкѣ, и въ гостиной Барлова, у Д—выхъ. Настроеніе этой вещи, мистика Лизы, многое, что отзывалось якобы недостаточнымъ свободомысліемъ автора, вызывали во мнѣ недовольство. Художественная прелесть повѣсти не такъ на меня дѣйствовала тогда, какъ замыселъ и тонъ, и отдѣльныя сцены «Наканунѣ».

Помню, я первый схватилъ книжку *Русскаго Вѣстника*, прибѣжалъ домой и читалъ до трехъ часовъ ночи, въ постели, и потомъ не могъ заснуть до разсвѣта.

Съ тѣхъ поръ, я не помню, чтобы какая-нибудь русская или иностранная вещь такъ захватила меня, даже и въ молодые годы.

Почти такъ же зачитывался я и «Обломовымъ»; и въ нашемъ кружкѣ, и въ знакомыхъ русскихъ домахъ о немъ цѣлую зиму шли оживленные толки.

И все, что тогда печаталось по беллетристичѣ, получше и похуже, Григоровича, Писемскаго, Авдѣева, Печерскаго, Хвощинской, М. Михайлова, а затѣмъ Щедрина (о первыхъ его «Губернскихъ очеркахъ» я дѣлалъ, кажется, докладъ въ нашемъ кружкѣ) и начинающихъ: Ник. Успенскаго, разныхъ обличительныхъ беллетристовъ—все это, буквально, поглощалось мною, сейчасъ же, въ первые же дни по полученіи книжекъ всѣхъ тогдашнихъ большихъ журналовъ.

Островскій, Потѣхнинъ, Писемскій (какъ драматургъ), Сухово-Боблинъ, такъ же питали мой писательскій голодъ, какъ и беллетристы-повѣствователи.

И я сталъ сильно мечтать, именно, о театрѣ и выливать все, что во мнѣ назрѣвало въ этотъ студенческій періодъ писательства, съ 18 8 по 1860 г. включительно, въ драматическую форму.

Ю въ этотъ же трехлѣтній періодъ я сдѣлался и публицистомъ ст. исторической жизни, лѣтописцемъ конфликта Рутенія съ нѣмецкимъ *каномъ*. Мои очерки и воззванія разосланы были въ другіе уни-

верситеты; составилъ я и сообщеніе для архи-либеральнаго тогда *Русскаго Вѣстника*. Катковъ и Леонтьевъ сочувственно отнеслись къ нашей «исторіи»; но затруднились напечатать мою статью.

Когда въ Казани, въ концѣ 50-хъ годовъ, подуло другимъ вѣтромъ и началось что-то вродѣ волненія, я, какъ бывшій казанецъ, написалъ цѣлое посланіе, которое отправилъ моему товарищу по нижегородской гимназій В—скому. Оно начиналось возгласомъ: «Товарищи, други и недруги!» съ эпиграфомъ изъ Вольтера: «La vérité a des droits imprescriptibles». И этотъ эпиграфъ я взялъ въ «разрывной» по тому времени книжкѣ Бюхнера: «Kraft und Stoff». Въ посланіи къ казанцамъ я проводилъ параллель между тѣмъ, что такое была Казань въ мое время и какъ можно учиться въ Дерптѣ, при чемъ нѣкоторымъ кафедрамъ и профессорамъ досталось особенно сильно. Это «посланіе» имѣло сенсационный успѣхъ, разошлось во множествѣ списковъ, и я встрѣчалъ казанцевъ—двадцать, тридцать лѣтъ спустя—которые его помнили чуть не наизусть.

Мнѣ самому было бы занимательно прочесть его въ эту минуту; но я никогда не имѣлъ ни одного экземпляра. Я писалъ прямо набѣло, какъ отчетливо помню, на листахъ почтовой бумаги большаго формата, и они составили порядочную тетрадку.

Стало, были опыты и по публицистикѣ; но опять-таки: ни одного цѣльнаго разсказа, ни плана повѣсти, и еще менѣе—романа!

П. Боборыкинъ.

ВЪ ПУТАХЪ ШАЙТАНА.

Разсказъ М. Кацюбинскаго.

Емене сидѣла въ своемъ дворикѣ на раскаленной землѣ. Сегодня празднигъ, байрамъ, мать ушла въ домъ и будетъ тамъ спать, пока спадеть жара, а отецъ, старый хаджи Бекиръ-мемедъ-оглу, какъ и всѣ правовѣрные, уже во второй разъ отправился въ мечеть.

Вокругъ тишина. Только изъ деревни съ высокаго, стараго минарета доносится скрипучій голосъ муллы:

— А-а... Алла... иль Алла-а... Магометь расуль Алла-а!

Емене уперлась локтями въ колѣни, положила голову на ладони и глядѣла передъ собой.

Передъ ней, чуть не изъ-подъ ея ногъ, сбѣгали внизъ по каменистымъ холмамъ виноградныя и табачныя плантаціи. Ровные полосы кустовъ качались зелеными строчками огромной книги. Пятна табака зеленѣли на фонѣ сѣраго камня, какъ зеленые лишайи.

Еще ниже, на песчаной полосѣ берега, среди тѣнистыхъ садиговъ бѣлѣли роскошныя виллы «гяуровъ» съ аллеями изъ черныхъ стройныхъ кипарисовъ.

А дальше было море.

Ослѣпительно голубое небо замерло въ этотъ лѣтній раскаленный день и, нѣжными тонами сливаясь съ далекимъ горизонтомъ, очаровывало глазъ и манило въ свою чистую, теплую, радостную синеву.

Съ правой стороны холмистой тѣнью легъ на море Аюдагъ и, будто мучимый жаждой звѣрь, припалъ къ водѣ.

Емене равнодушно смотрѣла на знакомыя мѣста: ей скучно. Она дѣвушка, «кызъ», и не для нея это невѣдомое, полное чаръ море: она и когда не переплыветъ его, какъ никогда не переступитъ хмурой Я'кы, которая тамъ, за отцовскимъ домомъ, за деревней, поднимается къ небу каменные хребты, отдѣляя страну Аллаха отъ страны вѣрныхъ.

Въ будни, когда Емене работаетъ, не покладая рукъ—садить табакъ, поливаетъ огородъ или возится подлѣ виноградниковъ,—она не чувствуетъ скуки, но въ праздникъ, вотъ какъ теперь, когда ворчливая мать уснула, отецъ молится, а работа ждетъ будней,—дѣвушка не знаетъ, что дѣлать съ собой.

Вокругъ нея тишина, и на небѣ, и на землѣ. Солнце стоитъ высоко, и отъ раскаленной земли, отъ неба и моря, отъ сѣрыхъ камней пышетъ огнемъ. Блѣдный, широколистный табакъ насыщаетъ воздухъ наркотическими испареніями. Въ самомъ воздухѣ разлито томленіе; о немъ тихо журчитъ ручеекъ, сбѣгая по камешкамъ двора; томясь, скачетъ на цѣпи старая собака и, глухо звеня ею, хриплымъ голосомъ жалуется небу: Алла, Алла! Алла, Алла!...

Одинокая лягушка вылѣзла изъ ручья и изрѣдка меланхолически квакаетъ. На темныхъ, широколистныхъ фиговыхъ деревьяхъ задорно, будто сотни трещотокъ, до одурѣнія, до самозабвенія трещать пикады. И всетаки тихо, всетаки скучно и томительно отъ этихъ однообразныхъ звуковъ.

Наконецъ, Емене надоѣло сидѣть на горячей землѣ. Она лѣниво потянулась своимъ гибкимъ молодымъ тѣломъ, поднялась и апатично обвела вокругъ себя глазами. Что ей дѣлать, чѣмъ разогнать скуку? Случайно ея глаза остановились на лягушкѣ. Большая, распластанная, она припала брюхомъ къ теплой землѣ, подняла голову съ огромными глазами и квакаетъ то жалобно и мелодично, то сердито и ворчливо, какъ будто внутри нея что-то клокочетъ.

Емене начала тихонько подкрадываться къ одинокой, какъ и она, ворчунѣ. Но лягушка замѣтила непрошенную гостью и нырнула въ воду, вытянувъ заднія ноги и поднявъ со дна цѣлый столбъ тины. Дѣвушка остановилась надъ ручьемъ и смотрѣла, какъ медленно осѣдала тина и очищалась вода. Но это показалось ей скучнымъ.

Емене сняла съ ногъ туфли, зажала межъ колѣнъ красные шаровары и начала мыть ноги. Ослѣпительное солнце освѣщало стройную фигуру татарки, играло на рыжихъ, заново выкрашенныхъ косахъ, желтомъ халатѣ и красныхъ шароварахъ, а подрисованныя брови и красные, тоже подкрашенные на рукахъ и ногахъ, ногти, такъ блестяли на солнцѣ, какъ будто были наведены лакомъ.

Дѣвушка плескалась въ теплой водѣ, но вдругъ, взглянувъ на прибрежные дома, замерла, чѣмъ-то очень заинтересованная. То, что ее заинтересовало, было не что иное, какъ три осѣдланнныя лошади у крыльца виллы, а подлѣ нихъ татаринъ-проводникъ, повидимому, кого-то поджидавшій. Но вотъ отъ бѣлой стѣны дома отдѣлились двѣ

женскія фигуры, тонкія, высокія, какъ молодые кипарисы, и подошли къ лошадямъ.

Тутъ Емене не выдержала, и безъ туфель, мокрыми ногами перѣбѣжала дворикъ и, перевѣсившись черезъ заборъ, любопытно взглянула изъ-за дерева. Сердце ея затрепетало. Она узнала Септара, самаго красиваго парня въ деревнѣ и лучшаго проводника, образъ котораго бѣдная дѣвушка давно носить въ сердцѣ, хотя не смѣетъ поднять глазъ на свой идеалъ, какъ это полагается порядочной татарской «визъ». Но тише! Вотъ женщины подходятъ къ лошадямъ. Септаръ подставляетъ ладонь, женщина становится на нее, слегка касаясь рукой его плеча, и какъ мячикъ вспрыгиваетъ на коня. «Тцъ, тцъ!» качаетъ головой Емене и чувствуетъ, какъ горячая волна крови приливаетъ къ сердцу и къ головѣ.

«Алла, алла!—думаетъ Емене. — Ты справедливъ, но почему женщинамъ невѣрныхъ лучше живется на свѣтѣ, чѣмъ женщинамъ правовѣрныхъ?»

Грѣшныя мысли сплетаются въ головѣ дѣвушки. А нынче байрамъ, нынче праздникъ! Дѣвушка не пріятно, что къ ней приступаетъ шайтанъ и нашептываетъ ей неподходящія мысли, волнуется кровь... Она приковываетъ глаза къ тому мѣсту, гдѣ за минуту передъ тѣмъ она видѣла милаго и такое, — не похожее на ея собственную жизнь — и она не можетъ отвести ихъ, хотя ничего уже тамъ не видитъ, кромѣ опустѣвшей лужайки передъ вилой.

Черезъ нѣсколько минутъ лошадиный топотъ вывелъ Емене изъ задумчивости. Дѣвушка встрепенулась, быстро подскочила къ столбу и прижалась лицомъ къ щели. Въ ея груди сердце трепетало, какъ рыба въ рукѣ, а глаза жадно охватывали часть дороги, видную въ щель. Но на дорогѣ еще никого нѣтъ. Наконецъ, дрогнула земля и показалась кавалькада: впереди женщина въ сѣромъ, за ней женщина въ синемъ; рядомъ съ послѣдней ѣхалъ Септаръ.

Емене такъ и впилась глазами въ проводника. А онъ, подбоченившись, выпячивалъ вышитую золотомъ грудь и наглыми хищными глазами оглядывалъ женщину въ синемъ... На его чисто выбритомъ, блестящемъ и красномъ, какъ спѣлый помидоръ, лицѣ, выглядывавшій изъ-подъ круглой съ золотымъ верхомъ шапочки, отражалось саи омгѣние съ отгѣнкомъ презрѣнія къ женщинѣ, которое свидѣтельству овалю, что онъ вполне постигъ жизнь проводника и что не одна коловская барыня «его любилъ, деньга давалъ» и что онъ на тѣ «дѣтга гуялъ». Емене любовалась его крѣпкимъ, здоровымъ, какъ отъ рець, тѣломъ, туго обтянутымъ тонкимъ сукномъ, его наглымъ взгдомъ, который она принимала за выраженіе «рыцарскаго духа

и смѣлости». Онъ казался ей яснымъ мѣсяцемъ, отразившимся въ морѣ ея сердца и прокладывающимъ блестящій путь къ счастью.

Неожиданно у калитки позвонилъ разбитый звонокъ.

Емене вздрогнула, будто пойманная на мѣстѣ преступленія, и, забывъ туфли, бросилась въ сѣни. Звонокъ еще разъ прохрипѣлъ. Это значить—пришелъ посторонній мужчина. И на самомъ дѣлѣ, едва Емене спряталась, какъ во дворъ вошелъ ея отецъ, старый хаджи Бекирь, въ обществѣ молодого рѣзника Мустафы. Съ этимъ набожнымъ рѣзникомъ, насквозь продушившемся овечьимъ саломъ, старый хаджи вѣчно имѣлъ какія-то дѣла, въ которыхъ будущность Емене играла не послѣднюю роль.

Въ этотъ моментъ кавалькада выѣхала на самый возвышенный пунктъ дороги, и статная фигура Септара отчетливо вырисовывалась на фонѣ лазурнаго неба. Хаджи Бекирь взглянулъ туда, и его глаза свергнули изъ-подъ чалмы. Онъ поднялъ руку и, погрозивъ ею вслѣдъ проводнику, хриплымъ голосомъ пробурчалъ:

— Кепекъ *)!

И, съ отвращеніемъ плюнувъ по направленію кавалькады, повелъ гостя на веранду, раскачиваясь на согнутыхъ, какъ у рахитика, татарскихъ ногахъ и кивая головой, обернутой бѣлой чалмой. Эта чалма вмѣстѣ съ длинной бѣлой бородой придавала ему видъ ветхозавѣтнаго патріарха.

Емене подглядѣла эту сцену и почувствовала въ сердцѣ обиду:

«Кепекъ? Почему кепекъ?—думала она,—это потому, что онъ не сторонится «гауровъ», съ ними ѣсть, пьеть, разговариваетъ? Но вѣдь и «гауры» вѣрятъ въ Аллаха?!

Непривыкшая мыслить, ея голова какъ-то плохо работала, зато сердце чувствовало, что тутъ что-то не такъ, что справедливость не на сторонѣ отца, что Септаръ не имѣетъ за собою вины, не заслужилъ презрѣнія. Она бѣдная невольница, заключенная въ тѣсныхъ границахъ своего дворика, въ задѣланной рѣшотками, строго охраняемой отъ мужского глаза женской половины,—она всетаки имѣла глаза и глядѣла туда, внизъ, на бѣлые дома среди роскошныхъ рощъ и не могла не видѣть иной жизни, чѣмъ ихняя, татарская, не могла не сравнивать ее со своимъ существованіемъ. Напримѣръ, она видѣла тамъ женщину—свободное существо, товарища, а не рабыню мужчины, женщину, которой, какъ и мужчинѣ, принадлежалъ весь міръ. Она видѣла, какъ та женщина каталась въ лодкѣ, смѣялась, разговаривала съ чужими мужчинами, гарцовала на конѣ или лавила

*) Собака.

по горамъ, заходила въ мечеть, какъ будто въ свой собственный домъ, тогда какъ она, правовѣрная дочь Аллаха, не смѣетъ переступить порогъ мечети, будто она нечистое существо.

— Бепекъ! Бепекъ!—думаетъ обиженная Емене и чувствуетъ жалость къ Септару, почему-то вздыхаетъ, и снова шайтанъ напентываетъ ей грѣшныя мысли, возмущаетъ ее покой.

А съ веранды, съвозъ рѣшетчатыхъ окна доносится скрипучій, монотонный голосъ отца. Старый хаджи, можетъ быть, уже сотый разъ рассказываетъ о своемъ путешествіи въ Мекку. Мать проснулась, звенять чашки, пахнетъ кофеемъ.

— И пришли мы въ Мекку, въ Ель-хорому,—тянетъ, скрипитъ хаджи Бекиръ—и загорѣлось мое сердце огнемъ радости...

И вдругъ неожиданно ярко глазамъ Емене представляется картина, видѣнная когда-то съ виноградника и сильно поразившая ее. Тамъ, надъ моремъ, подъ позлащенными заходящимъ солнцемъ кипарисами танцуютъ «гяуры». Будто разноцвѣтные мотыльки, порхаютъ дѣвушки по зеленой лужайкѣ, а молодые люди подбѣгаютъ къ нимъ, обнимаютъ ихъ, сжимаютъ ихъ руки... заглядываютъ имъ въ глаза и кружатся вмѣстѣ, точно сорванные вѣтромъ цвѣты. Пѣніе, смѣхъ, веселые возгласы отдаются эхомъ въ рощахъ, а у Емене бьется сердце и сверкаютъ глаза. Будто очарованная, глядитъ она внизъ «можетъ быть, только гуріи въ раю веселятся такъ съ праведными»,—шепчетъ она и не можетъ отвести глазъ отъ этого чуднаго зрѣлища, не можетъ насмотрѣться... Чарующую картину принесла тогда она въ отцовскій домъ, и эта картина постоянно оживаетъ въ ее памяти.

— И сподобилъ меня милосердный Аллахъ прикоснуться Кааби и очиститься отъ грѣховъ, коснувшись Эсвады,—скрипитъ хаджи Бекиръ и поддакиваетъ ему въ отвѣтъ набожный рѣзникъ.

Но Емене не слушала.

Ея глаза, какъ и мысли, блуждали далеко по безконечному морю. А оно невинное, чистое, какъ дѣвушка, въ ослѣпительно голубомъ одѣяніи, съ ниткой жемчуга-пѣны на шеѣ, радостно улыбается берегу, ласкается къ нему, будто любящее существо. Далеко отъ берега играетъ въ морѣ табуны веселыхъ дельфиновъ. Эти черныя создания, будто семья чертей, выпрыгиваютъ изъ глубины, переворачиваются въ воздухъ и стремительно исчезаютъ въ морѣ, снова показываются и снова начинаютъ свою веселую игру.

А еще далѣе, куда глазъ едва достигаетъ—не то по водѣ, не то по тебу—легкой тѣнью движутся пароходы съ длиннымъ хвостомъ

дыма, и исчезаютъ, какъ видѣнія... море дышитъ; соленое свѣжее дыханіе шелеститъ листвою, ласкаетъ лица, придаетъ груди бодрость.

— Емене! Кель мунда! *)—раздается со двора пискливый голосъ матери.

Значитъ, гостя ужъ нѣтъ, и можно выйти изъ дома. Емене вышла и чуть не сбила съ ногъ двухъ европейскихъ женщинъ, разговаривавшихъ съ матерью. Дѣвушки объясняли что-то старухѣ, указывая на домъ, на деревню, но все напрасно: старуха не понимала, хотя кивала головой, стараясь показать, что она хорошо понимаетъ, чего онѣ хотятъ.

Однако изъ разговора ничего не выходило. Сначала гости озабоченно старались объяснить, но, увидавъ, что всѣ старанія напрасны, весело расхохотались. Это придало татаркамъ смѣлость. Емене, до сихъ поръ искоса поглядывавшая на чужестраногъ, подошла ближе и стала оглядывать ихъ съ головы до ногъ. Глаза у ней разбѣгались, все ее интересовало въ этихъ незнакомыхъ существахъ. Сначала она потянула одну изъ дѣвушекъ за платье, потомъ свѣсила на рукѣ ея тяжелую косу и съ восхищеніемъ сказала:

— Барошъ! Барошъ урусъ!

Тѣ смѣялись, но не противились.

Наконецъ, набравшись смѣлости, Емене просто набросилась на гостей; она гладила ихъ руки, волосы, лица, заглядывала въ глаза, хлопала по плечамъ, прижимала къ себѣ, разсматривала и ощупывала каждую подробность ихъ туалета. Качая головкой, она что-то быстро говорила на непонятномъ имъ языкѣ. Старая татарка тоже не отставала отъ дочери, и скоро дѣвушки очутились точно въ плѣну у дикарей: онѣ начали уже бояться, если не за собственную безопасность, то за цѣлость своихъ костюмовъ. Не выпуская ихъ изъ рукъ, татарки принесли имъ всякихъ лакомствъ, угощали ихъ простоквашей въ грязной посудѣ, свѣжимъ инжиремъ и жареными въ бараньемъ жирѣ коржиками.

— Кушай, урусъ, кушай!—просили они, заглядывая гостямъ въ ротъ.

Когда гости ушли, Емене еще долго смотрѣла вслѣдъ смѣлымъ дѣвушкамъ, которыя одни, безъ проводника мужчины, пришли отъ моря и теперь возвращаются обратно, ни передъ кѣмъ не скрывая своихъ красивыхъ лицъ.

Но Емене снова одна, снова ей скучно. Она безъ цѣли бродитъ по дворику, забѣгаетъ въ домъ, вездѣ ищетъ развлеченія или какого-

*) Или сюда.

нибудь дѣла. Но дѣла нѣтъ, а развлеченіе у татарской дѣвушки только одно: наряды. Этими и кончилось. Емене расчесала и заплела мелкими прядями свои красные, какъ огонь, крашеные волосы, нагнула на себя новый халатъ со странными рисунками и перевязала станъ косынкой такъ, чтобы ея пестро размалеванный конецъ сзади низко спускался, согласно этикету. Потомъ она нацѣпила на шею свое богатство—ожерелье изъ золотыхъ монеть, а на голову надѣла маленькую шапочку, унизанную монетами. Легкая чадра на плечахъ и красныя туфельки дополняли ея туалетъ. Оставалось только нарумявить щеки и соединить краской брови. Когда она была готова, то казалась индѣйскимъ божкомъ и была очень собой довольна.

Но во дворикъ, куда она вышла, некому было любоваться ея красотой. Бѣдная дѣвушка вздохнула. День уже гасъ. Блѣдное, усталое море гнѣвно плескалось о берегъ. Каменистыя вершины Яйлы розовѣли въ небѣ, сизая мгла пряталась въ горныхъ впадинахъ, а лѣса на склонахъ горъ чернѣли, будто сожженные.

Емене глянула вверхъ на деревню. Прижавшаяся къ холму, она казалась огромными сотами, поставленными вертикально. Ряды бѣлыхъ домовъ съ плоскими земляными крышами стояли одинъ надъ другимъ такъ, что крыша одного домика часто служила дворикомъ другому. Среди лѣса колонокъ, подпиравшихъ крыши, чернѣли двери, окна, будто входы въ пещеры, а все вмѣстѣ напоминало гнѣзда рѣчныхъ ласточекъ на крутомъ берегу рѣчки. На плоскихъ крышахъ кучками сидѣли женщины и, будто разноцвѣтные мотыльки, оживляли праздничными яркими нарядами сѣрый фонъ обнаженного неба. Старая генуэзская башня, облупившаяся и изгрызенная зубами времени, стоя въ сторонѣ, грозно поглядывала съ вышины на татарскій нравейникъ, шевелившійся у ея подножья.

Емене увидала ту, которую хотѣла увидеть.

— Фатьме-е!—взвизгнула она тонкимъ пронзительнымъ голосомъ.

— Емене-е!—донесся изъ деревни такой же пискливый отвѣтъ.

Емене живо схватила мѣдный кувшинъ и отправилась къ «Чиш-у» за водой.

Она бѣжала въ гору стройная и ловкая, какъ молодая козочка, и едвушая удовольствіе мелкихъ сплетень мелочной жизни татарской женщины, которая ей сообщитъ подруга, ожидающая ее подлѣ «ишме».

Однако на шоссе она должна была остановиться: знакомая какада галопомъ проскакала мимо нея—впереди женщины, а за ними

Септаръ, сильный, стройный, съ вышитой золотомъ грудью и наглымъ, самоувѣреннымъ взглядомъ.

Кавалькада давно уже промчалась, а Емене все стояла на мѣстѣ и смотрѣла ей вслѣдъ, будто ожидала, не вернется ли ея счастье, исчезающее изъ глазъ, и не возьметъ ли ее съ собой въ свободный, широкій миръ, болѣе широкій, чѣмъ задѣланная рѣшеткой женская половина отцовскаго дома.

— «Бепекъ!»—вспомнилось ей презрительное отцовское замѣчаніе и полная вражды фигура стараго хаджи.

Сердце ея упало, слезы навернулись на глаза.

Въ деревнѣ тихо и темно. Лавки заперты, проводники разсѣдали своихъ коней, продавцы «ямутры» *), винограда, чадръ и тому подобнаго отложили свои дѣла на слѣдующій день. Вообще вся та дѣятельность, рассчитанная на полные карманы «гнуровъ», остановилась ради праздника. Муэзинъ въ послѣдній разъ проскрипѣлъ съ минарета «ла Алла», и правовѣрные отдыхаютъ. Только неутомимое море грохочетъ издалека, будто невидимый великанъ выдыхаетъ дневную жару, да звѣзды дрожатъ въ ночной прохладѣ, постепенно при-
часъ за черныя, какъ тучи, вершины «Яйлы».

У подножья генуэзской башни блестятъ огонь. Тамъ въ заочечной отъ дыма расщелинѣ, какъ въ дуплѣ большого дерева, варится на раскаленныхъ угольяхъ кофе. Вокругъ огня, подобравъ по восточному ноги, сидятъ бородатые хаджи въ большихъ чалмахъ, и простые мусульмане въ красныхъ фескахъ. Хаджи-Бекиръ занимаетъ почетное мѣсто: онъ сидитъ рядомъ съ туркомъ въ бѣломъ халатѣ и зеленой чалмѣ. Это софта изъ самаго Стамбула, и всѣ правовѣрные собрались тутъ послушать его мудрыхъ, святыхъ рѣчей.

Всѣ молчатъ, всѣ сосредоточены.

Даже красавецъ Септаръ, примостившійся невдалекѣ, держа въ своихъ сильныхъ, съ запахомъ конскаго навоза, рукахъ кнутъ, теперь какъ будто не такъ гордо выпячиваетъ свою вышитую золотомъ грудь, съ меньшей наглостью посматриваетъ вокругъ.

Огонь блестками играетъ на красныхъ фескахъ, освѣщая смуглыя лица. Мѣдный кофейникъ шипитъ на угольяхъ, далекое море ритмически грохочетъ. Но вотъ кофе налито въ маленькія чашечки, и софта началъ говорить.

Онъ говорилъ тихо, скрипучимъ, монотоннымъ голосомъ, цвѣтисто и пространно. Онъ началъ отъ Адама. Яркими красками рисо-

*) Янда.

валъ онъ прежнюю славу и величіе татарскаго племени, его битвы съ невѣрными, въ которыхъ знамя Магомета обошло чуть не полъ-міра. Онъ прославлялъ богатство и мудрость великихъ хановъ, расчувствовался, вспоминая набожность правовѣрныхъ, и открылъ, что сердце Аллаха полно радости, что у него еще есть вѣрные слуги. Какъ луна среди звѣздъ, какъ орелъ среди птицъ—такими были мусульмане среди другихъ народовъ. Онъ призывалъ въ свидѣтели предвѣчныя горы, въ своей неподвижности видѣвшія прежнюю славу великаго народа. Ссылаясь на башню, подъ которой сидѣлъ: онъ помнитъ время, когда по ея стѣнамъ текла кровь «гяуровъ», а на вершинѣ сіялъ полумѣсяцъ.

Искусно и поэтически рассказывалъ онъ всѣмъ извѣстныя, всѣмъ дорогія легенды, вызывалъ изъ могилы тѣни святыхъ и героевъ, положившихъ жизнь за вѣру и славу Аллаха. Пророчества и тексты изъ корана переплетали рѣчь замысловатой сѣтью, и она покрывала прошлое туманнымъ чарующимъ покровомъ. Въ черныхъ горахъ софты горѣлъ огонь, а блѣдное лицо становилось еще блѣднѣе. Правовѣрные слушали, сосредоточивъ все свое вниманіе, и въ тактъ раскачивались на подобранныхъ ногахъ.

А софта продолжалъ.

Онъ припомнилъ всѣ несправедливости, причиненныя гяурами правовѣрнымъ. Они уничтожили ихъ царство, разорили ихъ жилища и обратили въ пустыню ихъ страну, цвѣтущую, какъ цвѣтокъ. Гдѣ тѣ селенія, гдѣ тотъ народъ, населявшій плодородную землю? Его тѣтъ, его изъ собственныхъ земель изгналъ врагъ.

— Посмотрите,—говорилъ онъ, обводя вокругъ рукой,—разваины! Все пожрали невѣрные! Они захватили лучшія земли, отгѣснили татаръ въ горы, на камни. Пядь за пядью, шагъ за шагомъ переходятъ татарскія земли въ руки невѣрныхъ и скоро не будетъ мѣста для святой мечети, негдѣ будетъ славить Аллаха и Магомеда... да и будетъ ли кому? Старые обычай забываются, пропала честность, простота, исчезаетъ страхъ Божій... Нечестивые заразили своими грѣховными болѣзнями правовѣрныхъ... развратъ... ракія... воровство даже... Алла! Алла! ты видишь!...

И блѣдный турокъ поднялъ руки къ лунѣ, вынырнувшей изъ моря и облившей все синимъ свѣтомъ. Въ тишинѣ было слышно только грохотъ моря да серебристый мелодическій голосокъ восточнаго кузнечика. Въ далекихъ рощахъ тоненькимъ голоскомъ плакала птичка: «сплю-ю, сплю-ю». Черныя горы стояли будто привидѣнія и гляѣли на золотой путь, проложенный луною по морю, трепетавшій и оживавшій золотой чешуей.

Софта вздохнулъ. Въ этомъ вздохѣ слышалось жгучее сожалѣніе о прошломъ страны, боль надъ упадкомъ единовѣрнаго народа.

— Но еще не все погибло. Еще милосердный Богъ оставилъ земли для правовѣрныхъ, гдѣ гяуръ не имѣетъ власти издѣваться надъ ними. Надъ той счастливой страной простираетъ свою могучую руку справедливый и мудрый султанъ и, какъ отецъ дѣтей, защищаетъ своихъ подданныхъ. Туда, къ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ освободиться отъ грѣховъ, спасти свою душу? Не надо ожидать смертнаго часа въ этой нечестивой странѣ, потому что кто сложитъ здѣсь свои кости, тому тяжело будетъ предстать передъ Господомъ вмѣстѣ съ грѣшниками. Правовѣрные! старый и малый, богатый и бѣдный, слабый и сильный, отрясите прахъ отъ ногъ своихъ и идите въ землю предковъ, собирайте свое имущество, своихъ женъ и дѣтей и выселяйтесь отсюда подъ могучую десницу правовѣрнаго монарха, ближе къ святымъ мечетямъ, въ освященную стопами пророка землю... И пусть провалится захваченная гяурами страна, пусть справедливый Господь пошлетъ съ неба огонь, сожжетъ ее и развѣетъ прахъ по безграничному морю!... Ла Алла иль Алла!—Магометъ расуль Алла!

И софта, поднимая руки, простеръ ихъ надъ землею, будто призывая на нее гнѣвъ Аллаха.

У Хаджи Бекира горѣла душа. Онъ глядѣлъ на софту сверкающими глазами, онъ видѣлъ падающій съ неба огонь, а тамъ, за моремъ, въ далекой перспективѣ, сияли передъ нимъ мусульманскія реликвіи.

Настала тишина. Огонь подъ башней покрывся золой, и полная луна съ высоты смотрѣла на собравшихся людей.

Правовѣрные, однако, сидѣли съ опущенными глазами, и казалось, что лукавая усмѣшка бродитъ по ихъ смуглымъ лицамъ.

«Да,—думали они,—гяуръ, гяуръ... А съ кого же мы все беремъ, какъ не съ гяура?»

Имъ вспоминались безчисленные способы заработка и та выгода, которую приносили гяуры. Вспоминались всѣ тѣ «ямутра», виноградъ, молоко, подводы, проводники, квартиры и т. п. Всякаго рода бакшишъ, вся та богатая жатва, которую они собирали, не съя. Буда имъ выселяться. Зачѣмъ?—спрашивали они себя, и имъ хотѣлось разсмѣяться въ глаза мудрому и незнакомому съ положеніемъ вещей софтѣ.

Но они молчали.

Молчаніе, наконецъ, стало тягостнымъ, всѣмъ было не по себѣ, но выручилъ Септаръ. Онъ подошелъ ближе, оперся своими крѣпкими руками на кнутъ и обратился къ софтѣ:

— Ты говоришь, мудрый человекъ: выселяйтесь отсюда... А скажи намъ, почему отъ васъ тѣснится къ намъ столько оборваннаго рабочаго люда и отнимается у насъ заработокъ? Почему они приходятъ сюда, если тамъ хорошо? А ты насъ зовешь туда... Смотри, идутъ ли дорогой правды твои слова? Ты говоришь: гяуръ, невѣрный, а у насъ богатый гяуръ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ два правовѣрныхъ. Гяуръ живетъ и намъ даетъ жить. У насъ такъ: на Ямлу пошелъ—деньги заработалъ, по морю проплылъ—деньги заработалъ, гяура свозилъ—опять деньги получил... Вотъ я и сейчасъ имѣю пятнадцать рублей...—и Септаръ позвенѣлъ монетами, — а что ты намъ дашь тамъ, въ турецкой странѣ, гдѣ нѣтъ гяуровъ?

Септаръ, выставивъ свою вышитую золотомъ грудь, нагло смотрѣлъ на взволнованнаго софту, ожидая отвѣта. Правовѣрные крикнули. Истина, суцая истина! Онъ точно взялъ съ ихъ губъ эти слова, которыя они могли бы сказать софтѣ.

Только сердце хаджи Бекира вспыхнуло гнѣвомъ и, меча молніи изъ глазъ, онъ крикнулъ Септару:

— Молчи ты, поганый наемникъ гяуровъ!

Но Септаръ не замолчалъ.

— Ей, старикъ, я знаю, тебя беретъ зависть, что я столько зарабатываю, а ты этого изъ-за своего упорства не можешь дѣлать.

Да, это была правда, глубоко, старательно скрываемая правда—и хаджи не выдержалъ. Забывая свое достоинство и важность хаджи, онъ вскочилъ съ мѣста и все свое негодованіе выплюнулъ Септару въ лицо.

— Бепекъ, асма кепекъ *).

Глаза проводника налились кровью и вытѣзли, какъ у барана. Казалось, что дѣло кончится плохо, но Септаръ сдержалъ себя.

— Ей, старикъ, береги свою бороду, разъ ты ее посвятилъ про-року, — пригрозилъ онъ и, круто повернувъ, отошелъ, насвистывая пшисовую.

Софта онѣмѣлъ. Его черные глаза стали круглыми и большими, и въ нихъ свѣтился ужасъ. Онъ ожидалъ, что земля раскроется и полотить Септара или что онъ найдетъ могилу подъ развалинами баши, по камню разобранной негодующимъ народомъ. Но все было по режнему. Земля не раскрывалась, башня стояла на мѣстѣ и даже при вѣтрѣ сидѣла спокойно, будто ничего не случилось, будто они въ нѣтъ раздѣляли взгляды Септара. Черезъ минуту даже начали рас-

*) Собака, бѣшеная собака.

ходиться, отговариваясь тѣмъ, что ужъ поздно, а завтра ихъ ждутъ дѣла...

Растерянными глазами смотрѣлъ софта вокругъ себя, и въ его головѣ стало проясняться.

«Путы шайтана... путы шайтана...» — шепталъ онъ посинѣвшими губами, обративъ лицо къ негодующему хаджи Бекиру.

Но тотъ въ безсильномъ гнѣвѣ только плевалъ и сыпалъ проклятіями.

Послѣдними оставили башню хаджи Бекиръ и софта. Будто при видѣніи, подвигались они по залитой луннымъ свѣтомъ улицѣ, таща за собой длинныя, головатыя тѣни. Огорченные и разочарованные, дѣлились старики своими печалами и, будто сочувствуя имъ, вздыхало далекое море да въ рощахъ тоненькимъ голоскомъ плакала птичка.

Переводъ съ малорусскаго Н. К.

ТАЙНА КУЗЬМЫ ПЛАТОНОВИЧА.

(Разсказъ.)

I.

Съ перваго же года введенія земскихъ учреждений N—ское земство стало испытывать нужду въ профессиональныхъ интеллигентныхъ работникахъ. Доктора, техники, учителя и даже фельдшера очень не охотно шли на службу въ захолустный уѣздъ, почти лишенный желѣзныхъ дорогъ и на сотни верстъ удаленный отъ губернскаго города. При первомъ же удобномъ случаѣ они переводились изъ этого медвѣжьяго угла въ болѣе культурныя мѣста.

Вотъ почему N—ское земство не мало было удивлено, когда на земскую службу весьма охотно поступилъ молодой ветеринарный врачъ, Кузьма Платоновичъ Корнепловъ, и сразу проявилъ склонность на долгое время осѣсться въ N—скомъ уѣздѣ.

Въ первое время Корнепловъ мало жилъ въ жалкомъ уѣздномъ городишкѣ, постоянно разъѣзжая по самымъ глухимъ частямъ уѣзда, не оставаясь долго въ одномъ мѣстѣ. И земство, и, особенно, помѣщики были чрезвычайно довольны энергичнымъ ветеринарнымъ врачомъ, а администрація и духовенство не могли нахвалиться имъ, тѣмъ болѣе, что Корнепловъ при своихъ разъѣздахъ останавливался и проводилъ свободное время исключительно у становыхъ приставовъ и священниковъ.

Лишь года черезъ два по прибытіи Кузьма Платоновичъ сталъ на болѣе продолжительное время задерживаться въ уѣздномъ городѣ, а затѣмъ и вовсе поселился въ немъ, выѣзжая въ уѣздъ только по предложенію земства. Но и въ городѣ ветеринарный врачъ жилъ весьма замкнуто и чаще всего посѣщалъ исправника.

Точти одновременно съ переездомъ Корнеплова въ городъ N административнымъ порядкомъ была выслана молодая, красивая и

симпатичная курсистка, Елизавета Степановна Лысова. Не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, она вынуждена была искать работы и прежде всего лично отправилась къ предсѣдателю мѣстной уѣздной земской управы.

— Но я ничего не могу для васъ сдѣлать, — отвѣтилъ ей послѣдній: — вы находитесь подъ гласнымъ надзоромъ...

— Дайте мнѣ какую-нибудь частную работу... Я почти окончила высшіе женскіе курсы и могу.

— Все это прекрасно, — перебилъ предсѣдатель, — и я охотно далъ бы вамъ работу, не только изъ желанія доставить вамъ средства къ жизни, но и потому, что мы страшно нуждаемся въ интеллигентныхъ работникахъ, но, повторяю, безсиленъ что-либо сдѣлать... Вы на себѣ знаете, какое ужасное время мы переживаемъ, а на земство смотреть особенно косо: намъ просто запрещено давать какое бы то ни было занятіе лицамъ поднадзорнымъ.

— Но что же мнѣ дѣлать, предсѣдатель? Проституціей, что ли, заниматься?

— Ахъ, что вы! что вы! — воскликнулъ предсѣдатель: — образованная дѣвушка, красавица...

— Мерси за комплименты, но мнѣ отъ нихъ ни жарко, ни холодно.

— Но что же мнѣ дѣлать?

Предсѣдатель вздохнулъ, задумался, а затѣмъ вдругъ просіялъ и крикнулъ сторожа. Когда послѣдній явился, онъ сказалъ ему:

— Позовите Корнеплодова.

Обратившись затѣмъ къ просительницѣ, онъ пояснилъ:

— Есть у насъ ветеринарный врачъ, который, кажется, хорошо знакомъ съ исправникомъ.

— А чѣмъ объясняется это знакомство?

— Онъ, видите ли, по дѣламъ службы сталкивается съ администраціею и, вѣроятно, благодаря этому...

Въ это время возвратился сторожъ и сообщилъ, что врачъ уже ушелъ.

— Жаль, — сказалъ предсѣдатель: я тоже сейчасъ уѣзжаю въ уѣздъ и возвращусь не ранѣе недѣли... Развѣ вотъ что: я дамъ вамъ письмецо, а вы какъ-нибудь зайдите или въ управу, или прямо на квартиру къ Корнеплодову.

Предсѣдатель досталъ изъ кармана визитную карточку, что-то написалъ на ней и, вложивъ въ кувертъ, передалъ Лысовой.

Послѣдняя поблагодарила и ушла.

Елизавету Степановну смущало знакомство Корнеплодова съ

исправникомъ, и она, вѣроятно, не воспользовалась бы рекомендаціею къ нему, если бы не получила печальнаго извѣстія, что всѣ ея друзья и знакомые сосланы въ разные мѣста и находятся въ такомъ же тяжеломъ положеніи, какъ и она. Это сообщеніе лишило ее всякой надежды на матеріальную поддержку, потому что изъ родныхъ у нея была только мать, глубокая старушка, которой Лысова сама должна была помогать.

Тогда Елизавета Степановна отправилась къ Борнеплодову, рѣшивъ воспользоваться его протекціею въ томъ лишь случаѣ, если убѣдится, что знакомство ветеринарнаго врача съ администраціею является слѣдствіемъ официальныхъ связей.

Бузьма Платоновичъ уже слышалъ о Лысовой отъ исправника, нѣсколько разъ встрѣчалъ ее на улицѣ и искалъ случая познакомиться съ красивою, образованною дѣвушкою, рѣзко выдѣлявшеюся среди обывательницъ N—ска. Поэтому, когда Елизавета Степановна зашла къ нему, онъ принялъ ее чрезвычайно любезно, а прочитавъ записку предсѣдателя, словно бы угадывая мысли курсистки, сказалъ:

— Очень радъ, что могу воспользоваться связями съ администраціею: это оправдываетъ мою тактику.

— Тактику! — радостно улыбаясь, сказала дѣвушка: — только тактику?

— А что же больше? — удивленно спросилъ Борнеплодовъ: — что общаго между мною и уѣзднымъ помпадуромъ?... Вы знаете пословицу: «съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ».

Елизавета Степановна весело разсмѣялась и сказала:

— Ну, теперь сомнѣнія мои разсѣялись, и я охотно воспользуюсь вашею тактикою.

— А вы сомнѣвались?

— Но я васъ не знала...

— Надѣюсь оправдать ваше довѣріе.

— Если мнѣ не придется просить о переводѣ въ другое мѣсто.

— Это почему?

— Въ случаѣ неудачи вашей «тактики».

— О, въ этомъ я увѣрена! Да, наконецъ, я лично, отъ себя могу вамъ дать работу.

— А развѣ у васъ есть?

— Я думаю на-дняхъ приступить къ обработкѣ статистическаго матеріала.

— Какъ бы хорошо непосредственно отъ васъ получить работу, что не имѣть дѣла съ помпадуромъ.

— Только работа у меня ску-учная: эпидемія, эпизоотія, чума, сибирская язва, сапъ, антиномингозъ, вообще — неинтересное занятіе.

— О-о! Это для меня безразлично, лишь бы трудъ не былъ си-некурою.

— Нѣтъ, работа нужная и спѣшная: ее нужно представить къ земскому собранію.

— Превосходно! Работать я буду усердно и, надѣюсь, успѣшно.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, да, наконецъ, вы будете работать у меня на дому, такъ что всякаго рода недоразумѣнія тутъ же будутъ и устраняться.

— Ахъ, какъ же мнѣ повезло! Въ ссылкѣ такъ трудно получить работу.

— Я это хорошо знаю... Что же касается вознагражденія...

— Вы объ этомъ не беспокойтесь, — съ вами торговаться я не стану.

— Нѣ-ѣтъ, это ужъ позвольте... Ваше имя и отчество?

— Елизавета Степановна. А ваше?

— Бузыма Платоновичъ... Такъ вотъ что я вамъ скажу, Елизавета Степановна. Трудъ долженъ быть оплаченъ въ полной мѣрѣ. Земская ассигновка на эту работу не велика, но интеллигентный, какъ вы, человѣкъ можетъ замѣнить многихъ мѣстныхъ невѣждъ, а потому я могу на первое время предложить вамъ по пятидесяти рублей въ мѣсяць.

— Пятьдесятъ рублей?! Да это цѣлый капиталъ! Я въ Петербургѣ, бѣгая съ утра до поздняго вечера по урокамъ, зарабатывала, и то не всегда, 40 рублей въ мѣсяць и изъ нихъ десять высылала матери.

— Позвольте, позвольте... Пятьдесятъ рублей — сумма, на мой взглядъ, далеко не оплачивающая труда, который вамъ предлагается, а потому я убѣдительно прошу васъ у меня обѣдать: это не филантропія, а доплата.

— Нѣтъ, зачѣмъ же...

— Мы можемъ не сойтись, Елизавета Степановна: я настаиваю на этомъ.

— Но вѣдь обѣдъ вы не отъ земства получаете?

— Да, но я даю вамъ работу и знаю, что оплачиваю лишь часть ея.

— Ну, тамъ посмотримъ... Быть можетъ, я окажусь еще плохой работницею.

— О, конечно, въ этомъ случаѣ я скажу вамъ откровенно.

— Только при такихъ условіяхъ я и возьму работу.

— Еще одно слово: отчего бы вамъ не переселить сюда вашу матушку? Вѣдь вамъ приходится жить, такъ сказать, на два дома.

— Это моя мечта—жить вмѣстѣ со старушкою, но въ Петербургѣ я не могла осуществить ее.

— Конечно, но здѣсь...

— Здѣсь, понятно, возможно, но, во-первыхъ, насколько постояннень будетъ мой заработокъ, а во-вторыхъ...

— Относительно «во-первыхъ», ручаюсь вамъ за все время вашего пребыванія и съ непремѣннымъ условіемъ повышать гонораръ, такъ какъ, надѣюсь, земскія ассигновки на разработку матеріаловъ будутъ увеличиваться, а во-вторыхъ?

— А во-вторыхъ,—и это самое важное,—неужели всѣ пять лѣтъ я буду прозябать въ ссылкѣ? Неужели не наступятъ лучшіе дни? Вѣдь я хочу, во что бы то ни стало, окончить курсы и поработать для народа.

При этихъ словахъ Корнеплововъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, но быстро овладѣлъ собою, такъ что дѣвушка не замѣтила душевнаго волненія своего собеседника.

— Конечно,—отвѣтилъ онъ ей,—отъ души желаю вамъ исполненія вполнѣ понятныхъ желаній вашихъ, но долженъ замѣтить, что время переживаемъ мы мрачное,—врядъ ли возможно рассчитывать на скорое освобожденіе; а между тѣмъ, если бы вамъ пришлось прожить только одну треть назначеннаго—это уже выходитъ около двухъ лѣтъ: за это время, при дешевизнѣ мѣстной жизни, у васъ можетъ скопиться небольшая сумма, которая дастъ возможность прожить нѣкоторое время въ Петербургѣ вамъ и можно будетъ выдѣлить кое-что вашей матушкѣ.

— Да, вы правы,—задумчиво отвѣтила Елизавета Степановна:—если работа моя пойдетъ гладко, я, должно быть, переселю сюда свою старуху... А когда же можно получить работу?

— Да хотя завтра.

— Неужели? Ну, бо-ольшое вамъ спасибо!

— Не за что, Елизавета Степановна: такая работница, какъ вы, для меня находка, и не вы меня, а я васъ долженъ благодарить.

— Не хвалите, чтобы потомъ не жалѣть,—улыбаясь, сказала дѣвушка и встала, чтобы уходить.

— Буда вы спѣшите?—удерживалъ ее Корнеплововъ.

— Нѣтъ, я уже завтра прямо на службу приду.

— На службу? Ну, какъ знаете.

Лысова ушла.

II.

Сіяющая и радостная возвратилась дѣвушка въ свою крохотную квартиру, расположенную на самомъ концѣ города, и тотчасъ же принялась писать письмо матери, въ самыхъ радужныхъ краскахъ рисуя свою жизнь и восхваляя Корнеплодова. Въ концѣ письма она выразила надежду, что мать скоро будетъ жить вмѣстѣ съ нею. Размечтавшись, Елизавета Степановна написала письма и двумъ своимъ подругамъ, высланнымъ, какъ и она, и также не имѣвшихъ средствъ къ жизни. Сообщая о «громдномъ вознагражденіи», она предлагала имъ перевестись въ N, «гдѣ средствъ на всѣхъ хватитъ». Эти письма она немедленно отнесла на почту, а на возвратномъ пути, въ ожиданіи будущихъ благъ, купила къ чаю колбасы и лимонъ, на что раньше не рѣшалась тратить своихъ грошей, оставшихся отъ залога часовъ.

Ночью отъ волненія Елизавета Степановна плохо спала, проснулась ни свѣтъ, ни заря и нѣсколько разъ въ сосѣдней лавчонкѣ справлялась—который часъ. Цѣлою вѣчностью показалось ей время отъ 7 до 9 часовъ, а въ 9 она не выдержала и вышла изъ квартиры. Хотя шла она медленно, но было всего 9¼ часовъ, когда достигла квартиры Корнеплодова. Лысовой казалось неловко явиться ранѣе назначеннаго времени, и она до 10-ти часовъ пошла безцѣльно ходить по улицамъ. На одной изъ нихъ она встрѣтила Бузьму Платоновича и страшно смутилась, но врачъ смущень былъ еще болѣе и первый сталъ объяснять причину ранняго появленія на улицѣ, полагая, что Елизавета Степановна замѣтила, какъ онъ вышелъ отъ исправника.

— А я у помпадуръ былъ,—началъ онъ, неестественно улыбаясь:—вызвалъ онъ меня по случаю проявленія болѣзни на скотѣ у одного помѣщика... Между прочимъ, при разговорѣ, вскользь упомянулъ, что вы у меня будете работать.

— Ну и что? — живо спросила Елизавета Степановна, оправившаяся отъ смущенія.

— Глазомъ не моргнулъ... Впрочемъ, я такъ сказалъ, что онъ и не посмѣлъ сдѣлать замѣчаніе. Когда рѣчь зашла о болѣзняхъ скота, я говорю, что скоро мною будутъ разработаны богатые данныя по этому вопросу, благодаря счастливой случайности: въ нашъ городъ,—говорю,—пріѣхала образованная дѣвушка, Лысова, которую я и упробовалъ работать. При этомъ я сдѣлалъ сильное удареніе на словѣ упробовалъ.

Елизавета Степановна размѣялась и сказала:

— Очень хорошо! Значить, я не соглашалась, а вы меня упрашивали?

— Да, я старался придать именно такой характер нашим переговорамъ.

— И, вотъ, не съѣлъ же васъ помпадуръ.

— Ни Боже мой!

— А предсѣдатель управы боится даже подумать объ этомъ.

— Что вы можете ожидать отъ захолустныхъ обывателей... Они ни трусы, или, чаще всего, доносчики... Здѣсь не съ кѣмъ слова сказать: одни—дураки, другіе—подлецы.

Бузьма Платоновичъ вздохнулъ. Елизавета Степановна бросила на него полный сочувствія взглядъ и спросила:

— А который теперь часъ?

— Безъ четверти десять.

— Можно уже за работу приниматься?

— Буду очень радъ... Идемъ прямо ко мнѣ, если у васъ нѣтъ другого дѣла.

— Нѣтъ, я свободна.

Пришедши въ квартиру, Бузьма Платоновичъ, прежде чѣмъ показать работу курсисткѣ, угостилъ ее кофе и чаемъ, причемъ сдѣлалъ Елизаветѣ Степановнѣ предложеніе, которое совершенно завоевало симпатіи дѣвушки.

— Я,—сказалъ Корнеплодовъ,—демократъ по происхожденію, и много нужды вынесъ на своемъ вѣку, а потому понимаю ее, эту самую нужду, и цѣню людей, своимъ трудомъ добывающихъ кусокъ хлѣба. Поэтому хочу я облегчить и ваше бремя, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желаю поставить васъ въ зависимость отъ себя. У меня явилась такая мысль: нисколько не стѣсня себя, я могу выдать вамъ авансомъ сто рублей, а вы ежемѣсячно будете выплачивать мнѣ изъ вашего вознагражденія, сколько будете въ состояніи, но не болѣе пяти рублей. Получивъ отъ меня эту сумму, вы можете немедленно нанять квартиру, обзавестись нужными вамъ хозяйственными принадлежностями, переселить сюда вашу матушку.

— Не знаю, право, какъ васъ и благодарить, Бузьма Платоновичъ... Если для васъ не затруднительно выдать авансъ, то, понятно, луче и быть не можетъ.

— Вѣрьте, Елизавета Степановна, что сто рублей я могу выдать безъ малѣйшаго стѣсненія.

При этомъ Корнеплодовъ вынулъ туго набитый бумажникъ и продолжалъ:

— Видите, какой я богачь... Я вѣдь одинокъ, а служу уже четвертый годъ, куда мнѣ деньги дѣвать.

Онъ выложилъ на столъ бумажки и сталъ составлять сто рублей изъ кредитокъ разной цѣнности, говоря:

— Я нарочно даю вамъ разные кредитные билеты, чтобы не затруднять васъ размѣномъ.

— Но, право, вы ужъ слишкомъ любезны.

— Никакой здѣсь любезности нѣтъ, а просто я знаю, что въ нашемъ городишкѣ не легко размѣнять не только сто, но и двадцать пять рублей.

— Ваша предупредительность приводитъ меня въ смущеніе... Чѣмъ я могу отблагодарить васъ...

— Ну, пожалуйста, безъ комплиментовъ... Я люблю простоту и искренность въ отношеніяхъ...

— Я—тоже, и сейчасъ вамъ разоткровенничаюсь: вчера я послала уже письмо мамѣ, въ которомъ обнадежила ее, что будемъ жить вмѣстѣ, и двумъ ссыльнымъ подругамъ, которымъ совѣтую переехать сюда.

Корнепловъ нахмурился и сжалъ губы, но тотчасъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— И прекрасно сдѣлали... Матушкѣ сегодня же шлите деньги, что же касается подругъ, то не успѣли ли вы ихъ обнадежить?

— О, нѣтъ, мы свободно можемъ прожить на мой заработокъ.

— Ну, это ваше дѣло... Матери вы можете сейчасъ же написать письмо, вложить деньги, а прислуга отнесетъ на почту.

— Прекрасно, и это и сдѣлаю.

Когда письмо было написано и вмѣстѣ съ деньгами отправлено на почту, Корнепловъ сталъ пояснять Елизаветѣ Степановнѣ работу. Последняя оказалась далеко не сложною, и Лысова послѣ первыхъ же указаній легко ориентировалась въ ней. Тогда Бузьма Платоновичъ ушелъ въ земскую управу, а курсистка начала работать самостоятельно. Она и не замѣтила, какъ прошло время до 2¹/₂ часовъ, когда возвратился Корнепловъ.

— Ну, шабашъ!—обратился онъ къ ней,—довольно работать.

— Но я работала только три часа.

— Для перваго раза совершенно достаточно.

— Нѣтъ, я еще послѣ обѣда доработаю.

— У меня есть другой проектъ, и вотъ почему: въ управѣ я узналъ, что одинъ изъ служащихъ въ ней сдаетъ небольшой домикъ съ прекраснымъ садомъ; этотъ домикъ очень близко отъ меня и стоитъ, сравнительно, недорого—десять рублей въ мѣсяць.

- Вот прелесть!—воскликнула Елизавета Степановна.
- Я и предлагаю—пойдемъ тотчасъ послѣ обѣда и посмотримъ.
- Превосходно.

Послѣ сытнаго и обильнаго обѣда Корнепловъ и Лысова отправились смотрѣть квартиру. Небольшой флигелекъ, расположенный въ громадномъ саду, напоминалъ дачу и очень понравился Елизаветѣ Степановнѣ. Она его тотчасъ же наняла и къ вечеру уже перебралась изъ своей темной комнатухи въ свѣтлую и чистую квартиру. Кузьма Платоновичъ очень усердно помогаль ей устроиться въ новомъ помещеніи, отдалъ свою «лишнюю», какъ онъ выразился, мебель и, до пріѣзда матери Елизаветы Степановны, предложилъ пользоваться услугами его горничной.

III.

Не прошло и двухъ недѣль послѣ знакомства Лысовой съ Корнешовымъ, какъ она прекрасно зажила въ N—скѣ. Бъ ней пріѣхала мать, у нея было свое хозяйство и прислуга; занималась Елизавета Степановна отъ 10 до 3 часовъ, а все остальное время было въ полнѣ ея распоряженіи; дѣвушка стала брать книги изъ небольшой бібліотеки при земской управѣ и, кромѣ того, по лекціямъ, подготавлилась на всякъ случай къ выпускному экзамену. Нѣкоторое время такая жизнь въ значительной мѣрѣ ее удовлетворяла, но мало-по-малу Лысову стала одолевать тоска. Это особенно проявилось осенью, когда улицы захолустнаго городка превратились въ сплошное, невылазное болото, и съ 3—4 часовъ дня приходилось уже зажигать лампы и сидѣть дома. Ея подруги, которыхъ она хотѣла перевести въ N—скѣ, отвѣтили, что получили категорическій отказъ, а другихъ знакомыхъ не было. Елизавета Степановна сдѣлала попытки кой съ кѣмъ познакомиться, но Корнепловъ нѣкоторыхъ характеризоваль, какъ трусовъ, другихъ называль дураками, а объ иныхъ таинственно заявляль, что они подозрительны, въ смыслѣ близости къ полицейскимъ сферамъ.

Такимъ образомъ, дѣвушка была совершенно изолирована отъ всего міра, и всѣ свои радости, печали и взгляды дѣлила лишь съ Бъю Платоновичемъ, единственнымъ и постояннымъ гостемъ.

Послѣдній не только не оспариваль самыхъ крайнихъ воззрѣній Елизаветы Степановны, но, если можно такъ выразиться, всегда былъ нотою выше самыхъ фантастическихъ ея плановъ, чѣмъ придалъ въ восторгъ молодую курсистку. Кромѣ того, онъ съ рѣдкою предупредительностью и нѣжностью относился къ матери дѣвушки,

что еще болѣе увеличивало симпатіи ея къ нему. Этими обстоятельствомъ, а также безлюдьемъ и привычкою, и объясняется, что къ концу года знакомства съ Корнепловымъ Лысова согласилась сдѣлаться его женою, тѣмъ болѣе, что Кузьма Платоновичъ нарисовалъ ей очень свѣтлую перспективу: вышедши замужъ за человѣка, ничѣмъ не скомпрометтированнаго, она скоро получить свободу и можетъ, окончивъ курсы, осуществить свои мечты относительно дѣятельности на благо народа, а онъ, Корнепловъ, не только не будетъ препятствовать всему этому, но и пойдетъ съ нею рука объ руку.

Елизавета Степановна принадлежала къ тѣмъ идейнымъ людямъ, которыхъ такъ много среди русскихъ женщинъ, у которыхъ фізіологическая любовь играетъ лишь подчиненную роль, и Лысова не задавалась даже вопросомъ—любитъ она Кузьму Платоновича, какъ женщина, или нѣтъ: удовлетворенная нравственно и идейно общаніями Корнеплова, она не разсуждала о будущемъ, не заботилась о своемъ положеніи, какъ жены и матери.

Передъ самою свадьбою Кузьма Платоновичъ заявилъ, что онъ врагъ публичности вѣнчанія и желаетъ совершить этотъ обрядъ гдѣ-нибудь въ глуши, въ простой сельской церкви, на лонѣ, такъ сказать, природы. Обладая хорошимъ голосомъ, онъ при этомъ пропѣлъ даже романсъ: «насъ вѣнчали не въ церкви», хотя былъ противникъ гражданскаго брака.

Эта мысль встрѣтила полное сочувствіе со стороны Елизаветы Степановны, и было рѣшено вѣнчаться въ отдаленной части уѣзда, у хорошо знакомаго Корнеплову «простого попа».

Когда женихъ, невѣста и старуха-мать ѣхали уже въ назначенное село, Кузьма Платоновичъ сообщилъ, что, «изъ тактическихъ соображеній», на свадьбѣ у нихъ будетъ исправникъ, два-три пристава и столько же священниковъ.

— Почему же ты раньше не сообщилъ мнѣ объ этомъ?—впервые возмутилась Елизавета Степановна.

— Просто забылъ... Это произошло случайно и почти въ самый моментъ отъѣзда.

— Но я этого не желаю...

— Ахъ, Лиза! Какъ ты себѣ же противорѣчишь... Вѣдь люди должны руководиться основною цѣлью, употребляя всѣ усилія достигнуть ее... Неужели тебѣ пріятно всѣ пять лѣтъ пребывать подъ надзоромъ полиціи въ этой берлогѣ? Ты мечтала окончить курсы, учиться, работать на благо народа... А между тѣмъ, если бракъ нашъ будетъ обставленъ таинственно въ глазахъ администраціи, она и пойметъ, что все это дѣлается съ цѣлью реабилитировать тебя. Я слыш-

комъ хорошо знаю этихъ негодяевъ... Сегодня, напрямѣръ, произошла такая нѣмая сцена. Когда я, встрѣтивъ исправника, вскользь упомянуть, что сегодня вѣнчаюсь, посмотрѣла бы ты, какое изумленіе и подозрѣніе выразилось на его бурбонской рождѣ! Но стоило мнѣ, понявъ, въ чемъ дѣло, отпарировать, — «надѣюсь, вы не откажетесь удостоить мою свадьбу посѣщеніемъ», — какъ все моментально измѣнилось: «благодарю, — отвѣтилъ онъ, — почту за особое удовольствіе» и, слушай, — «надѣюсь, говорить, что скоро буду имѣть счастье сообщить вашей супругѣ объ освобожденіи изъ-подъ надзора», — понимаешь?

Старуха, которая по-своему понимала счастье дочери и мечтала лишь о матеріальномъ обезпеченіи, пришла въ восторгъ отъ «тактики» зятя и всецѣло перешла на его сторону, а скоро, подумавши, и Елизавета Степановна согласилась, что, какъ сказалъ Генрихъ X, «обѣдня стоятъ Франціи».

Но ей эта «обѣдня» обошлась очень дорого. Свадьба вышла мѣщанская, пошлая. Исправникъ, становые и священнослужители перенились, а ихъ жены все время сплетничали и вели самые мелочные разговоры. За ужиномъ, который явился для нея неприятнымъ сюрпризомъ, говорили глупыя рѣчи, провозглашали циничныя тосты, кричали: «горько! горько!», и Елизавета Степановна принуждена была постоянно цѣловаться съ Кузьмою Платоновичемъ, что ей было противно. Въмѣсто обѣщанной поэзіи получилась самая плоская проза, любовь выведена была на базаръ и подчинилась требованіямъ пьяной толпы. Елизавета Степановна видѣла массу глазѣющихъ въ открытыя окна крестьянъ и крестьянокъ, слышала ихъ шушуканье и смѣхъ, когда ее ежеминутно заставляли публично проявлять свою любовь къ мужу, отъ котораго такъ же несло запахомъ алкоголя.

Когда гости разъѣхались, Кузьма Платоновичъ сталъ извиняться передъ женою, опять затянулъ свою пѣсню о тактикѣ, но на душѣ молодой женщины отъ этого было не легче.

Весь, такъ называемый, медовый мѣсяцъ и все лѣто новобрачные провели въ этомъ же селѣ, въ старинной барской усадьбѣ съ превосходнымъ паркомъ, рѣчкой и прудомъ. Лишь позднею осенью возвратились они въ городъ, причемъ Елизавета Степановна почувствовала себя беременною. Это обстоятельство очень порадовало Кузьму Платоновича, но жена его не только не выказывала удовольствія, а скорѣе казалась опечаленною. Ея настроеніе особенно выяснилось, когда однажды исправникъ явился на квартиру Корнепловыхъ и, вынувъ бумагу изъ бокового кармана, торжественно объявилъ:

— Вы, Елизавета Степановна, свободны! Отъ всей души радуясь этому и поздравляю васъ.

— Но теперь мнѣ ни къ чему эта свобода...

Исправникъ принялъ это за удачную острогу, которою молодая женщина желала высказать свое удовольствіе, что ей предстоитъ сдѣлаться матерью, и разсмѣялся густымъ, раскатыстымъ басомъ, но Бузьма Платоновичъ, какъ человѣкъ наблюдательный, понялъ иначе отвѣтъ Елизаветы Степановны и не ошибся. Когда исправникъ ушелъ, онъ спросилъ жену:

— Ты, Лиза, кажется, тяготишься своимъ положеніемъ?

На это она, глубоко вдохнувъ, съ глазами, полными слезъ, тихо отвѣтила стихами Надсона:

«Догорѣли огни, облетѣли цвѣты,
Непроглядная ночь, какъ могла, темна»...

— Позволь Лиза, — тревожно заговорилъ мужъ, — во-первыхъ, не мало примѣровъ, когда замужнія и семейныя женщины учатся и принимаютъ участіе въ общественной дѣятельности, а во-вторыхъ и мать, какъ воспитательница гражданъ, далеко не послѣдняя величина.

— Эхъ, не говори мнѣ этого!

Елизавета Степановна приложила платокъ къ глазамъ и ушла въ свою комнату.

IV.

Молодая женщина словно бы предчувствовала, что жизнь ея, какъ гражданки, кончилась. За первымъ ребенкомъ у нея родился второй, за вторымъ — третій, за третьимъ — четвертый. Она только и знала, что рожала и кормила, кормила и рожала.

Ровно десять лѣтъ, не видя свѣта и людей, безропотно прожизивала она въ глухомъ городишкѣ, но, когда дѣти подросли, Елизавета Степановна категорически заявила, что бросить семью, если Бузьма Платоновичъ не переведется въ губернской или въ другой какой-либо культурный городъ. Корнеплодовъ долго не соглашался на это, добавлялъ, что дѣти, когда придетъ время, могутъ жить на квартирѣ и ходить въ гимназію, ссылаясь на экономическія условія, но усилія его были тщетны.

— Вѣдь и я еще жить хочу! — протестовала она, — здѣсь я погубила свою молодость, похоронила мечты, но все, что еще мнѣ предстоитъ сдѣлать, я сдѣлаю, и ты меня не удержишь!

Въ концѣ-концовъ Бузьма Платоновичъ уступилъ настойчивости жены, съѣздивъ въ губернский городъ и очень скоро получилъ мѣсто правительственнаго губернскаго ветеринарнаго врача, объяснивъ оставленіе земской службы желаніемъ исполнить требованіе Елизаветы Степановны и взять то, что было возможно.

По переѣздѣ въ губернский городъ Елизавета Степановна тотчасъ же возбудила вопросъ о воспитаніи дѣтей. Указывая на отрицательныя стороны гимназій, на господствующій въ нихъ бюрократизмъ, она стояла за то, чтобы и мальчики, и дѣвочки учились дома, по крайней мѣрѣ, до возраста, когда могутъ поступить въ четвертый или даже въ пятый классъ. Для подготовки мальчиковъ она настаивала на приглашеніи образованныхъ молодыхъ людей изъ числа высланныхъ подъ надзоръ полиціи студентовъ.

Бузьма Платоновичъ, совершенно соглашаясь съ женою во взглядахъ на гимназію, сильно протестовалъ противъ поднадзорныхъ студентовъ, указывая, между прочимъ, на то обстоятельство, что, по правиламъ, имъ нельзя давать уроки, слѣдовательно, занятія съ дѣтьми будутъ очень неустойчивые.

— Это можно устроить секретно, — не соглашалась съ мужемъ Елизавета Степановна: — вѣдь, помнишь, какъ я у тебя начала заниматься...

Бузьма Платоновичъ уступилъ, и для мальчиковъ былъ приглашенъ поднадзорный студентъ, а съ дѣвочками занималась сама Корнеплодова.

Одержавъ такую побѣду, она очень оживилась. Послѣ занятій, за вечернимъ чаемъ Корнеплодова почти ежедневно вела бесѣды съ учителемъ своихъ дѣтей, прекраснымъ развитымъ молодымъ человекомъ, Сергѣемъ Валерьяновичемъ Тумбинымъ. Въ первое время студентъ былъ мало разговорчивъ, но, ближе познакомившись съ Елизаветою Степановною, сдѣлался вполне откровененъ и сообщалъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся общественной жизни. Съ захватывающимъ интересомъ слушала она его и черезъ нѣкоторое время попросила сблизить ее съ выдающимися дѣятелями.

Бузьма Платоновичъ не принималъ участія въ этихъ бесѣдахъ и, обыкновенно, выпивъ наскоро два стакана чаю, удалялся въ свой кабинетъ, расположенный рядомъ со столовою.

Когда жена какъ-то спросила его, почему онъ избѣгаетъ знакомствъ съ Тумбинымъ, Бузьма Платоновичъ отвѣтилъ, что на первыхъ порахъ на новомъ мѣстѣ ему приходится очень много работать, но въ послѣдствіи онъ, вѣроятно, ближе сойдется съ учителемъ.

— Хотя, — прибавилъ онъ при этомъ, — я, по правдѣ сказать

побаиваюсь молодых людей, вспоминая и свою молодость... Они очень симпатичны, но крайне неосторожны... Я не знаю, о чем ты разговариваешь съ Тумбинь, но чѣмъ ты гарантирована, что онъ не разболтаетъ...

— Волковъ бояться — въ лѣсъ не ходить, — сказала на это жена, — да, наконецъ, Тумбинъ человекъ солидный и крайне осторожный: онъ не сразу сталъ откровенно бесѣдовать со мною, а лишь послѣ того, когда узналъ меня.

Не прошло и недѣли послѣ приведеннаго разговора, какъ у Корнепловыхъ былъ произведенъ обыскъ, причемъ хотѣли даже арестовать Елизавету Степановну, и только энергичное заступничество мужа спасло ее отъ этого.

На другой день, изъ допроса въ жандармскомъ управленіи, Корнеплова узнала, что арестованъ Тумбинъ и всѣ тѣ лица, о которыхъ онъ упоминалъ въ своихъ бесѣдахъ съ нею. При этомъ, судя по вопроснымъ пунктамъ, выходило такъ, будто бы Тумбинъ явился виновникомъ ужаснаго провала, такъ что Кузьма Платоновичъ былъ, повидимому, правъ въ своихъ опасеніяхъ.

— Я тебѣ говорилъ, Лиза, — сказалъ Кузьма Платоновичъ, когда Елизавета Степановна, возвратившись изъ жандармскаго управленія, сообщила ему о допросѣ.

— Кто же могъ предположить, — глубоко вздохнувъ, сказала жена.

— Конечно, но надо быть осторожнѣе... Я думаю, Лиза, пригласить заниматься съ дѣтьми какого-нибудь учителя гимназіи.

— Дѣлай, какъ знаешь, — тихо отвѣтила разстроенная и убитая жена.

Но не успѣлъ еще Кузьма Платоновичъ подыскать учителя для дѣтей, какъ обстоятельства дѣла совершенно измѣнились.

Разъ поздно вечеромъ, когда Кузьмы Платоновича не было дома, прислуга доложила Елизаветѣ Степановнѣ, что пришелъ какой-то господинъ и просить ее выдти въ прихожую.

Корнеплова сначала испугалась и довольно холодно встрѣтила симпатичнаго молодого человека, но когда онъ таинственно сообщилъ, что принесъ записку отъ Тумбина, Елизавета Степановна просіяла, пригласила его въ комнаты и, получивъ отъ незнакомца маленькую бумажку, испещренную мельчайшимъ почеркомъ, стала внимательно читать ее.

Тумбинъ писалъ:

«Я и почти вся моя компанія арестованы. Жандармы при допросахъ намекали, что причиною ареста вы, но, конечно, зная ихъ, я

не повѣрилъ— это, несомнѣнно, маневръ, чтобы все выпытать. Возможно, что и васъ допрашивали и намекали на меня и, надѣюсь, вы поняли, въ чемъ дѣло. Будьте осторожны. Провѣрьте вашу прислугу. Податель— мой другъ, которому вполне можете довѣрять. Онъ, какъ и я, поднадзорный студентъ и прекрасный учитель, который можетъ вполне замѣнить меня».

При чтеніи этой записки лицо Елизаветы Степановны вспыхнуло румянцемъ. Ей стыдно было, что она заподозрила Тумбина. Она откровенно сообщила объ этомъ принесшему записку и просила извиниться предъ Сергѣемъ Валерьяновичемъ, причемъ сказала, что употребить всѣ усилія исполнить его просьбу относительно занятія съ дѣтьми.

— Онъ за меня просить?— спросилъ податель.

— Да, а вы не знали?

— Нѣтъ, конечно: свиданіе было краткое, и онъ, при прощаніи, сунулъ мнѣ эту бумажку.

— Да, да, о васъ... Позвольте спросить вашу фамилію.

— Николай Ивановичъ Сохнинъ.

— Такъ вотъ я, Николай Ивановичъ, переговорю только со своимъ мужемъ... Онъ хотѣлъ какого-то учителя гимназіи пригласить, но, кажется, не успѣлъ еще.

— Признаюсь, я былъ бы очень доволенъ, если бы получилъ у васъ урокъ. Поднадзорному такъ трудно имѣть заработокъ...

— О, я это знаю!...

— И мы съ Сергѣемъ жили вмѣстѣ на его заработокъ.

— Какъ это напоминаетъ мою молодость!... Когда меня сослали въ Н., я, получивъ работу у теперешняго мужа моего, хотѣла выписать своихъ подругъ, также сосланныхъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ существовать на мой заработокъ.— Да, трудно жить поднадзорнымъ, во все искушаетъ молодость, стремленіе къ свѣту, правдѣ... А когда вотъ такъ поживешь обывательскою жизнью, все противно дѣлается... Такъ вы зайдите завтра утромъ...

Сохнинъ поблагодарилъ и ушелъ.

Когда возвратился Кузьма Платоновичъ, Елизавета Степановна показала ему записку Тумбина и сказала:

— Вотъ видишь, твои предположенія не оправдались...

— Ну, это еще вопросъ... Вѣдь я и не подозрѣвалъ его въ шпионствѣ или доносахъ, а просто— въ излишней болтовнѣ... Онъ и съ тѣмъ вѣдь не знаетъ, гдѣ говорилъ... Впрочемъ, теперь ужъ ничего не подѣлаешь... Надѣюсь, что второго опыта съ рекомендуемымъ Тумбинымъ студентомъ ты уже не будешь дѣлать...

— Нѣтъ, я непремѣнно хочу его пригласить.

— Не совѣтовалъ бы...

— Я прошу тебя.

— Какъ знаешь, — отвѣтилъ Кузьма Платоновичъ и пожалъ плечами.

— Я теперь буду осторожнѣе: дѣйствительно, мы не обращали вниманія на прислугу...

— Ну, это пустяки: она почти и не показывается, да и врядъ ли понимаетъ ваши бесѣды...

— Но она могла просто рассказать, что ходитъ Тумбинъ...

— Всегда во всемъ стрѣлочникъ виноватъ... — Ты думаешь, администрація не знала сама, что у насъ Тумбинъ занимался?— Мнѣ объ этомъ въ канцеляріи губернатора говорили, но я не передавалъ тебѣ, потому что ты сейчасъ объяснила бы это моею преувеличенною осторожностью...

— Да что же, — администрація вездѣсуща и всевѣдуща?

— А ты какъ думаешь? Кто ее знаетъ, какими путями, но она если не все, то очень многое знаетъ... Но, повторяю, это твое дѣло...

На другой день Сохнинъ былъ приглашенъ учителемъ къ дѣтямъ Корнеплодовыхъ. Онъ такъ же былъ развитъ и симпатиченъ, какъ Тумбинъ, и не менѣе послѣдняго интересовался общественною дѣятельностью. Его не арестовали лишь потому, что въ день разгрома онъ отсутствовалъ изъ города.

Елизавета Степановна на этотъ разъ приняла всѣ предосторожности. Какъ только она приступала къ бесѣдѣ съ Николаемъ Ивановичемъ, то запирала не только двери и окна, но даже форточки, и, лишь только прислуга появлялась, разговоръ прекращался.

Но толку изъ этого все же не вышло никакого.

Не болѣе какъ черезъ недѣлю послѣ начала занятій Сохнина, у Корнеплодовыхъ опять былъ произведенъ обыскъ, опять хотѣли арестовать Елизавету Степановну и опять только по настоянію мужа съ трудомъ согласились оставить ее подъ домашнимъ арестомъ, покуда Кузьма Платоновичъ не переговоритъ съ высшимъ начальствомъ.

На другой день, «послѣ усиленныхъ ходатайствъ», — какъ передалъ Корнеплодовъ, — ему съ большими усиліями удалось еще разъ, «но послѣдній», — отстоять свою жену отъ тюремнаго заключенія, причемъ выяснилось, что Сохнинъ былъ арестованъ на улицѣ, когда изъ тюрьмы, гдѣ онъ имѣлъ свиданіе съ Тумбинымъ, шелъ на занятія къ Корнеплодовымъ. При обыскѣ у Сохнина взята была записка отъ Тумбина къ Елизаветѣ Степановнѣ.

Это обстоятельство, помимо многих обысковъ и арестовъ, повлекло еще за собою сильныя репрессіи въ тюрьмѣ и рядъ неприятностей для Корнеплодовыхъ, о которыхъ также сообщилъ Кузьма Платоновичъ женѣ.

Во-первыхъ, ему сдѣлали намекъ, что если еще что-либо подобное повторится съ его женою, то и его, Корнеплодова, лишатъ службы, а затѣмъ въ обществѣ распространился слухъ, что знакомство съ Корнеплодовыми влечетъ за собою очень печальныя послѣдствія.

— Досужіе люди, — прибавилъ Кузьма Платоновичъ, — чортъ знаетъ, какія сплетни по этому поводу распространяють... Такъ то, выходитъ, и администрація подозрѣваетъ, и общество... Чортъ знаетъ что!

Послѣ второго обыска и разгрома, и еще болѣе вслѣдствіе ужасныхъ случаевъ, о которыхъ передалъ мужъ, Елизавета Степановна совершенно растерялась. Душевные устои ея пошатнулись. Ей казалось, что всѣ ея помыслы, всѣ мечты дѣлаются извѣстны полиціи въ ихъ осуществленія. Она считала себя виновницею всѣхъ семейныхъ бѣдъ, и теперь уже совершенно не протестовала, когда Кузьма Платоновичъ для занятій съ мальчиками пригласилъ учителя гимназіи, а для дѣвочекъ — какую-то старую дѣву.

И тотъ, и другая сдѣлались ей противны послѣ перваго же разговора, но она боялась опровергать высказанные ими взгляды. У нея обнаружилось нѣчто вродѣ маніи преслѣдованія. Она вездѣ видѣла шпионовъ, вздрагивала при звонѣ колокольчика, при малѣйшемъ стулѣ ночью вскакивала съ постели, постоянно сама себя обыскивала, жгла книги и письма и никому ничего не писала.

Кузьма Платоновичъ, казалось, поддерживалъ такое настроеніе жены. Чуть не каждый день, ругая правительство, онъ сообщалъ объ арестахъ, обыскахъ, ссылкахъ, и проводилъ мысль о необходимости величайшей осторожности. Подъ этимъ же предлогомъ онъ сталъ приглашать къ себѣ въ гости чиновниковъ съ ихъ семьями. Въ домѣ Корнеплодовыхъ началась картежная игра и попойки, а въ бесѣдахъ гости постоянно ругали всѣхъ общественныхъ дѣятелей, разносили университеты, какъ расадники крамолы, и съ ненавистью отзывались о молодежи.

Когда гости расходились, Кузьма Платоновичъ, видя всякій разъ страдальческое выраженіе на лицѣ жены, осуждалъ ихъ взгляды, критиковалъ разговоръ, но въ то же время прибавлялъ, что «съ практической, жизненной точки зрѣнія они, несомнѣнно, правы».

(Онъ особенно подчеркивалъ, что въ гимназіяхъ и университетахъ совсѣмъ не занимаются, что тамъ господствуетъ политика, очень

вредно отражающаяся на умахъ дѣтей и юношей, и что лучше всего отдать своихъ дочерей и сыновей въ какія-либо другія учебныя заведенія.

— Ну, что за пріятность,—посуди сама, когда нашихъ дѣтей будутъ арестовывать и ссылать? Пусть уже они окончатъ образованіе, тогда другое дѣло... Вспомни, въ какомъ ты очутилась положеніи, хотя была курсисткою послѣдняго курса; а что испытываютъ ссыльные студенты—ты видишь на примѣрѣ...

Елизавета Степановна ничего не оспаривала. Она промолчала и тогда, когда Бузьма Платоновичъ, «по совѣту учителя и учительницы», рѣшилъ опредѣлить мальчиковъ въ московскій лицей Цесаревича Николая, а дѣвочекъ въ институтъ благородныхъ дѣвицъ.

— Это прекраснѣйшее учрежденіе,—говорилъ онъ про лицей—мальчишки безъ пересадки, такъ сказать, пройдутъ и гимназическій и университетскій курсъ, гарантированные отъ всякихъ непріятностей. А въ институтъ преподаютъ хорошо языки и музыку, что чрезвычайно важно при вступленіи въ жизнь, гимназистки же, собственно говоря, ничего не знаютъ. Кромѣ того, если бы въ будущемъ дѣвочки пожелали на высшіе курсы поступить, если они когда-нибудь будутъ опять открыты, то институтъ даетъ всѣ права на такое поступленіе.

Елизавета Степановна только горько заплакала, когда увозили дѣтей въ эти учебныя заведенія.

— Миѣ кажется, что я ихъ хороню,—тихо, севозъ слезы сказала она.

— Ну, что ты, Лиза,—утѣшалъ ее мужъ,—у тебя просто разстроена нервная система.

Когда уѣхали дѣти, Елизавета Степановна почувствовала полное одиночество и невыносимую тоску. Даже въ періодъ войны съ Японіей, когда замѣтнымъ сдѣлался пульсъ общественной жизни, она находилась въ состояніи глубокой неврастеніи. Не видя ни откуда сочувствія своимъ духовнымъ запросамъ, не встрѣчая ни откуда поддержки, она сдѣлалась религіозною и стала часто посѣщать церковь. Особенно любила она вечернія службы и не пропускала ни одной вечерни.

Бузьма Платоновичъ весьма усердно поддерживалъ такое настроеніе жены, нерѣдко заговаривалъ о тленности земной жизни и объ испорченности людей, но Елизавета Степановна не любила съ нимъ бесѣдовать и совершенно индифферентно, молча выслушивала его разсужденія. Она не могла дать себѣ яснаго отчета въ причинахъ полнаго охлажденія къ мужу во второе десятилѣтіе ихъ совмѣстной

жизни, но чувствовала, что какая-то непроходимая пропасть разделяет ее от него. Рядъ неуловимыхъ впечатлѣній отъ словъ и поступковъ Кузьмы Платоновича, хотя онъ всегда давалъ удовлетворительныя объясненія, въ концѣ-концовъ отдалили его отъ жены, и онъ не имѣлъ ровно никакого авторитета въ ея глазахъ.

Это особенно выяснилось въ октябрьскіе дни 1905 года.

Когда совершилась всеобщая забастовка, Борнеплодовъ увидѣлъ, что жена его вдругъ ожила и совершенно преобразилась, а въ день опубликованія манифеста 17 октября она ушла изъ дому и цѣлый день отсутствовала.

Ликованіе населенія всецѣло завладѣло Елизаветой Степановной. Какъ боевой конь по трубному звуку, она отправилась туда, гдѣ наиболѣе чувствовалось бѣненіе пульса народной жизни. Увидѣвъ громадную толпу съ красными флагами, она присоединилась къ ней и, не взирая на пробывавшуюся уже сѣдину въ волосахъ, приняла участіе въ пѣніи.

Возвратилась она домой поздно ночью сіяющая и взвинченная.

— Гдѣ ты такъ долго была?— еле сдерживая раздраженіе, спросилъ ее Кузьма Платоновичъ, блѣдный и совершенно разстроенный.

Она, не обращая вниманія на тонъ мужа, съ увлеченіемъ стала рассказывать о своихъ походахъ.

— Ты, Лиза, забываешь, повидимому, что у тебя уже сѣдые волосы,— замѣтилъ мужъ, кусая губы.

— Развѣ я совершила что-либо позорное? Развѣ стремленіе къ лучшей, свободной жизни ограничивается только извѣстными лѣтами. Опубликованъ манифестъ...

— Я это знаю,— перебилъ ее Кузьма Платоновичъ,— но относительно «свободы»—это еще большой вопросъ... По имѣющимся у меня даннымъ...

— Ахъ, оставь ужъ, пожалуйста, со своими «данными». Ты меня всю жизнь стращаешь ими...

— И, если ты вспомнишь, я всегда былъ правъ.

— Но не теперь.

— Дай Богъ, но больше шансовъ за мои предположенія... Удивимся ося устойчивости твоихъ розовыхъ взглядовъ, несмотря на все испытанное и перенесенное.

И на этотъ разъ опять сбылись мрачныя предсказанія Кузьмы Платоновича. Не далѣе какъ въ ночь съ 18 на 19 октября въ домѣ Борнеплодовыхъ, послѣ длиннаго перерыва, произведенъ былъ самый тщательный обыскъ, причемъ выяснилось, что полиція до мельчайшихъ подробностей знаетъ все, что дѣлала Елизавета Степановна

Ее хотѣли совсѣмъ уже арестовать, но и въ этотъ разъ энергичный протестъ мужа спасъ ошеломленную женщину отъ тюрьмы.

— Но я не ручаюсь, — сказалъ, уходя, жандармскій офицеръ, — что вашу жену не арестуютъ на-дняхъ.

Затѣмъ, подумавъ немного, онъ прибавилъ:

— Я посоветовалъ бы вамъ уѣхать отсюда, перевестись на службу куда-нибудь подальше.

— Вотъ тебѣ и «свобода»! — воскликнулъ Бузьма Платоновичъ, обращаясь къ женѣ, когда полиція удалилась, — вотъ тебѣ и манифестъ!

Елизавета Степановна, блѣдная, какъ полотно, съ глазами, полными слезъ, сидѣла въ какомъ-то оцѣпенѣннн и ничего не отвѣтила мужу. Ей казалось, что надъ нею тяготѣетъ какое-то проклятіе и она приговорена къ смерти.

Замѣтивъ такое угнетенное настроеніе жены, мужъ ласково сказалъ ей:

— Ну, что же дѣлать, Лиза... Насъ ничто здѣсь не удерживаетъ: мать ты похоронила, дѣти скоро окончатъ ученіе и сдѣлаются самостоятельны, уѣдемъ подальше... Чортъ съ ними, съ бюрократами! Въ молодости еще можно было тратить силу на борьбу съ ними, а теперь они насъ скоро уложатъ въ гробъ... Бстати, министерство внутреннихъ дѣлъ вызываетъ ветеринарныхъ врачей въ среднюю Азію, дастъ подъемные и солидное содержаніе. Отправимся туда? Говорятъ, тамъ тепло, хорошо и, будто бы, даже свободнѣе...

— Дѣлай, какъ знаешь, мнѣ все равно, — тихо отвѣтила Елизавета Степановна.

У.

Спустя двѣ недѣли послѣ этого Корнепловы ѣхали уже въ Среднюю Азію. Во все время пути Бузьма Платоновичъ находился въ ажитации и очень спѣшилъ къ мѣсту новаго служенія, словно бы его гнали за нимъ.

Елизавета Степановна, наоборотъ, походила на впавшую въ тихое помѣшательство. Она, казалось, ничего не сознавала, односложными словами отвѣчала только на предлагаемые вопросы, не двигалась съ мѣста, очень мало спала и ѣла, когда предлагалъ ей мужъ.

Такое состояніе не покидало ее долгое время и по прїѣздѣ въ средне-азиатскій городъ. Она не выходила изъ квартиры и лишь изъ оконъ наблюдала жизнь города, населеннаго, главнымъ образомъ, инородцами.

Мужъ ея, напротивъ, нигдѣ, повидимому, не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ въ этой азіатской глуши. Онъ даже, — чего раньше никогда не было, — сталъ укорять жену въ индифферентизмъ къ жизни, въ домождствѣ и предлагалъ познакомиться съ мѣстнымъ русскимъ обществомъ, состоявшимъ преимущественно изъ военныхъ всѣхъ оружій и желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Немного оживилась Елизавета Степановна, когда пріѣхали сыновья и дочери. Первые служили уже въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а послѣднія только что окончили институтъ. Бузьма Платоновичъ былъ въ восторгѣ отъ дѣтей и нанялъ на радостяхъ прекрасную дачу въ горахъ, куда Корнепловы и переселились на весну и лѣто.

Чудная природа способствовала жизнерадостному настроенію, и нѣкоторое время семья Корнепловыхъ жила довольно дружно. Но когда они познакомились съ дачниками, состоявшими въ подавляющемъ числѣ изъ военныхъ, картина быстро измѣнилась. Елизавета Степановна скоро убѣдилась, что ея дочери вышли институтки въ полномъ смыслѣ этого слова. Онѣ ровно ничѣмъ не интересовались и занимались исключительно офицерами, которые болѣе чѣмъ охотно уживались за молодежьими и хорошенькими барышнями. Тогда она сосредоточила свое вниманіе на сыновьяхъ и еще болѣе разочаровалась: они мечтали только о карьерѣ и больше ни о чемъ.

Приобрѣвъ обширныя знакомства, мужъ и дѣти Елизаветы Степановны совершенно погрузились въ дачную жизнь. Чуть не ежедневно устраивались кавалькады, пикники, всегда сопровождавшіеся разгуломъ и пьянствомъ. Не только Бузьма Платоновичъ и сыновья, но даже и дочери иной разъ возвращались на-веселѣ отъ чрезмѣрно выпитаго шампанскаго. Негодованіе Елизаветы Степановны по этому поводу встрѣчалось ироническимъ смѣхомъ.

Убѣдившись въ отсутствіи какого бы то ни было вліянія на семью, Елизавета Степановна почувствовала одиночество. Она умогла, не принимала ровно никакого участія въ семейной жизни и предалась исключительно чтенію, причемъ любимымъ мѣстомъ ея сдѣлалась библіотека, образованная на взносы дачниковъ.

Въ этой библіотекѣ, обыкновенно, бывало не много посѣтителей, такъ что Корнеплова знала ихъ всѣхъ наперечетъ. Однажды въ ней появились три новыхъ лица: солидная на видъ дама, молодая женщина и мужчина въ формѣ инженера путей сообщенія. Изъ нихъ Елизавету Степановну болѣе всего заинтересовала первая, такъ какъ изъ солидной дамы было очень знакомо, словно бы Корнеплова хорошо ее знала. Елизавета Степановна ломала голову, но никакъ не

могла вспомнить, гдѣ и когда она ее видѣла, тѣмъ болѣе, что въ теченіе всего времени своего замужества она не приобрѣла, собственно говоря, ни одного знакомства. Можно было бы принять знакомое лицо неизвѣстной дамы за простое совпаденіе, но дѣло въ томъ, что и дама очень часто всматривалась въ Елизавету Степановну, причемъ перешептывалась съ молоденькою дамою и инженеромъ. Несомнѣнно, слѣдовательно, что и она, Елизавета Степановна, интересовала незнакомку.

Дня черезъ четыре послѣ первой встрѣчи Корнеплодова, поборовъ неловкость, рѣшилась первая заговорить съ интересовавшею ее дамою.

— Извините, пожалуйста, — тихо обратилась она къ ней, — лицо ваше мнѣ очень знакомо.

— Я очень рада, что вы заговорили со мною, — перебила ее дама, — потому что и ваше лицо мнѣ также знакомо... По мужу, недавно умершему, фамилія моя Сутулина.

— Нѣтъ, не слыхала даже такой фамиліи, — сказала Елизавета Степановна и спросила: — а дѣвичья?

— Шиповникова.

— Соня?! — воскликнула Корнеплодова, такъ что присутствовавшіе въ библіотекѣ переглянулись.

— А ты Лиза? — спросила Сутулина.

— Она самая... Ну, идемъ побесѣдуемъ... Боже, какъ я рада!

— Идемъ, дорогая, идемъ. Познакомься, впрочемъ, съ моею дочерью и зятемъ.

Молодые люди поднялись со своихъ мѣстъ и познакомились съ Елизаветой Степановной, причемъ Сутулина, рекомендуя послѣднюю, сказала:

— Это лучший другъ моей юности и коллега по высшимъ женскимъ курсамъ... Мы пойдемъ съ нею ко мнѣ...

Послѣ этого подруги, взявшись подъ руки, вышли изъ библіотеки.

— Ну, расскажи же о своей жизни, моя милая, — обратилась тотчасъ же къ Софьѣ Даниловнѣ, — такъ звали Сутулину, — Елизавета Степановна.

— О, Боже мой! — сказала Сутулина, — мы не видались съ тобою чуть ли не 25 лѣтъ, всего не припомнишь... Съ чего начать?... Ну, помнишь, какъ ты звала меня и Батю Бронникову перевестись въ городъ, куда тебя выслали?

— Еще бы не помнить!

— Ну, мы получили странный отказъ, что въ тотъ городъ рѣ-

шено ссылныхъ не высылать, — губернаторъ твоей губерніи не соглашался.

— Да что ты?

— Ей-Богу. Мы смѣялись съ Батей: Петербургъ, Москва и твой городъ были поставлены на одну доску.

— Удивительно!... Ну, дальше.

— Ну, стали мы коротать время очень печально, покуда не прислали къ намъ двухъ молодыхъ людей: помощника присяжнаго повереннаго Сутулина и статистика съ университетскимъ образованіемъ Платинина; за перваго изъ нихъ вышла замужъ я, а за второго — Батя.

— И скоро?

— А что въ ссылкѣ дѣлать? Скучно: черезъ три мѣсяца пожелались.

— Но счастливо?

— Да, совсѣмъ-таки хорошо... У меня скоро родилась дочь, которую ты видѣла, и больше дѣтей не было. По окончаніи срока ссылки, мы переѣхали въ Петербургъ, гдѣ мужъ сталъ заниматься адвокатурою, а я начала воспитывать свою дѣвочку. Потомъ мало-помалу опять втинулась въ общественную жизнь, и опять насъ выслали, но не надолго, хотя жить въ Питерѣ и Москвѣ воспретили. Мы поселились въ городъ Z., гдѣ дочь окончила гимназію, а потомъ отправилась въ Питеръ, гдѣ и вышла замужъ за теперешняго своего мужа, инженера путей сообщенія, Виктора Львовича Пальмина, который затѣмъ получилъ мѣсто въ томъ же Z. Здѣсь, наконецъ, мы уже всѣ вмѣстѣ принимали участіе въ освободительномъ движеніи.

Софья Даниловна сдѣлала небольшую паузу, на глазахъ у нея показались слезы, но она быстро оправилась и продолжала:

— Мужа моего арестовали совсѣмъ больного, и онъ умеръ въ тюремной больницѣ, а зятя, дочь и меня сослали въ Восточную Сибирь, но, благодаря нѣкоторымъ связямъ, намъ черезъ нѣкоторое время позволили перевестись сюда, гдѣ Викторъ Львовичъ получилъ мѣсто.

Въ это время подруги достигли дачи Пальмина, расположенной въ дни густыхъ деревьевъ, у свѣтлаго, горнаго ручья. Когда они сѣли на ступенькахъ широкой террасы, Софья Даниловна сказала:

— Ну, я, собственно говоря, закончила повѣсть своей жизни, — теперѣ ты повѣствуй.

— Я? — грустно спросила Елизавета Степановна. — Да мнѣ-то и размазать нечего: ѣла, пила, спала и рожала...

— Ну, что ты, Лиза? Расскажи подробнѣе...

— Да и подробнѣе то же самое получится... То-оскливая жизнь моя была... У Ады Негри есть стихотвореніе «Бѣжить волна». Оно оканчивается такъ:

«Бѣжить волна и плачетъ. Въ ея глухомъ стenanы
Таятся отзвукъ муки и безутѣшныхъ слезъ,
Таятся въ плачѣ волнъ безумный вопль страданья
Осмѣянной любви, разбитыхъ чистыхъ грѣзъ».

Вотъ моя жизнь.

— Ну, что ты, дорогая, такъ мрачно настроена?... Расскажи все по порядку.

— Ну, изволь... вышла я замужъ за Корнеплодова.

— За Корнеплодова!—воскликнула Сутулина.

— А что?—испуганно спросила Елизавета Степановна.

— Нѣтъ, ничего, —спохватилась Софья Даниловна.

Но лицо ея приняло серьезное и холодное выраженіе.

— Соня, дорогая, скажи, въ чемъ дѣло?—умоляла ее Елизавета Степановна.—Я вижу, что ты сразу измѣнилась.

— Погоди немного,—стараясь улыбнуться, отвѣтила Сутулина,—я сейчасъ приду и скажу тебѣ.

Софья Даниловна ушла, а Корнеплодова осталась, полная недоумѣнія и съ предчувствіемъ какого-то страха.

Сутулина возвратилась еще болѣе сдержанная и сухая.

— Скажи, Лиза,—спросила она,—твой мужъ—ветеринарный врачъ?

— Да,—съ дрожью въ голосѣ отвѣтила Корнеплодова.

— Какъ его зовутъ?

— Бузьма Платоновичъ.

Софья Даниловна сдѣлалась блѣдная, какъ полотно.

— Соня, дорогая, разъясни—въ чемъ дѣло?—съ страдальческимъ выраженіемъ лица и со слезами на глазахъ сказала Елизавета Степановна.

— Да, я считаю своею нравственною обязанностью съ тобою объясниться... Я не допускаю мысли, чтобы и ты... Впрочемъ, факты...

— Да не мучь же ты меня!—воскликнула Корнеплодова,—не терзай!

— О, какъ бы я была счастлива, если бы ничего не знала! Но неужели это возможно!... Скажи, ты ничего не слышала о своемъ мужѣ?

— Ровно ничего.

— И о его прошломъ ничего не знаешь?

— Рѣшительно ничего... Да говори же, Бога ради! Что такое?

— Ну, дорогая моя Лизочка, я рада за тебя, хотя ты и глубоко несчастна, и я считаю нравственнымъ долгомъ сообщить тебѣ объ этомъ... Будь крѣпче, мой другъ... Я должна тебѣ сказать, что мужъ твой предатель...

— Предатель?! У тебя есть факты?

— Да.

— Ты должна сообщить мнѣ ихъ! Сейчасъ же!

— Конечно.

Софья Даниловна опять ушла и возвратилась съ брошюрою.

— Вотъ здѣсь всѣ факты...

Елизавета Степановна вырвала изъ рукъ подруги эту брошюру и впилась въ нее. По мѣрѣ чтенія лицо ея искажалось и мертвенно блѣднѣло, руки тряслись, губы дрожали, а въ широко открытыхъ глазахъ выражались и ужасъ, и негодованіе.

Софья Даниловна съ тревогой смотрѣла на свою подругу.

Вдругъ Елизавета Степановна вскрикнула и въ глубокой истерикѣ повалилась на полъ, рыдая, скрежеща зубами, и судорожно стиснувъ въ рукахъ брошюру.

— Лиза, Лизочка! дорогая!—ставъ на колѣни и припавъ къ подругѣ, говорила Софья Даниловна, разстегивая кофточку у Борнеплодовой.

Затѣмъ она побѣжала въ комнаты, принесла воду, валерьяновы капли и нашатырный спиртъ и стала приводить въ чувство подругу.

Когда истерика кончилась и Елизавета Степановна пришла въ себя, Софья Даниловна со слезами на глазахъ стала умолять подругу простить ее за причиненное страданіе.

— Нѣтъ, дорогая,—говорила Борнеплодова,—ты ни въ чемъ не повинна... Наоборотъ,—спасибо, великое спасибо тебѣ... Рано или поздно все это обнаружилось бы и, быть можетъ, при болѣе худшихъ условіяхъ... Теперь глаза мои открыты, теперь я все понимаю... Онъ, гнусный негодяй, какъ Каинъ, скрывался въ глуши, покуда, значитъ, не узналъ, что всѣ преданные имъ такъ или иначе изъяты изъ общественной жизни или погибли... Затѣмъ, когда, по моему настоянію, мы переѣхали въ губернской городъ, онъ сдѣлалъ все, чтобы и меня, и дѣтей изолировать отъ міра или ввести въ такія сферы, гдѣ бы мы не могли услышать о его прошломъ; при малѣйшемъ стремленіи моемъ пробиться къ свѣту, у меня, по его, какъ я теперь догадываюсь, указаніямъ, производились обыски, а тѣхъ, съ которыми я хотѣла познакомиться, арестовывали. Этимъ способомъ онъ добился, что и дѣти направлены были по желательному ему пути.

Спазмы душили горло Елизаветы Степановны, она зарыдала и сквозь слезы произнесла:

— Боже мой, Боже мой! я—жена предателя, мать его дѣтей!...

Въ это время пришли Пальмины. Софья Даниловна знаками показала, чтобы они проходили въ комнаты, но Елизавета Степановна, замѣтивъ это, поборола себя и обратилась къ пришедшимъ съ просьбою извинить ее за беспокойство и пояснила причину своихъ слезъ.

Инженеръ и его жена широко раскрыли глаза и, слушая рассказъ Корнеплодовой, стояли въ какомъ-то оцѣпенѣннн, не вѣря своимъ ушамъ.

— Вы поражены исторіей моей жизни,—закончила свое повѣствованіе Корнеплодова,—а что было бы съ вами, если бы кому-нибудь изъ васъ пришлось быть на моемъ мѣстѣ?... Теперь понятны вамъ мои слезы?

Наступило тяжелое молчаніе. Никто не зналъ, что сказать.

Присутствующіе сознавали, что не было возможности утѣшить несчастную женщину и не знали, какой дать совѣтъ. Но она сама черезъ нѣкоторое время разрубила гордіевъ узелъ.

— Больше я домой не пойду!—сказала она рѣшительно.

Затѣмъ Елизавета Степановна обратилась къ Софьѣ Даниловнѣ:

— Подари мнѣ эту брошюру.

— Она моя,—сказалъ Пальминъ,—и вы можете ею распорядиться, какъ вздумаете.

— Спасибо вамъ, я ее пошлю ему... Сама же я уѣду...

— Куда, Лиза?—съ страдальческимъ выраженіемъ спросила Софья Даниловна.

— Я смою свой позоръ, если бы это стоило мнѣ жизни!

— Я узнаю тебя, Лиза,—сказала Софья Даниловна, обнимая и цѣлуя подругу: ни лѣта, ни горе не охладил твоего горячаго сердца, не зачерствили твою душу... Нѣтъ, на тебѣ не лежитъ никакого позора: кто изъ насъ не можетъ поддаться грубому, гнусному обману... У меня совершенно истинетивно вырвались слова—куда, Лиза?—но я не хотѣла тебя удерживать, а просто была поражена внезапностью твоего рѣшенія, не воображала, какъ это ты вдругъ все порвешь, всѣхъ бросаешь.

— Я понимаю тебя, дорогая, совершенно понимаю... Трудно бросать семью, но у меня ее не было, это была физиологическая семья, гдѣ я чувствовала себя одинокою—никакой духовной, нравственной связи не было, да, какъ видишь, и не могло быть.

— Понимаю, понимаю, Лизочка... У меня къ тебѣ просьба, даже требованіе: во всякое время, когда тебѣ нужно, ты должна обращать-

ся ко мнѣ, обязана, понимаешь... Помощь съ моей стороны будетъ только ничтожной оплатой за то, что ты для меня въ свое время дѣлала... Теперь я имѣю полную возможность дать тебѣ триста рублей.

— Если бы ты не предложила мнѣ денегъ, я сама къ тебѣ обратилась бы, но зачѣмъ такая уйма?

— Нѣтъ, нѣтъ, и не говори! Что за «уйма?»

— Софья Даниловна, — вмѣшался Пальминъ, — вѣдь Елизавета Степановна можетъ воспользоваться еще билетомъ, взятымъ мною для васъ.

— Да, да, конечно, — сказала Сутулина. — Ты можешь доѣхать до Москвы... Ты когда же собираешься?

— Съ первымъ отходящимъ поѣздомъ.

— Что-о?

— А какъ же иначе?

— Но я просто очнуться не могу... Ты переночуй у насъ...

— Ни подъ какимъ видомъ! Развѣ ты не знаешь, отъ кого я бѣгу — отъ пре-да-теля! Вѣдь онъ все узнать можетъ...

— Пожалуй, ты права... Въ такомъ случаѣ возьми сакъ мой — у меня есть лишній.

— Если лишній, охотно возьму... А вотъ какъ уѣхать?...

— Когда немножко стемнѣетъ, мы васъ отвеземъ, — сказалъ Пальминъ, — и какъ разъ попадемъ къ ночному поѣзду... У насъ есть крытый экипажъ, въ который сядете вы и жена, а я за вучера.

— А это не обратитъ вниманія?

— Нѣтъ, мы часто такъ ѣздимъ вдвоемъ... Изъ предосторожности вотъ что сдѣлаемъ: вы пройдете немного пѣшкомъ, до мостика, и мы васъ тамъ возьмемъ.

— Отлично!

— Тогда никто не будетъ знать, что вы уѣхали, а всѣ будутъ видѣть на нашей дачѣ, что я уѣхалъ съ женою и съ нею же возвратился.

— Остроумно.

Какъ только солнце скрылось за горами, Пальмины увезли Елизавету Степановну, и она уѣхала съ первымъ ночнымъ поѣздомъ.

Планъ побѣга удался блестяще, и Пальмины, возвратившись, долго говорили объ этомъ съ Софьей Даниловной.

VI.

Между тѣмъ Кузьма Платоновичъ въ этотъ день съ нетерпѣніемъ по-чидалъ Елизавету Степановну. Его сыновья и дочери съ утра

отправились съ офицерами на пикникъ, а онъ хотѣлъ въ ѳинансѣ ѣхать съ женою, чтобы принять участіе въ ужинѣ, который, при феерической обстановкѣ, устраивался въ горахъ, куда еще съ вечера предшествующаго дня отправлена была, во главѣ съ поваромъ, офицерская кухня съ массою провизіи и винъ.

Бузьма Платоновичъ почти не сомнѣвался, что его жена, по обыкновенію, откажется отъ поѣздки, но считалъ необходимымъ сдѣлать попытку уговорить ее, такъ какъ за Борнеплодовыми общались заѣхать дивизионный генералъ съ женою.

Но послѣдніе исполнили свое обѣщаніе, а Елизаветы Степановны не было. Бузьмѣ Платоновичу крайне неловко было задерживать такъ нѣкихъ важныхъ персонъ и онъ, выдумавъ, что жена его «не совсѣмъ здорова», отправился вслѣдъ за генераломъ одинъ.

Съ пикника на дачу Борнеплодовы возвратились далеко за полночь. Ихъ изумленію не было предѣловъ, когда они узнали отъ прачки, что барыня не возвращалась.

Мужъ и дѣти привыкли всегда видѣть ее дома и не могли понять, гдѣ она могла заночевать, такъ какъ хорошо знали, что у нея не было своихъ знакомыхъ. На всякій случай они припомнили почти всѣхъ дачниковъ, причеиъ Бузьма Платоновичъ не забылъ и Пальминыхъ.

— А это кто такіе?—спросила одна изъ дочерей.

— Инженеръ съ женою и съ ними живетъ еще мать жены. Они находятся подъ надзоромъ полиціи, но рѣшительно нигдѣ не бывають и ихъ никто не знаетъ.

— А ты какъ знаешь?

— Не знаю, кто-то передавалъ, —немного смутившись, отвѣтилъ Бузьма Платоновичъ.

— Мама не могла съ ними познакомиться?

— Нѣ-ѣтъ, —съ твердою увѣренностью сказалъ Борнеплодовъ, —они недавно сюда пріѣхали.

Но тотчасъ же онъ задумался и тихо, какъ бы про себя сказалъ:

— Впрочемъ, кто его знаетъ... Но когда же она могла съ ними познакомиться?... Во всякомъ случаѣ завтра вездѣ наведемъ справки.

Мысль о Пальминыхъ цѣлую ночь не давала покоя Бузьмѣ Платоновичу; онъ почти не спалъ и раннимъ утромъ отправился на дачу инженера. Послѣдній въ это время шелъ купаться, и Борнеплодовъ встрѣтилъ его у рѣчки.

— Простите, пожалуйста, —заискивающе обратился Бузьма Платоновичъ къ инженеру, —я ветеринарный врачъ Борнеплодовъ...

Пальминъ смутился, но быстро овладѣлъ собою и спросилъ:

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?

— Еще разъ прошу извиненія... Я обезпокоенъ отсутствіемъ своей жены и рѣшилъ разузнать на всѣхъ дачахъ... Она вчера ушла и не ночевала...

— Ну-съ, такъ что же вы отъ меня желаете?

— У васъ ея нѣтъ?

— Какимъ же образомъ могло это случиться?

— Кто его знаетъ... Въ такихъ случаяхъ теряешь голову и строишь разные догадки...

— Но все же онѣ должны имѣть какія-нибудь основанія, а я впервые васъ вижу и впервые же слышу фамилію Корнепловыхъ.

— Еще и еще разъ извините...

Бузьма Платоновичъ снялъ фуражку, вѣжливо поклонился и, успокоенный, ушелъ обратно, а Пальминъ самодовольно улыбнулся и хотѣлъ было возвратиться назадъ, чтобы сообщить своимъ о происшествіи, но, опасаясь, что Корнепловъ замѣтитъ это, сталъ раздѣваться.

Выкупавшись на скорую руку, инженеръ быстро отправился на дачу и, разбудивъ жену и тещу, сообщилъ о своей встрѣчѣ и разговорѣ съ Корнепловымъ, высказавъ опасеніе, — не видѣла ли вчера Елизавету Степановну прислуга. Софья Даниловна не могла припомнить, — приходила ли горничная на террасу, а потому быстро одѣлась, чтобы поскорѣе, путемъ дипломатичнаго опроса, узнать объ этомъ.

Скоро она возвратилась изъ кухни и, весело улыбаясь, сообщила, что горничная не видѣла Елизаветы Степановны, а кухарка и кучеръ и не могли ее видѣть.

Бузьма Платоновичъ, пришедши къ себѣ на дачу, также сообщилъ сыновьямъ и дочерямъ о встрѣчѣ съ Пальминымъ и о безрезультатной бесѣдѣ съ нимъ. Тогда Корнепловы рѣшили, раздѣлившись, пройти по всѣмъ дачамъ, а Бузьма Платоновичъ долженъ былъ отправиться въ городъ на городскую квартиру и узнать — нѣтъ ли тамъ какимъ нибудь образомъ жены.

Поиски дѣтей оказались тщетными, и знакомые ихъ дачники, офицеры, сдѣлали предложеніе, если матери не окажется въ городѣ, — совершить экскурсію въ горы, гдѣ иногда съ людьми бывають несчастія.

Напрасна была и поѣздка Бузьмы Платоновича: въ городской квартирѣ жены не оказалось. Тогда онъ возвратился обратно и принялъ участіе въ поискахъ въ горахъ, которые въ первый день также

ничего не дали. Поэтому рѣшено было продолжать экскурсіи, покуда не осмотрѣны будутъ всѣ окрестныя мѣста.

Всѣ были теперь убѣждены, что съ Елизаветой Степановною, нерѣдко гулявшею въ одиночествѣ, совершилось какое-нибудь несчастье въ горахъ, такъ какъ не было никакихъ признаковъ, чтобы она уѣхала: верхнее платье ея было дома и, наконецъ, домашнимъ извѣстно было, что у нея при себѣ не было денегъ.

На третій день послѣ исчезновенія жены, когда дочери и сыновья, по обыкновенію, были въ горахъ, Бузьма Платоновичъ, получивъ почту, первымъ дѣломъ вскрылъ пакетъ, который объемомъ своимъ обратилъ особенное вниманіе. Въ этомъ пакетѣ оказался другой, на которомъ большими буквами было написано лишь одно слово: «предателю». Бузьма Платоновичъ, прочитавъ его, поблѣднѣлъ, какъ полотно, и задрожалъ. Это было то именно слово, котораго онъ боялся всю жизнь, изъ-за котораго скрывался, которое загнало его въ Среднюю Азію. Онъ вскочилъ, какъ ужаленный, и, не отдавая себѣ отчета, сталъ спѣшно затворять окна и двери. Затѣмъ, озираясь по сторонамъ, онъ изорвалъ въ мелкіе кусочки обложку съ ужаснымъ словомъ и спряталъ въ карманъ. Въ этой обложкѣ были брошюра и письмо отъ Елизаветы Степановны. Изъ первыхъ же строкъ первой и второго онъ тотчасъ убѣдился, что предательство его разоблачено.

Бузьму Платоновича охватилъ паническій ужасъ. Какъ воръ, онъ дрожащею рукою скомкалъ и закинулъ въ боковой карманъ брошюру и письмо отъ жены и еще письмо на имя старшаго сына, заадресованное рукою Елизаветы Степановны, и безъ шапки, почти бѣгомъ направился черезъ садъ въ горы. Достигнувъ ближайшаго ущелья, онъ было успокоился, но скоро тревога опять обуяла его. Онъ нѣсколько разъ останавливался, чтобы прочитать брошюру и письма, но никакъ не могъ выбрать подходящаго мѣста. Шумъ вѣтра, шорохъ листьевъ, трескъ сучьевъ, порханіе птицъ заставляли его вздрагивать и прислушиваться—не идетъ ли кто. При этомъ онъ инстинктивно-судорожно сжималъ брошюру и письма рукою, которую не вынималъ изъ бокового кармана. И такъ онъ шелъ все дальше и дальше, затаивъ дыханіе, и осматривался по сторонамъ. Наконецъ, онъ увидалъ небольшое углубленіе въ скалѣ, вродѣ пещеры, заслоненное густымъ кустарникомъ, и скрылся въ немъ. Прислушавшись еще разъ и убѣдившись, что вблизи никого нѣтъ, онъ сталъ читать брошюру. Она принадлежала другу его молодости, котораго онъ предалъ въ числѣ другихъ. Авторъ воспоминаній не находилъ словъ для выраженія негодованія и презрѣнія къ Корнеплодову. Онъ

шагъ за шагомъ прослѣдилъ всю предательскую дѣятельность Кузьмы Платоновича и называлъ фамиліи всѣхъ пострадавшихъ изъ-за него лицъ. Одни изъ нихъ были высланы административнымъ порядкомъ, другіе—осуждены на поселеніе, иные попали на каторгу, а три лица были казнены. При этомъ авторъ приводилъ рядъ фактовъ, что подавляющее число оговоровъ были лживые, что Корнеплововъ поазывалъ не только то, что зналъ, но и чего не зналъ, а лишь слышалъ, и сообщалъ и о такихъ людяхъ, которыхъ ни разу не видѣлъ. Но больше всего авторъ влеймилъ Корнепловова за то, что многихъ выданныхъ Кузьма Платоновичъ самъ вовлекъ въ организацію, называя всѣхъ, несогласныхъ съ его взглядами, «трусами», «измѣнниками отечества» и «врагами народа», и выдалъ въ первый же день ареста, когда ему ничего еще не грозило. Брошюра заканчивалась такъ: «Погубивъ громадное число лицъ, большинство изъ которыхъ были ни въ чемъ неповинны, Корнеплововъ, какъ ни въ чемъ не бывало, окончилъ ветеринарный институтъ и, при помощи администраціи, прекрасно устроилъ свою карьеру, женился, обзавелся семьей и, насколько мнѣ извѣстно, гдѣ-то благоденствуетъ и по настоящее время».

При чтеніи этихъ воспоминаній, Кузьму Платоновича бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Каждый фактъ изъ его предательства сначала причинялъ ему какую-то тупую боль во всемъ организмѣ, а затѣмъ онъ онѣмѣлъ. Такое ощущеніе, должно быть, испытываетъ человѣкъ послѣ продолжительныхъ пытокъ, когда страданія достигаютъ предѣла, дальше которыхъ идти не могутъ. Поэтому къ чтенію письма жены онъ приступилъ, казалось, совершенно спокойно. Оно было очень кратко: «Презрѣнный человѣкъ, — писала Елизавета Степановна, — я не могу ничего сказать больше того, что сказано въ прилагаемыхъ при этомъ воспоминаніяхъ преданнаго тобою друга. Я лишь шлю тебѣ мои проклятія за мою загубленную жизнь и за позоръ, которымъ я себя покрыла, сдѣлавшись женою негодяя».

Въ письмѣ на имя старшаго сына она говорила: «Мой мужъ, а вашъ отецъ оказался гнуснымъ предателемъ. На его имя я шлю появившіяся въ печати воспоминанія его друга, котораго онъ предалъ въ числѣ многихъ другихъ. Я почти не сомнѣваюсь, что у этого человѣка не осталось уже никакихъ признаковъ чести и человѣческаго достоинства, а потому онъ не покажетъ вамъ этой брошюры, что и заставляетъ меня сообщить ея краткое содержаніе, но вы можете ее купить, — она озаглавлена «Воспоминанія N». Вашъ отецъ погубилъ мою жизнь, опозорилъ меня и сознательно старался воспитать васъ такъ, чтобы вы никогда не вошли въ сферы, гдѣ можете узнать о

его темномъ прошломъ. Если остались у васъ хотя крупинки благородства, вы должны отвернуться отъ вашего негодного отца и открыто заявить, что не имѣете ничего общаго съ предателемъ».

Прочитавъ это письмо, Кузьма Платоновичъ широко раскрылъ глаза и безумно смотрѣлъ въ пространство. Предъ нимъ мысленно прошла вся его жизнь. Ему сдѣлалось страшно, онъ хотѣлъ бѣжать, но чувствовалъ, что не можетъ подняться. И вдругъ онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, но тотчасъ испугался собственного голоса и, удерживаясь отъ рыданій, глухо всхлипывалъ.

Черезъ нѣкоторое время до слуха его донесся топотъ копытъ и отдаленные голоса. Онъ быстро схватилъ упавшія на землю брошюру и письма, запряталъ ихъ въ боковой карманъ и сталъ прислушиваться.

Топотъ и голоса слышались все ближе и ближе. Корнеплодовъ догадался, что это дѣти съ офицерами разыскиваютъ жену, и не зналъ, что ему дѣлать. Если его застанутъ въ пещерѣ, то примутъ это за укрывательство, и можетъ возникнуть подозрѣніе. Онъ рѣшилъ выйти и объяснить, что также занимается розысками.

Кузьма Платоновичъ какъ разъ наткнулся на кавалькаду.

— Папа!—въ одинъ почти голосъ воскликнули его дочери и сыновья.

— И вы сюда же пріѣхали?—сказалъ онъ растерянно и старался улыбнуться.

— А гдѣ же твоя шапка?—спросила одна изъ дочерей.

— Шапка?—испуганно переспросилъ онъ, берясь за голову, — не потерялъ ли въ кустахъ? И не замѣтилъ...

— Ты плакалъ, что ли?

— Я?

— Да.

— Нѣ-ѣтъ,—отвѣтилъ онъ, не поднимая глазъ:—это все въ кустахъ... вѣтки въ глаза попали...

Офицеры переглянулись, а одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Вы пѣшкомъ здѣсь, Кузьма Платоновичъ?

— Да, а что?

— Но вѣдь вы очень далеко зашли...

— Развѣ?

— Очень далеко,—подтвердили нѣсколько голосовъ.

— Я бы вамъ посоветовалъ сейчасъ же возвращаться, а то за-свѣтло не поспѣете,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Да, да, папа,—настаивали дочери и сыновья.

— Хорошо, хорошо,—согласился Кузьма Платоновичъ.

Онъ, не поклонившись, тотчасъ повернулся и быстрыми шагами пошелъ назадъ, ощупывая боковой карманъ, гдѣ лежали его обвинительные акты.

— Какъ онъ обезпокоенъ, — замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ, когда Бузьма Платоновичъ скрылся.

— Еще бы! — тихо сказала старшая дочь, глаза которой были влажны отъ слезъ.

Слезы видны были на глазахъ и у младшей дочери, а лица сыновей носили отпечатокъ тревоги.

По-своему, всѣ они любили свою мать, причеиъ эта любовь, какъ это всегда бываетъ, въ болѣе сильной степени проявилась, когда они потеряли Елизавету Степановну. Теперь рельефнѣе вырисовывались ея высокія достоинства, которыя раньше не только не цѣнились, а даже порицались, потому что они нерѣдко являлись тормозомъ въ ихъ беззаботной и безсодержательной жизни.

Растерянный видъ Бузьмы Платоновича, который объясненъ былъ испытываемыми имъ страданіямъ, еще болѣе усугубилъ тяжелое настроеніе дѣтей.

VII.

Бузьма Платоновичъ, пришедши къ себѣ на дачу, метался, какъ раненый звѣрь. Онъ не зналъ, что дѣлать съ брошюрою и письмомъ, которыя, казалось, жгли его. Онъ хотѣлъ ихъ уничтожить дорогою, но не зналъ какъ. Ему казалось, что или догонитъ его кавалькада, или кто-нибудь другой замѣтитъ, куда онъ прачетъ ихъ или рветъ. На дачѣ онъ осматрѣлъ всѣ укромныя мѣста, лазилъ на шкафы, заглядывалъ въ печи и нѣсколько разъ пряталъ то туда, то сюда брошюру и письма, но сейчасъ же и бралъ ихъ обратно, такъ какъ болѣзненно возбужденное воображеніе не давало ему покоя и рисовало ему картины находки ужасныхъ документовъ. Ему затѣмъ пришло въ голову сжечь ихъ, но тутъ же онъ явственно ощутилъ запахъ гари и бросилъ этотъ проектъ. Одновременно его мучила мысль о встрѣчѣ съ дѣтьми, которыя могли возвратиться каждую минуту. Онъ чувствовалъ, что не сироетъ своего смущенія и растерянности, и рашная тайна его можетъ быть обнаружена. Бузьма Платоновичъ пытался лечь въ кровать и притвориться спящимъ, но не въ силахъ былъ лежать. Тогда онъ рѣшилъ уѣхать въ городъ, оставивъ дѣтямъ записку, что отправляется въ Z, чтобы заявить полиціи объ исчезновеніи жены, причеиъ просилъ увѣдомить его, если экскурсія на чѣна на какіе-нибудь слѣды Елизаветы Степановны.

Въ городскую квартиру онъ пріѣхалъ поздно ночью, и, прежде всего, какъ только убѣдился, что прислуга уснула, сталъ жечь въ каминѣ брошюру и письма, причѣмъ нѣсколько разъ тихонько выходилъ во дворъ и смотрѣлъ, не слишкомъ ли замѣтенъ дымъ отъ бумаги. Когда догорѣли послѣдніе листы, онъ тщательно выбралъ въ газетный листъ весь пепелъ и вынесъ его въ помойную яму. Послѣ этого Бузьма Платоновичъ успокоился и, чувствуя необыкновенную усталость и разбитость, легъ въ постель. Но лишь только закрылъ онъ глаза, какъ мысли одна другой ужаснѣе стали тревожить его. «Откуда достала жена брошюру?... Несомнѣнно, на дачѣ... А если такъ, то развѣ не можетъ случиться, что подобныхъ брошюръ есть уже тамъ нѣсколько?... Наконецъ, гдѣ жена?... Быть можетъ, она скрывается тамъ же—развѣ она не могла кого-нибудь попросить, чтобы отпривать ему брошюры и письма съ пути?... И, кто знаетъ, не дома ли она уже и сейчасъ... Быть можетъ, въ эту самую минуту она уже сообщаетъ все дѣтямъ».

Бузьма Платоновичъ схватился, весь облитый холоднымъ потомъ, и, раздѣтый, сталъ шагать изъ угла въ уголъ, словно бы старался убѣжать отъ преслѣдовавшихъ его мыслей. Но это не помогало—онѣ настойчиво тревожили его все больше и больше и довели до непреодолимаго желанія куда-нибудь бѣжать, и когда показалась заря, Бузьма Платоновичъ, разбудивъ прислугу, попросилъ ее запереть за собою дверь, сказавъ ей, что, по дѣламъ службы, онъ долженъ немедленно уѣхать.

Онъ отправился на почтовую станцію, гдѣ его хорошо знали, взялъ лошадей и уѣхалъ въ отдаленнѣйшую часть округа.

Придумывая различныя дѣла, онъ ѣздилъ изъ одного мѣста въ другое, нигдѣ не находя себѣ покоея. Лишь двѣи черезъ десять онъ возвратился въ городъ, чтобы показаться начальству и узнать, не произошло ли чего особеннаго. Съ трепетомъ подошелъ онъ къ своей квартирѣ и, когда прислуга отворила ему дверь, спросилъ:

— Меня никто не спрашивалъ?

— Были здѣсь дня три назадъ ваши паничи,—отвѣчала баба.

— Ну и что же?

— Спрашивали, гдѣ вы, а я сказала, что уѣхали.

— Ну?

— Они написали вамъ что-то...

— А гдѣ письмо?

— Тамъ, на столѣ... Да еще полиція васъ спрашивала...

— Полиція?

— Да, полицейскій свазывалъ, что, какъ прїѣдете, чтобы сейчасъ пришли...

— Гм... Да кто же былъ?

— Полицейскій...

— Ну, хорошо.

Подойдя къ столу въ кабинетъ, Кузьма Платоновичъ съ тревогою вскрылъ письмо отъ сыновей, но въ немъ лишь сообщалось, что матери не нашли, и высказывалось удивленіе, что онъ забылъ сообщить объ этомъ полиціи, причемъ сыновья увѣдомляли, что сами сдѣлали заявленіе.

Кузьма Платоновичъ успокоился и объяснилъ вызовъ въ полицію этимъ заявленіемъ, но всетаки счелъ пужнымъ и отъ себя сообщить, объяснивъ запозданіе забвеніемъ и экстреннымъ отъѣздомъ по дѣламъ службы.

— А вы увѣрены, — предложили ему вопросъ въ полиціи, — что ваша жена погибла въ горахъ?

— Я? — смутился Кузьма Платоновичъ: — но что же иное предложить?

— Да нѣтъ, это такъ себѣ, — таинственно отвѣтилъ окружной начальникъ, — но не я васъ вызывалъ...

— Въ квартирѣ мнѣ сказали...

— Совершенно вѣрно, но это по требованію жандармскаго управленія, куда вы немедленно и зайдите.

За короткое время пребыванія въ Средней Азій Корнеплодову ни разу не представилось случая посѣтить жандармское управленіе, и этимъ обстоятельствомъ онъ объяснялъ вызовъ его черезъ полицію, что ему было крайне непріятно.

Въ жандармскомъ управленіи его встрѣтилъ адъютантъ начальника управленія, и, какъ только Кузьма Платоновичъ назвалъ свою фамилію, произнесъ: «а-а!» и отправился доложить начальнику. Последній немедленно пригласилъ въ свой кабинетъ Корнеплодова, любезно съ нимъ поздоровался, предложилъ садиться и, тщательно притворивъ дверь, приступилъ къ бесѣдѣ, глядя время отъ времени въ лежащую передъ нимъ бумагу и въ длинную шифрованную телеграмму.

— Вы, кажется, разыскиваете вашу супругу? — началъ жандармскій генералъ, бросивъ пристальный взглядъ на Корнеплодова.

— Да, — смущенно отвѣтилъ послѣдній, стараясь не смотрѣть на генерала.

— Вы увѣрены, что съ нею что-нибудь приключилось въ горахъ?

— Да... Всѣ такъ думаютъ...

— А не могла она уѣхать отсюда, скрыться?

— Не знаю...

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, но, по вашему мнѣнiю, могло это случиться?

— Врядъ ли...

— Не намекала она вамъ объ этомъ? Не было разговоровъ?

— Нѣтъ.

— А между тѣмъ у насъ имѣются нѣкоторыя данныя, что ваша супруга сейчасъ въ Петербургѣ, живетъ, вѣроятно, по подложному паспорту и, кажется, занимается антиправительственною дѣятельностью очень опаснаго свойства.

При этомъ генералъ пронизывающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Бузьму Платоновича, и послѣднiй отъ этого взгляда вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Генералъ замѣтилъ это и, глядя въ упоръ на Корнеплодова, продолжалъ:

— Ваше прошлое намъ хорошо извѣстно и въ достаточной мѣрѣ оцѣнено правительствомъ, которое и сейчасъ относится къ вамъ съ полнымъ довѣрiемъ, но, конечно, это довѣрiе прекратится, если съ вашей стороны будетъ замѣчена неискренность...

— Я васъ не понимаю, генералъ, — дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Корнеплодовъ: — кажется, я не занимаюсь ничѣмъ предосудительнымъ...

— Совершенно вѣрно, господинъ Корнеплодовъ, но пассивность иногда можетъ сдѣлаться преступностью. Многие не занимаются антиправительственною дѣятельностью, но это не значитъ, что они до вѣряютъ правительству, относятся къ нему чистосердечно и содѣйствуютъ борьбѣ съ крамолой, что особенно важно именно теперь...

— Но въ чемъ дѣло, генералъ?

— А вотъ я вамъ сейчасъ сообщу... Скажите, пожалуйста, у васъ имѣется фотографическая карточка вашей жены?

— Нѣтъ.

— Ни одной?

— Ни одной.

— Вы ни разу не снимались?

— Вамъ должно быть понятно, генералъ, что мнѣ, въ моемъ положенiи, неудобно было сниматься, почему я не напоминалъ женѣ, чтобы и она снималась, такъ какъ могло случиться, что она пожелаетъ вмѣстѣ со мною...

— Да, да, да, совершенно понимаю... Впрочемъ, это даже не важно, такъ какъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, крайне необ-

ходимо, чтобы вы лично взглянули на особу, въ которой подозрѣваютъ вашу жену, для чего и просить васъ отправиться въ Петербургъ.

— Въ Пе-тер-бургъ?!

— Да. Конечно, всё расходы будутъ за счетъ правительства, а чтобы не обратить вниманія, васъ вызовутъ по дѣламъ службы.

— Ха-ха-ха!—вдругъ дикимъ безумнымъ смѣхомъ расхохотался Бузьма Платоновичъ:—ха-ха-ха! Такъ значить я долженъ обнаружить собственную жену?! Ха-ха-ха!... Же-ну?!

Генералъ нажалъ кнопку на письменномъ столѣ, и тотчасъ къ нему явился адъютантъ.

— Прикажете, пожалуйста, дать воды,—сказалъ тревожно генералъ.

Адъютантъ, съ удивленіемъ взглянувъ на хохочущаго Борнеплодова, повернулся на одной ногѣ и скрылся. Вслѣдъ за этимъ жандармскій унтеръ-офицеръ принесъ на подносѣ графинъ воды. Генералъ сдѣлалъ ему знакъ и унтеръ-офицеръ, поставивъ воду на столъ, осторожно на пальцахъ ушелъ изъ комнаты. Тогда генералъ налилъ стаканъ воды, подалъ ее Борнеплодову и сказалъ:

— Успокойтесь!... Что съ вами?...

Бузьма Платоновичъ, стуча о стаканъ зубами, залпомъ выпилъ одинъ за другимъ два стакана воды, вытеръ платкомъ выступившій потъ на лбу и тихо проговорилъ:

— Простите... Извините, но это сверхъ моихъ силъ...

Тогда генералъ поднялся съ кресла, выпрямился во весь ростъ и устремилъ пронизывающій взглядъ на Борнеплодова. Подъ влияніемъ этого взгляда, Бузьма Платоновичъ весь съежился и чувствовалъ себя, какъ чувствуетъ птичка, когда видитъ разинутую пасть змѣи, собирающейся ее поглотить.

— Съ какихъ поръ, господинъ Борнеплодовъ, у васъ такъ рѣзко изменились взгляды?—медленно и твердо отчеканивалъ каждое слово генералъ:—не вы ли неоднократно обращались въ Z—ское жандармское управленіе и сообщали свѣдѣнія о знакомыхъ вашей жены? Вы думаете, что, забравшись въ Среднюю Азію, замели всё слѣды? Вы полагаете, что намъ не все извѣстно? А ваше далекое прошлое? Вѣдь вы, господинъ Борнеплодовъ, съ головою выдали всёхъ вашихъ друзей...

— Довольно, генералъ, довольно!—закричалъ Бузьма Платоновичъ, отмахиваясь руками, словно бы кто нападалъ на него:—согласенъ, на все согласенъ!...

— Я умолкаю, господинъ Борнепловъ,—ни слова больше скажу... Выпейте еще воды...

— Нѣтъ, благодарю...

— Итакъ, вы ѣдете?

— Да.

— Это нужно поскорѣе... Кажется, на-дняхъ оканчивается срокъ отпуска вашимъ сыновьямъ?

— Не знаю...

— А я знаю,—могу ошибиться не болѣе, какъ на день, на два. Въ этоу времени вы получите командировку и, не обращая ничьего вниманія, уѣдете вмѣстѣ съ ними... Для вашего успокоенія я долженъ сказать, что, быть можетъ, подозрѣваемая особа окажется ваша жена, а если это будетъ она, то правительство, понятно, ничего особеннаго съ нею не сдѣлаетъ, дѣянія ваши услуги: вы, быть можетъ, именно спасете вашу супругу...

Бузьма Платоновичъ, широко раскрывъ глаза, молча выслушалъ послѣднія слова генерала и, когда послѣдній наклоненіемъ головы показалъ, что аудіенція кончена, Борнепловъ механически раскланялся и молча оставилъ комнату.

На улицѣ онъ почувствовалъ сильную боль въ головѣ и жаво во всемъ тѣлѣ. Онъ шелъ, какъ пьяный, и никакъ не могъ сообразить, что съ нимъ произошло. Онъ ломалъ голову, старался припомнить, что сейчасъ было, но сознаніе все больше и больше оставило его. Ему сдѣлалось страшно, и онъ все ускорялъ и ускорялъ шагъ. Пришедши домой, онъ долгое время ходилъ, понуривъ голову, по темной комнатѣ. Вдругъ онъ вскрикнулъ—передъ нимъ, какъ живая, предстала жена и устремила на него полный укоризны взоръ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ зажегъ свѣчу. Жена исчезла, но онъ почувствовалъ, что она скрылась у него въ горлѣ и душила его. Онъ быстро подошелъ къ столу, досталъ бритву, подошелъ къ зеркалу и, схвативъ пальцами то мѣсто на шеѣ, подъ которымъ скрылась жена, оостервенѣніемъ перерѣзалъ себѣ горло и грохнулся на полъ.

Вбѣжавшая прислуга, увидѣвъ страшную картину, въ ужасѣ выбѣжала на улицу и стала кричать что есть мочи, покуда не собрался народъ, а затѣмъ и полиція.

И. П. Бѣлоносцевъ.

ДѢТИ ЗЕМЛИ.

Разсказъ Арвида Гернефельта.

(Съ финскаго).

Вотъ что говорить сказаніе:

Это было давно, давно. Въ старину пришли побѣдители со сверкающими копьями, въ пестрыхъ шлемахъ, неся передъ собой крестъ, сіявшій побѣдной славой. Люди Калевалы поднялись на защиту своихъ боговъ. Запылали села и деревни и со страшнымъ трескомъ помялись священныя рощи. Побѣдители прошли по странѣ, уничтожая все огнемъ и мечомъ. Сопротивлявшіеся были изгнаны и обречены умереть въ пустынѣ, слабыхъ крестили, и новые властелины дѣлали себѣ изъ нихъ подданныхъ.

Народы можно побѣждать и покорять, людей можно изгонять и унижать, но можно ли покорять и изгонять также и боговъ? Если нѣтъ, то гдѣ же скрываются дочери воздуха, дочери дня, гдѣ дочери луны, гдѣ скрывается богъ моря со своими дѣвами, гдѣ богъ лѣса со своими голубыми подругами, гдѣ, наконецъ, всѣ тѣ существа, чьи голоса доносятся до человѣка изъ широкихъ пространствъ, — эти голоса, которые среди рокота морскихъ волнъ возбуждаютъ въ немъ отвагу, которые въ тишинѣ звѣздной ночи будятъ въ немъ свѣтлыя мысли, или на тропинкахъ въ лѣсной чащѣ вдохновляютъ его къ нѣснѣ и превращаютъ въ немъ тоску одиночества въ радостное настроеніе?

Неужели же, когда покоряютъ людей, то вмѣстѣ съ ними покорятъ и боговъ?

Нѣтъ, ихъ покорить нельзя. Они живутъ еще и по сей день.

Побѣдители не знали, да они и не хотѣли этого, что, водружая в напоенную кровью землю крестъ, они водружаютъ вмѣстѣ съ нимъ и духъ истины, который никогда еще не вступалъ въ союзъ съ огнемъ и мечомъ.

И передъ этимъ-то духомъ истины собрались покинутые народомъ боги и слышали слѣдующія слова:

«Во имя мое однажды освободится все то, что связано огнемъ и мечомъ: тотъ, кто бралъ—будетъ давать, кто грабилъ—возвратить все обратно, кто сдѣлался господиномъ—превратится въ слугу. Но освобожденіе произойдетъ не съ помощью меча и огня, а съ помощью моихъ ангеловъ. Васъ я превращу въ своихъ ангеловъ, и ваши слова снова будутъ раздаваться среди людей, пока все не будетъ окончено и я не увижу, что разъединенные люди слились во-едино».

Такъ говорилъ духъ истины.

И онъ далъ ангеламъ тысячи лѣтъ; и онъ далъ имъ голосъ, который нѣжно, какъ утренній вѣтерокъ, проникаетъ все существо человека.

Этотъ голосъ звучитъ и понынѣ.

I.

Въ мышеловкѣ.

Это было въ сумеркахъ, въ одинъ пасмурный ноябрьскій день. Въ это время дня въ деревенской лавкѣ на перекресткѣ обыкновенно бывало пусто, и лавочникъ позволялъ себѣ даже маленькій послѣобѣденный отдыхъ въ своей комнатѣ. Вдругъ входная дверь съ шумомъ распахнулась, и колокольчикъ на концѣ длинной согнутой пружины запрыгалъ и задрезжалъ тревожно и суетливо, долго не смолкая:

— Скорѣй сюда, скорѣй сюда, пришелъ Бинтури-Янне,—слышите, Бинтури-Янне, Бинтури-Янне, скорѣй, скорѣй, Бин-кин-кинтури-Янне, кин-кин-кингеликин-кин-кин...

— Ага, ага!—послышалось изъ сосѣдней комнаты, и лавочникъ началъ подниматься съ дивана, на которомъ уже успѣлъ улечься лицомъ къ стѣнѣ съ навинутымъ на плечи пиджакомъ и въ однихъ носкахъ на ногахъ.

— Это навѣрное Бинтури-Янне!—сказалъ онъ, натягивая на ноги ботинки,—сейчасъ же слышно по звонку; никогда нельзя было бы и подумать, что это голышъ — онъ гремитъ дверью, какъ не вѣсть какой помѣщикъ.

И хозяинъ ввалился въ лавку. Это былъ румяный человекъ съ моргающими глазами, обаятельными свѣтлыми рѣсницами. При видѣ Бинтури онъ сейчасъ же пришелъ въ хорошее настроеніе; онъ весело и дружески поздоровался съ нимъ и спросилъ, нѣтъ ли чего новенькаго.

Кинтури-Яне, торпаръ и отецъ девяти человѣкъ дѣтей, вывалилъ на прилавокъ цѣлую тушу телятины и три кило самаго свѣжаго масла. Потомъ онъ склонился надъ прилавкомъ и спросилъ почтительнымъ и вѣжливимъ шепотомъ, нельзя ли купить мышеловку.

— Это еще что? Неужели мыши повадились ходить въ зерно? Такъ оно не помѣщается больше въ засѣкъ? Тебѣ, Кинтури, навѣрное придется держать его въ мѣшкахъ?

— Вотъ именно, вотъ именно, — подхватилъ Кинтури, который хорошо зналъ привычку лавочника вѣчно острить по поводу его богатства.

Между Кинтури и хозяиномъ лавки былъ договоръ, состоявшій въ томъ, что Кинтури по сходной цѣнѣ, разъ навсегда установленной, поставялъ лавочнику каждыя шесть недѣль отпоеннаго теленка. Онъ долженъ былъ также поставять въ лавку и все масло, которое только у него дома пахталось, и всё вообще деревенскіе продукты, которые у него могли накопиться. Этотъ договоръ казался Кинтури очень выгоднымъ, такъ какъ онъ съ своей стороны пользовался въ лавкѣ извѣстными преимуществами. Ему не надо было вымывать деньги, когда онъ приходилъ въ лавку за покупками, и хозяинъ лавки никогда не требовалъ отдачи долга, накопившагося въ продолженіе года за кофе, муку, соль, сахаръ и табакъ, въ неудобное время, а всегда спокойно ждалъ слѣдующаго теленка. На самомъ дѣлѣ купецъ былъ добрый человѣкъ, и Кинтури охотно посѣщалъ его лавку.

Кинтури очень льстило также близкое знакомство съ хозяиномъ лавки, который принадлежалъ къ числу господъ. Вообще Кинтури испытывалъ горькое чувство по отношенію къ господамъ и старался избѣгать ихъ, какъ это дѣлали съ незапамятныхъ временъ и его праотцы. Но этотъ купецъ съ малыхъ лѣтъ былъ обязанъ только своей собственной энергіи тѣмъ, что сдѣлался бариномъ, а кромѣ того онъ многихъ господъ провелъ за носъ. Для Кинтури онъ былъ живымъ прикрѣпомъ того, что «и нашъ братъ не дуракъ, — стоитъ лишь захотѣть». Потому-то Кинтури очень цѣнилъ какъ самого купца, такъ и всю его лавку и страшно гордился знакомствомъ съ нимъ. Высшимъ удовольствіемъ для него было придти въ лавку, когда тамъ было много народу, и съ сознаниемъ этого лестнаго знакомства, самому взять себѣ что-нибудь изъ товара, напримѣръ, снять съ потолка длинной палкой пучекъ уздечекъ, выбрать себѣ одну изъ нихъ и затѣмъ, какъ бы мимоходомъ условиться съ хозяиномъ лавки въ цѣнѣ, — и все это въ самую сутолоку. Иногда случалось даже, что онъ на гла-

захъ у посѣтителей лавки заходилъ за прилавокъ, открывалъ ящикъ съ гвоздями и отсчитывалъ себѣ въ руку сто штукъ трехдюймовыхъ гвоздей; затѣмъ онъ засовывалъ ихъ себѣ въ карманъ и только слегка кивалъ лавочнику. Тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же: слегка кивалъ головой и моргалъ глазами. Или же случалось къ вичему удовольствію Бинтури, что лавочникъ говорилъ: «Послушай, Бинтури, налей-ка Саренскій керосину, у насъ такой спѣхъ». Въ такихъ случаяхъ всѣ посѣтители лавки, и знакомые, и незнакомые, смотрѣли на Бинтури съ большимъ уваженіемъ. А кудластые парни съ лѣсопилки, такъ важничавшіе своимъ дневнымъ заработкомъ, стояли, вытаращивъ глаза отъ удивленія, и тщетно старались выяснитъ себѣ, какія отношенія могутъ существовать между лавочникомъ и Бинтури.

На этотъ разъ Бинтури-Яне пришелъ покупать мышеловку; въ лавкѣ не было другихъ покупателей.

Лавочникъ выложилъ на прилавокъ нѣсколько сортовъ мышеловокъ и въ то же время продолжалъ шутить насчетъ полныхъ закромовъ торпара.

— Вотъ какъ, такъ мыши забрались, значить, въ твою кладовую и лакомятся сахаромъ и пшеничной мукой?—сказалъ онъ, ласково моргая глазами.

Бинтури тоже заморгалъ ему въ отвѣтъ и сдѣлалъ усиліе, чтобы засмѣяться по своему обыкновенію, какъ того требовали ихъ шуточные отношенія, которыя еще никогда не нарушались. Но на этотъ разъ это ему какъ-то не удалось. Онъ сталъ серьезнымъ и началъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ разсматривать мышеловки.

Ни одна изъ нихъ ему не понравилась. Онѣ хлопаютъ слишкомъ громко,—говорилъ онъ. Онъ желаетъ такую, которая захлопывается безъ малѣйшаго шума.

— Я такъ чутко сплю. Надо вамъ сказать, что эти негодныя твари, т.-е. мыши, поднимаютъ такую возню у насъ, что не даютъ никакого покоя по ночамъ. А вѣдь вы знаете, старость-то даетъ себя чувствовать. Не такъ-то легко послѣ тяжелой поденщины всю ночь лежать съ открытыми глазами да переворачиваться съ боку на бокъ.

— Да что же гонить ихъ въ избу, когда амбары переполнены?—спросилъ купецъ, стараясь опять превратить все въ шутку.—Но подожди, я сейчасъ дамъ тебѣ мышеловку, которая совсѣмъ не хлопасть.

И онъ выложилъ на прилавокъ какое-то странное сооруженіе. Возлѣ обыкновенной мышеловки, сбоку, была придѣлана жестяная кружка, а надъ кружкой находилась маленькая кѣтка, въ которую

велъ узкій коридорчикъ изъ проволоки, соединявшій мышеловку съ влѣткой.

— Вотъ смотри, Бинтури. Когда мышшь войдетъ въ мышеловку, то за ней сейчасъ же упадетъ маленькая дощечка и закроетъ входъ въ мышеловку. Мышь начнетъ искать выхода и попадетъ въ эту влѣтку. Но едва она попадетъ въ влѣтку, какъ дно въ ней подается, и мышшь свалится въ воду. Послѣ этого дно въ влѣткѣ опять принимаетъ свое прежнее положеніе, а дощечка, заслоняющая входъ, снова поднимается. Такимъ образомъ въ этой мышеловкѣ могутъ утонуть пять-шесть мышшей, а ты даже ничего объ этомъ и знать не будешь, и будешь себѣ спать, какъ сурокъ,—все тутъ движется на смазанныхъ ходахъ безъ малѣйшаго звука.

— Вотъ такъ штука!—удивился Бинтури. Онъ подробно осмотрѣлъ это хитроумное изобрѣтеніе, еще разъ выразилъ удивленіе и не могъ не отозваться съ похвалой о человѣческой находчивости.— Сперва сюда,—повторилъ онъ за лавочникомъ, потомъ въ влѣтку и плюхъ въ воду! А ужъ оттуда идти некуда, тамъ она крѣпко засядетъ, чортъ возьми!—Онъ перевернулъ мышеловку, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и снова перевернулъ. Буда отсюда уйти! Некуда! Да, такъ-то, скажу я вамъ,—продолжалъ Бинтури,—бываетъ, что мысли привяжутся къ человѣку и не даютъ ему покоя ни днемъ, ни ночью. Я разсуждаю такъ: человѣкъ думаетъ слишкомъ много.

Повидимому, Бинтури рѣшилъ совершенно оставить шутливый токъ. Въ носу у него щекотало, и на глаза навертывались слезы. Ему вдругъ захотѣлось посвятить купца во всѣ свои горести. Купецъ былъ добрый человѣкъ, въ этомъ Бинтури самъ убѣдился; онъ видѣлъ, какъ тотъ ласково хлопалъ своего молодого жеребенка, какъ онъ нѣжно ласкалъ свою кошку, какъ онъ ворковалъ со своей женой—они жили точно новобрачные,—а кромѣ того разсказывали еще, что онъ выручилъ своего племянника негодяя изъ большого денежнаго затрудненія и выложилъ ради него нѣсколько тысячъ. Какъ же такому знакомому не раскрыть своего сердца и не разсказать, какъ обстоятъ дѣла.

И вотъ Бинтури въ первый разъ оставилъ свой обычный шутливый токъ и началъ говорить о своей горькой участи. Если и раньше его дѣла шли плохо, то теперь пошли еще хуже: онъ поссорился со своимъ хозяиномъ. Изъ хозяйской риги пропалъ овесъ, и онъ устроилъ обыскъ у своихъ подчиненныхъ. «Я не воровалъ у тебя овса,—заявлялъ я ему, и заодно я выругалъ его за многое другое старое. Но онъ попросилъ полицію не обращать на меня вниманія, и вотъ эти черти перерыли у меня въ домѣ все вверхъ дномъ, а на чердакѣ

они разбросали платье моей хозяйки—негодая! Развѣ позволительно дѣлать обыскъ такимъ образомъ? Или, быть можетъ, я имѣю право послать полицію рыться въ его углахъ, когда это мнѣ только придетъ въ голову?—Ну, никакого овса они у насъ, конечно, не нашли, но хозяинъ обозлился и взялъ полицейскихъ въ свидѣтели, а мнѣ приказалъ убираться изъ торпа *). Скажите, развѣ онъ имѣетъ право меня выгнать?

— А у тебя есть какой-нибудь контрактъ на торпъ?

— Никакихъ бумагъ у меня нѣтъ. Но развѣ недостаточно слова? У меня есть свидѣтели. Торпъ принадлежалъ моему отцу и моему дѣду. Они расчистили лѣсъ и сложили каменную ограду, неужто же нужны еще какія-нибудь бумаги?

— Такъ это, значитъ, нѣчто вродѣ обѣщанія. Нѣтъ, это не годится. Все должно быть обусловлено на бумагѣ. Иди-ка, Бинтури, сейчасъ же и помирись съ хозяиномъ!

Бинтури вздохнулъ, съежился и сталъ какъ будто ниже, грудь у него ввалилась, и онъ пристально смотрѣлъ на крошки, валявшіяся на прилавкѣ.

— Да я ужъ попытался было это сдѣлать. Конечно, это было тяжело, но я всетаки попытался. А хозяинъ мнѣ сказалъ: «Если ты заплатишь мнѣ твой долгъ и согласишься на новый оброкъ, то можешь оставаться». Я, видите ли, пристроилъ изъ его бревенъ небольшую горницу къ своей избѣ. Но откуда же мнѣ достать денегъ?

Лавочникъ сталъ подозрѣвать, что Бинтури, быть можетъ, имѣетъ нѣкоторые виды на его деньги, а потому онъ смель за лучшее какъ-нибудь прекратить эти изліянія. Бряхтя, онъ влѣзъ на прилавокъ, чтобы зажечь висячую лампу. Стоя на колѣнахъ на прилавкѣ, онъ сталъ рассказывать, что и ему пришлось пережить тяжелыя времена. Деньги не идутъ, векселя просрочиваются, а день уплаты никогда не заставляетъ себя ждать. Иногда чувствуешь себя, точно въ аду. Бусокъ въ горло не идетъ и ночью глазъ не закрываешь, а только ворочаешься съ боку на бокъ.

— Да, да, съ боку на бокъ,—повторилъ Бинтури. Сходство ихъ положенія до такой степени обрадовало его, что онъ обѣими руками почесалъ себѣ носъ и вытеръ слезы, навернувшіяся у него на глазахъ. Онъ добрый, очень добрый, этотъ купецъ. Если онъ и выжимаетъ деньги изъ людей, то что же другое и дѣлать купцу.

*) Торпъ—жилое мѣсто съ небольшимъ участкомъ земли, арендуемое безземельнымъ крестьяниномъ-торпаромъ у крупнаго землевладѣльца; аренда выплачивается обыкновенно поданной работой. *Примеч. переводч.*

Лампа разгорѣлась и ея яркій свѣтъ ясно освѣщала малѣйшіе предметы въ лавкѣ.

— Ну, жаловаться-то собственно грѣхъ; въ концѣ-концовъ все-таки дѣла пошли хорошо,—сказалъ лавочникъ, стараясь опять перейти на болѣе веселый тонъ. И онъ неуловимо сползъ съ прилавка, и, повидимому, отбросилъ отъ себя всѣ воспоминанія. Однако онъ не преминулъ дать Бинтури еще одинъ очень хорошій совѣтъ.

— Сколько лѣтъ твоей женѣ, Бинтури?

— Тридцать восемь лѣтъ.

— Ого! Ну, такъ у васъ можетъ народиться еще съ полдюжины ребятъ. Сколько ихъ у васъ теперь?

— Девять живыхъ, да трое померло,—отвѣтилъ Бинтури, нѣсколько оживляясь. И онъ самодовольно выпрямился, ожидая отъ лавочника похвалы; но тотъ началъ его бранить.

— Слыханное ли это дѣло, Бинтури! Многіе состоятельные люди обѣдѣли бы, если бы имъ пришлось кормить такую кучу ребятъ. И зачѣмъ ихъ производить на свѣтъ въ такомъ количествѣ? Это прямо безразсудно!

Онъ наклонился къ самому уху Бинтури и началъ шептать, хотя они были одни въ лавкѣ.

Бинтури глазѣлъ на лавочника съ широко открытымъ ртомъ и никакъ не могъ понять, что тотъ ему говоритъ.

Въ эту минуту въ лавку вошла кучка рабочихъ съ лѣсопилки. А такъ какъ лавочникъ закончилъ свои совѣты, громко повторивъ: «Слыханное ли это дѣло, такая куча ребятишекъ!», то и рабочіе начали смѣяться надъ изобиліемъ у него дѣтей. И они начали громко разсуждать о томъ же, о чемъ лавочникъ только что шепталъ Бинтури на ухо. Они выражались очень грубо и цинично.

Бинтури былъ въ страшномъ смущеніи.

Онъ такъ рѣдко выѣзжалъ изъ своего лѣсного угла въ этотъ просвѣщенный свѣтъ, и каждый разъ онъ получалъ тяжелые удары, съ кѣмъ бы ни соприкасался здѣсь. Онъ старался смѣяться и говорить въ томъ же тонѣ, какъ и другіе, но на сердцѣ у него было тяжело, и онъ стремился поскорѣе опять скрыться въ лѣсу, какъ птица, и летѣвшая случайно въ человѣческое жилище.

Къ несчастью, въ лавку вошла еще толстая жена управляющаго.—она пришла покупать телятину и масло. Когда она услышала, что лавочникъ упрекаетъ Бинтури въ бѣдности, то и она не пропустила удобнаго случая пустить нѣсколько шпилекъ по адресу торговца.

— Бѣдный! Лучше бы ужъ и не говорили о бѣдности. Когда

обзаводишься такой оравой дѣтей да пьешь, да покупаешь кофе и бѣлый хлѣбъ, то понятно, что и бѣднѣешь. Кто ихъ просить пить кофе, разъ они бѣдны!

Въ своемъ раздраженіи она быстро повернулась на каблучкахъ.

У Кинтури явилось непреодолимое желаніе привскочить высоко въ воздухъ и, какъ ястребъ, вцѣпиться ей въ шею, или просто схватить ее за шиворотъ и вышвырнуть за дверь. Этого хотѣла горячая кровь Кинтури, но праотцы совѣтовали: поклонись барынѣ повѣжливей и скажи: «такъ-то оно, такъ», и затѣмъ иди своей дорогой въ лѣсъ.

Кинтури всегда слушался праотцевъ. Онъ поклонился барынѣ со словами: «такъ-то оно, такъ». Однако въ слѣдующую минуту онъ наклонился надъ прилавкомъ, о который опирался обѣими руками, и попросилъ лавочника дѣловымъ и вѣжливымъ тономъ такъ, что барыня слышала, положить ему въ мѣшокъ на три марки лучшаго кофе и столько же сахару кусками—перваго сорта—«и пожалуй еще на марку бѣлаго хлѣба—онъ, кажется, свѣжій».

На эту мечь у него, конечно, не было согласія праотцевъ, но зато онъ успокоилъ свою горячую кровь рабочаго—и его праотцы были удовлетворены.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ купецъ собралъ все, что Кинтури ему заказалъ. Барыня стала разсматривать мышеловку. Кинтури, который придумывалъ, какъ бы еще отомстить, взялъ мышеловку и кивнулъ лавочнику со словами: «Это я тоже беру».

И Кинтури наслаждался своей мещью, несмотря на то, что слышалъ въ дверяхъ, какъ лавочникъ запрашивалъ съ барыни за телятину и за масло вдвое больше, чѣмъ самъ заплатилъ. «Повытряси-ка свою кошну, милая моя!»—подумалъ онъ, и у него явилось громадное желаніе самому вывернуть карманы барыни наизнанку.

Поведеніе лавочника ничуть не казалось Кинтури предосудительнымъ. Онъ находилъ, что лавочникъ поступаетъ только такъ, какъ того требуетъ его профессія, стараясь получить какъ можно больше выгоды въ ущербъ ему, Кинтури. Но эта барыня! Чортъ возьми, хорошо было бы вцѣпиться ей въ шею!

Кинтури поѣхалъ домой, но удрученное состояніе не покидало его, такъ какъ онъ продолжалъ думать о тѣхъ совѣтахъ, которые ему давали лавочникъ и рабочіе съ лѣсопилки. Однако, когда онъ свернулъ съ большой дороги и его глаза, ослѣпленные яркимъ свѣтомъ лампы, снова привыкли къ темнотѣ, а запахъ керосина и сажаки исчезъ изъ его носа и въ ушахъ пересталъ раздаваться рѣзкій звонъ лавочнаго колокольчика,—его стѣсненное сердце снова расши-

рилось; понемногу успокоясь, онъ сталъ наблюдать, какъ неподвижныя сосны, вырисовывавшіяся въ туманѣ, мало-по-малу превращались въ сплошную стѣну. Въ концѣ-концовъ онъ самъ какъ бы исчезъ въ глубокой тишинѣ этой такъ хорошо ему знакомой пустыни.

И вотъ Бинтури стало казаться, что мышеловка, которую онъ съ собою везъ, представляетъ собою волшебство, при помощи котораго онъ снова встанетъ на ноги. Вѣдь въ концѣ-концовъ, быть можетъ, бессонница и есть причина того упадка силъ, который его такъ испугалъ въ началѣ. Если только мыши перестанутъ мѣшать ему спать по ночамъ, то онъ снова будетъ работать, какъ волъ. Днемъ онъ будетъ исполнять свою обычную работу, но отъ ночи онъ будетъ урывать часика два, когда случается, что подъ утро свѣтитъ мѣсяцъ; и онъ будетъ понемногу вывозить изъ лѣса бревна на большую дорогу, а оттуда около Рождества, когда установится санный путь, онъ легко доставитъ ихъ на лѣсопилку и такимъ образомъ смѣло заработаетъ пятачку въ день. Путте не очень-то разборчивъ на кормъ. Стоить ему слегка посыпать сѣчку мукой, и онъ жуесть ее себѣ всю ночь и не выражаетъ никакого недовольства.

Пріѣхавъ домой, Бинтури вытеръ своего Путте пучкомъ соломы, сребъ въ конюшни навозъ въ сторону, поставилъ сани подъ навѣсъ и вошелъ въ избу.

Семья уже поужинала.

Онъ поставилъ мышеловку на столъ, отдалъ кофе, хлѣбъ и сахаръ своей женѣ, Мари, и сѣлъ, не говоря ни слова, ѣсть картофель.

Мари вопросительно взглядывала на него, но молчала, потому что хорошо видѣла, что мужъ не расположенъ къ разговору. Ее очень удивило щедрое приношеніе кофе и другихъ припасовъ. Правда, Бинтури и въ болѣе тяжелыя времена всегда заботился о томъ, чтобы у Мари не было недостатка въ кофе, хотя самъ онъ былъ равнодушенъ къ этому напитку; но такое изобиліе кофе, да еще съ прибавкой бѣлаго хлѣба, — это было нѣчто необыкновенное, и у Мари явилось подозрѣніе, что мужъ хочетъ какъ-нибудь уколоть ее этимъ. Ее огорчило также и то, что Бинтури сидитъ и ѣсть въ глубокомъ молчаніи, и никто изъ окружающихъ не знаетъ, о чемъ онъ думаетъ и что его утѣшаетъ.

Всѣхъ дѣтей въ избѣ было шестеро: пятеро маленькихъ и пятнадцатилѣтняя дѣвочка Ида. Какъ только отецъ пріѣхалъ, Ида сейчасъ же вышла съ дѣловымъ видомъ изъ избы и пошла въ конюшню за корму Путте.

Бинтури совсѣмъ пропалъ бы безъ своей Иды, — она была его

утѣшеніемъ и радостью, и съ такой дѣвочкой, — говорилъ онъ, — надо и мальчиковъ! Она давала окрикъ на лошадей не хуже стараго конюха, она переѣзжала по льду на островъ и привозила домой возъ сѣна, она колола дрова, держала лошади ноги во время подковыванья, накладывала на дровни жерди и боронила овсяное поле. Эта дѣвочка была зеницей ока Кинтури. Ее онъ не отпустилъ бы служить въ чужіе люди, если бы даже ему пришлось отдать ради нея послѣднее, что у него было.

Изъ меньшихъ дѣтей только одинъ былъ мальчикъ, остальные были все дѣвочки. Этого единственнаго мальчика звали Яковомъ.

Всѣ дѣти столпились вокругъ мышеловки и старались угадать, что это такое; дотронуться до нея никто не носмѣлъ изъ боязни отца, который былъ въ такомъ молчаливомъ настроеніи, — даже Яковъ, его любимецъ.

Кончивъ ѣсть, отецъ взялъ мышеловку, наполнилъ жестяной сосудъ водой, насыпалъ въ уголъ мышеловки крошекъ, оставшихся отъ ѣды и, приказавъ дѣтямъ ложиться спать, ушелъ въ смежную горницу, гдѣ и заперся.

Эту горницу онъ самъ пристроилъ къ избѣ года два тому назадъ и съ тѣхъ поръ спалъ тамъ отдѣльно отъ остальной семьи. Мари спала съ дѣтьми въ избѣ.

Войдя въ горницу, Кинтури поставилъ мышеловку въ уголъ между печкой и стѣной, гдѣ у мышей была лазейка, и бросился на постель.

Онъ лежалъ тихо, и не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ въ углу заскребла мышь.

Она навѣрное разсматриваетъ теперь мышеловку со всѣхъ сторонъ. Вотъ она дотронулась до нея, вотъ загремѣла одна изъ подвижныхъ частей мышеловки.

Потомъ все затихло и долго ничего не было слышно.

Мысли Кинтури покинули мышеловку и пошли своимъ обычнымъ порядкомъ. Сперва, какъ и всегда за послѣднее время, онѣ остановились на обыскѣ, который такъ взволновалъ Кинтури и перевернулъ всю его жизнь. Кинтури вспомнилъ сцену съ хозяиномъ, съ которымъ онъ вошелъ въ такія рѣзкія пререканія. Потомъ онъ перенесся въ далекія времена, когда онъ только что женился на Мари и принялъ отъ отца этотъ торпъ.

Въ углу опять загремѣло.

Эта шельма гремитъ себѣ только, а въ мышеловку не входитъ. Вѣроятно, ее поражаетъ блестящая жесть. И Кинтури всталъ съ постели, взялъ изъ печи золы, поплевалъ на нее и замазалъ ею жестяную кружку въ мышеловкѣ.

Потомъ онъ опять тихо улегся въ постель и сталъ ждать. А мысли ова стали тѣсниться въ его головѣ и беспорядочно неслись впередъ, къ десятку деревенскихъ лошадей, впряженныхъ въ треугольникъ и расчистки дороги отъ снѣга. Такъ начинается долгая бессонная чь.

На подоконникѣ упали косые лучи луны. Изъ этого Кинтури въключилъ, что было уже за полночь. До него ясно доносилось изъ бы спокойное храпѣніе Мари—его Мари, съ которой онъ прожилъ тѣхъ лучшіе годы своей жизни. Прежде, когда они спали вмѣстѣ избѣ въ общей кровати и когда мысли начинали одолевать его, у стоило только повернуть голову такъ, чтобы она прислонилась плечу спящей Мари—и онъ сейчасъ же успокаивался и засыпалъ.

Но вотъ уже два года, какъ они спятъ врозь. Какъ Кинтури, такъ и Мари много думали о томъ, насчетъ чего предостерегалъ ланчикъ, но они не нашли никакого средства выйти изъ затрудненія только старались отвыгнуть другъ отъ друга. Правда, послѣдній менокъ служилъ доказательствомъ того, что Кинтури не обладалъ достаточной степенію силой воли, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ прирѣшилъ себѣ горницу, онъ очень скоро привыкъ къ новому положенію вещей. Къ этому разводу много способствовало и то обстоятельство, что Кинтури во избѣжаніе проявленія какой бы то ни было нѣжсти, напустилъ на себя суровость и сварливость. Однако Мари ставила себѣ совсѣмъ иное понятіе о причинѣ его суровости: она вѣрила себѣ въ томъ, что Кинтури просто разлюбилъ ее. И она за свою собственную жизнь въ обществѣ своихъ дѣтей. Конечно, она не могла подозрѣвать, на какія хлѣбородныя поля Кинтури вывелъ ее, на какихъ прекрасныхъ лошадяхъ съ серебряной сбруей въ ея каталъ и какіе золотые дворцы онъ для нея строилъ... во вребессонныхъ ночей, когда онъ переворачивался въ своей постели богу на бокъ.

И вотъ передъ Кинтури снова пронеслась вся исторія его жезбы и его совмѣстной жизни съ Мари вплоть до этого дня.

Ему было только двадцать два года въ то лѣто, когда онъ въ первый разъ увидалъ Мари. А Мари только что исполнилось восемнадцать лѣтъ; она была высокая, стройная дѣвушка съ узломъ мягкихъ волосъ, завернутыхъ высоко на темени, и въ широкихъ модныхъ рукавахъ. Она пріѣхала съ господами, у которыхъ служила кичной.

Что это были за господа—Кинтури такъ и не зналъ до сихъ поръ рошенько. Какъ перелетныя птицы, которыя опускаются то тутъ, тамъ, такъ и эти господа совершенно случайно попали это лѣто

въ ту мѣстность. Тогда тамъ появились блѣднолицыя барышни съ разноцвѣтными зонтиками, молодые люди въ блузахъ и короткихъ штанахъ, барыни и баре. Всѣ они говорили по-фински, но, несмотря на это, понимать ихъ было очень трудно. Они ходили осматривать весенніе ручейки, принимали ягнятъ за телятъ и очень нѣжно относились ко всѣмъ живымъ существамъ.

— О, что за великолѣпная сосна! Посмотрите на эти вѣтви, сколько мощи въ нихъ, какъ красиво онѣ извиваются!

Таковъ былъ ихъ разговоръ. А иногда они садились и начинали рисовать эти сосны. Иногда они прислушивались къ ихъ шуму; любовались облаками; протягивали руки къ озеру и говорили о родинѣ. Все имъ нравилось, все ихъ трогало, они даже собирали камешки и оплакивали цвѣточки, когда приближалось время сѣнокоса. Хозяинъ двора, гдѣ они жили, какъ будто понималъ ихъ немного, но остальные совсѣмъ ихъ не понимали. Но потому-то у хозяина и всеружило голову, и отъ этого произошло много зла. Дѣло въ томъ, что и онъ заговорилъ объ отечествѣ, надѣлъ на своихъ дочерей шляпы и отдалъ ихъ въ школу. Мало-по-малу онъ приобрѣлъ привычки господъ и его земля должна была приносить ему больше денегъ. Онъ началъ продавать лѣсъ. Для начала онъ продалъ лѣсъ изъ родового торпа Кинтури, тотъ лѣсъ, изъ котораго Кинтури бралъ бревна и другой строевой матеріалъ. Съ этого и начались недовольства между торпаремъ и хозяиномъ. Развѣ допустимо что-либо подобное? Теперь на долю этого торпа выпала новая тягота, такъ какъ весь строевой матеріалъ приходилось покупать. Но этого мало.

Однажды, собирая въ лѣсу грибы, господа подошли къ избѣ Кинтури. Они пришли въ восторгъ отъ живописнаго мыса, на которомъ былъ расположенъ торпъ, и вступили въ переговоры съ хозяиномъ о покупке этого мѣста подъ дачу. Тогда между хозяиномъ и семьей Кинтури произошли большія недоразумѣнія, такъ какъ хозяину очень хотѣлось продать торпъ, а старый Кинтури негодовалъ на хозяина за то, что тотъ посмѣлъ подумать о чемъ-либо подобномъ. Отецъ Кинтури и дѣдъ его воздѣлали этотъ торпъ на берегу лѣснаго озера въ пустынномъ мѣстѣ и для вѣрности обнесли его даже каменной оградой, на сооруженіе которой дѣдъ пожертвовалъ лучшими годами своей жизни. Хозяинъ объявилъ тогда, слѣдуя совѣтамъ господъ, что собственно говоря, такого закона нѣтъ, который защищалъ бы права на извѣстный участокъ земли того, кто обнесъ этотъ участокъ каменной изгородью, и что единственное законное удостовѣреніе въ правахъ собственности представляетъ собою бумага, которой однако въ данномъ случаѣ нѣтъ.

Съ этого началась ненависть всѣхъ Кинтури къ господамъ вообще. Имъ и потомъ не разъ еще приходилось защищать свой торпъ отъ посягательствъ господъ. Но въ тотъ разъ дѣло кончилось бы очень плохо для Кинтури, если бы господская служанка Мари, въ которую влюбился Кинтури, не спасла ему торпъ.

Мари увѣрила своихъ господъ, что поблизости отъ этого мѣста гдѣсь кишитъ змѣями. Это такъ напугало господъ, что всѣ переговоры о покупке торпа сейчасъ же прекратились.

Изъ этого хитроумнаго поступка Мари Кинтури вывелъ то заключеніе, что и она любитъ его, и онъ влюбился въ нее еще больше.

И Кинтури воскресилъ теперь въ своей памяти это время до мельчайшихъ подробностей. Онъ вспомнилъ, съ какимъ трудомъ ему удавалось вначалѣ говорить съ Мари въ кухнѣ, какъ они едва успѣвали обмѣниваться нѣсколькими словами, но уже изъ этихъ словъ поняли, что любятъ другъ друга, какая это была радость для нихъ, какъ онъ потомъ началъ приходить въ кухню въ отсутствіи господъ, и наконецъ позже вечеромъ, когда господа уже спали; какъ Мари отчасти вслѣдствіе этого должна была оставить свое мѣсто, какъ они потомъ поженились, какъ отецъ передалъ ему торпъ и какъ хозяинъ на это согласился подъ условіемъ, что оброкъ увеличивался почти вдвое противъ прежняго.

Слѣдствіемъ этого новаго оброка было то, что Кинтури сразу пришлось очень туго. Но онъ былъ молодъ и могъ работать, какъ волъ. Дѣти у нихъ появлялись на свѣтъ почти каждый годъ; два раза родились двойни. Мари также было не легко. Узелъ волосъ на ея тѣни съ каждымъ годомъ, какъ будто, спускался все ниже и ниже; большую уборку въ избѣ она производила все рѣже, посуда не блестѣла больше, какъ прежде, она перестала сажать цвѣты и завѣшивать свои окна гардинами, а этотъ хорошій обычай она переняла отъ своихъ господъ и старалась какъ можно дольше соблюдать его. Дѣти оборвали украшенія съ полокъ, запачкали обои и наколотили некрасивые знаки на столахъ и стульяхъ. Въ концѣ концовъ Мари пришла къ тому заключенію, что чистота слишкомъ тяжелая обуза для жены торпаря со множествомъ дѣтей. Мало-по-малу она потеряла свой прежній обликъ и превратилась въ обыкновенную крестьянку; и она забыла бы совершенно всѣ господскія привычки, если бы Кинтури самъ не желалъ, чтобы она ихъ не бросала. Кинтури ни за что не хотѣлъ сознаться, что онъ не доставилъ Мари той жизни, которой она была достойна. И онъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы Мари не чувствовала тисковъ бѣдности. А потому-то у Мари всегда долженъ

былъ быть кофе съ сахаромъ, и свое платье она должна была шить такъ же нарядно, какъ и прежде.

Самъ онъ уже давно замѣтилъ въ своему ужасу, что дѣла его становились все хуже и хуже.

По мѣрѣ того, какъ проходила ночь, мысли Бинтури становились все мрачнѣе. Онъ началъ подсчитывать свои долги, сперва съ одного конца, потомъ съ другого, сперва безъ процентовъ, потомъ съ процентами. Въ полумракѣ, въ которомъ смутно выдѣлялось лишь окно на фонѣ луннаго свѣта, пробивавшагося сквозь облака, въ полной тишинѣ, не нарушаемой ни дѣтскимъ пѣньемъ, ни возней Мари, его духовное око раскрылось шире, и ничто не скрывало отъ него грозной дѣйствительности во всей ея наготѣ, и чѣмъ дальше онъ подсчитывалъ свои долги, тѣмъ яснѣе понималъ, что для него нѣтъ никакого спасенія. Сегодня для него угасла послѣдняя надежда. Лавочникъ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ его, когда Бинтури заговорилъ съ нимъ о своемъ денежномъ затрудненіи; а лавочникъ былъ единственный человѣкъ, къ которому Бинтури могъ обратиться за помощью. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что именно теперь послѣдуетъ. Хозяинъ, конечно, отниметъ отъ него торпъ на томъ основаніи, что Бинтури не можетъ уплатить ему долга, — и торпъ продадутъ какому-нибудь чужому человѣку.

Но это не должно случиться, нѣтъ, никогда, никогда!

Онъ перевернетъ сотни тунландовъ земли и выкопаетъ тысячу сажень канавы, но позоръ разоренія никогда не падетъ на его голову. Онъ никогда не попадетъ въ богадѣльню и не позволитъ своимъ дѣтямъ разсѣяться по бѣлу свѣту. Нѣтъ, никогда! Передъ этимъ страшнымъ призракѣмъ силы Бинтури удесятятся и онъ превращается въ сказочнаго богатыря. Но въ то же время въ головѣ Бинтури проносится другая мысль: послушай, Бинтури, вѣдь ты теперь больше не тотъ, что былъ въ молодости, — человѣкъ съ неизсякаемой силой и стальными нервами. За послѣднее время ты ослабѣлъ, а у тебя явилась потребность въ отдыхѣ. Это была страшная мысль, она покрыла все тѣло Бинтури холоднымъ потомъ, она сдавила ему грудь и стѣснила дыханіе. Ибо если ему измѣнять силы, то потухнетъ и послѣдняя искра надежды. И передъ Бинтури встаетъ наводящая ужасъ картина: онъ видитъ, какъ его семья покидаетъ родной торпъ и его Ида въ послѣдній разъ слышитъ ржаніе Путте. Нѣтъ, никогда!

Мучимый такими мыслями, Бинтури метался по своей постели и возбуждался все больше и больше. Несмотря на то, что онъ не спалъ, его душилъ кошмаръ: грозная картина разоренія росла надъ нимъ,

надвигалась на него съ боковъ, онъ чувствовалъ ее подъ собой, на себѣ,—вотъ, вотъ она задушить его!

И вдругъ въ его головѣ пронеслась безумная мысль: отворить дверь, войти въ избу, разбудить Мари и лечь рядомъ съ ней, чтобы выплакаться. Мари обовѣется своими руками вокругъ его шеи, будетъ утѣшать его и ласкать—и онъ забудетъ съ ней всѣ свои заботы. И Кинтури охватило такое блаженное чувство, его сердце такъ сладко забилося при этой мысли, что онъ дѣйствительно всталъ съ постели и, шатаясь, пошелъ къ двери.

Но въ то же мгновеніе тысячи голосовъ закричали ему:

— Что ты дѣлаешь, Кинтури! Развѣ ты не принялъ твердаго рѣшенія держаться въ стѣнѣ отъ избы.

Кинтури отвѣтилъ:

— Развѣ я не могу выплакать у нея свое горе? Или она больше не моя Мари?

И когда онъ при этомъ посмотрѣлъ на свою постель, то ему показалось, что лечь на нее—это все равно, что отправиться на дѣбы.

— Кинтури, вернись и лягъ!—бричали ему голоса.

Но Кинтури направился невѣрными шагами къ двери. Кровь горячей волной прилиwała къ его сердцу, и онъ содрогался передъ тѣмъ, что дѣлаетъ. Онъ растворилъ дверь и вошелъ въ избу.

Мари проснулась въ ту же минуту, приподнялась въ постели и, ничего не понимая спросонья, спросила рѣзко:

— Что тебѣ надо?

Кинтури сдѣлалъ видъ, что ищетъ что-то на печкѣ и отвѣтилъ болѣе грубо, чѣмъ обыкновенно:

— Буда, къ чорту, дѣвала ты кружку съ квасомъ?

— Да она на верстаѣ, —отвѣтила Мари и перевернулась на другой бокъ лицомъ къ стѣнѣ.

Кинтури подошелъ къ верстаку и отпилъ нѣсколькими большими глотками кислой жидкости. Когда онъ кончилъ пить, то по ровному дыханію Мари онъ услышалъ, что она уже заснула.

Тогда онъ повернулся и пошелъ въ свою комнату.

Глубоко вздыхая и чувствуя изнеможеніе во всемъ тѣлѣ, онъ бросился на постель и сталъ разговаривать со своими праотцами, стараясь увѣрить ихъ, что онъ дѣйствительно ходилъ въ избу только для того, чтобы напиться. И онъ удостоился отъ своихъ праотцевъ похвалы за свою стойкость.

Потомъ на него вдругъ нашла истома, его глаза закрылись, и совершенно незамѣтно для него самого его мысли вдругъ перенеслись въ благодатную страну свободы.

О, что за покой, что за тишина царятъ въ странѣ блаженныхъ! Солнце сіяетъ, раздаются пѣніе жаворонковъ. Самъ Бинтури идетъ за плугомъ по плодородной нивѣ Создателя; рыхлая, черная земля мягко разворачивается подь плугомъ, а въ бороздахъ скачутъ трясогозки. Изгородей нигдѣ не видать, не видно также и межевыхъ камней, а каждый владѣетъ тѣмъ участкомъ земли, который онъ самъ для себя обработалъ. Дѣти не приносятъ съ собой бѣдности и заботы, а однѣ лишь радость и богатство, потому что они не служатъ обузой. Мальчики ухаживаютъ за молодыми жеребятами, дѣвочки нянчатъ маленькихъ дѣтей, и у каждого есть своя любимая работа на родномъ дворѣ. Вотъ Августъ уже идетъ къ пашнѣ: «Отецъ, дай мнѣ окончить работу», — говоритъ онъ. «Кончай себѣ!» И сынъ поднимаетъ плугъ съ молодой мощью, трясетъ его, поворачиваетъ и начинаетъ новую борозду. Бинтури садится на край канавы, вытираетъ потъ и съ тихой радостью любитъ напряженными мускулами сына. Потомъ онъ встаетъ, набиваетъ свою трубку и медленно направляется къ дому. Уже издали до него доносятся удары ткацкаго станка Мари. На дворѣ онъ беретъ на руки младшаго ребенка и идетъ съ нимъ въ избу. Отворивъ дверь, онъ останавливается на порогѣ. Мари ихъ не замѣчаетъ, она продолжаетъ шумѣть станкомъ и усердно ткеть. Ея волосы собраны въ мягкій узелъ высоко на затылкѣ, на ней надѣтъ лифъ безъ рукавовъ, а рукава сорочки не доходятъ и до локтей, на ногахъ одни чулки. Однако ребенокъ не хочетъ въ избу, онъ хочетъ идти опять на дворъ играть, и Бинтури опускаетъ его на полъ. Тогда Мари отворачивается отъ ткацкаго станка и смотритъ на него съ ласковой улыбкой. Одно мгновеніе они смотрятъ другъ на друга и читаютъ другъ у друга въ мысляхъ. Бинтури кажется, будто онъ ей говоритъ: «Хотя въ этой небесной странѣ появленіе на свѣтъ ребенка и приноситъ съ собой лишь благословеніе и счастье, но я всетаки буду держаться вдали отъ тебя, моя милая Марія, потому что я не хочу быть причиной новыхъ страданій для тебя, не хочу еще больше подрывать твои ослабѣвшія силы и давать еще больше работы твоимъ слабымъ рукамъ».

А Мари какъ будто отвѣчаетъ ему съ ткацкаго станка:

«Ты говоришь такъ, словно ты не забылъ еще жалкой земли со всѣми ея заботами. Развѣ ты не видишь, что дочери мои уже выросли, и что онѣ пасутъ ягнятъ и нянчатъ маленькихъ дѣтей? И если бы даже меня ожидали самыя ужасныя страданія и въ днѣ не хватало бы часовъ для моей работы, то я всетаки не оттолкнула бы тебя, если бы ты пришелъ ко мнѣ за утѣшеніемъ. А если бы небо

благословило меня, то неужели ты думаешь, что я изъ боязни труда оттолкнула бы его великіе дары?»

Когда Кинтури прочелъ эти мысли у Мари, его охватило чувство такого великаго, ошеломляющаго счастья, что онъ весь затрепеталъ. И онъ сдѣлалъ по направленію къ Мари два шага.

И Мари также встала изъ-за станка и пошла къ нему навстрѣчу.

Но какъ разъ въ то мгновеніе, когда Мари подошла къ нему и уже протянула руки, чтобы обнять его за шею, что-то хлопнуло, и Кинтури проснулся и сѣлъ въ постели.

Все было по старому. Блѣдная луна едва свѣтитъ сквозь завѣсу тумана и уже зашла за окно. Буря треплетъ старыя, обнаженныя вѣтви березы передъ окномъ. Августъ на заработкѣ въ городѣ, самъ Кинтури обязанъ отбывать хозяину четыре дня барщины въ недѣлю; лавочнику продана вся телятина и все масло; Хильда служитъ въ городѣ у господъ, а Ида ходитъ за Путте въ конюшнѣ.

Но что это былъ за стукъ?

Теперь въ комнатѣ царила снова полная тишина. Но вотъ черезъ нѣсколько минутъ послышалось, какъ мышь грызетъ желѣзную рѣшетку. Тогда Кинтури понялъ, что стукъ, разбудившій его, произошелъ отъ того, что мышеловка захлопнулась.

Значитъ, мышь въ концѣ-концевъ попалась-таки въ ловушку. Она беспокойно грызла рѣшетку, потомъ переставала грызть, какъ бы прислушиваясь къ чему-то, и затѣмъ снова грызла. Однако въ верхнюю клѣтку она такъ и не забралась.

Кинтури всталъ съ постели, пошелъ согнувшись въ уголъ и поднялъ съ пола мышеловку. Въ переднемъ отдѣленіи мышеловки, прижавшись въ уголъ, сидѣла мышь. При слабомъ отблескѣ луннаго свѣта можно было ясно различить только ея черныя глазки, которые съ невыразимымъ ужасомъ смотрѣли на Кинтури изъ-за желѣзной рѣшетки. Очевидно, мышь ждала перваго удобнаго мгновенія, чтобы какъ-нибудь спастись.

— Ты, я вижу, мышинная матка, — заговорилъ Кинтури, — видно также, что ты вовсе и не думаешь, что гибель твоя неизбежна, ты и понятія не имѣешь о томъ, какая это удивительная ловушка. А я тебѣ скажу, что теперь тебѣ пришелъ конецъ.

И Кинтури просунулъ сквозь рѣшетку гвоздь, которымъ хотѣлъ заколотъ мышь.

— Ишь, какая шельма! Тебѣ хочется вцѣпиться въ гвоздь зубами? Попробуй только! Небось, гвоздя зубами не перегрызешь! А то, быть можетъ, тебѣ пріятнѣе утонуть, а?

Но мышь упорно отказывалась идти въ клетку надъ сосудомъ съ водою, какъ Кынтури ее туда ни загонялъ.

— Не все ли равно, бѣдная мышка, какъ умереть: свалиться въ воду или попасть на гвоздь? А? Какъ ты думаешь? Ты все еще смотришь? Можетъ быть, у тебя въ норѣ остались мышата, и они плачутъ тамъ теперь? Конечно, и на ихъ долю должно было перепастъ крошекъ изъ мышеловки? Да, да, они поджидаютъ тебя: «мама скоро придетъ, мама такая умная, она въ мышеловку не попадетъ». А ты все-таки попала въ ловушку. Да и самъ папа когда-нибудь попадетъ сюда. Можетъ быть, онъ умнѣе всей своей семьи, а онъ все-таки попадетъ въ мышеловку. Да, скажу я тебѣ, бываетъ, что и папѣ приходится очень плохо, хотя дѣти и не подозрѣваютъ этого, когда они вечеромъ у очага взбираются къ нему на колѣни, обнимаютъ его и болтаютъ съ нимъ, стараясь научиться у него уму-разуму. Нѣтъ, бѣдная мышка! Намъ съ тобой выхода нѣтъ! Желѣзную рѣшетку зубами не перегрызешь, а спасенія ожидать не отъ кого...

Но вдругъ Кынтури спохватился и замѣтилъ, что сидитъ на полу, и что на глазахъ у него слезы, и ему стало досадно на себя. Онъ пошелъ съ мышеловкой къ наружной двери, растворилъ ее и швырнулъ мышеловку на сугробъ снѣга. При этомъ онъ нарочно далъ раскрыться жестяной задвижкѣ въ мышеловкѣ, такъ что мышь выскочила изъ нее въ то время, какъ она летѣла по воздуху. Видно было, какъ какой-то темный клубочекъ упалъ на снѣгъ и въ слѣдующее мгновеніе скрылся подъ домомъ.

Кынтури снова заперся въ своей комнатѣ и началъ натягивать на себя штаны. Онъ хотѣлъ воспользоваться луннымъ свѣтомъ въ этотъ ранній утренній часъ, чтобы навозить изъ лѣсу бревенъ къ большой дорогѣ. А оттуда онъ собирался передъ Рождествомъ свезти ихъ на лѣсопильку.

II.

Коробейникъ.

— Что это за шумъ? — спрашивали другъ друга деревенскіе мальчики, наострая уши.

— Что тамъ такое везутъ?—удивлялись прачки на берегу

— Это сюда везутъ что-то,—рѣшили работники, точившіе свои косы на точильномъ камнѣ, и бросились навстрѣчу приближавшемуся громыханію.

А за ними побѣжали всѣ,—мальчики, бабы, мужики, чтобы поскорѣе увидать, откуда происходитъ этотъ необыкновенный шумъ, доносившійся съ дороги, которая вела на кузницу.

Коробейникъ, направлявшійся въ деревню, поднимался какъ разъ со своей тяжелой ношей по крутому береговому косогору, изъ-за котораго онъ видѣлъ только край неба. Обливаясь потомъ, онъ дошелъ до половины горы, и тогда только обратилъ вниманіе на странный шумъ и сталъ оглядываться по сторонамъ.

Навстрѣчу ему съ горы спускалась сѣнокосилка, которую только что купилъ себѣ хозяинъ имѣнія Ваниккала. Теперь сѣнокосилку везли на береговой лугъ; машину тянуло подъ гору, и пара лошадей, прижатыхъ въ нее, съ силою упиралась ногами въ землю. Желтыя колеса, красныя оси и свербавшія на солнцѣ стальные части машины бросались въ глаза издали и ослѣпляли своими яркими красками. Кузнецъ, тугоухій и раздражительный человѣкъ, трясся въ корзинкѣ, приспособленной для сидѣнья, и старался успокоить лошадей, пугавшихся громыханья металлическихъ частей. Темныя силуэты мальчиковъ, вырисовывавшихся на свѣтломъ фонѣ неба, казались коробейнику пляшущими чертенятами. За мальчиками показались мужчины, а за мужчинами бѣжали женщины съ развѣвающимися юбками.

Бородатый коробейникъ съ раздраженіемъ махнулъ рукой. «Ишь, не видали раньше такого дива!» Люди бѣгутъ, какъ сумасшедшіе, и даже не замѣчаютъ его, Михаила. А раньше, бывало, стояло ему только показаться въ деревнѣ, какъ вокругъ него собиралась толпа, и онъ сидѣлъ, словно король, среди своихъ товаровъ, разложенныхъ на пригоркѣ или на полу въ какой-нибудь избѣ. Теперь всѣ бѣгутъ мимо него, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія; никто не спроситъ даже, что новенькаго онъ принесъ въ своемъ коробѣ, какіе у него есть ситцы, ленты, матеріи, пуговицы, бусы, кошельки, записныя книжки, платки, цѣпочки, кольца.

— Противная машина! Чтобъ ей провалиться!

Коробейникъ сталъ снова взбираться на гору, и когда онъ, наконецъ, дошелъ до вершины, то передъ его глазами раскинулась безлюдная деревня. Тяжело дыша, онъ свалилъ со своей спины тяжелую ношу на камень, самъ сѣлъ на землю и, бросивъ фуражку рядомъ съ собой, сталъ вытирать краснымъ клѣтчатымъ платкомъ потъ съ лысой головы.

Скотина! Сѣнокоса еще нигдѣ не начали, но видно, что машину эту онъ себѣ только что завелъ, разъ у него нѣтъ терпѣнія дожидаться настоящаго времени для сѣнокоса и разъ онъ даже не обращаетъ вниманія на грозовую тучу. А Михаилъ, точно нарочно, постарался выбрать лучшее время для этой деревни, такое время, когда мужчины еще заняты приготовленіемъ граблей на сѣновалахъ, а женщины це-

куть хлѣбъ и заготовляютъ пиво въ сѣнокоосу. Никогда еще во всю его жизнь ему не приходилось совершать такого несчастнаго путешествія, какъ въ эту весну, и никогда еще собаки не лаяли на него съ такой яростью. Но, конечно, ничего другого и нельзя было ожидать: вѣдь онъ забылъ поставить свѣчку передъ иконой преподобнаго Михаила, прежде чѣмъ отправиться въ путь!

И вотъ рабъ божій Михаилъ погрузился въ размышленія по поводу превратности судьбы, и главнымъ образомъ по поводу той странной путаницы, которая происходила въ послѣднее время. Больше десяти лѣтъ онъ странствуетъ по Финляндіи, но никогда еще чувство тоски не овладѣвало имъ съ такой силой, и онъ не зналъ, какъ избавиться отъ него.

Ужъ не вернуться ли домой, къ роднымъ полямъ Карелии? Но тамъ не ждетъ его наслѣдство послѣ отца, тамъ для него нѣтъ земли, тамъ онъ можетъ быть только батракомъ у чужого человѣка. А въ качествѣ батрака Михаилъ не хочетъ идти за плугомъ, не хочетъ вытаскивать изъ воды неводъ или выслѣживать въ лѣсу дичь. Нѣтъ, лучше Михаилъ будетъ бродить съ коробомъ на спинѣ и пойдетъ куда глаза глядятъ, но зато онъ останется свободнымъ и самъ будетъ выбирать себѣ работу. Лучше это, нежели въ качествѣ наемника рыть канавы на чужой землѣ или вязать чужой частоколь. Правда, онъ живетъ бобылемъ, но зато онъ свободенъ!

Встарину, говорятъ, все было иначе.

Покойный отецъ рассказывалъ, что были времена, когда людямъ не надо было уходить изъ роднаго края, чтобы торговать, а всѣ жили въ насиженныхъ мѣстахъ своихъ дѣдовъ. Братья и сестры, зятья и невѣстки, шурины и золовки всѣ жили въ одной деревнѣ вокругъ стараго дѣда. Покойный отецъ не разъ рассказывалъ, какъ, бывало, въ его молодые годы всѣ односельчане собирались въ сумерки въ сосновой избѣ, а къ нимъ присоединялись поселяне и изъ чужихъ деревень. Тогда люди находили время собираться вѣстѣ. Эти чужіе пѣли рука объ руку со старымъ дѣдомъ, а остальные, женщины и мужчины, слушали съ улыбающимися лицами, сидя на длинныхъ лавкахъ вокругъ стѣнъ избы. Пѣвцы пѣли и рассказывали о свободныхъ герояхъ Калевалы, о народѣ, который не былъ въ рабствѣ и на оброкѣ у чужихъ баръ, а подчинялся лишь королю-пѣвцу и учился мудрости у кузнеца Ильмаринена.

Но вотъ пришли чужіе люди, забравшіе въ свои руки власть, и они запретили всякую охоту въ лѣсахъ. Въ странѣ наступили тяжелыя времена. Тогда отецъ сказалъ дѣду: «Оброковъ платить я не буду, я продамъ свое наслѣдство и пойду искать поденной работы на

фабрикахъ». Но дѣдъ отвѣтилъ съ печки: «Лѣса у тебя отнять могутъ, но не разумь; если у тебя и отнимутъ лѣса, то это еще не значить, что ты сейчасъ же долженъ идти въ батраки къ господамъ. Нѣтъ, Онтрей, сынъ мой, возьми-ка лучше на плечи коробъ, наполни его мелкимъ фабричнымъ товаромъ и пойди торговать по бѣлу-свѣту! Если здѣсь нѣтъ свободы, то, быть можетъ, она найдется въ другомъ мѣстѣ. Свѣтъ широкъ, границъ ему нѣтъ; тотъ же вѣтеръ дуетъ повсюду, вездѣ то же солнце, та же луна, и люди вездѣ тѣ же. Ахъ, не продавай своей свободы! Барель не можетъ служить батракомъ!»

Михаилъ вспомнилъ и то, что его старикъ отецъ сказалъ ему, когда онъ въ первый разъ одинъ отправлялся за финскую границу: «Тебя встрѣтятъ двѣ неприятности; первая—это финскій ленсманъ, вторая—твоя собственная тоска. Ленсмана ты долженъ стараться избѣгать, а тоску не подпускай къ себѣ близко». И чтобы онъ могъ противостоятъ тоскѣ, его отецъ уже давно, когда онъ еще мальчикомъ ходилъ съ нимъ въ Лиминго и на Кеми, или когда они бродили по окрестностямъ Або и по богатымъ берегамъ Бумо, постарался запечатлѣть въ его памяти старыя пѣсни его родины. Но въ тѣ времена Михаилъ не сумѣлъ оцѣнить этого. Прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ, и онъ забылъ родныя пѣсни, потому что онѣ не были ему нужны. Но теперь онъ почувствовалъ въ нихъ потребность. Теперь—теперь онъ хотѣлъ бы припомнить ихъ. Онъ запѣлъ было одну изъ нихъ, слова вертѣлись у него на языкѣ, онъ произнесъ одну или двѣ рюны, «но какъ же это было дальше?» и «нѣтъ, это было не такъ», и онъ замолкъ. Михаилъ почувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ, и тоска все глубже и глубже закрадывалась въ его душу.

Предостереженія его отца относительно ленсмана не имѣли больше значенія. Ленсманы стали теперь друзьями Михаила—объ этомъ его отецъ едва ли смѣлъ мечтать когда-нибудь—такъ что въ этомъ отношеніи онъ былъ вполне спокоенъ. Было нѣчто гораздо болѣе неприятное. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ прежде лучше всего торговалъ, теперь къ нему совершенно охладѣли. Буда онъ прежде, избѣгая на-раднаго входа, какъ свой человекъ, входилъ съ кухоннаго крыльца, въ тѣхъ большихъ усадьбахъ, гдѣ прежде, бывало, господа собирались въ кухнѣ вокругъ его короба и, смѣясь, старались скрыть его отъ глазъ ленсмана или мѣстнаго купца, тамъ теперь тѣ же господа выгоняли его изъ кухни и травили на него собакъ. Почему же весь свѣтъ точно перевернулся теперь вверхъ дномъ? Теперь онъ заходилъ со своимъ коробомъ только въ бѣдныя лѣсныя избушки, гдѣ больше глазѣли на его товары и почти ничего не покупали у него.

Чтобы имъ пусто было, этимъ толстолобымъ финскимъ торпарамъ Михаилъ не могъ ихъ терпѣть. Эти несчастные угнетенные крестьянскіе рабы представлялись ему слезливыми забитыми стариками.

И Михаилъ съ досадой махнулъ рукой на всѣ эти непріятныя мысли и попробовалъ было снова запѣть, но не могъ припомнить словъ пѣсни. Тогда онъ перевернулся на животъ, положилъ голову на руки и, уткнувшись бородастымъ лицомъ въ траву, принудилъ себя заснуть.

Между тѣмъ сѣнокошилку привезли къ берегу на самый конецъ длиннаго клевернаго луга.

Всѣ деревенскія дѣти, а также всѣ взрослые, которымъ хоть минуту удалось оставить работу, прибѣжали къ воротамъ береговаго луга, куда въѣхалъ кузнецъ съ сѣнокошилкой.

Ждали только хозяина.

Кузнецъ еще разъ осмотрѣлъ различныя части машины и вездѣ смазалъ масломъ. Мальчишки кучками стояли вокругъ, но держались тихо изъ страха передъ сердитымъ кузнецомъ.

Взрослые также стояли молча.

Причиной этому было присутствіе молодого барина изъ Гельсфорса, который жилъ въ верхнемъ этажѣ въ усадьбѣ Ваннико. Большая часть обитателей деревни въ первый разъ видѣла его вблизи. И ихъ любопытство въ одинаковой степени относилось какъ молодому барину, такъ и къ сѣнокошилкѣ. Съ раскрытыми ртами они разсматривали всѣ подробности его внѣшности: его позу, платье, цѣпочку отъ часовъ, воротникъ, его странные на тонкихъ подошвахъ и пуговицахъ башмаки и его длинную, очень хорошую папиросу.

Всѣ находили, что онъ очень красивъ. Его носъ былъ изящно согнутъ, на верхней губѣ выдѣлялись темные усы, а на подбородкѣ красовалась маленькая борода.

Правда, что здѣсь уже раньше видали много господъ. Но темъ у людей были особыя причины къ любопытству. Объ этомъ важно молодомъ баринѣ ходили по деревнѣ странные слухи. Увѣряли, что его отецъ, высокопоставленный военный, послалъ своего сына въ деревню на исправленіе, такъ какъ въ городѣ онъ велъ слишкомъ шумный образъ жизни. Однако, несмотря на всѣ эти слухи, онъ все таки не обращалъ бы на себя такого вниманія, если бы онъ не былъ такъ красивъ и такъ изященъ. Многіе совсѣмъ забыли, зачѣмъ они прибѣжали сюда, и стояли съ широко раскрытыми ртами, пожирая глазами. Они были поражены тѣмъ, что такого барина послали

исправленіе въ *деревню*, гдѣ не было ни больницъ, ни санаторій, а были только луга и пустынные болота.

Молодой человекъ стоялъ у воротъ, черезъ которыя въѣхала сѣнокосилка. У него было блѣдное и худое лицо со впалыми щеками. Онъ съ увлеченіемъ сосалъ свою папиросу, втягивая щеки, и его каріе глаза разсѣянно переходили съ одного предмета на другой. По-видимому, онъ замѣтилъ, что былъ причиной воцарившейся тишины, но онъ не могъ придумать никакого предлога, чтобы подойти къ этимъ людямъ, и онъ давно ушелъ бы отъ перекрестнаго огня любопытныхъ взоровъ, если бы его не останавливало желаніе посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ машина на крестьянъ. Въдъ эта машина со всѣми ея необыкновенными колесами и зубьями была изобрѣтеніемъ *его* класса, и въ этой мысли онъ находилъ себѣ какъ бы поддержку.

— Вотъ онъ идетъ!—сказалъ Бинтури, который вмѣстѣ съ нѣсколькими другими работниками стоялъ въ концѣ луга, опираясь на косу. Работники только что косили тотъ конецъ луга и, сдвинувъ нанки на затылокъ, они вытирали рукавомъ рубахи потъ со лба.

Хозяинъ Бинтури, обладатель помѣстья Ванькола, показался на лосгорѣ. Его толстое, неуклюжее тѣло переваливалось съ боку на бокъ. При видѣ его Бинтури насмѣшливо улыбнулся.

По мнѣнію Бинтури появленіе дачниковъ въ этомъ краю было первой побудительной причиной большаго превращенія въ усадьбѣ Ванькола, чему онъ былъ свидѣтелемъ подъ старость.

А потому, когда онъ пришелъ въ это жаркое лѣтнее утро со своей косой на береговой лугъ и увидалъ сѣнокосилку съ парой лошадей, то онъ сжалъ губы и заморгалъ глазами: «Ну еще бы!—подумалъ онъ,—какъ же нашему хозяину обойтись безъ такой штуки! Чортъ бы его побралъ!»

Жизнь хозяина Ванькола представляла изъ себя непрерывное восхожденіе. И, несмотря на то, что Бинтури былъ равной съ нимъ силы, несмотря на то, что они были ровесники и выросли бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ, хозяинъ, съ самаго появленія въ краю господь, завлаживалъ передъ Бинтури. Если бы все осталось по-старому, то Бинтури показалъ бы ему себя, какъ онъ это уже дѣлалъ раза два, но теперь и думать нечего было дотрогиваться до этого барина. Рѣзкая переиѣна въ ихъ отношеніяхъ съ той самой минуты, какъ хозяинъ выговорилъ свои злополучныя слова: «заплати свой долгъ, тогда ты можешь оставаться». Съ тѣхъ поръ у хозяина былъ такой надутый видъ, что Бинтури противно было смотрѣть ему въ глаза. Между ними встала цѣлая гора. Бинтури останавливался въ

дверяхъ, когда приходилъ къ нему въ его комнату, гдѣ онъ, сидя на диванѣ,—въ креслѣ-важалѣ онъ уже больше не помѣщался, благодаря своей тучности—и курилъ папироску, съ Суометаромъ *) в рукахъ.

Всѣ обернулись къ косогору, съ котораго спускался хозяинъ. Крупный щепень катился изъ-подъ его ногъ и горячая-пыль подымалась вокругъ него въ солнечномъ сіяніи, а позади него ложилась длинная тѣнь.

— Онъ такъ надулся отъ важности, что чуть не лопається,—сказалъ Кинтури другимъ работникамъ.

Во всей фигурѣ хозяина было дѣйствительно что-то побѣдоносное и новое.

— Начиная ты первый,—сказалъ онъ кузнецу. Кузнецъ съ сидѣнья и среди напряженного молчанія поѣхалъ по лугу. Шипъ, какъ змѣи, вцѣпились зубья въ клеверъ, который только слегка склонился въ ту минуту, какъ его срѣзала машина.

Хозяинъ съ насмѣшкой смотрѣлъ на косцовъ, которые съ невѣріемъ поднимали скошенную траву, чтобы удостовѣриться, что машина дѣйствительно скосила все какъ слѣдуетъ. Травы не снесена подъ самый корень и нигдѣ не было видно ни травинки нескосенной, гдѣ прошла машина.

Пыхтя и ухмыляясь отъ удовольствія, хозяинъ крикнулъ:

— Она работаетъ за шесть человѣкъ!

— Это зависитъ отъ того, какіе это люди,—сказалъ Кинтури, которому собственно вовсе не надо было приходиться больше на работу, такъ какъ ему уже давно было отказано отъ торпа и онъ всецело долженъ былъ покинуть его. Былъ уже составленъ приговоръ о его изгнаніи изъ торпа, но Кинтури упорно не хотѣлъ вѣрить, что хозяинъ имѣетъ относительно него серьезныя намѣренія, и онъ продолжалъ жить въ торпѣ и отбывалъ добросовѣстно свою барщину, хотя за нимъ больше не посылали. Онъ не вѣрилъ, чтобы даже такой человѣкъ, какъ хозяинъ Ваняккала, могъ быть настолько безответственнымъ и выгнать другого на большую дорогу. Онъ рѣшилъ, что хозяинъ просто хочетъ припугнуть его.

— Вотъ какъ, такъ это зависитъ отъ того, какіе люди!—крикнулъ хозяинъ.—А развѣ мнѣ не поручились, что машина работаетъ за шесть человѣкъ!

— Надо было бы испытать, правда ли это; а то, быть можетъ

*) Суометаръ—финская газета, органъ реакціонеровъ.

хозяину продали просто дрянную какую-нибудь, — предположилъ Кинтурри. — Да не забудьте еще сосчитать, что стоить масло да рабочий, который управляетъ машиной, да еще работа двухъ лошадей.

Это влонуло. Хозяинъ сталъ подсчитывать въ умѣ. Работники знали, что если съ нимъ сразу разговаривало нѣсколько человѣкъ, то онъ точно глупѣлъ и терялся.

— А къ этому прибавьте еще стоимость машины да проценты, и тогда, конечно, будетъ одинъ только убытокъ, если машина не работаетъ за нѣсколько человѣкъ.

Работники уже заранѣе сговорились подбить хозяина къ состязанію и разъ навсегда доказать, что на силу человѣка можно гораздо больше положиться, чѣмъ на какія бы то ни было машины. Такъ какъ хозяинъ не выражалъ ни отказа, ни согласія на предложеніе, то работники сейчасъ же встали въ рядъ со своими косами.

Когда кузнецъ возвратился съ сѣнокосилкой съ другого конца луга, то четырнадцатилѣтній подростокъ хозяина сталъ приставать къ своему отцу, чтобы тотъ позволилъ ему управлять сѣнокосилкой.

Глаза мальчика сверкали отъ страстнаго желанія сѣсть на машину.

И ко всеобщему удивленію хозяинъ подхватилъ сына подъ мышки и посадилъ его въ сидѣнье.

— Ну, отваливай!

Онъ сдѣлалъ это только въ насмѣшку. Онъ далъ состязаться мальчишкѣ съ шестью здоровыми мужиками!

Работники взмахнули косами и начали косить.

Кинтурри, сильный и ловкій, несмотря на то, что онъ продолжалъ жаловаться на недомоганіе, шелъ впереди всѣхъ. Онъ широко взмахивалъ косой, сгибаясь почти до земли. Другіе слѣдовали за нимъ, работая съ неменьшимъ усердіемъ. И это видно было по ихъ согнутымъ шеемъ и раздвинутымъ ногамъ.

Молодому барину доставляло большое удовольствіе это состязаніе, и главное, онъ видѣлъ, что машина одержитъ блестящую побѣду надъ работниками. Продолжая еще съ большимъ усердіемъ сосать свою папиросу, онъ побѣждалъ съ толпой мальчишекъ и пошелъ по лугу между машиной и работниками.

Его охватило вдругъ какое-то странное радостное настроеніе. Базалось, будто онъ на мгновеніе забылъ свою собственную увѣренность въ томъ, что онъ не болѣе, какъ пушинка, которую бесполезно носить въ воздухѣ между небомъ и землею. Неожиданно онъ почувствовалъ нѣчто общее съ людскимъ міромъ. Шумъ машины, которая то приближалась, то удалялась, трели жаворонковъ, пѣніе

кузнечиковъ и жужжаніе шмелей въ клеверѣ — все возбуждало въ немъ радостныя чувства и говорило: «Свѣтъ не такъ безнадеженъ, какъ это кажется, будущее свѣтло и сулитъ счастье. И ты еще перемѣнишься».

Въ то время, какъ онъ въ своемъ увлеченіи перебѣгалъ съ одного мѣста на другое, онъ обратилъ вниманіе на одно обстоятельство, которое ему показалось загадочнымъ. Повидимому, люди, собравшіеся смотрѣть сѣнокосилку, вовсе не были въ восторгѣ. Помимо нѣсколькихъ мальчишекъ да хозяина, который, засунувъ руки въ карманы, съ гордостью смотрѣлъ на своего сына, всѣ остальные были очень серьезны и страстно желали, чтобы работники одержали побѣду надъ машиной. Онъ обернулся къ двумъ женщинамъ, стоявшимъ у воротъ и слѣдившимъ за состязаніемъ, и замѣтилъ имъ, что сѣнокосилка уже далеко опередила косцовъ. Правда, одна изъ женщинъ согласилась съ покорной улыбкой, что машина выиграетъ. Но въ слѣдующее мгновеніе онъ замѣтилъ, что обѣ женщины, блѣдныя отъ волненія, съ такимъ напряженіемъ слѣдили за состязаніемъ, какъ если бы онѣ до послѣдней минуты надѣялись, что машина отстанетъ. Что касается до косцовъ, то они работали съ такимъ остревѣніемъ, словно ихъ жизнь и смерть зависѣли отъ исхода этого состязанія. Они не смѣялись и казались злыми и взволнованными.

Почему же не всѣ радуются изобрѣтенію такой остроумной машины, которая берегаетъ силу шести человѣкамъ и переноситъ весь трудъ съ людей на животныхъ?

Для молодого человѣка становилось все яснѣе, что здѣсь происходитъ нѣчто такое, чего онъ не можетъ какъ слѣдуетъ понять, нѣчто гораздо болѣе важное, чѣмъ онъ себѣ представлялъ, когда шелъ сюда лишь для своего удовольствія, чтобы посмотрѣть, какъ работаетъ сѣнокосилка.

Послѣ того, какъ работники проработали безъ перерыва полчаса и вернулись къ тому мѣсту, откуда начали, они замѣтили, что машина скосила за это же время слишкомъ вдвое болѣе, нежели они.

Между тѣмъ хозяинъ, пыхтя, влѣзъ самъ на сѣнокосилку и со смѣхомъ проѣхалъ мимо нихъ.

— Довольно съ васъ, что ли?—подразнилъ онъ ихъ.

Работники тяжело дышали и потъ катилъ съ нихъ градомъ. Они стояли, опираясь на косы, и закричали, чтобы имъ принесли пить. Одинъ изъ нихъ бросилъ вдогонку уѣзжавшему хозяину громкую ругань. Вся фигура послѣдняго дышала самодовольствомъ, которое видно было даже въ поворотѣ его головы и въ складкахъ его платья.

Постоявъ нѣкоторое время, работники взяли свои куртки и точильные камни и ушли съ луга, сохраняя свою серьезность.

Молодой баринъ рѣшилъ послѣдовать за ними.

До сихъ поръ онъ еще никогда не вступалъ въ серьезные разговоры съ крестьянами. А если бы онъ даже и попытался это сдѣлать, то это ему не удалось бы. Онъ представлялся крестьянамъ какимъ-то шутникомъ, на слова котораго они считали своей обязанностью смѣяться, если даже ничего смѣшного въ нихъ не было. Трудно было представить себѣ болѣе бессмысленныя отношенія. Онъ старался перенять у крестьянъ манеру говорить, но онъ самъ чувствовалъ, что это ему не удастся. И всетаки, несмотря на это, онъ зналъ хорошо, что между нимъ и крестьянами есть крѣпкая связь, состоявшая въ томъ, что, какъ онъ, такъ и крестьяне, были дѣтьми одной и той же природы, которую онъ любилъ всѣмъ своимъ сердцемъ. И дѣйствительно, связь эта была крѣпкая, хотя взоры и слова представляли собою лишь одно недоразумѣніе и хотя тема разговора всегда бывала неудачная. Однако теперь онъ нашелъ настоящую тему для разговора. Онъ ускорилъ шаги и нагналъ крестьянъ на косогорѣ.

Замѣтивъ это, Кинтури тотчасъ же отдѣлился отъ кучки, такъ какъ онъ не любилъ разговаривать съ господами и предпочиталъ ихъ избѣгать. Но двое изъ крестьянъ остановились, чтобы принять предлагаемыя бариномъ длинныя папиросы. Затѣмъ они закурили у него папиросы и, бросивъ по сторонамъ смущенный взглядъ, чтобы убѣдиться, не смѣется ли кто-нибудь надъ ними, они пошли вмѣстѣ съ молодымъ бариномъ по направленію къ деревнѣ.

Желая найти какую-нибудь общую тему для разговора, молодой баринъ заговорилъ о томъ, что и онъ, собственно, ненавидитъ всѣ эти сѣнокосилки, такъ какъ съ ними пропадаетъ вся поэзія, связанная съ прежнимъ сѣнокосомъ. Произнеся слово «поэзія», онъ сейчасъ же спохватился, что этого слова крестьяне не понимаютъ; а потому онъ сталъ разъяснять, какъ прежде бывало весело смотрѣть на сѣнокосъ, и какъ грустно, что все это уничтожить громыхающая машина. Крестьяне старались поддакивать, а онъ радовался, что такъ неожиданно нашелъ общій интересъ съ ними. И вотъ онъ началъ еще поэтичнѣе описывать имъ сѣнокосъ въ прежнія времена. Однако, хотя крестьяне и поддакивали съ разнымъ выраженіемъ въ голосѣ, но своего мнѣнія они собственно не выражали. Въ концѣ концовъ они перешли на другой разговоръ, стали справляться о цѣнахъ на такія машины и спросили, кто лучшіе фабриканты, и какія машины лучше—американскія или англійскія. Но на эти вопросы молодой баринъ не могъ дать отвѣта.

Одинъ изъ крестьянъ сказалъ:

— Если бы у каждаго человѣка былъ кусокъ земли, то тогда тавія машины были бы годны.

Изъ этого замѣчанія молодой баринъ понялъ, что ненависть крестьянъ къ машинамъ происходила вовсе не оттого, что они во что бы то ни стало хотѣли придерживаться старины и поэзіи. Значить, они вовсе не понимали другъ друга, какъ онъ только что думалъ.

Другой крестьянинъ замѣтилъ:

— Всякій отлично понимаетъ, что машиной работать лучше, нежели вотъ такой штукой, но когда хозяинъ, чтобы чортъ его побралъ...

— Брось свернословить при молодомъ баринѣ...

Но молодой баринъ успѣшилъ вставить:

— Нѣтъ, нѣтъ, говори, говори: когда этотъ хозяинъ, чтобы чортъ его побралъ?...

— Я только хотѣлъ сказать, что когда этотъ чертовскій,—я не могу сказать ничего иного,—начинаетъ со своимъ щенкомъ выполнять всѣ работы, то работникамъ приходится убираться. Они должны искать работы на лѣсопилкахъ и въ городахъ. Но какую работу можно найти въ городѣ человѣкъ, который всю свою жизнь только и дѣлалъ, что копалъ землю.

Молодой баринъ подумалъ, что наконецъ-то и онъ можетъ быть полезнымъ.

— Вы сами могли бы начать воздѣлывать себѣ землю. Выберите себѣ какое-нибудь мѣсто и постройте себѣ собственную избу.

Крестьяне вытаращили другъ на друга глаза. Одинъ изъ работниковъ сказалъ:

— Да у насъ вѣдь нѣтъ земли!

На эти слова молодой баринъ хотѣлъ было протянуть руку по направленію къ лѣсу и сказать: — но тамъ достаточно земли—и тамъ, и тамъ. Ему никогда не приходило въ голову, когда онъ бродилъ по лѣсамъ и по полямъ,—это было его любимымъ занятіемъ,—что земля представляетъ собою чью-нибудь собственность. Его также удивляло всегда, что на живописныхъ мысахъ и въ глубинѣ тихихъ заливовъ не выстроены повѣчные избушки, которыя онъ не промѣнялъ бы на самые великолѣпные городскіе дворцы. Но въ ту минуту, когда онъ уже хотѣлъ поднять руку, чтобы показать на земли, пригодныя для обработки, его остановила мысль, что онъ скажетъ какую-нибудь глупость, и онъ промолчалъ.

Работникъ продолжалъ:

— И хозяинъ нашъ ни за какія деньги не хочетъ отдавать землю

въ аренду. Онъ еще хотѣлъ бы выгнать и тѣхъ торпаровъ, которые у него есть.

Другой работникъ замѣтилъ:

— Тамъ, у совѣтника земледѣлія хватило бы мѣста для тысячи торпаровъ, но онъ никому не позволяетъ воздѣлывать свои земли. Пусть лучше все зарастетъ верескомъ и брусничной зеленью! Не стоять у него даже и просить земли.

Бинтури, который все время шелъ немного впереди и прислушивался къ разговору, замедлилъ шаги и сказалъ нѣсколько ядовитыхъ словъ по адресу совѣтника земледѣлія, владѣльца громаднаго пространства земли, возбуждавшаго въ немъ жгучую ненависть. Онъ подразумѣвалъ совѣтника земледѣлія, но говорилъ о господахъ вообще:

— Откуда бы господамъ брать рабочихъ, если бы у бѣдныхъ была своя собственная земля? Господа хорошо знаютъ, зачѣмъ они не даютъ людямъ земли!

— Но это было бы ужасно, если бы дѣло обстояло такъ, какъ вы говорите,—замѣтилъ молодой баринъ.—Объ этомъ надо написать въ газетахъ! Такъ вы говорите, что вамъ не хотятъ отдавать землю въ аренду? Такъ, что ли?

— Даже самую несчастную землю въ пустыняхъ.

— И это для того, чтобы вы оставались бѣдными и какъ можно дешевле продавали свою работу? Это вы хотѣли сказать?

— Вотъ именно!

«Да вѣдь это ужасно!—думалъ молодой баринъ:—значить, господа хотятъ, чтобы было какъ можно больше бѣдныхъ и безземельныхъ, которые были бы принуждены работать на фабрикахъ. Объ этомъ я непременно напишу». — И онъ сказалъ, обращаясь къ крестьянамъ:

— Вотъ видите ли этотъ совѣтникъ земледѣлія мой знакомый, или вѣрнѣе, его дочь моя невѣста, но это ничего не значитъ, я сдѣлаю разоблаченія, если онъ дѣйствительно такой, какимъ вы его представляете.

Бинтури опять пошелъ немного впереди другихъ.

Молодой баринъ сказалъ крестьянамъ, что еще зайдетъ къ нимъ въ домъ, чтобы подробнѣе ознакомиться съ этимъ дѣломъ, и затѣмъ въсталъ съ ними на горѣ.

«Такъ вотъ какъ!»—сказалъ онъ про себя, глядя въ землю и щучивая свои усики, и направился къ своему дому.

Брестьяне остановились и посмотрѣли ему вслѣдъ.

— Это что за человѣкъ?—сказалъ одинъ изъ нихъ.

- И что такое онъ хотѣлъ написать въ газетахъ?
- Да развѣ такой сумѣеть написать что-нибудь въ газетахъ?
- Просто болталъ себѣ зря.
- Въ своемъ ли онъ еще умѣ-то?

Крестьяне разошлись въ разныя стороны. Одни пошли по большой дорогѣ, по сторонамъ которой, тамъ и сямъ, были разбросаны избушки. Другіе свернули на лѣсную дорогу. Какъ разъ въ ту минуту, когда эти послѣдніе дошли до перекрестка, гдѣ тропинки направляются къ различнымъ торнамъ, изъ избы Бинтури донесся злой лай собаки. Крестьяне прошли еще нѣсколько шаговъ по направлению къ избѣ Бинтури и увидали коробейника, который какъ разъ въ эту минуту входилъ въ избу Бинтури. Это на него-то собака и лаяла.

Тогда вся кучка направилась къ Бинтури. Но крестьяне пошли вовсе не для того, чтобы купить себѣ что-нибудь у коробейника, а просто для того, чтобы поболтать часокъ со знакомымъ разносчикомъ, у котораго за послѣднее время было такъ много чего поразсказать.

И вотъ, въ то время, какъ коробейникъ раскладывалъ передъ Мари свои товары, между мужчинами снова поднялся разговоръ о землѣ.

Разносчикъ рассказалъ имъ, что не вездѣ земля была такъ распредѣлена. Онъ сказалъ, что въ Россіи земля каждыя десять лѣтъ дѣлится между крестьянами соответственно количеству душъ въ семьѣ.

Далѣе онъ объявилъ, что царь-батюшка хочетъ наказать финскихъ баръ, отнять отъ нихъ землю и раздѣлить ее между безземельными. Онъ предостерегъ ихъ, чтобы они не подписывали никакихъ арендныхъ контрактовъ, а кромѣ того онъ посоветовалъ имъ не дѣлать осенью посѣвовъ, такъ какъ—сказалъ онъ,—сюда понаѣдетъ множество землемѣровъ и они потопчатъ поля.

Крестьяне вышли изъ избы Бинтури съ пылающими лицами. Въ сердцахъ ихъ зародилась горячая надежда.

Такъ всегда бываетъ съ людьми, когда имъ кажется, что они слышатъ шумъ крыльевъ свободы, и когда въ нихъ просыпается вѣра въ то, что страданія ихъ уже здѣсь на землѣ—не только за могилкой,—превратятся въ счастье.

Всѣ повѣрили безъ колебанія коробейнику, хотя у Бинтури, быть можетъ, и были свои размышленія по поводу этого разговора.

Между тѣмъ слова коробейника перенеслись въ другую деревню,

на пути они находили себѣ богатую пищу, подобно огню, стелющемуся по землѣ и находящему пищу въ сухомъ хворостѣ. Изъ другой деревни они перенеслись въ третью, гдѣ ихъ встрѣтило извѣстіе, что и тамъ слышали уже о томъ же. А въ четвертой деревнѣ, въ селѣ, слышали нѣчто подобное отъ жандарма, вооруженнаго яблѣй.

Вездѣ, на всѣхъ дорогахъ и во всѣхъ углахъ собирался народъ въ кучки и устраивалъ тайныя совѣщанія.

Но развѣ огонь можетъ насытиться однимъ ихомъ и хворостомъ? Нѣтъ! Вонъ вдаль уже поднимаются языки пламени. Подобно бѣлягѣ, она перебивается съ вѣтки на вѣтку, и раздается трескъ отъ трещащихъ сосенъ. Какъ лѣсной пожаръ, распространяются слова по травѣ.

III.

Молодой баринъ.

Если бы вся земля была объята пламенемъ, если бы загорѣлись людскія сердца или если бы они совершенно остыли, если бы люди забывали новыя государства, пчелы, жужжавшія въ фруктовомъ саду старой усадьбы Ванюшкина, все равно ничего не знали бы объ этомъ. Онѣ жужжали тамъ сотни лѣтъ и будутъ жужжать сотни лѣтъ, подобно голубому небесному своду, который сотни лѣтъ простирается надъ ними, и цвѣтамъ, которые неизмѣнно каждую весну открываютъ для нихъ свои медовыя чашечки.

Однако въ этомъ году пчеламъ вовсе не было такъ хорошо, какъ имъ бы этого желали—вовсе не такъ хорошо. Полевые цвѣты были уничтожены въ этомъ году въ самую лучшую пору цвѣтенія и вслѣдствіе этого въ саду появилось множество пчелъ изъ чужихъ ульевъ. Изъ этого мало. Досаднѣе всего было то, что хозяинъ Ванюшкина снесъ старый домъ и на мѣсто него выстроилъ новый двухэтажный, который обшили тесомъ, покрытымъ такимъ крѣпкимъ лакомъ, что по всему саду стоялъ отвратительнѣйшій запахъ. Этотъ запахъ до невѣроятности измѣнилъ благоуханіе цвѣтовъ, и изъ-за этого у пчелъ произошло много недоразумѣній. Желтыя стружки повсюду валялись въ травѣ—и это также производило непріятное впечатлѣніе. Но прямо-таки немилосердно было сносить старый домъ и на мѣсто него возводить новый. Старый одноэтажный домъ, который когда-то былъ окрашенъ въ красную краску, но отъ старости сталъ сѣрымъ и весь обросъ мохомъ, давалъ подъ своей разохшейся обшивкой изъ переклаченныхъ досокъ хорошій пріютъ сотнямъ осиныхъ гнѣздъ

и прекрасную защиту отъ дождя милліонамъ пчель. И вотъ это-то старое уютное строеніе уничтожили и выстроили какую-то отвратительную, блестящую махину, которая могла только отталкивать всякое существо съ тонкимъ чувствомъ.

Хозяинъ имѣлъ намѣреніе выстроить домъ, какіе бываютъ въ большихъ господскихъ усадьбахъ, но когда дошли до второго этажа и вывели окна, то ему начало казаться, что на постройку идетъ слишкомъ много бревенъ, а потому надъ окнами второго этажа онъ вывелъ только два вѣнца. Крыша вслѣдствіе этого была точно нахлобучена на окна. Она напоминала шапку, натянутую на самыя уши, и сплетничала проѣзжавшимъ по большой дорогѣ о томъ, что хозяинъ какъ разъ хотѣлъ бы скрыть, а именно, — что усадьба была не господская. По всей вѣроятности, чтобы изгладить это впечатлѣніе, хозяинъ пристроилъ высокое, крытое крыльцо, которое немедленно было выкрашено въ синюю краску.

Но напрасно такъ возмущались пчелы и осы. Приходится иногда привыкать къ вещамъ похуже масляной краски и лака. А кромѣ того даже и въ доскахъ, покрытыхъ лакомъ, есть трещины и отверстія отъ сучковъ. Дождь выгарбливаетъ доски, а отъ солнца онѣ растрескиваются. Уже въ концѣ лѣта пчелы начали подлетать къ новому дому и разсматривать его. Онѣ летали, жуужа, вдоль стѣнъ, оставались, потомъ опускались и снова поднимались или перелетали вдоль стѣны съ одного мѣста на другое. Солнце палило въ это лѣто въ концѣ августа съ такой же силой съ самаго утра, какъ и во время сѣнокоса.

Одна изъ пчель взлетѣла въ уровень съ окномъ второго этажа. Она хотѣла уже было влетѣть въ окно, но ее испугала гардина, которая вслѣдствіе сквозняка вырвалась изъ окна наружу. Однако пчела, покружившись въ воздухѣ, сдѣлала новую попытку и, несмотря на развѣвающуюся гардину, она влетѣла въ комнату. Но отъ страха силы измѣнили ей, и она упала на письменный столъ. Крылья ея дрожали, но у нея не было силъ подняться и, въ то время, какъ заднія лапки ея безсильно волочились, она передними поползла, спотыкаясь, по гладкой бумагѣ. Пчела упала на бумагу какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли слова: *Невѣроятное положеніе вещей*, а ниже начиналась статья. Въ то время, какъ пчела съ трудомъ ползла по бумагѣ, трепеща крыльями, ее обхватилъ надушенный платокъ, и она была выброшена за окно. Затѣмъ молодой баринъ, жившій въ этой комнатѣ, снова усѣлся передъ бумагой.

Онъ взялся за «невѣроятное положеніе вещей» и, сдвинувъ броши, онъ еще разъ перечиталъ написанное, вставилъ нѣсколько силъ

ныхъ словъ, затѣмъ еще нѣсколько еще болѣе сильныхъ и, раздумывая о продолженіи самаго бичующаго характера, онъ началъ грызть ручку пера. При этомъ его глаза пристально устремлялись то на одинъ предметъ, то на другой. Сперва онъ смотрѣлъ на скотный дворъ, находящійся за садомъ; потомъ онъ остановилъ свой взоръ на окнахъ каменнаго хлѣва, расположенныхъ другъ противъ друга въ противоположныхъ стѣнахъ; и черезъ эти окна, затканныя паутиной, онъ увидалъ темно-зеленый отлогій лужокъ съ волнующей по вѣтру кровавой травой. Но взоръ его не долго останавливался на темно-зеленомъ лужкѣ; онъ снова весело вернулся черезъ окна хлѣва на скотный дворъ, оттуда въ садъ, изъ сада онъ поднялся во второй этажъ, проткнувъ въ окно и устремился черезъ черный зрачокъ въ самую глубину души. Молодой человѣкъ медленно опустилъ перо, и непривычныя складки между его бровями изгладились. На его лицѣ появилось выраженіе душевнаго покоя. Онъ оттолкнулъ отъ себя «Невѣроятное положеніе вещей», взялъ почтовую бумагу и началъ писать: «Дорогой отецъ!» и изъ-подъ его пера быстро выливалась одна строка за другой. Онъ подвернулъ одну ногу подъ себя и сѣлъ на нее. Въ своемъ увлеченіи онъ половиной тѣла почти лежалъ на столѣ. Мухи жужжали вокругъ него, потъ выступалъ у него на лбу, но онъ не обращалъ вниманія на жару. Отъ времени до времени онъ только вытиралъ лобъ и руки платкомъ и затѣмъ снова продолжалъ писать. Въ комнату забралось множество пчелъ. Одна все стучалась о потолокъ, другая безпомощно билась о стекло, третья носилась по комнатѣ, которая наполнилась непрерывнымъ жужжаньемъ. Но молодой человѣкъ такъ углубился въ свое письмо, что ничего не слышалъ и ничего не видалъ.

Онъ не слышалъ даже, какъ растворилась дверь и какъ кто-то просунулъ въ нее голову и поздоровался съ нимъ.

Такъ какъ привѣтствіе осталось безъ отвѣта, то новоприбывшій перешагнулъ черезъ порогъ и вошелъ въ комнату. Онъ осмотрѣлся кругомъ и подошелъ къ письменному столу. Это былъ человѣкъ съ нѣсколько лысой головой и рыжеватыми жесткими усами. Но покрой его платья былъ такъ элегантенъ, а бѣлизна воротничка и рукавицы такъ ослѣпительна, что жесткіе усы придавали его виѣшности еще болѣе изящества.

— Что ты пишешь, Эдуардъ?

— Ничего особеннаго. А ты откуда, Вендель? Да еще такъ рано?

— Есть люди, которыхъ всегда всѣ называютъ по фамиліи, и даже съ чужбыми близкіе знакомые никогда не поинтересуются узнать ихъ имя.

Такие люди обыкновенно не любят говорить о своих семейных и частных делах. Къ числу такихъ и принадлежалъ господинъ Вендель, молодой докторъ, известный своимъ тихимъ и добрымъ нравомъ.

Между тѣмъ по буквамъ J. V., вытравленнымъ на его рубѣ рядомъ съ синимъ якоремъ, легко можно было бы вспомнить его имя. Господинъ Вендель всегда старался скрывать эти буквы и стыдился ихъ, такъ какъ онѣ свидѣтельствовали о томъ времени, которое онъ хотѣлъ бы забыть: когда-то въ былыя времена онъ мечталъ сдѣлаться морякомъ. Рассказывали, что какая-то любовная исторія перевернула всю его жизнь и направила его по совершенно иному пути. По всей вѣроятности, эта несчастная любовь и наложила на его черты выраженіе пессимизма, которое совершенно не соответствовало значку на его рубѣ или, вѣрнѣе, этотъ значокъ рядомъ съ пессимизмомъ производитъ то же впечатлѣніе, что и жесткіе усы рядомъ съ бѣлоснѣжнымъ воротничкомъ: онъ дѣлалъ его еще изящнѣе.

— Я пріѣхалъ только для того, Эдуардъ, чтобы напомнить тебѣ, что тебѣ надо было бы съѣздить въ Раухалахти.

Эдуардъ сморщилъ лобъ и ничего не отвѣтилъ.

— Слышишь, Эдуардъ? Я пріѣхалъ за тобой, и мы поѣдемъ въ Раухалахти. Дальше откладывать посѣщенія нельзя, а то это становится страннымъ.

Отвѣтомъ было опять молчаніе.

Но повидимому Вендель находился въ томъ настроеніи духа, когда онъ, несмотря на всѣ препятствія, проводилъ свою волю. Никто не могъ долго противустоять его добродушной настойчивости.

Онъ подошелъ къ шкапу, выдвинулъ одинъ ящикъ съ бѣльемъ и, вынувъ два различныхъ воротничка, подошелъ съ ними къ письменному столу.

— Какой изъ нихъ ты надѣнешь? Миѣ кажется, что тебѣ больше идетъ стоячій, чѣмъ отложной воротничокъ. Или что ты самъ думаешь, Эдуардъ?

У Эдуарда было большое желаніе схватить товарища за шиворотъ и швырнуть его о стѣну или подмять его подъ ноги. Этотъ Вендель всегда являлся настоящимъ деспотомъ! И, чтобы хоть немного овладѣть собой, Эдуардъ отвернулся отъ Венделя, — онъ боялся въ эту минуту смотрѣть на большія уши товарища. Эти уши часто дѣйствовали на его нервы, а между тѣмъ они служили признакомъ музыкальных способностей Венделя, который дѣйствительно игралъ на фортепіано.

Однако господинъ Вендель сдѣлалъ видъ, что совсѣмъ не замѣ-

ать раздраженія Эдуарда. Онъ хорошо зналъ, что у послѣдняго бы-
али минуты, когда онъ терпѣть не могъ своего друга. Молча и не
вигаясь съ мѣста онъ упрямо ждалъ, чтобы Эдуардъ ему отвѣтилъ.
огда Эдуардъ, который отлично зналъ, что если Вендель присто-
еть, то отъ него не такъ-то легко отдѣлаешься, нетерпѣливо всталъ
ь мѣста и сказалъ съ раздраженіемъ:

— Ну, поѣдемъ!—и потомъ онъ прибавилъ:—у меня кстат
тъ маленькое дѣло, которое надо тамъ устроить.

— Маленькое дѣло!—повторилъ Вендель. —Развѣ это малень-
ое дѣло—день рожденія твоей невѣсты?

Эдуардъ ушелъ въ смежную комнату, чтобы одѣться, и заперъ
а собою дверь, какъ бы желая дать этимъ понять, что не хочетъ,
тобы Вендель шелъ за нимъ.

Слышно было, какъ онъ, сердито ворча, вынулъ изъ платяного
пака свое визитное платье. Потомъ слышно было, какъ онъ налилъ
ь тазъ воды и началъ мыться.

Оставшись въ одиночествѣ, Вендель хотѣлъ было сѣсть, но по-
омъ его взоръ упалъ на письменный столъ, гдѣ онъ сейчасъ же уви-
алъ бумагу со словами: «Невѣроятное положеніе вещей». Этой бу-
гой Эдуардъ закрылъ письмо, которое онъ писалъ отцу.

Господинъ Вендель не могъ удержаться отъ соблазна и, склонясь
адъ письменнымъ столомъ, сталъ просматривать написанное на
умагъ.

«Это вопіющая несправедливость, что когда есть земля въ избыт-
ѣ, ее преднамѣренно не позволяютъ обрабатывать», читалъ онъ.
Надо предоставить людямъ полную свободу обрабатывать землю»,
сталъ онъ дальше. «Земля принадлежитъ тому, кто ее обрабаты-
ветъ», а ниже онъ прочелъ: «Всѣ мы паразиты»... «Повидимому,
ому-то необходимо, чтобы были безземельные и голодающіе, кото-
ыхъ можно за нищенское вознагражденіе заставить работать на бо-
тыхъ».

По мѣрѣ того, какъ господинъ Вендель читалъ, глаза его все
спирялись. Но когда онъ съ любопытствомъ перевернулъ листокъ,
о онъ не нашелъ продолженія. На мѣсто продолженія онъ сейчасъ
е увидалъ письмо Эдуарда къ отцу.

Господинъ Вендель вытянулся, не желая больше читать, но по-
омъ, нервно кусая усы, онъ снова склонился надъ столомъ и на-
алъ читать письмо:

«Я сажусь за письмо, дорогой отецъ, чтобы сообщить тебѣ, что
е пребываніе въ деревнѣ въ концѣ-концовъ дѣйствительно прине-
етъ мнѣ большую пользу. Нѣтъ, болѣе того, оно будетъ имѣть для

меня рѣшительное значеніе, хотя я раньше этого и не сознавалъ. Пребываніе въ деревнѣ теперь, когда я сталъ старше, производитъ на меня то же впечатлѣніе, какъ и въ дѣтствѣ, когда мы весною повидали городъ. Я и теперь еще по-старому могу приходить въ восторгъ отъ ручейковъ и отъ поля, поросшаго верескомъ; я и теперь брожу по лѣсамъ и горами. Здѣсь я не могу себѣ даже представить, что значить пьянство. Здѣсь я превращаюсь въ такого ребенка, что меня даже стѣсняють люди. А когда я вспоминаю, каковыя я былъ въ городѣ, то я прихожу въ такой ужасъ отъ самого себя, котораго навѣрное никто изъ васъ не испытывалъ по отношенію ко мнѣ. Природа замѣстила для меня покойныхъ Эллиду и маму. Если бы не было этихъ березъ, этого мха и этихъ сосновыхъ стволовъ, я чувствовалъ бы себя совершенно неприютнымъ на землѣ, и тогда не было бы никакой надежды на мое выздоровленіе.

«Однако это лѣто и это dolce far niente не могутъ длиться безконечно. Съ возвращеніемъ въ городъ мое положеніе всетаки оставалось бы безнадежнымъ, если бы мнѣ не пришлось сдѣлать важныхъ наблюденій. Не одиночество подѣйствовало на меня благотворно, какъ вы съ докторомъ надѣялись. Напротивъ, я соприкасаюсь здѣсь съ людьми и обстоятельствами, о которыхъ раньше не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Мы живемъ въ городѣ въ полномъ невѣдѣніи обо всемъ этомъ. На свѣтѣ такъ много страннаго и все въ немъ зиждется на несправедливости. И кто всему этому причиной, какъ не мы сами. Вотъ видишь ли, вѣдь все, собственно говоря, мы получаемъ изъ деревни, начиная съ хлѣба, который мы ѣдимъ. Да и люди всѣ происходятъ изъ деревни. А между тѣмъ никто и не подумаетъ о тѣхъ, кто пахнетъ и сѣетъ. Только здѣсь въ деревнѣ у меня раскрылись глаза на то несчастное положеніе, которое занимаетъ громадная часть человѣчества, и та именно, которая и въ другомъ отношеніи несетъ наибольшее бремя. Всѣ вы, поддерживающіе государство, не злыя люди, какъ и ты, папа, не злой. И всетаки здѣсь въ деревнѣ кажется, что всѣ мы, образованные, *предназначенно* обманываемъ и высасываемъ народъ и съ дьявольской хитростью устраиваемъ все къ нашей выгодѣ. Я не могу больше съ прежнимъ радостнымъ чувствомъ бродить по лѣсамъ. Но я расскажу тебѣ съ самаго начала, какъ со мною это случилось».

Въ эту минуту изъ сосѣдней комнаты послышался голосъ Эдуарда:

— Я надѣюсь, ты не читаешь моего письма?

Господинъ Вендель быстро поднялся изъ-за стола. Въ своемъ увлеченіи онъ недостаточно тихо перевернулъ листъ.

— Какъ можешь ты думать обо мнѣ нѣчто подобное! — крикнулъ онъ въ отвѣтъ.

Но въ слѣдующую минуту онъ уже опять сидѣлъ, согнувшись, надъ письмомъ.

«Весной, когда я только что переѣхалъ сюда, и когда кое-гдѣ еще виднѣлся снѣгъ, а въ другихъ мѣстахъ уже чернѣла земля, я пошелъ однажды вечеромъ гулять и дошелъ по начисто вырубленному лѣсу до торпа, расположеннаго необыкновенно живописно на склонѣ горы и окруженнаго каменной оградой. Не вида нигдѣ людей, я подошелъ ближе и вошелъ въ калитку, гдѣ мнѣ бросился въ глаза красно-желтый стволъ старой сосны, освѣщенной лучами заходящаго солнца. Въ это время изъ-за угла выскочила кучка дѣтей и бросилась отъ меня въ лѣсъ. Я пошелъ посмотрѣть, чѣмъ они занимались, и увидѣлъ на проталинѣ возлѣ сосны нѣсколько крошечныхъ сараевъ, выстроенныхъ изъ щепокъ и обнесенный прутьями, скотный дворъ, а во дворѣ нѣсколько маленькихъ зеленыхъ сосновыхъ шишекъ. Эти шишки повидимому должны были изображать изъ себя коровъ. Я вспомнилъ, что совсѣмъ такъ же мы бывало играли съ Эллидой, когда мама устраивала насъ, наконецъ, въ деревнѣ послѣ всѣхъ хлопотъ съ переѣздомъ, и когда намъ не надо было больше ходить по пощеннымъ улицамъ. Какъ хорошо поняла бы Эллида этихъ дѣтей, которыя играли на голой землѣ, еще не совсѣмъ просохшей. Это такъ ясно, что всѣ люди одинаковы, что всѣ они одинаково тонко чувствуютъ, хотя мы и находимъ, что тѣ, другіе, «только мужики».

«Недавно я опять вспомнилъ этотъ торпъ и рѣшилъ пойти туда посмотрѣть на него въ лѣтней обстановкѣ на фонѣ распустившихся деревьевъ. Я пошелъ черезъ тотъ же срубленный лѣсъ; торпъ былъ такъ живописенъ, что трудно выразить это словами. Онъ былъ прекрасенъ не въ обычномъ смыслѣ этого слова, — нѣтъ, это было нѣчто новое: онъ имѣлъ такой невинный и мирный видъ. На лужкѣ передъ домомъ нестрѣли только что распустившіеся цвѣты, а крыша дома совершенно скрывалась за вѣтвями плакучей березы. У меня былъ съ собой ящикъ съ красками, но изъ моего рисованія ничего не вышло. На дворѣ было много народу, и я сейчасъ же понялъ, что тамъ происходило нѣчто необычайное. Такъ это и было на самомъ дѣлѣ. Въ избѣ сидѣлъ коронный фохтъ и двое полицейскихъ, — что за отвратительную форму они носятъ теперь, — и потомъ тамъ было еще нѣсколько толстыхъ крестьянъ. Всѣ повидимому чувствовали себя, какъ до 1. Происходилъ аукционъ, такъ какъ торпарь оказался несостоятельнымъ. Домашняя утварь ваялась на полу. Собравшіеся полудна 2, что и я пришелъ что-нибудь купить, и меня попросили войти.

Со мной всё старались быть очень любезны, но я все время смотрѣлъ только на дѣтей торпара. Они стояли въ дверяхъ, хотя и находились въ своемъ родномъ домѣ; среди нихъ находилась дѣвочка-подростокъ, которая горько плакала, когда продавали лошадь. Я до сихъ поръ не могу простить себѣ, что я не купилъ для нихъ этой лошади или не купилъ всего торпа, чтобы подарить имъ его. Строенія продавались отдѣльно, и ихъ купили различные хозяева. Мнѣ рассказали, что торпара выселяли изъ-за того, что онъ поссорился со своимъ хозяиномъ. Торпаръ старался дѣлать видъ, что поглощенъ дѣлами, но я хорошо видѣлъ, что онъ готовъ разбить себѣ голову о стѣну. Ты представь себѣ, люди говорили, что у него нѣтъ законныхъ бумагъ, и что торпъ переходилъ только по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому. Но развѣ это возможно, чтобы несчастный человекъ, родившійся на свѣтъ, не могъ удержать за собой то мѣсто, которое воздѣлано его предками и имъ самимъ и вокругъ котораго они вывели каменную ограду изъ собранныхъ на этомъ мѣстѣ камней. Подумай, если бы насъ вздумали выгнать такимъ образомъ. Развѣ это мѣсто не принадлежитъ ему и его дѣтямъ; вѣдь они знаютъ тамъ каждую тропинку, каждую едь, каждый камень. Развѣ человекъ имѣетъ право выгнать другого изъ его собственнаго дома, и развѣ можетъ это зависѣть отъ какой-то бумаги?»

Господинъ Вендель вскочилъ со своего мѣста, такъ какъ ему показалось, что Эдуардъ подошелъ къ двери.

— Я долженъ былъ отослать лошадь, которую взялъ въ Рауха-лахти, но я надѣюсь, что у твоего хозяина найдется какой-нибудь подходящий экипажъ?—крикнулъ онъ Эдуарду, какъ если бы онъ никогда и не думалъ читать какое-нибудь письмо.

— О, у него найдется все, что угодно. Я думаю даже, что у этого отвратительнаго созданія есть и коляска,—крикнулъ Эдуардъ въ отвѣтъ, и затѣмъ снова послышалось плесканье воды.

Услыша, что Эдуардъ еще продолжаетъ мыться, Вендель нашелъ возможнымъ хотя бы только просмотрѣть конецъ письма. И онъ прочелъ:

«Я нашелъ цѣль жизни, я хочу бороться за права притѣвленнаго класса. Изъ меня еще выйдетъ человекъ, милый папа. Вотъ увидишь. И это вовсе не минутное увлеченіе. Я хочу искупить все то прошлое, которымъ я доставилъ тебѣ столько горя. Скоро я еще напишу. Отвѣчай на это письмо».

Господинъ Вендель сдѣлался очень серьезенъ, когда онъ прочелъ письмо до конца.

Когда Эдуардъ вышелъ изъ сосѣдней комнаты, чистый и элеган-
ный, господинъ Вендель сказалъ:

— Если тебѣ дѣйствительно не хочется ѣхать сегодня, то...

— Нѣтъ, это хорошо! Сперва ты заставляешь меня одѣться, а
потомъ позволяешь не ѣхать.

Черезъ нѣсколько времени оба товарища сидѣли въ удобномъ
тарантасѣ.

Помолчавъ немного, господинъ Вендель сказалъ:

— Ты, кажется, немного обидѣлся?

— Я терпѣть не могу такихъ подозрительныхъ визитовъ лѣтомъ.

— Но, другъ мой, слыханное ли это дѣло, чтобы женихъ ѣхалъ
въ такомъ настроеніи духа къ своей невѣстѣ, да которую онъ еще
къ тому же не навѣщалъ цѣлый мѣсяцъ!

— Развѣ дѣйствительно такъ долго?—спросилъ Эдуардъ равно-
душно.

Они проѣхали почти цѣлую милю въ глубокомъ молчаніи, послѣ
чего Эдуардъ сказалъ, какъ бы продолжая прерванный разговоръ:

— У меня всегда такое чувство, точно вся эта исторія затѣяна
моимъ отцомъ исключительно изъ-за *меня*, чтобы я, видишь ли ты,
исправился и сдѣлался человѣкомъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Не-
чего сказать, придумалъ! Но ты подумай, какъ безумно все это по
отношенію къ Мартѣ!

— Если бы ты дѣйствительно былъ влюбленъ, то ты не судилъ
бы себя такъ строго.

— Такъ ты, значить, думаешь, что я не влюбленъ?—спросилъ
Эдуардъ, глядя на Венделя и удивляясь, почему тотъ покраснѣлъ.

— А ты самъ что думаешь объ этомъ?

Эдуардъ вздохнулъ и сказалъ послѣ долгаго размышленія:

— Что мнѣ отвѣтить на это? Собственно говоря, можно съ пол-
ной увѣренностью сказать, что я восхищаюсь ею, да, восхищаюсь
безмѣрно! Но когда дѣло приняло серьезный оборотъ, то я почувство-
валъ, особенно здѣсь въ деревнѣ, что въ моей любви къ ней есть
что-то нехорошее, что-то не вполне искреннее.

— Другими словами, ты не любишь ея больше.

— Я, право, не знаю, хочешь ли ты, чтобы я ее любилъ или
нѣтъ?—сказалъ Эдуардъ нѣсколько нервно, и со страдальческой
сладкой между сморщенными бровями, онъ долго старался найти
исходящій отвѣтъ.

— Не то, но, видишь ли, Марта любить во мнѣ не то существо,
какое я есть на самомъ дѣлѣ, а нѣчто совершенно иное. Если бы она
знала меня какъ слѣдуетъ, то она, можетъ быть, совсѣмъ не любила

бы меня. У насъ нѣтъ ничего общаго другъ съ другомъ. Тамъ ждутъ, чтобы я исправился. Они надѣются, что все устроится такъ, что я сдѣлаюсь хорошимъ землевладѣльцемъ. Между тѣмъ я совершенно не вѣрю въ ту жизнь, которой они живутъ, я не вѣрю во все ихъ Раухалахти. На что имъ, скажи на милость, такое громадное количество земли? Вотъ уже двѣ мили—и все только Раухалахти и Раухалахти!

Господинъ Венделль разсѣянно смотрѣлъ вокругъ себя, погружаясь въ глубокія мысли, и ничего не отвѣчалъ.

И разговоръ прекратился.

IV.

Раухалахти.

Широко раскинулись лѣса имѣнія Раухалахти и глубока и непроходима ихъ темная чаща. Мягкій мохъ этихъ лѣсовъ никогда не видѣлъ синевы небесъ, а старыя деревья, отдаленныя отъ водяныхъ путей сплавленія, валятся подъ напоромъ бури, и дятель облековываетъ ихъ кору. Эти деревья сгнили и похоронили съ собой во мху старыя воспоминанья бранныхъ временъ, когда свободолюбивый народъ былъ загнанъ побѣдителемъ въ пустынные лѣса и обреченъ на гибель, тогда какъ покоренный народъ, прославлявшій побѣдителя, остался въ своихъ родныхъ мѣстахъ, покинувъ вѣру отцовъ, забывъ бога, лѣса и всѣхъ духовъ-покровителей, промѣняя свои руны на псалмы, своихъ пѣвцовъ на духовныхъ пастырей и принявъ насажденное мечомъ спасеніе души.

Съ тѣхъ поръ протекли вѣка, и воспоминанія старыхъ гниющихъ стволовъ исчезли вмѣстѣ съ ними. Правнуки побѣдителей уже успѣли забыть окровавленные мечи своихъ предковъ, а побѣжденные забыли, что когда-то были свободны. Какъ одни, такъ и другіе вѣрятъ теперь въ одного и того же бога, по святой волѣ котораго народы, населяющіе землю, подраздѣлились на два лагеря, на господъ и на слугъ. И эта вѣра принесла съ собой умиротвореніе. Расцвѣли законы и уставы, зазеленѣли широкія поля, появились церкви съ золотыми крестами, и покорный народъ, обнаживъ голову, преклоняетъ колѣна передъ священниками въ пестрыхъ одѣяніяхъ.

Нивы зазеленѣли, законы и уставы расцвѣли, но воспоминанія старыхъ временъ погребены во мху, въ непроходимой чащѣ лѣсовъ.

Развѣ духъ свободы старыхъ временъ не живетъ ужъ больше?

Одни лишь деревья шумятъ въ покинутой чащѣ лѣсовъ.

Уйдемъ оттуда, если ты хочешь видѣть радость, счастье и свѣтъ

свободы! Ты найдешь ихъ въ человѣческихъ сердцахъ. Покинемъ дикую пустыню и войдемъ въ прекрасное царство образованія!

Если ты пробродишь день или два дня, то въ концѣ-концовъ и самый непроходимый хвойный лѣсъ начнетъ рѣдѣть и настанетъ конецъ и самой обширной пустыни. Вотъ уже попадаются пни отъ срубленныхъ деревьевъ, вотъ уже встрѣчаются между елями стройныя березки, которыя тянутся къ небу за свѣтомъ и за воздухомъ; уже зелень черники уступаетъ мѣсто брусничнику, уже можно различить зимнія дороги, уже сквозь стволы деревьевъ тамъ и сямъ просвѣчиваютъ голубыя воды озеръ, уже почва понижается, образуя склоны, поросшіе ивнякомъ, уже встрѣчаются природныя поляны съ густолиственными рошицами, уже зимнія дороги встрѣчаются съ другими, поросшими травой, но въ которыхъ ясно обозначаются колеи отъ колесъ и слѣды лошадиныхъ копытъ. Дорога извивается между холмами, то появляясь на высокихъ мѣстахъ, то исчезая на склонахъ долинъ. Вонъ уже и человѣческое жилье, а вонъ тамъ на опушкѣ лѣса другое, вонъ третье, четвертое, а вотъ и цѣлая деревня, ютящаяся на склонѣ горы на мѣстѣ лѣсного пожараща. Избушки тѣснятся одна возлѣ другой, словно ласточкины гнѣзда на сѣрой стѣнѣ отвѣсной скалы. Почему люди поселились на такомъ неудобномъ мѣстѣ для жилья? Чего они боялись? Почему не выбрали они болѣе низкихъ мѣстъ? Почему коровы не пасутся на клеверныхъ поляхъ, а довольствуются кислицей, которую они щиплютъ вокругъ обгорѣвшихъ пней. Ужъ не съ барщины ли возвращается этотъ человѣкъ. Почему приходитъ онъ домой съ разбитыми членами и, не говоря ни слова, бросается на свою постель? Не для уплаты ли оброка собирать эта дѣвочка ягоды? Не для того же ли вяжетъ въ рошицѣ вѣнки молодая дѣвушка, молчаливая и невеселая?

Но развѣ мы пошли отыскивать несправедливость въ положеніи людей относительно другъ друга. Развѣ мы хотѣли изслѣдовать, почему судьба такъ неравномѣрно распредѣлила свои дары? Нѣтъ. Мы пошли отыскивать священный огонь вѣснни и свободы, который никогда не можетъ совершенно потухнуть въ людскихъ сердцахъ. Гдѣ же горитъ этотъ огонь, гдѣ отражается его отблескъ?

На этомъ каменномъ хребтѣ нѣтъ мѣста духу свободы, въ этихъ пещерахъ теперь не время для слаганія рунъ.

А потому уйдемъ и отсюда, если ты надѣялся найти среди этихъ людей свѣтъ свободы и счастье. Прочь отъ этого сѣраго каменнаго хребта, гдѣ царитъ усталость, гдѣ нѣтъ времени для вѣснни, гдѣ мученыя, жилая, руки, ноги, всѣ мысли и заботы, — все напрягается

къ тому, чтобы уплатить оброкъ, какъ если бы человекъ обращался въ бездушную машину.

Но вотъ дороги опять встрѣчаются; тутъ пролегаютъ большая дорога, на которой уже нѣтъ колеи отъ колесъ. Она усыпана пескомъ и окаймлена канавами; вдоль дороги идетъ рядъ телефонныхъ столбовъ, и она извиивается по равнинѣ подъ веселую пѣсню про-волобъ.

Уже начинаютъ попадаться клеверныя поля, принадлежащія къ большой усадьбѣ. Уже попадаютъ расчищенные рощи, уже зеленѣютъ хлѣбныя поля, и чѣмъ ближе къ усадьбѣ, тѣмъ глубже становятся канавы, тѣмъ сочнѣе паровыя поля. Посмотри, вонъ тамъ въ извилинахъ залива виднѣется холмъ съ зеленѣющими липами; онъ возвышается въ самой глубинѣ залива среди изумрудныхъ полей и кудрявой листвы. Туда-то и ведутъ всѣ дороги. Тамъ вѣтеръ, стѣсненный горой, вѣетъ тише, тамъ подъ яркими лучами солнца выросли высокія деревья съ темной листвою, тамъ трава сочная и тростникъ на берегу вѣще,—тамъ подъ гигантскими липами и старыми кленами стоитъ бѣлая усадьба Раухалахти. Она вся бѣлая, но она отражаетъ на себѣ яркую зелень липъ и кажется тоже зеленою; обросшія мохомъ застрѣхи кажутся зелеными, грудки у ласточекъ, сидящихъ подъ крышей въ своихъ гнѣздахъ, тоже зеленныя, какъ и на-личники у оконъ, стекла и гардины.

По лужайкѣ разгуливаютъ нарядные люди; они ходятъ и по парку, и по двору,—въ Раухалахти всегда много народу. Тамъ живутъ и свои, и чужіе, зятья и невѣстки, тести и шурины, двоюродные и троюродные братья и сестры, и ихъ друзья. Одни пріѣзжаютъ, другіе уѣзжаютъ, потомъ снова пріѣзжаютъ.

Одни пріѣзжаютъ на нѣсколько недѣль, другіе на нѣсколько дней, нѣкоторые заѣзжаютъ проѣздомъ. Дѣтьми кишитъ вездѣ, и вездѣ видны няньки съ бутылками съ молокомъ, съ пеленками и дѣтскими колясками. Нѣкоторыя дѣти играютъ въ песокъ, другія на лугу, щелбеча взапуски съ птицами. Старшіе гуляютъ группами, но всегда молодыя дѣвушки съ молодыми людьми. Они то играютъ въ крокетъ, то въ лаунъ-теннисъ, то отправляются на прогулку съ пѣснями и веселой болтовней; они держатся въ сторонѣ отъ старыхъ тетокъ съ ихъ головными болями, кофепитіемъ и разговорами о добромъ старомъ времени и о недостаткахъ современной молодежи. И всетаки всѣ эти люди принадлежатъ къ одному счастливому кругу, внутреннюю жизнь котораго согрѣваетъ общественная жизнь, а внѣшнюю—теплые солнечные дни, къ тому кругу, который счастливъ своей свободой, счастливъ своей беззаботностью, счастливые

уже только потому, что къ вѣщей зависти другихъ, непосвященныхъ, они могутъ считаться среди друзей владѣльцевъ Раухалахти.

Въ главномъ зданіи усадьбы на мягкихъ коврахъ въ равномерно покачивающемся креслѣ-качалкѣ, со старинной пѣнковой трубкой въ рукахъ, сидитъ самъ онъ, тотъ человѣкъ, который представляетъ изъ себя центръ всего: центръ для зимнихъ и лѣтнихъ дорогъ, центръ для необозримыхъ хлѣбныхъ полей, центръ для всѣхъ посѣвовъ и жатвъ, центръ для всѣхъ пожеланій добраго здоровья и долгой жизни. Этотъ человѣкъ, окруженный преданностью и любовью близкихъ и родныхъ, и есть совѣтникъ земледѣлія, добрый, благородный владѣлецъ Раухалахти.

Года успѣли уже щедро посыпать его голову и его бороду серебромъ. Онъ сидитъ по большей части въ креслѣ-качалкѣ, покуривая свою трубку. Онъ не ходитъ больше по своимъ землямъ, раздавая приказанія: теперь приходятъ къ нему за приказаніями. На всей его внѣшности лежитъ отпечатокъ легкаго утомленія, его сѣдые усы слегка пожелтѣли отъ куренія, а подъ глазами у него небольшіе мѣшки, свидѣтельствующіе о бротости. Если онъ и выходитъ иногда изъ дому, чтобы осмотрѣть свои земли, то онъ это дѣлаетъ не для того, чтобы провѣрить, какъ идутъ работы, а только для того, чтобы насладиться всѣмъ тѣмъ, что онъ видитъ вокругъ себя, насладиться полнымъ порядкомъ и тѣмъ, что все идетъ какъ бы само собой. Онъ можетъ смѣло посвящать свои дни изслѣдованію старыхъ историческихъ писемъ, которыя еще существуютъ въ Раухалахти: прадѣдовская коллекція старинныхъ писемъ, — это гордость Раухалахти. Много историческихъ лицъ, если и не находились въ прямомъ родствѣ съ владѣльцами Раухалахти, то во всякомъ случаѣ состояли въ близкой связи съ ними. За исключеніемъ писемъ многихъ героевъ финской войны, тамъ хранились собственноручныя письма Армфельта, Аминова и даже Густава III. Всѣ они были тщательно собраны въ папеты и уложены въ папки, отдѣланныя кожей; самые драгоценныя документы лежали, развернутые, подъ стекломъ. Среди этихъ писемъ совѣтникъ земледѣлія чувствовалъ себя, какъ въ святилицѣ. Онъ зналъ всѣ письма по номерамъ и зналъ содержаніе каждаго изъ нихъ почти слово въ слово и, несмотря на это, онъ постоянно перетывалъ ихъ собравшейся семьѣ, роднымъ или друзьямъ, — онъ читалъ серьезно и съ благоговѣніемъ, какъ если бы онъ исполнялъ какое-нибудь святое дѣло.

У совѣтника семеро дѣтей и множество внучать. Уже въ преюномъ возрастѣ онъ вторично женился на особѣ, которая удивила ихъ тѣмъ, что, наперекоръ обычному явленію, она сумѣла устано-

вить хорошія отношенія съ дѣтьми мужа отъ его перваго брака. Она стала душой въ большомъ хозяйствѣ помѣстья Раухалаhti, но вмѣстѣ съ тѣмъ она съ уваженіемъ относилась къ правамъ дѣтей мужа, которыя считали Раухалаhti своимъ домою. Она славилась также тѣмъ, что поддерживала добрыя отношенія съ самыми разнообразными людьми, она интересовалась всевозможными вопросами и съ живымъ интересомъ слѣдила за ходомъ мыслей своего собесѣдника. И при всемъ этомъ она не забывала о томъ, что происходитъ въ кухнѣ, какъ чувствуютъ себя маленькія дѣти, находящіяся на ея попеченіи, которыхъ надо улаживать спать, которыхъ пора кормить и которымъ надо идти гулять.

Если все это было прекрасно, то еще прекраснѣе были отношенія между супругами.

Насколько они оба были примѣрны,—она, какъ хозяйка дома, онъ какъ хозяинъ обширнаго имѣнія—настолько они были идеальной супружеской четой. Даже самые близкіе люди не могли рѣшить, чья воля была рѣшающей. Этого нельзя было выяснитъ даже при тщательномъ наблюденіи за ихъ дѣйствіями и словами. Обыкновенно они обмѣнивались другъ съ другомъ лишь нѣсколькими словами. Жена приходила и наклонялась къ мужу, сидящему въ креслѣ-качалкѣ, и шептала ему нѣсколько словъ на ухо. Послѣ этого они обмѣнивались взглядомъ и едва слышно произносили нѣсколько словъ. Если они бывали различныхъ взглядовъ, то посторонніе, присутствовавшіе при этой сценѣ, съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили за выраженіемъ ихъ лицъ, стараясь подмѣтить малѣйшую досаду или хотя бы нетерпѣливое подергиваніе плечъ. Но мужъ только хлопалъ свою жену по рукѣ, а она говорила на это: «хорошо», и уходила. Кто знаетъ, какія важныя дѣла рѣшались такимъ образомъ! Никто не могъ бы сказать, перемѣнилъ ли мужъ свое рѣшеніе, узнавъ мнѣніе жены, или же жена уступила, узнавъ взглядъ мужа.

Иногда случалось, что бѣлыя двери, по обыкновенію закрытыя и находившіяся въ концѣ цѣлой амфилады залъ и гостиныхъ, оставались раскрытыми. Тогда гости, не имѣвшіе права доступа во внутреннія комнаты, могли издали заглянуть въ «святое-святыхъ». Предметы въ этой комнатѣ были видны неясно, такъ какъ гардины тамъ были всегда спущены и тамъ царилъ полумракъ, но въ этомъ полумракѣ сверкали золотые набалдашники на двухъ, рядомъ стоящихъ кроватяхъ. Виднѣлась также мраморная статуя Христа, который под пологомъ протягивалъ свои руки для благословенія.

Если это святое-святыхъ видѣло молодое существо, то его охватывало радостное чувство, и его мечта, его невоплощенный идеалъ

вѣжно шепталъ ему: брось бесплодныя сомнѣнія, жизнь—это радость; цѣль жизни ясна и близка, и значеніе ея просто и естественно. То, что неясно обрисовывается тамъ, подъ пологомъ,—вѣрная житейская пристань, цѣль человѣческаго существованія. Въ домашняго очага и семейнаго счастья—лишь буря, отчаяніе и несчастье.

Нашли ли мы, наконецъ, то обширное и прохладное зданіе, которое возведено свободой и счастьемъ?

Слышишь ли ты звуки музыки, которая раздается въ залахъ этого золотого жилища? Слышишь ли ты мягкіе звуки флейты, вѣжные переливы скрипки и гармоничный акомпаниментъ фортепіано? Прислушайся также къ веселому гомону, царящему среди беззаботной молодежи; молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ встали въ кружокъ и приготовились танцевать.

Пусть необитаемые лѣса шумятъ въ своемъ одиночествѣ! Здѣсь мы нашли то, что искали. Здѣсь счастье, здѣсь та свобода, безъ которыхъ люди не могутъ дышать. Здѣсь живутъ дочери искусства и истины, которыя превращаютъ негостепримную землю въ жилище радости для людей.

V.

День рожденія.

Однако и у счастливыхъ владѣльцевъ Раухалахти были свои заботы.

У совѣтника земледѣлія было семь дочерей и ни одного сына. Кому передать имѣніе?

Всѣ дочери, кромѣ самой младшей, фрѣкенъ Марты, были замужемъ. И всѣ онѣ были счастливы въ супружествѣ. Ихъ мужья, всѣ безъ исключенія, были значительными людьми или, по крайней мѣрѣ, подавали несомнѣнную надежду сдѣлаться таковыми въ ближайшемъ будущемъ. Двое изъ нихъ были военными, другіе двое чиновниками, одинъ—директоромъ банка и, наконецъ, послѣдній былъ правитель-доцентомъ университета. Но никто изъ нихъ не былъ способенъ взять на себя управленіе Раухалахти.

А потому завѣтнымъ желаніемъ совѣтника земледѣлія было выдать свою младшую дочь, любимую Марту, за человѣка, который былъ бы въ состояніи взять на себя управленіе имѣніемъ.

Но желаніе это не осуществилось, что мы и увидимъ дальше.

У совѣтника былъ старый другъ, занимавшій высокій военный постъ въ Россіи и извѣстный своей храбростью, а также своей любовью и своимъ необыкновенно громкимъ голосомъ—онъ всегда

кричалъ такъ, какъ если бы необходимо было перекрычать бурю. Бромъ того, онъ отличался своей полной беспомощностью во всемъ, что не имѣло непосредственнаго отношенія къ военному дѣлу. Если на примѣръ, приходилось касаться какаго-нибудь вопроса изъ области чувствъ, то храбрый воинъ окончательно терялся. Глаза его дѣлались круглыми, и на лицѣ появлялось испуганное выраженіе. Къ великому несчастью онъ остался въ жизни одинокимъ, такъ какъ умная и добрая жена умерла рано, оставивъ на рукахъ своего беспомощнаго, шумливаго мужа ихъ единственнаго сына Эдуарда. Бромъ предѣльно любя своего сына, но не имѣя ни малѣйшаго понятія воспитанія дѣтей, отецъ не жалѣлъ денегъ, стараясь при помощи ихъ пополнить то, чего не хватало въ воспитаніи сына. Онъ приглашалъ къ сыну лучшихъ учителей какъ въ области науки, такъ и искусства. Бромъ того, при сынѣ находился воспитатель, имѣвшій надъ нимъ зорь за ученьемъ. И при всемъ этомъ оказалось, что въ воспитаніи сына какъ будто было что-то неправильное. Послѣ своего поступленія въ университетъ, молодой человекъ, повидимому, утратилъ всякое желаніе совершенствоваться въ наукахъ и началъ вести разгульную жизнь со своими товарищами. Его поведеніе съ каждымъ годомъ становилось все хуже, пока онъ не дошелъ, наконецъ, почти до полной гибели. Онъ не обращалъ больше ни малѣйшаго вниманія на приличія, бравировалъ своимъ вызывающимъ образомъ дѣйствій и безвозвратно погубилъ свою репутацію необузданнымъ поведеніемъ.

Отецъ принималъ всевозможныя мѣры, чтобы противодействовать этому несчастію. Самъ онъ, конечно, не могъ вліять на сына, если даже онъ и напрягалъ для этого всѣ свои мысли, то онъ ничемъ не могъ придумать, кромѣ простаго увѣщанія, состоявшаго изъ словъ: «Брось пить!» Его отеческіе совѣты не шли дальше этого. Въ своей беспомощности онъ обратился за совѣтомъ къ духовнымъ пастырямъ, которыхъ онъ еще помнилъ по старому знакомству. Онъ даже написалъ самому архіепископу, желая узнать его мнѣніе. Послѣдній отвѣтилъ любезнымъ письмомъ, въ которомъ высказывалъ надежду, что Господь когда-нибудь приведетъ юношу на его, епископа, путь и рекомендовалъ пока назидательное чтеніе. Другіе совѣтовали заграничное путешествіе или вообще перемѣну мѣстожительствъ. Нашъ вождь добросовѣстно слѣдовалъ всѣмъ совѣтамъ; онъ послалъ своему сыну книги духовнаго содержанія, устроилъ для него поѣздку за границу въ обществѣ хорошаго попутчика и всѣми силами старался уговорить его посѣтить архіепископа и лично познакомиться съ нимъ.

Но ни епископы, ни священники, ни книги духовнаго содержанія заграничное путешествіе не имѣли никакого воздѣйствія.

Въ этого-то юношу, который, за исключеніемъ своего благороднаго имени, ничѣмъ не могъ похвастаться въ глазахъ свѣта, и была влюблена фрѣгенъ Марта, — та самая Марта, которая была любимицей отца, любимицей управляющаго и всѣхъ слугъ, любимицей береговъ воды, лѣсовъ, горъ, цвѣтовъ и всего, къ чему она только прикасалась, на чемъ останавливался ея взоръ.

Когда старый воинъ замѣтилъ отношенія между Мартой и своимъ сыномъ, — а не замѣтить этого было трудно, такъ какъ Марта постоянно краснѣла, — то онъ пришелъ въ восторгъ. Онъ совѣтовался съ женою своего сына также и съ медицинскими свѣтилами, которыхъ онъ лично зналъ, и тѣ сказали ему, что женитьба могла бы имѣть на его сына благотворно и успокоительно. Важное открытіе, что Марта любитъ Эдуарда и что Эдуардъ можетъ жениться на дочери его стараго друга, обрадовало его чрезвычайно. И онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ прокричать объ этомъ на весь свѣтъ. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этого было обрученіе молодой четы.

Старый воинъ былъ въ восторгѣ, но никакъ нельзя было сказать о немъ же про совѣтника земледѣлія и про остальныхъ обитателей усадьбы.

Это обрученіе создало въ Раухалахти напряженную атмосферу. Оно составляло тайное горе совѣтника и его зятьевъ. Оно было предметомъ печалованій для всѣхъ тетокъ и всѣхъ знакомыхъ, считавшихъ себя въ числѣ близкихъ друзей владѣльцевъ Раухалахти. Кто не рѣшался говорить объ этомъ откровенно, но во всемъ, что происходило, звучала извѣстная нотка, которая какъ бы служила вѣжливымъ признакомъ того, насколько то или другое лицо принадлежитъ къ кругу друзей Раухалахти.

Если бы совѣтникъ не держалъ такъ крѣпко въ своихъ рукахъ нити правленія, то навѣрное эти нѣмые, но краснорѣчивые взоры и осторожный шепотъ превратились бы въ откровенный ропотъ, который не прекратился бы до тѣхъ поръ, пока обрученіе не было бы оторгнуто.

Но совѣтникъ не ослаблялъ туго натянутыхъ браздовъ.

Воля Марты была для него закономъ, а слѣдовательно и для всѣхъ обитателей усадьбы.

Совѣтникъ ничѣмъ не показавъ, что онъ что-нибудь имѣетъ противъ выбора своей дочери или хоть сколько-нибудь недоволенъ этимъ, естественно этому относились къ обрученію Марты и остальные члена семьи.

Конечно, Марта не могла оставаться въ невѣдѣніи относительно чуждыхъ мыслей окружающихъ ее людей. Стоило ей только, хотя бы

вскользь, съ похвалою отозваться о наружности какого-нибудь мужчины, какъ всё спѣшили наперерывъ выразить свое восхищеніе этимъ господиномъ: лучше, красивѣе, эlegantнѣе его нѣтъ на всѣмъ свѣтѣ. Замѣчательно также было то усердіе, съ которымъ мачеха Марта конечно, съ согласія самого совѣтника, начала устраивать всевозможныя празднества, на которыя приглашалось избранное молодое общество изъ столицы.

На одинъ изъ такихъ праздниковъ и теперь собралось общество въ Раухалахти. Мартѣ исполнилось двадцать лѣтъ.

За цѣлую недѣлю до этого въ усадьбѣ начались приготовленія: пекли, жарили, варили пиво. Задолго начали вѣнчать фонарики, плести гирлянды и разучивать новые танцы и пѣсни.

Когда Марта, разбуженная выстрѣлами и пѣніемъ, вышла утромъ на веранду, всё колонны которой были сверху донизу увиты гирляндами изъ зелени и розъ, то ее встрѣтило множество гостей. Все окружили ее, предлагая ей цвѣты и букеты.

Тетки, которыя цѣлую недѣлю писали пригласительныя письма и рассылали ихъ во всѣ стороны, какъ бы стоворясь, обратили вниманіе на большое собраніе гостей. «Вотъ видишь, Марта, какъ тебя любятъ, всё безъ особаго приглашенія вспомнили тебя въ этотъ день!» При этомъ взоры ихъ какъ будто прибавляли: «Посмотримъ вспомнить ли этотъ день «тотъ господинъ»!»

Прошло полдня. Всѣ были увѣрены, что «тотъ господинъ» придетъ больше, и дѣлали видъ, что возмущаются этимъ, тогда какъ въ глубинѣ души радовались. Каково же было ихъ удивленіе, когда ворота раскрылись, и въ нихъ въѣхалъ господинъ Венделль въ сопровожденіи Эдуарда.

Всѣ гости, сидѣвшіе на верандѣ, перегнулись черезъ перила: многіе произнесли имя Эдуарда со вздохомъ разочарованія. Въ мгновеніе казалось, словно всё яства напрасно приготовлены, вѣнки и гирлянды напрасно сплетены, всѣ разноцвѣтные фонарики напрасно склеены и пригласительныя билеты напрасно разосланы.

А что можно было подумать о господинѣ Венделлѣ? Чѣмъ объяснить, что онъ самъ привезъ сюда Эдуарда? Кто-то утромъ вспомнилъ про господина Венделля. Теперь было ясно, что онъ ѣздилъ Эдуардомъ и напомнилъ ему о днѣ рожденія Марты. Какъ объяснить все это?

Такъ значитъ господинъ Венделль не считаетъ себя больше въ кругу близкихъ къ семьѣ совѣтника. Значитъ, онъ не раздѣляетъ ихъ чувствъ? А онъ до сихъ поръ былъ одинъ изъ тѣхъ, кто лучше чѣмъ кто-либо другой, понималъ положеніе вещей въ семьѣ совѣтника.

ника. Хотя онъ и не былъ родственникомъ, но его принимали въ этой семьѣ, какъ родного, и онъ подолгу гостилъ въ Раухалаhti. И развѣ это не было бы къ выгодѣ господина Венделля, если бы Эдуардъ прозѣвалъ этотъ день и показалъ бы себя въ настоящемъ свѣтѣ? И, наконецъ, развѣ господинъ Венделль не былъ тѣмъ человекомъ, котораго Марта считала своимъ хорошимъ другомъ и который, какъ многіе надѣялись, когда-нибудь займетъ въ сердцѣ Марты мѣсто Эдуарда?

И этотъ-то самый господинъ Венделль, — стояло бы ему дать хорошую встрепку, — тащить сюда Эдуарда, точно всѣмъ на зло!

Эдуардъ выпрыгнулъ изъ экипажа, оставилъ Венделля, и, съ недовольнымъ лицомъ приподнявъ шляпу передъ гостями, пошелъ здороваться съ хозяевами.

Марта стояла между двумя подругами. Отъ волненія она сперва поблѣднѣла, а потомъ у нея на щекахъ выступили два красныхъ пятна, которыя рѣзко выдѣлялись на блѣдномъ лицѣ.

У жениха не было ни букета, ни единой розы для нея.

Въ ту минуту, когда Эдуардъ, стоя среди благоухающихъ цвѣтовъ, замѣтилъ свою оплошность и почувствовалъ на себѣ неодобрительные взгляды, онъ услышалъ вдругъ позади себя голосъ Венделля:

— Послушай, Эдуардъ, возьми же вотъ это. Главное-то ты и забылъ!

И Венделль передалъ Эдуарду круглую картонку. Послѣдній открылъ ее и вынулъ изъ нея такой изящный и съ такимъ вкусомъ подобранный снопокъ розъ, что у дамъ невольно вырвался крикъ восторга.

Откуда Венделль досталъ эти цвѣты, Эдуардъ не могъ понять. Онъ смутно помнилъ только, что когда они выѣзжали изъ Ваниккола, то Венделль поставилъ подъ сидѣнье какой-то ящикъ.

Фрѣкенъ Марта была въ такомъ восторгѣ отъ цвѣтовъ, что глаза ея засіяли; красныя пятна разлились по щекамъ и превратились въ вѣжннй румянецъ.

— Спасибо, Эдуардъ! Что за прелесть! Спасибо! — проговорила она, и на глазахъ у нея навернулись слезы; она должна была уйти изъ комнаты.

Всѣ поняли, что это были слезы радости.

Но Эдуарду показалось, что общество нашло благодарность Марты чрезмѣрной, и что оно осуждаетъ ее за то, что она такъ открыто оказала, что попрежнему любить Эдуарда. Когда Марта ушла, всѣ чали превозносить ее и многіе повернули Эдуарду спину, какъ бы глая дать ему почувствовать его ничтожество по сравненію съ Мартой — этой обожаемой младшей дочерью помѣщика.

Эдуарда представили пожилымъ мужчинамъ, но тѣ поспѣшили снова занять свои удобныя мѣста на верандѣ и продолжали разговоръ, касавшійся политическаго состоянія страны. Вдругъ Эдуардъ выпрямился и сказалъ громко и рѣзко:

— Это прямо невѣроятно, какое громадное количество невоздѣланной земли находится въ этомъ имѣніи. Я смотрѣлъ, пока мы ѣхали сюда, такъ ей конца не было.

Всѣ обернулись къ Эдуарду. Молодые люди и дамы, которые хотѣли уйти, остановились, когда услышали голосъ Эдуарда. Всѣ удивлялись способности Эдуарда заводить новый разговоръ. Его смѣлость въ этомъ отношеніи многимъ нравилась, въ другихъ она порождала надежду срѣзать его.

— Это значить, — сказалъ одинъ изъ зятьевъ, директоръ банка, съ коротко подстриженными свѣтлыми усами — это значить, что вы намекаете на лѣса Раухалахти?

Этотъ господинъ всегда обращался къ Эдуарду на *вы*, такъ какъ онъ не хотѣлъ признавать въ немъ жениха Марты.

— Я намекаю на такую землю, которую можно было бы обрабатывать, но которую въ этомъ имѣніи не обрабатываютъ и такимъ образомъ не даютъ возможности другимъ обрабатывать. Это несправедливо!

Эти слова произвели впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Всѣ переглянулись. Одинъ шутникъ соорудилъ гримасу, причемъ нѣсколько дѣвочекъ-подростковъ, стоявшихъ у дверей, фыркнули и съ шумомъ выбѣжали изъ комнаты.

Наступило долгое молчаніе.

Такъ какъ политическіе вопросы, составлявшіе тему для разговора до прибытія Эдуарда, были очень интересны, то директоръ банка, ни единымъ словомъ не отвѣчая Эдуарду и какъ бы желая этимъ уколоть его, продолжалъ совершенно спокойно излагать свой взглядъ на форму правленія въ 1772 году.

Онъ былъ юристомъ до мозга костей и страстнымъ защитникомъ основныхъ законовъ. Для всѣхъ обитателей Раухалахти онъ былъ авторитетомъ во всемъ, что касалось политики. Особенно краснорѣчивы и убѣдительны были тѣ доводы, которые онъ приводилъ, чтобы доказать, почему обѣщаніе Александра I, данное боргоскому сейму о сохраненіи основныхъ законовъ, должно оставаться въ силѣ и для всѣхъ послѣдующихъ правителей.

Однако, какъ ни интересны были гжучіе вопросы дня, любопытство общества было возбуждено и тѣмъ вопросомъ, который затронулъ Эдуардъ. Въ то время, какъ часть общества разсуждала о пас-

онъ сопротивленіи и о «Fria ord» *), другая часть потихоньку двинулась къ Эдуарду и завела съ нимъ разговоръ о земледѣніи.

Теперь разговоръ шелъ на двухъ различныхъ концахъ веранды. Онъ старался директоръ банка затмить своимъ блестящимъ красноречіемъ разговоръ въ противоположномъ углу, онъ скоро замѣтилъ, что его слушаютъ разсѣянно и все вниманіе удѣляютъ другому разговору. Кромѣ того онъ замѣтилъ, что вся молодежь, а также и женщины, собрались вокругъ Эдуарда, — это подѣйствовало на его нервы. Когда онъ замолчалъ на мгновеніе, чтобы перевести дыханіе, то между нимъ и его слушателями рѣзкимъ диссонансомъ ворвался голосъ Эдуарда.

— Неужели же нѣчто подобное можетъ зависѣть отъ какой-то собственности? Торпъ принадлежалъ ихъ отцу, ихъ дѣду и даже ихъ прадеду, и каждую пядь земли они обработали сами. Но вотъ появляется новый владѣлецъ земли, которому принадлежитъ и торпъ, и говоритъ: «Убирайся вонъ! У тебя нѣтъ никакихъ бумагъ, и мнѣ нѣтъ никакого дела до того, что тебѣ обѣщали другіе!» Да развѣ это не возмутительно!

— Это очень грустно, — замѣтилъ благочинный. Когда-то и онъ, какъ и отецъ Эдуарда старался привести блуднаго сына на путь истинный. — Это очень грустно, но съ другой стороны святость правды и справедливости...

Эдуардъ не далъ ему договорить:

— Какое право имѣетъ человѣкъ на землю, которую обрабатываетъ другой? Это право узурпатора. Но по закону природы земля должна была бы принадлежать всѣмъ, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ.

— Дорогой другъ, — возразилъ на это благочинный, — это было бы противъ человѣческихъ законовъ и противъ порядка; это привело бы людей къ борьбѣ другъ съ другомъ и вернуло бы насъ къ тѣмъ временамъ, когда не было никакихъ общественныхъ законовъ, когда была полная анархія.

— Позвольте вамъ сказать, что именно теперь царитъ открытая анархія, потому что то, что творится теперь, это беззаконіе, это узурпаторство, это грабежъ.

— Подождите, — остановилъ его благочинный, но ему такъ и не удалось ввернуть слово.

*) Запрещенная въ то время въ Финляндіи газета *Свободное Слово*. Прилжч.

— И я хорошо знаю, — продолжалъ Эдуардъ, — почему землю позволяютъ обрабатывать. Это потому, что вы хотите, чтобы были бѣдные, которыхъ можно было бы заставить работать на васъ за нѣ сколько пенни въ день. Вотъ въ чемъ вся штука!

Снова наступило молчаніе, во время котораго присутствовавшіе какъ бы взвѣшивали значеніе словъ, сказанныхъ Эдуардомъ.

Директоръ банка нашелся первый. Онъ всталъ и приготовился уйти съ веранды. Другіе послѣдовали его примѣру, и черезъ нѣ сколько мгновеній всѣ поднялись со своихъ мѣстъ. Такимъ образомъ всѣ безъ предварительнаго соглашенія показали Эдуарду свое мнѣніе о немъ.

Эдуардъ принялъ вызывающую позу и со скрещенными на груди руками спокойно смотрѣлъ, какъ общество понемногу оставляло веранду. Онъ понималъ, что уходить, чтобы отдѣлаться отъ него.

Эдуардъ искалъ глазами только Марту.

Марта осталась стоять въ дверяхъ и смотрѣла прямо ему въ глаза. Она была блѣдна, и ея большіе испытующіе глаза выражали и одно и то же время и удивленіе, и страхъ, какъ у ребенка, который слушаетъ страшную сказку.

Эдуарду показалось, что онъ читаетъ въ этихъ глазахъ свой приговоръ: «Такъ вотъ какой ты! Я думала увидать тебя покорнымъ и раскаявающимся, а ты только дерзко! Прощай!»

Какъ ни былъ Эдуардъ влюбленъ въ ея глаза, но ему казалось невозможнымъ измѣнить ради нихъ свои убѣжденія. Это значило бы обмануть и себя, и ее. А потому онъ отвернулся отъ Марты гордо встряхнувъ головой и какъ бы отвѣчая ей такимъ же рѣшительнымъ: прощай!

Наконецъ, ушла и Марта. Остался одинъ совѣтникъ земледѣль-

По всей вѣроятности, ушелъ бы и онъ, если бы не замѣтилъ въ раженія глазъ Марты, и если бы онъ не придалъ этому выраженію совсѣмъ другое значеніе. Онъ понималъ, что Марта проситъ его разрывать съ Эдуардомъ, а потому онъ рѣшилъ изъ любви къ дочери поговорить съ молодымъ человѣкомъ, чтобы заставить его послушаться голоса разсудка.

Совершенно неожиданно для себя Эдуардъ, который уже думалъ, что всѣ дружескія связи съ этой семьей порваны, вдругъ услышалъ голосъ совѣтника, который заговорилъ съ нимъ ласково и дружелюбно, продолжая спокойно побачиваться въ своемъ креслѣ-качалкѣ.

— Я такъ хорошо знаю всѣ эти разговоры, дорогой Эдуардъ, — каждое слово мнѣ хорошо знакомо. И какъ это ни странно, но и самъ когда-то задумывался надъ всѣми этими вопросами. Бать х

рошо я помню то время, когда я только что вернулся из Мюнхена, гдѣ я слушалъ лекціи Рилья. И еще теперь звучать въ моихъ ухахъ могучія слова великаго учителя, обращенныя къ намъ, его ученикамъ: «Обнажите сердце вашей родины, идите въ народъ, работайте, просвѣщайте, поднимайте, будите!» Проникнутый его великими идеями, горя желаніемъ принести пользу, я вернулся на родину. Я готовъ былъ отдать свою жизнь ради того, чтобы слѣдовать совѣту учителя. Но скоро, слишкомъ скоро я замѣтилъ, что все, чѣмъ я такъ увлекался, было по большей части лишь миражемъ. Оказалось, что многое въ дѣйствительной жизни было совсѣмъ иначе, чѣмъ это представилъ Риль, многое, многое. «Будь къ мужику справедливъ, но никогда не будь къ нему добръ», — говоритъ пословица, и въ словахъ этихъ много правды.

— А землю вы имъ дали?—спросилъ Эдуардъ тѣмъ же тономъ, хотя ласковый голосъ совѣтника уже успѣлъ произвести на него известное дѣйствіе.

— Я чувствовалъ себя въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится докторъ, который долго занимался приготовленіемъ укрѣпляющаго питья, и котораго отталкиваютъ тѣ, для кого онъ готовилъ это питье, въ тотъ моментъ, когда онъ подноситъ имъ его. И вотъ я очутился среди народа съ протянутой ложкой въ рукахъ, но никто не обращалъ вниманія на мое лѣкарство.

Эдуардъ хотѣлъ было еще разъ спросить, не состояло ли лѣкарство въ надѣленіи землей безземельныхъ, но онъ не хотѣлъ обидѣть совѣтника, намекавшаго своимъ сравненіемъ на школы, которыя онъ когда-то хотѣлъ устроить для простаго народа. Совѣтникъ самъ вернулся къ его вопросу.

— Ты спрашивалъ, далъ ли я земли? Неужели ты думаешь, я не попыталъ и этого? Дай имъ только землю, и они высосутъ изъ нея всѣ соки, вырубятъ лѣсъ и продадутъ его. Или, можетъ быть, ты хотѣлъ, чтобы я отдалъ имъ землю даромъ? Раздѣлилъ бы Рауха-лахти на участки и отдалъ бы ихъ имъ? Это было бы вполне похристіански, это безспорно, но позволь мнѣ усомниться въ пользѣ такого мѣропріятія. Слѣдствіемъ этого было бы то, что торпары превратились бы въ мелкихъ землевладѣльцевъ. Но что же дальше? Эти землевладѣльцы въ свою очередь обзавелись бы торпарами, которыхъ они высасывали бы гораздо болѣе основательно, чѣмъ мы умѣемъ это дѣлать. Богатый мужикъ—есть ли что-нибудь болѣе отвратительное? Вотъ это настоящіе науки!

Выраженіе тяжелаго разочарованія появилось на лицѣ Эдуарда, и если бы его вѣра поколебалась—его вѣра во все то, о чемъ ш-

салъ своему отцу и что одно лишь могло возбудить въ немъ желаніе къ моральному возрожденію.

Но онъ не хотѣлъ уступить сразу. Ему захотѣлось рассказать о сценѣ, свидѣтелемъ которой онъ былъ и которая дала извѣстное направление его мыслямъ. Онъ нарисовалъ картину изгнанія Бинтури изъ его торпа.

— Я никогда не забуду этого—это было тяжелое зрѣлище—коронный фохтъ и всевозможные полицейскіе сидѣли на скамьяхъ и громко разговаривали, дѣти плакали—вѣдь этотъ торпъ былъ для нихъ роднымъ домомъ, какъ и наши дома для насъ—подумайте, если бы и насъ выгнали такимъ образомъ изъ нашего собственнаго дома.

Совѣтникъ земледѣлія покачалъ головой.

— Знаешь, дорогой Эдуардъ, мнѣ кажется, что ты все это сильно преувеличиваешь. Конечно, я не хочу сказать, что народъ не умѣетъ чувствовать, но насколько я его знаю, онъ никогда не привязывается къ какому-нибудь опредѣленному мѣсту, на примѣръ, вслѣдствіе его красиваго мѣстоположенія. Напротивъ, крестьяне охотно перекочевываютъ съ одного мѣста на другое, если они предвидятъ отъ этого матеріальную выгоду. Къ сожалѣнію, я замѣтилъ, что они истощаютъ свою собственную землю и потомъ зарятся на чужіе лѣса. Ты не знаешь народа, Эдуардъ, и прости мнѣ, не знаешь положенія вещей въ нашей странѣ.

Послѣ этихъ словъ совѣтника Эдуардъ почувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ. Онъ глубоко вздохнулъ.

Теперь и совѣтникъ замѣтилъ тоскливое выраженіе на лицѣ Эдуарда, но это только обрадовало его, такъ какъ, по его мнѣнію, это было хорошимъ признакомъ и подавало надежду на перемѣну въ Эдуардѣ. А потому въ голосъ его было нѣчто ободряющее, когда онъ сказалъ, весело вставая съ кресла:

— Но если тебя такъ интересуеть крестьянскій вопросъ, то я могу рекомендовать тебѣ множество книгъ, которыя разсматриваютъ этотъ вопросъ всесторонне. Вся моя библіотека къ твоимъ услугамъ. Пойдемъ, я тебѣ покажу.

И онъ повелъ Эдуарда въ библіотеку, обширную комнату съ высокими окнами и стѣнами, заставленными книжными полками съ потолка до пола.

— Посмотри вотъ это и вотъ это?—сказалъ онъ, вынимая одинъ томъ за другимъ. Онъ разложилъ на столѣ передъ Эдуардомъ цѣлую кучу статистическихъ таблицъ. Это были тяжеловѣсныя разсужденія относительно безземельнаго населенія и главнымъ образомъ относи-

тельно торпаровъ. О каждой книгѣ онъ говорилъ нѣсколько пояснительныхъ словъ.

— Какъ видишь, много сдѣлано для того, чтобы выяснитъ этотъ вопросъ, но это не такъ легко сдѣлать, какъ кажется.

Эдуарду казалось, что онъ становится все меньше и меньше.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ оживленіи, съ которымъ говорилъ совѣтникъ, Эдуардъ почувствовалъ преднамѣренность. Казалось, точно помѣщикъ раскидываетъ невидимыя сѣти, чтобы поймать въ нихъ Эдуарда.

А потому Эдуардъ почувствовалъ громадное облегченіе, когда нѣсколько гостей вошло въ бібліотеку, и ему можно было уйти. Такихъ уничтоженныхъ онъ еще никогда не чувствовалъ себя.

Когда онъ проходилъ по большой залѣ, то мимо него пробѣжала кучка молодыхъ дѣвушекъ. Хлопая въ ладоши, перебивая другъ друга и крича, онъ съ хохотомъ ворвался въ бібліотеку, чтобы сообщить совѣтнику о новомъ планѣ относительно какой-то прогулки. Но вдругъ все стихло. Повидимому, съ ними заговорилъ совѣтникъ. И если Эдуардъ и не слышалъ, что онъ говорилъ, то онъ почувствовалъ, что совѣтникъ сказалъ нѣсколько словъ въ его защиту. Эдуардъ послѣшно вышелъ изъ залы.

Онъ прошелъ черезъ веранду, гдѣ уже снова успѣло собраться цѣлое общество мужчинъ. Онъ хотѣлъ было пройти въ садъ, но потомъ свернулъ направо и подошелъ къ красной изгороди, которая отдѣляла дворъ отъ службъ и строеній, въ которыхъ жили работники. Казалось, точно онъ хотѣлъ уже выйти въ ворота и незамѣтно покинуть усадьбу, но потомъ онъ замедлилъ шаги и остановился передъ изгородью. Облокотясь о перегородку и мрачно вздыхая, онъ смотрѣлъ передъ собой, нервно грызя травинку. По другую сторону изгороди по сухой раскаленной скалѣ разгуливала одинокая курица и влевала упавшія зерна. Она изрѣдка издавала грустные звуки, какъ бы тоскуя въ своемъ одиночествѣ. Безконечно назойливыми казались вечерніе солнечные лучи, которые падали на выжженную траву и на отполированную людскими ногами блестящую скалу.

Черезъ нѣсколько минутъ на лицѣ Эдуарда появилась ироническая улыбка. Онъ отбросилъ травинку, обернулся и, протирая глаза, какъ для того, чтобы прогнать сонъ, онъ направился, посвистывая, къ дому.

Но это былъ уже совсѣмъ другой Эдуардъ.

Увидя на верандѣ молодыхъ дѣвушекъ, онъ остановился, переязалъ галстукъ и провелъ рукой по волосамъ. Его глаза, которые

незадолго передъ тѣмъ выражали удрученное состояніе и дѣтскую грусть, были теперь полны задора.

Онъ вошелъ въ самую середину веселой ватаги и снова превратился въ самаго внимательнаго свѣтскаго молодого человѣка. Онъ былъ снова красивъ, въ его обращеніи съ дамами появилась очаровательная смѣлость, онъ пилъ ихъ здоровье и волновалъ ихъ молодое воображеніе своими идеями относительно свободной любви. Послѣ того, какъ онъ выпилъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго, онъ громко высказалъ мысль, что обрученіе само по себѣ нѣчто неестественное и позорное, потому что оно ставитъ любовь и природу въ зависимость отъ доходовъ и положенія.

Это была тема для безконечныхъ споровъ!

Все общество отправлялось на прогулку, но каждую минуту всѣ останавливались и продолжали спорить. Прошло много времени, прежде чѣмъ усѣлись въ лодку, такъ и на пристани продолжались еще споры.

Изъ танцевъ, которые предполагались послѣ прогулки, также ничего не вышло, хотя молодые люди уже побороли первоначальную застѣнчивость и просили начать танцы. Уже дрозды запѣли свою вечернюю пѣсню въ вершинахъ осинъ, уже начало смеркаться, и пестрые фонарики засвѣтились среди деревьевъ парка и среди перилъ веранды, и музыка уже не разъ приглашала къ танцамъ. Дрозды пѣли, музыка играла, фонарики горѣли, но никого не было, кто бы видѣлъ и слышалъ все это. Стоялъ гулъ голосовъ, слышались остроумныя замѣчанія и въ воздухѣ звенѣли молодые голоса и разносились по землѣ. Кучка спорящихъ людей напоминала муравейникъ, въ который бросили горящій смоляной факелъ. Факеломъ былъ вопросъ о *свободной любви*.

Это Эдуардъ зажегъ смоляной факелъ, и его звонкій голосъ покрывалъ всѣ остальные голоса и разносился далеко кругомъ.

Онъ много выпилъ, и какъ его душевныя силы, такъ и физическая красота выступали во всемъ блескѣ.

— Говорите, что хотите, — послышался вдругъ молодой женскій голосъ, принадлежавшій дѣвушкѣ, извѣстной своими современными взглядами, — я согласна съ нимъ! — и молодая дѣвушка, говоря это, зажала уши, какъ бы не желая слушать никакихъ возраженій.

Это было сигналомъ, котораго только и ждали.

«И я также, и я также!» — закричали въ одинъ голосъ всѣ молодыя дѣвушки, хлопая въ ладоши.

Но Эдуардъ со своими идеями былъ далеко впереди нихъ. Онъ помолчалъ немного, какъ бы стараясь еще больше опьянить себя.

Онъ не хотѣлъ допустить, чтобы кто-нибудь въ этомъ обществѣ могъ быть одного съ нимъ мѣнѣя. И съ презрѣніемъ въ голосъ онъ продолжалъ свои нападки.

— Вотъ какъ, вы становитесь на мою сторону!

И онъ обрушился на женщинъ безъ всякой пощады. Онъ глумился надъ этими нравственными молодыми дѣвушками въ легкихъ открытыхъ платьяхъ, единственной цѣлью которыхъ было заручиться общаніемъ на христіанскій бракъ въ будущемъ. Но что касается до него, то онъ въ эту ловушку не попадетъ! Если его бояться быть такимъ, каковъ онъ есть, то и онъ ни къ кому не подойдетъ. Женщины для него не болѣе, какъ рыночный товаръ, выставляемый напоказъ благоденствующимъ мѣщанамъ. Онъ насмѣхался надъ всей современной культурой съ ея электричествомъ и усовершенствованными путями сообщенія. Наука для него—звукъ пустой, а надъ искусствами онъ смѣется. Онъ объявилъ, что за весь день онъ не слышалъ въ этомъ большомъ Раухалахти ни одного исполненія, достойнаго искусства, хотя человѣкъ десять пытались изображать что-то на различныхъ инструментахъ. Онъ смѣялся надъ выраженіемъ чувствъ, которыя были заучены и всецѣло зависѣли отъ нотъ. Все подверглось его уничтожающей критикѣ—все было не болѣе, какъ подражаніе и пошлое мѣщанство.

Послѣ этой выходки многіе отошли отъ Эдуарда, недоумѣвая, какъ отнестись къ его дерзкимъ словамъ.

Двое зятьевъ совѣтника стояли въ дверяхъ и разговаривали другъ съ другомъ.

— Что за странное сочетаніе образованія и грубости!

Они старались припомнить родословную Эдуарда, но какъ со стороны его отца, такъ и со стороны матери они нашли только аристократовъ, которые были гораздо чистокровнѣе ихъ самихъ.

Марта сидѣла блѣдная и дрожащая между своими двумя сестрами. Последнія были возмущены поведеніемъ Эдуарда. Онѣ наклонились другъ къ другу передъ Мартой и совѣщались о томъ, что дѣлать. Одна изъ сестеръ шепнула Мартѣ на ухо, что по всей вѣроятности Эдуардъ хотѣлъ своими словами дать понять, что онъ открыто разрываетъ обрученіе съ Мартой. Марта отъ волненія не могла произнести ни слъва; она также была почти увѣрена въ томъ, что Эдуардъ своими словами намекалъ именно на ихъ отношенія другъ къ другу.

Сестры чувствовали себя глубоко оскорбленными за Марту. Одна изъ нихъ сказала:

— На твоемъ мѣстѣ я встала бы и заявила бы въ присутствіи всѣхъ: «что касается до меня, то ты свободенъ»!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—сказала Марта, крѣпко сжима сестры и ни на минуту не отрывая глазъ отъ Эдуарда.

Но теперь поблѣднѣла и вторая сестра, которая до сихъ еще не вполне была увѣрена относительно смысла словъ Эдуарда.

— Но вѣдь это совершенно ясно. Онъ хочетъ устроить даль. Ты должна предупредить его. Лилли права: встань и брось перчатку въ лицо.

Бъ двумъ зятьямъ, стоявшимъ въ дверяхъ, присоединились двое другихъ, которые говорили:

— Надо было бы дать ему выпиться, чтобы хмель прояснилъ ему умъ.

— Надо его просто выгнать. Уведи куда-нибудь Марту, она ничего не замѣтила,—посовѣтовалъ другой.

Вокругъ Эдуарда стало собираться тѣсное кольцо мужчинъ, ждущихъ, какъ онъ продолжалъ выкрикивать свои сужденія.

Мартъ дѣлала знаки, чтобы она ушла:

— Иди-ка сюда на минутку!

Теперь только Марта поняла, что происходило; она подняла волненіи и спросила: «гдѣ господинъ Венделль?» — и бросилась изъ залы разыскивать его. Въ то время, какъ она бѣжала изъ комнаты въ комнату, она услышала, что шумъ въ залѣ все увеличивается, и что опрокинули какую-то мебель. Марта едва держалась на ногахъ.

— Гдѣ господинъ Венделль?

И всѣ повторяли одно и то же: «что за несчастный день! Далеко ли, гдѣ господинъ Венделль?»

VI.

Господинъ Венделль.

По приѣздѣ въ Раухалахти господинъ Венделль сейчасъ же отправился на берегъ залива къ сараю, гдѣ строили лодки. Тамъ управляющій заканчивалъ отдѣлку новой лодки, которую онъ самъ выстроилъ изъ осинового дерева.

На помостѣ среди стружекъ красиво выдѣлялась покрытая ричневымъ лакомъ изящная лодка съ мѣдными углочинами. Господинъ Венделль влоачивалъ въ одну изъ досокъ на носу гвозди бронзовыми шляпками, которые уже образовали буквы: М. А. Р.

Такую лодку, какую построилъ управляющій, не удалось бы построить и специалисту въ этомъ дѣлѣ. Никакой мастеръ не могъ найти болѣе ровныхъ досокъ, въ которыхъ совсѣмъ не было сучковъ, никто не пригналъ бы такъ тщательно гвозди, не выстрогалъ бы

чисто доски. Старикъ работалъ всегда съ большими круглыми очками на носу и дѣлалъ самымъ тщательнымъ образомъ всевозможныя вычисления и измѣренія.

Онъ началъ строить лодку уже съ ранней весны, но исполнялъ свою работу съ такой точностью и такъ добросовѣстно, что на это пошло много времени. Другая причина замедленія была та, что съ очками онъ могъ видѣть только на далекомъ разстояннн, а потому онъ долженъ былъ поминутно отходить отъ своей работы, чтобы судить о ней. Все это требовало времени. Но управляющій находилъ удовольствіе въ этой работѣ.

Всю эту возню съ постройкой лодки онъ затѣялъ только изъ-за того, что Марта сказала однажды въ присутствіи управляющаго: «Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы имѣть собственную, совсѣмъ свою собственную лодку!»

Эти слова унали на благодатную почву, такъ какъ управляющій любилъ младшую барышню больше, чѣмъ кого бы то ни было изъ многочисленныхъ обитателей усадьбы. Она выросла на его глазахъ. Когда она была маленькой дѣвочкой, то она часто приходила къ нему смотрѣть, какъ онъ работаетъ. Иногда она бѣгала и играла возлѣ него, а иногда садилась и задавала ему вопросы. Уже будучи старше, она сохраняла дѣтскую привычку и гуляла за руку со старикомъ. Она не подозрѣвала, какъ это согрѣвало сердце стараго управляющаго.

Господинъ Венделль и управляющій проработали уже три часа, но они не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Венделль сказалъ только въ самомъ началѣ, когда онъ пришелъ на берегъ, что онъ привезъ въ усадьбу жениха Марты. Послѣ этого они работали въ глубокомъ молчаннн. Господинъ Венделль былъ въ дурномъ настроеннн духа. Онъ разучилъ къ дню рожденія Марты сочиненную имъ фантазію для фортепiano, озаглавленную «Скорбь души». Онъ хотѣлъ сыграть ее Мартѣ утромъ, какъ только она встанетъ. Но Марта была такъ нервно настроена и такъ взволнована неувѣренностью въ томъ, что Эдуардъ прїѣдетъ въ Раухалахти, что объ игрѣ и думать было нечего. Венделль бросилъ сломя голову въ Ваннкола за Эдуардомъ.

Прошло почти три часа въ глубокомъ молчаннн, когда управляющій сдвинулъ вдругъ очки на лобъ и сказалъ, отрывая глаза отъ работъ:

— Гдѣ онъ собственно служить?

Господинъ Венделль очнулся отъ своихъ мыслей, посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ:

— Онъ еще нигдѣ не служить.

Черезъ нѣсколько минутъ управляющій опять сказалъ:

— Люди рассказываютъ про этого господина всякую всячину.

— Что люди рассказываютъ?— спросилъ господинъ Вендель, оживляясь. Но не успѣлъ онъ получить отвѣта на свой вопросъ, какъ оживленіе его уже прошло, и онъ прибавилъ со вздохомъ:

— Мало ли, что люди болтаютъ.

— Ну, конечно, конечно,— согласился управляющій,— мало ли, что болтаютъ.— И онъ такъ же вздохнулъ, какъ и господинъ Вендель.

Наступило опять долгое молчаніе.

Между тѣмъ начало смеркаться, такъ что трудно было различать предметы. Управляющій поднялся съ колѣнъ и вышелъ изъ-подъ лодки, гдѣ онъ работалъ. Онъ еще разъ подробно осмотрѣлъ всю лодку, нѣсколько разъ склонялъ голову то на одинъ бокъ, то на другой и, наконецъ, сказалъ съ особеннымъ удареніемъ:

— Теперь она готова.

Итакъ, лодка всетаки была готова въ день рожденія Марты. Управляющій сейчасъ же захлопоталъ о томъ, чтобы немедленно спустить лодку въ воду. Онъ пошелъ запрягать лошадь въ сани, на которыхъ предполагалось свезти лодку къ берегу, а господинъ Вендель взялъ на себя устроить такъ, чтобы Марта на минуту оставила гостей и пришла къ берегу посмотреть на спускъ лодки.

Но какъ разъ въ ту минуту, когда Вендель послѣ ухода управляющаго стоялъ и стряхивалъ со своего платья стружки, чтобы идти за Мартой, дверь растворилась, и въ сарай поспѣшно вошла Марта.

— Я бѣгала и искала тебя повсюду, какъ сумасшедшая. Пойдемъ скорѣе со мной, сію минуту.

— Что случилось?

— Не спрашивай, самъ увидишь; они хотятъ связать его и увезти, о, онъ такъ пьянъ, что не держится больше на ногахъ. Это ужасно!

Вначалѣ Вендель какъ будто не слушалъ, что ему говорила Марта; онъ стоялъ и проводилъ обѣими руками по своимъ жидкимъ волосамъ. Но минуту спустя онъ сталъ выпрашивать Марту о томъ, что произошло, и сейчасъ же былъ готовъ сдѣлать все, что бы она ни пожелала. Быстро побѣжалъ онъ къ усадьбѣ, оставляя позади себя Марту.

Когда Марта, измученная отъ волненія и страха, подошла, наконецъ, къ дому, то Венделя и Эдуарда уже больше не было въ Раухалахти.

Гости сейчасъ же начали разговариваться.

Съ ледяной холодностью принимала Марта болѣе или менѣе занаскированныя соболѣзнованія гостей, почему соболѣзнованія эти были весьма немногосложны. Не говоря ни слова, прошла она мимо своихъ шуриновъ, и едва слышнымъ голосомъ пожелала спокойной ночи своимъ родителямъ. И опять разрывъ Марты съ женихомъ остался открытымъ вопросомъ, а его считали уже рѣшеннымъ.

Только когда Марта очутилась одна въ своей комнатѣ, она разразилась слезами. Но она плакала не отъ горя изъ-за того, что произошло. Въ этихъ слезахъ она находила нѣкоторое облегченіе, а кромѣ того она плакала изъ чувства благодарности къ Венделю, который взялъ на себя и это непріятное дѣло и устроилъ все такъ деликатно, безъ лишняго шума. Такого друга, какого она имѣетъ въ немъ, навѣрное нѣтъ ни у кого больше на землѣ. Она знала такъ же, какъ дважды два—четыре, что Вендель, угадывая ея настроеніе, еще въ этотъ же вечеръ, по возвращеніи изъ Ваниккола, придетъ къ ней рассказать, какъ все произошло, какъ Эдуардъ успокоился и заснулъ на своей кровати, и какъ все снова будетъ хорошо. Она была въ этомъ увѣрена и ждала.

Надъ спокойнымъ заливомъ опустилась тихая ночь, фонари вокругъ усадьбы были погашены, дневной шумъ и суета улеглись. Зеленыя лужайки опустѣли, развѣсистыя березы вокругъ усадьбы казались покиннутыми и ихъ густыя вѣтви съ удивленіемъ озирались на опустѣвшіе газоны и дорожки.

На зеркальной поверхности залива не было ни малѣйшей ряби, глубокая ночная тишина не нарушалась ни единымъ звукомъ, лишь изъ темнаго тростника изрѣдка доносилось тихое плесканье воды—это плавали и ныряли дикія утки. На серединѣ залива отражались еще послѣдніе отблески вечерней зари и блѣдныя краски ночного небосклона. Недалеко отъ берега медленно скользила лодка и, наконецъ, совсѣмъ остановилась. Человѣкъ, сидѣвшій на кормѣ, вынулъ изъ воды весло, которымъ правилъ. На носу на днѣ лодки сидѣла дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ; она прижалась лбомъ къ рукѣ, которой опиралась о бортъ лодки.

Лодка была та самая, которую выстроилъ управляющій. На кормѣ сидѣлъ господинъ Вендель, на носу сидѣла Марта. Оба молчали— только что окончили разговоръ.

Но вдругъ Марта подняла голову и сказала:

— Подумать, что и ты такъ говоришь—этого я никогда отъ тебя не ожидала! Какъ могъ ты мнѣ говорить нѣчто подобное!

- Марта, но вѣдь я желаю тебѣ только добра.

- Ты совсѣмъ такой же, какъ и другіе.

И Марта вытерла глаза единственнымъ сухимъ уголкомъ своего носового платка.

Когда слезы позволили ей говорить, она продолжала:

— Ты, повидимому, такъ глубоко вникаешь во все, — вотъ ты относительно брака ты говорилъ, — какъ это было? — что главное, это быть совершенно свободнымъ. Но, что изъ этого, если ты не можешь помочь другимъ? Вѣдь съ *нимъ* ты ни разу не говорилъ объ этомъ, ты такъ же равнодушно относишься къ этому, какъ и всѣ остальные, или, можетъ быть, ты также не хочешь, чтобы изъ этого что-нибудь вышло?

— Ты забываешь, что я привезъ его.

— Ты это сдѣлалъ, потому, что *я* просила тебя, а вовсе не ради *него*.

— Признаюсь откровенно, я думалъ, что ты бросишь его послѣ того, какъ ты видѣла своими глазами, какой онъ, — кромѣ того, я еще не рассказалъ тебѣ всего.

— И если бы ты рассказалъ мнѣ нѣчто въ десять разъ худшее, то и это ничуть не подѣйствовало бы на меня.

— Такой любви я не понимаю.

— Ты этого не понимаешь, потому что ты вообще не понимаешь *любви*; можетъ быть, ты никогда и не любилъ?

Голосъ Венделя дрожалъ, когда онъ сказалъ:

— Этого ты не можешь знать.

— Я сказала: *можетъ быть*.

Голосъ Венделя задрожалъ еще больше:

— Я любилъ и люблю и теперь.

Но Марта не слушала и сейчасъ же перебила его:

— Для меня не существуютъ тѣ, кто не любятъ его, — мнѣ не до чего нѣтъ дѣла! Если даже онъ, — да, если даже онъ украдетъ или убьетъ кого-нибудь — все равно, кого, — хотя бы моего родного отца, — то я и тогда не брошу его!

Сказавъ это, она выпрямилась и прибавила, сверкая глазами:

— И знаешь что — вѣдь онъ былъ правъ во всемъ, что онъ говорилъ: и относительно земли, и относительно обрученія. Ну, чемъ мы, собственно говоря, ждемъ? Вѣдь мы любимъ другъ друга, кромѣ того, дѣло идетъ о его благополучіи! Ужъ не думаешь ли ты, что я такая удивительно хорошая? Ничуть не бывало! Ты знаешь, могла бы, когда угодно, бросить эту жизнь и начать жить, какъ онъ, — да, я могла бы, пожалуй, сдѣлаться «такой женщиной»!

— Марта!

— Нѣтъ, именно такъ, именно такъ! И иногда мнѣ даже кажется

и, что въ этомъ нѣтъ ничего дурного, по крайней мѣрѣ, это было хорошо ради *него*.

Такъ какъ Венделль ничего не возразилъ на это, то Марта снова разразилась слезами.

Долго-долго царило глубокое молчаніе.

Между тѣмъ лодка тихо подплыла къ темному берегу.

Когда они проходили по песчаному берегу и шли мимо сарая, то ни услышали легкій шорохъ. Они оглянулись, но все было снова тихо и они ничего не могли различить въ темнотѣ. Между тѣмъ это былъ старый Виландеръ, управляющій, который спрятался за угломъ сарая, чтобы подслушать, что они скажутъ про его лодку, надъ которой онъ работалъ все дѣто. Но какъ старикъ ни напрягалъ свой слухъ, онъ такъ и не услышалъ ни одной похвалы. Не сказавъ ни слова, онъ медленно направился тяжелыми шагами къ усадьбѣ.

Немного спустя въ окнѣ комнаты Венделля появился свѣтъ.

Онъ попрощался съ Мартой, такъ какъ уже давно было рѣшено, что онъ уѣдетъ сейчасъ же послѣ дня рожденія Марты. Лошадь была уже заказана къ утру.

Тяжело вздыхая, онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей маленькой комнаткѣ. Онъ то садился, то сгибался надъ раскрытымъ чемоданомъ, бросалъ въ него какую-нибудь книгу, потомъ снова погружался въ тяжелое раздумье и затѣмъ клалъ въ чемоданъ рядомъ съ книгой манжеты или воротничокъ и опять задумывался. Ему было больно и непріятно собираться въ путь въ такомъ состояніи. Онъ былъ дѣйствительно влюбленъ и продолжалъ любить. И кого онъ любилъ, какъ не Марту.

Глава господина Венделля лихорадочно горѣла.

Онъ не могъ примириться съ мыслью, что не увидится больше съ Мартой. Не могъ онъ также понять самого себя.

Что заставило его молчать? Почему не рассказалъ онъ того, что узналъ про Эдуарда? Не потому ли, что онъ боялся, что Марта подумаетъ, что онъ говоритъ дурно про Эдуарда, потому что самъ любитъ ее!... Потому что она подумаетъ, что я подумаю, что она подумаетъ!... Что за несчастье вѣчно анализировать свои побужденія! Это безысходное горе моей жизни! Да, именно: горе, гибель—это горько сказано, и я не возьму своихъ словъ обратно!

Что такое любовь?

Если бы я дѣйствительно любилъ Марту, развѣ я могъ бы допустить, чтобы она, очертя голову, бросилась въ пропасть?

Когда во время разговора съ ней у меня стало сердце и зарокочали губы, я подумалъ: это означаетъ, что ты не долженъ раз-

сказывать. Но я былъ просто жалкимъ трусомъ, который не могъ совладать съ самимъ собой. Я долженъ былъ высказать все! Вѣдь я желаю ей только добра! Конечно, конечно, конечно! Но я это еще сдѣлаю! Я оставлю на этомъ столѣ письмо, въ которомъ я представлю этого человѣка такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, — ничуть не лучше, ни на іоту!

И господинъ Венделль быстро зашагалъ по комнатамъ взадъ и впередъ. Глаза его горѣли и все лицо пылало.

И изображу его, какъ самое отвратительное, самое жалкое существо! Какъ нечистое, противное созданіе! Я нарисую его чернымъ, совершенно чернымъ!

И онъ потрясъ надъ головою крѣпко сжатыми кулаками, какъ бы давая клятву. При этомъ на его рукахъ между надутыми жилами ясно выступили синія буквы G. V., напоминая о той профессіи, которой посвятилъ бы себя Венделль, если бы онъ не зналъ Марты и не проникся сознаниемъ важности науки.

Въ этомъ крайне возбужденномъ состояніи онъ сѣлъ за столъ, чтобы писать письмо.

Но даже и въ этомъ состояніи онъ не могъ остаться равнодушнымъ къ выбору бумаги и пера. Не могъ онъ также сѣсть за пыльный столъ, не испытывая неприятнаго чувства, что рукава могутъ запачкаться.

А потому онъ предварительно вытеръ столъ, положилъ передъ собою бумагу нанскось, открылъ чернильницу и поднесъ перо къ свѣчкѣ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли на немъ волоска. Только послѣ всѣхъ этихъ приготовленій онъ расположился писать. Однако онъ еще разъ поднялъ перо, приложилъ его ко лбу и задумался надъ началомъ письма. Вдругъ его широкія ноздри задрожали и глаза наполнились слезами. Онъ быстро опустилъ перо на бумагу и началъ писать.

«Я беру назадъ все, что я тебѣ говорилъ сегодня вечеромъ объ Эдуардѣ. Главнымъ образомъ я сожалѣю, что рассказалъ тебѣ о его выходкѣ, которая возбудила въ Гельсингфорсѣ такое негодованіе, а именно, что онъ въ три часа дня прогуливался съ размалеванной женщиной по Эспланадѣ. Я изобразилъ все совершенно иначе, нежели я это раньше понималъ, да и теперь понимаю. Я знаю, что онъ держалъ пари по поводу этого. Я сейчасъ, тогда же, когда мнѣ рассказали о его поступкѣ, понялъ, что съ его стороны это былъ вызовъ, брошенный мѣщанскому двулчию, въ которомъ живетъ нарядный, достаточный классъ, самодовольно фланирующій по Эспланадѣ. Я даже вижу въ его поступкѣ нѣчто мужественное, симпатичное,

идѣтельствующее о широтѣ его природы, нѣчто такое, что гораздо выше того, что присуще высшему цивилизованному животному. Разъскія женщины нужны, — такъ вотъ онѣ, зачѣмъ имъ прятаться! Конечно, онѣ устроили этотъ скандалъ въ пьяномъ видѣ. Но я даже и то пьянство ставлю ему въ заслугу. У него несравненно болѣе чувствительная натура, нежели у другихъ людей, а потому онѣ и пьютъ. Онѣ слишкомъ глубоко сознаютъ ту ложь, въ которой живетъ наше образованное общество, чтобы переносить ее въ трезвомъ состояніи. У него нѣтъ достаточно силъ, чтобы освободиться отъ унаслѣдованныхъ нами условностей, наполняющихъ жизнь, но онѣ не въ состояніи также и примириться съ подобной жизнью и провизнуться жеманьемъ жить. Вотъ это-то отвращеніе къ жизни онѣ и заглушаетъ пьянствомъ. Какъ несравненно выше стоитъ онѣ тѣхъ мѣщанскихъ пороковъ, по которымъ распредѣлена жизнь другихъ людей; самолюбивые и трезвые, они взбираются по ступенямъ лжи и притворства, не подозревая, что подъ ними одна лишь пустота.

«Я хочу рассказать тебѣ еще нѣчто, что доставитъ тебѣ утѣшеніе. Сегодня утромъ, когда я пріѣхалъ за нимъ въ Ванникола, то совершенно случайно и безъ его вѣдома я заглянулъ въ самую глубину его души. Я увѣренъ, что ему необходимы только помощь и поддержка, и что все еще можетъ переимѣниться. Главное, надо устроить такъ, чтобы онѣ самъ не замѣчалъ, что на него стараются вліять. Конечно, и я съ своей стороны постараюсь сдѣлать все, что возможно, не только ради тебя, но также и ради него и, пожалуй, еще ради домысленія моего любопытства, потому что онѣ всегда очень меня интересовалъ.

«А теперь прощай, Марта! Когда ты будешь читать это письмо, я уже буду далеко. Мое предполагаемое путешествіе черезъ Атлантическій океанъ теперь осуществляется».

Окончивъ письмо, онѣ всталъ изъ-за стола, — это былъ прежній седель: со спокойными, разшѣренными движеніями, съ изящными манерами, всегда изысканно одѣтый, какимъ его всегда видѣли окружающіе его люди. И инициалы S. V. поблѣднѣли и ихъ едва можно было различить по неяснымъ синимъ слѣдамъ. На лицѣ остался лишь покойный и ровный румянецъ. Его жесткіе усы снова казались мягкими рядомъ съ бѣлоснѣжнымъ стоячимъ воротникомъ.

Одинокая свѣча догорѣла, и маленькая комнатка погрузилась во мракъ, который сейчасъ же слился съ темнымъ небосводомъ, на которомъ тихо мерцали звѣзды.

VII.

Подземныя силы.

Видѣлъ ли ты когда-нибудь обвалъ? Сосны, ели, камни, можжевельникъ нагромождены другъ на друга; высоко въ воздухѣ торчатъ голыя корни, а верхушки засыпаны землей. Эта картина разрушенія представляетъ изъ себя мрачное зрѣлище.

Подпочвенная вода образуетъ понемногу пустоту подъ нижними слоями земли. Цѣлыми столѣтіями это пространство земли порастаетъ растительностью. Появляется трава и мохъ, цвѣтеть верескъ, можжевельникъ питается влагой изъ трещинъ въ камняхъ, столѣтняя сосна разрастается все шире и шире. Какъ сосна, такъ и ель, и можжевельникъ, не прислушиваясь къ своимъ корнямъ, цѣлыми столѣтіями шептались другъ другу, что основаніемъ для нихъ служить скала, которая несокрушима.

Но наступаетъ время, когда почва не можетъ больше сопротивляться таинственной силѣ разрушенія. Сначала скатывается одинъ камень, но онъ влечетъ за собой другіе. Это первый признакъ грозящей опасности. И вотъ вдругъ въ одно мгновеніе обваливается все: все, что выросло въ продолженіе сотенъ лѣтъ, рушится и летитъ внизъ со страшнымъ грохотомъ. Старыя сосны, гигантскія ели нагромождаются другъ на друга и ихъ темныя узловатыя корни съ силой выбрасываются изъ земли.

Не приходилось ли тебѣ встрѣчаться съ подробнымъ бѣдствіемъ и въ жизни людей?

Бонечно, дѣло идетъ не о какой-нибудь жалкой избушкѣ на лѣсномъ пригоркѣ, построенной на основаніи устнаго договора; дѣло идетъ не о томъ, какъ ленманъ и полицейскіе входятъ въ низкую лачугу, разсаживаются на лавкѣ и продаютъ съ молотка маленькое, нехитрое имущество—лошадь, пару коровъ и трехъ барановъ, какъ нѣсколько босоногихъ ребятишекъ выбрасываются на улицу, какъ отецъ и мать подъ старость идутъ наниматься въ господскія усадьбы.

Нѣтъ, дѣло идетъ о самой господской усадьбѣ, которую постигло великое бѣдствіе. Никто не подозрѣвалъ, что подземныя силы подкапываютъ почву подъ этой усадьбой, крѣпостной актъ которой былъ ясенъ и былъ составленъ по всѣмъ правиламъ и законамъ на вѣчныя времена и подкрѣпленъ присягой. Несчастье разразилось надъ усадьбой, надъ которой работали тысячи мозолистыхъ рабочихъ рукъ въ продолженіе столѣтій, то перестраивая ее, то расширяя; надъ которой трудились сотни торпаровъ; забывая свои собственныя бѣдныя лачуги, они рыли канавы, воздѣлывали поля, выкорчевывали пни на

лугахъ. Дѣло идетъ о той усадьбѣ, гдѣ жило счастье, гдѣ цвѣло искусство, гдѣ раздавались звуки скрипокъ, гдѣ молодежь пѣла и танцовала, гдѣ старые наслаждались отдыхомъ. И это-то жилище мира разрушилось, подобно песчаному холму, подъ которымъ понемногу образовалось пустое пространство.

Эта участь постигла усадьбу Раухалаhti.

Надъ усадьбой разразился непредвидѣнный, ужасный ударъ!

Какъ и всегда раньше, когда на землю спускались осеннія сумерки, когда гдѣсь скрывался за завѣсой густого тумана и дворъ понемногу погружался во мракъ, какъ и всегда раньше, лампа распространяла свой спокойный свѣтъ въ кабинетъ совѣтника земледѣля. Эта комната, устланная толстыми коврами, казалась еще теплѣе и уютнѣе рядомъ съ холоднымъ туманомъ, разстлавшимся на дворѣ. Какъ и всегда раньше, совѣтникъ надѣлъ на зажженную лампу абажуръ, и зеленый свѣтъ, какъ всегда, освѣтилъ его круглое, довольное лицо съ морщинами вокругъ глазъ, свидѣтельствующими о добродушіи. Какъ всегда, онъ усѣлся въ креслѣ-качалкѣ, въ этомъ старомъ креслѣ изъ краснаго дерева, въ которомъ сидѣли его праотцы. Онъ раскрылъ книгу съ крупной печатью и широкими полями въ кожаномъ переплетѣ съ разнѣннымъ ножикомъ между страницами въ видѣ закладки. Теперь, какъ и всегда раньше, жена посумерничала съ нимъ въ его кабинетѣ. Когда лампа была зажжена, она поднялась съ дивана, на которомъ сидѣла, и подошла къ угловой полкѣ, чтобы набить табаконъ большую пѣнговую трубку. Эту трубку курилъ еще одинъ изъ предковъ совѣтника, герой финской войны, и онъ курилъ ее когда-то въ этой же самой комнатѣ. Она набила трубку, положила ее на столъ, поцѣловала своего мужа со спокойной улыбкой и пожелала ему спокойнаго вечера. Въ эту минуту вдругъ послышались шаги служанки въ залъ; на порогъ она встрѣтилась со своей хозяйкой и подала ей открытую бумагу.

— Это тебѣ, Рафаэль, — сказала жена, не разобравъ содержания бумаги и передавая ее мужу.

Едва совѣтникъ взялъ въ руки бумагу и бросилъ на нее взглядъ, какъ въ глазахъ у него потемнѣло и по лицу его разлилась мертвенная блѣдность, которая какъ бы углубила морщины у угловъ рта.

Жена увидала это, и сердце ея сильно забилося, но она сохранила наружное спокойствіе и спросила:

— Что это такое, Рафаэль?

Совѣтникъ всталъ и отвернулся немного въ сторону. И теперь старая лампа освѣщала его лицо своимъ зеленымъ свѣтомъ, но теперь на этомъ лицѣ не было ни кровинки. Онъ постарался улыб-

нутъся, чтобы успокоить жену, но губы не повиновались ему, и эта жалкая улыбка скорѣе выдала его, нежели скрыла его состояніе. Жена замѣтила, что бумага дрожить въ его обыкновенно твердыхъ рукахъ.

— Что это, Рафаэль?—воскликнула она, поблѣднѣвъ въ свою очередь.

Въ эту минуту въ комнату вбѣжала служанка и сказала испуганно:

— Двое вошли, а нѣсколько другихъ остались снаружи.

— Да кто же?—спросила пораженная совѣтница.

— Барыня, тамъ мужики и ленсманъ, и полицейскіе, одинъ офицеръ, онъ вошелъ, и солдаты.

— Рафаэль!—воскликнула барыня,—да вѣдь это обыскъ!—и она едва удержалась на ногахъ, такъ она была потрясена.

— Повидимому, это такъ,—сказалъ совѣтникъ, употребляя немовѣрные усилія, чтобы выпрямиться и овладѣть собой. Долгая, спокойная жизнь, которую онъ прожилъ въ креслѣ-качалкѣ въ ароматной атмосферѣ домашняго свѣженспекеннаго хлѣба и подъ сѣнью закоптѣлыхъ гербовъ, разслабила его, и хотя его дворянская кровь сейчасъ же сказала въ немъ, но тѣло его не могло такъ скоро послушаться его воли. Онъ хотѣлъ было выпить воды, но стаканъ такъ задрожалъ въ его рукѣ, что половина воды пролилось на полъ. Да вода и не могла возратить силу его ногамъ; онъ долженъ былъ сѣсть; и онъ закрылъ лицо руками.

— Гдѣ у тебя «Fria ord»?

— На своемъ обычномъ мѣстѣ. Ради Бога, не говори никому, что я... что я такъ слабъ; проклятыя ноги!...

Онъ напрягъ свои силы до крайности, всталъ и, опираясь на спинку дивана, пошелъ, шатаясь, къ стѣнѣ, на которой висѣли револьверы.

— Я перестрѣляю всѣхъ!

— Успокойся, Рафаэль, умоляю тебя! Рафаэль, тебѣ дурно, сядь сюда.

— Я имъ покажу, къ кому они пришли! Я буду стрѣлять!

— Ты не понимаешь, что ты говоришь, Рафаэль! Рафаэль! Будь же благоразуменъ! Ты боленъ, я позову управляющаго.

И увидя, что мужъ, послѣ тщетныхъ усилій нащупать на стѣнѣ револьверъ, бессильно свалился на диванъ, жена рѣшилась на мгновеніе покинуть его и бросилась вонъ изъ комнаты за помощью.

Она побѣжала черезъ залъ и растворила дверь въ переднюю,— эта дверь въ болѣе холодное время года всегда была закрыта. Едва

она раскрыла дверь, какъ наткнулась въ темной передней на жандарма, который звенѣлъ длинной саблей съ ручкой въ мѣдной оправѣ. Нѣмыми жестомъ онъ запретилъ ей выйти въ наружныя двери.

Въ первую минуту она не могла опомниться и не знала, что и думать.

— Они не позволяютъ мнѣ выходить, Рафаэль!—крикнула она взволнованно въ кабинетъ, и губы ея дрожали отъ гнѣва за нанесенное оскорбленіе.—Что все это значить, господинъ ленсманъ?—спросила она, обращаясь къ человѣку въ чиновничьемъ мундирѣ съ золотыми пуговицами, который вошелъ черезъ кухню въ столовую и теперь стоялъ такъ величественно въ большой залѣ Раухалахти.

Ленсманъ отвѣтилъ пожатіемъ плечъ, какъ бы желая сказать: печальная обязанность. Однако онъ не произнесъ ни слова. Даже въ эти неприятыя минуты онъ не могъ побороть въ себѣ чувства удовольствія отъ сознанія, что онъ теперь въ качествѣ довольно важной персоны стоитъ въ этой самой залѣ, гдѣ онъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ безъ всякаго мундира, застѣнчивый и незабѣтный, всего лишь въ качествѣ короннаго фохта, или почти какъ слуга совѣтника, сидѣлъ въ отдаленномъ углу зала у самыхъ дверей позади другихъ гостей и, стѣсняясь до боли, рѣшалъ мучительный вопросъ относительно того, можно ли разложить на колѣняхъ шляпку въ виду того, что на блюдечко онъ налилъ чай, чтобы остудить его.

«Печальная обязанность», говорили вертикальныя морщины на его лбу, но въ носу онъ чувствовалъ нѣжное, едва замѣтное щекопаніе, гораздо болѣе пріятное, нежели то, которое производила въ его носу понюшка табаку.

— Моему мужу дурно, я должна позвать управляющаго. Скажите, чтобы этотъ человѣкъ сейчасъ же отперъ мнѣ двери!—сказала барыня.

Ленсманъ опять отвѣтилъ однимъ пожатіемъ плечъ и подошелъ къ незнакомому офицеру въ синемъ мундирѣ, передъ которымъ стоявшій въ передней жандармъ раскрылъ двери въ залъ.

Офицеръ пошелъ вмѣстѣ съ двумя статскими въ кабинетъ совѣтника. Ленсманъ показывалъ имъ дорогу.

Тогда совѣтница бросилась къ телефону въ столовой и позвонила.

Отвѣта нѣтъ.

Она опять звонить. Халло! Халло!

Отвѣта нѣтъ.

— а жандарма, оставленные караулить дверь, ведущую въ кухню,

засмѣялись, глядя на нее, и старались на непонятномъ ей языкѣ объяснить что-то.

Но она не понимала ихъ.

— Эхъ, барыня!—говоритъ, размахивая руками, одинъ жандармъ, черноглазый и смуглый обитатель степенъ, и онъ старается при помощи жестовъ объяснить ей что-то. Повидимому, ему жаль барыню. Онъ представляетъ, какъ будто онъ обѣими руками ломаетъ что-то и ватѣмъ отбрасываетъ отъ себя. «Да, да»,—говоритъ онъ и опять какъ будто ломаетъ что-то и бросаетъ.

Въ то время, какъ барыня опять начинаетъ звонить, къ ней подбѣгаетъ служанка и говоритъ, что изъ кухоннаго окна видѣли, какъ какіе-то чужіе люди перерѣзали телефонную проволоку.

Барыня отбрасываетъ отъ себя телефонную трубку, какъ если бы это была змѣя. Она еще не хочетъ вѣрить, что всѣ двери передъ нею заперты, и она бѣгаетъ, какъ во время пожара, изъ залы въ переднюю, изъ передней въ кухню.

Но вдругъ она хватается за голову и бросается въ залъ, чтобы оттуда пройти въ кабинетъ мужа. Но передъ дверьми кабинета стоитъ ленсманъ, который снова пожимаетъ плечами и объявляетъ, что ему поручено смотрѣть за тѣмъ, чтобы обыску никто не мѣшалъ.

— Развѣ я не въ моемъ собственномъ домѣ? Какое право имѣете вы входить сюда безъ моего вѣдома?—крикнула совѣтница задыхающимся голосомъ. И она продолжала почти съ бѣшенствомъ: «Развѣ вы не понимаете, что это мой, мой домъ! И что вы мѣшаете мнѣ въ моемъ собственномъ домѣ! За кого вы себя считаете—вы, *Пекжа Хентуненъ?*

— Я чиновникъ!

— Ага, чиновникъ! А кто снялъ тебя съ козелъ и отдалъ въ школу? И школу какой страны ты посѣщалъ? Отвѣчай! Ты не отвѣчаешь? Тебѣ стыдно, жалкое созданіе! Ты долженъ былъ бы сгорѣть со стыда! Сейчасъ раскрыть дверь!

Это приказаніе, сопровождаемое повелительно вытянутой рукой, подѣйствовало на ленсмана, и онъ осторожно пріотворилъ дверь въ кабинетъ совѣтника. Потомъ онъ раскрылъ ее совсѣмъ, но не позволилъ совѣтницѣ войти въ кабинетъ.

Она увидала потрясающее зрѣлище.

Всѣ ящики письменнаго стола были выдвинуты и ихъ содержимое было разбросано по полу въ страшномъ беспорядкѣ. Въ раскрытомъ шкапу также всѣ ящики были выдвинуты, и даже тотъ, въ которомъ хранились историческія письма предковъ Раухалахты. Покрышка на диванѣ была разодрана. Передъ книжными полками, за-

нимавшими всю стѣну, стояло двое людей, которые безъ всякаго милосердія швыряли на полъ книги цѣлыми охапками. Замѣтки, касающіяся безземельныхъ крестьянъ, сельское хозяйство и исторія—все свѣшалось въ какомъ-то хаосѣ. Нѣкоторыя книги передавались привѣстному офицеру, который сидѣлъ, окруженный со всѣхъ сторонъ книгами, и съ очками на носу спокойно и съ видимою привычкою къ этой работѣ перелистывалъ книги. При этомъ, вслѣдствіе его близорукости, почти каждый листъ задѣвалъ его за носъ.

Среди этой картины разрушенія стоитъ старый, сѣдой владѣлецъ Раухахти. Блѣдный и неподвижный, какъ мраморное изваяніе, онъ опирается обѣими руками о столъ.

Ленсманъ замѣтилъ, что совѣтница вслѣдствіе чрезмѣрнаго душевнаго напряженія опустилась въ полномъ изнеможеніи на диванъ. У нея не было больше силъ сопротивляться или спорить и, не говоря ни слова, она только смотрѣла застывшимъ взглядомъ въ кабинетъ. Ленсманъ подошелъ къ ней, какъ бы желая объясниться.

— Поймите же, вѣдь я давалъ присягу при поступленіи на службу; что же я могу сдѣлать?

Совѣтница не шевельнулась, она даже не повернула головы.

Ленсманъ продолжалъ:

— Вы на это, конечно, скажете: уходи въ отставку. Но это легко сказать. Вѣдь у меня семья, жена, дѣти. Откуда мнѣ достать кусокъ хлѣба?

Такъ какъ совѣтница продолжала молчать, то онъ прибавилъ:

— Вѣрьте, для меня этотъ обыскъ такъ же отвратителенъ, какъ и для васъ. Да и не я его затѣялъ. Совѣтникъ окруженъ врагами. И они гораздо больше, чѣмъ онъ думаетъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?—спросила совѣтница рѣзко.

— Вы окружены врагами. Ваши собственные торпары.

— Вы лжете!—закричала совѣтница, вскакивая съ мѣста, но она сейчасъ же снова опустилась на диванъ въ полномъ изнеможеніи.

— Ваши собственные торпары, сударыня. Они написали доносъ и удостовѣрили, что совѣтникъ грозилъ выгнать тѣхъ торпаровъ, сыновья которыхъ пойдутъ на призывъ. Вотъ какіе они! Я хорошо знаю этихъ негодяевъ.

— Это неправда! Это возмутительная ложь! Они не могли этого сдѣлать. Быть можетъ, мой мужъ обращался со своими служащими строгаго, но онъ никогда не былъ къ нимъ несправедливъ. У кого изъ нихъ могло бы хватить духу на такую низость, какъ эта!

— Знаете, что я вамъ скажу? Вы не знаете крестьянъ. Имъ не надо никакой причины. Между ними распространился слухъ, что они

получать собственную землю, лишь бы выгнать господь. Вотъ, отчего все происходитъ. Общайте крестьянину землю, и онъ пойдетъ на все, и обманетъ кого угодно. Вотъ какіе они, я хорошо ихъ знаю. Все дѣло въ кускѣ хлѣба!

— Рафаэль! Рафаэль!—вривнула совѣтница въ кабинетъ. Она была внѣ себя и крѣпко прижимала руки къ сердцу, какъ бы моля о помощи.

Совѣтникъ оглядѣлся кругомъ и, увидя свою жену, протянулъ къ ней руки.

— Рафаэль, онъ говоритъ, что на насъ донесли наши торпары.

Совѣтникъ приподнялъ было голову, но сейчасъ же безсильно опустилъ ее.

— Бѣ сожалѣнію, это, кажется, правда. Вотъ этотъ сказалъ то же самое—онъ говоритъ по-нѣмецки.

— Ахъ, Рафаэль, чѣмъ все это кончится! Ты будешь изгнанъ. Рафаэль, Рафаэль, все кончено!

— Изгнанъ! Пусть я буду изгнанъ, но подумать, что мои собственные торпары—этому я никогда не повѣрилъ бы,—мои собственные люди—это самое ужасное изъ всего! Эта мысль сводитъ меня съ ума.

Онъ подошелъ къ совѣтницѣ и она притянула его рядомъ съ собой на диванъ. И забывая все то ужасное, что происходило вокругъ нея, она нѣжно обвила шею старика своими руками.

Ленсманъ не сдвинулся съ своего мѣста и съ тупымъ любопытствомъ смотрѣлъ, вытаращивъ глаза, на этого надломленнаго чловека, на владѣльца Раухалаhti. Онъ никакъ не могъ понять, что именно *это* было «самое ужасное изъ всего». Онъ опомнился только, когда замѣтилъ, что совѣтникъ, который ждалъ, чтобы онъ ушелъ, пристально смотрѣлъ на него изъ-подъ своихъ густыхъ бровей. Онъ невольно вздрогнулъ, но въ то же мгновеніе спохватился, что такая слабость въ его положеніи неумѣстна, и, собравъ послѣдніе остатки самообладанія, онъ повернулся и съ большимъ достоинствомъ перешагнулъ черезъ порогъ кабинета.

Потребовалось дѣлныхъ долгихъ четыре часа для того, чтобы пересмотрѣть всѣ книги въ кабинетѣ. Послѣ этого начался обыскъ въ большой библиотекѣ.

Свѣчи почти догорѣли и стало уже свѣтать, когда, наконецъ, окончился обыскъ. Ни одна комната не избѣгла разгрома. Все было перевернуто вверхъ дномъ. Была разломана даже шкатулка, въ которой хранились письма совѣтницы—воспоминанія того времени, когда она была дѣвушкой и невѣстой. Тусклое пламя свѣчей трепетало отъ

движенія воздуха въ настѣжъ раскрытыхъ комнатахъ, освѣщенныхъ сѣрымъ разсвѣтомъ.

Прежде чѣмъ покинуть усадьбу, всѣ, производившіе обыскъ, собрались въ залѣ, и офицеръ при помощи ломанаго нѣмецкаго языка какъ бы попрощался съ совѣтникомъ и его женой, которые стояли бокомъ другъ съ другомъ. Онъ сказалъ, что при обыскѣ дѣйствительно было найдено много такого, что служило тяжелой уликой и вполнѣ подтверждало справедливость доноса. Доносъ, какъ извѣстно совѣтнику, обвиняетъ его въ государственной измѣнѣ, и наказаніе изгнаніемъ за такое преступленіе, по словамъ офицера, было бы почти помилованіемъ. Однако, какъ свое личное мнѣніе, офицеръ выразилъ надежду, что все это дѣло можно было бы еще и совсѣмъ затушить, если бы совѣтникъ согласился дать обѣщаніе подмещающимъ властямъ въ томъ, что впредь призывъ на этомъ мѣстѣ будетъ происходить безъ всякой помѣхи. Такой поворотъ дѣла, по его мнѣнію, былъ бы весьма желателенъ для обѣихъ сторонъ, и онъ въ этомъ случаѣ предлагаетъ свои личныя услуги.

Нѣсколько мгновеній совѣтникъ молчалъ и передъ его внутреннимъ взоромъ проплыли былые счастливые годы.

Нѣсколько мгновеній его жена стояла съ крѣпко прижатыми къ сердцу руками и ея взоръ переходилъ по разгромленному дому, изъ комнаты въ комнату, и остановился на послѣдней. Тамъ видна была надъ разрытыми постелями статуя Христа съ вытянутыми для благословенія руками.

Одно мгновеніе у обоихъ мелькнула мысль: одинъ лишь нѣмой кивокъ въ знакъ согласія этимъ чужимъ людямъ, которые ждутъ—и все снова будетъ по-старому. Множество прилежныхъ рукъ поставитъ снова все на свое старое мѣсто, приведетъ все въ порядокъ и все приметъ свой прежній видъ, и утреннее солнце, появляющееся изъ-за старой липы на дворѣ, не найдетъ ни малѣйшихъ признаковъ ночного разгрома. Все Раухалахти проснется, чтобы начать свою обычную жизнь; тяжелый ударъ, разразившійся надъ мирнымъ домашнимъ очагомъ, начнетъ понемногу забываться, рана заживетъ.

— Рафаэль!—сказала жена дрожащимъ голосомъ и облокотилась о плечо мужа.

Но чувства совѣтника уже пришли въ равновѣсіе. Его голосъ былъ твердъ, слова ясны и взоръ спокоенъ. Крѣпкимъ и несокрушимымъ, какъ старый дубъ, стоялъ онъ передъ этимъ чужимъ человекомъ. Тѣ нѣсколько словъ, которыя онъ сказалъ въ отвѣтъ, были произнесены спокойно и съ достоинствомъ:

— Не знаю, есть ли въ вашей странѣ дворянство. Въ нашей

странъ оно есть. И оно еще никогда не гнуло спины передъ несправедливостью.

Сказавъ это, онъ поднялъ голову жены, чтобы посмотрѣть ей прямо въ глаза, и прочелъ сквозь застывшія ихъ прозрачныя слезы: такъ, Рафаэль, такъ, именно такъ!

— Ну да, ну да,—сказалъ офицеръ, какъ бы желая дать понять, что этого и надо было ожидать, и, холодно поклонившись, онъ вышелъ.

Остальные не понимали по-нѣмецки, но они поняли всетаки, что тутъ дѣло шло не о какихъ-нибудь переговорахъ изъ-за куска хлѣба. Смущенные и неловкія, они столпились въ дверяхъ и, толкая другъ друга, торопливо вышли за своимъ начальникомъ и исчезли въ сумракъ ранняго утра.

Два дня спустя пришелъ приказъ объ изгнаніи.

На обитателей Раухалахти посыпались письма и телеграммы.

Сѣхались родственники, чтобы выразить свое участіе. Поднялась страшная возня и хлопоты, всѣ торопились и все перепуталось.

По мѣрѣ того какъ приближался день отъѣзда, вопросъ о передачѣ управленія имѣніемъ и о веденіи всѣхъ дѣлъ вообще представлялся все болѣе и болѣе труднымъ.

Совѣтникъ совершенно пересталъ спать по ночамъ, и будущее представлялось ему все мрачнѣе и безотраднѣе. Хотя онъ въ рѣшительную минуту и сохранилъ самообладаніе, да и послѣ того, какъ пришла бумага объ изгнаніи, ему удавалось сохранить передъ окружающими его людьми свой гордый видъ, имъ всетаки овладѣлъ упадокъ духа. Когда онъ оставался наединѣ съ своей женой и ему не надо было сдерживать себя, его охватывало такое первое возбужденіе, что онъ былъ близокъ къ умопомѣшательству. Тогда онъ въ тоскѣ ходилъ по своей комнатѣ и бился головой о стѣны.

Такъ всегда бываетъ съ человѣкомъ, когда его изгоняютъ изъ насиженнаго гнѣзда. Все начинаетъ рушиться вокругъ него, мысли меркнуть, онъ не видитъ ничему ни начала, ни конца; онъ перестаетъ понимать, зачѣмъ свѣтитъ солнце. Когда человѣкъ лежитъ на смертномъ одрѣ, то онъ не ропщетъ, хотя и знаетъ, что глаза его никогда не увидятъ больше родного дома. Но когда его живымъ отрываютъ отъ родныхъ мѣстъ, отъ тропинокъ, по которымъ онъ ходилъ ребенкомъ, отъ луговъ, которые покрывались цвѣтами на его глазахъ—этого онъ не можетъ перенести, это выше его силъ. Съ нимъ дѣлается то же самое, что и со старой сосной при обвалѣ; верхушка зарывается въ землю, а черныя корни, которые сотни лѣтъ вливались въ почву, вырываются изъ нея.

VIII.

Дѣяніе ангеловъ.

Гдѣ бываютъ ангелы въ то время, когда все гибнетъ, все рушится и разлагается на свои составныя части?

Развѣ ангелы не боги древнихъ временъ, которые приняли отъ Создателя повелѣніе снова соединить раздѣленное на двѣ части челоуѣчество?

Такъ гдѣ же бываютъ боги во времена раздоровъ и бѣдствій?

О, горе, что въ рукахъ у нихъ нѣтъ мечей!

О, горе, что они лишь говорятъ съ людьми голосомъ тихимъ, какъ утреннее дуновеніе!

Велики города, населенные людьми, и они полны суеты и шума. Голосовъ ангеловъ тамъ нельзя слышать, и разъединенные люди лишь собираются тамъ, но не соединяются. Тамъ побѣдители катаются въ коляскахъ, тогда какъ побѣжденные ходятъ пѣшкомъ, склонившись къ землѣ подъ тяжестью ноши. Тамъ побѣдители живутъ во дворцахъ, а побѣжденные ютятся въ подвалахъ. Тамъ люди живутъ подъ одной крышей и ничего не знаютъ другъ о другѣ; они не сидятъ за однимъ столомъ; они не протягиваютъ другъ другу руку въ знакъ благодарности, несмотря на то, что одни стелятъ каждый день другимъ постели; стираютъ и гладятъ на нихъ бѣлье, метутъ и прибираютъ за ними комнаты и безъ усталы работаютъ съ утра до вечера, тогда какъ другіе никогда даже и не задумаются надъ тѣмъ, что это за люди живутъ бокъ-о-бокъ съ ними, какая мать баюкала ихъ на своихъ рукахъ, въ какомъ домѣ они выросли, что ихъ встрѣтило въ жизни. Они знаютъ ихъ только по имени, которымъ и называютъ ихъ, когда отдаютъ имъ свои приказанія.

Такъ неужели же ангеламъ не удалось гдѣ-нибудь на широкомъ свѣтѣ, хотя бы за чертой города, соединить побѣдителей съ побѣжденными?

На окраинѣ города стоитъ старый домъ, сѣрый и запущенный. Онъ стоитъ немного въ сторонѣ отъ другихъ строеній и выдвигается на улицу, портя такимъ образомъ прямую линію остальныхъ домовъ. Это неправильное положеніе дома побудило ближайшихъ сосѣдей требовать, чтобы этотъ домъ, какъ только это будетъ возможно, былъ сравненъ съ землей, что и рѣшили сдѣлать блюстители порядка, а также и отцы города. Но арендный контрактъ такъ хорошо составленъ, что даже самые ловкіе толкователи законовъ не были въ состояніи выгнать обитателей изъ этого дома. Пока стоитъ городъ, пока побѣдители катаются въ коляскахъ и живутъ во дворцахъ, пока по-

бѣжденные одѣваются въ лохмотья и живутъ въ подвальныхъ норахъ, до тѣхъ поръ и этотъ домъ будетъ стоять невредимымъ. И если даже люди сравниваютъ его съ землей, то онъ снова возродится изъ своихъ развалинъ, потому что онъ построенъ на незыблемомъ основаніи аренднаго контракта.

Посмотри, какъ занимается морозное зимнее утро, какъ царица утра цѣлыми снопами рассыпаетъ золотые лучи по широкому небу-своду, какъ веселыя феи лѣсовъ и воздушныя дѣвы, покинувъ на время мирныя лѣса и безпредѣльное воздушное пространство, толпятся, рѣзвясь и играя, вокругъ сѣраго дома на окраинѣ города.

Это единственное мѣсто на всей широкой землѣ и единственное во всемъ большомъ городѣ, гдѣ дѣти побѣдителей и дѣти побѣжденныхъ соединяются вмѣстѣ.

Этотъ домъ не дворецъ побѣдителя и не жалкая лачуга побѣжденнаго. Онъ безвкусно разукрашенъ внутри съ видимой претензіей на сходство съ дворцомъ. Но все въ немъ поддѣльно: и шелкъ на драпировкахъ, и бархатъ на креслахъ, и позолота на высокой кровати. Поддѣлень и румянецъ на щекахъ молодой женщины, которая спитъ на мягкой постели; и этотъ румянецъ при утреннемъ свѣтѣ не скрываетъ блѣдности лица.

Было время, когда на этихъ щекахъ игралъ естественный румянецъ. Это было, когда она маленькой дѣвочкой, выросшей въ торпѣ, собирала своими ручками ягоды на лѣсныхъ пригоркахъ и когда въ ея невинныя глаза заглядывали лѣсные духи. Настало время, когда въ торпѣ для нея нехватало больше хлѣба и когда ее, совсѣмъ молоденькой, послали въ широкій свѣтъ. Когда настала часъ разлуки съ домомъ, она обхватила свою мать такъ крѣпко, что нельзя было ее оторвать отъ нея. Отецъ плакалъ, но онъ всетаки старался оторвать ее отъ матери. Но едва ему удалось это, какъ она бросилась къ нему самому на шею и еще крѣпче обвила его руками. Только соединенными усиліями удалось отцу и матери оторвать ее и усадить въ сани. Сперва она поступила на службу къ булочнику, потомъ получила мѣсто въ городѣ, а тамъ она забыла и ягоды на пригоркахъ, и лѣсныхъ духовъ.

Но кто этотъ пьяный человѣкъ, который спитъ рядомъ съ ней, положивъ свою голову къ ней на плечо? Черты его лица тонки и вся его внѣшность носитъ отпечатокъ благородства; онъ прекраснѣйшее и любимое дитя дворцовъ и онъ заблудился, слѣдуя за ангелами, и тропинка привела его къ дѣвушкамъ изъ торпа. Было время, когда и въ его глаза заглядывали лѣсные духи; это было, когда онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ одинъ жаркій лѣтній день и грызъ ручку

ра, переворачивая мысленно весь свѣтъ; когда онъ разрушилъ всѣ страды, освободилъ изъ рабства народъ и далъ ему для обработки обширныя лѣса и земли. Тогда ангелъ заглядывалъ ему прямо въ глаза. Ангелъ долженъ былъ бы дать ему мудрость змѣя и кротость голубя, какъ всѣмъ тѣмъ, кто слушаетъ голосъ боговъ.

О, почему у ангеловъ въ рукахъ нѣтъ мечей! О, почему они не говорятъ съ людьми голосомъ тихимъ, какъ утреннее дуновение!

IX.

Мудръ, какъ змѣя, и кротокъ, какъ голубь.

— Такъ вотъ гдѣ я тебя нахожу, Эдуардъ! Среди бѣла дня въ кустѣхъ женщинъ и бутылокъ!

— А ты кто?

— Кто я? Труднѣе было бы узнать *тебя*: бессмысленные глаза, вьющиеся волосы, платье въ табакъ! Какой день ты проводишь здѣсь?

— Ты Венделль!

— И что у тебя за чудный басъ! Великолѣпно!

— Послушай, Венделль, ты славный малый, но не вздумай угождать меня проповѣдями! Вотъ видишь, и епископъ, и архіепископъ ясно прибѣгали къ этому средству. Ну, а ты-то что изъ себя представляешь?

— Маленькая проповѣдь тебѣ не повредила бы, но, къ сожалѣнію, у меня теперь на это нѣтъ времени. У меня къ тебѣ совсѣмъ свое дѣло. Твое здоровье!

— Ну, въ такомъ случаѣ отыщи себѣ самъ подходящее мѣсто и оставь. А, ты боишься поставить куда-нибудь цилиндръ, даже на голову, такъ оставь его на головѣ! Повидимому, тебѣ трудно говорить, Венделль. Дай я сдѣлаю это за тебя: Эдуардъ, ты знаешь, въ Раухалахти теперь нѣтъ хозяина, и что...

— Хорошо, хорошо, но ты ошибаешься... Неужели ты дѣйствительно не знаешь до сихъ поръ, что я самъ люблю Марту? А, наконецъ-то влюблено? Понимаешь ли ты теперь, что у меня, собственно, когда не было особаго желанія вытащить тебя изъ тины. По правдѣ сказать, меня это и теперь не очень-то интересуетъ. Ну, вотъ, теперь ты знаешь все!

— Венделль, голубчикъ, ты влюбленъ въ Марту! Вотъ этого я когда не подозрѣвалъ, бѣдная ты...

— Теперь, когда между вами все кончено, по крайней мѣрѣ, съ твоей стороны, или какъ?

— Вендель, не говори объ этомъ.

— Ну, хорошо. Теперь, когда между вами все кончено и когда необходимо, чтобы Раухалахти управлялъ мужчина, — ты, конечно, понимаешь, что Мартѣ не по силамъ долго справляться съ большимъ имѣниемъ, хотя сама она и увѣряетъ въ противномъ.

— Она увѣряетъ, что справится?

— Ну, конечно. «Дайте мнѣ попытаться, — говоритъ она, — хотя бы одинъ годъ!» Но не прерывай меня! Такъ вотъ, разъ всѣ родственники поощряютъ меня къ этому, по крайней мѣрѣ, никто меня не отговаривалъ, то я и рѣшилъ посвататься къ ней.

— А-а-а...

— А что? Это тебя неприятно удивляетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, я всегда желалъ, чтобы Марта вышла себѣ хорошаго мужа.

— Это радуетъ меня. Итакъ, я рѣшилъ посвататься къ Мартѣ, но... тутъ мѣшаетъ большое «но». Вотъ видишь ли, если я приду Раухалахти, то это поведетъ за собой нѣкоторыя затрудненія: я долженъ буду взять большую сумму денегъ подъ залогъ имѣнія, чтобы выдѣлить часть наслѣдства зятямъ.

— Я помогу тебѣ. Ты получишь отъ меня столько, сколько тебѣ нужно, тогда тебѣ совсѣмъ не надо закладывать имѣнія.

— По правдѣ сказать, я въ глубинѣ души на это и разсчитывалъ. Давай твою руку! Спасибо!

— Итакъ, Вендель, ты сдѣлаешься хозяиномъ Раухалахти, будешь курить трубку и сидѣть въ бреслѣ-качалкѣ, какъ старый свѣтликъ!

— Да, если всѣ мои предположенія оправдаются, то я сдѣлаюсь хозяиномъ Раухалахти. Но дѣло обстоитъ такъ, что надо торопиться. Дѣло въ томъ, что Мартѣ нельзя позволить самостоятельно управлять имѣниемъ цѣлый годъ, какъ она этого хочетъ. Она погубитъ все имѣние. Представь себѣ, что это за дѣвушка! Она вбила себѣ въ голову, что все имѣние въ видѣ небольшихъ участковъ должно и немного перейти въ собственность торпаровъ и другихъ безземельныхъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, слыханное ли это дѣло? Кто ей это посоветовалъ или она вычитала что-либо подобное, я такъ и не узналъ. «Земельная собственность, — говоритъ она, — страшная несправедливость».

— Какъ, какъ, повтори-ка!

— Вотъ видишь ли, оказывается, что владѣть землей страшно несправедливо.

— Да ты не понимаешь! Она подразумѣваетъ владѣніе чрезмѣрнымъ количествомъ земли, которая обрабатывается наемными руками, вотъ что она подразумѣваетъ.

— Ну, есть ли въ этомъ смыслъ? Но она только и знаетъ, что твердить: «земля принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ», «мы паразиты, притѣснители народа», «народъ надо освободить». Бороться сказать, она совсѣмъ потеряла голову и готова на какое угодно безуміе, лишь бы ей дали время и позволили дѣйствовать самостоятельно. Отецъ находится вполнѣ подъ ея вліяніемъ, она пишетъ ему, и онъ согласенъ на все, чего она только ни пожелаетъ. Хочешь знать, что онъ пишетъ ей изъ Норвегіи? Вотъ послушай: «Намъ живется очень хорошо въ свободной», — впрочемъ, начало къ дѣлу не относится.

— Читай все.

— «Намъ живется очень хорошо въ свободной Норвегіи, — да, такъ хорошо, что если бы мнѣ сказали: ты можешь возвратиться на родину, то я, право, не знаю, что я сдѣлалъ бы. Это вовсе не означаетъ, что я уже забылъ свою дорогую родину, нѣтъ, дѣло въ томъ, что для меня уже не существуетъ больше моего собственнаго дома. Что однажды порвалось въ моемъ сердцѣ, то не можетъ больше зажить. Но съ этимъ я уже примирился, и это меня больше не угнетаетъ. Что касается твоихъ плановъ относительно Раухалахти, мое милое дитя, то все зависитъ отъ того, насколько тебѣ удастся выдѣлать твоихъ сонаслѣдниковъ при условіи, что ты раздѣлишь Раухалахти на маленькіе участки и продашь ихъ подъ долгосрочную расплату безземельнымъ крестьянамъ. Однако я вовсе не хочу тебя разочаровывать и отъ всего сердца надѣюсь, что представится какая-нибудь возможность осуществить твое завѣтное желаніе. Надо тебѣ сказать, что теперь и я смотрю на свѣтъ иными глазами. Прежде я не сознавалъ той пустоты, на которой всѣ мы строимъ нашу жизнь. Теперь я сознаю это. Многое должно было бы быть совсѣмъ иначе, все должно было бы измѣниться въ самомъ корнѣ, съ этимъ я согласенъ. Но я не могу себѣ представить себя въ роли преобразователя, — для этого я слишкомъ старъ. Но ты, моя милая дѣвочка, ты такъ полна жаждой дѣятельности, и твой будущій мужъ — я тебѣ его желаю, какъ и раньше». Ты не думаешь, Эдуардъ, что онъ намекаетъ на меня? Итакъ: «ты и твой будущій мужъ» — и такъ далѣе — «вы можете осуществить то, что вы находите справедливымъ и благороднымъ. Для этого я желаю вамъ много силъ и долгой жизни». Ну, что

ты скажешь? Дѣвочка совсѣмъ вскружила голову старику своими глупостями.

— Осель! Ты настоящій осель, Венделль!

— Это почему?

— Человѣкъ проявляетъ умъ, а ты называешь это глупостью.

Ну, скажи, пожалуйста: станеть ли свѣтъ лучше отъ того, что ты въ свою очередь сядешь въ кресло-бачалку въ Раухалахти и начнешь сосать свою трубку? Развѣ мы не приходили съ тобой сто разъ въ заключенію, что жизнь—какою она теперь является—безуміе, что наше искусство—не искусство, культура—не культура? И вотъ является человѣкъ, который проникся всѣмъ этимъ, и хочетъ освободить народъ, чтобы хоть сколько-нибудь дать смысла жизни, а ты говоришь: глупости! Въ тебѣ есть всетаки много мѣщанскаго, бѣдняга Венделль!

— Не стѣсняйся, продолжай,—я принимаю все.

— А Марта, я это теперь вижу, всетаки такая дѣвушка, что никто изъ васъ, зятьевъ, по уму не годится ей и въ подметки.

— Вотъ какъ ты *теперь* разсуждаешь!

— Вы должны были бы помочь ей и всѣми силами поддержать ее въ ея стремленіяхъ. Во всякомъ случаѣ, вы могли бы радоваться, что между вами есть хоть *одна* ясная голова.

— Развѣ ужъ она такъ умна? Въ такомъ случаѣ, она какое-то высшее существо, потому что умъ не наиболѣе преобладающее качество въ ней. Обращалъ ли ты когда-нибудь какъ слѣдуетъ вниманіе на ея глаза?

— Не говори о ея внѣшности! Нѣтъ, Венделль: красивыхъ и хорошихъ дѣвушекъ встрѣчаешь на каждомъ шагу, да и богатыхъ помѣщичьихъ дочекъ найти не трудно, но чтобы кто-нибудь изъ нихъ сказалъ: «мы паразиты»—вотъ это нѣчто особенное! Хотя она и ребенокъ, но она головой выше всѣхъ. Я скажу тебѣ, Венделль, что эта дѣвушка—алмазь среди булыжниковъ,—да, эта самая Марта, у которой ты цѣнишь лишь одну внѣшнюю красоту, эта Марта, говорю я, эта самая Марта...

— Да не кричи же ея имени въ такомъ мѣстѣ.

— Въ какомъ мѣстѣ?

— Въ такомъ, какъ это. Или ты забылъ, гдѣ мы находимся. Осмотрись вкругомъ!... Ну, ну, полно, Эдуардъ, не принимай этого такъ близко къ сердцу. Да что съ тобой? Подожди, куда ты идешь. Эдуардъ, послушай! Эдуардъ, подожди, я иду съ тобой!

Но Эдуардъ уже исчезъ.

Венделль долго сидѣлъ неподвижно и мысленно слѣдилъ взоромъ

и слухомъ за Эдуардомъ, какъ часовщикъ, которому удалось снова привести въ движеніе сломанный механизмъ.

Потомъ онъ поднялъ голову и, не видя никого въ комнатѣ, сѣлъ за фортепіано, съ цилиндромъ на головѣ.

Дисканты были страшше разстроены, но зато басы были въ хорошемъ состояніи.

Та фантазія, которую Венделль сочинилъ ко дню рожденія Марты и которая должна была изображать «Скорбь души», не требовала дискантовъ. Теперь онъ началъ играть эту фантазію—и онъ игралъ ее не только съ тѣмъ вдохновеніемъ, съ которымъ игралъ бы въ день рожденія Марты, но съ несравненно большимъ увлеченіемъ и экспрессіей. Да и пальцы его еще никогда не обладали такой бѣгlostью, какъ теперь. Онъ говорилъ Мартѣ свое послѣднее прощаніе. А потому игра его была проникнута скорбью, глубокой скорбью. Однако, по мѣрѣ того, какъ онъ игралъ, все явственнѣе слышалось—и наконецъ взяло перевѣсъ—другое чувство, болѣе высокое, нежели скорбь. Оно разрасталось все шире и шире и понемногу совершенно измѣнило характеръ фантазіи, и, наконецъ, вдохновенные звуки такъ ясно передали то мгновеніе, когда душа, освобожденная отъ оковъ, возносится на недосыгаемую высоту.

Венделль очнулся отъ своего вдохновенія только тогда, когда въ комнату вошла горничная. Она отворила окно, въ которое ворвался чистый морозный воздухъ, и начала подбирать съ пола осколки стекла. Венделль поднялся изъ-за фортепіано, вытеръ рукавомъ пальто свой цилиндръ, счистилъ щеткой пепель съ платья, одернулъ на себѣ сюртукъ и поправилъ воротничокъ, послѣ чего онъ пошелъ домой приготовляться къ путешествію черезъ Атлантическій океанъ.

Х.

Смерть Кинтури.

Но вотъ настала пора, когда изгнанникамъ можно было вернуться на родину, когда родныя гавани раскрыли свои объятія для нихъ, когда берега отчизны заблѣбли отъ множества платковъ, которыми имъ махали въ знакъ привѣтствія, когда двери ихъ родныхъ домовъ разубрасились гирляндами изъ цвѣтовъ и зелени, а крыши расцвѣтились развѣвающимися флагами въ честь возвращенія хозяевъ.

Изгнанные изъ своихъ имѣній помѣщики получили обратно свои лѣса и поля. Одна лишь семья Кинтури не получила обратно своего клочка земли.

Да, для Кинтури и не было смысла возвращаться на старое мѣ-

сто: его избы уже больше не существовало, той избы, вокруг которой его праотцы выложили каменную ограду, гдѣ онъ самъ въ первый разъ увидалъ свѣтъ, гдѣ онъ выросъ, куда ввелъ свою молодую жену и гдѣ онъ прислушивался къ лепету своихъ дѣтей. Поля, которыя изъ поколѣнія въ поколѣніе воздѣлывали Кинтури, были присоединены къ большимъ землямъ имѣнія Ванькола. Однако каменная ограда осталась на своемъ мѣстѣ, тропинки еще не вездѣ заросли травой, сосна со своими кривыми вѣтвями все еще шумитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ были ворота, но отъ избы не осталось и слѣда, и земля, на которой она стояла, вспахана подъ пашню. Бревна изъ подъ старой избы сожгли въ ригѣ, а изъ пристройки, которую сдѣлалъ Кинтури, сложили свиной хлѣвъ на скотномъ дворѣ въ Ванькола.

Хозяинъ Ванькола, который сдѣлался, наконецъ, членомъ сейма, требовалъ, какъ и всѣ другіе члены, самымъ рѣшительнымъ образомъ возвращенія изгнанныхъ изъ страны и восстановленія основныхъ законовъ. Онъ такъ невѣроятно разжирѣлъ, что, не говоря уже о томъ, что онъ совсѣмъ не помѣщался больше въ креслѣ-качалкѣ, самая большая газета не могла его закрыть, когда онъ сидѣлъ и читалъ ее. И тѣмъ больше онъ жирѣлъ, тѣмъ онъ глубже вѣрилъ въ то, что существуетъ громадная разница между тѣми, кто владѣтъ землей, и тѣми, кто ее обрабатываетъ. Онъ былъ убѣжденъ, что тотъ, кто владѣтъ землей, не долженъ ее обрабатывать, а тотъ, кто обрабатываетъ землю, не долженъ ею владѣть. Было бы такъ же трудно заставить его отказаться отъ этого убѣжденія, какъ заставить его похудѣть. Кинтури стало противно смотрѣть ему въ глаза, и онъ поселился съ Мари въ другой деревнѣ, въ одной старой, заброшенной избушкѣ на краю дороги. Но тамъ онъ скоро убѣдился, что и другіе хозяева не лучше его стараго хозяина; и его ненависть, которую онъ питалъ къ хозяину Ванькола, смягчилась настолько, что онъ приходилъ иногда въ Ванькола наниматься на работу. Его смягчило также и то, что распространился слухъ, будто его старый хозяинъ совсѣмъ подпалъ подъ вліяніе своихъ барышень-дочекъ, и запилъ, — особенно послѣ своего возвращенія съ сейма. Кинтури было жалко его и онъ подумалъ: навѣрное онъ раскаивается въ своихъ поступкахъ.

Кинтури работалъ понемногу то тутъ, то тамъ, не отказываясь ни отъ какого труда, за который ему платили: кто живетъ тѣмъ, что продаетъ свой трудъ, не выбираетъ хозяевъ. Случилось однажды, что онъ попалъ на работу и въ Раухалахти, гдѣ онъ долженъ былъ општукатурить снаружи каменный фундаментъ стараго телячьяго хлѣва.

Старикъ работалъ, согнувшись, и замазывалъ щели; иногда онъ прерывалъ свою работу и устремлялъ въ одну точку неподвижный взоръ, ворча себѣ что-то подъ носъ. Заслышавъ чьи-нибудь шаги, онъ отбрасывалъ свои мысли и принимался за работу съ дѣловитымъ видомъ, чтобы не подумали, что онъ лѣнится.

Онъ еще не успѣлъ окончить штукатурной работы, какъ его послали въ огородъ полоть клубнику и обрывать оставшіеся съ осени усы.

Здѣсь онъ встрѣтилъ и узналъ молодого барина, который когда-то жилъ въ Ванькола, и про котораго говорили, что онъ будетъ хозяиномъ Раухалаhti. Съ сіяющими отъ восторга глазами молодой баринъ сталъ рассказывать Кинтури, — можетъ быть, онъ говорилъ слишкомъ быстро; — что право собственности на землю скоро совершенно измѣнится, что невоздѣланная земля будетъ обложена налогомъ, и что землевладѣльцы вслѣдствіе этого будутъ принуждены уступить свою землю тѣмъ, кто желаетъ обрабатывать ее. Кинтури признавалъ хорошую сторону этихъ плановъ, но что касается до ихъ осуществленія, то онъ былъ равнодушенъ къ этому, потому что у него не было земли, которая подлежала бы налогу.

Изъ уваженія къ молодымъ господамъ Кинтури всегда старался въ ихъ присутствіи казаться веселымъ и бодрымъ, а иногда онъ такъ шутилъ и смѣялся, что обѣими руками теръ себѣ глаза. Но молодые господа хорошо видѣли, что Кинтури не по себѣ.

— Развѣ вы не скучаете по дѣтямъ, Кинтури? — спросила его однажды Марта.

При этихъ словахъ Кинтури быстро отвернулся; онъ нагнулся надъ грядкой, чтобы хорошенько разобрать, изъ какаго кустика клубники идетъ длинный усъ. Но Марта успѣла замѣтить, что лицо его покраснѣло, точно кирпичъ. Разница въ томъ, какъ онъ относился ко всѣмъ господамъ вообще и въ частности къ Мартѣ и Эдуарду — состояла въ томъ, что онъ передъ послѣдними не представлялся глупымъ и непонимающимъ, какимъ онъ всегда притворялся передъ другими господами. Но не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы онъ даже передъ этими молодыми господами обнаружилъ свои чувства. Что онъ не могъ спасти дома для своихъ дѣтей, не могъ оставить имъ никакого наслѣдства, и что даже самый младшій долженъ былъ идти служить — это было его большимъ мѣстомъ, горемъ его жизни. Приговореніе къ этой ранѣ было для него невыносимо.

«Ужъ не обидѣлся ли онъ? Почему онъ не отвѣчаетъ?» — подумала Марта.

Въ эту минуту Кинтури открылъ, откуда шелъ длинный усъ.

— Развѣ есть время по нимъ скучать?—сказалъ онъ своимъ обычнымъ тономъ и взглянулъ на Марту своими круглыми глазами, и онъ готовъ былъ снова шутить. — Да и нашему мальчику Якову живется недурно.

— Вотъ какъ,—отвѣтила Марта, немного стыдясь, что она не знаетъ, который изъ дѣтей Бинтури Яковъ.

Бинтури рассказалъ ей, что Якова взялъ въ мальчики лавочникъ. Онъ спросилъ, не замѣтила ли его барышня въ лавкѣ.

— Онъ тамъ летаетъ точно стрѣла между владовой и лавкой. Это и есть нашъ Яковъ.

И онъ рассказывалъ ей и про остальныхъ дѣтей, про каждого отдѣльно, украшая свои слова шутками и прибаутками.

Тѣмъ же нѣсколько шутивымъ тономъ онъ отклонилъ предложеніе господъ выбрать по своему усмотрѣнію любой участокъ земли въ Раухалахти. Они не могли ничѣмъ оказать ему помощи и имъ не оставалось ничего другого, какъ только отдать ему поденную плату за его работу. Было ясно, что Бинтури не хотѣлъ казаться нуждающимся въ какой-либо матеріальной помощи. Сердца же своего онъ не отрывалъ никому.

Нѣсколько времени спустя Бинтури началъ сильно кашлять. Онъ быстро окончилъ свою штукатурную работу и ушелъ изъ Раухалахти.

Недѣли черезъ двѣ послѣ его ухода въ Раухалахти пришла женщина и спросила, гдѣ Бинтури. Это была Мари.

Никто не могъ сказать ей, куда онъ ушелъ. Знали только, что онъ пошелъ искать работы.

Тогда жена стала подозрѣвать, что случилось что-то недоброе. Бинтури никогда раньше не исчезалъ на такой долгій срокъ. Онъ всегда черезъ короткіе промежутки времени являлся домой, чтобы посмотрѣть, все ли тамъ благополучно, и чтобы оставить женѣ денегъ. И вотъ Мари отправилась въ поиски за нимъ. Она ходила изъ деревни въ деревню, изъ одного мѣста въ другое; она избѣгала весь приходъ, пока не нашла его, наконецъ, въ одной отдаленной деревнѣ въ маленькой каморкѣ, гдѣ онъ лежалъ больной. Одинъ крестьянинъ сжалился надъ нимъ и позволилъ ему занять эту каморку на время болѣзни. Здѣсь Бинтури лежалъ уже цѣлую недѣлю безъ всякаго ухода. Онъ былъ такъ плохъ, что не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы его перевести домой. Члены его такъ одеревенѣли, что Мари съ большимъ трудомъ удалось надѣть на него чистую рубашку, которую она, къ счастью, захватила съ собой. Она достала для него также чистое одѣяло; затѣмъ, повернувъ его на спину, она разло-

жила его руки вдоль тѣла. Послѣ этого она сняла паутину съ угловъ, вытерла полъ мокрой тряпкой и посыпала его рубленными можжевельникомъ. Сдѣлавъ все это, она стала осматриваться кругомъ, желая найти какую-нибудь работу, чтобы скоротать время, но въ этой чужой комнатѣ не было ни самопрялки и ничего другого, чѣмъ она могла бы занять свои руки, которыя не привыкли оставаться въ бездѣйствіи. Единственное, что ей было хорошо знакомо въ этой комнатѣ, было лицо Бинтури, и она остановила свой взоръ на немъ. Но ей было слишкомъ тяжело смотрѣть на его изможденные черты и она перевела глаза на его руки, лежавшія поверхъ одѣяла, и она долго разсматривала ихъ. Подъ бѣлыми рукавами рубашки ясно обозначались выпуклые мускулы его рукъ, изгибъ которыхъ былъ такъ хорошо знакомъ Мари; эти руки, казалось, готовы были въ каждую минуту мощнымъ движеніемъ ухватиться за что-нибудь. Потому Мари перевела свой взглядъ на кисти его рукъ, и она удивилась, что никогда раньше не обращала на нихъ вниманія. Сколько силы было въ надутыхъ, узловатыхъ жилахъ? Много, много работъ исполнили эти руки, много заступовъ истушили онѣ, много рукоятокъ онѣ перебѣнили. Кожа на рукахъ была коричневая, грубая и заскорузлая; ладони были въ мозоляхъ, а пальцы были крючковатые, какъ бы созданные для того, чтобы браться за плугъ. Глядя на эти крючковатые пальцы, Мари въ первый разъ почувствовала горькую обиду за то, что такія сильныя руки должны были за послѣдніе годы исполнять всякую мелкую работу. И только теперь она поняла упорное молчаніе и суровость Бинтури, длившіяся цѣлые годы, — только теперь она поняла все, и она заплакала, тихо покачиваясь взадъ и впередъ на краю кровати.

Мучимый кашлемъ и лихорадкой, Бинтури могъ сказать только, что онъ умираетъ, и при этомъ онъ указалъ на кошелекъ, въ которомъ Мари нашла маленькій ключикъ и три марки шестнадцать пенни. Ключикъ былъ отъ углового шкапа Бинтури, въ которомъ, какъ сказалъ Бинтури, онъ припряталъ для Мари маленькія сбереженія. Съ большимъ трудомъ отдавъ эти распоряженія, онъ велѣлъ Мари сварить кофе.

Мари хорошо знала, что Бинтури, въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находился, не будетъ пить кофе, но она поняла, что онъ только желалъ, чтобы она сама выпила кофе. Для Бинтури и теперь, какъ бывало раньше, кофе былъ предметомъ хвастовства. Если бы было возможно достать гдѣ-нибудь бѣлаго хлѣба, то онъ навѣрное пожелалъ бы и имъ угостить Мари. Мари сварила кофе и, горько плача, выпила у него на глазахъ четыре чашки. Бинтури отъ вре-

мени до времени, мигая глазами, смотрѣлъ на нее, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли она исполняетъ его послѣднее желаніе. Но когда Мари кончила пить кофе, онъ закрылъ глаза и больше ужъ ихъ не открывалъ.

Его дыханіе было прерывисто и неровно: то онъ вздыхалъ глубоко и рѣдко, то дыханіе совсѣмъ прерывалось, то онъ дышалъ коротко и часто, какъ если бы ему не хватало воздуха. Но вдругъ кашель прекратился, жаръ оставилъ его тѣло и на его лицо легла смертельная блѣдность. Теперь Мари поняла, что смерть дѣйствительно приближается. Она давно уже отвыгла отъ надежды на помощь доктора. Одинъ изъ ея дѣтей умеръ, когда она везла его къ доктору, а другой умеръ, потому что она не имѣла средствъ пригласить доктора на домъ. Остальныхъ дѣтей она вылѣчивала сама своими домашними средствами. Но здѣсь у нея не было подъ рукой никакихъ средствъ, а между тѣмъ она надѣялась, что если только нашла бы возможность согрѣть тѣло Кинтури, то онъ былъ бы спасенъ. И вотъ въ своемъ отчаяніи она не нашла никакого иного способа, какъ, заперевъ дверь, раздѣться и лечь въ постель къ Кинтури, крѣпко прижавшись къ нему всѣмъ тѣломъ. Стараясь согрѣть его, она проводила руками по его тѣлу и при этомъ хорошо знакомя очертанія его тѣла и въ особенности глубокая впадина подъ ложечкой напомнили ей то время, когда они еще не стали чужими другъ для друга, и она горько заплакала. Потомъ она приложила ухо къ его груди и услышала бѣненіе его сердца, и это вызвало у нея новый потовъ слезъ.

Кинтури не проснулся больше и не открылъ больше глазъ, но, согрѣтый объятіями Мари, онъ увидалъ сонъ. Онъ увидалъ во снѣ небеса. Ему казалось, что онъ смотритъ внизъ на землю.

Какъ и раньше бывало, къ его радости, царствіе небесное представилось ему не въ видѣ большого торжественнаго зала со множествомъ народа, гдѣ бы онъ чувствовалъ себя неловко среди «чистой» публики, среди господъ и тому подобныхъ людей. Онъ увидалъ во снѣ, что гуляетъ передъ вратами царствія небснаго; вдругъ врата немного пріотворились, и его глазамъ представилась картина самой чистой, самой дѣвственной природы съ изумрудными лугами, на которыхъ паслись телята, и лучи солнца съ высоты небесъ ложились яркими полосами на ихъ спины. Потомъ онъ увидалъ другой сонъ: ему казалось, что онъ идетъ со всѣми своими дѣтьми, чтобы показать имъ землю для обработки. Здѣсь все было ясно: не надо ни малѣйшаго клочка бумаги, ничего похожаго на контрактъ. О, какъ у него стало радостно на душѣ и какой благодарностью наполнилось

его сердце! Теперь онъ снова соберетъ вокругъ себя разсѣянныхъ по бѣлу-свѣту дѣтей, онъ будетъ снова любоваться на сильныя и такія милыя для него движенія Иды, онъ снова будетъ водить за ручку своего маленькаго Якова! И онъ дастъ своимъ дѣтямъ большую плодородную землю и скажетъ имъ: «Вся земля, которую вы сами обрабатываете, принадлежитъ вамъ». И дѣти будутъ расти и жеваться, и потомство ихъ будетъ множиться изъ рода въ родъ. Самъ онъ будетъ только сверху смотрѣть на нихъ и руководить ими и будетъ имъ еще ближе, чѣмъ прежде у себя дома въ лѣсу.

Сны чередуются одинъ за другимъ, и передъ нимъ проходятъ новыя видѣнія.

И вотъ онъ снова стоитъ передъ вратами царствія небеснаго, и что же, онъ слышитъ голосъ Божій, который спрашиваетъ ангеловъ:

— Достоинъ ли Бинтури войти въ царствіе небесное?

Ангелы отвѣчаютъ:

— Достоинъ! Ибо въ земной жизни онъ былъ лишенъ своихъ полей, своего скота, своего дома и своихъ дѣтей. И сверхъ того, онъ научился работать на тѣхъ и служить тѣмъ, кто отнимали у него все это.

Бинтури плачетъ, и изъ его сердца исчезаютъ послѣдніе остатки злобы противъ «господъ».

Но и этотъ сонъ прерывается, и онъ на мгновеніе приходитъ въ себя отъ боли, причиняемой ему дыханіемъ.

Послѣдній сонъ снова уноситъ его къ земнымъ страданіямъ. Ему кажется, что онъ слышитъ, какъ мышь грызетъ желѣзный пруть мышеловки. Онъ видитъ за прутьями черныя глазки мыши, которые глядятъ на него съ невыразимымъ ужасомъ. «Все погибло—никогда я больше не увижу своихъ дѣтенышей!»—думаетъ Бинтури, который въ бреду принимаетъ себя самого за мышь и испытываетъ весь ужасъ положенія мыши, попавшей въ мышеловку. Бинтури пересталъ дышать, открылъ глаза и безсознательно осмотрѣлся вокругъ себя; тихая дрожь прошла по его тѣлу.

Но вотъ раздался ласковый голосъ, который сказалъ ему:

— Будь снокоенъ, въ послѣдній часъ Я отворю мышеловку и дамъ тебѣ свободу!

О, какое блаженство! Такъ значитъ нашлось всетаки существо, которое, наконецъ, поняло, что никакія крохи и ничто другое не поможетъ,—поможетъ лишь возвращеніе свободы!

И правда—вотъ онъ выходитъ изъ мышеловки, вотъ онъ слышитъ приближающійся шумъ крыльевъ свободы, уже раскрываются

голубыя врата царствія небеснаго... И Кинтури смотритъ внизъ и видитъ мать-землю и всѣхъ ея дѣтей въ такомъ лучезарномъ свѣтѣ, какаго еще никто не видалъ изъ живыхъ существъ. Но на порогѣ въ царствіе небесное онъ чувствуетъ всетаки слабую истому, какъ послѣ долгаго рабочаго дня, и онъ говорить:

— Скоро я приду къ вамъ, но если можно, то я сперва отдохну немного...

— Дайте Кинтури отдохнуть!—раздался у вратъ царствія небеснаго голосъ, громкій и ясный.

И съ блаженной улыбкой на устахъ Кинтури испускаетъ глубокій вздохъ и закрываетъ глаза.

Мари ждетъ и думаетъ, что онъ проснется и снова начнетъ дышать. Но онъ не дышитъ больше. И сердце его перестало биться. Мари не можетъ больше теплотой своего тѣла помѣшать Кинтури остывать.

Перев. М. Благовѣщенская.

З И М А.

Вотъ какъ везли меня со станціи.

Заставили влѣзть въ доху и посадили въ сани, а ноги сунули въ вѣховой мѣшокъ, который затянули у колѣнъ ремешками: такъ можно поѣхать и къ полюсу!

Кругомъ толпятся ямщики, усаживаютъ тѣхъ, которые сошли на этой станціи. Они въ бараньихъ шапкахъ и подпоясанныхъ тулупахъ, тяжелые: сыны снѣга, жители сугробовъ.

Но великолѣпны у нихъ сани: съ разводами, съ ковровыми крыльями, и задки ковровые.

Есть въ этихъ саняхъ что-то чудесно-древнее и стильное. Какіе-то варяжскіе корабли! И созданы эти грудастыя и емкія суда и ремня суденышки для плаванія по голубымъ снѣгамъ.

И вотъ поплыли по ухабамъ.

Ямщикъ привсталъ у передка, и въ его огромной рукавицѣ длиннѣйшій внуть, точно змѣя, которая къ концу все тоньше.

Плывемъ парой, гусемъ, по узенькимъ слѣдамъ, въ безбрежности.

Впереди бѣжитъ лопухая лошадка, безъ дуги и безъ оглоблей, на однихъ веревкахъ,—и отъ этого наивная, и какъ будто голая, даже на лошадь не похожая.

На поворотахъ она не сразу понимаетъ, куда ей сунуться; и тычется нелѣпно въ сторону. Болтаются ея веревки, а лошадь задняя, тремучая, со своими бубенцами, на нее наѣзжаетъ. Долго дергаютъ переднюю возжами, глухо шлепаютъ по бокамъ ея, какъ въ пустой мѣшокъ, внуромъ, и съ трудомъ снова выправляютъ.

И опять бѣгутъ коняги, съ младенчества кормленные соломой, а видъ имѣющія старушечій: плохо справляются съ рысцой ихъ набухлыя суставы, и прыгаютъ онѣ овечьими прыжками.

Стелются, стелются кругомъ бѣлые просторы. Спокойные, они уходятъ къ синимъ горизонтамъ.

По временамъ деревни. Заснѣженные избушки, сердито оцетинившіяся на вьюги, на долгую зиму. Тряпье висить на частоколѣ, жесткое и мерзлое. Избы окутаны соломой противъ стужи, и изъ-за этихъ желтенькихъ сноповъ глубоко выглядываютъ ихъ оконца. Въ этотъ тихій нехолодный день онѣ все еще не довѣряютъ и смотрятъ обиженно и гнѣвно.

А изъ-подъ заборовъ выскакиваютъ и злобно бѣгутъ на насъ съ нацетинившимися загривками псы, и въ голодномъ лаѣ этихъ сторожей деревни ненависть къ проѣзжимъ и особенная ненависть къ господскому житью, которое ѣдетъ мимо...

Плывемъ долго. А къ вечеру уютный и помѣщичій вѣздъ въ усадьбу. И на крыльцѣ пріѣзственные голоса, которые звучатъ уютно и тепло въ сумракахъ снѣговъ.

Въ эту ночь сплю великолѣпно. И, одинъ разъ проснувшись, вижу въ чернотѣ мутно-сѣрое пятно огня, отъ котораго что-то струится чуть морозное и легкое. Слышу тепло натопленной печки и тишину. И благодарный за то, что я не въ городѣ, счастливый, снова засыпаю.

Утромъ выхожу изъ бѣленькаго помѣщичьяго флигеля со снѣжными заносами на ступеняхъ. Какъ ослѣпительно блеститъ кругомъ солнечная и бѣлая чистота! А зима студеными струйками мнѣ рѣжетъ ноздри.

Я тяжелъ и грузенъ въ своихъ валенкахъ и въ шубѣ, которую мнѣ здѣсь дали. И мои ноги, неповоротливыя, тяжело борются съ бѣлыми нагроможденіями, которыя скрипятъ вязко.

А вотъ мужикъ Семень, — всю зиму онъ сторожитъ здѣсь домъ, — онъ тоже неповоротливъ въ своихъ валенкахъ и въ зипунѣ. Зима сковала ему члены; что-то въ немъ онѣившее, глухое. И самъ я въ каждомъ движеніи своемъ чувствую, что зима и холодъ сурово окочиваютъ меня неподвижностью и гонятъ обратно, сидѣть въ теплѣ, въ берлогу.

У конюшни выпускаютъ лошадей. Къ низенькимъ дверямъ выходятъ огромные и мохноногіе жеребцы и дымятся отъ своихъ парныхъ, навозныхъ стойлъ.

Упруго вздрагиваютъ гладкой шерстью ихъ жирныя, по зимнему, застоявшіяся спины. А ихъ ноздри навстрѣчу холоду расширились, и уши настораживаются.

Размашисто шагаютъ, глубоко вдавливаясь въ снѣгъ, и пыhtятъ, какъ паровозы. Какіе-то живые, теплые котлы.

А потомъ, чувствуя, что надо оживить это тепло въ своихъ тѣлахъ, которое въ нихъ стынеть, бросаются о снѣгъ и, гребя въ воз-

къ криками своихъ ногъ, тяжело стараются запрокинуться на спину. И снова вскакиваютъ, и мчатся большими кругами въ снѣгъ, ослѣпленные бѣлизной и блескомъ, и ржутъ въ счастіе, въ причемъ подъемъ жизни. Иду за ворота.

Аллея длинная, широкая, помѣщичья. Слѣды полозьевъ на снѣгу всело блестятъ, какъ наутюженные. Зима бѣлая, и на ней, отъ мнца, золотистая глазурь.

Повсюду это золото. Оно на стволахъ березъ, а ихъ длинные густыя волосы золотые.

Въ сторонѣ лѣсокъ, и на немъ золото коричневатое. Елки, чудныя, сами на себя не похожія, въ бѣлыхъ варежкахъ, а на ихъ шапкахъ золото темно-зеленое.

Только тѣни голубыя, и отъ золотистаго сверканія кругомъ онѣ какъ четкія и нѣжныя, какъ стекло прозрачныя.

Въ горизонтѣ круглыя бугры, отчетливо отрѣзанные другъ отъ друга щетинистыми коймами перелѣсковъ. И на нихъ далекія и свѣтлыя, кругловатыя улыбки. А за кускомъ поляны, на бѣломъ косогорѣ—село, и маленькой звѣздой блеститъ на церкви луковичка.

Сверкающая опрятность!

Она закрыла разнообразіе лѣта; она въ немъ не нуждается: чуждая, богатая въ однообразіи своемъ.

Съ полянь, я вижу, она ползетъ вглубь лѣса, охватываетъ тамъ каждое каждое ствола, и каждый кустъ на ней рѣзко вычерчивается каждой своей рогадой вѣточкой. Она подкрадывается къ словѣческому жилью, осаживается на крышахъ и крылечкахъ, на оконныхъ выступахъ, вездѣ, гдѣ можетъ. Она побѣдная и царственная.

Снова возвращаюсь къ флигелю. Въ этотъ солнечный и бодрый день онъ бодрѣ смотритъ слуховымъ окошкомъ въ своемъ куполѣ, его старыя думы веселѣе. Между его колоннъ, сквозь старое дерево и штукатурку, пробилось его тепло. Онъ живетъ, онъ дышитъ. Бѣлый паръ слегка окуталъ его грезой. Тяжелый лоскутъ снѣга самымъ изыкомъ повисъ на его крышѣ, а острыя ледышки висятъ катаньями и длинными.

Утромъ принесли дрова топить печи. Они глухо ухнули, когда въ опустели объ полѣ.

Дрова розовыя, со снѣгомъ. А потомъ, когда печи затопили, то во всему дому щелканье, громкое и звонкое; горятъ въ огнѣ съ этими дровами зима и снѣгъ.

Цѣль пью въ залѣ. Она свѣтленькая, съ тяжелымъ зеркаломъ въ

простѣннѣ. Бресла старья, краснаго дерева, съ приматыми сидѣніями. На каминѣ ржавый канделябръ. А на стѣнѣ, въ багетной рамкѣ съ широкими полями, видъ на Рейнѣ.

Въ передней—сѣдла и нагайки, и виситъ снопъ длинноусой ржи.

А въ открытую дверь кабинета видна въ углѣ коллекція тростей и чубуковъ.

Тихо. Видъ на Рейнѣ грезить о Германіи и разномъ другомъ заграничномъ. А чубуки вспоминають дни, когда изъ нихъ курили.

И ходять по комнатамъ безцѣльные и вздыхающія души тѣхъ, которые то собирали эти чубуки и трости, то скакали на этихъ сѣдлахъ на охоты, то ѣздили по границамъ и покупали виды Рейна.

Обрывки жизни мечтательные и отвлеченные, точно тѣ, которые сидѣли здѣсь «на землѣ», не жили, а грезили.

А гдѣ-то въ концѣ коридора, у чернаго входа, дверь на блокѣ поетъ и жалуется. И всякій разъ, когда она такъ заскрипитъ, что-то щемитъ въ сердцѣ. И зима, порывисто вздохнувъ, вступаетъ въ домъ, властная и строгая, сѣдая, съ своею тишиной, съ своею старостью.

Тогда какъ будто слышишь вздохи въ воздухѣ, который густъ въ этихъ комнатахъ, гдѣ бродять души; и жизнь, которая волочить за собою прошлое длиннымъ сѣрымъ шлейфомъ и не можетъ упокоить мертвецовъ своихъ подъ могильными камнями, становится вдругъ тяжелой, грустной. И почему-то хочется пожалѣть себя...

Опять выхожу на березовую аллею. Но сегодня зима неожиданная и новая, что-то случилось за ночь. Зима вся въ инеяхъ. А солнца нѣтъ.

Все кругомъ пушистое, и самъ воздухъ мягко-шершавый, перистый.

А въ моихъ березахъ что-то сказочное: онѣ, какъ страусовыя перья, или пушистыя кораллы.

На одной изъ нихъ двѣ галки, нахохлившіяся и пухлыя. Всякій разъ, когда онѣ тамъ пошевелиются, съ вѣтвей тихо падаютъ пушинки стеклянными и жесткими, сухими кристаллами.

И вся эта бѣлая огромность сдѣлана изъ этихъ крошечныхъ стеклянныхъ и пушистыхъ звѣздочекъ.

А лѣсогъ стоитъ жемчужный. Галки перекликаются: что-то кричать тѣмъ, которыя въ селѣ.

Потомъ взлетаютъ съ шумомъ, и долго слѣдятъ за мной, куда я поверну, за каждымъ моимъ шагомъ, и садятся дальше. Имъ хочется, чтобы я предпринялъ что-нибудь для нихъ опасное: чтобы было на что кричать и хлопать крыльями... Это онѣ отъ однообразія зимы, отъ заледенѣлыхъ пустынь ея.

Но ихъ голоса звучать негромко въ этихъ бѣлыхъ мѣхахъ, и тонуть въ нихъ коротко и глухо. И отъ этого надъ головой точно нѣтъ неба.

Только къ вечеру пробивается сивозъ перистыя пелены солнце.

Оно выкатывается выцвѣтшее, блеклое, и свѣтится бессильно. Слегка окрашиваются отъ него поляны и бугры длинными, лѣново-желтыми отсвѣтами. Но солнце скоро прячется виноватое, или больное.

И тогда зима стынеть, голубѣеть. Холодѣйшия широкия поляны. Все гуще вечерніе закутанные лѣса.

Сизыми копнами стоятъ домики на косогорѣ, амбары, риги; а въ окнахъ щурятся теплымъ золотомъ огни.

Ночь идетъ; ночь долгая и зимняя. Она глухимъ кольцомъ сдвигаетъ мохнатыя дали. И смотреть жальче человѣка тревожно-строгими оконцами въ темную жуть и нежить.

Но и въ этой ночи что-то для меня спокойное. Я чувствую здѣсь глуше и яснѣй, чѣмъ въ городѣ... Эти муки города! Здѣсь отовсюду звучитъ ко мнѣ одно глубокое и ласковое слово: миръ, миръ

Ужъ поздно. Тепло въ свѣтленькой залѣ. Спокойно-ясно горитъ лампа. И поеть стародавнія, все тѣ же, что вездѣ и всюду, свои пѣсни самоваръ.

Поскрипываютъ полы. И опять кто-то ходитъ. Но я ужъ свыкъ съ ними... Хотѣлъ бы ихъ спросить, о чемъ грустятъ они? И если бы вдругъ мнѣ привидѣлось что-нибудь «такое», то я повѣрилъ бы и не испугался. Потому что тихо и пѣвуче въ душѣ моей.

И въ этихъ комнатахъ моя душа мягко и задумчиво *стартетъ*.

А за окномъ вдругъ, какъ видѣнье, всталъ бѣлый садъ.

Вѣрно, мѣсяцъ пробился въ небѣ и стоитъ надъ крышей.

Раскидистые тополя поднялись высокой и плетеной изумительной оградой.

Въ этотъ тихій часъ бѣленькій домикъ, навѣрное, смотритъ въ лунный свѣтъ совсѣмъ заколдованнымъ...

На снѣгу, на тополяхъ блѣдныя и тихіе алмазы.

Петръ Кожевниковъ.

Возрожденъе.

Снова радость объемлетъ воспрянувшій духъ,
Слышны въ немъ отголоски свирѣли,
Будто въ полѣ раненью играетъ пастухъ
Подъ шатромъ зеленѣющей ели.

Все, что спало въ груди, словно ожило вновь,
Золотою мечтой окрыляя,
И опять и восторгъ, и цвѣты, и любовь
Возродилися, мысль опьяняя.

Сдернуть съ музы забытой печальный покровъ,
Льются пѣсни строфой огневою,
И, звуча перезвономъ хрустальныхъ ручьевъ,
Блещутъ риемы бывшей красотою.

Все смѣшалось въ счастливый, блестящій хаосъ,
Перепутались яркія краски...
Снова— жизнь общаетъ путь лилій и розъ,
И любовь, и волшебныя сказки.

Татьяна Грейеръ.

О подставѣ наследника (субституція) *).

VI. Общегерманское право.

По общегерманскому гражданскому уложению возможно такое назначеніе наследника, по которому онъ становится наследникомъ только послѣ того, какъ другой будетъ наследникомъ.—Правило, существенно отличающее новое германское право отъ римскаго. Въ такомъ случаѣ наследованія можетъ встрѣтиться надобность, напримѣръ, тогда, когда наследодатель не желаетъ, положимъ, устранить своихъ дѣтей отъ наследованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ на нѣкоторое время предоставить выгоды отъ наследства другому, напримѣръ, супругу, считая вмѣстѣ съ тѣмъ неудобнымъ подвергать этого послѣдняго ограниченіямъ, связаннымъ съ правомъ пользованія. Равно къ подставѣ наследника наследодатель можетъ прибѣгнуть вслѣдствіе опасенія, что ближайшій наследникъ не сохранитъ унаследованнаго имущества.

Подстава наследника можетъ возникнуть и независимо отъ прямо выраженной воли наследодателя. Такъ, если наследодатель распорядился, чтобы наследникъ оставался таковымъ только до извѣстнаго времени или до наступленія извѣстнаго событія, не опредѣляя, кому затѣмъ должно достаться наследство, то подставными наследниками признаются тѣ, которые были бы его законными наследниками, если бы онъ умеръ при наступленіи вышеуказаннаго срока или событія (§ 2104). Равно, если наследодатель постановилъ, чтобы назначенный имъ наследникъ получилъ наследство только по наступленіи извѣстнаго времени или событія, не опредѣляя, кто долженъ быть наследникомъ до этого, то наследниками признаются его наследники по закону (§ 2105).

Особенно важный случай подставнаго наследованія представляется тотъ, когда наследство, согласно волѣ завѣщателя, должно перейти къ лицу, которое можетъ быть зачато послѣ открытія наследства. Такое лицо, хотя вообще наследникомъ не можетъ быть назначено, считается подставнымъ наследникомъ и соотвѣтственно этому, если бы даже такое лицо

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1906 г.

было названо наследодателемъ прямымъ наследникомъ (Erbe), считается назначеннымъ подставнымъ наследникомъ (§§ 1923 и 2101).

Но какъ быть, если такое предположеніе очевидно не соответствуетъ намѣреніямъ завѣщателя. Приводится такой примѣръ. Завѣщатель, устрояя всякую мысль о возможности предварительнаго наследованія по закону, завѣщаетъ свое имущество старшему сыну своего переселившаго въ Америку брата отъ предстоящаго брака послѣдняго съ N. Въ такомъ видѣ назначеніе наследника не допустимо по уложенію. Но болѣе странно съ волей завѣщателя будетъ, не признавая назначеннаго главнымъ наследникомъ, признать, по крайней мѣрѣ, подставнымъ, чѣмъ совсѣмъ отвергнуть завѣщаніе (§ 2101).

Назначеніе лица подставнымъ наследникомъ при сомнѣніи считается вмѣстѣ съ тѣмъ назначеніемъ его и замѣстителемъ (Ersatzerbe). Тамъ замѣститель назначается на случай смерти, нежеланія или невозможности унаследовать завѣщанное и т. п., т.-е. обыкновенная субституція подумѣвается. Если возникаетъ сомнѣніе, назначено ли лицо замѣстителемъ или подставнымъ наследникомъ, сомнѣніе разрѣшается въ пользу перваго (§ 2102).

Подстава наследника заключена въ опредѣленные границы. Нельзя конечно связывать оборотность имущества. Однакоже германское уложеніе даетъ въ этомъ отношеніи больше свободы, нежели французское: по французскому закону субституція дозволена одинъ разъ, что предполагалось установить и въ германскомъ уложеніи, но потомъ это было отвергнуто и по вѣмецкому кодексу случаи субституціи не ограничены, но сдѣлано ограниченіе во времени. А именно: назначеніе подставнаго наследника признается недѣйствительнымъ, если прошло тридцать лѣтъ со времени открытія наследства и если въ теченіе этого времени оно не открыто для подставнаго наследника. Но изъ этого постановленія сдѣланы два исключенія:

1) Если наследодатель ставитъ субституцію въ зависимость отъ какаго-нибудь событія, связаннаго съ лицомъ, къ которому относится это событіе, и если это лицо находится въ живыхъ во время открытія наследства, тогда тридцатилѣтній срокъ не обязателенъ. Напримѣръ, завѣщаніе гласитъ: оставшееся послѣ меня имущество должно прежде всего поступать въ пользу общины мѣста моего рожденія, которая обязана моему племяннику А получать пожизненную ренту 1,500 м. Но когда онъ женится, все имущество переходитъ къ нему какъ къ подставному наследнику. Если бы племянникъ вступилъ въ бракъ и по истеченіи тридцати лѣтъ со времени открытія наследства, завѣщательное распоряженіе будетъ дѣйствительнымъ.

2) Подстава наследника допускается безъ вышеуказаннаго ограниченія, если подставной наследникъ есть ожидаемый (могущій родиться) братъ или сестра главнаго или подставнаго наследника. Напримѣръ, такое распоряженіе: наследство мое должно прежде всего достаться А, а во

смерти его дѣтямъ *B* въ равныхъ частяхъ, и, именно, такъ, что допущенныя къ наслѣдованію въ моментъ смерти *A* дѣти должны послѣ рожденіемъ своимъ братьямъ и сестрамъ выдать соответственные доли (§ 2109).

Опредѣленіе момента открытія наслѣдства для подставного наслѣдника зависитъ, въ законныхъ границахъ, отъ воли наслѣдодателя. Если такого опредѣленія нѣтъ, то открытіе наступаетъ со смертью главнаго наслѣдника. Но если назначенный главнымъ наслѣдникомъ признается наслѣдникомъ подставнымъ потому, что онъ не былъ еще зачатъ во время открытія наслѣдства, то это послѣднее для подставного наслѣдника имѣетъ мѣсто со дня его рожденія (§§ 2106, 2108, 1923).

Если подставной наслѣдникъ умираетъ до открытія ему наслѣдства, но послѣ открытія наслѣдства (главному наслѣднику), то право его переходитъ къ его наслѣдникамъ, кромѣ слѣдующихъ случаевъ: 1) если завѣщатель распорядился иначе, 2) если лицо подставного наслѣдника опредѣляется по времени открытія ему наслѣдства, 3) если подставной наслѣдникъ назначенъ подъ отлагательнымъ условіемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ остается въ силѣ правило, что условно назначенный при сомнѣніи долженъ пережить наступленіе условія (§§ 2108 и 2074).

Законъ, озабочиваясь объ интересахъ законнаго потомства завѣщателя, дѣтъ въ связи съ вышеназваннымъ слѣдующее постановленіе. Если завѣщатель подставлялъ наслѣдника такому своему нисходящему, у котораго при составленіи завѣщанія не было потомства или о существованіи потомства завѣщатель тогда не зналъ, то признается, что подставной наслѣдникъ назначенъ на случай, если нисходящій умретъ безъ потомства (§ 2107).

Въ составъ наслѣдства подставного наслѣдника входитъ то, что главный наслѣдникъ приобрѣлъ на основаніи принадлежащаго по наслѣдству права или какъ возмѣщеніе за истребленіе, поврежденіе или лишеніе наслѣдственнаго предмета или по сдѣлкѣ на средства наслѣдства, если приобретенное не принадлежитъ ему какъ доходъ.

Въ составъ наслѣдства также входитъ и то, что главный наслѣдникъ присоединитъ къ инвентарю наслѣдственной поземельной недвижимости.

При сомнѣніи подставному наслѣднику принадлежитъ также право на ту наслѣдственную долю, которую главный наслѣдникъ приобретаетъ вслѣдствіе отпаденія сонаслѣдника (§§ 2111, 2110).

Юридическая природа подстановки наслѣдника.

Съ открытіемъ наслѣдства для подставного наслѣдника, главный наслѣдникъ перестаетъ быть таковымъ самъ собою, и наслѣдство приобретаетъ подставной наслѣдникъ (§ 2139). Это постановленіе противорѣчитъ общему положенію общаго права, но находится въ согласіи съ партикулярными законодательствами (прусскимъ — Landr. I, 12 §§ 53, 466, сааксонск. §§ 2005, 2503 и сл.) и оправдывается тѣмъ, что только такимъ

образомъ можетъ быть осуществлена воля завѣщателя. Вообще съ открытіемъ наслѣдства подставной наслѣдникъ приобрѣтаетъ уже твердое право на субституцію.

Юридическое положеніе главнаго наслѣдника до открытія подставнаго наслѣдованія.

Такъ какъ назначенный наслѣдникомъ есть прежде всего наслѣдникъ, то до открытія наслѣдства наслѣднику подставному, онъ занимаетъ такое положеніе, какое онъ занималъ бы, если бы не было подставнаго наслѣдника. Поэтому онъ является собственникомъ наслѣдственныхъ вещей и въ прочемъ, имѣетъ права и несетъ обязанности, какъ и всякій наслѣдникъ. Но для обезпеченія правъ подставнаго наслѣдника онъ долженъ однако же подлежать нѣкоторымъ ограниченіямъ. Нѣмецкія законодательства (прусское L. V. I, 12, § 466, саксонское улож. § 2515) примѣняютъ здѣсь постановленія объ узуфруктѣ, ставя главнаго наслѣдника по отношенію къ подставному какъ польовладѣтеля (узуфруктуарія) по отношенію къ собственнику. Но общегерманское уложеніе не примкнуло къ этому взгляду. Отправная точка зрѣнія его та, что хотя подставному наслѣднику и должно быть сохранено во времени открытія для него наслѣдство завѣщанное безъ умаленія, но, съ другой стороны, отъ тѣхъ ограниченій, которыя влечетъ за собою подставное наслѣдованіе, не должна страдать обезпеченность оборота и правильнаго порядка управленія.

Въ силу этого даются слѣдующія постановленія.

1. Главнѣйшій наслѣдникъ обязанъ по требованію подставнаго представить опись всѣхъ принадлежащихъ къ наслѣдству предметовъ, а равно и впослѣдствіи сообщать ему свѣдѣнія о состояніи наслѣдства, если такое требованіе можетъ быть оправдано (§§ 2121, 2127).

2. Онъ долженъ надлежаще управлять наслѣдственнымъ имуществомъ и прилагать такую мѣру заботливости, какую онъ прилагаетъ при веденіи своихъ собственныхъ дѣлъ. За всякій предметъ изъ наслѣдства, употребленный въ свою пользу, онъ отвѣчаетъ. Онъ имѣетъ право на плоды, извлеченные имъ за время владѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ несетъ и обыкновенныя издержки для поддержанія унаслѣдованнаго имущества (§§ 2119, 2120, 2124—2126, 2130—2134).

3. Онъ подлежитъ въ силу закона слѣдующимъ ограниченіямъ въ правѣ распоряженія: относительно распоряженія принадлежащими къ составу наслѣдства поземельными участками или правами на такіе участки и относительно безмезднаго распоряженія наслѣдственными предметами вообще (исключаются даренія, вызываемыя исполненіемъ нравственной обязанности или приличіемъ); всѣ такіа распоряженія недействительны, если они влекутъ за собою уничтоженіе или умаленіе правъ подставнаго наслѣдника (§ 2113).

Если къ составу (активу) наслѣдства принадлежитъ ипотечный долгъ вѣщный (Grundschild) или рентный (Rentenschuld), то главнѣйшій наслѣд-

никъ не только имѣеть право потребовать его отъ должника, но и взыскать, но для этого должно быть согласіе подставного наслѣдника или деньги должны быть положены на храненіе на имя обоихъ наслѣдниковъ (§ 2114). Но не требуется такого согласія, если распоряженіе главнаго наслѣдника касается претензій наслѣдственнаго кредитора или такой претензій на какой-либо наслѣдственный предметъ, которая была бы дѣйствительна и противъ подставного наслѣдника, если бы ему открылось наслѣдство (§ 2115).

Если въ составъ наслѣдства входятъ гѣсь или рудникъ или другое сооруженіе для разработкн нѣдръ земли, то подставной наслѣдникъ, а равно и главный могутъ требовать, чтобы мѣра пользованія и способъ эксплуатаціи были установлены соотвѣтственно хозяйственному плану (§ 2123).

Если образъ дѣйствія главнаго наслѣдника или неблагоприятное имущественное положеніе его вызываютъ опасеніе значительнаго умаленія правъ подставного наслѣдника, то послѣдній можетъ потребовать отъ перваго обезпеченія, а если оно не будетъ дано, учрежденія управленія подъ судебнымъ надзоромъ, вслѣдствіе чего главный наслѣдникъ лишается права распоряженія наслѣдственными предметами (§§ 2128, 2129, 1052).

Прямой наслѣдникъ обязанъ нести всѣ необходимыя издержки по сохраненію имущества (§ 2124).

Обязываясь, чтобы управленіе наслѣдственнымъ имуществомъ происходило въ границахъ, указанныхъ закономъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаются мѣры, дабы не было препятствій для надлежащаго управленія наслѣдствомъ. Поэтому, если для такого управленія и въ особенности для уплаты наслѣдственныхъ долговъ необходимъ такой распорядительный актъ, который не можетъ имѣть силы для подставного наслѣдника безъ его согласія, то такое согласіе должно быть имъ дано главному наслѣднику (§ 2120).

Изложенныя права и обязанности главнаго наслѣдника могутъ быть измѣнены по волѣ наслѣдодателя. Наслѣдодатель можетъ назначить душеприказчика, съ тѣмъ, чтобы онъ до открытія наслѣдства подставному наслѣднику исполнялъ его обязанности и пользовался его правами (§ 2222), устраняя, такимъ образомъ, вполнѣ главнаго наслѣдника отъ управленія завѣщаннымъ имуществомъ (§ 2209) или, наоборотъ, предоставляя главному наслѣднику болѣе свободы въ распоряженіи имуществомъ (§ 2136). Однако же наслѣдодатель не можетъ предоставить такому наслѣднику права безмезднаго отчужденія унаслѣдованнаго (§ 2113), такъ какъ это не соотвѣтствовало бы идеѣ подставнаго наслѣдованія, согласно которой наслѣдство должно быть по возможности сберегаемо для подставного наслѣдника. Въ виду этого соображенія узаконяется, чтобы наслѣдство было обезпечено отъ притязаній кредиторовъ главнаго наслѣдника (§ 2115). Равно наслѣдодатель не можетъ освободить главнаго наслѣдника отъ обязанности по требованію подставнаго представить ему опись наслѣдственнаго имущества и опредѣлить ихъ стоимость черезъ свѣдущихъ людей (§§ 2121, 2122).

Наслѣдодатель можетъ назначить подставному наслѣднику только то, что при открытіи ему наслѣдства останется въ наличности, или вообще предоставить главному наслѣднику свободно распоряжаться завѣщаннымъ. Но и въ этихъ случаяхъ, если такой наслѣдникъ отчуждилъ что-либо изъ наслѣдства безмездно или уменьшилъ наслѣдственную массу съ цѣлью причинить вредъ подставному наслѣднику, то онъ обязанъ вознаградить за причиненный вредъ (§§ 2137, 2138).

Съ наступленіемъ подставного наслѣдованія главный наслѣдникъ перестаетъ быть наслѣдникомъ, наслѣдство переходитъ къ подставному въ силу закона. Поэтому подставной наслѣдникъ не нуждается въ согласіи главнаго наслѣдника для внесенія его въ вотчинную книгу какъ собственника недвижимости, для взысканія по наслѣдственнымъ долгамъ и т. п. (§ 2139).

Подставной наслѣдникъ можетъ отречься отъ открывшагося ему наслѣдства. Въ такомъ случаѣ наслѣдство остается въ пользу главнаго наслѣдника, если подставному наслѣднику не назначенъ замѣститель или завѣщатель не сдѣлалъ другого распоряженія (§ 2142).

По открытіи наслѣдства подставному наслѣднику главный наслѣдникъ обязанъ выдать его въ томъ состояніи, въ какомъ оно должно быть при правильномъ управленіи имъ (§ 2130). Неся обыкновенныя издержки по сохраненію наслѣдственнаго имущества, главный наслѣдникъ имѣетъ право покрыть средствами изъ наслѣдства другія затраты, сдѣланныя имъ для поддержанія этого имущества. Равно онъ долженъ быть вознагражденъ за полезныя затраты и за чрезвычайныя издержки; онъ имѣетъ право отдѣлать сооруженіе, которымъ онъ снабдилъ имущество, принадлежащее къ наслѣдству (§§ 2124—2126).

Слѣдуя примѣру прусскаго (L. R. I, 16, 481) и саксонскаго (§ 2520), законодательствъ общегерманское уложеніе постановляетъ, что съ открытіемъ подставного наслѣдованія признаются не погашенными тѣ правоотношенія, которыя были погашены при открытіи наслѣдства прямому наслѣднику вслѣдствіе совпаденія права съ обязанностью или права съ обремененіемъ (§ 2143).

Съ открытіемъ подставного наслѣдованія, прекращается отвѣтственность главнаго наслѣдника по его наслѣдственнымъ обязательствамъ. Однако же онъ отвѣчаетъ за нихъ и по открытіи этого наслѣдства, поскольку не отвѣчаетъ по этимъ обязательствамъ подставной наслѣдникъ. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, отказы, которые ложатся на одного только главнаго наслѣдника. Главный наслѣдникъ можетъ, если онъ не отвѣчаетъ неограниченно, отказаться отъ платежа наслѣдственныхъ обязательствъ сверхъ унаслѣдованнаго.

Подставной наслѣдникъ отвѣчаетъ передъ наслѣдственными кредиторами лишь въ мѣру полученнаго. Составленный главнымъ наслѣдникомъ инвентаръ идетъ и ему въ прокъ. Ему принадлежитъ и самостоятельное право на составленіе инвентаря (§§ 2145, 1990, 1991, 1978, 1975 и сл.).

VII. Французское право.

Фидеикомиссарная субституція, позаимствованная французами изъ римскаго права, получила у нихъ большое развитіе. Она служила средствомъ сохраненія въ родѣ собственности и тѣмъ поддерживала блескъ аристократіи. Она больше примѣнялась на югѣ Франціи, чѣмъ на сѣверѣ, гдѣ къ ней относились менѣе сочувственно и гдѣ кутюмами многихъ провинцій завѣщательная субституція была совсѣмъ запрещена.

Субституція допускалась не только для многихъ лицъ, призывавшихся къ наслѣдованію однихъ послѣ другихъ, но для цѣлаго ряда поколѣній и часто даже до безконечности, образуя, такимъ образомъ, новый порядокъ наслѣдованія, въ которомъ воля лица замѣняла законъ, или кутюмы. Этотъ порядокъ наслѣдованія порождалъ массу споровъ и исковъ и въ интересахъ семей, которыхъ разоряли судебные процессы, необходимо было ограничить предѣлы установленія субституцій. Къ такимъ мѣрамъ и прибѣгали, не дозволяя назначенія субституціи далѣе четырехъ или только двухъ степеней послѣ наслѣдника. Но какъ институтъ этотъ вкоренился въ нравахъ, видно изъ того, что рядомъ съ этимъ продолжали сохраняться и субституціи постоянныя. Однако тотъ вредъ, который причиняла фидеикомиссарная субституція, устраняя имущество изъ оборота и стѣсняя кредитъ, дѣлалъ ее все менѣе и менѣе популярной. Сначала стѣсняли ее, требуя публичности и занесенія въ реестръ, а потомъ она была и совсѣмъ отлѣнена декретами конвента 25 августа и 14 ноября 1792 г. Были попытки возстановить субституціи подъ именемъ маіоратовъ, но малоуспѣшныя. Закономъ 12 мая 1835 г. воспрещено было и учрежденіе маіоратовъ на будущее время. Такимъ образомъ фидеикомиссарная субституція во Франціи прекратилась *). Согласно этому французскій кодексъ въ ст. 896 гласитъ: субституціи запрещены, повтому всякое распоряженіе, налагающее обязательство на наслѣдника сберечь завѣщанное ему и передать другому, признается недействительнымъ даже въ отношеніи наслѣдника, т.-е. полностью. Итальянскій кодексъ тоже запрещаетъ фидеикомиссарную субституцію, но, въ отличіе отъ французскаго кодекса, не поражаетъ недействительностью всего распоряженія на случай смерти: наслѣдникъ сохраняетъ все назначенное въ свою пользу безъ выполненія обязанности, установленной въ завѣщаніи, сохранить и передать другому (ст. 899, 900). Но зато не знаетъ исключеній, допускаемыхъ французскимъ законодательствомъ.

Изъ этого запрещенія французское законодательство разрѣшаетъ два исъ поченія: 1) родители имѣютъ право предоставить подлежащее ихъ свободному распоряженію имущество все или въ части одному или нѣсколькимъ изъ своихъ дѣтей съ обязательствомъ наслѣдника передать это имущество своимъ дѣтямъ, уже родившимся или имѣющимъ родиться, т.-е. не

*) *Paul Viollet: „Précis de l'Histoire du droit civil“.* Paris, 1886, pp. 757—761.

дальше первой степени родства по нисходящей линіи (ст. 1048); 2) бездѣтные могутъ сдѣлать такое же распоряженіе относительно свободнаго своего имущества въ пользу одного или нѣсколькихъ своихъ братьевъ или сестеръ, съ обязательствомъ передачи полученнаго своимъ дѣтямъ, родившимся или имѣющимъ родиться, только не дальше первой степени родства, начиная отъ братьевъ или сестеръ (ст. 1049).

Почему сдѣланы эти исключенія, несмотря на осужденіе старой практики, допускавшей субституцію. Потому, говорятъ, что эта практика создавала особый порядокъ наслѣдованія въ пользу старшихъ дѣтей и во вредъ всѣмъ другимъ дѣтямъ, между тѣмъ какъ субституція, дозволенная отцамъ и матерямъ, братьямъ и сестрамъ, стремится удержать естественный порядокъ. Если отецъ или братъ передаетъ свое имущество съ обязательствомъ сберечь его для дѣтей получившаго, то онъ это дѣлаетъ изъ опасенія, чтобы послѣдній не растратилъ его на безумные расходы, бросаясь въ разорительныя спекуляціи. Но эту заботу законъ не простираетъ дальше первыхъ степеней, т.-е. внуковъ наслѣдодателя или племянниковъ, находя, что продолжить дальше исключеніе значило бы на долго подвергнуть неизвѣстности собственность, стѣснять оборотъ и способствовать появленію субституцій въ духѣ аристократическомъ, противномъ направленію, усвоенному кодексомъ.

Дабы избѣжать аристократическихъ стремленій стараго режима, поставлено и другое условіе дозволенной субституціи—она простирается на *всѣхъ* дѣтей уже родившихся или имѣющихъ родиться. Такимъ образомъ устраняется какъ право первородства, такъ и предпочтеніе мужского пола женскому.

Бромъ того, спеціальное условіе, установленное для братьевъ и сестеръ, назначающихъ субституціи—это бездѣтность ихъ. На чемъ основывается такое ограниченіе? На томъ, что субституція допускается въ виду того соображенія, что важно удержать во второмъ поколѣніи имущества, къ унаслѣдованію которыхъ призываетъ наслѣдника законъ, но которыхъ этотъ наслѣдникъ можетъ растратить. Но разъ есть дѣти у наслѣдодателя—брата, этотъ мотивъ отпадаетъ, потому что въ такомъ случаѣ имущество не переходитъ ни къ брату, ни къ племянникамъ, а слѣдовательно и не можетъ быть для нихъ сохранено путемъ субституціи. Слѣдовательно, принципъ тотъ, что субституція имѣетъ мѣсто только тогда, когда, въ силу закона, братъ и его дѣти призываются къ наслѣдованію.

Наконецъ, послѣднее условіе—субституціи мыслимы только относительно имущества, подлежащаго свободному завѣщательному распоряженію: несвободное имущество (*la réserve*) не можетъ быть обременяемо субституціей.

Законъ предписываетъ извѣстныя мѣры предосторожности для огражденія интересовъ подставнаго наслѣдника.

Къ нимъ относится прежде всего назначеніе опекуна, который наблюдаетъ за исполненіемъ завѣщательнаго распоряженія, за сохраненіемъ наслѣдникомъ въ цѣлости завѣщаннаго. Если завѣщатель не позаботился

самъ о назначеніи опекуна, въ такомъ случаѣ объ этомъ долженъ хлопотать передъ семейнымъ совѣтомъ самъ наслѣдникъ подъ угрозой, при неисполненіи этого, лишенія наслѣдственныхъ правъ, предоставленныхъ ему завѣщаніемъ (ст. 1055—1057).

Вторая охранительная мѣра — составленіе описи всему завѣщанному имуществу. Это лежитъ прежде всего на обязанности наслѣдника, если онъ этого не выполнитъ, то обязанность переходитъ на опекуна, а если къ описи не приступятъ ни тотъ, ни другой, то это долженъ сдѣлать подставной наслѣдникъ, а если онъ малолѣтній, то опись производится по требованію прокурорской власти (ст. 1058—1061).

Третья охранительная мѣра — это обязанность, лежащая на наслѣдникѣ продать путемъ публичной продажи всѣ движимости и вещи, указанные въ завѣщательномъ распоряженіи, съ цѣлью предотвратить такимъ образомъ обезцѣненіе вещей отъ времени и пользованія ими.

Изъ этого постановленія сдѣланы два исключенія:

1. Не подлежатъ продажѣ вещи, поименованныя въ распоряженіи завѣщателя, обязывающаго передать ихъ въ томъ состояніи, въ которомъ онѣ будутъ находиться во время передачи. Эта льгота можетъ быть сдѣлана или въ интересахъ подставного наслѣдника, если, напримѣръ, идетъ рѣчь о коллекціи книгъ или предметовъ искусства, или въ интересахъ перваго наслѣдника, если завѣщатель желаетъ, напримѣръ, сохранить ему пользованіе мебелью, которая составляетъ обстановку дома.

2. Скотъ и инструменты (хозяйственные), необходимые для эксплуатаціи земли, считаются входящими въ составъ завѣщанной поземельной собственности, какъ ея принадлежность. Наслѣдникъ обязанъ только оцѣнить эти предметы, чтобы потомъ возвратитъ другіе такой же стоимости (ст. 1063, 1064).

Наконецъ, четвертая охранительная мѣра заключается въ томъ, что деньги, вырученныя отъ продажи движимости, заключающіяся въ полученіяхъ отъ должниковъ, а равно наличныя деньги и доходъ отъ имуществъ составляющихъ, во избѣжаніе растраты ихъ, должны быть въ указанный закономъ срокъ или помѣщены согласно распоряженію завѣщателя, а если этого не сдѣлано, то обращены на покупку недвижимости или привилегированнаго долга на недвижимость (ст. 1065—1068).

Кодексъ предписываетъ извѣстныя мѣры, которыя гарантировали бы интересы постороннихъ лицъ. Наслѣдникъ можетъ скрыть, что онъ связанъ субституціей, отчего могутъ пострадать интересы третьихъ приобретателей и ипотечарныхъ кредиторовъ. Въ виду этого узаконяется публичность субституцій, которая заключается въ записи въ ипотечное бюро актовъ, содержащихъ въ себѣ назначеніе субституціи (вообще же публичность для завѣщаній не обязательна), а равно въ записи суммъ, привилегированно обеспеченныхъ на недвижимости. При несоблюденіи этого постановленія субституція считается недействительной и третьи лица осуществляютъ свои права такъ, какъ бы ея не было (ст. 1069—1074).

Въ заключеніе слѣдуетъ опредѣлить общее юридическое положеніе какъ наслѣдника главнаго, такъ и подставнаго.

Можно ли считать собственникомъ главнаго наслѣдника? Вообще признають его собственникомъ подъ резолютивнымъ условіемъ. Если бы это было такъ, то съ открытіемъ субституціи назначеніе главнаго наслѣдника теряло бы свою силу такъ, какъ бы его совсѣмъ не было. Но это невозможно допустить, потому что субституція объемлетъ собою два дарственныхъ распоряженія, которыя производятъ свое дѣйствіе послѣдовательно: если есть два дарственныхъ распоряженія, есть двѣ смѣны собственности слѣдовательно, два собственника. Право наслѣдника нѣсколько своеобразной природы: онъ собственникъ, но онъ долженъ сохранить имущество для другого, подставнаго наслѣдника. Какъ собственникъ онъ можетъ совершать всѣ распорядительные акты; если подстава (субституція) не состоится, всѣ акты останутся въ силѣ; если состоится, будутъ лишены значенія. Тѣмъ болѣе, онъ можетъ заключать акты, относящіяся къ управленію, какъ договоры аренды и найма, но не дальше времени осуществленія подставы.

Какъ собственникъ, наслѣдникъ можетъ вчинать иски и отвѣчать по искамъ; онъ, слѣдовательно, можетъ требовать платежа долговъ, а равно принимать платежи отъ должниковъ.

Таковы его права. Что касается обязанностей, то главная его обязанность—выдать, съ наступленіемъ субституціи, завѣщанное подставному наслѣднику; поэтому если онъ завѣщанное отчуждилъ или обременилъ вещныя тягостями, то эти дѣйствія его считаются недействительными. Исключеніе сдѣлано только для законной ипотеки жены; эта ипотека сохраняется, въ томъ смыслѣ, что жена наслѣдника (*grevé*) имѣетъ вспомогательное средство взысканія, на случай недостаточности другихъ имуществъ (но только относительно денежныхъ капиталовъ приданого и при условіи, что завѣщатель объ этомъ прямо указалъ въ завѣщаніи).

Изъ главной обязанности главнаго наслѣдника—сохранить имущество для наслѣдника подставнаго, вытекають и другія обязанности. Чтобы сохранить, надо пользоваться и управлять какъ свойственно хорошему хозяину. Онъ долженъ поддерживать имущество въ надлежащемъ состояніи дѣлать всѣ необходимыя починки, даже и большія (*grosses réparations*) чѣмъ онъ отличается отъ пользовладельца, который обязанъ производить только обыкновенный ремонтъ (*réparations d'entretien*). Но если онъ угрущаетъ имущество, то, въ свою очередь, онъ имѣетъ право на вознагражденіе за эту увеличенную стоимость.

Въ чемъ заключается право подставнаго наслѣдника до открытія субституціи? Онъ располагаетъ правомъ, потому что кодексъ предписываетъ охранительныя мѣры въ интересъ этого наслѣдника; но право это имѣетъ условный характеръ въ томъ смыслѣ, что оно открывается только со смертью главнаго наслѣдника, слѣдовательно, необходимо, чтобы подставной наслѣдникъ

никъ существовалъ въ это время; если онъ умретъ раньше главнаго, субституція не имѣетъ силы.

Когда открывається субституція? Во-первыхъ, со смертію главнаго наслѣдника. Такова основная мысль субституціи: подставной наслѣдникъ входитъ въ права, когда сходитъ со сцены главный наслѣдникъ. Во-вторыхъ, съ истеченіемъ срока и съ наступленіемъ условія. И то, и другое можетъ быть установлено завѣщателемъ. Въ-третьихъ, когда главный наслѣдникъ лишается предоставленнаго ему права. Таковъ одинъ только случай, когда наслѣдникъ не озаботился назначеніемъ опекуна. Въ-четвертыхъ, вслѣдствіе отказа главнаго наслѣдника. Въ-пятыхъ, вслѣдствіе неблагодарности наслѣдника, онъ можетъ быть лишенъ принадлежащаго ему права и тогда вступаетъ въ права подставной наслѣдникъ.

Со времени открытія субституціи подставной наслѣдникъ приобретаетъ завѣщанныя права *ipso jure*. Если главный наслѣдникъ отчуждилъ завѣщанныя имущества или обременилъ ихъ вещными тягостями, эти акты теряютъ силу. Въ случаѣ отчужденія, имущество можетъ быть потребовано отъ новаго приобретателя; другія вещныя права могутъ признаны судомъ не имѣющими силы.

Здѣсь можетъ возникнуть слѣдующее затрудненіе. Подставной наслѣдникъ есть въ то же время сынъ или дочь главнаго наслѣдника, а слѣдовательно и наслѣдникъ послѣдняго. Поэтому онъ наслѣдуетъ и въ обязательствахъ своего отца. Имѣетъ ли онъ право при такихъ условіяхъ въ требовать отчужденное отъ приобретателя. Затрудненіе можетъ быть разрѣшено такъ. Если подставной наслѣдникъ отказывается отъ наслѣдства послѣ главнаго, онъ не считается наслѣдникомъ этого послѣдняго и значитъ не участвуетъ въ его обязательствахъ, а въ такомъ случаѣ онъ сохраняетъ за собою право обратнаго требованія отчужденнаго имущества; если же онъ приметъ наслѣдство безъ оговорокъ, онъ отвѣчаетъ за долги наслѣдодателя и уже не можетъ возражать противъ правъ новаго приобретателя. Но если онъ приметъ наслѣдство по описи (*Sous bénéfice d'impotentaire*), тогда онъ отвѣчаетъ за обязательства наслѣдодателя лишь въ мѣру полученнаго и можетъ потребовать отчужденное, но съ вознагражденіемъ въ суммѣ не свыше унаслѣдованнаго *).

Что касается обыкновенной подставы наслѣдника (*Substitution vulgaire*), то она, какъ видно изъ ст. 898 (распоряженіе, которымъ третье лицо призывается получить даръ, наслѣдство или легатъ въ томъ случаѣ, когда одаренный, наслѣдникъ или легатарій, не получитъ подареннаго, завѣщаннаго или отказаннаго, то это распоряженіе не считается субституціей **) и будетъ дозволено) не воспрещается.

*) Субституція можетъ быть установлена не только посредствомъ завѣщанія, но и посредствомъ даренія. Мы говоримъ вездѣ о завѣщаніи и завѣщателѣ, применительно къ нашему законодательству. Laurent. Cours élémentaire de droit civil. T. 2, p. 293—303, 290—291.

**) Т.-е. запрещенной, фидеикоммиссарной.

VIII. Англійское право.

Подъ подназначеннымъ имѣніемъ (*estate tail*) разумѣтся имѣніе, данное известному лицу и его нисходящимъ (*the heirs of his body*) такимъ образомъ, что оно переходитъ послѣдовательно отъ перваго получившаго къ его дѣтямъ, внукамъ и дальнѣйшимъ нисходящимъ до безконечности, безъ права передачи произвольно кому-нибудь изъ восходящихъ или боговыхъ родственниковъ. Такое имѣніе называется *estate tail* или *estate in fee tail*, отрѣзанное или отрубное помѣстье, потому что, въ отиачіе отъ простыхъ помѣстьевъ, оно сохраняется для одного только класса наслѣдниковъ, съ исключеніемъ другихъ.

Существуетъ нѣсколько видовъ такихъ подставляемыхъ помѣстьевъ, смотря по частнымъ ихъ особенностямъ и протяженію подстановки: 1) обыкновенное подставное (субституированное) помѣстье, когда всѣ законныя нисходящія, связаннаго этой субституціей, призываются къ наслѣдованію въ нормальномъ порядкѣ, безъ всякихъ ограниченій или исключеній. 2) Особое помѣстье, которое можетъ быть получено только опредѣленными законными нисходящими, съ исключеніемъ другихъ, напримѣръ, подстава сдѣлана въ пользу *A* и дѣтей или нисходящихъ отъ брана его съ *B*. 3) Помѣстье мужское (*tail male*) или женское (*tail female*), смотря по тому, идетъ ли оно только къ нисходящимъ мужского или женскаго пола.

Въ настоящее время болѣе всего употребительны субституціи помѣстьевъ общихъ и мужскихъ.

Учрежденіе *fee tail* интересуется, съ одной стороны, тѣхъ изъ наслѣдниковъ одареннаго, кодрые ему подставлены, съ другой—дарителя и его преемниковъ, имѣющихъ не только выговоренныя права на услуги и доходы, пока существуетъ субституція, но также и право получить имѣніе обратно, если не окажется назначенныхъ наслѣдниковъ, въ пользу которыхъ установлена субституція.

Такъ какъ отчужденіе имущества владѣющимъ имъ могло приносить вредъ этимъ обоимъ классамъ лицъ, то только постепенно было предоставлено ему это право. Такъ, относительно наслѣдниковъ еще со времени Генриха II допускалось, что тотъ, кто получилъ землю для себя и для своихъ наслѣдниковъ, могъ лишить ее своихъ боговыхъ родственниковъ, но не нисходящихъ, развѣ въ части и въ исключительныхъ случаяхъ, наприм., чтобы надѣлать дочь приданнымъ или *ad rias causas*. Впослѣдствіи въ актъ объ учрежденіи субституціи вносили оговорку, по которой имущество давалось не только данному лицу и его наслѣдникамъ, но также всякому, кому онъ захочетъ подарить или передать. Наконецъ, право отчужденія помѣстьевъ стало общимъ правомъ, хотя и не безъ борьбы противъ этого со стороны аристократіи.

Во всѣхъ семьяхъ, гдѣ *estates* сохраняются отъ поколѣнія къ поколѣнію, дѣлаются каждый разъ черезъ нѣсколько лѣтъ спеціальныя распоря-

женія по этому поводу. Такъ, въ случаѣ брака даютъ имущество мужу, но исключительно въ пожизненное владѣніе (life estate); женѣ, имѣющей право въ теченіе брака на известную сумму для своихъ личныхъ потребностей—пожизненную ренту (*rent charge* или *annuity*). Въ то же время въ актѣ постановляется, что старшій сынъ, который родится отъ этого брака, получить это самое помѣстье (*in tail*) съ условіемъ выполнить всѣ повинности, которыми оно будетъ обременено, въ пользу вдовы или въ пользу младшихъ братьевъ и сестеръ. Если старшій сынъ умретъ безпотно, имущество переходитъ съ такимъ же титуломъ къ слѣдующему сыну, за нимъ къ слѣдующему и т. д., при недостаткѣ сыновей—къ дочерямъ.

Въ такомъ связанномъ положеніи имущество находится, пока одно изъ тѣхъ лицъ, которому оно досталось *in tail*, достигнетъ двадцати лѣтъ съ годомъ, т. е. возраста, когда оно способно съ согласія отца, имѣющаго право пожизненнаго владѣнія недвижимостью, уничтожить субституцію относительно всѣхъ такъ называемыхъ *remainderman*, т. е. имѣющихъ право ожиданія получить имущество. Собственность оказывается такимъ образомъ свободной и можно учредить новое наследственное помѣстье (*estate*) въ пользу слѣдующаго поколѣнія, обезпечивая такимъ образомъ, что помѣстье не выйдетъ изъ семьи.

Когда владѣлецъ помѣстья впадаетъ въ несостоятельность, банкротство уничтожаетъ субституцію въ пользу кредиторовъ въ той мѣрѣ, въ какой это зависѣло бы отъ самого несостоятельнаго ее уничтожить и имущество идетъ на удовлетвореніе долговъ также, какъ будто рѣчь идетъ о простомъ имуществѣ. При жизни должника кредиторы могутъ (посредствомъ особаго судебнаго приказа—*elegit*) пользоваться отъ своего имени всѣми правами, которыя принадлежатъ должнику на имущество. Но послѣ его смерти его потомство не связано его договорами, касающимися собственности, если оно категорически не приняло на себя этой обязанности.

Владѣлецъ наследственнаго имущества имѣетъ на него весьма широкія права пользованія, которыя онъ можетъ осуществлять, не имѣя нужды начинать съ уничтоженія субституціи. Онъ можетъ рубить строевой лѣсъ для собственной надобности, эксплуатировать минеральныя богатства и т. п. Онъ можетъ даже заключать наемные контракты, хотя бы и стѣсняющіе его наследниковъ, съ условіемъ только, чтобы они не простирались долѣе 21 года со дня заключенія контракта.

Вообще *estate tail* учреждается посредствомъ завѣщанія или брачнымъ контрактомъ; но онъ можетъ быть учрежденъ также и посредствомъ всякаго друго акта *).

IX. Русское право.

Наши духовныя грамоты съ древнѣйшихъ временъ отличались, сравнительно съ римскимъ testamentомъ, значительнымъ разнообразіемъ своего

*) Prof. E. Lehr: „Éléments de droit civil anglais“, 163—176.

содержанія. Въ нихъ мы находимъ не только указаніе на наслѣдниковъ, но и другія предсмертныя распоряженія. Относительно наслѣдниковъ бывали случаи и, повидимому, нерѣдкіе, что одно и то же имущество одному лицу назначается въ пожизненное владѣніе, а другому—въ собственность *). Нерѣдко также имущество завѣщалось подъ условіемъ **).

Въ числѣ такихъ условныхъ назначеній, а иногда и въ соединеніи съ условіемъ въ настоящемъ смыслѣ, мы встрѣчаемъ примѣры назначенія наслѣдниковъ съ подставой въ разныхъ видахъ. Правда, что примѣры такихъ назначеній мы встрѣчаемъ и въ княжескихъ духовныхъ грамотахъ, что какъ бы указываетъ на то, что они имѣли специальный характеръ—передачу не частной собственности, а удѣла. Но, во-первыхъ, подставныхъ наслѣдниковъ, какъ сейчасъ увидимъ, мы встрѣчаемъ и въ духовныхъ грамотахъ частныхъ лицъ, а во-вторыхъ, несомнѣнно, что и въ распоряженіяхъ удѣлами примѣнялись князьями частноправныя точки зрѣнія и са-

*) „А что и съ тыхъ волостей за Княгиню за Марью, тѣ волости до ея живота и села; а по ее животъ, тѣ волости и села сыну моему Князю Дмитрю“.

„...а по животъ моее Княгини тѣ волости и села и треть тамга дастся сыну моему Князю Дмитрю и Князю Ивану“.

Духовная грамота Великаго Князя Іоанна Іоанновича (I-ая) 1356 г. Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Ч. I. № 25.

То же распоряженіе повторяется во II духовной грамотѣ того же великаго князя 1356 г., № 26.

А размыслитъ Богъ о Княгинѣ моеѣ, по ее животъ, мнѣ и тамга дѣтямъ моимъ. Дух. Грамота Князя Володимира Андреевича 1410 г., № 40.

А тѣ волости и села Княгинѣ моеѣ до ее живота. Дух. Грам. В. К. Василя Дмитриевича 1424 г., № 42. Ср. еще духовная грам. № 39.

**) А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородицкое, а даль есмь Борису Ворькову, аже иметъ сыну моему, которому *служити*, село будетъ за нимъ; не иметъ ли служити дѣтемъ моимъ, село отонмуть. Дух. Грам. В. К. Ивана Даниловича Калиты (II-ая). 1328 г., № 22.

А что есмь пожаловалъ Бояръ своихъ... *докомъ служатъ* мнѣ и моимъ дѣтемъ и ихъ дѣти, и учнутъ служити моему сыну и ихъ дѣти, ино то имъ есть, а не имутъ служити моему сыну, ино ихъ отчина моему сыну. Дух. Грамота Кн. Бориса Васильевича Волоцкаго 1477 г., № 105.

А Бояромъ и дѣтемъ Боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына отъ Василя не отѣхати никому никудъ; а кто отыдетъ и земля ихъ сыну моему.

А отыдетъ Князь Федоръ (Бѣльскій) въ кому-нибудь и та его вотчина Лухъ и съ тѣми волостями сыну моему Василю. Дух. Грам. В. К. Іоанна Васильевича 1504 г., № 144.

А жена моя оже есдытъ въ животѣ моемъ, ино осподарыня животу моему, или поидетъ замужь ино ей надѣлка десять рублей. Акты Юридическіе 409 XIV и XV в. Духовныя Новгородцевъ и Двиняня. I.

А на Нязу села въ Заострови, Варханцевъ конецъ, меншимъ дѣтемъ съ матерью, а поидетъ замужь, ино ей не дати участокъ ничего и участка ей въ землѣ мѣть. 409, X.

А поидетъ жена замужь, ино та деревня дѣтемъ моимъ всѣмъ, на подѣлъ. Дух. Грам. Акинѣева, нач. XVI в., 14.

ныя распоряженія идутъ въ перемежку—объ волостяхъ, селахъ и разнаго рода домашнемъ скарбѣ. Только постепенно великіе князья проникались, раздавая удѣлы своимъ дѣтямъ, соображеніями государственнаго интереса.

Сначала приведемъ распоряженія этого рода, взятые изъ духовныхъ грамотъ частныхъ лицъ,—духовныхъ новгородцевъ и двинянъ XIV и XV вв.

Нѣкто Остафій въ рукописаніи своемъ «приказываетъ свой животъ» (движимость) своей матери и сыну Ѳеодору (малолѣтнему) свою вотчину и дѣдину, а вотчину и дѣдину на Волоти и проч. съ братомъ Григорьемъ пополамъ. Если же послѣ смерти завѣщателя родится сынъ, тогда все имущество обомъ сыновьямъ пополамъ, если дочь—старшій братъ долженъ надѣлать ее приданымъ. Пока малолѣтній сынъ Ѳеодоръ придетъ въ возрастъ, хозяйствомъ завѣдываетъ братъ Григорій и доходы отдаетъ наследникамъ—матери и сыну. Если бы же дѣти умерли, тогда половина всего имущества должна поступить брату Григорію, а другая половина на помяновеніе души родителей завѣщателя и его самого *).

Здѣсь мы видимъ назначеніе подставнаго наследника (брата Григорія) на случай смерти первоначальныхъ наследниковъ—сыновей завѣщателя и судя по ходу рѣчи завѣщанія—назначеніе, послѣ вступленія уже въ наследство первоначальныхъ наследниковъ, т.-е. мы имѣемъ дѣло съ фидекомиссарной субституціей.

Завѣщатель Петръ Молечкинъ пишетъ духовную, «идучи на Великаго Князя службу въ Нижней Новгородѣ» и распредѣливши значительную часть имущества по церквамъ и монастырямъ «по родительскихъ душахъ и по своей души», остальное завѣщаетъ своимъ родственникамъ—зяткамъ, сестрамъ и племяннику. При этомъ назначаетъ имъ подставнаго наследника: «да благословляю свою зятю и свои сестры вотчинными своими землями» (слѣдуетъ перечисленіе лицъ и деревень).

*) Вотъ относящаяся сюда мѣста духовной:

А приказываю животъ свой госпожѣ своей матери Онтоньи и сынови своему Ѳеодору, отцину свою и дѣдину, землю и воду, по отца своего рукописанью и по володѣнью. А что отцина моя и дѣдина на Волоти, земля и вода, и пожни, и лѣса, въ Ходнии и въ Дрозднѣ... мѣ съ братомъ своимъ, съ Григорьемъ наполю, а моя половина сыну моему чиста... А жена моя оже всѣдетъ въ животъ моему, ино осподарина животу моему, или пойдетъ замужъ, ино ей надѣлка десять рублей; а что принесла порты и круту и челядь, а то ей и есть. А будетъ у моей жены сынъ, ино моимъ дѣтямъ животъ мой и села мои и челядь моя наполю; или будетъ дѣи, ино выдастъ ю братъ Ѳеодоръ по снѣгъ; а докогда сынъ мой Ѳеодоръ подростетъ, а докогда ѣдетъ по моимъ селамъ братъ мой Григорій, въ мое мѣсто, и людьми моими володѣтъ, а хлѣбъ и куны и даръ, а то идетъ матери моей и сыну моему Ѳеодору. Или Божь умыслитъ о дѣтяхъ моихъ, ино брату Григорью половина въ животъ моему, въ снѣгъ и въ водѣ; а другую половину живота моего, въ землѣ и въ водѣ, ты братъ Григорей испродай да выйди во вседневни службы отца моего и матеръ мою и мене, а остаткомъ и ты по насъ помани. Акты Юрид. 409 XIV и XV вв. Дух. Грам. Новгородцевъ и Двинянъ. I.

«...А послѣ меня родитца у моей жены сынъ, ино отчина моя вся сыну моему... а родитца у моей жены дочь, ино дать ей восемьдесятъ рублевъ изъ моего живота».

Здѣсь рожденіе сына является резолютивнымъ условіемъ прекращенія наследственныхъ правъ прежде назначенныхъ наследниковъ и перехода этихъ правъ ко второму подставному наследнику *).

Монастырскій слуга Лука Михайловъ Сахаровъ пишетъ изустную духовную память, сначала указывая, кому что отдать и на комъ что взять, затѣмъ дѣтей своихъ—дочерей отъ первой жены, «благословляетъ» разнаго рода домашними вещами. А за симъ такъ распоряжается: «а иные всё мои станки, дворъ и хоромы, хлѣбъ и платье, и всякой животь (движимость) и домовою всякой обиходъ, все чернѣ и бѣлѣ женѣ моей (второй) Иринѣ, съ первыми моими дѣтми (—) дочерми первой моей жены и съ другими моими дѣтми, съ сыномъ моимъ Иваномъ, что съ ней Ириной прижитъ, все имъ вмѣстѣ, по вытню, поровну. А будетъ судьбами Божиими лучитца первой моей жены дочеремъ моимъ отъ жизни сея преставитись, и станки мои всё (а оставшееся наследство) сыну моему Ивану, а будетъ ему сыну моему Ивану лучитца смерть, а онѣ дочери мои останутца, и станки мои дочеремъ моимъ. А будетъ изводитъ жена моя, послѣ моего живота, замужъ итти, и ей кроиѣ своего приданого платья, что у ней съ собой принесено, до иныхъ станковъ моихъ ни до чего дѣла нѣтъ, все сыну моему Ивану или дочеремъ, кто у нихъ въ жизнь сію останетца» **).

Завѣщается по этой духовной имущество второй женѣ и дѣтямъ завѣщателя—дочерямъ отъ первой жены и сыну отъ второй, всёмъ поровну. Въ случаѣ смерти дочерей—подставляется наследникомъ сынъ, въ случаѣ смерти сына—дочери.

Право жены на наследство прекращается съ выходомъ замужъ. И здѣсь, повидимому, подстава предполагаетъ предварительное вступленіе въ наследство первыхъ наследниковъ. Слѣдовательно, имѣеть мѣсто субституція фидеикомиссарная.

Федоръ Агиньфиевъ «благословляетъ» дѣтей своихъ деревнями, землями и погнями». Бромъ того «да благословилъ сына своего Матѣея, и съ матерью, деревнею Фоминьскою... а пойдетъ жена моя замужъ, ино та деревня дѣтемъ моимъ, всёмъ на подѣль» ***).

Здѣсь условное назначеніе наследницей жены, если не выйдетъ замужъ. На случай наступленія условія подназначаются наследники ей—дѣти.

Переходимъ къ духовнымъ князямъ.

В. Б. Дмитрій Іоановичъ въ своей духовной приказываетъ отчину свою Москву дѣтямъ своимъ: князьямъ—Василію, Юрію, Андрею, Петру

*) А. Ю. 1525 г., № 418.

**) А. Ю. Духовная монастырскаго слуги Луки Сахарова 1671 г., апрѣль, № 427.

***) А. Ю. № 414. Начала XVI в. Духовная Федора Акинфиева.

въ этомъ распоряжается: «а по грѣхомъ котораго сына моего Богъ отъиметь и княгиня моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ моихъ... а по грѣху отъиметь Богъ сына моего Князя Василья, а кто будетъ подѣлитъ сынь мой, ино тому сыну моему Князь Васильевъ удѣль, а того кто подѣлитъ ихъ моя Княгиня» *). Здѣсь мы видимъ тоже подставу сыновъ: послѣ дѣтей назначаются наследниками ихъ братья, только не между сонаслѣдниками производятъ мать ихъ.

Подобное же распоряженіе мы находимъ въ духовной грамотѣ князя Дмитріевича Галицкаго: «Приказываю дѣтемъ своимъ Василью, моему и Дмитрею меншему вотчину свою въ Москвѣ, своей Жеребей... по грѣхомъ котораго васъ Богъ отъиметь, а не останется после его сына, ино того удѣль тѣмъ, которыми останутся живы» **). Въ отличіе предыдущей духовной здѣсь удѣль поступаетъ въ наследство прямо, посредствомъ дѣлежа между сонаслѣдниками, какъ въ предыдущей гра-

мотѣ своей духовной грамотѣ великій князь Василій Дмитріевичъ «дастъ своему сыну князю Ивану и своей княгинѣ. Дѣлая назначенія этой грамоты изъ разныхъ селъ, въ томъ числѣ завѣщая ей то, что останется послѣ его матери (а отведеть Богъ мать мою, ино по матери моему Песочна моей же княгинѣ) дѣлаетъ такое распоряженіе: «А по грѣху княгининские пошлые, то ее и естъ; а вѣдаетъ тѣ села пошлыинские до толе княгиня моя, доколѣ дасть Богъ женится сынъ мой, ино дасть тѣ села сына моего княгинѣ, своей сносѣ, которая была издавна за княгинями» ***).

Въ этой грамотѣ подставляется наследница вдовъ завѣщателя—ея сноха, а передача опредѣляется не временемъ смерти перваго наследника, обыкновенно, а наступленіемъ опредѣленнаго событія,—вступленія сына завѣщателя.

Духовная грамота князя Володимира Андреевича. Въ этой грамотѣ дасть рядъ сыновьямъ и княгинѣ женѣ своей и при этомъ дѣлаетъ числѣ прочихъ, такое распоряженіе. «А по грѣхомъ отъиметь сына котораго изъ сыновъ моихъ, а останется его жена, а не пойма на мужъ, и сноха моя съ своими дѣтьми сидитъ въ мужа своего до своего живота, а размыслитъ Богъ о сносѣ моей, и тотъ удѣль ее, а моему внуку; а не будетъ сына, а останется дщи и дѣти мои, а сына моего дщерь выдадутъ за мужъ, а брата моего удѣломъ подѣлятъ все равно» ****).

Въ этой грамотѣ устанавливается такой порядокъ наследованія. На-

Дух. Грам. В. К. Дмитрія Іоанновича (II-ая) 1389 г. Собр. Госуд. Грам. и Уставъ, № 34.

Дух. Гр. Князя Георгія (Юрья) Дмитріевича Галицкаго писана около 1434 г. Т. Г. и Д., № 31.

Д. Г. В. к. Василя Дмитріевича (1-я) 1406 г., № 39.

Д. Г. Князя Володимира Андреевича, 1410 г., № 40.

Т. Г. и Д., 1906 г.

слѣдниками назначаются сыновья завѣщателя; а послѣ смерти кого изъ нихъ, ихъ удѣлы поступаютъ въ пожизненное владѣніе ихъ жёнъ условіемъ невыхода замужъ; послѣ смерти которой-либо изъ сноекъ будетъ сынъ ея, а внукъ наследователя, а если внука не будетъ, а не останется внучка, то сыновья завѣщателя должны ея, свою племянницу, дать замужъ, а сами унаследуютъ удѣлъ ея отца, подѣлившись поровну. Итакъ, здѣсь главнымъ наследникомъ подставляются либо ихъ жёны (сыновья), либо боковые братья, въ промежуткѣ вставляется пожизненное владѣніе вдовъ.

Въ духовной грамотѣ вел. кн. Іоанна Васильевича читаемъ: «А отъ моего сына не станеть, а не останется у него ни сына, ни дѣтей, ни мно его удѣлъ весь въ Московской землѣ и въ Теерской землѣ, что ему ни дасть, то все сыну моему Василью» *).

Въ этой духовной завѣщатель подставляетъ своимъ наследникамъ случай безпотомной смерти ихъ, старшаго своего сына, а брата и племянниковъ.

Итакъ, духовныя несомнѣнно свидѣлствуютъ, что нашему русскому быту извѣстна была подстава наследниковъ, даже и въ видѣ называемой фидеикомиссарной субстанции, хотя законодательныя акты того времени вышеприведенныхъ духовныхъ, такъ и позднѣе, объ этомъ умалчиваютъ, но они умалчиваютъ о многомъ, касаясь гражданскихъ отношеній. Обычай восполнять и закрывать законъ. А забота о старейшемъ обычаю, при слабости законодательства, былъ большой. Даже являясь византийскаго права, не взирая на ближайшее участіе въ этомъ рода духовенства, трудно сказать что-либо опредѣленное.

Что касается литовско-русскаго завѣщанія, то, повидимому, оно началось большей свободой въ распоряженіи имуществомъ, нежели русское: къ наследованію допускались и посторонніе—не родственники (на что только псковская судная грамота даетъ неясное указаніе въ томъ, что «не сторонніи люди» **). А это могло способствовать и допущенію чужаковъ въ наследованіе. Въ тому же литовское право открывало возможность вліянія римскаго права, въ видѣ дополнительнаго источника права, «если бы чего-нибудь въ этомъ статутѣ не доставало, тогда судья, стремясь къ близшей справедливости, долженъ отправлять (свои обязанности) и судить по своей совѣсти и по примѣру другихъ правъ христіанскихъ (лит. ст. разд. 4, арт. 14); а такимъ примѣромъ было прежде всего римское, какъ въ коронѣ, такъ и въ Литвѣ ***).

Исторія права послѣдующаго времени не даетъ намъ данныхъ для

*) С. Г. Г. 1504 г. (144).

**) «А оу котораго оумръшаго, а будетъ отецъ, или мать, или сынъ, или дѣть, или сестра, или кто ближняго племени, а животомъ владѣть, а только не родственники, ино имъ волю искати безъ заклада и безъ записи оумръшаго, а волюжъ искати».

***) Th. Ostrowski: „Prawo Cywilne Narodu Polskiego“, t. I, ed. 2, стр. 3.

мыхъ заключеній о томъ, насколько допускаема была подстава наслѣдниковъ. Да и вообще законодательное завѣщательное право было весьма скудно. Это надо сказать не только о Судебникахъ, но и объ Уложеніи. Но если мы не имѣемъ постановленій, опредѣляющихъ подставу, то не имѣемъ и запрещеній ея. Одно историческое явленіе, а именно постепенное стѣсненіе распоряжаться завѣщательнымъ порядкомъ родовыми имуществами, закончившееся полнымъ запрещеніемъ указомъ 19 іюня 1679 г., не могло не отражаться на свободѣ подставъ относительно родовыхъ имуществъ, и, наоборотъ, неоднократно подтверждавшееся право свободного распоряженія имуществами благопріобрѣтенными естественно открывало возможность дѣлать разныя сочетанія завѣщательныхъ распоряженій, а въ томъ числѣ и подставъ наслѣдниковъ въ этихъ имуществвахъ.

Въ практикѣ возникали случаи подставныхъ назначеній и въ сомнительныхъ случаяхъ восходили до высшихъ учреждений. Такъ въ 1804 г. разсматривалось въ судебныхъ учрежденіяхъ дѣло о духовномъ завѣщаніи помѣщицы Опочининой, которымъ она завѣщала свое благопріобрѣтенное имѣніе внукамъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ ихъ смерти доходы съ завѣщаннаго имѣнія поступали въ пользу ихъ матери (дочери завѣщательницы), а послѣ ея смерти въ пользу ея мужа (отца внуковъ). Высочайшимъ указомъ завѣщаніе это было утверждено, согласно дворянской грамотѣ (по которой: благородному свободная власть и воли оставляется, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить или *завѣщать*, или въ приданое, или на прожитокъ отдать, или передать, или продать кому заблагоразсудитъ) и въ заключеніи было повелѣно: чтобы впредь каждый, располагая благопріобрѣтенными имѣніями по произволу, могъ отдавать, дарить и завѣщать ихъ на такихъ условіяхъ объ образѣ пользованія и управленія, какія за благо признаетъ, лишь бы условія сіи общими государственными законами не были противны *).

Такимъ образомъ, этимъ завѣщаніемъ устанавливались легаты послѣдовательно въ пользу двухъ лицъ и притомъ послѣ смерти первыхъ наслѣдниковъ, распоряженіе, которое позднѣйшамъ правомъ, какъ увидимъ, не могло быть оставлено въ силѣ.

Послѣ этого въ практикѣ возникали вопросы, которые въ прежнее время въ духовныхъ грамотахъ не возбуждали сомнѣній, а именно: можетъ ли завѣщатель, назначивъ имѣніе въ собственность одному лицу, на случай смерти его, подставить ему наслѣдника.

Въ 1814 г. доходило до разсмотрѣнія государственнаго совѣта слѣдующее завѣщаніе гр. Буксгевдена. Завѣщательное распоряженіе заключалось въ слѣдующемъ: 1) Младшій сынъ завѣщателя вступить въ полное распоряженіе и владѣніе завѣщаннымъ имѣніемъ лишь тогда, когда женится и будетъ имѣть дѣтей, а до тѣхъ поръ имѣніемъ должно управлять назначенное завѣщателемъ лицо. 2) Оба сына и законные ихъ наслѣдники

*) К. П. Побѣдоносцевъ: „Курсъ гражд. права“, ч. II, изд. 3, стр. 562—563.

до третьяго колѣна не имѣютъ права ни продавать, ни закладывать завѣщанное имѣніе, а право это будетъ принадлежать лишь правнукамъ ихъ. 3) Если по смерти сыновей жены ихъ останутся бездѣтны, то оставшимся наслѣдникамъ заплатить каждой изъ нихъ по 50 тыс. руб. ассигнац. Сенатъ нашелъ, что всѣ эти распоряженія противозаконны. То же подтвердилъ и государственный совѣтъ.

1-й п. этого завѣщанія, очевидно, былъ отвергнутъ по недопустимости такого рода условій,—условіемъ полученія завѣщаннаго поставлена женитьба наслѣдника. 2-й п. потому, что ограничивалъ право собственности у послѣдующихъ собственниковъ. 3-й п., стѣснялся легатами послѣдующихъ за первымъ наслѣдниковъ. (Мотивы совѣта намъ неизвѣстны. Свѣдѣнія о завѣщаніи гр. Буксевдена почерпнуты нами изъ «Бурса гражд. права» К. П. Побѣдоносцева *)).

22 мая 1827 г. разсматривался вопросъ о завѣщаніи Олсуфьевой, которая завѣщала благопріобрѣтенное имѣніе братьямъ своимъ Делединскимъ, съ тѣмъ, чтобы по кончинѣ ихъ оно поступило опять въ распоряженіе завѣщательницѣ. Такое распоряженіе было признано незаконнымъ, ибо по смерти Делединскихъ права ихъ на имѣніе, обратившееся въ родовое, естественно переходятъ къ ихъ наслѣдникамъ.

Въ 1839 г. возникло извѣстное дѣло о завѣщаніи бригадирши Лопухиной, которымъ, устранивъ отъ наслѣдства сыновей, завѣщала благопріобрѣтенное имѣніе двумъ дочерямъ въ вѣчное и потомственное владѣніе ихъ и наслѣдниковъ ихъ, съ тѣмъ, чтобы дочери ея, раздѣливъ по смерти ея имѣніе, состояли другъ послѣ друга исключительно наслѣдницами съ своими нисходящими, а буде таковыхъ не будетъ, то имѣніе отдано было бы въ казенное вѣдомство. Государственный совѣтъ, который разсматривалъ это дѣло, нашелъ, что по силѣ законовъ: «владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имѣнія располагаетъ имъ свободно и неограниченно, можетъ дарить и завѣщать его по собственному произволу, и имѣть даже право силою завѣщанія обязать избраннаго имъ наслѣдника на время жизни его къ исполненію нѣкоторыхъ по имуществу распоряженій, каковы, наприм., денежные выдачи и т. п.; но по смерти сего лица, когда завѣщанное ему имѣніе обращается въ разрядъ имѣній наслѣдственныхъ, оное ни въ порядкѣ управленія, ни въ порядкѣ дальнѣйшаго его перехода, произволу перваго вотчинника подлежать уже не можетъ». На семъ основаніи повелѣно признать недѣйствительнымъ распоряженіе Лопухиной о порядкѣ наслѣдованія, послѣ смерти дочерей ея, имѣніемъ; которое она имъ завѣщала и которое, поступивъ въ ихъ владѣніе и обратясь уже въ имѣніе родовое, не подлежало болѣе дѣйствию завѣщанія» **).

Вчитаемся въ это мнѣніе государственнаго совѣта, послужившее какъ бы поворотнымъ пунктомъ въ нашемъ завѣщательномъ правѣ. Здѣсь прежде

*) Стр. 563, 596.

**) *Неволинъ*: „Исторія російскихъ гражданскихъ законовъ“. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 27 и 28.

всего подтверждается исторически-выработавшееся и закрѣпленное жалованной грамотой дворянству и Городовымъ Положеніемъ полноправіе собственниковъ благопріобрѣтенныхъ имѣній. Право такихъ собственниковъ государственный совѣтъ называетъ «свободнымъ», произвольнымъ и «неограниченнымъ». Эта завѣщательная свобода ставится въ связь съ свободой дарственныхъ актовъ и сдѣлано это не случайно, потому что во время, предшествовавшее изданію Свода Законовъ, въ нашемъ законодательствѣ замѣтно было стремленіе къ сближенію этихъ обоихъ видовъ дарственныхъ актовъ и перенесеніе на завѣщаніе свойствъ даренія.

Несомнѣнно, что такое сближеніе сохраняетъ и нашъ дѣйствующій законъ. Это отразилось и на системѣ Свода Законовъ гражданскихъ: о дареніи съ его подвидами (пожалованіемъ, выдѣломъ и приданымъ) идетъ рѣчь въ одномъ и томъ же раздѣлѣ (первомъ) 3-ей книги, между тѣмъ какъ пріобрѣтеніе имущества наследствомъ по закону обособлено въ отдѣльномъ раздѣлѣ (второмъ). А дарить благопріобрѣтенное имущество можетъ «владѣлецъ не только свободно по своему произволу», но и на такихъ «условіяхъ объ образѣ пользованія и управленія даримымъ имуществомъ, какія даритель за благо признаетъ, лишь бы такія условія не были противны общимъ законамъ (ст. 967 и 975).

Не подлежитъ сомнѣнію, что такое же право должно быть предоставлено и завѣщателю благопріобрѣтенныхъ имущества, и дѣйствительно, ст. 1067 говоритъ: всѣ имущества благопріобрѣтенныя могутъ быть завѣщаемы *неограниченно*. Поэтому завѣщатель «въ предѣлахъ закона» можетъ обставлять свое завѣщаніе условіями, можетъ условно завѣщать, какъ можетъ условно дарить («по собственному произволу»). А къ числу такихъ допустимыхъ условій должна быть отнесена и подстава наследника на случай, если назначенный наследникъ не станетъ наследникомъ (все равно по волѣ своей или независимо отъ воли). Этихъ соображеній вполне достаточно для допустимости, съ точки зрѣнія нашего закона, обыкновенной подставы наследника (*substitutio vulgaris*) при отсутствіи прямого запрещенія такой подставы. Впрочемъ, по этому поводу въ последнее время не замѣчается разногласія какъ въ литературѣ юридической, такъ и въ судебной практикѣ, хотя и не всегда съ одинаковой мотивировкой. Такое же согласіе наблюдается и въ другомъ отношеніи, относительно недопустимости субституціи фидеикоммиссарной. Эта недопустимость выводится исключительно изъ указа по дѣлу Лопухиной. Но даетъ ли дѣйствительно этотъ указъ вполне ясное и точное разрѣшеніе этого вопроса, и именно въ такомъ категорическомъ смыслѣ. Обратимся къ содержанію указа. Указъ состоялся по частному дѣлу, и государственный совѣтъ высказывалъ свое мнѣніе, очевидно, отправляясь отъ обстоятельствъ этого дѣла. А дѣло касалось завѣщательнаго распоряженія, состоявшагося хотя и относительно благопріобрѣтеннаго имѣнія, но въ пользу такихъ лицъ, въ рукахъ которыхъ пріобрѣтенное ими имущество становится родовымъ. Вотъ это-то обстоятельство и есть исходный пунктъ и коренная причина тѣхъ

запрещеній, который создаетъ указъ 1839 г.: «Когда завѣщанное имѣніе обращается въ разрядъ имѣній *наслѣдственныхъ*, оно не въ порядкѣ управленія, ни въ порядкѣ дальнѣйшаго его перехода произволу перваго вотчинника подлежать уже не можетъ». Слѣдовательно и наоборотъ: когда завѣщанное имѣніе «не обращается въ разрядъ *наслѣдственныхъ*», а остается и у наслѣдника благопріобрѣтеннымъ, оно какъ въ порядкѣ управленія, такъ и въ порядкѣ дальнѣйшаго перехода можетъ подлежать произволу перваго вотчинника, т.-е. онъ можетъ въ такомъ имѣніи подставить первому наслѣднику послѣдующаго. Единственный же случай, когда завѣщанное имущество становится родовымъ у получившаго его по завѣщанію, представляютъ имущества, дошедшія отъ перваго ихъ пріобрѣтателя, хотя и по духовному завѣщанію, но къ такому родственному лицу, которое имѣло бы по закону право наслѣдованія (ст. 399, п. 2).

Правда, что нѣкоторые изъ нашихъ юристовъ, занимавшіеся разсматриваемымъ вопросомъ, стараются дать слову «наслѣдственное» особый смыслъ. Такъ Сбитневъ говоритъ: «Хотя слово «наслѣдственное» и «родовое» суть понятія тождественныя, но въ настоящемъ случаѣ законъ, назвавши такія имѣнія наслѣдственными, не имѣетъ въ виду сдѣлать ихъ родовыми, а желаетъ выразить ограниченіе пространства времени, которое можетъ быть объято завѣщаніемъ, слѣдовательно, смотря по тому, завѣщано ли имѣніе наслѣднику по закону или чужеродцу, т.-е. становясь родовымъ или благопріобрѣтеннымъ (397 ст., 2 п.), имѣніе входитъ въ разрядъ наслѣдственныхъ или такихъ, которыя въ дальнѣйшемъ переходѣ своемъ подвергаются, или наслѣдству по закону и (или) наслѣдству по завѣщанію» *).

Трудно согласиться съ этимъ, не совсѣмъ вразумительнымъ и искусственнымъ толкованіемъ слова «наслѣдственное».

Если понятія «наслѣдственное и родовое» тождественныя (что не подлежитъ сомнѣнію: нашъ законъ, по историческому происхожденію, различаетъ имущества либо родовыя, либо благопріобрѣтенныя и третьей категоріи—наслѣдственныя—не знаетъ), то указъ, называя имѣніе наслѣдственнымъ, хотѣлъ именно отмѣтить этимъ его родовой характеръ и такимъ образомъ подчинить его тѣмъ ограниченіямъ, которыя созданы для этого вида имущества, т.-е. устранить возможность завѣщательныхъ по отношенію къ нимъ распоряженій. Что же касается того, что законъ, назвавши «наслѣдственными» благопріобрѣтенныя имущества, завѣщанныя дочерямъ, «не имѣлъ въ виду сдѣлать этихъ имущества родовыми», то соображеніе это неосновательное: не могъ этого «не имѣть въ виду законъ», разъ по закону такого рода имущества (т.-е. перешедшія по завѣщанію къ родственнику, имѣющему право законнаго наслѣдованія) считаются родовыми.

Также неудовлетворительно и другое объясненіе термина наслѣдствен-

*) „О духовныхъ завѣщаніяхъ“. *Журн. Мин. Юст.* 1861 г., т. II, стр. 206.

ній. «Очевидно,—говорить г. Монсеенко,—что здѣсь подѣ выраженіемъ *наследственный* устанавливается предѣлъ власти первоначальнаго собственника не только въ имѣніяхъ родовыхъ, но и въ благопріобрѣтенныхъ; иначе это выраженіе противорѣчило бы смыслу ограниченія «лишь на время жизни» (прим. къ ст. 1011 и ст. 1086)». Но что значить «устанавливается предѣлъ власти первоначальнаго собственника». Развѣ власть какова бы то ни было собственника простирается за предѣлы его жизни и развѣ мертвые имѣютъ какія бы то ни было права? Поэтому и дальнѣйшее разсужденіе автора: «Выраженіе *наследственный* должно быть понимается въ томъ смыслѣ, что имѣніе по смерти первоначальнаго собственника подлежитъ уже не его произволу, а наследованію по закону или по завѣщанію послѣдняго собственника»,—ничего не разъясняетъ.

«Что слово *наследственный*,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—нельзя понимать въ смыслѣ *родовой*, видно изъ того, что имущества, переходящіе по духовному завѣщанію, не всегда обращаются въ родовыя, а только въ случаѣ, указанномъ во 2 п. 399 ст., X. т., 1 ч., во всякомъ другомъ случаѣ они будутъ имуществами благопріобрѣтенными» *).

Но дѣло бригадирши Лопухиной именно и касалось этого *перваго* случая и по отношенію къ нему завѣщанное имущество дѣйствительно становилось *наследственнымъ* или родовымъ. Такъ сказано и въ указѣ 18 ноября 1839 г., а засимъ и въ примѣч. къ ст. 1011: «На семъ основаніи повелѣно признать недействительнымъ распоряженіе Лопухиной о порядкѣ наследованія, по смерти дочерей ея, имѣніемъ, которое она имъ завѣщала и которое, поступивъ въ ихъ владѣніе и обратясь уже въ имѣніе родовое, не подлежало болѣе дѣйствию завѣщанія.

Указывается также на то, что государственный совѣтъ, высказавши свое мнѣніе по дѣлу бригадирши Лопухиной, приведенное въ примѣч. къ ст. 1011, разсуждалъ, «что при строгомъ только соблюденіи сего порядка, коренныя наши постановленія о наследіи могутъ сохранять свое значеніе и свою силу, и дѣйствительность; въ противномъ же случаѣ разнообразныя, нерѣдко необдуманная желанія и намѣренія частныхъ лицъ замѣнили бы единообразное и постоянное дѣйствіе закона. Независимо отъ сего, допущеніе произвольныхъ условій въ порядкѣ наследованія дало бы завѣщателю власть учреждать майоратства безъ Высочайшаго разрѣшенія» **).

Думаемъ, что подѣ «коренными нашими постановленіями о наследіи», государственный совѣтъ разумѣлъ именно постановленія о родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ имуществахъ, ибо съ этимъ дѣленіемъ имуществъ связано самое различіе въ порядкѣ наследованія: законномъ и завѣщательномъ, а въ первомъ—различіе при наследованіи въ боковой и восходящей линіяхъ, и при наследованіи супруговъ. Что же касается учрежде-

* Н. Монсеенко: «О субституціи въ завѣщаніи по русскому положительному праву.—Ученыя записки Казанскаго университета». 1874 г. (LXI), стр. 775.

** Г. П. Побѣдоносцевъ, стр. 564.

нія майоратовъ, то между подставой наследника, хотя бы и фидуциарной, и майоратомъ есть значительная разница. При субституціи участвуетъ одинъ или послѣдующій замѣститель прежде назначеннаго наследника; при майоратѣ опредѣляется навсегда (только по исключенію закона) юридическая судьба опредѣленнаго размѣра недвижимости, изданная для него спеціальнаго учредительнаго акта.

Итакъ, полагаемъ, что государственный совѣтъ вовсе не задумывалъ воспретить у насъ рѣшительно и безусловно возможность назначенія въ завѣщаніи послѣдующихъ наследниковъ раньше назначеннаго. Онъ хотѣлъ только сохранить въ неприкосновенности старый законъ: родовое имущество должно идти въ родъ по разѣ предначертанному вѣковымъ порядку. Пока имущество сохраняетъ характеръ благопріобрѣтеннаго оно свободно: собственникъ его можетъ имъ распоряжаться не только во время жизни, но и на случай смерти по своему усмотрѣнію, но разѣ ставленіемъ родовымъ, прижизненная безсмертная его передача и посмертный переходъ лежатъ внѣ воли собственника. Въ эти границы заключено и право завѣщателя ставить наследника наслѣднику: въ благопріобрѣтенныхъ имуществахъ по скольку при послѣдующихъ наслѣдственныхъ передачахъ они сохраняютъ свойство благопріобрѣтенности, оно свободно, т.-е. при завѣщаніи чужеродцу или родственнику, не имѣющему по закону права наслѣдованія; напротивъ, въ родовыхъ имуществахъ, если бы относительно ихъ было составлено духовное завѣщаніе (въ пользу лицъ, имѣющихъ права наслѣдованія по закону), оно не допускается.

Однако же и въ тѣхъ случаяхъ, когда подстава наследника не допускается, возможны ограничительныя распоряженія, стѣсняющія права наслѣдника; такъ, онъ можетъ быть обремененъ легатами въ пользу другихъ лицъ (денежныя и другія выдачи, прим. къ ст. 1011 и ст. 1012); равно завѣщанное ему имущество въ собственность можетъ быть оставлено вмѣстѣ съ тѣмъ другому въ срочное и даже пожизненное владѣніе. Не будетъ противорѣчить нашимъ законамъ даже и послѣдовательное значеніе нѣсколькимъ лицамъ срочнаго владѣнія, лишь бы эта срочность не продолжалась за предѣлы жизни назначеннаго наследника. Законъ нашъ, предоставляя завѣщательную свободу относительно благопріобрѣтенныхъ имуществахъ, во ірво даетъ возможность завѣщателю всячески ограничить свои распоряженія. Владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имущества говоритъ законъ, — располагаетъ имъ свободно и неограниченно, и имѣетъ даже право силою завѣщанія обязать избраннаго имъ наследника, на время жизни его, къ исполненію нѣкоторыхъ по имуществу распоряженій (прим. къ ст. 1011), а такое распоряженіе можетъ заключаться и въ томъ, что наслѣдникъ долженъ терпѣть предоставленное третьему лицу или тремъ лицамъ одному за другимъ право пользованія въ завѣщанномъ имуществѣ. Скажутъ, что въ такомъ случаѣ права наслѣдника равняются нулю: онъ не равняется нулю, — онъ можетъ пользоваться извѣстнымъ кредитомъ и обезпеченіемъ имѣнія, можетъ пользоваться цензовыми правами, назовемъ

продать его, а на случай смерти передать кому пожелаетъ, если это имущество не будетъ у него родовымъ, а если оно станетъ родовымъ, оно перейдетъ къ его потомству или ближайшимъ родственникамъ, въ чемъ тоже будетъ заключаться его интересъ.

Изъ исторіи нашихъ духовныхъ грамотъ мы видимъ, что указъ 1839 года, толкуемый въ томъ смыслѣ, что имъ воспрещается фидеикомиссарная подстава наследника, является явнымъ и слишкомъ рѣзкимъ диссонансомъ съ нашими прошлымъ. Чтобы объяснить это, указываютъ (Гриневичъ) на иностранное заимствованіе. «Въ 1839 г. память о графѣ Сперанскомъ была еще свѣжа, мнѣнія, имъ проводимыя, въ большинствѣ случаевъ почитались правильными. Самъ же Сперанскій, какъ всякому извѣстно, былъ поклонникъ системы заимствованій въ области права». То же мы читаемъ и у К. П. Побѣдоносцева: запрещеніе, содержащееся въ прим. къ 1011 ст., явно заимствовано изъ иностраннаго учрежденія субституціи *).

Соображеніе перваго автора нѣсколько странно. Изъ того, что Сперанскій былъ сторонникомъ заимствованій въ области права (если даже допустить доказанность этого положенія въ такой категорической формѣ) и что въ 1839 г. (въ ноябрѣ) память о Сперанскомъ была свѣжа (Сперанскій скончался 11 февраля 1839 г.), едва ли логически слѣдуетъ, что составленное послѣ смерти его мнѣніе государственнаго совѣта было заимствовано изъ французскаго права, которому сочувствовалъ графъ Сперанскій **).

Второй авторъ свое предположеніе совсѣмъ не подкрѣпляетъ.

На самомъ дѣлѣ не только не было заимствованія изъ чужого права, но вовсе не было и нѣтъ того въ указѣ 1839 г., что въ немъ находятъ.

Любопытно, что тотъ же авторъ (К. П. Побѣдоносцевъ), который говоритъ о заимствованіи постановленій указа изъ чужого права, въ то же время считаетъ эти постановленія закономъ, еще раньше, до Лопухинскаго указа, существовавшимъ ***). Это разнорѣчіе—лучшее доказательство, что указъ этотъ не былъ надлежаче понять.

*) Побѣдоносцевъ, стр. 564.

**) А. Гриневичъ: „О субституціи или подназначеніи наследника по русскому праву“. *Юридическій Вѣстникъ*, 1867—1868 г., кн. IV, стр. 20—21.

***) Правило, содержащееся въ прим. къ 1011 ст. зак. гражд., есть ли новый законъ, и слѣдуетъ ли примѣнять его къ завѣщательнымъ распоряженіямъ, состоявшимся до изд. в. у. м. гос. сов. 1839 г.? Надлежитъ, кажется, признать, что постановленія 1011 ст. есть не что иное, какъ толкованіе или разъясненіе права, которое законодатель признавалъ и въ то время существовавшимъ. Но разумѣлось оно различно, и потому судебная практика прежняго времени допускала опредѣленіе дальнѣйшаго порядка наследства волею завѣщателя.

„Если въ 1834 г. завѣщаніе Ивана Анасьевскаго было примѣнено Сенатомъ къ тому дѣлу, то въ 1847 г. по смерти Петра, за сикомъ Высочайшаго указа 18 ноября 1839 г., послѣдовавшаго *въ разъясненіи* прежнихъ узаконеній, имущество его должно поступить къ ближайшимъ наследникамъ по закону“. Побѣдоносцевъ, стр. 567, 568.

Въ 1861 г. Сенатъ (по дѣлу Олоякина) призналъ, между прочимъ, что правило Лопухинскаго указа, изданное въ 1839 г., не есть новое, но составляетъ *подтвержде-*

Это толкованіе указа 18 ноября 1839 г., которое усвоено было юристами-теоретиками и судебной практикой не только без достаточнаго основанія порвало связь новаго права со старымъ, но и стало въ коллизію съ нашимъ *обычнымъ правомъ*.

Въ этомъ правѣ завѣщатели, нерѣдко назначая наследниковъ, предусматриваютъ дальнѣйшій переходъ имущества по смерти наследниковъ (т.-е. устанавливаютъ фидеикомиссарную субституцію). Таковыхъ завѣщаній встрѣчается не мало. Такъ, въ одномъ изъ нихъ завѣщатель, назначая свою наследницею одну изъ дочерей и предоставляя ей послѣ своей смерти раздѣлиться съ другою дочерью пополамъ, добавилъ, что часть, приходящаяся на долю наследницы, по смерти ея, должна поступить къ ея дочерямъ. Въ другомъ завѣщаніи находимъ слѣдующее распоряженіе: «а въ случаѣ А (наследникъ) помретъ, чтобы перешло сказанное нажитіе мое внукамъ, дѣтямъ А».

На основаніи одного завѣщанія завѣщанное мужу имущество послѣ смерти его должно перейти къ сыну завѣщательницы отъ перваго брака. Въ числу подобныхъ завѣщаній можно отнести также слѣдующія: завѣщательница дѣлаетъ распоряженіе, чтобы въ случаѣ смерти сына отказанная ему часть имущества перешла къ ея единоутробной сестрѣ и мужу; завѣщатель распоряжается, чтобы по смерти сына (наследника) имущество перешло къ его, наследника, сыновьямъ и *далее, прямолинейнымъ наследникамъ въ мужескомъ колѣнѣ*; если же Богу угодно будетъ лишить ихъ сихъ наследниковъ и останутся всѣ дѣти въ женской линіи, то всѣ внуки мои, отъ наследника, должны раздѣлиться всѣмъ имѣніемъ по равной части.

Такимъ образомъ здѣсь предусмотрѣнъ цѣлый рядъ наследниковъ—мужескаго пола, а не только случай смерти назначаемаго наследника. Далѣе, завѣщатель устанавливаетъ переходъ имущества, послѣ смерти дочери безъ потомства, къ сыновьямъ своимъ.

Дозволяется также въ завѣщаніи назначать наследниковъ на случай смерти одного изъ нихъ; такія завѣщанія принимаются въ волостныхъ правленіяхъ къ засвидѣтельствуванію *).

Такимъ образомъ, обычное крестьянское право сохранило преемственную связь съ духовными грамотами старой Руси.

Изъ нашей судебной практики, поскольку она отражается въ обнародованныхъ рѣшеніяхъ правительствующаго сената, видно, что съ привившимся въ ней возрѣніемъ о недозволённости у насъ фидеикомиссарной подставы наследниковъ, русскіе люди не склонны примириться и въ духовныхъ завѣщаніяхъ весьма часты назначенія наследниковъ съ подставой этого рода.

не и изясненіе прежнихъ законовъ и потому должно быть примѣняемо къ завѣщанію, составленному въ 1811 г. Побѣдоносцевъ: „Курсъ гражданскаго права“, т. II, изд. III, стр. 567—596.

**) Пашманъ: „Обычное гражданское право въ Россіи“, т. II, стр. 324, 325.*

Такимъ образомъ, между закономъ и жизнью оказывается расколъ.

Посмотримъ теперь, насколько пошелъ навстрѣчу этой потребности проектъ гражданскаго уложенія.

Составители проекта рѣшили остаться на почвѣ дѣйствующаго законодательства и такимъ образомъ пренебрегли какъ исторіей, такъ и правосознаніемъ народа. Почему? «руководствуясь главнымъ образомъ соображеніями политико-экономическаго характера».

Посмотримъ, какъ развиваютъ эти соображенія авторы проекта. «Подчиненіе судьбы завѣщаемаго имущества волѣ завѣщателя на неопредѣленное время послѣ его смерти не вызывается вовсе личными интересами завѣщателя; оно также не имѣетъ отношенія къ ближайшимъ интересамъ его семьи, разъ долговременность такого распоряженія превышаетъ время жизни его наслѣдниковъ».

Съ соображеніями этими рѣшительно нельзя согласиться. Во-первыхъ, «подчиненіе судьбы завѣщаемаго имущества волѣ завѣщателя на *неопредѣленное время послѣ его смерти*» не есть непрѣмная принадлежность субституціи: законодательства, какъ мы видѣли, обыкновенно указываютъ такой предѣлъ. Во-вторыхъ, установленіе субституціи вызывается весьма часто личными интересами: завѣщается имущество близкому лицу съ желаніемъ, чтобы это лицо не только получило завѣщанное, но и сохранило для своихъ дѣтей. Въ-третьихъ, чаще всего фидеикомиссарная подстава наслѣдника вызывается именно интересами семьи. Отецъ имѣетъ сына, склоннаго къ расточительности. Онъ не надѣется, что сынъ сбережетъ наслѣдство и передастъ своимъ дѣтямъ. Но ему не хотѣлось бы лишиться сына преимуществъ собственника предъ пожизненнымъ владѣльцемъ. Завѣщатель сохраняетъ право собственности за сыномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждаетъ возможность отчужденія, назначеніемъ субституціи въ пользу внуковъ.

Затѣмъ составители указываютъ на неудобства, возникающія при подставѣ наслѣдниковъ. «Юридическая конструкція отношеній между первымъ наслѣдникомъ и его поднаслѣдникомъ представляетъ много спорнаго и трудно опредѣляется закономъ. Порядокъ удовлетворенія вѣрителей того и другого затрудняется весьма значительнымъ образомъ. Для отчужденія имущества или иныхъ распоряженій перваго наслѣдника требуется не всегда удобно осуществимое согласіе его преемниковъ. Отсюда вытекаютъ неизбежное затрудненіе кредита для собственника и всѣ связанныя съ этимъ ограниченіемъ хозяйственныхъ неурядицы». Всѣ эти затрудненія не непреборимы. Вездѣ съ ними считаются, гдѣ допускается подстава наслѣдника, и общегерманское уложеніе представляетъ въ этомъ случаѣ примѣры весьма обстоятельной нормировки всѣхъ связанныхъ съ субституціей отношеній.

«Къ этимъ общимъ соображеніямъ присоединяются основанія, тѣсно связанныя съ задачами экономической политики. Государственная власть имѣетъ основаніе смотрѣть на утверждаемый ею порядокъ законнаго на-

слѣдованія, какъ на цѣлесообразное социальное средство, могущее играть значительную роль въ его рукахъ, сообразно тѣмъ послѣдствіямъ, которыя имѣеть та или иная система наследованія въ связи съ народными потребностями и съ цѣлями законодательной политики».

Высказавши эти соображенія, составители однако же не посвятили скихъ гражданъ, какія «соціальныя» задачи преслѣдуютъ они въ своей системѣ наследованія, какъ они понимаютъ «народныя потребности» и «цѣли законодательной политики».

Извѣстно, напримѣръ, что отиѣна фидеикомиссарной субстанции Франціи вызвана была намѣреніемъ парализовать стремленіе французской аристократіи сосредоточить поземельную собственность въ рукахъ богатѣйшихъ членовъ аристократическихъ родовъ (въ ущербъ благосостоянію остальныхъ) и тѣмъ поддержать аристократическія фамиліи. У насъ подобнаго стремленія не было; напротивъ петровскій маіоратъ встрѣтилъ полное сочувствіе въ обществѣ и былъ отиѣненъ, наши духовныя грамоты ставляли наследниковъ по чувству семейной привязанности; это же стремленіе заставляетъ и теперь вписывать въ духовныя завѣщанія распоряженія подобнаго рода, беспощадно уничтожаемыя судами.

Что же касается сосредоточенія земельныхъ имуществъ въ рукахъ богатѣйшихъ сыновей, то среди нашего дворянства не наблюдается не только этого, но и вообще стремленія сохранить эти имущества въ родѣ. Инициатива, чтобы хоть сколько-нибудь воспрепятствовать переходу земельныхъ имуществъ въ другія руки, издаю законъ о временно заповѣданныхъ имѣніяхъ, не давшій одинаково желанныхъ результатовъ.

Если составители въ своемъ проектѣ руководствовались, какъ они утверждаютъ, главнымъ образомъ политико-экономическими соображеніями, то не казалось ли имъ, что собственникъ, стѣсненный въ свободѣ распоряжаться нажитымъ имъ состояніемъ въ пользу лицъ близкихъ ему, былъ лишенъ въ значительной степени побужденія накоплять средства и тѣмъ образомъ способствовать увеличенію народнаго богатства.

Изложенное показываетъ, что право завѣщателя подставлять наследниковъ другимъ наследникамъ связано съ мѣрой завѣщательной свободы. Такое право признается прежде всего въ видѣ подставы наследникамъ тотъ случай, если прежде назначенный не сможетъ или не захочетъ исполнить завѣщаніе. Въ болѣе сильной степени эта свобода проявляется, когда завѣщатель предопредѣляетъ, кто долженъ быть преемникомъ наследовавшаго свое наследственное право. Въ Римѣ и въ Афинахъ распоряженія возникли на почвѣ довѣрительнаго порученія, данное завѣщателемъ наследнику, сохранить переданное для другого, и только позже уже была усвоена мысль о преемственной наследственности нѣсколькимъ лицамъ согласно волѣ завѣщателя. (Тогда уже и названіе перестало существовать существу институту).

Законодательства новой Европы, позаимствовавъ оба вида под

называемую дѣтскую субституцію) изъ римскаго права, одни большія меньше видоизмѣняли ее и приспособляли для цѣлей, ими самъ начертанныхъ. Нѣкоторые, руководясь этими соображеніями, и въ общиихъ безъ этого института.

Еще право въ вопросѣ о подставѣ наследниковъ развивалось не на заимствованій изъ права чужеземнаго, а на почвѣ естественной воли завѣщателя опредѣлять, кому и въ какомъ порядкѣ должно перейти его достояніе.

Обычай выработывалъ такой порядокъ, въ связи съ той свободой, которой располагалъ завѣщатель относительно распоряженія своимъ имуществомъ. Когда эта свобода стала уменьшаться, что касается родовой собственности, то стало ограничиваться и право завѣщательной подставы наложено въ этой собственности. Въ сожалѣнію, судебная практика не могла отстоять этотъ законъ, изданнаго въ прошломъ столѣтіи, и не могла устранить запретъ дальше положеннаго ему предѣла, удалившись такимъ образомъ отъ исторіи и пренебрегши потребностями юридическаго

А. Загоровскій.

Характерныя черты демократическаго правосудія

Германія готовится къ пересмотру и реформѣ своего уголовного права. Для этого и по этому поводу, какъ водится, публикуется масса цѣльныхъ и неофициальныхъ материаловъ, издаются въ большомъ количествѣ книги и брошюры, пишутся и сочиняются многочисленные проекты и проекты постановленія. Одному изъ германскихъ судей—Адольфу Гартману въ этихъ видахъ пришла въ голову счастливая мысль освѣжить всѣ вопросы, связанные съ этимъ теченіемъ мыслей, наблюденіями надъ живыми фактами и явленіями той же области въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Онъ задаясь для этого общимъ вопросомъ о томъ, что стало съ идеями и принципами англійскаго и вообще европейскаго права подъ вліяніемъ современныхъ, молодыхъ условій Америки, какими преобразованіями на нихъ наложились своеобразныя американскія условія и народныя воззрѣнія? Въ этомъ, болѣе кратко говоря, свелся для него къ тому: что можетъ Америка повѣдать міру новаго въ сферѣ уголовного правосудія? Для этого слѣдованія онъ въ мартѣ 1904 г. отправился на мѣсто и посвятилъ съ лишнимъ ознакомленію съ исторіею, теоріею и практикою сѣвероамериканскихъ судовъ въ самыхъ различныхъ и наиболѣе характерныхъ видахъ. Результатомъ этого ознакомленія явилась книга, опубликованная недавно подъ заглавіемъ: «Die Strafrechtspflege in Amerika. Mitführungen zur Deutschen Strafprozessreform» *). Книга эта очень интересна и поучительна. Результаты изслѣдованій и наблюденій автора оказываются настолько глубоко и всесторонне охватывающими данную область, что за ними должно, помимо практическаго ихъ значенія, признать и серьезную отвѣченную, чисто научную цѣну. Авторъ чрезвычайно удачно сумѣлъ отдѣльными отрывистыми чертами судебныхъ и тюремныхъ порядковъ Америки связать и довести до ихъ историческихъ и политическихъ корней, и у него получилась, никѣмъ еще такъ полно не изображенная, картина уголовного правосудія, творимаго по требованіямъ и подъ эгидою демократическаго духа народа и страны.

*) „Уголовное правосудіе въ Америкѣ. Съ заключеніями для реформы американскаго уголовного процесса“.

Наблюдатель американской жизни — говорит Гартманъ — испытываетъ нѣрѣдко такое ощущеніе, какъ бы челоѳчество въ Америкѣ еще само находится постоянно въ изумленіи отъ гигантскаго, своеобразнаго эксперимента, какииъ представляется свободное американское сожительство людей, въ изумленіи, къ которому постоянно прииѣшивается чувство какаго-то опасенія. Ближайшее же знакомство съ этой жизнью, по его убѣжденію, показываетъ съ несомнѣвностью, что этотъ опытъ исторіи оказался вполне удачнымъ. Перенесенный же въ эту жизнь европейскій правопорядокъ претерпѣлъ на американской почвѣ перерожденіе до глубины своихъ корней, и мы можемъ тамъ наблюдать самый ходъ правовыхъ новообразованій въ особенно грандіозномъ масштабѣ. Строй уголовного процесса чувствительнѣе всего на себѣ это отражаетъ. Онъ цѣликомъ сложился по требованіямъ демократическаго режима. Возбуждаемый имъ къ себѣ интересъ тѣмъ болѣе великъ, что настоящій демократическій уголовный процессъ Европѣ незнакомъ, ибо Европа у себя не имѣетъ образца настоящей демократіи. Въ примѣръ не можетъ идти тутъ Швейцарія, ибо она со всѣми двадцатью пятью своими кантонами слишкомъ мала, чтобы противостоять культурнымъ вліяніямъ окружающихъ ея странъ; да она сама сильно пронинунта аристократическими учрежденіями и воззрѣніями былого; старинная аристократія и патриціи городовъ понынѣ тамъ имѣютъ значительное вліяніе. Какой-нибудь одинъ штатъ, какъ Иллинойсъ, далеко не наибольшій изъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, болѣе чѣмъ втрое превосходитъ всю Швейцарію и имѣетъ въ полтора раза болѣе жителей. Прочія европейскія демократіи имѣли всегда преходящій характеръ и пока не дали еще ни одного самобытнаго образца.

Конечно, условія общежитія въ Соединенныхъ Штатахъ сложились совершенно своеобразно. Въ ихъ сторону повторилось переселеніе народовъ, но совсѣмъ въ новомъ видѣ. Если взять самую главную массу переселенцевъ, которые прибыли туда за послѣдніа два столѣтія и стали заселять пустынные до того земли на западъ отъ незначительной территоріи сравнительно стараго поселенія, то вѣдь она состояла изъ людей, которые имѣли уже такіа знанія, какъ то, что такое книгопечатаніе, и такіа потребности, какъ ежедневная пресса. Тамъ, куда эти люди перекечевывали, они не заставляли никакой культуры, а, напротивъ, встрѣчали полную дикость и первобытность. Имъ приходилось воссоздавать условія общественнаго сожительства наново, по сразу такіа, которыа удовлетворяли бы сравнительно высокимъ культурнымъ запросамъ. Приобрѣтенія новѣйшей цивилизаціи, возбуждающее вліяніе страны и достоинства самаго духа въ этомъ народѣ оказались могущественнѣе опасностей, которыа заключались въ страшннй дикости этихъ мѣстъ; и потому послѣ нѣкоторой огрубѣлости въ теченіе первыхъ десятилѣтій повсюду зашевелились въ переселенческихъ массахъ съ полной силой унаслѣдованныя высшіа требованія цивилизаціи. Надъ всѣми этимъ, притомъ, продолжалъ витать пуританскій духъ первыхъ пионеровъ переселенія. Въ политической и правовой сферѣ это ска-

залось рецепцією основъ и духа англійскаго права, какъ наиболѣе соответствующихъ и свободолюбивымъ требованіямъ, и свободнымъ условіямъ этой новой жизни: она вѣдь покоилась не на завоеваніи территорій и порабощеніи туземцевъ, какъ дѣло происходило со всѣми новыми поселеніями въ европейскіихъ странахъ, а исключительно на личной энергіи пришлецовъ, одерживавшихъ побѣды лишь въ единоборствѣ съ природой, искавшихъ не власти, а приложения своего труда, и жаждавшихъ простора для индивидуальныхъ качествъ человѣка внѣ оковъ традиціонныхъ вѣрованій и режимовъ. Какъ извѣстно, территорія Соединенныхъ Штатовъ была во владѣніи и во власти не однихъ выходцевъ изъ Англіи. Она знаетъ времена голландскаго, испанскаго и французскаго владычества. Однако, всѣ они уступили первенство владычеству англійскаго духа и правопорядка. Явленіе это приписывается болѣшимъ колонизаторскимъ талантамъ англосаксонской расы. Гартманъ же считаетъ тутъ главной причиною большую пригодность самихъ этихъ порядковъ для удовлетворенія требованій новой жизни эмигрантовъ. Вѣдь духъ англійскаго права возобладалъ надъ всѣмъ, не взирая на то, что во время освободительнаго отъ англійскаго владычества движенія американцы ставили прямой своей задачей отречься отъ англійскихъ законовъ. Реакція эта была настолько упорна, что Виргинія на генеральномъ собраніи въ маѣ 1776 г. формально объявила отміну у себя дѣйствія всѣхъ законовъ, изданныхъ послѣ четвертаго года царствованія Якова I, такъ какъ съ этого времени въ Виргиніи уже существовало народное представительство, а его одобренію или его санкціи эти законы въ свое время не подвергались. Хотя, такимъ образомъ, формально оказывалось явное противоѣдѣствіе силъ англійскихъ законовъ на американской территоріи,—противоѣдѣствіе, доводившее новаторовъ до желанія переставить на полтора столѣтія назадъ часы исторіи, тѣмъ не менѣе господствующее значеніе за ихъ духомъ и направленіемъ обезпечивалось существомъ вещей.

Они претерпѣли перерожденіе, но не въ силу сознательно къ этому направленныхъ стараній, а по требованіямъ новыхъ и совершенствующихся условій общежитія. Условія эти совершенствовались быстрымъ темпомъ и, какъ замѣчаетъ Гартманъ, Америка въ сто лѣтъ продѣлала тотъ процессъ развитія, на который Европа употребила не менѣе тысячи. Но она начала этотъ процессъ развитія гражданственности съ матеріала, болѣе для этого благодарнаго: нельзя вѣдь и сравнить въ этомъ отношеніи культурно-способность хотя бы самыхъ грубыхъ эмигрантовъ съ какими-нибудь первобытными тевтонами, бриттами и проч., надъ которыми творилась первоначальная культурная работа европейской цивилизаціи. Поэтому и самыя формы, которыя принимала американская гражданственность, сразу заключали въ себѣ черты высшаго общественнаго типа. Однако, заселенія новыхъ мѣстностей производились, какъ извѣстно, не только мирными охотниками и землепашцами, но и бандами авантюристовъ, которые устремлялись въ поиски за золотомъ. Последній видъ поселеній происходилъ не разъ

на памяти нынѣ еще живущихъ поколѣній. Но и на нихъ можно, съ особенной даже наглядностью, прослѣдить, какимъ путемъ и на какихъ началахъ заводился въ этихъ краяхъ общественный порядокъ при условіяхъ наименѣе благоприятныхъ въ смыслѣ первоначальнаго созидательнаго матеріала. Картину этого даетъ Гартманъ въ видѣ исторіи охраннаго комитета въ мѣстности нынѣшняго штата Монтана.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія туда стали стекаться искатели золота. Около нихъ постепенно осыли городскими поселеніями трактирщики, ремесленники, торговцы; а затѣмъ появились представители и высшихъ профессій: врачи, адвокаты, пасторы. Вскорѣ оказался выбранный поселенцами шерифъ, который, повидимому, долженъ былъ исполнять всѣ функціи общественной власти, такъ какъ никакихъ другихъ представителей ея не существовало. Дѣла золотискателей шли очень успѣшно. Но золото возбуждаетъ страсти. Преступленія стали возрастать съ каждымъ днемъ. Такъ какъ желѣзной дороги еще не было, надо было владь и товары возить верхами или въ повозкахъ по дурнымъ дорогамъ, на которыхъ стали хозяйничать разбойническія шайки. Тогда организовался союзъ извѣстнаго числа энергическихъ дѣятелей, образовавшихъ изъ себя добровольческій комитетъ стражниковъ (*Vigilantes Committee*), самоотверженно занявшихся борьбою съ этимъ зломъ. Это происходило въ 1863 г. Своей настойчивостью и энергіею имъ удалось постепенно, но не безъ тяжелыхъ испытаній, установить безопасность въ краѣ. Для этого имъ пришлось перевѣшать до пятидесяти изъ разбойниковъ и въ числѣ ихъ самого шерифа. Мирныя условія существованія ими были въ концѣ-концовъ водворены. Этотъ охранный комитетъ продолжительное время оставался единственною публичною властью въ Монтанѣ, пока эта территория не получила организацію отъ центральной власти изъ Вашингтона. Въ торжественномъ засѣданіи главы комитета передали свою власть прибывшему губернатору, который при этомъ выразилъ надежду на ихъ содѣйствіе и въ будущемъ.

Совершенно аналогично теперешній штатъ Теннесси получилъ свою политическую организацію какъ наслѣдіе образованнаго первоначально на его территоріи добровольческаго комитета подъ названіемъ *Watauda Association*. Ту же исторію по отношенію къ другимъ нововозникшимъ штатамъ обстоятельно излагаетъ теперешній президентъ Рузвельтъ въ своемъ сочиненіи *Winning of the West* (Завоеваніе Запада).

Съ этой исторіею любопытно сопоставить черты общественныхъ группировокъ и нравовъ въ старой Англій. Для этого мы воспользуемся сочиненіемъ Пайка: «Исторія преступленія въ Англій». Это тоже единственное въ своемъ родѣ изслѣдованіе, дающее цѣлую исторію культуры и цивилизаціи страны какъ иллюстрацію уголовной ея исторіи. Преступленіе, по взгляду Пайка, есть плодъ первобытной дикости; превращеніе первичнаго чловѣка въ гражданина есть тотъ медленный и трудный путь, котораго онъ эмансипируется отъ своихъ дикихъ наклонностей, а обще-

житіе отъ тѣхъ проявленій своекорыстія и грубости, которыя составляютъ источникъ преступности вообще. Людскіе звѣри должны вымирать съ культурою, говоритъ онъ; но процессъ перерожденія происходитъ медленно: поколѣнія становятся одно другому на плечи *).

Картина общественной жизни тѣхъ временъ изображена Пайкомъ слѣдующими чертами, характеризующими прежній бытъ жителей Англій.

Каждый человѣкъ, который имѣлъ силу, былъ самъ по себѣ закономъ. Изъ городовъ одни были сильные, другіе слабые, и что считалось правильнымъ для первыхъ, не было правильнымъ для вторыхъ. Существовали государственные законы, но государство не имѣло силы приводить ихъ въ исполненіе, а государственное правосудіе въ видѣ короля и совѣта мужей при немъ не давало большей гарантіи, чѣмъ можетъ быть налицо среди борьбы партій. Партійность, дружное начало было въ сущности единственною связью, державшею людей вмѣстѣ, единственнымъ чувствомъ, предупреждавшимъ общество отъ состоянія постоянной войны всѣхъ противъ каждаго. О правосудіи и судахъ въ тѣ времена можно говорить только за отсутствіемъ другого термина, такъ какъ суда, который провѣрялъ бы доказательства, совсѣмъ не существовало. Обвинитель со своей партіею являлся предъ извѣстнымъ собраніемъ; если обвиняемый имѣлъ свою, достаточно сильную, партію, являлся и онъ, и былъ спасаемъ своими пріятелями. Даже при ордаляхъ поддерживалось состязаніе партій той и другой стороны. Гильдейская связь, поземельная связь, семейная связь были въ извѣстномъ смыслѣ узамъ объединенія, но de facto они представляли собою еще больше элементы раздора. Справедливость въ отвлеченномъ смыслѣ была незнакомою идеею; единственно признаваемая при спорахъ обязанность состояла въ томъ, чтобы оставаться вѣрнымъ своему союзу, каковъ бы ни былъ этотъ союзъ. Семья была врагомъ семьи, гильдія гильдіи, помѣстье помѣстья. Каждый изъ этихъ союзовъ обладалъ нѣкотораго рода коллективной свободою, но не предоставлялъ никакой свободы своимъ сочленамъ. Противорѣчіе царило въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, и когда люди соединялись, чтобы защититься отъ какой-либо изъ формъ средневѣковой тираніи, они должны были жертвовать послѣдними остатками индивидуальной свободы. Этотъ духъ партійности проникалъ и весь строй судебной расправы. Институтъ очистительной присяги въ немъ коренится. Первоначальныя формы суда, отъ которыхъ выводится современный судъ присяжныхъ, также на немъ держались. Присяжные первоначально были не судьями, постановлявшими приговоръ на основаніи изслѣдованія дѣла, а комиссіею лицъ, которыя должны были знать или предполагались знающими обвиняемаго и на этомъ основаніи произносившіе надъ нимъ приговоръ. Освобожденіе отъ партійности самое трудное

*) *A History of Crime in England* illustrating the changes of the laws in the progress of civilisation. Written from the public records and other contemporary evidence by *Luke Owen Pike*. I, p. 421; II p. 111, 156

е культуры и происходить исподволь, лишь вѣхами дѣлая замѣтные шаги къ прогрессу. Какъ долго, напр., вдова не имѣла возможности преслѣдовать убійцу своего мужа, такъ какъ безъ мужа она не имѣла своей тѣни; а когда у убійцы таковая была, то попытка преслѣдовать ихъ ограничилась для нея лишь взысканіемъ съ нея же за недоказанное обвиненіе. Этотъ духъ партійности въявь проникаетъ юрисдикцію присяжныхъ и тщетно остаются усилія противодѣйствовать этому при составленіи списка присяжныхъ. Наслѣдственное варварство побуждало каждого смотрѣть на своего сосѣда, какъ на своего врага; отбирать у другихъ то, чего они не умѣли удержать, исключать другихъ отъ преимуществъ, которыя они имѣли установить для себя и своей кланки. Изъ акта объ обязанностяхъ короля для сохраненія мира, изданнаго въ 1233 г., видно, какаю еще необычайную дикость нравовъ и какою необезпеченность ни личности, ни имущества царя тогда въ жизни городовъ. Правила эти были такія, каковы должны были изданы, если бы надо было изъ сожитія волковъ образовать гражданъ города. Удивительно ли, что была надобность въ такихъ властяхъ, когда, какъ показываютъ судебные анналы, видные жители королю въ эти времена еще не стѣснялись заниматься ночнымъ грабежомъ и дѣлать набѣги на жилища мирныхъ обывателей *).

Что же касается деревенскихъ нравовъ, то, по Пайку, насильственное захватъ земли характеризуетъ ихъ полнѣе всего; а это—явленіе, имѣющее выдающуюся роль въ исторіи преступленія. Земля съ самаго начала доставалась народамъ не иначе, какъ путемъ захвата. Изъ этого выработалось понятіе, что для титула владѣнія имѣніемъ необходимо во владѣніи бы то ни стало фактическое въ него вступленіе. Отсюда и датируется насильственное вторженіе позднѣйшихъ временъ, которое тщетно стремились искоренить многіе отдѣльные законы Англіи и которое никогда бы не было искоренено, если бы не пришла на помощь власть болѣе сильная, чѣмъ законодательство,—культура. Судебные протоколы изобилуютъ дѣлами насильственнаго вторженія въ имѣнія еще въ XIV вѣкѣ. Въ сущности вторженія эти, совершавшіяся подъ предлогомъ нарушеннаго права, были менѣе разбоемъ и грабежомъ, чѣмъ цѣлкомъ гнѣздившимся въ традиціи междуусобицы первичныхъ временъ. Да въ списокѣ дѣлъ за двѣнадцатый годъ царствованія Вильгельма III (1700 г.) еще имѣется одиннадцать случаевъ насильственнаго захвата земель. Полторасти лѣтъ раньше увидѣлись бы столь малому количеству ихъ; полторасти лѣтъ спустя желало бы добиться своего права на имѣніе въ Англіи путемъ насильственнаго вторженія могло бы придти въ голову только сумасшедшему. Насильственное вторженіе исчезло въ теченіе первой половины XVIII столѣтія и никогда уже въ прежней формѣ не оживало. Это, говоритъ Пайкъ, пожалуй, самый высшій триумфъ закона и порядка надъ насиліемъ и захватами, какой можно отмѣтить въ чемъ бы то ни было въ исторіи цивилизаціи:

* Ibid. I, p. 88, 291, 127, 184, 218, 141, 386.

это чуть ли не лучшая иллюстрація той побѣды, которую одержала цивилизація надъ дикими привычками и дикими приѣмами *). Такимъ образомъ можно сказать, что подъ символическими обрядностями, которыми обставленъ теперь судебный ввѣдъ во владѣніе, кроются окаменѣлости весьма трагическихъ явленій продолжительнаго прошлаго.

И вообще Пайкъ констатируетъ, что уваженіе къ закону и любовь къ порядку не были еще характеристическою чертою англичанъ даже въ то время, когда Тюдоры были смѣнены Стюартами (Іаковъ I, съ 1603 по 1625 г.) и еще менѣе, конечно, когда Тюдоры смѣняли своихъ предшественниковъ-Плантагенетовъ (Генрихъ VII, съ 1485 по 1509 г.). Сопротивленіе силою исполненію рѣшенія было самымъ обычнымъ явленіемъ при Генрихѣ VII; шерифы и пристава несли службу, которая была сопряжена со смертельною опасностью еще при Елизаветѣ. Схватиться за оружіе, какое было подъ руками, за мечъ, за лукъ, стрѣлы, дубинку, чтобы освободить арестуемаго или для возвращенія имущества, отбраннаго въ исполненіе судебного рѣшенія, почиталось извѣстными классами населенія (такъ наз. благородными) за заслугу еще при восшествіи на престолъ Генриха VII, за дѣяніе, вполне простительное еще при восшествіи Іакова I **). Наконецъ, на отдѣльныхъ видахъ преступленій Пайкъ показываетъ въ разныхъ мѣстахъ своего изслѣдованія, каковы были мѣры пытанія, выдержанныя задачами культуры, пока она превратила обитателей Британіи въ теперешнихъ англичанъ; такъ, расправа ножомъ почитается теперь un-English, а въ одно время она была самымъ обыкновеннымъ дѣломъ въ Англіи; протестъ противъ пусканія въ ходъ пиратскій дракъ ножей начался не ранѣе XVII столѣтія; обманы, надувательство, мошенничества всѣхъ видовъ и сортовъ въ торговлѣ и промыслахъ практикуются до самыхъ позднѣйшихъ эпохъ; контрабанда—самое выдающееся преступленіе Англіи еще во второй половинѣ XVIII столѣтія; кромѣ мѣтвоступленія, которое было глубоко вкоренившимся (еще съ институтъ очистительной присяги) преступленіемъ Англіи, никакое преступленіе, и его словамъ, не казалось въ то время болѣе національнымъ ***).

Вмѣстѣ взятое, все это показываетъ, что американская жизнь, редуцирующая англійское право и англійскія учрежденія, получила ихъ въ зрѣломъ видѣ послѣ продолжительнаго и мучительнаго процесса исторической ихъ выработки. Американцы не выработать ихъ наново должны были, лишь усваивать, приравнивая къ новымъ требованіямъ и эманципируясь отъ послѣдствъ ихъ младенческаго періода въ европейскихъ условіяхъ. Этотъ процессъ усвоенія, конечно, также имѣетъ свои историческіе фазисы; но смѣна ихъ происходила, начиная съ соответствующихъ фазисовъ европейской исторіи болѣе поздняго періода, и совершалась въ несрав-

*) Ibid. I, p. 81, 248; II, p. 259, 476, 510.

**) Ibid. II, p. 11.

***) Ibid. I, p. 62, 503; II, p. 139, 241; I, p. 142, 371. 385; II, p. 238, 240, I, p. 220; II, p. 15, 131, 777, 400.

ненно болѣе скоромъ темпѣ, если и напоминая въ извѣстной части исторію Европы, то, такъ сказать, не по полному курсу ея, а лишь въ конспектѣ. Въ уясненію этого можетъ служить параллель съ современной американской литературой, богато выросшей на образцахъ и подъ вліяніемъ англійской, не переживая тѣхъ условій, когда создавались народный эпосъ и другія первичныя ея формы въ самой Англии.

Эмигрантъ, покидавшій Европу, искалъ освобожденія своей личности отъ политическаго и религіознаго гнета; а, прибывъ въ Америку, нуждался въ тѣхъ многообразныхъ формахъ содружества съ себѣ подобными, которыя могли бы удовлетворять не только первичнымъ требованіямъ общественнаго сожительства, но и болѣе развитымъ культурнымъ запросамъ. Поэтому въ правовомъ и политическомъ смыслѣ ему нужна была обстановка, совмѣщающая въ себѣ наиболѣе полную индивидуальную свободу съ наиболѣе широко поставленною независимостью общественной дѣятельности и инициативы. Этому лучше всего соотвѣтствовали начала англійскаго права, вѣятыя независимо отъ историческихъ и международныхъ условій существованія Англии въ Европѣ. Это и дало въ результатѣ демократическій строй Америки, строй свободнаго политическаго общежитія наиболѣе совершенный, какой человѣчеству пока удалось создать.

I.

Въ дѣлѣ правосудія и его организаціи демократическое начало обнаруживается въ значительной самодѣятельности, которую проявляетъ общество въ борьбѣ съ преступленіемъ. Борьба эта и признается задачей не столько отдѣльнаго органа власти, сколько самого общества, должствующаго не только, такъ сказать, оплачивать эту должность, а служить ей собственной энергіею и инициативою. Прокуратуры въ европейскомъ смыслѣ въ Америкѣ не водятся. Аторней, воплощающій въ себѣ обвинительное начало процесса, можетъ начать преслѣдованіе за преступленіе не иначе, какъ по жалобѣ частнаго лица, хотя бы это и не былъ потерпѣвшій, по требованію судьи или жюри присяжныхъ. Существуютъ зато многочисленные частныя союзы и корпораціи, давніе и вновь возникающіе, за которыми признается право на возбужденіе уголовныхъ преслѣдованій; таковы, общества для преслѣдованія жестокихъ родителей и мужей, для преслѣдованія азартныхъ игръ и шулерства, для преслѣдованія сводничества и т. п. О дѣятельности этихъ обществъ можетъ дать понятіе, на примѣръ, такой фактъ, что, такъ называемое, *Gerry Society*, общество защиты дѣтей противъ жестокаго обращенія, дѣйствующее въ предѣлахъ одной лишь части, старой, гор. Нью-Йорка, расходуетъ въ годъ свыше 20,000 р., изъ коихъ треть даетъ ему городское управленіе, а остальные средства составляются изъ частныхъ источниковъ. Всѣ эти общества осуществляютъ свою обвинительную функцію чрезъ особыхъ представителей, называемыхъ *officer of the peace*—характерное названіе: задача ихъ

не столько въ изобличеніи виновныхъ, сколько въ служеніи дѣлу умиротворенія. Какъ широко практикуется начало частныхъ средствъ въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ европейская точка зрѣнія ищетъ спасительнаго заступничества отъ однихъ только органовъ публичной власти, можно иллюстрировать еще лучше такими примѣрами. Въ Америкѣ нѣтъ законопроизводительныхъ законовъ о правѣ бѣдности, т. е. законовъ, освобождающихъ немущихъ отъ судебныхъ пошлинъ и другихъ процессуальныхъ расходовъ *); но есть благотворительныя общества, которыя берутъ на себя судебную защиту бѣдняковъ; одно такое общество Нью-Йорка (*Legal Aid Society*), напримѣръ, оказало судебное заступничество за одинъ 1903 г. болѣе чѣмъ восемнадцати тысячамъ кліентовъ, израсходовавъ на это свыше 100,000 руб. Еще болѣе частно-правовой характеръ имѣютъ слѣдующіе виды явленій, казалось бы, исключительно публично-правовой сферы: такъ какъ надъ опекунами общественныя учрежденія не могутъ проявлять достаточно реальнаго надзора за ихъ распоряженіями имуществомъ малолѣтнихъ и это часто ведетъ къ невознаградимымъ потерямъ для послѣднихъ, то существуютъ особыя общества, которыя за известную премію принимаютъ на себя гарантію за цѣлость имущества; фактически тогда надзоръ за дѣйствіями опекуновъ переходитъ къ этимъ обществамъ **); такъ какъ безспорность границъ и земельныхъ участковъ, а равно правомѣрность ихъ переходовъ изъ рукъ въ руки въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Нью-Йоркъ или Чикаго, составляютъ вопросъ чрезвычайной важности, то существуютъ особыя общества, которыя занимаются изслѣдованіями по исторіи cadastralнаго участка и за известную премію гарантируютъ новому приобретателю усадьбы неоспоримость его владѣнія.

Но въ такомъ случаѣ, при столь явномъ отсутствіи гарантіи отъ безнаказанности преступленій, которую европейская точка зрѣнія привыкла связывать съ наличностью централизованной въ представителяхъ публичной власти репрессіи, какъ же обстоятъ дѣла въ Америкѣ, каково дѣйствіе того аппарата, который долженъ охранять общежитіе отъ преступныхъ посягательствъ и вести съ ними уголовную борьбу? На это служатъ отвѣтомъ любопытныя статистическія данныя, собранныя Гартманомъ. Изъ сопоставленія ихъ явствуетъ, напримѣръ, что годично въ районѣ Нью-Йорка, равномъ Берлину, или Чикаго, равномъ Гамбургу, возбуждается гораздо меньшее количество уголовныхъ преслѣдованій, чѣмъ въ послѣднихъ; что въ цѣломъ штатѣ Огайо, равномъ по населенію Саксоніи, возбуждается ихъ не болѣе одной четвертой части того, что въ Саксоніи. Преступность, какъ оказывается, въ Америкѣ сравнительно съ европейскою уменьшается. Въ американской юстиціи менѣе всего подходитъ обычное

*) Въ Англии такой законъ имѣется тоже только съ 1902 г.

**) Опекунскія дѣла въ этомъ отношеніи сильно хромаютъ и въ Англии. Законъ (*The Public Trustee Bill*), измѣняющій эти порядки къ лучшему и долженствующій установить правительственную отвѣтственность за дѣйствія опекуна, внесенъ въ теperнюю сессію парламента. См. Журн. мин. юст., 1906 г., V кн., стр. 418.

въ Европѣ уподобленіе слѣдственной процедуры паутинѣ, «гдѣ вязнетъ маленькая муха, а муха сильная всегда пройдетъ».

Но, какъ извѣстно, тяжкіе виды преступности подъ вліяніемъ культуры повсюду вымираютъ. По сопоставленіи, напримѣръ, данныхъ о численности населенія и количествѣ дѣлъ объ убійствахъ, Пайкъ приходитъ къ выводу, что рискъ и опасность пасть отъ руки убійцы теперь въ Англіи въ 37 разъ меньше, чѣмъ были пятьсотъ лѣтъ назадъ *). Въ Англіи же и вообще преступность идетъ сравнительно съ другими странами Европы на убыль. Такъ что въ этомъ явленіи американской жизни не приходится видѣть особенно характеристической черты именно демократическаго ея строя. Насчетъ этого строя Гартманъ и ставитъ не это. На его счетъ онъ ставитъ защитительную тенденцію, проникающую весь американскій уголовный процессъ во всѣхъ его фазисахъ и проходящую красною нитью по ея исторіи. Но и эта черта уголовного процесса присуща также современному англійскому суду; но только современному; это тенденція, приобрѣтенная имъ въ позднѣйшее время; предшествовало же продолжительно совершенно иное, можно сказать, діаметрально противоположное отношеніе къ обвиняемому. По этому поводу Пайкъ говоритъ: кто внимательно изучитъ протоколы по дѣламъ о политическихъ и общихъ преступленіяхъ въ началѣ XVIII столѣтія въ сравненіи съ протоколами начала XIX столѣтія не можетъ не обратить вниманія на чрезвычайно существенную переимѣну, происшедшую въ процессѣ: старинныя стремленія загнать обвиняемаго брабью, раздающуюся изъ-за судейскаго стола, истолковывать все противъ него и лишать его, елико возможно, всякихъ объясненій, замѣняются покровительствомъ, неизмѣнно ему оказываемымъ, желаніемъ, наоборотъ, оцѣнивать все для него благопріятнымъ образомъ и даже наклонностью отыскивать во что бы то ни стало сомнѣнія, которыя должны быть истолкованы въ его пользу **). Характерно, между прочимъ, то, что отступленія отъ нормальнаго процесса въ этомъ отношеніи практиковались больше и дольше всего и въ Англіи по политическимъ процессамъ ***). Защитительная же тенденція американскаго процесса, какъ естественный протестъ противъ политическаго и церковнаго произвола, отъ котораго эмигранты спасались за океанъ, по утверженію Гартмана, составляетъ замѣтную его черту съ самаго начала. Съ самаго же начала, говоритъ онъ, карательные приемы Америки проникнуты духомъ широко примѣняе-

*) Ibid. II, p. 470.—Съ точки зрѣнія примѣняемыхъ по суду наказаній эти услѣхи культуры могутъ еще быть иллюстрированы такими цифрами: при королевѣ Елизаветѣ вѣшали по судебнымъ приговорамъ до 800 человекъ въ годъ; если бы въ такой же пропорціи къ численности населенія вѣшать теперь, то пришлось бы по 10,400 человекъ въ годъ; тогда какъ за все царствованіе королевы Викторіи казнили въ среднемъ по 17 человекъ въ годъ. *A. Sutherland: „The Origin and Growth of the Moral Instinct“, v. II, p. 208.*

***) Ibid. II, p. 323.

***) См. статью *Е. Кулишера: „Психологія свидѣтельскихъ показаній“* въ *Вестникъ Права* за 1904 г., IX, стр. 225.

мой милости. Это обнаруживалось даже при условіяхъ грубой и изобильной насильями первоначальной колонизаціонной жизни, какъ тогда формировался какой бы то ни было, хотя бы еще самый элементарный правопорядокъ. Возрѣнія первыхъ пионеровъ и ихъ общинъ давали тонъ и направленіе публичной жизни новыхъ штатовъ. Духъ такихъ общинъ побудилъ Мичиганъ, объявленный штатомъ въ 1837 г., тотчасъ же провозгласить у себя отмену смертной казни. Въ то время, помимо недолговѣчныхъ попытокъ къ этому въ концѣ XVIII вѣка въ Австріи и въ Тосканѣ, ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не была еще отменена смертная казнь. Въ связи съ склонностью къ милости находится и склонность къ исключенію изъ цѣлей наказанія возмездія самого по себѣ. Эта тенденція проникла уже, подъ вліяніемъ квакерскаго духа, начатки такъ называемой, пенсильванской системы, основа коей—одиночное заключеніе рассчитано на то, чтобы не воздаяніе чинить преступнику, а вызвать въ немъ раскаяніе. На подобныхъ началахъ выработалась вся современная карательная система Америки съ такими преобладающими и пей тенденціями, какъ широко практикуемое сокращеніе сроковъ наказанія какъ замѣна принудительнаго режима условіями свободнаго и покровительствуемаго труда. Нельзя не признать, говоритъ далѣе Гартманъ, что въ гуманитарномъ направленіи современнаго уголовного права Европы болѣею частью содержатся, не всегда ясно сознаваемые, но несомнѣнно отголоски именно этого американскаго духа.

Гартманъ находитъ, что судъ, творимый именемъ народа, долженъ тѣмъ самымъ воспитывать болѣе гуманное отношеніе къ обвиняемому нежели судъ, творимый именемъ отдѣльнаго повелителя или главы. Въ послѣднемъ случаѣ налицо невольное противоположеніе преступника чему то выше, отдѣльно отъ него стоящему, которое съ нимъ не можетъ имѣть ничего общаго, которое для него недостижимо и которое поэтому можетъ къ нему въ лучшемъ случаѣ снизойти, но которое нормально должно въ отношеніи къ нему блюсти свою строгость, суровость и недостижимость. Тогда какъ судъ, творимый именемъ народа, въ себѣ носитъ сознание своей общности съ личностью преступника какъ гражданина, равнаго другимъ гражданамъ, и, не содержа вышесказаннаго противоположенія, тамъ судъ скорѣе склоненъ смотрѣть на преступившаго законы общежитія какъ на субъекта, которому ничто человѣческое не чуждо, а на его дѣянія какъ на порожденіе не его только злой воли, но и условій обстановки среды; вина индивидуальная становится сколкомъ вины всего общества, вина коллективной, а кара за нее, ослабѣвая въ своей суровости, даетъ все больше и больше мѣста элементамъ заступничества. Плодами такого рода воспитанія массъ, по Гартману, и надо считать ту гуманность и снисходительность, которыя бросаются въ глаза въ Америкѣ всякому, теперь знакомящемуся съ тамошними уголовными судами или тюрьмами. Все общественное мнѣніе проявляетъ тамъ тотъ же духъ. И въ газетахъ отражается эта тенденція, если сравнить ихъ отчеты объ обнаруженныхъ пре-

ступленіяхъ и судебныхъ процессахъ съ такими же отчетами, хотя бы нѣмецкой прессы; въ нихъ тонъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ иной, все изложеніе иное, хотя бы дѣло касалось и тяжкаго дѣянія: если имѣются только подозрѣнія, легко допускаются сомнѣнія въ винѣ; если нѣтъ мѣста этимъ сомнѣніямъ, то видно тотчасъ же стремленіе выискать основаніе къ снисхожденію въ прошломъ виновника или въ особыхъ обстоятельствахъ случая.

Человѣкъ, какъ единица, цѣнится выше въ этихъ условіяхъ и съ нимъ обращаются бережнѣе. Тутъ играетъ извѣстную роль и различіе въ экономическихъ факторахъ. Америка изобилуетъ природными богатствами, и, если испытываетъ нужду, то не въ нихъ, а пока только въ населеніи. Человѣкъ, говоритъ по этому поводу Гартманъ, расточителенъ въ Америкѣ при обращеніи съ природными богатствами и сдержанъ при обращеніи съ себѣ подобными; тогда какъ въ переполненной Европѣ человѣкъ всячески себя сдерживаетъ въ обращеніи съ дарами природы и, можно сказать, расточителенъ, когда вопросъ идетъ объ экономіи людьми. Наконецъ, извѣстную долю указанного направленія должно отнести на счетъ оптимизма, присущаго вообще американцамъ, который констатируется всѣми изслѣдователями ихъ культуры и ставится въ связь съ колонизаціоннымъ прошлымъ и настоящимъ страны: колонистомъ вѣдь можетъ стать только тотъ, кто вѣритъ въ предстоящее ему лучшее будущее. Оптимизмъ поэтому, можно сказать, предопредѣленъ для Америки. Въ такому заключенію приходитъ, напримѣръ, въ своихъ недавно опубликованныхъ наблюденіяхъ надъ американцами историкъ Карлъ Лампрехтъ *). Однако, чтобы у колониста сохранился его оптимистическій пылъ и не перешелъ подъ вліяніемъ встрѣтившихъ его въ новыхъ условіяхъ разочарованій въ пессимизмъ, требуется, чтобы надежды его на лучшее будущее сбывались, чтобы совершенный имъ шагъ не вызывалъ въ немъ раскаянія. Этого послѣдняго переселившееся за океанъ человѣчество и отнюдь не испытываетъ. Сохраненіемъ же и развитіемъ лучшихъ сторонъ человѣческаго духа американское населеніе обязано демократическому строю своихъ политическихъ и общественныхъ учреждений, столь удачно комбинирующихъ пользу общую съ самой широкой индивидуальной свободой и личной инициативой.

Для иллюстраціи того, что именно въ этомъ отношеніи даетъ непосредственно истый демократическій строй, Гартманъ дѣлаетъ сопоставленіе дѣятельности судовъ отдѣльныхъ штатовъ съ дѣятельностью въ нихъ же судовъ федеративныхъ. Послѣдніе вѣдаютъ только нѣкоторую категорію уголовныхъ дѣлъ общегосударственнаго значенія, какъ-то: нарушение законовъ о почтѣ, о монетѣ, о контрабандѣ и т. п. Федеративные судьи не выбираются, а назначаются изъ Вашингтона; точно также какъ назначаются и атторнеи этихъ судовъ. И оказывается, что въ этихъ судахъ,

* См. его *Americana. Reiseeindrücke und Betrachtungen. Geschichtliche Gesamt-
amt. Freiburg im Breisgau. 1906, s. 109.*

также какъ и въ особыхъ мѣстахъ заключенія, которыя устраиваются центральнымъ правительствомъ, царить духъ несравненно болѣе суровый, порядки гораздо менѣе подвижны и режимъ, въ общемъ напоминающій европейскій бюрократизмъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи и слѣдующій фактъ. Столица Вашингтонъ пользуется особаго рода экстерриториальностью: она не принадлежитъ ни къ какому штату и управляется не выборными властями, а магистратомъ, пазначаемымъ президентомъ республики. И оказывается, что это замѣтно сказывается бюрократическимъ духомъ всего управленія; число же уголовныхъ преслѣдованій, возбуждаемыхъ носителями власти, здѣсь въ два, въ три и даже въ пять разъ больше, нежели въ другихъ городахъ съ такимъ же по численности населеніемъ.

Съ другой стороны, необходимо обратить вниманіе на тѣ особыя условія или, точнѣе, на отсутствіе этихъ условій, благодаря которому американскому обществу удалось осуществить въ самомъ чистомъ видѣ истинно демократическій строй и духъ отношеній. А именно. Въ ней не имѣлъ мѣста: ни военный режимъ, которому такую дань платила и платитъ Европа, ни династическіе споры и соревнованія, стоившія столько напрасной крови. Объ огромной роли, какую то и другое играло поддержаніемъ дикихъ наклонностей и упражненіемъ жестокихъ чувствъ въ исторіи преступленія, говорить неоднократно въ своемъ изслѣдованіи Пайкъ *). Онъ исторически доказываетъ, что главнымъ элементомъ преступныхъ наклонностей въ массахъ всегда были и есть военныя надобности и привычки. Изъ всѣхъ факторовъ преступности, говоритъ онъ, ни одинъ такъ не нагляденъ, какъ война, ибо наличность ея неизмѣнно влечетъ за собою усиленіе преступности, а отсутствіе также неизмѣнно сопровождается повсюду ослабленіемъ преступности **). Исторія же Англій, какъ и всей Европы, есть до послѣдняго столѣтія почти сплошное военное положеніе съ незначительными перерывами, которые составляли не болѣе, какъ краткое перемиріе. Тогда какъ исторія Америки не представляетъ ничего подобнаго и совсѣмъ не грѣшна никакими династическими счетами или проясками.

Всѣмъ этимъ же причинамъ расцвѣта демократическаго духа Америка обязана, по Гартману, и гуманитарнымъ, защитительнымъ строемъ уголовного процесса, каковымъ она отличается.—Есть характеристическимъ въ этомъ отношеніи подробностямъ ея уголовного процесса мы и переходимъ теперь, сдѣлавъ здѣсь еще одно только общее указаніе, что къ выводу о преобладающей защитительной тенденціи въ уголовномъ процессѣ Америки приходится также и другой большой зватокъ американской жизни и культуры, профессоръ гарвардскаго университета Гуго Мюнстербергъ. Въ этомъ отношеніи онъ проводитъ такую параллель: нѣмецъ сосредоточиваетъ свое правосознаніе на томъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ виновный не избѣгъ законной кары; американецъ, напротивъ, сосредоточиваетъ свое правосоз-

*) Ibid., II, p. 113, 273, 328, 334, 372, 531, 593, 680.

**) Ibid., II, p. 340.

знаніе на томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ невинный не понесъ наказанія *). Мюнстербергъ, при этомъ, также приводитъ эту тенденцію уголовного процесса въ связь съ демократическимъ духомъ народа и страны.

II.

При переводѣ англійскихъ процессуальныхъ порядковъ на американскія условія Большое жюри присяжныхъ не только сохранило функціи, которыя ему первоначально принадлежали въ Англии, но ихъ расширило и преумножило. Въ Англии Большое жюри, возникшее изъ обычныхъ людей, которыхъ въ онѣ время представители короны или церкви опрашивали о разныхъ мѣстныхъ нуждахъ и, между прочимъ, о преступленіяхъ, постепенно перешло въ институтъ, функционирующій преимущественно какъ органъ преданія суду, иногда лишь берущій на себя инициативу возбужденія уголовного преслѣдованія. Оно дѣйствуетъ негласно, безъ вызова обвиняемаго и его свидѣтелей, опрашиваетъ обвинителя и иногда его свидѣтелей и ограничивается рѣшеніемъ вопроса о годности или негодности обвинительнаго акта для направленія его суду обыкновеннаго Малаго жюри присяжныхъ. Въ Америкѣ же, согласно съ общимъ характеромъ народности, Большое жюри не только осуществляетъ обвинительныя функціи въ качествѣ представителя общины, но проявляетъ значительно разностороннѣе ея контролирующую власть. Оно часто само назначаетъ разслѣдованія по разнымъ возбуждающимъ общественное вниманіе происшествіямъ; такъ, наприм., въ 1904 году въ С.-Луи Большое жюри потребовало провѣрки списка избирателей, относительно котораго циркулировали разные темные слухи, и высказало свое сужденіе относительно нѣкоторыхъ сомнительныхъ пунктовъ, касающихся ихъ составленія. Въ законахъ штата Теннесси прямо выражено, что Большое жюри, будучи обязаннымъ изслѣдовать всѣ уголовныя дѣянія своего округа, имѣетъ право производить ревизію устройству и управленію мѣстъ заключенія, провѣрять наличность общинной кассы и залоговъ, вносимыхъ должностными лицами, изслѣдовать случаи какихъ бы то ни было препятствій или безпорядковъ на общественныхъ дорогахъ и проч.; при этомъ оно имѣетъ право приглашать и допрашивать подъ присягою свидѣтелей, какихъ найдетъ нужнымъ; ему принадлежитъ, какъ послѣ приведеннаго само собою разумѣется, право назначать слѣдствіе по поводу каждаго дошедшаго до него извѣстія о преступленіи или проступкѣ, если оно признаетъ это извѣстіе заслуживающимъ довѣрія. Въ американской жизни Большое жюри, по словамъ Гартмана, занимаетъ до извѣстной степени центральное мѣсто. Точно такъ, какъ при вѣшнихъ безпорядкахъ шерифъ становится центромъ, организующимъ гражданскую самооборону, Большое жюри во всякое время можетъ стать центромъ, около котораго группируются жалобы и недовольства, вызванныя безпорядками привоного характера.

*) „Die Amerikaner“ von Hugo Münsterberg. Berlin, 1904, II, s. 250 и слѣд.

Что касается Малаго жюри, т.-е. суда съ присяжными, то характеристическимъ отличіемъ Америки въ этомъ отношеніи является переносъ центра тяжести процесса не только по вопросамъ факта, но и по вопросамъ права, съ судьи на коллегію присяжныхъ. Во многихъ штатахъ присяжнымъ принадлежитъ право указанія на видъ подлежащаго примѣненію наказанія. Такъ, въ штатѣ Луизианѣ, Калифорніи, Иллинойсѣ и др., присяжнымъ предоставляется право по дѣламъ, грозящимъ примѣненіемъ смертной казни, гдѣ она еще сохранилась, прибавить къ обвинительному вердикту оговорку «безъ примѣненія смертной казни» (*guilty, without capital punishment*). Если же это право разсматривать только какъ перешедшее къ присяжнымъ право помилованія, то цѣлый рядъ другихъ опредѣленій такого же характера указываетъ именно на тенденцію расширить компетенцію присяжныхъ на вопросы права; такъ, наприм., въ штатѣ Миссури присяжные опредѣляютъ продолжительность заключенія, которому долженъ подлежать обвиненный, и даже видъ заключенія, если по закону ихъ имѣется нѣсколько. Гдѣ введены приговоры безъ опредѣленія судомъ самаго срока заключенія, о примѣненіи этого вида приговора предоставляется сказать свое слово присяжнымъ. Да въ процессуальномъ уставѣ штата Иллинойсѣ 1903 г. въ § 431 прямо выражено, что присяжные въ уголовныхъ дѣлахъ являются судьями факта и права («*Juries in all criminal cases shall be judges of the law and the fact*»). Отсюда вытекаетъ и то, что напутственное слово председательствующаго судьи теряетъ тотъ подавляющій авторитетъ, который ему свойствененъ въ англійскомъ судѣ. Гартманъ отмѣчаетъ, что это теченіе усилилось съ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда демократизація общественнаго строя стала осуществляться особенно настойчиво. Въ англійскомъ судѣ напутствіе судьи присяжнымъ всегда устное; въ Америкѣ стали заводить правила о чтеніи напутствія въ письменномъ изложеніи; такой порядокъ легко сводитъ напутствіе къ чтенію шаблоннаго разъясненія по печатному тексту. Бываетъ и такъ, какъ въ Делаварѣ, гдѣ въ дѣлахъ, въ которыхъ сидитъ по нѣскольку судей (наприм., объ умышленномъ убійствѣ), присяжнымъ даютъ подъ-рядъ напутствіе каждый изъ судей, и напутствія эти поѣтому нерѣдко разкорѣчивы.

Вопросъ о положеніи и роли судей въ странѣ разрѣшается прежде всего по тому признаку, избираемы ли они населеніемъ, или назначаются какою-нибудь центральной властью. Англія—страна назначаемыхъ судей по преимуществу. Америка же олицетворяетъ собою противоположный типъ. Въ этомъ пунктѣ наглядно выражается контрастъ политическаго строя той и другой страны. Въ первоначальныхъ штатахъ судьи были назначаемы. Но когда стали организовываться новые штаты, то получили преобладаніе противоположный принципъ. Это началось со штата Индіаны въ 1816 г. и затѣмъ повторилось при образованіи штата Миссиссипи въ 1832 г., штата Мичиганъ въ 1835 г., штата Iowa въ 1846 г., штата Калифорніи въ 1849 г. и т. д. Самая форма избранія видоизмѣнялась: то избраніе происходило въ представительныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ штатовъ, то непосредственно

населеніемъ каждой мѣстности. Измѣнялись и сроки, на которые избраніе совершалось: то оно было пожизненно, то въ предѣлахъ тѣхъ сроковъ, на которые избираются остальные должностныя лица (большею частью на четырехлѣтіе). Избраніе непосредственное и срочное получаетъ все большее и большее преобладаніе. Въ нему перешло уже и большинство старыхъ штатовъ. Это тенденція несомнѣнно въ связи съ все возрастающею демократизаціею всего строя управленія.

Представляется умѣстнымъ здѣсь же указать на высокое положеніе, занимаемое въ народномъ мнѣніи должностью судьи, и на фактическое соотвѣтствіе американскихъ судей этимъ требованіямъ, констатируемое столь авторитетнымъ знатокомъ американской политической и общественной жизни, какъ Джеймсъ Брайсъ, который, должно при этомъ замѣтить, принципиальный противникъ избирательнаго начала въ пригнѣненіи къ судейской должности *). «*Who once was a judge, always a judge*»), говорятъ американцы и потому титулуютъ такъ каждаго бывшаго судьей, занимается ли онъ послѣ того адвокатурою или другою профессіею, охотно поддерживая его кандидатуру на всякую общественную должность.

Про выборное начало въ отношеніи судей Гартманъ, между прочимъ, дѣлаетъ такое общее заключеніе: выборъ судей народомъ, возрѣніе, что община есть настоящій источникъ и носитель правопорядка, и вліятельное положеніе присяжныхъ въ уголовномъ процессѣ—все это находится въ живой связи одно съ другимъ; все это выросло на одной и той же общественной почвѣ; каждый изъ этихъ моментовъ подкрѣпляетъ остальные, будучи одновременно и причиною и слѣдствіемъ ихъ.

Въ отношеніи судейскихъ функций въ Америкѣ и ихъ взаимоотношенія съ адвокатурою весьма интересныя сужденія принадлежать также Мюнстербергу, который признаетъ въ этомъ случаѣ величайшее значеніе за юстиціею, творимую, по англо-американскому образцу, не по предписаніямъ писанаго кодекса, а по обычному праву и прецедентамъ, что, относясь главнымъ образомъ къ гражданскому праву, не можетъ остаться безъ вліянія и въ области, чаще кодифицированнаго, уголовного права и процесса.

«Нѣмецкій судья,—говоритъ онъ,—имѣетъ передъ собою готовыя правовыя нормы и является ихъ слугою; американскій судья создаетъ право и является его господиномъ. Но когда рѣшеніе судьи связано съ прецедентами, то участь сторонъ въ процессѣ зависитъ отъ того, въ состояніи ли они указать на прецеденты, говорящіе въ ихъ пользу. Тяжущіеся, конечно, этого сами не могутъ; въ этомъ задача адвокатуры. Этимъ отырывается для адвоката поприще дѣятельности, гораздо болѣе вліятельное, чѣмъ, наприимѣръ, у нѣмецкаго адвоката. Онъ долженъ заняться не только особенностями одного даннаго случая, а установленіемъ связи между единичными

*) „The American Commonwealth“, ed. 1899, v. II, p. 634.

особенностями этого случая со всем историческим прошлым. Этим призвание адвоката приобретает внутреннее значение, которого немецкий адвокат вообще не знает и которое неизбежно во многих случаях превосходить значение самого судьи, так как судья вынужден придерживаться прецедентов, которые указываются адвокатами каждой из сторон. Но судьи избираются по преимуществу из адвокатов и, следовательно, сами того убеждения, что истинное право содержится в прошлых решениях и что новые решения, постановляемые судом, только тогда ценны, когда они внушают к себе по своему существу уважение представителей адвокатуры. Поэтому адвокаты и судьи образуют нечто единое. Они сообща представляют исторически сложившееся и ежедневно образующееся правосознание, которое из этого постоянно живого источника с несравненно свежестью и непосредственностью проникает в массы *)).

Судья в Америке функционирует не только как власть, воздающая за совершенное преступное деяние, но и как власть, предупреждающая насилие и своеволие. Если судья заявляет об угрозах или похвальбах, произносимых кем-либо в его округе, он имеет право вызвать это лицо, произвести расследование по этому поводу и, если признает это нужным, потребовать обеспечения от этого лица в том, что оно не приведет своей угрозы в исполнение; обеспечение это может состоять в денежном залоге, в благонадежном поручительстве, а иногда и до представления этих гарантий в лишении свободы. В этих случаях судья действует, как хранитель мира—*Conservator of the Peace*, в роли, с которой в значительной степени связано уважение, внушаемое населению этой должностью.

У каждого читателя, однако, когда он встречается изображение, подобное вышеприведенному, идеализующее судебный строй и порядки Америки, непременно рождается вопрос, как же все это примирить с явлениями дикой саморасправы и жестокости, известными под названием линчевания и столь сравнительно часто отмечаемыми в хронике американской жизни? На этих явлениях останавливается, конечно, в своей книге и Гартман. Он, понятно, не берется их оправдывать, но в объяснение их вносит довольно интересную и новую точку зрения. Он говорит, что судить об этих явлениях надо, прежде всего, принимаясь к некоторым условиям американской жизни характера исключительного. К разряду их относится пресловутый негритянский вопрос, вызываемый расовым антагонизмом и рабовладельческим наследием. Что же касается народной саморасправы, чинимой над неграми (объекта-

*) „Die Amerikaner“, I, s. 178. Интересно тут привести и мнение русского ученого о политической ценности правосудия, творимого на основании судебного прецедента: „Наибольшую силу за судебными прецедентами признают государства самые свободные: некогда—республика римская, теперь Англия и Соединенные Штаты Северной Америки“, говорит проф. Г. Демченко в своем исследовании „Судебный прецедент“. Варшава, 1903 г., стр. 184.

ни линчеванія служить по преимуществу чернокожіе), то съ политической точки зрѣнія надо въ этомъ видѣть общинный самосудъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, т.-е. осуществленіе общиною своего коренного права чинить судъ и расправу надъ преступниками, того права, которое она вообще делегируетъ своимъ избранныкамъ-судьямъ и шерифамъ, и которое она въ этихъ случаяхъ или на такой случай возвращаетъ себѣ обратно. Тутъ происходитъ не возмущеніе народа противъ властей предержавшихъ, какъ надо бы разсматривать линчеваніе съ точки зрѣнія и въ обстановкѣ европейской, а какъ бы судебная расправа правильного носителя судебной власти, но безъ обычныхъ посредниковъ ея: община судить виновника возмущившаго ее дѣянія сама, безъ участія облеченныхъ ею же для этого органовъ власти. Надо при этомъ имѣть въ виду, что случаи линчеванія бывають обыкновенно не тогда, когда есть сомнѣніе въ виновникѣ дѣянія, а только тогда, когда дѣяніе и его несомнѣнный виновникъ вызываютъ у толпы требованіе примѣрнаго наказанія тутъ же на мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ, — говоритъ Гартманъ, — сказывается взглядъ американцевъ, въ ихъ отношеніяхъ къ неграмъ, на судъ присяжныхъ, какъ, въ извѣстномъ смыслѣ, на судъ перовъ для бѣлыхъ, какъ на благородное судилище, гарантіями юго недостойны пользоваться чернокожіе ихъ сограждане, тѣ въ особенности, которые въявь обнаружили свои низменные животные инстинкты (линчеваніе обыкновенно вызывается насиліемъ негра надъ бѣлой женщиной).

Тѣмъ не менѣе, конечно, линчеваніе остается позорнымъ пятномъ современной Америки, пережиткомъ старыхъ традицій, которымъ давно бы пора отойти въ безвозвратное прошлое. Высто того мы видимъ, что линчеваніе настолько еще тамъ привлекательно для многихъ, что желѣзныя дороги не стѣсняются объявлять о специальныхъ поѣздахъ въ мѣста, гдѣ по слухамъ по какому-нибудь изъ соответствующихъ случаевъ оно ожидается. Это, впрочемъ, одна изъ тѣхъ принадлежностей рабовладѣльческаго наслѣдія, которыя и во многихъ другихъ отношеніяхъ не даютъ о себѣ забыть Америкѣ, будучи серьезными путями для безпрепятственного дальнѣйшаго слѣдованія по пути прогресса культурнаго и политическаго. Гартманъ не разъ въ своемъ изслѣдованіи обращаетъ вниманіе на то, что выдающіяся и привлекательныя черты американской жизни и судебного строя обнаруживаются пока только въ штатахъ давнихъ и новѣйшихъ, а отнюдь не въ южныхъ, бывшихъ ареной рабовладѣнія и заключающихъ въ себѣ почти главную массу чернокожихъ потомковъ, лишь четыре десятилітія тому назадъ отиѣненнаго, а до того столѣтіями въ нихъ сосредоточивавшагося рабства.

Вообще должно имѣть въ виду, что при американскихъ условіяхъ политическихъ, историческихъ и этнографическихъ при столь большомъ разнообразіи въ составѣ населенія и времени вступленія отдѣльныхъ мѣстностей въ общій политическій союзъ, при совершенномъ отсутствіи какою-нибудь одного централизующаго начала, которое могло бы сразу за-

водить и насаждать повсемѣстно одни порядки, отиѣныя прежде, а при наличности, наоборотъ, совершенно иного начала, по которому каждая часть союза развивается самостоятельно и политически независимо одна отъ другой, нельзя и думать, что та часть развитія и совершенства, до которой дошелъ одинъ изъ штатовъ, есть доказательство такой же степени, достигнутой остальными. Ничуть не бывало. Во многихъ мѣстахъ сохраняются еще разные печальные пережитки стараго. Напримѣръ, въ миниатюрномъ штатѣ Делаварѣ лишь въ прошломъ году отиѣненъ позорный столбъ, у котораго выставлялись нѣкоторые изъ преступниковъ. Есть и понынѣ случаи примѣненія карательныхъ мѣръ, которыя никакому рациональному взгляду не соответствуютъ; наприм., въ штатѣ Вайомингъ въ 1905 г. введенъ законъ, облагающій особой карой даваніе «на чай» или «на водку». Но это, конечно, отдѣльныя частности, которыя не должны затемнять вида основныхъ теченій жизни и новаго ихъ направленія. Заслуга Гартмана и состоитъ въ томъ, что онъ съ большимъ умѣніемъ разобрался въ разнорѣчивыхъ фактахъ современной американской жизни, отдѣливъ въ нихъ основное отъ придаточнаго, постоянное отъ временнаго, и установивъ истинное теченіе идей и стремленій въ занимающей насъ области.

III.

Защитительная тенденція уголовного процесса Америки можетъ быть отиѣчена съ самаго начала уже на томъ, что, во-первыхъ, защитникъ допускается и всегда допускался къ участию въ дѣлѣ со стороны обвиняемаго во всѣ моменты слѣдствія, и что, во-вторыхъ, при разбирательствѣ на судѣ по требованію обвиняемаго ему дается защитникъ по назначенію. Англійскій же процессъ очень долго придерживался взгляда, что защитникомъ подсудимаго самъ судья («the judge is the counsel of the prisoner») и что поэтому ему не нужно никакого особаго заступника, а до 1903 г. не зналъ совсѣмъ никакого назначенія судомъ защитника немущему подсудимому. Роль и положеніе защитника, какъ равноправнаго съ обвинителемъ органа суда, опредѣляется тѣмъ общимъ положеніемъ, которое по американскому и позднѣйшему англійскому процессу самъ обвиняемый занимаетъ въ изслѣдованіи дѣла; а именно, обвиняемый не считается не только формально, но и по всеобщему убѣжденію обязаннымъ содѣйствовать выясненію дѣла; противъ него предъявлено обвиненіе, и обвинителю, такъ же, какъ истцу въ гражданскомъ процессѣ, надлежитъ доказывать свое требованіе передъ судомъ; обвиняемый это тотъ же отвѣтчикъ и онъ ни въ чемъ не обязанъ помогать направляемому противъ него судебнымъ дѣйствіямъ. Американскій судья дѣйствительно считаетъ, что отрицаніе обвиняемымъ своей вины ничего не доказываетъ, тогда какъ нѣмецкій судья, какъ говоритъ Гартманъ, исходитъ изъ положенія, что «обвиняемый долженъ бы прежде всего стараться выяснить дѣло». Последняя точка

зрѣнія есть отправная точка инквизиціоннаго воззрѣнія, по которой правительственная или судебная власть имѣетъ право на истину, къ открытію которой ей обязаны содѣйствовать все и въ томъ числѣ даже тотъ, противъ котораго она направляетъ свои дѣйствія; тогда какъ американская точка зрѣнія считаетъ обвиняемаго прежде всего носителемъ правъ гражданина, а отнюдь не такимъ объектомъ, котораго неприкосновенность можно пренебрегать хотя бы и въ видахъ открытія истины. Обвинитель есть власть, на него нападающая, а защитникъ—орудіе, его обороняющее; исходъ процесса зависитъ отъ результатовъ ихъ борьбы между собою на судѣ; обвиняемый въ правѣ ограничиться ролью нѣмого свидѣтеля этой борьбы; отъ него американскій судья ничего не ждетъ, а защитника отнюдь онъ не разсматриваетъ, какъ одну общую съ обвиняемымъ сторону,—защитникъ для него третье въ процессѣ лицо, функционирующее на равныхъ правахъ съ обвинителемъ, какъ его противобѣсъ въ процессѣ. Строй и ходъ американскаго уголовнаго процесса исключаетъ всякій признакъ господства въ немъ правительственной власти или какого-либо органа ея,—тогда какъ на европейскомъ континентѣ главенство прокуратуры—не исчезающая понынѣ характерная черта всего уголовнаго разбирательства. По американскому воззрѣнію ни передъ какими требованіями уголовнаго правосудія не должны поступаться гарантіи свободы и равенства гражданъ. Европейская точка зрѣнія, напримѣръ, мирится съ тѣмъ, что ради «раскрытія истины» человекъ можетъ находиться нескончаемое время подъ слѣдствіемъ, пока обвинительная власть не исчерпаетъ всѣхъ дѣйствительныхъ или даже только мнимыхъ для этого средствъ. А по американскимъ политическимъ понятіямъ обвиняемый въ какомъ бы ни было преступленіи имѣетъ право, прежде всего, на скорый судъ. Объ этомъ внесена особая оговорка въ союзную конституцію 1789 г. касательно всѣхъ союзныхъ судовъ, прямо это гласящая: «The accused shall enjoy the right to a speedy trial». То же самое повторяется въ органическихъ законахъ большинства отдѣльныхъ штатовъ. Это общее положеніе получило дальнѣйшее развитіе въ такомъ видѣ, что, наприм., калифорнскій процессуальный уставъ вмѣняетъ суду въ обязанность прекратить уголовное преслѣдованіе, если обвинитель не внесетъ его въ засѣданіе въ теченіе 60 дней со времени возбужденія. По уставу штата Иллинойсъ такимъ преслѣдательнымъ срокомъ назначается четыре мѣсяца, причеиъ во вниманіе къ особымъ обстоятельствамъ судъ можетъ продлить обвинителю этотъ срокъ не болѣе одного раза и не долѣе, какъ на 70 дней. Такимъ образомъ, вышеприведенная добавка къ конституціи объясняется не только желательностью освободительнаго движенія того времени, пуще всего боявагося тиранническихъ проявленій власти по европейскому образцу, а демократическимъ требованіемъ гарантій для истинной свободы. И дѣйствительно, что даютъ въ этомъ смыслѣ за гарантію европейскіе кодексы даже самаго прогрессивнаго типа, когда ни одинъ гражданинъ въ виду отсутствія ограниченій для продолжительности предварительнаго слѣдствія ими

не гарантированъ отъ того, чтобы его не могъ судебный слѣдователь сгноить въ тюрьмѣ по тѣмъ или другимъ подозрѣніямъ, могущимъ оказаться въ концѣ-концовъ даже и лишенными основанія! На континентѣ Европы, когда говорятъ о необходимости ускоренія процесса, то, главнымъ образомъ, процесса гражданскаго по денежнымъ претензіямъ, а если уголовнаго, то въ видахъ быстроты репрессіи, а отнюдь не съ точки зрѣнія политической гарантіи для гражданъ. Европейская практика, уступая требованіямъ жизни, дѣлаетъ различіе въ движеніи дѣлъ, подраздѣляя ихъ, смотря по тому, на свободѣ ли или нѣтъ обвиняемый, на «арестантскія» и «не арестантскія»; но эта канцелярская гуманность, регулируемая не закономъ, а циркулярами, конечно, не можетъ быть поставлена въ параллель съ конституціонными гаранціями гражданской свободы.

Продолжительные процессы бываютъ и въ Америкѣ; бываютъ и такіе, по которымъ обвиняемые находятся годами подъ стражей; но это только по причинѣ новыхъ и новыхъ сроковъ, которые судъ назначаетъ обвиняемому *по его ходатайству* для предоставленія ему всѣхъ средствъ оправдаться. «Тогда какъ,—говоритъ по этому поводу Гартманъ,—инквизиціонный процессъ ставитъ во главѣ вопросъ объ обнаруженіи преступленія, американскій процессъ представляется какъ бы задающимъ себѣ прежде всего вопросъ о томъ, какъ помочь обвиняемому». Правильность этого замѣчанія подтверждается въ особенности тѣмъ, наприм., что американскій уголовный процессъ усвоилъ себѣ институтъ такъ назыв. *new trial*, который существуетъ въ англійскомъ *гражданскомъ* процессѣ. Онъ состоитъ въ томъ, что судья, при участіи котораго состоялся приговоръ присяжныхъ, или высшій судъ можетъ назначить по просьбѣ обвиняемаго, если признаютъ уважительными его доводы къ тому, новое разбирательство этого дѣла передъ другимъ составомъ присяжныхъ. Само собою разумѣется, что это возможно только въ случаѣ обвинительнаго приговора.

Бываютъ случаи, когда и обвинитель получаетъ право на возбужденіе вновь дѣла; но это только при такъ называемыхъ *mistrials*, т.-е. когда присяжные не приходятъ къ требуемому единогласію и значить никакого приговора по дѣлу не произносится. Тогда разрѣшается обвинителю домогаться разсмотрѣнія того же обвиненія передъ другимъ составомъ присяжныхъ. Хотя никакой законъ не ограничиваетъ числа такихъ возобновленій дѣла при повторившемся *mistrial*, т.-е. когда опять присяжные не пришли къ единогласію, на практикѣ болѣе двухъ разъ обвинители о правѣ возобновленія дѣла на этомъ основаніи не пытаются ходатайствовать.

Защитительная тенденція весьма явственна на слѣдующей подробности процессуальныхъ правилъ. Хотя обвинитель ограниченъ въ срокѣ, въ теченіе котораго онъ долженъ представить свой обвинительный матеріалъ на разсмотрѣніе суда, тѣмъ не менѣе отъ него требуется, чтобы его свидѣтели непременно были налицо; чтеніе ихъ показаній, отобранныхъ въ другомъ мѣстѣ, не допускается; тогда какъ обвиняемый имѣетъ право

пользоваться при известныхъ обстоятельствахъ и письменными показаніями своихъ свидѣтелей.

Демократизація процесса въ сравненіи съ англійскимъ выражается въ томъ еще, что по конституціи многихъ штатовъ каждый гражданинъ имѣетъ право не только по преступленіямъ, но и при обвиненіи въ проступкѣ требовать разбирательства дѣла при участіи присяжныхъ; въ этихъ случаяхъ по дѣламъ о полицейскихъ правонарушеніяхъ фигурируетъ особое жюри въ составѣ лишь пяти человекъ. Затѣмъ, та же тенденція заключается въ правилѣ, что каждый изъ соучастниковъ преступленія имѣетъ право требовать, чтобы о немъ дѣло разсматривалось отдѣльнымъ составомъ присяжныхъ; въ этомъ правилѣ явственно сказывается, насколько доминирующимъ надъ всеми остальными соображеніями въ уголовномъ процессѣ является стремленіе оградить интересы и права обвиняемаго, какъ гражданина; такъ что, сколь затруднительно отъ этого ни было бы положеніе обвиненія, коль скоро обвиняемому кажется, что отъ совмѣстнаго разсмотрѣнія дѣла о немъ съ другими обвиняемыми нарушается или перебивается вниманіе присяжныхъ къ вопросу объ его винѣ, на полноту коего при постановленіи ими вердикта онъ въ правѣ претендовать, дѣло о немъ должно быть выдѣлено въ особое производство. Интересы полноты картины учиненнаго нѣсколькими соучастниками преступленія, ради которыхъ существуетъ въ европейскихъ кодексахъ правило о совмѣстномъ судѣ надъ всеми участниками дѣянія (такъ назыв., нераздѣльность процесса), здѣсь уступаютъ политическому требованію равнаго и одинаковаго для всехъ безъ различія суда. Въ Англійи нельзя только соединять дѣла по совокупности преступленій, а нужно отдѣльное производство по каждому отдѣльному обвиненію; а здѣсь каждый обвиняемый даже по одному и тому же съ другими обвиненію въ правѣ требовать отдѣльнаго надъ собою суда. Само собою, далѣе, разумѣется, что обвиняемый въ Америкѣ въ правѣ требовать публичнаго разсмотрѣнія своего дѣла рѣшительно всякаго безъ какихъ бы то ни было исключеній. Американцы считаютъ, — говорить по этому поводу Гартманъ, — что истинные интересы государства никогда несомѣстимы съ тайнымъ производствомъ суда.

При выборѣ состава присяжныхъ стороны чрезвычайно широко пользуются правомъ отвода, и безъ объясненія причинъ, и по причинамъ, легко получающимъ одобреніе судьи *). Съ этимъ находится въ связи явленіе, особо характеризующее чисто состязательный принципъ американскаго процесса, что иногда составъ присутствія ограничивается, за недостаточностью подходящихъ лицъ по списку, одиннадцатью или даже только десятью присяжными, вмѣсто двѣнадцати, если объ этомъ состоится соглашеніе между сторонами. Соглашенію принадлежитъ еще большая роль въ такъ-называемыхъ компромиссахъ обвиняемаго съ судьей и обвинителемъ. Субъектъ,

*) Подробности объ этомъ и о ходѣ самаго разбирательства см. мою статью „О судебныхъ порядкахъ и адвокатурѣ въ Соединенныхъ Штатахъ“ (изъ личныхъ извѣстій), *Русская Мысль*, 1902 г., кн. VIII, стр. 72.

наприм., обвиняемый въ кражѣ со взломомъ, признаетъ себя виновнымъ, но только въ простой кражѣ, или обвиняемый въ убійствѣ признаетъ себя виновнымъ, но лишь въ нанесеніи побоевъ или раны. Тогда производство на этомъ оканчивается и судья приговариваетъ виновнаго къ наказанію по установленному его признаніемъ дѣянію. Англійскій судъ также можетъ при сознаніи обвиняемаго въ менѣе тяжкомъ, чѣмъ ему приписывается, дѣяніи приступить безъ дальнѣйшаго разбирательства къ постановленію приговора о наказаніи; но на практикѣ судьи тамъ на это идутъ только тогда, когда разница въ наказаніи отъ этого получается незначительная. Американскіе же судьи очень часто соглашаются на этотъ компромиссъ при явной даже выгодѣ отъ этого для обвиняемаго, такъ какъ преобладающая у нихъ тенденція, пользующаяся популярностью и среди населенія, что дѣло борьбы съ преступленіемъ чрезъ наказанія не столько въ томъ, чтобы отягощать участь виновнаго, сколько въ томъ, чтобы только, не оставлять преступныхъ дѣяній безнаказанными. Сходство началъ уголовного процесса Америки съ ея гражданскимъ процессомъ, сказывающееся на многихъ другихъ подробностяхъ, на этомъ примѣрѣ рѣшающаго значенія, придаваемаго соглашенію сторонъ предпочтительно предъ соображеніями о суверенитетѣ карающей власти государства и тому подобными суровыми принципами, особенно наглядно.

Своеобразную роль въ англо-американскомъ процессѣ играетъ вопросъ о показаніи на судѣ самого обвиняемаго. На смѣну системѣ пытокъ въ новѣйшую эпоху, какъ извѣстно, выработалось повсюду правило о томъ, что обвиняемый не можетъ быть принужденъ къ дачѣ показаній и имѣетъ право ограничиться заявленіемъ, что онъ не признаетъ себя виновнымъ. Правило это учредители американскаго союза сочли настолько существеннымъ правомъ гражданина, что внесли его въ свою конституцію въ видѣ положенія: никто не можетъ ни въ одномъ уголовномъ дѣлѣ быть принужденъ къ дачѣ показанія противъ самого себя (*No person shall be compelled in any criminal case to be a witness against himself*). Почему было сочтено нужнымъ такъ ригорично превозгласить это правило, будетъ понятно, если принять во вниманіе тѣ приемы, къ которымъ старыи европейскій режимъ прибѣгалъ въ этомъ отношеніи, чтобы добиться по дѣлу прежде всего показанія самого обвиняемаго. Относительно Англии мы, по Пайку, узнаемъ объ этомъ слѣдующее.

Когда произошла отмѣна ордалій, то выработалась другая мѣра для побужденія обвиняемыхъ къ дачѣ показанія, а именно: тѣхъ, которые, будучи призваны на судъ, безмолствовали, подвергали заключенію въ помѣщеніи не болѣе обыкновенной кѣтки и не давали ѣсть. Это называлось *«prison forte et dure»*, установленное особымъ статутомъ Эдуарда I (въ концѣ XIII ст.). Черезъ сто лѣтъ, при Генрихѣ IV (въ концѣ XIV стол.) *«prison forte de dure»* замѣнена была въ *«peine forte de dure»*, въ особый видъ пытки путемъ прессованія, которая примѣнялась къ обвиняемымъ, отказывавшимся отъ отвѣтовъ на допросъ. До примѣненія ея

обвиняемый былъ трижды предупреждаемъ о томъ, что ему грозитъ за его молчаніе, и ему давалось нѣсколько часовъ на размышленіе. Если и послѣ того онъ продолжалъ отказываться отъ дачи показанія, надъ нимъ произносился приговоръ, буквально гласившій слѣдующее: «Вы будете отведены назадъ въ тюрьму, откуда васъ привели, и будете помѣщены въ яму, куда не проникаетъ свѣтъ: будете тамъ голый, съ повязкою на бедра, положены спиною на голый полъ; на ваше тѣло будетъ положенъ желѣзный грузъ, какой оно только сможетъ вынести, и еще большій; вы не получите никакого питанія, кромѣ трехъ кусочковъ черстватаго хлѣба въ первый день, трехъ капель вонючей воды изъ ближайшей къ тюрьмѣ лужи на второй день, и затѣмъ опять трехъ кусочковъ черстватаго хлѣба на третій день, трехъ капель воды на четвертый, и въ такой очереди далѣе, день за днемъ, пока вы не умрете *).

Примѣненіе особыхъ наказаній къ обвиняемому за «непослушаніе» практиковалось очень долго въ Европѣ даже послѣ формальной отмены пытокъ. Пережитокъ этого содержится еще въ настоящее время въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ, которое въ числѣ обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и наказаніе, признаетъ и то «чѣмъ болѣе виновный при слѣдствіи и судѣ оказывалъ неискренности и упорства въ заперательствѣ» (ст. 129). Нечего и говорить о томъ, какъ широко примѣнялось требованіе отъ обвиняемаго «искренняго признанія и покаянія» при слѣдствіяхъ по политическимъ дѣламъ. Вотъ почему отцы американской конституціи, у которыхъ безпрестанно носились въ душѣ опасенія, какъ бы въ ихъ новомъ отечествѣ не повторились акты европейской тираніи и произвола властей, нашли нужнымъ оградить въ хартіи свободы особымъ параграфомъ права обвиняемаго какъ гражданина.

Такимъ образомъ ясно, что освобожденіе обвиняемаго отъ активнаго участія въ разслѣдованіи дѣла собственными показаніями происхожденія часто политическаго. Оно составляетъ по происхожденію гарантію для обвиняемаго, а не ограниченіе его въ правахъ. Фактически же оно превратилось въ это послѣднее, въ ограниченіе его въ правахъ. Англо-американскій процессъ не знаетъ другихъ показаній, какъ показанія, данныя подъ присягой; судьи же отказывали обвиняемому въ приводѣ его къ присягѣ, такъ какъ присяга обязываетъ къ откровенности, а откровенность несомнѣстима, если не имѣется объ этомъ какого-нибудь особаго закона, съ правомъ умолчанія объ однихъ обстоятельствахъ и раскрытія только тѣхъ, какія желаетъ показывающій. Такимъ образомъ привилегія обвиняемаго превратилась въ *privilegium odiosum* для него, а процессъ, самое слѣдствіе, вопреки общей тенденціи къ постановкѣ его на возможно болѣе свободныхъ началахъ для собранія и оцѣнки по внутреннему убѣжденію всѣхъ возможныхъ видовъ доказательствъ, оказался лишеннымъ одного изъ источниковъ установленія истины, каковымъ не можетъ же не быть

) Ibid., I, p. 210, 387.

признано и показаніе самого обвиняемаго. Огражденіе свободы обвиняемаго впадо въ коллизію съ требованіями свободы процессуальнаго изслѣдованія дѣла. Сверхъ того, въ столь строго проводимомъ отрицательномъ отношеніи къ обвиняемому, какъ источнику правды, нельзя не чувствовать умаленія достоинствъ обвиняемаго, какъ гражданина. Поэтому должна была естественно появиться реакція противъ этого отношенія къ показанію обвиняемаго на судѣ. Кампанію въ этомъ смыслѣ открылъ еще въ концѣ XVIII ст. Бентамъ. Успѣхъ ея въ Англіи сперва, и то не скоро, ограничился сферою гражданскаго процесса, гдѣ показаніе самихъ тяжущихся трактовалось такъ же, какъ показаніе обвиняемаго въ уголовномъ процессѣ. Законы, по которымъ разрѣшено было въ Англіи присяжное показаніе самой стороны въ гражданскомъ процессѣ или противной стороны по ея требованію, явились лишь въ 1847 и 1854 гт. Почти одновременно появились такіе же законы штата Иллинойсъ (1845 г.) и Коннектикута (1849 г.). Пропаганда въ пользу этой реформы въ уголовномъ процессѣ требовала еще больше времени и встрѣчала долѣе принципиальныя возраженія. Но тутъ уже Америка значительно опередила Англію. Законъ объ этомъ для всѣхъ союзныхъ судовъ прошелъ въ конгрессѣ 16 марта 1878 г.; а въ Англіи лишь двадцать лѣтъ спустя—въ судопроизводительномъ законѣ Criminal Evidence Act 1898 г. Такъ что приоритетъ въ демократическомъ развитіи новой идеи здѣсь явственно принадлежитъ американскому народу. Полемика относительно значенія этой реформы еще далеко не успокоилась; pro и contra ея имѣютъ еще своихъ фанатическихъ защитниковъ и въ литературѣ, и среди судебныхъ дѣателей на практикѣ. Любопытна, наприм., корреспонденція въ видѣ «Письма изъ Лондона», подписаннаго *Barrister*, въ № 40 газеты *Право* за 1899 г., посвященная оцѣнкѣ съ этой стороны Evidence Act'a 1898 г. По мнѣнію ея автора, эта реформа несогласна съ цѣлями рациональной криминалистики. Онъ думаетъ, что она должна даже дурно отразиться на участи обвиняемаго, такъ какъ къ показанію его присяжные никогда не могутъ относиться съ такимъ довѣріемъ, какъ къ другимъ показаніямъ, а къ молчанію его теперь невольнo будутъ относиться гораздо подозрительнѣе, такъ какъ оно не обязательное, какъ прежде, а добровольное; людямъ же очень свойственно думать, что невинный человѣкъ не можетъ хранить молчаніе, когда надъ нимъ тяготѣетъ несправедливое обвиненіе. Однако, авторъ корреспонденціи признаетъ, что и въ Англіи «почти вся пресса привѣтствовала законъ 1898 г., какъ новое проявленіе гуманности въ криминалистикѣ, какъ прогрессъ либерализма въ уголовной процедурѣ». Насъ собственно съ этой стороны больше всего интересуетъ эта реформа и то, что при такой своей тенденціи она добилась успѣха ранѣе въ Америкѣ, чѣмъ въ своемъ отечествѣ, гдѣ мысль о ней давно зародилась; по существу же, съ точки зрѣнія европейскаго континентальнаго права, мы готовы сказать, что эта реформа, пожалуй, не заслуживаетъ, ni cet excès d'honneur, ni cette indignité.—По данному поводу еще уместно будетъ для характерис-

тиги того, какъ демократизируются гражданскіе законы Англій при переносѣ ихъ въ Америку, указать на то, что, наприм., англійскій законъ о личноиъ задержаніи за долги, и понынѣ весьма суровый, выработался въ Америкѣ въ законъ, по которому несостоятельный къ платежу долга, какъ бы велика сумма его ни была, не можетъ за это быть содержимъ въ заключеніи болѣе 30 дней; или что англійскій законъ о единопослѣдін (майоратѣ) въ Америкѣ отмѣненъ при самомъ превозглашеніи независимости и замѣненъ равноправіемъ всѣхъ дѣтей мужского, какъ и женскаго пола, при наслѣдованіи въ имущество родителей.

Разсмотрѣвъ многозначительныя проявленія защитительной тенденціи американскаго уголовнаго процесса по отношенію къ обвиняемому до и во время суда, намъ нужно теперь остановиться на признакахъ той же тенденціи въ послѣдующихъ фазахъ процесса, а именно, когда обвиняемый превращается въ обвиненнаго, т.-е. когда послѣдуетъ надъ нимъ обвинительный вердиктъ присяжныхъ.

Въ этомъ случаѣ американскій судья имѣетъ право все же отпустить обвиняемаго вслѣдствіе формальныхъ недостатковъ, усмотрѣнныхъ имъ въ постановкѣ обвиненія, или же по отсутствію состава преступленія въ юридическомъ отношеніи. Такъ что судья имѣетъ право не постановлять своего приговора тотчасъ послѣ произнесенія присяжными обвинительнаго вердикта; а въ нѣкоторыхъ штатахъ существуетъ законъ объ обязанности выждать въ теченіе извѣстнаго срока, не будетъ ли со стороны защиты возраженій формальнаго свойства противъ примѣненія наказанія. Практика такихъ формальныхъ поводовъ для приостановленія обвинительнаго вердикта и для отмѣны наказанія, по утверженію Гартмана, ушла въ Америкѣ гораздо дальше, нежели въ Англій и, конечно, въ сторону благоприятную для обвиняемаго, такъ какъ отмѣна приговора или назначеніе новаго разбирательства существуетъ только въ случаѣ обвинительнаго приговора; оправдательный приговоръ ни въ какомъ случаѣ кассации не подлежитъ. Характерную особенность новаго разсмотрѣнія дѣла составляетъ въ Америкѣ то, что оно происходитъ подъ предсѣдательствомъ того же судьи; это нѣчто совершенно несовмѣстимое съ европейской точки зрѣнія на кассацию, такъ какъ здѣсь существуетъ прочно вкоренившаяся преумишля, что тотъ же судья, хотя бы по причинамъ чисто психическимъ, не можетъ вновь засѣдать по тому же дѣлу, будучи склоннымъ непремѣнно поддерживать разъ проявленную уже въ дѣлѣ тенденцію. Американцы считаютъ своихъ судей стоящими выше этихъ погрѣшностей самолюбія; но во всякомъ случаѣ, такъ какъ новое разбирательство происходитъ только потому, что судьей усмотрѣно въ состоявшемся приговорѣ что-нибудь, идущее вразрѣзъ съ правами обвиняемаго, они считаютъ, что при прежнемъ судѣ дѣло будетъ идти въ желательномъ направленіи, т.-е. болѣе въ интересахъ обвиняемаго, нежели обвиненія. Поэтому Гартманъ и въ этой подробности американскаго процесса правильно усматриваетъ еще одно изъ проявленій защитительной его конструкціи. Въ этомъ

смыслѣ онъ тутъ же указываетъ на то, что практика американскихъ судовъ менѣе всего стремится къ сокращенію сроковъ для обвиняемаго на обжалованіе обвинительнаго приговора. Въ Европѣ, говоритъ онъ, срокъ для слѣдствія неограниченъ, а для вступленія состоявшагося приговора, хотя бы и обвинительнаго, въ окончательную силу, очень коротокъ. Въ этомъ отношеніи европейскій взглядъ какъ разъ перенесъ безъ надобности требованія гражданского правосудія на уголовное. Американцы же эти сроки для обвиняемаго чрезвычайно расширяютъ; въ нѣкоторыхъ штатахъ онъ по закону годичный. Сверхъ того, судьи весьма легко возстановляютъ обвиняемому пропущенный срокъ.

Что касается оправдательнаго приговора, то, какъ уже было указываемо, для него не существуетъ никакихъ способовъ отиѣны. Пересмотръ оправдательнаго вердикта былъ бы для американца нарушеніемъ его политическихъ правъ, ибо въ одномъ изъ дополнительныхъ пунктовъ къ союзной конституціи сказано, что «никто не можетъ, ни жизнью, ни единымъ членомъ, быть дважды подвергнутъ опасностямъ судебного разбирательства за одно и то же дѣяніе» (*nor shall any person be subject for the same offence to be twice put in jeopardy of life or limb*). Опасностью судебное разбирательство можетъ быть для обвиняемаго только въ смыслѣ риска быть обвиненнымъ; поэтому правило это о недопустимости суда за то же дѣяніе болѣе одного раза практикою разумѣется только въ томъ смыслѣ, что оправданный обвиняемый не можетъ быть подвергнутъ риску новаго разбирательства; но для обвиненнаго новое разбирательство есть только новый шансъ на оправданіе и потому, какъ мы выше видѣли, оно допускается американскими судами очень либерально по многообразнымъ поводамъ. Бывали въ отдѣльныхъ штатахъ попытки ввести законъ о возможности въ исключительныхъ случаяхъ пересмотра оправдательнаго приговора по требованію обвинителя; но и тамъ, гдѣ это осуществилось, такая отиѣна имѣетъ только значеніе для сборника прецедентовъ; практически же для даннаго обвиняемаго въ этомъ не заключается никакой опасности, такъ какъ его вторично послѣ отиѣны оправдательнаго приговора судить не стануть. Такъ что эта отиѣна приговора по ходатайству обвинителя имѣетъ одинъ лишь отвлеченный, теоретическій характеръ. Гартманъ почему-то называетъ такой процессуальный порядокъ Европѣ незнакомымъ, тогда какъ § 409 французскаго устава уголовного производства также устанавливаетъ, какъ общее правило, что кассационное производство, возникающее по протесту прокурора противъ оправдательнаго приговора, чѣмъ бы оно ни кончилось, ни въ чемъ не можетъ вредить оправданному обвиняемому, т.-е. при отиѣнѣ оправдательнаго приговора имѣетъ только такой же отвлеченный, теоретическій характеръ для предупрежденія тѣхъ или другихъ признанныхъ за существенныя нарушенія закона въ другихъ случаяхъ.

Заслуживаетъ упоминанія то, что Гартманъ, перечисливъ и подробно разсмотрѣвъ построеніе и практику американскаго суда присяжныхъ и при-

ведя въ связь всё его особенности съ политическими и культурными особенностями страны, высказывается, однако, въ концѣ-концовъ въ отношеніи предстоящей уголовной реформы въ Германіи за сохраненіе и въ ней суда присяжныхъ; тогда какъ официальный проектъ, хотя и допускающій въ принципѣ широкое участіе общественнаго элемента въ уголовномъ судѣ, находитъ по единогласному, при томъ, мнѣнію его составителей, что для Германіи оно должно имѣть исключительно форму суда шеффенскаго, т.-е. съ сословными представителями, функционирующими совмѣстно съ коронными судьями, а отнюдь не въ видѣ демократически составляемой и самостоятельной коллегіи присяжныхъ.

IV.

Уже было указано, какъ широко американскій судья пользуется правомъ, не провознося своего приговора послѣ обвинительнаго вердикта присяжныхъ, затѣмъ назначать, по ходатайству защиты, новое разбирательство (new trial). Этотъ порядокъ послужилъ началомъ къ народженію новаго института уголовного права, — отсрочки наказанія, по которому прирѣшеніе слѣдующаго за признанное дѣяніе наказанія откладывается на известное время, по истеченіи котораго, при доказанной въ теченіе его добропорядочности поведенія обвиненнаго, онъ можетъ и совсѣмъ быть освобожденъ отъ наказанія. Этотъ институтъ породилъ и родственннй ему институтъ — условнаго осужденія, по которому приговоръ о наказаніи судьей постановляется, но съ условіемъ, что если обвиненный въ теченіе известнаго срока не учинитъ никакого другаго преступленія, приговоръ этотъ остается безъ исполненія, т.-е. ему прощается первое дѣяніе. Институты эти, въ особенности послѣдній, получили уже широкое распространеніе по свѣту; происхожденіе же ихъ американское. Они представляютъ собою несомнѣнное усовершенствованіе въ карательной системѣ, усовершенствованіе гуманитарнаго направленія, которое знаменуетъ особенно рельефно отреченіе этой системы отъ принципа возмездія во что бы то ни стало и переходъ ея къ принципу цѣлесообразности, допускающему прирѣшеніе наказанія только какъ крайности, когда другіе способы воздѣйствія на провинившагося оказались безуспѣшными. Такая роль уголовного судьи должна была выработаться въ Америкѣ скорѣе всего, въ виду того, что судья тамъ не только карающая и воздающая власть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хранитель мира. При отсрочкѣ наказанія судьи тамъ, дѣйствительно, часто требуютъ отъ обвиненнаго поручительства въ поведеніи. Отъ рочка наказанія и условное осужденіе отнюдь не должны быть разсматриваемы какъ осуществленіе признаваемаго за судьей права помилованія. Нѣтъ. Въ этомъ отношеніи американцы, наоборотъ, проявляютъ тенденцію къ тому, чтобы это право по возможности сокращать и во всякомъ случаѣ ограничивать у представителей единоличной власти. Прежде же обширно пользовались губернаторы отдѣльныхъ штатовъ и мѣры от-

дѣльныхъ городовъ. Теперь же рѣшеніе вопросовъ о помилованіи поставлено въ зависимость отъ согласія особаго коллегіальнаго учрежденія (Board of Pardon). Вообще же этотъ институтъ, какъ въ существѣ своемъ недемократичный, ибо онъ, хотя только въ извѣстныхъ случаяхъ, но ставить усмотрѣніе выше судебного приговора, въ Америкѣ находится въ стадіи вымиранія. Тамъ вѣдь не имѣется жертвъ режима, для которыхъ требуются амнистіи; для всѣхъ же остальныхъ случаевъ, кромѣ весьма рѣднаго — инымъ путемъ несправимой судебной ошибки, есть средства, гораздо болѣе рациональныя и болѣе правильно индивидуализуемыя, для оказанія чрезвычайной помощи осужденнымъ и заключеннымъ. Въ случаяхъ же, когда нужно предупредить примѣненіе смертной казни, какъ было уже указано, самимъ присяжнымъ принадлежитъ право на это, для чего они къ обвинительному вердикту присовокупляютъ особую оговорку «guilty, without capital punishment».

Что касается условнаго осужденія, то, не взирая на сравнительную новизну этого института, онъ получилъ уже весьма большое распространеніе не только въ ширь, но и въ глубину. Дѣло въ томъ, что первоначально примѣненіе условнаго осужденія допускалось только въ случаяхъ незначительныхъ сравнительно поступковъ и незначительнаго сравнительно наказанія, какъ-то: денежнаго штрафа или краткосрочнаго лишенія свободы. Жизнь же скоро показала, что не только число поступковъ, за которые его оказывается цѣлесообразнымъ примѣнять, все больше и больше, но что и самый характеръ поступковъ, гдѣ его слѣдуетъ примѣнять, должно видоизмѣнить.

Въ штатѣ Нью-Йоркъ въ 1893 г. былъ изданъ законъ, по которому условное осужденіе примѣнимо лишь къ дѣяніямъ, влекущимъ за собою не болѣе десяти лѣтъ заключенія; а закономъ 1903 г. оно распространено и на тягчайшія преступленія, за исключеніемъ только тѣхъ, за которыя слѣдуетъ смертная казнь или пожизненное заключеніе. За Нью-Йоркомъ въ этомъ отношеніи послѣдовало нѣсколько другихъ штатовъ. За Америкой же слѣдуетъ Европа и при томъ съ достойной особаго вниманія быстротой. Напримѣръ, во Франціи законъ объ условномъ осужденіи введенъ въ 1891 г., а въ 1901 г. его авторъ, сенаторъ Беранже, уже вноситъ законопроектъ о расширеніи дѣйствія этого закона, какъ вполне оправдавшаго возлагавшіяся на него надежды по сокращенію надобности въ чрезмѣрномъ примѣненіи репрессивныхъ мѣръ. По поводу этого института, даннаго человечеству уголовной практикой американской жизни, должно сказать, что онъ представляетъ собою знаменіе глубокаго переворота, происшедшаго во взглядѣ на преступника и права общества на расправу съ нимъ. Переворотъ этотъ можно иллюстрировать сопоставленіемъ съ видоизмѣненіями, происшедшими во взглядахъ на военнаго врага. Что дѣлали въ разныя эпохи съ внѣшними врагами? Сперва убивали; затѣмъ, превращали въ рабство; затѣмъ, наконецъ, стали заключать миръ на извѣстныхъ условіяхъ. Въ томъ же родѣ перемѣны происходятъ въ обра-

щеніи съ внутреннимъ врагомъ—съ преступниками: сперва ихъ убивали (кровавая месть); потомъ перешли къ уголовному рабству (заключеніе), теперь вводятъ условное осужденіе, т.-е. заключеніе съ осужденнымъ на извѣстныхъ условіяхъ мира.

Условное осужденіе есть мѣра судебная, такъ какъ, примѣняя его, судья отпускаетъ обвиненнаго имъ субъекта безъ примѣненія къ нему соответствующаго наказанія. Отпускъ же обвиненнаго ранѣ отбытія имъ всего наказанія, къ которому онъ былъ судомъ приговоренъ, прантиковался еще раньше, но какъ мѣра, примѣняемая не судомъ, а тюремной администраціей. Это оказалось средствомъ весьма цѣлесообразнымъ для воздѣйствія на заключенныхъ въ исправительномъ духѣ. Институтъ этотъ, извѣстный подъ названіемъ досрочнаго освобожденія, производимаго на слово заключеннаго (release on parole), что онъ обязуется къ добронравному поведенію на свободѣ, иначе подвергается снова заключенію, получилъ повсюду популярность въ пенитенціарномъ дѣлѣ сравнительно давно. Но въ Америкѣ изъ него выросъ совершенно новый институтъ, составляющій, такъ сказать, послѣднее слово современнаго уголовного правосудія. А именно: постановленіе судами приговоровъ о наказаніи съ *неопредѣленнымъ срокомъ* (indeterminate sentence). Въ силу такого приговора размѣръ и продолжительность заключенія опредѣляется тюремною администраціею. Съ этой стороны это было бы тѣмъ же досрочнымъ освобожденіемъ. Но тутъ это связано съ отбытіемъ самаго наказанія въ исправительныхъ заведеніяхъ новаго типа, получившаго названіе реформаторій. Это заведенія, устрояемыя въ видахъ перевоспитанія взрослыхъ субъектовъ на началахъ, примѣнявшихся обыкновенно лишь къ малолѣткамъ. Сюда приговариваютъ обвиняемыхъ средняго возраста отъ 16 до 30 лѣтъ, того возраста, который считается критическимъ для карьеры, такъ называемыхъ, привычныхъ преступниковъ: кто выйдетъ изъ этого возраста, не сдѣлавшись таковымъ, тотъ, по наблюденіямъ компетентныхъ лицъ, уже имъ не дѣлается. Для перевоспитанія попадающихъ въ эти заведенія примѣняются самыя разнообразныя приемы физическаго, умственнаго и нравственнаго вліанія.

На помощь тутъ призвана медицина, педагогія, школа, литература и работа ремесленная, профессиональная и всякая иная. Игры и забавы играютъ такую же роль, какъ и серьезныя занятія. Музыка занимаетъ мѣсто столь же видное, какъ и физическій трудъ. Главный же стимулъ, которымъ побуждаютъ заключеннаго къ выполнению требованій исправительнаго режима, состоитъ въ томъ, какъ это фигурально опредѣлялъ создатель первой реформаторіи (въ Эльмайрѣ) Броквэй, что «заключенному даютъ въ собственныя руки ключъ отъ его кельи», т.-е. скорѣйшій выходъ на свободу находится въ зависимости отъ повседневныхъ успѣій заключеннаго. А это основано на томъ, что каждый заключенный долженъ купать свое содержаніе. Все, что онъ получаетъ въ заведеніи—платье, щца и даже лѣкарства, ему дается за плату, опредѣляемую особой так-

сой; но зато и все, что, такъ сказать, отъ него берется, какъ-то: работы въ мастерскихъ, школьныя занятія и даже военныя упражненія, ему также оплачиваются по особой таксѣ. Каждый заключенный на этомъ основаніи имѣетъ свой особый счетъ, въ который ежедневно записывается, что онъ имѣетъ и что долженъ. Его прилежаніе, работы, успѣхи ежедневно ему считаются въ особую сумму; а дурное поведеніе влечетъ за собою обремененіе счета штрафами, налагаемыми администраціею. Результаты ежемѣсячнаго баланса по этому счету опредѣляютъ дальнѣйшую участь каждаго. Для отпуска на свободу балансъ долженъ представлять такую сумму въ пользу заключеннаго, на которую онъ въ состояніи доѣхать до избраннаго мѣста и просуществовать тамъ нѣкоторое время въ ожиданіи заработка. Отпускъ на свободу сперва пробный на шесть мѣсяцевъ, а затѣмъ уже окончательный, если поведеніе отпущеннаго не обманетъ надеждъ тюремной администраціи. Такса составлена такъ, что черезъ годъ каждый можетъ быть уже отпущенъ на слово, а, значить, черезъ восемнадцать мѣсяцевъ и на полную свободу, хотя бы дѣяніе, за которое онъ попалъ въ реформаторію, влекло за собой по закону заключеніе въ двадцать лѣтъ *). Тотъ же Броквэй задачу реформаторій опредѣляетъ противоположеніемъ ея прежнимъ системамъ уголовной расправы такъ: «тогда какъ Старый Свѣтъ, карая, имѣетъ, между прочимъ, въ виду исправлять, мы въ Новомъ Свѣтѣ должны исправлять, имѣя, между прочимъ, въ виду покарать. Когда обвиненный поступилъ въ исправительное заведеніе, у насъ прошедшее его забывается и имѣется въ виду только его будущее».

Режимъ американскихъ тюремъ вообще, а не только такихъ заведеній какъ усовершенствованныя во всѣхъ откошеніяхъ реформаторіи, отличается болѣе духомъ участія, нежели кары. Индивидуальныя надобности заключеннаго пользуются гораздо большимъ вниманіемъ, нежели требованія, такъ называемой, спасительной строгости. Гартманъ обращаетъ вниманіе европейскихъ тюремныхъ администраторовъ на то, напр., что въ американскихъ тюрьмахъ запретъ на табакъ изъ регламентовъ окончательно исчезъ и свобода куренія, даваемая заключеннымъ, навѣрно предупреждаетъ значительную часть той ихъ нервности, на которую постоянно слышатся жалобы въ европейскихъ мѣстахъ заключенія. Въ Америкѣ и заключенный не чувствуетъ себя отверженнымъ; между нимъ и обществомъ, отъ котораго онъ отлученъ, не образуется, какъ въ Европѣ, непроходимой пропасти, и поэтому онъ болѣе просто и нормально возвращается потомъ въ него обратно. Сплошь и рядомъ заключенные состоятъ членами тѣхъ многочисленныхъ обществъ попеченія объ нихъ и патроната надъ освобожденными, которыми изобилуетъ Америка. Въ особенности же Гартманъ останавливается на устройствѣ американскихъ тюремъ для женщинъ. Женщина-преступница, какъ извѣстно, въ Америкѣ составляетъ еще мень-

*) Подробности объ этомъ см. мою статью „Исправительныя заведенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ“. *Вѣстникъ Европы*, 1902 г., февраль.

пій относительно процентъ, нежели въ Европѣ. Но и тѣ изъ нихъ, которыя на себя навлекають уголовныя кары, отбываютъ ихъ, по свидѣтельству Гартмана, въ заведеніяхъ, напоминающихъ скорѣе пріюты и убѣжища филантропическихкихъ обществъ. Наибольшаго же расцвѣта гуманитарныя идеи Америки, какъ и слѣдовало ожидать, достигаютъ въ области борьбы съ дѣтской преступностью.

Что касается исправительныхъ заведеній въ тѣсномъ смыслѣ слова, то въ этомъ отношеніи Америка ранѣе другихъ странъ стала въ контингентѣ преступниковъ выдѣлять малолѣтокъ и подростковъ, создавая для нихъ особыя помѣщенія и колоніи, а числомъ и разнообразіемъ этихъ учреждений она въ настоящее время превосходитъ остальные страны вмѣстѣ взятыя. При склонности къ постояннымъ нововведеніямъ и реформамъ въ воспитательномъ дѣлѣ вообще, столь свойственной американцамъ, эта специальная отрасль педагогикі не могла не привлечь къ себѣ ихъ specialнаго вниманія съ натуральными для Америки въ этомъ случаѣ послѣдствіями, т. е. оригинальности въ приемахъ и самостоятельной общественной и личной дѣятельности. Такимъ-то образомъ въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія возникла по инициативѣ мистера Джорджа близъ города Итаки республика юнцовъ для безпризорныхъ и обездоленныхъ дѣтей, созданная на началахъ свободнаго управленія и устройства своихъ дѣлъ самими дѣтьми по образцу истой республики съ выборными представителями для двухъ палатъ, съ собственнымъ судомъ присяжныхъ, съ собственной монетной системой, съ собственными хозяйственными предпріятіями и проч.; словомъ «управленіе дѣтей изъ дѣтей для дѣтей» *).

Реформаторскія попытки въ этой области, проникая все глубже и глубже въ сущность общественной бѣды, знаменуемой дѣтской преступностью, привели американцевъ къ сознанию, что пересозданію подлежатъ не только обстановка и устройство учреждений, куда попадаютъ сбившіяся съ пути дѣти послѣ суда надъ ними, но и самая система судопроизводственныхъ правилъ, по которымъ надлежитъ производить надъ ними этотъ судъ. Результатомъ этого явились, такъ называемые, Дѣтскіе суды (Childrens, Juvenile Courts), представляющіе собою истинную новинку въ этой области, привлекающую теперь вниманіе радѣтелей интересовъ общества и «малыхъ сихъ» во всемъ свѣтѣ.

Началась эта реформа, какъ всегда въ Америкѣ, съ отдѣльныхъ практическихкихъ попытокъ по указаніямъ реальной жизни. Прежде всего, напр., обнаружались неудобства разсмотрѣнія въ судахъ дѣлъ о малолѣтнихъ на ряду и въ перемежку съ дѣлами о взрослыхъ преступникахъ. Поэтому судьи стали для этихъ дѣлъ назначать особыя дни въ недѣлѣ или особыя сессіи. Затѣмъ, выясненіе дѣйствительной обстановки случая и дѣянія, доходившаго до разсмотрѣнія суда, нельзя было, конечно, ожидать отъ самого судимаго дитяти. Это повлекло за собою привлеченіе къ участію

*) Подробности см. въ вышеуказанной статьѣ „Исправительныя заведенія въ Северо-Американскихъ Штатахъ“.

въ процессѣ участковыхъ попечителей (probation officers), которые вообще вѣдаютъ дѣлами надзора надъ безпріютными или подвергающимися дурному обращенію дѣтьми. Оказалось, дажѣ, что всѣ такія же особенности посягъ не только дѣла, въ которыхъ дѣти фигурируютъ въ качествѣ обвиняемыхъ, но и большинство дѣлъ, въ которыхъ дѣти являются потерпѣвшими; такъ что и эти послѣднія дѣла требуютъ особыхъ приемовъ разслѣдованія и особой обстановки суда. Для всего этого роль судьи не только какъ органа, примѣняющаго карательныя статьи закона, но и какъ хранителя общественнаго мира, оказалась больше пригодною въ послѣднемъ качествѣ. Такимъ генезисомъ, съ обычною опять-таки у американцевъ быстротою, запросы реальной жизни получили новое воплощеніе въ формѣ дѣтскихъ судовъ. Суды эти имѣютъ особый составъ присяжныхъ, руководятъ засѣданіемъ обыкновенно тотъ изъ коллегіи судей, который специализировалъ себя на изученіи этой области жизни (большихъ городовъ, въ особенности); приемы слѣдствія имѣютъ характеръ навозможно простой съ участіемъ въ разспросахъ, въ бесѣдѣ, въ доставленіи матеріала самихъ дѣтей, ихъ родителей, участковыхъ попечителей и просто добрыхъ людей, пожелавшихъ принять на пользу общую въ этомъ участіе. Разбирательство всегда производится публично. Результатъ же разбирательства состоитъ отнюдь не въ опредѣленіи мѣры карательнаго взысканія, а въ опредѣленіи того вида особаго попеченія, которому подлежитъ провинившееся дитя: отдачей его либо въ семью, либо въ школу, либо въ пріютъ и т. п.; наказанія, если этимъ судомъ произносятся, то только по отношенію къ лицамъ, которыя своимъ небреженіемъ, дурнымъ обращеніемъ или преступнымъ образомъ дѣйствій поставили дитя или подростка (до 16 лѣтъ) въ положеніе, вызвавшее вмѣшательство суда. Такимъ положеніемъ является не непременно какой-нибудь зловерный проступокъ дитяти, а и простое тунеядство его, праздношатааніе, посѣщеніе трактирныхъ или иныхъ неподходящихъ для его возраста заведеній или увеселеній. Законъ Штата Иллинойсъ, посвященный этому, гласитъ въ § 21 слѣдующее: «Настоящій законъ подлежитъ свободному толкованію, дабы была достигнута конечная цѣль его, состоящая въ томъ, чтобы попеченіе и надзоръ надъ дѣтьми и обращеніемъ съ дѣтьми по возможности приближались къ попеченію, надзору и руководству, которое дитя должно имѣть отъ родителей, и дабы дитя во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ это можетъ быть надлежаще исполнено, было помѣщено въ лучшую семью и путемъ узаконенія или другимъ способомъ стало дѣйствительнымъ членомъ этой семьи».

Первый законъ о дѣтскихъ судахъ изданъ былъ въ штатѣ Иллинойсъ 1 іюля 1899 г. Затѣмъ примѣру этого штата послѣдовали скоро многіе другіе, благо Америка во всѣхъ такихъ нововведеніяхъ не связана, какъ Европа, рутиной и традиціями, а вольна свободно и легко заводить у себя новые порядки и учрежденія, которые свою пригодность и цѣлесообразность могутъ оправдать на дѣлѣ безъ зацѣпокъ и тренія «объ установившейся порядокъ вещей» и тому подобныя препятствія. Въ настоящее

время такого рода суды введены уже въ одиннадцати штатахъ. Результаты ихъ дѣятельности въ цифрахъ выражаются слѣдующимъ образомъ. Въ штатѣ Иллинойсѣ, напр., за первый годъ существованія такого суда, имъ было разобрано 2,260 дѣлъ, 1,095 дѣтей освобождено при этомъ на слово, а 1,175 отправлены въ школу; въ слѣдующемъ году 1,089 дѣтей были условно освобождены и только 195 (10%) предстали во второй разъ предъ судомъ; среднимъ возрастомъ были 13-лѣтній для мальчиковъ и 14-лѣтній для дѣвочекъ; причинами необходимости установленія опеки служили по преимуществу отсутствіе семейнаго воспитанія, полная безпризорность, пьянство или смерть одного или обоихъ родителей, главный же жизненный итогъ дѣятельности этого суда состоитъ въ томъ, что вмѣсто 50%, которые прежде въ этомъ округѣ составляли подростки среди осуждаемыхъ за преступленія, число ихъ сразу понизилось до 1% *).

«Общая совокупность дѣятельности дѣтскихъ судовъ, — говоритъ Гартманъ, — выражаетъ съ особой силой защитительную тенденцію американской юстиціи и близко съ ней связанное сознаніе общественной коллективной вины. Ихъ дѣятельностью общество какъ бы отчитывается въ коллективной своей винѣ передъ бездомными и несчастными дѣтьми. Въ этихъ судахъ особенно также сказывается американскій оптимизмъ, жизнедѣятельность и никогда не прекращающаяся вѣра въ лучшія свойства человеческой природы. Такимъ-то образомъ въ этомъ учрежденіи, какъ въ одномъ фокусѣ, сосредоточиваются свѣтлые лучи всего американскаго правопорядка».

На этомъ мы и покончимъ изложеніе особенностей американской уголовной юстиціи, являющихся вмѣстѣ съ тѣмъ характерными чертами истинно демократическаго правосудія. Если же къ этому присовокупить еще одно наблюденіе Гартмана, а именно, что американскіе суды при одинаковой вѣсности уликъ скорѣе оправдываютъ обвиняемаго, нежели, напр., нѣмецкіе, а также тотъ фактъ, о которомъ ему свидѣтельствовали многіе судебные дѣятели, что въ Америкѣ обнаруживается относительное сокращеніе числа гражданскихъ процессовъ и судебныхъ споровъ, то нельзя, въ заключеніе, не придти къ тому выводу, что демократическій строй Америки даетъ въ результатѣ человечеству не только общепризнанное увеличеніе матеріальнаго благополучія гражданъ, а еще и, не такъ легко констатируемый, но несравненно болѣе цѣнный, моральный вкладъ въ культурную сокровищницу: человекъ тамъ становится добрѣе.

А. С. Гольденвейзеръ.

*) См. *Журналъ Министертва Юстиціи*, 1905 г. Кл. II, стр. 193. — Съ другой стороны, какъ курьезъ, нелишенный особаго смысла, стоитъ отмѣтить слѣдующій фактъ. Высшій судъ штата Пенсильванія призналъ учрежденіе дѣтскихъ судовъ противъ имъ конституціи, такъ какъ создаваемые ими для юношества привилегіи якобы не ушаютъ вѣчное равенство всѣхъ предъ закономъ. Объ этомъ фактѣ сообщаетъ I. Leinreither въ своей недавно вышедшей книгѣ „Jugendfürsorge und Strafrecht in de Vereinigten Staaten von Amerika“.

Пангерманизмъ и возможность его осуществленія *)

(*Georges Weil: «Le Pangermanisme en Autriche». Préface de M. Anatole Leroy-Beaulieu.*)

Наступалъ 1885 г., важный потому, что въ этомъ году происходили новые выборы, и избирательная борьба должна была быть самой ожесточенной. Нѣмецкіе націоналисты сгруппировались въ новую группу «*Deutscher Club*», состоящую изъ 50 членовъ, которые должны были войти цѣликомъ въ палату депутатовъ. Такая группа, конечно, имѣла реальное значеніе. Всѣ члены ея были объединены національной нѣмецкой идеей, но они не рѣшались еще открыто проповѣдывать присоединеніе къ Германіи. Программа ихъ очень любопытна. Въ общихъ чертахъ они были сторонниками государственнаго социализма, заимствуя эту идею, вѣроятно, у Германіи. Они желали предоставить первенство въ рейхсратѣ нѣмцамъ, для чего придумали слѣдующую оригинальную реформу: пораженные сплоченностью и реальной силой польскихъ депутатовъ, они предложили предоставить Польшѣ совершенно особенное положеніе въ государствѣ, надеясь такимъ образомъ устранить изъ рейхсрата польскихъ депутатовъ, создать нѣмецкое большинство и низвергнуть министерство Тааффе. Они были, конечно, убѣжденными сторонниками австро-нѣмецкаго соглашения и стояли за подчиненіе церкви государству; въ общемъ нѣмцы-националисты въ 1885 г. составляли партію, склонную къ государственному социализму, партію пруссофильскую и слегка антиклерикальную. Большинство нѣмцевъ-националистовъ, создавая «*Deutscher Club*», продолжали оставаться членами большой партіи «*Нѣмецкихъ либераловъ*» (*Deutsch-Liberale*), насчитывающей 132 представителя, что составляло очень значительную группу нѣмецкой оппозиціи.

Выборамъ предшествовала отчаянная избирательная кампанія. Главныя разногласія сводились къ вопросу: «нѣмецъ ли не нѣмецъ». Горячія рѣчи были произнесены 17 и 18 октября депутатами Барнери и Кнотцомъ **). Нѣмецкая партія видитъ палладіумъ спасенія въ раздѣленіи Бо-

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1906 г.

**) *Gustav Kohn*, *op. cit.*, p. 178.

геміи на двѣ самостоятельныя части, въ пользу чего Пленерь открываетъ продолжительную и энергичную кампанію. Сказанныя имъ блестящія рѣчи (17 и 18 января 1886 г.) остаются безрезультатными, и предложеніе его отклонено. Богемія попрежнему остается яблокомъ раздора. Нѣмцы Богеміи подаютъ петицію съ 1.700,000 подписей, въ которой протестуютъ противъ указовъ 1880 года. Петиція отвергнута рейхсратомъ, и министръ юстиціи Празакъ издаетъ 23 сентября 1886 г. указъ, дополняющій указы 1880 г.

Однако нѣмцы не складываютъ оружія. 22 декабря неутомимый Пленерь представляетъ богемскому сейму новый проектъ раздѣленія Богеміи на двѣ части. Въ отвѣтъ на это предложеніе сеймъ перешелъ къ порядку дня. Нѣмцы отвѣтили, покинувъ залу засѣданія. Это было открытымъ разрывомъ между чехами и нѣмцами. Съ этого момента девизъ нѣмецкой партіи звучитъ не только какъ призывъ къ борьбѣ, но и какъ крикъ отчаянія: «lieber Deutsch sterben, als Tschschisch verderben» (лучше умереть нѣмцемъ, чѣмъ сгнить чехомъ).

Нѣмцы рѣшаются защищать съ отчаянными усиліями то положеніе, которое они нѣкогда занимали въ Цислейтаніи. Странное впечатлѣніе производитъ министерство Тааффе. Событія смѣняютъ другъ друга и снова возобновляются, вызывая снова и снова энергичную борьбу. Пленерь возобновляетъ предложеніе Гербста о раздѣленіи Богеміи, Шаршмидъ возобновляетъ предложеніе Вурмбрандта о признаніи нѣмецкаго языка официальнымъ языкомъ Цислейтаніи. Новыя предложенія терпятъ участь своихъ прототиповъ, и борьба возобновляется, сопровождаясь протестами, жалобами и требованіями.

Кажется, какъ будто всѣ чехи и нѣмцы совершенно потеряли изъ виду интересы страны, занятые исключительно борьбой за свои національные интересы.

Новый 1887 г. вноситъ новое важное событіе—расколъ въ нѣмецкой партіи. Сражаясь бокъ о бокъ противъ министерства, австрійскіе нѣмцы забывали существенныя различія, которые рано или поздно должны были выступить на сцену и раздѣлить ихъ. Нѣмцы-либералы были прежде всего хорошими австрійцами и вскорѣ ясно увидѣли, что ихъ политическіе соратники, забывая объ Австріи, готовы броситься въ объятія Германіи. Имъ на руку былъ острый кризисъ, переживаемый Австріей, и они не стремились привести страну къ умиротворенію. Это противорѣчіе сказалось въ парламентскихъ дебатахъ по поводу Богеміи въ маѣ 1887 года. Очень интересна рѣчь, произнесенная Гербстомъ: «Чувство солидарности нѣмцевъ Австріи,—говорилъ Гербстъ,—не должно быть безразлично для государства... *И вотъ почему интересы Австріи требуютъ, чтобы нѣмцы въ Австріи оставались тѣсно сплоченными, чтобы они тяготѣли къ Вѣннъ, разсматриваемой, какъ центръ тяжести Австріи; и вотъ почему интересы Австріи требуютъ, чтобы ей не навязывали тотъ путь, по которому ей становится все труднѣе и труднѣе*

довать» *). Эта точка зрѣнія нѣмца-либерала, искренняго и вѣрнаго своей родиной австрійца. Противоположная точка зрѣнія ярко выражена въ рѣчи депутата Бютца (5 мая 1887 г.): «Когда я разсматриваю безнадежное состояніе этой болотистой страны по берегамъ Дуная, этого государства, раненаго на смерть, меня успокаиваетъ фраза, которую я недавно прочелъ, — фраза, произнесенная бывшимъ посланникомъ Саксоніи при вѣнскомъ дворѣ, графомъ Вицтумомъ, въ бурный 1848 годъ по поводу Австріи, которую одна остроумная и вліятельная женщина назвала «маленькимъ Францисканцемъ» (Franciscanerl), маленькой курительной свѣчкой (das Räucher Kerschen). Вотъ какова была фраза графа Вицтума: одна мысль меня поддерживаетъ, — *въ тотъ день, когда этотъ маленький сожженный францисканецъ (dieses ausgebrannte Franciscanerl) — австрійское государство, долженъ будетъ разсыпаться, его пепелъ послужитъ удобреніемъ для германской почвы*» **).

Въ этотъ знаменательный 1887 г. настроеніе умовъ въ двухъ нѣмецкихъ фракціяхъ было совершенно различно. Съ одной стороны, нѣмцы-либералы съ грустью видятъ кризисъ, переживаемый Австріей, съ другой стороны, пангерманисты видятъ въ этомъ кризисѣ облегченіе ихъ задачи. Интересна также рѣчь депутата Штурма, полная меланхолія и пессимизма, въ которой онъ призываетъ вниманіе всѣхъ на печальный ходъ событій. Онъ предсказываетъ, что графъ Тааффе, глубоко задѣвъ нѣмцевъ и не вполне удовлетворявъ славянъ, лишенный поддержки тѣхъ и другихъ, принужденъ будетъ искать со стороны нѣмцевъ симпатіи, за которую послѣдніе заставятъ заплатить слишкомъ дорогою цѣной.

Эти рѣчи служатъ яркимъ показателемъ настроенія умовъ. Вейль приводитъ въ доказательство раскола и реальные факты. Помимо различія между нѣмцами-либералами и нѣмцами-націоналистами, среди самихъ нѣмцевъ-націоналистовъ выдѣляется подгруппа, принявшая названіе «Deutsch-Nationale Vereinigung» (союзъ нѣмецкихъ націоналистовъ). Во главѣ этой группы стоитъ Штейнвендеръ. Группа эта состоитъ изъ элементовъ болѣе крайнихъ и находитъ большинство «Deutscher Club» слишкомъ умѣреннымъ. Хотя они не носятъ еще названія пангерманистовъ, но это названіе, какъ говоритъ Вейль, больше всего къ нимъ подходитъ.

Расколъ между нѣмецкими партіями становится все острѣе и, наконецъ, завершается въ 1888 г. 6 ноября члены «Deutsch Nationale Vereinigung» соединяются съ тѣми нѣмцами-либералами, которые давно предвидѣли опасность отъ доведенной до крайности нѣмецкой національной идеи и составили группу нѣмцевъ-австрійцевъ (Deutsch-Oesterreichischer Club).

Такъ образуется новая группа, объединенная нѣмецкой лѣвой партіей «Vereinigte Deutsche Linke».

*) *Gustav Kohn*, op. cit., p. 145—146.

**) *Gustav Kohn*, op. cit., p. 179—180.

Итакъ, къ концу 1888 г. нѣмецкая партія въ палатѣ депутатовъ состоитъ изъ слѣдующихъ группъ: 1) Vereinigte Deutsche Linke (составившаяся изъ прежней партіи нѣмцевъ-либераловъ, членовъ «Deutsch-Oesterreichischer Club» и умѣренной фракціи «Deutscher Club») — всего 112 человекъ; 2) Deutsch Nationale Vereinigung съ Штейнвендеромъ во главѣ — 16 человекъ; 3) крайняя группа Шенерера — «Schenerer Fraction», всего 5 человекъ. Всѣ вмѣстѣ составили въ палатѣ депутатовъ нѣмецкую оппозицію, насчитывающую 133 члена изъ 353 депутатовъ общаго числа. Самая серьезная изъ указанныхъ партій была, несомнѣнно, «Deutsch Nationale Vereinigung», такъ какъ партія Шенерера, по выраженію Вейля, была замѣчательна только скандалами и насиліями, достойными развѣ толпы инсургентовъ. Кромѣ того, партія Шенерера временно лишалась своего главы. Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ Ж. Вейль: «Когда газета *Neues Wiener Tagblatt* осмѣлилась помѣстить на своихъ столбцахъ ложное извѣстіе о смерти императора Вильгельма I, Шенереръ увидѣлъ въ этомъ фактѣ личное оскорбленіе. Съ привычной ему мягкостью апостоль пангерманизма въ Австріи насильно вломился въ помѣщеніе, занимаемое редакціей газеты *Tagblatt*, гдѣ произвелъ энергичную демонстрацію, сопровождаемую насиліемъ. Результатомъ былъ процессъ, который окончился очень печально для пылкаго поборника Вильгельма I. Его небольшое вооруженное нашествіе на редакцію газеты *Tagblatt* стоило ему 4 мѣсяцевъ тюрьмы, потери званія кавалера и депутатскаго полномочія (5 мая 1888 г.). Онъ могъ теперь воспользоваться кратковременнымъ отдыхомъ вдали отъ парламента и политической дѣятельности въ замкѣ Розенау, куда онъ удалился. Здѣсь онъ могъ предаваться размышленіямъ о тѣхъ неудобствахъ, которыя случаются, когда желаютъ убѣдить людей въ своихъ мнѣніяхъ, проповѣдуя ихъ ударами палки. Казалось даже, что на нѣкоторое время Шенереръ отказался отъ участія въ политикѣ. Но, къ несчастію для Австріи, будущее показываетъ, что это удаленіе не было окончательнымъ, и мы вскорѣ встрѣтимъ имя знаменитаго агитатора, окруженное ореоломъ шума и скандаловъ, которые являются для него наиболѣе пріятной свитой! Члены его партіи становятся все болѣе и болѣе охотниками до шумныхъ манифестацій на улицахъ. Такъ, наприм., когда императоръ Вильгельмъ II посѣтилъ Вѣну въ сентябрѣ 1888 года, банды антисемитовъ-шенереріанцевъ (такъ какъ этого удивительнаго творца орудіи раздора можно признать почти безспорно основателемъ антисемитизма въ Австріи) сочли приличнымъ привѣтствовать молодого германскаго монарха, какъ «своего императора», что, конечно, не могло не вызвать нѣкотораго скандала» (стр. 163).

Чтобы яснѣе представить себѣ настроеніе умовъ въ Австріи въ годы 1889—1891, рассмотримъ, каково было положеніе въ ландтагахъ Цислейтаніи *). Въ нижней Австріи нѣмцы-націоналисты, которые насчитывали

*) *Julius Petzell*, op. cit., p. 186—188.

въ 1886 г. изъ общаго числа 68 членовъ 6 своихъ представителей, теперь сохранили только 4 мѣста изъ 72; шенерерианцы, имѣвшіе въ 1883 г. 9 мѣстъ изъ 68, сохранили только 2 изъ 72. Такимъ образомъ, въ этой провинціи нѣмцы-націоналисты и шенерерианцы потеряли значительное число мѣстъ. Въ верхней Австріи, правда, въ 1883 г. изъ 50 членовъ ландтага не было ни одного нѣмца-націоналиста, въ теченіе 1889—1891 гг. появился одинъ. Въ Штирії было 16 нѣмцевъ-націоналистовъ изъ 63, что сохранилось и въ 1889—1890 гг. Въ Каринтіи въ 1883 г. не было ни одного нѣмца-націоналиста, въ теченіе 1889—1890 гг. появилось 3 изъ общаго числа 37. Въ Богеміи въ 1883 году была группа изъ 36 нѣмцевъ-націоналистовъ, составлявшихъ самую яростную оппозицію, въ теченіе 1889—1891 гг. они потеряли одно мѣсто. Въ Моравіи за этотъ же періодъ времени внезапно появилось 9 нѣмцевъ-націоналистовъ на 100 депутатовъ. Наконецъ, въ Силезіи, гдѣ въ 1883 году было 3 нѣмца-націоналиста изъ общаго числа 31 членовъ, они получили за 1889—1891 гг. еще два мѣста. Замѣчательно то, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ избирательная борьба велась особенно упорно, въ Богеміи и нижней Австріи, партія нѣмцевъ-націоналистовъ принуждена была отступить. Если мы возьмемъ общія цифры, то получатся слѣдующія данныя. Общее количество нѣмцевъ-націоналистовъ въ 1883 году было 70 изъ 591, а въ 1889 году 75 изъ 595, т.-е. нѣмцы-націоналисты составляли 12,6% общаго числа членовъ. Мы извиняемся передъ читателемъ за то, что такъ долго задержали вниманіе на этихъ скучныхъ статистическихъ данныхъ, но они даютъ ясную и точную картину того положенія, которое занимала нѣмецкая національная партія въ 1891 г., къ концу министерства Тааффе.

Достоинъ замѣчанія и тотъ фактъ, что Deutscher Schulverein, отвергнувшій покровительство Берлина и работавшій, однако, надъ дѣломъ германизации Австріи, въ теченіе 10 лѣтъ своего существованія (1880—1890 гг.), открылъ 1,029 мѣстныхъ группъ и 65 учрежденій. По мнѣнію Вейля, это ясно доказываетъ, что нѣмцы, оставшіеся австрійцами прежде всего, лучше служили дѣлу германизации, чѣмъ всѣ громкія фразы и акты насилій пангерманистовъ.

Въ это время въ Богеміи произошла крупная переимѣна. Образовалась новая партія—младочеховъ, которые обвиняли старочеховъ въ недостаткѣ энергіи, въ слишкомъ большой умѣренности въ борьбѣ за свои права. Тутъ-то и произошло событіе совершенно невѣроятное—старочехи вошли въ союзъ съ нѣмцами, испугавшись слишкомъ большого рвенія со стороны младочеховъ. Результатомъ было возвращеніе въ богемскій сеймъ нѣмцевъ, занявшихъ теперь въ немъ очень видное положеніе.

Вейль спѣшитъ подчеркнуть дальновидность богемскихъ нѣмцевъ, вошедшихъ въ союзъ съ недавними врагами, и ставить это на видъ нѣмцамъ-націоналистамъ, всегда отличавшимся непримиримостью.

Разсмотрѣвъ положеніе нѣмцевъ-націоналистовъ въ провинціяхъ, остается разсмотрѣть положеніе нѣмецкихъ партій въ вѣнскомъ рейхсратѣ.

Нѣмцы-либералы (Deutsch-Liberale) составляютъ сплоченную лѣвую нѣмецкую партію. Въ 1885 г. они имѣли 132 мѣста, въ 1888 г.—112, въ 1891 г.—только 105, но все же они составляютъ крупную сплоченную группу, съ такими ораторами во главѣ, какъ Пленеръ и Хлумецкій. Программа этой партіи является предметомъ спора и толкуется различно. Нѣкоторые писатели, какъ, наприм., Л. Сентипери *), резюмируютъ ее формулой: «пангерманизмъ, прогрессъ и свобода». Вейль говоритъ, что слово «пангерманизмъ» правильнѣе замѣнить словомъ «германизация», такъ какъ ни никогда не руководила идея пангерманизма, какъ ее понимаютъ въ наши дни. Правильнѣе, по мнѣнію Вейля, резюмировать ихъ программу формулой: «политическое преобладаніе въ Австріи нѣмецкаго элемента, прогрессивнаго и либеральнаго».

Рядомъ съ этой партіей стоитъ группа изъ 21 человекъ нѣмцевъ-націоналистовъ (Deutsch-National) съ Штейнвендеромъ во главѣ. Эта группа считаетъ себя прежде всего нѣмецкой. Фракція шенерерианцевъ занимаетъ крайнее крыло этой партіи, составляя, по выраженію Вейля, «авангардъ національной германской арміи». Какovy вожди этой партіи?

Господствующее положеніе занимаетъ, несомнѣнно, Шенереръ, но «великій проповѣдникъ пангерманизма» не вышелъ еще изъ своего убѣжища, и звѣзда его закатилась только на время. Официально главой партіи является Штейнвендеръ, человекъ совершенно неспособный къ роли агитатора, лидера оппозиціи, человекъ мирный и умѣренный. Выдающимися членами партіи были: Барейтеръ и Гокъ, антисемитъ и интимный другъ Шенерера; затѣмъ Берманъ, депутатъ нѣмцевъ-націоналистовъ изъ Штиріи, и Розеръ; въ этой же группѣ былъ Кайзеръ, который вскорѣ перейдетъ въ клерикальную группу, и Люгеръ, который теперь окончательно порвалъ съ партіей пангерманистовъ и сталъ открытымъ врагомъ Шенерера. Въ 1891 г. Люгеръ является депутатомъ изъ Маргаретта (Вѣна) и составляетъ уже свою группу христіанскихъ социалистовъ (антисемитовъ). Въ прессѣ идея пангерманизма поддерживается, правда, довольно робко газетой *Deutsche Zeitung*, органъ маленькой пруссофильской фракціи нѣмцевъ-либераловъ, и съ особенной яростью органомъ самого Шенерера *Unverfaelschte Deutsche Worte* (истинно-нѣмецкія слова). Таково было положеніе національной нѣмецкой партіи въ Австріи около 1891—92 гг.

1893 г. ознаменованъ необычайнымъ событіемъ, котораго никто не ожидалъ: это была отставка Тааффе. Министерство, просуществовавшее 14 лѣтъ, выдержавшее упорную борьбу съ нѣмецкой оппозиціей, пало по вопросу не національному, а политическому. Съ 12 августа 1889 г., съ момента своего вступленія въ министерство, Тааффе опирался на большинство палаты, но онъ понималъ, что это министерское большинство начинаетъ утомляться и терять активность. Тааффе понялъ необходимость

*) L. Sentipéry: „L'Europe politique en 1812, gouvernement, parlement, presse“. Т. II. Paris, 1903—1904, p. 298.

создать новое большинство, одушевленное какой-либо новой идеей, которую могло бы поддержать решительно и энергично. Съ свойственной смелостью Тааффе решился на почти революционную ищбу—коренную реформу избирательной системы—введение почти всеобщаго избирательнаго права. Тааффе потерпѣлъ поражение и вышелъ въ отставку 28 октября 1893 года.

Отставка графа Тааффе вызвала чувство живѣйшаго удовольствія съ стороны австрійскихъ нѣмцевъ; они готовы были пойти на соглашение, результатомъ чего и явилось министерство концентраціи съ Виндишпреберомъ во главѣ (ноябрь 1893 г.). Оно опиралось на лѣвую нѣмецкую и на поляковъ. По выраженію Вейля, «это министерство, угождающее и нашимъ и вашимъ, ни рыба, ни мясо, ни нѣмецкое, ни чешское прожило ни, вѣрнѣе, протянуло, съ грѣхомъ пополамъ свое существованіе... такъ долго, что никакой серьезный вопросъ относительно національностей не могъ быть рѣшенъ. Наконецъ, какъ и можно было ожидать, большинство, на которомъ оно балансировало, раздѣлилось на-двое по вопросу о гимназіяхъ въ Силли, и въ 1895 г. министерство Виндишпреца исчезло, удививъ миръ только однимъ: продолжительностью своего существованія» (стр. 175—176).

Не останавливаясь на переходномъ министерствѣ Бильмансенка, мы сосредоточимъ наше вниманіе на министерствѣ графа Бадени, призваннаго въ октябрь 1895 г. Бадени составилъ министерство безъ опредѣленнаго характера, которое не опиралось ни на какую политическую партію. Это министерство не могло, конечно, вызвать никакого энтузіазма, но и никакой опредѣленной оппозиціи. Однако съ этого момента начинается новый поворотъ во внутренней политикѣ Австріи.

Но прежде всего намъ слѣдуетъ еще немного прослѣдовать надъ статистическими данными, показывающими, каковы были по своему составу провинціальныя ландтаги Цислейтаніи. Въ сеймѣ Нижней Австріи число шенерерианцевъ остается прежнее (2), число нѣмцевъ-націоналистовъ (Deutsch-Nationale) достигаетъ 10 членовъ изъ 72 общаго числа, что показываетъ, конечно, значительный успѣхъ этой партіи. Въ Верхней Австріи вмѣсто одного нѣмца-націоналиста мы находимъ двухъ изъ общаго числа 50 членовъ; въ Штиріи вмѣсто 16 изъ 63 теперь ихъ 18. Въ Каринтіи вмѣсто 3 ихъ теперь внушительное большинство: 24 изъ 37. Въ Богеміи произошло раздѣленіе: умѣренные члены Deutsch-Nationale примкнули къ партіи Deutsch-Liberale, болѣе же крайніе въ своихъ національно-нѣмецкихъ стремленіяхъ составили свою группу Deutsch-Radicale. Поэтому въ 1896 г. мы не находимъ въ богемскомъ сеймѣ группы нѣмцевъ-націоналистовъ, а во главѣ оппозиціи стоятъ 12 членовъ партіи Deutsch-Radicale изъ 242 членовъ сейма. При томъ эта партія, отличающаяся крайней рѣзкостью и непримиримостью, рѣшила совсѣмъ не принимать участія въ засѣданіяхъ. Въ Моравіи вмѣсто 9 нѣмцевъ-націоналистовъ изъ 100 членовъ, въ 1896 г. ихъ всего 4; въ Силезіи вмѣсто 5 изъ общаго числа 31, теперь ихъ 8. Выключивъ Богемію, гдѣ произошла перемѣна въ составѣ партій, мы вы-

диги повсюду, кромѣ Моравіи, успѣхъ нѣмцевъ-націоналистовъ; въ Баваріи они составляютъ даже большинство собранія. Въ общемъ, вмѣсто 75 членовъ изъ общаго числа 595, составлявшихъ 12,6%, въ 1896 г. нѣмцы-націоналисты имѣютъ 80 членовъ, что составляетъ уже 13,4%. Провинціальныя ландтаги служатъ лучшими показателями настроенія въ странѣ, но намъ слѣдуетъ обратиться къ рейхсрату, гдѣ дебатируются и рѣшаются всѣ важнѣйшія дѣла.

На первую очередь министерствомъ Бадени былъ выдвинутъ вопросъ объ избирательной реформѣ, и 18 февраля 1896 года Бадени внесъ свой проектъ, который получилъ названіе «закона Бадени». Бадени предложилъ ввести всеобщее избирательное право, но въ очень странной и робкой формѣ: къ четыремъ куріямъ для общей подачи голосовъ прибавили пятую, что увеличило число членовъ рейхсрата на 72, но перевѣсъ аристократіи въ парламентѣ остался прежній *). Нѣмцы-націоналисты, понимая, что всеобщее избирательное право выгодно для крайнихъ партій, къ которымъ они себя причисляли, поддержали законъ.

Выборы, происшедшіе въ мартѣ 1897 г., ознаменовались прежде всего полнымъ пораженіемъ нѣмецкихъ либераловъ, которые потеряли 30 мѣстъ, захваченныхъ крайними партіями—нѣмцами-націоналистами и христіанами-соціалистами. Нѣмцы-націоналисты получили 47 мѣстъ вмѣсто прежнихъ 21; но эта партія не составляла уже однородной сплоченной группы. Одно крыло ея приближалось къ нѣмцамъ-либераламъ (Deutsche-Liberale), другое же отличалось крайнимъ направленіемъ и было руководимо Шенереромъ, который снова появился на политической сценѣ и занялъ мѣсто на скамьѣ депутатовъ, въ сопровожденіи «своихъ лейтенантовъ», какъ называетъ Вейль депутатовъ: Вольфа и Иро. Группа Шенерера, составлявшая часть національной нѣмецкой партіи, отличалась однако отъ нихъ, такъ какъ въ вопросахъ чисто политическихъ большинство нѣмцевъ-націоналистовъ вступаютъ съ нѣмцами-прогрессистами и либералами.

Едва собралась новая палата депутатовъ, какъ на политическомъ горизонтѣ разразилась страшная гроза. Бадени издалъ 5 апрѣля 1897 г. указы въ направленіи чисто федералистическомъ. Въ нихъ устанавливалось равноправіе чешскаго и нѣмецкаго языковъ въ Богеміи и Моравіи, а требовалось знаніе обоихъ языковъ отъ чиновниковъ. Отвѣтомъ на это распоряженіе было страшное неистовство нѣмцевъ, «furore teutonico», по выраженію Ауербаха **).

Волненіе не ограничилось рейхсратомъ и разлилось по всей странѣ. 2 мая 1897 г. въ Теплицѣ собрался конгрессъ «Teplitzer Parteitag». При открытіи его депутатъ Сигмундъ, мэръ Теплица, произнесъ полную глу-

*) Члены рейхсрата выбирались 4-мя куріями, т.-е. 4-мя разрядами избирателей: крупныхъ землевладѣльцевъ, торговыхъ палатъ, горожанъ и крестьянъ. Въ настоящее время въ Австріи снова пересматривается избирательный законъ (рѣшается вопросъ о введеніи всеобщаго избирательнаго права).

***) *Bertrand Auerbach*, op. cit., стр. 156.

богаго отчаянія рѣчь, изъ которой Вейль приводитъ слѣдующія характерныя слова: «Или мы перестали быть свѣжей и цвѣтущей вѣтвью нашей великой братской націи, нѣмецкой націи, которая живеть по ту сторону горъ, образующихъ границу?» (Глубокое волненіе въ собраніи) *).

Но еще болѣе выражаетъ общее настроеніе конгрессъ въ Дрезденѣ, собравшійся въ маѣ 1897 года подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ самого Шенерера, ассистироваемаго своими лейтенантами; этотъ конгрессъ очень поощрялъ прусскіе депутаты и даже знаменитый историкъ Моммзенъ. Съ этого момента, по словамъ Вейля, часто австрійскіе нѣмцы обращаются къ Германіи и работаютъ энергично «въ пользу прусскаго короля». Вейль спѣшитъ прибавить: «слава Богу, часъ еще не пробилъ, когда большинство нѣмцевъ совершить это безумство и нужно горячо надѣяться, что онъ никогда не пробьетъ» (стр. 185).

Начиается эпоха собраній, дебатовъ, горячихъ рѣчей. Характерна рѣчь депутата Грабмайра, произнесенная на собраніи въ Меранѣ **). По мнѣнію Вейля, это лучшее изложеніе нѣмецкаго національнаго вопроса въ литературѣ.

Въ рейхсратѣ нѣмецкія національныя партіи прибѣгли къ послѣднему оружію—къ тактикѣ обструкціи, и засѣданія парламента были на время отсрочены. Бадени рассчитывалъ, что эта мѣра приведетъ къ успокоенію, но никакого успокоенія въ странѣ не обнаружилось. Парламентъ не засѣдалъ, но въ странѣ кипѣли страсти, собирались митинги, устраивались засѣданія, провозносились зажигательныя рѣчи, велись бурныя дебаты. Послѣ конгресса въ Теплицѣ, собрался конгрессъ или «Volkstag» въ Рейхенбергѣ, потомъ въ Эверѣ и Клагенфуртѣ. Когда рейхсратъ возобновилъ свои засѣданія, обструкція тоже возобновилась и притомъ съ удвоенной силой. Эта тактика исходила не только отъ крайнихъ партій, каковы пангерманисты, но и отъ нѣмецкихъ прогрессистовъ. Лидеръ партіи «Deutsche Fortschrittspartei»—Функе произнесъ рѣчь, которая продолжалась 6 часовъ и напечатана подъ выразительнымъ заглавіемъ: «Борьба языковъ въ Богеміи. Обструкціонная рѣчь, произнесенная въ австрійской палатѣ депутатовъ въ засѣданіи 8 ноября 1897 г., напечатанная въ пользу общества покровительства нѣмецкой національности, «нѣмецкаго сторожевого поста» въ Лейтмерицѣ» ***).

Возбужденіе достигло высшихъ предѣловъ. Шумъ и скандалы въ палатѣ сдѣлались обычными спутниками дебатовъ. Особенно отличались пангерманисты, съ Шенереромъ и Вольфомъ во главѣ. Сцены, разыгрывавшіяся въ палатѣ, дошли, наконецъ, до того, что полиція вынуждена была переступить порогъ рейхсрата. Но внимательство полиціи только раздуло огонь.

*) Die Sprache-Verordnungen von 5-ten april 1897. Prag, 1897, p. 10.

**) *D-r C. von Grabmayr*: „Die Sprachen-Verordnungen und die politische Lage“. Innsbruck, 1897.

***) *Der Sprachenkampf in Boehmen*: „Obstruktionsrede gehalten in der Sitzung des Oesterreichischen Abgeordneten Hauses“ vom 8-ten november, 1907, herausgegeben von Gunstan des nationalen Schutzvereines, „Deutsche Wacht“ in Leitmeritz.

Буря была перенесена на улицу, въ городѣ началось открытое возмущеніе, разгорѣлся бунтъ, почти что революціа. Императоръ Францъ-Іосифъ поспѣшилъ согласиться на отставку графа Бадени, испугавшагося шума, вышваннаго его политикой, и не способнаго ни на какую энергичную борьбу.

Черезъ два дня послѣ паденія министерства Бадени, 30 ноября 1897 г., министромъ становится баронъ Гаучъ фонъ-Франкентурмъ, который постарался хотя на время водворить порядокъ, издавъ (24 февраля 1898 г.) указы, смягчавшіе и умѣрившіе указы Бадени. Богемія по языку была раздѣлена на три части: нѣмецкую, чешскую и смѣшанную, и знаніе обоихъ языковъ требовалось только въ смѣшанной части. Постановленія Гауча, какъ всякая полумѣра, никого не удовлетворили: чехи протестовали противъ раздѣла единаго королевства Богеміи, нѣмцы желали опираться на законъ, не довольствуясь временными постановленіями Гауча. Но такъ какъ порядокъ былъ восстановленъ, то наступило время перейти снова къ активной политикѣ, и мѣсто Гауча занялъ 5 марта 1898 г. графъ Тунъ-Гогенштейнъ.

Тунъ мечталъ о политикѣ соглашенія между чехами и нѣмцами, доказательствомъ чего служилъ самый составъ его министерства. Въ него вошли: Бернрейтеръ—изъ партіи крупныхъ нѣмецкихъ собственниковъ и Кайзль—изъ партіи младочеховъ.

Но обратимся теперь къ той партіи, которая стоитъ въ центрѣ нашего вниманія, бросимъ взглядъ на то, что дѣлалось въ это время въ партіи пангерманистовъ. Едва были изданы указы Гауча, какъ Шенереръ выступилъ съ новымъ предложеніемъ: онъ возобновилъ предложеніе Вурмбранда въ 1884 г. и Шаршмида въ 1886 г., предложеніе, состоявшее въ томъ, чтобы нѣмецкій языкъ былъ признанъ единственнымъ государственнымъ языкомъ повсюду, за исключеніемъ Далмаціи, Галиціи и Буковины. Лидеръ пангерманизма предложилъ этотъ новый законъ палатѣ, чтобы онъ могъ быть принятымъ $\frac{2}{3}$ голосовъ при наличности $\frac{2}{3}$ членовъ палаты.

Цѣлью Шенерера было возобновленіе тактики обструкціи. Было совершенно ясно, что по такому вопросу никогда нельзя собрать больше $\frac{2}{3}$ голосовъ. Шенереръ желалъ только добиться новаго скандала, вывести шумъ и смятеніе на улицу, т.-е. вернуть, по выраженію Вейля, «благословенныя времена министерства Бадени». Мало этого. Шенереръ со свойственной ему неистощимой и неудержимой изобрѣтательностью предложилъ новую мѣру: преданіе суду министерства Гауча. Но Шенереръ ошибся въ расчетѣ: гроза миновала, остальные нѣмецкія партіи не поддержали его черезчуръ смѣлую затѣю. Поэтому не только партія «Deutsche Fortschritts-partei», но и «Deutsche Volkspartei» (нѣмецкая народная партія) отказались поддержать предложеніе Шенерера. При этомъ нѣмецкая прогрессивная партія для избранія делегаціи *) вошла въ союзъ съ младочехами съ тѣмъ, чтобы совершенно устранить радикаловъ Шенерера.

*) Делегація составляются отъ австрійскаго и венгерскаго парламентовъ для рѣшенія общенѣмецкихъ дѣлъ.

Полный разочарованія, негодующій на этотъ ужасный компромиссъ нѣмцевъ-націоналистовъ съ ихъ заклятыми врагами, Шенереръ объявилъ на собраніи въ Боденбахѣ открытую войну лѣвымъ нѣмецкимъ партиямъ. На засѣданіи палаты 30 марта 1899 г. Шенереръ разразился такой бурей негодованія противъ лѣвой нѣмецкой, что вызвалъ восторженные аплодисменты радикаловъ и нѣсколько проницательнаго одобренія со стороны правыхъ радикальной и чешской группъ. Но прошло то время, когда бурныя рѣчи Шенерера производили слишкомъ сильное впечатлѣніе и не вызывали рѣшительныхъ возраженій. Стоитъ прочесть энергичные отвѣты депутатовъ Гросса и Кайзера и даже официального главы нѣмецкой національной партіи, Штайнвендера, чтобы согласиться съ нижеслѣдующими словами Вейля: «Великій агитаторъ, который заставилъ называть себя своими сторонниками скромнымъ именемъ «лучшаго человѣка въ странѣ» (der beste Mann im Lande) не всегда одерживалъ верхъ» (стр. 194). Расколъ среди нѣмецкихъ партій усиливается. 27 апрѣля 1898 г. возобновился споръ объ языкахъ. Былъ внесенъ 9 предложеній, изъ которыхъ 5 стояли за уничтоженіе указовъ и за рѣшеніе вопроса посредствомъ опредѣленнаго закона. Между утѣренною нѣмецкой партіей и группой Шенерера происходитъ полный разрывъ, результатомъ чего является новая классификація нѣмецкихъ партій в палатѣ.

Партіи эти слѣдующія: 1) Deutsche Fortschrittspartei (нѣмецкая прогрессивная партія) съ девизомъ «Nur Oesterreicher» (только австрійцы); 2) «Deutsche Volkspartei» (народная нѣмецкая партія) съ девизомъ «Alle Deutsche» (также нѣмцы), 3) наконецъ, партія Шенерера «Deutsch-Radikale» (нѣмецкая радикальная) съ девизомъ «Nur Deutsche» (только нѣмцы).

Министерство Туна не выполнило своего намѣренія: не добилось соглашения между чехами и нѣмцами. Въ этомъ значительная доля вины падаетъ, конечно, на пангерманистовъ. И въ сентябрѣ 1899 года графъ Туна вышелъ въ отставку.

Истинной причиной его паденія была, по мнѣнію Вейля, невозможность составить большинство для предстоящихъ выборовъ австрійской делегации благодаря отказу въ поддержкѣ партіи крупныхъ собственниковъ, вѣрныхъ конституціи («Verfassungstreuer Grossgrundbesitz»). Такова была настоящая причина, но, по замѣчанію Вейля, пангерманисты приписали причину упадка графа Туна себѣ и громко торжествовали побѣду.

2 октября 1899 г. первымъ министромъ былъ призванъ графъ Кларк, который отмѣнилъ постановленія Гауча, чѣмъ хотѣлъ уничтожить оппозицію нѣмцевъ. Но онъ вызвалъ столь же ожесточенную и столь же ослепительную оппозицію со стороны чеховъ. Чтобы привести къ какому-нибудь результату засѣданія палаты, слѣдовало прибѣгнуть къ знаменитому 14-му. Но графъ Кларк, конституціоналистъ въ душѣ, не желалъ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ и предпочелъ выйти въ отставку 21 декабря 1899 г.

*) Hugo Schuchardt; *Lettre a M***: „Tchèques et Allemands“*. Paris, 1898, p. 14.

Его сѣдѣло переходное министерство Виттека, которое просуществовало всего 29 дней и уступило свое мѣсто министерству Кербера.

Что же дѣлали пангерманисты въ то время, когда одно министерство сѣдѣлось другимъ? Они были очень педовольны министерствомъ графа Бларн, которое лишило ихъ возможности быть руководителями обструкціонной тактики, скандаловъ и шума въ палатѣ. Парламентская дѣятельность не могла теперь удовлетворять бурныхъ послѣдователей Шенерера, и они обратили всю свою энергію на покровительство протестантизма въ Австріи.

«Откуда внезапно появилось это рвеніе къ евангелической проповѣди, которое воспламенило святымъ воодушевленіемъ австрійскихъ пангерманистовъ?—спрашиваетъ Вейль.—Это движеніе обращенія къ протестантизму, извѣстное подъ именемъ «Los von Rom Bewegung» (движеніе въ пользу отдѣленія отъ Рима) носило въ Австріи гораздо болѣе политической, чѣмъ религіозный характеръ». Руководители пангерманизма хорошо сознавали, что одна изъ причинъ нежеланія Германіи включить въ ее составъ Австрію былъ, именно, католицизмъ австрійскихъ нѣмцевъ. Включеніе Австріи создало бы въ Германіи очень значительное католическое населеніе, которое могло бы стать опаснымъ впоследствии. Пангерманисты мечтали поэтому обратить австрійскихъ нѣмцевъ въ протестантизмъ и этимъ привлечь къ нимъ симпатію Пруссіи, которой, какъ они сами сознавали, очень не доставало.

Каково же значеніе этого новаго движенія и каковы его шансы на успѣхъ? Вотъ вопросы, которые слѣдуетъ разрѣшить. Вейль заранѣе обѣщаетъ быть безпристрастнымъ и руководиться только данными, сообщаемыми самими пангерманистами. Вейль пользуется полу-официальной брошюрой пангерманистовъ, авторомъ которой является пасторъ Браунлихъ *). Это человекъ очень свѣдущій и притомъ одинъ изъ наиболѣе горячихъ сторонниковъ движенія; поэтому его брошюра хорошо передаетъ взгляды партіи.

Въ Богеміи главой движенія «Los von Rom Bewegung» является депутатъ Иро, представитель Эгера. Когда происходили новые выборы, его кандидатура вызвала ожесточенную борьбу. Его называли «протестантомъ и апостоломъ вѣроотступничества», но, несмотря на всѣ усилія его противниковъ, Иро былъ вновь избранъ 598 голосами противъ 461. И побѣда его объясняется именно торжествомъ принципа «Los von Rom». 29 декабря 1899 г. журналъ, издаваемый Вольфомъ, помѣстилъ статью, въ которой громко торжествовалъ побѣду Иро.

Насколько движеніе носило болѣе политической, чѣмъ религіозный характеръ, насколько въ немъ идея пангерманизма преобладала надъ идеей

*) *Das Fortschreiten der „Los von Rom Bewegung“ in Oesterreich-Böhmen. Berichte über den Fortgang der „Los von Rom Bewegung“.* Herausgegeben von Pfarrer Lic. P. Bräunlich, Heft. 5. München, 1900.

протестантизма, ясно показывает письмо одного жителя Кабрица, онъ говоритъ: «Каждый значительный городъ германской имперіи долженъ бы быть взятъ подъ свое особенное покровительство каждый юридическій округъ Австріи» *).

Еще любопытнѣе письмо одного жителя Турна, города, который и жетъ быть названъ очагомъ движенія, такъ какъ въ немъ въ 1899 г. протестантизмъ было обращено 577 человекъ. Въ іюлѣ 1899 г. руководители движенія въ Турнѣ получили отъ Германіи даръ въ количествѣ 2,000 марокъ. Вскорѣ послѣ этого и было написано приводимое Браунлихомъ письмо, изъ котораго заимствуемъ слѣдующія знаменательныя строки: «Нѣмецкія сердца должны быть соединены, каково бы ни было разнѣніе пограничныхъ столбовъ» **).

Но взглянемъ на то, что говорится не частными лицами, а всею евангелической корпораціей въ Кабрицѣ. 28 ноября 1899 г. евангелическая община издаетъ официальное обращеніе къ Германіи: «Мы не можемъ вести дѣло, которое мы начали, безъ помощи нашихъ нѣмецкихъ братьевъ нашихъ евангелическихъ единовѣрцевъ» ***). Ясно, говоритъ Вейль, что здѣсь политическая идея предшествуетъ религіозной, такъ какъ германскіе нѣмцы раньше названы братьями и затѣмъ уже единовѣрцами.

Въ приведенныхъ цитатахъ достаточно ясно выступаетъ истинная причина зрѣнія проповѣдниковъ «Los von Rom» ****). Цифры, проводимыя Браунлихомъ, доставлены ему самимъ Шенереромъ. Съ 15 января 1899 г. 31 марта 1900 годъ о своемъ обращеніи въ протестантизмъ заявили 5,519 человекъ, распределенныхъ между 188 мѣстностями Богеміи, 2,124 человекъ—между 31 мѣстностями Нижней Австріи, 1,328 чел.—между мѣстн. Штирія, 364—между 36 мѣстн. Моравіи, 101—между 8 мѣстностями Зальцбурга, 99—между 12 мѣстностями Каринтіи, 158—между мѣстн. Верхней Австріи, 78—между 7 мѣстн. Тироля, 23 изъ 7 мѣстностей Силезіи, затѣмъ еще 123 обращенныхъ изъ разныхъ мѣстностей. Общая цифра составляетъ 9,987 обращенныхъ за 14 мѣсяцевъ въ 367 различныхъ мѣстностяхъ *****). Браунлихъ говоритъ, что все это данныя, сообщаемыя Шенереромъ, а могло быть еще много обращенныхъ, о которыхъ послѣдній ничего не зналъ. Вейль признаетъ этотъ доводъ мало вѣроятнымъ, такъ какъ едва ли пангерманисты умолчали бы о такомъ отрадномъ для нихъ фактѣ; или же остальные новообращенные были таковыми мотивамъ религіознымъ, а не политическимъ.

Какъ бы то ни было, но и приведенныя цифры сами по себѣ вѣроятны. Замѣчательно то, что большая половина новообращенныхъ

*) P. Bräunlich, op. cit., p. 32.

***) Idem., p. 50.

****) Idem., p. 35—36.

*****) Для болѣе детального знакомства книги René Henry: „Question d'Autriche Hongrie et Question d'Orient“. Paris, Plon., 1900, p. 107—115.

*****) P. Bräunlich, op. cit., p. 70.

ходится на Богемію. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Богемія была главнымъ очагомъ развитія пангерманизма, что, именно, въ Богеміи релігіозные вопросы находили всегда наиболѣе благопріятную почву и встрѣчали наиболѣе горячій интересъ. Менѣе всего протестантовъ мы находимъ въ Тиролѣ и Силезіи. Вейль прибавляетъ, что если пангерманисты желаютъ обратить въ протестантизмъ всѣ 9.200,000 австрійскихъ нѣмцевъ, то имъ нужно для этого не менѣе 11 вѣковъ упорной борьбы. При этомъ Вейль считаетъ подозрительными цифры, приводимыя Шенереромъ, но пользуется ими, не желая быть заподозреннымъ въ партійности.

Это движеніе пангерманизма, явно анти-католическое, должно было быть встрѣчено враждебно со стороны правительства, такъ какъ императоръ Францъ-Іосифъ—очень ревностный католикъ, а эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ, наследникъ престола, состоитъ даже президентомъ австрійской ассоціаціи католическихъ школъ. Эрцгерцогъ «настаиваетъ на патриотической активности этой ассоціаціи, предназначенной для борьбы съ движеніемъ *«Los von Rom»*,—*движеніемъ, порывающимъ съ Австріей, которому нельзя противопоставить достаточно прерядъ»* (стр. 210). Вейль признаетъ достоинства этой рѣчи: энергію и ясное толкованіе смысла движенія, какъ измѣну австрійской династіи, но «нельзя», говоритъ онъ, «отрицать всю неконституціонность такого приѣма и опасность, сопряженную съ возвращеніемъ Австріи къ ультра-клерикальной политикѣ».

Таково развитіе движенія *«Los von Rom Bewegung»* и его результаты. Обратимся теперь опять къ политикѣ Австріи, съ которой мы разстались на министерствѣ Виттека.

20 января 1900 г. на постъ перваго министра былъ призванъ Керберъ. Продолжительность этого министерства ясно доказываетъ его политическую умѣлость и достоинство. Керберъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ политики соглашенія, — только такая политика могла, по его мнѣнію, водворить порядокъ въ странѣ. Это была попытка законнаго соглашенія. Поэтому новый министръ организовалъ собранія для соглашенія, и не только нѣмцы, но даже чехи приняли въ нихъ участіе. Одна только группа *«Deutsch-Radicale»* съ Шенереромъ и Вольфомъ во главѣ отвѣтила категорическимъ отказомъ. Вольфъ сказалъ при этомъ, что всякая попытка соглашенія можетъ только повредить нѣмецкому національному дѣлу, такъ какъ самый фактъ сношеній и дебатовъ съ другими національностями есть уже признаніе за ними права на обсужденіе, котораго энергичный пангерманистъ, конечно, не признавалъ за ними.

Конференціи для выработки соглашенія открылись 5 февраля 1900 г. не съ нѣмцевъ-радикаловъ. Соглашеніе не удалось, и конференціи потерпѣли полное пораженіе. Вейль признаетъ, что подобное соглашеніе было ед а ли вообще достижимо, а если и достижимо, то, конечно, ненадолго; но все же значительную долю отвѣтственности слѣдуетъ, по его мнѣнію,

взвалить на пангерманистовъ, которые не пожелали внести хотя бы немного порядка и умиротворенія въ страну.

Неудача, которую потерпѣла эта попытка къ соглашенію, только ухудшила положеніе, и въ палатѣ депутатовъ начались такія сцены, какія едва ли можетъ представить себѣ самое пылкое воображеніе.

Засѣданія открылись 8 іюня 1900 г., а 8 сентября палата узнала, что Керберъ рѣшился на экстренную мѣру: распустить палату и назначить новые выборы въ странѣ. Рѣшаясь на это, Керберъ думалъ, что новые выборы приведутъ къ нѣкоторому успокоенію, такъ какъ новая палата не можетъ быть хуже прежней. Но будущее не оправдало надеждъ Бербера.

Выборы произошли въ январѣ 1901 г.; такъ началось для Австріи новое столѣтіе. Мы не будемъ подробно входить въ ихъ изученіе, мы остановимся только на успѣхахъ партій пангерманистовъ, или, вѣрнѣе, всей партіи нѣмцевъ-націоналистовъ. Самымъ замѣчательнымъ фактомъ является необычайный успѣхъ партіи шенереріанцевъ.

Въ прежней палатѣ, избранной въ 1897 г., шенереріанцы имѣли только 5 мѣстъ, вѣрнѣе въ ней было 8 мѣстъ нѣмцевъ-радикаловъ. Выборы 1901 г. привели къ тому, что партія «Deutsch-Radicale» получила 21 мѣсто. Всѣ эти депутаты были представителями сѣвера Богеміи, нѣмецкихъ округовъ, ближе всего лежащихъ къ Германской границѣ. Программа партіи вполне откровенно была напечатана въ органѣ Шенерера *Unverfälschte Deutsche Worte*. Особенно выразительны слѣдующія строки: «Мы желаемъ полнаго соединенія съ Германской имперіей всѣхъ австрійскихъ провинцій, которыя нѣкогда составляли часть германской конфедераціи» (стр. 215).

Признавая вполне громадный успѣхъ партіи Шенерера, надо помнить, однако, что 21 депутатъ изъ 425 членовъ палаты не составляютъ еще такой громадной группы, которая могла бы вліять на политику, и въ этомъ отношеніи опасность съ ихъ стороны для палаты еще очень не велика. Кроме того, успѣхъ пангерманистовъ въ Богеміи, откуда были избраны всѣ 21 депутата, показываетъ, что въ остальныхъ провинціяхъ Цислейтаніи пангерманизмъ не имѣлъ достаточнаго числа адептовъ. Можетъ быть также изъ группы «Deutsch-Radicale» не всѣ 21 человекъ были сторонниками программы Шенерера.

Большой успѣхъ на выборахъ 1901 г. выпалъ на долю группы «Deutsche Volkspartei» — нѣмецкой народной партіи. Они получили 9 новыхъ мѣстъ; число представителей этой партіи въ палатѣ — 51 (вмѣсто прежнихъ 42). Такимъ образомъ эта группа по своей численности заняла 3 мѣсто въ палатѣ, тогда какъ прежде она занимала 5.

Въ общемъ, выборы 1901 г. привели къ торжеству болѣе крайнихъ партій, самыхъ непримиримыхъ въ своихъ національныхъ тенденціяхъ. И какъ только открылись засѣданія новой палаты, попрежнему стали разграваться скандалы. Такъ, наприимѣръ, когда по обычаю старшій по лѣ-

тамъ изъ всѣхъ присутствующихъ, который председательствовалъ въ собраніи, закончилъ свою рѣчь предложеніемъ возгласить тройное «ура» въ честь императора (какъ это всегда дѣлалось), члены группы Шенерера встали и покинули залу засѣданій при страшномъ волненіи всего собранія.

Само собой ясно, что въ такой палатѣ немислимо было никакое соглашеніе. И, дѣйствительно, при первой же попыткѣ сближенія между прогрессистами и популистами съ одной стороны и пангерманистами съ другой, послѣдніе предъявили слишкомъ большія требованія, какъ, напримеръ, исключеніе всѣхъ евреевъ, которыхъ много входило въ партію «*Fortschrittspartei*». Это открытое выраженіе антисемитизма оттолкнуло нѣмецкія либеральныя партіи, и всякое соглашеніе стало невозможнымъ.

Кромѣ того, «*Deutsch-Radicale*» протестовали противъ разрѣшенія, даннаго чехамъ, составлять свои интерпелляціи на чешскомъ языкѣ. Чтобы уладить дѣло, председатель собранія, Веттеръ фонъ-дерь-Лили, предложилъ, чтобы чехи составляли свои интерпелляціи на чешскомъ языкѣ съ переводомъ на нѣмецкій, чтобы онѣ печатались въ протоколахъ только на нѣмецкомъ языкѣ, а въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ помѣщался бы оригинальный текстъ. Но нѣмецкіе радикалы не соглашались на такую уступку, желая только одного—насиловать всѣхъ остальныхъ 404 членовъ палаты депутатовъ.

Наконецъ, въ средѣ самой партіи пангерманистовъ произошелъ скандалъ. Послѣ того, какъ въ прессѣ были обнаружены нѣкоторыя частныя дѣла Вольфа, бросающія тѣнь на его нравственность (и притомъ его бывшими друзьями),—Вольфъ удалился отъ дѣятельности. Между нимъ и его бывшимъ другомъ, Шенереромъ, произошла открытая борьба, въ которой оба противника не брезгали никакими средствами, отгапывая разные старыя исторіи, бросая другъ другу въ лицо самыя некрасивыя обвиненія. Шенереръ пользовался поддержкой «*Altdeutsche Vereinigung*» и своимъ журналомъ *Unverfaelschte Deutsche Worte*, Вольфъ—поддержкой группъ «*Ostdeutsche Vereinigung*» и журналомъ *Ostdeutsche Rundschau*. Вся партія теперь раскололась надвое. Вѣна поддерживала Шенерера, Прага—Вольфа. Но при всемъ томъ, какъ только нужно было поднять шумъ и произвести скандалъ, партіи пангерманистовъ снова объединяются. Такое было знаменитый скандалъ, разыгравшійся въ палатѣ депутатовъ 18 марта 1902 г.

Шенереръ произнесъ длинную рѣчь на тему о необходимости введенія нѣмецкаго языка, какъ государственнаго языка въ Цислейтаніи. При этомъ онъ сталъ защищать своего товарища Эйзенкольба, котораго председатель призвалъ къ порядку за нѣкоторыя слова, сказанныя по адресу Гогенцоллерновъ,—слова, несомнѣстимыя съ австрійскимъ патриотизмомъ. Шенереръ воспользовался брошенной искрой и въ глубоко негодующихъ выраженіяхъ сталъ возражать противъ такого призванія къ порядку; свою рѣчь онъ закончилъ восклицаніемъ: «*Hoch und Heil den Hohenzollern!*» («Да здравствуютъ и благоденствуютъ Гогенцоллерны!»). На одну минуту вся зала замерла въ изумленіи.

Тотчас же со всѣхъ сторонъ послышались громкіе протесты, а пангерманисты стали выражать неистовыя одобренія своему вождю и оратору. Шумъ поднялся невообразимый. Пангерманисты стоя кричали: «Да здравствуютъ Гогенцоллерны!»; но ихъ покрывали негодующіе протесты всего собранія. Президентъ тщетно старался призвать залу къ порядку. Волненія и шумъ все усиливались, и пангерманисты продолжали неистово кричать: «Да здравствуютъ Гогенцоллерны!». Какъ только шумъ началъ немного стихать, на ораторскую трибуну стали всходить одинъ за другимъ члены различныхъ партій, чехи и нѣмцы, начиная отъ младочеховъ и кончая нѣмцами-католиками, выражая въ своихъ бурныхъ рѣчахъ горячій протестъ противъ такого антипатріотизма. Засѣданіе закончилось патріотической манифестаціей.

Послѣ этого пангерманисты ничѣмъ особеннымъ себя не заявляли. Керберъ попрежнему преслѣдовалъ свою политику соглашенія и попрежнему терпѣлъ неудачи. Въ декабрѣ 1902 г. пангерманисты опять отказались участвовать въ конфедераціяхъ между нѣмцами и младочехами. Палата была распущена до 1903 г., а Керберъ, отчаявшись въ успѣхъ своей политики соглашенія, подалъ въ отставку 25 іюня 1903 г.

Но въ это время начались затрудненія въ Венгріи по военному вопросу, и императоръ, не желая лишиться энергичнаго и умѣлаго политика, не согласился на отставку Кербера. Керберъ уступилъ и остался у власти.

Съ этихъ поръ австрійская политика сосредоточивается на венгерскомъ кризисѣ, и событія въ Цислейтаніи отошли на задній планъ.

Наша задача окончена: мы разсмотрѣли исторически развитіе идеи пангерманизма до нашихъ дней. Теперь остается разсмотрѣть шансы успѣха этого движенія внутри австрійской монархіи и ту поддержку, которую можетъ ему оказать Европа. Только разсмотрѣвъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и взвѣсивъ все то, что говорятъ за и противъ, мы сможемъ сдѣлать соотвѣтствующія заключенія.

IV.

Разсмотрѣвъ исторически всю эволюцію пангерманизма отъ его зарожденія и первыхъ робкихъ шаговъ до бурнаго натиска въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, намъ слѣдуетъ разобраться въ томъ, какъ создавалось и развивалось это движеніе въ различныхъ провинціяхъ Австріи, т.-е. собственно Цислейтаніи. Не забудемъ при этомъ, что Австрія, этотъ конгломератъ различныхъ національностей, въ сущности не представляетъ изъ себя цѣльнаго, сплоченнаго государства; это скорѣе собраніе отдѣльныхъ государствъ, отличающихся своими мѣстными условіями, своимъ особеннымъ, рѣзко выраженнымъ характеромъ, и только связанныхъ въ единое, но далеко не гармоничное цѣлое правительствомъ Габсбурговъ. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго между собственно Австріей (нижней и верхней), безу-

словно нѣмецкой, съ одной стороны, и чисто славянскими провинціями, вродѣ Моравіи, Галиціи и Буковины—съ другой? Что общаго между бурной, вѣчно кипящей въ борьбѣ Богеміей и точно застывшими въ своемъ statu quo—Зальцбургомъ и Тиролемъ?

Центромъ движенія, очагомъ, изъ котораго были разнесены пылающія головни по всей странѣ, является древнее королевство чеховъ, окруженная горами Богемія, вѣчный камень раздора между чехами и нѣмцами.

«Здѣсь, въ этой громадной провинціи,—говорить Вейль,—национальная борьба является результатомъ вѣковой ненависти, обогрѣнной кровью расъ, подкрѣпленной столь памятными историческими воспоминаніями, сокрытой въ самыхъ нѣдрахъ богемской земли. Здѣсь мы стоимъ у дверей германской имперіи, почти что у дверей Россіи. Тѣнь германскаго орла витаетъ надъ вѣчно протестующей древней Богеміей, русскій медвѣдь также протягиваетъ свою лапу, ласкающую и вмѣстѣ съ тѣмъ заманивающую, алчно смотря на своихъ угнетенныхъ братьевъ-славянъ. Проходила десятки лѣтъ, проходили вѣка, а чехи и нѣмцы все смотрѣли другъ на друга не какъ на австрійскихъ гражданъ, а только какъ на членовъ двухъ расъ, находящихся въ смертельной враждѣ—славянской расы и расы германской, двухъ большихъ массъ, которыя сталкиваются на громадномъ протяженіи границъ—представителей славизма и германизма, борющихся за господство въ этомъ громадномъ замкнутомъ пространствѣ, которое представляетъ изъ себя современный міръ» (стр. 227—228).

Все это создало историческую почву, очень благоприятную для развитія пангерманизма. Партія пангерманистовъ, благодаря своему крайнему характеру, могла найти особенно много сторонниковъ именно среди нѣмцевъ Богеміи, которые давно взывали къ Берлину, прося у Германіи покровительства. Ихъ энергія, ихъ стремительность встрѣтила такой же горячій, страстный отпоръ со стороны чеховъ. Благодаря этому, избирательная борьба была упорна, и на сторону пангерманистовъ перешли всѣ тѣ нѣмцы Богеміи, которые вовсе не желали присоединенія къ Германіи, но боялись славянскихъ тенденцій и готовы были пойти на компромиссъ ради осуществленія политики античешской.

Но была и другая причина, сдѣлавшая Богемію главнымъ центромъ развитія пангерманизма. Богемія—страна, гдѣ не разъ разыгрывалась религиозная борьба, гдѣ народъ относился къ религиознымъ вопросамъ съ живымъ интересомъ и горячимъ энтузіазмомъ. Страна Гусса и Жижки не могла не отозваться, когда снова былъ выдвинутъ религиозный вопросъ, тогда по всей странѣ раздался кличъ: «Los von Rom!» Маска религиозности, такъ ловко накинутаая на себя пангерманистами, открыла этимъ послѣднимъ широкій путь по всей Богеміи.

Наконецъ, была еще одна причина: Богемія съ ея крупнымъ славянскимъ населеніемъ всегда казалась главнымъ препятствіемъ для осуществленія идеи великой Германіи; понятно, поэтому, стремленіе пангерманистовъ сбросить съ пути это препятствіе, разрушить, снести, если нужно,

чешское королевство, для того, чтобы воздвигнуть на его развалинах «грандиозный колоссъ самой великой Германіи».

Вейль выражаетъ однако надежду, что не всегда Богемія будетъ такою благоприятною почвою для развитія идеи пангерманизма. Стоитъ найти такое положеніе, которое удовлетворило бы и чеховъ, и нѣмцевъ, и пангерманисты потеряютъ свою силу тотчасъ же, когда въ Богеміи водворится миръ и тишина.

Все, что говорилось о Богеміи, относится въ большей или меньшей степени и къ остальнымъ славянскимъ провинціямъ Цислейтаніи.

Интересно понять, какимъ же образомъ пангерманизмъ могъ найти благоприятную почву въ верхней и нижней Австріи, чисто-нѣмецкихъ провинціяхъ Австріи, гдѣ всѣ условія діаметрально противоположны условіямъ, существующимъ въ славянскихъ провинціяхъ. Дѣло въ томъ, что эти провинціи издавна являлись центромъ оппозиціи, которая проявлялась особенно рѣзко по отношенію къ чехофильскимъ министерствамъ; понятно, что это обстоятельство содѣйствовало увеличенію партіи пангерманистовъ, стоявшихъ въ оппозиціонномъ лагерѣ по отношенію къ правительству. Но когда пангерманисты стали держаться obstructивной политики по отношенію ко всякимъ министерствамъ, что подрывало въ корнѣ австрийскій парламентаризмъ, тогда нѣмцы нижней и верхней Австріи отпали отъ нихъ.

Вторая причина, содѣйствовавшая успѣху пангерманизма въ верхней и нижней Австріи,—развитіе антисемитизма. Такъ какъ группа антисемитовъ съ Люгеромъ во главѣ стала держаться направленія ультра-клерикальнаго (христіански-соціалистическаго), то всѣ тѣ, кто были антисемитами и виѣтъ съ тѣмъ антиклерикалами, примкнули къ пангерманистамъ.

Итакъ, здѣсь пангерманизмъ лишенъ своей первоначальной основы—идеи національной, здѣсь онъ является политическимъ движеніемъ, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ духу оппозиціи и антисемитизму, соединенному съ антиклерикализмомъ населенія.

Какъ долго это движеніе пангерманизма будетъ поддерживаться, будетъ ли пангерманизмъ развиваться или заглохнетъ въ этихъ провинціяхъ—это вопросы будущаго, на которые и Вейль не даетъ опредѣленнаго отвѣта.

Остаются провинціи Зальцбургъ и Тироль. Казалось бы, что здѣсь условія ближе къ тѣмъ, какія мы видѣли въ нижней и верхней Австріи, чѣмъ къ условіямъ полуславянскихъ провинцій Австріи. Дѣйствительно, въ Зальцбургѣ нѣтъ и не можетъ быть никакой національной борьбы, въ Тиролѣ также ея нѣтъ, такъ какъ нѣмцы и итальянцы имѣютъ свои совершенно отдѣльныя области и не враждуютъ другъ съ другомъ. Въ этихъ двухъ провинціяхъ существуютъ два условія, которыя служатъ могущественнымъ препятствіемъ для развитія пангерманизма. Во-первыхъ, это—старинная, вассальная преданность этихъ провинцій дому Габсбурговъ, какъ своимъ законнымъ правителямъ, своимъ феодальнымъ господамъ; во-вторыхъ, ревностный католицизмъ, горячая преданность своей родной

религій. Національное чувство въ этихъ провинціяхъ сказывается только въ любви къ роднѣ, которой они готовы служить, никогда не желая ея распаденія, униженія и присоединенія къ чужому государству.

Подводя итоги, мы видимъ, что пангерманизмъ, зародившійся на почвѣ національной идеи, вылившійся въ форму національнаго чувства, постепенно выродился, приобретаая все болѣе характеръ оппозиціи, характеръ шумной борьбы и насилій. «Едва ли,—говоритъ Вейль,—захвативъ въ свои руки даже большинство населенія, пангерманисты сумѣли бы вести определенную разумную политику, эти любители скандаловъ, привыкшіе ловить рыбу въ мутной водѣ». Насколько въ этихъ словахъ сказалась безпристрастность Вейля, о которой онъ столько разъ говорилъ,—мы представляемъ судить читателю. Во всякомъ случаѣ рѣшеніе вопроса о томъ, что сумѣли и чего не сумѣли бы пангерманисты, относится къ области предсказаній и не можетъ быть признано научнымъ. Очень интересно было бы рассмотреть, въ какой мѣрѣ вліяютъ и могутъ вліять на дальнѣйшее развитіе интересующаго насъ движенія экономическіе факторы, но для рѣшенія этого вопроса Вейль не даетъ никакихъ данныхъ, рассматривая вопросъ только съ точки зрѣнія исторической, философской и политической *).

Несомнѣнно, что далеко не всѣ провинціи Австріи представляютъ благоприятную почву, на которой можетъ расти и развиваться движеніе пангерманизма, что даже въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ оно пользуется извѣстнымъ успѣхомъ, далеко не все населеніе можетъ примкнуть къ нему. Осуществленіе мечты пангерманизма привело бы къ распаденію монархіи Габсбурговъ, къ уничтоженію Австріи, какъ государства, чего, конечно, не могутъ и не должны желать ни сами австрійцы, ни вся Европа, если она дорожитъ сохраненіемъ своего политическаго равновѣсія.

Теперь мы попросимъ читателя перенестись на время въ Европу и при бѣгломъ обзорѣ европейскихъ государствъ найти отвѣтъ на интересующій всѣхъ вопросъ: какое значеніе для Европы можетъ имѣть осуществленіе заветной мечты пангерманистовъ?

Включеніе Австріи въ составъ Германской имперіи измѣнить, конечно, не только карту Европы, но и политическое равновѣсіе, такъ тщательно поддерживаемое. Въ самомъ дѣлѣ, осуществленіе этой мечты создало бы въ Европѣ огромное, колоссальное государство, новую священно-германскую имперію, которая растянулась бы на громадномъ пространствѣ отъ холоднаго Сѣвернаго моря до голубыхъ водъ Средиземнаго. Этому колоссу былъ бы открытъ путь для новыхъ нашествій и новыхъ завоеваній на Западъ къ берегамъ Атлантики, и на югъ, въ страны древняго міра—Италію и Грецію, и на востокъ къ давно желанной приманкѣ—святой Софіи! Триумфальное шествіе батальоновъ этого колосса не знало бы пре-

*) Экономическая сторона вопроса хорошо разработана въ сочиненіи *René Henry*, op. cit., p. 96—104 и 188—185.

дѣловъ, германскій орелъ широко развернулъ бы свои могучія крылья, и «кто знаетъ,—говоритъ Вейль,—не сдѣлалась ли бы новая священно-германская имперія властительницей всей Европы, властительницей земли и моря, и даже, можетъ быть, всего міра?» (стр. 247).

Не увлекаясь такими грандіозными, далекими и, пожалуй даже, фантастическими перспективами, мы должны посмотрѣть прямо въ лицо опасности, которая появилась бы отъ созданія такого могущественнаго государства для всѣхъ европейскихъ странъ.

На первую очередь долженъ быть поставленъ вопросъ о самой Германіи. Базалось бы, что объединеніе всѣхъ нѣмцевъ подъ однимъ скипетромъ и созданіе новой великой Германіи можетъ быть самой завѣтной цѣлью, центромъ стремленій самой Германіи. На основаніи этого предположенія принято признавать Германію участницей, если не вдохновительницей австрійскаго пангерманизма. Много говорилось и говорится до сихъ поръ объ интригахъ нѣмецкаго двора, о секретныхъ порученіяхъ въ Австрію, объ особыхъ германскихъ агентахъ, задача которыхъ раздуть движеніе пангерманизма, всѣми способами содѣйствовать его успѣху.

Первымъ фактомъ, который считается доказательствомъ вѣщательства Берлина въ дѣла Австріи, являются знаменитыя свиданія лѣтомъ 1871 г., на которыхъ готовится пережѣна австрійской политики, паденіе министерства Гогенварта съ его чехофильскими тенденціями. Но какъ было уже указано, именно чехофильская политика создавала въ Австріи нѣмецкую оппозицію, и тѣмъ самымъ подготавливала благоприятную почву для развитія пангерманизма. Не могла же Германія поощрять развитіе пангерманизма, содѣйствуя паденію министерства Гогенварта, т.-е. содѣйствуя факту, который могъ имѣть и дѣйствительно имѣлъ противоположныя послѣдствія. Скорѣе можно думать, если признавать участіе Германіи въ отставкѣ Гогенварта, что для Германіи было желательно успокоить австрійскихъ нѣмцевъ въ ихъ національныхъ стремленіяхъ и отвлечь ихъ отъ желанія включить Австрію въ составъ Германіи.

Второй фактъ, на который принято ссылаться для доказательства участія Германіи въ политикѣ Австріи, это дѣло оккупации Босніи и Герцеговины, которое совершилось подъ вліяніемъ и даже подъ давленіемъ германскаго правительства. Цѣлью Германіи, какъ говорятъ, было облегченіе побѣдоноснаго шествія Германіи на востокъ и желаніе боснійскимъ вопросомъ отвлечь вниманіе Австріи отъ западной и сѣверо-западной ея частей, которыя могли бы быть включены въ составъ Германіи. Это, несомнѣнно, очень вѣроятная теорія, и содержитъ долю истины въ томъ, что касается интересовъ Германіи: въ захватъ Босніи и Герцеговины, какъ крупнаго шага въ движеніи германской расы на востокъ. Но что касается интересовъ пангерманизма, то едва ли можно признать таковымъ захватъ Босніи; стоитъ припомнить рѣчи депутатовъ пангерманистовъ по этому вопросу и слова самого Шенерера.

Третій фактъ, служащій доказательствомъ замысловъ Германіи—боль-

шое собраніе пангерманистовъ въ Дрезденѣ въ 1897 г. и всѣ манифестаціи по отношенію къ пангерманистамъ, въ которыхъ принималъ участіе самъ великій Моимзенъ. Эти манифестаціи, исходящія отъ нѣмцевъ Германіи, имѣли, несомнѣнно, большое нравственное значеніе для развитія пангерманизма, но это не было какимъ-нибудь рѣшительнымъ, определеннымъ актомъ со стороны германскаго правительства, которое ничѣмъ не выразило своего сочувствія или поддержки.

Наконецъ, надо рассмотреть еще вопросъ объ отиѣнѣ постановленій Гауча, произведенной графомъ Кларн 14 октября 1899 г. Говорили, что австрійскій императоръ совершилъ это подъ давленіемъ своего сѣблаго германскаго союзника... Но, во-первыхъ, это давленіе совершенно не доказано и, во-вторыхъ, если оно и было, то нисколько не является поддержкой пангерманизма.

Остается обвиненіе Германіи въ тайныхъ интригахъ, секретныхъ порученіяхъ, посылкѣ агентовъ, которыя Вейль называетъ «потайной кухней шпионства интригъ». Но всѣ эти обвиненія очень трудно подкрѣпить основательнымъ фундаментомъ серьезныхъ доказательствъ.

Теперь можно снова обратиться къ рѣшенію вопроса о томъ, въ чемъ заключается истинный интересъ Германіи, дѣйствительно ли осуществленіе мечты пангерманистовъ представляетъ для Германіи такой крупный шагъ впередъ. Эта мечта о созданіи новой Священно-Германской имперіи величава и заманчива; но есть и обратная сторона медали. Правда, германскій колоссъ былъ бы громаденъ по своимъ размѣрамъ, но слишкомъ разнороденъ по своему составу. Сколько враждебныхъ народностей, сколько различныхъ по своему политическому характеру государствъ было бы включено въ единую Германію? А если помнить уроки исторіи, то придется признать, что такое включеніе повлекло бы за собой, какъ показываетъ примѣръ самой Австріи,—столько новыхъ конфликтовъ, столько противорѣчивыхъ интересовъ, что, содѣйствуя могуществу имперіи внѣшнимъ образомъ, включеніе Австріи повредило бы этому могуществу внутренне, несомнѣнно ослабивъ германскую имперію. Наконецъ, что случилось бы съ преобладаніемъ Пруссіи, если бы въ составъ Германіи вошла ея старая соперница, Австрія? Какимъ образомъ столицей могъ бы оставаться Берлинъ, если бы его конкуренткой была Вѣна? Берлинъ или Вѣна, Шпрее или Дунай,—вотъ диллема, которую было бы трудно разрѣшить. Можетъ быть, для новой великой Германіи пришлось бы создать и новый политическій центръ гдѣ-нибудь въ южной Германіи—Саксоніи или Баваріи; но это, конечно, привело бы къ потерѣ Пруссіей ея преобладанія. Между тѣмъ германскій императоръ, по словамъ Вейля, не можетъ забыть, что онъ «прежде всего прусскій король». Это очень хорошо понималъ и не разъ высказывалъ Бисмаркъ, самый прозорливый государственный человекъ въ Германіи. И желѣзный канцлеръ высказывался противъ включенія Австріи въ составъ Германіи. Осуществится ли мечта пангерманистовъ—покажетъ будущее. Но если когда-нибудь новая Священно-Германская имперія будетъ создана,

то ей придется поставить себя и новую всеобъемлющую цель—движение на востокъ.

Будущая судьба Австріи также тѣсно связана съ будущей судьбой Италіи. Въ Италіи иногда надѣются, что если совершится присоединеніе Австріи къ Германіи, то нейтралитетъ Италіи будетъ купленъ цѣною соединенія къ ней итальянскихъ провинцій Австріи—«Italia irredente», вѣчный предметъ мечтаній Италіи. Но причины военные и экономическія приводятъ къ тому, что Австрія не желаетъ уступить ни пяди своей территоріи, населенной итальянцами, и эти же причины останутся въ силѣ для Германіи, включившей Австрію въ свой составъ. Но если бы для Германіи и отдала Италіи Триестъ, то Италіи была бы окружена Германскою имперіей, которая, какъ болѣе могущественный сосѣдь, не могла бы вернуть отданное; императорскій штандартъ развивался бы вскорѣ надъ Триестомъ и надъ военнымъ портомъ Пола, и Германія, удивившись на Адриатикѣ, утвердилась бы вскорѣ и на Средиземномъ морѣ (стр. 258). Кромѣ того, Италіи былъ бы отрѣзанъ путь на востокъ, и она мечтаетъ играть видную роль, и гдѣ Германія явилась бы слишкомъ опасной соперницей. Изъ всего этого видно, что «Italia irredente» оказалась бы для Италіи и при Гогенцоллернахъ такой же неосуществимой безплодной мечтой, какъ и при Габсбургахъ.

Въ тотъ день, когда Гогенцоллерны утвердили бы свое могущество надъ колоссальной германскою имперіей, Италіи осталось бы держаться одной изъ двухъ возможныхъ политикъ: или стать незначительной державой, вполне зависимою отъ своей могущественной сосѣдки, «вассальнаго хранительницей, почти рабой Германіи», или же просить союза и кровительства со стороны Франціи. Но и Франція не могла бы защитить Италію отъ грозной руки германскаго гиганта. Такимъ образомъ, Италіи нужно понимать, что, при всей вѣковой ее ненависти къ Австріи, съ исчезновеніемъ этой послѣдней и ея политическая роль будетъ кончена.

Казалось бы, что изъ всѣхъ европейскихъ странъ въ разрѣшеніи вопроса о пангерманизмѣ меньше всего заинтересована Англія. Ея острое положеніе, ея торговое и морское могущество, ея устойчивое положеніе въ европейской политикѣ, казалось, ставятъ ее внѣ конкуренціи имперіи Гогенцоллерновъ. Но не нужно забывать, что ея экономическія интересы сталкиваются и въ настоящее время съ интересами Германіи. Нужно забывать, что разъ Германія станетъ твердой ногой у Средиземнаго моря, что ея торговыми портами будутъ Гамбургъ и Триестъ, а военными—Билъ и Пола,—Англія не сможетъ сохранить своего значенія у Средиземномъ морѣ. Мало этого; когда нѣмецкія войска овладѣютъ Далматіею, станутъ у воротъ Константинополя, восточной политикѣ Англіи будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

На Востокъ возрастающее могущество имперіи Гогенцоллерновъ вслѣдуетъ еще болѣе заинтересованнаго, а потому и болѣе грознаго врага, Россію.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли Россія потерпѣть созданіе великой германской державы, которое противорѣчитъ всѣмъ ея интересамъ,—военнымъ, экономическимъ и нравственнымъ. Если бы Германія и Россія даже рѣшили примирить свои интересы, раздѣливъ между собой Австрію, какъ нѣкогда раздѣлили Польшу, то этотъ планъ оказался бы неосуществимымъ. Во-первыхъ, такіе раздѣлы, противорѣчащіе нравственному чувству, противорѣчащіе всему ходу исторіи, въ наше время уже невымыслимы, а во-вторыхъ, если бы даже произошла подобная попытка, то каинемъ претензій явилась бы все та же старая, долготерпѣливая Богемія. Германія не могла бы осуществить созданіе единой имперіи, включивъ Австрію и исключивъ Богемію, а присоединеніе Богеміи не потерпѣла бы Россія.

Въ этой статьѣ не мѣсто останавливаться на вопросѣ о панславизмѣ, но всѣмъ извѣстно, что вопросъ этотъ близко касается вопроса о пангерманизмѣ. Нельзя отрицать того общаго національнаго чувства, которое соединяетъ всѣхъ славянъ, нельзя отрицать, что мелкія славянскія народности ищутъ въ своихъ русскихъ братьяхъ естественныхъ защитниковъ и покровителей. Австрійскіе славяне и особенно богемскіе чехи не потерпятъ ига Гогенцоллерновъ, и надежды ихъ невольнo обратятся къ Россіи.

Если бы «Германія» пангерманистовъ осуществилась бы, то ея интересы столкнулись бы съ интересами Россіи и въ восточномъ вопросѣ у воротъ Константинополя, граница этихъ колоссовъ стала бы громадной, и отчаянная борьба за первенство разыгралась бы со всей энергіей и рѣшительностью борьбы не на жизнь, а на смерть на поляхъ Венгріи. Невозможно стало бы и самостоятельное существованіе этой маленькой Венгріи, которую раздавилъ бы одинъ изъ двухъ колоссовъ: Германія или Россія.

Наконецъ, и это самое существенное, Россія была бы отрѣзана отъ западной Европы: между ними непроницаемой стѣной воздвиглась бы Германія, «окованная желѣзомъ, оцетинившаяся штыками». Русскій флотъ былъ бы запертъ германскимъ флотомъ, не находя выхода ни въ Сѣверное, ни въ Средиземное море. Въ результатѣ Россія была бы отброшена къ Азіи, исключена изъ состава могущественныхъ европейскихъ державъ. Самъ собой напрашивается выводъ: Россія никогда не допуститъ такого униженія, ея прямыя интересы, ея національное чувство возмутится противъ осуществленія мечты пангерманистовъ, хотя бы для этого пришлось разразиться отчаянной европейской войнѣ, такой войнѣ, какой не видѣла еще Европа.

Остается Франція. На первый взглядъ можетъ показаться, что идея ангерманизма, обращая взгляды Германіи на Востокъ, отвратитъ ихъ, акижъ образомъ, отъ Франціи. Но морское могущество Германіи, торговле и военное подорвутъ въ корнѣ морское могущество Франціи и отрѣжутъ ей путь на Востокъ и Дальній Востокъ.

Не надо забывать о союзѣ Франціи и Россіи. Только благодаря франко-

русскому соглашенію Франція вышла изъ состоянія одиночества, къ которому привели ея печальныя событія 1870 г., только благодаря Россіи она достигла снова того нравственнаго положенія, которое она занимаетъ теперь въ Европѣ. И простое чувство лояльности вовлекло бы Францію въ возможную между Германіей и Россіей войну. И могла ли, наконецъ, Франція остаться равнодушной зрительницей вопіющаго факта поглощенія славянскихъ и итальянскихъ народностей разрастающейся могучей Германіей. И насколько бы увеличилась для самой Франціи опасность отъ Германіи, обратившейся въ страшнаго властелина, осуществляющаго свою мечту и девизъ—«Drang nach Osten!»

Но за послѣдніе годы создалась особая теорія: Германія купить нейтралитетъ Франціи, отдавъ ей Эльзась-Лотарингію или, во всякомъ случаѣ, Лотарингію. Тутъ задѣвается чувствительная струна Франціи. Эта отдача невозможна уже потому, что только послѣ приобрѣтенія Эльзась-Лотарингіи Германія стала единой и могущественной имперіей. Недаромъ же на приобрѣтеніе этихъ провинцій было потрачено столько силъ, столько затрачено энергій, чтобы все это теперь оказалось излишнимъ при осуществленіи идеи великой Германіи. Наконецъ, если бы Германія на это и рѣшилась, то лишь временно, чтобы при первой же возможности вернуть себѣ Эльзась-Лотарингію обратно какимъ бы то ни было путемъ.

Съ какихъ точекъ зрѣнія ни рассматривая интересы Европы,—съ точки зрѣнія политическаго равновѣсія, экономическихъ интересовъ, съ точки зрѣнія національностей, наконецъ, съ точки зрѣнія сохраненія мира и спокойствія,—эти интересы протестуютъ противъ созданія великой Германіи, этого «безформеннаго чудовища», способнаго поглотить Европу. Осуществленіе этой мечты, приобрѣтеніе такого мірового господства создало бы на своемъ пути, какъ это всегда бывало въ исторіи, «рѣки крови и горы труповъ». Вся Европа поэтому можетъ и должна желать, по мнѣнію Вейля, одного—чтобы завѣтная мечта пангерманистовъ никогда не достигла своего осуществленія.

Подводя итоги всему, что было изложено въ настоящей статьѣ, мы можемъ задать себѣ вопросъ: чего же, дѣйствительно, можно ожидать въ будущемъ? Будетъ ли Европа охвачена страшнымъ пожаромъ войны, въ которой рѣшится участь многихъ государствъ, будетъ ли создана громадная новая Священно-Германская имперія, войдетъ ли Австрія въ ея составъ, или же распадется на части? Все это вопросы будущаго, которые, конечно, не могутъ быть рѣшены никакимъ научнымъ способомъ; но интересно познакомиться съ взглядами Вейля, съ его общими выводами, сдѣланными на основаніи детальнаго и добросовѣстнаго изученія вопроса о пангерманизмѣ. Вейль говоритъ, что успѣхъ идеи пангерманиза очень сомнителенъ и едва ли близокъ къ осуществленію. Многіе такъ вѣрятъ въ его рѣшеніе въ ближайшемъ будущемъ, что уже дѣлятъ Австрію на части. Обращаясь къ исторіи, Вейль доказываетъ, что не въ первый разъ

происходить такіе скороспѣлые, преждевременныя дѣла, основанныя на ложныхъ пророчествахъ. Достаточно вспомнить, какъ давно дѣлать на части оттоманскую имперію, которая, однако, вполне благополучно существуетъ, несмотря на предрекаемую близкую гибель. Затѣмъ «Китай заѣмилъ Турцію на операционномъ столѣ»,—говоритъ Вейль,—и притомъ съ такимъ же успѣхомъ. Теперь очередь дошла до Австріи, которой предсказываютъ распадѣніе послѣ смерти Франца-Иосифа, говоря, что единство Австро-Венгріи сохраняется только въ особѣ ея императора. Надо надѣяться, по мнѣнію Вейля, что раздѣлъ Австріи на бумагѣ подвергнется въ дѣйствительности той же участи, что и раздѣлы Турціи и Китая.

Нельзя отрицать, что императоръ Францъ-Иосифъ самой своей личностью является связующимъ звеномъ пестраго, нестройнаго цѣлаго, называемаго Австро-Венгерскою монархіей. Онъ пользуется большою популярностью среди населенія, заслуживъ уваженіе и преданность своихъ подданныхъ своею добротой и вызывая симпатіи къ себѣ народа трагическими семейными условіями. Много значитъ его изумительное знаніе всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ языковъ, на которыхъ объясняется разноплеменное населеніе его имперіи. Всѣхъ этихъ данныхъ нѣтъ у его наследника, эрцгерцога Франца-Фердинанда, который не пользуется никакими симпатіями со стороны населенія.

Но въ Австро-Венгерской имперіи еще живо чувство глубокаго уваженія къ особѣ императора, такъ какъ для Австріи императоръ представляетъ изъ себя личность символическую, воплощеніе единства имперіи. Его наследника будутъ привѣтствовать, какъ представителя всѣхъ этихъ разнообразныхъ народностей и государствъ.

Разумѣется, нельзя утверждать, и Вейль не беретъ за это, что австро-венгерская имперія навсегда останется такой, какова она теперь. Быть можетъ, вмѣсто дуалистической монархіи Австро-Венгріи станетъ триалистическая Австро-Венгро-Богемія. Можетъ быть, она обратится въ федеральное государство, состоящее изъ автономныхъ штатовъ—все это вопросы, которые разрѣшить будущее.

Конечно, положеніе Австро-Венгріи очень затруднительно, постоянная борьба національностей ослабляетъ ея силу, конституція и учрежденія, созданныя въ прежнія времена, далеко не соответствуютъ современному положенію и современнымъ потребностямъ. Однимъ словомъ, политическій горизонтъ Австро-Венгріи омраченъ тучами, готовыми разразиться страшной грозой. Но тутъ нужна умѣлая, энергичная политика, нужны реформы,—и старая имперія Габсбурговъ можетъ устоять въ прежнемъ оемѣ, правда, не вполне устойчивомъ, но все же несомнѣнномъ равновсіи.

Если бы пангерманизмъ, развиваясь все больше и больше, завоевывалъ все большее число адептовъ, и захватилъ бы даже всю Австрію, то этой мѣтѣ не дала бы осуществиться вся Европа. Если вѣввропейская русско-нижская война, локализованная на Дальнемъ Востокѣ, взволновала и

потрясла общества и правительства Европы, то какія опасенія должна вызвать общеевропейская война, которая должна разгорѣться при малѣйшей попыткѣ Германіи присоединить къ себѣ Австрію. Такая война потрясла бы старую почву Европы и надолго остановила бы и даже смела всякій экономическій и культурный прогрессъ.

Надо надѣяться, — говоритъ Вейль, — что не къ войнѣ ведетъ насъ XX вѣкъ, что пангерманизмъ не представляетъ изъ себя настолько серьезнаго движенія, которое могло бы такъ вліять на судьбу всѣхъ европейскихъ державъ.

Отдавая должное добросовѣстности и обилію матеріала, съ которымъ Вейль такъ подробно изучилъ движеніе пангерманизма, нельзя, однако, отрицать нѣсколько пристрастнаго отношенія автора къ изучаемому явленію. Отъ историка можно и должно требовать объективнаго изложенія событій, но въ оцѣнкѣ ихъ и въ особенности въ выводахъ, относящихся къ будущему, историкъ едва ли можетъ не быть субъективнымъ.

Въ стремленіи автора дискредитировать описываемое движеніе нельзя не видѣть вполне понятной, со стороны французскаго ученаго, создавшей исторически ненависти къ германизму. Кроме того, Вейль, какъ уже было указано, изучаетъ вопросъ съ точки зрѣнія исторической, психологической и политической; вполне отсутствуетъ экономическая точка зрѣнія, выдвигаемая современными историками на первый планъ, такъ какъ она выдвинута въ наше время самой жизнью. Это, конечно, пробѣлъ въ такомъ специальномъ трудѣ, каково изслѣдованіе Вейля. Но не будемъ вдаваться въ критику его взглядовъ, не будемъ рѣшать и вопроса о томъ, идетъ или не идетъ Европа къ войнѣ, осуществимъ или нѣтъ идеалъ пангерманистовъ и хороши или дурны были бы послѣдствія такого осуществленія.

Не беря на себя смѣлости приподымать завѣсу, скрывающую отъ нашихъ взглядовъ будущее, и пользуясь только тѣми уроками, которые даетъ намъ историческое прошлое, мы можемъ высказать только одно соображеніе: вся политика Австріи, какъ и политика всякаго другого государства, должна быть направлена къ одной цѣли: создать такую форму правленія, которая не будетъ идти вразрѣзъ съ національными интересами входящихъ въ ея составъ народностей, создать такіе законы, которые, не стѣсня ничьей свободы, не насилуя, не угнетая никакую національность и никакой классъ, создадутъ благопріятную почву для мирнаго развитія, экономическаго и культурнаго процвѣтанія всѣхъ.

О. Рудченко.

А. П. Чеховъ.

(Материалы для біографіи.)

Почти два года назадъ я закончилъ и сдалъ въ печать свою статью объ А. П. Чеховѣ *). Мнѣ казалось, что я написалъ объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ все, что могъ. Думалось также, что революція заслонила собою интересъ общества ко всѣмъ людямъ, дѣятельность которыхъ не имѣетъ тѣсной связи съ текущими событіями. Но объ эти мысли оказались ошибочными. За два года пришло на память многое объ А. П. Чеховѣ, не записанное на бумагу. Ясно также стало, что революція не можетъ заслонить имени писателя, который думалъ о благѣ человѣчества не менѣе, чѣмъ дѣятели нынѣшнихъ прогрессивныхъ политическихъ партій.

И мнѣ кажется, я не въ правѣ не подѣлиться съ читающей публикой тѣмъ, что знаю о жизни и словахъ А. П., а также нѣсколькими его письмами, любезно предоставленными въ мое распоряженіе академикомъ А. Ѳ. Бони. И то и другое, во всякомъ случаѣ, имѣетъ цѣнность для будущаго біографа Чехова.

Антонъ Павловичъ неоднократно журилъ меня за то, что я говорю о произведеніяхъ художественной литературы, о мерзости всякаго насмія, о возможности лучшаго будущаго, — съ людьми, или глубоко невѣжественными, или тѣми, вся дѣятельность которыхъ давно потеряла личную инициативу и стала похожей не на поступки живого существа, имѣющаго совесть, сердце и волю, а на работу какого-нибудь стального или деревяннаго инструмента. Я возражалъ по этому поводу, что если такіе люди слѣпы, то ихъ нужно сдѣлать зрячими, если холодность сердець дѣлаетъ ихъ похожими на звѣрей, то нужно попытаться вернуть имъ образъ человѣческій. Отлично помню отвѣтъ Чехова по этому поводу. Онъ тряхнулъ гачевою и сказалъ:

— Нѣтъ ужъ... Все это будетъ бесполезно и безцѣльно. Съ ними можно поступать вотъ такъ, какъ поступали Моисей и Ааронъ съ іудеями. (Я водилъ ихъ по пустынѣ до тѣхъ норъ, пока не перемерли всѣ старики; и только ихъ дѣти увидѣли землю Ханаанскую.)

*) Журналъ для всехъ, 1905 г., № 7.

Однажды мы разговаривали о литературных неудачниках, о страданиях графомановъ, которые такъ удивительно хорошо нарисованы Чеховымъ въ его рассказѣ «Весной». Антонъ Павловичъ отнесся скептически къ возможности существованія писателей съ талантомъ, которые однако никогда не могли, въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, вернуть этого таланта передъ людьми. Онъ говорилъ:

— Годъ, два могутъ мѣшать обстоятельства, но затѣмъ уже становится ясно, что въ человѣкѣ ничего нѣтъ. Вотъ если у птицы есть крыло то рано или поздно онѣ вырастутъ, и она полетитъ... Да...

Въ Ялтѣ мнѣ случилось гостить у г-жи Т—вой, у которой бывали находили самый радушный приемъ все писатели и поэты, — и большія маленькіе, и талантливые и бездарные. Какъ-то пришелъ туда поэтъ Ляпуновъ. Совсѣмъ еще юноша на видъ, крестьянинъ и самоучка, онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ своимъ стихотвореніемъ, которое прочелъ наизусть. Если не ошибаюсь, оно называлось «Сапожникъ» и было напечатано въ *Русской Мысли*. Ляпуновъ былъ очень горловой чахоткой и почти не имѣлъ средствъ къ жизни. Л. Н. Толстой, М. Горькій и г-жа Т—ва помогали Ляпунову и словомъ и деломъ. Антонъ Павловичъ не былъ знакомъ съ Ляпуновымъ, но живо интересовался его здоровьемъ.

Взволнованный прочитаннымъ стихотвореніемъ и драматизмомъ произведенія поэта, я рассказалъ Чехову все, что передумалъ и перечувствовалъ въ этотъ вечеръ, во время чтенія Ляпунова. Выслушавъ меня, Антонъ Павловичъ сказалъ:

— Да мнѣ о немъ говорили... Видите ли, Ляпуновъ отличный, чудесный поэтъ, но онъ не можетъ оставить серьезнаго слѣда въ литературѣ, потому что форма, въ которую онъ облачаетъ свои стихи, создана не имъ, а его предшественниками: Бальцовымъ, Некрасовымъ. А вотъ, напримеръ, К. Д. Бальмонтъ, стихотворенія котораго многимъ очень не нравятся, все-таки огромный поэтъ, потому что онъ создалъ свое, совсѣмъ новое. У поэтовъ же, не создавшихъ своего стиля, или у переводчиковъ, всегда бываетъ особенно симпатична скромность... Въ Москвѣ у меня есть товарищъ, фамилія его N. Такъ вотъ этотъ N по профессіи портной и швейску имѣетъ. Иногда онъ пишетъ очень недурные стихи и печатаетъ ихъ, а потомъ опять шьетъ жилеты и штаны.

Антонъ Павловичъ помолчалъ и добавилъ:

— Если мое здоровье не будетъ хуже, я непременно напишу біографію N. Непременно напишу...

Когда вышло полное собраніе сочиненій Чехова, изданное А. Ф. Марсомъ, я прочелъ рассказъ «Гусевъ» и поразился, какъ на нѣсколькихъ страницахъ авторъ сумѣлъ развернуть такую потрясающую драму, затронувъ попутно глубочайшіе, почти міровые вопросы. Я также удивился, почему этотъ рассказъ не попался мнѣ на глаза раньше, хотя я все слѣдилъ за каждой его строкой.

Осенью 1903 года я спросилъ Антона Павловича, гдѣ были напечатаны «Гусевъ»?

— Въ *Новомъ Времени*,—отвѣтилъ онъ и добавилъ,—если имѣете возможность, никогда не работайте въ газетахъ, испортите себѣ слогъ. Я печатался тамъ изъ нужды, тогда еще въ *Новомъ Времени* можно было писать, а теперь оно отвратительно,—люди стыдъ потеряли...

Чеховъ замолчалъ. Болѣзнь дѣлала свое дѣло. Въ этотъ день было жарко. Онъ сидѣлъ на верандѣ, въ одномъ пиджакѣ, съ дорожной маленькой шапочкой на головѣ, въ плетеномъ креслѣ съ высокой спинкой. Возлѣ него была Ольга Леонардовна.

Я смотрѣлъ на лица этого удивительнаго человѣка и его жены и потомъ сказалъ:

— Сейчасъ оба вы такіе, какъ на карточкѣ, снятой въ Аксеновѣ *).

— Это потому, что Антонъ въ той самой шапочкѣ,—сказала Ольга Леонардовна.

Чеховъ шурился на далеко искрившееся море и, должно быть, все еще подъ влияніемъ воспоминаній о «Гусевѣ», задумчиво произнесъ:

— А тяжело умирать въ морѣ...

Бто хочетъ совершенно ясно представить себѣ, какое лицо было у Чехова въ это время, пусть взглянется въ портретъ писателя, сдѣланный углемъ, художникомъ Пановымъ, въ Ялтѣ. Онъ былъ напечатанъ въ годъ смерти Антона Павловича въ *Живописномъ Обзорѣ*, издававшемся И. Н. Потапенко. Езъ сожалѣнію, мнѣ совсѣмъ не приходилось встрѣчать въ продажѣ снимка съ этого портрета

Чеховъ терпѣть не могъ всякихъ партійныхъ ярлыковъ. Очень недавно литераторъ Б. передалъ мнѣ о своемъ весьма характерномъ разговорѣ съ Антономъ Павловичемъ по этому поводу.

Говорилъ о *Журналѣ для всѣхъ*, который Чеховъ считалъ идеальнымъ какъ по цѣнѣ, такъ и по содержанию и въ которомъ охотно печаталъ свои послѣдніе рассказы.

— Чудесный журналъ, отличный журналъ. Непременно выпишите его себѣ и читайте.

— Для меня не совсѣмъ ясно его направленіе,—возразилъ собесѣдникъ.

— Какъ направленіе?

— Да вотъ какое оно?...

— Хорошее направленіе, чудесное направленіе, вотъ выпишите и читайте. Это особенный журналъ.

Такъ г. Б. и не могъ добиться отъ Антона Павловича формулировки направленія этого журнала.

Чеховъ не придавалъ ровно никакого значенія кличкѣ. Онъ требовалъ отъ всякаго печатнаго органа прежде всего художественно-вѣрнаго изображенія дѣйствительности и признавалъ только проповѣдь любви къ тяжелой

* ВЪ Уфимской губ., на кумысѣ.

долѣ человечества; все же узкое, утрированное, проповѣдующее симпатіи къ извѣстному кругу людей и ненависть къ остальнымъ было ему не по душѣ. Это замѣтили всѣ знавшіе его близко. Да и самъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Полонскому совершенно ясно говоритъ: «фирму и ярлыкъ я считаю предрасудкомъ. Мое святая святыхъ—это человеческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода *), свобода отъ силы и жи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ».

Быть же художникомъ, по мнѣнію Чехова, совсѣмъ не значило равнодушно смотрѣть на бѣдствія человечества. До какой степени болѣло его сердце при видѣ горя, какъ нельзя лучше характеризуетъ его нижеслѣдующее письмо къ А. Ф. Бони:

26 января 1894 г.

Милостивый государь
Анатолій Федоровичъ!

Я не спѣшилъ отвѣчать на ваше письмо, потому что уѣзжаю изъ Петербурга не раньше субботы. Я жалѣю, что не побывалъ у г-жи Нарышкиной, но мнѣ кажется, лучше отложить визитъ къ ней до выхода въ свѣтъ моей книжки, когда я свободнѣе буду обращаться среди матеріала, который имѣю. Мое короткое сахалинское прошлое представляется мнѣ такимъ громаднымъ, что, когда я хочу говорить о немъ, то не знаю, съ чего начать, и мнѣ всякій разъ кажется, что я говорю не то, что нужно.

Положеніе сахалинскихъ дѣтей и подростковъ я постараюсь описать подробно. Оно необычайно. Я видѣлъ голодныхъ дѣтей, видѣлъ тринадцатилѣтнихъ содержанокъ, пятнадцатилѣтнихъ беременныхъ. Проституціей начинаютъ заниматься дѣвочки съ 12 лѣтъ, иногда до наступленія менструаціи. Церковь и школа существуютъ только на бумагѣ, воспитываютъ же дѣтей среда и каторжная обстановка. Между прочимъ у меня записанъ разговоръ съ однимъ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Я дѣлалъ перепись въ селеніи Верхнемъ Армуданѣ; поселенцы всѣ поголовно нищіе и слывуть за отчаянныхъ игроковъ въ штоссъ. Вхожу въ одну избу: хозяевъ нѣтъ дома; на скамьѣ сидитъ мальчикъ бѣловолосый, сутулый, босой; о чемъ то призадумался. Начинаемъ разговоръ:

Я. Какъ по отчеству величаютъ твоего отца?

Онъ. Не знаю.

Я. Какъ же такъ? Живешь съ отцомъ и не знаешь, какъ его зовутъ? Стыдно.

Онъ. Онъ у меня не настоящій отецъ.

Я. Какъ такъ не настоящій?

Онъ. Онъ у мамы сожитель.

*) Курсивъ нашъ.

Я. Твоя мать замужняя или вдова?

Онъ. Вдова. Она за мужа пришла.

Я. Что значить за мужа?

Онъ. Убила.

Я. Ты своего отца помнишь?

Онъ. Не помню. Я незаконный. Меня мамка на Барѣ родила.

Со мной на амурскомъ пароходѣ ѣхалъ на Сахалинъ арестантъ въ ножныхъ кандалахъ, убившій свою жену. При немъ находилась дочь, дѣвочка лѣтъ шести, сиротка. Я замѣтилъ, когда отецъ съ верхней палубы спускался внизъ, гдѣ былъ ватеръ-клозетъ, за нимъ шли конвойный и дочь; пока тотъ садѣлъ въ ват.-клозетѣ, солдатъ съ ружьемъ и дѣвочка стояли у двери. Когда арестантъ, возвращаясь назадъ, выбирался вверхъ по лѣстницѣ, за нимъ карабкалась дѣвочка и держалась за его кандалы. Ночью дѣвочка спала въ одной кучѣ съ арестантами и солдатами. Помнится, былъ я на Сахалинѣ на похоронахъ. Хоронили жену поселенца, уѣхавшаго въ Николаевскъ. Около вырытой могилы стояли четыре каторжныхъ носильщика — ех officio, я и казначей въ качествѣ Гамлета и Гораціо, бродившихъ по кладбищу, черкесь-жилецъ покойницы — отъ нечего дѣлать, и баба каторжная; эта была тутъ изъ жалости, привела двухъ дѣтей покойницы, одного грудного и другого — Алешку, мальчика лѣтъ четырехъ въ бабьей кофтѣ и въ синихъ штанахъ съ яркими латками на коленяхъ. Холодно, сыро, въ могилѣ вода, каторжные смѣются. Видно море. Алешка съ любопытствомъ смотритъ въ могилу; хочетъ вытереть озябшій носъ, но мѣшаютъ длинные рукава кофты. Когда закапываютъ могилу, я его спрашиваю: Алешка, гдѣ мать? Онъ машетъ рукой, какъ проигравшійся помѣщикъ, смѣется и говорить:

Закопали!

Каторжные смѣются; черкесь обращается къ намъ и спрашиваетъ, куда ему дѣвать дѣтей, онъ не обязанъ ихъ кормить.

Инфекционныхъ болѣзней я не встрѣчалъ на Сахалинѣ, врожденнаго сифилиса очень мало, но видѣлъ я слѣпыхъ дѣтей, грязныхъ, покрытыхъ сыпями — все такіа болѣзни, которыя свидѣлствуютъ о забросѣ. Рѣшать дѣтскаго вопроса, конечно, я не буду. Я не знаю, что нужно дѣлать. Но мнѣ кажется, что благотворительностью и остатками отъ тюремныхъ и иныхъ суммъ тутъ ничего не подѣлаешь; по моему, ставить важное въ зависимость отъ благотворительности, которая въ Россіи носить случайный характеръ, и отъ остатковъ, которыхъ не бываетъ — вредно. Я предпочелъ бы государственное казначейство.

Мой московскій адресъ: Малая Дмитровка, д. Фиргантъ.

Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за радушіе и за обѣщаніе побывать у меня, и пребыть искренно уважающимъ и преданнымъ А. Чеховымъ.

Свои личныя страданія Чеховъ всегда усмеленно скрывалъ. Они пропались, пожалуй, только единственный разъ въ жизни, когда холодная петербургская публика, привыкшая къ пьесамъ, построеннымъ по извѣстному

шаблону, не поняла «Чайки». Вот какъ самъ Антонъ Павловичъ перечесть свои ощущенія въ этотъ вечеръ:

11 ноября 1897 г. Лопасня, Московской губ.

Многоуважаемый Анатолий Федоровичъ!

Вы не можете себя представить, какъ обрадовало меня ваше письмо. Я видѣлъ изъ зрительной залы только два первыхъ акта своей пьесы потому сидѣлъ за кулисами и все время чувствовалъ, что «Чайка» валится. Послѣ спектакля, ночью и на другой день, меня увѣрили, я вывесть однихъ идиотовъ, что пьеса моя въ сценическомъ отношеніи неуклюжа, что она неумна, непонятна, даже бессмысленна и пр. и пр. Можете вообразить мое положеніе—это былъ провалъ, какой мнѣ даже снился! Мнѣ было совѣстно, досадно, и я уѣхалъ изъ Петербурга почти вслякихъ сомнѣній. Я думалъ, что если я написалъ и поставилъ пьесу изобилующую, очевидно, чудовищными недостатками, то я потерялъ всякую чуткость и что, значить, моя машинка испортилась въ концѣ. Когда былъ уже дома, мнѣ писали изъ Петербурга, что 2-е и 3-е представленія имѣли успѣхъ; пришло нѣсколько писемъ, съ подписями и анонимными въ которыхъ хвалили пьесу и бранили рецензентовъ, я читалъ съ удовольствіемъ, но все же мнѣ было совѣстно и досадно, и сама собою шла въ голову мысль, что если добрые люди находятъ нужнымъ утѣшать меня то значить дѣла мои плохи. Но ваше письмо подѣйствовало на меня самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я васъ знаю уже давно, глубоко уважаю васъ и вѣрю вамъ больше, чѣмъ всѣмъ критикамъ, взятымъ вмѣстѣ—это чувствовали, когда писали ваше письмо, и оттого оно такъ прегрѣ и убѣдительно. Я теперь покоенъ и вспоминаю о пьесѣ и спектаклѣ безъ отвращенія. Комиссаржевская чудесная актриса. На одной изъ петицій многіе, глядя на нее, плакали и говорили, что въ настоящее время въ Россіи это лучшая актриса, на спектаклѣ же и она поддавалась общему настроенію, «враждебному моему «Чайкѣ», и какъ будто оробѣла, съ голоса. Наша пресса относится къ ней холодно, не по заслугамъ, мнѣ ее жаль. Позвольте поблагодарить васъ за письмо отъ всей души. Вѣрьте, что чувства, побуждавшія васъ написать мнѣ его, я цѣню дороже, чѣмъ могу выразить это на словахъ, а участія, которое вы въ концѣ вашего письма называете «ненужнымъ», я никогда, никогда забуду, что бы ни произошло.

Искренно васъ уважающій и преданный
А. Чеховъ.

Несомнѣнный интересъ представляютъ и слѣдующія три письма, въ которыхъ помѣщаю цѣликомъ:

22 ноября 1900 г.

Многоуважаемый Анатолий Федоровичъ!

Позвольте мнѣ обезпечить васъ большой просьбой. Сегодня я получилъ письмо отъ члена таганрогской управы съ просьбой выслать въ

рогскую городскую библиотеку вашъ портретъ. Я состою попечителемъ
библиотеки (я уроженецъ Таганрога) и знаю, что въ библиотекѣ имѣ-
ются всѣ ваши сочиненія и что васъ очень любятъ въ моемъ родномъ
мѣстѣ и уважаютъ уже давно. Прошу васъ, не откажите выслать мнѣ
фотографію съ вашей подписью на лицевой сторонѣ, этимъ вы порадуете
очень обяжете и горожанъ, и меня.

Мой адресъ: Москва, Малая Дмитровка, д. Шешкова, А. П. Чехову.
Я буду въ Москвѣ до вторника.

Позвольте пожелать вамъ всего хорошаго и пребыть искренно Васъ
любящими и преданными

А. Чеховъ.

6 мая 1901 г. Ялта.

Многоуважаемый Анатолій Федоровичъ!

Сегодня я получилъ отъ поэта И. А. Бунина книгу стиховъ съ прось-
бой послать ее на пушкинскую премію. Будьте добры, научите меня, какъ
сдѣлать, по какому адресу послать. Самъ я когда-то получилъ премію,
но книжекъ своихъ не посылалъ.

Простите пожалуйста, что безпокою васъ такими пустяками. Я не-
давно и рѣшилъ, что выздоровѣю не скоро. Во вторникъ тѣмъ же
буду въ Москву.

Желаю вамъ всего хорошаго и надѣюсь, что вы уже выздоровѣли.

Искренно преданный и уважающій

А. Чеховъ.

12 іюня 1901 г. Аксеново, Уфимской губ.

Въ самомъ дѣлѣ, многоуважаемый Анатолій Федоровичъ, ваша фото-
графія, которую я только что получилъ, очень похожа, это одна изъ удач-
ливыхъ. Сердечное вамъ спасибо и за фотографію, и за поздравленіе съ
здоровьемъ, и вообще за то, что вспомнили и прислали письмо. Здѣсь на
мнѣ скука ужасающая, газеты все старыя вродѣ прошлогоднихъ, пу-
та неинтересная, кругомъ башкиры и, если бы не природа, не рыбная
ловля и не письма, то я, вѣроятно, бѣжалъ бы отсюда. Въ последнее
время въ Ялтѣ я сильно покашливалъ и, вѣроятно, лихорадилъ. Въ Москвѣ
живетъ докторъ Щуровскій, — очень хорошій врачъ, нашелъ у меня значительныя
измѣненія; прежде у меня было притупленіе только въ верхушкахъ лег-
кихъ, теперь же оно спереди ниже ключицы, а сзади захватываетъ верх-
нюю половину лопатки. Это немножко смутило меня, я поскорѣе женился
и поѣхалъ на кумысъ. Теперь мнѣ хорошо, прибавился на 8 фунтовъ,
но не знаю отчего, отъ кумыса или отъ женитьбы. Башкиры почти
исчезли.

Ольга шлетъ вамъ привѣтъ и сердечно благодарить. Въ будущемъ году,
пожалуйста, посмотрите ее въ «Чайкѣ» (которая пойдетъ въ Петербургъ),
она очень хороша, какъ мнѣ кажется.

Отъ всей души желаю вамъ здоровья и всего хорошаго.

Искренно преданный А. Чеховъ.

Въ лѣченіи болѣзни Антона Павловича игралъ большую роль режимъ. Доктора предписывали ему возможно полное спокойствіе, а родные всими силами старались это спокойствіе осуществить. Базалось бы въ такомъ мѣстѣ, какъ с. Аксеново Уфимской губерніи, только что повѣнчавшись съ любимой женщиной, можно и должно было забыть все, не касавшееся лично.

Но жить только для себя и думать только о себѣ Чеховъ совсѣмъ не умѣлъ. Въ 1901 году въ Севастополѣ разыгралась тяжелая драма. Молодой, горячій мичманъ И. нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ лейтенанту Р. Состоялась дуэль, но не совсѣмъ обыкновенная. Выстрѣлъ лейтенанта раздался до условленнаго счета «три» Мичманъ И., смертельно раненъ въ печень, повернулся кругомъ, выпустилъ свой зарядъ въ воздухъ, опустился на землю и произнесъ: «готовъ». Лейтенантъ Р. сказалъ: «я не стрѣлялъ нечаянно, слаба собачка». Въ 8 часовъ вечера мичманъ И. скончался.

Возникъ страшный вопросъ, дѣйствительно ли лейтенантъ Р. выстрѣлилъ «нечаянно», до счета три. А потомъ уже лѣтомъ состоялся судъ при закрытыхъ дверяхъ, но съ допущеніемъ въ залъ представителя печати.

Чеховъ въ это время былъ въ Аксеновѣ. Онъ зналъ убитаго мичмана И., еще мальчикомъ, зналъ его мать, и все это дѣло, повидимому, его очень интересовало и волновало.

Въ письмѣ къ мнѣ отъ 14 іюня 1901 года онъ пишетъ:

— Многоуважаемый Борисъ Александровичъ! Вашихъ два письма (одно открытое) я получалъ въ Аксеновѣ, Уфимской губ., гдѣ я теперь на каникулахъ. Итакъ, мой адресъ: Аксеново, Уфимской губ. Сердечно благодарю васъ за письма и за обѣщаніе выслать дѣло о дуэли. Судя по отрывкамъ, которые доходятъ до меня, это дѣло очень интересное, и если вы будете добры, выпишите мнѣ его, то окажете мнѣ этимъ не малую услугу. Здѣсь скучновато, но дѣлать нечего надо пить кумысъ, котораго я выпиваю уже по четыре бутылки. Со мной здѣсь моя жена. Желаю вамъ всего хорошаго и жму руку. Пишете ли теперь что-нибудь? *Посредникъ* вообще отличаетъ медлительностью и не скоро присылаетъ отвѣты. Напишите по адресу Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой переулочекъ, д. Осипова, Ив. Ив. Горбунову. Онъ завѣдуетъ *Посредникомъ*, — прекраснѣйшій человѣкъ. Будьте здоровы.

А. Чеховъ.

Два слова изъ этого письма: «прекраснѣйшій человѣкъ», заставили меня задуматься. Я никогда не слышалъ, чтобы Чеховъ дурно отзывался о литераторахъ или писателяхъ. Помню, при мнѣ кто-то нехорошо сказалъ о И. И. Ясинскомъ.

Присутствовавшій здѣсь Чеховъ задумчиво и спокойно произнесъ:

— На него много клеветали...

И неоднократно слыхалъ вотъ о какихъ случаяхъ:

Въ Ялту прїѣзжаетъ лѣчиться отъ чахотки какой-нибудь совсѣмъ не-
стннй и, главное, совсѣмъ не знакомый Чехову журналистъ. Черезъ
только дней этотъ журналистъ вдругъ получаетъ обыкновенное письмо,
обыкновенной семикопеечной маркой, вскрываетъ его и видитъ сто-
евку, неизвѣстно кѣмъ присланную... Только нѣкоторые люди знали,
авторомъ этихъ «анонимовъ» былъ Чеховъ.

Во Владивостокѣ во время войны я получилъ отъ него два большихъ,
шихъ письма *), въ нихъ чувствовалось такъ много желанія разо-
ую мою тоску.

ти письма писалъ мнѣ, здоровому и молодому, Антонъ Павловичъ, ко-
й, какъ докторъ, уже зналъ, что дни его самого сочтены.

И нѣтъ у меня больше словъ, чтобы выразить свою любовь къ этому
жнику и человѣку необыкновенной чуткости...

да и не у одного меня...

Бор. Лазаревскій.

*) Гнѣздки изъ нихъ напечатаны во 2-мъ томѣ моихъ рассказовъ.

Новый научный органъ для международного и союзнаго права.

Подъ этимъ заглавіемъ *) съ марта текущаго года сталъ выходить въ Бреславлѣ новый журналъ подъ редакцію проф. Колера, и при постоянномъ участіи многихъ извѣстныхъ юристовъ: Le Fur (въ Саен), Meili (Zürich), Rehm (Strassburg), Streit (Athen) и др. Цѣль, которую ставятъ себѣ этотъ журналъ, заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія: «мы желаемъ, — говоритъ Колеръ во вступительной замѣткѣ, — содѣйствовать развитію международного права и въ особенности работать надъ вопросами, относящимися къ союзамъ государствъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Германия вступила въ качествѣ столь могущественнаго фактора въ международное общеніе, вопросы международного права выдвинулись и для насъ на первый планъ. Сознаніе, что право господствуетъ не только во внутренне-государственныхъ, но и въ междугосударственныхъ отношеніяхъ, что юридическій порядокъ долженъ утверждаться какъ на территоріи отдѣльныхъ народовъ, такъ и обнимать собою всю землю, — это сознаніе должно насъ вести къ мысли, что и взаимныя сношенія государствъ слѣдуетъ подчинять нормамъ права, призваннымъ управлять всею дѣятельностью государствъ (Tun und Lassen der Staaten). Великая идея нашего времени, что ни одно государство не можетъ себя считать исключительнымъ творцомъ права, но каждое государство должно признавать въ другомъ равноправнаго себѣ участника въ процессѣ образованія права, ведетъ съ необходимостью къ юридической организаціи междугосударственныхъ отношеній, и всѣ правительства должны постоянно чувствовать лежащую на нихъ отвѣтственность передъ правомъ и правовымъ порядкомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ разсѣялось представленіе о всемірномъ государствѣ, на сцену всемірной исторіи должна была выступить идея о юридическомъ общеніи государствъ, которая, едва заявляемая прежде, нынѣ получила такую первенствующую силу.

Нашею задачею, поэтому, представляется изученіе явленій международной жизни какъ въ ея прошломъ, такъ и въ настоящемъ, а равно

*) Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht herausgegeben von Prof. Josef Kohler.

высказывать и научно обосновывать тѣ юридическія нормы, которыя развиваются въ жизни народовъ. Государство, сдѣлавшее такъ много для укрѣпленія идеи мира, какъ Германія, должно въ числѣ первыхъ стать на защиту тѣхъ принциповъ права, осуществленіе которыхъ болѣе всего обезпечиваютъ народамъ миръ, спокойствіе и порядокъ.

Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы должны работать и надъ дальнѣйшимъ развитіемъ права и заботиться о томъ, чтобы органы международного мира—правильно созываемыя конференціи, соглашения и третейскіе суды—получили самыя широкія признанія и выработку.

Въ дальнѣйшемъ редація упоминаетъ о значеніи долговыхъ обязательствъ въ сношеніяхъ государствъ, о распространеніи идеи союзнаго государства и о новыхъ болѣе свободныхъ связяхъ колоній съ ихъ метрополіями и общаетъ всѣмъ этимъ явленіямъ политической жизни серьезное вниманіе на страницахъ своего изданія. Кроме того, редація предполагаетъ заняться также и вопросами частнаго международного права, для котораго, правда, существуетъ въ Германіи прекрасный специальный журналъ.

Но это, добавляетъ она, не лишаетъ насъ возможности разсматривать междугосударственное гражданское право съ точки зрѣнія международного права, ибо первое по всѣмъ своимъ конечнымъ цѣлямъ должно быть продуктомъ международнымъ и всякое регулированіе его нормами отдѣльнаго государства имѣетъ лишь временное значеніе, доколѣ относящіяся къ нему вопросы не получаютъ, въ силу международныхъ соглашеній, однообразной формы.

Подлежащій разсмотрѣнію матеріалъ долженъ обрабатываться какъ юридически-конструктивно, такъ и исторически, ибо исторія и выработанныя понятія, таковы оба исходные пункты всякой научной работы. Этимъ отличаются наука отъ практической дѣятельности, а юридическое изслѣдованіе отъ политики.

Сообразно съ международнымъ характеромъ новаго органа на его столбцахъ будутъ появляться работы не только на нѣмецкомъ языкѣ, но и на французскомъ и на англійскомъ. Дружба и миръ могутъ утвердиться среди народовъ на почвѣ международного права; ихъ сила и единство—проявятся подъ сѣнью союзнаго права. Служить обомъ этимъ предметамъ и призванъ новый журналъ.

Изданіе его, по столь широкой программѣ, восполнить существенный пробѣлъ въ научной литературѣ Германіи. Въ ней существуютъ и давно многія извѣстныя періодическія изданія для государственныхъ наукъ, публичнаго права, науки права, частнаго международного права и т. д., но собственно для международного права въ ней не было до этого времени ничего подобнаго прекраснымъ специальнымъ изданіямъ Франціи (*Revue générale de droit international public*) и Бельгіи (*Revue de droit international et de législation comparée*). А между тѣмъ въ Германіи изученіе международного права стоитъ на гораздо низшемъ уровнѣ сравнительно съ другими отраслями правовѣдѣнія и послѣ смерти такихъ корифеевъ науки, какъ Гефтеръ, Блюччи и Гольцендорфъ, она, въ настоящее время, не

имѣть ни одного выдающагося интернаціоналиста. Въ практической жизни Германія, вопреки хвалебному о ней отзыву редакціи, относилась до послѣдняго времени враждебно ко многимъ прогрессивнымъ идеямъ международнаго права: объ обязательномъ третейскомъ судѣ, объ уменьшеніи вооруженій, о неприкосновенности частной собственности въ морской войнѣ, о принципѣ національности и т. д.

Не менѣе удачною должна быть признана мысль редакціи о присоединеніи къ международнему праву разработки и вопросовъ союзнаго права въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. не только государственнаго (Bundesstaatsrecht), но и международнаго.

Помимо спеціальнаго интереса для Германіи, какъ союзной имперіи, именно этой политической формы, она за послѣднія десятилѣтія получила громадное и все возрастающее значеніе для всего культурнаго міра. Въ ней, безспорно, лежитъ тотъ мостъ, который переведетъ человѣчество отъ національныхъ государствъ къ организаціямъ международнымъ, а затѣмъ и мировой.

Въ первой книгѣ новаго журнала помѣщено нѣсколько интересныхъ статей и документовъ.

Прежде всего работа самого редактора Колера *) о новой федераціи семи штатовъ Австраліи **) (Южнаго Валлиса, Викторіи, Южной Австраліи, Тасманіи, Квинслендъ, Западной Австраліи и Новой Зеландіи), вступившей въ силу съ 1 января 1901 г. Она собственно не является союзнымъ государствомъ, но совершенно своеобразнымъ политическимъ строеніемъ: члены ея лишены суверенитета, особенно въ области международныхъ отношеній, гдѣ ихъ представителемъ выступаетъ ихъ метрополія. Они остаются провинціями, но обладаютъ такими широкими правами во внутренней своей жизни, что, въ отличіе отъ обыкновенныхъ провинцій, Колеръ предлагаетъ ихъ называть «областными государствами» (Provinzstaaten). Они пользуются самою широкою автономіею, но не административною только, а и политической (не только Selbstverwaltung, а и Eigenregierung).

То, что ихъ наиболее отдичаетъ отъ обыкновенныхъ провинцій,—говоритъ авторъ,—заключается въ томъ, что они, въ качествѣ юридическихъ лицъ, располагаютъ широкимъ, собственнымъ правомъ управленія. Это право они осуществляютъ не какъ органы высшаго цѣлаго, но во имя собственныхъ правомочій къ властвованію (selbständige Herrschaftsbefugnisse). Въ этомъ отношеніи они не зависятъ отъ метрополіи, которая не въ состояніи вмѣшиваться въ дѣла ихъ управленія или ограничивать и стѣснять новыми законами ихъ правительственныя права (Regierungsrechte).

Въ отдѣльныхъ Штатахъ Австраліи проведена система двухъ палатъ: нижняя (Legislative Council) избирается населеніемъ и верхняя (Legislative

*) Das Commonwealth von Australien und seine rechtliche Stellung.

**) Commonwealth of Australia.

Assembly), члены которой частью назначаются, частью также выбираются *). Въ нѣкоторыхъ штатахъ женщинамъ предоставлено выборное право наравнѣ съ мужчинами. Исполнительная власть вручается губернатору (Governor) и кабинету министровъ (Executive Council), которые должны принадлежать къ большинству въ палатахъ.

Такъ какъ въ Австраліи почти отсутствуетъ мѣстное самоуправленіе, то дѣла послѣдняго также лежатъ на палатахъ. Связь этихъ штатовъ съ метрополіею поддерживается посредствомъ остроумно придуманной комбинаціи—монархической уніи (Monarchieunion), въ силу которой монархъ метрополіи признается въ то же время и монархомъ этихъ областныхъ государствъ (хотя и дѣйствующимъ чрезъ ихъ губернаторовъ). А такъ какъ по англійскому праву самъ монархъ въ сильной степени зависитъ отъ своего парламента, то этимъ путемъ устанавливается фактически зависимость австралійскихъ штатовъ отъ имперскаго парламента (въ Лондонѣ), зависимость не прямая, но косвенная, въ лицѣ монарха Великобританіи. Послѣдній пользуется правомъ утверждать законы въ теченіе двухъ лѣтъ, а если они получили санкцію генералъ-губернатора, въ теченіе года, при чемъ монархъ можетъ и отбѣнить такой уже утвержденный законъ. Кромѣ этой законодательной связи, существуетъ еще связь судебная, выражающаяся въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ (когда рѣчь идетъ не о чисто внутреннихъ дѣлахъ федераціи) допускается апелліація въ англійскій тайный совѣтъ (Privy Council) на рѣшеніе верховнаго суда. Въ Австраліи, какъ и въ Америкѣ, существуютъ кромѣ мѣстныхъ судовъ, суды союза съ верховнымъ судомъ для всей страны (High Court of Australia). При всей зависимости штатовъ отъ центрального союзнаго правительства, они имѣютъ, однако, собственные права по управленію (Eigenregierungsrechte), которыя отнюдь не дозволяютъ ставить ихъ на одну ногу съ обыкновенными провинціями (въ административномъ значеніи этого слова).

Слѣдующая статья на французскомъ языкѣ принадлежитъ Лёфюръ и представляетъ начало изслѣдованія о государствѣ, суверенитетѣ и правѣ **). Авторъ отвергаетъ представленіе о государствѣ, какъ о личности нравственной или юридической, а равно какъ о живомъ организмѣ, настоящемъ существѣ (être réel), подобномъ человѣку или животному. Для него единственнымъ субъектомъ права является человѣкъ; никакая же фікція не можетъ обладать ни правами, ни обязательствами.

Альбрехтъ даетъ интересный очеркъ государственнаго строя острова Самоса ***) на основаніи султанскихъ фирмановъ 1832 и 1849 гг., тексты которыхъ приводятся въ нѣмецкомъ переводѣ. На подобіе Босніи, Болгаріи и Египта, Самось ****) составляетъ вассальное государство, зависящее

*) Сенатъ федераціи состоитъ изъ 86 членовъ, нижняя ея палата изъ 75. Законодательный періодъ 3-лѣтній.

***) *Le Fur*: „L'Etat, la Souveraineté et le Droit“.

****) *Albrecht*: „Grundzüge des Staatsrechtes der Insel Samos“.

*****) Жителѣй на немъ 53,424 чел.

отъ Турціи, но стоящее подъ покровительствомъ трехъ великихъ державъ: Франціи, Англии и Россіи. Названные фирманы, изданные съ ихъ согласія, не могутъ быть измѣнены односторонне султаномъ.

Самось управляется княземъ, но тѣмъ не менѣе, по словамъ автора, является республикой, — мнѣніе едва ли вѣрное. Зависимость его отъ Порты выражается въ слѣдующемъ: 1) въ правѣ султана назначать князя по своему усмотрѣнію, но изъ православныхъ; 2) во взиманіи ежегодной дани въ размѣрѣ 400 тыс. піастровъ (72 тыс. марокъ); 3) въ содержаніи на островѣ гарнизона (250 чел.); 4) въ требованіи отъ депутатовъ присяги вѣрности; 5) въ назначеніи при князѣ особаго турецкаго чиновника по гражданскимъ дѣламъ; 6) въ требованіи отъ мѣстнаго правительства соблюденія извѣстныхъ правилъ относительно иностранцевъ. Во всѣхъ остальныхъ, внутреннихъ дѣлахъ Самось совершенно независимъ отъ Турціи, что особенно сказывается въ томъ, что мусульманамъ не дозволено владѣть на островѣ недвижимымъ имуществомъ. Князь состоитъ председателемъ правящей при немъ совѣта. Онъ не обязанъ жить постоянно на островѣ, а на время своего отсутствія назначаетъ замѣстителя, который вступаетъ въ его функции и также долженъ быть православнымъ.

Небольшую замѣтку написалъ Ремъ о подданныхъ, какъ субъектахъ международныхъ обязанностей *). По его мнѣнію, отдѣльныя лица не суть еще субъекты международныхъ правъ (какъ полагаетъ Кауфманъ, это пока принадлежитъ только государствамъ), но они суть, однако, члены международнаго общенія (Mitglieder der Völkerrechtsgemeinschaft) и, какъ таковые, — субъекты международныхъ обязанностей. Тутъ, однако, возникаетъ вопросъ: могутъ ли лица быть облечены обязанностями и не обладать соотвѣтствующими правами? Примѣненіе своей теоріи Ремъ видитъ въ противодѣйствіи нарушеніямъ блокады и подвозу военной контрабанды нейтральными на частяхъ морей, не принадлежащихъ воюющимъ; этою же теоріею объясняется преслѣдованіе пиратовъ, вышедшихъ изъ цивилизованныхъ государствъ, но уже не принадлежащихъ ни одному изъ нихъ.

Совершенно специальный характеръ носить послѣднія изъ помѣщенныхъ статей Губера: «Къ ученію о территориальномъ верховенствѣ надъ пограничными рѣками» **) (неокончена). Авторъ разсматриваетъ подробно на основаніи законовъ, договоровъ и судебной практики положеніе верхняго Рейна въ кантонахъ Шафгаузенъ и Цюрихъ на протяженіи отъ Urwerf до Nohl.

За статьями идетъ второй отдѣлъ: источники права. Тутъ особенно интересны: Карлштатскія конвенціи, заключенныя 26 октября 1905 года между Швеціею и Норвегіею по расторженіи ихъ уніи. Числомъ пять, онѣ касаются: обязательнаго третейскаго суда; нейтрализаціи опредѣленной по-

*) *Rehm*: „Untertanen als Subjekte völkerrechtlicher Pflichten“.

**) *Huber*: „Ein Beitrag zur Lehre von der Gebietshoheit an Grenzflüssen“.

граничной полосы (zone neutre); права кочующихъ лопарей на пастбища для ихъ оленей; транзитной торговли; пользованія общими озерами и водами.

Въ третейской конвенціи оба государства объявляются предоставлять постоянному суду въ Гаагѣ рѣшеніе такихъ споровъ между ними, которые не будутъ улажены непосредственными дипломатическими переговорами и не будутъ касаться независимости, цѣлости и жизненныхъ интересовъ обоихъ государствъ. Въ случаяхъ, однако, несогласія между правительствами относительно характера споровъ, дѣлающихъ ихъ неподсудными обязательному третейскому суду,—эти пререканія рѣшаются Гаагскимъ судомъ. Это—очень важное постановленіе, которое слѣдовало бы вводить во всѣ третейскія конвенціи, заключаемыя по подобію англо-французскаго договора 1904 г., въ которомъ оно, къ сожалѣнію, отсутствуетъ. Настоящая конвенція примѣняется и къ спорамъ, возникшимъ изъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто до ея заключенія, но она не прилагается къ несогласіямъ относительно толкованія или примѣненія конвенцій о специальномъ третейскомъ разбирательствѣ, слѣдовательно и договоровъ, заключенныхъ по поводу расторженія ихъ уни. При отсутствіи между сторонами специального соглашенія дѣйствуютъ, относительно назначенія судей и третейскаго производства, соответствующія правила конвенціи 29 іюля 1899 г. Третейскіе судьи не должны быть подданными сторонъ, ни имѣть постоянного мѣстожителства на ихъ территоріи, а равно быть совершенно незаинтересованными въ вопросахъ третейскаго разбирательства. Настоящая конвенція заключается на десять лѣтъ, послѣ чего она продолжается снова на такой же періодъ, если ни одно изъ государствъ не заявитъ о своемъ намѣреніи отъ нея отказаться, по крайней мѣрѣ, за два года до истеченія указаннаго десятилѣтняго срока.

Нейтрализуемая полоса опредѣляется въ конвенціи съ большою точностію. Она простирается на твердую землю и острова (les, îlots et récifs), но не на прилегающія части моря. Нейтрализація этой полосы должна быть полная. Въ ея предѣлахъ не допускаются никакія военныя дѣйствія и она не должна служить для таковыхъ базой. Также на ней не должны пребывать сухопутно-морскія военныя силы, кромѣ такого числа ихъ, которое потребуется для поддержанія общественнаго спокойствія, или для оказанія помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Существующія укрѣпленія разоружаются; нѣкоторыя остаются въ ихъ теперешнемъ состояніи, но не могутъ быть вновь и болѣе укрѣплены дальнѣйшими сооруженіями *). За выполненіемъ мѣръ, намѣченныхъ въ настоящемъ договорѣ, надзираетъ коммиссія изъ трехъ иностранныхъ офицеровъ (ни норвежцевъ и ни шведовъ). Оба государства назначаютъ по одному изъ нихъ, а третье лицо избирается либо этими обоими офицерами, либо—въ случаѣ ихъ разногласія—президентомъ союзнаго совѣта Швейцаріи. Споры относительно толкованія или примѣненія какъ этой, такъ и остальныхъ Карпштатскихъ

*) Это три пункта съ норвежской стороны: Fredriksten и форты: Gylden løve и Overbjørget.

конвенцій,—если они не были улажены,—дипломатически рѣшаются третьей стороной, составленнымъ изъ трехъ членовъ по тому же принципу, какъ сейчасъ приведенная нами международная коммиссія офицеровъ. Судьи не должны быть подданными обоихъ государствъ, ни имѣть въ нихъ мѣсто жительства или какого-либо интереса въ вопросахъ, составляющихъ предметъ третейскаго разбирательства. Относительно этихъ судовъ отмѣтимъ еще двѣ особенности: третій ихъ членъ можетъ быть назначенъ кромѣ президентомъ швейцарскаго союзнаго совѣта, еще «добавочно, способомъ, предусмотрѣннымъ въ двухъ послѣднихъ параграфахъ ст. 32 Гаагской конвенціи 29 іюля 1899 г. Суды эти разсматриваютъ споры, не только вытекающіе изъ данныхъ конвенцій, но и изъ нормъ обычнаго права, изстари примѣнявшихся обоими государствами *). Это любопытный примѣръ естественнаго расширенія ихъ компетенціи съ договорнаго права на обычное.

Барштанскія конвенціи замѣчательны въ томъ отношеніи, что послѣ прекращенія (мирнаго, а не насильственнаго) политической связи Норвегіи съ Швеціею **) онѣ тотчасъ же положили основаніе связи между ними юридической, которая, устраняя насилія, сдѣлаетъ общеніе и дружбу между ними болѣе прочными и культурными.

За этими конвенціями слѣдуютъ: сообщеніе по колоніальному праву, о сельской полиціи на Явѣ (докт. Bohatta); судебныя рѣшенія: преемство государствъ по долговымъ обязательствамъ: на англійскомъ языкѣ рѣшеніе King's Bench Division (High Court of Justice) и рѣшеніе высшаго англійскаго апелляціоннаго суда по одному дѣлу, касающемуся положенія акціонеровъ обществъ за границей. Литературное обзоріе,—очень краткое, но сообщающее свѣдѣнія объ одномъ англійскомъ сочиненіи по русско-японской войнѣ ***) и о первомъ годѣ новаго французскаго обзоріа ****), которое между прочимъ ставитъ себѣ цѣлью постоянно слѣдить за положеніемъ рабочаго вопроса въ сферѣ международно-правовой,—что доселѣ не составляло предмета постояннаго вниманія публицистовъ. По серьезности и научному интересу этого перваго выпуска новаго журнала можно ему только пожелать успѣха и распространенія въ широкихъ кругахъ населенія и за границами его отечества.

Гр. Л. Капаровскій.

*) Des dispositions dans la matière en vigueur en tout temps entre les deux Etats какъ говоритъ конвенція о правахъ на пастьбу лопарей.

**) Объ этомъ см. статью бар. Польде: „Начало и конецъ шведско-норвежской уніи“ („Журн. мин. юст.“ 1906 г., февраль и мартъ).

***) *Smith and Sibley*. International Law as interpreted during the Russo-Japanese war. 1905. Авторы останавливаются на объявленіи войны, положеніи частныхъ лицъ на непріятельской территоріи и на равныхъ вопросахъ, затрогивающихъ нейтральныхъ, о военной контрабандѣ, блокадѣ, заложении минъ, беспроволочномъ телеграфѣ, о пребываніи военныхъ судовъ воюющихъ въ нейтральныхъ водахъ и портахъ и т. д. Сочиненіе это, по мнѣнію референта, слабо съ методологической точки зрѣнія.

****) *Revue de droit international et de droit pénal international* выходятъ подъ редакцію Даггасъ.

Альберъ Сорель.

Статья академика А. Вандаля.

(Переводъ съ французскаго.)

30 июня скончался одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ историковъ—Альберъ Сорель. Его имя должно быть хорошо знакомо русской читающей публикѣ, такъ какъ первые четыре тома его классическаго труда «Европа и французская революція» и его изящные этюды о Монтескье и г-жѣ Сталь имѣются въ русскомъ переводѣ *).

Выдающийся историкъ-объективистъ Сорель былъ въ то же время историкомъ-психологомъ, историкомъ-художникомъ; въ этомъ отношеніи онъ, какъ справедливо указываетъ Габріель Моно **), занимаетъ мѣсто на ряду съ Огюстеномъ Тьерри, Тьеромъ, Минье, Мишле, Ренаномъ и Тэнномъ. Первыми произведеніями Сореля были романы «Grande Falaisie» и «Docteur Ega», и этотъ родъ творчества оставилъ замѣтный слѣдъ на его историческихъ произведеніяхъ. Красивое и изящное изложеніе, мѣткія и блестящія характеристики, желаніе возсоздать эпоху въ мельчайшихъ деталяхъ—все это мы находимъ въ трудахъ знаменитаго историка.

Главные труды Сореля посвящены дипломатической исторіи; онъ много и плодотворно работалъ въ этой области и создалъ цѣлую школу. Его классическая «L'Europe et la révolution française» является выдающимся образцомъ «научной» дипломатической исторіи. Извѣстная книга Зибеля, написанная на аналогичную тему, совершенно теряется при сравненіи съ великолѣпнымъ трудомъ французскаго ученаго. Первый томъ «Европы и французской революціи» посвященъ блестящему изображенію дипломатіи «старога порядка»; Сорель здѣсь же указываетъ, что на всей внѣшней политикѣ республики и имперіи лежитъ значительный отпечатокъ старыхъ дипломатическихъ традицій, старыхъ переживаній. Дальнѣйшіе томы (II—VIII) трактуютъ о международныхъ отношеніяхъ Европы во время великой революціи и первой имперіи. Здѣсь мы находимъ рядъ цѣн-

*) „Европа и французская революція“ вышла въ переводѣ подъ редакціей проф. Карѣва; „Монтескье“ имѣется въ двухъ переводахъ (одинъ подъ редакціей проф. Виноградова, другой подъ редакціей проф. Карѣва).

**) „Revue Historique“ septembre-octobre. 1906, p. 81 (некрологъ Сореля).

ных и важных фактовъ, часто основанныхъ на свѣжихъ первоисточникахъ, тонкія и изящныя характеристики политическихъ дѣятелей, широкую общую картину эпохи—и все это изложено прекраснымъ литературнымъ языкомъ. Конечно, не во всемъ Сорель, какъ историкъ, вполне безупреченъ; такъ, онъ совершенно не считается съ социально-экономическими отношеніями. Кромѣ того, объективизмъ не вполне выдержанъ въ VIII томѣ. Во всякомъ случаѣ, его капитальная работа еще долго будетъ считаться однимъ изъ основныхъ трудовъ по исторіи французской революціи *).

Кромѣ этой основной «работы жизни» перу Сореля принадлежатъ двухтомная «Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande», нѣкоторые отдѣлы въ «Histoire Générale» Лависса и Рамбо, интересный трудъ «Question d'Orient au XVII» и блестящая параллельная характеристика «Vopararte et Noche en 1793». Отдавая главное время историко-дипломатическимъ работамъ, Альберъ Сорель успѣлъ написать цѣлый рядъ остроумныхъ этюдовъ по исторіи литературы; большинство изъ нихъ вошло въ изданные имъ сборники: «Essais de critique et d'histoire», «Lectures historiques», «Nouveaux essais d'histoire et de critique», «Etudes de littérature et d'histoire».

Въ статьѣ, переводъ которой предлагается вниманію читателей, дается яркая характеристика личности почившаго ученаго, его культурной и научной дѣятельности. Эта статья **) принадлежитъ перу одного изъ ближайшихъ учениковъ и со товарищей по кафедрѣ—Альбера Вандаля; многое въ ней представляется слишкомъ восторженнымъ и субъективнымъ. Но во всякомъ случаѣ въ ней достаточно полно обрисовывается крупная фигура выдающагося французскаго историка.

И. Бороздинъ.

Онъ былъ нашимъ учителемъ. Онъ былъ учителемъ въ полномъ смыслѣ слова; онъ былъ имъ, какъ по образцовой постановкѣ научнаго мышленія, по авторитетности своего сужденія, такъ и по ученому значенію и широкому влиянію своихъ идей; онъ былъ имъ, потому что онъ основалъ школу. Съ этой точки зрѣнія особенно мы хотѣли бы въ немногихъ словахъ его оцѣнить и воздать должное его памяти.

До него изученіе дипломатической исторіи не существовало во Франціи. Этотъ отдѣлъ исторіи почти совсѣмъ не былъ изучаемъ. Дипломатической исторіи посвящались значительныя, но немногочисленные труды; она служила предметомъ работъ специальныхъ и уже устарѣвшихъ, добросовѣстныхъ и узкихъ, которыя ограничивались формой довольно сухого разсказа о переговорахъ и комментаріемъ къ договорамъ. Нѣкоторые историки отводили ей почетное мѣсто; другіе же ее искажали и видоизмѣ-

*) Разбору названнаго труда Сореля посвящена небольшая статья профессора П. Г. Виноградова (*Русская Мысль*, 1887 г., кн. IX) и замѣтки С. Ф. Фортунатова (*Научное Слово*, 1904 г., кн. I и 1905 г., кн. III).

**) Помѣщена въ *Annales des sciences politiques*, за июль 1906.

няли произвольно. Авторы, обладающіе большимъ талантомъ, пользовались ею, какъ матеріаломъ, для политическихъ или историческихъ поэмъ и для блестящихъ софизмовъ. Источники этой исторіи были почти недоступны; согласно традиціи, они хранились въ неприкосновенности въ глубинѣ архивовъ, гдѣ рѣдкіе привилегированные изслѣдователи были скорѣе терпимы, чѣмъ желательны. Въ общемъ образованіи, въ факультетахъ, въ лицахъ господствовало нѣсколько извѣстныхъ идей, нѣсколько спорныхъ банальныхъ представленій; такъ, наприм., продолжительность и выгода борьбы съ австрійскимъ домомъ. Я вспоминаю, что въ началѣ 1870 г., когда герцогъ де-Брольи опубликовалъ свои первые этюды о «Secret du roi», когда этотъ выдающійся историкъ рѣшился высказать, что борьба съ Австріей, будучи ранѣе необходимой, стала анахронизмомъ и что правленіе столь обезславленнаго Людовика XV хорошо сдѣлало, прекративъ ее, я былъ пораженъ этой оцѣнкой, совершенно противорѣчащей тому, съ чѣмъ меня знакомили въ лицей; однакожъ она меня натолкнула на размышленія и раскрыла моему юному уму новыя перспективы. Послѣ событийъ 1870 года, усиленно только доказавшихъ, къ какой пропасти приводятъ во внѣшней политикѣ невѣжество и предрасудокъ, основатели свободной школы политическихъ наукъ рѣшили отвести широкое мѣсто международной исторіи и посвятить ей одну изъ главныхъ кафедръ.

Въ задачу курса входило не только изучать основы этой исторіи, прослѣдить ее въ прошлыхъ вѣкахъ, но и изложить ее въ ея эволюціонномъ и революціонномъ развитіи, считаясь съ фактами какъ недавними, такъ и современными. Съ основаніемъ полагали, что всецѣло слѣдовало пересоздать въ этой части воспитаніе общественной мысли, находящейся подъ властью ложныхъ представленій. Изучать съ чисто исторической точки зрѣнія событія вчерашняго дня и какія событія: вводить знаніе и истину въ живой современный интересъ—было смѣлымъ предпріятіемъ. Здѣсь было необходимо соединеніе смѣлости и осторожности, рѣдая независимость мысли. Альберъ Сорель долженъ былъ выполнить эту задачу. Его первый курсъ открылъ школу политическихъ наукъ.

Выборъ былъ превосходенъ. Прежде всего Сорель былъ молодъ. Онъ обладалъ силой и вѣрностью своего возраста; стремленіе къ широкимъ горизонтамъ, вѣра въ отечество и пылъ его вѣры вселяли въ него надежду. Онъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Тамъ онъ имѣлъ сопрیکосновеніе съ людьми и дѣлами, онъ на практикѣ знакомился съ дѣлами; онъ былъ знаткомъ партій. Въ то же время онъ никогда не принадлежалъ къ партіи. Его умъ былъ открытъ для широкихъ порывовъ, освоивался со всеми формами интеллектуальной и литературной жизни. Характерно, что онъ началъ съ романа. Пробуя свои силы на произведеніяхъ фантазій и непосредственнаго наблюденія, онъ показалъ существенную особенность своей натуры, художественное чутье, умѣніе выставить людей, характеры, событія, мѣстоположенія въ ихъ бытовой и реальной обстановкѣ. По чертамъ своего рода литературныхъ занятій, онъ сумѣлъ

оживить исторію, искусно составить правдивыя картины, одушевить сцены, вызвать дѣйствующихъ лицъ; однимъ словомъ, быть интереснымъ, что есть единственное средство покорить и удержать аудиторію.

Бурсъ удался вполнѣ. Онъ былъ очень часто посѣщаемъ, сталъ знаменитъ и извѣстенъ. Въ числѣ непрерывнаго ряда учениковъ вы видите людей, которые сами пережили великія событія, участвовали въ исторіи. Однажды Сорель разбиралъ предварительные переговоры 1870 года, какъ вошелъ въ залъ Бенедетти. Для профессора положеніе было трудное и испытаніе тягостное. Онъ такъ вышелъ изъ этого положенія, что Бенедетти не ушелъ, не засвидѣтельствовалъ своего почтенія, какъ къ знанію и правдивости, такъ и таланту историка.

Чтобы проповѣдывать свои идеи, Сорель тщательно и основательно ихъ выработывалъ. Онѣ ширились и въ то же время съ точностью опредѣлялись, становились доктринами. Вокругъ центра его дѣятельности, около этихъ лекцій, которыя онъ передѣлывалъ ежегодно и часто варьировалъ, его изслѣдованія, его изысканія развивались послѣдовательно, приводили въ концѣ-концовъ къ извѣстнымъ выводамъ: въ немъ происходила громадная кристаллизациа знаній и размышленій. Такимъ образомъ собирались всѣ матеріалы большой книги. Первоначальная часть курса, основная часть, періодъ революціи и имперіи приняли въ изложеніи Сореля окончательную форму со всѣми подробностями, какія она представляла. Такимъ-то образомъ изъ устнаго труда созданъ письменный трудъ и какой трудъ! Наиболе блестящій синтезъ, какой только могъ создать въ послѣднее время человѣческой трудъ.

Вышедшій изъ многочисленныхъ и широкихъ приготовленій трудъ двигался впередъ движеніемъ легкимъ, могучимъ и правильнымъ, какъ сила природы. Жизнь Сореля слилась съ его трудомъ. Человѣкъ и трудъ, профессоръ и писатель развивались одновременно, подобно великому нерасторжимому существу, полному жизненности. Его сравнивали съ однимъ изъ дубовъ нормандскихъ лѣсовъ. Его стволъ становится могучимъ и его верхушка покрывается плодовой зеленью, которая каждую весну возраждается. Вѣтви его разрастаются, переплетаются во всѣ стороны, не нарушая гармоніи цѣлаго. Восхищаются этимъ прекраснымъ твореніемъ, открываютъ тысячи изящныхъ деталей. Большое дерево защищаетъ цѣлый міръ цвѣтовъ и плодовъ. Люди собираются подъ его вѣтвями, отторгаются отъ всего земного и предаются духовному созерцанію при соприкосновеніи съ нимъ, слушаютъ его голосъ и заимствуютъ кое-что изъ его мощи.

Авторитетъ Сореля росъ постепенно. Онъ былъ не изъ тѣхъ, кто захватываетъ и требуетъ славу; онъ овладѣлъ ею безъ всякаго приступа; она пришла къ нему, какъ естественная награда. Онъ вошелъ въ славу въ полной зрѣлости лѣтъ и таланта. Мы его видимъ въ ней такимъ же, какимъ мы его всегда знали—улыбающимся и спокойнымъ.

Успѣхъ его произведеній въ публикѣ состоялся опредѣленно и глубоко. Ни одинъ успѣхъ не имѣлъ такъ мало дѣла ни съ партией, ни съ модой, ни съ

пристрастіемъ. Всеобщее одобреніе было единодушно, обдуманно, свободно отъ всякаго вліянія политики и школы, такъ какъ никакая партія не имѣла права считать Сореля своимъ, потому что онъ принадлежалъ всей Франціи.

Между всѣми людьми, интересующимися наукой и любящими мыслить, вошло въ привычку періодически читать эти большіе томы, которые въ первый разъ вполнѣ показывали великаго «феномена» нашей исторіи, которые излагали революцію и «императора» и въ которыхъ драма событій, обусловливаемая фатальной судьбой первыхъ причинъ и направляемая неутомимой логикой страстей, достигла античной красоты.

Эти томы были введены во всѣхъ серьезныхъ бібліотекахъ: они перечитывались, обдумывались, изучались болѣе, чѣмъ шумно восхвалялись. Трудъ Сореля сталъ классическимъ, прежде нежели стать знаменитымъ. Затѣмъ, когда онъ кончился, замѣтили, что большой пробѣлъ образовался во французской мысли. Широкая, единогласно вырвавшаяся похвала была взрывомъ всеобщаго восторга. Что касается меня, я былъ глубоко тронутъ, когда я слышалъ въ эти дни, какъ люди разной среды, разныхъ направленій, знавшихъ о моей дружбѣ съ Сорелемъ и о ранѣ моего сердца, не только говорили о немъ въ самыхъ трогательныхъ, нѣжныхъ выраженіяхъ, но старались съ перваго раза выказать мнѣ, какое вліяніе имѣли на нихъ какъ его личность, такъ и его произведенія.

Если и были повсюду профессора, почитатели—его истинные ученики, то они всѣ формулировались въ школы и вокругъ школы. Между его старыми учениками, лучшіе—стали его друзьями, а нѣкоторые изъ нихъ—сотрудниками. Если ихъ стремленіе направлялось къ историческимъ изслѣдованіямъ, онъ становился для нихъ руководителемъ занятій; онъ ободрялъ, поощрялъ ихъ опыты съ истинной добротой, потому что его сердце было подобно уму. Тѣ, кого поприще удаляло отъ него, не забывали его. Сколько изъ нихъ, въ часы сомнѣній, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, прибѣгали къ его опытности.

Они его находили любезнымъ и простымъ, съ протянутой рукой, открытымъ лицомъ, съ этой доброй улыбкой, которой ужъ мы больше не увидимъ. Полное равновѣсіе, которое онъ умѣлъ установить между своими дарованіями, его существенно здоровый умъ внушали полный отдыхъ и довѣріе. При видѣ его чувствовали себя въ присутствіи сильнаго и умнаго человѣка, съ которымъ любили совѣтоваться.

Онъ выказывалъ иногда поразительную проницательность. Позволю себѣ сослаться на одинъ личный случай. Издавъ нѣсколько работъ по XVIII вѣку, я однажды бесѣдовалъ съ Сорелемъ о моихъ будущихъ ученыхъ планахъ. Онъ мнѣ сказалъ откровенно: «Приступите теперь къ періоду Первой имперіи». Я ему противопоставилъ бѣглое и довольно обычное возраженіе: Тьеръ въ своихъ двадцати томахъ все сказалъ объ этой эпохѣ и исчерпалъ сюжетъ. Сорель доказалъ мнѣ мое заблужденіе очень тщательно и рѣшительно. Онъ прибавилъ: «Повѣрьте мнѣ, займитесь этимъ періодомъ и будьте увѣрены, что онъ войдетъ въ моду; онъ займетъ мѣ-

сто». Это происходило до появления мемуаровъ Марбо, до эпопей Саган d'Asche, до возрожденія наполеоновской легенды. Я послѣдоваль совѣту и лучшаго никогда не получалъ. Спустя немного времени, аичность публики къ изслѣдованію работъ, относящихся къ императорскому періоду, принявъ этихъ работъ, ихъ слава вполне подтвердила это предвидѣніе.

Писатели всѣхъ видовъ творчества,—поэты, романисты, дѣятели театра и прессы находили въ лицѣ Сореля весьма надежнаго судью, настоящаго цѣнителя. Онъ имѣлъ личныхъ друзей какъ среди настоящихъ литераторовъ, такъ и среди начинающихъ. Онъ былъ близокъ молодежи свѣжестью своего ума, горячностью своихъ восторговъ, своей манерой понимать ихъ энтузіазмъ, своей страстной любовью къ искусству. Этотъ ученый, этотъ политикъ былъ литераторомъ и художникомъ въ лучшемъ смыслѣ слова, великимъ художникомъ истины, и мнѣ не разъ случалось подмѣчать въ немъ сожалѣніе, что онъ долженъ былъ подчинить строгости исторіи даръ воображенія и поэзіи, который онъ чувствовалъ въ себѣ. По окончаніи своего славнаго труда онъ находилъ удовольствіе въ мечтѣ—написать чисто художественное произведеніе. Но въ то же время онъ хотѣлъ оставаться профессоромъ школы и усердно выполнялъ тамъ свои обязанности, такъ какъ онъ видѣлъ въ этомъ способъ непосредственнаго воздѣйствія на молодежь, средство по мѣрѣ своихъ силъ приготовить и улучшить будущее Франціи.

Онъ страстно любилъ свою страну. Онъ не только прославилъ и возвелъ Францію славою своего таланта, онъ ей служилъ непосредственно, практически, образовывая цѣлыя поколѣнія усердныхъ дѣятелей и ученыхъ дипломатовъ. Теперь во многихъ изъ нашихъ общественныхъ поприщъ съ болью констатируютъ уклонъ общаго уровня. На поприщѣ иностранныхъ дѣлъ—явленіе обратное. Можно объѣхать различныя государства Европы и свѣта, посѣтить главныя столицы и почти съ увѣренностью можно сказать, что среди членовъ нашихъ миссій находятся люди, полные традицій, свободные отъ рутинны, болѣе открытаго и любознательнаго ума, чѣмъ ихъ предшественники, интересующіеся страной, гдѣ они живутъ и умѣющіе также, въ осложненіяхъ международной политики, ясно распознавать интересы Франціи. Они всѣ почти прошли черезъ школу и слѣдовали ученію Сореля. Я не скажу, чтобы они помнили всѣ детали нашего преподаванія, они сохранили, конечно, духъ. Альберъ Сорель олицетворялъ вполне этотъ духъ, когда онъ изъ исторіи разомъ дѣлалъ урокъ патріотизма пылкаго и сознательнаго, живого и здравомыслящаго. Традиція, которую онъ намъ завѣщалъ, будетъ непоколебимо сохранена. Намъ нечего повторять его ученіе и мы не задаемся цѣлью снова его напоминать. Нашъ долгъ слѣдовать по начертанному имъ пути и идти по нему свободно, доблестно, съ сердцемъ, полнымъ его образомъ, съ свѣстью, озаренной его примѣромъ. Подобно ему, мы постараемся воспитывать хорошихъ и доблестныхъ французовъ.

Ю. Б.

Первый арестъ. Знакомство съ г. Зубатовымъ.

(Изъ воспоминаній и переписки *.)

I.

Въ концѣ іюня 1884 г., утромъ, я усердно занимался за своимъ письменнымъ столомъ. Послышался тихій шопотъ и шорохъ. Оглядываюсь: жандармы и полицейскіе, прошедшіе чернымъ ходомъ. Вождемъ отряда оказался помощникъ (тогда) начальника охраннаго отдѣленія, г. Бердяевъ. Мнѣ предъявляется телеграмма директора департамента государственной полиціи (Шлеве): «Произведите обыскъ у извѣстнаго Гольцева, арестуйте его и немедленно отправьте въ Петербургъ».

Обыскъ произвели (кончили его, въ моемъ присутствіи, на другой день) и отвезли меня въ каретѣ въ тверскую часть, а тамъ отвели въ грязную камеру, въ которой, очевидно, перебивало много молодежи: масляная стѣна у кровати вся была испарана надписями. Нѣкоторые изъ нихъ остались у меня въ памяти. Барышня (фамилію забылъ) писала: «Поскорѣй бы конецъ. Завтра свобода или Сибирь». Студентъ помѣстятъ грустное четверостишіе:

„Поживешь—пропадешь,
Не оставишь слѣда.
Вся-то жизнь наша—грошъ,
Да и то не всегда“ и т. д.

Я легъ, не раздѣваясь, на скверную постель. Спать совсѣмъ не дали безчисленныя блохи.

На другой день меня возили къ начальнику охраннаго отдѣленія (Скондракову). Онъ былъ очень вѣжливъ и любезенъ, въ разговорѣ сообщилъ мнѣ, что разъ посѣтилъ меня въ квартирѣ, переряженный дьякономъ. На мой вопросъ, по какому поводу я арестованъ, Скондраковъ отвѣтилъ, что это ему неизвѣстно, что дѣло, очевидно, петербургское. Затѣмъ меня отвезли въ Петербургъ и помѣстили въ домъ предварительнаго заключенія. Режимъ этого дома извѣстенъ.

*) *Русская Мысль*, октябрь 1906 г.

Начались допросы въ охранномъ отдѣленіи (ихъ было немного). Оказалось, что я привлеченъ по совершенно неизвѣстному мнѣ дѣлу извѣстнаго писателя, нынѣ покойнаго, Станюковича. Привлеченъ былъ также Шелгуновъ и нѣкоторыя другія лица, большею частью мнѣ незнакомыя. Меня обвиняли въ передачѣ денегъ отъ Станюковича г. Л. Тихомирову, — тогда террористу, нынѣ одному изъ истинно-русскихъ людей, — и въ сношеніяхъ съ революціонерами. Последнее обвиненіе предъявлено было въ такой неопредѣленной формѣ, что лишено было всякаго значенія.

Я имѣлъ возможность доказать, что денегъ Тихомирову-Кольцову (его литературный псевдонимъ) я не передавалъ: въ отиѣну прежняго порученія Станюковичъ просилъ отдать ихъ другому лицу, которое явится съ его карточкою, что я и сдѣлалъ.

Въ концѣ послѣдняго допроса полковникъ Жолкевичъ показалъ мнѣ арестованную у Станюковича толстую записную книжку и далъ прочесть отиѣтку на одной изъ ея страницъ: такого-то числа послано Гольцеву для передачи Кольцову сто рублей. Показалъ мнѣ Жолкевичъ и перехваченное письмо Станюковича къ одному изъ вождей террористовъ, за границу (фамилію его Жолкевичъ не назвалъ). Въ письмѣ было предложено присылать статьи въ *Дѣло* и прибавлено, что ихъ, черезъ меня, можно будетъ пристравивать и въ *Русской Мысли*. Мнѣ объ этомъ ничего не было извѣстно.

Допросы кончились въ серединѣ іюля. И потянулись долгіе, томительные дни. Мнѣ разрѣшено было брать изъ библіотекъ историческія книги, и въ домѣ предварительнаго заключенія я собралъ много матеріала для напечатанной потомъ книги *Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в.* Но читать и выписывать было неудобно: окно помѣщалось далеко и высоко.

Прошелъ іюль, прошелъ весь августъ. Меня беспокоила участь семьи, оставшейся безъ средствъ, и неизвѣстность, чѣмъ же это кончится. Испортилось нѣсколько здоровье.

Наступилъ дождливый, темный сентябрь. Въ каменныхъ и желѣзныхъ маленькихъ камерахъ дома предварительнаго заключенія въ такіе дни особенно плохо. Кончился и сентябрь. Въ первыхъ числахъ октября (кажется четвертаго) является вѣстникъ избавленія. Забираютъ мои вещи и везутъ меня въ домъ градоначальника, въ охранное отдѣленіе. Но куда оттуда?

Мнѣ объявили, что я освобождаюсь подъ гласный надзоръ полиціи, и предложили избрать городъ, кромѣ столицъ и университетскихъ. Я избралъ Тверь. Тамъ были у меня дружескія связи (я былъ въ то время тверскимъ губернскимъ гласнымъ).

Изъ охраннаго отдѣленія отправился къ жившей въ Петербургѣ родственницѣ, и вечеромъ ѣхалъ въ Москву (мнѣ разрѣшили заѣхать в одинъ день домой повидаться съ дѣтьми).

Поселился я въ Твери во флигелѣ у извѣстнаго общественнаго дѣятеля М. И. Петрункевича. Явился къ губернатору, А. Н. Сомову, который зналъ меня, какъ гласнаго, и принялъ очень пріятливо.

Началъ заниматься, кое-что писать. Въ ноябрѣ подалъ прошеніе о разрѣшеніи на недѣлю, для устройства дѣлъ, поѣздки въ Москву. Отвѣта долго не было.

Приближался день открытія губернскаго земскаго собранія (11 декабря). Гласные съѣзжались. Десятаго вечеромъ у Петрункевича было назначено частное совѣщаніе.

Днезь ко мнѣ является курьеръ отъ губернатора. Иду. Добродушный Аванасій Николаевичъ встрѣчаетъ меня утѣшительнымъ извѣстіемъ: поѣздка въ Москву мнѣ разрѣшена. Я благодарю, и прибавилъ, что черезъ нѣсколько дней, смотря по ходу занятій въ земскомъ собраніи, воспользуюсь разрѣшеніемъ.

— Что вы, что вы,—съ испугомъ говоритъ губернаторъ,—бумага требуетъ, чтобы вы уѣхали изъ Твери сегодня, до земскаго собранія. Есть ночной поѣздъ. Въ Москвѣ вы можете пробыть до первыхъ чиселъ января, но одиннадцатаго должны быть здѣсь (напомню, что двѣнадцатаго — татьянинъ день).

Побесѣдовали мы съ земцами, поужинали у Петрункевича, а съ ужина я отправился на вокзалъ. Такъ кончилась моя земская дѣятельность.

Въ Москвѣ я засталъ разладъ въ редакціи *Русской Мысли*: изъ журнала выгѣсняли Юрьева. Въ февралѣ это и совершилось. Но о дѣлахъ *Русской Мысли* я, быть можетъ, расскажу отдѣльно, а теперь возвращаюсь къ послѣдствіямъ моего перваго ареста.

По возвращеніи въ Москву я успѣшилъ побывать у профессора Сергѣя Алексѣевича Усова (онъ давно уже скончался), который тепло относился ко мнѣ, а въ мое невольное отсутствіе изъ дому ему многимъ обязана была моя семья.

Усовъ между прочимъ спросилъ меня, совсѣмъ ли я вернулся въ Москву, и когда узналъ, что только до одиннадцатаго января, то замѣтилъ, что это вѣдь меня совсѣмъ не устраиваетъ, что мнѣ съ семьей не на что будетъ существовать. Я, прибавилъ Усовъ, переговорю съ Мейномъ, правителемъ канцеляріи генераль-губернатора (князя Долгорукова). Усовъ и Мейнъ (тоже покойный) были товарищами.

Мейнъ меня зналъ: я участвовалъ въ составленіи его московскихъ цѣтоновъ. Онъ въ свою очередь переговорилъ обо мнѣ съ тогдашнимъ зрѣ-полицеймейстеромъ, А. А. Козловымъ. Онъ здравствуетъ, но по тому служебному положенію находится *enъ предѣлахъ дослѣдственности*, и потому съ моей стороны не будетъ нескромностью сказать, что онъ, мнѣ непродолжительной бесѣды со мной, устроилъ дѣло такимъ образомъ: распорядился, чтобы московская полиція наблюдала за мной, но я не беспокоился. Такъ я и остался.

Весною вызывают меня въ охранное отдѣленіе и объявляютъ, что по высочайшему повелѣнію дѣло прекращено въ административномъ порядкѣ и мнѣ вѣнено въ наказаніе предварительное одиночное заключеніе.

— Но что же вѣнено мнѣ въ преступленіе?—спрашиваю я.

Объ этомъ охранному отдѣленію ничего неизвѣстно, но я отдаю срокъ того на три года подъ гласный надзоръ полиціи, съ воспрещеніемъ мѣста изъ мѣста жительства, *то-есть изъ Москвы*. При этомъ мнѣ былъ врученъ соответствующій видъ на жительства.

II.

Въ сентябрьской книгѣ журнала *Былое* напечатаны воспоминанія покойнаго Гоца о г. Зубатовѣ. И я его зналъ. Очень давно это было, въ 1886 г., если мнѣ не измѣняетъ память.

Лѣтомъ я жилъ съ семьей на дачѣ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, въ Выселкахъ. Дача была двухэтажная, большая, и въ ней помѣщалось много учащейся молодежи. Въ концѣ лѣта нѣкоторые студенты и барышни познакомились съ нами, брали книги. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Москву студенты-петровцы обратились ко мнѣ съ просьбою давать имъ книги въ книжную комнату. У нихъ есть пріятель, Сергѣй Васильевичъ Зубатовъ, онъ бываетъ заходить ко мнѣ за книгами, а оставлять ихъ въ библіотекѣ Михиной, противъ Страстнаго монастыря (у Гоца Михина названа невѣстою г. Зубатова; мнѣ сказали, что она его сестра).

Явился ко мнѣ г. Зубатовъ и произвелъ пріятное впечатлѣніе. Онъ бралъ книги, возвращалъ ихъ, получалъ другія. Иногда онъ оставался на короткое время и высказывалъ печальныя мысли о современномъ положеніи вещей. Я утѣшалъ его...

Однажды г. Зубатовъ проситъ у меня первый томъ *Капитала* въ русскомъ переводѣ (онъ былъ тогда запрещенъ). Я отвѣтилъ, что неохотно даю эту книгу, боясь ея пропажи, и предложилъ нѣмецкій подлинникъ, на нѣмецкомъ языкѣ не знали *товарищи* г. Зубатова. Даже я Маркса. Черезъ нѣсколько дней—просьба разрѣшить разбить томъ на три части и перенести ихъ отдѣльно: первыя главы *Капитала* читать трудно; если ихъ прочесть и передать другой группѣ, дѣло пойдетъ скорѣе. Я согласился и такъ переплетенный первый томъ *Капитала* у меня хранится до настоящаго времени. Потомъ г. Зубатовъ переписалъ мои книги (и это, вѣроятно, уцѣлѣло): мы, основательно говорилъ онъ, часто просимъ книги, которыхъ у васъ нѣтъ, и не знаемъ, что у васъ есть другія, очень интересные. Переписывать мою маленькую библіотеку я разрѣшилъ въ мое отсутствіе.

— Мы слышали,—говоритъ въ другой разъ г. Зубатовъ,—что у М. Ковалевскаго обширная библіотека. Не дадите ли мнѣ рекомендаціи къ нему?

— Да, у Ковалевскаго очень цѣнная библіотека, но главнымъ образомъ

зомъ изъ книгъ на иностранныхъ языкахъ. Кроме того, я вѣрно держусь правила такихъ рекомендацій не давать. Составьте мнѣ списокъ нужныхъ вамъ книгъ, и, если онѣ есть у Ковалевскаго, я попрошу ихъ для себя, на свой рискъ.

Разговоръ болѣе не возобновлялся.

Наступило лѣто. Занимаюсь я одинъ въ редакціи *Русской Мысли*. Меня спрашиваетъ неизвѣстная дама. Прошу въ кабинетъ. Она быстро входитъ и запираетъ за собою дверь. Смотрю съ недоумѣніемъ.

— Я должна передать вамъ письмо изъ тюрьмы,—говоритъ неизвѣстная,—но вы дайте слово, что немедленно по прочтеніи его уничтожите.

— Даю слово, я сейчасъ сожгу его,—и я зажигаю свѣчу.

Дама вынула изъ корсажа крошечный конвертъ и подала мнѣ. Письмо было отъ одной изъ знакомыхъ на Выселкахъ, изъ тюрьмы, и заключало въ себѣ обвиненіе г. Зубатова въ предательствѣ. Пишущая просила отъ имени товарищей прощенія за то, что они, быть можетъ, подвели и меня. Просила также предупредить, кого возможно, отъ этого господина, что я и постарался, конечно, исполнить. Письмо было сожжено.

Недѣли черезъ двѣ или три послѣ этого ко мнѣ на квартиру,—я собирался уже идти въ редакцію и стоялъ у стола,—является г. Зубатовъ, передаетъ мнѣ книги, сообщаетъ, что двѣ изъ нихъ арестованы при обыскѣ. Я молчу. Тогда, запинаясь, г. Зубатовъ начинаетъ говорить, что я распространяю про него слухи, будто онъ шпионъ и провокаторъ. Я отвѣчаю, что это не слухъ, а *фактъ*, переданный мнѣ изъ тюрьмы. Тогда г. Зубатовъ торжественно удаляется, прибавляя, что это несправедливо, что я скоро долженъ буду убѣдиться въ этомъ.

Больше мы не видались. Дальнѣйшая карьера г. Зубатова известна.

В. Гольцевъ.

Новыя славянскія теченія.

Идея общеславянской солидарности, идея объединенія всѣхъ славянскихъ племенъ въ одно культурное цѣлое, проникнутое и одухотворенное общей всеславянской идеей, переходитъ въ настоящее время въ новый фазисъ развитія.

На смѣну выродившемуся славянофильству, на смѣну поблекшему и потерявшему всѣ краски панславизму приходитъ новое теченіе, которое черпаетъ свою вѣру и духовную мощь не изъ загрязненныхъ источниковъ славянофильства, не изъ реакціонныхъ настроеній панславизма. Это теченіе зиждется на вѣрѣ въ ростъ культуры и прогресса въ славянствѣ, оно связываетъ себя не съ прошлымъ, а съ будущимъ, не съ реакціей, а съ прогрессомъ.

И потому оно безвозвратно распрощалось и съ славянофильскими утопіями и съ панславистскими вождедѣніями.

Славянофильство время Аксакова, Кирѣевского, Хомякова стремилось связать себя съ передовыми теченіями современнаго ему общества. Идея земщины и, какъ ея завершеніе, Земскій соборъ—вотъ что въ былое время влекло сердца къ славянофильству и выдвигало его на общественно-политическую авансцену.

Но Аксаковъ и Хомяковъ сошли со сцены. И дорогая ихъ сердцу идея попала въ грязныя руки. Они опѣшили и осквернили ее.

Туманно-мистическая славянофильская утопія превратилась въ реакціонно-политическую, чуждую даже тѣни утопизма доктрину. Православіе, самодержавіе и народность,—вотъ что осталось отъ Аксаковской мечты. Славянофильство стало духовнымъ оружіемъ русской реакціи, а ставъ таковымъ, оно тотчасъ потеряло все свое общественное значеніе. Парадный костюмъ для торжественныхъ выходовъ, при помощи котораго реакція думаетъ оправдать себя, доказать свой *raison d'être*, это все, что въ настоящее время осталось отъ славянофильства. Славянофильство умерло и уже оно не воскреснетъ.

Идея панславизма не является подобно славянофильству самобытно-русскою теоріей. Напротивъ, въ средѣ русскаго общества панславизмъ ни

когда не пользовался популярностью. Передовая русская журналистика, прогрессивныя общественныя теченія всегда относились къ панславистскимъ теоріямъ холодно и даже враждебно.

Если панславизмъ и находилъ себѣ въ Россіи поддержку, то она исходила изъ официальныхъ правительственныхъ сферъ или со страницъ газетъ, всецѣло проникнутыхъ «вѣдами правительства». Дальше поддержки нововременскихъ публицистовъ, да *Гражданина* вкупѣ съ *Московскими Вѣдомостями* дѣло не шло. Симпатіи со стороны русскихъ правительственныхъ сферъ къ панславизму объясняются, конечно, не преданностью чистой идеѣ всеславянства. Источникъ этихъ симпатій находится всецѣло въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ соображеніяхъ внѣшней политики.

Но если на русской почвѣ панславизму не удалось пустить корни, то за предѣлами Россіи ему удалось найти для себя благодатную почву. Посетителями отвергнутой передовою Россіей панславистской идеи явились чехи.

Возрожденіе и затѣмъ быстрый ростъ національной идеи среди чеховъ, ихъ отчаянная борьба на протяжении всей исторіи съ агрессивной политикой нѣмцевъ, рѣшительный отпоръ германизаторскимъ стремленіямъ, оказанный чехами съ конца прошлаго столѣтія, наконецъ, угроза мадьяризаціи съ юга—все это при изолированномъ положеніи чешскихъ провинцій, при неувѣренности ихъ еще молодого національнаго движенія заставляло чешскую національную мысль съ лихорадочной поспѣшностью искать себѣ всюду возможныхъ союзниковъ. Но гдѣ было ихъ найти? Богъ-о-богъ съ ними ихъ зачатые враги, австрійскіе нѣмцы; на югъ—Венгрія, а на сѣверо-западѣ сверкаютъ германскіе штыки, на которые такъ жаждутъ опереться въ борьбѣ съ чехами австрійскіе нѣмцы. Германія это—вѣчная угроза для національной самобытности чеховъ, и недаромъ Вольфъ и Шенереръ умѣютъ при случаѣ пугнуть чеховъ призракомъ прусской каски. И вотъ, взоръ чешскаго патріота поневолѣ обращается въ сторону славянства. Идеѣ нѣмецкой солидарности онъ противопоставляетъ идею солидарности всѣхъ славянъ, идею панславизма.

Но на кого изъ славянъ могутъ опереться чехи? Единственная политическая сила въ средѣ славянскаго племени—Россія. Отсюда естественный выводъ, что Россія должна взять на себя гегемонію въ славянскомъ мірѣ, должна стать объединяющимъ центромъ для славянства.

Правда, Россія была олицетвореніемъ грубой силы, національнаго гнета, политическаго безправія, въ Россіи вмѣсто силы права царилъ право силы; панславизму нужна была своя Мекка, а онъ могъ ее найти только на регахъ Невы. Петербургъ, какъ противовѣсъ Вѣнѣ и Берлину, русскій тыкъ и казацкая нагайка, какъ противовѣсъ австрійской дипломатіи и риманскому бронированному кулаку. Таковъ былъ основной политической зисъ панславизма.

Но панславизмъ забылъ, что послѣ русскихъ поляки наиболѣе многочисленная славянская нація, нація съ богатой, самобытной культурой, съ

тонко развитымъ національнымъ чувствомъ, которое никогда не примирится съ національнымъ порабощеніемъ, хотя бы порабителемъ былъ и родственннй славянскій народъ.

Если чешскіе панслависты, стоя вдаль, могли окутывать самодержавную Россію розовымъ флеромъ и закрывать глаза на ея темныя стороны, то поляки, которые ощущали въ теченіе многихъ лѣтъ самымъ непосредственнымъ образомъ всю тяжесть самодержавнаго строя, — поляки никогда не могли увлечься панславистскою мечтой.

Поляки были враждебны панславизму, русское общество относилось къ нему холодно и пренебрежительно, и только среди австрійскихъ славянъ панславизмъ находилъ своихъ адептовъ.

Но и въ этой средѣ панславизму вскорѣ былъ нанесенъ тяжелый ударъ.

Разразилась война между Россіей и Японіей. Эта война вскрыла передъ лицомъ всего міра всѣ темныя стороны самодержавнаго режима. Она подписала этому режиму смертннй приговоръ. Панславизмъ, связавшій всѣ свои чаяння и уповання съ призрачнымъ могуществомъ самодержавнаго колосса, потерялъ подъ собою почву. Разгромъ бюрократической Россіи на поляхъ Манчуріи вызвалъ рѣзкій кризисъ въ панславизмъ. Когда переживаемый Россіей переходный моментъ завершится воплощеніемъ въ жизнь идеи права и свободы и когда Россія окончательно приобщится къ семьѣ культурно-правовыхъ европейскихъ государствъ, панславизмъ въ его подлинномъ видѣ безвозвратно сойдетъ съ политической сцены, оставшись, можетъ быть, лишь въ головахъ немногихъ упрямыхъ чудаковъ, доживающихъ свой вѣкъ и не желающихъ разставаться со своимъ собственнымъ дѣтищемъ.

Итакъ, славянофильство уже перешло въ небытіе, одряхлѣвшій панславизмъ уже постигаетъ участь славянофильства. Значитъ ли это, что со смертнью панславизма умретъ и идея всеславянства? Нисколько. Она должна воскреснуть, но только въ новомъ, обновленномъ и болѣе чистомъ видѣ. Она должна отбросить всѣ реакціонныя примѣси панславизма, она должна связать свою судьбу съ идеей политическаго обновленія Россіи. Только на почвѣ свободной Россіи можетъ расцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ липенная всякихъ примѣсей политикаства, проникнутая высокимъ идеализмомъ, — чистая идея всеславянства.

Панславизмъ былъ утопией, ибо полякъ не могъ протянуть руку русскому, пока Россія была для него олицетвореніемъ гнета и насилія; русское общество не могло отдаться идеѣ славянскаго братства, пока у негъ на родинѣ шла братоубійственная война. Иное дѣло въ свободной Россіи.

Въ новой Россіи съ ея огромной политической силой всѣ славянскія племена отъ поляковъ до чеховъ и болгаръ могутъ найти оплотъ противъ покушеній на ихъ національную культуру, откуда бы эти покушенія ни исходили. Передъ Россіей предстанетъ колоссальная задача объединить весь востокъ Европы подъ сѣнью славянскаго союза, основаннаго не на на-

силѣи и порабошеніи, а на духовно-культурной общности. Въ этомъ культурномъ союзѣ національныя особенности отдѣльныхъ племенъ получаютъ полный просторъ для дальнѣйшаго саморазвитія, въ результатѣ котораго создастся одно гармоническое цѣлое.

Такова задача, которую желѣзная логика развертывающагося передъ нашими глазами историческаго процесса ставитъ на очередь дня.

Что въ настоящее время въ славянствѣ происходитъ поворотъ именно въ сторону указанной нами тенденціи, мы постараемся доказать ниже уже съ фактическимъ матеріаломъ въ рукахъ.

Въ этомъ отношеніи для насъ имѣетъ особенно важное значеніе позиція, на которой стоятъ поляки. Поляки до сихъ поръ не склонны были воспринимать идею общности всѣхъ славянъ.

Причины этого, какъ мы указывали выше, лежали въ условіяхъ политической жизни Польши, а вовсе не въ органической неспособности со стороны поляковъ воспринять всеславянскую идею.

Тѣмъ не менѣе антагонизмъ поляковъ къ Россіи выставлялся противниками, какъ наиболѣе сильный доводъ противъ «всеславянскихъ утопій».

И вотъ въ настоящее время польское общественное мнѣніе начинаетъ все болѣе склоняться въ сторону славянскаго единенія.

Однимъ изъ весьма существенныхъ факторовъ, толкающихъ поляковъ на указанный путь, является германизаторская политика, такъ широко проводимая Пруссіей въ предѣлахъ ея польскихъ провинцій. Корреспонденціи польскихъ газетъ изъ Познани изобилуютъ фактами безпощадной борьбы со всѣмъ польскимъ. Ареной для германизаціи прусское правительство избрало народную школу. Учителя-нѣмцы преслѣдуютъ польскій языкъ, польскихъ дѣтей противъ желанія родителей обучаютъ по-нѣмецки священной исторіи, заставляютъ даже читать молитвы по-нѣмецки. На этой почвѣ разыгрываются безконечныя исторіи. «Дѣтей, отказывающихся отвѣчать на урокахъ закона Божьяго по-нѣмецки, сажаютъ въ карцеръ, лишаютъ награды, оставляютъ на лишній годъ въ школѣ и даже не останавливаются передъ широкимъ примѣненіемъ тѣлесныхъ наказаній. Корреспондентъ петербургскаго *Края* въ № 38 такъ описываетъ положеніе въ Познани: «Жестокая «воспитательная» система дѣйствуетъ съ удвоеннымъ усердіемъ, свиститъ хлысть прусскаго учителя и по окончаніи уроковъ школьные залы переполняются маленькими арестантами... Сплошь и рядомъ маленькіе бунтовщики, прекрасно сознавая послѣдствія, не хотятъ ссылаться на запрещеніе со стороны родителей, считая честью пострадать за собственныя убѣжденія». По свидѣтельству того же корреспондента бѣсская пресса, и не только явно шовинистическая, рука объ руку съ правительствомъ участвуетъ въ травлѣ поляковъ. Нѣмецкій католическій центръ, еще недавно выступавшій въ рейхстагѣ въ согласіи съ польскимъ «оло», теперь тоже обращается противъ поляковъ. *Katolische Rundschau*, ганъ «католическаго восточнаго союза», не только требуетъ преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ священной исторіи, но высказывается даже за

изгнаніе польскаго языка изъ церковнаго богослуженія и въ концѣ концовъ уничтоженіе польской прессы и запрещеніе польскаго языка на политическихъ собраніяхъ».

Въ связи съ все усиливающимся германизаторскимъ режимомъ въ Poznani, польское общественное мнѣніе не на шутку встревожено позиціей, занятой Вильгельмомъ II по вопросу объ автономіи русской Польши.

Во 2 номерѣ варшавской газеты *Setandar* мы находимъ заимствованную изъ парижскаго *Journal* корреспонденцію извѣстнаго политика Александра Улара по поводу свиданія Вильгельма II съ австрійскимъ императоромъ.

«Главнымъ предметомъ совѣщанія было настоящее положеніе Россіи.

Инициатива, повидимому, принадлежала Вильгельму II, который заинтересованъ въ томъ, чтобы по сосѣдству съ нимъ не образовалось сильное конституціонное государство, которое, вмѣстѣ съ французской республикой, явилось бы угрозой милитаристическому режиму Германіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Польша въ такомъ случаѣ получитъ весьма широкое самоуправленіе.

Тогда въ части Польши, остающейся подъ скипетромъ Пруссіи, возникло бы сильное стремленіе къ объединенію съ примирившимся съ Россіей Царствомъ Польскимъ.

Какимъ образомъ въ виду этого предохранить Германію отъ серьезныхъ волненій въ ея восточныхъ провинціяхъ?

По убѣжденію Вильгельма II существуетъ лишь одно средство. Необходимо предпринять шаги съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ проведеніе автономіи въ русской Польшѣ.

Наилучшимъ средствомъ является поддержка существующаго въ Россіи режима, а если бы это оказалось невозможнымъ, остается подавленіе автономной Польши».

Какъ видимъ, польское общество имѣетъ всѣ основанія видѣть въ лицѣ Германіи серьезную угрозу національной культурѣ своего народа даже и за предѣлами Пруссіи.

Не считающаяся ни съ какими правовыми нормами германизация въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи, вѣроятность агрессивной политики со стороны Германской имперіи по отношенію къ Царству Польскому — все это заставляеть польское общество искать союзниковъ, при поддержкѣ которыхъ оно могло бы оказать отпоръ настоящей и будущей политикѣ Германіи.

И естественно, что польская мысль обращается въ сторону родственнаго славянскаго племени. Союзъ всѣхъ славянъ подъ эгидой свободно Россіи — таковъ въ ближайшемъ будущемъ политическій лозунгъ поляковъ лозунгъ, продиктованный не напризомъ, не утопической фантазіей, а суровымъ и холоднымъ, а потому неизбежнымъ, политическимъ расчетомъ.

Издающійся въ Краковѣ журналъ *Swiat Slawianski* явился глашатаемъ славянской политики такого рода еще до начала русско-японской войны

Въ настоящее время *Kraj* въ передовицѣ «Поворотъ въ славянствѣ» въ № 39 рѣшительно становится на ту же точку зрѣнія. Авторъ передовицы г. И. Мзура цитируетъ любопытную словенскую брошюру о программѣ славянской политики. Словенскій авторъ намѣчаетъ «программу, въ которой должна воплотиться славянская идея, для того, чтобы южные и восточные славянскіе народы не подпали національному вырожденію подъ натискомъ нѣмцевъ... Авторъ полагаетъ, что, во всемъ славянствѣ существуютъ лишь два народа, «обладающіе гарантіей самобытнаго существованія: русскіе и поляки».

«Первые сильны численностью, вторые—культурой и выработаннымъ политическимъ чутьемъ».

«Всякая славянская политика, направленная противъ Россіи, была бы самоубійствомъ, но, равнымъ образомъ, самоубійствомъ является русификація Польши. Ибо она ведетъ къ уничтоженію естественной плотины, которую польское національное самосознаніе и цивилизація образуютъ въ противовѣсъ германскому натиску».

Поэтому первымъ тезисомъ политики, исходящей изъ славянской идеи, является самая широкая автономія Царства Польскаго, «дающая Россіи гарантію внутренняго спокойствія и внѣшней безопасности». Такой шагъ «открылъ бы двери всеславянской политикѣ, осуществляемой въ крупныхъ размѣрахъ». Такая политика, по мнѣнію автора, означала бы конецъ германизаторскихъ стремленій какъ въ Пруссіи, такъ и въ Австріи. Въ концѣ брошюры для пропаганды славянской идеи въ духѣ охраны національныхъ правъ и справедливости авторъ рекомендуетъ созданіе еженедѣльнаго журнала, который бы выпускался одновременно въ нѣсколькихъ параллельныхъ изданіяхъ на разныхъ славянскихъ языкахъ.

Kraj, цитируя съ сочувствіемъ брошюру, прибавляетъ въ заключеніе отъ себя:

«Славянская идея, туманная и безформенная у ея первыхъ глашатаевъ, уродливо исковерканная воинствующимъ панславизмомъ, различными благотворительными обществами и поклонниками грубой силы, просыпается къ новой жизни подъ знаменами свободы и справедливости. Пускай же въ такомъ видѣ она сохраняется и здравствуетъ!»

Мы видимъ такимъ образомъ, что на страницахъ польской журналистики мысль объ общеславянской солидарности дѣлаетъ быстрые успѣхи. Когда завершится процессъ политическаго преобразованія и русскій народъ добровольно возстановитъ автономію Польши,—тогда славянская идея съ этныхъ листовъ перейдетъ въ плоть и кровь обоимъ родственнымъ народамъ и воплотится въ жизнь, ставъ реальнымъ политическимъ фактомъ. Что идея эта является не искусственно привитой, не искусственно сфлорованной журналистикой или нѣкоторыми политическими группами, что изъ того, что и среди чеховъ она завоевываетъ все больше сторонниковъ.

Подтвержденіе этого намъ достаточно сослаться на анкету, произве-

денную редакціей пражскаго журнала *Maj* на тему: возможна ли совмѣстная акція австрійскихъ славянъ?

Maj слѣдующимъ образомъ характеризуетъ добытые анкетой результаты:

«Благодаря ей выступаетъ на первый планъ, въ видѣ ближайшей задачи славянства: организовать силы на основѣ нашей собственной народной идеи, создать для насъ *собственную организацию*, при помощи которой мы окажемся въ состояніи выяснять наши совмѣстные національные интересы и путемъ совмѣстной акціи разрѣшить поставленную передъ нами великую задачу».

Swiat Slawianski (1906 г., № 20, стр. 94) въ такихъ словахъ говорить о результатахъ анкеты:

«Время признать, что разногласія въ общественно-гражданскихъ воззрѣніяхъ не стоятъ поперекъ пути, когда рѣчь идетъ о народныхъ интересахъ славянъ и они насъ не могутъ раздѣлять, если мы сохранимъ... простой здравый смыслъ. Мы съ величайшей радостью привѣтствуемъ эти результаты анкеты... Результаты анкеты констатируютъ, что *чешская мысль соплала шагъ, и при томъ крупный, въ сторону мысли польской*».

Вотъ факты, ярко свидѣтельствующіе, что идея всеславянства растетъ и ширится въ указанномъ нами направленіи и становится все популярнѣе среди рѣшительно всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ славянскихъ націй, и близокъ день, когда въ своемъ новомъ и чистомъ видѣ она станетъ общимъ достояніемъ славянства.

М. С.

Третій конгрессъ „Международнаго Союза Избирательныхъ Правъ Женщинъ“ въ Копенгагенѣ *).

(7—12 августа 1906 г.)

„Въ единеніи—сила“.

I.

Общее значеніе конгресса.—Отношеніе къ нему публики и прессы.—Вліяніе международныхъ встрѣчъ на расширеніе умственнаго горизонта.

7 августа н. ст. въ Копенгагенѣ состоялось открытіе 3-го конгресса Международнаго Союза Избирательныхъ Правъ Женщинъ. Напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію этого союза. Въ 1902 году «Национальная Ассоціація Избирательныхъ Правъ Женщинъ» въ Америкѣ рѣшила объединить всѣ существующія аналогичныя національныя общества. Съ этой цѣлью въ февралѣ 1902 г. состоялся въ Вашингтонѣ митингъ, на который были приглашены делегаты существующихъ національныхъ обществъ избирательныхъ правъ женщинъ. Явились делегатки, присланныя изъ Канады, Германіи, Великобританіи, Норвегіи, Швеціи и Соединенныхъ Штатовъ. Австралія, не имѣя національнаго общества, прислала делегатку отъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ обществъ. Организаторы обратились также съ приглашеніемъ къ женщинамъ, сочувствующимъ освободительному движенію. Въ результатѣ явились делегатки изъ Россіи, Чили и Турціи. На конгрессѣ были представлены и прочитаны доклады, обсуждены главныя основы будущаго союза.

Съ цѣлью дать каждой вступающей въ союзъ ассоціаціи возможность обсудить проектъ конституціи, на вашингтонскомъ конгрессѣ была учреждена лишь временная международная организація женскихъ избирательныхъ правъ, съ временнымъ комитетомъ во главѣ. Г-жа Сусанна Антони, именитая пионерка женской эмансипаціи въ Америкѣ, была избрана пер-предсѣдательницей; д-ръ Анята Аугсбургъ — вице-предсѣдательницей, а Чапманъ Кэтъ — секретаремъ. Второй конгрессъ «Международнаго

* Рефератъ, читанный 22 октября 1906 г. въ Москвѣ, въ Инт. Худ. Кругѣ.

Союза» состоялся въ 1904 г. въ Берлинѣ, гдѣ организація союза была окончательно установлена и конституція утверждена собраніемъ делегатовъ. Въ первоначальному ядру союза присоединились здѣсь Голландія и Данія.

На конгрессахъ Международнаго Союза была принята и утверждена слѣд. декларация основныхъ принциповъ:

1) Мужчины и женщины равно свободны и независимы по рожденію; равно надѣлены разумомъ и способностями и имѣютъ равное право на свободное ихъ развитіе.

2) Естественное соотношеніе половъ есть взаимодѣйствіе и кооперація, и ограниченіе правъ и свободы одного пола неизбѣжно наноситъ ущербъ другому полу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему человѣчеству.

3) Во всѣхъ странахъ—тѣ законы, обычаи и вѣрованія, которые содѣйствовали закрѣпленію женщинъ, ставили преграды ихъ образованію и препятствовали развитію ихъ природенныхъ способностей,—основаны на ложныхъ понятіяхъ и породили искусственное и неправильное соотношеніе между полами въ современномъ обществѣ.

4) Самоуправленіе въ семьѣ и государствѣ есть неотъемлемое право каждаго совершеннолѣтняго нормально развитого лица, и отказъ въ немъ женщинамъ вызвалъ по отношенію къ нимъ социальную, юридическую и экономическую несправедливость и усугубилъ во всемъ мѣрѣ существующее экономическое неустройство.

5) Правительство, которое предписываетъ женщинамъ - гражданкамъ законы и взимаетъ съ нихъ налоги, не предоставляя имъ права согласія или отказа, которымъ пользуются мужчины-граждане,—производитъ надъ ними насиліе, недопустимое въ государствѣ, основанномъ на справедливыхъ законахъ.

6) Всеобщее голосованіе есть единственное законное и вѣрное средство защиты правъ на «жизнь, свободу и счастье», признанныхъ американской декларацией независимости, и затѣмъ всѣми цивилизованными націями—неотъемлемымъ правомъ человѣческой личности. Поэтому во всѣхъ представительныхъ государствахъ женщины должны быть облечены всѣми политическими правами и привилегіями избирателей.

Третій конгрессъ Международнаго Союза состоялся, какъ извѣстно, въ Копенгагенѣ 7—12 августа н. стили. Мѣстная прогрессивная газета *Politiken*, привѣтствуя это событіе, коснулась его значенія въ глазахъ современниковъ и потомковъ: для насъ это фактъ знаменательный, крупный шагъ впередъ. Но черезъ какія-нибудь 50 лѣтъ культурное общество съ трудомъ представитъ себѣ, что сотнямъ женщинъ приходилось устраивать конгрессы, собираться, тратить время и силы, чтобы доказывать справедливость своихъ требованій, выяснять необходимость свободы и равенства всѣхъ передъ закономъ...

Газета права. Всѣ эти истины черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, безъ сомнѣнія, станутъ трузмами. Всѣ уродливыя уклоненія отъ нормальнаго строя жизни исчезнутъ; и потомки, читая исторію женскаго движенія

отнесутся къ тѣмъ, кто отстаивалъ привилегіи мужского пола, такъ, какъ мы теперь относимся къ рабовладѣльцамъ и крѣпостникамъ предшествовавшихъ столѣтій.—Но время просвѣтлѣнія для человѣчества еще не настало. Въ наши дни господства отрицательныхъ сторонъ жизни—тьма преобладаетъ надъ свѣтомъ. Не сила права, а право силы царить надъ міромъ; и еще большой вопросъ—далеко ли мы ушли отъ средневѣковаго кулачнаго права...

Конгрессъ «Международнаго Союза Избирательныхъ Правъ Женщинъ» промелькнулъ свѣтлымъ лучомъ среди общаго мрака. Тотъ, кто былъ на конгрессѣ и принялъ въ немъ участіе не внѣшнимъ образомъ, а умомъ и сердцемъ, тотъ, несомнѣнно, почерпнулъ изъ него силы для дальнѣйшей работы въ той же сферѣ. Кто утомился, слѣдуя по усѣянному терніями пути общественнаго дѣятеля,—тотъ нравственно отдохнетъ и воспринять духомъ при воспоминаніи о тѣхъ удивительныхъ женщинахъ, беззавѣтно преданныхъ идеѣ, бодрыхъ, сильныхъ и смѣлыхъ, съ которыми насъ сблизилъ конгрессъ. Передо мной сейчасъ встаетъ въ воспоминаніи нѣсколько такихъ свѣтлыхъ образовъ; впереди всѣхъ—делегатки Америки—главнаго очага женскаго движенія: предсѣдательница союза г-жа Чапманъ Кэтъ, секретарь—г-жа Эвери, предсѣдательница Американскаго Національнаго Союза д-ръ Шоу и др. Быть можетъ, нѣкоторые скептики возразятъ, что тѣ самоотверженныя и богато-одаренныя женщины, о которыхъ я говорю, и на конгрессѣ составляли исключеніе; что большинство, какъ почти во всякомъ собраніи, не особенно отличалось своими свойствами отъ людей толпы. Тѣмъ не менѣе, въ эту минуту всѣ, даже самые заурядныя, забыли свои мелкіе, будничные интересы; всѣ соединились, слились вмѣстѣ во имя одной великой идеи; и это общее стремленіе осуществить ее невольно всѣхъ дѣлало лучше, выше.—Если сближеніе съ людьми высшаго полета нравственно ободрило многихъ пионеровъ женскаго движенія, то знакомство съ представителями другихъ націй не менѣе сильно повліяло и на умственный ихъ горизонтъ. Передъ нами открывались новые взгляды, понятія, новый строй жизни. При этомъ, какъ справедливо замѣтила предсѣдательница Международнаго Союза, эта встрѣча съ представителями другихъ націй побуждала насъ болѣе скромно относиться къ самимъ себѣ и болѣе цѣнить другихъ, ибо каждая страна дала нѣчто, чего не было у другихъ, каждая внесла свой опытъ, плодъ своей работы въ общую сокровищницу знаній.

Нельзя не отмѣтить еще одну важную заслугу конгресса. Опъ явился прекраснымъ средствомъ пропаганды въ различныхъ слояхъ общества. Въ неслыханно недѣля вниманіе города поневолѣ было привлечено съѣхавшимся конгрессомъ. О немъ говорила вся мѣстная пресса, и многіе изъ извѣстныхъ мѣстныхъ жителей, такъ или иначе прикосновенныхъ къ конгрессу, о немъ напоминали группы конгрессистокъ съ красными значками, шествующія на улицахъ въ перерывахъ между засѣданіями.

Въ смыслѣ пропаганды, не малую роль сыграли также экскурсіи и

торжественные приемы, устроенные въ честь конгресса. Являясь знакомъ вниманія со стороны администраціи города и старинныхъ мѣстныхъ обывателей, празднества эти привлекали вниманіе толпы и придавали конгрессу характеръ интернаціональнаго торжества. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ этомъ отношеніи наши хозяйки-датчанки проявили величайшее гостепріимство. Все было заранее предугадано и предусмотрено. Задолго до открытія конгресса такъ называемый комитетъ развлеченій, съ г-жей Мюллеръ во главѣ, обдумалъ и приготовилъ рядъ празднествъ. Была устроена экскурсія въ красивое мѣстечко Мариэнлюсть близъ Копенгагена; причемъ конгрессистокъ встрѣчали и провожали пушечной пальбой. Былъ устроенъ ужинъ отъ «Датской Ассоціаціи женскихъ избирательныхъ правъ», и нѣсколько вечеровъ въ частныхъ домахъ. Но, быть можетъ, всего внушительнѣе въ смыслѣ пропаганды былъ приемъ конгресса въ городской думѣ. Инициатива въ данномъ случаѣ исходила уже не отъ датчанокъ, нашихъ сочленовъ по Международному Союзу, а отъ городского управленія, пожелавшаго въ лицѣ главныхъ своихъ представителей выразить свое сочувствіе и уваженіе собравшемуся въ Копенгагенѣ женскому конгрессу. Въ этомъ смыслѣ нельзя было не оцѣнить всѣхъ деталей, сопровождавшихъ приемъ конгресса. 8 августа все великолѣпное зданіе думы было предоставлено для осмотра гостей. Благодаря отсутствію общепонятнаго языка, рѣчи нашихъ хозяевъ, мэра и другихъ членовъ городского управленія отличались краткостью; но въ нихъ было сказано какъ разъ то, что мы желали услышать: наши хозяйки высказали пожеланіе и надежду скорѣ увидѣть женщинъ въ составѣ городского управленія.—Передъ зданіемъ думы, на площади, играла въ честь конгресса военная музыка; и собравшаяся огромная толпа съ любопытствомъ смотрѣла на непривычное зрѣлище: празднество, устроенное думой въ честь собравшихся изъ всѣхъ странъ женщинъ-конгрессистокъ.

Но не одни торжества и экскурсіи привлекали къ конгрессу вниманіе мѣстныхъ жителей. Наиболѣе интеллигентные усердно посѣщали засѣданія конгресса; и на вечернихъ собраніяхъ, въ часы, когда трудовой людъ освобождается отъ занятій, въ замѣ собраній часто не оставалось ни одного свободнаго мѣста.

Съѣздъ женскаго политическаго союза явился фактомъ небывалымъ въ исторіи Даніи. Однимъ изъ его важныхъ результатовъ было возбужденіе сочувствія къ нему всей мѣстной прессы. Раньше даже органы радикальной печати замалчивали женскій вопросъ, относились къ нему съ свойственнымъ пренебреженіемъ: теперь всѣ газеты и журналы, консервативные и прогрессивные, отмѣтили конгрессъ какъ событіе, достойное общаго вниманія. Всѣ собранія конгресса усердно посѣщались редакторами и корреспондентами. Ежедневно вездѣ появлялись замѣтки о конгрессѣ и отчеты засѣданій. При этомъ нельзя не отмѣтить, что представители печати отнеслись къ своей задачѣ не поверхностно, а серьезно: интервьюировали иностранныхъ делегатовъ, просили разъясненій, старались вынуть въ суть въпросъ.

Итакъ, вотъ первый реальный результатъ конгресса международнаго женскаго союза: онъ явился могущественнымъ орудіемъ пропаганды, онъ привлечь вниманіе публики и прессы.

Въ то же время, по отношенію къ съѣхавшимся делегаткамъ, онъ явился стимуломъ къ дальнѣйшей дѣятельности и заложилъ основы прочной связи между представительницами разныхъ націй и разныхъ странъ.

II.

Доклады конгресса Международнаго Союза. — Общія черты въ положеніи женскаго вопроса и отличительныя его особенности въ разныхъ странахъ. — Доклады отъ странъ, гдѣ женщины политически безправны, и отъ тѣхъ, гдѣ они полуправны. — Доклады С. А. Штатовъ, Канады, Великобританіи, Германіи, Италіи, Венгріи, Голландіи, Даніи, Норвегіи и Швеціи.

Несмотря на различіе условій, въ которыхъ развивались общества и союзы равноправія женщинъ, въ исторіи ихъ выступаетъ нѣсколько общихъ чертъ. Вездѣ они возникали подъ вліяніемъ, съ одной стороны, пробужденія самосознанія въ индивидуальной личности, съ другой — подъ давленіемъ экономическихъ условій. И вездѣ это пробужденіе женской личности встрѣчало отпоръ со стороны захватившихъ въ свои руки власть мужчинъ. Правда, въ послѣднемъ отношеніи исторія женскаго движенія представляетъ на первый взглядъ большое разнообразіе: въ разныхъ странахъ тѣ или другія партіи различно относились къ вопросу о женскихъ правахъ. Но, при ближайшемъ знакомствѣ съ движеніемъ, мы видимъ, что подъ этимъ вѣдшимъ разнообразіемъ скрываются сходныя, однородныя черты. Почти всегда мужчины благосклонно относятся къ политической равноправности женщинъ тамъ, гдѣ сами они ограничены въ политическихъ правахъ и для достиженія ихъ нуждаются въ поддержкѣ женщинъ. Быть можетъ, это обстоятельство объясняетъ тотъ характерный фактъ, на который обратила въ своей рѣчи вниманіе предсѣдательница Международнаго Союза, г-жа Чапманъ Кэтъ. «Отмѣтимъ», — сказала она, — и тотъ любопытный фактъ, что въ единственныхъ республикахъ Европы, во Франціи и Швейцаріи, вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ менѣе подвинулся впередъ, чѣмъ въ какой-либо изъ сѣверныхъ монархій. Въ этихъ двухъ странахъ мужчины давно пользуются преимуществами самоуправленія безъ тѣхъ ограниченій, которыя налагаютъ часто монархіи. Почему же мужчины въ этихъ республикахъ не распространили избирательныхъ правъ на женщинъ, и почему женщины не объединились здѣсь, чтобы потребовать себѣ правъ? На этотъ вопросъ отвѣтитъ лѣтописецъ женскаго движенія. Въ связи съ этимъ, отмѣтимъ, что либеральныя и прогрессивныя колоніи монархической Англіи, Австралія и Новая Зеландія, стали впереди всего міра въ дѣлѣ освобожденія женщины; и весьма вѣроятно, что даже сама Англія получитъ всеобщее избирательное право безъ различія пола гораздо раньше, чѣмъ Соединенные Американскіе Штаты, первые формулировавшіе требованіе самоуправления для всѣхъ. «Въ этомъ», — замѣтила предсѣдательница, — «заключи-

чается поучительный урокъ для всѣхъ насъ; а именно, что самое благопріятное время для предъявленія требованія равноправности—тогда, когда сами мужчины еще не достигли всѣхъ политическихъ правъ.

Предѣлы краткаго реферата не позволяютъ мнѣ подробно остановиться на исторіи различныхъ женскихъ политическихъ союзовъ, приславшихъ делегации на конгрессъ. Присутствовали делегатки отъ восьми раньше соединившихся странъ (Американскіе Соединенные Штаты, Англія, Голландія, Данія, Норвегія, Швеція, Германія и Австралія); делегатки отъ четырехъ странъ, изъявившихъ желаніе примкнуть къ Союзу и принятыхъ въ первый же день конгресса: Россія, Италія, Канада и Венгрія. Кроме того, явились делегатки отъ Финляндіи, Исландіи, Кубы, Франціи и Швейцаріи.

Всѣ эти страны по отношенію къ женскому движенію могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ: 1) страны, гдѣ движеніе это еще въ первой своей стадіи, гдѣ оно не охватило еще широкіе слои или находится въ зачаточномъ состояніи: Франція, Швейцарія, Исландія, Куба; 2) страны, гдѣ женскія общества сплотились, широко развернули свою дѣятельность и поставили требованіе для женщинъ политическихъ правъ въ первомъ ряду демократическихъ реформъ, и 3) страны, гдѣ женщины получили полныя права гражданства и гдѣ имъ предстоитъ лишь изгладить въ законахъ нѣкоторыя привилегіи мужчинъ—наслѣдіе стараго строя. Къ таковымъ принадлежатъ лишь Финляндія, Новая Зеландія и Австралія. Относительно двухъ первыхъ категорій замѣтимъ, что границы между ними довольно трудно провести, такъ какъ онѣ подвержены постояннымъ, быстрымъ колебаніямъ. Женскій вопросъ тонкими нитями связанъ съ массой другихъ вопросовъ; и эволюція его замедляется или быстро двигается впередъ въ зависимости отъ сложныхъ условій соціальной и политической жизни.

Остановимся вкратцѣ на докладахъ, характеризующихъ всѣ три категоріи. Наименѣе значенія представляютъ тѣ страны, гдѣ женское движеніе не приняло опредѣленной формы или находится въ первомъ періодѣ развитія. Къ таковымъ принадлежитъ Куба, гдѣ женщины не имѣютъ никакихъ политическихъ правъ и никогда не стремились обладать ими. Тѣмъ не менѣе, по отношенію къ образованію женщины пользуются одинаковыми правами; и университетъ въ Гаваннѣ открытъ для нихъ наравнѣ съ мужчинами. Законъ не воспрещаетъ женщинамъ занимать какія-либо должности; но препятствіемъ является, въ данномъ случаѣ, общественное мнѣніе и предрасудки. Оплата труда, конторскаго и педагогическаго, та же здѣсь для женщинъ, какъ и для мужчинъ.

Въ Швейцаріи женскій вопросъ обсуждается и въ значительной степени поддерживается всѣми прогрессивными ассоціациями, мужскими и женскими, отчасти и прессой. Тѣмъ не менѣе, движеніе не оформилось въ національной организаціи. При этомъ главное препятствіе заключается въ раздѣленіи Швейцаріи на 22 независимыхъ кантона, причѣмъ каждый держится самостоятельнаго направленія во всѣхъ политическихъ вопросахъ. Въ виду этого, сторонники женскаго движенія рѣшили прежде всего организовать

независимыя группы въ различныхъ кантонахъ и уже затѣмъ соединить ихъ въ одинъ національный союзъ. Говоря о препятствіяхъ на пути къ достиженію политическаго равноправія для женщинъ въ Швейцаріи, докладчица, какъ одно изъ главныхъ, отмѣтила осуществленіе по отношенію къ мужчинамъ всѣхъ требованій демократической республики: мужчины обладаютъ всѣми политическими правами (политическій референдумъ, право народной инициативы въ законодательствѣ и т. д.). Вслѣдствіе этого въ Швейцаріи не возникало поводовъ для обсужденія и пересмотра конституціи. А благодаря высокой степени общаго экономическаго благосостоянія, сами швейцарки мало сознають то зло для нихъ самихъ и для страны, которое является слѣдствіемъ политическаго безправія женщинъ.

Во Франціи до сихъ поръ нѣтъ никакого національнаго общества для борьбы за равноправіе женщинъ. Есть цѣлый рядъ обществъ, работающихъ какъ въ разныхъ специальныхъ сферахъ женскаго вопроса (*Groupe du Jury Féministe*, *La Loge maçonnique*, *La Loge du droit de l'Éducation* etc.), такъ и для достиженія политическихъ правъ (*La Ligue des droits des Femmes* «*Le Suffrage des Femmes*» etc.).

Любопытныя черты борьбы за равноправіе представляетъ Исландія— четвертая изъ странъ, приславшихъ делегатку на конгрессъ, но не принявшихъ пока въ Международному Союзу. Представительницей Исландіи явилась г-жа Асмундсонъ, редакторъ женской газеты *Kvenmaestladid*. Судя по ея интересному докладу, женщины въ Исландіи до половины XIX вѣка имѣли доступъ лишь въ начальныя школы; были отстранены отъ всякихъ занятій и должностей, кромѣ домашняго хозяйства; и обойдены закономъ о наследствѣ (между прочимъ сестры получали вдвое меньше, чѣмъ братья). Но съ половины XIX вѣка альтингъ (парламентъ) проводитъ рядъ мѣръ, улучшающихъ экономическое положеніе женщинъ. Прежде всего, въ 1850 г. былъ утвержденъ законъ, уравнивающій женщинъ въ правахъ наследства. Инициатива этихъ преобразованій всецѣло принадлежала мужчинамъ. Съ этого времени въ женщинахъ пробуждается самосознаніе; и первое, что привлекло ихъ вниманіе, былъ вопросъ образованія. Женщины поняли, что при отсутствіи знаній и умственнаго развитія, онѣ никогда не достигнуть равенства. Въ 1884 году группа женщинъ въ городѣ Рейкјавикъ основала первую среднюю школу для дѣвочекъ. Въ настоящее время въ Исландіи имѣется три такихъ школы. Тѣмъ не менѣе, положеніе женщинъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ было крайне тяжелое. Начальныя школы для дѣвочекъ не пользовались субсидіей отъ правительства, какъ аналогичныя школы для мальчиковъ. Женщины не допускались въ высшія учебныя заведенія. Учительницы получали вдвое меньше жалованья, чѣмъ учителя. До сихъ поръ часто были принуждены отправлять въ домъ отца обязанности приглядывать, въ то время какъ всѣ средства шли на образованіе ихъ братьевъ. Такое ненормальное положеніе вещей вызвало протестъ женщинъ и лучшихъ мужчинъ. Въ 1882 году альтингъ утвердилъ законъ, предоставляющій ершеннолѣтнимъ (25 лѣтъ) женщинамъ, незамужнимъ и вдовамъ, имѣю-

шимъ собственность или живущимъ своимъ трудомъ—право голоса при выборахъ городской думы и уѣздныхъ совѣтовъ. Немного позднѣе женщины были допущены къ слушанію лекцій на медицинскомъ факультетѣ и къ экзамену на доктора. Въ 1895 году былъ основанъ «Исландскій женскій союзъ», главной цѣлью котораго является достиженіе для женщинъ политическихъ правъ. Первымъ шагомъ союза было представленіе въ альтингъ петиція объ избирательныхъ правахъ женщинъ и о правѣ замужнихъ женщинъ располагать своей собственностью. Петиція эта, подписанная 3,000 женщинъ, не удостоилась вниманія. Тѣмъ не менѣе, она имѣла свое значеніе. Благодаря основанію двухъ женскихъ газетъ, вопросъ о женскихъ правахъ сталъ предметомъ постоянныхъ обсужденій. Редакторъ одной изъ газетъ, членъ парламента Скули Торводсенъ въ 1899 г. провелъ въ парламентѣ билль, предоставляющій замужнимъ женщинамъ право располагать своей собственностью и своимъ заработкомъ. Въ 1902 году онъ же провелъ законъ о пассивныхъ избирательныхъ правахъ незамужнихъ женщинъ и вдовъ въ земствѣ и городскомъ самоуправленіи. По словамъ г-жи Асмундсонъ, главнымъ препятствіемъ для коопераціи женщинъ въ Исландіи являются большія разстоянія при рѣдкомъ населеніи страны. Она считаетъ, что организація національнаго женскаго союза болѣе всего могла бы способствовать достиженію равноправія женщинъ.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ странамъ, гдѣ женщины сплотились въ національныя организаціи для борьбы за свои права. Первое мѣсто принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ женщины уже долгіе годы ведутъ энергичную борьбу за равноправіе. Обстоятельный прекрасный докладъ отъ Соединенныхъ Штатовъ, составленный г-жей Шоу, былъ прочитанъ г-жей Антони *).

Начало женскаго движенія въ Америкѣ неразрывно связано съ именемъ знаменитой общественной дѣятельницы, г-жи Сусанны Антони, скончавшейся въ мартѣ 1906 г. 86 лѣтъ отъ роду. Около половины XIX вѣка, когда г-жа Антони вступила въ общественную дѣятельность, положеніе женщины въ Соединенныхъ Штатахъ было самое униженное. Женщины не имѣли никакихъ правъ, были вполнѣ подчинены власти сначала отца, а затѣмъ мужа. Всѣ области труда, кромѣ домашняго хозяйства, фабричной работы и преподаванія въ начальныхъ школахъ—были для нихъ закрыты. Г-жа Антони смѣло выступила на защиту женскихъ правъ. Молодой дѣвушкой она рѣшила посвятить этой цѣли всѣ свои силы, всю жизнь. Она объѣздила страну (въ то время пути сообщенія были самыя примитивныя), вездѣ организуя митинги, объясняя несправедливость законовъ по отношенію къ женщинамъ и требуя ихъ реформы. Въ теченіе своей долгой жизни г-жа Антони лишь однажды отвлеклась отъ главной своей цѣли. Это было въ 60-хъ годахъ во время борьбы за уничтоженіе рабства. Въ 1863 г. г-жа Антони организовала «Женскую Национальную Лигу», которая собрала 400,000 петицій, требующихъ унич-

*) Племянницей г-жи Сусанны Антони.

тоженія рабства. Петиціи эти были посланы въ Конгрессъ и вызвали включеніе въ національную конституцію поправки, навсегда уничтожившей рабство въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ. Имя г-жи Антони съ благоговѣніемъ произносится не только въ Америкѣ, но и во многихъ другихъ странахъ—всѣми, кто имѣлъ счастье знать эту удивительную женщину. Женщины даже такихъ странъ, какъ Австрія, Норвегія, считаютъ, что онѣ болѣе всего обязаны г-жѣ Антони тѣмъ, что ими достигнуто въ области политическихъ правъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ женщины, благодаря изумительной ея энергіи и неустанной пропагандѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ, въ настоящее время достигли многого. Въ четырехъ штатахъ женщины, какъ извѣстно, вполне уравниены въ политическихъ правахъ съ мужчинами; въ половинѣ остальныхъ онѣ получили лишь часть этихъ правъ. Почти всѣ области труда открыты для нихъ. Среднія и высшія учебныя заведенія доступны для женщинъ наравнѣ съ мужчинами.

Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству докладчицы, общее положеніе женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ далеко не идеальное. Болѣе того: имъ, быть можетъ, труднѣе добиться равноправія, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Дѣло въ томъ, что для проведенія реформы въ Соединенныхъ Штатахъ приходится обращаться къ 46 парламентамъ, т.-е. фактически ко всѣмъ мужчинамъ; и при этихъ условіяхъ надо удивляться, что реформа проведена въ четырехъ штатахъ. Въ последнее время женщины, агитировавшія въ штатѣ Орегонъ, встрѣтили самый надменный отпоръ. Одни говорили, что побѣда надъ сторонницами равноправія есть побѣда семейнаго очага надъ безпокойными женщинами. Другіе, не отрицая, что требованія женщинъ справедливы, говорили, что «время для реформы еще не настало». Начало американской «Національной Ассоціаціи Женскихъ избирательныхъ правъ» («The National American women suffrage association») относится къ 1848 году. Въ настоящее время въ составъ ея входятъ: 1) общества отдѣльныхъ штатовъ, 2) національныя общества, 3) пожизненные члены, 4) члены сореовнователи. Къ Н. А. примыкаютъ 33 общества отдѣльныхъ штатовъ. Хотя уставы ихъ не вполне совпадаютъ, но, въ общемъ, они всѣ согласованы съ главными основами Н. А. Національныя общества, преслѣдующія одинаковыя цѣли съ Н. А., могутъ къ ней примыкать. Въ настоящее время въ Н. А. есть два національныхъ общества: «Общество Друзей» и «Лига Студентокъ» (учащихся и кончившихъ образованіе). Пожизненные члены и члены сореовнователи могутъ присутствовать на всѣхъ собраніяхъ Ассоціаціи безъ права голоса. Общества отдѣльныхъ штатовъ и національныя общества уплачиваютъ за каждаго члена по 10 центовъ въ годъ. Пожизненные члены вносятъ одновременно 50 долларовъ, а члены-сореовнователи платятъ одинъ долларъ въ годъ. Если аффилированное общество не уплачиваетъ къ концу года своего взноса, оно выключается изъ Нац. Ассоціаціи. Если взносъ уплачивается поздвѣе, оно сохраняетъ свою принадлежность къ Н. А., но безъ права голоса на ближайшемъ годичномъ конвентѣ (общемъ собраніи). Должност-

ныя лица—предсѣдательница, вице-предсѣдательница, два секретаря и касиръ ежегодно избираются національнымъ конвентомъ, который собирается обыкновенно въ февралѣ, въ теченіе той недѣли, на которую выпадаетъ день рожденія г-жи Сусанны Антони. Конвентъ есть представительная организація, состоящая изъ должностныхъ лицъ, предсѣдательницъ національныхъ комитетовъ и обществъ отдѣльныхъ штатовъ, одного члена исполнительнаго комитета и одной делегатки отъ каждаго ста членовъ, за которыхъ штаты уплатилъ взносъ въ національную ассоціацію. Дѣятельность Н. А. подраздѣляется на: 1) агитацію, 2) организацію и 3) законодательство. Агитація состоитъ главнымъ образомъ въ работѣ печати, которой завѣдуетъ національный предсѣдатель (Chairman); черезъ посредство его, больше чѣмъ въ 5,000 газетъ и еженедѣльниковъ доставляются статьи по женскому движенію. Кромѣ того, нѣсколько сотъ газетъ и журналовъ принимаютъ статьи и замѣтки отъ должностныхъ лицъ Ассоціаціи. При центральномъ правленіи издается національный органъ «Прогрессъ». Многіе штаты имѣютъ свои отдѣльные журналы. Литературный комитетъ Н. А. составляетъ спеціальныя листки по каждому фазису женскаго движенія. За послѣдніе шесть мѣсяцевъ Нац. Ассоціаціей было выпущено больше милліона такихъ листовъ. Для цѣлей пропаганды организованъ также штатъ лекторовъ. На общихъ собраніяхъ всѣхъ значительныхъ организацій страны Н. А. стремится провести резолюціи въ пользу доставленія женщинамъ избирательныхъ правъ. За послѣдній годъ такія резолюціи были проведены въ 400 организаціяхъ, стоящихъ внѣ женскаго движенія. Во многихъ коллежахъ и средне-учебныхъ заведеніяхъ Н. А. выдаетъ награды за сочиненія и рѣчи о женскихъ правахъ и старается побуждать студентовъ устраивать пренія на эту тему. Относительно организаціи, національные организаторы, совместно съ обществами мѣстными и отдѣльныхъ штатовъ, учреждаютъ мѣстныя общества; послѣднія присоединяются къ соотвѣтствующимъ обществамъ штатовъ, которыя, въ свою очередь, присоединяются къ Н. А. Такъ образуется непрерывная цѣпь, начиная отъ отдѣльнаго лица и кончая Национальной Ассоціаціей.

Въ Н. А. Соединенныхъ Штатовъ насчитывается около 20,000 членовъ. По отношенію къ законодательству, при открытіи первой сессіи важдаго Национальнаго Конгресса Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Н. А. обращается въ комитеты сената и палаты представителей, призывая правительство внести въ національную конституцію поправку, предоставляющую женщинамъ избирательныя права. Кромѣ того, нѣкоторыя общества отдѣльныхъ штатовъ ежегодно представляютъ петиціи въ законодательныя учрежденія своихъ штатовъ о предоставленіи на утвержденіе избирателей поправки къ конституціи штатовъ, дающей женщинамъ всѣ избирательныя права. Въ другихъ штатахъ общества стараются добиться муниципальнаго и школьнаго права голоса, также права голоса по вопросу о налогахъ.

Все сложное дѣло агитаціи въ Соединенныхъ Штатахъ требуетъ огромныхъ денежныхъ расходовъ. Въ одномъ Орегонѣ Н. А. истратила недавно

на агитаціонную кампанію 17,000 дол. (около 34,000 р.). Обычный ежегодный расходъ Н. А. равняется приблизительно 10,000 дол. «Въ нашей хваленной странѣ свободы»,—сказала въ заключеніе делегатка Соединенныхъ Штатовъ, г-жа Антони,—«мы далеко не живемъ соотвѣтственно нашимъ идеаламъ. И мы не можемъ не возмущаться при мысли о громадной затратѣ времени, силъ и денегъ, которая требуется для пріобрѣтенія свободы—той свободы, которой мы такъ гордимся». Съ этими словами совпадаетъ свидѣтельство знаменитой американской проповѣдницы и общественной дѣятельницы, г-жи Шоу. «Мы дочери республики»,—сказала она,—«обращаемся къ вамъ, дочерямъ монархій, за вдохновеніемъ. Не думайте, что мы приходимъ къ вамъ какъ свободныя женщины: мы не свободны... Когда-нибудь настанетъ день, когда и мы достигнемъ побѣды,—будемъ стоять рядомъ съ вами на вершинѣ горы. Многія изъ васъ рѣшили не покладать оружія, пока всѣ женщины не будутъ свободны. Мы радуемся вашимъ успѣхамъ»,—радуемся, что вы раньше насъ достигнете побѣды».

Нѣсколько интересныхъ чертъ женскаго движенія сообщила делегатка Канады, г-жа Денисонъ. Въ Канадѣ за послѣдніе два года работа «Ассоціаціи Женскихъ Избирательныхъ Правъ» («Dominion Women's Enfranchisement Association») имѣетъ характеръ образовательный; причѣмъ ассоціація обращаетъ особенное вниманіе на пропаганду среди молодежи. Муниципальное право голоса почти единственное политическое право, которымъ пользуются женщины Канады; и то оно принадлежитъ только незамужнимъ и вдовамъ. Недавно депутація женщинъ была принята новымъ премьеръ-министромъ г. Уитней. Въ депутаціи приняли участіе вліятельные дѣятели—городской голова города Торонто, канцлеръ одного изъ университетовъ, инспекторъ народныхъ школъ и т. д. Ораторы депутаціи въ краткихъ, сильныхъ рѣчахъ развили главные аргументы въ пользу равноправія женщинъ. Премьеръ-министръ, отвѣчая имъ, призналъ, что требованія женщинъ справедливы; что гражданскія права—природенныя права всѣхъ и каждаго. Но вслѣдъ за этимъ онъ объявилъ, что положеніе женщинъ не имъ опредѣлено, и никакимъ другимъ государственнымъ дѣятелемъ: женщина входитъ въ божественныя предначертанія и положеніе ея опредѣлено Создателемъ. Онъ же и его товарищи сдѣлаютъ то немного, что въ ихъ власти: они постараются поближе ознакомиться съ Его предначертаніями. «Многіе изъ насъ,—замѣтила делегатка,—впали тогда въ отчаяніе. Опытъ научилъ насъ, что, когда отдѣльныя лица стараются избѣгнуть личной отвѣтственности, и возложить ее на Всевышняго, тогда чѣло безнадежно».

Г-жа Денисонъ сообщила между прочимъ характерный инцидентъ, не такъ давно произошедшій въ г. Сентъ-Джонсъ и показывающій, какъ толкуется на практикѣ законъ. Нѣкая г-жа Френчъ блестяще сдала экзаменъ въ городской высшей школь (Law School). Но когда она обратилась въ Верховный судъ за разрѣшеніемъ заниматься юридической дѣятельностью, она полу-

чила отказъ на томъ основаніи, что право это по закону принадлежитъ только «лицамъ», женщины же къ таковымъ не принадлежатъ: лицами являются только мужчины. Инцидентъ этотъ вызвалъ въ странѣ взрывъ негодованія. Въ газеты посыпались протесты, причемъ авторъ одного письма заявлялъ, что если женщины—не лица, то онѣ не обязаны повиноваться законамъ. Вскорѣ послѣ этого одна дѣвушка, Кэтъ Смитъ, была арестована за нарушеніе общественной тишины. Когда на слѣдующій день ее привели въ участокъ, Кэтъ Смитъ объявила, что она невинна: будучи женщиной, а не лицомъ, она закону не подлежитъ. Судья спросилъ: посоветовалъ ли ей кто-нибудь прибѣгнуть къ такого рода защитѣ? Подсудимая отвѣтила «нѣтъ», но она прочла это въ газетахъ. Судья справился съ закономъ и прочелъ пунктъ, гдѣ сказано, что всякое *лицо* застигнутое въ пьяномъ видѣ подлежитъ тюремному заключенію или штрафу,—и отпустилъ Кэтъ Смитъ. Этотъ практическій урокъ побудилъ законодательную палату провести актъ—законъ, опредѣляющій женщинъ какъ лицъ. Благодаря этому г-жа Френчъ случайно получила возможность быть юристомъ.

Переходимъ къ Великобританіи, докладъ которой былъ прочитанъ делегаткой г-жей Рэйдъ. Въ Великобританіи «Национальный союзъ обществъ для предоставленія женщинамъ избирательнаго права» ставилъ два условія для присоединяющихся къ нему обществъ: 1) Единственная цѣль общества—достиженіе для женщинъ парламентскихъ правъ на тѣхъ же основахъ, на которыхъ пользуются ими мужчины. 2) Общество должно стоять внѣ партій.

Комитетъ Национальнаго Союза собирается разъ въ мѣсяцъ въ Лондонѣ и три раза въ годъ въ провинціальныхъ городахъ. Большія общества избирательныхъ правъ присылаютъ на эти митинги по три делегатки; меньшія—по одной. Послѣ 1897 года, благодаря южно-африканской войнѣ, отвлекшей вниманіе парламента отъ внутренней политики, вопросъ о женскихъ правахъ мало подвинулся впередъ. Комитетъ членовъ парламента, сочувствующихъ равноправію женщинъ, совѣщается съ представительницами Н. С. передъ открытіемъ каждой сессіи парламента, чтобъ обсудить наилучшія средства для проведенія билля или резолюціи. Съ 1902 года фабричныя работницы принимаютъ живое участіе въ борьбѣ за избирательныя права женщинъ и посылаютъ петиціи въ парламентъ. Особенно настоятельно требуютъ правъ сѣверные женскіе трэдъ-юніоны и «Женская кооперативная гильдія». Въ 1903 году, послѣ своего общаго собранія, Н. С. постановилъ учредить во всѣхъ графствахъ и уѣздахъ внѣпартийные комитеты женскихъ избирательныхъ правъ. Задачи комитета главнымъ образомъ слѣдующія: 1) комитетъ долженъ стараться вліять на мѣстныя партийныя ассоціаціи и побуждать ихъ выбирать кандидатовъ, сочувствующихъ избирательнымъ правамъ женщинъ, и брать публичное обѣщаніе съ каждаго члена парламента или кандидата всѣхъ партій, что онъ будетъ поддерживать женскія права; 2) комитетъ долженъ поддержи-

вать сношенія со всѣми партійными организаціями и имѣть во всѣхъ этихъ организаціяхъ одного или двухъ членовъ — мужчинъ или женщинъ безразлично; 3) комитетъ постарается заручиться сочувствіемъ мѣстной прессы и черезъ нее воздѣйствовать на общественное мнѣніе.

Результатомъ двухлѣтней работы было основаніе 113 новыхъ комитетовъ. Въ 1905 г. Н. С. организовалъ замѣчательную демонстрацію для пропаганды женскихъ правъ — митингъ, въ которомъ приняли участіе 90 членовъ парламента, представляющихъ всѣ партіи. Въ теченіе послѣднихъ общихъ выборовъ въ январѣ 1906 г. Н. С. сдѣлалъ попытку узнать взгляды всѣхъ парламентскихъ кандидатовъ. 410 объявили себя въ пользу предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ, — въ томъ или иномъ объемѣ, 30 членовъ высказались противъ женщинъ, 24 не пришли ни къ какому опредѣленному рѣшенію, 92 не дали отвѣта. Выборы дали парламенту большинство, обязавшееся содѣйствовать предоставленію женщинамъ парламентскихъ избирательныхъ правъ.

Докладъ отъ Германіи представила д-ръ Анита Аугсбургъ, делегатка «Deutsches Verband für Frauenstimmrecht». Законодательное положеніе женщинъ весьма различно въ различныхъ государствахъ имперіи. Въ Пруссіи и Баваріи женщинамъ воспрещается соединяться въ политическія организаціи; поэтому Ассоціація принуждена принимать членами не только мѣстныя организаціи, но и отдѣльныхъ лицъ. Практическая работа Ассоціаціи, кромѣ пропаганды, состоитъ, во-первыхъ, въ расширеніи политическихъ правъ женщинъ и, во-вторыхъ, въ возбужденіи среди женщинъ политическихъ интересовъ и стремленія получить права; также въ пользованіи правами тамъ, гдѣ они достигнуты.

Женщины имѣютъ муниципальное право голоса во многихъ мѣстностяхъ Германіи. Такъ какъ право голоса въ большинствѣ случаевъ вытекаетъ изъ обладанія земельной собственностью, то женщины въ деревнѣ имѣютъ больше правъ, чѣмъ въ городахъ. При этомъ въ однѣхъ мѣстностяхъ онѣ могутъ подавать голосъ лично, въ другихъ — передавать свой голосъ мужчинамъ. Но случается иногда, что женщины (какъ было, напримеръ, въ Мюнхенѣ) идутъ къ избирательнымъ урнамъ сами даже тамъ, гдѣ законъ повелѣваетъ имъ передавать свой голосъ мужчинамъ; и комитетъ допускаетъ ихъ къ урнамъ. Съ другой стороны, случается, что тамъ, гдѣ законъ предоставляетъ женщинамъ непосредственное право голоса, нѣкоторыя муниципальныя администраціи препятствуютъ имъ примѣнять это право. Въ Гамбургѣ, гдѣ, между прочимъ, бывали такіе случаи, одна изъ женщинъ, лишенная права голоса, никогда, со времени приговора, не уплачивала налога; а другая покинула городъ и перевела все свое состояніе въ другую мѣстность.

Въ Баваріи въ прошломъ году состоялся пересмотръ конституціи королевства. Всеобщее избирательное право было предоставлено мужчинамъ (такъ же какъ въ Reichstags Wahlrecht), но не женщинамъ. «Ассоціація для избирательныхъ правъ женщинъ» представила въ парламентъ петицію,

съ требованіемъ избирательныхъ правъ для всѣхъ безъ различія пола. За эту петицію высказались въ парламентѣ: половина либераловъ, всѣ социалисты и одна четверть клерикаловъ. Но такъ какъ послѣдняя партія имѣла абсолютное большинство, предложеніе было отвергнуто остальными тремя четвертями клерикаловъ. Въ настоящее время ассоціація начинаетъ особаго рода агитаціонную кампанію въ Пруссіи. Здѣсь по основному закону (*Allgemeine Landrecht*) всѣ лица имѣютъ равныя права, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣленно исключены закономъ. Этотъ основной законъ, повидимому, преданъ былъ забвенію, пока женщины не стали изучать право. Ассоціація поощряетъ своихъ членовъ въ требованіи судомъ тѣхъ правъ, которыя предоставлены имъ закономъ, и уплачиваетъ расходы, сопряженные съ веденіемъ процесса. Для начала ассоціація настаиваетъ на предоставленіи женщинамъ лишь одного муниципальнаго права голоса, такъ какъ требованіе парламентскихъ правъ голоса многихъ могло бы привести въ ужасъ.

Въ Италіи—по свидѣтельству делегатки итальянскаго «*Comita Nazionale per il voto alla Donna*», проф. Терезы Лабріола, — женское движеніе сдѣлало за послѣднее время значительный шагъ впередъ. Итальянское общество относится къ нему съ интересомъ. Двѣ анкеты были недавно организованы, одна Комитетомъ, другая Миланскимъ Союзомъ «*Unione Femile*». Выяснилось, что социалисты и либералы сочувственно относятся къ равноправію женщинъ. Агитація въ пользу предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ опирается на прямой законъ, не исключающій женщинъ изъ числа полноправныхъ гражданъ. На этомъ основаніи нѣкая г-жа Сакки, недавно потребовала, чтобъ имя ея было внесено въ избирательные списки; и мѣстный избирательный комитетъ изъявилъ на это свое согласіе. За либеральное истолкованіе закона стоятъ теперь многіе профессора и выдающіеся депутаты. Требованіе женщинами политическихъ правъ поддерживается членами всѣхъ политическихъ партій. Новая католическая партія — демократовъ-христіанъ, — издала манифестъ въ пользу женскихъ правъ.

Делегатка Венгріи, г-жа Швиммеръ, передала въ своемъ докладѣ нѣсколько оригинальныхъ чертъ женскаго движенія въ этой странѣ. Въ Венгріи оно представлено обществомъ «*Feministak Egyesülete*». Въ началѣ настоящаго вѣка въ Венгріи поднялся вопросъ о радикальной реформѣ избирательныхъ правъ. Многіе мужчины и женщины рѣшили воспользоваться этимъ для проведенія всеобщаго избирательнаго права безъ различія пола. Вскорѣ послѣ этого членъ парламента, принадлежавшій къ крайней оппозиціи, Людвигъ Хентаалеръ объявилъ, что партія его будетъ всецѣло стоять за предоставленіе женщинамъ парламентскихъ избирательныхъ правъ. Лидеръ партіи, Францъ Кошутъ открыто выступилъ защитникомъ этой реформы. Одновременно въ Будапештѣ была основана женская ассоціація, рѣшившаяся воспользоваться партией Независимыхъ и ковать желѣзо—пока горячо. Но ихъ ожидало большое разочарованіе. Въ по-

лтигѣ обѣщаніе и исполненіе—двѣ разныя вещи; и это вскорѣ познали доврѣчивые члены Феминистской Ассоціаціи. Партія Независимыхъ, вступивъ въ тактическія дѣйствія въ союзъ со всѣми другими оппозиціонными партіями, съ легкимъ сердцемъ отказалась отъ тѣхъ избирательныхъ реформъ, на которыя не соглашались другія партіи. И требованія женщинъ были отброшены. Въ концѣ іюля 1905 года правительство объявило свое намѣреніе провести законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Декларация эта вызвала невообразимый хаосъ. Всѣмъ пришлось теперь выказаться въ истинномъ своемъ свѣтѣ. Парламентскія партіи единодушно выступили противъ всеобщаго избирательнаго права. Такъ называемые либералы — также. Партія социаль-демократовъ подняла лихорадочную агитацію въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Но когда фабричныя работницы, по совѣту женщинъ средняго класса, обратились къ своей партіи для включенія женщинъ въ число будущихъ полноправныхъ гражданъ, —оказалось, что социаль-демократы стояли за права женщинъ лишь на бумагѣ.

Въ августѣ 1905 года гѣввыя партіи основали Лигу для введенія всеобщаго избирательнаго права для всѣхъ безъ исключеній. Много было произнесено рѣчей, гдѣ раздавались громкія слова о человѣческихъ правахъ, о свободѣ, равенствѣ, о народѣ, націи и пр. и пр. Женщины многого ожидали отъ этой лиги, и масса поспѣшила присоединиться къ ней. Но надежды ихъ сразу были разбиты. Когда Феминистская Ассоціація пожелала послать женщину-оратора на первый публичный митингъ Лиги, чтобы предъявить требованіе для женщинъ политическихъ правъ, — она встрѣтила категорическій отказъ. Лига открыто и сухо объявила, что подъ словомъ «народъ, нація, человечество» она разумѣетъ только мужчинъ. Лига не можетъ подвергать риску свою миссію, принимая на себя защиту утопій... «Ассоціація Феминистокъ» продолжала борьбу за права. 17 декабря она организовала громаднй публичный митингъ, въ которомъ приняли участіе женщины всѣхъ профессій и классовъ. За этимъ послѣдовало нѣсколько мѣсяцевъ вынужденнаго бездѣйствія. Въ апрѣлѣ произошло измѣненіе политическихъ условій, неожиданно были объявлены выборы. Ф. А. немедленно подняла агитацію. Она распространила тысячи плакатовъ съ надписью «Избирательное право, чтобы быть всеобщимъ, должно включать женщинъ». Она обратилась также ко всѣмъ парламентскимъ кандидатамъ, убѣждая ихъ включить избирательныя права женщинъ въ свою программу. Въ то же время Ф. А. предложила своимъ сторонникамъ оказать имъ помощь въ подготовительной избирательной кампаніи. На этотъ шагъ дѣятельность ея увѣчалась успѣхомъ: многіе кандидаты включили свою программу политическія права женщинъ. А въ Будапештѣ изъяти избранныхъ кандидатовъ пять объявили себя сторонниками женскихъ правъ. «Работу эту мы будемъ продолжать, пока добьемся побѣды», — такъ закончила свой интересный докладъ делегатка отъ Венгріи.

Делегатка отъ голландской «Vereeniging voor Vrouwenkiesrecht» указала актерную черту въ дѣятельности этой «Ассоціаціи Избирательныхъ Правъ

Женщинъ». Стремясь объединить всѣхъ женщинъ, она придерживается въ политическихъ вопросахъ строгаго нейтралитета. Ассоціація проявила оживленную дѣятельность въ 1905 году во время выборовъ. Былъ организованъ отдѣльный комитетъ для пропаганды, причемъ, по словамъ делегатки, ихъ небольшая армія была ввѣрена руководству одного вождя-капитана и раздѣлена на группы по два-три человѣка. Каждая группа обязалась быть на всѣхъ митингахъ, куда пошлетъ ее капитанъ. Одинъ изъ членовъ группы долженъ былъ обратиться къ кандидату въ парламентъ съ запросомъ относительно его взглядовъ на избирательныя права женщинъ; другія два сопровождавшихъ его лица помогали ему. Всѣ имѣли значокъ изъ бѣлой ленты съ надписью «избирательныя права женщинамъ». Значокъ этотъ часто открывалъ членамъ комитета доступъ туда, куда другихъ не допускали. Кроме того, члены комитета обходили избирателей. Для обезпеченія себѣ хорошаго приѣма, они заранѣе разсылали циркулярныя письма всѣмъ главамъ семействъ. Послѣдніе предупреждались относительно предстоящаго визита членовъ комитета. При этомъ, въ случаѣ нежеланія принять ихъ, предлагалось выставить на окнѣ прилагаемую небольшую карточку, на которой было напечатано: «не принимаю визитовъ въ связи съ предстоящими выборами».

Въ 1909 году предполагается пересмотръ голландской конституціи. Въ виду этого, правительство учредило Комитетъ для составленія доклада; и Ассоціація, съ своей стороны, немедленно организовала свой комитетъ по вопросу о женскихъ правахъ. Докладъ комитета былъ одобренъ авторитетными юристами. Въ немъ предъявлялось требованіе, чтобъ женщинамъ предоставлено было право голоса на тѣхъ же самыхъ основахъ, какъ и мужчинамъ.

Докладъ Даніи былъ прочитанъ делегаткой женской ассоціаціи («Danske Kvindeforeningers Valgretsforbund»), г-жей Норлундъ. Въ Даніи женщины пользуются весьма немногими правами. Съ 1904 года онѣ могутъ принимать участіе въ нѣкоторыхъ приходскихъ дѣлахъ. Съ 1905 года онѣ получили доступъ въ совѣты попечительства надъ безпризорными дѣтьми. Вдовы съ дѣтьми могутъ быть членами школьныхъ совѣтовъ.

Вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ выдвинулся въ Даніи съ 1888 г. Въ 1899 г. была основана «Ассоціація для Избирательныхъ Правъ Женщинъ», состоящая теперь изъ 14 разныхъ союзовъ. Каждый имѣетъ свой особый уставъ и особыя цѣли, но всѣ принимаютъ участіе (черезъ посредство двухъ делегатовъ отъ каждаго союза) въ работѣ «Danske Kvindevalg». Ассоціація неоднократно представляла петиціи въ верхнюю и нижнюю палаты, и во время выборовъ женщины обращаются къ кандидатамъ съ запросомъ, будутъ ли они содѣйствовать предоставленію женщинамъ политическихъ правъ. Большинство отвѣчаетъ утвердительно, но съ оговоркой, что время для такой реформы еще не настало.

Делегаткой отъ Норвегіи явилась почтенная представительница женскаго союза (Landskvindestemmeretsforeningen), г-жа Квамъ. Въ ясной,

сжатой формѣ, г-жа Бвамъ представила главные этапы женскаго движенія въ Норвегіи. Начало его относится къ 1833 году, когда стуртингъ предложилъ ввести билль, дающій женщинамъ муниципальныя избирательныя права. Въ 1854 году женщины были уравнены съ мужчинами въ правахъ наследства. Въ 1894 году онѣ получили право голоса по вопросу о водочномъ производствѣ. Въ 1885 году г-жа Брогъ основала въ Христианіи «Женскій Союзъ Избирательныхъ Правъ», а въ 1898 году для той же цѣли была организована Национальная Ассоціація. Оба общества стоятъ на стражѣ интересовъ женщинъ. Когда въ 1901 году члены стуртинга предложили ввести всеобщее муниципально-приходское голосованіе, позабывъ при этомъ о существованіи женщинъ, Н. А. немедленно предъявила свои требованія и протестовала противъ какого-либо расширенія избирательныхъ правъ, не включающаго женщинъ. 25 мая 1901 года женщины, платящія налогъ, получили муниципальныя приходскія права; при этомъ Н. А. приложила старанія, чтобы побудить женщинъ воспользоваться своими правами. Въ результатѣ: 48,402 женщины приняли участіе въ выборахъ; 98—были избраны членами муниципальных совѣтовъ; 160—кандидатками. Въ историческій моментъ 1905 года Н. А. организовала голосованіе женщинъ по вопросу объ отдѣленіи Норвегіи отъ Швеціи. Въ результатѣ 300,000 женщинъ, т.-е. почти все взрослое женское населеніе, высказалось за расторженіе уніи, т.-е. за свободу Норвегіи. 13 августа депутація женщинъ представила адресъ президенту стуртинга. Комитетъ и секція Н. А. приняли дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи. Въ настоящее время избирательныя корпораціи сочувственно отнеслись къ призыву Н. А. включить въ ихъ программы избирательныя права женщинъ. За женщинъ стоятъ либералы и социалисты, также многіе члены другихъ партій. Вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ будетъ, вѣроятно, возбужденъ въ предстоящей сессіи стуртинга, и Н. А. надѣется на благоприятное разрѣшеніе вопроса.

Симпатичная делегатка Шведскаго Женскаго Общества Избирательныхъ правъ («Landforeningen för Kvinnans Politiska Rösträtt»), г-жа Уитловъ дала яркую картину женскаго движенія въ этой странѣ. Движеніе для приобрѣтенія политическихъ правъ возникло недавно и развилось необыкновенно быстро. Причина такого прогресса заключается въ томъ, что шведскія женщины давно ведутъ борьбу, — упорную, но не фанатическую, — за уравненіе съ мужчинами въ образованіи и въ общественной работѣ; и требованіе избирательныхъ правъ является естественнымъ результатомъ предъявленія требованія гражданскаго равноправія. Съ самаго начала движеніе захватило всѣ классы, отъ фабричныхъ работницъ до дамъ высшаго общества включительно. Оно свободно отъ вліянія какой-либо политической, социальной или религіозной партіи. Въ правленіяхъ различныхъ женскихъ обществъ избирательныхъ правъ есть консерваторы и радикалы, либералы и члены рабочей партіи: всѣ женщины ревностно ведутъ совмѣстную работу, зная, что по достиженію цѣли дороги ихъ разойдутся. Различныя

женскія общества избирательныхъ правъ часто являются центромъ мѣстной соціальной работы. Они открываютъ клубы для рабочихъ,—кулинарныя школы и проч.; читаютъ лекціи, устраиваютъ митинги, приглашая аудиторію принимать участіе въ преніяхъ, воспитывая такимъ образомъ общественное мнѣніе. Члены «Союза» работаютъ среди бѣдныхъ, участвуютъ въ «Школьныхъ Совѣтахъ» и примѣняютъ свое муниципальное право голоса, которымъ шведскія женщины пользуются съ 1862 года. Какъ результатъ этой дѣятельности, въ общественномъ мнѣніи замѣчается огромный прогрессъ по отношенію къ женскому вопросу. Когда въ 1884 году членъ нижней палаты г. Боргъ внесъ билль, предоставляющій женщинамъ активныя и пассивныя избирательныя права,—билль этотъ былъ встрѣченъ смѣхомъ какъ въ парламентѣ, такъ и въ прессѣ. Когда въ 1902 г. г. Линдгагенъ (нынѣ городской голова Стокгольма) предложилъ въ Нижней палатѣ разслѣдовать вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ,—предложеніе его уже встрѣтило гораздо болѣе сочувствія. Въ томъ же 1902 году было основано «Стокгольмское Общество Избирательныхъ Правъ Женщинъ». Аналогичныя общества вскорѣ возникли въ странѣ: въ концѣ 1904 г. ихъ было 35, а въ маѣ настоящаго года число этихъ обществъ возросло до 63. Въ 1905 году на политическую авансцену выступилъ либеральный, энергичный кабинетъ. Можно было надѣяться, что онъ проведетъ реформу и включитъ женщинъ въ предстоящій законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Не менѣе тридцати петицій были представлены женщинами въ кабинетъ. Но послѣдній отказался включить женщинъ въ проектъ закона о всеобщемъ избирательномъ правѣ изъ страха затормозить разрѣшеніе этого вопроса.

Либеральный кабинетъ вышелъ въ отставку въ маѣ 1906 г., передавъ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ консервативному кабинету. Для воздѣйствія на общественное мнѣніе Женское Общество Избирательныхъ Правъ организовало массовую петицію. Подписи лицъ, высказывающихся за женскія права, ежемѣсячно появляются въ печати. До сихъ поръ ихъ имѣется 82,522 и, вѣроятно, удастся собрать болѣе 100,000 подписей. Шведское Женское Общество твердо надѣется, что вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ будетъ вскорѣ успѣшно разрѣшенъ въ Швеции.

III.

Сочувствіе и интересъ, проявленные конгрессомъ къ освободительному движенію Россіи. — Докладъ о Союзѣ Равноправія Женщинъ и рѣчи русскихъ делегатовъ. — Сочувственное отношеніе конгресса къ Финляндіи. — Докладъ финляндской делегатки. — «Привѣтъ» женщинамъ Австраліи. — Резолюція конгресса. — Заключение.

Переходя къ докладамъ остальныхъ трехъ странъ, нельзя не остановиться на исключительномъ отношеніи конгресса къ Россіи. Отношеніе это можетъ быть характеризовано тремя опредѣленіями: громадный интересъ, горячее сочувствіе и изумленіе передъ силой и быстротой освободитель-

наго движенія. Къ этому можно прибавить впечатлѣніе особой загадочности, какую представляетъ для иностранцевъ необъятная страна наша, недоступная имъ по языку, непонятная по ходу ея исторіи. Благодаря этому своеобразному положенію, Россія сразу выдѣлилась на конгрессѣ изъ всѣхъ остальныхъ странъ. Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія конгресса председательница Международнаго Союза, списываясь съ представительницами С. Р. Ж. подчеркивала особый интересъ, вызываемый Россіей, и общее желаніе возможно ближе ознакомиться съ главными чертами женскаго движенія въ этой странѣ. Это отношеніе подтвердилось на конгрессѣ. Въ первый же день, при открытіи его, председательница, привѣтствуя делегаціи четырехъ новыхъ присоединяющихся странъ, предложила предоставить для доклада отъ Россіи 15 лишнихъ минутъ, т.-е. почти вдвое больше времени, чѣмъ остальнымъ странамъ; и собраніе приняло предложеніе единогласно. Делегатка отъ Россіи очертила исторію возникновенія и дѣятельности «Союза Равноправія Женщинъ», въ связи съ освободительнымъ движеніемъ Россіи. Вначалѣ, характеризуя женское движеніе въ Россіи, докладчица указала на особую черту, отличающую его по сравненію съ аналогичнымъ явленіемъ въ Западной Европѣ и Америкѣ: женщина въ Россіи была всегда болѣе или менѣе равна мужчинамъ, равна по отсутствію правъ. Виноватъ съ ними страдала она отъ произвола и безправія, и цѣной безконечныхъ жертвъ виноватъ пробивала путь къ свободѣ. Оставая интересы народа, русская женщина часто жертвовала всѣмъ, что придаетъ цѣну жизни: семейными связями, свободой, иногда собственной жизнью. Эти своеобразныя историческія условія объясняютъ отчасти отношеніе къ женскому вопросу всей юной, обновленной Россіи: всѣ значительныя прогрессивныя партіи признали женщину полноправной гражданкой и внесли въ свою программу равенство всѣхъ передъ закономъ, безъ различія пола. Докладчица далѣе описала возникновеніе Союза Равноправія Женщинъ и четыре эпохи его дѣятельности: 1) Періодъ организаціи отъ конца февраля 1905 г. до перваго делегатскаго собранія С. Р. Ж. 8—11 мая. 2) Періодъ пропаганды въ земствѣ и въ «Союзѣ-союзовъ», отъ 1-го делегатскаго собранія С. Р. Ж. до 2-го делегатскаго собранія 7—11 октября 1905 г. 3) Періодъ пропаганды женскаго вопроса въ политическихъ партіяхъ и въ разныхъ общественныхъ группахъ, отъ 2-го делегатскаго собранія, приблизительно, до февраля 1906 г. 4) Періодъ отъ февраля до 9 іюля, — участіе въ предвыборной агитаціи и пропаганда женскаго вопроса въ Государственной Думѣ.

Охарактеризовавъ различные періоды дѣятельности Союза, докладчица обратилась на агитаціи его среди крестьянскаго населенія. Можно было сказать, что крестьянка, необразованная и полуграмотная, всего пассивнѣе отнесется къ новымъ прогрессивнымъ идеямъ. Дѣйствительность не оправдала этихъ опасеній. Почти вездѣ, гдѣ раздалось новое слово, — слово о свободѣ и равенствѣ, крестьянки отзывались горячо, часто страстно. При этомъ и здѣсь большую роль въ женскомъ движеніи сыграла указанная

выше особенность въ положеніи русской женщины: она всегда шла рука объ руку съ мужчиной, почти равная ему въ общемъ безправіи. И теперь, при обновленіи всего строя жизни, реформа, отбрасывающая интересы и благо цѣлой половины населенія, представлялась жестокой и нелѣпой. Этотъ взглядъ крестьянокъ ярко выразился въ цѣломъ рядѣ ихъ петицій въ Государственную Думу, между прочимъ, въ извѣстномъ письмѣ тверскихъ крестьянокъ *). По отношенію къ крестьянамъ и ихъ взглядамъ на права женщины, и здѣсь также предсказанія скептиковъ были разбиты дѣйствительностью. Поскольку настроеніе передового крестьянства выразилось въ Крестьянскомъ Союзѣ, большинство, на учредительномъ съѣздѣ К. С. (въ октябрѣ 1905 года), рѣшительно стали за правду и справедливость. И здѣсь вопросъ о правахъ женщинъ, въ противоположность интеллигентнымъ сферамъ, ставился и разрѣшался прямо и просто. На учредительномъ съѣздѣ Крест. Союза представители крестьянъ говорили: «Разъ мы, крестьяне, добываясь земли, не исключаемъ изъ пользованія ею и женщинъ, нѣтъ смысла лишать ихъ политическихъ правъ». Одинъ изъ делегатовъ при этомъ указалъ, что распространеніе на женщинъ политическихъ правъ увеличить силу крестьянства, создастъ для него вторую армію. Практическимъ аргументомъ выставлялось и то соображеніе, что крестьянки всегда возставали противъ алкоголизма и войны,—этихъ двухъ главныхъ враговъ народа.

Особое вниманіе было уделено въ докладѣ 4-му, позднѣйшему періоду жизни Союза Равноправія Женщинъ. Дѣятельность его сосредоточилась вокругъ нашего перваго парламента. Союзъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что тамъ происходило по отношенію къ женскому вопросу. Въ Думѣ, съ самаго начала, первое мѣсто, по численности и вліянію, заняла партія народной свободы. Партія эта внесла въ свою программу полное уравниеніе женщинъ въ правахъ съ мужчинами. Тѣмъ не менѣе, не всѣ члены ея были расположены практически поддерживать реформу. Многие, рѣшительно ставъ на сторону женскихъ правъ, сдѣлали это по врожденному благородству и чувству чести, но были мало подготовлены для проведенія реформы: по собственному признанію, многие изъ нихъ никогда раньше не задумывались серьезно надъ женскимъ вопросомъ,—имѣли о немъ самое смутное представленіе. И первымъ ихъ шагомъ было привлеченіе самихъ женщинъ къ совмѣстной работѣ въ этой области. Вторая по вліянію и числу партія въ Думѣ, трудовая, въ лицѣ своихъ лидеров рѣшительно высказалась за уравниеніе женщинъ въ правахъ съ мужчинами; но это была партія еще юная и мало опытная въ политическихъ дѣлахъ. Наконецъ, крайняя лѣвая въ Государственной Думѣ, также признавшая полное равноправіе женщинъ, была весьма малочисленна. Въ Государственной Думѣ

*) Письмо это было принято на конгрессѣ съ энтузіазмомъ. Оно уже появилось въ иностранной печати на англійскомъ, нѣмецкомъ, датскомъ, норвежскомъ и друг. языкахъ.

были и другія партіи: демократическихъ реформъ, 17 октября, крайняя правая и безпартійные. Всѣ эти партіи или вовсе не поднимали вопроса о женскихъ правахъ, или же высказывались противъ нихъ. При этомъ трогательное единеніе, въ смыслъ враждебнаго отношенія къ равноправію женщинъ, обнаружилось между нѣкоторыми представителями высшей интеллигенціи съ одной стороны и полуграмотной деревней—съ другой. Такъ, проф. Ковалевскій, лидеръ партіи *демократическихъ* (!) реформъ, взялъ на себя неблагоприятную задачу отстаивать въ печати образовательный цензъ по отношенію къ женщинамъ. Около того же времени, 6 іюня, на ту же тему говорилъ крестьянинъ Бругликовъ, цинично заявившій, что «женскому полу правовъ нельзя давать! Мужчина всегда долженъ быть старше». Аргументы проф. Ковалевскаго и крестьянина Бругликова были различны; но выводы обомъ сводились къ тому, что реформа преждевременна. Делегатка коснулась дальѣ дѣятельности агитаціоннаго кружка Союза Р. Ж., его сношеній съ образовавшейся въ Думѣ подкомиссіей по вопросу о равноправіи женщинъ и организаціи юридической комиссіи. Эта комиссія, учрежденная членами Союза Равноправія Женщинъ, пересмотрѣла весь сводъ законовъ, выдѣлила всѣ касающіеся женщинъ законы и собрала ихъ воедино. Дѣятельность агитаціоннаго кружка, пропаганда его въ Думѣ, обѣщала привести къ желанному результату. Но мечтамъ друзей свободы не суждено было осуществиться въ ближайшемъ будущемъ: 9 іюля утромъ появился указъ о роспускѣ Государственной Думы...

Докладчица изобразила въ заключеніе положеніе Россіи, лишенной народнаго представительства. «Грубая сила»,—сказала она,—«восторжествовала надъ культурнымъ прогрессомъ... Тернисть лежашій передъ нами путь; но тернии не должны останавливать насъ. Мы должны помнить, что страданія неразлучны съ борьбой за правду; что свобода покупается лишь дорогой цѣной... Мы, члены Всерос. Союза Равноправія женщинъ, бодро и смѣло пойдемъ впередъ, на защиту униженныхъ и оскорбленныхъ, за правду и свободу». Приѣмъ, оказанный докладу отъ Союза Равноправія Женщинъ, еще разъ подчеркнул горячее сочувствіе къ освободительному движенію Россіи прогрессивныхъ элементовъ Западной Европы и Америки *). Вотъ что говорить по этому поводу въ своемъ докладѣ (помѣщенномъ въ американскомъ журналѣ *The Woman's Journal*) предсѣдательница М. С. г-жа Чапманъ Бэтъ. «Быть можетъ, самый горячій привѣтъ конгресса былъ обращенъ къ новому Союзу Равноправія Женщинъ въ Россіи, такъ какъ здѣсь женщины выступили при несравненно болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ въ другихъ странахъ... Русская делегатка дала картину изумительнаго мужества и рѣшительности русскихъ женщинъ. Конгрессъ слушалъ

*) Весьма сочувственныя замѣтки, въ связи съ докладомъ отъ Россіи, появились какъ въ иностранной, такъ и въ мѣстной прессѣ: въ газетѣ *Politiken*, названной, между прочимъ, докладъ «историческимъ документомъ, съ которымъ будутъ знакомиться всѣ, интересующіеся женскимъ движеніемъ въ Россіи»; въ *Urd.*, въ *Berlingske Tidende*, въ *Journal des Femmes* и т. д.

съ глубокимъ вниманіемъ, не шелохнувшись, и по окончаніи доклада всё встали, горячо аплодируя и махая платками. Замѣтно было, что многіе были тронуты до слезъ; и это еще краснорѣчивѣе говорило объ общей симпатіи къ русскимъ женщинамъ и къ ихъ мужественной борьбѣ.

Цѣннымъ дополненіемъ къ картинѣ женскаго движенія въ Россіи явились рѣчи другихъ русскихъ делегатовъ. Г-жа Гончарова, въ обстоятельномъ рефератѣ, передала о положеніи женскаго труда въ Россіи, причемъ привела новѣйшія статистическія данныя. Г-жа Волькенштейнъ, пріѣхавъ къ конгрессу отъ лица Союза Равноправія Женщинъ, указала на необходимость демократизаціи женскаго движенія. Г-жа Клирикова сообщила о послѣднемъ періодѣ дѣятельности Союза Равноправія Женщинъ—агитаціи его въ Государственной Думѣ. Г-жа Кальмановичъ остановилась на общемъ положеніи женщины въ Россіи и ея роли въ освободительномъ движеніи. «Общественныя и государственныя дѣла»,—замѣтила она,—«такъ же близко касаются женщинъ, какъ и мужчинъ... Если женщины хотятъ исполнить свой долгъ матерей и воспитательницъ, онѣ обязаны измѣнить существующій строй жизни... И мужчинамъ нечего опасаться вмѣшательства женщинъ въ общественныя дѣла, ибо дѣла эти не могутъ идти хуже, чѣмъ они шли до сихъ поръ». Въ заключеніе делегатка указала, что преобладаніе мужчинъ основывалось, главнымъ образомъ, на физической силѣ; но теперь настало время, когда на первый планъ выдвигается не грубая сила, а сила умственная и нравственная». Рефераты и рѣчи русскихъ делегатовъ возбуждали живой интересъ въ конгрессѣ, вызвали обмѣнъ мыслей и привлекли вниманіе прессы.

Отдѣльное мѣсто занялъ на конгрессѣ докладъ отъ «Грузинскаго Союза Равноправія Женщинъ», присоединившагося на автономныхъ началахъ къ Всерос. Союзу Равноправія Женщинъ. Въ докладѣ этомъ были представлены разныя стадіи въ положеніи грузинскихъ женщинъ съ древнѣйшихъ временъ. Свободныя въ эпоху независимости Грузіи, женщины-грузинки въ концѣ XVIII вѣка сдѣлались рабынями русскаго деспотизма. Великая русская революція пробудила ихъ. Теперь онѣ идутъ рука объ руку съ своими русскими сестрами, готовыя все перенести и выстрадать ради свободы. Мужчины въ Грузіи всецѣло признали равноправіе женщинъ, которыя съ самаго начала стали въ первые ряды освободительнаго движенія.

Говоря о проявившемся на конгрессѣ отношеніи къ Россіи, нельзя не отвѣтить горячую рѣчь германской делегатки, г-жи Гейманъ. Она остановилась на потрясающемъ впечатлѣніи, произведенномъ въ Европѣ сообщеніями о репрессіяхъ русскаго правительства. «То небольшое»,—сказала г-жа Гейманъ,—«что проникаетъ къ намъ съвозъ строй русской цензуры леденитъ кровь описаніемъ всѣхъ ужасовъ грабежа, насилій и истязаній которымъ подвергаются въ Россіи мужчины, женщины и даже дѣти...» насъ доносятся молебны о помощи со стороны тѣхъ, кто борется и стр. даетъ за свободу народа. Какой же отвѣтъ, какая помощь дана имъ? Ц. вылизанная Европа отвѣтила тѣмъ, что помогла рыцарямъ безправія и

включить новые займы и тѣмъ поддержала старый бюрократическій строй. И слѣдствіемъ этого былъ роспускъ Государственной Думы и послѣдовавшая затѣмъ реакція. Г-жа Гейманъ заключила свою пламенную рѣчь призывомъ къ женщинамъ всѣхъ странъ всячески противодействовать дальнѣйшему займамъ русскаго правительства, дальнѣйшей поддержкѣ врагамъ свободы.

Совсѣмъ особое положеніе заняла на конгрессѣ наша сосѣдка, стойкая, энергичная и теперь благоденствующая Финляндія. Благодаря недавно введенному здѣсь всеобщему избирательному праву безъ различія пола, финляндки достигли, однѣ изъ первыхъ, той конечной цѣли, къ которой стремится вся наша борющаяся за свободу и равноправіе армія. И побѣда финляндскихъ женщинъ вызвала общую радость и ликованіе. Отношеніе къ нимъ конгресса выразилось въ прекрасной пріветственной рѣчи г-жи Чарпанъ Кэтъ. «Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ»,—сказала председательница,—«являются такимъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ прогресса, что самыя безпокойныя и честолюбивыя изъ насъ могутъ быть довольны; но случилось нѣчто еще большее. Мы были подобно отряду, медленно, съ трудомъ взбирающемуся на крутую, скалистую гору. Мы глядѣли вверхъ и, казалось, неопредѣленные пространства времени и труда отдѣляли насъ отъ вершины. Мы не падали духомъ... Мы знали, что достигнемъ цѣли, но мы знали также, что нѣтъ другого пути къ ней, кромѣ этого терпѣливаго, поступательнаго движенія, шагъ за шагомъ. И вдругъ, совсѣмъ неожиданно, мы увидѣли на вершинѣ другой отрядъ. Какъ поднялся онъ туда? Онъ ни съ неба не спустился, ни взобрался по трудному, долгому пути. А между тѣмъ, надъ всѣми нами возвышаются нынѣ женщины Финляндіи. На каждой изъ нихъ—вѣнецъ верховной власти самоуправляющейся гражданки. Два года назадъ женщинамъ этимъ не позволили бы организовать общество женскихъ избирательныхъ правъ. Годъ тому назадъ онѣ организовали Комитетъ Избирательныхъ правъ женщинъ, который, проработавъ менѣе года, достигъ своей цѣли... Говоря метафорически, крикъ радости пронесся по всѣмъ обществамъ женскихъ избирательныхъ правъ,—во всемъ мірѣ. Ни одна женщина Финляндіи не можетъ испытывать болѣе радости, чѣмъ мы. Женщинамъ всѣхъ другихъ странъ мы сказали: «Дайте намъ помочь вамъ»; женщинамъ Финляндіи мы должны сказать: «Придите намъ на помощь». Побѣда досталась вамъ легче, чѣмъ возможно было ожидать. Не забудьте пробирающагося къ верху отряда. Если же онъ спроситъ: «Какъ намъ помочь вамъ?» Мы отвѣтимъ: «Воспользуйтесь вашими избирательными правами достойнымъ образомъ; наставляйте на честности и благородствѣ въ политикѣ; отбрасывайте личности и мелочи, и всегда держитесь высшаго идеала; докажите, что политика не деморализуетъ семью, но что семья облагораживаетъ политику; что мать разумнѣе исполнитъ свои обязанности, если она—свободная гражданка»...

Докладъ отъ финляндскаго «Союза Женскихъ Правъ» («Finsk Kvinnosaks-

(*förbund*) представила известная деятельница женскаго движенія г-жа Фуруельмъ. Она въ яркихъ чертахъ изобразила ходъ женскаго движенія въ Финляндіи и одержанную имъ конечную побѣду. «Женскій Союзъ» былъ основанъ въ 1892 году. Онъ работалъ дѣлательно въ разныхъ направле- нійхъ, но, тѣмъ не менѣе, успѣхъ его былъ такъ сказать платоническій. Требования женщинъ имѣли *succès d'estime*, ибо они были основаны на неопровержимыхъ логическихъ доводахъ. Но правительство не проводитъ реформъ, опирающихся на одну логику: правительство и палата предста- вителей уступаютъ лишь давленію сильнаго общественнаго мнѣнія. И это вполне оправдалось на примѣрѣ Финляндіи...

Въ 1899 г. мечъ, висѣвшій надъ Финляндіей, упалъ на нее: консти- туція была раздавлена, національная автономія подвергнута опасности. За этимъ послѣдовалъ періодъ порабощенія. Каждый день приносилъ но- выя невзгоды, о которыхъ, — замѣтила делегатка — никто здѣсь, за исклю- ченіемъ нашихъ русскихъ сестеръ, не можетъ имѣть представленія. Только онѣ и мы знаемъ, что значитъ жить подъ непрестанной угрозой. «Я признаю», — сказала делегатка, — «что Россія кровью своей заплатила ве- ликую дань, и страданія ея, быть можетъ, еще сильнѣе. Но Финляндіи приходилось, кромѣ того, переживать позоръ чужеземнаго ига. Нашъ языкъ, наша религія, наши обычаи — все, что для насъ священно, было подъ угрозой врага. Подобно боевому клику, по всей странѣ раздался ло- зунгъ пассивнаго сопротивленія противъ всякой незаконной мѣры. Сотни и тысячи женщинъ, которыя, быть можетъ, ранѣе никогда и не думали о правахъ — вѣрнѣе, о своемъ безправіи, — вступили въ ряды оппозиціи. И мужчины съ энтузіазмомъ приняли помощь женщинъ. По всей странѣ распространилась тайная организація, въ которой женщины приняли дѣя- тельное участіе. Особая женская организація собирала фонды для поли- тическихъ цѣлей; и женщины изъ высшаго общества тайно перевозили газету, подъ названіемъ *Свободное Слово*, которая издавалась въ Швеціи финляндскими патриотами, изгнанными русскимъ правительствомъ.

Въ октябрѣ 1905 г. въ исторіи Финляндіи перевернулась новая стра- ница. Великая національная забастовка возвратила ей утраченное само- управленіе вмѣстѣ съ реформой устарѣлаго представительства. На очередь было поставлено введеніе всеобщаго избирательнаго права. И такъ какъ женщины доказали свою способность къ самопожертвованію и къ коопе- раціи въ политической борьбѣ, то всѣ мужчины сочли естественнымъ, чтобы въ часъ побѣды и женщины получили свою долю возвращенной свободы. 28 мая 1906 года всеобщее избирательное право безъ различія пола было единогласно принято финляндскимъ сеймомъ.

Блестящей иллюстраціей къ картинѣ міроваго женскаго движенія яви- лось «Посланіе отъ женщинъ Австраліи» («National Australian Women's Po- litical Union»), составленное г-жей Гольдштейнъ. Въ Австраліи избира- тельныя права женщинъ являются уже не академическимъ вопросомъ: права эти вездѣ (кромѣ штата Викторіи) примѣнялись здѣсь въ теченіе

цѣлаго ряда лѣтъ, и дали одни лишь благіе результаты, что подтверждается цѣлымъ рядомъ гуманнѣхъ мѣръ и законовъ, введенныхъ подъ вліяніемъ женщинъ *)).

Факты эти побѣдоносно опровергаютъ всѣ возраженія и опасенія враговъ равноправія женщинъ.

Мы привели главныя характерныя черты представленныхъ на конгрессѣ М. С. докладовъ отъ семнадцати странъ. Почти вездѣ женщины пробуждаются къ самосознанію; почти вездѣ онѣ ясно поняли, что мириться съ общественно-политическимъ безправіемъ — значить обречь себя на роль пассивнаго зрителя въ великой драмѣ жизни. Для скорѣйшаго исполненія своей задачи, — для «достиженія вершины», какъ образно выразилась предсѣдательница М. С., конгрессъ рѣшилъ вновь собраться весной въ 1908 г. Голландія, изъявившая желаніе принять у себя делегатокъ, была намѣчена мѣстомъ 4 конгресса «Международнаго Союза Избирательныхъ Правъ Женщинъ». Для поддержанія взаимныхъ сношеній и выясненія общихъ всѣхъ интересующихъ вопросовъ, рѣшено издавать краткій ежемѣсячный бюллетень — свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ женскаго движенія во всѣхъ входящихъ въ М. С. странахъ.

Конгрессъ М. С. далъ яркое изображеніе прошлаго — историческій очеркъ женскаго движенія; подвелъ его итоги; намѣтилъ планъ дѣйствій для будущаго. Передъ участниками его возстала грандіозная картина всемірнаго движенія во имя правды и справедливости — во имя равенства всѣхъ передъ закономъ. Общая цѣль сблизила разбросанныхъ по свѣту поборниковъ равноправія, дала имъ взаимную моральную поддержку. Въ единеніи — сила. И многія, покидая конгрессъ, унесли съ собою ту твердую увѣренность въ побѣдѣ, которая вылилась въ послѣднихъ словахъ великой поборницы женскаго движенія, г-жи Антони: «Неудача невозможна» (Failure is impossible).

Н. Мировичъ.

*) Мы не останавливаемся на перечисленіи этихъ реформъ, такъ какъ „Посланіе женщинъ Австраліи“ было нами приведено въ послѣднемъ № *Русской Мысли*

Журнальное обозрѣніе.

Одна изъ характерныхъ особенностей переживаемаго нами момента,— замѣчаетъ г. Пѣшехоновъ въ сентябрьской книгѣ *Русскаго Богатства*,— заключается въ томъ, что всѣ важнѣйшія партіи и организаціи, ведущія освободительную борьбу, не въ состояніи сейчасъ предложить съ достаточной увѣренностью сколько-нибудь опредѣленныхъ тактическихъ плановъ. Этимъ и объясняется, конечно, наступившее въ борьбѣ затишье. Что же дальше?—не въ смыслѣ задачъ, а въ смыслѣ дѣйствій—вотъ вопросъ, который неотступно стоитъ передъ всѣми.

Лѣвыя партіи рѣшили принять участіе въ избирательной кампаніи и въ будущей Государственной Думѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Дума, попрежнему, остается для нихъ однимъ изъ второстепенныхъ, неважныхъ моментовъ революціонной борьбы, долженствующихъ быть пріуроченными для задачъ и цѣлей исключительно этой борьбы. Рѣшить дѣло, по ихъ мнѣнію, организованное общее выступленіе, готовить которое въ будущемъ и поддерживать отъ котораго въ настоящемъ и составляетъ главную задачу социаль-демократической партіи.

Но вопросы тактики, какъ мы уже неоднократно писали, по нашему мнѣнію, исключительно или, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшей степени суть вопросы переживаемаго историческаго момента. Конечно, каждая партія очерчиваетъ тотъ общій кругъ, за который не должна выходить ея тактика, сообразно ея общему пониманію историческаго развитія. Но переносить всю тяжесть тактики, пріурочивать ея удары къ неопредѣленному будущему, въ которомъ мы не можемъ учесть заранѣе реальное соотношеніе силъ—это, значить, совершить крупную теоретическую и практическую ошибку, въ оправданіе печальной дѣйствительности рисовать радужныя и заманчивыя перспективы.

По мнѣнію многихъ въ настоящее время к.-д. партія не даетъ отвѣта въ своей тактикѣ, не отмѣчаетъ одной самой важной для современнаго положенія черты: организаціи реакціи и ея готовности покончить со второй Государственной Думой по примѣру первой. «Мы не знаемъ,—пишетъ г. Ник—скій въ октябрьской книгѣ *Современнаго Мира* («Вопросы теку-

пей жизни»),—что скажутъ кадеты избирателямъ, все вниманіе которыхъ на вторыхъ выборахъ сосредоточится на одномъ центральномъ пунктѣ: какъ развязать узелъ, завязанный борьбою первой Думы со старою властью за права народнаго представительства?»

Вся дѣятельность партіи к.-д. отвѣчаетъ на эти вопросы. Воспитывать народное сознаніе въ томъ направленіи, чтобы конституціонныя гарантіи стали для народныхъ массъ тѣмъ воздухомъ, безъ котораго нельзя прожить ни одной минуты—вотъ всегдашняя и основная задача партіи. Слабость укрѣпленія въ народныхъ массахъ этой сознательной позиціи лишаетъ тактическіе планы всѣхъ партій практической возможности ихъ осуществленія; при укорененіи же подобнаго сознанія тѣ или иные рѣшительные тактическіе лозунги прозвучать, какъ боевой кличь, по всей странѣ. Переоцѣнка силъ, киданіе лозунговъ въ неорганизованную среду, способны только создавать опасныя и тяжелыя, порою быть можетъ психологически неизбежныя ошибки. Возможный роспускъ второй Думы и тяжелая реакція смущаютъ г. Ник—скаго, и онъ кидаетъ упрекъ кадетамъ въ томъ, что они бессильны будутъ устранить эту реакцію. Но вѣдь реакція свирѣпствуетъ и теперь, и пусть г. Ник—скій съ увѣренностью укажетъ намъ тѣ общественныя группы, которыя въ настоящемъ противопоставляютъ ей что-либо иное, кромѣ громкаго голоса возмущеннаго общественнаго мнѣнія. Что же касается до будущаго, то здѣсь мы позволимъ себѣ привести довольно длинную цитату изъ статьи самого же г. Ник—скаго: «Между прошлымъ и настоящимъ уже легла глубокая черта,—пишетъ онъ.—Абсолютизмъ опирался на себя, на свои силы, на свое божественное право. Онъ никогда не апеллировалъ къ народу. Онъ надѣялся на свою полицію, на свою армію. Всякое народное движеніе казалось ему дѣрзкою и вредною игрою «ограниченнаго ума подданныхъ и подавлялось имъ съ твердостью глубокаго убѣжденія. Извѣстно, что Николай I запретилъ не только порицать, но и восхвалять правительство. Таковы были вѣра въ свое право и увѣренность въ своей силѣ. Абсолютизмъ никогда не сомнѣвался въ томъ, что онъ самъ подавитъ всякое оппозиціонное или революціонное движеніе. Лѣвое думалъ и говорилъ, что развитіе революціи обусловливается исключительно плохой организаціей русской полиціи. Эта вѣра въ себя сообщила старому порядку увѣренность въ завтрашнемъ днѣ и позволяла ему съ неуклонною послѣдовательностью придерживаться разъ навсегда установленной политической линіи.

Нынешнее правительство не можетъ надѣяться только на себя и свои силы. Оно достаточно опытно, чтобы правильно оцѣнить рѣшающее значеніе народныхъ массъ въ политической жизни. Оно слишкомъ много пережило, чтобы возлагать свои надежды только на полицію и армію. Оно знаетъ, что для того, чтобы быть сильной, власть должна опираться на сочувствіе широкихъ слоевъ народа. Оно каждый день получаетъ неопровержимыя свидѣтельства справедливости этихъ политическихъ аксіомъ.

Обладая могущественнымъ государственнымъ аппаратомъ, видя относ-

тельную слабость своих организованных противниковъ, не раздѣляя средствъ въ ожесточенной борьбѣ, старая власть, тѣмъ не менѣе, считается безусловно безсильной возстановить нормальное теченіе государственной и общественной жизни, несмотря на болѣе чѣмъ энергичныя усилія. Въ противоположность абсолютизму, она вынуждена сознать и признать, что ея собственныя средства недостаточны, что ей необходима опора внѣ въ народныхъ массахъ».

Старая власть не имѣетъ ни людей, ни силъ для управления страной своими старыми средствами, ибо современное управленіе есть не что иное, какъ «политическая анархія феодально-полицейскаго организма, разлагающагося въ обстановкѣ социальной анархіи сравнительно развитого капиталистическаго общества», по справедливому выраженію г. Ивановича, его интересной статьѣ «Анархизмъ въ Россіи и борьба съ нимъ» (*Срежанный Миръ*, октябрь).

Какъ слѣдствіе анархій, съемой правительствомъ, и изъ нѣдръ общины вырастаетъ практическій анархизмъ, пишетъ г. Ивановичъ. Дѣятельность анархистовъ стала чрезвычайно широкой и энергичной. Каждый день приноситъ намъ все новыя извѣстія изъ разныхъ мѣстъ о томъ, что у насъ появились анархисты, каждый номеръ газетъ полонъ извѣстій о сяткахъ грабежей, убійствъ и т. п. насилій, носящихъ несомнѣнный анархистскій отпечатокъ. По той смѣлости и неутомимости, которыми проносятся анархисты, сразу видно, что они ощущаютъ почву подъ ногами, они сознаютъ свой ростъ и свою силу. Анархисты обзаводятся даже легальными газетами, которыя должны обогатить ихъ движеніе «теоріей». Правительственныя преслѣдованія не уменьшаютъ размѣровъ этого явленія; наоборотъ, эти преслѣдованія только накаляютъ атмосферу, въ ней работаютъ анархисты, нервнируютъ послѣднихъ и все общество, ожесточаютъ и обостряютъ формы анархистской дѣятельности. Виновники всѣхъ этихъ вымогательствъ, подчасъ чисто жульническихъ предѣлокъ, становятся въ своемъ сознаниіи и въ сознаниіи довольно широкихъ массъ чуть ли не дѣятелями освободительной борьбы, героями, погибшими во имя идеи, хотя и неизвѣстно какой идеи. Извѣстная смѣлость, ловкость, готовность на все,—всѣ эти качества дѣйствуютъ сильно, прямо гипнотизируютъ массы, подготовленные всей социально-политической дѣятельностью тому, чтобы стать на путь практическаго анархизма.

Авторъ статьи задается далѣе вопросомъ, откуда же взялись эти явленія и какъ указанные общія условія влияют на нихъ въ благопріятномъ направленіи? роста анархистскаго движенія смыслъ, и отвѣчаетъ на него, опираясь на фактическія наблюденія надъ составомъ анархистскихъ группъ, называя домъ ихъ образованія и дальнѣйшаго развитія.

«Анархисты не живутъ оторванно отъ всей рабочей массы,—пишетъ г. Ивановичъ.—Между ними и ею существуетъ довольно тѣсное общеніе, какъ бы далеко ни была практика анархистскихъ покушеній отъ центра массоваго рабочаго движенія. Объясняется это тѣмъ, что именно такъ

сы организованныхъ рабочихъ и выходятъ многіе элементы, входящіе въ анархистскія группы. Такимъ образомъ среди анархистовъ мы находимъ однихъ, которые опустились до практическаго анархизма, другихъ, которые до него поднялись. Первые, т.-е. сознательные рабочіе, бывшіе членами революціонныхъ организацій, пришли къ анархизму сверху».

Наиболѣе горячіе, тѣснимые ужасными, ни съ чѣмъ несравнимыми лишеніями, они не могутъ примириться послѣ захватывающаго простора конца 1905 года съ полнымъ торжествомъ реакціи. «Наступившая мрачная пора перепутываетъ всѣ мысли и чувства дикаго рабочаго. Въ умѣ своемъ, въ сознаніи онъ не имѣетъ опоры противъ силъ, вышибающихъ его изъ колеи, въ душѣ борются и влопочутъ тысячи жгучихъ чувствъ. Вокругъ—огромное, небывалое разореніе рабочихъ, страшная, опустошающая работа грандіозной, невиданной безработицы. Необычайныя страданія рабочаго класса поднимаютъ въ душѣ рабочаго тѣмъ большую бурю, что онъ самъ голодаетъ и терпитъ жестокія лишенія, какъ никогда раньше, лишенный поддержки разгромленной организаціи». И вотъ, измученный физическими и нравственными пытками, онъ переходитъ къ анархистамъ, навѣвающимъ ему золотые сны о прямомъ и скоромъ переходѣ въ свѣтлое царство анархій,—сны, затемняющіе въ немъ всѣ слѣды политическаго смысла. Политическая и социальная анархія—вотъ почва, на которой выросли пышные цвѣты русскаго анархизма.

«Сверху изъ рядовъ сознательнаго пролетаріата рекрутируются только вожаки, идеологи, инициаторы анархистскихъ отрядовъ. Главныя же массы ихъ идутъ снизу, изъ тѣхъ городскихъ элементовъ, которыхъ социально-политическая стихія загнала на самое дно капиталистическаго строя, загнала безнадежно, навсегда. Отчаянныя конвульсіи тяжелой Россійской революціи, обостренной небывалымъ экономическимъ кризисомъ, рождаютъ все новыя и новыя, дошедшія до положенія лумпенпролетаріата массы, доведенныя въ своей нищетѣ до самыхъ послѣднихъ предѣловъ человѣческаго существованія. При общемъ взглядѣ на положеніе страны получается такое впечатлѣніе, будто вся масса нищеты и разоренія, рожденная и навожденная десятилѣтіями внутренней политики, хлынула только теперь, въ разгаръ революціи, наружу и заняла всю страну. Фактически же вскрылось только то огромное экономическое гноище, которымъ мучилась и мучится Россія десятки лѣтъ... Въ станѣ анархистовъ собралась пестрая толпа всякаго сорта «бывшихъ» людей. Всѣхъ ихъ пригнало сюда разбушевавшееся море народной нищеты и кровавыхъ насилій, но каждый приходилъ сюда съ особыми цѣлями, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми фантастическими.

Въ атмосферѣ, среди которой выросъ анархизмъ, эти послѣднія не могли, конечно, получить преобладаніе и, такимъ образомъ, практическій анархизмъ въ Россіи постигла еще болѣе позорная участь, чѣмъ его западно-европейскихъ братьевъ: онъ сталъ безнадежно вязнуть въ грязно-кровавой трясинѣ, отражая въ другой плоскости стихію разлагающагося

политического строя. Въ этой своей грязно-полицейской формѣ онъ сталъ играть несомнѣнно реакціонную роль. Впитывая, какъ губка, всѣ декласированные и развращенные элементы города, онъ оказываетъ разлагающее вліяніе на сдавленные тисками реакціи и голода рабочія массы, увлекающая какъ разъ наиболѣе энергичныя единицы на путь вымогательства. На югѣ Россіи и на западѣ рабочимъ организациямъ приходится напярѣкъ всѣ силы въ борьбѣ съ развращающимъ вліяніемъ «экспроприаторовъ».

Въ концѣ концовъ всѣ эти анархистическія похиженія только на руку реакціи, всѣмъ тѣмъ элементамъ ея, которые стремятся залить рабочее движеніе кровью и грязью, во имя пущей остроты держать населеніе въ ужасѣ и смятеніи».

Въ концѣ статьи авторъ задается вопросомъ, имѣетъ ли анархизмъ въ Россіи будущность; онъ полагаетъ, что современная экспроприаторская ея форма должна несомнѣнно исчезнуть при упроченіи настоящей конституціи; другія же ея формы, въ видѣ хотя бы полнаго отрицанія политической борьбы, синдикализма и т. д., будутъ несомнѣнно имѣть мѣсто, потому что буржуазная конституція и долгая и упорная борьба на ея почвѣ не удовлетворитъ многія горячія головы. Но при свободѣ общественной жизни такой анархизмъ уже не будетъ опасенъ...

Въ октябрьской книгѣ *Вѣстника Европы* помѣщена интересная статья г. Левенстима «Графъ А. К. Толстой, его жизнь и произведенія», посвященная характеристикѣ личности поэта и оцѣнкѣ его богатой, разносторонней работы; по обилію біографическаго матеріала, по его тонкой и умѣлой обработкѣ критическій очеркъ г. Левенстима долженъ привлечь вниманіе какъ специалистовъ, такъ и широкой публики.

Описаніе дѣтства Толстого, его служба и вѣчное стремленіе уйти отъ нея, побудившее его обратиться къ государю съ письмомъ, полнымъ искренности и благородства, его нѣжная и трогательная любовь къ гр. Софьѣ Андреевнѣ, ставшей впоследствии его женой, тяготѣніе къ прекрасному и тонкое пониманіе природы—все это сливается въ одинъ цѣльный и чистый образъ. Нѣтъ ли ни передъ обществомъ, ни передъ друзьями, ни передъ самимъ собою. Чтобы опредѣлить его политическія убѣжденія, замѣчаетъ авторъ статьи, необходимо изучитъ его шедевры и сопоставитъ ихъ съ письмами, а не судить по полемическимъ стихотвореніямъ, которыя написаны для осмѣянія противника. И въ самомъ дѣлѣ, въ его полемическихъ стихахъ слышится болѣе голосъ оскорбленнаго эстетика, чѣмъ политическаго дѣятеля. Авторъ приводитъ одну сатирическую пьеску А. Толстого, затерявшуюся въ пыли старыхъ журналовъ. Отъ вопроса о насильственномъ обрусеніи окраинъ—всего одинъ шагъ къ общему вопросу о политическихъ убѣжденіяхъ графа А. К. Толстого. Вотъ цѣликомъ это стихотвореніе:

Единство

Друзья! ура единство!
Сплотимъ святую Русь!

Различій, какъ безчинства,
Народныхъ я боюсь.

Катковъ скавалъ, что, дескать,
Терпѣть ихъ—это грѣхъ,
Ихъ надо тискать, тискать
Въ московскій обликъ всѣхъ.

Ядро у насъ славяне,
Но есть и вотяки,
Башкиры и армяне
И даже калмыки.

Есть также и грузины
(Конвою цвѣтъ и честь),
И латыши, и финны,
И шведы также есть.

Недавно и ташиентцы
Живутъ у насъ въ плѣну,
Признаться-ль?—есть и вѣмцы,
Но это entre-poux.

Страшисъ съ Катковимъ драки,
Я на ухо шепну:
У насъ есть и поляки,
Но также entre-poux?

И многими иными
Обилѣнъ нашъ запасъ.
Какъ жаль, что между нами
Араповъ нѣтъ у насъ!

Тогда бы князь Черкасской,
Усердіемъ великъ,
Имъ мазать бѣлой краской
Ихъ неуказный ликъ.

Съ усердіемъ столь смѣлымъ
И съ помощью воды
Самаринъ теръ бы мѣломъ
Ихъ черные зады.

Катковъ, нашъ герцогъ Альба,
Имъ удлинилъ бы носъ,
Маркевичъ восклицалъ бы:
Осанна! Аксіось!

Ө. Арн.

къ извѣстно, разсказъ Виктора Муйжеля «Аренда», напечатанный въ IX книгахъ *Русскаго Богатства*, обратилъ на себя вниманіе администріи, которая увидѣла въ немъ нѣчто вредное и опасное для основъ, и безъ того достаточно потрясенныхъ. Произведеніе г. Муйжелевидно, потому оказалось неприятнымъ для властей, что авторъ описываетъ удручающее столкновение помѣщика и крестьянъ, казаковъ и дикаго населенія. Если бы полицейскіе читатели г. Муйжеля обладали рѣдчайшей долей эстетическаго пониманія, они могли бы замѣтить, что, при

всей яркости и силѣ отдѣльных картинъ, разсказъ написанъ какъ-то слишкомъ обстоятельно, грузно, растянуто, что факты и настроенія, публицистика и психологія сплетены здѣсь въ одну тяжелую узловатую ткань, что вообще кошмаръ современной русской дѣйствительности ослабляетъ и дѣлаетъ тщетными усилія беллетристики. За жизнью не угонишься, и всякая выдумка будетъ тусклѣе ея собственнаго кроваваго блеска. Но администрація занята не художественной критикой, и она ополчилась на автора не за выдумку, а за правду. Зачѣмъ разсказывать, что помѣщикъ Лаптевъ все поднималъ арендную плату за землю, которая все изсыхала, становилась малороднѣе, тощѣ и что отсюда съ желѣзной необходимостью вытекли постой казаковъ и кровь, и ужась, и тоска? Пріятно ли сытымъ и властнымъ читать, какъ мужикъ Абрамъ голодалъ со всей своей огромной семьей, и дѣти отъ голода и холода кричали, болѣли, умирали? Но г. Муйжель безпощаденъ. И вотъ онъ рисуетъ ужасную сцену, какъ озвѣрѣвшій казакъ насилуетъ шестнадцатилѣтнюю Фишу, молчаливую и нѣжную, и ея тонкія, слабыя руки, «какъ эластичныя стальные пружины», тщетно слятся оттолкнуть отъ себя тяжелое тѣло человѣческаго животнаго; — напрасно думала она, что спасетъ, укроетъ ее стоявшая у колодца молоденькая яблонька, вся бѣлая, «скромная и радостная днемъ, будившая во всякомъ... отблескъ трогательной нѣжности и любви». Или онъ изображаетъ страшную драку мужиковъ съ казаками.

...Мужики думали, что казаки устроили погромъ, и защищались, озлобленные безпомощностью и беззащитностью, осверѣвшие отъ всего того, что выносили они со дня прихода казаковъ. Все давнишнее, медленно, капля по каплѣ, копившееся недовольство, вся тяжесть голодной и безправной жизни вспыхнула теперь неукротимой влбой, и, чувствуя, что теперь имъ терять нечего, что нѣтъ уже ничего такого, чего бы у нихъ не могли отбить, что жизнь ихъ пришла къ тому предѣлу, когда самый страхъ перешелъ стадію ужаса и растаялъ въ чувствѣ полной безнадежности и тупого равнодушія, — они свирѣло, какъ загнанный и затравленный звѣрь, мстили безпощадной дракой, вооружались, кто чѣмъ могъ, не защищаясь отъ ударовъ, а стараясь только какъ можно больше и безпощаднѣе нанести ихъ.

Мрачно выразителенъ старшій крестьянинъ Феклистовъ, дѣдъ Фишы, со своей путающейся, страстной и гнѣвной рѣчью, въ которой «странно сплетались проклятія и изреченія Соломона, угрозы и жалобы, тексты и ругательства». И когда уже кончился ночной ужась, во тьмѣ происшедшее дикое побоище, и уже утро встало надъ деревней, «яркое, солнечное и молчаливое, какъ будто оно не хотѣло и боялось вѣрить тому, что было ночью», долго еще гудѣлъ его зычный голосъ, крикъ вопіющаго въ пустынь, въ томительной пустынь русской жизни. Феклистовъ казакамъ, драгунамъ и всѣмъ насильникамъ выговаривалъ, что они поступаютъ «не по Божьи»; но возмущенный, оскорбленный за сына, за внучку, за все крестьянство, онъ и самъ ступилъ на дорогу насилія и изъ стараго ружья застрѣлилъ трусливаго помѣщика Лаптева, навлекшаго на деревню всѣ эти бѣды, всю эту муку, и это молчаливое горе опозоренной Фишы, которая лежитъ съ закрытыми глазами и брови которой «застыли въ нѣмомъ и

тайномъ удивленіи». Что же было дѣлать старику? Куда же дальше идти? Вѣдь «дальше ничего не было. Не было ничего, къ чему привыкъ человѣкъ: не было солнца, земли, неба, людей, звуковъ, красокъ».

Все, что таялось въ прожитой запутанной и сложной жизни, медленно проползло въ темнотѣ и странно путалось съ нею, и моментами чудилось, будто эта темнота протянулась надъ всей жизнью злобѣщей и печальной тѣнью. И вся жизнь вдругъ представилась такъ, какъ будто кто-то горькій и безнадежный развернулъ длинный запутанный свитокъ: было худо, потомъ хуже, потомъ еще хуже—и скорбь росла, ширилась и давила безмѣрной тяжестью.

Въ общемъ, рассказъ г. Муйжеля, свидѣтельствующій о серьезной способности автора къ психологическому наблюдению, исполненный внутренней и внѣшней выразительности, производитъ очень сильное впечатлѣніе. Понятно, отчего цензура хотѣла стереть его съ лица многострадальной русской земли...

І книга журнала *Современный Миръ*, замѣнившаго собою *Миръ Божій*, открывается рассказомъ г. М. Первухина «На дачѣ». Авторъ уже не впервые съ успѣхомъ выходитъ на литературное поле, какъ чуткій и умѣлый изобразитель человѣческаго страданія, выступающаго на фонѣ пошлости. Тривиальный человѣческій разговоръ, угнетающій діалогъ жизни, г. Первухинъ подслушиваетъ и вплетааетъ въ него какой-нибудь вопль души чистой, души обиженной. На этотъ разъ въ обстановкѣ банальнѣйшей дачи, гдѣ къ кривое зеркало съ какими-то пятнами и полосами, «словно извѣденное основою», смотрятся жалкіе, умственно и нравственно убогіе люди,—въ обстановкѣ глупости и мелочности разыгрывается драма горничной Маши: ее соблазнили, ее потомъ бросили, какъ тряпку, ей некуда было идти, и она отравилась, когда прошло лѣто, когда наступила осень, и «капли дождя падали на рѣдкую, рѣдкую листву чахлыхъ дачныхъ садовъ, на мокрыя крыши, на головни и пепель сгорѣвшей ротонды, на полотно убѣгающей вдаль желѣзной дороги». А ротонда сгорѣла потому, что и все дѣйствіе рассказа вообще происходитъ въ ту пору, когда Россія объята пламенемъ, когда горять не только дачныя ротонды, но и болѣе солидныя, вѣковыя строенія. На дачу доносятся звуки марсельезы, звуки революціи.

Въ рассказѣ г. Первухина нѣтъ сконцентрированнаго дѣйствія, есть много эскизнаго, но всѣ наброски автора сдѣланы очень удачно.

Въ той же книгѣ г. Бовальскій рассказываетъ о «Полуночномъ солнцѣ», — рассказываетъ со свойственной ему звонкостью и красочностью, которая нерѣдко показывается читателю чрезмѣрной. Впрочемъ, безспорно, что иные образы г. Бовальскаго, иные описанія красивы—во всякомъ случаѣ, внѣшней словесной красотой.

И зазвенѣли стройно гитары, и заплѣли двѣ виолончели, скрытыя въ глубинѣ молодыхъ женскихъ грудей... Мотивъ пѣсенки былъ молодой и веселый, и слова ея, звуки гитары, голоса невѣдомыхъ виолончелей легко кружились въ воздухѣ, будто

касаясь свѣтовыхъ струвъ и приводя въ движеніе міриады пылинкокъ, кружились и отходили другъ отъ друга и снова сходились, покачиваясь въ граціозномъ танцѣ. Словно невидимые духи плясали на ярко-зеленомъ лугу, на берегу журчащаго и прыгающаго среди камней ручья, въ косыхъ лучахъ солнца, и сильныя мужскія руки одного сплетались съ гибкими и мягкими руками другой, и развѣвались темно-золотыя косы, и притоптывали обнаженные, крѣпкія ноги...

И опять заплѣли два женскихъ голоса, и загудѣли гитары медленными, угрюмыми звуками. Теперь уже пѣніе было другое, далекое и чуждое вселенному, плещущемуся на камняхъ ручью и золотымъ косамъ, но близкое и родное длиннымъ трубамъ органа, близкое волнамъ, мѣрно взбѣгающимъ одна за другой на ровную песчаную отмель. Ясно, это была молитва, родившаяся подъ тяжелыми и темными сводами готическаго собора, и много звучало въ ней тоскливаго гудѣнія и покорныхъ моленій, много смиренія и невыплаканной скорби. И звуки казались густыми и печальными, какъ фіолетъ, и не кружились они и не рѣяли въ граціозномъ танцѣ, а шли тѣсными рядами, шли въ даль, склоненные и посыпанные пепломъ, лишь изрѣдка посылая небу громкія звенящія стенанья. И молодая, прозрачная нота смиренно шла за навками, за важными, какъ бы поднимаясь тихо по струнамъ свѣта.

По существу авторъ рассказываетъ о томъ, какъ пьяная компанія мужчинъ послѣ пира въ каютѣ-кампанія перваго класса захотѣла довершить свой праздникъ въ кругу женщинъ, тѣмъ болѣе что и разговоры ихъ вертѣлись «вокругъ да около щекочущей, какъ терпкіе колосыяные усики, темы,—вокругъ женщинъ». И капитанъ согласился свести компанію на берегъ Норвегіи, освѣщенный полярнымъ солнцемъ, и всѣ отправились въ одно кафе, гдѣ были двѣ снисходительныя къ туристамъ дѣвушки. Именно онѣ-то и пѣли, онѣ-то и были двѣ живыя віолончели, о которыхъ говоритъ авторъ. Дѣвушки и на этотъ разъ оказались снисходительными, но старшая изъ нихъ, Бассандра, являла въ то же время образъ трагической страдалицы, не вѣрящей въ Бога и своими странными и строгими глазами смотрящей вдаль къ полуночному солнцу. Она не вѣрила въ Христа, потому что ей казалось не Божиимъ дѣломъ допускать, чтобы дѣвушки продавали себя мужчинамъ и продавали себя въ то время, когда въ сосѣдней комнатѣ покоится трупъ отца. Да, пьяные собутыльщики узнали, что въ кафе, куда ихъ привлекли Бассандра и Мина, была привлечена и смерть: отецъ обѣихъ дѣвушекъ, портовый грузчикъ, свалившійся въ трюмъ, лежалъ мертвый, и «безкровное, страшно похуѣвшее, утомленное лицо мертвеца, рабочія руки, скорбные углы рта тихо говорили про долгую, трудовую жизнь, про долгую, мучительную болѣзнь, про ту жуткую минуту, когда между жизнью и смертью страданіе хотѣло уйти изъ тѣла и дать ему покой, но не могло и только тихо всплыло на поверхность стараго лица». Когда мужчины уходили изъ дома страсти и смерти, была солнечная ночь, и съ церковной башенки раздавалось двѣнадцать ударовъ колокола, которые «падали на камни острова, словно чугуныя, пустые шары». Городъ спалъ, и окна домовъ смотрѣли наружу, «незрячими глазами». А изъ гавани выдвигалась норвежская шхуна и «медленно, словно отъ натуги, розовѣли ея паруса и, чудилось, несла она къ полуночному, усталому солнцу длинный, черный гробъ».

Много красокъ и оттѣнковъ, «лазурныхъ шелковъ», лучей солнца, похожихъ на «мощныя свѣтотыя струны»,—много ихъ въ разсказѣ г. Ковальскаго, и они въ сочетаніи съ «чернымъ громомъ» человѣческаго страданія образуютъ необычное цѣлое.

Въ живыхъ, но не вполне выдержанныхъ очеркахъ г. Н. Никандрова «Больные» читатели вводятъ въ морской госпиталь. Проходятъ матросы, грубые, дикіе, стоящіе почти на границѣ паденія; они тоже, какъ и герои г. Ковальскаго, жаждутъ женщинъ и тѣшатъ свое воображеніе скверными разговорами. Но вотъ въ ихъ среду является нѣкто Андрей Швець, повидимому, христіанинъ-раціоналистъ, и говоритъ имъ слова любви, всепрощенія, непротивленія. Имъ чужды эти ласковыя и возвышенныя слова о спасеніи души; но нѣкто изъ нихъ не возражаетъ. И только одинъ Хмара исповѣдуетъ и высказываетъ совсѣмъ другую вѣру. Онъ стоитъ не за любовь, а за злобу. Онъ говоритъ, что не нужна теперь любовь, что надо всю накопившуюся вѣками злобу излить на врага и надо показать народу, гдѣ его настоящій врагъ. Теперь злобу изливаютъ на «жида», на «штунду»: учитель жизни, по Хмарѣ, долженъ пробудить и направить по вѣрной дорогѣ таящуюся въ сердцахъ злобу. Самъ Хмара кончилъ тѣмъ, что отобралъ у караульнаго револьверъ и бѣжалъ. Куда!? Очевидно, туда, гдѣ можно дать просторъ стихійной злобѣ, гдѣ можно и должно «корчевать» жизнь, чтобы потомъ, только потомъ бросить въ нее сѣмена любви, которыми богатъ Андрей Швець. Когда узнали о побѣгѣ Хмары, море гудѣло, «словно разъяренный народъ надвигался откуда-то издалека неудержимо-огромной, слѣпой волной».

Просыпающееся море рычитъ мощно, грозно и предостерегающе-сдержанно, и кажется, что предвѣстительный ропотъ его уже слышитъ вся земля, слышитъ и въ страхъ прислушивается къ каждому всплеску его, словно стараясь разобрать, о чемъ такъ злобѣще и такъ настойчиво твердитъ оно каменнымъ берегамъ, крѣпко сковавшимся его.

А

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годовщина 17 октября.—Сравненіе прошлаго года съ нынѣшнимъ.—Судъ надъ советомъ рабочихъ депутатовъ.—Письмо бывшаго директора департамента полиціи Лопухина къ премьеръ-министру Столыпину.—Статистика репрессій и преступленій революціоннаго характера.—Разъясненіе касательно примѣненія военно-полевыхъ судовъ.—Вооруженный грабежъ въ Петербургѣ.—Университетскія дѣла.—Земскія дѣла.—Новые законы: о старообрядцахъ, о равноправности крестьянъ, о залогѣ мѣльныхъ земель, о пониженіи платежей крестьянскому банку.—Циркуляры и совѣтскія разъясненія объ избирательномъ законѣ.—Политическія партіи и ихъ подготовка къ выборамъ.

«Свобода не дается ни быстро, ни дешево». Такъ говоритъ Костомаровъ, рассказывая о Буликовской битвѣ и послѣдовавшемъ черезъ два года послѣ нея нашествіи Тохтамыша. «Русь признала снова внезапно сверженное иго. Но память объ этой побѣдѣ напечатѣлась въ русскомъ духѣ. Объ этой памяти Русь возрастала и дождалась лучшихъ временъ». Намъ эти слова по какой-то ассоціаціи идей вспомнились нынче, 17 октября, въ годовщину извѣстнаго манифеста. Въ прошломъ году въ этотъ день мы праздновали побѣду объединившейся и самостоятельно выступившей значительной части русскаго народа и ждали, что эта побѣда принесетъ съ собою свободу и умиротвореніе. Оказалось однако, что одной побѣды для этого было мало, что слѣдъ ея скоро закрылся слѣдами новаго нашествія, новыхъ бѣдствій. Освободительныя силы оказались не достаточными для того, чтобы сполна удержать за собою занятую позицію и обезпечить себя отъ новыхъ нашествій. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы эта первая побѣда русскаго народа должна была считаться не имѣющею значенія. Несмотря на всѣ послѣдующія несчастія, которыя ему пришлось пережить, отъ нея осталось яркое и славное воспоминаніе, прочно залегшее въ народной душѣ и ставшее тѣмъ этапомъ, начиная съ котораго все бывшее раньше есть уже *überwundenes Standpunkt*, а дальнѣйшее освободительное движеніе, если бы одно даже приостановилось, начнется уже съ него. То радостное чувство, которымъ въ теченіе короткаго времени послѣ 17 октября прошлаго года было охвачено русское общество, теперь исчезло и едва ли даже можетъ когда-нибудь возобновиться съ такой свѣжестью и

средѣ этого общества, какъ не могутъ возобновиться юношескія впечатлѣнія и надежды у человѣка, искушеннаго горькимъ опытомъ жизни. Но на мѣсто его явилось сознаніе, что побѣда возможна, но что прочные результаты ея могутъ быть достигнуты лишь путемъ упорной борьбы и не ослабѣвающихъ усилій и цѣною потоковъ крови и слезъ. Но и для самой борьбы важна увѣренность, что вскрытіе исторической рѣки уже совершилось и что за нимъ неизбежно должна послѣдовать весна, какъ бы долго еще ни продолжались чередоваться дни слякоти съ днями суровыхъ заморозковъ. Какъ разъ въ юбилейные октябрьскіе дни въ нынѣшнемъ году происходилъ судъ надъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, наглядно показавшій разницу, происшедшую въ общественномъ сознаніи въ теченіе этого года. Въ то время и общество, и правительство склонны были переоцѣнивать реальную силу тѣхъ элементовъ, которые наиболѣе явственно выступали въ ходѣ освободительнаго движенія. Результатъ всякаго движенія, конечно, зависитъ отчасти отъ массы дѣйствующихъ элементовъ, отчасти отъ величины ихъ энергій. Энергія прошлогодняго октябрьскаго момента была очень велика, поэтому она импонировала, несмотря на сравнительную незначительность непосредственно дѣйствовавшихъ массъ. Поэтому и совѣтъ рабочихъ депутатовъ, игравшій, какъ извѣстно, одну изъ первенствующихъ ролей въ освободительномъ движеніи, являлся въ то время какъ бы нѣкотораго рода народнымъ правительствомъ, по крайней мѣрѣ, въ большихъ городахъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Даже официальное правительство въ значительной мѣрѣ раздѣляло тогда этотъ взглядъ, входя въ переговоры съ совѣтомъ. Члены совѣта были тогда для него авторитетными представителями общества; теперь, черезъ годъ, они стали въ глазахъ правительства преступниками, стоящими внѣ общества. Напротивъ, сами подсудимые все время стояли на той точкѣ зрѣнія, что они были никакъ не заговорщиками или бунтовщиками, а вполне явными представителями власти, естественнымъ ходомъ вещей получившими ее отъ общества. Разборъ дѣла о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ начался въ петербургской судебной палатѣ съ сословными представителями еще 18 сентября, при исключительной обстановкѣ: вокругъ зданія суда и въ самомъ зданіи было размѣщено множество войска, полиціи, жандармовъ и чиновниковъ охраннаго отдѣленія. Публикѣ отведено было всего тридцать мѣстъ, и на тѣ пускали по билетамъ. Изъ 52 подсудимыхъ явилось только 30. Не явились и многіе свидѣтели (около 100 изъ 350). Изъ обвиняемыхъ одинъ Теръ-Мекртіанцъ за это время былъ казненъ въ Кронштадтѣ; изъ свидѣтелей многіе оказались въ ссылкѣ. Послѣ трехдневнаго перерыва, вызваннаго заявленіемъ защитниковъ о предоставленіи имъ права отвода одного изъ судей члена городской думы, Тройницкаго, слушаніе дѣла возобновилось 22-го. Отводъ оставленъ безъ уваженія. Начался допросъ подсудимыхъ. Извѣстно, что еще при первомъ разборѣ дѣла 20 июня подсудимые заявили, что, не считая судъ компетентнымъ, они участвуютъ въ процессѣ только въ цѣляхъ политическихъ. На этотъ разъ бывший членъ

совѣта, Злыдневъ, заявилъ отъ имени своихъ товарищей, что «отношеніе всѣхъ подсудимыхъ къ суду остается такимъ же, какимъ оно было 20 іюня». Затѣмъ былъ оглашенъ обвинительный актъ. Никто изъ подсудимыхъ не призналъ себя виновнымъ, но всѣ заявили, что принадлежать къ социально-демократической партіи и не видятъ въ дѣятельности совѣта никакого преступленія. Бывшій предсѣдатель совѣта Хрусталева-Носаръ изложилъ всю исторію совѣта. «Цѣль подсудимыхъ,—сказалъ онъ,—дать отчетъ своимъ избирателямъ, цѣль суда—другая. Совѣтъ существовалъ пятьдесятъ дней съ 13 октября до 3 декабря. Его создали сами рабочіе и то оппозиціонное настроеніе, которое охватило тогда всю Россію». Рассказавъ о похоронахъ жертвъ 18 октября, о переговорахъ совѣта съ гр. Витте, объ устройствѣ стачечнаго фонда, ораторъ подробно остановился на подготовкѣ вооруженной силы. По его словамъ вооруженіе рабочихъ имѣло въ виду исключительно самооборону, такъ какъ повсюду начались черносотенные погромы и такой же ожидался и въ Петербургѣ; вооруженіе это состояло изъ нѣсколькихъ сотъ револьверовъ, и для всякаго ясно, что съ такими средствами начинать вооруженное возстаніе противъ правительства было нельзя. Они и были направлены на собственную защиту, также какъ и сформировавшаяся тогда рабочая милиція. Далѣе Хрусталева упомянулъ о попыткѣ совѣта захватнымъ путемъ ввести восьми-часовой рабочей день, и о трехдневной забастовкѣ, въ видѣ протеста противъ преданія военному суду кронштадтскихъ матросовъ. Ноябрьскую забастовку, поскольку въ ней участвовали рабочіе, онъ считаетъ удачной. Около этого времени совѣтъ вступилъ въ близкія сношенія съ провинціальными организаціями такого же характера. Когда возникла почтово-телеграфная забастовка, то совѣтъ принялъ на себя руководство ею, такъ какъ онъ пользовался довѣріемъ. Силу и значеніе его поддерживало общее недовольство, накопившееся какъ у рабочихъ, такъ и во всемъ обществѣ. Исполнительный комитетъ совѣта былъ заваленъ работой, такъ какъ онъ былъ и примирительной камерой между хозяевами, и учрежденіемъ для взаимопомощи рабочимъ. Увеличиваясь въ числѣ членовъ, совѣтъ подъ конецъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ пятисотъ человекъ, такъ что онъ сдѣлался какъ бы рабочимъ парламентомъ, который велъ переговоры съ министрами: Витте, Редигеромъ, Бирилевымъ, распространялъ открыто свои воззванія, устраивалъ профессиональные союзы, велъ дѣятельную пропаганду, въ томъ числѣ и въ арміи. Засѣданія совѣта происходили съ вѣдома градоначальника. Но въ концѣ ноября, когда правительство, опираясь на организованные имъ контръ-революціонные элементы, сочло себя достаточно сильнымъ, оно уничтожило совѣтъ. Другой историческій очеркъ дѣятельности совѣта сдѣланъ былъ бывшимъ его членомъ Сверчковымъ. Имъ пополняется картина, нарисованная Хрусталевымъ. Рассказъ Сверчкова начинается съ 20 ноября, т.-е. съ того момента, когда противъ совѣта выступили черносотенцы. Въ то время совѣтъ былъ дѣйствительно вторымъ правительствомъ; въ него обращались по самымъ раз-

нообразнымъ дѣламъ и самые различные люди: рабочіе, крестьяне, солдаты, союзы профессиональные и политическіе, мирно настроенные и желавшіе вооруженнаго возстанія. Почта доставляла по адресу совѣта письма; было доставлено даже письмо, адресованное просто «въ рабочее правленіе». Правительство знало все, что дѣлалось въ совѣтѣ, и считалось съ нимъ. Авторитетъ совѣта между рабочими былъ такъ великъ, что по его рѣшенію рабочіе типографіи Сойкина отпечатали даже черносотенную прокламацію, которую они раньше отказались печатать. Совѣтъ былъ совершенно солидаренъ съ революціоннымъ пролетаріатомъ. Правительство знало общее настроеніе рабочихъ массъ и долго колебалось явно выступить противъ совѣта. Но оно не могло не объявить ему войны, такъ какъ онъ мѣшалъ реакціоннымъ стремленіямъ правительства, желавшаго уничтожить общанія, данныя въ манифестѣ 17 октября. Когда былъ арестованъ Хрусталева-Носарь, то почти на всѣхъ заводахъ принимались резолюціи о вооруженномъ возстаніи. Въ концѣ своей рѣчи Сверчковъ сказалъ: «десять мѣсяцевъ мы вынужденно молчали, но теперь передъ судомъ мы развертываемъ картину славныхъ октябрьскихъ дней, участниками которыхъ мы имѣли честь быть». При полной откровенности подсудимыхъ, показанія свидѣтелей по этому дѣлу не могли имѣть большого значенія. Большая часть полицейскихъ свидѣтелей отвѣчали на вопросы очень сдержанно, но изъ показаній ихъ все же можно съ несомнѣнностью вывести, что дѣятельность совѣта рабочихъ депутатовъ не только не была тайной для правительства, но въ теченіе нѣкотораго времени даже какъ бы признавалась имъ. Знала о ней и фабричная администрація и въ большинствѣ случаевъ была очень довольна, что ей приходилось имѣть дѣло съ организованными рабочими. Изъ нѣкоторыхъ показаній выяснилось, что при предварительномъ дознаніи были случаи насмѣй и вымогательствъ для полученія отъ свидѣтелей показаній, какія были желательны полиціи. Малограмотнымъ свидѣтелямъ иногда давались для подписи показанія, которыхъ они вовсе не давали. Изъ болѣе интересныхъ эпизодовъ можно упомянуть о показаніи свидѣтеля Ганейзера, рассказавшаго исторію союза защиты свободнаго слова. Дѣло было такъ, что въ помѣщеніи редакціи *Новаго Времени* собрались представители петербургскихъ изданій и согласились между собой игнорировать цензуру и не посылать на просмотръ цензора слѣдующій за выходомъ газеты номеръ. Всѣ газеты приняли участіе въ этомъ союзѣ, и представители *Новаго Времени* Меншиковъ, Столыпинъ и Гольдштейнъ были даже — среди другихъ во всѣхъ крайнихъ резолюціяхъ. Но когда надо было печатать извѣстный манифестъ совѣта рабочихъ депутатовъ, то *Новое время* отказалось исполнить общее постановленіе, вышло изъ союза, и ный союзъ распался, такъ какъ только общее единство дѣйствій могло охранять его отъ притязаній администраціи. Интересенъ также разсказъ свидѣтеля Венцовскаго о депутаціи, отправленной отъ общественныхъ организацій къ предсѣдателю совѣта министровъ гр. Витте, который

принять ее очень радушно, долго бесѣдовалъ съ нею на общія темы и неоднократно высказывалъ о необходимости для него поддержки общественныхъ организаций. Далѣе свидѣтель сообщалъ любопытныя свѣдѣнія объ отношеніи къ совѣту рабочихъ депутатовъ союза инженеровъ. Большинство послѣдняго относилось къ совѣту съ большимъ уваженіемъ и принимало дѣятельное участіе въ поддержаніи октябрьской политической забастовки. Между отдѣльными заводскими организациями и совѣтомъ былъ устроенъ опредѣленный порядокъ взаимоотношеній. Всякій вопросъ, возникшій на заводѣ, разсматривался въ совѣтѣ, опредѣленіе котораго передавалось на заводъ и тамъ обсуждалось подробно. Рѣшеніе возвращалось въ совѣтъ, гдѣ и получало окончательную санкцію. Разумѣется, такой порядокъ могъ существовать лишь при безусловномъ довѣрїи къ совѣту отдѣльныхъ организаций. Какъ относятся къ прошлой дѣятельности совѣта рабочія организации и въ настоящее время, доказывается подачей председателю суда заявленія отъ 1,600 рабочихъ обуховскаго завода, въ которомъ они просятъ, чтобы ихъ судили заодно съ совѣтомъ, выразившимъ общіе рабочіе интересы. По мѣрѣ дальнѣйшаго хода процесса, председатель суда все болѣе стѣснялъ защиту въ ея вопросахъ свидѣтелямъ, въ особенности клонившихся къ разъясненію участія правительственныхъ агентовъ въ организациі черносотенныхъ погромовъ. Но именно къ наибольшему уясненію этого участія послужилъ документъ, оглашеніе котораго на судѣ не было допущено. Защита ходатайствовала о приобщеніи къ дѣлу письма бывшего директора департамента полиціи Лопухина къ министру внутреннихъ дѣлъ и о вызовѣ его свидѣтелемъ въ видахъ изслѣдованія погромнаго движенія и организациі его администраціей. Судебная палата отклонила это ходатайство на томъ основаніи, что разоблаченія чиновъ полиціи и должностныхъ лицъ, производимыя письмомъ Лопухина, не могутъ вліять на мѣру ответственности подсудимыхъ. Вслѣдствіе этого отказа и защита и подсудимые отказались отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ; защитники демонстративно покинули залу засѣданія, подсудимые просили, во избѣжаніе насилія надъ ихъ волею, тоже увести ихъ изъ залы суда, а тѣ изъ нихъ, которые находились на свободѣ, потребовали возвращенія залоговъ и заключенія ихъ подъ стражу. Палата согласилась съ этимъ, и подсудимые были удалены, а дѣло продолжало слушаться безъ нихъ. Передъ уходомъ присяжный повѣренный Грузенбергъ отъ имени всѣхъ защитниковъ, а Хрусталева отъ имени подсудимыхъ высказали мотивы, заставившіе ихъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ. Подсудимые пришли сюда, — сказалъ Грузенбергъ, — съ одной цѣлью раскрыть правду того дѣла, которому они служили. Мы ожидали, что намъ дадутъ возможность выяснить правду, но съ самаго начала встрѣтились съ рядомъ отказовъ: намъ отказали въ вызовѣ графа Витте, министровъ Редигера и Бирилева, бывшего градоначальника Дедюлина, тогда какъ вызывали другихъ свидѣтелей. Мы хотѣли показать, что совѣтъ не былъ самозваннымъ, что вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ подсуди-

ныхъ долженъ былъ явиться весь петербургскій пролетаріатъ. Намъ не дали этого сдѣлать. Участіе правительственныхъ властей въ организациі погромовъ и убійствъ—вотъ коренной вопросъ настоящаго дѣла. Совѣтъ организовалъ народныя массы самозащиты; для доказательства этого мы представили неопровержимый документъ—письмо одного представителя власти къ другому и просили вызвать въ качествѣ свидѣтеля автора этого письма. Намъ отказали. Теперь мы въ правѣ сказать, что поставлены въ невозможность продолжать свою работу по этому дѣлу. Поэтому защита находитъ, что дѣятельность совѣта рабочихъ депутатовъ, какъ одного изъ крупнѣйшихъ этаповъ освободительнаго движенія, въ рамкахъ настоящаго судебного разбирательства не можетъ получить освѣщенія, требуемаго общественными интересами, и по соглашенію со своими подзащитными, считаетъ своимъ профессиональнымъ и гражданскимъ долгомъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ. Хрусталевъ дополнилъ: мы явились сюда для того, чтобы выяснить не только настроеніе и дѣятельность совѣта, но и отношеніе къ нему правительства; этого сдѣлать намъ не дано, потому мы не можемъ принимать участія въ такомъ судѣ и просимъ позволенія намъ удалиться. Въ заключительной рѣчи товарищъ прокурора Бальцъ заявилъ, что онъ вовсе отбрасываетъ критическую оцѣнку политической дѣятельности совѣта. Если бы судъ пришелъ къ заключенію, что въ дѣлѣ нѣтъ состава преступленія, то приговоръ долженъ бы быть оправдательнымъ независимо отъ сочувствія или несочувствія политической дѣятельности совѣта. Преступность совѣта доказывается тѣмъ, что онъ стремился къ ниспроверженію существующаго строя и держался программы такихъ партій, въ тактикѣ которыхъ было вооруженное возстаніе. Но совѣтъ имѣлъ цѣлью пропаганду вооруженнаго возстанія, а не его техническую подготовку. Отъ обвиненія нѣкоторыхъ подсудимыхъ прокуроръ отказался, закончивъ свою рѣчь словами: «Въ водоворотѣ политической жизни... совѣтъ рабочихъ депутатовъ вторгся своею дѣятельностью въ такое русло, входъ въ которое загражденъ закономъ; но онъ дѣйствовалъ въ такое время, когда въ силу событій сдвинулись со своихъ мѣстъ всѣ составныя части государственнаго механизма и не успѣли еще освоиться и укрѣпиться на тѣхъ новыхъ устояхъ, которымъ суждено въ будущемъ регулировать дальнѣйшее теченіе русской жизни». Были потомъ слухи, будто бы за свое слишкомъ безпристрастное отношеніе къ этому дѣлу г. Бальцъ получилъ предложеніе свыше подать въ отставку. По обвиненію членовъ совѣта судебная палата постановила слѣдующій приговоръ: пятнадцать человекъ: Хрусталевъ-Носаръ, Бронштейнъ (Троцкій), Сверчковъ, Зыднень, Сборовскій, Клунианецъ, Авксентьевъ, Нѣмцовъ, Биселевичъ, Фейгъ, Рейнштейнъ, Голынский, Комаръ, Шанявскій и Симановскій приговорены къ лишенію правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе; двое—Стоговъ и Шевченко къ заключенію въ крѣпость, первый на полтора года, второй—на восемь мѣсяцевъ; остальные оправданы. Для всякаго, конечно, ясно,—надо думать и для самого правительства,—что эти семнадцать

лицъ явились не отвѣтчиками за свои личныя дѣйствія, а искупительными жертвами за историческій ходъ событій, въ которомъ участвовали сотни тысячъ, если не миллионы людей; что большое общественное явленіе, подлежащее суду исторіи, искусственно включено было въ рамки формальнаго суда надъ двумя десятками людей. Правительство покарало ихъ; пятнадцать доблестныхъ радѣтелей о народныхъ интересахъ увеличили собою массу людей, изъятыхъ,—будемъ надѣяться ненадолго,—изъ рядовъ общественныхъ дѣятелей; но очевидно, что эта кара попала не въ то, противъ чего она была направлена; на то движеніе, представителями котораго были эти люди, преслѣдованіе ихъ не могло имѣть никакого вліянія; объектъ дѣйствія былъ слишкомъ несоразмѣрно великъ для дѣйствующей силы; и если въ общественномъ движеніи, скорѣе можно сказать, символизированномъ, чѣмъ адекватно выраженномъ дѣятельностью совѣта рабочихъ депутатовъ, произошли какія-либо измѣненія, то они совершались въ зависимости отъ причинъ гораздо болѣе общаго характера. Едва ли поэтому возбужденіемъ этого процесса правительство достигло какой-либо желательной для него цѣли, тѣмъ болѣе, что косвеннымъ послѣдствіемъ его, несмотря на все стараніе исключить и замолчать все компрометирующее, явились разоблаченія еще болѣе ужасныя, чѣмъ въ свое время были высказанныя въ Государственной Думѣ кн. Урусовымъ. Письмо Лопухина не было оглашено въ судѣ; но оно появилось въ иностранныхъ газетахъ, выдержки и перепечатки изъ которыхъ очень скоро были воспроизведены и въ русскихъ. Оно было написано еще 14 іюня, вскорѣ послѣ того, какъ въ Думѣ разбирался погромный вопросъ. Изъ газетныхъ отчетовъ,—пишетъ Лопухинъ Столышину,—я не могъ не убѣдиться, что въ матеріалѣ, доставленномъ вамъ для составленія объясненій, обстоятельства дѣла были совершенно извращены. Это и побудило его довести до свѣдѣнія премьеръ-министра результаты изслѣдованія, произведеннаго имъ, Лопухинымъ, по порученію графа Витте. Этимъ изслѣдованіемъ было подтверждено, что вскорѣ послѣ 17 октября 1905 г. завѣдующій политической частью департамента полиціи чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Рачковскій предпринялъ изданіе реакціонныхъ воззваній, которыя печатались жандармскими офицерами въ помѣщеніи губернскаго жандармскаго управленія, на станкѣ, отобранномъ у революціонеровъ. Въ одномъ изъ такихъ воззваній, которыхъ было нѣсколько, обращенномъ къ рабочимъ, говорилось, что ихъ руководители расхищаютъ деньги, собранныя на политическую борьбу. Затѣмъ, станокъ былъ замѣненъ усовершенствованной ручной машиной, поставленной въ секретномъ отдѣленіи департамента полиціи и находившейся въ завѣдываніи ротмистра Комиссарова. На ней было напечатано нѣсколько воззваній, въ которыхъ доказывалось, что виновниками революціоннаго движенія являются преимущественно инородцы, особенно евреи, къ борьбѣ съ которыми воззванія и возбуждали. Одно такое воззваніе было обращено даже къ солдатамъ. Каждое воззваніе отпечатывалось въ тысячахъ

экземпляровъ. Воззваніе къ солдатамъ было послано въ Вильно съ чиновникомъ при виленскомъ генералъ-губернаторѣ Шкотомъ и имѣло успѣхъ, такъ что его потребовали еще. Оно же было послано въ Курскъ врачу Михайлову, состоявшему тамъ по приглашенію Рачковскаго на службѣ департамента по вольному найму. Эти и другія провокаціонныя воззванія, издаваемые департаментомъ, распространялись въ Петербургѣ черезъ доктора Дубровина и состоящій подъ его предсѣдательствомъ «союзъ русскаго народа», а въ Москвѣ черезъ редактора *Московскихъ Вѣдомостей* Грингута, въ другихъ мѣстахъ черезъ полицію и жандармовъ. Графъ Витте вызвалъ Комиссарова, который всѣ эти свѣдѣнія подтверждалъ и ему, и Лопухину, дополнивъ, что образцы воззваній представлялись директору департамента Вунчу и только послѣ его отиѣтки отдавались въ наборъ. Эта дѣятельность департамента была прекращена по настойчивому требованію графа Витте, но станокъ былъ перенесенъ на квартиру Комиссарова. Затѣмъ въ письмѣ указывается на невѣрность свѣдѣній, доставленныхъ премьеръ-министру Столыпину. Отъ него было скрыто, что прокламаціи, призывающія къ избиенію евреевъ, распространялись въ Александровскѣ (Екат. губ.) и послѣ прекращенія тамъ беспорядковъ, т.-е. послѣ 14 декабря 1905 г.; отъ него было скрыто и то, что Рачковскій завѣдывалъ политической частью департамента до 20 числа апрѣля и, послѣ снятія съ него этой обязанности, продолжалъ по письменному приказанію начальства завѣдывать всѣми охранными отдѣленіями и давать направленіе всѣмъ дѣламъ департамента, которыя онъ сочтетъ нужнымъ взять въ свое вѣдѣніе, используя вмѣстѣ съ тѣмъ въ видахъ правительства общественныя силы и организаціи; невѣрно сообщено было и то, что ротмистръ Будаговскій былъ вызванъ въ Петербургъ для внушенія не по полученіи его декабрьскихъ донесеній объ успѣхъ его пропаганды въ Александровскѣ, а позже, только вслѣдствіе настояній графа Витте, также какъ и телеграммы о предупрежденіи погромовъ посылались не тотчасъ по полученіи свѣдѣній объ ихъ подготовкѣ, а тоже послѣ и только по требованію Витте. Въ заключеніе Лопухинъ высказываетъ свой взглядъ на отношенія властей, установившіяся подъ влияніемъ положенія объ охранѣ: власть министра внутреннихъ дѣлъ совершенно безсильна; не полиція и жандармерія находятся у него въ рукахъ, а онъ находится въ рукахъ у представителей этихъ учрежденій. Вся власть фактически перенесена сверху внизъ положеніемъ объ охранѣ и продолжительностью его прижизненія. Все прижизненіе этого положенія основано на свѣдѣніяхъ полиціи и жандармеріи, не имѣющихъ надъ собой никакого контроля на мѣстахъ и не подчиняющихся контролю центральныхъ учрежденій. Вслѣдствіе этого отдѣльные чиновники полиціи и жандармскіе офицеры считаютъ себя въ правѣ вести свою самостоятельную политику, а министерство вынуждено имѣть дѣло съ явной ложью или съ умышленной неполнотой доставляемыхъ ему свѣдѣній. Такимъ образомъ, письмо Лопухина не только подтверждаетъ факты, указанные съ Думской трибуны княземъ Урусовымъ,

но и еще болѣе широко и ясно рисуется картину двойного правительства, существующаго въ Россіи, причемъ неофіціальное правительство надѣлѣ оказывается гораздо сильнѣе офіціального. Что это соотношеніе, повидимому, осталось и въ настоящее время, доказывается тѣмъ, что явное правительство, т. е. министерство Столыпина съ 14 іюня, когда послѣднимъ получено было письмо Лопухина, не приняло никакихъ мѣръ къ разслѣдованію дѣйствій чиновъ полиціи и къ наказанію виновныхъ. Ясно, что эти дѣйствія и основаны прежде всего на убѣжденіи въ полной ихъ безнаказанности, что подтверждаетъ и Лопухинъ, говоря объ «откровенности» ротмистра Будаговскаго, которая «объясняется только увѣренностью его въ поддержкѣ начальства». Нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что если, давая свои объясненія въ Думѣ 8 іюня, Столыпинъ не былъ достаточно освѣдомленъ о положеніи дѣла, то никакихъ дополнительныхъ объясненій имъ не было дано Думѣ и послѣ 14 іюня, хотя Дума существовала еще три недѣли и хотя письмо Лопухина давало самыя обстоятельныя освѣдомленія. Письмо это было замолчано и тогда, и теперь мы видимъ, что его стараются замолчать во время процесса совѣта рабочихъ депутатовъ. Очевидно, явное правительство министерства Столыпина, съ одной стороны, не желаетъ признать своей солидарности съ ротмистрами Будаговскими и К°, а съ другой—не имѣетъ ни смѣлости, ни силы для энергическаго противодействія имъ и поддерживающему ихъ закулискому правительству. Впрочемъ, за послѣднее время взгляды на погромы агентовъ и явнаго и тайнаго правительства настолько, повидимому, сблизились, что трудно сказать, гдѣ кончаются одни, гдѣ начинаются другіе. Откровенность ротмистра Будаговскаго или ротмистра Комиссарова, говорившаго объ устройствѣ погромовъ на 10 и на 10 тысячъ человекъ, превзойдена, напр., откровенностью подполковника Верховскаго, начальника карательной экспедиціи въ гор. Рѣжницѣ (Витебской губ.). Вызвавши къ себѣ мѣстнаго раввина, онъ сказалъ ему: «полиція довела до моего свѣдѣнія, что евреи собираются 17 октября устроить демонстрацію съ красными тряпичами. Предупреждаю васъ, что я оцѣплю ихъ своими драгунами и ни одного живого не выпущу и повторю вамъ исторію Сѣдлеца и Бѣлостока въ десять разъ больше, такъ что десятому закажутъ. Я человекъ рѣшительный и не останавливаюсь ни передъ чѣмъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ даны самыя широкія полномочія. Въ десять-пятнадцать минутъ можетъ быть триста убитыхъ... Я не буду разбирать, кто правъ, кто виноватъ; вообще я не сторонникъ гуманныхъ судовъ: попался, тутъ же пристрѣлю и конецъ». Затѣмъ, говоря съ еврейской депутаціей по поводу бывшей незадолго передъ тѣмъ драки между нѣсколькими молодыми евреями и старовѣрами, тотъ же подполковникъ Верховскій заявилъ: «если евреи не выдадутъ буяновъ, то старовѣры сами учинятъ погромъ и я не сумѣю васъ защитить и удержать своихъ солдатъ (это говоритъ военный начальникъ!). Если черезъ два дня не выдадутъ буяновъ, я назначу разъѣздъ драгунъ по городу, а до этого разложу содержателей магазиновъ, гдѣ

было буйство, и вспылю имъ нагайками. Нагайка скажетъ правду. На-дняхъ подъ нагайками умеръ крестьянинъ и мои драгуны получили благодарность». Это все говорить русскимъ гражданамъ не предводитель татарскаго отряда въ XIII вѣкѣ, а представитель русской правительственной власти въ XX. Погромъ дѣйствительно сталъ нормальнымъ явленіемъ русской жизни, которая вся превратилась въ сплошной, громадный погромъ. Вотъ какую статистику приводитъ газета *Страна* за годъ 17 октября 1905—17 октября 1906. За этотъ годъ русской «свободы» убито и ранено въ Россіи по политическимъ причинамъ—16,992 человекъ, въ томъ числѣ убито 7,331 чел. Изъ этого числа на обывателей падаетъ 13,381 жертвъ, а на представителей власти 3,611 человекъ. Обыватели гибли такимъ образомъ: повѣшено—215, разстрѣляно по «обыкновенному» военному суду—341, по суду военно-полевому (за полтора мѣсяца)—221 чел., убито карательными отрядами—741, а остальные убиты солдатами, казаками, городскими, хулиганами, экспроприаторами и т. п. Изъ представителей исполнительной власти больше всего пострадали солдаты и казаки—750, затѣмъ городские и стражники—452, пристава, окомоточные и урядники—226, чиновники—123, офицеры—109, жандармы и агенты тайной охраны—96, генералъ-губернаторы и высшіе представители власти—81, исправники и полицеймейстеры—60, губернаторы и высшія жандармскія власти—33. Грабежей почти, кассъ, винныхъ лавокъ, вообще казенныхъ учрежденій было 940, грабежей у частныхъ лицъ—983. Сумма ограбленнаго, считая лишь то, что извѣстно, равняется 6.871,369 руб. Аграрныхъ беспорядковъ было 1,629, поджоговъ селеній и имѣній, считая и поджоги, совершенные карательными отрядами—228. Арестовано тайныхъ типографій и складовъ нелегальной литературы—183, складовъ оружія, патроновъ и взрывчатыхъ веществъ—118 (въ числѣ оружія были даже пулеметы). Людей арестовано по приблизительному подсчету 23,741 чел., въ томъ числѣ относительно очень много бывшихъ депутатовъ, именно 23 чел.». *Страна* приводитъ и ихъ имена (по 17 октября). Свящ. Аенасевъ, Бибиновъ, Витковскій, Враговъ, Волковъ, Дитцъ, Иванецкій (высланъ), Кукановъ, Кутومانовъ, Медвѣдевъ, Меркуловъ, Михайличенко, Недоносковъ, Окуневъ, Оникко, Пригула, Рамишвили (высланъ), Сефферъ, Садыринъ, Торшинъ, Френкель, Чижевскій и Шапошниковъ. Значительное большинство губерній и областей Европейской и Азіатской Россіи находилось за это время на положеніи усиленной или чрезвычайной охраны или военномъ. Исключеніе составляли лишь 12 губерній: Архангельская, Вологодская, Базанская, Костромская, Олонецкая, Орловская, Псковская, Рязанская, Смоленская, Тверская и Ярославская и Якутская область. Недавно, впрочемъ, усиленная охрана введена и въ Базанской губерніи, въ самой Базани съ пригородными слободами. Вообще всякаго рода репрессіи продолжаютъ безостановочно и, какъ и слѣдовало ожидать, параллельно съ ними продолжаютъ убійства и грабежи. Списокъ казенныхъ военно-полевыми судами давно уже перешелъ за 300 человекъ и все продолжаетъ увеличиваться. 10 октября само прави-

тельство сочло нужнымъ «разяснить» слишкомъ ретивымъ и безцеремоннымъ мѣстнымъ исполнителямъ, что и военные суды должны до известной степени сообразоваться съ установленными для нихъ правилами. Председатель совѣта министровъ обратился къ генераль-губернаторамъ и другимъ главноначальствующимъ съ циркуляромъ, мотивированнымъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ «возникло сомнѣніе» относительно возможности расширенія компетенціи военно-полевыхъ судовъ включеніемъ въ нее и другихъ преступленій, кромѣ тѣхъ, для преслѣдованія которыхъ они были специально предназначены. Намъ кажется, что слово «сомнѣніе» не совсемъ подходитъ къ данному случаю. Наши главноначальствующие люди рѣшительные, на манеръ подполковника Верховскаго, и менѣе всего грѣшатъ излишними «сомнѣніями» относительно своихъ правъ дѣлать съ обывателями все, что имъ вздумается. Въ самомъ циркулярѣ указанъ рядъ нарушеній мѣстными властями закона о военныхъ судахъ, нарушеній, какъ известно, фактически имѣвшихъ мѣсто и послѣдствіемъ которыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ были даже формально незаконныя казни; но циркуляръ осторожно выражается объ этихъ фактахъ, такъ, что «нѣкоторыя административныя начальства полагали допустимымъ»—дѣлать то, что противорѣчитъ закону. Само собой разумѣется, что эти начальства, признававшіе допустимымъ беззаконіе, не подверглись никакому взысканію, но имъ любезно было разяснено, что военно-полевому суду можно предавать только за опредѣленные преступленія, именно: убійство, разбой, грабежъ, нападеніе на часового или военный караулъ, вооруженное сопротивленіе властямъ, нападеніе на чиновъ войскъ и полиціи и вообще должностныхъ лицъ, и въ противозаконномъ изготовленіи, приобрѣтеніи, храненіи и сбытѣ взрывчатыхъ веществъ; что военно-полевой судъ назначается по каждому отдѣльному случаю, а нельзя заранѣе объявлять цѣлыя категоріи дѣлъ подлежащими этому суду; что военно-полевому суду можно предавать лишь въ случаѣ очевидности совершеннаго преступленія и, наконецъ, что приговоры военно-полевыхъ судовъ ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ пересмотру и вторичному перерѣшенію. Мы не думаемъ, впрочемъ, чтобы такое разясненіе могло умѣрить «рѣшительность» мѣстныхъ властей, на которыхъ высшая администрація и теперь можетъ также мало вліять, какъ и при обстоятельствахъ, изложенныхъ въ письмѣ Лопухина. Да и при всякихъ формальныхъ ограниченіяхъ военно-полевые суды останутся все тѣмъ же узаконеніемъ произвола, какимъ они только и могутъ быть по своей сущности. Практика ихъ, между прочимъ, выставила слѣдующее внутреннее противорѣчіе: если для преданія военно-полевому суду необходима очевидность преступленія, то эти суды не могутъ выносить оправдательныхъ приговоровъ: всякій оправдательный приговоръ доказываетъ, что очевидности не было, а слѣдовательно косвенно указываетъ на легкомысліе начальства, предавшего суду. На дѣлѣ оправдательные приговоры были и, если они могли быть при такихъ условіяхъ, то ясно, что дѣла, производящіяся въ военно-полевыхъ судахъ, вовсе не всегда такъ очевидны, что-

бы въ нихъ не были возможны ошибки, причѣмъ ошибки эти должны необходимо клониться въ сторону обвиненія. И общественная совѣсть не можетъ этого не сознавать: мы постоянно читаемъ, что такіе-то казнены за такое-то преступленіе. Но чѣмъ мы можемъ быть убѣждены, что кара постигла именно виновныхъ? Не играетъ ли иногда въ этихъ случаяхъ роль желаніе покарать кого-нибудь во что бы то ни стало? Извѣстно, что въ Битаѣ, когда иностранная дипломатія требовала наказанія какого-нибудь виновнаго въ убійствѣ или покушеніи на иностраннаго подданнаго, то случалось, что казнили перваго попавшагося, чтобы удовлетворить дипломатію. Что у насъ, иногда, могло бы произойти нѣчто подобное—въ этомъ не было бы ничего удивительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не слышали неоднократно отъ представителей власти: «я не буду разбирать правыхъ и виноватыхъ?» Или развѣ мы не видѣли, какъ, послѣ неизвѣстно гѣмъ сдѣланнаго выстрѣла или нападенія, происходила пальба вдоль улицъ и въ окна домовъ, причѣмъ убивались совершенно неповинныя женщины и дѣти? Очень часто въ моментъ какого-нибудь нападенія или покушенія охраняющія власти или отсутствуютъ, или настолько теряются, что виновные успѣваютъ скрыться; а потомъ происходятъ обыски, аресты, преданіе военно-полевому суду и казнь людей, виновность которыхъ, конечно, уже не можетъ быть очевидна. Вотъ, наприм., какъ описывается (*Русск. Вѣдом.*) поразившее всѣхъ своей необычайной смѣлостью ограбленіе помощника казначея портовой таможи, везшаго въ каретѣ свыше 600 тысячъ руб. въ губернское казначейство. 14 октября въ 12 час. дня, когда карета эта проѣзжала по Екатерининскому каналу, въ нее былъ брошенъ снарядъ, которымъ были ранены обѣ лошади. Казначей и досмотрщики, бывшіе въ каретѣ, выскочили изъ нея. Нападавшіе стали стрѣлять изъ револьверовъ и бросили еще бомбу, затѣмъ захватили карету съ деньгами, какъ сосчитано потомъ 398,772 руб., вбѣжали въ ресторанъ и передали ихъ бывшей тутъ женщинѣ, которая скрылась. Жандармы открыли беспорядочную пальбу по набережной; пули попадали въ дома. Раздался третій взрывъ. Мостовая и набережная покрылись осколками стекла. Камни мостовой были выворочены. Жандармы безъ шапокъ мчались по улицѣ, не зная кого арестовывать. Раздался четвертый взрывъ. Прибыли конные и пѣшіе городовые и рота стрѣлковаго полка. Паника еще усилилась. Гвардеецъ бросился за гѣмъ-то и закололъ его штыкомъ; другой солдатъ сталъ преслѣдовать неизвѣстнаго, который самъ застрѣлился. Двое были задержаны. Таковъ рассказъ, передающій первое впечатлѣніе и рисующій картину совершенной путаницы и растерянности. Затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ дней было арестовано 11 человекъ, хотя общее число участниковъ ограбленія было, говорятъ, свыше 100 человекъ. 16 октября происходилъ военно-полевой судъ. Дѣло о трехъ подсудимыхъ вслѣдствіе недостаточной очевидности ихъ участія было выдѣлено и передано въ военно-окружную судъ, а восемь человекъ приговорены къ смертной казни, которая въ ту же ночь и была надъ ними исполнена. По сдѣ-

лавшимся впоследствии известным данным, собранным охранным отделением, производившим следствие, нападением распоряжался один главарь, назвавшийся Сергеем и личность которого осталась неопознанной. Другим подсудимым план действий и имена руководителей были неизвестны; своих имен они тоже не называли, хотя и не отрицали, что они принадлежат к партии социалистов-революционеров и что деньги были экспропрированы для целей революции. Имена подсудимых, кроме Сергея, были удостоверены, но деньги так и не были найдены и, по слухам, увезены были за границу. Происшествие это произвело большую сенсацию, показавши возможность, несмотря на все охраняемые меры, совершить ограбление большой суммы среди благого дня в центре Петербурга. 26 октября совершена еще более крупная «экспроприация» (по первым известиям до миллиона рублей) на станции Рогово Варшав.-Винской жел. дор., причем убито и ранено около 15 человек охранявших солдат. Более мелкие случаи такого рода в местностях менее охраняемых повторяются почти ежедневно. Не прекращаются и разные другие беспорядки, так что репрессивные меры правительства, несмотря на то, что ими терроризированы и подавлены все проявления живых сил страны, все-таки не могут достичь даже внешнего успокоения. Правда, ожидавшихся некоторыми беспорядков во время призыва новобранцев не было за исключением незначительных случаев. Но ненормальность хода нашей жизни выражается не столько в отдельных случаях, сколько в крайней трудности, почти невозможности направить многие совершенно необходимые общественные функции в их естественное русло. Яснее всего на эту ненормальность указывают те затруднения, с которыми приходится бороться нашим высшим учебным заведениям, постоянно наталкивающимся в своих стремлениях стать снова на правильный путь то на Сциллу внешнего административного вмешательства, то на Харибду внутренней неурядицы. В начале нынешнего учебного года были некоторые основания надеяться, что жизнь университета, после нескольких бурных лет, пойдет, наконец, мирно, поставив прежде всего своею целью науку, но и не лишая студентов возможности принимать духовное участие в общей политической жизни страны. Эти основания состояли, во-первых, в приобретенной университетами автономии, во-вторых, в известной мере ограждавшей их от давления администрации; во-вторых, в несомненном желании значительного большинства студентов серьезно приступить к научным занятиям, желании тем более естественном, что, с одной стороны, неопределенное положение университетов очень тяжело отражалось на материальном и моральном положении студентов, с другой—студенты в настоящее время уже не могут считать себя исключительными борцами за освободительное движение, которое перешло в более широкие сферы. И сначала дело пошло как будто совсем мирно и гладко. В Московском университете собралось до 8,377 студентов и вольнослушателей, в качестве

вольнoслушательницъ было сверхъ того допущено 248 женщинъ. Лекціи и занятія усердно посѣщались. Скоро, однако, появились безпокойные признаки. Камнемъ преткновенія сдѣлался вопросъ о студенческихъ сходкахъ.

Общее правило то, что студенты имѣютъ право собираться въ университетѣ на сходки для обсуждения своихъ дѣлъ, но съ условіемъ, что на созовѣ сходки каждый разъ испрашивается разрѣшеніе ректора, что сходки не должны мѣшать занятіямъ и потому могутъ собираться только въ свободныхъ помѣщеніяхъ и во внѣлекціонные часы, и что на сходкахъ не могутъ присутствовать лица, не состоящія въ числѣ студентовъ и вольнослушателей. На этой почвѣ иногда и происходили недоразумѣнія: случилось, что на сходки попадали посторонніе, случилось и то, что сходки пытались собираться въ неуказанное время, не считаясь съ вызываемымъ этимъ неудобствомъ для чтенія лекцій. Вообще, устраивая сходки, студенты постоянно проявляли стремленіе дѣйствовать независимо отъ университетскаго начальства: ректора и совѣта. Представителемъ этого стремленія является по преимуществу такъ называемый центральный университетскій органъ, т.-е. группа студентовъ, хотя и не имѣющая формальныхъ полномочій отъ всѣхъ, или отъ большинства студентовъ, но фактически взявшая въ свои руки направленіе студенческихъ общественныхъ дѣлъ и которой большинство повиновалось отчасти вслѣдствіе сознательной солидарности съ нею, отчасти болѣе или менѣе пассивно. Въ этой группѣ господствовала та основная мысль, что, не отрицая научныхъ занятій, какъ первой цѣли университета, необходимо, въ виду общей потребности времени, воспользоваться университетомъ и его автономіей для политической пропаганды. Естественно, что подобныя взгляды и стремленія, а главное возможность ихъ фактическаго проведенія въ стѣнахъ университета, внѣ прямого контроля и вліянія администраціи, казались для послѣдней совершенно не гармонирующимъ съ общимъ положеніемъ вещей. И дѣйствительно, автономный университетъ, со своей относительной свободой, являлся какимъ-то исключеніемъ, какимъ-то маленькимъ островкомъ, со всѣхъ сторонъ заливаемымъ волнами административнаго произвола. Поэтому совершенно естественно, что администрація не могла спокойно относиться къ тому, что дѣлалось внутри университета. Сначала она установила надъ нимъ негласный надзоръ, потомъ выступила съ попыткой явнаго вмѣшательства. 1 октября ректоръ московскаго университета доложилъ экстренному засѣданію совѣта, что въ послѣднее время московская администрація обратила особое вниманіе на университетъ, интересуясь даже внутренними его дѣлами, не имѣющими никакого отношенія къ политикѣ. Нѣсколько разъ московскій градоначальникъ запрашивалъ о предположенныхъ сходкахъ и рефератахъ и, получивъ отвѣтъ отъ ректора, не выражалъ намѣренія принять какія-либо мѣры. Но 29 сентября получено было отношеніе градоначальника, въ которомъ сообщалось, что московскій генералъ-губернаторъ предложилъ ему объявить ректору, что никакія лекціи и собранія, не имѣющія прямого отношенія къ учебнымъ занятіямъ, не разрѣшаются имъ въ стѣнахъ уни-

верситета, къ исполненію чего онъ просить принять надлежащія мѣры. Немедленно переговорить съ генераль-губернаторомъ не удалось и, подъ вліяніемъ настойчивыхъ требованій полиціи, грозившей вмѣшательствомъ, ректоръ принужденъ былъ объяснить студентамъ, что разрѣшенная имъ лекція не можетъ состояться; студенты разошлись. При личномъ объясненіи ректора съ генераль-губернаторомъ, послѣдній высказалъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить въ университетѣ собраній, на которыхъ произносились бы революціонныя рѣчи и дѣлались сборы съ революціонными цѣлями, что онъ согласенъ допустить собранія лишь тогда, если ректоръ поручится, что на нихъ не будетъ ничего противозаконнаго; что необходимо записывать фамиліи устроителей и исключать ихъ изъ университета, если произойдетъ что-нибудь недозволенное. Во избѣжаніе недоразумѣній всѣ студенческія собранія, назначенныя на 30 сентября и слѣдующіе дни, были отмінены. 1 октября градоначальникъ доставилъ ректору отношеніе, въ которомъ изложенъ былъ его взглядъ на студенческія собранія. Къ выше сказанному въ немъ дополнено, что устроители сходки, на которой произойдетъ что-либо недозволенное, будутъ привлекаться къ отвѣтственности или на основаніи правилъ о публичныхъ собраніяхъ, или на основаніи положенія объ охранѣ. Требуется, чтобы и университетское начальство принимало свои мѣры и, въ случаѣ надобности, обращалось бы за содѣйствіемъ къ администраціи, въ противномъ случаѣ отвѣтственность возлагается на профессорскій совѣтъ, съ примѣненіемъ къ нему тоже положенія объ охранѣ. Къ сказанному градоначальникъ прибавилъ, что въ виду неприличнаго поведенія нѣкоторыхъ лицъ изъ толпы, выходявшей 30 сентября изъ университета, имъ приказано впредь наряжать къ зданію университета разѣзды конной полиціи. Въ заключеніе своего доклада совѣту ректоръ заявилъ, что при такихъ условіяхъ ни онъ, ни помощникъ ректора не находятъ возможнымъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности. Учебныя занятія въ университетѣ идутъ успѣшно, ничего угрожающаго общественной безопасности тамъ не произошло. И если администрація знаетъ все, что тамъ дѣлается, и даже вывѣсила объявленія о томъ, что она будетъ принимать свои мѣры противъ собраній въ университетѣ, то зачѣмъ же еще брать изъ студентовъ заложниковъ, а профессорамъ поручать выполнение задачъ, лежащихъ на общей полиціи. Такія дѣйствія администраціи составляютъ несомнѣнно вторженіе въ свободу дѣйствій автономнаго университета. Совѣтъ опредѣлилъ: приостановить до 6 октября занятія въ университетѣ, о чемъ и объявить студентамъ и послать въ Петербургъ депутацію изъ ректора и двухъ членовъ совѣта Д. Н. Зернова и кн. Е. Н. Трубецкого, уполномочивъ ее представить министру народнаго просвѣщенія и предсѣдателю совѣта министровъ подробное изложеніе происшедшаго въ университетѣ, выяснивъ невозможность дальнѣйшаго его функционированія въ условіяхъ, созданныхъ московскою администраціей. Закрытіе университета не вызвало никакихъ волненій. Депутація была у обоихъ министровъ, причемъ выяснялось, что они различно смотрятъ на происшедшій инци-

дентъ: въ то время какъ министръ народнаго просвѣщенія безусловно отрицалъ за администраціей право самостоятельно и безъ предварительнаго сношенія съ нимъ, министромъ, вмѣшиваться въ дѣла университета, между тѣмъ какъ московскій градоначальникъ даже не увѣдомилъ министерство народнаго просвѣщенія, министръ внутреннихъ дѣлъ, напротивъ, считалъ дѣйствія градоначальника правильными, такъ какъ онъ долженъ былъ руководствоваться особыми указаціями министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ концѣ-концовъ правительство сдѣлало нѣкоторыя уступки формальнаго характера и подтвердило въ принципѣ автономныя права университета, такъ что вернувшаяся депутація могла доложить совѣту университета, что ей удалось сохранить за послѣднимъ его права, въ число которыхъ входитъ и право студентовъ устраивать собранія съ разрѣшенія ректора, безъ участія постороннихъ лицъ и съ тѣмъ, чтобы эти собранія не превращались въ политическіе митинги или конспираціонныя совѣщанія. Конную полицію рѣшено [удалять отъ университета и наблюденіе за правильнымъ ходомъ учебной жизни оставлено за университетскимъ начальствомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ нарушенъ попытками использовать университетскія собранія въ революціонныхъ цѣляхъ, которыя неизбежно вызовутъ вмѣшательство администраціи. Такимъ образомъ между университетомъ и администраціей было заключено перемиріе, прочность котораго въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ дальнѣйшаго образа дѣйствій студенчества. На этомъ основаніи 6 октября университетъ былъ снова открытъ. Во время всего этого инцидента совѣтъ и вообще профессорская коллегія дѣйствовали согласно съ желаніями студентовъ, и послѣдніе въ свою очередь не ставили препятствій мирному разрѣшенію конфликта. Но вскорѣ оказалось, что единеніе между студентами и профессорами далеко не прочно. Поводомъ къ столкновенію послужило постановленіе бывшей 16 октября общестуденческой сходы объ устройствѣ, въ видѣ траура по погибшимъ борцамъ за освобожденіе, трехдневной забастовки 18, 19 и 20 октября, съ тѣмъ, чтобы никакихъ демонстрацій при этомъ не дѣлать, но устроить въ эти дни въ университетѣ собранія съ участіемъ на нихъ исключительно только студентовъ. Кромѣ этого постановленія, схода, на которой присутствовало меньше тысячи человекъ, занялась обсужденіемъ организационныхъ вопросовъ. Дебаты велись между студенческими фракціями, принадлежащими къ политическимъ партіямъ конституціонно-демократической и обѣимъ социалистическимъ. Представители первой отрицали значеніе общихъ сходовъ и требовали созданія путемъ правильныхъ выборовъ учрежденія, руководящаго университетскими дѣлами. Представители социалистическихъ партій ояли за компетенцію общихъ сходовъ. Большинство согласилось съ поѣднимъ мнѣніемъ, но, сохранивъ центральный органъ, который долженъ дѣйствовать въ предѣлахъ указаній общей сходы и подъ ея контролемъ, формировать его путемъ переизбранія его членовъ отъ курсовъ на началахъ пропорціональности политическихъ партій. Немедленно же ректоръ училъ запросъ отъ градоначальника по поводу этой сходы и ея по-

становленія о забастовкѣ. Сходки на 18, 19 и 20 октября не были разрѣшены. Отдѣльная сходка студентовъ конституціонно-демократической фракціи не признала постановленія о забастовкѣ для себя обязательнымъ. 18 октября студенты стали собираться къ началу лекцій, но многіе уходили, прочитавъ вывѣщенное объявленіе центрального органа о забастовкѣ. Изъ оставшихся, одни выражали желаніе слушать лекціи, другіе—пытались этому воспрепятствовать шумомъ и криками. Въ нѣкоторыхъ аудиторіяхъ дѣло доходило до насильственного выталкиванія однихъ студентовъ другими. На чьей сторонѣ было сочувствіе большинства—опредѣлить трудно, такъ какъ обструкцію можетъ произвести, конечно, и сравнительно небольшая кучка. Какъ бы то ни было, одна только лекція профессора Виппера, несмотря на попытки обструкціи, могла быть благополучно доведена до конца; въ другихъ аудиторіяхъ почти всюду пришлось прекратить лекціи, а въ нѣкоторыхъ онѣ и не начинались. Увѣщанія ректора и его помощника не помогли, и тогда студентамъ предложено было оставить зданіе университета, входы въ который были немедленно заперты, а на входныхъ дверяхъ было вывѣщено объявленіе за подписью ректора, которымъ университетъ закрывался до 30 октября, въ виду происшедшаго 18 октября нарушенія порядка. Это распоряженіе для большинства студентовъ явилось совершенной неожиданностью и произвело крайне тяжелое впечатлѣніе. Центральный органъ предложилъ ректору отиѣнить свое постановленіе и открыть университетъ съ 23 октября. Администрація немедленно услила полицейскій надзоръ возлѣ университета и прислала къ нему конные разѣзды. Никакихъ столкновеній студентовъ съ полиціей однако не воспослѣдовало, равно какъ не произошло никакихъ «студенческихъ беспорядковъ» и внѣ университета. Но университетскія происшествія имѣли косвенное и весьма прискорбное отраженіе въ обществѣ и въ литературѣ. Нѣкоторые либеральные органы печати, наприм., *Новый Путь*, неодобрительно высказались о дѣйствіяхъ ректора и профессоровъ. *Русскія Видомости* въ общемъ одобряли ихъ. Въ полемику внесъ страстность профессоръ князь Трубецкой, помѣстившій въ тѣхъ же *Русскихъ Видомостяхъ* укоризненную статью по адресу студентовъ, отъ нѣкоторыхъ утверждений которой ему самому пришлось отказаться въ виду ихъ необоснованности. Къ счастью, едва ли этотъ печальный инцидентъ будетъ имѣть дальнѣйшія послѣдствія. Университетскія власти повидимому пришли къ логическому заключенію, что изъ требованія безпрепятственнаго занятія наукой въ университетѣ едва ли можетъ вытекать его закрытіе на двѣ недѣли. 24 октября совѣтъ университета, выслушавъ докладъ ректора и заключеніе совѣтской комиссіи, призналъ возможнымъ возобновить учебныя занятія 26 октября. Начало занятій прошло вполне благополучно. Ректоръ, профессоръ Мануиловъ, началъ свою лекцію, не говоря ни слова о закрытіи университета, а профессоръ князь Трубецкой передъ началомъ лекціи высказалъ, что его осужденіе рѣшенія общей сходки произошло по недоразумѣнію, такъ какъ онъ не зналъ, что общая сходка не постановляла объ

обструкціи. 28 октября состоялась общая сходка, на которой было болѣе 2,000 человекъ. Сущность ея постановленія та, что свобода слова и собраний — явочнымъ порядкомъ и безъ всякаго контроля — есть минимумъ, необходимый для функціонированія университета и что отсутствіе ея приведетъ къ закрытію университета самими студентами, что закрытіе университета 18 октября не вызывалось необходимостью. Тѣмъ не менѣе лекціи и занятія до сихъ поръ проходили благополучно. Но очевидно, что положеніе университета остается крайне шаткимъ и что малѣйшій непредвидѣнный случай можетъ нарушить съ такимъ трудомъ поддерживаемое равновѣсіе. Причина этого прежде всего заключается въ основномъ несоотвѣтствіи свободы слова въ университетѣ съ чрезвычайной охраной внѣ его, или, лучше сказать, въ общемъ противорѣчій принципа свободы съ существующимъ у насъ политическимъ режимомъ. Охраняя университетъ отъ неизбежнаго при этомъ режимѣ вторженія внѣшней администраціи въ случаѣ проявленія въ немъ дѣйствительной свободы слова и собраний, университетскіе власти и профессора оказываются въ необходимости стѣснять эту свободу и вызывать протесты со стороны студентовъ, часто не принимающихъ въ соображеніе того, что, какъ выразился князь Трубецкой, «манежъ все еще сильнѣе университета». Что безпокойное состояніе московскаго университета обусловлено не частными и мѣстными причинами, а общими, доказывается тѣмъ, что студенческія волненія распространились и на другіе университеты. Въ Петербургскомъ университетѣ 16 октября была многолюдная сходка, на которой обсуждались обще-политическіе вопросы. Сходка происходила въ лекціонное время, что вызвало объявленіе отъ совѣта о томъ, что въ случаѣ повторенія подобныхъ нарушеній правилъ о студенческихъ собраніяхъ, совѣтъ принужденъ будетъ закрыть университетъ. Въ Казани послѣ объявленія отъ совѣта о недопустимости въ университетѣ сходокъ съ участіемъ постороннихъ лицъ, университетъ былъ закрытъ 16 октября даже раньше, чѣмъ состоялась предполагавшаяся сходка. Закрытъ также кievскій университетъ, послѣ того какъ въ немъ, несмотря на запрещеніе губернатора и совѣта, состоялась большая общестуденческая сходка. Въ Юрьевѣ въ тѣ же дни происходили въ университетѣ сходки и устраивалась забастовка въ память борцовъ за свободу въ прошломъ году. Происходили волненія и въ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Всюду причина одна: рѣзкое несоотвѣтствіе между ясно сознаваемою потребностью свободы и полнымъ отказомъ въ ея удовлетвореніи. Несоотвѣтствіе это, конечно, всего сильнѣе чувствуется и всего яснѣе выражается въ кругахъ интеллигентной молодежи. Но противорѣчіе между ясно сформулируемыми требованіями и совершенно неудовлетворительной дѣятельностью вносить свое разлагающее вліяніе и въ совершенно другія сферы. Гибельные его результаты мы видимъ, напр., въ печальномъ положеніи нашего земскаго тагъ называемаго самоуправления. Характерныя для настоящаго времени явленія въ сферѣ земской дѣятельности суть, во-

первыхъ, почти полное безденежье, во-вторыхъ, усиленіе въ составъ снхъ собраній реакціонныхъ элементовъ. То и другое дѣйствуетъ въ томъ же направленіи. Отсутствіе средствъ, обусловленное тѣмъ, что земскіе сборы, составляющіе почти исключительный источникъ снхъ доходовъ, перестали уплачиваться какъ крупными землевладѣльцами, такъ и крестьянами, лишаетъ земство возможности не только рвать свою дѣятельность въ области народнаго образованія, народнаго здравія и экономической, но даже и поддерживать то, что уже начато даже давно уже выполнялось имъ въ этихъ областяхъ. Такъ, изъ Псковской губерніи еще въ концѣ сентября получались вѣсти, что губернское земство находится въ безвыходномъ положеніи вслѣдствіе непоступленія земскаго сбора изъ уѣздовъ. Приходится ликвидировать дѣятельность учрежденія губернскаго земства, но какимъ образомъ, напр., ликвидировать такое учрежденіе, какъ Бурашевская психіатрическая колонія съ 1,200 больными? Обсужденія финансоваго положенія губернскаго земства на 12 сентября созывалось губернское собраніе. Разрѣшеніе на него получено было министерства внутреннихъ дѣлъ лишь 10 сентября, и собраніе не состоялось, такъ какъ на него успѣло прибыть меньше законнаго числа членовъ. Ходатайство губернской управы о ссудѣ у правительства окончилось безъ результата. Ссуда была дана только на уплату страхового взноса за лошадей, для чего у земства тоже не было средствъ. Такого же рода дѣнія идутъ и изъ другихъ мѣстъ: въ той же Тверской губерніи, Торжское уѣздное земство, до сихъ поръ особенно заботившееся о народномъ образованіи и доведшее число школъ въ своемъ уѣздѣ почти до общедоступности первоначальнаго обученія, принуждено было закрыть почти всѣ школы вслѣдствіе невозможности содержать ихъ и платить жалованья учителямъ. То же самое произошло въ Череповецкомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, гдѣ школы переданы на попеченіе сельскихъ обществъ, а земство будетъ давать только нѣкоторую субсидію, въ Сенинскомъ уѣздѣ занятія въ школахъ прекращены, а учителя не получаютъ жалованья во многихъ другихъ мѣстахъ. Разсуждая о томъ, какъ помочь своему желому финансовому положенію, земства не находятъ обыкновеннаго исхода, какъ заемъ; но заемъ при такихъ обстоятельствахъ от правительства не можетъ не представлять очень большихъ затрудненій, да если бы его и удалось заключить, то пришлось бы его уплачивать, что совершенно невозможно, если причины недомока будутъ продолжаться дѣйствовать попрежнему. Отчасти, поскольку дѣло касается крупныхъ землевладѣльцевъ, дѣло не представляло бы большой трудности, если бы въ этой сферѣ, какъ и повсюду у насъ не отсутствовало уваженіе къ закону и у тѣхъ, кто долженъ его исполнять, и у тѣхъ, кто долженъ блюсти за его исполненіемъ. Земскія недоимки собираются у насъ не открытою полиціей, а извѣстно, что полиція, во-первыхъ, занята теперь совсѣмъ другимъ дѣломъ, а во-вторыхъ, что подступиться не то что къ высшему, а къ какому-нибудь члену союза русскаго

по нынѣшнимъ временамъ и для полиціи не всегда удобно: награды не заслужишь, а неприятность всегда можешь получить. Да и высшее правительство заботится, повидимому, не столько объ уплатѣ недоимокъ, состоящихъ за крупными плательщиками, сколько о состоящихъ за крестьянами. Министерство внутреннихъ дѣлъ разослало земскимъ управамъ, земскимъ начальникамъ и волостнымъ правленіямъ циркуляръ, въ которомъ рекомендуется убѣждать крестьянъ платить подати, такъ какъ, по мнѣнію министерства, въ неплатежѣ ихъ виновать не кто другой какъ революціонная пропаганда, попытки которой «склонить крестьянъ къ неплатежу податей и повинностей во многихъ случаяхъ были успѣшны». Дѣйствительно, если сознательный отказъ отъ уплаты прямыхъ податей, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ земскіе сборы, едва ли составляетъ главную причину неуплаты ихъ крестьянами, такъ какъ для этого есть не мало и другихъ причинъ, важнѣйшею изъ которыхъ является для многихъ мѣстностей несомнѣнная нищета населенія; то тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что въ силу ли революціонной пропаганды, или дошедши до этого своимъ умомъ, крестьяне сознательно отказываются платить земскіе сборы, приводя для этого весьма характерные мотивы. Такъ, въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, Сурушинское сельское общество въ приговорѣ своемъ высказало, что неплатежъ земскаго сбора «вызванъ тѣмъ, что населеніе не довѣряетъ болѣе своихъ кровныхъ денегъ дворянско-помѣщичьему земству, гдѣ интересы большинства крестьянскаго населенія представлены въ меньшинствѣ». Въ мѣстномъ крестьянствѣ высказывалась даже мысль объ организаціи чисто-крестьянскаго хозяйственнаго управленія, которому теперешнее земство передало бы въ завѣдываніе школы, больницы и т. п. Крестьяне полагали, что саміи они устроили бы это все лучше, согласнѣе со своими потребностями, а главное дешевле. На частномъ собраніи, бывшемъ въ управѣ, уполномоченные отъ крестьянъ заявили также, что они будутъ платить земскій сборъ, если въ земское собраніе будутъ допущены съ правомъ рѣшающаго голоса представители всѣхъ волостей. Конечно, непосредственно-практическаго значенія подобныя заявленія не могутъ имѣть, но они указываютъ на настроеніе, существующее въ широкой средѣ крестьянства. Отголоски такого настроенія были и въ нѣсколькихъ земскихъ собраніяхъ. Напр., въ грязовецкомъ собраніи одинъ изъ гласныхъ отъ крестьянъ заявилъ, что за отстраненіемъ губернаторомъ половины избранныхъ крестьянскихъ представителей, онъ, вмѣстѣ съ другими крестьянскими гласными, не могутъ считать себя истинными представителями многотысячнаго крестьянства уѣзда и будутъ принимать участіе въ собраніи лишь въ томъ случаѣ, если собраніе обсудитъ вопросъ о полномъ преобразованіи земства съ требованіемъ немедленнаго созыва Государственной Думы на основаніи всеобщаго голосованія, которая и измѣнитъ законъ о земскихъ учрежденіяхъ. Земское собраніе постановило ходатайствовать въ этомъ смыслѣ. Такое же ходатайство о реформѣ земства на демократическихъ началахъ постановлено въ Балахнинскомъ зем-

своём собраніи послѣ доклада управы, въ которомъ было высказано, что главная причина неплатежа крестьянами земскихъ сборовъ состоитъ въ томъ, что крестьянское населеніе требуетъ земской реформы. Подобный же взглядъ высказываетъ въ *Правѣ* столь опытный земець, какъ И. И. Петрункевичъ. «Земство, — говоритъ онъ, — переживаетъ кризисъ... потому что оно пережило самого себя, что оно нуждается въ коренной реформѣ на началахъ всеобщаго избирательнаго права. Крестьянская масса борется... за осуществленіе своего права, на сторонѣ котораго и справедливость, и общественная польза, и государственный интересъ». Побѣда реакціонеровъ на послѣднихъ земскихъ выборахъ можетъ только усилить и обострить эту борьбу, такъ какъ первымъ дѣломъ реакціонныхъ земскихъ собраній будетъ, конечно, сокращеніе и уничтоженіе расходовъ на народное образованіе и вообще на различнаго рода культурныя учрежденія, нужныя для народа, но возбуждающія антипатію реакціонеровъ и по существу своему и, пожалуй, еще болѣе потому, что для своего функционированія они требуютъ участія въ земствѣ ненавистнаго реакціи третьяго элемента. Этотъ культурный третій элементъ прежде всего, конечно, исчезнетъ изъ реакціонныхъ земствъ, какъ это и произошло уже въ нѣкоторыхъ земствахъ, напр., Курской губерніи. Такія земства сдѣлаются вполнѣ бюрократически-дворянскими учрежденіями и, конечно, еще болѣе возстанутъ противъ себя крестьянство. Поэтому мы имѣли основаніе сказать, что оба явленія: и безденежье и побѣда на выборахъ реакціонныхъ партій ведутъ земство въ одномъ направленіи, къ окончательной ликвидаціи его какъ общественно-культурнаго учрежденія. Но эта ликвидація грозитъ только нынѣшнему земству, которое могло быть прогрессивнымъ явленіемъ тогда, когда прогрессивнымъ было и насажденіе культуры путемъ просвѣщеннаго деспотизма, когда либеральные дворяне могли работать на пользу народу согласно со своимъ, а не народнымъ пониманіемъ этой пользы. Теперь, когда народъ переросъ уже фазисъ этого пассивнаго воспріятія благъ культуры, и хочетъ самъ устраивать свои дѣла такъ, какъ онъ ихъ понимаетъ, такое земство уже не соответствуетъ требованію времени. Оно должно быть замѣнено другимъ, основаннымъ на принципѣ всенароднаго въ немъ участія. Искусственная идея соединенія дворянскаго состава земства съ дѣятельностью его въ смыслѣ народныхъ интересовъ, оказывается несостоятельною. Выясняется все болѣе, что народные интересы и мѣстные, какъ и общіе, должны защищаться самимъ народомъ. Но, какъ совершенно вѣрно указалъ Грязовецкій гласный, земство можетъ быть реформировано на началѣ всеобщности только Государственной Думой, организованной на томъ же началѣ. При такихъ условіяхъ земство не только будетъ выразителемъ дѣйствительныхъ мѣстныхъ потребностей народа, но и будетъ служить проводникомъ и связью между Думой и народомъ, и тѣмъ самымъ дастъ большую устойчивость и общегосударственному представительству. Теперь же противорѣчіе между сознательными требованіями народа и общей дѣятельностью приводитъ и въ земскомъ, также какъ и въ универ-

ситетскомъ вопросѣ, и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ на частныхъ при-
мѣрахъ проявляется общая дисгармонія, къ созданію неяснаго, фальши-
ваго и непрочнонаго положенія и къ невозможности функционировать послѣ-
довательно и успѣшно. Не сознавая этого основного внутренняго проти-
ворѣчія всей нашей политической жизни, или можетъ-быть руководствуясь
принципомъ *après nous le déluge*, нынѣшнее правительство продолжаетъ
принимать всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы соединить несоединимое,
чтобы, съ одной стороны, путемъ мелкихъ уступокъ отдѣльнымъ классамъ
и группамъ населенія привлечь къ себѣ ихъ сочувствіе, а съ другой, пу-
темъ исключенія оппозиціонныхъ элементовъ изъ числа участвующихъ въ
выборахъ въ Государственную Думу, создать такое представительство, ко-
торое, если бы и не выражало собой дѣйствительныхъ желаній народа,
то сходилось бы съ желаніями теперешняго правительства, или по крайней
мѣрѣ было бы по отношенію къ нему достаточно уступчиво. Первая цѣль
достигается изданіемъ нѣкоторыхъ законовъ, изданіемъ, которое и само
является нарушеніемъ не только манифеста 17 октября, устанавливающаго,
«какъ неизбѣжное правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу
безъ одобренія Государственной Думы», но и позднѣйшихъ «основныхъ
законовъ», ограничившихъ это неизбѣжное правило, такъ какъ и по этимъ
основнымъ законамъ, безъ Думы, въ періодъ, когда она не функцио-
нируетъ, могутъ быть издаваемы лишь совершенно неотложные законы и
законодательныя распоряженія, чего объ изданныхъ за это время зако-
нахъ ни въ какомъ случаѣ сказать нельзя. Самые существенные изъ нихъ,
аграрные законы, устанавлиющіе основанія и порядокъ продажи крестья-
намъ казенныхъ, удѣльныхъ и алтайскихъ кабинетскихъ земель, уже были
изложены нами въ послѣдней, октябрьской книжкѣ *Русской Мысли*. Къ
нимъ присоединились теперь еще два закона, имѣющие отношеніе къ аграр-
ному вопросу: первый изъ нихъ—Высочайшій указъ о пониженіи платежей
заемщиковъ крестьянскаго банка, которымъ опредѣлено понизить, начи-
ная со втораго полугодія 1906 года, платежи какъ нынѣшнихъ, такъ и
будущихъ заемщиковъ крестьянскаго банка съ 5 р. 25 к. и 5 р. 75 к.
до 4 р. 50 к. въ годъ со 100 руб. ссуды при срокѣ ея въ 55½ лѣтъ,
установивъ соотвѣтственное пониженіе при другихъ срокахъ погашенія ссуды;
причемъ сохраняется прежній размѣръ погашенія ссуды и прежній же порядокъ
погашенія выпущенныхъ банкомъ свидѣтельствъ. Вызываемый пониженіемъ
недочетъ въ средствахъ на покрытіе обязательствъ банка опредѣленно по-
полнять изъ средствъ государственнаго казначейства, внося необходимый
кредитъ въ государственную роспись. Мѣра эта безъ сомнѣнія улучшаетъ
положеніе крестьянъ, уже ранѣе купившихъ землю черезъ крестьянскій
банкъ, но для будущихъ покупателей полезность ея можетъ быть учтена
лишь въ зависимости отъ покупныхъ цѣнъ. Это ясно видитъ и правитель-
ство, говоря въ сопровождающемъ указъ сообщеніи, что, если бы на ряду
съ уменьшеніемъ платежей послѣдовало искусственное повышеніе цѣнъ на
землю, то обремененіе плательщиковъ и при указанной мѣрѣ не измѣни-

лось бы. Но именно противъ этого-то и нѣтъ никакой гарантіи, при томъ условіи, что покупка земли крестьянами будетъ совершаться и впоследствии по вольнымъ цѣнамъ. Другой аграрный законъ, изданный за это время—это законъ о залогѣ надѣльныхъ земель. Сущность его заключается въ слѣдующемъ: крестьянскому банку предоставляется разрѣшать крестьянскимъ обществамъ, товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ ссуды подъ залогъ принадлежащихъ имъ надѣльныхъ земель: 1) для уплаты за надѣлы, оставляемые крестьянами, переселяющимися на новыя земли; 2) для дополнительной приплаты за землю, покупаемую при содѣйствіи крестьянскаго банка, сверхъ получаемой изъ банка ссуды, и 3) на покрытие расходовъ при переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному, при расселеніи общества на отдѣльные поселки и хутора и при раздѣлѣ обществомъ общинной земли на отрубные участки. Предметомъ залога при ссудѣ обществу можетъ служить или весь надѣлъ, или часть его, достаточная для обезпеченія ссуды, но въ послѣднемъ случаѣ эта часть должна быть ограничена къ одному мѣсту и снята на планъ. Товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ ссуды разрѣшаются подъ залогъ участковъ надѣльной земли, законно укрѣпленной въ нихъ особое владѣніе и ограниченной къ однимъ мѣстамъ въ натурѣ и на планѣ. Размѣръ ссуды не долженъ превышать 60° установленной оцѣнки. Подъ надѣльной землей товарищество надо, вѣроятно, понимать надѣльную землю членовъ товариществъ, такъ какъ надѣльной землей крестьяне до сихъ поръ не владѣли на товарищескомъ правѣ. Смыслъ этого законодательнаго акта не такъ простъ, какъ законъ о пониженіи платежей крестьянскому банку. Съ одной стороны, онъ съ перваго взгляда представляется тоже какъ будто льготой, способствующею приобрѣтенію средствъ для покупки земли и другихъ земельныхъ улучшеній. Но, если ближе всмотрѣться въ его сущность, то мы увидимъ, что дѣло тутъ не въ улучшеніяхъ, ибо тогда всего цѣлесообразнѣе было бы придать этому кредиту меліорационный характеръ, а въ тенденціозномъ проведеніи давно уже излюбленной въ нѣкоторыхъ высшихъ сферахъ мысли объ уничтоженіи общины и о водвореніи мелкой крестьянской собственности и хуторскаго хозяйства. Объ общинномъ владѣніи можно быть различнаго мнѣнія; вопросъ этотъ обсуждался и дебатировался въ литературѣ и въ обществѣ и до сихъ поръ продолжаетъ возбуждать споры. Но едва ли можетъ быть два мнѣнія о томъ, что бюрократическое рѣшеніе его, притомъ такимъ слѣпымъ образомъ, за три мѣсяца до созыва Государственной Думы, которая можетъ и не согласиться съ такимъ рѣшеніемъ, не имѣетъ никакого основанія и могло бы только внести совершенно лишнюю смуту въ такое серьезное дѣло, какъ установленіе земельныхъ отношеній, если бы не было большой вѣроятности, что вся эта бюрократическая затѣя такъ и останется канцелярскимъ экспериментомъ. Нельзя не замѣтить, что во всякомъ случаѣ залогъ надѣльной земли для приплаты къ ссудѣ крестьянскаго банка при покупкѣ земли есть гораздо больше льгота для продавцевъ-помѣщиковъ, чѣмъ для крестьянъ,

такъ какъ результатомъ ея несомнѣнно будетъ повышеніе земельныхъ цѣнъ; крестьяне же и банкъ такимъ путемъ вводятся въ земельную спекуляцію, могущую кончиться очень печально или для крестьянъ, если заложенные надѣлы будутъ дѣйствительно проданы при неуплатѣ полученной ссуды, или для банка, если ихъ продажа окажется невозможной. Вообще этотъ законъ имѣетъ характеръ не столько политическаго хода въ видахъ привлеченія на свою сторону населенія, сколько легкомысленнаго шага, сдѣланнаго въ угоду взглядамъ, господствующимъ во вліятельныхъ и *vois disant* консервативныхъ сферахъ, не сознающихъ того, что такіа попытка бюрократическаго вторженія въ область важнѣйшихъ экономическихъ интересовъ народа по существу своему носятъ самый революціонный характеръ. Зато двѣ другія мѣры правительства носятъ несомнѣнные признаки *captationis benevolentiae*. Одна изъ нихъ: Высочайшій указъ объ отмиѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ сословій. Содержаніе его заключается въ слѣдующемъ: 1) всѣмъ русскимъ подданнымъ (кромя инородцевъ) независимо отъ сословія и происхожденія предоставляются одинаковыя права государственной службы, примѣнительно къ правамъ лицъ дворянскаго сословія; 2) отмиѣняется бывшее до сихъ поръ обязательнымъ исключеніе сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ сословій изъ обществъ при поступленіи на службу, производствѣ въ чины, окончаніи курса въ учебныхъ заведеніяхъ и полученіи ученыхъ степеней и званій, съ предоставленіемъ таковымъ, оставаясь въ своемъ обществѣ до добровольнаго выхода изъ него, сохранять всѣ соединенныя съ пребываніемъ въ обществѣ права и обязанности; отмиѣняется и представленіе ими увольнительныхъ приговоровъ отъ обществъ при поступленіи на службу и въ учебныя заведенія; 3) разрѣшается безъ увольненія отъ сельскаго общества вступать въ другое сельское общество; 4) въ отношеніи свободы избранія мѣста жительства и полученія безсрочныхъ паспортовъ сельскіе обыватели и лица бывшихъ податныхъ сословій сравниваются съ лицами высшихъ сословій; 5) отмиѣняется подушная подать и круговая порука, гдѣ онѣ еще сохранились; 6) отмиѣняются спеціальныя правила о наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ за проступки, не наказуемые по уставу о наказ. нал. мир. судьями, и отдача въ видѣ наказанія въ общественныя заработки; 7) отмиѣняются правила, стѣняющія семейныя раздѣлы; 8) отмиѣняется запрещеніе крестьянамъ, не владѣющимъ лично недвижимою собственностью, выдавать векселя; 9) предоставляется крестьянамъ, обладающимъ установленнымъ цензомъ помимо надѣльной земли, участвовать въ избраніи гласныхъ на второмъ избирательномъ собраніи, сверхъ участія въ выборахъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ; 10) отмиѣняется утвержденіе губернаторомъ земскихъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ съ предоставленіемъ избраннымъ отъ волостей кандидатамъ самимъ назначить изъ своей среды положенное число гласныхъ; 11) отмиѣняется право земскихъ начальниковъ налагать въ административномъ порядкѣ на крестьянъ наказанія за неисполненіе ихъ распоряженій,

и 12) устанавливается, что уездные съезды могут отменять приговоры крестьянских общественных сходок лишь в случаях несогласия съ законами, или когда они обжалованы заинтересованными лицами, а таковыми, что приговоромъ нарушены ихъ права. Все эти положенія сомнительно представляютъ собою нѣкоторое улучшеніе. Тѣмъ не мѣняя нельзя не пожалѣть, что они установлены не нормальнымъ порядкомъ черезъ Государственную Думу, пожалѣть не только потому, что это обстоятельство составляетъ еще одно лишнее нарушеніе бюрократіей правъ роднаго представительства, но и по существу, такъ какъ, если бы эти законы получили осуществленіе законопроекты о равноправности, выработанные въ бывшей Думѣ, то въ нихъ не было бы той неполноты, отрывистости, а иногда и неясности, какія есть въ изданномъ теперь законѣ. Конечно, отмѣнѣ всякихъ сословныхъ неравенствъ можно только способствовать; но нельзя не видѣть, что нѣкоторые изъ отмѣняемыхъ ограничений очень несущественны, или были уже отмѣнены самой жизнью, напр., отдачи въ заработки въ видѣ наказанія. Нѣкоторые правила, представляющія шагъ впередъ противъ существующихъ, но ужь очень далеки отъ требованій жизни. Таковы предоставленіе крестьянамъ новыхъ правъ на земскихъ выборахъ въ качествѣ землевладѣльцевъ и мѣстна правъ губернатора на утвержденіе крестьянскихъ гласныхъ. Другое составляетъ не болѣе, какъ возвращеніе къ порядку 1864 года, тогда какъ въ настоящее время въ народномъ сознаніи намѣчена не болѣе радикальная реформа земскаго самоуправленія, основаніемъ которой предполагается всеобщее участіе въ мѣстномъ самоуправленіи. Что касается до отмѣны права земскихъ начальниковъ налагать наказанія суда и права уездныхъ съездовъ отмѣнять крестьянскіе приговоры только по ихъ незаконности, то сомнительно, чтобы эти правила осуществились на дѣлѣ, разъ что не отмѣнены сами земскіе начальники, остается въ силѣ тотъ же совершенно несообразный съ уравненіемъ сословій принципъ начальствованія членомъ одного сословія надъ другимъ. Въ составъ земскихъ начальниковъ и членовъ уездныхъ съездовъ измѣнился, ихъ взгляды и образъ дѣйствія остались тѣ же самыя, какъ и въ старшинъ и старостъ тоже осталось въ своей силѣ; мудрено, что они вдругъ стали примѣрами уваженія къ законности, когда вся ихъ дѣятельная обстановка и условія ихъ дѣятельности, начиная съ примѣра непосредственнаго начальства, губернаторовъ,—направляютъ ихъ совершенно въ другую сторону. Очевидно, что въ этомъ уравнительномъ законѣ достаетъ именно самаго главнаго, отмѣны дворянскаго начальства надъ крестьянами, и это придаетъ ему характеръ одного изъ тѣхъ нечисленныхъ у насъ законовъ, гдѣ слова—сами по себѣ, а дѣло—самое себя. Остается неотмѣненнымъ и законъ объ исполненіи крестьянскими сходами туральныхъ повинностей.

Другой законъ, изданный въ развитіе высочайшаго повелѣнія, отъ 17 апрѣля 1905 г., устанавливаетъ правила: 1) о порядкѣ устройствъ и послѣдователями старообрядческихъ согласій и объ ихъ -

обязанностяхъ и 2) объ устройствѣ сектантовъ, отдѣлвшихся отъ православія. Тѣмъ и другимъ предоставляются одинаковыя права, кромѣ того, что сектантамъ, не признающимъ духовенства, не предоставлено права веденія метрическихъ книгъ, которыя для старообрядцевъ переданы въ вѣдѣніе ихъ духовныхъ лицъ. Возможность для старообрядцевъ и сектантовъ учреждать легализованныя общины есть безспорно шагъ впередъ сравнительно съ ихъ ранѣе бывшимъ полубезправнымъ, или и вовсе безправнымъ положеніемъ. Но все это очень далеко отъ настоящей свободы совѣсти. Вся религиозная жизнь сектантовъ и теперь остается опутанною цѣлою сѣтью регламентаціи, предоставляющею значительный просторъ административному усмотрѣнію. Учрежденіе общины зависитъ отъ согласія губернскаго правленія, при чемъ въ законѣ не указано, чтобы согласіе это было обязательно для него, если со стороны подавшихъ заявленія объ образованіи общины будутъ выполнены указанныя въ законѣ требованія. Еще болѣе произвола вносится правомъ администраціи закрыть общину не за какія-либо опредѣленныя противозаконныя дѣйствія, а просто вслѣдствіе признанія ея вредной. Для открытія храмовъ и молитвенныхъ домовъ, независимо отъ легализаціи открывающей ихъ общины, требуется еще особое разрѣшеніе губернатора. Лица, избранныя въ наставники или распорядители, подлежатъ утвержденію губернатора, а лица, состоящія подъ слѣдствіемъ или судомъ, и вовсе не могутъ быть избраны; послѣднее указаніе тоже имѣетъ большое значеніе по нынѣшнимъ временамъ, когда такъ легко самому почтенному человѣку попасть подъ слѣдствіе или подъ судъ. Все зависитъ отъ того, какъ будетъ примѣняться законъ, а при царствующей у насъ общей атмосферѣ безправія, никакъ нельзя поручиться за то, что онъ не останется мертвой буквой, или что, когда дойдетъ дѣло до практическаго его примѣненія, не послѣдуетъ какихъ-нибудь «разъясненій и циркуляровъ», которые сведутъ его на нѣтъ. Какъ свободно правительство пользуется «разъясненіями» для прямого измѣненія самыхъ важныхъ законовъ, — это мы видимъ на примѣрѣ послѣдовавшихъ этимъ временемъ ограничительныхъ толкованій избирательнаго закона. Несмотря на свои шропріятія въ пользу крестьянъ, правительство не довѣряетъ имъ и опасается, что при новыхъ выборахъ крестьянское большинство выберетъ въ Государственную Думу оппозиціонныхъ депутатовъ. Поэтому путемъ сенатскаго разъясненія вводятся слѣдующія измѣненія въ избирательный законъ: не могутъ быть вносимы въ списки уѣздныхъ землевладѣльцевъ и участвовать на землевладѣльческихъ выборахъ казаки и башкиры, всѣ крестьяне, приобрѣвшіе землю черезъ посредство крестьянскаго банка, въ составѣ ли сельскихъ обществъ и товариществъ, или единолично, и рабочіе на фабрикахъ и заводахъ. Первые двѣ категоріи избирателей могутъ участвовать въ выборахъ только въ составѣ сельскихъ и волостныхъ сходовъ, а послѣдняя въ особой рабочей куріи по закону 11 декабря 1905 г. къ этимъ ограниченіямъ добавлено еще одно, касающееся крестьянскихъ выборовъ: въ уполномоченные отъ волостныхъ сходовъ для участія въ избирательныхъ сѣздахъ этихъ уполномоченныхъ могутъ быть избираемы лишь до-

мохозяева. Ни одного изъ этихъ ограниченій въ дѣйствующемъ законѣ нѣтъ; очевидно, слѣдовательно, что всё они въ сущности не суть разъясненія, а прямыя измѣненія закона; только правительство нашло болѣе для себя удобнымъ или приличнымъ совершить, вмѣсто явнаго нарушенія избирательнаго закона, его обходъ, хотя и не менѣе явный. Тенденція этихъ измѣненій совершенно ясна. Въ прошлый разъ на землевладѣльческіе выборы являлась во многихъ мѣстахъ масса крестьянъ-землевладѣльцевъ, подавлявшая сравнительно незначительную группу помѣщиковъ не крестьянъ. Въ числѣ этихъ крестьянъ-землевладѣльцевъ было, конечно, очень много такихъ, которые приобрѣли свою землю черезъ крестьянскій банкъ, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ почти что только такіе крестьяне-землевладѣльцы и есть. Понятно, что при устраненіи ихъ, также какъ и казаковъ-землевладѣльцевъ, тоже составляющихъ большинство въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ казачье населеніе, помѣщичья группа сохранить большое значеніе и даже можетъ получить преобладаніе. А такъ какъ въ прошлые выборы крестьянское населеніе «не оправдало довѣрія», дворяне же помѣщики съ тѣхъ поръ какъ будто даже поправѣли, что выразилось на земскихъ выборахъ, то усиленіе на Думскихъ выборахъ помѣщичьего элемента и ослабленіе крестьянскаго даетъ надежду на выборъ въ Думу депутатовъ болѣе «консервативнаго», или, лучше сказать, болѣе покладливаго и болѣе соответствующаго намѣреніямъ правительства характера. Что касается до рабочихъ, то они несомнѣнно представляютъ собою явно оппозиціонный элементъ и потому устраненіе ихъ особенно должно быть желательно правительству. Это и достигается причисленіемъ ихъ къ особой куріи, которой предоставляется выбирать самое ничтожное число выборщиковъ, не могущихъ имѣть никакого вліянія на общій исходъ выборовъ. Въ прошлый разъ это образованіе особой рабочей куріи выставялась какъ льгота; теперь оно имѣетъ очевидно значеніе прямого ограниченія правъ. Крестьянинъ, не состоящій фабричнымъ рабочимъ, если онъ по личнымъ своимъ качествамъ можетъ имѣть вліяніе, имѣетъ возможность проявить его или на крестьянскихъ, или на землевладѣльческихъ выборахъ, т. е. на такихъ, отъ которыхъ въ значительной степени зависитъ окончательный составъ думы, крестьянинъ же рабочій этой возможности лишень. Наконецъ, устраненіемъ отъ избранія на крестьянскихъ выборахъ всѣхъ недомохозяевъ достигается устраненіе наиболѣе развитыхъ и прогрессивныхъ членовъ изъ крестьянской среды, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ останутся имѣющими право быть выборщиками почти что одни неграмотные. Не довольствуясь этими исключеніями, правительство черезъ посредство сената отняло право выбора у многихъ разрядовъ избирателей, какъ-то мастеровъ и сельскихъ рабочихъ горныхъ заводовъ, крестьянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ въ Сибири, у большинства нанимателей мелкихъ городскихъ квартиръ и мелкихъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Наконецъ, уже безъ сенатскаго разъясненія, собственнымъ циркуляромъ лишило права участія въ выборахъ, пользовавшіяся имъ въ прошлый разъ, нѣкоторыя категоріи арендаторовъ и управляющихъ имѣніями.

Всѣ воспослѣдовавшія измѣненія направлены въ сторону сокращенія числа избирателей; нѣтъ ни одного, которымъ бы оно увеличивалось. Такимъ образомъ новые выборы будутъ происходить въ условіяхъ, еще болѣе далекихъ отъ всеобщаго избирательнаго права, чѣмъ прошлые. Припомнимъ, что въ прошлый разъ несовершенство избирательнаго закона многими признавалось поводомъ къ «бойкотированію» Думы. Теперь объ этомъ совсѣмъ не говорится. По справедливому замѣчанію газеты *Путь* теперь вообще потеряли значеніе программные вопросы. Дѣйствительно, основной вопросъ, на которомъ должна теперь сосредоточиться избирательная борьба—это, будетъ ли у насъ дѣйствительно конституціонный образъ правленія, или вновь возстановится бюрократическій абсолютизмъ и обѣщанія, данныя 17 октября 1905 г., останутся безъ исполненія, или даже будутъ формально отмѣнены. Въ послѣднее время абсолютистскія тенденціи выступаютъ уже прямо безъ всякихъ прикрасъ. Вотъ что, напримѣръ, говорится въ монархическомъ изданіи *Колоколъ* (цитируемъ по выдержкѣ въ газетѣ *Путь*). «Манифестъ 17 октября былъ изданъ, и у насъ создалась легенда о какой-то конституціи. Жалкая легенда!... Мы вступили уже во второй годъ мнимо-конституціонной жизни Россіи и должны откровенно сознать, что давно уже самодержавіе въ Россіи не дѣйствовало такъ полно и мощно, какъ именно въ этотъ «конституціонный» годъ. Манифестъ 17 октября отмѣнилъ, повидимому, самодержавіе въ области законодательства, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ въ этотъ годъ самодержавно было отмѣнено множество законовъ, а взамѣнъ изданы новые исключительно до «основныхъ», и повсемѣстно въ Россіи исполнительная власть была самодержавно же облечена исключительными и чрезвычайными полномочіями. Нельзя болѣе откровенно высказать и болѣе ясно доказать фактами, что манифестъ 17 октября есть пустая легенда. «Съ фактической стороны «монархическая» газета совершенно права, но для нее это служитъ доказательствомъ, что отъ торжественныхъ обѣщаній 17 октября слѣдуетъ отказаться и о нихъ забыть; для насъ эти факты служатъ доказательствомъ того, что дѣйствительность русской жизни противорѣчитъ слову, данному монархомъ народу, и что объ этомъ словѣ слѣдуетъ вспомнить. Однако, всѣ услія теперешняго правительства направлены къ тому, чтобы и въ будущемъ сохранить существующій фактическій порядокъ. Къ этому направлены и его старанія создать послушную себѣ Государственную Думу. Въ какой мѣрѣ удастся ему это, сказать очень трудно. И первая Дума съ ея оппозиционнымъ направленіемъ была отчасти сюрпризомъ и только для правительства, но и для общества. Такимъ же сюрпризомъ и чать оказаться и вторая. Судить о ней по составу и направленію пер-
трудно, потому что настоящія условія выборовъ во многомъ отлич-
ются отъ тѣхъ, какія были весной. Тогда социалистическія партіи бой-
кировали Думу и не участвовали въ выборахъ; теперь онѣ заявили о
своёмъ участіи въ нихъ. Учень ихъ силы очень мудрено, такъ какъ явно-
и учету ихъ препятствуетъ ихъ нелегальное положеніе; но, что досто-
ебно извѣстно—это то, что онѣ отличаются большой дѣятельностью и

энергией. Съ другой стороны, на выборах может усилиться и значение крайних партий справа, не потому, чтобы къ нимъ за этотъ годъ соединилось много новыхъ сторонниковъ; напротивъ, отъ нихъ могли бы отпасть тѣ члены союза 17 октября, которые искренно считаютъ себя консерваторами-конституціоналистами и которымъ претитъ союзъ съ черносотенными элементами. Но послѣдніе могутъ побѣдить въ выборахъ не по своей силѣ, а вслѣдствіе устранения правительственными мѣропріятіями конкуренціи лѣвыхъ партий. Послѣднія, какъ извѣстно, не получили легализаціи, и надо думать, что ихъ предвыборная агитация будетъ преслѣдоваться всякими законными и незаконными способами, и до избіенія черносотенными бандами неугодныхъ имъ избирателей. Поэтому, можетъ быть, не безосновательно мнѣніе, утверждающее, что этотъ разъ получится Дума, въ большинствѣ своемъ состоящая изъ представителей крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ. Положеніе таково, конечно, еще труднѣе, чѣмъ было положеніе первой, и смыслъ работоспособности, такъ и въ смыслѣ опасности для нея сълѣдуетъ рѣзкаго столкновенія съ правительствомъ. Избѣжать этого можно лишь путемъ соглашенія или блока прогрессивныхъ партий, и на это должны быть направлены усилія всѣхъ представителей этихъ партий, практикующихъ истинное положеніе вещей. Поэтому нельзя не приписать напечатанное въ *Товарищъ* письмо къ рабочимъ Г. В. Плеханова: «Намъ слѣдуетъ помнить, — говорится въ этомъ письмѣ, — что кромѣ нашей партіи, — партіи пролетаріата, въ Россіи существуютъ еще и другія партіи, готовые бороться за политическую свободу. Эти партіи не такъ далеко впередъ, какъ партія пролетаріата, но онѣ всетаки идутъ впередъ и, поскольку онѣ идутъ впередъ, постольку мы должны поддерживать ихъ въ своихъ собственныхъ интересахъ... Если мы будемъ бороться во всѣмъ непролетарскимъ партіямъ, какъ таковымъ, торжествующимъ одинаково вредно для пролетаріата, то мы сдѣлаемъ непоправимую тактическую ошибку, мы будемъ способствовать пораженію тѣхъ, на кого мы могли бы поддержать насъ, и торжеству тѣхъ, отъ которыхъ мы ждемъ ровно ничего, кромѣ кнута и палки... Тамъ, гдѣ нельзя бороться въ томъ, что намъ удастся провести своего собственного кандидата, мы можемъ и должны дѣйствовать независимо отъ другихъ партій; тамъ же, гдѣ мы не можемъ быть увѣрены въ побѣдѣ нашего кандидата, мы обязаны войти въ соглашеніе съ другими партіями, желающими бороться съ нашимъ старымъ порядкомъ». Остается пожелать, чтобы и эти разумные шаги къ соглашенію были сдѣланы и представителями лѣвыхъ прогрессивныхъ партий.

Прошлый мѣсяць унесъ въ могилу академика Веселовскаго, Станислава проф. Мищенка и Спасовича. Мы надѣемся въ ближайшемъ будущемъ характеристике этихъ замѣчательныхъ людей, изъ которыхъ Спасовичъ игралъ крупную роль въ русско-польскихъ политическихъ отноше-

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Возвращаюсь къ докладу Этурнель де Констана на лондонскомъ междунарламентскомъ сѣздѣ о сокращеніи вооруженій. Его окончаніе напечатано въ *La Revue*, 15 октября *).

Французскій публицистъ указываетъ на то, на что давно уже обращаютъ вниманіе общественнаго мнѣнія сторонники международнаго мира и третейскаго суда: европейскія государства истощаютъ народныя средства на военныя издержки. Бывшій французскій министръ финансовъ, Пуанкаре, въ рѣчь 6 апрѣля нынѣшняго года (сенатъ постановилъ раскленить ее по всѣмъ общинамъ Франціи) приводитъ поучительныя и грозныя числа. Вотъ въ какихъ суммахъ выражается общій ростъ расходовъ въ главныхъ европейскіихъ государствахъ:

Франція: 1880—3,378 м. фр.; 1905—3,623 м. (на 1907 годъ до четырехъ миллиардовъ).

Германія **): 1880—550,065 тысячъ марокъ, 1905—2.208,887 т. м.

Пруссія: 1880—799,200, 1904—2.803,800 т. м.

Россія: 1880—694 мил. р., 1905—1,916 м. р. (и военные расходы все поднимаются).

Англія: 1880—82,108 тысячъ ф. с., 1904—141,956.

Италія: 1880—1.196,670 т. лиръ, 1905—1.708,200.

Маленькая Бельгія вынуждена тянуться также, имѣя въ виду защиту своего нейтралитета и независимости. Ея государственные расходы были въ 1880 году, въ тысячахъ франковъ, 292,010, черезъ двадцать пять лѣтъ—545,417. Невольно напрашивается сравненіе съ Сѣверо-Американскими Штатами: великая страна съ населеніемъ, которое вдвое превышаетъ населеніе Франціи, тратила на потребности республики въ 1880 году 267,643 тысячи долларовъ, въ 1904—532,402 (милитаризмъ дѣлаетъ ровныя успѣхи и въ Америкѣ).

Этурнель де Констанъ присоединяетъ къ этимъ даннымъ цифры непроизводительныхъ государственныхъ расходовъ вообще. Онъ ограничи-

*) См. *Русская Мысль*, октябрь, *Иностранное обозрѣніе*.

***) Имперскій бюджетъ.

вается примѣромъ одной Франціи. Она уплачиваетъ процентовъ по долгамъ, заключеннымъ почти исключительно для военныхъ цѣлей, миллиардъ франковъ; расходы на армію и флотъ поглощаютъ (въ 1905 году) 1,260 миліоновъ франковъ. Итакъ, почти двѣ трети французскаго государственнаго бюджета идутъ въ часть милитаризма. И при этомъ военныя издержки растутъ гораздо быстрее производительныхъ. Съ 1880 г. они поднялись отъ 1,022 м. ф. до 1,260 м. ф. (1905).

Въ тридцать шесть послѣднихъ лѣтъ во Франціи ушло на армію и флотъ *сорокъ два миллиарда франковъ*. Какъ бы поднялось народное просвѣщеніе и благосостояніе, сколько соціальнаго зла было бы устранено, еслибъ хоть половина этой исполинской суммы была употреблена на производительные расходы! Въ этому необходимо прибавить, что за то же время приблизительно 30 миллиардовъ франковъ были истрачены на проценты по долгамъ, заключеннымъ, какъ было уже упомянуто, главнымъ образомъ на покрытіе военныхъ же расходовъ. Еще дополненіе, значеніе котораго всякому понятно: ежегодно полмилліона людей въ цвѣтъ силъ отрываются отъ производительнаго труда и кормятся на счетъ остальнаго населенія... Въ Россіи численность арміи въ мирное время опредѣляютъ въ 1.500,000 чел.

Послѣ доклада Этурнель де Констана, который былъ подвергнутъ многостороннему обсужденію, междупарламентская конференція единогласно постановила, что необходимо внести этотъ вопросъ въ программу ближайшей гаагской конференціи. Каждая группа междупарламентскихъ сѣздовъ должна возбудить этотъ же вопросъ въ парламентѣ передъ своимъ правительствомъ *).

Ватиканъ вступилъ въ столкновеніе съ испанскимъ правительствомъ. Въ странѣ все сильнѣе и сильнѣе развивается движеніе противъ чрезмѣрнаго вліянія и злоупотребленій римско-католическаго духовенства. Столкновеніе между этими духовенствомъ и либеральнымъ министерствомъ Лопезъ-Домингеса первоначально возникло изъ-за вопросовъ о восстановленіи гражданскаго брака и о передачѣ кладбищъ въ руки муниципалитетовъ. Въ виду того, что эти двѣ мѣры встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны религиозныхъ конгрегацій, министерство выступило съ проектомъ закона, который долженъ лишить конгрегаціи присвоенныхъ ими привилегій и подчинить ихъ дѣйствию общихъ законовъ. На этой почвѣ борьба двухъ міровъ возгорѣлась съ удвоенной силой. Особеннаго шума надѣлало посланіе епископа Туи, который, ссылаясь на авторитетъ Пія X, доказывалъ необязательность для всѣхъ вѣрующихъ католиковъ «несправедливыхъ» законовъ **).

*) Отмѣтимъ, что профессоръ Шиманъ, близкія отношенія котораго къ императору Вильгельму II извѣстны, въ *Крестовой Газетѣ* настаиваетъ на томъ, что милитаризмъ составляетъ существенную и благотворную особенность германскаго духа.

***) *Страна*, № 181.

Испанское правительство отправило въ Римъ особаго уполномоченнаго, которому поручено было указать папѣ на возможность отдѣленія церкви отъ государства. Но въ Ватиканѣ вліяніе папы Пія X и генерала ордена іезуитовъ Веркеса очень усилилось, и уступки съ этой стороны ожидать едва ли возможно. Испанскимъ посланникомъ въ Римъ, Оіеда, вручена папскому престолу нота, въ которой требуется расторженіе конкордата 1851 г. и заключеніе новаго, болѣе отвѣчающаго духу времени. Конфликтъ между испанскими епископами и свѣтскимъ обществомъ вступилъ въ новую фазу; въ послѣднемъ своемъ пастырскомъ посланіи епископы приравниваютъ гражданскій бракъ къ конкубинату и объявляютъ всѣхъ лицъ, состоящихъ въ гражданскомъ бракѣ, равно какъ и меровъ, допустившихъ его совершеніе, отлученными отъ церкви. Подобныя заявленія считаются, по испанскимъ законамъ, клеветническими и караются штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ и даже изгнаніемъ изъ предѣловъ территоріи. Часть меровъ уже привлекла епископовъ къ законной отвѣтственности.

Министерство Лопесъ-Домингеса представило королю законопроектъ о религіозныхъ конгрегаціяхъ, который долженъ лишить ихъ громаднаго вліянія на населеніе Испаніи въ ущербъ его благосостоянію, просвѣщенію и свободѣ. По сообщеніямъ газетъ, главнѣйшія положенія законопроекта сводятся къ слѣдующему: ни одна новая конгрегація не можетъ учреждаться безъ предварительнаго согласія кортесовъ. Мало этого, совѣтъ министровъ обязывается немедленно пересмотрѣть уставы уже существующихъ конгрегацій и упразднить тѣ изъ нихъ, которыя своею дѣятельностью противорѣчатъ законамъ или общественной нравственности. На будущее время министру юстиціи предоставляется право простымъ декретомъ упразднить конгрегаціи, получившія санкцію кортесовъ. Далѣе, не могутъ быть терпимы никакія религіозныя сообщества, въ которыхъ участвуютъ иностранные подданные. Государство должно всячески покровительствовать выходу членовъ конгрегацій изъ состава послѣднихъ, освобождая ихъ отъ обязанности монашескаго обѣта.

Имущественныя права конгрегацій могутъ распространяться только на предметы, имѣющіе религіозный характеръ. Конгрегаціи, занимающіяся торговлей и промышленностью, облагаются податями наравнѣ съ прочими лицами. Имущество распущенныхъ орденовъ переходитъ въ собственность государства.

Вотъ тѣ основныя положенія, къ которымъ сводится законопроектъ, выработанный министерствомъ Лопесъ-Домингеса. Съ участіемъ этого законопроекта министерство связываетъ свое дальнѣйшее пребываніе у власти. Если законопроектъ пройдетъ въ кортесахъ и будетъ отвергнутъ въ сенатѣ, то министерство потребуетъ роспуска послѣдняго и назначенія новыхъ выборовъ.

Офіціальныя переговоры ведутся въ тайнѣ, и въ газетныхъ сообщеніяхъ есть ошибки и неточности. Такъ, католическій *Corriere d'Italia* опровергаетъ извѣстіе въ *Daily Telegraph* о требованіи испанскаго пра-

вительства отменить конкордатъ 1851 года: дѣло идетъ объ отменѣ соглашенія 1904 г. (*Convento Maura*), принятаго сенатомъ (не палатою) и имѣвшаго пѣ некоторыя особенности въ организациі епархіи и въ законодательствѣ о конгрегацияхъ. *Temps* говоритъ, что король затрудняется подписать упомянутый нами законопроектъ Лопесъ Домингеса, потому что вліятельная группа либеральной партіи, съ Монтеро Риосомъ во главѣ, находитъ необходимымъ его смягченіе. По словамъ той же парижской газеты, въ Ватиканѣ не обнаруживаютъ никакого безпокойства и убѣждены, что все останется по-старому. Въ этомъ отношеніи папскій престолъ надѣется и на поддержку короля, окруженнаго реакціонными придворными вліяніями. Клерикальныя испанскія газеты ведутъ ожесточенную борьбу противъ либеральнаго кабинета, въ особенности противъ министра юстиціи, графа Романонеса. Исходъ борьбы будетъ зависѣть отъ того, поддержать ли всѣ либеральныя группы въ кортесахъ кабинетъ Лопесъ-Домингеса.

Во Франціи борьба съ клерикализмомъ сравнительно легче, чѣмъ въ Испаніи, гдѣ населеніе, во многихъ областяхъ, крѣпко держится духовенствомъ въ невѣжественномъ фанатизмѣ. Но и здѣсь государству придется преодолѣть не мало препятствій. Министерству Клемансо предстоитъ трудная задача, хотя задача его въ области социальнаго законодательства еще значительнѣе. Министерство сформировалось слѣдующимъ образомъ:

Жоржъ Бенжаменъ Клемансо, предсѣдатель совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ. Род. въ 1841 г., д-ръ медицины, депутатъ съ 1876—1893 гг., сенаторъ съ 1902 г., министръ внутреннихъ дѣлъ въ министерствѣ Саррѣна, радикаль-соціалистъ.

Гюйо Дессенъ (Guyot-Dessaignes), министръ юстиціи. Докторъ правъ, 73 лѣтъ, депутатъ съ 1885 по 1893 г. и съ 1902 г.; министръ общественныхъ работъ въ министерствѣ Буржуа 1895—96 г., радикаль.

Стефанъ Пишонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Род. въ 1857 г., депутатъ съ 1885—1893 гг., потомъ былъ дипломатическимъ агентомъ Франціи въ разныхъ странахъ, съ начала 1906 г., сенаторъ, радикаль-соціалистъ.

Кайо (Caillaux), министръ финансовъ. Род. въ 1863 г., кандидатъ правъ, депутатъ съ 1898 г., министръ финансовъ въ кабинетѣ Вальдека-Руссо (1899—1902 гг.), радикаль.

Генеральъ Пикарзъ, военный министръ, генераль не участвовалъ въ политической жизни. Знаменитъ участіемъ въ дѣлѣ Дрейфуса, радикаль.

Томсонъ, морской министръ. Род. въ 1848 г. Публицистъ, депутатъ съ 1877 г., морской министръ въ министерствѣ Саррѣна (1906 г.), радикаль.

Аристидъ Брианъ, министръ народнаго просвѣщенія. Род. въ 1862 г., адвокатъ, депутатъ съ 1902 г., министръ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Саррѣна (1906 г.), независимый соціалистъ.

Барту, министръ общественныхъ работъ. Род. въ 1862 г., докторъ правъ, депутатъ съ 1889 г., министръ общественныхъ работъ въ кабинетѣ Дюлюи (1894—1895 гг.), министръ внутреннихъ дѣлъ въ министерствѣ

ствѣ Меллина (1896—1898 гг.) и общественныхъ работъ въ кабинетѣ (1906 г.), республиканецъ.

Думерзъ, министръ торговли и промышленности. Род. въ 1863 году, адвокатъ, депутатъ съ 1893 г. съ короткими перерывами, министръ колоній въ министерствѣ Комба (1902—5 гг.), радикаль-соціалистъ.

Миліесъ Лакруа, министръ колоній. Род. въ 1850 г., негоціантъ, сенаторъ съ 1897 г., радикаль (не смѣшивать съ Эд. Лакруа, бывшимъ морскимъ министромъ).

Вивіани, министръ труда и соціальныхъ мѣропріятій, адвокатъ и публицистъ. Род. въ 1863 г., депутатъ съ 1893 г. по 1902 г. и съ 1906 г., независимый соціалистъ.

Рюо, министръ земледѣлія. Род. въ 1865 г., адвокатъ, депутатъ съ 1897 г., министръ земледѣлія въ кабинетѣ Саррєна, радикаль.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя новое министерство, созданное Блемансо,—министерство труда. Во главѣ его поставленъ независимый соціалистъ, Вивіани, одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ въ рабочемъ вопросѣ членовъ парламента французской республики. Когда Блемансо представлялъ новыхъ министровъ президенту республики, тотъ встрѣтилъ ихъ весьма привѣтливо. Обращаясь къ Вивіани, Фальеръ выразилъ полное удовольствіе по поводу учрежденія министерства труда, въ которомъ страна увидитъ начало осуществленія заботъ о трудящихся и терпящихъ различныя невзгоды. «Мы,—прибавилъ президентъ,—всѣ приняли обязательства, и пришелъ моментъ ихъ сдержать. Надо заплатить наши долги, и я надѣюсь, г. Вивіани, первый министръ труда, достигнуть ожидаемыхъ преобразованій».

Знаменательныя и въ высокой степени симпатичныя слова въ устахъ главы государства.

Смѣлый шагъ сдѣлажъ Блемансо, пригласивши на постъ военнаго министра генерала Пиккара. Читатели помнятъ тѣ бѣшенныя нападенія, которыя производились на него во время дѣла Дрейфуса антисемитами (клерикалами и реакціонерами). Въ свѣдующихъ сферахъ ставятъ высоко умъ, познанія и энергію новаго военнаго министра.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ дипломатъ, хорошо знакомый съ колониальными вопросами, давній другъ Блемансо, Пишонъ. Изъ этого можно заключить, что между министромъ-президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ будетъ царить полное согласіе и что соглашенія съ Англіей и Италіей будутъ становиться все болѣе дружественными и близкими.

По этому поводу я вновь обращаюсь къ вопросу о желательности англо-русскаго соглашенія. Наше положеніе на Дальнемъ Востокѣ послѣ злополучной войны съ Японіей стало неустойчиво и тревожно. Японія, дѣятельно и энергично, прочною ногою становится въ Корей и южной Манчуріи. Владивостокъ послѣ уступки японцамъ южной половины Сахалина лишился своего положенія, какъ первоклассной морской базы: онъ запертъ въ японскихъ водахъ. Правда, по портсмутскому миру Японія

обязалась не укрѣплять береговъ Лаперузовскаго пролива, но въ случаѣ войны это постановленіе будетъ нарушено, да и японскій военный флотъ настолько превосходитъ нашъ дальневостокскій, что о наступательныхъ дѣйствіяхъ съ нашей стороны и рѣчи быть не можетъ,—къ счастью для русскаго народа.

Зато наша оборонительная линія страшно длинна. Китай пробуждается, т.-е. прежде всего вооружается. Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять всю затруднительность нашего будущаго положенія. Гнилой военно-бюрократическій строй сильно скомпрометировалъ значеніе нашего отечества на Дальнемъ Востокѣ, и здѣсь о соперничествѣ русскихъ и англійскихъ интересовъ не можетъ быть рѣчи. Чрезмѣрное усиленіе Японіи и выступленіе Китая въ качествѣ грозной военной силы невыгодно и для Великобританіи.

Относительно бесплоднаго и трудно доступнаго Тибета не встрѣтится большихъ препятствій. Для насъ независимость Тибета важна потому, что въ предѣлахъ имперіи живетъ многочисленное населеніе, духовнымъ главою котораго является далай-лама. Неизвѣстно, въ какое положеніе по отношенію къ намъ станутъ полунезависимые монгольскіе князьки.

Остается Персія и Афганистанъ. Въ послѣднемъ мы завоевали ключъ, Мервъ, которымъ ничего не отперли. Для англичанъ полудикій Афганистанъ важенъ, какъ независимое государство, заграживающее доступъ къ Индіи. И въ военномъ, и въ финансовомъ отношеніи Англія оказываетъ афганскому эмиру существенное содѣйствіе. По проникающимъ въ западно-европейскую печать извѣстіямъ армія эмира отлично вооружена и представляетъ значительную силу. Его политика искусно пользуется соперничествомъ Великобританіи и Россіи. Въ русскихъ интересахъ походъ на Афганистанъ—дорогое, опасное и вредное предпріятіе. Довольно съ насъ азіатскихъ областей, фанатическое и воинственное населеніе которыхъ требуетъ быть постоянно насторожѣ, тратить огромныя деньги на содержаніе большой арміи, причемъ истощается русскій народъ, а для культурныхъ интересовъ окривѣвъ почти ничего не дѣлается.

О возможной роли нашего отечества въ Персіи намъ приходилось говорить много разъ и въ иностранномъ обзорѣнн, и въ отдѣльных статьяхъ (см., напримѣръ, 6 и 8 книги *Русской Мысли* за 1904 г.).

Исключительное господство на Каспійскомъ морѣ и непосредственное сосѣдство съ Персіей на значительномъ протяженіи ея сухопутной границы даютъ возможность завести широкія и прочныя торговыя сношенія съ сѣверными персидскими провинціями. Въ этомъ направленіи сдѣлано немногое, вслѣдствіе неумѣнья нашей дипломатіи и инертности нашихъ купцовъ. Но всетаки въ Хоросанѣ торговля развивается; приноситъ пользу и консульство въ Мешедѣ. Въ Тегеранѣ учрежденъ русско-персидскій банкъ, русскими построено шоссе и желѣзная дорога отъ персидской столицы до Эйвела.

Южныя персидскія провинціи, въ особенности плодородный Савстанъ,

хотя и испытываютъ русское вліяніе, но войдутъ, очевидно, вслѣдствіе соглашенія болѣе въ область вліянія Великобританіи. Да близость ихъ къ Индіи и господство англійскаго торговаго флота дѣлаютъ это неизбѣжнымъ. Наши суда правильно посѣщаютъ Персидскій заливъ, но у англчанъ тамъ появляются болѣе опасные соперники—нѣмцы. Августѣйшая дружба императора Вильгельма съ султаномъ турецкимъ служитъ дальновиднымъ цѣлямъ, которыя преслѣдуются съ свойственными германцамъ выдержкою и настойчивостью. Багдадская желѣзная дорога общаетъ прінести имъ громадныя выгоды.

Официозное сообщеніе агентства Рейтера о томъ, что англійское и русское правительства рѣшили пополамъ сеудить Персіи четыреста тысячъ фунтовъ стерлинговъ, является добрымъ признакомъ приближающагося англо-русскаго соглашенія. Но только откуда нашъ «кабинетъ» возьметъ деньги?

На социалистическомъ съѣздѣ въ Лиможѣ былъ подвергнутъ обсужденію вопросъ объ отношеніи къ профессиональнымъ рабочимъ синдикатамъ (конфедераціи труда). Съѣздъ склонился къ рѣшенію, аналогическому съ постановленіемъ партейтага германской социаль-демократіи въ Мангеймѣ. Были зашитники и полной самостоятельности союза рабочихъ синдикатовъ. Жоресъ указывалъ на необходимость параллельнаго дѣйствія партіи и конфедераціи при полной автономіи послѣдней. Та и другая,—по словамъ Жореса,—должны взаимно дополнять другъ друга, и это вѣрнѣе всего приведетъ къ побѣдѣ пролетаріата. Даже Гедъ высказался отчасти за согласныя и комбинированныя дѣйствія. Въ концѣ-концовъ всѣ предложенія были сданы въ комиссію, которая должна выработать объединяющую резолюцію.

По вопросу объ отношеніи къ кабинету Клемансо съѣздъ принялъ такое постановленіе: «Въ виду того, что никакая перемѣна въ составѣ буржуазнаго правительства не можетъ ни въ чемъ измѣнить оппозиціонную тактику социалистской партіи, съѣздъ предостерегаетъ пролетаріатъ противъ половинчатой праграммы буржуазной демократіи, даже самой прогрессивной. Онъ напоминаетъ рабочимъ, что ихъ освобожденіе будетъ возможно только съ переходомъ къ общественной собственности, что не существуетъ социализма внѣ организованной и объединенной социалистической партіи и что ея представители въ парламентѣ хотя и должны стремиться къ осуществленію реформъ, которыя могутъ поднять энергію дѣйствій и требованій пролетаріата, но въ то же время обязаны постоянно противопоставлять всѣмъ половинчатымъ и часто обманчивымъ программамъ реальность и цѣлостность социалистическаго идеала».

Декларация новаго кабинета, которую съ нетерпѣніемъ ждали не только во Франціи, но и во всей Европѣ, прочитана (уже послѣ лиможскаго съѣзда) въ палатѣ депутатовъ министромъ-президентомъ, въ сенатѣ министромъ юстиціи, и встрѣчена очень сочувственно (депутаты большинствомъ 395 голосовъ противъ 96 одобрили заявленіе правительства).

Нынѣшнее министерство, говорится въ деклараціи, образовалось не вслѣдствіе парламентскаго кризиса, а вслѣдствіе того, что состояніе здоровья бывшаго министра-президента Саррѣна не давало ему возможности оставаться на своемъ посту; это обстоятельство и вызвало образованіе новаго кабинета. Избиратели лишь недавно высказали непреклонное желаніе, чтобы проведеніе въ жизнь реформъ было по возможности ускорено. Декларация указываетъ, что, такъ какъ внѣшняя политика страны соотвѣтствуетъ высказаннымъ избирателями пожеланіямъ, то ея направленіе извѣстно заранѣе. Страна хочетъ сохранить миръ, и притомъ достойный миръ; въ этомъ отношеніи не произошло никакихъ перемѣнъ, какъ не произошло ихъ въ желаніи страны сохранить республиканскія учрежденія. «Мы съ гордостью можемъ подтвердить, — говоритъ декларация, — что за 35 лѣтъ существованія третьей республики не было ни одного момента, когда Францію можно было бы обвинить въ томъ, что она является угрозою европейскому миру. И мы будемъ и впредь направлять нашу политику такимъ образомъ, чтобы наши намѣренія не могли быть ложно истолкованы въ отношеніи приверженности нашей къ миру. Одновременно, мы должны принять въ соображеніе условія политическаго равновѣсія, существующія для всѣхъ народовъ Европы: миръ между цивилизованными народами покинется на воинской силѣ.

«Можемъ ли мы поэтому, — продолжаетъ декларация, — собственными руками разрушать опору нашей независимости? До наступленія счастливаго, но еще отдаленнаго дня, когда будетъ измѣнена въ корнѣ основа взаимоотношеній народовъ, наша первая обязанность передъ родиною — не допускать ничего, что могло бы ослабить ея оборонительныя силы. И наши соглашенія съ различными странами въ значительной степени способствуютъ росту нашихъ оборонительныхъ средствъ. Считая себя обязанными постоянно улучшать наши отношенія ко всѣмъ правительствамъ, мы будемъ заботиться о томъ, чтобы союзъ, заключенный двумя народами въ интересахъ мира, былъ сохраненъ въ неприкосновенности, равно какъ и о томъ, чтобы сохранились дружественныя отношенія, которыя уже были испытаны на дѣлѣ. Дальнѣйшее развитіе нашихъ договорныхъ отношеній будетъ дѣломъ нашей дипломатіи, отъ которой мы требуемъ, чтобы она была республиканскою и чтобы она въ трудныя минуты помнила, что моральный авторитетъ прямодушной, ясной политики даетъ ей перевѣсъ на вѣсахъ европейскаго общественнаго мнѣнія, съ которыми должно считаться всякое правительство».

Не менѣе ясны и точны заявленія правительства о внутренней программѣ, которой оно будетъ слѣдовать. «Мы, — говоритъ кабинетъ Клемансо, — окончательно укрѣпимъ демократическій элементъ въ правительствѣ, будемъ стремиться къ организаціи демократіи. Усиленіе демократіи поведетъ къ тому, что отдѣльные случаи проявленія государственной власти примутъ болѣе умѣренныя формы. Это и есть цѣль, которую должны поставить себѣ все республиканцы».

Военный министръ представить палатѣ существующіе законопроекты о кадрахъ и о наличныхъ силахъ, имѣющіе цѣлью наиболѣе полное использование рекрутъ, а также давно ожидаемый законопроектъ, устанавливающий справедливыя основанія для производства офицеровъ въ слѣдующіе чины.

«Дисциплину въ войскахъ мы обеспечимъ тѣмъ, что подчинимъ ей всѣхъ, кто стоитъ наверху служебной лѣстницы. Время отбыванія воинской повинности должно быть продолженіе школьнаго обученія. Воинская служба должна быть продолженіемъ народной школы. Мы бы желали, чтобы молодые люди усваивали на службѣ и гигиеническія привычки и основы государственности и уходили со службы приспособленными для выполнения общихъ обязанностей мирныхъ гражданъ. Мы безъ промедленія предложимъ отмену военныхъ судовъ. Разсмотрѣніе преступленій и проступковъ противъ общаго права будетъ передано на разсмотрѣніе общихъ судовъ. Дисциплинарное производство будетъ обставлено всѣми необходимыми гарантіями, дабы между правами человѣка и требованіями государственной самозащиты не было никакого разлада. Благодаря республикѣ во Франціи появилась свобода. Нынѣ мы должны укрѣпить свободу во всѣхъ отрасляхъ республиканскаго режима и дать ей возможность безпрепятственно и впредь развиваться».

Правительство твердо рѣшилось провести въ жизнь страхование рабочихъ и престарѣлыхъ. Оно усовершенствуетъ законъ о профессиональныхъ союзахъ и займется вопросомъ о союзахъ чиновниковъ, но обеспечитъ исполненіе должностными лицами ихъ служебныхъ обязанностей. Правительство далѣе предполагаетъ увеличить сѣть казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, займется пересмотромъ горнаго законодательства въ смыслѣ введенія государственнаго контроля и выкупа въ казну нѣкоторыхъ предпріятій. Равнымъ образомъ министерство озабочено проведеніемъ въ жизнь значительныхъ улучшеній крестьянскаго и сельскохозяйственнаго быта.

Декларация обѣщаетъ внести законопроектъ о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ и, если представится надобность, то и законопроектъ о налогѣ на капиталъ. Различные доходы будутъ различно обложены, и налоги будутъ взиматься со всей совокупности доходовъ налогоплательщика. Прежде всего палата депутатовъ должна заняться разсмотрѣніемъ бюджета на 1907 г.»

Можно только пожелать, чтобы для осуществленія этихъ многостороннихъ и глубокихъ преобразованій кабинету Клемансо хватило силъ, времени и благоприятныхъ обстоятельствъ. Въ его активу слѣдуетъ поставить уже выработанный законопроектъ объ отменѣ смертной казни.

Много шума подняли въ Германіи и вообще въ Европѣ мемуары покойнаго имперскаго канцлера князя Гогенлоэ, опубликованные однимъ изъ его сыновей. Императоръ Вильгельмъ телеграммою на имя другого сына Гогенлоэ выразилъ сильное неудовольствіе. Въ мемуарахъ находятся интересныя свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ канцлерства Бисмарка и о роли Вильгельма II въ отношеніяхъ къ Россіи и Австро-Венгріи.

Бисмаркъ стоялъ за болѣе тѣсный союзъ съ Россіей, хотя бы и противъ интересовъ австрійскаго правительства. Вильгельмъ II держался иного взгляда и желалъ оставаться вѣрнымъ союзникомъ Габсбургской монархіи.

Съ путешествіемъ въ Берлинъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ заграничныхъ газетахъ появились извѣстія о попыткѣ возобновленія союза трехъ императоровъ, печальной памяти. Намъ удача этой попытки, — если она на самомъ дѣлѣ была совершена, — кажется невѣроятною. Положеніе Европы во многомъ измѣнилось, и главнымъ препятствіемъ къ образованію новаго реакціоннаго договора между тремя имперіями является преобразующаяся на нашихъ глазахъ Австро-Венгрія.

Разбитая и униженная войнами 1859 и 1866 годовъ, потерявшая Ломбардію и Венецію и вытѣсненная изъ германскаго союза, Австрія была спасена введеніемъ конституціоннаго образа правленія. Но въ основу этого новаго строя была положена несправедливая и потому недолговѣчная идея: дуализмъ. Графъ Бейсть и вожь мадьяръ Деакъ относились къ славянамъ враждебно. Имперія была раздѣлена на двѣ половины: по ту сторону рѣки Дейты—Транслейтанію, Венгрію, и Цислейтанію—Австрію. Въ первой господство, нѣсколько сдерживаемое оппозиціей хорватовъ, получили мадьяры, во второй преобладаніе осталось на сторонѣ нѣмцевъ. Для общеперскихъ дѣлъ учреждены министерства иностраннаго и военнаго вѣдомства и общеперскій таможенный тарифъ. Ихъ вѣдаютъ цислейтанская и транслейтанская делегаціи. Преобладающую роль въ имперіи стали играть мадьяры, выговорившіе вмѣстѣ съ тѣмъ себѣ только треть общеперскихъ раскодовъ. Поляки приобрѣли автономію и заняли въ Галиціи привилегированное положеніе по отношенію къ многочисленному русинскому (русскому, малорусскому) населенію.

За автономію повели энергическую борьбу чехи. Политическія измѣненія въ жизни Австро-Венгрии своевременно отиѣчались въ *Русской Мысли*.

Въ настоящее время обѣ половины Габсбургской имперіи стоятъ у порога введенія великой реформы: всеобщей подачи голосовъ. Австрійскіе пангерманцы дѣлаютъ отчаянныя усилія помѣшать введенію всеобщаго избирательнаго права. Они между прочимъ предложили палатѣ поднести императору Францу-Иосифу всеподданнѣйшій адресъ съ просьбою передать германскому императору и его бундсрату сохраняемые въ вѣнскомъ Гофбургѣ имперскіе клейноды, которые «въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ олицетворяли собою могущество и величіе св. римской имперіи нѣмецкой націи». Клейноды, по мнѣнію всенѣмцевъ, принадлежать германскому императору потому, что онъ теперь призванный представитель «всенѣмецкой націи». Всенѣмцы предложили ходатайствовать не о простой, а о торжественной передачѣ, причемъ депутатъ Штейнъ приготовилъ пространную рѣчь въ честь династии Гогенцоллерновъ. «Скромное» предложеніе не было достаточно поддержано въ палатѣ, такъ что Штейнъ лишился возможности про-

изнести демонстративный спичъ. Всенѣмцы въ гнѣвъ накиннулись на нѣмецкихъ депутатовъ и прозвали ихъ черножелтыми, т.-е. австрійскими, креатурами. Слово «черно-желтое» обозначаетъ во всенѣмецкомъ словарѣ вѣрнѣйшую брань.

Докладчикъ парламентской комиссіи, депутатъ Лекеръ, констатируетъ, что дѣйствующая въ Австріи конституція, несмотря на всю свою косность и несообразности, продержалась бы еще нѣсколько времени, если бы не русское освободительное движеніе, побудившее австрійскія правящія сферы поторопиться усовершенствованіемъ конституціонныхъ учреждений, и если бы въ то же время вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ не былъ поставленъ на очередь и въ Венгріи *).

По новому законопроекту, какъ сообщаетъ вѣнскій корреспондентъ *Страны* **), право голоса имѣетъ каждый австріецъ, достигшій двадцатипятилѣтняго возраста. Вся Австрія раздѣлена на 516 избирательныхъ округовъ, причемъ округа эти разверстаны закономъ между отдѣльными національностями въ опредѣленномъ количествѣ. Каждая національность получаетъ известное число депутатскихъ полномочій и всѣ члены націи голосуютъ за кандидатовъ своей національности. Въ областяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ опредѣлено количество мандатовъ для каждой народности. Такъ, Богемія раздѣлена на 75 чешскихъ и 55 нѣмецкихъ округовъ. Въ областяхъ съ однороднымъ населеніемъ, какъ Чехія или Галиція, мандаты принадлежатъ только данной народности.

Австрійское правительство убѣждено, и не безъ основанія, что распредѣленіе мандатовъ по національностямъ должно привести къ тому, что избирательная борьба будетъ вестись не на націоналистической почвѣ, такъ какъ борьба эта будетъ идти между кандидатами одной и той же національности, а на почвѣ социальныхъ и экономическихъ вопросовъ, общихъ всему населенію Австріи. Въ парламентѣ группировка партій произойдетъ, такимъ образомъ, не только по націямъ и національнымъ стремленіямъ, а и по общности социальныхъ и политическихъ взглядовъ, что дастъ возможность провести необходимыя реформы. Такое распредѣленіе мандатовъ по національностямъ не практиковалось еще нигдѣ въ мірѣ, и примѣръ Австріи можетъ дать въ этомъ отношеніи очень поучительные результаты для странъ съ разноплеменнымъ населеніемъ, какъ Россія.

Прусское правительство вновь усилило гоненія на польскій языкъ въ школахъ польскихъ провинцій. Требуется, чтобы даже законъ Божій преподавался по-нѣмецки. Къ этому печальному «вопросу» намъ еще придется возвратиться.

В. Г.

*) Рльчъ, № 195.

**) Страна, № 196.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Горе от ума (Художественный театр).—*Борьба за престолы* Ибсена (Малый театр).—*Фриц Гейтманн* Макса Дрейера и *Золотое руно* Шпибшевскаго (Новый театр).

Постановка *Горя от ума* въ Художественномъ театрѣ, какъ и всякая новинка послѣдняго, вызвала къ себѣ большой интересъ и вниманіе. «Что новаго покажетъ мнѣ Москва?» словами Чацкаго могла бы спросить себя старая комедія; какое своеобразное освѣщеніе придастъ современная сцена тому, что, кажется, уже такъ хорошо извѣстно и понято однажды навсегда? На этотъ вопросъ Художественный театръ отвѣтилъ по-своему и внесъ долю оригинальности въ истолкованіе знаменитой пьесы. Конечно, прежде всего, оставаясь вѣрнымъ своей природѣ, онъ потратилъ много усердія и ума на воссозданіе орнамента, стильной рамы для грибоѣдовскихъ портретовъ и далъ археологически-точный сколокъ съ вѣншей жизни 20-хъ годовъ. Можно оспаривать цѣлесообразность и внутреннюю разумность этого тяготѣнія къ декоративной правдѣ; можно придерживаться того мнѣнія, что избытокъ бутафорскаго натурализма не способствуетъ иллюзіи, а мѣшаетъ ей; можно думать, подобно пишущему эти строки, что въ драматическомъ искусствѣ единственно цѣнное представляетъ собою живое лицедѣйство, а все безмолвное соучастіе мертвыхъ вещей является не игрой, а игрушкой,— но при оцѣнкѣ Художественнаго театра надо становиться на его точку зрѣнія, надо принять условіе, которое онъ предъявляетъ своимъ посѣтителямъ,—иначе не слѣдуетъ и переступать за его порогъ. И вотъ, если не отрѣшиться отъ принциповъ, которые данная артистическая школа признала для себя неизблѣмыми, если не сходить съ этой почвы, то вы должны будете сказать, что свою, быть можетъ, искусственную задачу театръ выполнилъ чрезвычайно искусно. Если сначала вычурность и обиліе выразительныхъ мелочей развлекали, отвлекали, то скоро глазъ привыкалъ къ нимъ, къ ихъ интересной пестротѣ. Передъ зрителями прошла живая старина во всей характерности своихъ костюмовъ, привычекъ, обстановки; то, что мы видѣли только на старыхъ гравюрахъ, облеклось въ плоть и кровь, задвигалось и заговорило. Это было очень любопытное зрѣлище, прекрасная человѣческая панорама—тѣмъ болѣе привлекательная, что относилась

она къ эпохѣ, которая и литературно близка намъ, и по внѣшнимъ особенностямъ своего быта еще не такъ далеко ушла отъ насъ, чтобы производить впечатлѣніе чего-то холоднаго и незнакомаго. Есть особыя чары и наивная прѣвзятельность въ картинѣ такого отжившаго, которое еще недавно жило и оставило свои слѣды, свое теплое дыханіе на родственной современности. Вся эта мебель, уборы, пожелтѣвшіе дагерротипы, всѣ эти безмолвные свѣдѣтели и пережитки отлѣтѣвшей жизни,—все это уже не наше, но еще не чужое, какъкъкъ является, напримѣръ, обстановка «Царя Федора». И если бы эти вещи, этотъ старый барскій домъ, эти дѣвушки въ прическахъ давнишней моды жили на полотнѣ, на картинѣ Сомова, а не вели эфемернаго и призрачнаго существованія на подмосткахъ сцены, мы имѣли бы бессмертное художественное воспоминаніе, мы имѣли бы художественное произведеніе, запечатлѣнное духомъ старой, но не старѣющей красоты.

По существу пьесы, Художественный театръ «Горе отъ ума» транспонировалъ, т.-е. центръ ея тяжести изъ сферы общественной перенесъ въ личную,—въ область сердечныхъ тревогъ и разочарованій Чацкаго. Последній въ воплощеніи г. Качалова является не гражданиномъ, а влюбленнымъ юношей, который сталъ влѣивать Фамусова и его присныхъ, такъ сказать, случайно, мимоходомъ—лишь тогда, когда онъ замѣтилъ охлажденіе Софьи; именно ревность пробудила его общественный протестъ и гнѣвъ. Обязательный голосъ г. Качалова, благородство интонацій и жестовъ, какая-то чистота всего нравственнаго облика позволили артисту удачно осуществить свой замыселъ, придали естественность его игрѣ, объявили фигуру героя симпатичной теплотой. Грибоѣдовскіе стихи звучали въ его устахъ особенною музыкой, и лились они такъ увѣренно, свободно и свѣжо. Объясненіе съ Софьей въ любви (передъ баломъ) чаровало своей пламенной страстностью: не глядя на Софью, съ закрытыми глазами, съ опущенной на грудь головою изливалъ Чацкій свое переполненное сердце, свою нѣжность и ласку. Но самый замыселъ артиста не соответствовалъ смыслу пьесы. Г. Качаловъ былъ бы правъ, если бы гражданство Чацкаго онъ освѣтилъ и согрѣлъ любовью къ Софьѣ, если бы именно это чувство, жестоко оскорбленное, придало его филиппикамъ новую силу и непосредственность, если бы трибуна не заслоняла любящаго и нелюбимаго человѣка; но самое зерно гражданского протеста и негодованія, его потенцію, надо было показать въ грибоѣдовскомъ героѣ, и къ тому же показать какъ главное. Не отъ того испытываетъ Чацкій горе отъ ума (а не отъ сердца), что его не любятъ Софья, а отъ того, что самая отчужденность его отъ Софьи служитъ лишь роковымъ проявленіемъ его общаго одиночества и сиротства въ Москвѣ, въ Россіи. Правда, трагедія Чацкаго особенно мучительна именно потому, что хотя умъ съ сердцемъ у него, по его собственнымъ словамъ, не ладилъ (умъ былъ явнѣльнѣе, сердце было любящее)—они нашли себѣ своеобразное примиреніе въ одной общей невзгодѣ, въ единствѣ горя: Чацкій пораженъ не только въ своихъ общественныхъ идеалахъ, но и въ своемъ чувствѣ, онъ несчастенъ не только какъ гражданинъ, но и какъ любов-

никъ; правда, онъ будетъ искать по свѣту, «гдѣ оскорбленному есть *чув-
ству* уголокъ»,—но при всемъ томъ смыслъ и разумъ его личности заклю-
чается не въ его разбитой любви, а въ его общественномъ дѣланіи и
общественномъ страданіи, и если въ началѣ пьесы онъ возвращается къ
Софѣ послѣ добровольной трехлѣтней разлуки, во время которой онъ
далеко ѣздилъ искать ума, если въ концѣ пьесы онъ кличетъ карету и
суждено отнынѣ ему, скитальцу и страдальцу, проводить свою жизнь въ
дорожной каретѣ, то это не потому, что его разлюбили и отдали пред-
почтеніе Молчалину, а потому, что Молчалинъ вообще побѣждалъ его,
говорящаго, побѣждалъ своей приспособленностью и своимъ молчаніемъ.
Сердечную драму Чацкаго г. Качаловъ могъ бы и долженъ былъ бы понять
какъ фонтъ, какъ колоритъ его личности, какъ поводъ къ отдѣльной
вспышкѣ его гражданскаго протеста; но растворять, топить въ этомъ его
романѣ съ Софѣей его борьбу съ обществомъ, его гражданскій подвигъ,
онъ не имѣлъ психологическаго права. «Горе отъ ума» нельзя разумѣть
иначе какъ драматическій поединокъ слова и молчанія, мысли и безмы-
слія, свободы и общественного лакейства. Грибоѣдовъ сказалъ про себя и,
значить, про Чацкаго, что «мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ
краю вѣчныхъ снѣговъ»,—вотъ эта противоположность между пламенной
мечтой и роковымъ русскимъ снѣгомъ и составляетъ горе Чацкаго.

Такъ же не удовлетворять и образъ Фамусова въ бесспорно-талант-
ливомъ исполненіи г. Станиславскаго. Артистъ отрѣшился отъ обычнаго
толкованія этой роли, онъ не придавалъ своему прототипу никакой сано-
витости, барства, онъ изобразилъ его какъ человѣка безпокойнаго, суетли-
ваго, мелко озабоченнаго. Повидимому, г. Станиславскій опирался въ своей
интерпретаціи на тѣ мѣста въ текстѣ комедіи, гдѣ говорятъ про Фамусо-
ва, что онъ «несправедливъ и недоувѣрчивъ, скоръ», что онъ «часто безъ
толку сердитъ», что у него «въ лицѣ, въ движеніяхъ суета—какъ суетит-
ся, что за прыть!» Все это есть въ комедіи, все это напечатано, и тѣмъ
не менѣе г. Станиславскій погрѣшилъ противъ Грибоѣдова и противъ духа
его пьесы. Гораздо лучше и вѣрнѣе было бы не смущаться этими дета-
лями, пренебречь ими ради общей идеи и понять Фамусова какъ силу, а
не какъ хлопотливое безсміе. Ибо Фамусовъ тѣмъ и своеобразенъ, тѣмъ
и страшенъ, что онъ символизируетъ собою прочный, грузный, спокойный
укладъ старой жизни; его мощь проистекаетъ изъ того, что онъ въ себѣ
и въ своемъ не сомнѣвается. Въ глубокой инертности своего неподви-
жнаго, оцѣпенѣвшаго духа, онъ представляетъ собою начало консерватив-
ное, упершееся въ тину русской дѣйствительности, и столкнуть эту гро-
маду, эту воплощенную традицію, это окаменѣлое прошлое очень трудно,
и въ отчаяніи уступаетъ ему, уходитъ отъ него Чацкій. Пусть суетится
Фамусовъ, желая пристроить свою дочь за Скавозуба,—это вполне совмѣ-
стимо съ общей и внутренней солидностью и самоувѣренностью его фи-
гуры. Между тѣмъ г. Станиславскій далъ намъ существо въ себѣ неувѣ-
ренное, неспокойное; онъ показалъ какое-то нравственное дребезжаніе

тамъ, гдѣ мы справедливо предполагали необыкновенную, потрясающую устойчивость. И невольно приходитъ на мысль, что если Фамусовъ таковъ, какимъ его изображаетъ нашъ артистъ, то игра Чацкаго не стоитъ свѣчей,—не стоитъ тогда и бороться, говорить, испытывать «милльонъ терзаній». Чацкій долженъ имѣть соперника, достойнаго себя,—иначе весь его подвигъ сразу теряетъ свой смыслъ и цѣну. Фамусовъ-Станиславскій, какъ противникъ, не опасенъ: онъ слишкомъ мелокъ и жалокъ для Чацкаго; впрочемъ, онъ впрямую для Чацкаго-Бачалова, и своеобразная симметрия, значить, на сценѣ Художественнаго театра всетаки получается...

Но если г. Станиславскій не воплотилъ въ Фамусовѣ старой, косной Россіи, противъ которой идетъ Россія молодая и подвижная, Россія Чацкаго, то въ предѣлахъ своего пониманія роли онъ, какъ мы уже замѣтили, былъ на высотѣ задачи. Почти каждая мелочь была имъ художественно отдѣлана; въ чтеніе стиховъ онъ внесъ много новыхъ и оригинальныхъ удареній, освѣтилъ по-своему инныя мѣста текста и, если не всегда можно было соглашаться съ его интонаціей и мимикой, то она во всякомъ случаѣ была интересна, и вообще нельзя было не слѣдить за игрою г. Станиславскаго съ живѣйшимъ вниманіемъ.

Г-жа Германова въ роли Софьи дала очень привлекательный и на нашъ взглядъ, вполне правдоподобный образъ. Артистка, высоко-оригинальная и симпатически воплощающая все симпатичное, таящая его въ самой игрѣ своего выразительнаго лица, она и на этотъ разъ искусно намѣтила такія мягко-женственныя черты, которыми едва ли какая-нибудь другая исполнительница рѣшилась бы надѣлать ославленную Софью. Г-жа Германова играла дѣвушку печальную, далеко не чуждую сентиментальности, навѣянной романами, и въ то же время исполненную живого ума. Конечно, всѣ основанія именно для такого исполненія артистка могла найти въ самой пьесѣ, и недаромъ Молчалинъ насмѣшливо зоветъ Софью «печальной кралей». Да, у нея есть причины быть печальной,—у этой одинокой, сиротливой дѣвушки, у этого увядающаго цвѣтка. И рѣдко кто замѣчаетъ, что она, по роковому недоразумѣнію отвергнувшая Чацкаго, во въ глубинѣ души несомнѣнно и бессознательно для себя любившая его, въ одномъ отношеніи на Чацкаго похожа: и у нея, какъ у него, разбили сердце; какъ она предпочла другого, такъ и ей предпочли другую; Чацкій ичится теперь по снѣговой пустынѣ, Софья живетъ въ нравственно-пустынномъ домѣ отца или въ глуши у тетки,—но оба они равно одиноки, оба тоскуютъ. И потому эгегически-мечтательный колоритъ, который окрашиваетъ игру г-жи Германовой, является вполне умѣстнымъ и вызываетъ къ Софьѣ то сочувствіе, котораго такъ заслуживаетъ ея обманувшееся и обманутое сердце.

Г-жа Лиліана въ историческомъ и бытовомъ отношеніи права, когда она показываетъ въ Лизѣ подъ легкимъ слоемъ субретки грубоватыя и глуповатыя черты крѣпостной «дѣвки»; но эстетически это выходитъ непріятно: хотѣлось бы больше звонкости, граціи, изящества,—хотѣлось бы

всетаки больше того французскаго, съ котораго Лиза Грибоѣдовыиъ переведена.

Г. Адашевъ въ роли Молчалина гораздо безцвѣтнѣе самаго Молчалина; забавенъ Леонидовъ-Сяалозубъ; живыми фигурами являются Москвинъ-Загорѣцкій и Лужскій-Репетилловъ, и даже безмолвный Петрушка, вошедшій въ русскую литературу только благодаря своему классическому разодранному локтю,—даже онъ въ мимикѣ г. Артема выступилъ какъ типичное и жизненное лицо.

И въ общемъ, на сценѣ Художественнаго театра «Горе отъ ума» (звучавшее, между прочимъ, новыми стихами, изъ которыхъ нныя до сихъ поръ не видали свѣта изъ-за цензуры),—«Горе отъ ума» лишній разъ показало, что оно живо и свѣжо и что талантливое исполненіе артистовъ способно показать въ немъ все новые и новые оттѣнки.

«Борьба за престолъ»—одна изъ раннихъ пьесъ Ибсена, и дѣйствіе ея, относящееся къ XIII вѣку, одинаково принадлежитъ какъ фактической норвежской исторіи, такъ и области скандинавскихъ сагъ. Тѣмъ не менѣе уже здѣсь, на первыхъ шагахъ своей литературной дороги, Ибсенъ намѣтилъ глубины своего дальнѣйшаго символизма, и рассказъ о событіяхъ, подернутыхъ туманомъ сѣверной старины, онъ поднялъ на степень живого и общечеловѣческаго смысла. Нѣсколько лицъ боролись за норвежскій престолъ,—больше всего, Гоконъ и Скуле, и объ этомъ повѣствуетъ драма; но всмотритесь въ нее ближе, и вы увидите, что рѣчь идетъ о насъ, о всѣхъ людяхъ и о всякой жизни. Ибо мы всѣ—претенденты на престолъ, мы всѣ желаемъ мощи и первенства; если вѣрить Ницше, именно это влеченіе къ власти составляетъ лучшее, что есть въ человѣкѣ. И потому ярлу Скуле грезится пурпурная мантия и скипетръ, и онъ мечтательно говоритъ: «есть нѣчто великое въ томъ, чтобы быть королемъ». Внутренній цезаризмъ, живущій въ сильной личности и неудержимо зовущій ее къ первому мѣсту если не въ мірѣ, то въ Римѣ, если не въ Римѣ, то въ деревнѣ, не даетъ покоя, заставляетъ идти на счастливица, который въ данный моментъ владѣетъ престоломъ,—идти на него войною, съ мечомъ, который собьетъ корону съ головы или корону съ головой. Притязаніе на престолъ древне, какъ міръ: первымъ претендентомъ на него, какъ это говорить и епископъ Николасъ, былъ падшій ангелъ, Сатана, который не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы быть вторымъ, какъ ярл Скуле не могъ довольствоваться тѣмъ, что онъ былъ поставленъ высоко и хранилъ у себя королевскую печать. Манить только первое, только все. Можетъ быть, какъ разъ оттого Тургеневъ устами своего героя и провозгласилъ, что все дѣло жизни сводится къ тому, чтобы быть номеромъ вторымъ, чтобы преодолѣть въ себѣ желаніе первенства. Но многихъ оно гложетъ, и многіе въ глубинѣ души трепетно и ревниво допрашиваютъ себя: кто выше, кто больше, кто вождь? Впрочемъ, кто спрашиваетъ, тотъ никогда не достигнетъ цѣли, не

достигнуть престола: королемъ дѣлается безтрепетный, осѣненный счастьемъ и вѣрающій въ себя.

Быть можетъ, самый страстный и сосредоточенный изъ всѣхъ претендентовъ на престолъ—восьмидесятилѣтній епископъ Николасъ. Это очень своеобразная и сильно написанная фигура, достойная Шекспира. Невѣрующій священникъ, безбожный служитель Бога, испугавшійся Его только въ предсмертныя минуты, онъ напряженнѣе всѣхъ искалъ престола и меньше всѣхъ имѣлъ на него права и силы. Полумужчина, онъ направлялъ къ женщинамъ безсильныя, «безкрылыя» желанья; трусъ, онъ позорно бѣжалъ съ поля битвы; и онъ сѣтовалъ, что его долгая жизнь была слишкомъ коротка, потому что онъ не успѣлъ увѣнчать короной свою безобразную голову внука. И вотъ, самъ не достигнувъ престола, онъ въ послѣднія погасавшія мгновенья своей неправедной жизни, когда призывно звонили для него «небесныя колокола», полный мщенья и коварства, сдѣлалъ такъ, чтобы борьба за престолъ стала могучимъ, непрерывнымъ двигателемъ, *regretted mobile*, для остальныхъ его сомкателей; и въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Николасъ, или еще раньше, съ тѣхъ поръ, какъ низвергнуть былъ въ бездну его предшественникъ и покровитель Сатана,—вѣчное движеніе страстей бурлитъ вокругъ жизненнаго трона, и ради трона отвергается женская любовь, и протягиваются къ нему жадныя руки, и сметаются онѣ въ озлобленной схваткѣ, и нерѣдко удушаютъ въ колыбели королевское дитя, чтобы не было наследника власти, чтобы свободенъ былъ путь къ престолу. А двухъ королей, двухъ вождей въ Норвегіи, въ мірѣ быть не можетъ, потому что на небѣ только одинъ Богъ, и Онъ не потерпѣлъ около себя Сатаны, другого претендента на престолъ.

По Ибсену оказывается, что смѣлый и счастливый имѣетъ и внутреннее, нравственное право на престолъ. Король Гоконъ именно потому король, что онъ одержимъ великой идеей: Норвегію, которая до сихъ поръ была только царствомъ, онъ хочетъ сдѣлать народомъ и слить ея враждующія племена въ одно могучее цѣлое. А Скуле, всю жизнь добивавшійся престола, ожидавшій смерти королей, остался въ пыли, во прахѣ (ибо быть вторымъ, это все равно, что быть послѣднимъ)—потому, что за нимъ не стояло не только счастье, но и нравственное величіе: это былъ не король, а карликъ, облекшійся въ панцырь великана. Гоконъ съ презрѣніемъ говорилъ честолюбивому и въ то же время нерѣшительному, какъ Гамлетъ, Скуле: «Что такъ сильно привлекаетъ васъ? Королевская корона, пурпуровая мантия, право сидѣть на шире тремя ступеньками выше другихъ,—какія глупости! какая мелочь! Если бы это значило быть королемъ, я давно бы бросилъ королевскую власть въ вашу шляпу, какъ бросаю нищему копейку». И самъ Скуле понялъ, уже увѣнчанный самозванной и мимолетной короной, что можно присвоить себѣ королевскую мантию, но не королевскую мысль. И униженный, растоптанный гордой поступью дѣйствительнаго короля, онъ ушелъ изъ жизни, и «пурпурная мантия крови широко окутала его плечи»; онъ ушелъ вмѣстѣ съ сыномъ,

который хотѣлъ его поддержать, бодрить его самымъ фактомъ своего существованія какъ наследника, — и все было напрасно: нельзя быть королемъ безъ королевской идеи.

Такъ образы сильныхъ борцовъ, могучихъ личностей, въ борьбѣ обрѣтающихъ право свое, являются передъ нами въ характерномъ для Ибсена освѣщеніи — въ ореолѣ нравственной мощи, какъ послѣдняго и единственнаго оправданія для притязающихъ на престолъ. Во всей пьесѣ вообще разбросано много глубокихъ мыслей, разительныхъ ситуаций, и почти каждый персонажъ ея имѣетъ значительный смыслъ.

На сценѣ Малаго театра сколько-нибудь выдвинулись только роли Скуле и Николаса въ исполненіи гг. Южина и Ленскаго; Гоконъ-Садовскій не носилъ отпечатка истинной королевской увѣренности, силы и моральной правды. Особенно удовлетворилъ публику г. Ленскій. Онъ въ самомъ дѣлѣ создалъ прекрасный виѣшний образъ для епископа Николаса, не различающаго добра отъ зла; однако, поддержанный смѣющимися зрителями, онъ усиленно подчеркнулъ комическіе элементы роли, стариковскую слабость и страхъ смерти, но оставилъ въ тѣни трагедію своего героя и недостаточно показалъ въ немъ посланца Сатаны. Замѣчательное III-е дѣйствіе, когда епископъ, умирая, завязываетъ змѣнный узелъ своего regretium mobile, чтобы потомъ дьявольской тѣнью явиться изъ могилы и опутать новой сѣтью претендентовъ на престолъ, — это дѣйствіе г. Ленскій велъ такъ, что въ зрителѣ возникало больше смѣшное, чѣмъ ужасное.

Фрицъ Гейтманъ — пьеса изъ жизни нѣмецкихъ педагоговъ. Она снова показываетъ, какъ подъ вліяніемъ рутинны гложетъ все живое въ людяхъ и душа ихъ обрастаетъ мохомъ. Учителя, какъ разъ тѣ, которые должны были бы отличаться неизсякаемой творческой силой, вѣчной подвижностью духа, — какъ разъ они коченѣютъ и, покорившіеся директору (его образъ прекрасно воплощаетъ г. Федотовъ), механически плетутся по жизни и все больше и больше опускаются въ ея трясину. Молодому учителю Фрицу Гейтману грозила та же участь, тѣмъ болѣе что трудная семейная жизнь побуждала его на уступки директору, на сдѣлки съ совѣстью, — но героическимъ усиліемъ воли онъ сбросилъ съ себя путы и освободилъ свою душу. Центральной сценой въ пьесѣ является та, гдѣ Гейтманъ въ присутствіи педагогическаго совѣта читаетъ старшимъ ученикамъ лекцію, въ которой онъ долженъ былъ отречься отъ своего прежняго объясненія міра въ опасномъ для директора и пастора духѣ дарвинизма. И вотъ, когда современный Уріель Акоста, блѣдный, потрясенный, взошелъ на кафедру, чтобы произнести свое отреченіе, онъ встрѣтился съ правдивыми, свѣтлыми взорами юношей, — и тогда не раскрылись у него уста для лжи и лицемѣрія: онъ къ ужасу педагогическаго совѣта, неожиданно для всѣхъ, не только не взялъ обратно своей ереси, а даже подтвердилъ ее и страстно воззвалъ къ ученикамъ во имя свободы и непокупной истины. Эта эффектная сцена очень удалась г. Садовскому, была героическимъ

ментомъ его собственной артистической дѣятельности, и публика, нечаянно воодушевленная, радостная и ликующая, показала это тѣмъ, что орвала дѣйствіе бурными аплодисментами...

Золотое руно Шибышевскаго иллюстрируетъ обычную мысль автора любви, какъ о силѣ стихійной и страшной. Когда она ворвется въ жизнь, — жизнь гибнетъ, и приходитъ смерть. Ибо въ своей мощи любовь сталкивается съ другою силой, — съ неумолимой совѣстью. Онѣ не уживаются между собой, онѣ враждебны, и вражеская встрѣча ихъ разбиваетъ сердце повѣка. Счастье, котораго искали, золотое руно, которое нашли въ любви, динтъ счастливаго, нашедшаго къ землѣ, потому что оно оказывается стужимъ и тяжкимъ. И чужая жена, женщина съ золотыми волосами, въ золотое руно, которое досталось, наконецъ, любимому и любящему повѣку, — женщина проклинаетъ зомото своего счастья, недавно казавшагося такимъ желаннымъ: все темнѣетъ, меркнетъ и, сраженный ею измѣнникъ, убиваетъ себя ея мужъ. Возлюбленный обѣщаль дать ей радость своей любовью, увести ее въ страну бѣлыхъ павлиновъ, въ тихія индійскія джунгли или въ деревушку, прильпившуюся къ скаламъ Пиренеевъ, — на томъ же дѣлѣ онъ только раскрылъ передъ нею врата смерти.

Пьеса Шибышевскаго сильна, и если бы ее разыграли первоклассные артисты, она произвела бы еще болѣе глубокое впечатлѣніе. Въ Новомъ же театрѣ она нашла себѣ только удовлетворительныхъ исполнителей; особенно г-жа Гзовская намѣтила, хотя и блѣдно, изящный образъ хрупкой, фарфоровой, и нѣжно-больной современной женщины, какою-то человѣчью акварель.

Ю. А.

въ праздности, Ф. Филиппи, перев. В. О. Шмидтъ. — *Евреи*, Евг. Чарикова. — *Идиотъ*, Франца-Адама Бейерейна, перев. В. О. Шмидтъ. — *Идиотъ*, переделано изъ пьесы Ф. М. Достоевскаго В. Крыловымъ и Г. Суругинимъ. — Трилогія Юрія Жуковскаго, перев. Н. Буткевичъ: *Игра*; *Финалъ комедіи*; *Безкорыстный другъ*. — Въ со-
родь, Сем. Юшкевича. (Театръ Корша.)

Жизнь денежной аристократіи за послѣднее время довольно часто служитъ сюжетомъ для пьесъ. Блестящая внѣшность этой жизни, доступность эффектныхъ развлеченій даютъ драматургу возможность выбирать многого то, что ему нужно для компановки пьесы. Затѣмъ, антитезы и контрасты. Онѣ сами просятся при изображеніи на сценѣ жизни капиталистовъ. Въ «Духѣ праздности» немного устарѣвшій приѣмъ, заключающійся въ томъ, что добродѣтельная, трудящаяся сестра «рѣжетъ правду» въ глаза легкомысленному брату и эксцентричной, погрязшей незамѣтно для себя въ «духъ праздности», сестрѣ, — не особенно рѣзко бросается въ глаза, благодаря легкой и умѣлой игрѣ актеровъ. Горячіе монологи г-жи Смирновой о необходимости труда, какъ основѣ всякаго счастья, о несправедливости, ставшей всю жизнь богатаго, ничего не дѣлающаго человѣка, вызвали восторгъ среди публики даже во время дѣйствія. Въ общемъ, публика

приняла пьесу довольно сдержанно. Это происходит от того, что авторъ изобразилъ жизнь, не проникая въ глубину ея тайниковъ, и основаніе всей пьесы поставилъ въ зависимости отъ чисто внѣшняго случая, — какъ во время извѣстнаго банкротства. Не будь этого предполагаемаго банкротства, духъ праздности попрежнему царилъ бы въ безпечной и обезпеченной семьѣ коммерціи совѣтника Іоганна Оденала, обиліе денежныхъ средствъ не заставило бы никого обратиться къ труду и задуматься о цѣли жизни. Эта искусственность въ развитіи самой идеи пьесы, конечно, нѣсколько расхолаживаетъ зрителей. Зрители уходятъ въ концѣ-концовъ не убѣжденные въ томъ, что духъ праздности дѣйствуетъ разлагающе на всю душу человѣка. Можетъ быть, это и правдиво въ отдѣльныхъ случаяхъ, но такъ ли всегда? Нѣтъ ли еще какихъ-либо болѣе важныхъ причинъ, которыя убиваютъ и развращаютъ душу ничего не дѣлающаго капиталиста? А главное, — сама *работа трудящагося капиталиста*? Настолько ли она полезна и благотворна для общества, настолько ли она дѣйствуетъ облагораживающе и подымаетъ душу трудящагося, какъ и всякій другой трудъ не капиталиста, напримѣръ, учителя, профессора, общественного дѣятеля? Изъ пьесы зритель долженъ заключить, что сортъ труда не имѣетъ значенія, былъ бы это только трудъ. Антитеза его и все несчастье человечества заключается въ духѣ праздности. Очевидно, что такое заключеніе, выведенное справедливо изъ пьесы, было бы вопиющей мировой несправедливостью.

Актеры исполняютъ эту пьесу хорошо. Всѣ играютъ ровно, безъ всякаго шаржа, хотя нѣкоторые положенія давали возможность, ради дешеваго эффекта, перейти ту незамѣтную грань, около которой часто по одной сторонѣ идетъ комическое, по другой — буффонское. Чувство художественнаго удерживало актеровъ на извѣстной высотѣ и они старательно и умѣло дѣлали все возможное для достиженія успѣха пьесы.

Извѣстная пьеса Е. Чирикова — «Евреи» поставлена у Борша и разыгрывается хорошо и обдуманно. Декорація производитъ хорошее впечатлѣніе своей простотой и естественностью безъ излишняго нагроможденія мелкихъ аксессуаровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіемъ обычныхъ заученныхъ приѣмовъ трехстѣнной декораціи; костюмы характерны въ достаточной степени, но настолько, что не бросаются въ глаза и не мѣшаютъ цѣльности художественнаго впечатлѣнія и не развлекаютъ лишнее вниманіе зрителей. Актеры, изображающіе «типичныхъ» евреевъ, говорятъ только съ легкимъ акцентомъ, безъ жаргона. Последнее дѣйствіе, изображающее погромъ, сильно сокращено. Въ театрѣ идетъ только начало погрома, тогда какъ у автора погромъ доведенъ до конца, т. е. до того времени, когда громамы разбѣгаются, услышавъ топотъ скачущихъ казачьихъ лошадей. Но и того, что даетъ театръ Борша, слишкомъ достаточно для нервовъ публики, измученныхъ въ продолженіе четырехъ актовъ. Всегда, при паденіи занавѣса, въ четвертомъ актѣ, начинаютъ слышаться нервныя всхлипыванія и истерическіе крики.

Драма Франца-Адама Бейерлейнъ, получившая большую известность въ Германіи, у насъ въ Россіи едва ли можетъ имѣть какое-либо значеніе, какъ по своей идеѣ, такъ и по своимъ литературнымъ достоинствамъ. Милитаризмъ, офицерская честь и честь общечеловѣческая—такова публицистическая тенденція пьесы, выраженная очень слабо въ очень избитыхъ образахъ. Дѣйствіе происходитъ въ гарнизонныхъ казармахъ маленькаго нѣмецкаго городка въ Эльзасѣ, недалеко отъ границы съ Франціей. Всѣ дѣйствующія лица—военные, за исключеніемъ одного штатскаго, вѣрнѣе, одной дочери вахмистра. Пьеса въ высшей степени несложна. Служака добродѣтельный вахмистръ, его дочка красавица, красавецъ офицеръ безъ нравственныхъ усвоевъ, женихъ красавицы—доблестный молодой сержантъ, воспитанникъ вахмистра. Офицеръ соблазняетъ дочь вахмистра, сержантъ за это оскорбляетъ офицера. Судъ. Сержантъ приговоренъ въ тюрьму. Офицеръ отказывается стрѣляться съ вахмистромъ на основаніи офицерской чести, не допускающей дуэли съ унтеръ-офицеромъ и въ результатѣ—обезчещенный отецъ въ запальчивости убиваетъ свою дочь. Все это сдѣлано аляповато и очень примитивно. Добродѣтельный служака—необычайно добродѣтеленъ, фатъ офицеръ—фатъ съ головы до ногъ, пустая взбалмошная дѣвушка съ отгѣнкомъ сентиментальности ничуть и ничѣмъ не выдѣляется изъ обычнаго уровня дѣвушекъ сентиментальныхъ нѣмецкихъ романовъ. Единственная сцена, изображающая засѣданіе военнаго суда, еще можетъ представлять нѣкоторый интересъ по своей темѣ, но для насъ, русскихъ, вслѣдствіе особыхъ бытовыхъ условий, она не такъ важна, какъ можетъ быть важна въ Германіи. Мы ждали въ продолженіе четырехъ актовъ, какъ авторъ отнесется къ самой идеѣ войны, и, къ нашему изумленію, мы нашли много мѣстъ, изъ которыхъ можно заключить, что война—естественная необходимость, что идея ея благородна и возвышенна.

Только одинъ вахмистръ, въ продолженіе тридцати трехъ лѣтъ добродѣтельно обучавшій молодыхъ солдатъ тому, какъ надо убивать людей, особенно французовъ, когда дѣло коснулось его личной чести, когда онъ понималъ, что онъ опозоренъ сальными міра сего, только тогда онъ заговорилъ о существованіи чести общечеловѣческой, о томъ, что его, такого же военнаго, даже болѣе—заслуженнаго, побывавшаго въ бояхъ героя, безнаказанно можетъ обезчестить любой поручикъ, даже не имѣющій за собой никакихъ заслугъ. Г. Лепковскій очень горячо говорилъ этотъ длинный и трудный монологъ, но въ публикѣ онъ встрѣтилъ мало сочувствія, еще меньше сочувствія встрѣтила его дочь (г-жа Лисенко), и все это отнюдь не вслѣдствіе игры актеровъ, талантливей и старательной, а по винѣ автора, не сумѣвшаго захватить шире свою тему и глубже разработать ее.

Нашъ журналъ уже не разъ отмѣчалъ ненужность передѣлокъ прозаическихъ произведеній, какъ повѣствовательныхъ, такъ и описательныхъ,

въ драматическія. Постановка «Идіота», передѣланнаго изъ романа Достоевскаго г. Сутугинымъ въ сотрудничествѣ съ опытнымъ драматургомъ В. Крыловымъ, доказываетъ еще лишній разъ то, что эти передѣлки не достигаютъ своей цѣли и не имѣютъ успѣха у публики. Временами, когда на сценѣ шли діалоги, взятые цѣликомъ изъ Достоевскаго, публика, невольно чувствуя силу великаго писателя, переживала нѣкоторый подъѣмъ, но это впечатлѣніе проходило сейчасъ же, какъ только опять начиналась «передѣлка». Въ результатѣ получился рядъ сценъ, взятыхъ изъ Достоевскаго почти дословно, эти отдѣльные сцены оказались болѣе или менѣе искусно соединены въ рядъ сценъ, группы сценъ въ акты, акты—въ пьесу. Несмотря на талантливую игру актеровъ, особенно г. Пельцера (князь Мышкинъ) и Смирновой (Анастасья Филипповна) этотъ калейдоскопъ отдѣльныхъ мѣстъ изъ романа не имѣлъ успѣха. Слишкомъ ясна была громадная разница, лежащая между цѣльностью, послѣдовательнымъ ходомъ развитія романа Достоевскаго и искусственнымъ нагроможденіемъ наиболѣе драматическихъ мѣстъ, набранныхъ изъ романа передѣльвателями. Характеры отдѣльныхъ лицъ остались не закончены и невыяснены, въ нѣкоторыхъ случаяхъ неестественны. Зритель, не читавшій самаго романа, не пойметъ мотива, руководившаго княземъ Мышкинымъ: любить—жалѣть, а безъ этой основной идеи романа «Идіотъ» Достоевскаго терять свою сущность.

Трилогія Юрія Жулавскаго, состоящая изъ трехъ одноактныхъ коротенькихъ пьесъ: Игра, Финаль, Безкорыстный другъ, представляетъ несомнѣнный интересъ. Разыгрывается она безукоризненно, декорации и обстановка обдуманы въ деталяхъ. Основные мысли, связующія всѣ три пьесы въ одно цѣлое, заключаются въ слѣдующихъ трехъ искусно проведенныхъ авторомъ положеніяхъ: жизнь не даетъ намъ того, что мы требуемъ, а можетъ быть, какъ часто случается, мы просто не умѣемъ взять то, что мы хотимъ, хотя сама жизнь и предоставляетъ намъ желаемое. Вторая мысль автора заключается въ томъ, что между женщиной и мужчиной не можетъ быть дружескихъ отношеній, они, если не прекращаются, то всегда переходятъ въ любовь. Пара, поддерживающая дружескія отношенія, закрываетъ глаза отъ истины, изъ этого самообмана могутъ произойти только трагическія послѣдствія. Третья мысль, схожая съ основнымъ положеніемъ въ трилогіи А. Шницлера «Вся жизнь игра—мудрецъ, кто понялъ это», заключается въ томъ, что люди часто не живутъ, а играютъ сложную игру, какъ бы скользя по поверхности жизни. Эта игра иногда бываетъ такъ дорога для партнеровъ, что при воспоминаніи о ней, остается только благодарить другъ друга за пережитыя вмѣстѣ хорошія свѣтлыя мгновенія, но чаще эта игра ведетъ къ ужасной развязкѣ, особенно тогда, когда одинъ изъ играющихъ ослабѣваетъ и невольно уступаетъ главенствующую роль другому. Такъ, въ первой части трилогіи «Игра»—красивая актриса даетъ согласіе графу быть его женой и

откровенно рассказывает ему, что она его не любит и не полюбит, потому что она вообще не может любить и никогда никого не любила искренно, хотя, видимо, вся натура ее полна стремления к любви, но этому всегда мешала неудачно сложившаяся жизнь. Она может дать ему только обещание быть верной женой навсегда. Приходит литераторъ Казимиръ, съ которымъ актриса находится въ дружескихъ отношеніяхъ; оба они не подозрѣваютъ, что эти отношенія въ сущности—глубокая любовь. Нечаянный поцѣлуй открываетъ имъ то, что они, сами не зная, вели только сложную и красивую игру. Это откровеніе пришло слишкомъ поздно. Въ «Финалѣ комедіи» молодая жена стараго фабриканта ведетъ отчаянную игру кокетства съ инженеромъ-управляющимъ фабрикой, влюбленнымъ до безумія въ жену своего хозяина. Молодой женщицѣ тоже нравится инженеръ, она мучаетъ его своими неопредѣленными обещаніями и въ концѣ-концовъ своими пытками доводитъ его до самоубійства. Въ то же самое время она чувствуетъ себя несчастной, неудовлетворенной среди дѣловой богатой обстановки и не видитъ, что съ любящимъ ее инженеромъ она могла бы получить то счастье, которое открывала ей жизнь. Въ послѣдней части трилогіи—красивая, но не талантливая художница, уѣхавшая отъ своего нелюбимаго мужа, живетъ въ Парижѣ; пріѣзжаетъ ей «безкорыстный другъ», котораго она любила прежде и который любилъ ее. Но въ то время они не сказали другъ другу о своей любви ни слова. Отчаяніе толкнуло молодую даму бросить своего мужа и уѣхать отъ всѣхъ, и только черезъ два года между «друзьями» выясняются ихъ прежнія отношенія. Но уже поздно. Неудавшееся счастье исчезло, неудовлетворенная жажда его превратила въ художницѣ любовь въ ненависть и злобу. Она мститъ своему безкорыстному другу жестокимъ циничнымъ отказомъ на его предложеніе все позабыть и идти рука въ руку. Неудачная игра въ дружбу уничтожила счастье, которое было такъ возможно.

Пьеса Семена Юшкевича «Въ городѣ» производитъ тяжелое впечатлѣніе. Дѣйствіе ее происходитъ въ большомъ городѣ въ еврейской семьѣ. Цѣль автора была указать на то, какъ безжалостно городская жизнь давитъ людей, не готовыхъ къ постоянной борьбѣ за существованіе. Глава семьи Гланкъ, состарившись, потерялъ мѣсто и не можетъ найти никакого заработка, онъ ходитъ по конторамъ, но... кому нуженъ старикъ? Его жена Дина заставляетъ идти на тротуаръ свою старшую дочь. Дочь уступила, и начинается жизнь скромнаго внѣшняго достатка, покупаемаго ласной цѣной. Центральная фигура въ пьесѣ Дина,—жена Гланка воужена непоколебимой философійю, исходящей изъ того положенія, что жить надо, жить хочетъ каждый, что въ жизни человекъ человеку не угъ, а врагъ, хуже врага—волкъ, готовый всегда перегрызть горло гому. «Моя выгода—вотъ честность! Моя польза—вотъ справедливость». Отчаяніе и жажда богатой жизни превратили когда-то молчаливую красавицу Дину въ жестокою, злоую, ни передъ чѣмъ не останавливающуюся,

преждевременную старуху. Въ своей злобѣ на неудачу и нужду она доходить до неистовства и разрушаетъ возможное счастье своей старшей дочери, когда выгоняетъ ея жениха прочь, потому что онъ бѣденъ. Она заставляетъ и свою вторую дочь идти на улицу, но когда дѣлается известнымъ для всей семьи, какимъ путемъ приходили деньги въ ихъ домъ, младшая сестра не выноситъ горя и лишаетъ себя жизни. Это однако не устрашаетъ и не останавливаетъ Дины; она признаетъ только одно—не можетъ быть ничего, передъ чѣмъ можно было бы остановиться, видя впереди довольство и достатокъ. Если обстоятельства жизни заставляютъ принести жертву, то надо это дѣлать, не задумываясь, потому что такъ поступаютъ всѣ, «люди крадутъ, лгутъ, люди убиваютъ, грабятъ, люди продаются... Все для жизни!» Таково ея убѣжденіе; она отнимаетъ ребенка, родившагося у ея дочери, и опять отправляетъ ее на улицу «привести домой золото».

Таково содержаніе пьесы. Авторъ задаетъ цѣлью указать на несправедливость социальнаго неравенства, на то зло, которое оно порождаетъ особенно въ большихъ городахъ, на тѣ ужасные поступки, которые происходятъ изъ этого неравенства, подобно тому поступку, который сдѣлала «Дина». Въ словахъ Дины авторъ хотѣлъ указать на желѣзную необходимость жертвъ, какъ результатъ безвыходнаго положенія. Но цѣль эта не была достигнута авторомъ въ его пьесѣ. Дина вышла у него злой и отчаянной эгоисткой, съ жадностью мечтающей о мѣщанскомъ счастьѣ; обстоятельства дали ей возможность запугать всѣхъ остальныхъ членовъ семьи и расправляться по-своему, но въ этомъ не было никакой необходимости, это была просто злая воля ограниченнаго и злого чело-вѣка. Поэтому и вся пьеса получила какой-то недоконченный характеръ попытки сказать великое о великомъ.

М. Л.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Ноябрь

1906 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика. — Публицистика, критика. — Фило-
ля, педагогика. — Исторія литературы, біографія. — Учебники, пособия,
и для дѣтей. — Книжки для народа. — Справочныя книжки. II. Списки
въ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го
октября по 1-е ноября 1906 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

И. Александровскій. Дома и за границей. Разказы. — *Е. Владимірова.* Изъ жен-
щины. Повѣсти и разказы. — *Алексѣй Мошинъ.* Штрихи и настроенія. — *Иль-
и Бернстрѣмъ.* Люнггоръ и К°. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Перев. *Ганзенъ.* — *Джю-
номъ.* Спартакъ. Романъ изъ римской жизни. Изд. 3-е. Поповой. — *Сергій Обуховъ.*
въ могогу. Разказъ. — *К. Балмонтъ.* Стихотворенія. (Дешевая бібліотека Т—ва
іе“). — *Ведоръ Солонубъ.* Родня. Стихи. Кн. пятая. — *Г. Галина.* Предразсвѣт-
ныя пѣсни. — *Алари.* Стихотворенія.

А. Н. Александровскій. Дома и за границей. Разказы. Спб.,
г. Ц. 50 к. Разказы г. Александровскаго написаны съ натуры;
иныхъ больше воспоминаній и публицистики, нежели художественной
ды и художественнаго вымысла. Написаны они интересно и живо,
тому и читаются легко. По своему содержанию большинство изъ нихъ
ется быта политическихъ смысловыхъ, за исключеніемъ послѣдняго
каза „Парижскій день“. Этотъ разказъ очень интересенъ по своимъ
ическимъ подробностямъ. Авторъ описываетъ, какъ онъ проводитъ
трудоу день въ Парижѣ. Онъ даетъ частныя уроки русскаго
а и кромѣ того состоитъ репетиторомъ по каедрѣ русскаго языка
арижской „Ecole des Langues orientales vivantes“. Интересно, какъ
тятся занятія въ „Ecole“. Въ противоположность русскимъ универси-
тѣ, гдѣ профессоръ „читаетъ“, а студенты „слушаютъ“, гдѣ одинъ
таетъ, а всѣ учащіеся только получаютъ чужую готовую работу,
ное вниманіе въ „Ecole“ обращается на самодѣятельность и само-
тельность студентовъ. Лекція состоитъ въ живомъ общеніи мнѣніями
ду студентами и профессоромъ, причемъ отбрасывается въ сторону
ое ложное самолюбіе, такъ какъ всѣ признаютъ, что еггеге—hupat-
est. Студенты заблаговременно посылаютъ профессору письма, въ
рыхъ отмѣчаютъ всѣ затрудненія и темныя слова или выраженія,
выпавшія имъ при чтеніи какого-либо отрывка. На основаніи этихъ
гъ и своихъ изысканій по поводу писемъ и предложенныхъ въ нихъ
осахъ, профессоръ начинаетъ лекцію и такимъ образомъ сразу
иаетъ въ общую работу съ отвѣтами на всѣ вопросы, появившіеся
ушателей; во время этой работы студенты дѣлаютъ свои замѣчанія.
идно, что порядокъ всегда образцовый, никто не тормозитъ лекцій
жкими разглагольствованіями. Курсъ изученія русскаго языка—
ичный (авторъ приводитъ подробную программу); кромѣ того на

одинъ годъ каждый студентъ обязанъ съѣздить въ Россію. Авторъ утверждаетъ, что при такихъ условіяхъ достигаются блестящіе успѣхи. Интересно описаніе ученаго филологическаго общества при Сорбоннѣ. Авторъ даетъ подробную характеристику французскихъ ориенталистовъ, особенно же профессора русскаго языка Бойе; параллельно съ этимъ идутъ характеристики французскихъ студентовъ, изучающихъ русскій языкъ, молодыхъ русскихъ дипломатовъ, проживающихъ казенныя деньги въ Парижѣ и молодыхъ французскихъ дипломатовъ, готовящихся къ карьерѣ въ Россію. Вообще „Парижскій день“ Александровскаго, написанный мѣстами съ легкимъ юморомъ, раскрываетъ много интереснаго подробностей о „русскомъ“ въ Парижѣ.

Хорошъ рассказъ изъ дѣтскихъ воспоминаній „Высѣкли“. Въ своей школѣ грамоты, помимо священника и псаломщика, обученіемъ занимался молодой мѣстный крестьянинъ; онъ самъ учился и училъ ребенскихъ ребятъ. Однажды въ школу вошелъ пьяный староста и сталъ буянить; учитель, послѣ долгихъ уговариваній и просьбъ уйти и не мешать занятіямъ, долженъ былъ насильно вывести пьянаго старосту. Староста сталъ ругаться и былъ за это вытолкнутъ изъ сѣней въ сугробъ. По приговору стариковъ, учителя высѣкли въ „расправѣ“ при волеюномъ правленіи за неуваженіе къ „начальству“. Авторъ описываетъ гнетущее впечатлѣніе, которое произвела эта порка на учениковъ, у которыхъ стыдъ и отчаяніе, охватившіе самого учителя.

Въ рассказахъ изъ быта политическихъ ссыльныхъ авторъ описываетъ преимущественно тѣхъ людей, съ которыми приходится вслѣдствіе чуждого пересыльному, это—часовой, конвойный, банщикъ, завѣдующій этапомъ и т. д. Всѣ люди выходятъ у него живыми и характерными. Во всѣхъ онъ умѣетъ найти человѣческія добрыя черты, поэтому рассказы не производятъ такого гнетущаго и тягостнаго впечатлѣнія, какое получается при чтеніи „записокъ“ политическихъ ссыльныхъ.

Е. Владимірова Изъ женской жизни. Повѣсти и рассказы. М., 1906 г. Ц. 85 к. Центральное мѣсто въ книгѣ г-жи Владиміровой занимаетъ четырехактная драма „Бабы“. Пьеса написана умѣло, видны знаніемъ сцены. Это бытовая картина почти безъ психологической разработки. Также какъ и чеховскіе мужики, бабы г-жи Владиміровой грубы и необразованны, но сверхъ того онѣ надѣлены исключительной злобой, не говоря уже о крайней развращенности. Откуда только и берется такая непостижимая злость и зависть? Этого авторъ не указываетъ или, если указываетъ, то очень мало. Эта злость и дѣльные бабы язки не только дѣлаютъ невыносимой жизнь всѣхъ окружающихъ, но и доводятъ добраго, ни въ чемъ неповиннаго мужа до преступленія. Въ чтеніи драма оставляетъ гнетущее впечатлѣніе; сценъ она была бы невыносима: авторъ слишкомъ сузилъ кругъ своихъ наблюденій и взялъ слишкомъ однообразный тяжелый тонъ.

Вообще г-жа Владимірова не любитъ женщинъ. Почти всѣ онѣ для нея какія-то надломленныя и нравственно нечистоплотныя. Почти всѣ онѣ мстятъ мужчинамъ за ихъ измѣны и не могутъ придумать ничего другого, какъ мстить такой же измѣной. Почти никто изъ нихъ не остается вѣренъ своей первой привязанности. Можетъ быть, это происходитъ потому, что авторъ выбираетъ темой для своихъ рассказовъ всегда жизнь неудачницъ, пережившихъ или переживающихъ сердечныя надрыны, тогда это отчасти понятно. Но несправедливо называть можетъ быть, перѣдкіе, но не характерные случаи общимъ заглавіемъ „Изъ женской жизни“.

Современная жизнь сама собой вопіетъ противъ такихъ обобщеній, и русская женщина своей жизнью и дѣятельностью выработала типъ, который только отчасти, въ двухъ рассказахъ „Сильфида“, „Счастье мое“ удается схватить г-жѣ Владиміровой.

Алексѣй Мошинъ. Штрихи и настроенія. Книга вторая. Ц. 1 р. Г. Мошинъ старательно собралъ въ своей книгѣ всевозможныя мелочи подъ видомъ „штриховъ и настроеній“. Что подразумѣваетъ авторъ подъ „штрихами и настроеніями“, намъ совершенно не ясно; вѣдь должны быть какія-нибудь опредѣленныя условія, чтобы штрихи и настроенія получали нѣкоторую цѣнность, какъ художественное произведение, и заслуживали того, чтобы ихъ можно было предавать тисненію въ назиданіе потомства, или же можно поступать проще, какъ дѣлаетъ г. Мошинъ: ничего не обозначающій, никому не нужный и нехудожественный пустякъ обзывать штрихомъ или настроеніемъ и этимъ придавать ему цѣнность беллетристическаго произведенія. Однако, подобно тому, какъ паспортъ мало опредѣляетъ стоимость и достоинство человѣка, такъ и претенціозное названіе— „штрихи и настроенія“, данное г. Мошинымъ своимъ произведеніямъ, не даетъ имъ право занять мѣсто среди произведеній искусства. Г. Мошинъ, незамѣтно для себя, съ первыхъ же страницъ впадаетъ въ удивительное однообразіе, которое совершенно исключаетъ понятіе о причудливомъ разнообразіи настроенія и о его „зѣбнаго цвѣта отливахъ“. Это удручающее читателя однообразіе заключается въ опредѣленной формѣ содержанія, по которой написаны почти всѣ рассказы. Вотъ въ чемъ заключается эта форма содержанія: Въ началѣ рассказа обыкновенно идетъ описаніе сентиментальной любви,—страдаетъ исключительно она, затѣмъ появляется она—сѣтлая дѣвушка, красавица. Она ничего не имѣетъ противъ него, но... неумолимая судьба во всевозможныхъ видахъ, преимущественно же въ видѣ неизлѣчимой болѣзни, низводитъ его въ безвременную могилу. По этому избитому образцу г. Мошинъ и пишетъ свои „штрихи и настроенія“. Въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго, на чемъ могъ бы остановиться глазъ, ничего характернаго, наоборотъ, часто они удивляютъ читателя своей томительной пустотой, ненужностью и безцвѣтными разговорами. Нѣкоторые рассказы поразительно напоминаютъ протоколы хроникъ ежедневныхъ происшествій. Съ первой же строчки читатель знаетъ конецъ, да и не долго приходится ему трудиться, чтобы подойти къ этому отгаданному концу, такъ какъ замѣтки г. Мошина, собравшаго все въ свою кошницу, часто не превышаютъ и двухъ печатныхъ страницъ. Такая старательная любовь у автора къ своимъ твореніямъ очень цѣнна вообще и очень пріятна для него самого, но она становится въ тягость другимъ, если они, поддавшись на заманчивыя слова:— „штрихи и настроенія“, захотятъ добросовѣстно отнестись къ нимъ и прочитаютъ всю книжку отъ доски до доски.

Только одинъ довольно большой рассказъ „Два мецената“ нѣсколько устраиваетъ этотъ томикъ. Рассказъ этотъ, впрочемъ, не блещетъ художественными достоинствами, онъ интересенъ по описанію быта современныхъ художниковъ и ихъ меценатовъ: любителей-бѣдняковъ и любителей-милліонеровъ; послѣднихъ художники зовутъ гробовщиками за то, что они, обыкновенно, скупаютъ картины начинающихъ нуждающихся художниковъ наканунѣ закрытія выставки и даже за часъ до зрытія. Интересны описанія приемовъ этой кулаческой торговли картинами, способы продажи, цѣлыя заговоры и походы, устраиваемыя милліонеромъ-меценатомъ, чтобы за безцѣнокъ купить цѣнную картину.

Г. Мошинъ, впрочемъ, переписываетъ самого себя и опять возвращается въ темъ о меценатахъ. Его Даринъ — меценатъ-миллионеръ фигурируетъ въ томъ же томикѣ, въ томъ же видѣ, даже подъ той же фамиліей и въ другихъ разсказахъ. Видимо, это просто недосмотръ со стороны автора.

Яльмаръ Бергстрёмъ. Люнгоръ и К°, комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Изданіе С. Скирмунта. М., 1906 г. Ц. 40 к. Въ богатой семьѣ водочнаго заводчика Люнгоръ происходитъ расколъ. Самъ Люнгоръ желаетъ превратить въ акціонерное общество свои заводы, чтобы увеличить процентъ ихъ доходности, а его жена и молодой сынъ Яковъ, нахватавшійся верхушекъ знаній, поборникъ новыхъ идей, желаютъ устроить „водочный заводъ будущаго“ съ тѣмъ, чтобы передать его впоследствии рабочимъ. Столкновение принимаетъ настолько обостренный характеръ, что жена и сынъ отказываются жить въ домѣ вмѣстѣ съ эгоистомъ „выжимателемъ рабочаго труда“. Люнгоръ-отцу приходится выбирать между женой и сыномъ, съ одной стороны, и управляющимъ заводами—иниціаторомъ акціонернаго общества Гейманомъ—съ другой. Послѣ долгихъ споровъ, все кончается къ общему благополучію. Рабочіе, за часъ до открытія акціонернаго общества, объявляютъ забастовку; забастовка грозитъ разореніемъ семьѣ Люнгоровъ. Яковъ идетъ къ рабочимъ и говоритъ имъ рѣчь въ примирительномъ тонѣ; рабочіе освистываютъ его, и ему только тутъ дѣлается ясно, насколько отвлеченная теорія далеко отстоитъ отъ практики жизни, насколько безпочвенны безмысленныя мечтанія о дружбѣ рабочаго съ хозяиномъ и т. п. „Несмотря на всю злобу, которую я прочелъ въ глазахъ рабочихъ,—говоритъ Яковъ,—я видѣлъ сѣвось всю эту тысячелѣтнюю злобу и недовѣріе угнетенныхъ... сквозь это пламя ненависти плещеешь къ патрицію,—если хотите, я различилъ чувство, которое я уважаю и которое лишь теперь вполнѣ уяснилъ себѣ. Эти люди ничего не хотятъ принять въ подарокъ... не хотятъ ничего, за что имъ пришлось бы благодарить... они хотятъ взять свое съ бою. Повѣрте мнѣ, ихъ потомки будутъ благородными людьми“. „Борьба—единственная достойная человѣка форма существованія, которую удалось выработать до сихъ поръ“,—замѣчаетъ въ отвѣтъ на слова Якова одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ.

Комедія написана очень удачно и читается легко. Авторъ съ объективной безпристрастностью сумѣлъ указать комически-смѣшныя стороны въ жизни и увлеченіяхъ людей всякаго класса и положенія. Смѣшно увлеченіе картинами у богатаго Люнгоръ, когда онъ приходитъ въ восторгъ отъ картины „Нищета“, висящей въ его роскошномъ залѣ и купленной за двадцать тысячъ кроунъ. Смѣшно увлеченіе благотворительностью у его жены, смѣшныя рабочій, называющей себя „современнымъ Спартаксомъ“; комиченъ Яковъ съ его непродуманными социалистическими теоріями. Много комичнаго и во второстепенныхъ дѣйствующихъ лицахъ. За всѣмъ этимъ комическимъ, какъ бы на дальнемъ планѣ вырисовывается желѣзный законъ „борьбы“, передъ которымъ смолкаютъ всѣ непродуманныя теоріи и быстро проходящія увлеченія. Необходимо отмѣтить въ этой комедіи ту безпристрастность, съ которой очерчены всѣ дѣйствующія лица. Мы не видимъ самого автора, не чувствуемъ никакой тенденціи, которая часто проглядываетъ даже у Ибсена и Гаупмана, читателю здѣсь ничего не навязывается, онъ чувствуетъ себя съ книгой такъ же свободно, какъ съ самимъ собой, а это очень рѣдкое достоинство въ книгѣ, среди теперешняго времени исключительной партійности.

Джюваніоли. Спартакъ. Романъ изъ римской жизни. Изд. 3-е О. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 80 к. Изъ ряда возстаній древне-римскихъ рабовъ выдѣляется бывшее въ 73—71 гг. до Р. X. Въ немъ все необыкновенно, изумительно. Полудикіе, безсознательные, забитые и развращенные рабы,—рабы, набранные изъ всевозможныхъ странъ, изъ всевозможныхъ враждебныхъ другъ другу народностей, со всѣхъ сторонъ стекаются подъ одно знамя и въ нѣсколько мѣсяцевъ образуютъ стройную, дисциплинированную армію. Вооруженные тѣмъ попола, полуголодные, ничѣмъ не защищаемые отъ непогодъ, въ теченіе двухъ лѣтъ они разбиваютъ превосходяще ихъ численностью, иногда въ нѣсколько разъ, „необходимые“ римскіе легионы. Какая сила спаяла ихъ? Почему эти „звѣри въ образѣ человѣка“ не предпочитаютъ отдѣлаться отъ войска, гдѣ имъ приходится терпѣть всякія лишенія и по доброй волѣ подчиняться дисциплинѣ, для того, чтобы отдаться на свободѣ соблазнительному грабежу роскошныхъ виллъ, гдѣ такъ много и вина, и золота, и другихъ прелестей? Все это смогла сдѣлать необыкновенно свѣтлая, необыкновенно могучая личность Спартака, славнаго вождя этой первой во всемирной исторіи освободительной войны. Если для побѣдъ людей, къ услугамъ которыхъ вся государственная организація, для побѣдъ Александра Македонскаго, Юлія Цезаря требуется военный гений, то для того, что сдѣлалъ Спартакъ, нуженъ былъ не только военный гений, не только громадная умственная сила и сила воли, но и величайшее, сверхчеловѣческое духовное величіе, обаятельная красота и мощь всего умственного и нравственного склада. Только при сочетаніи всего этого могъ Спартакъ такъ прочно и на такое продолжительное время спаять наименѣе пригодные для мужественной, стойкой, согласованной и планомѣрной борьбы элементы. Только при такихъ условіяхъ могъ онъ сумѣть увлечь полудикую массу святой идеей борьбы за освобожденіе рабовъ, за равенство народовъ и дѣло этой арміи первыхъ борцовъ за свободу высоко-высоко вознести надъ всѣми дѣяніями человѣчества того времени и многихъ послѣдующихъ вѣковъ.

Вотъ почему передъ обаятельно-великой личностью Спартака преклоняются даже римскіе историки, считавшіе рабство учрежденіемъ вѣчнымъ, а все человѣчество—созданнымъ для римлянъ. Тѣмъ съ большимъ уваженіемъ вспоминаютъ о немъ историки современнаго намъ міра. Вотъ почему другой великій вождь освободительной борьбы, Гарибальди, сравнивая Спартака съ Христомъ, называетъ его Мессіей революціи.

На всемъ протяженіи романа Спартакъ очаровываетъ читателя каждымъ своимъ дѣйствіемъ, каждымъ движеніемъ своей необъятно-великой души. Но особенно онъ великъ и прекрасенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сопоставляется съ другимъ великимъ человѣкомъ, „лучшимъ римляниномъ“ Юліемъ Цезаремъ (стр. 172—180). Какъ ничтоженъ этотъ славнѣйшій изъ героевъ древняго міра со всѣми его лучшими идеями и грандіозными замыслами передъ всечеловѣкомъ-гладіаторомъ. Въ этомъ отношеніи романъ Джюваніоли явленіе настолько незаурядное въ художественной литературѣ, что вызвалъ слезы восторга у самого Гарибальди.

Но сказаннымъ не исчерпываются достоинства романа. Онъ кромѣ того даетъ прекрасную, живую картину быта, нравовъ и взаимоотношеній различныхъ слоевъ римскаго населенія, даетъ очень мѣткую характеристику главнѣйшихъ римскихъ дѣятелей того періода.

Помѣщенный въ первый разъ въ журналѣ *Дѣло* 70-хъ гг. и изданный въ 1880 г. Благосвѣтловымъ, романъ Джюваніоли пользовался большою популярностью въ Россіи. Теперь же съ 1899 г. онъ расходуется

уже вторымъ изданіемъ, не считая многихъ вариантовъ, передѣлокъ и сокращеній. Такая популярность „Спартака“ вполне заслуженная. Это одна изъ самыхъ лучшихъ книгъ для всѣхъ круговъ читателей. И можно надѣяться, что, значительно удешевленный въ послѣднемъ изданіи, романъ менѣе будетъ замѣняться передѣлками, изъ которыхъ даже лучшія—слабая тѣнь полнаго перевода.

Сергій Обуховъ. Не въ моготу. Рассказъ изъ крестьянской жизни. М., 1906 г. Ц. 9 к. Рассказъ С. Обухова изображаетъ „не въ моготу“ тяжелую жизнь крестьянина. Доведенные высокой арендной платой до нищеты, крестьяне приступили къ самовольной запашкѣ помѣщичьей земли. Въ результатѣ явились войска и губернаторъ; послѣ перваго залпа и натиска казаковъ крестьяне остались на площади; дагѣ, какъ повѣствуетъ авторъ, войска отказались повиноваться начальству и мирно ушли изъ деревни. Рассказъ заканчивается описаніемъ погрома помѣщичьей усадьбы. Написанъ рассказъ простымъ языкомъ съ знаніемъ быта русской деревни въ малоземельныхъ губерніяхъ. По своей темѣ и по изображаемымъ событіямъ онъ носитъ на себѣ явный характеръ пропаганды извѣстныхъ идей, а по своему содержанию производитъ тяжелое и гнетущее впечатлѣніе и, хотя авторъ, заканчивая свой рассказъ, устами старика Юфима говоритъ: „Сгинула неправда вѣвѣки вѣковъ... Глянь, Миколка, чисто стало, свѣтло, хорошо...“—читателю не вѣрится, что это дѣйствительно такъ, что пожаръ усадьбы и присутствіе въ деревнѣ войскъ—свѣтлое и хорошее явленіе въ нашей жизни. Аграрный вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ такими „радикальными“ мѣропріятіями, и юридическое право на землю, хотя и по уходѣ войска, всетаки остается за помѣщикомъ. Очевидно, дѣло не въ силѣ, съ чей бы стороны она ни употреблялась, а въ новыхъ нормирующихъ законахъ, которые должны устранить признанное всѣми малоземелье. Нужна долгая и осматрительная законодательная работа, а не „майскія иллюминаціи“ и ужасныя сопровождающія ихъ послѣдствія.

К. Бальмонтъ. Стихотворенія. Изданіе товарищества „Знаніе“. (Дешевая библіотека). Спб., 1906 г. Ц. 3 к. Какъ извѣстно, событія русской жизни разбудили на лирахъ современныхъ поэтовъ такіа струны, которыя раньше безмолвствовали. Къ числу пѣвцовъ, отозвавшихся на русскую бурю, принадлежит и Бальмонтъ. Въ 12-ти стихотвореніяхъ, которыя собраны въ лежащей передъ нами книжкѣ, онъ звучныя, хотя и не блестящія красотою строфы посвящаетъ рабочему. И говоритъ онъ о послѣднемъ такъ же страстно и увлеченно, какъ раньше увлекался совсѣмъ другими темами.

Я Поэтъ, я былъ Поэтъ,
И Поэтомъ я умру.
Но видалъ я съ дѣтскихъ лѣтъ
Въ окнахъ фабрикъ поздній свѣтъ,
Онъ въ умѣ оставилъ слѣдъ,
Этотъ слѣдъ я не сотру.

.....
Былъ я занять самъ собой,
Что-жъ, я это не таю.
Чась прошелъ. Вотъ чась другой,
Предо мною валъ морской,
О, Рабочій, я съ тобой
Буря я твою—пою.

Рабочій, странно мнѣ съ тобой говорить:
По виду я другой. О, вѣрь мнѣ, лишь по виду.
Въ фабричномъ грохотѣ свою ты крутишь нить,
Я въ нить свою, мой братъ, веручу твою обиду.

И кончается книжка могучимъ призывомъ, который изъ словъ партій-
ныхъ, программныхъ сумблъ создать мелодію:

Рабочіе всѣхъ странъ, соединитесь,
Вы будете—единый Человѣкъ,
Вы будете—одинъ могучій Витязь.
Рабочіе всѣхъ странъ, соединитесь,—
Позоръ вѣковъ окончится навѣкъ.

Да, въ наше страшное время всѣ вышли изъ своей уединенности, изъ
своей внутренней комнаты: покинули ея экзотическую обстановку, ея
ужасное убранство даже и утонченные поэты, и вотъ они стоятъ на пло-
щади. Какой разительный и знаменательный переходъ!...

Федоръ Сологубъ. Родинѣ. Стихи. Книга пятая. Спб., 1906 г.
Въ этой брошюрѣ нашего экзотическаго поэта собрано нѣсколько кра-
сивыхъ стихотвореній, посвященныхъ главнымъ образомъ современной
Россіи съ ея тревогами и болями.

О, Русь! въ тоскѣ взнемогая,
Тебѣ слагаю гимны я.
Милѣ нѣтъ на свѣтѣ края,
О родина моя!

Такъ восклицаетъ г. Сологубъ, вѣрно указывая на то соединеніе
тоски и любви, которое вызываетъ наша родина въ каждомъ изъ насъ.
Основная причина, изъ-за которой на куски, на живые, трепещущіе
куски разрывается Россія, да и весь міръ, это—существованіе границы,
линии, отдѣляющей одно владѣніе отъ другого, или одно владѣніе отъ
другой обездоленности и бѣдности. И вотъ г. Сологубъ трагедіи межи
свящаетъ выразительное и прекрасное стихотвореніе:

Зачѣмъ, скажи,
Въ поляхъ, воздѣланныхъ прилежно,
Среди колосьевъ ржи,
Вездѣ встрѣчаемъ невзбѣжно
Ревнивыя межи?

Одно и то же солнце грѣетъ
Тебя, суровая земля,
Однѣмъ и тотъ же трудъ хлѣбеть
Твои широкія поля.

Но злая зависть учредила,
Во славу алчности и лжи,
Неодолимыя межи
Вездѣ, гдѣ ты, земля, вросла,
Хотя единый колосъ ржи.

Очень оригинально стихотвореніе „Слутиниѣ“: шпионъ убить тѣмъ,
кого онъ преслѣдовалъ, и убившій рассказываетъ:

За угломъ я всталъ. Я слышалъ
Каждый шорохъ, каждый шагъ.
Затаился. Выждать. Вышелъ.
Задрожалъ отъ страха врагъ.

— Баринъ, ты меня не трогай,—
Онъ сказалъ, дрожа, какъ лютъ,
— Я иду своей дорогой.
Я и самъ социальствъ.

Сердце тяжело, больно билось,
А въ рукѣ дрожалъ кинжалъ.
Что случилось, какъ свершилось,
Я не помню. Врагъ лежалъ.

Плюс трагизма стихотвореніе „Искали дочь“,—искали ее „по участ-
камъ по больницамъ“. Начинается оно такъ:

Печаль въ груди была остра,
 Безумна ночь,
 И мы блуждали до утра,
 Искали дочь,—

а кончается оно такъ:

Ступени сколькія вели
 Въ сѣрую мглу,—
 Подъ грудой тѣл мы дочь нашли
 Тамъ, на полу...

Г. Галина. Предразсвѣтныя пѣсни. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. Несомнѣнный интересъ представляетъ изящно изданная книжка стихотвореній г-жи Галиной. Ея стихи, проникнутые тихой грустью, звучатъ красиво и читаются легко. Въ книжкѣ собраны исключительно мелкія стихотворенія, самое большое изъ нихъ не превышаетъ двадцати строкъ; каждое изъ нихъ достаточно отдѣлано и производитъ болѣе или менѣе хорошее впечатлѣніе по своей формѣ и содержанію. По крайней мѣрѣ, мы не нашли ни одного „плохого“ стихотворенія, но, наоборотъ, нашли цѣлый рядъ стиховъ, написанныхъ искренно, прочувствованно, съ болью въ сердцѣ (а то и съ радостью), иногда тонко отгнѣивающихъ разнообразныя настроенія и дающихъ красивые образы. Авторъ по преимуществу лирикъ, но его отзывчивое поэтическое чутье угадываетъ недостаточность лирики въ наше бурное время. Видимо, его душа выведена изъ поюя созерцанія, въ нее вторглись иные мотивы, открылись новые горизонты. Поэтому въ стихотвореніяхъ г-жи Галиной чистый лиризмъ постоянно перебивается гражданскими чувствованіями, но этотъ лиризмъ, какъ прирожденный, видимо, настолько силенъ, что г-жа Галина съ грустью говорить о себѣ:

Пѣсни мои—полевые цвѣты,
 Имъ не мѣсто въ горячемъ бою...
 Оттого я молчу, оттого не пою,
 Затаивъ дорогія мечты.

Нуженъ голосъ иной—голосъ сильной души,
 Зажигающій искрой сердца...
 Не напѣвъ соловья въ предразсвѣтной тиши,
 А призывъ вдохновенный борца!

Намъ упрекомъ встать въ павшихъ братьевъ кресты,
 Мы о нихъ позабыть не должны...
 Пѣсни гнѣва теперь, пѣсни мести нужны,
 А не тихіе вздохи мечты...

Это стихотвореніе служить какъ бы ключомъ въ объясненію міросозерцанія г-жи Галиной и довольно точно опредѣляетъ характеръ ея поэзіи: соединеніе такихъ вздоховъ мечты съ вдохновеннымъ призывомъ борца. Въ результатѣ появилась грусть не по себѣ, а по другимъ людямъ. У автора нѣтъ огня негодованія, безобразное явленіе не возмущаетъ его душу, а только оскорбляетъ до глубины, и эта душа, вмѣсто вдохновеннаго призыва, теряется въ сожалѣніи о людяхъ, въ грусти, граничащей съ безвольнымъ отчаяніемъ. Такъ, напримѣръ:

Нѣтъ, нѣтъ... Я не могу понять,
 Какъ это можетъ быть?...
 Идти затѣмъ, чтобъ убивать,
 Иль дать себя убить...

Но мнѣ понять еще труднѣй:
 Какъ можно посылать
 Своей рукой другихъ людей—
 Убить и умирать?...

Оставить домъ, ребенка, мать...
 Слова любви забыть...
 Нѣтъ... нѣтъ... я не могу понять—
 Какъ это можетъ быть?!...

Такова связь, установившаяся въ творествѣ г-жи Галиной между ея личнымъ страданіемъ и страданіемъ гражданина.

Вообще же поэзія г-жи Галиной невольно трогаетъ душу читателя своей искренностью и пониманіемъ человѣческой души. Такъ, напримѣръ (стихотвореніе *Nature morte*):

Въ вазѣ букетъ увядающихъ розъ...
 Нѣсколько начатыхъ, прерванныхъ строкъ...
 Рядомъ—измятый и влажный платокъ
 Влажный отъ слезъ...

Что адсье скорочено женской душой?
 Что эти розы видали вчера?
 Кто въ эту ночь адсье рыдалъ до утра
 Самъ надъ собой?...

Эти восемь строкъ, написанныя безъ вычурности, просто, даютъ сразу цѣлое настроеніе и невольно сообщаютъ читателю грусть о погибшемъ счастьи; мысль о розовой непоправимой ошибкѣ заставляеть читателя невольно отдаться „мечтамъ“ и „тихо вздохнуть“... Такова, по преимуществу, поэзія г-жи Галиной.

Амари. Стихотворенія. Москва, 1906 г. Ц. 10 коп. Книгоиздательство „Молодая Россія“. Стихотворенія г. Амари относятся къ нарождающейся у насъ новой гражданской поэзіи, такъ долго молчавшей подъ давленіемъ безпощадной власти красныхъ цензурскихъ чернилъ. Мы оговоримся, сама книжка г. Амари прошла цензуру, и на ней стоятъ клеймо „дозволено цензурой“, но это было въ достопамятное время—10 ноября 1905 года, когда „подписывалось“ все, что „представляли“,—лишь бы только „представляли“, и стихи Амари, рожденные свободно, хотя и „съ дозволенія“, говорятъ исключительно о свободѣ. Отличительная черта стиховъ Амари состоитъ въ томъ, что въ нихъ внутреннее содержаніе неизмѣримо превосходитъ внѣшнюю форму. Форма страдаетъ. Изящныя образцы нашихъ классиковъ, богатство размѣра и звучность, разработанныя русскими представителями, такъ называемой „декадентской“ поэзіи, какъ бы не существуютъ для г. Амари, хотя онъ, по нашему мнѣнію, несомнѣнно обладаетъ поэтическимъ даромъ. Видимо онъ презираеть эту форму, какъ мишурный блескъ, и все свое вниманіе сосредоточиваетъ на внутреннемъ содержаніи. Это должно происходить изъ той вѣры, съ которой онъ относится къ настоящему политическому моменту, переживаемому Россіей, и изъ того презрѣнія, которымъ онъ клеймитъ все, не относящееся къ политикѣ. Все исчезаетъ передъ важностью и значеніемъ освободительнаго движенія конца 1905 года, все остальное, кромѣ этого движенія, неважно и незначительно. Зачѣмъ же заботиться объ изящной формѣ, о звучности размѣра! Эта, поистинѣ, страстная вѣра въ торжество молодой, свободной Россіи доходить у

Амари чуть не до экстаза и, по правдѣ сказать, подкупаетъ читателя своей беззащитной искренностью и юношеской горячностью въ пользу игора. Онъ искренно любитъ родину и пишетъ объ этой любви горячія строфы, полныя страданія, когда говоритъ о неудачахъ прошлаго, и полныя радости, когда говоритъ о будущемъ. Онъ съ восторгомъ вѣритъ то, что „судьба народа моего свѣтла“, хотя ему и суждено еще „до изъ испить всю чашу бѣды и горя“. Эти бѣды, горе не страшатъ и не могутъ быть препятствіемъ, наоборотъ, онѣ только окрыляютъ борца,

его сердце полно гнѣвной страстью и, запертый въ тюрьму, онъ будетъ всегда взывать къ волѣ, къ мщенію; холодный камень не сгоритъ отъ возмущеннаго гнѣва, и сердце борца само сгоритъ въ собственномъ огнѣ страстной жажды свободы и въ бурѣ гнѣвнаго негодованія. Таково одно изъ лучшихъ стихотвореній г. Амари, подъ названіемъ „Борецъ“. Оно довольно ярко рисуетъ характеръ міровоззрѣнія и гордую страстность автора.

Очень прочувствованно написано стихотвореніе памяти князя С. Н. Трубецкого—„На смерть гражданина“; мы приведемъ нѣкоторыя строфы этого стихотворенія:

Прекрасна смерть солдата на войнѣ:
Есть смерть еще славнѣе и ужаснѣй,
Но ничего нѣтъ выше и прекраснѣй.
Чѣмъ такъ сгорѣть на внутреннемъ огнѣ
И гнѣва и любви къ родной странѣ.

Нѣтъ, не коварный врагъ его убилъ,
Не подъ чужою онъ погибъ рукою;
Но онъ съ такой безумною тоскою
Имученную родину любилъ,
Что самъ себя сознательно губилъ.

О, не шадилъ больного сердца ты!
И сердце билось скорбью и любовью,
И истекало, исходило кровью,
И порвалось... Какъ много красоты
Въ твоей кончинѣ, полной простоты!

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА.

Въ каменномъ мѣшкѣ. Надгробное слово. Воспоминанія политическаго каторжанина.—*А. Д. Стоппеничъ*. Пропеснь 193-хъ.—*В. И. Похромскій*. Жены декабристовъ.—*Л. Вересовъ*. Подвиги русской женщины.—Жизнь лейтенанта Шмидта.—*С. П. Мина*. Дѣло М. А. Спирidonовой.—*В. Владиміровъ*. Марія Спирidonова.—*И. К. Колмогоровъ*. Памяти павшихъ.—*Е. Е. Ножкинъ*. Правда о Портъ-Артурѣ.—*Ларенко*. Страдные дни Портъ-Артура.—*Верескинъ*. Страничка изъ дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Артура.—*Кутчинскій*. Въ японской неволѣ.—*Н. Баженковъ*. Психологія казнимыхъ.—*Г. Млечковъ*. Генрихъ Ибсенъ.—*Р. Трейманъ*. Тирано-борцы. *Проф. Ис. Озеровъ*. Земское обложеніе и въ чемъ должна состоять его реформа.—*И. П. Блюконтскій*. Отъ деревни до парламента. Роль земства въ будущемъ строѣ Россіи.—Городскія учрежденія Москвы, основанныя на пожертвованія и капиталы, пожертвованныя московск. город. общ. управленію въ теченіе 1863—1904 гг.—*М. П. Щеткина*. Общественное самоуправленіе въ Москвѣ. Проектъ Городового Положенія.

Въ каменномъ мѣшкѣ. Надгробное слово. Воспоминанія политическаго каторжанина. Книгоизд. „Народная Воля“. Спб., 1906 г. Настоящая брошюра—перепечатка заграничнаго изданія. Она принадлежитъ Свистычу, осужденному по процессу Ковальскаго, и носила подзаголовокъ „Надгробное слово Александру II“. Ни того, ни другого книгоиздательство „Народная Воля“ почему-то не указало. Изображаетъ она жизнь заключенныхъ въ харьковской „центральной“, куда въ половинѣ семидесятыхъ годовъ заключали политическихъ преступниковъ для отъ- ванія каторжныхъ работъ. Впечатленіе отъ разсказа получается пря-) потрясающее. Ужасы одиночнаго заключенія, лишеніе переписки, книг) и работы, самыя утонченныя издѣвательства, даже побои доводили заклю-) ченныхъ до тяжелыхъ нервныхъ болѣзней и сумасшествія. Нѣкоторые) изъ нихъ просили для себя, какъ милости, смертной казни; когда одно) изъ нихъ скрутили веревками, онъ началъ упрашивать „придушить е)

совѣтъ“. За малѣйшій протестъ даже больныхъ лишали тюфяковъ, кидали въ темный, сырой и зловонный карцеръ, избивали до полусмерти. Когда Мышкинъ, желая добиться смертной казни, ударилъ смотрителя, разыгралась слѣдующая сцена: „Въ воздухѣъ взвизываетъ свинцовый набалдашникъ палки, съ которой повсюду ходитъ Копнинъ, и со всего размаха опускается на бритую голову Мышкина. Тотъ падаетъ, теряя сознание, а разсвирѣпѣвшій смотритель продолжаетъ осыпать его ударами, ругаясь непечатными словами на всю церковь. Стоявшіе въ отдаленіи надзиратели кидаются на помощь своему повелителю, и передъ алтаремъ Бога всепрощенія и христіанской любви начинается бойня: надзиратели бьютъ ногами по лицу лежащаго безъ движенія Мышкина; остервененіе ихъ доходитъ до того, что они буквально начинаютъ плясать у него на груди, притопывая каблуками“...

Сумасшедшихъ продолжали содержать въ тюрьмѣ, и они своими дикими криками не давали покою остальнымъ товарищамъ ни днемъ, ни ночью. Количество смертей и сумасшествій было настолько велико, что даже высшее начальство должно было обратить на нихъ вниманіе. Выжившихъ, несмотря на всѣ эти ужасы, каторжанъ рѣшили перевести въ Сибирь. Такъ какъ они были очень слабы, ихъ продержали около полугода въ мѣцковской пересыльной тюрьмѣ— „для поправки“.

Когда читаешь все это, дѣлаются вполне понятными глубокая ненависть революціонеровъ въ тогдашнему харьковскому генералъ-губернатору князю Кропоткину и его убійство, и яснѣе становится многозначительный смыслъ подзаголовка.

А. Д. Стопневичъ. Процессъ 193-хъ. Спб., 1906 г. Ц. 15 к. Брошюра г. Стопневича назначена для „большой публики“, которая врядъ ли осилитъ полный отчетъ объ этомъ интереснѣйшемъ политическомъ процессѣ 70-хъ годовъ, въ виду его громоздкости и сложности. Она знакомитъ въ общихъ чертахъ съ тѣмъ движеніемъ, которое привело къ процессу, ходомъ процесса, даетъ (съ нѣкоторыми сокращеніями) знаменитую рѣчь Мышкина, выдержки изъ обвинительнаго акта и приговоръ. Полный правительственный отчетъ объ этомъ процессѣ (безъ рѣчи Мышкина и приговора, которые войдутъ въ другое изданіе „Рѣчи подсудимыхъ процессовъ 50 и 193“) напечатанъ г. Саблянымъ (съ предисловіемъ В. В. Каллаша. М., 1906 г., цѣна 1 рубль).

1) В. И. Покровский. Жены декабристовъ. Сборникъ историко-бытовыхъ статей. М., 1906 г. Ц. 1 р. 25 к. 2) Л. Вересовъ. Подвиги русской женщины. Страница изъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Спб., 1906 г. Ц. 2 к. Русская женщина начала свою общественную дѣятельность высокими подвигомъ самоотверженія. Жены декабристовъ не только послѣдовали за мужьями въ „глубину сибирскихъ рудъ“, въ „каторжныя норы“, во мракъ и ужасъ тогдашней ссылки, но и явились добрыми гениями всего тамошняго населенія. Какъ показываютъ воспоминанія Бѣлоголоваго, благодарная память о нихъ до сихъ поръ не умерла въ Сибири. Русскому обществу напомнить о нихъ и ихъ многострадальной жизни хорошо подобранный матеріалъ сборника г. Покровскаго. Въ него вошли удачно выдѣленные отрывки изъ воспоминаній Басаргина, Волконской, барона Розена, статей г. Щеголева, Бѣлоголоваго, Максимова и пр., которые ярко рисуютъ личности „женъ декабристовъ“ и ихъ дѣятельность въ Сибири. Брошюра г. Вересова даетъ сжатую біографію и характеристику М. И. Волконской, составленную главнымъ образомъ по ея запискамъ. Новыхъ фактовъ она не даетъ,) написана литературно и читается не безъ интереса.

1) Жизнь лейтенанта Шмидта. „Правовая казнь“. Спб., 1906 г. Ц. 30 к. 2) С. П. М—инъ. Дѣло М. А. Спиридоновой. „Народная бестѣда“. Спб., 1906 г. Ц. 15 к. 3) В. Владиміровъ. Марія Спиридонова. М., 1906 г. Ц. 1 р. 4) И. К. Кольцовъ. Памяти павшихъ. Жертвы изъ среды московскаго студенчества въ октябрьскіе и декабрьскіе дни. М., 1906 г. Ц. 50 к. Жуткое и въ то же время трогательное впечатлѣніе производятъ эти книги. Онѣ отразили всѣ грубыя и дикія противорѣчія нашего проклятаго времени: разгулъ стихійныхъ первобытныхъ страстей, сладострастіе мучительства, возведенное въ законъ жизни вопиющее беззаконіе—и жажду подвига, благородный въ своей наивной прямолинейности энтузіазмъ, красоту полного самоотреченія. Въ кровавомъ сумракѣ беспощадной и тупой контръ-революціи вырисовываются женственно-мягкія фигуры мечтателя-апостола демократическаго народнаго представительства, мужественная дѣвушка, которая всѣмъ сердцемъ отозвалась на народную боль и которой пришлось заплатить за это своею чѣстью, здоровьемъ, въ недалекомъ будущемъ и жизнью,—пылкая учащаяся молодежь, которая имѣла неосторожность повѣрить въ сказку новой жизни послѣ 18 октября или попыталась осуществить ее и нашла себѣ только безвременную, ужасную смерть.

Первыя двѣ книги даютъ одни факты. Г. Владиміровъ пробуетъ освѣщать и подчеркивать—и вносить зачастую ложные штрихи, даже тамъ, гдѣ болѣе чѣмъ достаточно было одного констатирования факта. У него нѣтъ чувства мѣры—и иногда такта. А тактъ нуженъ былъ прежде всего и больше всего: взята имъ на себя задача слишкомъ болѣзненно-щекотлива.

Г. Кольцовъ въ этомъ отношеніи оказался болѣе чуткимъ. Онъ, съ виду спокойно и дѣловито, группируетъ собранные имъ потрясающіе факты, отъ себя онъ мало говоритъ—и это только усиливаетъ впечатлѣніе.

Отъ всѣхъ ихъ вѣетъ тѣмъ уродливымъ кошмаромъ современной нашей дѣйствительности, которому съ трудомъ повѣрить ея будущій историкъ.

Е. К. Ножинъ. Правда о Портъ-Артурѣ. Ч. I. Изд. Артемьева. Спб., 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.—Ларенко. Страдные дни Портъ-Артура. Изд. Артемьева. Спб., 1906 г. Ц. 5 р.—Веревкинъ. Страничка изъ дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Артура. Изданіе Артемьева. Спб., 1906 г.—Купчинскій. Въ японской неволѣ. Изд. Артемьева. Спб., 1906 г. Когда вѣсть о начавшейся японско-русской войнѣ отрывками дошла до заживо погребенныхъ шлиссельбургскихъ узниковъ, въ ихъ жизнь прокрался лучъ надежды. Не зная причинъ войны, ни хода дальнѣйшихъ событій, они тѣмъ не менѣе понимали, что здѣсь столкнулись абсолютизмъ, все обезличившій, и свободный режимъ, внесшій въ основные законы гарантіи всесторонняго развитія личности. Боролись двѣ индивидуальности, одна, поработенная и связанная, другая только что сбросившая рабскія узы и рвущаяся къ прогрессу съ первымъ пыломъ освобожденныхъ силъ. Побѣда Японіи, какъ бы это ни задѣвало патріотическаго чувства, была предопредѣлена и предопредѣлена тѣмъ режимомъ, который въ теченіе долгихъ лѣтъ беспощадно и безжалостно вытравливалъ всѣ лучшія творческія силы страны. Г. Артемьевъ, бывший редакторъ газеты *Новый Край* въ Портъ-Артурѣ, газеты, помѣщеніе которой, съ одной стороны, засыпали японскія бомбы и которую, съ другой стороны, жестоко преслѣдовала двойная (военная и морская) цензура, —теперь въ цѣломъ рядѣ изданій рѣшилъ дать прав-

дивую картину одного изъ самыхъ острыхъ моментовъ войны, въ которомъ, какъ въ фокусъ, сосредоточивается весь ея ужасъ, картину осады Портъ-Артура. Эпиграфомъ къ этимъ изданіямъ могли бы служить безчужестныя слова одного изъ авторовъ, — Ножина, который пишетъ: „Вся исторія Россіи намъ подтверждаетъ, что правящій классъ строго охраняетъ свои права, а о долгахъ, которымъ собственно и приобретаются права, — никто не думаетъ, считая это блажью „идейныхъ“ людей“.

„Портъ-Артуръ—это Россія въ миниатюрѣ, — замѣчаетъ г. Ларенко. — Безграничный самодурствующій произволъ, казнокрадство и мелкая вражда на почвѣ зависти и честолюбія имѣющихъ огромную и безответственную власть начальниковъ, съ одной стороны, и темныя, невѣжественныя массы, съ другой—вотъ тотъ мрачный фонъ картины, которая развертывается передъ читателемъ во всей своей наготѣ и ужасѣ. Книги г. Ларенко, а главнымъ образомъ Ножина—это огромный обвинительный актъ противъ Стесселя, Фока и имъ присныхъ, бездарныхъ и безконтрольных ничтожностей, всѣмъ своимъ поведеніемъ ведшихъ крѣпость къ одной цѣли: къ капитуляціи передъ врагомъ. Шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ авторами разбираемыхъ книгъ, слѣдя и переживая осаду Артура, читатель испытываетъ чувство безграничнаго негодованія передъ образомъ дѣйствіи Стесселя, Фока и друг. Ихъ знаменитые безграмотные приказы, насъвозь проникнутые невѣжествомъ и невѣроятнымъ самоувѣреніемъ, препятствія, чинимыя ими дѣйствительнымъ работникамъ и самоотверженнымъ героямъ на пути укрѣпленія и защиты крѣпости—все это положительно не поддается описанію. Между тѣмъ Стессель единолично сносился съ Петербургомъ, и нѣсколько попытокъ разоблачить его позорную игру, основанную на грубомъ обманѣ, потерпѣло поражение, потому что письма и телеграммы съ разоблаченіями не доходили по назначенію и вызывали лишь гоненіе на ихъ авторовъ. Мы надѣемся, что обширный матеріалъ, собранный г. Ларенкомъ и Ножинымъ, не останется безъ вниманія на предстоящемъ судѣ надъ Стесселемъ, хотя несомнѣнно и то обстоятельство, что за личностью этого дѣятеля остаются въ тѣни болѣе внушительныя фигуры, и что самъ Стессель является только неизбежнымъ порожденіемъ нашего автократическаго режима.

Книга Купчинскаго посвящена описанію жизни русскихъ плѣнныхъ въ Японіи. „Кто не былъ самъ въ плѣну, — пишетъ авторъ, — тотъ не понимаетъ всего, что подразумѣется въ этомъ словѣ: тамъ и униженіе, и обида, и жалость къ другимъ, и жгучая тоска по свободѣ и родинѣ, страшная тягость безцѣльной, томительной неизвѣстности, горькія минуты нарождающихся событій внутренней безыдейной, бессмысленной жизни... и много, много еще другого, о чемъ говорить можно было бы очень долго“. Характеренъ тотъ фактъ, что многие изъ безграмотныхъ русскихъ солдатъ выучились грамотѣ въ школахъ, устроенныхъ японцами для нихъ во многихъ городахъ. Серіей своихъ изданій г. Артемьевъ принесъ несомнѣнную пользу русскому обществу, хотя по своей тѣмъ эти изданія не вполне доступны широкимъ кругамъ читающей публики.

Н. Баженовъ. Психологія казнимыхъ. Москва, 1906 г. Ц. 15 к. ебольшая брошюра г. Баженова посвящена описанію того мучительнаго психопатическаго состоянія, которое создается у приговоренныхъ къ смертной казни передъ исполненіемъ приговора. Государственные люди, вѣржающіе, что, казня убійцъ смертью, государство воздастъ имъ тою мѣрою, какою они мѣряли, или грубо ошибаются, или лицемерно и естусно лгутъ. „И если они посягаютъ на тѣло, — замѣчаетъ авторъ

брошюры,—на жизнь другого человѣка, то съ какой точки зрѣнія оправдаютъ они посягательство на его душу. Съ какимъ преступленіемъ соизмѣрима та предсмертная моральная пытка, которая *impliciter* содержится въ смертномъ приговорѣ и которая по напряженности душевной боли превышаетъ то, что можетъ вытерпѣть человѣкъ, ибо даже Богочеловѣкъ молилъ: „да минетъ Его чаша сия!“ Авторъ брошюры приводитъ цѣлый рядъ въ высокой степени патетическихъ сценъ и описаній смертной казни и главнымъ образомъ описаній душевнаго состоянія приговоренныхъ къ смерти изъ наиболѣе выдающихся произведеній мировой литературы, а также свои собственные наблюденія и размышленія. „Смертная казнь есть кара, по жестокости и ужасу несоизмѣримая даже съ самымъ страшнымъ преступленіемъ, и государство, казня смертью, воздастъ не око за око, но творить, если даже допустить справедливость этого нехристіанскаго и ветхозавѣтнаго принципа, нѣчто совершенно несправедливое и является несравненно болѣе жестокимъ, чѣмъ преступникъ, какое бы онъ ни совершилъ преступленіе“—таковъ справедливый выводъ автора. Хорошей иллюстраціей къ этому выводу служитъ разсказъ „Казнь“, напечатанный въ августовской книгѣ нашего журнала.

Г. Плехановъ. Генрикъ Ибсенъ. Спб., 1906 г. Въ лицѣ Ибсена сошелъ со сцены одинъ изъ самыхъ крупныхъ современныхъ мировыхъ писателей. Критическій этюдъ Плеханова, выясняющій характерныя особенности творчества Ибсена, полонъ захватывающаго интереса. Авторъ задается вопросомъ, почему при всей колоссальной общепризнанной силѣ этого мирового таланта, въ его произведеніяхъ мы встрѣчаемъ часто такія блѣдныя, схематическія фигуры, почему въ нихъ порою такъ замѣтно присутствіе антихудожественнаго элемента. „Кто внимательно читалъ и перечитывалъ драмы Ибсена,—замѣчаетъ г. Плехановъ,—тогъ не могъ не замѣтить наличности въ нихъ этого элемента. Именно, благодаря этому элементу его драмы, мѣстами полныя такого захватывающаго интереса, мѣстами становятся почти скучными“.

Вопросъ этотъ разрѣшается авторомъ въ томъ смыслѣ, что Ибсенъ, будучи однимъ изъ величайшихъ профессоровъ „бунта человѣческаго духа“, по мѣткому выраженію Ренэ Думика, не вкладывалъ въ этотъ бунтъ опредѣленнаго, а часто даже никакого содержанія. „Проповѣдь бунта человѣческаго духа внесла въ творчество Ибсена элементъ величія и привлекательности. Но когда онъ проповѣдовалъ этотъ бунтъ, то самъ хорошенько не зналъ, къ чему онъ долженъ привести. Поэтому онъ—какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ—дорожитъ бунтомъ ради бунта. А когда человѣкъ дорожитъ бунтомъ ради бунта, когда онъ самъ не понимаетъ, къ чему бунтъ долженъ привести, тогда его проповѣдь по необходимости становится туманной. И если онъ мыслить образами, если онъ художникъ, то туманность его проповѣди непременно приведетъ къ недостаточной опредѣленности его образовъ. Въ художественное произведеніе вторгнется элементъ отвлеченности и схематизма. И этотъ отрицательный элементъ несомнѣнно присутствуетъ,—къ большому вреду для нихъ,—во всѣхъ идейныхъ драмахъ Ибсена“.

Авторъ подтверждаетъ свои положенія детальнымъ разборомъ многихъ произведеній Ибсена и полагаетъ, что роковые промахи мысли у этого даровитаго, умнаго и обладавшаго къ тому же самой неподдѣльной и сильной жаждой истины писателя обуславливаются влияніемъ на его міросозерцаніе той общественной, мелко-буржуазной среды, въ которой онъ родился и выросъ. „Когда данная личность протестуетъ прѣ-

тивъ окружающей пошлости и неправды, тутъ непременно сказываются ея умственные и нравственныя особенности: ея пронипательность, ея чувствость и отзывчивость и т. п. Каждая личность своей особой походкой идетъ по дорогѣ протеста. Но куда ведетъ эта дорога, это зависитъ отъ общественной среды, окружающей протестующую личность. Характеръ отрицанія опредѣляется характеромъ того, что подвергается отрицанію". Мы поневолѣ должны ограничиться здѣсь изложеніемъ основныхъ положеній критическаго этюда г. Плеханова; для ознакомленія съ анализомъ ибсеновскихъ драмъ, подтверждающимъ эти общія положенія, мы отсылаемъ читателя къ самой брошюрѣ.

Р. Трейманъ. Тирано-борцы (Monarchomachen). Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ пред. Рейснера. Книгоиздател. „Дѣло“. 1906 г. Ц. 50 к. Изслѣдованіе Треймана представляетъ краткій этюдъ изъ исторіи государственныхъ ученій. Теорію тиранубійства во всемъ ея юридическомъ обоснованіи, во всей тонкости естественно-правовой и богословской аргументаціи, вытекающую изъ общаго политическаго міровоззрѣнія авторовъ, г. Трейманъ желаетъ привести въ связь съ политическими стремленіями и задачами породившаго эту теорію переходнаго историческаго момента". „Среднее сословіе,—пишетъ Рейснеръ въ своемъ обширномъ предисловіи,—пробуждается опутанное со всѣхъ сторонъ свѣтлобогословскихъ ученій и феодальнаго міровоззрѣнія, оно бьется на нашихъ глазахъ въ плѣну схоластическихъ и теоретическихъ конструцій, но сквозь чащу окружающей ее старины уже блещутъ великія звѣзды французской революціи: и суверенный индивидъ, и законодательный разумъ, и земное блаженство людей, пробужденныхъ Руссо къ новой свободѣ и неотчуждаемымъ правамъ".

Нужно замѣтить, что для средняго читателя книга г. Треймана врядъ ли представитъ значительный интересъ. Сухость изложенія, узкія рамки средневѣковья, какая-то разбросанность и несистематичность матеріала—все это до послѣдней степени затрудняетъ чтеніе книги. Съ другой стороны, отсутствіе широкаго фундамента въ видѣ цѣльнаго и научнаго историческаго міросозерцанія дѣлаетъ изъ работы г. Треймана не серьезный научный трудъ, а кропотливое изслѣдованіе въ духѣ нѣкоторыхъ третьестепенныхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Предисловіе г. Рейснера прочитывается легко и съ интересомъ.

Проф. Ив. Озеровъ. Земское обложеніе и въ чемъ должна состоять его реформа. М., 1906 г. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Ц. 10 к. Когда охранители и респляли говорятъ о чрезмѣрности у насъ земскаго обложенія, они обнаруживаютъ или невѣжество, или лицемеріе: всего мѣстныхъ сборовъ въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ и по городскому самоуправленію насчитывается менѣе 300 милліоновъ (города болѣе ста), а государственный бюджетъ, непрерывно подымаясь въ гору, доходить уже до двухъ съ половиною милліардовъ рублей. На западѣ это соотношеніе гораздо болѣе благоприятно мѣстному самоуправленію, вѣтъ же его расходы достигаютъ размѣровъ государственнаго бюджета, тогда превосходятъ его.

Проф. Озеровъ подвергаетъ обстоятельному разбору систему нашегоискаго обложенія и отмѣчаетъ ея вопіющіе недостатки. Земля и дѣся ложены въ 47 милліоновъ (53,1%). Съ крестьянъ приходится, въ среднемъ, съ десятины 26 коп. Съ частныхъ землевладѣльцевъ — 20 коп. Торговля и промышленность даютъ земству только тринадцать съ половиною милліоновъ (15,1%). „Цельзя не признать,—справедливо говоритъ ф. Озеровъ,— что торговля и промышленность въ сферѣ земскаго обло-

женія пользуются незаслуженной льготой; я говорю незаслуженной потому, что многообразная культурная дѣятельность земства сильно содѣйствуетъ развитію торговли и промышленности“. (Мимоходомъ г. Озеровъ отмѣчаетъ: земскіе расходы на народное образование достигаютъ 23 коп. на жителя, а министерства народнаго просвѣщенія лишь шести—семи копеекъ).

Проф. Озеровъ стоитъ за коренную демократическую реформу нашего самоуправленія. Очень рекомендуемъ его брошюру.

И. П. Бѣлоконскій. Отъ деревни до парламента. Роль земства въ будущемъ строѣ Россіи. Изданіе „Донской Рѣчи“. Цѣна 6 к. Брошюра г. Бѣлоконскаго заслуживаетъ большого вниманія. Ему хорошо извѣстны бытовыя условія крестьянскаго населенія во многихъ мѣстностяхъ Россіи.

Съ нѣкоторыми положеніями автора рѣшительно нельзя согласиться, напримѣръ, съ такимъ утвержденіемъ: „Правильно организованное земство можетъ замѣнить вторую палату, но настолько авторитетную, что можно не опасаться, какова будетъ первая палата: земство не дозволитъ ей преслѣдовать сословные или буржуазные интересы—въ лицѣ земства вся страна возвыситъ свой голосъ противъ такого *правительства*“ (?).

Можно защищать пользу второй палаты, какъ сдерживающей увлеченія первой, но основная роль въ политической и законодательной жизни страны будетъ, конечно, принадлежать первой палатѣ, избранной прямымъ и всеобщимъ голосованіемъ.

Произвольнымъ намъ кажется устанавливаемый г. Бѣлоконскимъ размѣръ населенія для проектируемой мелкой земской единицы (1,500—3,000 душъ обоего пола). Соображенія автора о выборахъ въ мелкой земской единицѣ въ губернскіе гласные въ нашихъ глазахъ являются недостаточно обоснованными и непрактичными. Но въ общемъ, повторяемъ, съ брошюрою г. Бѣлоконскаго полезно ознакомиться.

Городскія учрежденія Москвы, основанныя на пожертвованія и капиталы, пожертвованные московскому городскому общественному управленію въ теченіе 1863—1904 г. Изд. московск. городск. обществ. управленія 1906 г. Въ концѣ 1900 г. въ одномъ изъ засѣданій московской городской думы было высказано признаніе, что увеличивающійся изъ года въ годъ притокъ частныхъ пожертвованій на нужды городского населенія возлагаетъ на городское управленіе нравственный долгъ возможно шире распространять свѣдѣнія о дѣятельности основанныхъ на пожертвованныя суммы учреждений, чтобы „каждый могъ наглядно убѣдиться въ томъ, что добрыя дѣла жертвователей не заглохли“. Съ этой цѣлью постановлено было составить описаніе основанныхъ на жертвованные капиталы учреждений, въ программу котораго должны были войти, „кромѣ свѣдѣній о размѣрахъ пожертвованій и о томъ, что сдѣлано городомъ на пожертвованныя суммы, также историческіе очерки о дѣятельности различныхъ городскихъ учреждений, основанныхъ жертвователями, и краткія свѣдѣнія о томъ, какую роль въ городской жизни играютъ эти учрежденія на-ряду съ другими благотворительными и просвѣтительными начинаніями городского управленія“. вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ сборника предполагалось „включить также и свѣдѣнія о важнѣйшихъ нуждахъ городской благотворительности, общественнаго призрѣнія и народнаго образованія, остающихся неудовлетворенными по недостатку средствъ городского управленія, такъ какъ такія указанія сослужили бы большую пользу въ дѣлѣ болѣе цѣлесообразнаго направленія пожертвованій“.

Результатомъ этого постановленія и явился настоящій капитальный трудъ, составленный при коллективномъ сотрудничествѣ 8 лицъ и обнимающій собою обширный томъ въ 470 стр. текста, снабженный многочисленными планами учреждений и 103 иллюстраціями ихъ внутренняго устройства и внѣшняго вида.

Не считая мелкихъ суммъ, не превышающихъ тысячи рублей, число сдѣланныхъ городу пожертвованій достигало за 40 лѣтъ, съ 1863 по 1903 годъ—675, въ общей сложности на огромную сумму въ 23,8 мил. руб., причемъ на долю первыхъ двухъ десятилѣтій дѣятельности городского самоуправления, пока большинство благотворительныхъ учреждений находилось еще въ вѣдѣніи казеннаго приказа общественнаго призрѣнія, приходится только 5,5% этой суммы. Притокъ частныхъ пожертвованій начался только съ 87 года, когда эти учреждения были переданы въ вѣдѣніе города, и для жертвователя явилась такимъ образомъ возможность передавать создаваемые ими учреждения въ вѣрныя руки общественнаго самоуправления. Изъ общаго числа пожертвованій 51 были сдѣланы на крупныя суммы свыше 100 т. р., причемъ самыми цѣнными изъ пожертвованныхъ учреждений оказались двѣ больницы (медвѣдниковская и солдатенковская) и знаменитая третьяковская галлерей, стоимость которой опредѣляется почти въ 2 мил. р. Изъ пожертвованныхъ суммъ собственно на устройство и оборудованіе различныхъ учреждений предназначалось 15 мил. р., а остальные 9 мил. р. были обращены въ неприкосновенные капиталы на ихъ содержаніе, дающіе около 235 т. р. годового дохода. Къ 1904 г. изъ жертвованныхъ суммъ оставался еще неизрасходованнымъ солидный фондъ въ 5 мил. р., 10 же мил. р. были вложены уже въ дѣло городского благоустройства, и настоящій трудъ даетъ интересную картину мѣропріятій, осуществленныхъ на эти средства.

Въ длинномъ спискѣ учреждений, созданныхъ или существующихъ, воплѣти или отчасти, на пожертвованныя средства, мы встрѣчаемъ и собственно благотворительныя учреждения—пріюты для сиротъ, неизлѣчимыхъ эпилептиковъ, идиотовъ, богадѣльни, бесплатныя квартиры, дома трудолюбія, ночлежныя пріюты, и различнаго рода больницы, какъ общія, такъ и специально дѣтскія, психіатрическія, глазныя, съ дополнительными заведеніями въ видѣ родильныхъ пріютовъ и санаторій; и просвѣтительныя учреждения, какъ начальныя школы, такъ и спеціальныя учебныя заведенія—ремесленныя училища, торговая и фельдшерская школы, къ которымъ примыкаетъ пользующійся широкой извѣстностью исправительный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ и училище для глухонѣмыхъ; наконецъ, какъ самыя симпатичныя изъ начинаній этого рода, выдѣляются тургеневская бібліотека-читальня и картинная галлерей. Если судить по суммѣ пожертвованій, главнѣйшее русло московской благотворительности направлено было въ сторону призрѣнія бѣдныхъ, на которое приходится почти половина общей суммы пожертвованій, четверть ея предназначена была на всякаго рода врачевныя цѣли столько же—на нужды народнаго просвѣщенія. Изъ 12,875 мѣствъ, вѣющихся въ городскихъ больницахъ, богадѣльняхъ и пріютахъ, 3,040 и $\frac{1}{4}$ часть, созданы на пожертвованныя средства. Начальное образованіе не пользовалось такимъ вниманіемъ московскихъ благотворителей, изъ 190 городскихъ начальныхъ училищъ по инициативѣ частныхъ жертвователей возникло только 5. Зато изъ 9 профессиональныхъ школъ, ходящихся въ распоряженіи города, 5 устроены или, если не устроены, содержатся на средства частной благотворительности.

Весьма цѣнной особенностью этихъ учреждений служить то обстоя-

тельство, что почти каждое изъ нихъ возникало по строго обдуманному плану, согласно съ послѣдними указаніями науки и техники, а къ числу изъ нихъ, какъ, напримѣръ, исправительный пріютъ, дѣтская больница, училище для глухонѣмыхъ, тургеневская читальня—были первыми по времени и образцовыми по своей организаціи. Частная благотворительность Москвы, говоря вообще, умѣло шла навстрѣчу нарастающимъ потребностямъ населенія и по временамъ ей удавалось самостоятельно нащупывать въ хаосѣ этихъ потребностей наиболѣе болѣзненные точки. Можно поэтому ожидать, что теперь, когда городское управленіе успѣло хорошо разобратся въ томъ, что у него есть и чего не хватаетъ, очередныя задачи городского благоустройства будутъ выполняться въ такомъ же существенномъ содѣйствіи частныхъ капиталовъ, какъ прежде. Въ настоящее время чувствуется острая нужда въ общественныхъ садахъ и паркахъ, которые служили бы резервуарами чистаго воздуха и мѣстами для прогулокъ. Въ послѣдніе годы плотность населенія города все болѣе и болѣе возрастаетъ, застройка все болѣе болѣе сгущивается, а старинныя частныя сады вырубаются. При такихъ условіяхъ,—говорится въ излагаемомъ трудѣ,—вопросъ о замѣнѣ утраченныхъ частныхъ садовъ общественными бульварами и парками и площадками для дѣтскихъ игръ пріобрѣтаетъ важнѣйшее значеніе, надо пожелать, чтобы московское общество вмѣстѣ съ городскимъ управленіемъ нашли возможность позаботиться о сохраненіи богатыхъ старинныхъ садовъ, обративъ ихъ въ общественное достояніе. Подобное же значеніе,—говорится далѣе въ сборникѣ,—имѣютъ и лѣтнія дома для бѣдныхъ дѣтей, дающія возможность подышать свѣжимъ воздухомъ въ рошѣ и поляхъ дѣтямъ, которая чахнута по подваламъ и угламъ большого города безъ воздуха, безъ свѣта и безъ знакомства съ жизнью природы. Новою общественною задачей является также обезпеченіе богатому классу населенія разумныхъ развлеченій въ формѣ народныхъ домовъ и театровъ, равно какъ и устройство дешевыхъ гигиеническихъ квартиръ для бѣднѣйшей части населенія.

Сообщая всѣ эти данныя, разсматриваемый трудъ рисуетъ полную картину частной благотворительности Москвы и вноситъ въ нее тѣ самыя извѣстныя организаціи и планомѣрность. Задуманный по самому плану и умѣло выполненный, онъ напоминаетъ собою лучшія являющіяся за границей труды, посвященные подробному описанію или иной отрасли городского хозяйства—этого новаго и столь важнаго фактора современной культуры.

М. П. Щепкинъ. Общественное самоуправленіе въ Москвѣ. Проектъ городского положенія. М., 1906. Цѣна 1 руб. Книжкой М. П. Щепкина заинтересуется каждый, кому дорого наше самоуправленіе. Авторъ отличный знатокъ городского московскаго хозяйства и вполне компетентный теоретикъ самоуправления. Проекту предшествуетъ въ книгѣ обстоятельный очеркъ развитія городского положенія и критическое дѣйствующаго законодательства и постановленій. М. П. Щепкинъ знаетъ, что „въ основѣ конституціоннаго устройства страны должно лежать широкое мѣстное самоуправленіе, служащее наилучшею подготовкою школою для трудной, сложной и отвѣтственной работы народныхъ представителей, призванныхъ управлять судьбами такой громадной и разнообразной по пространству своихъ областей и этнографическому составу ихъ разноплеменныхъ населеній страны, какъ наше отечество“. Авторъ, согласно программѣ конституціонно-демократической партіи (въ которой онъ членъ), полагаетъ, что вторая наша будущая палата —

состоять изъ представителей отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, а въ статьѣ 16 проекта М. П. Щенкина сказано: „Всякій городской обыватель и всякая городская обывательница, къ какому бы состоянію, національности и вѣроисповѣданію они ни принадлежали, имѣютъ право участвовать въ выборахъ и быть избранными въ гласные городской думы, если они—русскіе подданные, достигли 21-лѣтняго возраста, проживали въ Москвѣ не менѣе одного года до производства выборовъ и не подвергнутся дѣйствию ст. 17 настоящаго положенія“ (статья семнадцатая перечисляетъ лицъ, не имѣющихъ права быть ни избирателями, ни избранными: состоящихъ подъ опекою, лишенныхъ или ограниченныхъ правъ по суду и т. д.).

Отмѣтимъ омовку почтеннаго автора: уѣздный городъ Можайскъ онъ называетъ заштатнымъ, имѣя въ виду, вѣроятно, Воскресенскъ (стр. XXXV).

ФИЛОСОФІЯ, ПЕДАГОГИКА.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи.—Г. З. Метафизика лѣности.—Ем. Стратоновъ. Настоящее состояніе средней школы и средства ея возрожденія.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Въ восьми томахъ. Спб., 1905—1906. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Знаменитый трудъ гейдельбергскаго профессора, сразу пріобрѣтшій почетную извѣстность, постоянно дополнялся и перерабатывался авторомъ. Новый русскій переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго юбилейнаго изданія, достигшаго колоссальныхъ размѣровъ: семь большихъ томовъ, при чемъ Кантъ и Гегель въ двухъ полутомахъ каждый. Трудъ Куно Фишера долженъ, конечно, входить въ составъ всякой значительной философской бібліотеки. Онъ даетъ прѣвосходныя жизнеописанія философовъ, въ связи съ обстоятельствами и условіями времени и выходомъ ихъ сочиненій, затѣмъ связанное, стройное изложеніе философскаго ученія и его критику. Первому тому (Декартъ) предшествуетъ обширное (сто пятьдесятъ страницъ) введеніе въ исторію новой философіи. Къ каждому тому приложенъ очень хорошій портретъ мыслителя, которому томъ посвященъ.

Такое большое сочиненіе не можетъ, разумѣется, быть дешевымъ: Декартъ стоитъ 2 р. 50 к., Спиноза—3 р. 50 к., Лейбницъ—4 руб., Кантъ—4+3 р. 50 к. (Фихте, томъ шестой, готовится къ печати), Шеллингъ—5 р., Гегель—3 р. 50+2 р. 50 к. Переводы принадлежать гг. Жуковскому, Полилову, Лосскому, Аносовой, Франку.

Вѣроятно, *Исторія новой философіи* будетъ расходиться медленно, несмотря на сильное развитіе въ русскомъ обществѣ интереса къ философскимъ вопросамъ: ими интересуются главнымъ образомъ люди не изъ зажиточныхъ классовъ. Тѣмъ болѣе поэтому велика заслуга издателя. Другого Солдатенкова у насъ покуда нѣтъ.

Г. З. Метафизика лѣности. Сатира на трагедію философіи. (ревелъ съ нѣмецкаго *Ө. О. Л.—М., 1906 г.* Эта брошюрка представляетъ собою переводъ статьи, напечатанной въ мюнхенскомъ журналѣ *Jugend*; ея содержаніе и слогъ прозрачно указываютъ, что подъ лиціалами Г. З. скрывается извѣстный философъ Георгъ Зиммель. Основная мысль его парадоксальна и остроумна; подъ своей шутилой оболочкой она таятъ глубокую истину. Для автора человечество значала лишькнуто стремленіемъ къ лѣни. Можно (въ особенности на школьной нѣтъ) писать убѣдительныя и краснорѣчивыя страницы о пользѣ труда;

по фактъ—тотъ, что человѣчество труда не любитъ, отъ него бѣжитъ. Мы нуждаемся въ игрѣ, а не въ работѣ. Намъ нужно развитіе мускуловъ и умственныхъ силъ, но все это служить намъ на потребу и отраду лишь до тѣхъ поръ, пока надъ нами не тяготѣетъ принужденіе. И оттого всякая дѣятельность, по Г. З., есть „не что иное, какъ мостъ между двумя состояніями лѣности, который культура старается укоротить“. Бѣдное человѣчество, тяготя къ блаженству лѣни, на самомъ дѣлѣ превратилось въ чернорабочаго: въ этомъ его трагедія, насмѣшка судьбы. И мы такъ уже привыкли къ своей каторгѣ, что забыли о конечной цѣли трудовъ—о счастья отдыха. Средство заслонило передъ нами цѣль. Характерно, что, какъ бы вспоминая утерянную нѣгу райской лѣни, человѣчество до сихъ поръ особенно поклоняется тому, кто творитъ безъ усилий, движется по линіи наименьшаго сопротивленія. Оно вѣнчаетъ лаврами великаго лѣнивца—генія; ибо для Г. З. культъ геніальности, это культъ лѣни. Отсутствіе напряженій, грація, больше всего чаруетъ насъ. Изящно играя своей основной идеей, авторъ даже въ абстракціи, въ обобщеніи, въ законѣ природы видитъ проявленіе все той же лѣности, которая побуждаетъ насъ замѣнять работу надъ отдѣльными фактами жизни какой-нибудь единой схемой, экономизирующей наши силы. „А практическое примѣненіе нашего знанія законовъ природы къ машинѣ? Отчего мы не работаемъ больше руками, но откупаемся отъ работы, ставя между собой и своими потребностями стальныхъ рабовъ, такъ часто дѣлающихся нашими господами?“ Истинное маховое колесо, которое приводитъ въ движеніе всѣ машины, это лѣность. Вообще, лѣнь есть начало положительное, потому что она—цѣль всѣхъ стремленій, „субстанція души“; и то, что въ природѣ является сохраненіемъ энергіи, это въ человѣческомъ мірѣ—сохраненіе лѣности. И когда-нибудь отдохнуть, въ тишинѣ лѣни останутся движущіеся нынѣ міровые атомы, и тогда начнется „вѣчное царство космической лѣности“. Въ немногіе часы отдыха, въ кратковременную субботу своего духа, человѣчскій микрокосмъ предчувствуетъ теперь грядущую судьбу вселенной—безпредѣльную лѣнь міра. И философія, заключаетъ Г. З., сознавъ это, должна въ самой собѣ осуществить абсолютный законъ бытія, т.-е. предаться лѣни, т.-е. умолкнуть...

Г. З. шутить, но читатель видитъ, что его этюдъ представляетъ собою не только шалость живой мысли, но и намѣчаетъ очень важныя перспективы и въ области психологіи, и въ области социологіи. И такъ характеренъ для современнаго усталаго человѣка этотъ гимнъ лѣности, этотъ вопль объ отдыхѣ!...

Жаль, что изящная статья нѣмецкаго философа во многихъ мѣстахъ русскаго перевода превратилась въ нѣчто тяжелое и некрасивое.

Ем. Стратоновъ. Настоящее состояніе средней школы и средства ея возрожденія. М., 1906 г. Ц. 25 к. Наша средняя школа, по мнѣнію автора, попала въ трагическое положеніе. Всѣ родители, учащіе, учащіе и начальствующіе признаютъ ненормальность средней школы, несоотвѣтствіе ея задачъ съ дѣломъ, всѣ недовольны уставомъ средней школы и ея программой, всѣ чувствуютъ себя бессильными бороться съ существующей школой и, попрежнему, всѣ своимъ участіемъ въ ней такъ или иначе поддерживаютъ ее. Только одно новое законодательство по силамъ возродить среднюю школу для дѣйствительнаго и оправдывающаго себя существованія. Здѣсь открывается большая и важная работа для печати и общества. Полная реформа школы, по мнѣнію Е. Стратонова, вопросъ будущаго, хотя недалекаго. Необходимо, наво-

нецъ, дѣйствительно отдѣлаться отъ коренныхъ ошибокъ въ постановкѣ обученія въ средней школѣ. Возрожденіе должно быть проведено на началахъ законности и свободы, средняя школа должна быть исключительно учебно-воспитательнымъ учрежденіемъ. Соединеніе учебно-воспитательнаго дѣла съ задачей аттестатовъ—роковая ошибка. Школа должна дать знанія. Проверкой этихъ знаній, кому она нужна, можетъ заняться правительство, устраивая государственные экзамены, независимо отъ школы; только тогда учитель изъ своей судейско-полицейской роли можетъ перейти къ прямой своей обязанности—дать нужныя знанія вѣрнымъ ему юношамъ. При уничтоженіи „испытаній“ само собою уничтожится ненужная балльная система, все равно, никогда не достигающая своей цѣли—оцѣнки знаній. Затѣмъ должно быть уничтожено несоотвѣтствіе учебныхъ программъ съ настоящими потребностями учащихся, должно быть уничтожено разногласіе, существующее между этими программами и программами высшей школы. Должны быть введены новые предметы и сильно измѣнены прежніе,—причемъ всегда должна имѣться въ виду цѣль—„общеобразовательность“ средней школы. Должна быть сокращена вредная продолжительность ежедневныхъ занятій и уничтожено переполненіе классовъ, которое дѣлаетъ невозможнымъ равномерное занятіе со всѣми учениками. Въ частности авторъ указываетъ на необходимость полнаго уничтоженія пансіоновъ, которые дѣйствуютъ разлагающе на душу ученика, и на уничтоженіе класснаго наставничества, превратившагося въ лицемерную обязанность, унижительную для учителя и бесполезную для ученика. Очевидно, долженъ быть уничтоженъ и полицейскій вѣдѣльскій надзоръ за учениками, возлагаемый на всѣхъ преподавателей.

Въ виду всего вышеизложеннаго, средняя школа должна быть едина и свободна. Отвѣтственнымъ за положеніе, состояніе и жизнь средней школы органомъ является педагогическій совѣтъ. Онъ выбираетъ изъ своей среды распорядителей въ текущихъ и другихъ дѣлахъ. Педагогическій персоналъ состоитъ изъ лицъ, по положенію равныхъ и независимыхъ; необходимы съѣзды педагоговъ, педагогические курсы и т. п. Содержаніе учителя должно быть штатнымъ, а не поурочнымъ, соотвѣтственно съ необходимымъ для личныхъ образовательныхъ занятій досугомъ. Сообразно съ этимъ, плата за ученіе должна быть сокращена до минимума и доступъ въ школу открытъ для всѣхъ. Число классовъ можетъ быть сокращено до шести, число уроковъ въ день до четырехъ, число учениковъ въ классѣ до тридцати. Репетиціи должны преслѣдовать цѣль обобщенія усвоеннаго. Частному почину въ дѣлѣ открытія новыхъ среднихъ школъ правительство должно приходить на помощь всѣми средствами.

Такъ какъ главнѣйшія положенія автора. Большинство изъ нихъ довольно подробно разработаны какъ въ специально педагогической печати, такъ и въ общей прессѣ. Всѣ они безусловно справедливы. Обществу и печати предстоитъ еще пересмотрѣть каждую деталь отдѣльно, лишь бы только со стороны правительства было замѣтно неуклонное желаніе живить школу и уничтожить мертвую рутину, прочно утвердившуюся въ ней. Вопросъ о средней школѣ—вопросъ неотложный, проклятый, и ѣшеніе его должно состояться въ самомъ близкомъ будущемъ, иначе обществу опять придется имѣть дѣло съ тѣми ненормальными явленіями, которыя во всей своей силѣ проявились въ средней школѣ въ 1905—1906 учебномъ году. Родители должны позаботиться о судьбѣ и о положеніи своихъ дѣтей.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, БИОГРАФИИ.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русских писателей. Вып. I.—Левъ Николаевичъ Толстой. Биографія. Т. I. Состав. П. Бирюковъ.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русских писателей. Выпускъ I. М., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к. Очерки, вошедшіе въ этотъ сборникъ, появились первоначально въ *Научномъ Словѣ, Русской Мысли, Вѣстникѣ Воспитанія* и въ некоторыхъ другихъ изданіяхъ. Они пересмотрѣны и дополнены авторомъ. Въ первомъ выпускѣ напечатано семнадцать *силуэтовъ*, отъ Батюшкова до Чехова. Авторъ не имѣлъ въ виду исторической перспективы, и выборъ писателей поэтому въ известной мѣрѣ случаенъ. Написаны очерки съ основательнымъ знаніемъ писателей и съ внимательною любовью къ нимъ, изящнымъ языкомъ, съ тонкими психологическими штрихами. Нужно замѣтить, что изящность изложенія иногда переходитъ у г. Айхенвальда въ изысканность и вычурность.

Мы не раздѣляемъ основъ міропониманія г. Айхенвальда, но въ его очеркахъ такъ много чуткости къ красотѣ и правдѣ, такъ много человечности, что онъ самъ нерѣдко пишетъ *стихотворенія въ прозѣ*.

Нѣсколько натянутой кажется намъ „сравнительная характеристика“ Плещеева и Помяловскаго: основаніемъ для нея послужила общая обоимъ писателямъ любовь къ дѣтямъ и къ молодости.

Передъ силуэтомъ каждаго писателя въ книгѣ помѣщенъ его маленькій портретъ. Желаемъ широкаго распространенія этой прекрасной книгѣ.

Левъ Николаевичъ Толстой. Биографія. Томъ I. Съ 29 иллюстраціями. По неизданнымъ матеріаламъ составилъ П. Бирюковъ. Изд. „Посредника“. М., 1906 г. Ц 2 р. Г. Бирюковъ давно и близко знаетъ Л. Н. Толстого, горячій поклонникъ его ученія и располагаетъ драгоценнымъ матеріаломъ для жизнеописанія великаго писателя. Онъ имѣлъ возможность пользоваться письмами и воспоминаніями творца *Войны и Мира*.

Работа затруднялась тѣмъ, что П. И. Бирюковъ былъ въ ссылкѣ за границу за свои религіозно-нравственныя убѣжденія (теперь ему разрѣшено вернуться въ Россію и онъ съѣзжалъ въ Ясную Поляну, чтобы побесѣдовать съ Львомъ Николаевичемъ и прочесть его дневники и переписку). Воспоминанія Толстого о своемъ дѣтствѣ, о своихъ родныхъ и многія частныя его письма появляются въ печати впервые.

Трудъ П. И. Бирюкова разсчитанъ на три тома. Вышедшій заканчивается женитбою Толстого. Въ введеніи къ своимъ воспоминаніямъ-наброскамъ Л. Н. Толстой пишетъ: „...моя биографія, какъ пишутъ обыкновенно биографіи, съ умолчаніемъ о всей гадости и преступности моей жизни, была бы ложь, и если писать биографію, то надо писать всю настоящую правду“.

Матеріаль въ биографіи данъ очень интересный, но, какъ оговаривается самъ г. Бирюковъ, его трудъ является лишь сборникомъ этихъ матеріаловъ.

УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

А. Флеровъ. Дѣтскій другъ Русскій букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму.—А. Коваленская. Разказы и сказки для дѣтей.—А. Астаевъ. Походъ знаменемъ башмака.—Пѣсни горькой доли. Стихотворенія А. Е. Львова.—Павелъ Россіевъ. Стрѣла друга. Сказка.—М. Сабинина. Домстолическій человекъ.—Н. Е. Рамзесичъ. Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ.—П. И. Межеричеръ. Общедоступный курсъ машинностроительнаго черченія съ подготовительнымъ курсомъ начальнаго черченія.—Собраніе всѣхъ формулъ по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Состав. А. А. Козакъ.

А. Флеровъ. Дѣтскій другъ. Русскій букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Изданіе К. Тихомирова. М., 1906 г. Ц. 75 к. Букварь Флерова ничего не прибавляетъ къ массѣ букварей и азбучекъ, обращающихся у насъ на книжномъ рынкѣ, если не считать трехъ таблицъ-картинокъ въ концѣ книжки, безъ подписей, изображающихъ рядъ послѣдовательныхъ сценъ съ вопросомъ: „разскажите, что изображено на этой картинѣ“. Можно сдѣлать замѣчаніе по поводу содержанія первой таблицы; въ ней изображено, какъ мальчикъ играетъ съ собакой, затѣмъ лежитъ въ постели и далѣе въ гробу; послѣднія двѣ картинки изображаютъ собаку, сидящую около могильнаго креста на вѣнѣ, и собаку издохшую и лежащую подъ крестомъ на смятомъ вѣнѣ. Все это неестественно и пошло-сентиментально, дѣтямъ это можетъ нравиться, но опытный педагогъ долженъ сообщать разумныя и здоровыя свѣдѣнія, бодрую мораль, а не слезливыя нравоученія. Точно также не годится и разсказъ, который мы выписываемъ цѣликомъ: „У Пети и Вани шла игра вотъ такъ: они будто овцы, били другъ друга лобъ о лобъ. Игра была плоха: у Вани стала шишка на лбу, а у Пети на глазу“. Приведенъ рисунокъ, изображающій, какъ Ваня и Петя били другъ друга лобъ о лобъ. Разсказъ непедагогиченъ по своему содержанію и изложенъ очень плохо. Непонятно выраженіе „бить другъ друга лобъ о лобъ“, затѣмъ авторъ видимо перепуталъ овецъ съ баранами, наконецъ, *шишка* не можетъ быть *на мазу*, а особенно *стать*“. Въ букварѣ много посредственныхъ рисунковъ, исполненныхъ довольно обычно. Печать сдѣлана неровно, попадаются давленныя буквы, что портитъ изданіе и, при обученіи, развлекаетъ вниманіе дѣтей. Расположеніе матеріала сдѣлано по обычному шаблону принятыхъ у насъ въ школахъ и одобряемыхъ начальствомъ букварей.

А. Коваленская. Разказы и сказки для дѣтей. Съ рисунками А. Кучеренко. М., 1906 г. Ц. 1 р. Писать о дѣтяхъ еще не значитъ писать для дѣтей. Хорошая книжка для дѣтей будетъ съ интересомъ прочитана и взрослымъ читателемъ. Взять хотя бы для примѣра одинъ изъ многихъ разказовъ для дѣтей Д. Н. Мамина-Сибиряка или Вас. И. Немировича-Данченка. О дѣтяхъ же можно писать и только для взрослыхъ, и взрослые съ удовольствіемъ читаютъ такіе разказы,—для примѣра можно указать на рядъ такихъ разказовъ о дѣтяхъ у А. П. Чехова. Для кого же написать г-жей Коваленской огромный томъ почти 250 страницъ большаго формата съ убогой печатью? Этотъ вопросъ является невольно по детальномъ ознакомленіи съ книгой. Прежде эго слогъ г-жи Коваленской слишкомъ тяжелъ и мало понятенъ не только для дѣтей, но и для взрослыхъ. Нерѣдко г-жа Коваленская ѣздается періодами по десятку строкъ съ вводными предложеніями, частіями и дѣспричастіями, т.-е. выражается по-русски такъ, какъ что и никогда не говорить, тогда какъ писатель для дѣтей долженъ

пользоваться короткими законченными предложениями и его слогъ долженъ приближаться къ разговорному языку, дающему сразу опредѣленные конкретные образы. Такой приемъ пользованія русскимъ языкомъ, видимо совершенно незнакомъ г-жѣ Коваленской, и она даже, какъ будто нарочно, избѣгаетъ его, наполняя свою фразу излишними словами, затемняя ее трудными оборотами рѣчи и малоупотребительными выраженіями.

Труднѣе всего читаются дѣтскими разсужденія и описанія. Какъ разъ этими разсужденіями и очень блѣдными, но зато очень длинными, описаніями заполнены подъ рядъ цѣлыя страницы книги. Иногда фабула разсказа начинается черезъ нѣсколько страницъ послѣ заглавія. Разсказу предшествуютъ долгія разглагольствованія съ потугами на добродушіе о томъ, каковы бываютъ старички и старушки и какъ часто случается, что живетъ имъ не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ и т. п. . . . Такія введенія только утомляютъ вниманіе дѣтей, ничего не даютъ ихъ воображенію и нисколько не удовлетворяютъ ихъ любознательности; а если выкинуть всѣ эти разглагольствованія, иногда переходящія въ пустую болтовню, то отъ книги г-жи Коваленской не останется и одной четверти.

Кругъ наблюденій у г-жи Коваленской очень не великъ, поэтому фабула разсказовъ всегда очень обычна, однообразна и незанимательна; иногда же она настолько отличается своей придуманностью, что всякій мало-мальски здоровый ребенокъ, познакомившись съ такимъ разсказомъ, какъ, на примѣръ, „Андрюшка“,—долженъ надолго потерять охоту къ чтенію дѣтскихъ книжекъ. Разсказъ заключается въ томъ, что дядя, подарившій своей внучкѣ большую куклу—мальчика (Андрюшку), шутя, отнялъ ее у внучки; внучка, неестественно нервная и впечатлительная дѣвочка, плачетъ и молитъ дядю не разбивать куклу, а дядя шутитъ и грозитъ разбить (очень умный дядя!). Нечаянно кукла выпадаетъ изъ его рукъ и разбивается, съ дѣвочкой дѣлается истерика, затѣмъ наступаетъ долгая болѣзнь. Кажется, тутъ и долженъ быть конецъ съ правоученіемъ для дѣтей—не пугать и не дразнить дѣтей, но г-жа Коваленская продолжаетъ далѣе.—Какая-то казачка разсказывала немного оправившейся отъ болѣзни дѣвочкѣ былъ про Пугачева съ правоученіемъ изъ Отче Нашъ—„И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“. Это правоученіе такъ поразило дѣвочку, что она только тутъ поняла, что не надо ненавидѣть „должника“—дядю, а надо простить ему разбитую куклу. Она прощаетъ дядю и поэтому выздоравливаетъ, а дядя даритъ ей другую куклу.—Все это настолько выдуманно, настолько болѣзненно неестественно, мораль настолько искусственно „притянута за уши“, что читать дѣтямъ такіе разсказы не должны даже и умные дяди, для забавы отнимающе игрушку у дѣтей.

Поэтому, въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ началѣ нашей рецензій,—для кого написанъ этотъ огромный томъ?—мы можемъ категорически отвѣтить:—ни для кого.

А. Алтаевъ. Подъ знаменемъ Башмака. Крестьянская война въ Германіи. Историческая повѣсть изъ XVI вѣка съ рисунками художника К. Фридберга. Спб., 1906 г. Ц. 50 к. Прекрасная повѣсть г. Алтаева прочтется съ интересомъ не только юнымъ читателемъ, и вѣсакимъ, это въ исторической беллетристикѣ находить возможность познакомиться съ бытовой стороной и настроеніемъ описываемаго момента. Трудно перенестись въ эпоху, отдѣленную отъ насъ нѣсколькими вѣками, тѣмъ болѣе трудно перенестись въ исторію чуждаго намъ на

рода, но такой историческій моментъ, какъ народное возстаніе, всегда имѣеть въ себѣ нѣчто общечеловѣческое, говорящее сердцу каждаго, поэтому сюжетъ, взятый г. Алтаевымъ, очень благодаренъ. Но и помимо этого такой сюжетъ вполне подходитъ къ таланту автора, которому особенно удаются въ его повѣстяхъ для юношества именно героическіе сюжеты. Между тѣмъ трудно представить себѣ героя болѣе идеальнаго и вдохновеннаго, чѣмъ Тома Мюнстеръ, герой крестьянской войны, и его прекрасная, благородная, прямая и пламенная натура живо выступаетъ на общемъ фонѣ народнаго движенія съ неизбѣжными спутниками такого движенія—взрывомъ страстей, ужасами убійствъ, надеждами и разочарованіемъ. Но не одна фигура Мюнстера удачно обрисована въ повѣсти г. Алтаева; довольно живы также и прочія дѣйствующія лица разсказа, причемъ авторъ нигдѣ не прибѣгаетъ къ ненужнымъ патетическимъ приемамъ. Онъ разсказываетъ просто и интересно, почему повѣсть его понятна читателю всякаго возраста. Особенно удачно введена въ разсказъ фигура молоденькой дѣвушки Гретель, лица эпизодическаго и не имѣющаго прямого отношенія къ событіямъ, но тѣмъ не менѣе всѣмъ своимъ нѣжнымъ, неземнымъ обликомъ характеризующаго высшій подъемъ человѣческаго духа, являющійся всегда спутникомъ борьбы за свободу. Книжка издана хорошо и рисунки г. Фридберга исполнены въ общемъ недурно и временами характерно.

Для школы и народа. Пѣсни горькой доли. Стихотворенія А. К. Львова, съ его автобіографіей. Н.-Новгородъ, 1906 г. Ц. 25 к.

„Счастливъ тотъ, кому природою
Страсть глубокая дана,
Кѣмъ владѣть до могилы
Цѣль могучая одна!
Но глубоко тотъ несчастливъ,
Кто желаннаго пути
Ищетъ долго, но не можетъ
Клада этого найти!“

Мы нарочно выписали это коротенькое стихотвореніе г. Львова, потому что оно кажется намъ особенно характернымъ для самого автора и какъ бы ключомъ для всѣхъ прочихъ его стихотвореній. Вся книжка его представляетъ изъ себя одинъ сплошной вопль, вопль, какъ вѣрно характеризуетъ его авторъ, „о горькой долѣ“. Но вопросъ только въ томъ, что же именно вырываетъ изъ его груди этотъ вопль? Мировая ли скорбь, „страсть ли глубокая“, или „цѣль могучая“, владѣющая человѣкомъ до могилы, не осуществившаяся въ жизни? Нѣтъ, тѣсно стали бы мы искать чего-нибудь подобнаго въ „Пѣсняхъ о горькой долѣ“ г. Львова. Пѣсни эти почти всѣ, за немногими исключеніями, посвящены личнымъ житейскимъ невзгодамъ, личнымъ горестямъ, и изъ нихъ ясно вырисовывается обликъ самого поэта, который „желаннаго пути ищетъ долго, но не можетъ клада этого найти“. Впрочемъ, г. Львовъ и не поэтъ совсѣмъ, пишетъ же онъ стихи все по той же причинѣ, что не находитъ собственнаго пути въ жизни, и стихи его не блещутъ художественными красотою. Вы бы даже не стали останавливаться на нихъ, если бы сквозь обликъ поэта средней руки не проглядывалъ въ го стихотвореніяхъ, а также въ его автобіографіи, обликъ хорошаго, уткаго человѣка, ищущаго правды и страдающаго отъ житейской злости, что такъ часто встрѣчается въ жизни.

Павелъ Россіевъ. Стрѣла друга. Сказка. Съ рисунками П. Ф. Ковлева. Изд. В. Спиридонова. Москва, 1905 г. Ц. 15 к. Сказка „Стрѣла друга“ издана изящно на прекрасной бумагѣ съ нѣсколькими

хорошими рисунками. Текстъ ея хотя не отличается оригинальностью, но недурень, и книжка годится, какъ недорогой и довольно изящный подарокъ дѣтямъ. Но зачѣмъ понадобилось автору въ простую дѣтскую сказочку про звѣрей вплетать какую-то неудобопонятную и мизантропическую мораль—непонятно. Что стрѣла друга больнѣе всѣхъ другихъ стрѣлъ,—довольно старая истина, но дѣтямъ младшаго возраста, для которыхъ только и можетъ предназначаться подобная книжка, право, менѣе всего дѣла до такихъ тонкостей.

М. Сабинина. Доисторическій человѣкъ. Изъ жизни природы и человѣка. № 64. Съ 29 рисунками. Издательство О. Н. Поповой. Спб., 1906. Намъ уже приходилось говорить на страницахъ *Русской Мысли* объ обилии у насъ популярной литературы, посвященной доисторическому времени, какъ оригинальной, такъ и переводной. Книга г-жи М. Сабининой не представляетъ изъ себя цѣннаго прибавленія къ уже существующей у насъ литературѣ по первобытной культурѣ. Она написана просто и ясно и обнаруживаетъ знакомство автора со старой научной литературой предмета. Но новыми трудами нѣмецкой журнальной литературы и особенно цѣнной книгой Schurz'a (*Urgeschichte der Kultur*) г-жа Сабинина, повидимому, не пользовалась. Иначе она бы постереглась выставлять преемственную смѣну охотничьяго періода скотоводческимъ и послѣдняго земледѣльческимъ въ качествѣ непреложной и абсолютно справедливой теоріи; она нашла бы также возможнымъ пополнить болѣе содержательнымъ по качеству и обширнымъ по количеству матеріаломъ главу о духовномъ развитіи человѣка, содержащую только 6 страницъ и наполненную слишкомъ элементарными даже и для популярной книжки свѣдѣніями о возникновеніи языка, письма, религиозныхъ и нравственныхъ представлений. За вычетомъ этой главы, почти вся остальная часть книги посвящена описанію памятниковъ матеріальной культуры; это описаніе произведено съ знаніемъ дѣла, но... вѣдь памятники матеріальной культуры уже много разъ и съ неменьшей добросовѣстностью были описаны въ нашей литературѣ и раньше.

Изъ частныхъ недочетовъ укажемъ на въ высшей степени легкомысленную попытку объяснить возникновеніе человѣческихъ обществъ тѣмъ, что первобытный человѣкъ „понялъ (!), что „въ соединеніи—сила“ и сталъ образовывать многолюдныя общества и государства, чтобы успѣшнѣе бороться съ врагами и грозными явленіями природы“ (4 стр.). Объяснять возникновеніе общества сознательной рѣшимостью людей соединяться въ общественные союзы было извинительно для ученыхъ XVIII вѣка, но въ наше время—это уже нѣсколько ахронистично. Также неудачна попытка г-жи Сабининой объяснить возникновеніе нравственныхъ понятій у первобытнаго человѣка тѣмъ, что онъ, „задумываясь надъ своими поступками по отношенію къ ближнимъ“, почувствовалъ, „что есть такія правила, исполненіе которыхъ составляетъ его долгъ или обязанность, иначе совѣсть станетъ упрекать его за дурныя дѣла“. Какъ историкъ, авторъ могъ имѣть много случаевъ убѣдиться, что нравственные понятія у первобытныхъ людей обыкновенно возникаютъ подъ вліяніемъ мотивовъ, нѣ имѣющихъ ничего общаго съ индивидуальнымъ сознаніемъ долга, и обусловливаются фактами не психологическаго, а социальнаго характера.

Общее заключеніе о книгѣ г-жи Сабининой должно быть таково: при настоящемъ состояніи популярной литературы на русскомъ языкѣ по первобытной культурѣ, появленіе этой книги на книжномъ рынкѣ является излишнимъ; но для читателя, интересующагося по преимуществу матеріальной культурой, книга г-жи Сабининой можетъ оказаться поле-

ной въ томъ случаѣ, если онъ не читалъ популярныхъ книжекъ Рагозиной, Карапчевскаго и др. или болѣе обширныхъ научныхъ книгъ (Липпертъ, Тайлоръ, Шурцъ и др.).

Н. К. Рамзевичъ. Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ. С.-Петербургъ, 1905 г. Ц. 2 р. „Настоящій словарь,—говорить въ предисловіи составитель,—предлагается въ качествѣ опыта справочнаго пособия преимущественно при самостоятельныхъ занятіяхъ учениковъ и ежедневному домашнему спѣшному приготовленіи уроковъ по учебникамъ, а также при пользованіи разнаго рода руководствами и книгами ученической библіотеки“. Итакъ, составитель ставитъ себѣ три цѣли: 1) помощь при самостоятельныхъ занятіяхъ, 2) помощь при ежедневномъ домашнемъ приготовленіи уроковъ и 3) помощь при чтеніи книгъ. Вторую изъ указанныхъ цѣлей слѣдуетъ считать прямо неосуществимой: у насъ учебники дороги, на что слышатся постоянныя жалобы родителей учащихся, а потому рассчитывать, чтобы тѣ же родители, издержавъ значительную сумму на учебники, истратили еще два рубля на словарь г. Рамзевича, не представляется никакой возможности. Что касается до 1-ой и 3-ей цѣлей, то онѣ выставлены практично, и г. Рамзевичъ удовлетворилъ этимъ цѣлямъ въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, что даетъ довольно краткія, но ясныя и вразумительныя разъясненія словъ. Особой полнотой однако его словарь похвалиться не можетъ, и мы, напримѣръ, не нашли въ немъ такихъ словъ, какъ *ачкета*, *культура*, которыя такъ часто употребляются въ настоящее время не въ книгахъ только, а и въ газетахъ. Наконецъ, приложенія къ словарю, въ которыхъ помѣщены наиболѣе употребительные или вообще встречающіеся условные знаки, надо признать умѣстными.

П. И. Межеричеръ. Общедоступный курсъ машиностроительнаго черченія съ подготовительнымъ курсомъ начальнаго черченія. Для ремесленныхъ, техническихъ и др. училищъ, курсовъ для мастеровыхъ и рабочихъ и для самообученія. Съ 255 фиг. въ текстѣ. Спб., 1906 г. Изданіе А. Ф. Девріена. Мы имѣли уже случай познакомиться съ г. Межеричеромъ по его „Геометріи“. (См. библ. отд. кн. VIII) И въ этотъ разъ, какъ и въ прошлый, намъ приходится констатировать особенную добросовѣстность, которую проявилъ авторъ означенныхъ двухъ трудовъ. „Настоящая книга содержитъ общедоступно изложенный систематическій курсъ черченія въ объемѣ, необходимомъ и достаточномъ, по моему мнѣнію, для сознательнаго усвоенія этого наиболѣе важнаго для каждаго техника предмета“. Таковы первыя строки предисловія къ „Общедоступному курсу“ г. Межеричера. Намъ кажется нѣсколько ошибочнымъ мнѣніе автора означеннаго труда о значеніи черченія: неужели это предметъ „наиболѣе важный“ для техника? Мы думаемъ, что математика во всемъ ея объемѣ, спеціальныя предметы и т. д., всѣ являются не менѣе важными; можетъ быть, г. Межеричеръ хотѣлъ сказать „одинъ изъ наиболѣе важныхъ?“ Противъ такой постановки этого вопроса мы бы не имѣли никакихъ возраженій.

Въ предисловіи къ своему труду авторъ указываетъ на то обстоятельство, что чертежи должны были быть уменьшены въ размѣрѣ (въ объѣмѣ книги), что, конечно, не должно служить примѣромъ для иныхъ, исполняющихъ эти чертежи. „Учащіеся должны вычерчивать или въ гораздо большемъ масштабѣ, но отнюдь не копируя чертежъ“. (Пред.). Копированіе чертежей является совершенно бесполезной отой, такъ какъ при машиностроительномъ черченіи наиболѣе важной задачей „является самостоятельный расчетъ и конструція детали для

практическихъ цѣлей“... Весьма важно то прибавленіе, которое помѣщено въ концѣ книги: предметный указатель, дѣлающій означенный трудъ годнымъ и для справочнаго употребленія. Изданіе, какъ вообще всѣ изданія Девриена, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Собраніе всѣхъ формулъ по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Необходимое пособіе гимназистамъ и реалистамъ съ III—VIII-й классы и держащимъ конкурсные экзамены въ спеціальныя учебныя заведенія. Составилъ А. А. Козакъ. Спб., 1905 г. Читатель не можетъ не обратить вниманія на широковъщательное заглавіе предлагаемой для отзыва брошюрки: собраніе всѣхъ формулъ, да еще необходимо! Лежащій передъ нами „трудъ“ представляетъ миниатюрное изданіе ($\frac{1}{2}$ листа); нельзя не понять истинной цѣли, заставившей издателя выпустить „трудъ“ именно въ такомъ форматѣ. Сколько педагоговъ и профессоровъ могутъ быть обмануты съ подобнаго рода помощью; сколько молодыхъ людямъ поможетъ „добрый“ издатель такого пособія! Насъ поражаетъ та беззащитность, съ какою выпускаются подобнаго рода пособія. Не говоря уже о томъ, что теперешніе экзамены для поступленія въ спеціальныя учебныя заведенія превратились въ какія-то скачки съ препятствіями, въ которыхъ приходится къ столбу первыми не наиболѣе знающіе, а тѣ, кому повезетъ удачно отвѣтить на хитроумные вопросы, предлагаемые экзаменаторами. До появленія подобнаго рода пособій шли на экзаменъ съ кое-какими знаніями (мы говоримъ о минимумѣ экзаменуемыхъ), теперь же и этихъ знаній не будетъ, такъ какъ ихъ съ успѣхомъ смогутъ замѣнить изданія „Помощи“ и *tutti quanti*! Мало того, изъ этого миниатюрнаго изданія издатель ухитрился сдѣлать для себя рекламу, въ видѣ объявленія новыхъ книгъ, выпускаемыхъ имъ съ той же цѣлью (изъ 64 листиковъ—22 посвящены объявленіямъ)! Мы должны указать еще одинъ вредъ подобнаго рода изданій: Гдѣ можно найти предѣлъ тѣхъ формулъ, которыя необходимы экзаменуемому? По понятію однихъ и то количество формулъ, которое помѣщено въ „Собраніи“, является излишнимъ, другіе же наоборотъ считаютъ эти формулы только частью необходимаго умственнаго багажа. Вообще нужно признать одно: поменьше подобнаго рода „подстрочныхъ“ изданій и побольше знанія у экзаменующагося.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

Изданія „Посредника“: *Наживинъ*. 1) Въ стѣнахъ. 2) Великая истина.—*Рунова*. Павлюкъ.—*Поступаевъ*. Не дошелъ.—*Златовратскій*. Деревенскій король.—*Горбуновъ-Посадовъ*. Въ Христову ночь и др. стихотв.—*Омушкинъ*. Счастливый день Дудкина.—*А. Потанина*. 1) Разказы о борахъ. 2) Дорджи, бурятскій мальчикъ.—*Несчастныя*. Сборн. стихотв. Состав. *Горбуновъ-Посадовъ*.—*А. П.* Какъ жила первые люди и какъ жизнь послѣ измѣнилась.

Изданія „Посредника“: 1) Въ стѣнахъ. Повѣсть И. Наживина. Цѣна 6 к. 2) Павлюкъ. Разказъ О. Руновой. Ц. за обрѣзанный экземпляръ $1\frac{1}{2}$ к., необрѣзанный 1 к. 3) Великая истина. Разказъ И. Наживина. Ц. за обрѣзан. экзем. $1\frac{1}{2}$ к., необрѣз. 1 к. 4) Не дошелъ. Разказъ Ѳ. Поступаева. Ц. $1\frac{1}{2}$ к. и 1 к. 5) Деревенскій король. Разказъ Н. Н. Златовратскаго. Ц. 3 к. и $2\frac{1}{2}$ в. 6) И. Горбуновъ-Посадовъ. Наброски въ стихахъ. Выпускъ I. В Христову ночь и другія стихотворенія. Ц. $1\frac{1}{2}$ к. и 1 к. 7) Счастливый день Дудкина. Разказъ К. Омушкина. Ц. 10 к. 8) А.

Потанина. Разказы о бурятахъ, ихъ вѣрѣ и обычаяхъ. Съ 14 рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 22 к. 9) Ея же. Дорджи, бурятскій мальчикъ. Съ 10 рисунк. Ц. 15 к., въ папкѣ 25 к. 10) Несчастныя. Сборникъ стихотвореній. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. Ц. 5 к., на лучшей бумагѣ 15 к. Москва, 1905 г. Повѣсть И. Наживина „Въ стѣнахъ“ особенно характерна для нашего времени по своей идеѣ, и, написанная живо и художественно, она многое затронетъ въ сердцѣ читателя. Въ ней живописуется современный монастырь съ его формализмомъ и казенщиной, давящей въ своихъ стѣнахъ живую человѣческую душу, стремящуюся къ свѣту и истинѣ. Два героя этой повѣсти: монахи Иванъ и Иона, которыхъ злополучная судьба, не въ примѣръ другимъ монахамъ, надѣлила быстрымъ, пытливымъ умомъ и чуткою отзывчивою натурой, терзаются въ душевныхъ мукахъ, ища выхода изъ разлада, поселеннаго въ нихъ монастырскимъ режимомъ. Болѣе здоровый и молодой Иванъ, наконецъ, находитъ выходъ и бѣжитъ изъ монастыря въ мѣръ, а Иона, успѣвшій уже вкусить мѣрскихъ страстей до поступленія въ монастырь, продолжаетъ безконечно терзаться, пока, наконецъ, не сходитъ съ ума. Однако и тутъ монастырскій режимъ, столь ненавидимый Ионой и погубившій его, все же торжествуетъ и изъ несчастья Ионы извлекаетъ себѣ большую выгоду. Сумасшедшаго Иону онъ поставилъ на пьедесталь блаженнаго, что послужило отличной приманкой для богомольцевъ, не замедлившихъ обогатить доселѣ скромную и бѣдную обитель. Менѣе сильно, но зато тепло написанъ другой разказъ того же автора „Великая истина“, гдѣ передъ читателями проходитъ будничная, но глубокая драма двухъ существъ, положившихъ себя за други своя: молодого доктора и сестры милосердія, вмѣстѣ работавшихъ на эпидеміи, здѣсь же полюбовшихъ другъ друга и здѣсь же разлученныхъ смертью. Разказъ г-жи Руновой „Павлюкъ“ написанъ прекрасно. Авторъ не только владѣетъ хорошимъ и образнымъ языкомъ, но умѣетъ художественно нарисовать во весь ростъ живую фигуру. Герой разказа Павлюкъ—настоящее Божіе дитя со всей чистотой и непосредственностью первобытнаго человѣка—трогательнъ въ высшей степени. Не менѣе удачны и другіе персонажи разказа, изъ которыхъ нѣкоторые прямо типичны.

Не останавливаясь на разказѣ Н. Н. Златовратскаго „Деревенскій король“, за достоинства котораго ручается имя самого автора, переходимъ къ болѣе слабымъ номерамъ изъ лежащихъ передъ нами выпускъ изданія „Посредникъ“. Къ таковымъ слѣдуетъ прежде всего отнести разказъ К. Омушкина „Счастливый день Дудкина“ и разказъ Э. Поступаева „Не дошелъ“. Первый изъ этихъ разказовъ отличается нѣкоторою слащавостью и длиннотами какъ въ описаніи событій, такъ и въ изображеніи дѣйствующихъ лицъ. Второй же хоть и правдоподобенъ по сюжету, но написанъ такъ шаблонно, что, читая его, кажется, что уже много разъ все это гдѣ-то читалъ. Вообще оба разказа не блещутъ художественными достоинствами, что, впрочемъ, отнюдь не отнимаетъ у нихъ права попасть въ школьную или народную бібліотеку. Оба они вѣютъ сюжетомъ вещи, близкія для пониманія простолюдина, притомъ обоимъ лежитъ идея любви къ ближнему. Такія произведенія охотно и безъ пользы читаются малообразованными читателями. Что касается „Разказовъ о бурятахъ“ г-жи Потаниной, то эта книжка кажется намъ менѣе подходящей для такого читателя. Никакихъ „разказовъ“ въ ней собственно и нѣтъ, а есть сухой и обстоятельный, но собою не интересный разказъ автора объ его личныхъ наблюденіяхъ

надъ правами бурятъ. Притомъ наблюдательность автора отнюдь не проникла въ глубь этихъ нравовъ, а ограничивалась довольно скучными предметами вродѣ пищи, одежды и самыхъ вѣшнихъ обычаевъ, благодаря чему вся книжка похожа на какой-то формальный отчетъ, а не на живой образный рассказъ, составляющій необходимое условіе всякой научной популяризаціи. Нѣсколько интереснѣе написанъ рассказъ того же автора „Дорджи—бурятскій мальчикъ“, хотя и тутъ видна неопытность авторской руки и неумѣніе справиться съ матеріаломъ. Наконецъ, въ заключеніе нашей замѣтки скажемъ о двухъ книжкахъ г. И. Горбунова-Посадова—сборникѣ стиховъ изъ разныхъ авторовъ подъ заглавіемъ „Несчастныя“, и его собственномъ сборникѣ стихотвореній „Въ Христову ночь“. Первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ стихотворенія, подобранныя съ опредѣленной тенденціей и посвященныя аполостанной женской долѣ. Пусть составитель съ свойственной ему вообще тенденціозностью искусственно соединяетъ имена и произведенія самыхъ различныхъ по своимъ убѣжденіямъ авторовъ, все же его книжка имѣетъ значеніе, и ее можно рекомендовать въ какія угодно бібліотеки и пожелать ей самаго широкаго распространенія. Подборъ стихотвореній достаточно удаченъ, и передъ читателемъ получится довольно яркая картина вѣковой несправедливости, которая помимо общечеловѣческихъ страданій гнететъ цѣлую половину человѣческаго рода. Наконецъ, что касается до собственныхъ стихотвореній г. И. Горбунова-Посадова, то про нихъ нельзя сказать ничего, кромѣ хорошаго. Правда, авторъ не отличается крупнымъ художественнымъ дарованіемъ, и стихотворенія его не изобилуютъ яркими и сильными образами, но въ нихъ много живого неподдѣльнаго чувства и особенно чувства состраданія ко всему обездоленному и несчастному. Такія книжки полезны.

Изданіе вятскаго товарищества „Народная бібліотека“. А. П. Какъ жили первые люди и какъ жизнь послѣ измѣнилась. № 57. Спб., 1906 г. Ц. 7 к. Разсматриваемая книжка представляетъ изъ себя удачную популяризацію такихъ научныхъ данныхъ, которыя особенно интересны для мало свѣдущаго читателя въ настоящее время пробудившейся мысли. Написанная живо и понятно, она прочтется легко, и ее можно было бы рекомендовать въ народныя и школьныя бібліотеки, если бы шекотливость сюжета не требовала большой осторожности. Дѣло въ томъ, что подобнаго рода популяризаціи касаются самаго большого и самаго серьезнаго вопроса народнаго, а пожалуй, и общечеловѣческаго—это вопроса о религіозныхъ вѣрованіяхъ. Тамъ, гдѣ задѣваются эти вопросы, всегда требуется то или иное рѣшеніе ихъ, а между тѣмъ маленькая популярная брошюрка, конечно, не даетъ точнаго научнаго отвѣта неопытному уму малообразованнаго читателя. Но что она сдѣлаетъ непременно, это заронитъ въ его душу довольно грустную тѣнь сомнѣнія, съ которою трудно справляются и развитые умы, имѣющіе подъ собою основательный научный фундаментъ. Мы отнюдь ничего не имѣемъ противъ распространенія въ народныхъ массахъ достовѣрныхъ истинъ хотя бы знакомство съ ними и шло вразрѣзъ съ традиціями, результатомъ чего всегда является болѣе или менѣе усиленная душевная ломка. Намъ не нравится только тонъ разбираемой брошюры, который кажется намъ неосторожнымъ. Авторъ точно намѣренно желаетъ подчеркнуть всѣ непригодности тѣхъ идеальныхъ вѣрованій въ происхожденіе человѣка какія давала до сего времени религія, и дѣлаетъ это самымъ зазорнымъ образомъ, почему вся книжка его носитъ именно зазорный характеръ. Въ народныхъ изданіяхъ, да еще касающихся важнѣйшей стороны роднаго міросозерцанія, подобный тонъ совершенно неумѣстенъ.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Что читать народу? Критич. указ. книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Т. III.
Сост. при участіи Х. Д. Алчевской.

Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Томъ третій. Состав. при участіи Х. Д. Алчевской и др. Изд. Т—ва И. Д. Сытина. М., 1906 г. Ц. 1 р. 75 коп. Было время, когда выходъ каждаго объемистаго тома трудовъ харьковскихъ учительницъ составлялъ событіе въ педагогическомъ мірѣ. Еще года 4 назадъ учащіе народныхъ школъ много говорили о III томѣ „что читать народу“; его всѣ ждали. Наконецъ, онъ вышелъ. И что же? Его встрѣтило всеобщее равнодушіе. И это въ то время, когда отовсюду несутся требованія хорошаго систематическаго указателя книгъ, вышедшихъ за 2 послѣднихъ года, когда многочисленныя рекомендательныя списки, какъ они ни слабы, какъ ни спѣшно составлены, расходятся въ громадномъ количествѣ и съ неимовѣрной быстротой. Почему же всѣ такъ равнодушны въ III тому „Что читать народу?“

Заглянемъ внутрь этого объемистаго труда, въ которомъ на 32 печатныхъ листахъ даны отзывы о 1,674 книгахъ и который, несмотря на всѣ его хорошія качества съ виѣшней стороны, стоитъ всего 1 руб. 75 к. Минутя обильный, въ 112 книгъ, I духовно-нравственный отдѣлъ, остановимся на II—литературномъ, занимающемъ почти половину тома (624 отзыва). Къ великому изумленію мы встрѣчаемъ здѣсь все старыхъ знакомцевъ 80-хъ годовъ: тѣ же изданія „для дѣтей и народа“ Ключкина, Жарькова, Аскарханова, Сытина, тѣхъ же „Бабушекъ Алень“, „Дѣдушекъ русскаго флота“, „Өомовъ“ и „Өомъ“, „Онуфричей“, „Чернецовъ“, „Пѣсниковъ“, „Петины просьбы“ и т. д. и т. д., тѣхъ же во блаженномъ успеніи Полевыхъ, Кругловыхъ, Козловыхъ, Тютчевыхъ, Лухмановыхъ, Васильевыхъ, Добротворскихъ и пр. и пр., имена ихъ же ты, Господи, всѣи. Да, все покойнички, все ветошь изъ печальной памяти каталоговъ министерства народнаго просвѣщенія. Встрѣчаются, правда, въ видѣ отдѣльныхъ рѣдкихъ блесточекъ и книжки *Донской Рѣчи*, Раппа, но изъ этихъ изданій выбрано только самое скромное. И понятно, здѣсь, гдѣ ото всего пахнетъ елеемъ и ладаномъ, не мѣсто новой боллетристикѣ, которую зачитывается вся борющаяся за новыя начала жизни, вся кровью истекающая Россія; не мѣсто „Молоту“ и „Колоколу“, не мѣсто „Народной волѣ“, Землѣ и волѣ“, „Молодой Россіи“, „Народной мысли“ и великому множеству другихъ имъ подобныхъ изданій послѣднихъ двухъ лѣтъ. Не мѣсто здѣсь и такимъ романамъ, какъ Джованіоли „Спартакъ“, Эрикманъ - Шатриана „Исторія одного крестьянина“, Францоа „Борьба за право“, Ежа „На разсвѣтѣ“, Швейцера „Эмма“, Степняка „Въ 70-хъ годахъ“, сочиненія Франко, Золя, Гауптмана, Поленца, Морриса, Грушецкаго... Да и мало ли еще чему здѣсь нѣтъ мѣста. Даже корифеямъ русской художественной литературы и публицистики и критики—Добролюбову, Писареву, Герцену, эрнышевскому, Лаврову, Михайловскому, Щедрину, Г. Успенскому, ороленку, Чехову, Горькому, Мельшину, Астыреву, Тану, Сѣрошевскому, наконецъ, самому Льву Николаевичу Толстому *) не нашлось

*) О нѣкоторыхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого, вышедшихъ до 80-хъ гг., какъ и сочиненіяхъ Тургенева (далеко не о всѣхъ), Гончарова, Достоевскаго (далеко о всѣхъ), Островскаго, Гоголя, Некрасова (о нѣкоторыхъ только стихотвореніяхъ), Чичина, Пушкина, насколько помнится, были отъемы въ первыхъ двухъ томахъ.

мѣста въ III томѣ „Что читать народу?“ Вообще въ него не вошло одно собраніе сочиненій извѣстныхъ и лучшихъ писателей ни русскихъ ни иностранныхъ, среди которыхъ теперь такъ много стало народныхъ любимцевъ. Даже I и II томы, изданные въ началѣ и концѣ 80-хъ лучше смотрѣли на „дѣтя-народъ“. Книги по исторіи всеобщей и русской литературы и совсѣмъ отсутствуютъ въ каталогѣ.

Указанное отношеніе харьковскихъ педагоговъ къ народной культурѣ въ знаніи царить и въ историческомъ отдѣлѣ. И здѣсь среди авторовъ и обрывковъ въ духѣ и силѣ министерскихъ каталоговъ (при странной классификаціи книгъ) вкраплено съ пятою наиболѣе благомысленныхъ брошюрочекъ *Донской Рѣчи* по русской исторіи да какието чудомъ занесены сюда „Марсельцы“ Гра, „Разказы изъ исторіи Ирландіи“ Быковой и „Ирландія“ Каутскаго. А сколько за эти 2 года вышло прекрасныхъ народныхъ книжекъ по исторіи освободительной борьбы въ Россіи и во всѣхъ другихъ государствахъ. А эти четыри-минерскихъ страстотерпцевъ, жизнь свою за народъ положившихъ? Съ какою благоговѣніемъ, съ какою любовью читаетъ ихъ русскій народъ. Почему же обо всемъ этомъ гг. харьковскіе педагоги-историки хранить упорное молчаніе? Даже изъ извѣстнѣйшихъ сочиненій по всеобщей и русской исторіи и по исторіи культуры они не нашли что порекомендовать тѣтя-народу. Ужели потому, что это все „жупелъ?“ Въдѣ даже министерскій каталогъ позволилъ въ 90-хъ гг. народу читать Липшера.

То же пристрастіе къ старой рухляди, та же свѣтобоязнь чувствуюся и въ V отдѣлѣ „естествознанія“, и въ VI отдѣлѣ „физики, химіи, астрономіи“. За исключеніемъ дозволенныхъ министерскимъ каталогомъ книгъ Лункевича и другихъ дѣтскихъ изданій здѣсь не найдеть ничего—ни по біологіи, ни по геологіи, ни по палеонтологіи, ни по антропологіи, ни по астрономіи. Нѣтъ даже всѣмъ извѣстныхъ „Астрономическихъ вечеровъ“ Клейна, нѣтъ ни Агафонова, ни Поникаго,—нѣтъ ни одного изъ многихъ хорошихъ общедоступныхъ руководствъ по физикѣ и химіи, безъ которыхъ не обходится ни мало-мальски благоустроенная школьная и народная бібліотека.

Въ VII—географическомъ отдѣлѣ тѣтно будете искать такихъ изданныхъ книгъ, какъ Нансена, Дюнео („На крайнемъ сѣв.-вос. Сибирѣ“, Сѣрошевскаго, Тана, Елпатъевскаго, Шрейдера, Ядрияцева, Носова, Андреева, о Сахалинѣ Чехова и Дорошевича, Каразина и многихъ, и другихъ другихъ книгъ по этнографіи и о путешествіяхъ. Даже нѣтъ „Среднеазиатскаго“ Рубакина, „Путешествій по Норвегіи“ Орловскаго. А мѣстѣмъ, за отсутствіемъ соотвѣтствующаго отдѣла сюда слѣдовало бы отнести и книги Мижуева (о Канадѣ и Новой Зеландіи), Уокера, Метена, Юлюса Дюнео, Леруа Болье, Василевскаго („Соврем. Галиція“) и т. д. Выше всего этого и здѣсь найдете только пережитки министерскихъ каталоговъ.

Предоставляя судить объ отдѣлахъ VIII—„сельскаго хозяйства, зоологіи и ремеслъ“, IX—медицины и X—ветеринаріи и животноводства, спеціалистамъ, замѣтимъ только, что по нашему мнѣнію, отзыбы и узаканія, данныя въ III т. „Что читать народу“ людьми компетентными будутъ полезны даже и въ томъ случаѣ, если они не безузориственнѣмъ болѣе, что указателей книгъ этого рода для школьныхъ и народныхъ бібліотекъ за послѣдніе годы не выходило.

Подходимъ къ самому важному отдѣлу—„популярно-юридической литературы“ (XI отд.). Не найдя въ книгѣ другихъ отдѣловъ по волюсамъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ изъ силъ выбивается вся Русь

которыхъ бурлить и рокочетъ все живое въ нашемъ истерзанномъ отечествѣ, изъ-за которыхъ вотъ уже 2 года непрерывно льется кровь православныхъ христіанъ,—надѣмся по старой памяти встрѣтить книжки по этимъ такъ называемымъ общественнымъ вопросамъ здѣсь. Въдѣ вопросы правъ человѣка и гражданина, вопросы переустройства государственнаго и мѣстнаго управленія, земельный вопросъ, рабочій вопросъ, цѣлая область знаній, называемая политической экономіей, великій социальный вопросъ—все это вызвало на свѣтъ за послѣднихъ 2 года громадную литературу. И нѣтъ уголка въ Россіи, гдѣ не читалась бы эта дѣйствительно народная литература, гдѣ съ замираніемъ сердца не стремился бы народъ послушать это новое евангеліе рабочаго класса.., Что же находимъ мы въ отдѣлѣ популярно-юридической литературы? „Объ опекахъ и попечительствахъ по русскимъ законамъ“, „Родители и дѣти по русскимъ законамъ“, „Министерства въ Россіи“, „О томъ какъ защищать себя въ судѣ“, „Исковое прошеніе“, книжки Блинова, Канторовича, Дружинина, Демкова. Все то же, что встрѣчали въ министерскихъ каталогахъ 80-хъ гг., все въ тѣхъ же предѣлахъ старой отжившей и сгнившей казуистики русскаго мѣщанскаго права... И больше ничего. Какъ будто какой-нибудь свазочный шалунъ спрыснулъ составителей „Указателя народной и дѣтской литературы“ въ 1889 г. (тогда былъ изданъ II т. „Что читать народу“) мертвой водой, и они проснулись въ 1906 г. только для того, чтобы издать свой III томъ... Блаженныя люди!

И всетаки... всетаки III т. „Что читать народу“ книга далеко не бесполезная для учащихъ начальныхъ училищъ, руководящихъ чтеніемъ школьниковъ и подростковъ. Въдѣ авгѣи конюшни еще не очищены, и на полкахъ бібліотекъ начальныхъ школъ продолжаетъ ютиться еще болѣе первобытный матеріалъ для чтенія, чѣмъ указываемый г-жею Алчевской и ея сотрудниками. Да, въ бюрократическую русскую школу не скоро еще проникнетъ свѣжій воздухъ, особенно по отношенію къ дѣтской книгѣ. Что же касается взрослыхъ, обслуживаемыхъ школьной бібліотекой, то хорошую книгу, видимо, еще долго суждено будетъ сельскому учителю давать изъ-подъ полы. А изъ того мусора, которымъ будутъ снабжать начальную школу въ ближайшемъ будущемъ господа, стремящіяся уравнять народъ съ дѣтьми, лучше всетаки выбирать болѣе чистое, что и даетъ книга г-жи Алчевской. Особенно же пригодятся сельскому учителю указанія по отдѣламъ прикладныхъ знаній.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1906 г.

- Абрамовъ, И.** Деревенскіе очерки. Спб., 1907 г. Ц. 7 к.
- Агаѳоновъ, В.** Наука и жизнь. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Александровскій, А.** Дома и за границей. Спб., 1906 г. Ц. 50 к.
- Ачадовъ.** Государственная власть и мѣстное самоуправленіе. М., 1907 г. Ц. 10 к.
- Верть, Гуго.** Долой безработицу. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.
- Вѣме, Маргарита.** Дневникъ пашей. Спб., 1906 г. Ц. 70 к.
- Влосъ, Вильгельмъ.** Исторія германской революціи 1848 года. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Вогдановъ, А.** Революція и философія. Спб., 1906 г. Ц. 7 к.
- Вогословскій, С.** Заблѣваемость фабричныхъ рабочихъ. М., 1906 года. Ц. 50 к.
- Вой-Коть.** Пѣсни о четырехъ свободахъ. Спб., 1906 г. Ц. 10 к.
- Вѣлиинскій, В.** Письмо къ Гоголю. Спб., 1905 г. Ц. 10 к.
- Вѣлорѣцкій, Г.** Безъ идеѣ. Спб., 1906 г. Ц. 75 к.
- Вандервельде, Э.** Соціализмъ и земледѣліе. Спб., 1906 г. Ц. 40 к.
- Вандервельде, Э. и Дестрѣ, Ж.** Соціализмъ въ Бельгіи. Спб., 1906 г. Ц. 80 к.
- Витинъ, А. и Жбанковъ, Л.** Всеобщая политическая забастовка. М., 1906 г. Ц. 25 к.
- Воскресенскій, А.** Опытъ философской пропедевтики. Ч. I и II. Орелъ, 1906 г. Ц. 75 к.
- Гаганъ, В.** Какъ устраиваются городскія общественныя работы. Спб., 1906 г. Ц. 70 к.
- Герронъ, Георгъ.** Отъ революціи къ революціи. Спб., 1906 г. Ц. 6 к.
- Граве, О.** Женскій вопросъ. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.
- Григорьевскій, М.** Полипейскій социализмъ въ Россіи. Спб., 1906 года. Ц. 20 к.
- Де-Волланъ, Григорій.** Въ странѣ миллиардовъ и демократіи. Спб., 1907 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Къ русской молодежи. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.
- Дешень, Лоранъ.** Рабочіе синдкаты въ Бельгіи. Спб., 1906 года. Ц. 40 к.
- Ежегодникъ императ. театровъ.** В. XIV. Сезонъ 1903—1904 г. Спб., 1906 г.
- Заборскій, А.** Арифметич. задачи и примѣры. М., 1906 г. Ц. 15 к.
- Замѣтки по очереднымъ вопросамъ железнодорожной политики.** Спб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Ивановъ - Рааумникъ.** Исторія русской общественной мысли. Т. I и II. Спб., 1907 г. Ц. 3 р.
- Теккъ, Г.** Образованіе интернаціонала. М., 1906 г. Ц. 80 к.
- Кальверъ, Рихардъ.** Христіанство и социалдемократія. Спб., 1906 г. Ц. 5 к.
- Каутскій, К.** Этика. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.
- Ковалевскій, М.** Отъ прямого народоправства къ представительному. Т. II. М., 1906 г. Ц. 2 р.
- Косинскій, В.** Къ аграрному вопросу. В. I. Одесса, 1906 г.
- Крачковскій, В.** Афоризмы. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Крестьянскіе наказы Самарской губ. Самара, 1906 г. Ц. 45 к.**
- Кричевскій, Б.** Восьмичасовой рабочий день. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.
- Кулябко-Корецкій, Н.** Философія въ XIX в. М., 1907 г. Ц. 75 к.

- Лабула, Э.** Принцъ-собачка. М., 1907 г. Ц. 50 к.
- Лавровъ, П.** Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. Спб., 1906 г. Ц. 40 к.
- Леманъ, А.** Теорія бильярдной игры. Спб., 1907 г. Ц. 2 р.
- Любомудровъ, И.** Введеніе въ науку о справедливости Герберта Спенсера. Ковровъ, 1906 г. Ц. 15 к.
- Марксъ, Карлъ.** Теорія прибавочной стоимости. Спб., 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Мережковский, Д.** Юліанъ. Ц. 2 р. — Христосъ и антихристъ. Спб., 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Мерингъ, Ф.** Исторія Германской социаль-демократіи. М., 1907 г. Цѣна 1 р. 25 к.
- Метерлингъ, Г.** Соч. Т. I. Спб., 1906 г. Ц. 2 р.
- Могиланскій, П.** Интернаціоналъ. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.
- Мошинъ, А.** Гашинъ. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Николаевъ, Ю.** Запросы мысли. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Озеровъ, И.** Что должны имѣть въ виду рабочіе. Ц. 5 к.
- Страхование трудящихся. Ц. 5 к.
- Фабричные комитеты. Ц. 10 к.
- Земельный вопросъ въ Россіи. Ц. 25 к.
- Финансовая реформа въ Россіи. М., 1906 г. Ц. 50 к.
- Олейникъ, И.** Какъ рѣшить аграрный вопросъ? М., 1906 г. Ц. 20 к.
- Перри, Дж.** Враждующій волчокъ. Одесса, 1906 г. Ц. 60 к.
- Петрищевъ, А.** Триста лѣтъ. 1606—1906 гг. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.
- Петровъ, А.** Воспитаніе націи. Владивост., 1906 г.
- Плехановъ, Г.** Генрикъ Ибсенъ. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.
- Къ вопросу о революціонной тактикѣ. Спб., 1906 г. Ц. 6 к.
- Поярковъ, Н.** Солнечныя пѣсни. М., 1906 г. Ц. 60 к.
- Пренебреженіе танцами въ Россіи. — О живяности и реальности танцевъ. М., 1907 г. Ц. 20 к.
- Ренанъ, Э.** Калибанъ. М., 1906 г. Ц. 40 к.
- Рожковъ, Н.** Какъ произошло и какъ развилось самодержавіе въ Россіи. Спб., 1907 г. Ц. 6 к.
- Розановъ, В.** Легенда о великомъ инквизиторѣ. Спб., 1906 года. Цѣна 1 р. 50 к.
- Россолимо, Г.** Планъ изслѣдованія дѣтской души. —/Врачъ и больной. М., 1906 г. Ц. 20 к.
- Салюччи, А.** Теорія стачки. Спб., 1906 г. Ц. 40 к.
- Сборникъ Т-ва „Знаніе“. Кн. XII. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Трачевскій, А.** Учебникъ новой исторіи. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Тылова, К.** Валдушкинъ. Спб., 1906 г. Ц. 40 к.
- Флеровъ, А.** Дѣтскій другъ—букварь. М., 1906 г. Ц. 15 к.
- Первая послѣ буквара книга. М., 1906 г. Ц. 35 к.
- Фриче, В.** Художественная литература и капитализмъ. Спб., 1906 г. Ц. 50 к.
- Хижняковъ, Е.** Прізванія и тѣни. Ахтырка, 1904 г.
- Шатуновскій, С.** Непрерывность и ирраціональныя числа. Одесса, 1906 г. Ц. 40 к.
- Щаповъ, А.** Сочин. Спб., 1906 года. Ц. 3 р.
- Эльцбахеръ, П.** Сущность анархизма. Спб., 1906 г. Ц. 75 к.
- Якимовъ, В.** Morituri. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: *А. П. Александровскій.* Дома и за границей. Рассказы.—*Е. Владимірова.* Изъ женской жизни. Повѣсти и рассказы.—*Алекотъ Мошинъ.* Штрихи и настроенія.—*Яльмаръ Беристрёмъ,* Льюггоръ и К^о. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Перев. *Ганзенъ.*—*Дэюваніоли.* Спартакъ. Романъ изъ римской жизни. Изд. 3-е. Поповой.—*Сергій Обуховъ.* Не въ моготу. Рассказъ.—*К. Балмонинъ.* Стихотворенія. (Дешевая бібліотека Т—ва „Знаніе“) — *Федоръ Сологубъ.* Роднѣ. Стихи. Кн. пятая.—*Г. Гамма.* Предразсвѣтныя пѣсни.—*Амарі.* Стихотворенія 291

Критика, публицистика: Въ каменномъ мѣшкѣ. Надгробное слово. Воспоминанія политическаго каторжанна.—*А. Д. Стопневичъ.* Процессъ 193-хъ.—*В. И. Покровский.* Жены декабристовъ.—*Л. Вересоев.* Подвиги русской женщины.—Жизнь лейтенанта Шмидта.—*С. П. М—инъ.* Дѣло М. А. Спирдоновой.—*В. Владиміровъ.* Марія Спирдонова.—*И. К. Колцовъ.* Памяти павшихъ.—*Е. К. Ножинъ.* Правда о Портъ-Артурѣ.—*Ларенко.* Страдные дни Портъ-Артура.—*Веревкинъ.* Страничка изъ дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Артура.—*Купчинскій.* Въ японской невожѣ.—*Н. В. Баженовъ.* Психологія казнимыхъ.—*Г. Пягановъ.* Генрикъ Ибсенъ.—*Р. Трейманъ.* Тирано-борцы.—*Проф. Ив. Озеровъ.* Земское обложеніе и въ чемъ должна состоять его реформа.—*И. П. Бьлюконскій.* Отъ деревни до парламента. Роль земства въ будущемъ строѣ Россіи.—Городскія учрежденія Москвы, основанныя на пожертвованія и капиталы, пожертвованные московск. город. общ. управленію въ теченіе 1863—1904 гг.—*М. П. Щенкинъ.* Общественное самоуправленіе въ Москвѣ. Проектъ Городового Положенія. 300

Философія, педагогика: *Куно Фишеръ.* Исторія новой философіи.—*Г. З. Метафизика* хѣнства.—*Ем. Стратоновъ.* Настоящее состояніе средней школы и средства ея возрожденія. 309

Исторія литературы, біографіи: *Ю. Айхенвальдъ.* Силуэты русскихъ писателей. Вып. I.—Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Т. I. Сост. *П. Буриковъ.* 312

Учебники, пособія, книги для дѣтей: *А. Флеровъ.* Русскій букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму.—*А. Ковалевская.* Рассказы и сказки для дѣтей.—*А. Алтаевъ.* Подъ знаменемъ башмака.—Пѣсни горькой доли. Стихотворенія. *А. Е. Львова.*—*Павелъ Россеевъ.* Стрѣла друга. Сказка.—*М. Савинина.* Догсторическій человекъ.—*Н. К. Рамезинъ.* Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ.—*П. И. Межеричеръ.* Общедоступный курсъ машиностроительнаго черченія съ подготовительнымъ курсомъ начальнаго черченія.—Собраніе всѣхъ формулъ по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Состав. *А. А. Кожахъ.* 313

Книги для народа: Изданія „Посредника“: *Наживинъ.* 1) Въ стѣнахъ. 2) Великая истина.—*Рунова.* Павлюкъ.—*Поступаевъ.* Не дошелъ.—*Златотаратскій.* Деревенскій король.—*Горбуновъ-Посадовъ.* Въ Христову ночь и др. стихотв.—*Фоминкинъ.* Счастливый день Дудкина.—*А. Потанина.* 1) Рассказы о бурятахъ. 2) Дорджи, бурятскій мальчикъ.—Несчастныя. Сборникъ стихотв. Состав. *Горбуновъ-Посадовъ.*—*А. П.* Какъ жили первые люди и какъ жизнь послѣ измѣнилась. 316

Справочныя книги: Что читать народу? Критич. указат. книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Т. III. Сост. при участіи *Х. Д. Алчевской.* . . . 321

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль»
съ 1 октября по 1 ноября 1906 г.

Открыта подписка на 1907 годъ

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

XXXIX г.

ЮНАЯ РОССІЯ

XXXIX г.

(ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.)

Въ годъ 4 р. 50 к. безъ пересылки, 5 р. съ пересылкой.

Особымъ отдѣломъ ученаго комитета мин. народн. проsv. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ учебныя бібліотеки среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Журналъ „Дѣтское Чтеніе“ переимѣнилъ съ 1906 г. свое названіе и будетъ впредь издаваться подъ названіемъ Юная Россія. Все остальное въ журналѣ безъ всякой переимѣны—одно только названіе новое.

Каждая эпоха въ исторической жизни народа, разрѣшая навѣршившія жизненныя задачи, тѣмъ самымъ открываетъ народу путь къ высшимъ ступенямъ духовнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что истинное просвѣщеніе и школьное образованіе въ частности могутъ послужить самымъ лучшимъ рычагомъ къ скорѣйшему подъему духовнаго развитія всего народа, особенно же подрастающаго поколѣнія. Школа и книга могутъ внести въ жизненный обиходъ соответствующія данной эпохѣ новыя жизненныя понятія, мысли, чувства, стремленія, идеалы. Общественный подъемъ и начатыя правительствомъ реформы нашихъ дней настойчиво требуютъ отъ книги и школы насажденія и культивированія въ народѣ и юношествѣ гражданственности, соотвѣтственно *правовой жизни* народа. Журналы „Юная Россія“ („Дѣтское Чтеніе“) и „Педагогическій Листокъ“, служа вѣковѣчнымъ задачамъ воспитанія и обученія, всегда отличались—въ мѣру возможности—и на текуція злобы дня и выдающіяся событія въ жизни русской и всемірной. Въ настоящее же время „Юная Россія“ („Дѣтское Чтеніе“) и „Педагогическій Листокъ“ съ особенною настойчивостью будутъ развивать въ своихъ читателяхъ тѣ разумныя и добрыя мысли и чувства, которыя наиболѣе способны воспитать въ человѣкѣ свободнаго гражданина-дѣятеля на благо родной страны.

Въ 1907 г. журналъ „Юная Россія“ („Дѣтское Чтеніе“) дастъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ и проч.

Бесплатныя приложенія: I. Народныя поэты—Кольцовъ, Никитинъ и Шевченко. Сборникъ стихотвореній для семьи и школы. II. Старшіе братья въ семьяхъ народовъ. Черки современной культуры передовыхъ странъ, Я. А. Берлина. 1. Городъ-великанъ и его чудеса. 2. Успѣхи знанія. 3. Царица міра — машина (промышленный трій). 4. Среди труженниковъ (соціальный вопросъ). 5. Государственная жизнь. Чашиа лучшаго будущаго. Примѣчаніе. Въ текстѣ журнала отныя очеркамъ дуть предпосланы двѣ статьи—„Изъ общественнаго и государственнаго строя современныхъ передовыхъ странъ“: 1. Исторія труда (въ связи съ исторіей собственности); Исторія политической власти. III. Серія разсказовъ Е. Н. Опочинина: 1. Праздничное богомолье воеводы (Рождественская легенда). 2. Вѣдьячокъ. 3. Въ прощенье дни. 4. Непутевый.

Подписная цѣна: на „Юная Россія“.
 Безъ доставки на годъ . . . 4 р. 50 к.
 Съ доставк. и перес. на годъ 5 „ — „

Подписная цѣна: на „Юная Россія“ съ
 „Педагогическимъ Листкомъ“ (8 экз.).
 Безъ доставки на годъ 5 р.
 Съ доставк. и перес. на годъ . . 6 „

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ редакціи: Москва, Б. Молчановка, д. № 24. Д. И. Тихомирова, и у книгопродавцевъ. Книгопродавцамъ уступка 5%.

Плата за объявленія въ журналѣ „Юная Россія“ за цѣлую страницу 40 р., за пол-страницы 20 р.

Оставшіеся комплекты журнала „Дѣтское Чтеніе“ за прежніе годы съ 1897—1904 гг. по 4 р. безъ пересылки.

Постановленіемъ международной экспертной комиссіи на всемірной выставкѣ 1905 г. въ Люттихѣ (Льежѣ) присуждена редактору журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“ Д. И. Тихомирову за названные журналы и другія педагогическія изданія золотая медаль. Кроме того, при выставкѣ „Дѣтскій Миръ“ въ Петербургѣ 1904 г. присуждена Д. И. Тихомирову „за изданіе журнала „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“, за изданіе цѣлаго ряда прекрасныхъ книгъ и за составленіе многочисленныхъ весьма полезныхъ руководствъ для низшихъ училищъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“ золотая медаль. Литературно-педагогическіе труды Д. И. Тихомирова удостоены слѣдующихъ наградъ: золотыхъ медалей отъ петербургскаго и московскаго комитетовъ грамотности; почетнаго отзыва отъ съѣзда дѣятелей по технич. и профессиональному образованію; золотой медали отъ всемірной выставки въ Парижѣ 1900 г.; почетнаго диплома отъ международной выставки въ Парижѣ 1904 г.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

1 р. 75 к.
 безъ перес.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ
 НА ЖУРНАЛЪ

2 съ пе-
 р. рesy-
 кой.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

Тридцать девятый годъ изданія.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено къ выпискѣ, по пред-варительной подпискѣ, для учительскихъ библиотекъ и бесплатныхъ народ-ныхъ читаленъ.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ печатаются статьи по вопросамъ домашняго воспитанія, элементарнаго обученія въ школахъ и дома, статьи по психологіи, фивіологіи, педагогикѣ, исторіи педагогическихъ ученій, по дидактикѣ и методикѣ обученія, по исторіи школьнаго образованія, по гигиенѣ домашней и школьной, образно-вые уроки по предметамъ школьнаго курса, дѣтскія игры и полезныя занятія, статьи о народномъ образованіи, біографіи педагоговъ, общественныхъ дѣятелей по народному образованію и другихъ лицъ, могущихъ послужить по своему характеру, силѣ воли и живедѣтельности поучительнымъ примѣромъ для воспитателя и учителя, статьи по законовѣдѣнію, обществовѣдѣнію, философіи, математикѣ, стихотворенію, очерки по литературѣ, по искусству, общей географіи и другія общенаучныя статьи. Периодическій указатель дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое изложеніе и разборъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей, учебныхъ руководствъ и нособій для родителей, воспитателей и учителей.

Въ журналѣ ведется постоянный отдѣлъ хроники школьной жизни и обзоръ жур-наловъ.

Подписная цѣна.

Безъ доставки на годъ	1 руб. 75 коп.
Съ доставкой и пересылкой въ годъ	2 „ — „
Съ доставкой и пересылкой на 1/2	1 „ — „
„Педагогическій Листокъ“ вмѣстѣ съ „Юной Россіей“ на годъ	6 „ — „

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:

Москва, Большая Молчановка, д. № 24, Дм. Ив. Тихомирова.

Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книгопродавцамъ уступка 5%.

Въ конторѣ нѣются въ продажѣ оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“ за прѣкніе годы: 1894, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903. 1905 гг. Цѣна „Дѣтскаго Чтенія“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ по 5 руб. за годъ безъ пересылки. „Дѣтское Чтеніе“ безъ „Педагогическаго Листка“ 4 руб. „Педагогическій Листокъ“ безъ „Дѣтскаго Чтенія“ 1 руб. 50 коп. безъ пересылки.

За 1904 г. „Педагогическій Листокъ“ разошелся безъ остатка.

Плата за объявленія въ журналѣ „Педагогическій Листокъ“:

за страницу	40 руб.
„ 1/2 страницы	20 „

При журналѣ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ книжный складъ Д. И. Тихомирова: 1) Библиотека для семьи и школы. 2) Учительская библиотека.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.**

Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

1096 годъ. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ Годъ XVII.

„Вопросы Философіи и Психологіи“.

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

НА 1907 ГОДЪ.

Вышла IV (сентябрь—октябрь) книга 1906 года.

ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ: Эдуардъ фонъ-Гартманъ. П. В. Тихомирова. (*Окончаніе*).—Политика и культура. О. Мотларевскаго.—Свобода и безсмертіе. Къ годовщинѣ смерти кн. С. Н. Трубецкаго. Мн. Евгенія Трубецкаго.—Нѣкоторыя уклошенія въ психологію освободительнаго движенія. М. Шайневича.—Кривая современнаго правосознанія. Н. Новгородцева.—Психологія нашихъ праведниковъ. В. Ф. Чина.—Критика и бібліографія. Полемика: Нѣсколько замѣчаній по поводу рецензіи проф. Л. М. Дюпатина. Н. Виноградова.—Объявленія.—П. Я Чаадаевъ. Философическія письма.—Апологія сумасшедшаго. Перев. подъ редакціей М. О. Гершензона.

Журналъ выходитъ ПЯТЬ разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: На годъ (съ 1 января 1907 г. по 1 января 1908 г.) безъ ставки 6 руб., съ доставкой въ Москву—8 руб. 50 коп., съ пересылкой въ другіе города—7 руб., за границу—8 руб.

Ищіяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб.

ПОДПИСКА на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала, непосредственно или письменно.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала: Москва, Б. Никитская, Б. Чернышевскій пер., д. 9, кв. 5, и книжныхъ магазинахъ: Новаго времени, Карбасникова, Вольфа, Оглобина, Башмакова и другихъ.

Редакторъ **Л. М. Дюпатинъ.**

XXXVIII г. изд. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ XXXVIII г. изд.

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

4 р. 50 к.
безъ пере-
сылки.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

(„ЮНАЯ РОССІЯ“).

5 руб.
съ пере-
сылкой.

Вышла ноябрьская книга журнала „Юная Россія“ („Дѣтское Чтеніе“) за 1906 г.

Содержаніе: I. Погибельный Кавказъ. Изъ дѣтнихъ рассказовъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка. II. Вольга. Стихотвореніе. Н. Бальмонта. III. Служители правды. Повѣсть. Ивана Шмелева. Съ рисунками Н. М. Живаго. IV. Племянница полковника. Съ англійскаго. Мн. М. Т. У. Осенній дождь. Стихотвореніе. Анатолія Доброхотова. VI. Ребенка изъ Сенибрука. Повѣсть. Съ англійскаго. Е. А. Манадановой. VII. Рыжая голова. Рассказъ. Дж. Белли. Съ англійскаго. Р. Рубиновой. VIII. Прачка дѣвчонка. Съ рисунками. Евгенія Яхонтова. IX. Святель. Стихотвореніе. Семена Рыбалина. X. Сумерки Возрожденія. Историческая повѣсть. Ал. Алтаева. Съ рисунками Е. Е. Гаряна. XI. Чабанъ Бодро. А. А. Чеглака. XII. Черкесы. (Сводъ кабардинскихъ сказаній.) В. Гатцуна. XIII. Изъ исторій одного натуралиста. Проф. А. М. Никельскаго. Съ рисунками. XIV. Какъ животныя защищаются отъ враговъ. Н. А. Сиворцова. Съ рисунками.

При этой книгѣ разсылаются всѣмъ подписчикамъ двѣ книжки бесплатныхъ иллюстрированныхъ приложений: I) Берлинъ, Я. А. Меньшіе братья въ семьѣ народовъ.— Очеркъ шестнадцатый. Мирныя сношенія. II) Г. Х. Андерсенъ. Три сказки. Переводъ съ датскаго. Е. Владиміровой.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

1 р. 75 к.
безъ пере-
сеса.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

2 р.
съ пере-
сеса.

НА ЖУРНАЛЪ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Вышла ноябрьская книга „Педагогическаго Листка“ за 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Что значитъ развивать умъ ребенка? П. Перлова. II. Моя жизнь. Записки. Н. Ф. Бунакова. III. Дѣтели освобожденія. К. Ф. Рыльцевъ. Н. Я. Абрамовича. IV. Первый всероссійскій съездъ по педагогической психологій и кратковременные педологическіе курсы при немъ. Е. Мечниновой. V. Повсюду истины. Стихотвореніе. Изъ Э. Верарена. Е. Мечниновой. VI. Среди книгъ и журналовъ (Русская Школа). Д. Л. В—скаго. VII. Памяти Николая Ивановича Пирогова. Д. Л. Волковскаго. VIII. Л. Е. Оболенскій. Некрологъ. Д. Л. В—скаго. IX. Наша школа. Н. А. Сиворцова. X. По поводу одной рецензіи. Я. Берлина. XI. Библиографія. Справочная книга учительскихъ обществъ взаимопомощи. Д. В. Полный сборникъ платформъ всѣхъ русскихъ партій. Д. Л. В—скаго. Флеровъ. Указатель по вопросамъ воспитанія и обученія. Д. Л. В—скаго. Кованько. П. А. Педагогическій авторитетъ. В. В. О. Крижъ. Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. М. Справочныя изданія по вышкскому образованію, составленныя г. Фальборкомъ и В. Чернолускимъ. В. Аф. Петричевъ. Замятки учителя В. XII. Списокъ книгъ, поступившихъ для отзыва. XIII. Приложение. Какъ постепенно вошли люди до настоящей арифметики. Общедоступные очерки для любителей арифметики. Листы шестой и седьмой. В. Беллестина.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Молчановка, д. № 24, Д. И. Тихомирова.

Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

При журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ книжный складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библиотека для семьи и школы; 2) Учительская библиотека.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

XIV-й годъ изданія.

Открыта подписка

НА

1907 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕДОСТУПНУЮ

ГАЗЕТУ

Сибирская Жизнь

издаваемую въ г. Томскѣ.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней всенародныхъ праздниковъ.

„Сибирская Жизнь“ отстаиваетъ и защищаетъ начала конституціоннаго государства, полную гражданскую и политическую свободу, народное представительство на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, широкое самоуправленіе земствъ и городовъ. Въ экономической области газета защищаетъ интересы трудящихся классовъ народа—крестьянъ, рабочихъ и вообще всѣхъ, живущихъ личнымъ трудомъ, и съ этой точки зрѣнія даетъ разрѣшеніе вопросамъ земельного устройства, рабочаго законодательства, обложенія налогами и проч.

Съ особой тщательностью редакция будетъ знакомить читателей съ нуждами и интересами Сибири, сообщая факты ея повседневной жизни и давая имъ possible освѣщеніе.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. В. Адриановъ, С. И. Азербломъ, Д. В. Алексѣевъ, Г. В. Бантовъ, М. Р. Бейлинъ, прив.-доц. М. И. Боголюбковъ, прав. доц. П. В. Бутягинъ, М. Г. Васильева, Г. А. Ваткинъ, Ю. О. Горбатовскій, А. Д. Журавлева, проф. Е. Л. Зубашевъ, М. С. Кларнъ (псевдонимъ), А. Б. Ключевъ, А. И. Макушинъ, проф. І. А. Малиновскій, проф. І. В. Махайловскій, прив.-доц. Н. Я. Новомбергскій, проф. В. А. Обручевъ, Николай Стенякъ (псевдонимъ), Г. Н. Потанинъ, проф. Н. Н. Розанъ, проф. В. В. Сапожниковъ, проф. М. Н. Соболевъ, проф. В. А. Уланцкій, С. Д. Чаховъ, В. К. Штильке и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ	На 9 мѣс.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Томскѣ или пересылк. въ гор. Россіи	5 р.	4 р.	3 р. — „	1 р. 50 к.	— 50 „ к.
За границу	9 р.	7 р.	5 р. — „	3 р. — „	1 р. — „

Новые годовые подписчики, подписавшіеся въ конторѣ газеты до 1 декабря, получаютъ газету до конца года безплатно.

За печатаніе въ „Сибирской Жизни“ объявленій взымается плата: впереди текста за строку пята—20 коп., позади текста—10 коп. За разсылку объявленій при газетѣ въсомъ не болѣе лота 7 руб. за 1,000 экземпляровъ.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ газеты (уголъ Дворянской улицы Ямского пер., собств. д.) и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина въ Томскѣ.

Иногородніе адресуютъ свои требованія въ г. Томскѣ, въ контору газеты „Сибирская Жизнь“.

Редакторы-надатели: І. Малиновскій и М. Соболевъ.

«Библиотека Освободительной Борьбы».

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (Л. Мельшинъ).

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ.

Весь чистый сборъ отъ изданія поступитъ въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2.

М. ФРОЛЕНКО.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

№ 3.

ВЪРА ФИГНЕРЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Цѣна 20 коп.

Складъ изданій: 1) въ редакціи журнала „Былое“, Знаменская, 19; 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46; 3) въ книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“, Лыговская ул., д. № 44; 4) въ книжн. маг. „Наша Жизнь“, Невскій, 19; 5) въ книжн. маг. „Трудъ“, Невскій, 60.

№ 4.

НИКОЛАИ МОРОЗОВЪ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ.

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЯ И ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены: Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина; Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я. А. Чахрова, и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Парамонова. Складъ—Лыговская ул., д. № 44.

Контора журнала „Русская Мысль“

(Москва, Воздвиженка, Валаньковский пер., д. Куманина)

принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) для помѣщенія объявленія въ известной книгѣ таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экземпляровъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лота вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 12 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналъ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

LA REVUE

(ancienne „REVUE DES REVUES“)

la plus répandue et la plus importante parmi les grandes revues françaises et étrangères, nouvelle série agrandie sur papier de luxe, articles rigoureusement inédits de premier ordre, collaborateurs les plus illustres, analyse des revues les plus importantes du monde entier, etc., etc., paraît le 1er et le 15 de chaque mois.

Etranger, 11 Rb. ou 28 fr. par an—16 fr. ou 6 Rb. pour 6 mois.

Les nouveaux abonnés pour 1907 recevront gratuitement, en outre des N-os de Novembre et Décembre 1906, 3 magnifiques gravures choisies parmi les chefs-d'œuvre du Musée du Louvre, sur papier de Chine, ou autres primes gratuites à leur choix.

On s'abonne soit du 1er janvier ou du 1er de chaque mois.

Spécimen gratuit sur demande

Paris, 12, Avenue de l'Opéra.

Directeur: Jean Finot.

Отъ Самарскаго Комитета общественной помощи лодающимъ Самарской губерніи.

Въ г. Самарѣ организованъ Комитетъ общественной помощи голодающимъ какъ мѣстный отдѣлъ центральнаго Московскаго и Петербургскаго Комитета. Главѣ послѣднихъ стоятъ Всероссійское Пироговское Московское сельско-хозяйственное и Петербургское вольно-экономическое общества, широко популярныя общей своею дѣятельности и работающія по борьбѣ съ голодомъ уже въ теченіе ряда лѣтъ. По мѣстнымъ условіямъ Самарскій Комитетъ возобновляетъ дѣятельность Самарскаго частнаго кружка по оказанію помощи голодающимъ, существовавшаго въ 1898—1899 году.

Размѣры наступившаго голода далеко оставляютъ за собою всѣ предыдущія голодовки. Уже съ августа мѣсяца наблюдается недоѣданіе крестьянскаго населенія во многихъ мѣстахъ: ѣдятъ черезъ день, ѣдятъ по очереди, принимаютъ спеціальныя „лежанія“, какъ средство утоленія голода, ѣдятъ хлѣбъ съ лебедой, съ жидкимъ супомъ. Положеніе голодающаго населенія ужасно—и съ каждымъ днемъ по мѣрѣ приближенія суровой зимы оно будетъ ухудшаться. Оно тѣмъ болѣе ужасно, что уже въ началѣ борьбы съ настоящимъ голодомъ исключительныя вслѣдствіе переживаемыхъ общими событій. Средства помощи въ настоящую голодовку также до крайности недостаточны. Все это вмѣстѣ взятое должно вызвать на помощь голодающимъ самыя скорыя общественныя слои населенія. Дорога каждая копейка, ибо за 1 руб. 50 коп. можно прокормить голодающаго въ теченіе мѣсяца. Самарскій Комитетъ общественной помощи голодающимъ и призываетъ къ самымъ широкимъ общественнымъ слогамъ о помощи.

Граждане! Отбросьте всѣ соображенія, думы и размышленія. Прислушайтесь только къ голосу сердца—и помните объ одномъ—вашихъ братьямъ и сестрамъ грозятъ душевныя и физическія муки, болѣзнь и смерть отъ голода и вамъ скорѣе всего повелительно скажетъ: придите на помощь голодающимъ!

Помощь будетъ цѣнна, въ какой бы мѣрѣ и какой бы формѣ она ни была.

Пожертвованія деньгами, пищевыми продуктами, платьемъ просить напрямикъ по адресу: г. Самара, губернская земская управа, кассаченъ Комитета общественной помощи голодающимъ В. К. Ромодановскому.

Бюро проситъ редакціи газетъ перепечатать настоящее воззваніе и отпечатать подписку въ пользу голодающихъ Самарской губерніи.

Бюро комитета: г-жи Е. А. Бузкова, О. Б. Котельникова, Н. А. Хардина, г. Н. Е. Гладышъ, М. М. Гранъ, А. Г. Кражинскій, П. П. Крыловъ, В. К. Ромодановскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1907 г.

Съ 1907 г. „Русская Мысль“ будетъ выходить подъ общимъ редакторствомъ **А. А. Кизеветтера** и **П. Б. Струве** съ усиленнымъ составомъ сотрудниковъ по всѣмъ отдѣламъ.

Допускается разсрочка по третямъ года: 3 руб. при подпискѣ, 3 р. въ апрѣлѣ, 2 р. въ августѣ.

Безъ доставки въ С.-Петербургъ—7 руб. Учащіеся могутъ выплачивать по 1 руб. въ мѣсяцъ.

Подписка принимается, кромѣ главной конторы въ С.-Петербургѣ (Разъѣзжая, 7), во всѣхъ магазинахъ. Магазины пользуются 5% скидкой съ годовой и полугодовой подписки.

Разсрочка черезъ магазины не принимается.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова.

Редакторъ **Ф. Д. Батюшковъ.**

По состоявшемуся соглашенію между издателями журналовъ

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

И

МІРЪ БОЖІЙ

всѣмъ подписчикамъ журнала «Міръ Божій» будутъ высылаться книжки «Современнаго Міра» до конца года или на все время приостановки журнала «Міръ Божій».

Издательница Л. Э. Ватсонъ.

Редакторъ **А. И. Богдановичъ.**

Контора журнала „Русская Мысль“

(Москва, Воздвиженка, Валамьковский пер., д. Куманина)

принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ такое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экземпляровъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣляется уступка.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

КНИГА XII

МОСКВА.

1906.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. х.
Москва—1906.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
ПАМЯТИ В. А. ГОЛЬЦЕВА.	
I. ВАХМИСТРЪ. Разказъ. ЖУЛИБЪ. Очеркъ.—Ивана Шмелева.	1
II. ЛЕГБАЯ СМЕРТЬ. Васкля Загаевича.—Перев. съ малорускаго Н. Н.	30
III. САФАРЪ. Разказъ.—В. Н. Иваненна.	34
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. Ш.	53
V. ТАБЪ ПРОСТО...—О. Н. Хрѣнниновой.	55
VI. ВОСПОМИНАНІЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ТЮРЕМНОЙ ШКОЛЫ.—Л. К.	67
VII. РОМАНЪ ВЪ МАСТЕРСКОЙ. Авраама Кагана.—Перев. съ англійскаго В. А. Кошевичъ.	115
VIII. ПАМЯТИ В. А. ГОЛЬЦЕВА. Стихотвореніе.—Анатолія Доброхотова.	125
IX. ИЗЪ ДЕКАБРЬСКИХЪ ДНЕЙ. Эпизодъ изъ московскаго возстанія.—М.	126
X. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПРИЧИНЫ ГОЛОДОВОБЪ.—И. Н. Сухоплюева.	1
XI. БЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ВОПРОСУ.—М. М. Покровскаго	23
XII. БЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЮ УКРАИНСКАГО ТЕАТРА. (Посвящается глубокоуважаемой М. Е. Заньковецкой).—С. Ф. Русовой.	39
XIII. НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЪ ГЕРМАНИИ.—Н. Надева	52

	Стр.
XIV. ДВА ГЕНІЯ.—В. Л.	61
XV. ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ВЪ РАЗВИТІИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.—Б. И. Сыромятникова	71
XVI. ДУМЫ О «БЫЛОМЪ». («Былое» 1906 г. январь—сентябрь).—В. В. Калаша	98
XVII. УБѢЖДЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ. (Памяти В. А. Гольцева).—П. Д. Боборыкина	115
XVIII. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ	121
XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ	127
XX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Публицистика, критика.—Исторія, біографія.—Книги для дѣтей.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1906 г. III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1906 г. . . .	327
XI. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятая редакціей рукопись хранится въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятая редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

ПАМЯТИ В. А. ГОЛЬЦЕВА.

Уже сломленный недугомъ, приступилъ къ составленію этой книги *Русской Мысли* покойный Викторъ Александровичъ Гольцевъ... Силы угасали, но любовь къ дорогому дѣлу до послѣдней возможности превозмогала безпощадную болѣзнь. 18 ноября кончилась неравная борьба. Сердце, неизмѣнно сжимавшееся въ тревогѣ за судьбы родного народа, успокоилось навѣки. Тернистый путь писателя-гражданина завершился.

Да, этотъ путь не былъ усыянъ розами. Жизнь Виктора Александровича была сплошной цѣпью невзгодъ, и его личныя невзгоды всегда обуславливались тѣми общими причинами, отъ которыхъ страдала Россія.

Викторъ Александровичъ тѣсно переплелъ судьбы своего личнаго существованія съ судьбами родины. Ему былъ близокъ начертанный поэтомъ идеалъ писателя:

«Писатель, если только онъ
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія.
Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода»...

У Виктора Александровича всегда были общія печали и общія раны съ матерью-родиной.—Онъ вышелъ на арену

общественной борьбы въ тяжелое время. Начинаясь отливъ освободительной волны, столь высоко поднявшейся передъ тѣмъ въ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Тупая, жестокая, бессмысленная реакція надвигалась зловѣщей тучей на родной небосклонъ. Быстро замирали послѣдніе отзвуки «зеленаго, весенняго шума» предшествующей, эпохи, и безотрадная кладбищенская тишина шла имъ на смѣну. «Патріоты своего отечества» торжествовали по всей линіи, а тѣ, кто не разучился болѣть душой о бѣдствіяхъ родины, были объявлены «внутренними врагами». О скорой побѣдѣ освободительныхъ идеаловъ нечего было и думать. Друзьямъ народа предстояло взять на себя заботу о томъ, чтобы не загасъ совершенно свѣтильникъ свободы подъ напоромъ жестокихъ вѣтровъ, чтобы удалось невредимо донести его до начала новой, лучшей поры въ жизни русской земли. Викторъ Александровичъ сразу всталъ въ первые ряды той немногочисленной рати, которая пошла противъ теченія, высоко подымая свое знамя, украшенное «забытыми словами»:—свобода, отечество, человѣчество.—И тѣмъ выше подымалъ онъ это знамя, чѣмъ яростнѣе бушевала реакція, противопоставляя «забытымъ словамъ» свои собственные девизы: свободѣ — тишину, отечеству — полицейскій участокъ, человѣчеству — чело-вѣконенавистничество.

Въ началѣ своего общественнаго поприща Викторъ Александровичъ стремился къ научно-университетской дѣятельности.—И здѣсь-то получилъ онъ первые удары отъ торжествующаго мракобѣсія.—Читатели *Русской Мысли* знакомы съ этимъ знаменательнымъ эпизодомъ изъ жизни Виктора Александровича. Онъ былъ разсказанъ въ одномъ изъ его автобіографическихъ отрывковъ на страницахъ нашего журнала.—Профессоръ, заявлявшій себя убѣжденнымъ сторонникомъ конституціонныхъ началъ, оказался не ко двору для русскихъ университетовъ пореформенной эпохи.—И Викторъ Александровичъ принесъ первую, тя-

желую для него жертву Молоху пореформенной реакціи. Отказъ отъ университетской кафедрѣ составлялъ для него большое нравственное лишеніе, которое онъ чувствовалъ до конца своей жизни. Но, затаивъ сердечную горечь, онъ не сложилъ оружія. У него отняли кафедрѣ,—онъ создалъ журналъ; ему запретили говорить съ университетской молодежью, онъ сталъ говорить со всей Россіей, превратившись изъ профессора въ публициста. Однако, сдѣлаться публицистомъ въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія значило обречь себя на новыя нравственныя муки. Результаты публицистической работы В. А.—передъ глазами у публики. Но многіе, не посвященные въ условія журнальной работы подъ гнетомъ цензурнаго ига, не знаютъ, какой цѣной добывались эти результаты. Горѣтъ желаніемъ перенести на страницы своего журнала всѣ животрепещущіе вопросы современности, и негодующимъ словомъ обличенія вскрывать общественныя язвы, терзающія родину,—и въ то же время каждую минуту думать о необходимости суживать размахъ своего пера, рвать только что написанную горячую страницу и замѣнять ее другой—спокойной и холодной—въ надеждѣ на то, что уже самъ читатель привычнымъ чутьемъ уловитъ тотъ святой гнѣвъ, который скрытъ за приспособленной къ цензурнымъ условіямъ фразеологіей,—развѣ это не мука, развѣ это не самоотверженный подвигъ, предпринимаемый для того, чтобы слово правды не замерло цѣликомъ въ порабощенной странѣ? Этотъ публицистическій крестъ и несъ В. А. на своихъ плечахъ, несъ стойко и неуклонно сквозь терновникъ, густо заполнившій путь русской публицистики. Что пришлось пережить душѣ писателя-гражданина подъ тяжестью этой ноши? Этого не взвѣсишь и не расскажешь. Но В. А. пронесъ свой свѣтильникъ чрезъ дикій мракъ пореформенной реакціи, заботливой рукой охранивъ его пламя отъ порывовъ враждебнаго вѣтра.—И вотъ, мракъ началъ разсѣиваться.—Мелькнули первые проблески разсвѣта.—Ка-

залось: близокъ часъ нравственнаго удовлетворенія за все пережитое.—Но тутъ не выдержали надорванные силы; усталыя руки опустились, и боецъ палъ подъ своей ношей у порога обѣтованной земли. В. А. любилъ говорить о великомъ значеніи культурной традиціи, которая должна связывать послѣдовательно смѣняющіяся поколѣнія въ одномъ общемъ движеніи къ свѣту и свободѣ. Несмотря на всю прерывистость нашего общественнаго прогресса, эта традиція существуетъ и будетъ все болѣе крѣпнуть съ теченіемъ времени.—Имя В. А. будетъ связано ею со всеѣмъ дальнѣйшимъ ходомъ русскаго освобожденія.—Его не стало, но его имя и плоды его работы останутся жить въ исторіи нашей освободительной борьбы. Настоящей книгой завершается его редакторская и публицистическая работа; ибо, какъ уже сказано, составленіе книги было начато еще подъ его руководствомъ.—Ближайшіе сотрудники журнала сочли своимъ долгомъ добавить нѣкоторые матеріалы къ тому, что уже было приготовлено передъ кончиной Виктора Александровича, но они не желали очень расширять эти добавленія; имъ хотѣлось, чтобы и эта книжка въ наибольшей своей части явилась плодомъ непосредственной редакторской работы Виктора Александровича Гольцева.—Этимъ объясняются нѣсколько уменьшенные размѣры книги.

Постоянные читатели *Русской Мысли* раскроютъ эту книгу съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ мы ее выпускаемъ: съ чувствомъ горькой печали за судьбы русской литературы, которая такъ часто оплакиваетъ свои тяжелыя утра-ты, и съ чувствомъ благодарности писателю-гражданину, останки котораго только что приняла родная земля.

А. Кизеветтеръ.

ВАХМИСТРЪ.

Разсказъ.

Я люблю яркіе сентябрьскіе дни, холодное ясное небо, тонкія паутинки, которыя незамѣтно цѣпляють за платье, щекочуть лицо и, покачиваясь въ пространствѣ, ушлывають куда-то.

Я люблю золотые листья, съ легкимъ шепотомъ падающіе на землю безъ вѣтра. Они осыпають аллеи бульваровъ, желтыми точками покрываютъ еще зеленый газонъ.

Я люблю неслышно надвигающуюся осень.

Часто сижу я на бульварной скамейкѣ, растираю подошвой влажный, хрустящій песокъ и смотрю.

Пестрыя группы дѣтисокъ возятся въ кучахъ песку, звенять и щебечуть подъ солнцемъ. Они, эти быстрыя ножки и веселыя рожицы, готовятся жить.

А кругомъ сыплются золотые листья, шуршитъ едва внятно ихъ говоръ, а изъ-за кудрявыхъ шапокъ протягиваются черные обнаженные сучья.

Часто въ послѣднее время встрѣчаю я высокаго, браваго старика. Онъ со скучающимъ видомъ прохаживается по аллеямъ бульвара, останавливается возлѣ дѣтей и покручиваетъ стриженный усъ. Маленькія фигурки шныряють вокругъ, стучать обручами, бросаютъ пескомъ; мячи подкатываются къ самымъ ногамъ старика; пестрые человѣчки ползають около, подозрительно поглядывая на высокую, мурую фигуру. Посмотрѣвъ и покручивая усы, старикъ направляется въ мою сторону, какъ разъ противъ круга, присаживается и абиваетъ черную трубку.

Сегодня онъ поклонился мнѣ, — должно быть, призналъ.

— Съ добрымъ утромъ, сударь... Инъ, сентябрь-то какой вылся... Имъ-то одно удовольствіе, — кивнулъ онъ головой въ сторону пестрой кучки. — Растутъ на свѣту-то...

— Вы, должно быть, недавно въ этихъ краяхъ... Что-то я не видалъ васъ раньше...

— Здѣсь-то недавно... на бульварчикѣ-то... А въ городѣ я годовъ двадцать проживаю... Да какое тамъ двадцать... больше, съ восемьдесятъ второго... На сверхсрочной службѣ я былъ, въ жандармскомъ дивизионѣ...

— Вотъ какъ... а-а-а...

— Да-съ... въ жандармахъ... А что-съ?... И многіе вотъ, какъ вы... удивленіе высказываютъ... А дѣло самое обыкновенное... для порядка, конечно... Ну, теперь я выбылъ... отошелъ... Хожу вотъ по воздуху пока что... Солнышко-то какъ теплится-то... Ишь, паутинки играютъ, — кѣ хорошей погодѣ...

Онъ снялъ съ лица набѣжавшую паутинку и задымилъ трубкой.

Слово за слово — разговоръ завязался. Подъ яркимъ солнцемъ душа открывается: она рвется наружу, къ свѣжему воздуху, она не таетя, какъ въ хмурое дождливое утро.

— И все ладно шло. Вѣдь сорокъ пять рублей!... Гдѣ ихъ возьмешь-то... И самостоятельность притомъ, — шестьдесятъ человѣкъ подъ командой... Конечно, отвѣтственность большая, ну и деньги не малыя... Утѣсенія никакого, — только дѣло знай... Я его вѣдь какъ зналъ... Посмотрѣли бы вы, какъ нарядъ выведу, — засверкай моя мамаша... вотъ-съ какъ... Бывало нарядъ въ театры, — кѣ семи чтобы на мѣстахъ... Ну, распорядишься, разставишь, — стой — не моргай... Генералъ ѣдетъ, — сейчасъ, чтобы лошадь на дыбки и все такое... Красота!... Какъ съѣхались, младшему людей передашь и въ пивную, въ уголокъ... или въ театръ пройдешь посмотрѣть для скуки... Жизнь!... умирать не надо... А лошадь у меня была!... огнёвая, ста четыре плачена, изъ-подъ Евлампія Спиридоныча самого, полковника... Старѣть начала, такъ онъ подъ меня отдалъ. А учоная, я вамъ объясню, какая!... Ничего не жалко мнѣ... а «Голубку» жалко... Какъ уходить мнѣ, такъ, вѣрьте слову, слезу утерь... И она-то чувствовала, уши пригнула... Э-эхъ... дѣла-а!...

Онъ замолчалъ и сталъ курить.

— Да... такъ вотъ «Голубка»-то... Какъ, бывало, начнешь осаживать... все оглядываетъ, какъ бы не зацѣпить... Самая жандармская лошадь. На гуляньѣ разъ парнишка одинъ созорничалъ, — перочиннымъ ножичкомъ ей ткнулъ... въ задъ, извините — назову-съ... не дрогнула даже...

— Такъ вы кѣмъ же, собственно, были?

— Вахмистромъ я былъ... Ну, все равно, что фельдфебель... Въ пальтѣ-то я теперь неказистъ, а какъ, бывало, во всей формѣ, —

меня я фигурой вышелъ... Уборъ этотъ надѣнешь,—чортомъ тор-
тѣ на боку... Картина!... шнурки эти,—серебро!... медали тутъ...
какъ отличія военнаго ордена,—я два Георгія имѣю, за турецкую
импанію... Такое, я вамъ скажу, сіяніе... Да-съ... вотъ шестьде-
ять скоро,—усмѣхнулся онъ,—а портнишки эти самыя, модистки...
казами ловили... Лестно имъ, бывало, какъ на дыбы возьму, да
я нихъ... хе-хе-хе... Ей-Богу... Записочки получалъ... Известно...
дѣять, что не простой жандармъ... И все ладно было. Полковникъ,
бывало, скажетъ...—Онъ меня уважалъ, можно сказать...—Такъ
онъ скажетъ, бывало:—«Ну, какъ, Иванъ Ивановичъ»...—Ей-Богу,
онъ, по отчеству и все такое... «ну, какъ скрѣпишь?...» Скрѣ-
пишь!... Да я крѣпче другого молодого. Они что,—рыхлость!... А
меня жила да кость... Грудь—на, бей!... Гвардейская!... я вѣдь
въ гвардіи вышелъ...

Маленькій карапузъ закатилъ мячъ подъ скамейку и съ крѣхо-
томъ возился подъ нашими ногами.

— Ишь, ляшки-то наѣлъ,—засмѣялся вахмистръ, протягивая
руку къ натянувшимся брючкамъ карапуза.—Лопнуть, ей-ей лоп-
нуть... Тюкъ!...

Карапузъ досталъ мячъ и, тяжело сопя, усталился на бравого
«папу».

— Тюкъ!...—повторилъ онъ, дѣлая строгое лицо, и побѣждалъ
своимъ.

— Да... ну, и все хорошо было... Сынъ по механической ча-
сти... на заводѣ... сорокъ дѣлковыхъ получаетъ... Въ деревнѣ братъ
хозяйству... Я имъ ежемѣсячно красную слалъ... обязательно.
У, и почетъ!... Приѣдешь да во всей формѣ... У батюшки всегда
я пилъ, на крылось становился... Очень меня всѣ они уважали...
тутъ и пошло это самое... канитель-то эта... Оно бы и ничего,
вечно, порядокъ нуженъ... и вездѣ нуженъ, и за границей вонъ
и нашъ братъ есть... я ужъ это самое доподлинно знаю... И тамъ
руску не дають... да... А тутъ сразу это повернуло. Какъ нача-
сь эти смуты... нарядъ за нарядомъ... Ни тебѣ чаю попить, ни
ужинать... Въ баню, вѣрите ли, не вырвешься... То къ вокзаламъ,
на гулянье, то въ дозоръ на-ночь... по улицамъ... И вдругъ при-
казъ: «отпустить пашки»... Допржеде тупыя онѣ у насъ были...
онѣ отточить, стало быть... Такъ это вдругъ словно какъ бы жут-
ко стало,—по сердцу ударило... Ну, что-жъ,—приказано,—надо...
испорядился я... Мои-то—ничего себѣ, посмѣиваются... «На войну,
ли, погонять»,—думаютъ... Смѣ-ѣхъ!... Ну, а я то ужъ пони-
маю: полковникъ меня упредилъ, чтобы я, значить, людямъ объяс-

нилъ. — «Дѣло, говорить, Иванъ Ивановичъ, всерьозъ пошло»... Ну, объяснилъ я, для чего шашки-то... тово... Молчать... такъ это тихо стало... смегнули... А тутъ Овечкинъ и сказываетъ... такъ солда-тишка у меня былъ... озорникъ... «Та-акъ...» говорить... и подо-зрительно онъ это сказалъ. Я его сейчасъ на мундштукъ: «что—та-акъ?» «Да ничего, просто, говорю, такъ, понимаю...» «То-то говорю, понимаю»... И скучно у насъ стало, сударь... Черезъ не-дѣлю на дворѣ... ра-анымъ рано, вольнаго я захватилъ съ прокла-маціями этими... подъ сорочкой дѣлую пачку нашли... ну, конеч-но, представили... И парнишка-то молоденькій, а дерзкій... Ла-адно... А эскадронный и говорить мнѣ: «ты, Иванъ Ивановичъ, на-чегу будь... по-ни-ма-ешь?» — И такъ строго смотреть, рѣзко... Ну, что-жъ... на-чеку такъ на-чеку... Я всегда на-чеку. И пошло тутъ дѣло настоящее... Вамъ поди все извѣстно. Не любить насъ публи-ка... Ну, политическихъ этихъ провожаемъ... ну, другое тамъ... сами знаете... порядокъ... надо... а публика-то насъ, извините, ежели къ слову, за подлецовъ считаетъ. Злость-то она и вл-пить... Вы такъ, ну и мы... Что-жъ, и мы тоже не подлецы... тоже вѣдь свои, русскіе... только надо же кому-нибудь нацотъ по-рядка... Полицейское, конечно, дѣло...

Мимо насъ прошелъ жандармскій офицеръ. Онъ оглядѣлъ моего вахмистра и отвернулся. Тотъ всталъ и вѣжливо раскланялся вслѣдъ, и глаза его растерянно смотрѣли на меня.

— Не узналъ, должно... не поклонился... А нашъ это, Михайло Васильичъ Амбрововъ... изъ полку перевелся... Ему на площади камнемъ бокъ попортили... И что же вы думаете?... сотъ пять ему за бокъ-то отпустили!... на поправкѣ теперь... Нѣтъ, должно, сердится онъ на меня...

— За что же?...

— Было дѣло одно... Да вотъ слушайте, какъ это все поверну-лось... Ну, такъ вотъ... И приходитъ ко мнѣ сынъ... вотъ на за-водѣ-то который... Навѣститъ, стало быть. И чортъ меня дернулъ, рассказалъ я ему про все... и шашку показываю... И такъ-то онъ у меня сѣрый съ лица-то, а тутъ зеленый сталъ... Вскочилъ съ табу-ретки, картузь схватилъ... «Ты куда?» — говорю... — «Домой», — г-ворить, а самъ дрожить. Вышли на дворъ-то, а онъ возьми да меня живорѣзомъ-то и обзови... Да на весь дворъ, сударь!...

— «Живорѣзъ ты, — говорить... — На такое дѣло пошелъ»...

— «На какое такое?... Ахъ ты, говорю, раскуинъ ты сукинъ сынъ!... такія слова отцу!... — Обидѣлъ онъ меня тутъ, сударь страсть...

— Деньги-то тебѣ, говорить, за кровь платять...

— Какъ такъ за кровь, а?...—Врѣзалъ я ему тутъ сгоряча по шеѣ... картузь съ него сбилъ... Конечно, не хорошо... ну, да вѣдь мальчишка онъ... А онъ меня при всѣхъ... на дворѣ изругалъ.

— Я, говорить, и знать тебя не хочу. — Сыщикомъ обозвалъ... ей-Богу, такъ-таки и обозвалъ... «Сыщикъ, говорить, ты...» Ну, и не приходилъ потомъ. А раньше все, бывалыча, въ праздникъ забѣжить... Какъ вы полагаете, а?... отъ родного сына-то!...

Вахмистръ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, и я видѣлъ въ его сѣрыхъ глазахъ и прошедшую, потухшую обиду, и какое-то радостное, непонятное для меня чувство...

— Вотъ онъ какой у меня, Сережка-то... Ну-съ, хорошо-съ... отточили шашки... остро отточили... Самъ полковникъ на бумагѣ пробовалъ... Каждую шашку... какъ рѣжетъ... ей - Богу - съ... Да-съ... все исправно... И вдругъ намъ всѣмъ прибавка вышла, по случаю трудовъ... Ну, что-жъ... прибавка дѣло хорошее,—покорно благодаримъ... Лестно, конечно, ежели цѣнять... А тутъ вдругъ нашего одного и помяли... ночью у вокзала съ лошади сволокли и всыпали... померъ потомъ въ госпиталѣ, царство небесное... Тутъ вскорости Овечкинъ убѣгъ... такъ и не разыскали... Двоихъ подговаривалъ... опослѣ сказали... Трое еще на побывку въ деревню проситься стали, на здоровье жалились все... Слабые которые... не пустили... Сверхсрочный одинъ совсѣмъ ушелъ... страшно, что ль, ему стало... Ну, я то не боялся... чего бояться... Я подъ Горнымъ Дубнякомъ смерть-то видалъ... и Георгія получилъ тамъ...

Вахмистръ пріосанился и закурилъ усь.

— Ну, и не страшно мнѣ-то... А тутъ, изволите ли знать, письмо изъ дому пришло, отъ брата. А это Сережка имъ напелелъ со злости, послѣ нашего разговору-то... И пишетъ мнѣ братъ,—а онъ у меня и мужикъ-то смирный, церковныя книги мастеръ разбирать... Пишетъ онъ, будто я людей рѣжу и за это за самое жалованье получаю... Ишь какъ они это вообразили... Сережка-то съ озорства, а они за чистую монету... «Иди, говорить, лучше куда на казенное мѣсто, а не такое чтобы дѣло... въ швейцары или тамъ куда... и выгодно, говорить, и дѣло-то чистое...» Рѣжу!... А я,—вотъ вамъ врестъ,—и ни одного-то человѣка не тронулъ, а не то чтобы... тамъ... да... Ну, конечно, влѣпишь иной разъ плашмя, по шнѣ... да... А такъ чтобы...

Вахмистръ покачалъ головой и горячо продолжалъ:

— Да что я за подлец за такой,—своихъ буду рѣзать!... Ну, а они-то вонъ что... А дѣло-то понятное... Казачки тамъ у нихъ по сосѣдству были, троицкихъ мужиковъ... тронули двоихъ... шибко тронули... прямо до смерти... за грабежъ... барскій хлѣбъ увозили... Ну, они и меня за казачка, будто по той же части. Махнулъ я рукой, думаю, что съ ними толковать... Дураки, не понимаютъ про порядокъ... А красную посылаю, и принимаютъ... ничего... Деньги—деньгами, конечно... бѣдность у насъ...

Къ намъ подошла маленькая дѣвочка, вся въ красномъ, съ обручомъ. Ея свѣтлые глазки изъ-подъ широкихъ полей пунцовой шляпы съ любопытствомъ поглядывали на вахмистра. Его стриженные усы, должно быть, интересовали ее. Она кривила ножки и выговаривала нетвердо:

— Дя-дя... дя-дя...

Вахмистръ протянулъ руку, хотѣлъ погладить волнистые бѣлокурые локоны, но плутовка съ звонкимъ смѣхомъ, оглядываясь, проворно покатила свой обручъ.

— Ишь младенцы-то... играютъ себѣ... и ничего-то имъ не нужно,—задумчиво сказалъ вахмистръ, насыпая новую трубку.—А вырастутъ, все узнаютъ... Ну, такъ вотъ... письмо это самое... да... А тутъ и стало все, въ октябрѣ... вотъ дороги-то когда стали... Ну, объявили забастовки... Имъ-то забастовки, а намъ жара... Ходили мы по Москвѣ, больше въ своей округѣ... по бульварамъ... Ну, разгоняли, конечно... лошадьми все... Въѣдешь и начнешь повертывать... А народъ-то липкій сталъ и не боится. Облѣпять стѣной и ругаются... Да и лошади пугаться стали... А умныя,—черти! Нѣтъ того, чтобы ударить какъ... больше все тѣснять и глазами поводить... фыркаютъ, человекъ чуютъ... привычныя къ народу-то. Ну, тутъ у насъ было дѣло. Не у меня, стало-быть, а у другого вахмистра... Андрей Парфенычъ, сухенькой такой, строгій... въ одномъ полку и служили-то раньше... Ну, выѣхали они такъ-то, обружили ихъ на площади-то, сгрудили... камнями швыряться стали... Вахмистровой-то лошади, Андрея-то Парфеныча, глазъ прошибли... Ну, чѣмъ лошадь-то виновата!... Съ ними-то еще ротмистръ былъ... Взоровъ, Николай Семенычъ... и всегда конягъ съ собой возилъ въ объѣздъ... Онъ-то сейчасъ и скомандуй: «пашки вонъ!... Готовсь!...» Это отточенныя-то... Ну, сейчасъ и тово... выхватили и тово... Андрей-то Парфенычъ въ сердцахъ-то и ахнулъ, руку малому одному... вотъ по этому самому мѣсту... Еще порѣзали кой-кого... А лошади-то и не лѣзутъ... прыгаютъ черезъ народъ-то, кто упалъ, фырчатъ, чуютъ, что народъ-то живой... Такъ

у насъ, въ казармахъ, смѣялись все... Одна такъ-то вотъ прыгнула, да объ столбъ грудиной... а не задавила... Ученныя лошади, смышленныя... Я такъ рассуждаю, что самыя смышленныя животныя, сударь... Приѣхали въ казармы, злющіе приѣхали... Грубить стали. Миѣ одинъ такое слово сказалъ, такое слово... посадили подъ арестъ... И подъ судъ могли, ну, да я плюнулъ, скрылъ... Отмыивать стали, въ околотогъ тамъ, порошки чтобы... Не охота имъ по улицамъ-то... да... Бывало пѣсни пѣли, а тутъ тихо такъ сидятъ и задираются, ежели кто съ характеромъ... Ну, конечно, тяжело... дѣло такое... А порядокъ-то нуженъ. Намъ ужъ читалъ Михайла Васильевичъ, — вотъ что прошелъ, — чтобы не сомнѣвались...

— «Это, говорить, вездѣ... и во Франціи, говорить, а тамъ полная воля... и тамъ, говорить, тоже, ежели безобразять...»

— Ну, вездѣ, такъ вездѣ... Что же подѣлаешь?... Жалованье хорошее, — надо служить... Смотрю поутру какъ-то... А у насъ каждый день оружіе осматриваютъ... Смотрю, а у моего Петрова вся-то шашка иззубрена... А?!..

— Какъ такъ?—говорю:—отточи... Гдѣ ты ее спортилъ?

— «Объ фонарь, говорить, попалъ...»

— Какъ такъ объ фонарь?...

А она, изволите видѣть, пила-пилой... зу-убчиками вся... А взводный-то и сказываетъ:

— «Нарочно, говорить, онъ это... подпилкомъ иступилъ...»

— Какъ такъ подпилкомъ?—спрашиваю.

— «Не могу, говорить, боюсь бить... потому и испортилъ...»

«Что, думаю себѣ... вѣдь засудятъ подлеца... А у насъ строго, казенная вещь...» Ткнулъ я его тутъ отечески... велѣлъ отточить... Э-эхъ... дѣла!...

Порывъ вѣтра посыпалъ на насъ золотыя листья, и тянувшіе паутину пауки закачались на липахъ, быстро подбираясь къ сучьямъ...

— И жутко въ тѣ поры стало, только посматривай... Какъ въ нарядѣ куда, какъ гдѣ прослышишь что,—такъ это какъ-то на рдцѣ сосеть... Бдешь по улицамъ,—жутъ... Моя всѣ строгіе али, ни разговоры, ничего... Вотъ полковникъ миѣ и говорить:

— «У тебя, говорить, Иванъ Ивановичъ, носы вѣшаютъ... Отъдѣ чтобы не было этого!... Солдаты должны навсягды веселое цо имѣть!»

«Да то солдаты, думаю... а жандармъ, думаю... какой онъ солдатъ... Онъ для порядку... А съ чего и веселиться-то... Конечно,

жалованье прибавили... пицца хорошая... А Сережка не идет и не идет... Что, думаю, за подлец за такой?!.. Такъ это скучно мнѣ, будто, стало... Пошелъ я къ нему, у завода онъ живетъ... Праздникъ выбралъ. Прихожу. Чисто онъ у меня ходитъ и все такое... Карточка у него виситъ на двери, въ сѣнцахъ... бѣшеная... «Сергѣй Ивановичъ Тучкинъ...» Стой! Отворилъ дверь, а тамъ-то человекъ десять... Какъ вскочуть!... папироски побросали... газеты тамъ у нихъ... Полна комната дыма. «Жандармъ!... жандармъ!...» Какъ мыши передъ котомъ. А Сережка-то мой сейчасъ впередъ... гоголемъ летитъ... побѣлѣлъ весь...

— «Что,—говорить,—вамъ угодно?»

Это мнѣ-то!... а?... «Что вамъ, говорить, угодно?...» Ну, какъ вамъ это покажется?... Не узналъ онъ, что-ль, меня... Да что, я думаю, чортъ какой?... И всѣ-то они злобно такъ уставились... Ахъ ты, исторія!...

— Ты, говорю, кто мнѣ такой будешь, а?

Вижу, узналъ онъ меня... красный весь сталъ. Подошелъ вплотъ, трясется и шипитъ, чтобы не слышно было: •

— «Уходите, говорить... уходите... Стыдно мнѣ, говорить, за васъ...»

— Что-о?

— «Да... стыдно, говорить, что у меня отецъ—жандармъ...»

Глянулъ я на него.

— Ахъ ты, прохвость, прохвость!... На ноги его поставилъ, въ люди вывелъ, сорокъ цѣлковыхъ получаетъ...

Ну, тутъ онъ оправился. Товарищи его вышли, смотреть.

— «Хотите, говорить, чаю?»

— Чаю?... Ну, нѣтъ, говорю...—чаю я не желаю, а ты, говорю, мерзавецъ!... Родного отца такъ принимаешь... а?

Тутъ всѣ они окружили меня, шинель стащили.

— «Пустяки, говорятъ, ладно...»

И Сережка-то ужъ ничего, только, вижу, не въ себѣ онъ. Сейчасъ самоваръ, водки послали... колбаски... Только всѣ молча все, не клеится у нихъ ничего... Смотрять да молчать, газетами занялись... И Сережка-то... спѣшить все... Колбаску рѣзалъ, палецъ было отхватилъ,—спѣшить и говорить,—такъ ровно не онъ, а другой кто... Силкомъ все... А парень онъ у меня—умный, похулить нельзя... Вижу, не ко двору... Выпилъ двѣ рюмки. Горько тутъ мнѣ стало, сударь... нехорошо... А тѣ и не пьютъ... Ну, ушелъ я... Проводилъ онъ тутъ меня до воротъ, попрощался, и глазами не глядитъ, дикой вовсе сталъ.

— Вотъ что, говорю... не приду больше... Отца не считаешь. Подлецъ ты, а не сынъ, послѣ всего... Разъ такое обращеніе, — чортъ съ тобой!... — А онъ хоть бы тебѣ слово сказала!... Плянулъ я и ушелъ... Да я и не ходилъ къ нему никогда, онъ все больше заходилъ.

Вахмистръ замолчалъ. Онъ нагнулъ голову и игралъ пальцами. Я видѣлъ прыгающія около его глаза морщинки.

— И напился я въ тотъ вечеръ... вотъ какъ напился, — страсть! Стекла въ квартирѣ разбилъ... мундиръ изорвалъ... Насилу угомонили ночью... водой отлили...

Утромъ полковникъ потребовалъ.

— «Что это ты, Тучкинъ... — ужь по отчеству не называешь, — сколько лѣтъ служишь, а такой примѣръ?»

— А я и не гляжу... «Съ чего это», говоритъ. Съ горя, говорю, ваше высокородіе... горе у меня... «Какъ такъ?»

— Съ сыномъ вышло... съ мѣста прогнали... вру... надо же оправдаться...

— «Ну, чортъ съ тобой, говоритъ, чтобы больше не было... Время теперъ вонъ какое... Такихъ какъ ты, говоритъ, мнѣ прямо необходимо»...

— А я думаю себѣ: еще бы не надо!... вонъ всѣ, — ровно водой ихъ облило... шашки отточены... Тутъ, я вамъ скажу, военнаго человѣка ахъ, какъ надо!...

— Вотъ тутъ-то все и началось... Вотъ послушайте-ка, какъ оборотилось-то...

— Пришла эта забастовка въ декабрѣ... пальба открылась... баррикады эти самыя. Тутъ-то мы страху и навидались. Въ первый же день нашихъ троихъ сгрудили... они-то... шашки и револьверы отняли... Ну, ничего... не тронули. Осмотрѣлъ я у своихъ шашки, револьверы почистили... зарядили... Винтовки намъ выдали... Ну, прямо на войну иди... И стало тутъ и меня тово... не то чтобы страшно... а такъ это на сердцѣ нѣтъ свободы... мутить стало... Всѣ-то зеленые стали, мои-то, сѣрые даже... ни разговоры, ничего... Пѣсенъ не поютъ, ночи не спятъ... То туды, то сюды... Лошадей загоняли... черезъ день ковка... Ни пообѣдать, ни поужинать... Полковникъ нашъ заболѣлъ... душило его... тучный онъ человѣкъ, красивый. И запивалъ здорово... по ресторанамъ все... барышень этихъ... ну вотъ, веселыхъ-то сильно уважалъ... Ну, такъ вотъ... Утромъ эдакъ, часовъ въ семь, приказъ: сѣдлатъ!... Живо, разъ, два, — выѣхали... Слышно — палятъ гдѣ-то... близко отъ насъ... «Маршъ-

маршъ!...» Михайла Васильичъ,—вотъ что прошли-то,—револьверъ выхватилъ... чикъ!... взвелъ... Вылетѣли мы карьеромъ на площадь. Бучка людей, смотрю, съ флагомъ... мальчишки проволоку таскають... скамейки съ бульваровъ наволобли... Б-бахъ!... какъ цопнетъ изъ револьвера оттуда,—пуля завизжала... «Шашки вонъ!», скомандовали. Летитъ Михайла Васильичъ на народъ, и выпивши онъ былъ... для буражу... Я рядомъ, шашку надъ головой держу... Храпить моя кобыла, прядаетъ, назадъ норовить... Налетѣли на народъ... Зашелкало кругомъ... Вижу руки... все руки... и револьверы... тянутся... все руки... Заходило во мнѣ. Какъ такъ?... палать?... Рука зудить... Срѣжу, срѣжу, думаю, кого ни на есть... Осадилъ лошадь... глядь... Сережка!... изъ земли вывернулся!... Блѣдный, страшный... на меня смотреть, отшатнулся даже весь... Въ сердце меня ударило... ужъ и сказать не могу... Такъ рыва и упала... и шашка упала, брякнулась... Поднял я лошадь, рванулъ въ бокъ да по бульвару... «Куда ты, чортъ?!... вахмистръ!!...», оретъ сзади... это Михайло-то Васильичъ... А я-то несусь, не знаю куда... Народъ шарахается... а я-то шпору... Шашку потерялъ... а за мной, слышу, еще скачуть. Остановился я возлѣ казармъ,—сама лошадь принесла. Господи, думаю, Сережка тамъ... И не забуду я никогда его глазъ. Выпучилъ онъ ихъ, смотреть на меня... И страшный онъ какой-то. И что же вы думаете?... И всё они такъ смотрѣли тогда... всё... Какъ вѣтромъ меня сдуло, вотъ что... А мои-то двое стоятъ возлѣ меня, блѣдные... Ударило меня въ голову.

— Вы, мерзавцы, зачѣмъ? спрашиваю ихъ-то. Вы зачѣмъ изъ эскадрона убѣгли?

— «А мы, говорятъ, за вами».

— Какъ, говорю, за мной?... ужъ и не понимаю ничего.

— «Вы поскакали... и мы»...

— Да я, говорю, по своей причинѣ...

— «И мы»...

— Ну, имъ, видимо, страшно стало. И стало тутъ меня крутить. Сережка въ глазахъ ходить... Нѣтъ, думаю, довольно... не то... Это, думаю, ужъ не порядокъ наводить... нѣ-ѣтъ. Вдрызгъ напился, и мои-то двое. Водки купили и давай, и давай... А тутъ Михайлу Васильича привезли... камнемъ ему въ бокъ врѣзали... Ужъ и злые пріѣхали!... И всю-то ночь бушевалъ я... вязали меня ужъ. Грызся, сказывали... не помню... шашку будто изломалъ... прямо не помню... Извѣстно пьяный. Вонъ какъ оно обернулось-то!... Все для меня и раскрылось тутъ, какъ Сережку увидалъ.

— На утро меня къ полковнику.

— «Что же это, кричить, такое, а?... ахъ, ты, такой разъѣда-
и, а?»

— И давай меня пушить.

— «А?... Трусь ты!» и все такое. «Измѣна, кричить, это!...
къ судъ тебя отдамъ за нарушеніе присяги!...»

— Подъ судъ вы, говорю, ваше высокородіе, можете, но только
не измѣна...

— «Каѣзъ такъ не измѣна?»

— Да такъ, что не измѣна. Меня нанимали для порядку, а я
на увидалъ...

— «Сына?—говорить, —какого сына?»

— Какого... самаго обнаковеннаго... своего родного сына... Что
нѣтъ его зарубить?... Да такого грѣха, говорю, и вовѣкъ не
бъму...

— «Сына», —говорить.

— И задумался онъ тутъ, усы загусалъ. Чудно ему показа-
лъ. Сына!... и брата могъ увидать, и отца!... Гора съ горой не
видится... не непріятель вѣдь...

— Покрутилъ онъ головой ѣдакъ, сельтерской вышилъ... и мах-
нулъ...

— «Ступай», говоритъ.

— И тутъ же рапортъ разорвалъ. А я не ушелъ... нѣтъ...

— Я, говорю, ваше высокоблагородіе, совсѣмъ...

— «Какъ такъ совсѣмъ?», спрашиваетъ.

— Да такъ... довольно, больше не буду служить... Такъ что
такое дѣло...

— «Да какъ же, говоритъ, въ такое-то время и ты тово... а?»

— А потому и ухожу, что такое время... Шашки вонъ отточи-
ли, патроны дали... тутъ ужъ не простое дѣло... не по порядку...
ого, говорю, и нигдѣ нѣтъ... и во Франціи нѣтъ.

— «Много, говоритъ, ты больно знаешь... а чтобы понимать,
чего ты не понимаешь... Хорошій ты вахмистръ и вдругъ»...

— Хорошій-то я для порядку, говорю, а на такое дѣло я не го-
сь. И вижу я, серчать сталъ.

— «Нѣтъ, говоритъ, въ тебѣ, Тучкинъ, политики настоящей...
нѣтъ въ тебѣ любви къ отечеству».

— Ну, ужъ тутъ, сударь, и я осерчалъ и говорю:

— Ну, ужъ это какъ вамъ будетъ угодно, а я кровь свою за
чество на Балканахъ пролилъ... у меня пуля въ ногѣ и посейчасъ
жить, а не то чтобы... по поводу политики... Это, говорю, ужъ
политика, а кровопролитіе своей крови.

— «Ну, говорить, и чортъ съ тобой... какъ знаешь»...

— Тутъ въ скорости меня и отчислили... А за шашку выжи, за стекла... и за шашку... по таксъ. Какъ выпустили, я сейчасъ себѣ это пальтецо... вотъ это самое пальтецо купилъ. И сейчасъ Сережкѣ. Пришелъ... въ праздникъ было. Народу—полна комната И веселый же я сталъ!...

— Здравствуй, Сережа!

— А онъ и ошалѣлъ, какъ меня увидалъ.

— «Ты?!», говорить.

— Я, говорю.

— Пучить на меня глаза и назадъ уйти хотеть. Бончили, вору, все и вотъ, говорю, въ пальтъ. Опомнися онъ, подошелъ пальтецо потрогалъ.

— «И не служишь больше?»

— Говорю,—крышка!... ну ихъ къ дьяволу! Ты меня, говорю это все...

— И все рассказалъ. И какъ начали они тутъ кричать!... Ура!... такъ и орутъ. Прыгаютъ всѣ, хохочуть. Сережка— какъ сился. Обхватилъ меня нагрѣло, душить... Поцѣловались мы тутъ съ нимъ. И крѣпкій я человекъ, а тутъ меня слеза одолѣла. Чудно И пошелъ тутъ у насъ дымъ коромысломъ!... Пили мы тутъ всѣ И всякій по плечу ударяетъ.

— «Нашъ вы, говорить, теперь... нашъ».

— Ахъ ты, Господи... Да я ей-Богу же, говорю, всегда такъ былъ... вѣдь такой же, говорю.

— «Нѣтъ, говорятъ, не то... Вы, говорятъ, жандармомъ были».

— Жандармомъ я былъ, говорю, вѣрно... это что... да... Такъ вотъ шашка у меня была отпущена.

Бывшій вахмистръ выбилъ трубку и посмотрѣлъ на меня съ смѣющимися глазами.

— Вотъ какъ обернулось-то... да-съ, сударь.

— Ну, и что же, вы теперь спокойны?

— Совсѣмъ легко. Пока у сына и живу. Парень хороший. Такъ все на порядки серчаетъ. Ну, книжки вотъ... листки приноситъ. Я-то не слушаю... разное тамъ... Конечно, ежели разобрать... и вильно все... да только... А парень ничего... И компанія-то его чего: народъ шустрый, рѣчистый... И мѣсто вѣдь мнѣ выискали въ швейцары въ гимназію... Справиться надо завтра.

— Дай, дай, дай...

Маленькій карапузъ стоялъ около насъ и тарачилъ глазами большую черную трубку.

— Забодая, забодая...

Бывшій вахмистръ сдѣлалъ козу и испугалъ карапуза. Тотъ взвизгнулъ и, подбрасывая толстыми ножками, быстро-быстро побѣжалъ къ дѣтямъ.

— Малявки чистыя... разыгрались по солнышку,—сказалъ старикъ, кивая на шумливую, пеструю кучку дѣтей.—Ничего-то имъ не нужно... Ну-съ, прощайте, сударь... Обѣдъ скоро...

Высокая, молодцоватая фигура зашагала среди цѣлаго цвѣтника карапузовъ съ локонами и безъ локоновъ, среди разноцвѣтныхъ картузиковъ, шапочекъ, капоровъ и шляпъ. Одни засматривали въ бритое лицо съ подстриженными усами, другіе бросали къ его ногамъ мячи, катили обручи и прыгали вокругъ съ звонкимъ смѣхомъ.

Тонкія паутинки плыли по воздуху. Золотые листья безъ шума падали на песокъ.

Иванъ Шмелевъ.

ЖУЛИКЪ.

(Очеркъ.)

Счетный чиновникъ казначейства Брошкинъ съ шести часовъ вечера писывалъ длинные столбики цифръ, щелкалъ на счетахъ и разсиль по графамъ. Стрѣлка бѣжала къ 11. Лампа начинала мигать и шипѣть.

— Михаилъ Андреевичъ, вѣдь опять ночь не заснешь... брось ужь... Керосину-то что выходить...

Брошкинъ со злостью щелкнулъ на счетахъ и передернулъ плечомъ.

— Ладно... А, чертъ!... опять не въ ту графу въѣхалъ... Иди лѣзь ты, не мѣшай.

— Вотъ все тагъ... а на кого похожъ сталъ?...

Анна Васильевна съ тоской смотрѣла на скрюченную фигуру и пиджакъ съ протертыми локтями, на измученное лицо мужа.

— Сказалъ—не мѣшай... Спросить завтра казначей, чертъ его побралъ и съ отчетомъ-то... послѣдній срокъ. Всю ночь придется сидѣть.

... Чу-чу... чу-чу-чу...

— Уфф!... рука занѣмѣла...

Онъ откинулся къ спинкѣ стула, потянулся и взялъ себя за голову.

— Въ глазахъ зарябило... Чертова служба!... за сорокъ-то рублей... А самъ дрыхнетъ или въ карты дуется...

«Сказать или нѣтъ?» вспомнилъ онъ разговоръ съ казначей.

Этотъ разговоръ мучилъ его съ утра. За обѣдомъ Брошкинъ выругалъ жену, разбилъ тарелку и вылѣзъ голоднымъ; потомъ долго выругалъ по квартиркѣ, курилъ и вздыхалъ.

«Сейчасъ разстроится... слезы эти... Что же дѣлать-то? Надѣвка-то еще»...

Но сказать было нужно, хоть кому-нибудь, иначе не пройдетъ это безпокойство, ожиданіе новой бѣды.

Онъ, положимъ, сказалъ уже писцу Васильеву, маленькому человѣчку съ большой семьей, но тотъ такъ испугался, такъ съежился и заскрипѣлъ перомъ, что стало еще тоскливѣй. А больше-то и сказать было некому: старшій бухгалтеръ всегда у казначея въ карты играетъ, хромой кассиръ Подмигайловъ въ союзъ «русскихъ людей» поступилъ и не кланяется съ того самаго дня, какъ арестовали Надю, Петровъ пилъ вторую недѣлю и не ходилъ на службу. Крошкинъ хотѣлъ было потолковать съ присяжнымъ Бривошипомъ, но тотъ былъ «въ угарѣ», швырялъ мѣшки съ мѣдягами и плевался въ каморкѣ.

А тревога не пронадала: она точно выросла къ ночи. Въ окна билъ дождь, съ грохотомъ падали потоки изъ трубъ, гремѣло по крышамъ.

«Ишь припустилъ,—раздумывалъ Крошкинъ, посматривая въ запотѣвшія окна,—и третьи сутки... Лучше сказать... да, лучше сказать»...

— Да былъ ты у прокурора-то?—уже второй разъ спрашивала Анна Васильевна.

— Сказано—былъ, чортъ бы его побралъ!...

— Ну, и что же?...

— Ну; и то же... не принимаетъ... нѣтъ его...

— Нѣтъ... Съ маленькими-то они все такъ...

— Да не реви ты, ей-Богу... Господи, развяжи ты меня, окаяннаго!...

— А... къ слѣдователю-то заходилъ?...

— Заходилъ... заходилъ... заходилъ... Сто разъ говорилъ: заходилъ... Черти окаянные...

Онъ сжалъ руки и захрустѣлъ пальцами.

— Вѣдь четвертый мѣсяцъ... ни слуху... ничего... Еъ родной дочери не допускаютъ... Михайла Васильичъ... а если губернатору прошеніе написать.

— Чорту скоро напишу!... Да отвяжись ты отъ меня!... не тяни за душу!... Вотъ гдѣ у меня все, вотъ!...

Онъ постучалъ себя въ голову.

— Ну, подумай ты... ну, ты разсуди... Ну, какъ я ему напишу?... Сейчас справки... какъ, что?... Дочь въ тюрьмѣ... Сейчас вонъ... циркуляръ ужъ есть... безъ прошенія выгонять... Что чотришь?... Выгонять!... А-а... Ну, за что Надьку-то взяли, за что? ише воды, ниже травы...

Онъ бросилъ перо и заходилъ по комнатѣ. Въ окна глядѣла без-

покойная ночь. Она билась тамъ, на грязной улицѣ, подъ холоднымъ дождемъ, она жадно глядѣла на узкія окна.

— А ты... была тамъ?... Да не плачь ты... слышишь!... Господи!... развяжи ты меня, океаннаго!...

— Смотритель ругается...

— Что?... Да какъ онъ смѣетъ, мерзавецъ?...

— Надоѣли, говорить... Всю тюрьму засажали. И жуликовъ-то, говорить, некуда сажать...

— Ахъ, подлець!... съ жуликами равняетъ!... Ну, здорова она?... спрашивала ты?...

— Здорова... «Всѣ, говорить, здоровы... и некогда, говорить, мнѣ съ вами время прохладать... Жуликовъ, говорить, однихъ у меня...»

— Ахъ, мерзавецъ, а?... А какъ у дворянскаго предводителя гувернантку забрали, живо выпустили... А какъ маленькій человекъ...

«Нѣтъ... надо сказать, надо»...

Страшная тяжесть, какъ камень, давила сердце.

«Ну, что же... пускай... Одно къ одному»...

Онъ рѣшился.

...Кому же и сказать, какъ не ей? Съ ней онъ прожилъ двадцать семь лѣтъ, съ ней перетерпѣлъ всѣ невзгоды, лишенія и эту вѣчную бѣдность.

Онъ взглянулъ на ея обтянутое лицо съ сѣдьющими висками, усталые, безцвѣтные глаза; вспомнилъ ее молодой когда-то, въ тѣ далекіе годы, когда жили они въ комнаткѣ у портнихи, а Надя едва ходила по стульямъ...

Онъ посмотрѣлъ на нее съ горькой досадой на все, на всю свою хмурую жизнь, съ болью... Онъ посмотрѣлъ на ея грязную кофту и рваный платокъ.

— Что ты... Миша?...

Миша! Это слово давно не произносилось въ скучной квартирѣ. Это былъ отголосокъ молодыхъ дней.

— Такъ... да... Ты только... не плачь... Слушай, не плачь!...

Она испугалась и стихла.

— Казначей сказалъ... лучше подать въ отставку...

— Въ отставку!... какъ?...

Она согнулась вся, точно надъ ней занесли руку. Эта мысль объ отставкѣ пугала ее всю жизнь. Давно-давно, когда она убирала, бывало, уютную комнатку, ей казалось, что все это непрочно, что Мишу могутъ прогнать, и руки ея опустились. Когда онъ заивалъ, она

дрожала. Когда кого-нибудь изъ знакомыхъ гнали со службы, она переживала съ ними весь ужасъ и со страхомъ слѣдила за мужемъ. Когда Надя ходила въ школу, она боялась, что все оборвется, и Надя не кончитъ. Она вздохнула, когда Надя получила мѣсто съ сель. А жизнь прошла, и остался привычный, томительный страхъ. Онъ выросъ, когда Надю арестовали; онъ превратился въ ужасъ, когда въ ихъ квартиру явилась полиція съ обыскомъ. Она ждала, что вотъ случится то, чего она такъ боялась, но все обошлось... и вдругъ...

— Не бойся ты... не плачь... Ничего не будетъ!... Я не писецъ имъ!... у меня рука есть въ начальнику отдѣленія...

— За что же?... за что?...

— Племянника втереть хочеть! Нѣтъ, не выйдетъ!... Я ему покажу, ширококрылому!... На подозрѣніи я... дочь въ тюрьмѣ!... Ладно!... Я знаю, какой циркуляръ, какъ его понимать... Пусть онъ литеру «б» прочтеть!...

Онъ поднялъ всегда понурую голову и постарался принять бодрый видъ.

А въ душѣ сидѣлъ страхъ, проклятый страхъ мелкаго служки. Онъ сидѣлъ въ немъ всегда, съ перваго дня службы, съ того дня, когда онъ боязливо вошелъ въ душную комнату казначейства, сѣлъ на край стула и взялъ перо. Потомъ страхъ притаился, уснулъ. Являлся новый начальникъ, страхъ глядѣлъ изъ расширенныхъ глазъ, изъ потертаго пиджака, изъ подобострастной улыбки. Хотѣлось взять отпускъ, перо дрожало въ рукѣ: а ну какъ не пустять, скажутъ: можете убираться совсѣмъ. Заходилъ управляющій, и страхъ подымался опять, подлый страхъ голодающаго писца. Казначей не отвѣчалъ на поклонъ, и снова вставали тревожныя мысли.

Анна Васильевна ждалась и тихо плакала въ уголѣ. Ей вторилъ дождь, потоками гремѣлъ по трубамъ, дробью стучалъ въ окошко.

«Эхъ, жизнь проклятая,—думалъ Брошкинъ.—Прошла вѣдь... совсѣмъ прошла... и ничего... ничего... Родился въ углу, и сдохнешь въ углу... А-а»...

Онъ посмотрѣлъ на жену. Ея тихія слезы, робкія, рабы слезы, перевернули сердце.

— Брось! Ну ихъ къ дьяволу!...

Онъ взялъ ее за плечо.

— Чортъ меня дернулъ сказать... Анна!... Люди вѣдь мы съ тобой!... Да не плачь ты... Слушай... Если только онъ меня...

Страхъ глядѣлъ на него изъ ея расширенныхъ глазъ.

— Морду ему разобью!... при всѣхъ... Онъ меня узнаеть!...

Она знала, что сейчасъ будетъ. Она знала, что всегда, когда онъ

поднималъ голову и старался говорить властно, когда являлся приливъ дерзости и онъ называлъ себя человѣкомъ, онъ шелъ къ бутылкѣ и начиналъ искать водку. А потомъ буянилъ всю ночь, гребалъ стульями, рвалъ рубашку и порывался бѣжать. Сосѣди шептались за дверью, сверху приходилъ консисторскій чиновникъ и предлагалъ пригласить полицейскаго. А она ходила за нимъ, плакала и звала:

— Миша!... оставь...

— Я—человѣкъ!... Ты не забывай этого... и я не позволю всакому хаму... Теперь не то время... я самъ права имѣю...

Онъ взглянулъ на отчетъ и отвернулся.

«Завтра».

— Миша!...

— Водки дай!—я говорю!...

— Миша!...

— А-а-а!...

Онъ нетерпѣливо замахалъ рукой и твердо пошелъ къ шкафу. Вчера была получка, и водка была. Онъ выпилъ стаканъ.

...Дзиннь!—рванулся звонокъ.

— А чортъ... Бого еще тамъ... Отопри!...

Она испугалась и не рѣшалась идти.

...Дзиннь... дзиннь...

— Я боюсь... отопри ты...

— Боюсь!...

Онъ взялъ лампу и пошелъ отпирать.

— Кто?

— Я...

— Кто—я?

— Да я... Тутъ живетъ Брошкинъ...

— Ну, тутъ... Чего нужно?...

— Письмо изъ тюрьмы...

Онъ сбросилъ крючокъ и крикнулъ:

— Анна!... отъ Нади!... письмо отъ Нади!...

Порывъ вѣтра съ дождемъ чуть не задулъ лампу. Въ передней вошелъ человѣкъ и остановился у двери. Вода лила съ него тонкими струйками. Онъ отряхнулся, вытеръ шею грязнымъ платкомъ, встряхнулъ промокшій картузъ и мигалъ на огонь. У его грязныхъ ногъ стояла цѣлая лужа и ползла по неровному полу. Мокрой тряпкой онъ вытеръ на немъ пальтецо.

— Ужъ и дождь... ливень-съ... Наскрозь прохватилъ...

Онъ миля на мѣстѣ и заглядывалъ въ комнату. Его тонкая куртка повертывалась быстро-быстро.

Брошкинъ нетерпѣливо смотрѣлъ на него.

— Письмецо вамъ... просили вручить... барышня-съ... въ тюрь-
онѣ...

Онъ подмигнулъ на огонь и сталъ снимать мокрый сапогъ.

— Въ сапогѣ оно... письмецо-то... за подборку вшито... по
чаю обыскиваютъ... Ножица-съ позвольте... Ишь, какъ нагряз-
ь-то я вамъ...

Онъ съ трудомъ снялъ сапогъ и вылилъ новую лужу.

— Тутъ у меня ихъ— коллекція цѣлая... три штуки... Ну,
ь-съ...

Онъ распоролъ подкладку у голенища, досталъ три измятыхъ
ета и сталъ читать.

— Вотъ... ваше это-съ... Михайлѣ Васильичу Брошкину?... Ну
ь-съ... это ваше-съ... А это другимъ-съ... Одно въ Москву на-
ми... Тутъ...—онъ подмигнулъ,—сбѣютъ... на почтѣ-то... такъ
ми въ руки-съ...

Они читали письмо, они глядѣли на знакомыя строки. А мокрый
овѣкъ стоялъ въ лужѣ воды. Онъ спряталъ письма на грудь, съ
домъ натянулъ сапогъ и вытиралъ шею: вода пробралась за
вакъ.

А они все читали, склонившись надъ лампой.

— Видишь... здорова и бодрится еще... видишь...—дрожащимъ
сомъ говорилъ онъ.—А эти... мерзавцы, только мучили насъ...
ишь... Ну, и нечего плакать...

Онъ обернулся къ дверямъ.

— Вотъ спасибо... Да какъ прохватило-то васъ...

— Ничего-съ... привычное дѣло...

— Да что же вы стоите... снимайте пальто.

Мокрый человекъ мялся. Глаза его мигали, точно ихъ ослѣплялъ
тъ.

— Итить надо еще въ одно мѣсто... А утромъ въ Москву... де-
ъ на дорогу дали...

— Ну, чего тамъ... Да хоть въ комнату войдите...

— Да что ужъ... все одно-съ... вдребезги...

Онъ стащилъ пальтецо и бросилъ на полъ.

— Въ лоскъ... до живого мѣста-съ... их-хи-хи... навыжимку...

р...

Въ обтрепанномъ пиджакѣ, высокій и тонкій, онъ походилъ на
рую длинноногую птицу.

— Да вы садитесь... Чаю не хотите ли?...

— Чаю?... Хуже-съ... это я вамъ скажу... застудиться можно съ чаю-съ... бррр...

Онъ присѣлъ на стулъ и мигаль. На лицѣ его еще лежали капли дождя.

— Прочитали-съ, какъ онѣ тамъ?... Да они тамъ ничего... обошлись... и ваша-съ... тоже.

— И ничего?...

— Ничего... въ компаніи они всѣ... весело... И любопытный народъ!... политическіе, конечно, люди все... цѣпкіе...

— Какъ?...

— Цѣпкіе... образованные, конечно... Какъ, что—шумъ сейчасъ сдѣлають, прокурора, значить, требуютъ... Ну, есть которые—мрачность папускають, а то есть и пѣсни поють...

— Ну, а наша-то?... Письмо-то вотъ которая...

— Ужъ и развеселая барышня!...

— Слышь, Анна Васильевна!... Надька-то... Ловко!... Да какъ это вы такъ... письмо-то пронесли?...

— А очень просто-съ... въ сапогѣ... рази доищешься...

Онъ скривилъ голову и подмигнулъ на огонь.

— Я изъ тюрьмы-съ...

— Такъ и вы тоже сидѣли?

— Какъ же-съ... по суду... за кражу... рецидивистъ я-съ...

— ?

— Да-съ... по четвертой кражѣ-съ...

— За кра-жу?... Такъ вы... значить...

— Стало быть...

Онъ замигаль на огонь и сталъ приглаживать мокрый вихорь.

А они оба, мужъ и жена, смотрѣли на него, какъ на невиданное чудо, такъ странно выброшенное къ нимъ черною ночью, мокрое, тонкое, мигающее на огонь и жалкое въ обтрепанной не по росту курткѣ.

Холодная мокрая ночь ходила за окнами, постукивала въ стекла.

— По случаю кражи-съ... такъ сказать... по суду-съ... Ужъ и холодно-съ... бррр... Я уйду-съ...

Онъ видѣлъ уставившіеся на него глаза, спрашивающіе, удивленные, и въ глубинѣ глазъ онъ чувствовалъ не то беспокойство, не то удивленіе.

Они смотрѣли на лужу около его ногъ, на грязные сапоги, на большіе слѣды, какъ отпечатки лапъ мокраго звѣря, на тощую фигуру, съ которой еще сбѣгали капли. Они искали въ немъ чего-то особеннаго, чего нѣтъ у нихъ, страннаго,—и не находили.

...Воръ... жуликъ...—и онъ сидитъ на ихъ стулѣ, въ ихъ комнатѣ, треть костлявыми пальцами колѣни, вопросительно смотритъ на нихъ, свернувъ голову на-бокъ, и такъ часто мигаетъ...

— А-а... такъ вотъ...—сказалъ Брошкинъ.

— Да-съ... Вамъ, конечно-съ, чудно... А вѣдь это самое обыкновенное-съ...—говорилъ мокрый человекъ, чувствуя на себѣ беспокойные взгляды.—Такъ прощайте... Я ужъ пойду.

Онъ поднялся и раскланялся, прижимая мокрый картузь къ животу. Его глаза мигали насмѣшливо.

— Ничего... ничего... вы посидите... дождикъ льетъ... посидите,—торопливо заговорилъ Брошкинъ, почему-то осматриваясь.— Это... ничего... бываетъ... Такъ вы и пронесли...

— Да-съ... такимъ манеромъ... вышелъ мнѣ срокъ, я и пронесъ...

Молчаніе.

— На родину шлютъ, и опять проходное свидѣтельство... А на родинѣ у меня заячья квартира-съ...

— Что?... какъ заячья?...

— Обязательно заячья-съ... Какъ онъ, заяцъ, живетъ-съ?... въ кусту онъ хоронится... жалья у него нѣтъ настоящаго... Ну, и у меня-съ... На заячью, стало быть, квартиру шлютъ... Ну, и вертишься вокругъ вѣтра... Полиція беспокоить... Теперь, сказываютъ, много легче для нашего брата... тѣхъ теперь ловятъ... политическихъ... На службу поступить—вѣдь не возьмете-съ... и нивагой человекъ не возьметъ... Жуликъ и жуликъ... Я было поступилъ и прижился, за тридцать копеекъ глазокъ выправилъ... начпортъ-съ... дѣлають такіе... Ну, нагрязнула полиція, а я въ окно устегнулъ... Ну, и вертишься.

Стаканъ водки начиналъ дѣйствовать. Брошкинъ чувствовалъ пріятный шумъ въ головѣ и теплоту въ тѣлѣ. Хотѣлось говорить.

— Вертишься?...

— Волчкомъ-съ... А ужъ влопаешься, это ужъ какъ пить-съ... Я больше черезъ десятую...

— Это... какъ же?...

— Черезъ десятую... Это, какъ кому какое счастье... У насъ ужъ примѣта такая... Одинъ черезъ пятую, другой черезъ семью... яражу-съ... Я вотъ... все больше черезъ десятую... Какъ подошла она,—обязательно влесаешься... Ахъ ты... итить надо... Дождь-то, дождь-то какой анаемскій...

Онъ поднялся и встряхнулся весь, какъ лягашъ.

— Бррр... холодно-съ...

«Водки ему дать, — подумалъ Брошкинъ. — А дажъ водки»...

— Водки хотите?

— А есть?... дайте... Водки хорошо выпить, согрѣеься. бррр...

Мокрый человекъ быстро передернулъ плечами и весело мигнулъ.

— Ужъ какъ это хорошо при огонькѣ посидѣть... въ чистомъ воздухѣ-съ... на стульчикѣ... Давно-съ я такъ не сидѣлъ...

И Брошкину стало жалко его. Онъ прошелъ къ буфету, взялъ водку и вспомнилъ, что онъ долженъ выпить. Въ желудкѣ жгло, то, слабость чувствовалась въ ногахъ, кипѣло на сердцѣ. Полученное письмо будило въ душѣ боевое настроеніе.

«И самому хватить... Хвачу—куда ни шло. И онъ выпьетъ».

— И я выпью!—крикнулъ Брошкинъ, подбадривая себя.—Да ка, Анна Васильевна, закусить чего...

Онъ повеселѣлъ, теръ руки и уже не смотрѣлъ въ упоръ мокраго человекъ.

«Вотъ и жуликъ, а письмо принесъ... а они... Выпью... немѣнно выпью»...

— Наливайте... и мнѣ... да... гм... гм... какъ васъ...

— Чего-съ?... Я было уснулъ-съ... съ теплоты-то...

— Наливайте... васъ какъ звать-то?...

— Максимъ Ивановъ... а по фамиліи я—Бутузовъ...

— Бу-ту-зовъ?... это изъ исторіи... въ 12-мъ году...

— Такая фамилія-съ... А по прозвищу-съ...—Онъ сдѣлалъ свое рое лицо и подмигнулъ.—«Блещи-съ»... Такъ и зовутъ—Максимъ «Блещи»...

— Да почему-жъ это такъ—«Блещи?»...

— По ногамъ это... насмѣхъ... длинныя у меня ноги... Ну, за руки: рука у меня грѣбная, какъ блещи...

Онъ вытянулъ руку и съ силой повелъ пальцами.

— Сила!... Свистуна одного ухватилъ,—не дышалъ-съ... и силу отняли...

— Какого свистуна?

— А сыщика... Мы ихъ свистунами... зловердныя они. Ужъ хорошій напитокъ... кха-а...

— Ага... Такъ вы за почтальона...

— Вотъ-вотъ... Товарищеское дѣло-то...

— То-варищеское?...

— Да вѣдь какъ же-съ... Съ одной квартиры. Хоть и я...

одной мастилки, а клѣть-то одна: кто за политику, а кто и за самую суть... Я вотъ за суть, а могу и за политику... Что-съ?... Могу... Да они тамъ насъ вотъ какъ уважають—страсть...

— Уважають?...

— Обязательно. Какъ родные. Тамъ одинъ старичокъ... въ золотыхъ очкахъ... пенсе на ленточкѣ... волосы длинные... сурьозный старичокъ, все съ книжкой ходилъ... Я ему все газеты изъ рукава въ рукавъ всовывалъ,—не дають имъ газетъ-то... Ну, а мы имъ пристроили... Такъ онъ меня разъ за руку взялъ, хоть я и изъ... гм... гм... Хорошій старичокъ!... Тамъ всё вокругъ его ходили и профессоромъ называли... «Профессоръ» да «профессоръ»...

— Да ну?... и профессоръ тамъ?...

— Обязательно. Тамъ всякій народъ, и инженеры есть... Ну, вотъ разъ разговорились мы съ нимъ, со старичкомъ-то... Все знаетъ!... и законы, и про науку, и про суды, и про божественное,—ну все,—лучше защитника... Потолковали мы съ нимъ, а онъ и говоритъ: «Вы, говорить, жертва середи»... Ей-Богу... Такъ меня потомъ все середию звали. А дѣвчоночка тамъ была, бѣ-ѣленькая такая, учительница... такъ все пропаганду читала... Вотъ какая, я вамъ объясню, шустрая была... «Товарищи вы, говорить, наши, и мы за васъ... И вы, говорить, и мы, если разобрать, все равно по одной причинѣ... Гм...» Со свиданьемъ васъ... и вамъ, барыня, добраго здоровья... Кха-а...

Выпили оба.

— По одной причинѣ?...

— Обязательно. И все рассказала. И старичокъ подходилъ, и все головой качалъ—одобрялъ, стало быть. «Вы, говорить, изъ нужды на такое дѣло, стало быть... жуликами... по нашей части... Ну, и мы, говорить, за васъ идемъ... чтобы всёмъ лучше было. А какъ лучше будетъ, то и жуликовъ не будетъ... А насъ, говорить, за это за самое и прихватили...» За ваше здоровьице... приятнаго разговору... гм... Вотъ и сохнуть началъ... паръ идетъ... гм... ●

— На-ливай... нали-вай... и мнѣ...

Брошкинъ чувствовалъ, что на глаза начинаетъ надвигаться податывающая сѣтка, въ ухахъ звончѣй отдаются слова. Онъ начиналъ принимать непринужденныя позы, откидывался на спинку стула, тролалъ собесѣдника за мокрый рукавъ и со стукомъ ставилъ рюмку на толь.

— Ну, мы и понимаемъ... Конечно, товарищи... «Мы, говорить, всёхъ стараемся»... Конечно, просвѣщеніе у нихъ... науки въ ювъ... Имъ все явственно. Только надзиратель все гонялъ насъ

отъ нихъ, чтобы никакого понятія не было... И серчалъ же старичокъ!... и-и!... Глянетъ скрозь очки и осерчаетъ... и все бороздило... Ну, и письма перекидывали... Они-то какъ безъ рукъ, ужъ у насъ дѣло налаженное... По случаю дождя-съ... всякаго благагополучія...

Они выпили.

— А... старичокъ... остался?... въ тюрьмѣ, а?...

— Тамъ-съ... а что-съ?...

— Ничего... А наша... тоже съ нимъ... говорила, а?...

— Навсѣгды... Очень даже его уважаютъ... всё... Вотъ и вышло у насъ дѣло... Посадили старичка въ отдѣльную... за его нечестность. Рѣчи все на дворѣ говорилъ... вокругъ всё его ходилъ... Вотъ умнѣющая голова!... и-и... Бож-же мой!... ну, чистый... Не полеонъ!...

— Со-кратъ!!...

— А?... высшего колибра... Рѣзко такъ говорить, часто, какъ изъ книжки. Какъ подняли они стукъ—страсть... Мы и прозвѣда да вразъ во всё двери... Стекла вдребезги... по всей тюрьмѣ. Надо-жъ товарища выпростать. Прокурора вызвали, десятерыхъ въ карцеръ и меня зацѣпили... А старичка-таки выпустили... Ужъ выпью-съ... По случаю письма-съ... съ добрымъ вечеромъ!... И кость этакая... гм... во всемъ тѣлѣ...

Брошкинъ уже давно ощущалъ, какъ внутри его, въ сердцѣ, начинаетъ бурлить кровь, выдавливать накипь, страхъ, мелочи и грязь речи жизни. Ему хотѣлось говорить, кричать, двигаться, передвигать все въ надѣвшею до тошноты квартирнѣ. Ему хотѣлось выбить запотѣвшія окна, впустить бившуюся за стѣнами ночную муть.

— Выручили... И навсѣгды выручимъ!...

— Мо-лод-цы... вотъ это... молодцы... И ты—молодецъ... и ни-маешь... старичка... чортъ тебя дери...

— Обязательно... Товарищество!... Тамъ ихъ народу-то не хватано — сила!... За ваше здоровьице... съ приятнымъ знакомствомъ-съ... хха-а... Пошелъ чияжигъ на постой—не выпить ли шестой?... Умственно!...

— Правильно!... Ахъ ты чело-вѣкъ... чело-вѣкъ... Такъ не товарищески?... А ты... не... моргай... тово... да...

— Обязательно... Да мы бы имъ всю тюрьму размолотили... Мы тоже понимаемъ...

— Вы-то!... это... жулики-то?...

— Обязательно... Жулики... а что такое жулики!... Вы!

господинъ хорошій, ежели вникнуть... одно недоумѣніе... Бто ежели съ чувствомъ,—они понимаютъ...

— Никакого... чувства... нѣтъ... У чорта есть... у чоррта!...

— Чортъ—это дѣло не наше-съ... онъ—духъ... А старичокъ энтотъ... въ очкахъ,—онъ все понимаетъ... все!...

— Правильно!... ста-ри-чокъ!... Онъ не простой... стари-чокъ... нѣ-ѣтъ... Ты какъ полагаешь, милый человекъ, а?... А можетъ... онъ и не старичокъ, а?... На-и-тіе... такое...—Брошкинъ пошевелилъ пальцами,—на-и-тіе... мир-ражъ!... такой... знаешь... дымъ... вродѣ... духа!?...

— Ужъ это вы... нѣтъ... Самый настоящій старичокъ... и въ очкахъ...

— Враки... враки... обморокъ это... глазо-отводъ!... Гдѣ онъ тамъ, старичокъ... Жу-лики все... всѣ они жулики... Нѣту старичка!...

— Ужъ это вы...

— Не ми-гай... не мигай!... Всѣ они... Бто у насъ не жуликъ, а?... Нѣтъ, ты скажи!...—Брошкинъ ухватилъ гостя за рукавъ.—Бто у насъ не жуликъ?...—кричалъ онъ, стучая рюмкой по столу.—Всѣ жу-ли-ки и про-хво-сты... У насъ... у насъ...—Онъ побрякивалъ руками въ воздухъ и щелкнулъ рюмкой...

— Рюмочку-то сломали, господинъ...

— Бъ чорту... Анна Васильевна!... р-рюмочку!...

Она подала новую рюмку и покорно, вздыхая, отошла въ уголокъ. Посѣтитель конфузливо подобралъ подъ себя вытянутые ноги.

— Правильно я говорю?... Ты, какъ тебя... мокрый человекъ!... правильно я... изла-гаю свои мысли?...

Посѣтитель вытянулъ шею и заглянулъ въ полутемный уголокъ. Онъ увидалъ блѣдное лицо и платокъ. Брошкинъ умолкъ. Было тихо. Тихія, робкія всхлипыванія мѣшались съ печальнымъ стукомъ дождя.

— Конечно-съ...—тихо сказалъ гость, позвягивая рюмкой по графину,—дѣло ихнее—особая статья... хозяйство... И притомъ... въ нихъ чувствительность...

— Что?—почти закричалъ Брошкинъ.—Чу-чувствительность!... А я!... а у меня... не чувствительность?... а?... Постой... постой... че хлещи водку-то!... по-о-сто-ой!...—Онъ схватилъ графинъ.—Ты скажи... я не... не... чувствую?... а?... Я не плачу?... а?... Я... 1... Мишка, окаанный... я не чело-вѣкъ?... Чортъ я? дьяволъ я?...—Его голосъ дрогнулъ, и въ горлѣ стало переливаться.—Надъку взя-и... а ты думаешь—я и не чувствую?... А слезъ не проливалъ, а?...

А пороги я не обивалъ?... а?... Что моргаешь!... Ты не моргай!... нѣ-ѣтъ!... Ты мнѣ скажи... Ты думаешь, я не понимаю... А?... Вонъ она... вонъ... плачетъ... Старуха моя плачетъ... Вѣдь по мнѣ... плачетъ... по Надьѣ плачетъ... по себѣ плачетъ!... Что?... а?... По жизни своей плачетъ!... по... по каторгѣ своей плачетъ... Плачь, Мишка!... плачь!...

Онъ ударялъ себя въ грудь.

— И нѣту слезъ... выкипѣли всѣ... всѣ слезы мои вышли... вся жизнь изъ меня вышла!... Прошла жизнь... и ничего... и не было ничего... Ты!... жуликъ, милый ты человекъ... Что ты все моргаешь?... Ничего не было!... И ничего-о... ни-ни... Одинъ французскій пятнадцатинный!... Видалъ?...

Онъ показалъ кукишь.

— Вотъ что... было...—французскій пятнадцатинный!... За сорокъ цѣлковыхъ... двадцать лѣтъ на двадцати рубляхъ сидѣлъ!... сто часовъ въ день скрипѣлъ!... Ночи!... понимаешь ты... ночи скрипѣлъ!... Жуликъ!... милый ты мой че-ло-вѣкъ!!... Го... гонять меня вонъ... на улицу гонять... Жуликъ!...

Онъ опустился на стулъ и сталъ рыдать.

— Господинъ хорошій... послушайте... господинъ...

Брошкинъ поднялъ голову и прислушался. Потомъ протянулъ палецъ.

— Смотри, смотри, плачетъ она... она... Она всегда плачетъ... сердце мнѣ рветъ... И ночью плачетъ... по Надьѣ плачетъ... Анна Васильевна!... голубушка!... ты!... погоди...

Онъ, покачиваясь, подошелъ къ ней, уронилъ стулъ.

— Не плачь!... Не надо плакать. Надька не пла-четъ... ни-ни. Спроси жулика... Жуликъ!... Надька не плачетъ?!...

Онъ погрозилъ пальцемъ и заморгалъ.

— Обязательно!... Веселость въ нихъ и сила большая... За ваше здоровье... и ихъ-съ... пріятнаго разговору...

— Наливай, наливай... Мнѣ наливай!... Французскому пятнадцатинному!...

Онъ взялъ рюмку, поднялъ надъ головой, сдѣлалъ торжественное лицо и мелодраматически сказалъ:

О, напитокъ сей ужасный,
Что же хвалить человекъ?
Много жертвъ... несчастныхъ
Потонуло въ немъ—навѣкъ!!...

— Что? Ты что это рожу строишь... навѣкъ!!...

— Ты внимни: навѣтъ!!!

— Ужели это вы сочинили?

— Ду-р-рракъ!... Я?... Это сказаъ... это сказаъ... Анна Васильевна?... Кто это сказаъ... а? Она ничего не знаетъ... Это сказаъ самъ Шек-спирръ!... Шек...-спирръ-ръ!!! Такой нѣмецкій... умный человекъ!—онъ безнадежно махнулъ рукой.—Померъ. Жуликъ!... Ты помнишь... Шек-спирръ!... пррър!... Жерртвъ... несчастныхъ!... Жерртвъ!... Кровью пахнетъ!... Жерртвъ!... А?... Что ты все моргаешь, жертва несчастная...

— Не такъ-съ... жертва середины...

— Се-ре-ды?... Ну, и чортъ съ тобой. А я... жертва... вечерняя-а-я... услыши... мя, Го-спо-ди-и... Сто дней въ недѣлю скриплю... скррър... скррър... и сорокъ цѣлковыхъ съ Новаго года и... до конца... получай пятнадцатый!...

Часы пробили два.

— Два... Ужъ я пойду, господинъ хороший... Письмецо надобно-съ, а утречкомъ и въ Москву.

— Что? Письмецо? Кому письмоце? Старичку... а? Пѣтухову? Какой тамъ чортъ, Пѣтуховъ?... Нѣтъ такого!... Нѣтъ, нѣтъ... ты не ходи... ни-ни!... Она... она сейчасъ плакать будетъ... въ подушку... А меня вы-го-нять... Казначей нашъ... такой ширококрылый чортъ. Я, братъ, отчета... годового отчета не переписалъ... очертъль онъ миѣ, окаянный... И не хочу!... Все равно вы-го-нять... а? Вонъ онъ, вонъ онъ, на столѣ, дьяволъ... а? Что моргаешь, какъ обезьяна? Живымъ манеромъ... разъ, два и колѣномъ... И цир-куляръ такой есть... и литера б тамъ есть... Онъ у насъ двоихъ выгналъ... кляuzu управляющему написалъ. Четверо ребятшекъ у него... мы... мышатокъ... и съ мышатками выгналъ... за пьянство, пошелъ! И теперь на бульварѣ ходитъ... публику останавливаетъ... и все шепоткомъ... и щеку подвязалъ. А двадцатаго я ему всегда полтинникъ... обязательно. Товарищу-то!... Н-на, получай! Выпьемъ, милый человекъ, что? Водки нѣтъ?... Ну, и наплюй, чортъ съ ней!... Идешь? Пойдемъ вмѣстѣ... пойдемъ!

— Михайла Васильичъ!...

Она стояла противъ него испуганная, блѣдная, жалкая.

Онъ мрачно взглянулъ на нее.

— Прочь! На воздухъ хочу... на воздухъ!

— Ужъ вы, господинъ хороший, не пугайте ихъ-то... Дождеться.

— Подъ дождь!... во тьму кромѣшную!... Жуликъ! Пойдемъ ачему... ширококрылому окна бить... а? Что?... Въ тюрьму! Все

равно, въ тюрьму такъ въ тюрьму!... Всѣхъ пусть берутъ на казенное пище... пищевареніе... что?... Вѣдь всѣхъ хорошихъ людей... въ тюрьму... и старичка... а? и бѣленькую... пропа-ганду, и Надьку... а?

— Нѣтъ, ужь прощайте, господинъ хорошій, итить надо, благодаримъ покорно за угощеніе. Прощайте, барыня, не сердчайте ужь. Потому они въ разстройствѣ чувства.

Онъ прошелъ въ переднюю и сталъ натягивать мокрое пальтецо.

— Ты куда? Нѣ-ѣтъ, братъ, пей водку.

— Миша!...

— Что, Миша!... Какой я Миша?... Былъ я Миша, а теперь... французскій пятіалтынный!...

Онъ схватилъ уходившаго за рукавъ.

— Надо, надо, господинъ хорошій.

— По то-вари-ществу! Ну, чортъ съ тобой... Понимаю я... понимаю!... Я, братъ, все-о... по-ни-маю...

Онъ хитро подмигнулъ глазомъ.

— Лампу, лампу давай!

— Ничего-съ, я и безъ огня, заронить можно.

— Свѣту боишься!... Ты, какъ тебя... ты на меня... не моргай... да... ты не сердись... мм... мм... что я тебя... жуликомъ... Я братъ... самъ... жуликъ... жу-уликъ!... Что моргаешь, а? что рожу-то такъ?... Жу-уликъ! Я, братъ, укралъ... у нее... у нее... все укралъ... все... и плачетъ!... Слышишь, плачетъ... и меня украли...

Онъ вдругъ схватилъ себя за голову.

— Украли меня, украли!...

Гость взялся за скобку.

— погоди!... Говорю, погоди, рожа ты этакая!... Украли вѣдь меня... Чортъ меня укралъ!... Чортова жизнь окаянная украла!... Ты пойми! Жуликъ ты мой, хорошій ты мой человекъ! Перваго человека хорошаго увидалъ, и тотъ бѣжить! Прощай, братъ, поцѣлуемся, братъ! Та-акъ... Ну, бѣги, бѣги.

Упалъ со стукомъ крючокъ, скрипнула дверь. Съ шумомъ лилъ дождь. Вѣтеръ гремѣлъ по крышамъ.

Брошкинъ стоялъ на порогѣ и смотрѣлъ, какъ высокая фигура, шлепая по водѣ, прошла въ калитку и потонула во тьмѣ.

Спотыкаясь и шаря по стѣнкѣ, нашелъ онъ крючокъ, защелкнулъ, тихо пробрался въ комнату и остановился. Изъ-за перегородки слышались тихія всхлипыванья.

— Плачетъ, плачетъ, все плачетъ... Господи, убей ты меня!

Онъ зажалъ уши, стиснулъ голову и опустился на стулъ.

Билъ дождь въ окна. Потрескивали старыя рамы.

Сильный внезапный толчокъ встряхнулъ засыпавшаго Брошкина. Онъ широко раскрылъ глаза.

— А завтра.

Путающимися шагами подошелъ онъ къ столу, схватилъ свой отчетъ. Тамъ стояли въ длинныхъ ровныхъ колонкахъ красивыя цифры.

Руки его задрожали.

— Надо... надо... завтра...

Онъ схватилъ перо, счеты и рукавомъ опрокинулъ чернильницу.

Черная, жирная широкая полоса поползла по гладкимъ колонкамъ, расплывалась шире и шире, скользнула на столъ, на колѣни и стала каплями падать на полъ.

Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на нее, отгачнулся назадъ и смотрѣлъ.

Гулко ударило три часа. Гасла лампа. Стекла дрожали порывами, точно чья-то рука бросила въ окна песокъ.

Иванъ Шмелевъ.

ЛЕГКАЯ СМЕРТЬ.

Василя Загаевича.

Понамарь Василій очень боленъ, въ груди колетъ. Ставили пивви и за виномъ посылали, все не помогаетъ. Прислалъ за мной ужъ поздно вечеромъ своего Гриньга.

— Идите, — говоритъ, — отецъ желаютъ еще разъ передъ смертью васъ увидетьъ, а можетъ быть хотятъ вамъ что сказать, не знаю.

Я пошелъ. Дорога была засыпана снѣгомъ вровень съ плетнями, поэтому мы шли тропинками позади усадьбъ.

— Очень отецъ боленъ? — спрашиваю по дорогѣ Гриньга.

— Смертельно — говоритъ — кто знаетъ, доживетъ ли до завтра.

— А завѣщаніе сдѣлалъ?

— Сдѣлали, но несправедливо. Мачехѣ всего достаточно записали, а насъ съ сестрой обидѣли.

Онъ подробно разсказалъ мнѣ, что отецъ завѣщалъ ему и сестрѣ, а что мачехѣ и ея дѣтямъ. Выходило, что мачеха съ двумя дѣтьми получала всего третью часть. Я заявилъ Гриньгу, что никакой несправедливости не вижу по отношенію его или его сестры. Скорѣй мачеха можетъ считать себя обиженной, а никакъ не они.

— Но вѣдь мачеха ничего не принесла съ собою къ намъ, — протестовалъ Гринько. — Все состояніе это отца да покойной матери.

Мы пришли въ хату. Хата старинная, низкая. Печь занимаетъ половину всего пространства.

На печи лежалъ маленькій школьникъ и усердно выводилъ на доскѣ какія-то каракули. На лавкѣ, за печью лежалъ Василій, прикрытый старымъ тулупомъ. Надъ постелью висѣла жердь, а на ней новый тулупъ, свитка и большой платокъ. Жена съ ребенкомъ сидѣла подлѣ печи, а дочь Оксана вытирала ложки; видно — недавно ужинали. Я подошелъ къ постели и поздоровался съ больнымъ. Онъ

протянулъ мнѣ дрожащую руку и хотѣлъ улыбнуться, какъ обыкновенно онъ улыбался,—но не могъ. Лицо силилось улыбнуться, а выразило боль и печаль.

— Вы больны, Василій,—заговорилъ я, садясь подлѣ больного.

— Охъ, боленъ, очень боленъ... пора, пора собираться... А тутъ пристають ко мнѣ изъ-за имущества... не дають покоя... она себѣ, они—себѣ...

Онъ говорилъ отрывисто, тяжело дышалъ и кашлялъ почти за каждымъ словомъ. Потомъ нѣсколько разъ тяжело передохнулъ, протянулъ руку по направленію меня и снова началъ говорить медленно, съ остановками, почти шопотомъ.

— Хорошо, что вы пришли... имѣю просьбу. Васъ послушаютъ... Пусть меня похоронятъ на старомъ кладбищѣ... около дуба... на новомъ не хочу лежать... печальное оно... однѣ могилы... а тамъ деревья большія... лѣтомъ птички...

Я обѣщаль исполнить его волю.

— Но пока что,—говорю,—вы не думайте о смерти, вы еще встанете. Переболѣете и встанете.

Василій махнулъ рукой.

— Пропалъ,—говорить, а черезъ мгновеніе прибавилъ:— да все равно!

Замѣтивъ, что разговоръ становится для него мучительнымъ, я отошелъ и сѣлъ на лавкѣ подлѣ окна. Въ хату вошелъ староста и еще два человѣка. Это сосѣди. Ихъ позвала жена, чтобы просили за нее.

— Слава Иисусу Христу!

— Слава во вѣки!

— Еще при памяти?—спросилъ вполголоса староста.

— При памяти,—отвѣчала жена.

Староста поздоровался съ больнымъ, потомъ сунулъ руку подъ тулупъ и ощупалъ ноги.

— Ноги холодныя. Умрете, кумъ. Когда ноги холодныя, а глаза западутъ въ голову—нѣтъ спасенія! Долженъ умирать.

Больной посмотрѣлъ внимательно на старосту, затѣмъ прошепталъ еле слышно:

— Все равно!

— Простимся, кумъ Василій,—сказалъ староста и взялъ больного за руку.

— Богъ вамъ прости, Богъ вамъ прости, Боже вамъ грѣхи отпусти,—простились по обычаю трижды. Такъ точно простились и двѣ другіе сосѣда, пришедшіе съ старостой. Такъ точно каждый изъ

нихъ щупаль ноги больного, качаль печально головой и предсказываль ему близкую смерть. Василий всякій разъ говорилъ свое: «Все равно!»

Теперь подошла къ постели жена. Она еще не плакала, но уже заранѣе поднесла къ глазамъ лѣвую руку съ запаской, чтобы имѣть ее наготовѣ, а правой взяла больного за руку и стала голосить:

— Да на кого же ты меня покида-а-аешь... съ малыыми дѣтками?... Да, гдѣ же я, бѣдная, съ ними дѣнусь? Гдѣ же я свою голову преклоню? Ни хаты, ни угла своего!

— Вѣдь я завѣщаль тебѣ амбары, — отозвался Василий. — Есть усадьба, поставишь хату, чего еще отъ меня хочешь?

— Да дай же мнѣ хоть ты тополи, надъ рѣкой, чтобы я себѣ какой-нибудь хлѣвъ поставила, а то коровенки негдѣ будетъ помѣстить.

— Я вамъ дамъ тополи! — крикнулъ Гринько, до сихъ поръ молча стоявшій у порога. — Вамъ и зубы вылетятъ! Развѣ вы сажали тѣ тополи? Или вашъ отецъ? Тополи мнѣ на амбары, понимаете? И то ужъ берете столько, кто знаетъ и за что!

— Молчи, дуракъ, — остановилъ староста, — тутъ отецъ на то, чтобъ распорядиться, а не ты.

— Видите, видите, добрые люди! — кричала жена, — еще отецъ живъ, а что онъ со мной дѣлаетъ! Пусть только отецъ закроетъ глаза, такъ онъ меня выгонитъ изъ хаты, на порогъ не пуститъ. Такъ то, такъ за мое доброе сердце, за мой трудъ, за мои заботы!

Она закрыла глаза запаской и продолжала жаловаться.

— Охъ, дайте мнѣ спокойно умереть! — умолялъ Василий. — Охъ! охъ!

— Нѣтъ, кумъ Василий, — вмѣшался староста, — такъ не годится. Пока вы живы, вы должны распорядиться какъ слѣдуетъ, а то потомъ будутъ спорить и тревожить въ гробу ваши кости.

— Да! да! — подтвердили оба сосѣда.

— Это, — продолжалъ староста, — обида для жены. Гринько и Оксана получили много, а она мало. Я прошу васъ, кумъ, и вотъ сосѣды тоже васъ просятъ, дайте женѣ тѣ тополи.

Въ хату вошла дѣвица лѣтъ пятидесяти. Это — сестра больного Меланга пришла проститься. Простилась трижды, сѣла подлѣ него и начала голосить:

— Братъ мой милый, одинъ вы у меня и то покидаете! Куда вы отъ меня уходите?

— Не заводите, Меланга, — сказалъ староста, — вѣдь онъ еще

не умерь. Когда пришли, то сядьте и посидите съ людьми, а мы вашего крика слушать не хотимъ.

Меланка поцѣловала больного въ руку.

— Братъ Василій, — начала просить, — откажите мнѣ этотъ старый тулупъ. У васъ ихъ два, а я такая бѣдная, такъ мнѣ холодно, смотрите, зима лютая, а я въ лѣтнемъ...

— Не могу, сестра, — простоналъ Василій, — Оксанѣ надо...
Ой, ой...

Жена взяла Меланку за плечи.

— Не морочьте головы больному, а идите сядьте подлѣ окна.

Меланка отступила, стала подлѣ дверей и начала жаловаться: такъ-то теперь на свѣтѣ! И въ дѣлежъ меня обидѣли, не дали всей части, что послѣ отца мнѣ слѣдовало и теперь стараго тулупа жалуютъ. Такъ! Богъ все видитъ!

Василій лежалъ навзничъ, устремивъ глаза въ потолокъ, затѣмъ обратилъ ихъ на всѣхъ и пошевелилъ губами. Староста подошелъ ближе и спросилъ, что онъ хочетъ сказать.

— Тополи пополамъ, — прошепталъ больной.

— Тополи пополамъ, — громко повторилъ староста.

— Значить, половина вамъ, — объяснилъ сосѣдъ женѣ, — а половина Гриньку.

— Такъ хорошо, никому не обидно, — согласился другой.

Жена принесла изъ чулана зеленую бутылку и стала угощать старосту и сосѣдей, а Василій, отвернувшись къ стѣнѣ, сталъ умирать.

На другой день рано зазвонили по немъ. Говорили, что смерть его была легкая.

Переводъ съ малорусскаго Н. К.

С Д Ф А Р Т Ъ.

(Разсказъ.)

I.

Сергѣй Васильевичъ былъ не совсѣмъ обыкновеннымъ исправникомъ. Надо думать, что и судьба не готовила его къ этой должности по крайней мѣрѣ, начальникъ губерніи каждый разъ, когда рѣшала о донецкомъ исправникѣ, дѣлалъ страдальческую гримасу, ударяя себя по шейному позвонку, говорилъ:

— Ахъ, этотъ Сергѣй Васильевичъ, вотъ ужъ гдѣ онъ у сидитъ!

Впрочемъ, надо сказать, что исправникомъ Сергѣй Васильевичъ сталъ лишь на 62 году жизни. До того времени лѣтъ двадцать служилъ участковымъ мировымъ судьей; еще ранѣе—предсѣлемъ мирового съѣзда; еще ранѣе—донецкимъ предводителемъ дни своей юности онъ провелъ въ Преображенскомъ полку.

Всѣ эти перемѣны происходили по мѣрѣ того, какъ ограничье, доставшееся ему отъ отца, превращалось въ севрюжьи хрѣномъ и поросять съ вашею, до которыхъ донецкіе дворяне вообще, и Сергѣй Васильевичъ въ особенности, были большими любителями; и если правду сказать, отъ всѣхъ этихъ перемѣнъ Сергѣй Васильевичъ не испытывалъ ни малѣйшаго ущерба ни своему здоровью, ни своему богатырскому пищеваренію. Его прежде всего интересовалъ самый процессъ жизни и на всѣхъ должностяхъ онъ чувствовалъ себя одинаково счастливо.

Все же на службу въ полицію Сергѣй Васильевичъ не сразу согласился. По упраздненіи мирового института онъ даже подумывалъ не устроиться ли ему какъ въ Петербургѣ, и съ этою цѣлью поехалъ туда къ своей всемогущей кузинѣ.

— Матушка, Ольга Григорьевна, дайте мнѣ какое-нибудь стечко!

Ольга Григорьевна, очень любившая Сергѣя Васильевича, бросилась на поиски и тотчасъ же приискала ему должность ревизора уфетовъ, которую какъ разъ въ это время учредили въ видѣ опыта а казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Зная хорошо слабости Сергѣя Васильевича, она была очень довольна своей находкой и съ торжествующей улыбкою вручила ему письмо директора департамента.

— Вотъ вамъ, cousin, и мѣстечко!

Прочитавъ письмо, Сергѣй Васильевичъ залился самымъ всемымъ хохотомъ.

— Это уже не въ бровь, а въ самый глазъ! Чудесная должность для предводителя, проѣвшаго свое родовое имѣніе!

Сначала Сергѣй Васильевичъ и думать не могъ серьезно объ этой должности; но, должно быть, кузина умѣла говорить весьма убѣдительно, такъ какъ въ концѣ-концовъ онъ всетаки поѣхалъ ревизовать буфеты.

Отъ души потѣшаясь надъ своей новой службой, онъ, однако, пользовался полною независимостью и чувствовалъ себя превосходно, какъ въ каждомъ поѣздѣ у него отыскивался одинъ, а то и два рѣителя, для которыхъ онъ заказывалъ особый обѣдъ телеграммою, внасясь, чтобы буфетъ не накормилъ ихъ какой-нибудь «гадостью».

Разъѣзжалъ онъ такимъ манеромъ по желѣзнымъ дорогамъ года два, пока катастрофа на Оптухѣ, изъ которой онъ вышелъ невредимымъ какимъ-то чудомъ, не заставила его мечтать о болѣе покойномъ пристанищѣ. Тогда онъ вспомнилъ, что въ родномъ уѣздѣ у него уцѣлѣли еще 60 десятинъ земли и пригородная усадьба, въ которой можно великолѣпно устроиться, если взять мѣсто исправника.

— Право, вѣдь на всякой должности я останусь очень порядочнымъ человѣкомъ; да и во всякомъ случаѣ, должность исправника куда какъ серьезнѣе экспертизы буфетовъ! — разсудилъ Сергѣй Васильевичъ и облачился въ узкій полицейскій мундиръ съ узорчатыми генеральскими погонами.

Сдѣлавъ это, онъ оглядѣлъ себя со всѣхъ сторонъ въ зеркало, расправилъ усы, приосанился и съ этой минуты не только не унывалъ, а напротивъ—всечасно, какъ и въ былые дни, восклицалъ:

— Боже, какъ жизнь хороша!

Да унывать Сергѣю Васильевичу и, въ самомъ дѣлѣ, не было большихъ оснований. Любили и уважали его попрежнему. Любили за радуше, дѣтскую простоту и непобѣдимую жизнерадостность; уважали— а живой своеобразный умъ, отличное воспитаніе и значительныя связи, при помощи которыхъ онъ уже не мало сдѣлалъ добра своимъ землякамъ.

Только писатель Баршевъ, его племянникъ, при всемъ распорядженіи къ Сергѣю Васильевичу, посматривалъ на него съ какою-то усмѣшкой и рѣшительно не выносилъ увлеченія, съ которымъ Сергѣй Васильевичъ каждыйдневно и непременно передъужиномъ зазывалъ обѣдъ старому повару Никитѣ.

— Ну, Никита, чѣмъ ты меня завтра кормить будешь?— началъ Сергѣй Васильевичъ, усаживаясь въ кресло и добродушно поглядывая на щетинистое лицо Никиты.

— Чѣмъ прикажешь, батюшка баринъ!

— Хорошо бы, братъ, чего-нибудь такого солененькаго,—говорилъ Сергѣй Васильевичъ съ такимъ жестомъ, какъ будто бы амтитъ уже возбуждался у него въ концахъ пальцевъ.

— Что-жь, можно селянку изъ осетрины сдѣлать.

— Отлично, селянку. Ну, а на второе?

— А на второе—поросенка съ кашей.

— Поросенка съ кашей! Это хорошо,—смаковалъ Сергѣй Васильевичъ,—а только, вотъ, въ прошлый разъ ты подалъ поросенка съ кашей, а мнѣ подумалось, лучше бы подъ хрѣномъ.

— Такъ подъ хрѣномъ сдѣлаемъ.

— Ладно, значить поросенокъ подъ хрѣномъ; ну, а на третье

Баршевъ обыкновенно уходилъ при самомъ началѣ такой бесѣды. Однажды ему некуда было скрыться, и онъ не выдержалъ.

— Какъ это тебѣ, Сергѣй Васильевичъ, не скучно вотъ уже, въ крайней мѣрѣ, тридцать пять лѣтъ вести изо дня въ день по цѣлымъ часу этотъ однообразный разговоръ съ Никитой?

— Во-первыхъ, надо тебѣ сказать,—отвѣчалъ Сергѣй Васильевичъ,—что этотъ Никита служить у меня не 35 лѣтъ, а вотъ ужъ скоро цѣлыхъ 43 года. Когда я уѣзжалъ вотъ изъ этого самаго дома въ Петербургъ на службу и огромный dormezъ съ вчеромъ, лабасомъ и поваромъ былъ уже готовъ откатить отъ крыльца, моя мать отчаянно вскрикнула: «Боже мой, кто же будетъ Сережѣ набивать трубку?» Черезъ пять минутъ ко мнѣ въ dormezъ усадили пятнадцатилѣтняго Никиту. Въ Петербургѣ я отдалъ его въ ученье къ хорошему повару, и вотъ съ тѣхъ поръ Никита служить у меня почти безжалованья и нигуда отъ меня не уйдетъ. Поэтому мнѣ вовсе не скучно проболтать съ нимъ 20 минутъ. А, во-вторыхъ, я люблю хорошо поѣсть и интересуюсь обѣдомъ... Да вѣдь и ты, я думаю, противъ хорошей селянки ничего не имѣешь?

— Мнѣ рѣшительно все равно. Всѣ эти обѣды и ужины—мнѣ скуча.

— Ну, что-жь! Говорять, одинъ англичанинъ повѣсилъ

того, что ему надоёло каждый день умываться. А по-моему жить, — значить хотѣть. Когда человекъ хочетъ ѣсть, онъ уже хочетъ жить, вотъ именно для того чтобы поѣсть; а когда онъ ничего не хочетъ, онъ лѣзетъ на осину, такъ какъ въ немъ ровно столько же жизни, сколько и въ осинѣ. Вотъ, когда твоя Елена Николаевна — кажется, такъ называются всѣ героини твоихъ разсказовъ; ты, кстати тебѣ сказать, изумительно неизобрѣтателенъ на имена и фабулы; — такъ, вотъ, когда твоя Елена Николаевна задумаетъ травиться фосфорными спичками, сдѣлай милость, пришли ее сначала ко мнѣ, я уговорю ее откупать тарелочку моего рассольника, и повѣрь, что послѣ того она попроситъ не спичекъ, а чаю; и когда я подамъ ей сладкаго чаю съ лимончикомъ, она сама увидитъ, что и въ ея жизни еще могутъ быть кое-какія радости.

— Но едва ли моя Елена Николаевна пойдетъ къ тебѣ обѣдать, и едва ли твой чай съ «лимончикомъ» покажется ей стоящимъ того, чтобы жить! На это у каждаго есть свой масштабъ. Ты, напримѣръ, идишь вонъ туда, въ конецъ коридора и уже кричишь по дорогѣ: «Боже, какъ жизнь хороша!» А иному самая привольная жизнь коровы покажется вовсе не лучшею, чѣмъ жизнь той же осины.

— Бакую цѣну имѣетъ мой чай съ «лимончикомъ», объ этомъ мы потолкуемъ съ тобою завтра, послѣ того, какъ Никита угоститъ насъ селянкой. Что же касается привольнаго житія коровы, то я ему не завидую, но только потому, что у меня, кромѣ коровьихъ желаній, есть множество другихъ, которыя дѣлаютъ мою жизнь гораздо болѣе полной. Въ томъ-то и дѣло, что чѣмъ больше желаній, конечно, не мечтательныхъ и туманныхъ, а живыхъ и ясныхъ, тѣмъ больше жизни и тѣмъ больше счастья. Вотъ у меня сейчасъ сидитъ въ тюрьмѣ арестантъ, удивительно симпатичный, и я непременно хочу его выручить. Или вотъ, ты видѣлъ, въ самомъ центрѣ города у насъ стоитъ развалившійся домъ Кантемира съ великолѣпнѣйшимъ паркомъ, совершенно недоступнымъ для публики. Я, братъ, задумалъ перестроить этотъ домъ въ театръ, а недоступный паркъ превратить въ городской садъ. Съ этою цѣлью я написалъ вчера полсотни писемъ, если понадобится, съѣзжу десять разъ въ Питеръ, и если добьюсь своего, то всѣхъ твоихъ Еленъ танцовать заставлю.

— А если не добьешься?

— Какъ не добьюсь! Добьюсь непременно!

— Ну, а если не добьешься?

— Значитъ, самъ виноватъ, взялся не за свое дѣло.

— Однако, ты долженъ сознаться, Сергѣй Васильевичъ, что ты

какой-то баловень судьбы: жизнь складывалась для тебя исключительно благоприятно.

— Да, я это самъ всегда говорю. Моя первая жена, твоя тетба, была замѣчательной женщиной; всѣ мои дочери вышли замужъ, какъ нельзя лучше; я не зналъ ни одной тяжкой болѣзни, и теперь на старости лѣтъ у меня растетъ такой славный мальчикъ, какъ Сережа. А Оптуха! Вѣдь это изумительно! Надо же было такъ случиться, что первый толчокъ меня выбросилъ на платформу вагона, а второй сбросилъ на мостъ; и только, благодаря этому, я одинъ спасся изъ всего вагона, который вслѣдъ затѣмъ поднялся на дыбы и полетѣлъ въ рѣку...

— Вотъ это-то и есть то безумное счастье, которое тебя ослѣпило; и только поэтому ты, какъ младенецъ, радуешься своей жизни.

— Нѣтъ, это по-моему только удача, а не самое счастье. Не этимъ наполняется жизнь... И знаешь, что я тебѣ скажу! Всѣ эти удачи заставляютъ меня иногда не на шутку задуматься: я рѣшительно не нахожу себѣ мѣста ни въ раю, ни въ аду. Посадить меня въ адъ—какъ будто бы не за что: я никому не мѣшаю жить, никому не желаю зла и даже въ *Новомъ Времени* никогда не читаю первой страницы. А допустить меня въ рай—тоже вѣдь не за что: я никогда не страдалъ, не перенесъ никакихъ испытаній и, увы! ужасно какъ привязанъ къ землѣ!

— Да къ тому же вѣдь тамъ ни селянки, ни чаю съ лимончикомъ,—потѣшался Баршевъ.

— А какой дождичекъ идетъ!—вдругъ прервалъ разговоръ Сергѣй Васильевичъ, заслышавъ, какъ дождь забарабанилъ по стекламъ.—Надя, какой дождичекъ идетъ!—крикнулъ онъ своей женѣ въ сосѣдную комнату.

— Чему же ты такъ обрадовался?—спросила Надежда Петровна.—Вѣдь завтра вечеромъ ты хотѣлъ ѣхать въ уѣздъ.

— Ну, что-жь! По крайней мѣрѣ, пыли не будетъ,—отвѣчалъ неисправимый Сергѣй Васильевичъ.

— А вѣдь въ твоихъ разсужденіяхъ о жизни и счастьѣ есть какая-то правда,—возобновилъ разговоръ Баршевъ.—Но только мнѣ кажется, что въ общемъ это философія скуки, которая силится убить время и придумываетъ для каждаго дня свою забаву. Отъ этого-то въ твоей этикѣ и не сходятся концы съ концами.

— Да, ужъ по части философіи я совсѣмъ плохъ. Ахъ, кстати, не хочешь ли, я подарю тебѣ Канта? На-дняхъ роюсь въ старыхъ книгахъ моей библіотеки и вдругъ, между «Таранасомъ» и «Похожденіями Чичикова» нахожу «Бритигу чистаго разума»; прочелъ нѣ-

ько главъ и рѣшилъ, что эта книга совсѣмъ не для меня писана. Итительно не понимаю, какъ этотъ философъ ко мнѣ попалъ. Съ этими словами Сергій Васильевичъ вынулъ изъ шкафа объемную книгу и съ шаловливою улыбкою написалъ на оберткѣ:

Откуда, какъ, когда—не знаю
 Ко мнѣ забрелъ философъ Кантъ.
 Его по праву уступаю
 Тебѣ, совсѣмъ не разбирая,
 Wo ist Vernunft und wo—Verstand!

II.

Однажды, это было раннею весною, зайдя въ полицейское управленіе, Сергій Васильевичъ увидѣлъ въ сѣняхъ стройнаго молодого арина, одѣтаго въ новенькую нарядную череску поверхъ пунцово-шелкового бешмета.

— Что тебѣ, молодецъ?—спросилъ Сергій Васильевичъ съ обыкренною пріятливостію.

Татаринъ приложилъ правую руку ко лбу, потомъ къ поясу, ко и не безъ достоинства поклонился, и молча подалъ карточку бумагу.

— Ну, пойдѣмъ разбирать твое дѣло,—сказалъ Сергій Васильевичъ, и ввелъ татарина въ комнату присутствія.

Здѣсь, поздоровавшись съ чиновниками и писцами и замѣтивъ два:

— А каковъ денежъ-то!

Сергій Васильевичъ спокойно усѣлся въ предсѣдательское кресло и раскрылъ поданную ему бумагу.

«Статейный списокъ о ссыльномъ арестантѣ, жителѣ сел. Дайлакь, Закатальскаго округа, Сафаръ-Ага-Абдуль-оглы»,—началъ чтеніе.

— Это ты Сафаръ?

— Я Сафаръ,—отвѣтилъ татаринъ, краснѣя до самыхъ ушей. «Изъ крестьянъ, 22 лѣтъ, вдовецъ, росту 2 арш. 3 вершковъ, волосы черные, на лбу выше лѣвой брови шрамъ».

— Такъ!—оглянуль Сафара Сергій Васильевичъ. — Это откуда у тебя?

— Это... давно ужъ,—отвѣтилъ Сафаръ, проводя пальцемъ по шраму.

«Судился въ закатальскомъ словесномъ судѣ, и по приказанію главпоначальствующаго, за убійство...—тутъ Сергій Васильевичъ»

вичь на мгновение приостановился и взглянул на Сафара— сельца Мамеда, при смягчающих вину обстоятельствах, является въ одну изъ внутреннихъ губерній имперіи подъ надзоръ лиціи на пять лѣтъ».

— Какъ же это тебя угораздило Мамеда убить?

— Такъ надо было,—коротко отвѣтилъ Сафаръ, снова вставивъ и опуская глаза.

«Волченокъ», подумалъ Сергій Васильевичъ съ нѣкоторыми удовольствіемъ.

— Какъ же такъ—«надо было»; ревность, что ли, или кривда?—спросилъ онъ еще разъ болѣе строгимъ тономъ.

— Такъ надо было,—повторилъ Сафаръ уже мягче и какъ со стономъ.

Сергію Васильевичу вдругъ стало его жалко.

— Ну, ладно; а что же ты здѣсь будешь дѣлать?

— Что велишь, то и буду дѣлать,—отвѣтилъ онъ, поднимая голову и глядя на Сергія Васильевича довѣрчивыми глазами.

— Я ничего не могу тебѣ велѣть, Сафаръ, ты только поди зорь ко мнѣ прислань; а вотъ у меня вчера лакей ушелъ; такъ хочешь, я возьму тебя въ лакеи.

— Лякей? Какой лякей? Я не понялъ.

— Ты будешь у меня слугою, будешь комнаты убирать, сады чистить, кушанья подавать... ну, да этому мы тебя живо научимъ.

— А ты мнѣ отдѣльной комната дашь?

— Дашь, если хочешь: комната у меня въ домѣ много.

— Хорошо! Я буду твой слуга,—согласился Сафаръ.

Черезъ часъ Сергій Васильевичъ уже подъѣхалъ съ Сафаромъ къ своей усадьбѣ и представлялъ женѣ молодого слугу.

— Надежда Петровна, смотри-ка какого я тебѣ лакея принесъ! Только ему надо дать особую комнату.

Надежда Петровна, увидѣвъ чистенькое нарядное платье и стройную фигуру новаго лакея, слегка улыбнулась отъ удовольствія.

— Придется дать ту комнату, направо изъ передней, гдѣ устраивалъ для губернатора приемную,—рѣшила она.

Четырехлѣтній Сережа также улыбнулся и, недолго думая, пахнулъ череску Сафара и потянулся къ его шелковому нагруднику. Сафаръ присѣлъ и, свободно охвативъ мальчика одной рукой, въ какой позѣ, глядя снизу вверхъ, непринужденно отвѣчалъ на вопросы своихъ новыхъ господъ. Тѣмъ временемъ мальчуганъ вѣдннлся имъ ручками въ газыри Сафара, живо вытянулъ сразу два газыри.

съ этой добычей, весело взвизгивая, проворно побѣжалъ къ своему гнѣзду.

Надежда Петровна, замѣтивъ эту продѣлку, засуетилась.

— Ничего, оставь, у меня много—послѣшилиъ успокоить ее Сафарь, поднимаясь на ноги и провожая ласковымъ взглядомъ убѣгавшаго мальчика.

Горничная Ариша съ благосклоннымъ любопытствомъ разглядывала молодого горца, и только старый Никита, притащившійся изъ кухни посмотреть на новаго лакея, неодобрительно и сухо оглядѣлъ прищельца, сдвинувъ свои нависшія, сѣдыя брови.

— Ну, Сафарь,—объявилъ, наконецъ, Сергѣй Васильевичъ,—теперь иди къ Никитѣ обѣдать, потомъ устраивайся, отдыхай, а завтра въ 6 час. утра будешь вмѣстѣ съ Аришей комнаты убирать!

Черезъ мѣсяць Сафарь сталъ драгоценнымъ и незамѣнимымъ слугою. Домъ Сергѣя Васильевича уже давно не щеголялъ такой чистотой. Всякій беспорядокъ и соръ устранялись немедленно какой-то безшумной и невидимой, но расторопной и ловкой рукой. Работы въ домѣ, благодаря постояннымъ гостямъ, было очень много, и тѣмъ не менѣе Сафарь, нѣсколько знавшій столярное дѣло, ухитрился еще найти время, чтобы перетереть и перечистить всю мебель. Но этого мало, Сафарь очень скоро разглядѣлъ всѣ привычки, всѣ прихоти и слабости своихъ господъ и проявлялъ по отношенію къ нимъ какую-то дружескую заботливость. Надежда Петровна, на примѣръ, какъ и большинство хорошихъ хозяекъ, тратила полжизни на исканіе ключей. Сафарь это замѣтилъ и установилъ за своею госпожею особый надзоръ, благодаря которому ключи всегда оказывались въ его карманѣ. На первыхъ порахъ это обезпокоило Надежду Петровну и она спросила его:

— Зачѣмъ ты берешь къ себѣ мои ключи!

— А зачѣмъ ты ихъ всегда теряешь!—простодушно отвѣтилъ Сафарь.

Сергѣй Васильевичъ только разъ вышелъ изъ дому, позабывъ портсигаръ и платокъ, и съ тѣхъ поръ Сафарь не выпускалъ его за порогъ, не удостовѣрившись въ его исправности по этимъ пунктамъ. Не забылъ Сафарь и Серезу. На двухъ квадратныхъ саженьяхъ онъ разбилъ ему въ саду правильными грядками микроскопическій огородъ, на которомъ произрастали и горохъ, и рѣпа, и редисъ, и морковь, и даже кукуруза; и одинокій мальчикъ нашелъ себѣ въ Сафарѣ самаго лучшаго и любящаго товарища.

Сергѣй Васильевичъ и его жена все это видѣли и сокрушались только о томъ, что они будутъ не въ силахъ вознаграждать Сафара по

его заслугамъ, и потому должны будутъ уступить его болѣе богатымъ сосѣдямъ. Между супругами было рѣшено, однако, предложить Сафару 8 рублей.

— Мнѣ нужно переговорить съ тобою, Сафаръ! — началъ Сергѣй Васильевичъ. — Сегодня мѣсяцъ, какъ ты у насъ служишь, ты самъ видишь, какъ мы тебя полюбили, но я не могу платить тебѣ болѣе восьми... ну, десяти рублей въ мѣсяцъ.

— Я человекъ убилъ, а ты меня въ домъ къ себѣ взялъ, ты мнѣ особый комната далъ, ты мнѣ твой маленькій Сережа какъ братъ дѣлалъ, ты меня милый Сафаръ называешь, а я съ тебя буду деньги брать! — отвѣчалъ Сафаръ.

— Но какъ же, Сафаръ! Ты мнѣ служишь, у тебя такъ много работы, я не имѣю права пользоваться твоимъ трудомъ даромъ! — недоумѣвалъ Сергѣй Васильевичъ.

— Я въ день и въ ночь про твои уваженія никогда не забуду, и за это я тебѣ слуга и для твоихъ гости тоже слуга, — силится выскататься Сафаръ, — а деньги у меня много, вотъ возьми 300 рублей — ты за нихъ меня кормить будешь.

— Нѣтъ, это невозможно, Сафаръ! Я обязанъ тебя кормить, — горячился въ свою очередь Сергѣй Васильевичъ.

— Ну, корми.

— И я хочу, чтобы ты ѣлъ мой обѣдъ съ моего стола.

— Нѣтъ, это не надо, я буду обѣдать съ Никиты, — твердо отвѣтилъ Сафаръ.

Съ Никитой, какъ и съ Аришей, Сафаръ обращался вѣжливо, но почти не разговаривалъ съ ними, не считая ихъ себѣ равными. Сынъ зажиточнаго поселенина, имѣвшаго лавки въ Загаталахъ и Дайлюкѣ, Сафаръ при своихъ скромныхъ потребностяхъ дѣйствительно не нуждался ни въ жалованьи, ни въ тѣхъ небольшихъ подачкахъ, которыя ему совалили многочисленными гостями Сергѣя Васильевича. Эти деньги Сафаръ неизмѣнно передавалъ Никитѣ, говоря, что въ нихъ не нуждается. Сначала сумрачный Никита подумалъ, что молодой лакей изъ арестантовъ ищетъ его благосклонности; когда же онъ убѣдился, что Сафаръ также мало интересуется его благосклонностью, какъ и атурами его дочери Ариши, его взяла оторопь и онъ счелъ долгомъ о такихъ странныхъ поступкахъ ссыльнаго лакея довести до свѣдѣнія барина.

Сергѣй Васильевичъ объяснилъ Никитѣ — въ чемъ дѣло, но не могъ понять, почему Сафаръ не отказывался отъ лакейскихъ подачекъ.

— Я вижу, Сафаръ, — замѣтилъ онъ, — что ты дѣйствительно

не нуждаешься въ деньгахъ, и то, что тебѣ даютъ наши гости, ты передаешь Никитѣ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ты берешь отъ нихъ деньги?

— Они твои гости, а я твой слуга, — отвѣтилъ Сафаръ, — я не имѣю права съ ними спорить; скажи имъ, чтобы они мнѣ ничего не давали.

Сергѣй Васильевичъ исполнилъ просьбу Сафара, и послѣ того его гости стали оплачивать любезныя услуги «гордаго кавказца» обычнымъ рукопожатіемъ. Сафаръ былъ чрезвычайно польщенъ этимъ новымъ услѣхомъ и мало-по-малу приучился очень мило и ловко цѣловать ручки всѣмъ дамамъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Сергѣй Васильевичъ рѣшилъ сдѣлать Сафару приличный подарокъ. Лучшій портной потихоньку снялъ мѣрку съ его черкески и сшилъ ему новую черкеску и новый бешметъ. Когда вещи были готовы, Сергѣй Васильевичъ принесъ ихъ Сафару и сказалъ:

— Сафаръ, позволь мнѣ тебѣ сдѣлать этотъ подарокъ!

Сафаръ взялъ вещи и по дѣтски весело чмокнулъ Сергѣя Васильевича въ губы.

— Ну, вотъ и отлично, — подумалъ Сергѣй Васильевичъ, — я буду расплачиваться съ Сафаромъ такими подарками.

Но прошелъ еще мѣсяцъ. Сафаръ получилъ какую-то посылку и вслѣдъ за тѣмъ, также весело улыбаясь, подалъ Сергѣю Васильевичу дорогой кавказскій кинжалъ.

— Это что? — недоумѣвалъ Сергѣй Васильевичъ.

— Это тебѣ кинжалъ.

— Я хочу, чтобы этотъ кинжалъ украсилъ твою черкеску, Сафаръ, — попробовалъ выпутаться Сергѣй Васильевичъ.

Сафаръ обидѣлся.

— Ты подарилъ мнѣ черкеску, а я взялъ черкеску и сказалъ: «спасибо тебѣ, Сергѣй Васильевичъ!» Ты долженъ теперь взять мой кинжалъ и сказать: «спасибо тебѣ, Сафаръ».

— Спасибо тебѣ, Сафаръ! — покорно повторилъ Сергѣй Васильевичъ и, поцѣловавъ слугу, принялъ подарокъ.

Небольшое затрудненіе, въ которое Сафаръ поставилъ Сергѣя Васильевича, отказываясь отъ всякой платы, въ скоромъ времени, само, совершенно затерялось въ тѣхъ сердечныхъ и почти дружескихъ отношеніяхъ, которыя установились между бариномъ и его слугой. Теперь Сергѣю Васильевичу было уже нетрудно узнать, какъ Сафаръ сталъ убійцей.

Дѣло было весной. Сафаръ подъ вечеръ повезъ въ Закаталы муку.

Не успѣлъ онъ проѣхать на своихъ буйволахъ и пяти верстѣ, какъ сзади послышался топотъ скачущей лошади.

«Это за мной, — подумалъ Сафаръ, — это братъ Асланъ. Какъ онъ гонитъ лошадь, что тамъ случилось!»

— Давай я отвезу муку въ городъ, а ты поѣзжай домой, — сказалъ Асланъ, слѣзая съ лошади.

— Зачѣмъ, что случилось, отецъ послалъ? — спросилъ Сафаръ.

— Тебѣ надо быть дома, — отвѣтилъ Асланъ внушительно и твердо.

Злое предчувствіе сжало сердце Сафара. Онъ выпрыгнулъ въ сѣдло и погналъ снова вскачь взмыленную лошадь. Черезъ двадцать минутъ онъ уже подгрался къ дверямъ своей комнаты и, несмотря на лай и завыванье встревоженныхъ собакъ, ясно слышалъ — и измученный голосъ жены, твердившей: «уйди, уйди, я буду кричать!» и страстный шопотъ Мамеда, отвѣчавшаго ей: «ну, кричи, мнѣ все равно, я не могу отъ тебя уйти!» Сафаръ рванулъ дверь съ такой силой, что крючокъ сломился, и бросился на Мамеда съ обнаженнымъ винжаломъ. Мамедъ упалъ, и въ то же мгновеніе раздался сбоку короткій, отчаянный визгливый крикъ, за которымъ все смогло: беременная жена Сафара, сама еще почти ребенокъ, не выдержала испытаній ужасной ночи, и черезъ нѣсколько дней, не приходя въ сознаніе, умерла.

— Ну, Богъ тебѣ судья! — замѣтилъ Сергѣй Васильевичъ, выслушавъ этотъ разсказъ. — Такой грѣхъ и у насъ случается.

— А развѣ это грѣхъ? — удивился Сафаръ.

— Грѣхъ, Сафаръ! Ты казнилъ смертью Мамеда только за то, что онъ влюбился въ твою жену. Вѣдь онъ никакихъ насилій не дѣлалъ; тебѣ было бы достаточно выгнать его изъ твоего дома.

— Это ты такъ говоришь, потому — ты старый.

Сафаръ совершенно привыкъ къ своей ссылкѣ. Онъ сжился со всѣми интересами Сергѣя Васильевича, интересовался его письмами, зналъ семейныя дѣла всѣхъ его дочерей и радовался ихъ пріѣзду не менѣе маленькаго Сережи. Задуманная Сергѣемъ Васильевичемъ продажа маленькой рощицы, прилегавшей почти къ самому саду, огорчала Сафара гораздо болѣе, чѣмъ самого Сергѣя Васильевича.

— Зачѣмъ ты продаешь рощу? — спросилъ онъ.

— У меня нѣтъ денегъ, Сафаръ, мнѣ надо разсчитаться съ долгами.

— Нѣтъ, это не потому, а потому — ты очень много сировъ покупаешь, и каждый день всѣхъ, кого видишь на улицѣ, сейчасъ къ себѣ обѣдать зовешь. Не продавай рощи. Мнѣ отецъ обѣщалъ давать

300 рублей на годъ, я еще ничего не бралъ; я ему напишу, онъ мнѣ пришлетъ 500 рублей, и я тебѣ 500 рублей дамъ.

— Нѣтъ, Сафаръ, если ты дашь мнѣ 500 рублей, я еще больше сыровъ накуплю и еще больше гостей созову.

— Ну, тогда я тебѣ ничего не дамъ,—заклучилъ Сафаръ.

Прошелъ годъ, и Сафару представился случай блеснуть передъ большою публикою.

Цѣлый мѣсяцъ весь городъ и въ особенности Сергѣй Васильевичъ готовились къ большому празднеству.

Послѣ величайшихъ хлопотъ, наслѣдники Кантемира уступили, наконецъ, свой одичавшій вѣковой паркъ въ распоряженіе города. На первое мая было назначено торжественное открытіе городского сада.

Сергѣй Васильевичъ даже помолодѣлъ и съ юношескимъ увлеченіемъ принялся за дѣло. Паркъ вычистили, освѣтили и наскоро соорудили большую открытую сцену. Въ домѣ Кантемира уладили буфетъ. За невозможностью «заставить танцовать» злополучныхъ Еленъ своего племянника, онъ выписалъ своихъ дочерей. Съ ними и при содѣйствіи нѣсколькихъ горожанъ онъ приготовилъ для сцены уморительный двухактный фарсъ и нѣсколько концертныхъ номеровъ. Самъ Сергѣй Васильевичъ заканчивалъ концертное отдѣленіе чтеніемъ собственнаго стихотворенія, приуроченнаго къ торжеству. За концертомъ слѣдовалъ ужинъ по подпискѣ горожанъ въ честь Сергѣя Васильевича и почетныхъ гостей.

Праздникъ удался на славу. Погода была чудная. Собралось все городское общество. Приѣхалъ губернаторъ; съѣхались окрестные помещики, прикатилъ издалека и уже совсѣмъ неожиданно престарѣлый поэтъ—закадычный другъ и школьный товарищъ Сергѣя Васильевича.

Младшая дочь Сергѣя Васильевича приготовила отцу и публикѣ веселый сюрпризъ.

Едва Сергѣй Васильевичъ, закончивъ чтеніе своихъ стиховъ, спустился подъ аплодисменты со сцены, вдругъ раздались дигіе, возбуждающіе звуки лезгинки, и на сцену выплыла молодая красавица въ тѣстромъ грузинскомъ костюмѣ; за нею, прикрывая рукавомъ черески полъ-головы, хищнымъ ястребомъ понесся Сафаръ.

Этотъ выходъ вызвалъ общее оживленіе. Лезгинку заставили повторить нѣсколько разъ; Сафару устроили цѣлую овацію.

Ужинъ прошелъ также весьма оживленно. Послѣ первыхъ рѣчей губернатора и городского головы старый поэтъ привѣтствовалъ Сергѣя Васильевича дружескими веселыми стихами. Сергѣй Васильевичъ,

удивительный мастеръ сплетать экспромты—поднялся и, глядя прямо въ глаза своему старому другу, отвѣтилъ:

Мы жизни лучшія страницы
Давно прочли; въ томъ спора нѣтъ;
Промчалась молодость, что птица,
Намъ виѣстѣ ужъ сто сорокъ лѣтъ.

Но жизнь и въ старости прекрасна,
Насъ рокъ житейскій пощадилъ;
И умъ нашъ бодръ; намъ въ сумракъ ясно,
И нѣтъ врага, и другъ намъ милъ.

Послѣ множества другихъ рѣчей и тостовъ кто-то потребовалъ Сафара и пожелалъ выпить за здоровье молодого лезгина. Сафаръ взялъ бокалъ, поклонился, но вина не выпилъ.

— Что же, Сафаръ, выпей свое вино!—сказалъ Сергій Васильевичъ.

— Миѣ нельзя,—скромно отвѣтилъ Сафаръ.

— Ничего, выпей, ну хоть за мое здоровье!—наставлялъ Сафаръ Сергій Васильевичъ, слегка уже возбужденный виномъ.

Сафаръ поднялъ бокалъ и отвѣтилъ:

— Магометь запретилъ миѣ вино, но какъ здѣсь всё пить, чтобы ты билъ здоровъ, и ты—мой отецъ—велишь миѣ пить, ты буду пить, чтобы ты билъ здоровъ!

Эту неожиданную рѣчь покрыли аплодисментами.

Сергій Васильевичъ подозвалъ къ себѣ Сафара, положилъ на плечо руку и, обращаясь къ публикѣ, медленно и съ трогательною нѣжностью произнесъ:

Онъ бѣдный листочекъ, сорвавшійся съ вѣтви родимой,
Онъ съ горь къ намъ свалился, невзгодой и бурей гонимый.
Я въ душу его заглянулъ и прочелъ въ ней нѣмую кручину;
Онъ взглядъ мой тотъ встрѣтилъ, сиротка, и сталъ миѣ своимъ сыномъ.

Раздался новый взрывъ аплодисментовъ, и на этотъ разъ громъ хоръ голосовъ прокричалъ:

— За здоровье Сафара!

Сафаръ былъ въ полномъ восторгѣ.

III.

И вдругъ всё эти отношенія, созданныя одною только любовью, чуть было не рушились.

Сафаръ пришелъ въ кухню обѣдать позже обыкновеннаго. Никита уже лежалъ на печи.

— Давай мнѣ обѣдать, Никита!—попросилъ Сафаръ.

— Обѣдь въ печи,—коротко и грубо отвѣтилъ Никита.

— Я не пойду въ твою печку: ты здѣсь хозяинъ!—возразилъ Сафаръ, раздражаясь.

— А мнѣ что! Хоть съ голоду околѣй!—упрямился старикъ.

— Давай обѣдь!—крикнулъ Сафаръ злобно и нервно.

Никита отвѣтилъ какою-то бранью. Сафаръ выхватилъ кинжалъ и бросился на Никиту.

Случившійся здѣсь вѣстовой-полицейскій едва успѣлъ пашкою отбить ударъ и отвратить несчастье.

Сафаръ простоялъ секунду на мѣстѣ, бросилъ на полъ кинжалъ и молча ушелъ въ свою комнату.

— Разбойникъ и есть!—проговорилъ ему вслѣдъ пришедшій въ себя Никита.

Это происшествіе выбило изъ колеи всѣхъ обитателей дома. Сафаръ забился въ свой уголъ и никому не показывался цѣлыхъ три дня, отказываясь отъ всякой пищи. Никита гнѣвался на Сафара, досадовалъ на Сергѣя Васильевича.

— Избаловалъ ты его, батюшка-баринъ: нешто изъ волка сдѣлаешь собаку!—упрегалъ онъ его.

Сергѣй Васильевичъ не видѣлъ никакого сходства между Сафаромъ и волкомъ, но соглашался, что онъ дѣйствительно избаловалъ Сафара, винилъ себя и потому не хотѣлъ его видѣть. Надежда Петровна осталась безъ рукъ, не находила ни ключей, ни очковъ и побуждала мужа такъ или иначе порѣшить дѣло, чтобы возстановить нарушенное равновѣсіе.

— Что же, Сергѣй Васильевичъ,—говорила она,—ну, отпусти Сафара, вѣдь онъ не сынъ намъ!

— Сынъ-то—не сынъ, а все же прогнать я его не могу, не имѣю права,—горячился Сергѣй Васильевичъ.

Маленькій Сережа бѣгалъ отъ отца къ Сафару и отъ Сафара къ Никитѣ, инстинктивно возбуждая и поддерживая во всѣхъ трехъ постоянное вниманіе другъ къ другу.

— Сафаръ плачетъ! Сафаръ такой худой сталъ! Сафаръ говорить, что папа не позволитъ ему у насъ жить!—едва удерживая слезы, сообщалъ мальчикъ.

На третій день всѣхъ не на шутку встревожило добровольное голоданіе Сафара. На предложеніе Сержи принести ему обѣдь—онъ попрежнему отвѣтилъ: «не хочу».

— А что, мама, онъ сдѣлается таковой худой, какъ кашей, да?—спросилъ Сережа.

— Даже хуже, дитя мое, онъ умретъ.

— Какъ умереть! Онъ не будетъ дышать, не будетъ говорить? Да?—испуганно спрашивалъ мальчижь.

— Ну да, не будетъ дышать, не будетъ говорить и его въ землю зарюютъ.

Сережа бросился къ Сафару, а оттуда къ Никитѣ.

— Никита, дай мнѣ шей, я отнесу Сафару!

— Не надо, барчукъ. Захочетъ ѣсть, самъ придетъ!—отвѣчала Никита.

— Онъ не придетъ, Никита, онъ хочетъ умереть, онъ хочетъ, чтобъ его въ землю зарыли,—говорилъ мальчижь, заливаясь слезами и цѣлуя щетинистыя щеки Никиты.

Никита заколебался.

— Ну, ну, барчукъ, пойдемъ вмѣстѣ, онъ меня-то скорѣе послушаетъ.

Сказавъ это, Никита, не торопясь, набралъ чашку шей, отрѣзавъ ломоть хлѣба, слегка посолилъ его, затѣмъ для чего-то перекрестился на образъ и пошелъ къ Сафару.

Сафаръ сидѣлъ на постели, ничего не дѣлая. Увидѣвъ Никиту, онъ опустилъ голову и нахмурился еще болѣе.

— Захотѣлъ ты, чтобы старый Никита для тебя съ печи слѣзъ,—вотъ оно теперь на твое и вышло. Никита тебѣ обѣдъ принесъ,—сказалъ старикъ съ нѣкоторою торжественностью.

Сафаръ не шелохнулся.

— Ну, что волкомъ-то смотришь!—заговорилъ Никита уже по просту,—самъ виноватъ. Поѣшь шей-то! Вишь исхудалъ-то какъ!

Сафаръ взглянулъ на Никиту и понялъ, что старикъ уже простилъ его.

— Прости, Никита, больше такъ не будетъ,—проговорилъ Сафаръ съ крайнимъ волненіемъ и неожиданно для себя опустился на колѣни.

— Богъ простить!... всѣ грѣшны!... чего ужъ!—поѣшь шей-то,—засуетился Никита и вышелъ.

Черезъ минуту Сафаръ уже стоялъ передъ Сергѣемъ Васильевичемъ.

— Прости меня, Сергѣй Васильевичъ, возьми мой кинжалъ, больше такъ не будетъ!—всхлипывалъ Сафаръ.

— Ну, а Никита?—спросилъ Сергѣй Васильевичъ съ нескрываемой радостью.

— Никита простилъ уже,—отвѣчалъ Сафаръ, весь прояснясь улыбкою.

— Ишь ты, бѣдовый какой! — сказалъ Сергѣй Васильевичъ, ударивъ его по плечу.—Ну, иди обѣдать.

Сафаръ принялся за работу съ удвоеннымъ рвеніемъ. Оттѣнокъ виноватой застѣнчивости, не сходявшій съ лица Сафара на первыхъ порахъ, мало-по-малу исчезъ, и прежнія отношенія съ ихъ искренностью и фамиллярностью возстановились вполне.

Только къ старому повару Сафаръ сталъ относиться, какъ къ старшему, немного почитительно; съ своей стороны и сумрачный Никита, какъ это ни покажется страннымъ, пересталъ теперь бояться Сафара и смотрѣлъ на него съ полнымъ довѣріемъ. Черезъ мѣсяць Сафаръ получилъ отъ отца 10 рублей и тихонько передалъ ихъ тому полицейскому, который избавилъ его и Никиту отъ непоправимой бѣды; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и самыя воспоминанія о происшедшемъ эпизодѣ исчезли безслѣдно.

Пробѣжалъ затѣмъ и еще цѣлый годъ.

— А вѣдь, сегодня ровно три года, какъ ты живешь у меня,—заговорилъ Сергѣй Васильевичъ, готовясь ко сну и завертываясь въ теплое одѣяло.—Избаловалъ ты меня, Сафаръ, а пройдутъ еще два годика—и ты убѣжишь отъ меня въ свои горы—и забудешь о насъ, какъ ребенокъ.

— Я никогда не брошу тебя,—отвѣчалъ Сафаръ.—Когда срокъ кончится, я только возьму невѣсту и приѣду къ тебѣ опять и буду тебѣ служить; а когда я тебя похороню, тогда я поѣду домой.

— А у тебя есть невѣста, Сафаръ?

— Есть, только долго ей еще ждать.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора Сафаръ по обыкновенію пришелъ утромъ будить Сергѣя Васильевича.

— Вставай, тебѣ вставать пора!—началъ Сафаръ.

— Дай еще полчаса, — пробормоталъ Сергѣй Васильевичъ, поворачиваясь на другой бокъ отъ свѣта.

— Нѣтъ, вставай, а то я буду на тебя воду лить.

— Неужели ты такую пакость сдѣлаешь!—угovarивалъ Сергѣй Васильевичъ,—ну еще пять минутъ!

— Вставай, тебѣ нельзя долго лежать, ты такой жирный!—увѣ-
и евалъ Сафаръ.

Сергѣй Васильевъ засмѣялся и сѣлъ на постель.

— Что ты такой веселый сегодня?—спросилъ онъ, взглянувъ
1 улыбающееся лицо Сафара и щурясь отъ солнца.

— А я письмо получилъ.

— Ну, что же тебѣ пишутъ?

— Пишутъ, что моя невѣста отказала одному жениху и будетъ ждать своего Сафара... А у меня къ тебѣ просьба есть!—заговорилъ неожиданно и серьезно Сафаръ.—Пусти меня домой на два недѣли, а я буду жениться и сейчасъ приѣду назадъ.

Сергѣй Васильевичъ задумался.

— Хорошо, Сафаръ, я не могу ни въ чемъ тебѣ отказать, это надо сдѣлать толково. По закону я не имѣю власти тебя отпустить и нужно сдѣлать такъ, чтобы о твоёмъ отъѣздѣ не знали. Тебѣ дамъ письмо къ Владимиру Александровичу—это вѣдь тебѣ путь,—ты отъ него поѣдешь дальше, а онъ черкнетъ мнѣ записку, что Сафаръ заболѣлъ и остался у него на излѣченіи.

— Да, ты—умный, это такъ надо дѣлать!—замѣтилъ Сафаръ. Вечеромъ Сергѣй Васильевичъ вручилъ Сафару условленное письмо къ сосѣду и 60 рублей денегъ на дорогу.

— Ну, прощай, мой милый. Только помни, что если ты не поѣдешь, меня прогонять со службы.

— Я знаю,—отвѣтилъ Сафаръ и, уложивъ Сергѣя Васильевича въ постель, поцѣловалъ его на прощанье еще разъ и вышелъ.

Сафаръ долженъ былъ тронуться въ путь рано утромъ.

«Какъ, однако, я привыкъ къ нему,—подумалъ Сергѣй Васильевичъ, оставшись одинъ.—Вѣдь всего только на 20 дней уѣзжаетъ, а я какъ будто чего-то лишился... Славный народъ—эти казацы, совершенныя дѣти. Съ легкой руки Сафара ко мнѣ ихъ прислали цѣлый десятокъ, и всѣ они здѣсь отлично устроились. Чего миссионеръ на дняхъ выпросила себѣ третьяго, увѣряетъ, что это лучшіе рабочіе—тянутся изо всѣхъ силъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ русскими... Оригинальное, однако, наказаніе для нихъ придумали: поссорятся изъ-за пустяковъ, натворятъ бѣды, воть разведутъ ихъ по разнымъ угламъ—одного въ Закапалы, другого въ Донецъ, пока не соскучатся другъ о другѣ; а онъ поживетъ здѣсь, себя покажетъ, людей посмотритъ, научится кое-чему и оправданный вернется на родину. Пожизненной ссылки они не выносятъ: нѣтъ у нихъ нашей русской выносливости и смиренія... А что какъ его арестуютъ, или...—вдругъ промелькнула мысль у Сергѣя Васильевича.—Ну, да Богъ милостивъ!—поспѣшилъ онъ тотчасъ же успокоить, чувствуя, что такого рода мысли могутъ лишить его только сна, но и спокойнаго пищеваренія».

— Въ пять часовъ утра онъ выѣдетъ; до желѣзной дороги онъ поѣздъ отходитъ въ 6 веч.... да, какъ разъ.

Среди такихъ размышленийъ Сергѣй Васильевичъ незамѣтно заснулъ.

— Вставай, тебѣ вставать пора! — раздалось надъ его головою въ обычное время.

Не успѣвъ Сафаръ договорить этихъ словъ, какъ Сергѣй Васильевичъ вскочилъ съ постели.

— Ты не уѣхалъ!

— Нѣтъ, не уѣхалъ.

— Отчего? — почтовыхъ не прислали?

— Нѣтъ, прислали; я ихъ назадъ послалъ, — отвѣтилъ Сафаръ серьезно и съ отгѣнкомъ печали.

— Такъ говори, въ чемъ же дѣло?

— А если меня убьютъ, или я правда заболѣю, а ты за меня пропадать будешь!... Я не хочу.

— Ну, Сафаръ! — воскликнулъ взволнованный Сергѣй Васильевичъ, — я самъ повезу тебя на Кавказъ.

Въ тотъ же день Сергѣй Васильевичъ подалъ прошеніе объ отпускѣ и особымъ письмомъ къ губернатору просилъ позволенія взять съ собою слугу, состоящаго при немъ подъ надзоромъ полиціи. Но этого не понадобилось. Губернаторъ, помнившій Сафара и узнавшій, въ чемъ дѣло, предложилъ взамѣнъ того выхлопотать Сафару немедленное прощеніе. Прощеніе было дано, и Сафаръ возвратился въ Дайляубъ.

Черезъ двѣ недѣли Сергѣй Васильевичъ получилъ письмо со штемпелемъ «Закаталлы».

— Надя! Сережа! идите-ка сюда! — весело крикнулъ Сергѣй Васильевичъ и, разорвавъ конвертъ, прочелъ первое коротенькое письмо Сафара.

«Дорогой мой родной отецъ!

«Я доѣхалъ домой благополучно и очень хорошо. Извини мнѣ, что я не могъ скоро письма послать, зато какъ я пріѣхалъ домой, одинъ день покоя не былъ отъ народа. Я очень скучаю безъ тебя; какъ помню про тебя, думаю, думаю, а подчасъ плачу, никогда не забуду про тебя, дорогой мой отецъ! Дорогой, нельзя ли тебѣ къ намъ поступить Закаталахъ исправникомъ? Если можно, постарайся къ намъ; шесть тысячъ ты жалованья получишь. Дорогой, пожалуйста поступи къ намъ!

«Какъ я пріѣхалъ домой, сейчасъ двѣ корова рѣзиль и три баранъ рѣзиль, много расходъ вышелъ. Былъ здѣсь дрожаніе земли, много домъ свалились, много народъ раздавили, у меня также домъ

стѣна треснула. Теперь строю домъ новый и около дома строю лавка, теперь у меня дѣловъ много.

«Я часто такъ думаю, что у меня остался въ Донецъ отецъ и мать; я такъ думаю, хотя у меня дома жить хорошо.—Дорогой, пожалуйста прїѣзжай ко мнѣ, съ маленькій братъ Сережа. Пиши мнѣ изъ наша сторона, что желаешь—я тебѣ тотчасъ пришлю. Цѣлую тебя крѣпки-крѣпки. Остаюсь твой слуга Сафаръ».

Ниже была приписка.

«Дорогой, присылай для мой братъ Асланъ бердянка, кагой ты мнѣ подарилъ. Сколько будетъ стоить, все равно, пожалуйста присылай. Дорогой, прїѣзжай къ намъ».

В. Иваненко.

Друзьямъ русскимъ.

Ад. Мицкевича.

Вы вспоминаете-ль меня?... Когда темница,
Изгнанье, смерть друзей приходятъ мнѣ на умъ,
Я думаю тогда о васъ,—и ваши лица—
Иноплеменные—встаютъ въ печали думъ.

Гдѣ вы теперь?... Погибъ, задушенный петлею,
Рылѣвъ доблестный по волѣ палачей.
Его я братски обнималъ своей рукою!
О, горе той странѣ, гдѣ губить такъ вождей!

Рука Бестужева—солдата и пророка,—
Боторую я жалъ, отъ музы и штыка
Теперь оторвана и въ рудникахъ Востока
Бровавый дѣлитъ трудъ собрата-поляка.

Другимъ дано сносить и хуже наказанье...
Но, можетъ, есть средь васъ, кто, чиномъ оскверненъ,
Свободѣ измѣнилъ, ища царя вниманье
И на порогъ бѣгъ ему теперь поклонъ?

Быть можетъ, оды онъ за плату сочиняетъ,
И радъ, когда казненъ кто-либо изъ друзей.
Быть можетъ, тамъ мой край онъ кровью обагрятъ,
Кичась передъ царемъ проклятьемъ матерей!

О, если издали, изъ странъ свободныхъ юга
На сѣверъ этотъ крикъ протеста залетитъ
И пронесется онъ въ странѣ, гдѣ воетъ вьюга,
Пусть, какъ журавль весну, вамъ волю возвѣститъ!

Меня узнаете тотчасъ!... Гремя цѣпями,
Я ползалъ, какъ змѣя, предъ деспотомъ и згалъ,
Но тайники души я повѣрдалъ предъ вами
И сердце голубя для васъ я отрывалъ.

Теперь я въ чашу влилъ всю горечь укорины,
И будетъ жечь васъ ядъ моихъ суровыхъ словъ.
Ихъ горечь выпилъ я изъ слезъ моей отчины,—
Но я коснусь не васъ, а вашихъ кандаловъ.

И если въ комъ изъ васъ я встрѣчу порицанье,
То будетъ онъ на пса, безумный, походить,
Который такъ привыкъ сносить цѣпей бряцанье,
Что грызть готовъ того, кто хочетъ цѣпь разбить!

Перев. А. Ш.

ТАКЪ ПРОСТО..

Я уѣзжала изъ Петербурга въ Финляндію яркимъ апрѣльскимъ ромъ. И послѣднее, что проводило меня съ родины, что въ сѣромъ прагѣ маленькаго вокзала мелькнуло знакомой, зловѣщей карти-й, были жандармы, винтовки, острые, быстрые взгляды, тревожное строеніе надвигающейся бури, рѣющихъ въ грозовыхъ тучахъ зар-ць. Наросталъ крикъ и не разрѣшался, крикъ рвался изъ глазъ, калъ на губахъ. Съ нимъ выходилъ каждый на платформы, около горыхъ стояли поѣзда, готовые уѣхать... Куда? Все равно. Только ьше, дальше отъ проклятыхъ мѣсть, отъ кошмарнаго сна, отъ длой обиды!

Почти передъ самымъ отходомъ поѣзда въ купѣ, занятое мною, сгѣшно-возбужденно вошла высокая дама въ мѣховой шляпѣ и ко-чневой бархатной шубѣ нараспашку и сразу заполнила все не-льшое пространство своей полнотой, дыханіемъ и повелительными тками низкаго голоса. Артельщикъ едва успѣлъ внести вещи, какъ здался третій звонокъ; энергичнымъ движеніемъ скинуть шубу, урша шелковыми юбками и гремя подвѣсками браслетъ, дама сама ниялась за разборку-вещей, неловко и тяжело двигаясь въ узкомъ оходѣ. Когда всѣ пакеты и пакетики были частью размѣщены въ ткахъ, частью подвѣшены, дама сѣла и быстрымъ взглядомъ слегга щцуренныхъ, выпулыхъ карихъ глазъ осмотрѣла меня такъ, какъ гѣють осматривать только свѣтскія женщины: любезно и безцере-жно.

Осмотръ далъ, очевидно, благопріятные результаты: ни кожанаго мяса, ни стриженныхъ волосъ, ни красной брошюры налицо не ока-мось, и, какъ бы извиняясь за причиненное безпокойство, дама ска-ма тѣмъ покровительственнымъ тономъ, какимъ пожилыя женщины ыкновенно говорятъ съ молодыми:

— Я васъ долго стѣснять не буду: мнѣ до Выборга,—и скорѣе

утвердительно, чѣмъ вопросительно добавила:—а вы въ Гельсингфорсъ! Преместный городъ! Всѣ, кто прїѣзжаетъ въ первый разъ—въ восхищеніи! Нельзя сравнить съ Петербургомъ!

И опять стальной холодокъ глазъ испытующе скользнулъ по мнѣ и заученно привѣтливая улыбка открыла рядъ крупныхъ желтоватыхъ зубовъ, съ хищными клыками. Да и вся она походила на хищника, эта женщина съ крѣпкой головой на сильной шеѣ, тупыми чертами бульдога и сросшимися на переносѣ бровями. Мало русскаго было въ этихъ широкихъ скулахъ, невысокомъ лбѣ и смуглой окраскѣ кожи; не русскія, жестко опредѣленные нотки прорывались и въ произношеніи, и такъ плохо вязались съ ними манерное грассированіе и дѣланная аристократическая пѣвучесть.

Рядомъ, на диванчикѣ, около моей спутницы лежала, очевидно, только что купленная шведская газета, и потому, надѣясь получить кое-какія свѣдѣнія относительно условій жизни въ Финляндіи, я сказала:

— Да, ѣду въ Гельсингфорсъ къ знакомымъ.

Пока я говорила, глаза изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ осматривали меня съ скользящей внимательностью и почему-то вдругъ напомнили мнѣ глаза жандарма, стоявшаго съ каменнымъ лицомъ у входа въ вокзалъ и глядѣвшаго, какъ будто бы поверхъ толпы, а на самомъ дѣлѣ ловившаго острыми притаившимися зрачками каждую мимо проходившую фигуру. Невольно, инстинктивно, внутри что-то насторожилось, и послѣдовавшій затѣмъ вопросъ, заданный въ дѣланно-безразличномъ тонѣ, только усилилъ остроту вспыхнувшаго холодка.

— Простите за нескромность, а къ кому именно вы ѣдете въ Гельсингфорсъ? Я тамъ почти всѣхъ знаю.

Наугадъ я назвала фамилію.

Дама покачала головой.

— Нѣтъ, не знаю!... А сами вы постоянно живете въ Петербургѣ?

— Нѣтъ... за границей.

— Плохое время вы выбрали для прїѣзда въ Россію!

— Почему?

Я подчеркнула удивленіе.

— Да какъ же, помилуйте! Всѣ эти безобразія!...

На смуглой кожѣ пятнами проступилъ румянецъ и глаза свернули недобрымъ огонькомъ.

— Скоро жить будетъ нельзя! Все перемѣшалось! Я, знаете, много на своемъ вѣку видала, но того, что теперь кругомъ творится!

Всякое уваженіе къ власти потеряно! Никто ничего и никого не боится, все сходится съ рукъ, и на все это смотрятъ вотъ такъ!...

Она энергичнымъ движеніемъ растопырила передъ лицомъ пальцы.

— Сами распустили и жалуются! Не потакали бы съ самаго начала, ничего бы и не было! А теперь по-дѣлѣмъ!

Слова вылетали коротко, отрывисто, смуглая рука, униженная вольцами, нервно мяла и перебирала на груди массивную цѣпочку съ медальономъ.

— Конечно, имъ тамъ,—она презрительно кивнула головой въ пространство,—хорошо: они всегда ограждены. А вотъ каково людямъ зависимымъ, людямъ съ ограниченными средствами! Вѣрите ли: я вотъ съ начала зимы, послѣ того, какъ произошла вся эта миленькая исторія съ Финляндіей, крейсирую между Выборгомъ и Петербургомъ, обиваю пороги гг. министровъ и выглянчиваю, вымаливаю то, на что мы, т.-е. собственно мой мужъ, имѣемъ право, но добиться ничего не могу! Прежде! О, прежде, когда въ насъ нуждались—для насъ дѣлалось все! А теперь? Пустяка, ничтожной пенсіи въ какихъ-нибудь двѣ-три тысячи рублей мы не можемъ получить, потому что, видите ли, теперь никому не извѣстно, *кто* наше начальство!...

Прерывисто и учащенно дыша, она съ минуту помолчала, посмотрѣла въ окно, за которымъ бѣжали гряды искристаго снѣга и словая рошица, вся напоенная солнцемъ, и спросила съ разстановкой:

— Вы, какъ?... Слѣдили за политикой Финляндіи и знаете, *что* тутъ произошло?

Я хладновровно выдержала ее взглядъ.

— Такъ знаю кое-что, но довольно смутно!

Моя спутница шумно вобрала въ себя воздухъ и помахала передъ собой носовымъ платкомъ, съ острымъ запахомъ *Peau d'Espagne*. Видно было, что слова, цѣлый потокъ словъ готовъ вырваться, хлынуть съ дрожащихъ губъ и что только привычная выдержанность не позволяла разразиться грубой, гнѣвной вспышкой. А, можетъ быть, привычная осторожность всегда прячущаго свои когти звѣря?... Но колеса вагона такъ гулко стучали, такъ плотны были занавѣски на дверяхъ и глухо-мягки подушки бархатныхъ дивановъ. Оглянувшись назадъ быстрымъ, характернымъ движеніемъ, спутница моя подвинулась ближе и, понизивъ голосъ, спросила:

— Вы про покойнаго Бобрикова, конечно, слышали? Слышали, что это былъ угнетатель, тиранъ и все такое прочее! Что Шауманъ, убившій его, чуть ли не герой! Ну, вотъ, видите ли, я лично знала генерала Бобрикова очень хорошо и скажу, что все это — ложь! Правда, поступалъ покойникъ иногда круто, но это, по крайней

мѣрь, былъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ: сегодня онъ не говорилъ да, а завтра нѣтъ, какъ всѣ эти теперешніе. Да и развѣ можно съ этимъ народомъ поступать иначе? Я сама и мой мужъ—чистокровныя финны, хотя теперь мы извѣстны на нашей милой родинѣ больше подъ именемъ: измѣнники отечеству!—добавила она съ недоброй улыбочкой.—Вотъ тутъ...—рука ея презрительно взяла и отбросила газету,—насъ такъ-таки прямо и называютъ. Но не въ этомъ дѣло! Пусть зовутъ, какъ хотятъ, и думаютъ, что хотятъ, но будьте, господа, справедливы! Нельзя безнаказанно клеветать! Эта пресловутая лояльная шведская партія способна на все, на самыя низкія подлости. Намъ не могутъ простить, что мы принадлежали къ старо-финномамъ и являлись защитниками русскихъ интересовъ,—мой мужъ состоялъ полицеймейстеромъ при губернаторѣ—бросила она съ достоинствомъ, и, на минуту, всѣ черты и опустившіеся углы губъ, и складка полнаго подбородка приняли надменно-начальническое выраженіе. Вы поймите, каково наше положеніе теперь и какія намъ способны устраивать пакости! Распустили слухъ, что мой мужъ растратилъ,—она засмѣялась короткимъ принужденнымъ смѣшкомъ—городскія деньги, и возбудили даже уголовное преслѣдованіе... Они теперь «по новымъ законамъ» имѣютъ на это право. И мужу приходится скрываться внѣ предѣловъ Финляндіи, и русскія власти не могутъ оказать ему никакого содѣйствія. Какъ вамъ это понравится? По финскимъ законамъ его могутъ засадить въ тюрьму, какъ это и сдѣлали съ двумя нашими приставами. Русскаго полковника, состоявшаго на русской службѣ—въ тюрьму! И свыше это терпятъ. Недавно онъ былъ у одного высокопоставленнаго лица, которому мы, собственно, обязаны тѣмъ, что Финляндія выкинула свой кунштюкъ, такъ тамъ его не приняли! Навѣрно, ихъ сіятельства забыли, какъ тогда, когда начались уличныя безобразія, и огна ихъ сіятельства стали бомбардировать камнями, мой мужъ долженъ былъ объясняться съ толпой; какъ онъ день и ночь развѣждалъ по городу и принималъ рѣшительныя мѣры, для подавленія беспорядковъ, какъ только благодаря находчивости мужа спасли жизнь двумъ околоточнымъ, которыхъ толпа хотѣла растерзать. Не помнитъ теперь никто, какъ на покрытіе тамъ чего-то экстреннаго велѣно было употребить суммы, перечисляющіяся на городскіе расходы. Пустяки! Какихъ-нибудь полторы-двѣ тысячи... А теперь мужа печатно упрекаютъ въ растратѣ. Подите, докажите! И вотъ плоды за долготѣтную самоотверженную службу! Ни мѣста, ни пенсіи и въ нѣкоторомъ родѣ занятнаго имя... Положимъ, министерство предлагаетъ ему мѣсто вице-губернатора въ

одномъ изъ южныхъ городовъ, когда вся эта исторія немного заглохнетъ. Но помиуйте! У насъ имѣнїе подь Выборгомъ, не продавать же намъ его! Младшїй сынъ служить въ Або... Нѣтъ ужъ! Они обязаны дать мѣсто поближе... Если мы потеряемъ терпѣнїе, мы тоже не будемъ молчать!... И, точно испугавшись, не сказано ли чего-нибудь лишняго, моя спутница быстро оборвала фразу и постаралась замаять ее легкой гримаской. «Правда! Бездна непрїятностей!»—добавила она съ дѣланной легкостью, но коричневый румянецъ щекъ и подергиванье губъ говорили другое: бессильная, ѣдая злоба кипѣла и влокотала въ душѣ этой женщины, заставляла терять привычную осторожность, вырывала изъ темной глубины непрощенныя слова, непрощенную откровенность.

— Вы очень напоминаете мнѣ мою младшую дочь!—сказала она вдругъ не безъ томности. Бѣдная дѣвочка! Она ужасно несчастна! Ужасно!... Такъ тоскуеть въ деревнѣ. Я ужъ ей рояль выписала и бываетъ у насъ кое-кто, но вы сами знаете... молодой женщиной хочется повеселиться, принарядиться... Въ Гельсингфорсѣ у насъ постоянно бывали балы, приемы... Вы замужемъ?—спросила она опять неожиданно и опять добавила: «И, навѣрно, счастливы! А вотъ моя дѣвочка! Я всегда говорила: замужество—лоттерея... И никогда ничего нельзя сказать заранѣе! Вотъ, напримѣръ, ея бывший мужъ... Я называю его «бывшїй», потому что теперь они разошлись. Когда ѣздили къ намъ въ домъ женихомъ... Боже мой! Да вѣдь это была такая прелесть! Выдержанный, корректный, эlegantный... Аристократъ съ головы до ногъ... Остзейскїй баронъ, но, знаете, съ очень старинной фамиліей... Игралъ на рояли очаровательно и былъ влюбленъ, какъ рѣдко. Мнѣ, бывало, все ручки цѣлуетъ: татап, татап! Ну, положительно, всѣхъ насъ побѣдилъ... Кто могъ подумать! Правда, ходили смутныя слухи, что онъ поигрываетъ, но если на это обращать вниманїе... Потомъ замѣчались маленькія странности: онъ иногда, дня на два, на три исчезалъ... никто не зналъ—куда... Намъ и въ голову не могло придти: такой блестящїй, воспитанный человекъ... Только мой покойный старшїй сынъ не переносилъ его. Просилъ, умолялъ насъ не допускать этого брака, точно предчувствовала... Ну, а ба-онъ, какъ нарочно, ужасно торопилъ свадьбу: «Я, говорить, не могу дольше ждать, я весь измучился: скорѣй, скорѣй!...» Я, знаете ли, съ какихъ-нибудь два мѣсяца всю обстановку имѣ купила, разорилась, устроила очаровательное гнѣздышко въ Питерѣ... Тоже все приходилось разѣзжать туда и сюда. Спальня—черное дерево съ крустаціей, ему дубовый кабинетъ—ну, тысячь въ пять все ѣхало. Отпраздновали свадьбу блестящую.

Вы увидите соборъ въ Гельсингфорсѣ, такъ вся лѣстница была усыпана цвѣтами. Самъ «папаша» присутствовалъ при бракосочетаніи. Nadine была очаровательна подъ вѣнцомъ: платье въ цвѣтъ волосъ золотисто-палевое, никакихъ украшеній, только въ ухахъ индѣйскіе брилліанты... голубые... и на груди такая же звѣзда. И глаза, какъ брилліанты: синіе, синіе, румянецъ на щекахъ... Ну, просто куколка. Я думаю, въ этотъ вечеръ многие хотѣли быть на мѣстѣ ея супруга. Значить, въ ту же ночь уѣхали въ Питеръ, провожали ихъ съ музыкой, шампанскимъ... На имя Nadine мы перевели пятнадцать тысячъ—тогда еще сбереженія были... Значить, все честь честью. Проводили и успокоились... Вдругъ, черезъ три дня телеграмма: дочь требуетъ меня къ себѣ: нездорова! Я помчалась. Приѣзжаю вечеромъ—въ квартирѣ жуть, темнота! Выбѣгаетъ Nadine вся въ слезахъ, неузнаваема. Что такое? Оказывается вторыя сутки супруга нѣтъ дома! Я сразу поняла въ чемъ дѣло, но виду не подавала, кое-какъ ее успокоила, уложила... Сама жду. Подъ утро является г. баронъ, самъ не свой. Всего его перевернуло, когда меня увидалъ: не ожидалъ. «Гдѣ Надя? Я пришелъ сказать, что, какъ честный человѣкъ, долженъ покончить съ собой: проигралъ чужія деньги!» Это онъ-то честный человѣкъ. Я ему тогда, простите за выраженіе, чуть въ рожу не плюнула, но что же дѣлать? Скандаль! Вѣдь если бы годъ-два прожили, а то, извольте: на второй день. Пришлось дѣло это устроить... Взяла съ милѣйшаго барона слово, что подобныя исторіи не повторятся. Да!... Уѣхала... Прошло три мѣсяца—ничего. Только въ одно прекрасное утро, кажется, дней десять спустя послѣ убійства Бобрикова—и такъ тутъ настроеніе было не изъ особенныхъ—пожалуйте: какъ снѣгъ на голову, является Nadine, безъ вещей, съ однимъ саквояжемъ. Вошла въ гостиную и бацъ въ обморокъ. Очнулась—въ слезы: «Что вы, говорить, со мной сдѣлали? Что вы сдѣлали?» Въ чемъ дѣло? Молчить. Ну, что же? Прямой скандаль! Въ это время за старшую дочь сватался какъ разъ сынъ родной тетки вновь назначеннаго генералъ-губернатора. Что дѣлать? Недолго думая, подъ шумокъ, забрала я Nadine и ай-да, въ деревню!... Тутъ попыталась: оказалось, что у себя въ квартирѣ ея супругъ завелъ чуть не игорный домъ... Всѣ цѣнности, брилліанты, все, что было подъ рукой, спустилъ. И въ послѣдній вечеръ—я думаю, дѣвочкѣ просто показалось—хотѣлъ будто бы поставить ее на карту. За ней тамъ одинъ кавалергардъ ухаживалъ, такъ вотъ, они торговались... Она и присекала... Но по нѣкоторымъ фразамъ я замѣтила, что это еще не все, что она что-то скрываетъ... Да!... Моя спутница на минуту задумалась и поиграла цѣпочкой. Черезъ мѣсяць Nadine

моя расхворалась: жаръ, сыпь. За докторомъ—ни за что! Но я все-таки пригласила своего гарнизоннаго: мы были съ нимъ очень хороши. Осмотрѣлъ. Ей ничего не сказалъ, ну, а мнѣ говорить: «Во-первыхъ, ваша дочь беременна, а, во-вторыхъ, заражена... И назвалъ мнѣ миленькую болѣзнь. Я, говорить, зналъ, что баронъ боленъ, но по долгу профессіи предупредить не могъ. А? хороша дружба!»

На минуту въ вагонѣ наступила тишина. Я не смѣла поднять глазъ: мнѣ казалось послѣ этихъ словъ, послѣ этого, можетъ быть, нечаянно вырвавшагося признанія я услышу рыданіе, увижу лицо, залитое слезами, искаженное болью, отчаяніемъ, но раздавшійся затѣмъ спокойный голосъ заставилъ меня быстро поднять голову: ни одинъ мускулъ желѣзнаго лица не двигался, прищуренные глаза попрежнему холодно-равнодушно глядѣли въ окно.

— И что же?... Ребенокъ родился?—спросила я, чувствуя, какъ во мнѣ все леденѣетъ.

— Какъ же! Ему теперь третій годъ!—вдругъ оживилась моя спутница, и въ первый разъ что-то, похожее на нѣжность, прозвучало въ голосѣ.—Прелестный мальчишка! Локоны до сихъ поръ, большіе глаза—красавчикъ. На видъ цвѣтущій, только нѣтъ-нѣтъ да и появится сыпучка... Можетъ быть, пройдетъ. Говорятъ, нужно везти на воды, лѣчить, но вѣдь на это средства нужны, а этотъ господинъ ничего дать не можетъ: у него, видите ли, долги и жалованья еле хватаетъ. Хотя въ этомъ году, на примѣръ, онъ получилъ прекрасную командировку: въ Прибалтику, на усмиреніе. Могъ бы, кажется, позаботиться!... Нѣтъ: прислалъ только въ видѣ подарка женѣ сѣрый суконный костюмъ, шляпку, правда, очень миленькую, со вкусомъ, и боа. Nadine не хотѣла брать, но я сказала: у него такъ много нашего, что не грѣхъ принять отъ него эту дребедень. Вѣдь вся обстановка у него осталась. Я каждый разъ, какъ приѣзжаю въ Петербургъ—воюю и уже непременно что-нибудь да увезу изъ мелочей, все пригодится. Нисколько мнѣ не интересно, чтобы этотъ прохвостъ моими вещами пользовался. У него, на примѣръ, все бѣлье осталось, столовое и постельное... изъ чистаго полотна, съ прошивками.

— Но неужели послѣ всего этого вы... вы...—я искала и не находила словъ,—продолжаете поддерживать отношенія...

Моя спутница слабо передернула плечами.

— Que voulez vous! Нельзя же затѣвать скандалъ. У него съ ужемъ тамъ какіе-то счеты... Этотъ человекъ способенъ на все.

— Но вѣдь у васъ есть сыновья... Какъ же они?

— Ахъ, младшій еще совсѣмъ ребенокъ, только что произведенъ, а старшій?... Да, старшаго, къ сожалѣнью, нѣтъ: его убили... на войнѣ.

На одно проходящее мгновеніе точно сѣрое облако пробѣжало по лицу, взглядъ ушелъ куда-то далеко, тяжелый, угрюмый. На одно проходящее мгновеніе что-то похожее на грусть мелькнуло въ жесткихъ чертахъ, сжало горькой складкой губы, но уже въ томъ, какъ былъ поднесенъ къ глазамъ платокъ, и въ дрожи голоса, и во вздохѣ была привычная манерность.

— Ахъ, мой Woldemar былъ необыкновенный!... Правда, особенной красотой онъ не отличался, только глаза были такіе красивые: темные, большіе, печальные... Да, но характера ангельскаго. И такой либеральный: всегда о чемъ-нибудь страдалъ... Я ужъ и-то говорила мужу, что изъ него лучше бы вышелъ статскій: онъ, между прочимъ, чудно игралъ на скрипкѣ... Для военнаго всетаки нужна эта эlegantность, этоть...—она не безъ увлеченія прищелкнула пальцами,—шикъ! А онъ у насъ дикарь-дикаремъ росъ: настоящая красная дѣвица; его даже такъ и въ полку звали. Очень они съ отцомъ характерами не сходились. Представьте: сынъ былъ противъ дѣятельности моего мужа... Бывало, такія исторіи выходили—ну, хоть водой разливай. А тутъ еще эта несчастная свадьба съ барономъ. Ахъ, какъ Woldemar его ненавидѣлъ, дрожалъ весь... малѣйшій поводъ. Но баронъ всегда умѣлъ такъ дѣло повернуть, что придраться было не къ чему: миль, любезенъ, предупредителенъ, такъ что въ концѣ-концовъ мы всѣ ополчились на Woldemar'a и мужъ даже назвалъ его поведеніе «некорректнымъ». Ну, а для офицера это много значить. Послѣ свадьбы онъ совсѣмъ расхворался, а какъ выздоровѣлъ, сейчасъ же уѣхалъ на войну. Всегда онъ странностями отличался, а тутъ ужъ совсѣмъ что-то непонятное для меня случилось: могъ преспокойно оставаться въ тылу, повышение и орденъ получить и, такъ сказать, пороху понюхать, ужъ если непременно захотѣлось. Снабдили его рекомендательнымъ письмомъ къ главнокомандующему, и что же вы думаете! По личному желанію на передовыя позиціи уѣхалъ. Оставляли его, уговаривали,—ни за что! Шесть верстъ пѣшкомъ за воинскимъ поѣздомъ бѣжалъ и нагналъ. Я и-то говорю: смерть свою нагналъ. Приѣхалъ какъ разъ наканунѣ сраженія... Съ нимъ въ одной фанзѣ нашъ общій знакомый докторъ спалъ, такъ онъ подробно описалъ намъ послѣднюю ночь моего сына, потому что намъ Woldemar не успѣлъ написать ни строчки. Оказывается, что предчувствіе у него было: онъ всю ночь шагалъ по фанзѣ и все курилъ, курилъ. А когда стало разсвѣтать, къ двери подо-

шелъ, взглянулъ такъ на зорю и задрожалъ. «Завтра, говорить, меня не будетъ». Отвернулся и заплакалъ. И представьте себѣ, на слѣдующій день однимъ изъ первыхъ бросился въ атаку и первый упалъ среди своихъ. Безъ звука, безъ крови. Думали: обморокъ. Только когда разстегнули мундиръ, немного повыше лѣвой груди, такъ, маленькая ранка оказалась; значить—внутреннее кровоизліяніе произошло. И когда, говорить, его на носилки положили, лицо у него было блаженное, улыбка на губахъ. Голова запрокинулась и глаза въ небо уставились. А онъ улыбался такъ рѣдко... Тутъ же его и похоронили.

Опять стало тихо. За окномъ плыли теплые, насыщенные солнцемъ снѣга, разстилавлись дали, обаймленные кружевомъ темныхъ лѣсовъ, затѣанные серебристо-лазурнымъ блескомъ, дрожація робкимъ и сладкимъ ожиданіемъ весны. Въ ней навстрѣчу тянулись сочно-зеленые побѣги молодыхъ елокъ, трепетныя короны сосенъ, подъ ея дыханіемъ уже готова была распасться хрустящая кора снѣговъ и гулкій звонъ ручьевъ смѣнить торжественное молчаніе.

И мнѣ, чужой, далекой женщинѣ такъ нестерпимо, такъ больно хотѣлось плакать передъ какой-то загадкой, странной и печальной, положенной вмѣстѣ съ молодой жизнью въ далекую могилу.

А моя спутница, грузно и мѣрно покачиваясь на подушкахъ, внимательно застегивала разомкнувшуюся на браслетѣ цѣпочку.

— Ужасно досадно, — продолжала она такъ, какъ продолжаютъ интересный разговоръ, — что намъ ни одной вещи сына не вернули. У него были два чудныхъ револьвера, турецкая сабля мужа, въ нѣкоторомъ родѣ семейная реликвія, походный ларецъ, да въ поясъ я ему собственноручно зашила сотни двѣ золотыхъ. Куда все это дѣлось—неизвѣстно. Очевидно, свои же милые товарищи воспользовались!

Мнѣ казалось: еще минута—и я не выдержу, задохнусь отъ звуковъ этого деревяннаго голоса, отъ близости этой женщины и всей ея жизни, вдругъ пахнувшей на меня всѣмъ своимъ темнымъ ужасомъ. Мнѣ казалось, что по гладко полированному паркету, по важной анфиладѣ комнатъ меня провели и толкнули на душныя задворки, гдѣ скрыто проходитъ та грязная работа, о которой тамъ, на верандахъ и въ свѣтлыхъ комнатахъ, никто не долженъ догадываться.

Извиняясь за головную боль, я вышла изъ купѣ. Къ счастью, мы подѣзжали. Уже передъ самымъ Выборгомъ моя великогѣпная, въ зной бархатной шубѣ и громоздкой шляпѣ, съ громаднымъ ридикюлемъ въ рукахъ, спутница выплыла въ коридоръ и протянула мнѣ вою визитную карточку:

— Вотъ, пожалуйста. Если когда-нибудь вздумаете провести лѣто въ Финляндіи—милости просимъ. У меня сдаются дачи. Чудное мѣстоположеніе, купанье, всѣ удобства... Избранное общество. Въ прошломъ году, напримѣръ, у насъ жилъ графъ И. съ супругой, N. N. — она назвала редактора-издателя крупной газеты, — милѣйшій человекъ. Благодаря ему, мужъ мой имѣетъ теперь приватный заработокъ: пишетъ замѣтки о Финляндіи... Конечно, псевдонимъ... — кокетливо-таинственно добавила она.

— Нужно же намъ знать правду о нашихъ лояльныхъ сосѣдяхъ. Не все же ихъ по головѣ гладить!

Поѣздъ подошелъ къ станціи. Мы раскланялись. И долго еще потомъ я слѣдила за высокой фигурой, плившей по платформѣ съ напыщенной важностью. Какъ высоко была поднята голова, украшенная панашемъ трепещущихъ перьевъ, какъ по начальнически вздернуты плечи и выдвинута грудь. Какъ презрительно щурились глаза и какое властное высокомеріе выражало тяжелое лицо съ презрительно выпяченной нижней губой. «О, мы еще постоимъ за себя!» говорила вся эта фигура, привычнымъ, безцеремоннымъ движеніемъ раздвигавшая толпу. «Мы еще посмотримъ: кто кого!» А кругомъ двигалась, спѣшила толпа, уже совсѣмъ не похожая на ту, которая, быстро озираясь, выходила на крытыя платформы изъ дверей маленькаго вокзала подъ перекрестнымъ огнемъ острыхъ взглядовъ, въ напряженномъ жуткомъ молчаніи надвигающейся бури. Тутъ все шумѣло, двигалось, какъ живой потокъ: слышались веселые возгласы, мелькали широкія, увѣренные движенія. У одного изъ вагоновъ цѣлая толпа молодежи провожала какого-то высокаго старика и стройно-спѣвшимися голосами исполняла національный гимнъ. А въ воздухѣ такъ мягко пахло талымъ снѣгомъ, такъ звонко весело падала съ крышъ золотая капель. Подъ звуки гимна тронулся поѣздъ, ушелъ въ объятія ласковаго блѣднаго неба, смолисто пахнущихъ сосновыхъ лѣсовъ...

...А вечеромъ въ купѣ заглянулъ мѣсяцъ, какъ тихое привѣтливое лицо, и тонкими узорчатыми тѣнями, неяснымъ колыханіемъ наполнилъ одиночество. И казалось, что тамъ, на этой тихой блѣдной планетѣ, стоящей высоко надъ землей, царитъ такой дивный, такой торжественно сладкій покой. Скванная, убаюканная мысль застывала и мѣрныя серебристыя волны нѣжно несли и уносили ее въ безвѣстныя дали, гдѣ терялись границы и въ зыбкомъ мрѣющемъ туманѣ тонули горизонты... Все дальше въ прозрачную мглу сѣверной ночи мчался поѣздъ, и бѣгъ поѣзда, какъ грохочущіе звуки водопада, заполнялъ бѣлую чуткую тишину...

• • • • •

И вдругъ тамъ, гдѣ утромъ передо мной сидѣла фигура съ темнымъ лицомъ и гдѣ теперь колыхались лунные узоры, стали обрисовываться волнистыя убѣгающія очертанія, неясныя тѣни. И я уже знала, что тамъ, прижавшись въ уголъ, сидитъ маленькая блѣдная женщина, съ сверкающими на груди голубыми брилліантами. Маленькая женщина тихо кивала головой, и въ неустанный грохотъ колесъ, въ неустанное колыхающееся движеніе влетался тонкій жалобный шопотъ: «Что вы со мной сдѣлали? Что вы сдѣлали?» Въ безсильномъ отчаяніи протягивались руки и рвали мягкую бѣлую ткань и обнажали нѣжное дѣтское тѣло, изъѣденное чернотой зловѣщихъ пятенъ... И руки матери качали живой трупъ ребенка, прижимали къ груди, и глаза роняли слезы, изъ которыхъ каждая была голубымъ сверкающимъ брилліантомъ...

Опять уплывали очертанія, и свѣтлый лучъ колебался на малиновомъ бархатѣ дивана, и мѣсяць стоялъ гдѣ-то высоко, высоко, и внизу тѣни густѣли чернильными пятнами. И темный, у окна уже стоялъ поручикъ Т. и глядѣлъ передъ собой въ ту сторону, гдѣ, едва уловимый, на краю горизонта уже разливался теплый розоватый свѣтъ.

Но не родныя картины разныхъ лѣсовъ—песчанья поля стелили за окномъ свои тусклыя побрывала, и не жизнь, а смерть пѣла въ душѣ свою пѣснь, сжимала еще трепещущее сердце ледянымъ дыханіемъ. И, можетъ быть, въ послѣдній разъ, въ порывѣ неизбежности и отчаянія мысль обращалась туда, гдѣ далекое лежало то, что называлось родиной, семьей, отчизной и въ предсмертномъ ужасѣ, какъ бѣдная, затерявшаяся птица надъ бушующемъ моремъ, силилась найти одну, одну твердую точку, чтобы прижаться къ ней, замереть, на одну проходящую минуту сложить измученныя крылья. Можетъ быть, въ послѣдній разъ, въ горячемъ порывѣ любви билось сердце и летѣло назадъ и ударялось о нѣмую, холодную стѣну, и падало, обливаясь кровью, въ бездонную пропасть темнаго ужаса... Тамъ красавецъ баронъ холеными руками выбрасывалъ на зеленое поле звенящее золото, и концемъ лакированнаго санoga толкалъ вѣнчальные цвѣты, и отравленными губами касался трепещущихъ губъ... Тамъ ловкими руками, съ тонкой улыбкой на желѣзномъ лицѣ, мать стелила дорогія простыни на брачную постель-саванъ дочери и зашивала въ поясъ сыну блестящія монеты... въ дорогу, въ дальнюю послѣднюю дорогу. Тамъ крадущимися шагами, по змѣиному изгибая низко склоненную голову, входилъ отецъ по краснымъ коврамъ въ пріемные покои и тамъ въ этихъ роскошныхъ свѣтлыхъ покоехъ вмѣстѣ съ другими начиналъ ткать паучью сѣть надъ соб-

ственной родиной и разсыпалъ сотни бумажныхъ бездушныхъ приказовъ о томъ, какъ возможно лучше испортить жизнь людямъ... Тамъ въ блескъ свѣчей, гулъ голосовъ и искристомъ пьяномъ морѣ звуковъ кружились сплетенныя пары, мелькали бѣлокурые проборы, прозрачныя плечи, вѣяли легкія опахала... А ночью, когда все смолкало и затягивалось трауромъ тишины, гдѣ-то раздавались злобные голоса, въ чемъ-то упрекавшіе другъ друга... И отецъ шагаль по кабинету прежними брадущимися шагами, а за нимъ неотступно ходилъ блѣдный измученный сынъ. И сынъ все говорилъ и говорилъ о томъ, что ихъ открыто зовутъ измѣнниками отечества, что жизнь ихъ ужасна и противна, что сестра несчастна, что онъ такъ дольше жить не можетъ, не долженъ... Отецъ шагаль по кабинету, какъ змѣя изгибая плоскую голову, и сердито сопѣлъ, называлъ сына мальчишкой и безумцемъ, приказывалъ ему молчать...

Я видѣла, какъ въ беззвучномъ рыданіи тряслись согнутыя плечи юноши, какъ руки его судорожно закрывали лицо!

И уже не было стѣнокъ вагона, ни блѣднаго высокаго мѣсяца, ни шума колесъ...

Металлически-яркій день обнималъ подмуденскую желтоватосѣрую равнину; бухали орудія; двигались сѣрыя массы войскъ; несли кого-то на носилкахъ... Запрокинувъ голову, со сложенными на груди руками лежалъ поручикъ Т. и улыбался такъ, точно полужакрытые глаза ею, устремленные въ вышину, видѣли то необычайно радостное, о чемъ уже не могли сказать застывшія во вздохѣ губы, что было такъ далеко и чуждо духотѣ и смраду окружавшей его жизни, отъ которой онъ въ ужасѣ бѣжалъ...

Пронзительный свистъ спугнулъ видѣнье, разрѣзалъ мысли. Я открыла глаза. Свѣтлое утро глядѣло въ окно. Поѣздъ подходилъ къ Гельсингфорсу.

О. Н. Хрѣнникова.

ВОСПОМИНАНІЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ТЮРЕМНОЙ ШКОЛЫ.

Цѣлый часъ везъ меня извозчикъ по городскимъ плохо вымощеннымъ улицамъ и переулкамъ, потомъ по грязному и вонючему предмѣстью города; наконецъ-то, слава Богу, мы выѣхали совсѣмъ за городъ, и теперь уже до конечной цѣли моего путешествія осталось немного: только вотъ спуститься подъ эту гору, проѣхать площадь, а тамъ и тюрьма. Само зданіе тюрьмы ничего изъ себя интереснаго не представляетъ; выстроено оно по общему шаблону всѣхъ подобныхъ зданій: массивно, грубо, мрачно, окрашено въ грязно-желтый цвѣтъ, обнесено высокой каменной стѣной, съ полукруглыми воротами посрединѣ, — словомъ, все говорило, что этотъ каменный мѣшокъ, названный тюрьмою, выстроенъ не для удобства людей, а для nevoли и печали. Извозчикъ по мѣрѣ приближенія къ тюрьмѣ замедлялъ все болѣе и болѣе шагъ своей утомившейся лошади, не то жалѣючи ее, не то въ какомъ-то раздумьи, и вѣдь на самомъ дѣлѣ было о чемъ призадуматься. Кругомъ за городомъ оживающая и все оживляющая весенняя природа создавала какое-то особенное настроеніе; подъ ногами уже не мостовая плохо выровненная, а сочная зеленая травка, на которой немало виднѣлось желтенькихъ цвѣточковъ; пыль, вырывавшаяся изъ-подъ копытъ нашей лошади, казалась свѣтлой и золотистой на яркомъ весеннемъ солнцѣ. Невдалекѣ виднѣлись стройные пирамидальные тополя еще желтовато-зеленаго цвѣта, но уже жеминутно готовые развернуть во всю красу свои душистыя смолистыя почки. Воздухъ теплый, чистъ и напоенъ запахомъ распускавшейся листвы. Весеннее солнце своими яркими, теплыми лучами прочищаетъ всюду: какъ въ нѣдра земли, чтобы разбудить тамъ жизнь, акъ и въ глубину человѣческихъ сердець, чтобы вселить тамъ вновь вѣру въ лучшее будущее и въ счастье людей. Но вотъ уже передъ нашими глазами и стѣны тюрьмы. Вблизи она еще мрачнѣе и выше.

У самых воротъ въ тѣни, отбрасываемой стѣной, ходитъ апатичная фигура часового, съ тяжелымъ ружьемъ на плечѣ, съ строгимъ, кажимъ-то одеревянѣлымъ выраженіемъ лица. Вглядываясь пристальнѣе въ эту автоматически шагавшую фигуру часового, можно усомниться, дѣйствительно ли видишь передъ собою живого человѣка, а не автомата, заведеннаго на опредѣленные часы. Кажалось, что вотъ-вотъ заводъ у этой машины-автомата кончится, и онъ непремѣнно свалится либо въ ту, либо въ другую сторону. Когда извозчикъ остановился, часовой сталъ дѣлать шаги еще короче, еще чаще, какъ маятникъ на часахъ, которые забыли завести и которые сейчасъ должны остановиться. Но время не ждало. Часъ, къ которому я должна была явиться въ тюрьму на свой первый урокъ, уже немного просроченъ, и потому слѣдовало торопиться. Красное, потное, но довольное лицо извозчика съ широко-благодарной улыбкою обратилось ко мнѣ, и, смотря, какъ я отсчитываю деньги на ладонь, онъ спросилъ:

— Обождать, что-ль, тебя, барыня, — небось, назадъ-то скоро поѣдешь?

— Нѣтъ, не жди, — поѣду не скоро, часовъ черезъ пять.

— Ну-у, это чего же такъ долго-то? Приему у нихъ больше 15 аль 20 минутъ не положено.

— Я учительница... я не на приемъ.

— Учи-и-тельница! вишь ты, дѣло какое, — искренно удивился мой извозчикъ. — Учительница, говоришь... да кого же ты тамъ учишь-то, аль ребятъ здѣсь много? — выпрашивалъ извозчикъ, показывая рукою на тюрьму и приподымаясь на своемъ сидѣннѣ, какъ бы желая заглянуть за высокую стѣну тюрьмы и увидать все тамъ неясное для себя.

— Да я большихъ учу, а не дѣтей.

— Большихъ? Это, значить, бабъ тамъ разныхъ и мужиковъ? Вотъ оказія-то... а я и не слыхивалъ... Да чему же ты тамъ учишь-то?

Я поторопилась подойти къ воротамъ, потому что больше не хотѣла разговаривать съ извозчикомъ, и такъ времени потеряно не мало. Часовой при моемъ появленіи у воротъ вытянулся, опустилъ ружье и грубымъ, деревяннымъ голосомъ спросилъ:

— Кого надо?

— Я учительница.

— Билетъ?

Я показываю пропускной билетъ ему, и онъ, удовлетворившись этимъ, дернулъ за цѣпь въ воротахъ и тѣмъ далъ знать о вновь прибывшей. Тамъ не торопились и потому пришлось подождать еще нѣсколько минутъ у воротъ тюрьмы. Между тѣмъ извозчикъ, привезшиѣ

меня, не могъ придти въ себя отъ изумленія, что въ тюрьмѣ чему-то учать, а любопытство его видимо мучило; онъ обратился съ вопросомъ уже къ часовому:

— Слышь, почтенный, она сказывала — учительша, чему-жь примѣрно у васъ здѣсь учать-то, ась?

— Пошелъ, — былъ отвѣтъ часового.

— Чего «пошелъ»-то, это я и безъ тебя знаю, а ты скажи, о чемъ спрашиваю-то... что вы не люди, что-ль, прости Господи, колодой-то представляешься?

Съ внутренней стороны двора слышались тяжелые шаги по каменнымъ плитамъ, и въ круглое отверстіе въ воротахъ показалось лицо солдата, который сурово спросилъ:

— Еще привезли?

— Въ школу, отворяй!

Засовы заскрипѣли, застучали, послѣ чего отворилась маленькая калиточка въ воротахъ и впустила меня во внутренний дворъ.

— Дежурный, веди въ школу, — возвѣстилъ тотъ же суровый и грубый голосъ солдата, и меня передали еще новому лицу.

Однако, невольно думалось, не особенно приятно играть роль вещи, которую передають изъ рукъ въ руки; правда, передача не осязаемая, но всетаки...

— За мной идите! — обратился ко мнѣ съ этими словами мой юный провожатый и повелъ меня куда-то.

Сначала мы прошли весь первый дворъ, потомъ черезъ такую же калитку вышли во второй дворъ, который былъ такъ же, какъ и первый, обнесенъ кругомъ высокой каменной стѣной, но уже и тѣснѣе мерваго, хуже мощень, отчего мѣстами прорѣзывалась между камнями зеленая травка. Всѣ мрачныя тюремныя зданія какъ-то скучились по правую сторону этого двора, а лѣвая только каменной стѣной отдѣлялась отъ широкаго просторнаго поля. Вотъ почему солнце хорошо свѣтило и обогрѣвало этотъ дворъ и тѣмъ дѣлало его болѣе живымъ и менѣе мрачнымъ. Солдатъ, ведшій меня, обратился ко мнѣ ю словами:

— Не задерживайтесь... здѣсь нельзя задерживаться.

Да я, кажется, и не задерживалась; но нельзя же пройти, не обративъ вниманія на то, что первый разъ видишь, тѣмъ болѣе, что дворъ былъ полонъ народомъ; было время прогулки уголовныхъ арестантокъ, и онѣ группами раздѣлились по двору: однѣ группы ходили, другія сидѣли на солнцѣ и о чемъ-то весело говорили и смѣялись, третьи что-то сильно кричали и подбрасывали что-то вверхъ.

— Что это, игра? — невольно вырвалось у меня.

— Разговаривать не полагается, — отвѣтилъ мой спутникъ.

Такъ прошли весь второй дворъ, въ концѣ котораго была деревянная грязная лѣстница; по ней мы должны были подниматься также безмолвно и сосредоточенно, чтобы войти въ главный коридоръ тюрьмы и изъ него уже пройти въ школу. Коридоръ оказался настолько темнень, что первое ощущеніе получалось такое, какъ будто бы мы вошли въ подземелье; темнота первое время кажется абсолютной; вольно вытягиваешь впередъ себя руки, чтобы съ помощью осязаний найти дорогу, куда слѣдуетъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, понемножку приглядываешься и начинаешь различать асфальтовый полъ коридора, сводчатый потолокъ и стѣны, которыя для экономіи выкрашены на высоту сажени въ черный цвѣтъ. Какъ сѣрые пятна, на черныхъ стѣнахъ выдѣлялись двери камеръ съ ихъ неизмѣннымъ круглымъ отверстіемъ. Запахъ въ коридорѣ былъ невыносимый: смѣсь амміака, сѣроводорода и какой-то прѣлости составляли специфическій букетъ его. Смотрѣть и дышать было донельзя съ непривычки трудно. Часъ прогулки арестантокъ еще не кончился и потому камеры были почти пусты; оставались въ нихъ, какъ выяснилось потомъ, только тѣ, кто былъ наказанъ или боленъ. Когда немножко ориентировалась уже въ полумракѣ коридора, явилось желаніе заглянуть въ одно изъ круглыхъ отверстій камеръ: вѣдь и тамъ есть жизнь, — какова она? Осторожно проходя мимо одной двери, я остановилась противъ нея. Какъ разъ въ этотъ моментъ въ кругломъ отверстіи показывается одинъ, два, три глаза: одинъ лихорадочно блестящій, другой весь опухшій, со слезой, а третьему глазу, очевидно, очень трудно устроиться такъ, чтобы можно было смотрѣть въ глубь коридора: онъ то покажется, то исчезнетъ.

— Не пихайся, чортова баба!

— А ты чего прилипла къ двери-то? Вотъ погоди попадетъ тебѣ по мордѣ-то!

Слышатся сдавленный голосъ и полушопотъ. Я прычусь за стѣну и ухожу съ ихъ поля зрѣнія.

— Ушла... куда же она дѣвалась-то? А видѣла, кака жакетка-то на ней?

Заговорить я не рѣшалась, а глядѣть въ упоръ на эти большіе глаза — страшно. Но вотъ, слава Богу, я не одна здѣсь: въ коридорѣ показывается сразу пять или шесть фигуръ мнѣ подобныхъ, — очевидно, тоже учительницы. Мы познакомились.

— Ну, вотъ и хорошо: насъ стало больше, а то ученицъ много, а учительницъ совсѣмъ мало, что тутъ сдѣлаешь?

— А сколько ученицъ?

— Да, говорятъ, полтора ста. Впрочемъ, ихъ и усчитать очень трудно.

— Почему же трудно?

— Да вотъ запишутся, наприимѣръ, 40 человѣкъ, а черезъ день изъ нихъ человѣкъ 20 вышлютъ въ провинціальныя тюрьмы, — вѣдь здѣшняя тюрьма всегда переполнена, — а изъ оставшихся 20 кого увели на допросъ, кого въ прачечную, кого къ политическимъ — служить; вотъ онѣ числятся ученицами, а на занятіяхъ ихъ нѣтъ; дають вамъ опять новыхъ ученицъ, съ ними — та же исторія. Все таки школа никогда не пустуетъ: ученицы всегда есть, а учительницъ не хватаетъ.

— Но вѣдь, судя по тому, съ какимъ трудомъ утверждаютъ учительницами въ тюремную школу, можно думать, что контингентъ учительницъ долженъ быть постояннымъ?

— Это далеко не такъ: очень многія учительницы не выдерживаютъ тюремной обстановки и бросаютъ школу.

— Отчего же не выдерживаютъ?

— Это трудно сказать... не выдерживаютъ этой вони, которую вы слышите сейчасъ, да и вообще тюремный режимъ сильно дѣйствуетъ на нервы.

— Но вѣдь во всякомъ дѣлѣ есть хорошія и дурныя стороны. Положимъ, здѣшняя обстановка не располагаетъ къ занятіямъ, но зато сами ученицы, я представляю себѣ, съ какимъ онѣ интересомъ относятся къ занятіямъ; вѣдь эти занятія и общеніе съ людьми изъ другого для нихъ міра отвлекаютъ ихъ мысли отъ гнетущей дѣйствительности, дають вѣру въ лучшее будущее и т. д.

— Конечно, вѣрить въ это стоитъ, а потому и работать; но я довольно безнадежно смотрю вообще на тюремныя школы. Если опибусь въ этомъ, то буду очень рада, а пока, что же мы теряемъ время-то? вѣдь уже давно пора начать занятія! да гдѣ же наша завѣдующая? я ее уже видѣла... а, да вотъ и она.

Моя собесѣдница махнула мнѣ рукой и быстро пошла навстрѣчу еще новымъ для меня лицамъ. Я осталась одна со своими мыслями и впечатлѣніями. Въ головѣ цѣлымъ роємъ поднимались вопросы за вопросами; какъ ихъ разрѣшить? Вѣдь, дѣйствительно, какая разница, если свободные люди приходятъ къ тебѣ съ просьбою обучить ихъ грамотѣ и ты ихъ учишь, или если ты приходишь учить людей, лишенныхъ всякой свободы. Даемъ ли мы имъ облегченіе? Не навязываемъ ли мы имъ себя и свои занятія съ ними? Да и что это за люди, запертые здѣсь? Говорятъ, они преступники, а потому вредные члены для общества, вотъ почему ихъ заперли въ этомъ камен-

номъ мѣшкѣ, который долженъ исправить ихъ и выпустить на волю по прошествіи нѣкотораго времени, выпустить—въ ту же обстановку, въ тѣ же жизненные условія, среди которыхъ они и совершили свои преступленія. Но что же здѣсь можетъ ихъ исправить? Трудно вообразить себѣ, чтобы эти мрачныя тюремныя стѣны, эти вонючія камеры (вѣдь изъ нихъ же несетъ такимъ зловоніемъ), это отсутствіе воздуха и свѣта дѣйствовали благопріятно на души людей и заставляли ихъ раскаиваться въ ихъ преступленіяхъ вольныхъ, а чаще, вѣроятно, невольныхъ. Но, можетъ быть, для распущенныхъ людей нуженъ опредѣленный, строгій режимъ, который и заставляетъ человѣка придти въ нормальное состояніе? Вѣдь для душевно-больныхъ существуютъ же больницы съ полной изоляціей отъ вѣшняго міра, и больные выздоравливаютъ. Впрочемъ, въ больницахъ всетаки лѣчатъ организмъ больного, слѣдя за болѣзнью, а здѣсь что же дѣлается для того, чтобы изъ преступнаго человѣка сдѣлать работащаго, здороваго? Мои размышленія были прерваны: передъ глазами стояла фигура, одѣтая во все черное. Черный платокъ на головѣ рѣзко очерчивалъ блѣдное, изнуренное лицо, черная узкая юбка и черная же страннаго фасона кофта, похожая на мужской сюртукъ, обшитый у ворота и на рукавахъ галуномъ, кожаный поясъ, на которомъ съ боку висятъ массивные ключи на замкнутой цѣпи... Эта скорѣе фигурка, чѣмъ фигура, сразу отрекомендовалась мнѣ:

— Я здѣсь надзирательница, а вы—новая учительница, такъ вотъ занятія будутъ вотъ въ этой камерѣ.

Съ этими словами она отперла одну изъ камеръ, распахнула ея дверь и довольнымъ голосомъ сказала:

— Я ее сегодня отлично провѣтрила, даже вынимала раму.

Камера, отведенная подъ школу, была довольно большая, сравнительно даже чистая, если не считаться съ щелями въ полу, въ которыхъ набилаь плотно грязь такимъ слоемъ, что какъ будто полъ въ щеляхъ былъ смазанъ какой-то черной замазкой. Эта камера имѣла 3 окна по одной стѣнѣ. Окна были не совсѣмъ обыкновенныя и потому обращали на себя вниманіе: откосые подоконники, чугунныя рѣшетки въ рамахъ. Короткія въ высоту и широкія поперекъ окна помещались въ стѣнахъ на высотѣ сажени отъ пола, не меньше. Отъ этого и освѣщеніе въ камерѣ падало сверху внизъ и придавало всему какой-то сѣроватый оттѣнокъ. Вдоль стѣнъ на шарнирахъ были прикрѣплены рѣшетчатыя нары, которыя днемъ опускались и принимали всячее положеніе, а ночью подымались, и на нихъ блялись незатѣйливыя, въ два пальца толщиной, набитые соломой матрацы. У противоположной нарамъ стѣны на день ставились деревянные столы и

скамейки, которые собою замѣняли намъ и ученицамъ нашимъ парты. Въ одномъ углу камеры помѣщался небольшой скромный школьный шкафъ съ учебными пособиями и съ небольшою библіотечкой. Вся эта незатѣйливая и болѣе, чѣмъ скромная, мебель здѣсь въ тюрьмѣ была роскошью, и эту роскошь ввела и узаконила школа, которой пришлось отвоевывать у тюремнаго начальства право существованія въ камерѣ каждой скамейки, каждаго стола. Одно грустно, что школѣ не пришлось отвоевать права существованія въ камерахъ какой-либо вентиляціи, отчего сильно страдали и заключенные и временные посѣтители тюрьмы.

Гулъ голосовъ въ коридорѣ отъ возвращавшихся съ прогулки арестантовъ заставилъ вспомнить меня о дѣлѣ. Я подошла къ группѣ учительницъ, которыя уже окружили завѣдующую школой и въ перебой осыпали ее просьбами, различными вопросами, сообщеніями и тому подобными вещами. Ухо улавливаетъ то отдѣльныя мысли, то цѣлыя исторіи, высказанныя въ короткихъ просьбахъ учительницами:

— У меня ученица Х. не подходитъ къ группѣ, — переведите ее, а мнѣ дайте другую.

— Моя ученица больна, легла въ больницу, просить книгу туда, разрѣшите?

— Чуть не вся группа моя ушла работать въ прачечную, дайте мнѣ поѣтому новыхъ ученицъ, а оставшихся двухъ возьмите.

— Ученица Т. просила похлопотать, чтобы не высылали ее въ провинціальную тюрьму, а оставили здѣсь; она хочетъ учиться, — здѣсь школа.

— Какъ быть, ученица Ш. очень просила меня сдѣлать справки, вѣдь она еще подсѣдственная, а уже сидитъ два года, когда, наконецъ, будетъ разбираться ея дѣло.

— Я желала бы взять новую группу: мои всѣ ученицы бросились на новый заработокъ, устроенный здѣсь въ тюрьмѣ, мѣшки или пакеты клеить для заворачиванія въ лавки товара. Представьте себѣ, получаютъ за это одну копейку съ пуда, скоро ли пудъ мѣшковъ такихъ склеишь!

— Неудивительно: въ прачечной онѣ получаютъ не больше какъ отъ 3 до 5 коп. въ день.

— Моя ученица (такая-то) скоро выходитъ изъ тюрьмы и потому просила меня объ обуви, вѣдь у ней ноги простуженныя, больныя, а обуви нѣтъ.

Подобныя сообщенія градомъ лились на завѣдующую нашей тюремной школы; приходилось удивляться, какъ только хватало вре-

мени и силъ, чтобы разобратъся въ этихъ сообщеніяхъ, и кабымъ образомъ можно удовлетворить просьбы.

Но вотъ и сами ученицы налицо. По двѣ и по три довольно чинно входятъ въ двери школьной камеры ученицы-арестантки. Костюмы у всѣхъ одинаковые, но видъ у всѣхъ разный. Полосатое, холщевое платье, такой же передникъ и бѣлый платокъ на головѣ, вотъ и весь ихъ незатѣйливый костюмъ. Но видъ нѣкоторыхъ женщины въ этихъ костюмахъ имѣли прямо ужасный.

Дѣло въ томъ, что тюремные костюмы шьются на одинъ объемъ и на одинъ ростъ; отъ этого для одной платье было очень длинно и широко, для другой, наоборотъ, слишкомъ коротко и узко, такъ что на груди и въ талии у нѣкоторыхъ женщинъ платье не сходилось совсѣмъ: если бы не передникъ, который завязывался сзади, то, я полагаю, такое платье не трудно было бы потерять. Бѣлые платки на головѣ были сѣры отъ копоти и грязи. Лица то изнуренныя, худыя, то отечныя, распухшія, какого-то желто-сѣраго цвѣта. Впрочемъ, были лица совершенно молодыя, здоровыя, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ и съ бойкими, живыми глазами; но такихъ немного, и они какъ-то затеривались на общемъ грязно-сѣромъ фонѣ. Съ большимъ вниманіемъ всматриваешься въ лица арестантокъ, — вѣдь онѣ люди не совсѣмъ обыкновенные: онѣ или душевно-больныя, или же прямо преступныя люди, вредныя общественныя элементы; вотъ поэтому онѣ и заперты здѣсь и несутъ за свои преступленія должную кару. Но нѣтъ, — это ихъ такъ заклеили; а на самомъ дѣлѣ не можетъ быть, чтобы вотъ эти двѣ миловидныя и очень юныя дѣвушки совершили какое-нибудь преступленіе: онѣ такъ юны, такъ наивно чисты ихъ глаза и такъ онѣ весело болтаютъ что-то, прижимая книгу крѣпко къ груди, — вѣроятно, о книгѣ же и говорятъ; не могутъ онѣ быть вредными общественными элементами.

— Кто эти двѣ миловидныя дѣвушки? — спрашиваю я у одной учительницы.

— Ахъ, вотъ эта, да? это моя ученица, преспособная, прелесть какая головка.

— Да, я хотѣла бы знать, за что она здѣсь содержится, т. - е. какое преступленіе она сдѣлала?

— Это дѣтоубійца, въ Сибирь пойдетъ! — тихо и скоро проговорила учительница и ушла отъ меня.

— Ну, а другая-то кто съ ней, другая за что содержится здѣсь?

Хотѣлось отъ какого-то жгучаго чувства внутри даже крикнуть по ко мнѣ подошла другая учительница и попросила меня заняться съ ея ученицами: у ней есть группа и подгруппа.

— Такъ вотъ, пожалуйста, займитесь съ подгруппою, а то я никакъ не могу выбрать времени, чтобы объяснить моимъ старшимъ дѣленіе.

Я изъяснила свое согласіе, но всетаки—кто же это вторая-то милонидная дѣвушка? Я отправилась къ школьному шкапу, чтобы взять все нужное для занятій и опять спросила свою сосѣдку объ интересующей меня дѣвущкѣ.

— О, это замѣчательная дѣвица: она воровка-рецидивистка; ей 19 лѣтъ, а она уже четвертый разъ въ тюрьмѣ, теперь ее, вѣроятно, уже выплютутъ. Говорятъ, она замѣчательно ловкая воровка.

Вотъ что я услышала. Какъ это все не согласуется съ милонидной виѣшностью! по лицамъ судя, это вѣдь еще совершенныя дѣти. Но вотъ и моя временная группа. Всего ученицъ у меня только три. Двѣ изъ нихъ уже совершенно пожилая, а третья много моложе. У одной подвязана шека, вѣроятно болятъ зубы, у другой—завязано горло, и она говоритъ хриплымъ голосомъ, а у третьей—обмотанъ палецъ какой-то толстой, грязной тряпкой.

— Ну, давайте продолжать, что вы дѣлали съ прежней учительницей; гдѣ остановились, на чемъ?

Всѣ молчатъ.

— Вотъ у васъ тетрадки, вы вѣрно диктуете уже,—покажите-ка мнѣ.—Ну, вотъ отлично, давайте же продолжать диктовку дальше на тѣ же правила.

Опять всѣ молчатъ, не дѣлая ни малѣйшаго движенія начать писать.

— Да у васъ болитъ палецъ, а у васъ зубы, такъ писать мы не будемъ, а лучше давайте читать, хорошо?

Всѣ разомъ раскрыли свои книжки, кажется, 3-ю книгу для чтенія Толстого, начали читать полугромко, каждая свою особую статью, слушая при чтеніи каждая только себя.

— Мы лучше всѣ вмѣстѣ будемъ читать одну статью, а потомъ разберемъ ее и выяснимъ, кто какъ понялъ, согласны?

Никакого отвѣта, каждая читаетъ свое. Тогда я обратилась къ ихъ учительницѣ и просила объяснить мнѣ поведеніе ея ученицъ.

— Не смущайтесь, это онѣ и со мной дѣлали: не хотятъ писать—вотъ, что хочешь! Вѣдь я увѣрена, вотъ у этой и палецъ не болитъ, а просто, занимайся съ каждой, чѣмъ она хочетъ, а не тѣмъ, что ты находишь нужнымъ, въ этомъ случаѣ съ ними бѣда!

Доставши 3-ю книгу для чтенія Толстого, я развернула ту статью, которую двѣ изъ ученицъ читали при мнѣ, и начинаю ее разбирать

съ ними. Вдругъ одна ученица неожиданно для меня обращается къ другой со словами:

— А и дура же эта Фроська-то!

— Это, что тумбой-то прозывается?

— Ну, да, пошла въ прачечную 3 коп. выработывать, а полюбовнигъ ейный кажинный приѣмъ всего приносить и деньги есть... и чего дура представляется-то!

— Слушайте, господа, я пришла сюда, чтобы заниматься, такъ если вы не хотите, то такъ и скажите, я возьму другихъ ученицъ, кому буду нужна.

— У, у, проклятыя бабы, только языки чешутъ!—прошипѣла на нихъ женщина съ завязаннымъ горломъ.

— А ты, шкура, молчи; знаешь, какъ сважемъ, куда тебя дѣнуть-то?

— Ну, господа, не ссорьтесь! чѣмъ хотите, чтобы я съ вами занималась? читать, писать, считать, или лучше я вамъ что-либо прочту, а вы послушаете, ну, согласны?

— Мы согласны, знамо согласны учиться-то; затѣмъ и въ школу пришли, а только вотъ съ эстой вонючей не хотимъ, потому она больная, а сидитъ съ нами въ камерѣ, словно здоровая; мы чрезъ нее болѣзнь получить дурную не желаемъ.

— Я тоже знаю, зачѣмъ вы въ школу-то пришли; получить на выходъ что-нибудь, а тоже представляются: «заниматься хотимъ, согласны», — передразнивала арестантка съ больнымъ горломъ.

Я струсила: скандалъ у меня въ группѣ разгорался, а я не рѣшалась да и не знала, что дѣлать. Одинъ выходъ: прочесть имъ что-нибудь вслухъ, авось, если и слушать не будутъ, то сидѣть будутъ смирно, а тамъ послѣ уроковъ поговорю о нихъ, съ кѣмъ слѣдуетъ. Взяла я книгу и начала читать вслухъ рассказъ: «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ». Съ первыхъ же словъ рассказъ ихъ заинтересовалъ: онѣ очень сосредоточенно и внимательно слушали его. При чтеніи того мѣста, гдѣ къ вущу Аксенову приходитъ въ тюрьму его жена и робко спрашиваетъ: «Ваня, другъ сердечный, скажи: не ты сдѣлалъ это?» Ученицы не выдержали, — со слезами и горечью въ голосѣ выражали свое удивленіе вслухъ. «Господи, праведный, да что же это будетъ ужъ, и жинка ему не повѣрила».

— Вѣрь не вѣрь, а поди-вось докажь, что не онъ убиваль-то, ну-ка?

— И очень просто: у него, значить, этого ножа не было, какъ онъ къ нему попалъ?

— Какъ попалъ... а вотъ, примѣрно, я въ нянькахъ служу, а

ты въ кухаркахъ. Я годъ живу у господъ, а ты всего мѣсяць. У барыни кошелекъ съ деньгами пропалъ. Подумали на кухарку, обыскали, не нашли; а кухарка-то и говоритъ: «Ужъ обысбивать, такъ, знамо, обѣихъ; чего же на нянюку-то смотрите, небось, не святая!» Барыня спервоначалу-то и слышать не хотѣла, да полиція полѣзла въ мою корзину; ну, нашли кошелекъ барынинъ и говорятъ: «Чьи деньги въ кошелькѣ?» Я не гляючи сказываю: «А коль въ моей корзинѣ, такъ мой». — «А сколько денегъ?» Говорю: «Что есть тамъ, всѣ мои». Барыня такъ и ахнула: «Няня, такъ неужто ты меня обворовала?» Ну-ка, поди докажь, когда та поскуда мнѣ кошелекъ-отъ въ корзину сунула: влючь у меня въ карманъ былъ. А вотъ изъ-за этого самаго, почитай, годъ здѣсь съ вами маюсь.

Разсказъ ученицы былъ вполнѣ искренній, въ голосѣ слышались слезы и все лицо сразу преобразилось: изъ апатичнаго, угрюмаго сдѣлалось подвижнымъ, напряженнымъ, глаза, полные слезъ, блестяли; видно было, что дѣлая буря негодованія поднялась внутри этой глубоко оскорбленной женщины. По окончаніи чтенія ученицы также не переставали говорить между собою по поводу прослушаннаго; но бесѣда ихъ была спокойная: онѣ точно у судьбы своей выпрашивали все: «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ... а почему же не скоро и какъ Его, Батюшку, просить-то объ этомъ?... вѣдь вотъ—кто умѣетъ умолить Господа, а кто нѣтъ... Все за грѣхи видно наши» и т. д. Я была очень довольна, что бесѣда наша кончается мирно и ученицы теперь совсѣмъ иначе настроены, чѣмъ до урока. Насталъ перерывъ, я охотно оставила своихъ ученицъ и усѣлась къ столу, гдѣ лежала книга пріема ученицъ, въ которой производились записи новыхъ. Съ любопытствомъ просматриваю книгу и отыскиваю въ ней профессію и преступленія моихъ сегодняшнихъ ученицъ. Оказалось: одна по занятіямъ прислуга, другая—торговка, а третья—безъ опредѣленной профессіи; одна сидитъ въ тюрьмѣ за воровство, другая—за укрывательство краденаго, третья—за покушеніе на убійство или за «участничество въ этомъ дѣлѣ».

— Ну, какъ прошелъ вашъ первый урокъ?—спрашиваетъ меня одна учительница.

— Да урока собственно и не было: пришлось больше принаравливаться къ ученицамъ, вотъ только чтеніемъ немножко и вошли въ норму, стали говорить и мыслить безъ ссоры и ругани.

— Ну, привыкнете! здѣсь почти всегда такъ бываетъ. А что имъ читали?

Я сказала.

— Да, вот онѣ любятъ сказки, да статьи такого содержания, какъ вы сегодня читали, а въ остальномъ ихъ трудно заинтересовать.

Въ это время къ столу, за которымъ я сидѣла, подошла одна изъ моихъ ученицъ съ подвязанной щекой и что-то вполголоса сообщила завѣдующей школой. Очевидно, ученица что-то просила, и что-то обѣщали, но что же?

Я попросила сказать мнѣ, въ чемъ заключалась просьба ученицы.

— Да у насъ все одно и то же горе-то: болятъ зубы, оттого нѣтъ обуви, ходить по каменному полу босая. Существуетъ даже тюремный кружокъ, который заботится о заключенныхъ и периодически снабжаетъ ихъ обувью и одеждой; но бѣда-то наша въ томъ, что нужды гораздо больше, чѣмъ пожертвованій, и потому, вотъ въ данномъ случаѣ, если въ кружкѣ ничего нѣтъ, такъ приходится собирать среди своихъ «знакомыхъ».

— Но вѣдь, вѣроятно, имъ полагается обувь казенная?

— Да, онѣ имѣютъ «боты» для прогулокъ, а въ камерахъ носить свою обувь, или же ходить босия.

— Но вѣдь тюремное начальство должно заботиться о заключенныхъ, а не частное благотворительное общество въ видѣ дамскаго кружка. Тюремное начальство должно же знать, что лишены свободы люди не могутъ на себя зарабатывать?

Эти вопросы остались безъ отвѣта: къ моей собесѣдницѣ подошла другая арестантка и тоже о чемъ-то со слезами просила. Голосъ иногда прерывался отъ рыданій, и она порой выкрикивала цѣлыя фразы:

— Ну, что же съ ней я сдѣлаю, не придушить же ее! — жаловалась въ отчаяніи на что-то и кого-то еще совѣмъ молодая женщина.

Я ближе подошла къ ней и старалась утѣшать ее, какъ могла, еще не зная въ чемъ дѣло.

— Милая барыня, на-дняхъ это приводятъ ко мнѣ въ камеру изъ пріюта мою дѣвчонку-то: кажись, враще въ гробъ владуть, говорятъ — здѣсь дохтурь-то чаще ее смотрѣть станеть, а въ пріютъ вишь ты, только разъ въ недѣлю ихъ смотреть дохтурь, дѣточка-то. Ну, а бабы наши каторжныя съѣли меня съ ней: говорятъ, въ камеру запакостила, дыхнуть не могутъ, жалуются на меня, бытъ ребенка, а чѣмъ она виновата. Дохтурь-то, какъ смотрѣлъ на насъ, говорить, надо пишу другую, не хороша знать наша-то; ступай же я ей возьму, посуди ты сама, хорошая барыня», опять залгала слезами бѣдная женщина.

На этотъ шумъ, вѣроятно, пришла въ школьную камеру надзирательница, и отъ нея мнѣ пришлось узнать нѣкоторые подробности

временныхъ порядкахъ. Оказывается, что каждая заключенная женщина имѣетъ право держать при себѣ ребенка не старше пяти лѣтъ; если ребенокъ старше, или мать не хочетъ держать его въ камерѣ съ собою, его отправляютъ въ тюремный пріютъ, гдѣ каждую недѣлю бываетъ врачъ и осматриваетъ дѣтей. При тюрьмѣ есть маленькая больничка, мѣстъ въ ней мало, и туда владутъ только дѣтей съ острыми заболеваниями—спорадическими, а съ хроническими принимаютъ очень рѣдко, когда есть только свободныя мѣста. Ребенокъ этой несчастливой женщины нѣкоторое время былъ при ней, попалъ въ пріютъ, гдѣ здоровье его еще больше ухудшилось, такъ какъ пища тамъ также дурна, а докторъ бываетъ рѣдко. Пріюту не понравилось держать этого ребенка, за которымъ нуженъ уходъ, и его перевели опять въ камеру къ матери, мотовируя его переводъ тѣмъ, что въ тюрьмѣ докторъ смотрѣть его будетъ чаще. Конечно, все это одна пустая отговорка: здоровье ребенка зависитъ отъ хорошей питательной пищи, а въ тюремной пищѣ, конечно, трудно поправиться отъ изнурительной мѣзны. Женщину успокоили, обѣщали похлопотать о томъ, чтобы ея ребенка приняли въ дѣтскую тюремную больницу; это видимо успокоило ее; она отерла слезы, перестала плакать и сказала:

— Знать и на мою сиротскую долю Господь добрыхъ людей пошлетъ,—спасибо вамъ, добрая барыня.

Надо было начать занятія послѣ перерыва, со своей временной группой. Теперь я на все смотрѣла бодрѣ: ученицы мои имѣли видъ сравнительно благодушный: смиренно сидѣли и толковали о чемъ-то; апатичное настроеніе исчезло съ ихъ лицъ, вѣроятно, и занятія теперь пойдутъ уже какъ слѣдуетъ. Но вотъ по коридору пронесся громкій голосъ, къ чему-то призывающій и что-то выкрикивающій. По слуху того, какъ приближались шаги говорившаго въ коридорѣ, поднимался шумъ: бряцали ключи, отпирались замки и выпускали въ коридоръ сразу нѣсколько голосовъ. Ожидательное настроеніе въ камерѣ сказалось сильное: ученицы задвигались, повставали со своихъ мѣстъ, что-то искали, перебивались незначительными разами:

— Есть, што-ль?

— Не-ма, совсимв не-ма... ну, якъ трошки побачу.

— Кто пойдетъ?

— Юлька трепаная идетъ.

На порогѣ нашей камеры появилась надзирательница и громкимъ голосомъ объявила:

— Бяпатокъ.

Нѣсколько женщинъ арестантокъ взяли жестяные чайники и от-

правились съ ними куда-то. Оставшіяся въ камерѣ начали при-
влять жестяныя брусочки, изъ какихъ-то грязныхъ тряпокъ раз-
бивать куски чернаго хлѣба, посыпанные солью. Вскорѣ появи-
лись въ камерѣ и чайники, наполненные кипяткомъ, и наши учени-
цы, даже съ какимъ-то особымъ благоговѣніемъ принялись
чаепитіе. Каждая обязательно поправляла платочекъ на головѣ,
живалась на скамейку, какъ поудобнѣе, потомъ, перекрестивъ
большимъ, широкимъ крестомъ и бросивъ взглядъ на малень-
кую иконку, которая какъ-то робко вырисовывалась въ темномъ углу
камеры, съ умильнымъ лицомъ приступала къ чаепитію. Изъ жес-
тяныхъ чайниковъ наливалась въ кружки какая-то грязная жидкость,
совершенно по цвѣту не походившая на чай; являлся вопросъ,
онѣ пьютъ? Бирничный чай, цикорій или что другое? Рѣшить бы
трудно да и глядѣть неприятно, какъ эта грязная жидкость жа-
ло поглощалась людьми. Я встала и прошлась нѣсколько разъ по
камерѣ. Надзирательница почему-то пристально посматрѣла на меня
и улыбнулась и спросила:

— А нашъ чай, вѣроятно, вамъ не нравится?

— Да-а, не желала бы его выпить. Но всетаки скажите, что
онѣ пьютъ?

— Да чай же.

— Чай! ну, я такого цвѣта чая никогда не видала!

— Неудивительно, этотъ цвѣтъ чая получается отъ двухъ
причинъ. Конечно, первое и самое главное ихъ неряшливость и
нечистота, вѣдь онѣ почти никогда не моютъ посуду, изъ которой
пьютъ, а вторая причина: ужъ очень бѣдный народъ-то къ намъ
приходитъ. Вотъ посмотрите, доска виситъ въ камерѣ, на ней обозначено
число 28; это значитъ въ этомъ помѣщеніи камеры можетъ
держаться не болѣе 28 человѣкъ, а у насъ ихъ здѣсь 40. Изъ этихъ
40 человѣкъ, дай Богъ, чтобы пять или шесть имѣли чай и сахаръ,
вѣдь казеннаго никому не полагается: такъ вотъ сами посудите,
какой можетъ быть чай, если на 8 человѣкъ, при этомъ еще въ
камерѣ чайникъ, заваривается щепотка чая.

— Ну, вѣдь такая неряшливость должна вредить и здоровью; отъ
нихъ можно требовать уже по крайней мѣрѣ чистоты. И я, не дож-
давшись отвѣта надзирательницы, подошла къ своимъ ученицамъ
и спросила ихъ:

— Вашъ чай, вѣроятно, невкусенъ: отчего онъ такого
грязнаго цвѣта?

— Ничего, мы привыкли... а цвѣтъ-отъ отчего такой...

его знает, может, отъ прусовъ,—ихъ такая сила здѣсь... одно слово—туча!

— Какъ отъ прусовъ? что такое отъ прусовъ?

— Ну, да.

— Боже мой, вѣдь ихъ выполоскать можно, чайникъ-то мыть можно кипяткомъ. Какъ же такъ отъ прусовъ?

— Да я и такъ уже сбиралась чайникъ-отъ съ собой въ баню взять и тамъ пробузовать его мочалкой.

Надзирательница слышала этотъ разговоръ; вѣроятно, потому пошла къ говорившей и заявила ей:

— Чайники вы должны мыть, это я вамъ приказывала нѣсколько разъ.

— Мы слышали, да только надо выбирать любое изъ двухъ: либо чай пить, либо чайникъ мыть. Потому, насъ силища привалить къ багу-то; а можемъ мы успѣть въ десять-то минутъ и чайникъ вымыть, и въ очередь за кипяткомъ стать? Да еще и кипятку въ другой разъ не получишь,—говорять, на всѣхъ не хватаетъ бака-то.

Теперь я поняла иронию насчетъ бани; дѣйствительно, что же? Имъ остается только взять съ собой посуду въ баню и тамъ «бузовать» ее, какъ онѣ выражаются. Нѣтъ, лучше не вдаваться въ подробности, лучше не смущать себя и ихъ, когда нѣтъ силъ улучшить и измѣнить то, что беспокоитъ и смущаетъ. Чувство какого-то стыда и неловкости настолько овладѣло мной, что мнѣ трудно было усидѣть на мѣстѣ; я начала быстро ходить по камерѣ, совершенно не замѣчая того, что мои товарищи-учительницы на время чаепитія ученицъ перешли въ коридоръ и тамъ ходятъ и о чемъ-то разговариваютъ.

«Пойти къ нимъ,—блеснула мысль.—Нѣтъ, останусь здѣсь, да вотъ и новый предметъ для моего наблюденія». Въ одномъ полутемномъ углу нашей камеры на полу сидѣла группа женщинъ и что-то шила; но что это за работа у нихъ? Что-то очень грубое, очень грязное и несомнѣнно воюющее.

Надзирательница, положительно какъ добрый геній, опять стояла за спиной у меня и, посмотрѣвъ на меня пристально, спросила:

— У васъ голова не кружится? Вы блѣдны.

— Нѣтъ, не кружится. А вотъ вы скажите, что онѣ шьютъ?

— Онѣ шьютъ бѣлье въ мужское отдѣленіе, видите, еладутъ заплаты.

— Это отъ этого бѣлья такой тяжелый запахъ?

— Да, вѣроятно.

— Развѣ онѣ чинятъ грязное, невытое?

— Нѣтъ, упаси Богъ! Но вѣдь ткань-то слишкомъ груба и потому всегда плохо промывается.

— У насъ, милая барышня, все для порядку дѣлано, по закону... по статьѣ... какъ есть; бѣлье вонючее, грязное, зато и заплаты-то къ грязному пристають лучше: ее, какъ на клею, грязь-то держитъ, и нитки казенныя цѣлѣе будутъ... такъ-то!...

— Ты вотъ остришь,—накинулась на нее надзирательница,— а сама первая—лѣзятяйка, жалѣешь ругъ, заплаты на грязи владешь, а вотъ сверху-то изъ мужского отдѣленія мнѣ прислали назадъ твою-то работу: мужики, говорятъ, ругаются: какъ надѣли, все расползлось.

— Ой-ли? Ну, знать, я ругъ пожаляла, а казна нитогъ полѣнилась дать настоящихъ, прислала все трухлявыхъ.

— Кто это арестанка? По какому дѣлу сидитъ?—обратилась я съ вопросомъ по поводу послѣдней къ надзирательницѣ.

— Фамилія ея, такая-то, сидитъ она уже годъ по дѣлу за укывательство или за содержаніе шайки какой-то; запутала она въ свое дѣло очень многихъ, вотъ цѣлый годъ идетъ только слѣдствіе по ея дѣлу.

Я вышла въ коридоръ. Учительница, съ подгруппою которой я занималась, подошла къ мнѣ, поблагодарила за помощь и заявила, что, благодаря мнѣ, она теперь, наконецъ-то, объяснила дѣленіе своимъ старшимъ. Лицо у меня, вѣроятно, было очень недоумѣвающее; я пристально смотрѣла на свою собесѣдницу, плохо понимала, о чемъ она мнѣ говорить.

— Вотъ какъ тюрьма на васъ дѣйствуетъ, вы блѣдны, идите-ка домой,—сказала она мнѣ очень внушительно, и энергично зашагала къ своему мѣсту занятій.

Я готова была со злостью ей крикнуть вслѣдъ: «Идите-ка и вы домой! Кому здѣсь нужно ваше дѣленіе? Ну, нѣтъ, это все нервы: надо взять себя въ руки и идти смотрѣть, учиться, какъ ведутся здѣсь занятія; вѣдь до сихъ поръ, можно сказать, мы еще не приступили къ дѣлу; занятія начнутся вотъ теперь только серьезно,—послѣ этого перерыва».

Снова вхожу въ школьную камеру, гдѣ всѣ учительницы спокойно сидятъ за столиками съ ученицами и объясняютъ имъ что-то. Становлюсь у дверей, чтобы не мѣшать никому, и стараюсь настраивать себя умильно при взглядѣ на такой дружный рабочій тонъ всей камеры. Въ одномъ углу шьютъ, въ другомъ учатъ, въ третьемъ книги выдаютъ изъ библіотеки и полушопотомъ переговариваются о чемъ-то, чтобы не мѣшать учебнымъ занятіямъ. Все чинно, благо-

родно и спокойно. Интересно бы знать, что говорят тѣ ученицы, которыя берутъ книги изъ библіотеки. Вѣроятно, онѣ бесѣдуютъ о прочитанномъ. Какъ онѣ понимаютъ, что прочли? Каково-то ихъ вообще міровоззрѣніе? Вѣдь ихъ умственный кругозоръ совсѣмъ иной, чѣмъ нашъ; онъ складывался подъ вліяніемъ фактовъ ихъ жизни, а не теорій. Одна ученица уже получила книжку, просматриваетъ ее внимательно съ сильно оживленнымъ и возбужденнымъ лицомъ. Вотъ интересно бы съ ней поговорить. Ученица съ книжкой вышла въ коридоръ, я иду за нею, сталкиваясь лицомъ къ лицу опять съ надзирательницею; невольно думается: «Боже мой, эта особа въ черномъ, точно тѣнь въ заколдованномъ замкѣ, быстро является, когда менѣ всего настроены думать о ней, и быстро исчезаетъ, когда какъ разъ желаютъ узнать что-нибудь».

«Ну, нѣтъ, теперь я эту тѣнь не выпущу».

— Меня интересуеетъ ученица, сейчасъ взявшая книгу, она быстро куда-то съ ней скрылась, а я хотѣла бы съ ней поговорить.

— Да вы войдите вонъ въ раздѣвальную камеру, она, вѣроятно, тамъ сидитъ, онѣ все такъ дѣлаютъ: возьмутъ книгу, усядутся куда-нибудь въ уголъ, посмотрятъ ее минутъ въ 5 и опять идутъ въ библіотеку; «не понравилась, дайте другую», а чего имъ надо—и сами не знаютъ.

Отправляюсь въ раздѣвальную камеру, вхожу. Но почему же эта камера называется раздѣвальной. Она скорѣе—матрасная, потому что до верху завалена матрасами, ну, да все равно. Кажется, здѣсь никого нѣтъ... Ахъ, да, вотъ что...

На откосомъ подоконникѣ, судорожно вдѣпившись въ рѣшетку, держится арестантка. Стеклою рамы въ окнѣ нѣтъ. Лицо ея такъ и впилося въ рѣшетку, губы вытягиваются и выкрикиваютъ что-то: «Ей-гей!»—«Ей-гей!»—«Ахъ, чортъ, ей-гей!»—«Чаво?» откуда-то слышится голосъ, точно изъ сундука, и сейчасъ же радостный отвѣтъ на это женщины, держащейся за рѣшетку: «Да ничего». Что-то происходитъ таинственное: слѣдуетъ ли мнѣ оставаться здѣсь... Но вѣдь это та самая женщина, что взяла книжку изъ библіотеки, просматривавшая ее. Останусь, посмотрю. Снова тѣ же таинственные слова черезъ рѣшетку: «Ей-гей!»—«Чаво?»—«Ничаво». Но уже не зря: съ верхняго этажа спускается бечевочка, которая ловко улавливается торопливой рукой арестантки и на эту бечевочку привязывается не то бумажка какая-то, не то книга, та самая, взятая сегодня изъ библіотеки; но что же дальше? Книга невидимой силой поднялась вверхъ и исчезла тамъ. Нѣсколько минутъ спустя сверху слышится голосъ: «Ей-гей!», отвѣчаютъ ему: «Ча-

во!» — «Ничаво», слышится въ отвѣтъ. Послѣ этого спускается опять бечевка и на ней уже несомненно другая книжка въ желтой оберткѣ. Проворная рука женщины быстро отвязываетъ книгу. Я, чтобы не смущать и не смущаться самой, поторопимъ уйти, пока еще меня не замѣтили. Такъ вотъ какъ: книги тюремной женской школы, видимо, читаются и тамъ наверху мужскихъ арестантами. Это очень хорошо, но значить въ мужской отдѣленіи нѣтъ школы и нѣтъ библиотеки, — это слѣдуетъ разузнать, да и знаетъ ли объ этой передачѣ книгъ кто-либо, кромѣ насъ. Возвращаюсь опять въ школьную камеру. Здѣсь все попрежнему учатъ и учатся. Только женщины, чинившія бѣлье въ углу, теперь чѣмъ-то заняты другимъ: онѣ возятся около вытянувшейся на полу фигуры.

— Что это? — невольно вырывается вопросъ.

— Падучая, съ ей часто это случается.

— А она изъ какой камеры? Ее бы туда унести!

— Мы всѣ изъ здѣшней камеры, небось... трогать ее не надобно, опомнится! — говорила очень спокойно арестантка; какъ видно, это было явленіе обычное и ихъ не мало не волнуетъ.

Нѣсколько учительницъ были уже свободны: онѣ задали кабатчицѣ самостоятельную работу своимъ ученицамъ и теперь отдыхаютъ мирно, о чѣмъ-то бесѣдуя между собою. Я подошла къ нимъ и прощаясь съ ними, передала общее свое впечатлѣніе, произведенное на меня тюрьмою, и между прочимъ выразила свое удивленіе по поводу анти-гигіеническихъ условій, среди которыхъ содержатся заключенныя. Отсутствие какой-либо вентиляціи, вѣчно грязная посуда, изъ которой онѣ пьютъ, скученность больныхъ и здоровыхъ людей въ тѣсной, грязной, безъ притока чистаго воздуха комнатѣ, — вѣдь это несомнѣнное зло для человѣческаго и даже очень здороваго организма. А эти несчастныя, страдающія отъ падучей болѣзни, — онѣ лежатъ въ припадкѣ и задыхаются безъ чистаго воздуха, хотя бы ихъ выносили на воздухъ, или на струю чистаго воздуха, куда-нибудь.

— Вы новичокъ здѣсь, а потому это васъ такъ и волнуетъ, вотъ мы привыкли. Вы говорите, что такія анти-гигіеничныя условія прямое зло даже для очень здороваго организма, и вы правы: это самое дѣлѣе все даже хуже того, что вы видѣли сегодня. Вамъ для примѣра скажу, чтобы васъ уже сразу окрестить въ тюремную жизнь; замѣтили вы, какая масса здѣсь больныхъ зубами? Да, замѣтили? Ну, такъ главная причина ихъ болѣзней зубныхъ — они не борются съ этой болѣзью при извѣстной тюремной пищѣ, если возможно.

— Ну, господа, а я нахожу, — замѣтила другая учительница, — физическое здоровье, конечно, распатывается въ тюрьмѣ, но по выходѣ изъ тюрьмы оно опять можетъ еще возстановиться, а потому это горе, какъ говорится, еще съ полгоря, а вотъ ужасное зло тюрьмы — это то, что она нравственно калѣчитъ людей. Вотъ та милостивая дѣвушка, о которой вы меня спросили, воровка-рецидивистка, уже четвертый разъ въ тюрьмѣ, а кто изъ нея сдѣлалъ рецидивистку? Тюрьма! Попала она первый разъ сюда по самому маленькому воровству и попала въ тюрьму на дѣлѣхъ три мѣсяца. Посадили ее въ камеру, гдѣ содержалось человѣкъ 20 или 30 самыхъ отборныхъ мошенницъ, выдавшихъ уже виды. Ну, конечно, она подѣлилась съ ними своимъ горемъ, а онѣ ее утѣшили понемногу и научили, какъ надо воровать и не попадаться въ тюрьму. Уроки ихъ пошли на пользу, и дѣвушка черезъ 6 мѣсяцевъ по выходѣ изъ тюрьмы опять попадаетъ къ своимъ воспитательницамъ и опять получаетъ бесплатные уроки житейской мудрости. Вѣдь казалось бы чего проще раздѣлять и изолировать первый разъ попавшихся за воровство отъ рецидивистокъ. Однако, оказывается, тюрьма и это сдѣлать находить неудобнымъ.

— Такъ вотъ какова тюрьма! — невольно вырывается у меня, — но что же при этихъ условіяхъ можетъ сдѣлать школа? — спросила я своихъ сотоварищей.

— Подождите, не рѣшайте такъ быстро. Знайте, что люди здѣсь запертые не знаютъ совсѣмъ человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова: они видѣли до сихъ поръ людей-звѣрей, скотовъ, имъ безсознательно подражали и попадали сюда.

Одѣвшись, я подошла къ лѣстницѣ и меня опять встрѣтили два солдата, которые и повели меня къ главнымъ воротамъ тюрьмы. Я иду по двору, а мысль работаетъ въ головѣ: наша миссія показать заключеннымъ здѣсь людямъ идеалъ человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова. Развѣ это не насмѣшка — лишеннымъ свободы, здоровой пищи, чистаго воздуха и свѣта людямъ проповѣдывать, каковъ долженъ быть человѣкъ, на что онъ способенъ, каковъ его долженъ быть духъ, какова его мысль?... Но вотъ по двору проходятъ двѣ дѣвушки какъ разъ мнѣ навстрѣчу, просто и чисто одѣтыя, и съ какой-то особенной любовью и теплотою смотрятъ мнѣ въ глаза... политическія, — это онѣ. Что онѣ во мнѣ нашли родственнаго, вѣдь я ихъ не знаю! Да, онѣ люди духа и свободной мысли, но онѣ тоже здѣсь, также заперты, также страдаютъ.

— Часовой! — возвѣстилъ голосъ моего провожатаго.

— Здѣсь! — былъ отвѣтъ.

— Отпирай, учительница.

Вотъ я и на свободѣ. Когда я обернулась, чтобы посмотрѣть на часового, который ходитъ безсознательно около стѣны, мнѣ очень хотѣлось предложить ему приблизительно тотъ же вопросъ, съ какимъ обращался къ нему мой извозчикъ:

— Поштенный, такъ чему же, примѣрно, у васъ тюрьма учинилась? Чего колодой-то представляешься? Не люди вы, что ли, Господи прости!

— Ахъ, только бы поскорѣй домой, домой! Извозчикъ!

— Куда надо?

— Домой!

— А это, примѣрно, гдѣ же будетъ? А, ну, такъ бы и говорили—садитесь!

Я ѣду и дремлю.

II.

Тюрьма для школьныхъ занятій съ арестантками была доступна учительницамъ только два раза въ недѣлю. Поэтому учительницы въ общему соглашенію рѣшили такъ: одинъ день въ недѣлю вести занятія предметныя, т. е. обученіе грамотѣ, письму и ариметикѣ, а другой—посвящать исключительно на чтеніе (для всѣхъ желающихъ, и заключенныхъ въ женскихъ камерахъ) съ волшебнымъ фонаремъ.

Яркія, разрисованныя красками, художественно исполненныя картины для волшебнаго фонаря производятъ на экранѣ (въ значительномъ увеличеніи) прежде всего хорошее впечатлѣніе на глаза. Можно рассчитывать уже поэтому, что такія картины, при хорошемъ чтеніи, захватятъ нашихъ слушателей и зрителей, благотворно и дѣйствуютъ на ихъ души, дадутъ имъ возможность пожить, хотя минуты, въ мірѣ мыслей, чувствъ и яркой фантазій.

Какъ разъ жребій палъ на меня прочесть въ тюрьмѣ въ ближайшій назначенный для этого день произведеніе «Кавказскій пленникъ» Толстого. Я не отказывалась: это литературное произведеніе мнѣ очень нравится, а тюрьма съ ея не совсѣмъ обычными слушателями меня интересовама. Одна учительница изъявила свое согласіе придти въ подмогу мнѣ для управленія волшебнымъ фонаремъ показывать картины и вообще приготавливать все, что необходимо было для этого чтенія; дѣло этимъ для меня значительно упросталось. Въ опредѣленный день и часъ мы явились къ тюрьмѣ, благополучно прошли всѣ назначенныя намъ калитки и ворота, поднялись по старой лѣстницѣ и очутились въ извѣстномъ уже вонючемъ, те-

коридорѣ, изъ котораго всё пути ведутъ въ камеры уголовныхъ. Въ ожиданіи надзирательницы мы съ учительницей стояли и угадывали: какую изъ этихъ камеръ, что передъ нашими глазами, сегодня отведутъ намъ для чтенія. Одна изъ насъ говорила: ту, гдѣ больше оконъ и простору, чтобы вмѣстить всѣхъ желающихъ слышать и видѣть, а другая увѣряла, что, наоборотъ, вѣроятно ту, гдѣ меньше оконъ, чтобы легче было затемнить; весеннее солнышко заглядываетъ въ каждую щелку, въ каждую маленькую дырочку,—борись-ка съ нимъ, попробуй.

Самостоятельно мы едва ли бы рѣшили этотъ спорный вопросъ, но подошла къ намъ надзирательница и любезно сообщила намъ, что одна изъ камеръ уже освобождена для чтенія, и мы можемъ въ ней устраиваться по своему усмотрѣнію. Мы вошли въ небольшую полутемную комнату; въ ней было хотя и два окна, но свѣтъ проникалъ плохо, такъ какъ оба окна выходили прямо въ стѣну сосѣдняго зданія. На нашъ вопросъ, почему намъ отвели для чтенія эту, именно, камеру, когда въ сущности она очень мала для той публики, на которую мы рассчитываемъ сегодня, надзирательница отвѣтила:

— Да потому, что это единственная часто пустующая камера. Меня это удивило:

— Какъ, у васъ всегда тюрьма переполнена: въ камерахъ, гдѣ полагается быть по 28 человѣкъ, содержится—40, а у васъ есть еще пустующія камеры?

— Такъ, вѣдь, что же подѣлаешь, если въ ней жить нельзя: очень сыро и холодно. Было въ ней мѣсяць тому назадъ 25 человѣкъ, да сегодня послѣднюю стащили.

— Какъ стащили? Куда?

— Чего вы пугаетесь-то... стащили кого въ больницу, а кого въ сосѣднюю камеру; въ больницѣ тоже мѣстъ больше нѣтъ. Болѣютъ здѣсь все ревматизмомъ да воспаленіемъ легкихъ, а я такъ думаю—просто скоротечной чахоткой... Ужъ кашляютъ-кашляютъ, стонутъ-стонутъ, такъ бы и убѣжала отъ нихъ, куда глаза глядятъ!...

— Такъ вы бы и убѣжали.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, хорошо и легко вамъ такъ говорить; вы бываете здѣсь два раза въ недѣлю только, а вотъ побыли бы на моемъ мѣстѣ съ шести часовъ утра до шести съ половиною часовъ вечера, вѣдь я уже послѣ пробѣрки ухожу домой-то. А дома у меня сынъ... онъ черезъ три года гимназію кончитъ... учится хорошо, на казенный счетъ... послѣ гимназіи-то хочетъ въ университетъ идти, ну, гдѣ же ему мать кормить? Да что и будетъ съ нимъ... Пола-то

онъ у меня хорошій... ни за что безъ меня обѣдать не будетъ, и я не освобожусь: такъ весь день на чаю и на хлѣбѣ и сидить одна. Я человекъ безъ всякаго образованія, и то сказать: гдѣ я другое подходящее мѣсто найду? Здѣсь я имѣю квартиру, столъ и 25 рубль жалованія. Хотя и трудно, что говорить, а всетаки думается, моему мѣсту позавидуютъ, пожалуй, и съ образованіемъ.

— Ну, и дай Богъ вамъ свой подвигъ кончить честно, а позовите-ка кого-нибудь, кто бы забилъ и завѣсилъ намъ окна: насъ вѣдь нѣтъ привычки сидѣть на откосыхъ подоконникахъ и держаться за чугунныя рѣшетки.

— Хорошо, позову, — грустно сказала надзирательница и вышла. Учительница по уходѣ надзирательницы, смѣясь, меня спросила:

— А вы же развѣ видѣли, что говорите — держаться за чугунныя рѣшетки?

— А вы развѣ знаете что-нибудь, что меня спрашиваете? Обѣ мы засмѣялись.

Вошла надзирательница и привела съ собою здоровую, молодую женщину-арестантку и заявила, что эта женщина все можетъ намъ устроить и завѣсить, какъ мы пожелаемъ. Сейчас же мы попросили ее рѣшить такую задачу: забить тѣ два окна, которыя она видитъ, такъ, чтобы свѣтъ не проходилъ ни въ одну щелку; ну, а чѣмъ забить, — это ужъ какъ она хочетъ.

Арестантка подумала, потомъ рѣшительно сказала:

— Ну, ладно, пойду пошукаю.

— Къ кому же вы пойдете шукать?

— А видно придется идти къ своей хозяйкѣ.

— Кто же здѣсь ваша хозяйка?

— А надзирательница-то; какъ же, я у ней служу и кнпятою ей ношу, когда надо; ну, извѣстное дѣло, служу до повѣрки только... барыня она справедливая и мнѣ грѣши платить, да-а, ей-Богу!

— Ну, такъ отлично, ступайте шукать къ своей барынѣ, а мы подождемъ.

Арестантка скрылась и мы остались однѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ неловкаго молчанія я спросила:

— Вы давно учительницей въ тюремной школѣ?

— Второй годъ, а вы сколько?

— Второй день.

— Ахъ, да, я слышала, что вы, кажется, уже разочаровываетесь, но вѣдь жизнь слишкомъ сложна въ своихъ проявленіяхъ и сурово нельзя къ ней во всѣхъ случаяхъ предъявлять требованія гуманности и справедливости.

— У людей, живущихъ на полной свободѣ, пожалуй, идеи гуманности и справедливости могутъ быть еще въ идеалѣ, но чѣмъ же жить, чѣмъ утѣшать себя людямъ, лишеннымъ всякой свободы, запертымъ вотъ въ этихъ четырехъ стѣнахъ? Что является ихъ защитой, что остается у нихъ надежнаго въ настоящей и будущей ихъ жизни, какъ не вѣра въ гуманность и справедливость людей, съ ними соприкасающихся? Поэтому я нахожу, что наша обязанность, какъ учительницъ поддерживать въ нихъ эту вѣру въ людей.

Въ это время вошла арестантка, нагруженная много выше головы какими-то сѣрыми, тяжелыми вещами, которыя въ полумракѣ комнаты не сразу можно было разглядѣть.

— Что это за вещи вы принесли?—обратилась я къ женщинѣ, только что свалившей все принесенное въ кучу.

— А это-жъ халаты наши... зимой ходимъ на прогулку въ нихъ, и на допросъ въ нихъ же гоняють...

— Ухъ, какіе жесткіе, а теплы они?

— Кому теплы, кому холодны—это какъ придется, а жестки, такъ опи, чай, дѣланы-то не изъ бархата, а изъ арестантскаго сукна.

— Развѣ есть арестантское сукно?

— Есть, а то какъ же? у всякаго сословія нашего, значить, своя форма.

— У васъ въ тюрьмѣ, я думаю, тотъ же холстъ, то же сукно, что и у солдатъ, не правда ли?

— Ахъ, ты, Боже мой, да говорю—наше-то арестантское, а у солдатъ—солдатское, всякому свое, значить!

— Да какая же разница-то?

— Разница-то? а вотъ какая: ежели въ нашу-то рубаху изъ арестантскаго холста попадетъ... звѣрь-то этотъ... такъ онъ въ овдакомъ-то холстѣ запутается, равно какъ въ лѣсу; его тамъ съ собаками не сыщешь,—потому холстъ-то корявый и чапляется, ну, а солдатскій-то холстъ куда тебѣ лучше: нешто сравнимо! Его моешь, такъ онъ все лучше, чище, значить, дѣлается; а нашъ хоть мой, хоть не мой, все одно!

Послѣ этихъ словъ арестантки мой сотоварищъ - учительница посмотрѣла на меня выразительнымъ взглядомъ: дескать, не угодно ли вамъ начать проповѣдь гуманности и справедливости людской, а я молъ послушаю. Да ничего я теперь не хочу, хочу только, чтобы удачно и хорошо прошло мое чтеніе, да поскорѣе уйти отсюда. Наконецъ-то, слава Богу, окна закрыли; мракъ полный, воздуху со-всѣмъ вѣтъ; а что же будетъ, когда камера-то набьется народомъ?

— Ну, скоро мнѣ можно начинать читать?—спрашиваю я.

— Минуточку подождите, еще фонарь коптитъ что-то.

— Еще фонарь коптитъ?! чѣмъ же мы и наши слушатели дышать-то будете?

— Ничего, приспособимся и мы и онѣ!—былъ отвѣтъ.

Однако народу идетъ много; наша аудиторія не только быстро наполняется, но даже переполняется народомъ. Всѣ слушатели входятъ и садятся прямо на полъ, поджимая подъ себя ноги. Понемногу начинается шумъ и выкрики вродѣ слѣдующаго:

— Варька, ты гдѣ? подь сюда, здѣсь есть мѣсто.

— А, ну тебя къ лѣшему, куда я по головамъ-то пойду!

— А давя надзирательница ушла отъ насъ, а мордастая-то пошла къ форточкѣ и говоритъ...

Слышится шопоть; что сказала эта «мордастая», для меня осталось тайной.

— Акульгу-то сегодня гоняли на допросъ.

— Ну-у, поди уперлась.

— А чортъ ее знаетъ, пришла—молчить все.

— Я сегодня тоже ѣздила на допросъ. Погода хорошая, воздухъ легкій такой, кавалеръ мой—ничего, такой привѣтный...

— Чего мелешь, словно выпила? не поднесъ ли тебѣ кавалеръ-то твой?

Въ камерѣ совсѣмъ темно. Объективъ у фонаря закрыть; только свѣча подъ небольшимъ абажуромъ, что горитъ передо мной на столѣ, небольшимъ кругомъ освѣщаетъ книгу и мои руки. Я прислушиваюсь къ замолкавшей толпѣ; все тихо; кое гдѣ кто-то проговорить; слава Богу, настроеніе публики общается удачу чтенія; но вотъ кто-то близъ меня быстро-быстро говорить:

— Пришла бы она сюда, дьяволъ проклятущій! кажинсь, всѣ бы ее зеньгалы выцарапала бы, всѣ ей косы выдергала! накосъ, тварь экая, что выдумала: и мой, и Дашкинъ, и Фроськинъ платокъ всѣ въ матрасъ-отъ свой подъ соломѣ тамъ заховала. Надзирательница приходитъ, кричить: чтобы были платки, не мнѣ же въ казну платить за нихъ; не найдете,—въ карцеръ. Слышала?! Изъ-за экой-то твари да въ карцеръ!

— Господа, я читаю, слушайте! Это произведеніе называется «Кавказскій плѣнникъ»; написалъ его Л. Н. Толстой.

Всѣ притихли и, повидимому, слушаютъ. Картины хороши и все, кажется, благополучно. Но черезъ 15 или 20 минутъ уже слыгъ ушопоть, все усиливающийся; я останавливаюсь читать, и шопоть

смолакаетъ; потомъ опять вновь начинается и все идетъ усиливающимся темпомъ, наконецъ, уже прямо выкрики:

— Врешь, паскуда, врешь... я слѣдователю такъ говорила и прокурору такъ скажу! Нѣ-ѣ-ѣтъ, я запутать себя больше не дамъ... нѣ-ѣ-ѣтъ, ты думаешь, я сюда попала, съ тобой подлой сижу, такъ и въ Сибирь съ тобой пойду! Нѣ-ѣ-ѣтъ, я знаю... не запутаешь больше!

Возгласы дѣлались прямо изступленными. Надзирательница пробовала привести публику къ порядку. Для этого надо было или вывести истеричную женщину, или успокоить и уговорить ее. Конечно, мы, лица, ведущія чтеніе, желали, чтобы сдѣлано было послѣднее, но это оказалось дѣломъ не легкимъ, потому что прежде всего она не поняла этого уговора.

— Не уйду,—кричала женщина.—Никогда не уйду, хочу здѣсь быть... душа изболѣла, замучили онѣ меня въ камерѣ-то! Говорить, вишь ты, я ихъ выдаю, а? Слышите, я ихъ выдаю? а они меня сами запутали, посадили въ тюрьму, да теперь хотятъ, чтобы я и въ Сибирь шла! Нѣ-ѣ-ѣтъ, этого уже не будетъ! Повѣшусь на своемъ воть крестѣ, а не пойду съ ними въ Сибирь!

Тюремная драма выплывала наружу и распространялась подобными возгласами по всей душной и темной нашей аудиторіи. виновники же или соучастники этой драмы несомнѣнно были здѣсь же, но они упорно молчали, отчего темнота комнаты дѣлалась какой-то зловѣщей. Женщина, истерично рыдавшая, теперь стала тише: она понемногу успокаивалась,—ну, и слава Богу!

— Такъ вотъ, господа, я остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ Жилинъ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ. Теперь посмотримъ, какъ они живутъ въ плѣну и что дѣлаютъ.—Читаю дальше. Слушаютъ меня, или нѣтъ, я не знаю; но шопота зловѣщаго уже нѣтъ; изрѣдка слышатся только возгласы:

— Господи Иисусе, помилуй насъ грѣшныхъ! О, охъ-хохъ, что-то будетъ! что-то будетъ! и т. д.

Какъ понять эти возгласы: умиленное ли это раскаяніе въ грѣхахъ своихъ, жалость ли, или страхъ за судьбу Жилина—не знаю. Чтеніе кончилось. Я поскорѣ позаботилась, чтобы впустили свѣтъ, сняли съ оконъ халаты, и попросила надзирательницу, нельзя ли, хоть на время, открыть дверь въ коридоръ. Надзирательница промолчала, вѣроятно оттого, что этого сдѣлать не имѣла права, но и просьба-то оказалась неосновательной: по мѣрѣ того какъ выходили арестантки, дверь все равно была открыта естественнымъ образомъ. Духота, вонь оставалась все та же, даже еще стало хуже:

изъ коридора несся убійственный запахъ,—вѣроятно, отъ низкаго давленія передъ дождемъ давали себя чувствовать отхожія мѣста, а вѣдь они были здѣсь по близости—въ этомъ же коридорѣ. Надо было поскорѣе убирать фонарь, одѣваться и уходить на свѣжій воздухъ и свѣтъ. Мой сотоварищъ догнала меня въ концѣ коридора и сказала:

— А вотъ и дождикъ. Жаль, что мы попали подъ него: намъ идти пѣшкомъ еще до трамвая.

— Погода стала хмурая и слезливая; быть можетъ, она плачетъ надъ моимъ неудачнымъ чтеніемъ. Какъ вы думаете?

— Нѣтъ, почему вы считаете свое чтеніе неудачнымъ? Читаете вы хорошо, голосъ у васъ достаточно выразителенъ и громокъ. А что скандалъ-то былъ, — такъ вѣдь это вещь обыкновенная, это же тюрьма, не надо забывать!

— Да я ни минуты не забывала, что это тюрьма; но эти «скандалы», какъ вы говорите, я думаю, болѣе походятъ на припадки истеріи и представляютъ явленіе патологическое; съ подобными явленіями надо бороться лѣченіемъ, хорошимъ уходомъ, который бы успокаивалъ больные нервы истеричной женщины, а не надрывалъ бы ихъ больше, какъ это дѣлаютъ ея товарки по камерѣ. Вѣдь, Богъ знаетъ, какъ бы онѣ ее еще не довели до полнаго сумасшествія.

— Конечно, за это поручиться нельзя, все можетъ быть; но вѣдь тюремное начальство всетаки до нѣкоторой степени слѣдитъ же за заключенными, да кромѣ того, въ тюрьмѣ есть врачъ... Весьма возможно, что администрація тюремная не такъ все горячо принимаетъ къ сердцу, какъ вы; такъ, можетъ, это и къ лучшему, потому что гдѣ и въ чемъ лежитъ главная причина зла—мы не знаемъ. Въ тюрьмѣ мы уже видимъ результаты того зла, которое сдѣлало несчастныхъ женщинъ невмѣняемыми; а главное зло ихъ, это, вѣроятно, экономическій вопросъ—борьба за существованіе.

— Ну, а какъ вы полагаете, какъ было бы лучше: допустимъ, что тюремъ совсѣмъ бы не было, и нѣкоторые люди подъ вліяніемъ экономическихъ условій доходили бы до состоянія невмѣняемаго, совершали бы, какъ и теперь, преступленія, но оставались бы въ тѣхъ же условіяхъ; мы бы ихъ, конечно, не знали, и они растворились бы въ общей массѣ народа. Что, сумма преступленій стала бы больше отъ этого или меньше?

— Не знаю, не думала объ этомъ.

— Ну, вотъ видите! а недавно мнѣ здѣсь въ тюрьмѣ одна наша учительница говорила: кто дѣлаетъ изъ 18 или 19-лѣтнихъ дѣвушекъ опытныхъ воровокъ-рецидивистокъ?—Тюрьма! Почему же, осно-

вываясь на этомъ, не сказать, что и другимъ преступленіямъ научаетъ тюрьма. Что же касается психическихъ и разныхъ физическихъ заболѣваній, то мы съ вами объ этомъ и спорить не будемъ: ихъ при настоящихъ условіяхъ, въ которые поставлены заключенные въ тюрьмѣ, масса!

— Такъ вы, въ принципѣ, противъ тюрьмы?

— По моему взгляду всѣ преступления совершаются подь влияніемъ трехъ двигателей: 1) экономическія условія, 2) психическое разстройство и 3) невѣжество массы. Тюрьма, которая собираетъ у себя субъектовъ, совершившихъ преступленія подь влияніемъ выше-сказанныхъ двигателей, и ставитъ этихъ субъектовъ въ еще худшія условія; сама тюрьма становится зломъ и главнымъ источникомъ преступленій.

— Ну-съ, хорошо, а теперь по-вашему какова же наша миссія учительницъ въ этомъ источникѣ зла?—ядовито спросила меня учительница.

— Наша миссія ясна: бороться съ помощью грамоты съ невѣжествомъ и суевѣріемъ, гуманностью и справедливостью облегчать, а пожалуй и лѣчить до нѣкоторой степени психическихъ больныхъ. Знаете, у Шиллера есть одно стихотвореніе, гдѣ говорится:

«Три слова я молвию—отъ сердца они,
Велико ихъ на свѣтѣ значенье;
Три слова начало берутъ не извнѣ,
Но завѣщаны намъ отъ рожденья:
Человѣкъ на печальный конецъ обреченъ,
Если въ эти три слова не вѣруеть онъ».

— Эти три слова суть: свобода, доброта и идеаль. А вотъ конецъ стихотворенія:

«Три слова я молвилъ, значенье имъ далъ,
Пусть они далеко отзовутся,
И какъ бы кто низко душой ни упалъ,
Тѣ три слова ему остаются:
Человѣкъ не погибъ и всего не лишенъ,
Если въ эти слова еще вѣруеть онъ».

Учительница посмотрѣла на меня и сказала:

— Да, имѣть вѣру, быть свободнымъ человѣкомъ и т. д. хорошо, но... вотъ мы и дошли незамѣтно до трамвая; дорога была незамѣтная, хотя и подь дождемъ, а теперь поѣдемъ.

— Хорошо, ѣдемъ. Ну, а говорить о тюрьмѣ я больше не намѣрена, хотя дорога наша еще длинная-предлинная.

III.

Раза два въ мѣсяцъ, а иногда и болѣе, устраивались собранія тюремныхъ учительницъ или въ залѣ общества грамотности, но гораздо чаще въ квартирѣ завѣдующей школой; здѣсь въ очень серьезной бесѣдѣ въ количествѣ 5 или 6 лицъ обсуждались и выяснялись вопросы и нужды тюремно-школьнаго характера. Новичокъ-учительница на этихъ собраніяхъ, или лучше сказать просто собесѣдованіяхъ, узнавала очень многое: она прежде всего могла хорошо знакомиться съ духовной жизнью школы и по ней выяснить отношенія ученицъ къ школѣ и общее настроеніе школы къ ученицамъ. А общее настроеніе школы къ ученицамъ было въ высшей степени гуманное, ласковое и даже порой нѣжное. Вся школа шла навстрѣчу желаніямъ заключенныхъ и старалась, насколько могла только, удовлетворять всѣ запросы, просьбы своихъ ученицъ. Но, конечно, вмѣстѣ съ этимъ школа твердо шла къ главной намѣченной ей цѣли просвѣтительной, это—обучить прежде всего грамотѣ. Эта по существу простая задача, легко выполняемая во всякой школѣ, оказалась очень сложной и трудной въ тюремной школѣ; вотъ почему на собраніяхъ учительницы не мало времени употребляли на рѣшеніе нѣкоторыхъ педагогическихъ вопросовъ и приѣмовъ; при этомъ выяснялся и самый типъ ученицы-арестантки. Это—типъ особый: ученицы-арестантки не подходятъ ни къ ученицамъ воскресныхъ школъ, ни тѣмъ болѣе къ ученицамъ подросткамъ городскихъ и приходскихъ училищъ. Очень часто случается, что ученицы-арестантки записываются въ ученицы тюремной школы совершенно машинально, такъ же и садятся въ группы на занятія; у такой ученицы одно въ словѣ—ея дѣло: то она была уже на допросѣ, то ее завтра поведутъ на допросъ, то ее дѣло назначено къ слушанію, то ее дѣло не назначается еще до сихъ поръ и потому она мучится и боится, что ее въ тюрьмѣ совсѣмъ забыли. Иногда случалось видѣть, что арестантка, придя въ школу, оживлялась, преображалось у ней все лицо, говорила все съ одушевленіемъ, возбужденно. Отчего? Да вотъ—встрѣтилась съ другой арестанткой, съ товарищемъ по дѣлу, т. е. по характеру того преступленія, за которое она посажена, а отсюда, следовательно, планы, предположенія, выясненіе силы наказанія и т. д.; все это ихъ несомнѣнно захватываетъ, волнуетъ, увлекаетъ. Гораздо рѣже приходилось наблюдать учительницамъ, чтобы, придя въ школу, арестантки имѣли исключительно одну просвѣтительную цѣль, интересъ къ книгѣ, къ письму, къ чтенію вообще, или къ арифметикѣ въ частности.

— Такъ зачѣмъ же, — зачѣмъ онѣ машинально записываются въ школу, отнимаютъ этимъ мѣсто у настоящихъ нашихъ ученицъ? — срывается изъ устъ новичка-учительницы.

— Какъ это зачѣмъ? да очень просто и понятно: опостылѣла имъ ихъ камера со всѣми тамъ обитателями, узнали онѣ другъ друга достаточно, еще передрались не разъ, а тутъ въ школѣ встрѣчаютъ людей изъ другихъ камеръ, съ которыми у нихъ еще не было никакихъ скандаловъ и дракъ; кромѣ того, въ школьной камерѣ и воздухъ чище да и стѣны не тѣ; ну, словомъ—все новое; это и развлечение и ученіе и все, что хотите.

— Даже болѣе того: это не только развлекаетъ, но и доставляетъ нѣкоторую матеріальную поддержку; вѣдь мы всѣ знаемъ, что школа даетъ обувь и одежду на выходъ своимъ ученицамъ, — сказала одна изъ учительницъ.

— Неужели же только ученицамъ школы дается на выходъ обувь и одежда, а не всѣмъ вообще женщинамъ, выходящимъ изъ тюрьмы? — искренно удивилась я.

— Конечно, не всѣмъ, — съ улыбкою возразила учительница; во-первыхъ, не всѣ же поголовно и нуждаются въ обуви и одеждѣ, а, во-вторыхъ, на всѣхъ нуждающихся и невозможно наготовиться, тѣмъ болѣе, что денежныхъ суммъ никто на это не выдаетъ и приходится собирать старья, поношенные вещи у знакомыхъ; гдѣ же столько ихъ возьмешь?

— Въ такомъ случаѣ это не дѣло школы, а скорѣе какого-нибудь «дамскаго тюремнаго кружка», который долженъ бы заботиться обо всѣхъ вообще заключенныхъ, — съ раздраженіемъ замѣтила одна наша сотоварка.

— Да вѣдь мы и кружкомъ дамскимъ пользуемся и изъ него беремъ, благодаря нашей доброй и хорошей завѣдующей школой. Отчасти благодаря школѣ дамскій кружокъ сталъ служить дѣйствительнымъ нуждамъ тюрьмы; а вѣдь раньше (да и теперь еще отчасти есть) выдавались вещи изъ дамскаго тюремнаго кружка только тѣмъ лицамъ, которыя зарекомендовали себя въ тюрьмѣ хорошо, иначе говоря, умѣли выслуживаться передъ начальствомъ; а лица, не умѣвшія этого дѣлать, выходили изъ тюрьмы съ больными ногами на снѣгъ прямо зимою и кончали жизнь свою въ больницахъ очень скоро по выходѣ изъ тюрьмы.

— Да вотъ моя Марья Непомнящая: если бы не школа, такъ вѣдь она за свой строптивый нравъ не получила бы ничего при выходѣ и вышла бы зимой въ декабрѣ мѣсяцѣ на свободу совсѣмъ раздѣтая. Я очень рада, что она теперь на свободѣ, о которой такъ меч-

тала. Слава Богу, по суду оправдана, а куда она пошла теперь, находится, — не угадаешь! — задумчиво и грустно говорила учительница; очевидно, еще живъ былъ въ памяти образъ ея ушедшей учительницы. Меня заинтересовала очень эта исторія Марьи Непомнящей, я обратилась къ ея учительницѣ съ просьбою сказать мнѣ что-нибудь объ этой ученицѣ, а главное, что она называетъ строптивымъ правомъ.

— Строптивой я ее называю потому, что ужъ очень она была прямолинейна и правдива во всемъ; поэтому трудно ей было уживаться съ людьми. Ссорилась она здѣсь со всѣми: съ надзирательницею, съ врачомъ и первое время—даже со мною; потомъ я пошла к ней и мы разстались друзьями. Вотъ для примѣра расскажу вамъ какъ она разъ поступила съ надзирательницею. Моей Марьѣ повелось выйти изъ камеры въ отхожее мѣсто, такъ какъ на день у нихъ уносится: ну, получивъ на это разрѣшеніе отъ надзирательницы, которая ее отперла и выпустила, Марья скрылась, куда ей надо. Надзирательницу же тѣмъ временемъ кто-то позвалъ было, что ли принимать—уже не помню,—только она забыла даже, что выпустила Марью. Черезъ нѣсколько времени приходитъ уже въ комнату надзирательницы Марья и гнѣвнымъ голосомъ заявляетъ ей:

— Подъ, запирай меня на ключъ-то сейчасъ! и за что это вы, Господи прости, только деньги-то получаете?! выпустили человека, а забыли, а какъ бы я убѣгла?! а?

А другой разъ съ врачомъ поругалась. Пришелъ врачъ и спрашиваетъ: не боленъ ли кто изъ нихъ. Марья сейчасъ же ему и говоритъ:

— Вотъ какъ на зло, господинъ хорошій, всё мы здоровехоньки, всё до единой.

— Ну и слава Богу, что здоровы,—говоритъ господинъ хороший. Марья засмѣялась и вызывающе его спрашиваетъ:

— А будутъ тебѣ, господинъ, платить жалованье-то, ежели не болѣть-то не будемъ?

Не знаю, что сказалъ ей врачъ, только онъ ушелъ, а Марья обиделась и кричала въ камерѣ во всю мочь:

— Какъ, знать, въ тюрьмѣ хорошо... если не болѣемъ въ тюрьмѣ! хорошо—въ эдакой-то вони да грязи, хорошо... да можетъ у насъ у всѣхъ нутро-то выболѣло, можетъ дыры у насъ на кишкахъ-то отъ тюремной вашей каши; а вотъ не скажемъ тебѣ ничего. Намещикъ... онъ и душу-то продаетъ за жалованье и т. д.

Эта Марья потомъ была на испытаніи въ больницѣ душевнобольныхъ; кажется, оказалась здоровой и ее выпустили въ декабрь

нцѣ. Я такъ рада, что моя Марья вышла изъ тюрьмы тепло одѣтая, а крайней мѣрѣ буду знать, что не замерзнетъ зимой.

Да, много нуждъ, много горя, много интересныхъ типовъ заключается въ стѣнахъ тюрьмы; а мы учительницы, по мѣрѣ того, какъ привыкнемся все болѣе и болѣе съ тюрьмою, заглядывая во всѣ ея темные уголки, выносимъ на свѣтъ, на чистый воздухъ всѣ эти нужды, брѣя; разсматривая ихъ, мы научимся сами, какъ и бороться съ ними; путемъ грамоты научимъ и другихъ дѣлать то же. Итакъ, поскорѣй грамоту, за учебныя занятія съ заключенными. Но вотъ сегодня только на нашемъ собраніи рѣшили вопросъ о томъ, что надо сдѣлать, чтобы занятія школьныя въ тюрьмѣ шли продуктивнѣе; много рѣшенія смогло и быть, какъ только то, что надо увеличить время, т. е. число часовъ для занятій. Прибавить лишній учебный день въ недѣлю мы учительницы не въ силахъ, ибо этимъ распоряжается тюремная ин-спекція, которая не соглашалась раньше на эту просьбу, — конечно, и шерь она не позволитъ тоже. Слѣдовательно, одинъ способъ: придти на занятія въ тюрьму гораздо раньше того часа, въ какой приходили прежде. До сихъ поръ мы собирались въ 12 ч. дня, а начинали занятія около 1 ч. и кончали ихъ въ 3 ч., а иногда немного ознѣе. Теперь же будемъ приходиться въ 10½ час. и заниматься въ 11½ ч.; съ 11½ ч. и до 12 час. дня обѣдъ, съ 12 до 12½ час. прогулка, послѣ прогулки съ 12½ час. и до 3 ч. учебныя занятія. Такимъ образомъ, у насъ прибавился цѣлый часъ въ недѣлю. Также на собраніи выяснился для меня очень существенный вопросъ: задаются или не задаются уроки арестанткамъ. Вѣдь въ продолженіе сдѣли онѣ легко могутъ забыть пройденное на занятіяхъ, если имъ не задавать уроковъ; особенно это важно для группъ, начинающихъ грамоту только. Оказывается, что уроки задаются и для этого отускаются изъ школы по камерамъ на всю недѣлю книги, тетради, орнела, перья и т. п. предметы, необходимые для приготовления уроковъ. Итакъ, черезъ нѣсколько дней я приду въ тюрьму и получу тамъ группу неграмотныхъ арестантокъ, съ ними начну грамоту, буду имъ читать, всячески заинтересовывать, насколько только будетъ возможно, — книгою, которая имъ многое скажетъ, порой утѣшитъ и, быть можетъ, укажетъ имъ выходъ изъ темноты ихъ невѣжества.

IV.

Вотъ я и опять въ тюрьмѣ, въ томъ же душномъ коридорѣ... я, ажется, сегодня пришла немного раньше: часы показываютъ еще

только 10 ч. и 10 м., ну, ничего—подожду: вѣроятно, скоро придуть и всѣ остальные учительницы.

— А вы уже здѣсь? Отчего это такъ рано?—съ удивленіемъ спросила меня надзирательница. Я ей объяснила—почему, и, кажется, ея удивленіе отъ этого стало еще больше:

— И чего это вы всѣ такъ стараетесь и заботитесь о нихъ! Право, не стоятъ онѣ такой заботы... Другой разъ жаль смотрѣть: дадутъ учебную книгу въ камеру, чтобы ученицы уроки готовили, а онѣ поругаются, а потомъ раздерутся другъ съ другомъ въ камерѣ-то, и отъ вашей книги останутся одни листочки... Многому научились, нечего сказать!

— Такъ вѣдь это случается и въ другихъ школахъ; изъ-за этого бросать заниматься съ ними было бы слишкомъ жестоко.

— Не знаю, какъ въ другихъ школахъ... учительницей не была, а вотъ только вижу, что все, что здѣсь ни дѣлаютъ для арестантокъ,—все ни къ чему... вотъ еще горе-то... даютъ имъ изъ школы тетради, перья и чернила... посмотрѣли бы вы, что онѣ дѣлаютъ съ ними.

— Что же особеннаго онѣ могутъ дѣлать съ ними: ну, чернила разольютъ, а тетради разорвутъ и только?

— И только,—засмѣялась раздраженная надзирательница,—да нѣтъ, не только... Вы видѣли, какія у нихъ тетрадки. Каждая тетрадка прошнурована, каждый листъ въ тетрадкѣ занумерованъ, приложено къ той и другой сторонѣ обертки по печати; все это сдѣлано тюремнымъ начальствомъ для того, чтобы не вырывались листы, на которыхъ онѣ имѣютъ обыкновеніе писать письма. А онѣ до чего додумались... начинаютъ понемногу обдирать обложку и, если она розовая, либо красная, то плюютъ на нее и покрываютъ ею себѣ щеки, ходятъ такія румяныя, вотъ безсовѣстныя! такъ и въ школу приходять... Ну, постепенно обложка уничтожена, печать сама по себѣ на обложкѣ отпадаетъ по этому случаю, шнуры развязываются, и, конечно, листы тетради тогда можно и вырвать... говорятъ:—моя тетрадка что-то разышалась!—слышите, тетрадка разышалась...—опять засмѣялась надзирательница.

— Ну, да если бы и писали письма, такъ кому имъ писать-то? всякое ихъ письмо, писанное въ тюрьмѣ, проходитъ черезъ начальство; такъ зачѣмъ же имъ все такъ хитро продѣлывать?

— Черезъ какое это начальство?—удивленно спросила надзирательница,—просто напишутъ да по веревкѣ въ окно въ мужскую камеру и спроводятъ.

— Ну, будетъ вамъ, зачѣмъ имъ переписываться съ мужской

камерой? Рѣдкія изъ нихъ и писать-то умѣють!—съ волненіемъ заиѣтила я.

— Правда ваша, писать не всѣ могутъ, а только рѣдкія; ну всетаки во всякой камерѣ найдется по грамотѣйкѣ-то... Зато эти грамотѣйки и выдѣлываютъ же надъ остальными штуки, просто другой разъ ужасъ возьметъ!

— А знаете что? Не желаю я знать всѣхъ интимныхъ сторонъ тюрьмы: я учительница, мое дѣло научить грамотѣ и все тутъ!

Надзирательница опѣшила, что называется, а потомъ застычиво добавила:

— Ужъ очень вонючій у насъ этотъ коридоръ... не желаете ли посидѣть въ камерѣ... правда, она не совсѣмъ свободная: въ ней временно помѣщается одна изъ привилегированныхъ — сидитъ за поджогъ,—ну, да ни вы ей, ни она вамъ не помѣшаете.

Я съ удовольствіемъ согласилась и вошла въ камеру, мѣ указанную. Дѣйствительно, на скамейкѣ за столомъ сидѣла уже очень пожилая и полная женщина въ темномъ ситцевомъ капотѣ; увидѣвъ меня, она повернула только голову въ мою сторону и спросила:

— Бакова погода-то сегодня?

— Погода отличная: тепло и даже жарко!

— Ну вотъ, вотъ, я такъ и думаю; вотъ бѣда-то! Батюшки мои, а, ахъ-ахъ!—докончила она съ зѣвотой и потягиваясь.

— Да какая же въ томъ бѣда-то, что погода весной теплая и хорошая.

— Да вѣдь вамъ, извѣстное дѣло, все равно, а наше дѣло другое: ежели погода-то такая установится, такъ мои всѣ квартиранты изъ флигеля на дачу съѣдутъ,—да-а... а мы еще вотъ погорѣли...

— Погорѣли? отчего же пожаръ-то у васъ случился?

— Отчего... ужъ это, извѣстно, воля Божья.

— Да, вотъ что, воля Божья.

— Извѣстно—на все Его святая воля; я такъ и моей бабѣ говорила, да ее дуру развѣ уймешь этимъ?

— Бакой это бабѣ?

— Да дворничихѣ-то нашей; пошла кричать да причитывать,—у ней тряпье въ сундукѣ сгорѣло, будто тамъ и деньги были... какія деньги—поди, вретъ все!

— Всетаки жаль, если бѣдная дворничиха ваша на этомъ пожаѣ лишилась всего, что имѣла.

— Господь Батюшка намъ крестъ посылаетъ, и мы должны терпѣть,—сказала женщина, набожно перекрестившись, и взглядъ сво-

ихъ опухшихъ красныхъ глазъ устремила на темную, маленькую иконку въ углу, передъ которой уже горѣла лампадка.

— Дворничиха лишилась всего, — а я не лишилась? я купчиха 2-ой гильдіи, всѣ меня знаютъ и родителя-то моего какъ уважали и читали; у него тоже было 3 дома и лавка, капитала одного сколько... а вотъ Господь посѣтилъ несчастіемъ за наши грѣхи, и родитель мой погорѣлъ, и вотъ я тоже!

— Что же, вашъ родитель много потерялъ на пожарѣ-то?

— Потерялъ, извѣстное дѣло, много; страховку хорошую получилъ; ну, Богъ привелъ, и опять отстроился; а вотъ я — несчастная женщина — и заступиться-то за меня некому — попала, гляди-ко, въ какое мѣсто — въ тюрьму! — сказала и горько заплакала моя себе-сѣдница.

— Не плачьте! вѣроятно, на судѣ все выяснится, и вы будете оправданы.

— И была бы оправдана, ежели бы кто взялъ меня на поруки, вѣдь только тысячу рублей залогу-то за меня и надо, и я бы избавилась и отъ тюрьмы, и отъ Сибири.

— Тысячу рублей? за васъ? — удивленно спросила я.

— Ну да, за меня только одну тысячу, не правда ли, вѣдь пустяки?

— Да, пустяки, — машинально отвѣтила ей я.

— Голубушка, заставьте за васъ вѣчно Бога молить, внесите за меня залогъ — вѣдь только одну тысячу... Гляжу я здѣсь на всѣхъ васъ учительницъ-то: какія вы всѣ добрыя да ласковыя, такъ въ саму душу и смотрите.

Я не выдержала и уже съ досадой сказала ей:

— Ахъ, да у меня нѣтъ, нѣтъ у меня для васъ тысячи.

Женщина посмотрѣла на меня пристально, потомъ отвернулась, положила локти на столъ, подперла руками голову и молча начала смотрѣть въ окно.

— А что, если она и вправду невинна, — мелькнула у меня въ головѣ мысль, — и вѣдь очень жаль ее.

Женщина обернулась ко мнѣ, точно угадавъ мои мысли, и попросила:

— Пожалуйста, купите мнѣ чаю и сахару; только чай я пью хорошій, Попова, дорогой, — а сквернаго чая, какъ и табаку, я не терплю.

Я молчала и думала: какъ быть? Но выручила меня надзирательница, которая пришла и объявила, что школьная камера уже откры-

та и еще кое-кто пришелъ изъ учительницъ. Я очень была рада своему освобожденію отъ этой аудіенціи и радостно сказала:

— Ну, прощайте, до свиданія!

Моя собесѣдница едва кивнула мнѣ головой,—очевидно, очень осталась мною недовольна.

Я вошла въ нашу школьную камеру, гдѣ уже были двѣ учительницы. Онѣ рѣшали вопросъ, какъ лучше сдѣлать: въ виду того, что часть занятій уже настала, а учительницъ собралось только половина, то не лучше ли будетъ попросить надзирательницу отпустить ученицъ до обѣда на прогулку, а уже послѣ обѣда мы будемъ заниматься сплошь до 3 ч.; тѣмъ временемъ и учительницы запоздавшія придуть. Я ничего не имѣла противъ такой комбинаціи, и арестантокъ отпустили на прогулку. Сидѣтъ нѣсколько часовъ подъ-рядъ среди душной, вонючей атмосферы очень непріятно, да къ тому же съ непривычки и рискованно: говорили мнѣ, что съ нѣкоторыми учительницами отъ этого дѣлались обмороки. Я заявила свое желаніе идти на прогулку съ арестантками. Противъ этого никто ничего не имѣлъ, и я отправилась. Весь дворъ былъ освѣщенъ яркимъ и теплымъ весеннимъ солнцемъ. Такой былъ рѣзкій контрастъ съ темнымъ коридоромъ, что первое время больно было глазамъ смотрѣть и захватывало духъ. Невольно порадуешься за арестантокъ: пользуются хоть этимъ благомъ. Всѣ женщины-арестантки ходили по-двое и по-трое и о чемъ-то серьезно говорили, однѣ очень оживленно, другія—меньше, но въ полномъ порядкѣ и благонаравіи. По временамъ налеталъ легкій вѣтерокъ и приносилъ съ собой запахъ распускающихся тополей; порой надъ нашими головами пролетали птицы,—ну, словомъ, даже здѣсь, за тюремной стѣной, и то дѣлалось хорошо, чувствовалась неизъяснимая сила весны и всей оживающей природы. Арестантки замѣтили мое присутствіе и что-то начали перешептываться между собою; потомъ одна изъ нихъ подошла ко мнѣ и спросила:

— Вы учить, что-ль, у насъ будете?

— Да, учить,—отвѣтила я.

— Что-жь, это хорошо... а вотъ ту зиму еще у насъ была учительница-то, вотъ барыня-то... ну, что за барыня! Экой души человѣкъ! и все она знаетъ, все какъ есть знаетъ... нѣтъ ужъ поди такой другой и не наживемъ!

— Да что—она занималась, что ли, съ вами очень хорошо?

— Ужъ это извѣстно занималась, какъ ей положено, рихметикой тамъ, аль чѣмъ другимъ... ну только вотъ душа-то человѣкъ!

Долго я пыталась узнать, чѣмъ особенно была хороша учительница, такъ и не добилаь толку. Доброта ли душевная, красота ли

физическая, или то и другое ви́дѣтъ производило впечатлѣніе, — догадаться трудно.

— А помнишь, Дуньга, какъ у тебя зубы-то болѣли; она тебѣ лѣкарства вотъ въ эстакомъ махонькомъ пузыречкѣ принесла, помнишь?

— Извѣстно, помню!

— Да зачѣмъ же вамъ лѣкарства - то носить, вѣдь, небойсь, даютъ вамъ и казеннаго! докторъ же здѣсь есть?—спросила я.

— Когда даютъ! — удивились арестантки, — въ камеру-то не даютъ; надо ходить въ больницу, да очереди тамъ ждать, а зубья-то, знаешь, какъ болятъ: вотъ хоть на стѣну полѣзай, а тутъ иди да еще тамъ жди... да у насъ лѣчить не любятъ: какъ заболѣлъ зубъ, сейчасъ его вонь... у меня, почитай, за годъ-отъ 7 зубьевъ вытащили, да-а, ей-Богу, правда!

— А мнѣ она гребешокъ купила... чего, говоритъ, ты косматая-то ходишь, подь причешишь... гребень - то и сейчасъ у меня цѣлъ, — проговорила молоденькая арестантка съ очень миловиднымъ лицомъ.

Вѣроятно, женщины цѣнили въ бывшей учительницѣ болѣе всего ея вниманіе къ нимъ даже въ мелочахъ, и это вполне понятно: ужъ очень онѣ непривычны видѣтъ заботу и вниманіе къ себѣ. Во время нашего разговора подошли къ намъ еще нѣсколько арестантокъ и всѣ съ любопытствомъ смотрѣли и слушали, что говоримъ. Во второмъ этажѣ черезъ чугунныя рѣшетки въ окнахъ показывалось нѣсколько мужскихъ лицъ, которые, видимо, съ большимъ любопытствомъ смотрѣли на насъ; женщины тоже очень скоро обратили на нихъ свое благосклонное вниманіе, и пошла игра словами, а порой многозначительными отдѣльными выкриками, понятными и доступными только лицамъ, посвященнымъ въ эту науку. Разговаривать же мужскому отдѣленію съ женскимъ на простомъ человѣческомъ языкѣ строго воспрещалось. Очень скоро началась цѣлая пантомима на дворѣ: женщины собирались въ кружки, что-то выдѣлывали руками, топали ногами, ходили подбоченясь, представляли изъ себя умирающихъ; я ничего не понимала въ этой пантомимѣ; но зрители второго этажа все понимали отлично, и въ концѣ-концовъ какъ артистамъ публики бросаетъ цвѣты на сцену, такъ и нашимъ артистамъ полетѣли изъ второго этажа камешки, завернутые, конечно, не зря, въ бумагу. Цѣлой гурьбой женщины бросились къ нимъ и съ яростью вырывали одна у другой. Потомъ женщины въ свою очередь заворачивали камешекъ въ бумажку, вынутую уже у себя изъ кармана, и старались попасть въ то окно, изъ котораго были выброшены имъ. Такъ вотъ

то я приняла за игру, когда въ первый разъ проходила по этому двору. Это нѣчто вродѣ беспроволочнаго телеграфа: одинъ аппаратъ чувствуетъ и понимаетъ другой, настроенный съ нимъ на одинъ тонъ. Однако уже насталъ часъ обѣда и прогулкѣ конецъ. Вотъ и наша надзирательница пришла призвать насъ всѣхъ къ исполненію своихъ обязанностей. Къ моему великому удивленію, всѣхъ арестантокъ-женщинъ по возвращеніи съ прогулки заперли опять по камерамъ, сосчитавъ каждую, какъ бы неодушевленный предметъ. Шумъ изъ камеръ доносился до насъ, учительницъ, и невольно вызывалъ насъ въ коридоръ. Изъ коридора всюду въ форточкахъ дверныхъ видѣются напряженные глаза, за чѣмъ-то слѣдящіе и чего-то ожидающіе. Ужасно страшно было видѣть это.

— Чего они, однако, такъ напряженно ждуть?—съ этой фразой я обратилась къ подошедшей ко мнѣ надзирательницѣ.

— Сейчасъ обѣдъ имъ принесутъ, — была отвѣтъ.

Вскорѣ по асфальтовому полу коридора зашаркали чьи-то ноги, очевидно, неся что-то очень тяжелое; быстро распространился запахъ луку, постнаго масла и еще чего-то, и глазамъ, наконецъ, представилось торжественное зрѣлище: два мужика на палкѣ, продѣтой въ деревянные ушки шайки, несли что-то, очень чинно шагая нога въ ногу, чтобы не расплескать. Пронеся шайку такъ торжественно черезъ весь коридоръ, мужики остановились, поставили ее на полъ, вынули палку изъ ушковыхъ шайки и сняли съ пояса большую деревянную черпалку-ложку, которую и передала надзирательницѣ.

— Что это—супъ или щи?—спрашиваю я у надзирательницы, которая тѣмъ временемъ усиленно мѣшала что-то въ шайкѣ, настойчиво вглядывалась въ жидкость, точно намѣреваясь отыскать тамъ кладъ, или увидѣть необычайно интересную вещь на днѣ этой шайки.

— Да я и сама не пойму... какъ будто картофель, а вотъ и лоскутокъ капусты... чего это они нынче намѣшали? — вопросительно, съ недоумѣвающимъ видомъ продолжала разслѣдованіе надзирательница.

Тѣмъ временемъ запахъ отъ кушанья и шумъ отъ шаговъ проникъ и въ камеры, тамъ заволновались: сначала слышался шумъ и гулъ отъ многихъ голосовъ сразу, что-то говорившихъ, а потомъ начался стукъ въ двери камеръ и возгласы:

— Насъ отпирай сначала!

— Мы въ очереди! поскорѣй!

— Шестую камеру не отпирай: она опосля насъ.

— Да что же это значитъ?—спрашиваю я у надзирательницы.

— Значить-то, — говоритъ она разсѣянно, — значитъ, что всѣхъ

ихъ за одинъ разъ выпустить нельзя за тѣмъ, чтобы онѣ брали съ обѣдъ, а выпускаемъ мы ихъ по камерамъ; слѣдовательно, сначала возьметъ обѣдъ такая-то камера, а потомъ вотъ та, затѣмъ вотъ эта ну, вотъ онѣ всегда и бѣсятся: все имъ кажется, что поступаютъ по чести съ ними, особенно тѣ, чья очередь третья или четвертая просто съ ума сходятъ; да вы сами увидите, это представленіе у насъ ежедневно.

— Позвольте, да почему же вы говорите: сначала такая камера потомъ вонъ та, затѣмъ вотъ эта? Почему же просто не соблюдать очередь по порядку номеровъ камеръ: сначала 1, потомъ 2, 3 и т. д.

— Это было бы еще менѣе справедливо: въ этомъ коридорѣ 8 камеръ, слѣдовательно, восьмые всегда были бы послѣдними, или первыми, это вызвало бы скандалъ еще большій.

— Ну, тогда всѣхъ ихъ отпереть, — пусть онѣ берутъ себѣ сами какъ хотятъ?

— И этого нельзя, — тогда жалобъ и дракъ будетъ безъ конца. Когда изъ одной камеры приходятъ за супомъ, такъ и то дерутся, кому-де больше дали, кому меньше; а тогда онѣ и меня-то разорвутъ на части.

Камеры волновались все болѣе и болѣе, крики и стукъ въ двери не то кулаками, не то ногами все усиливался; слышались отдѣльныя фразы, то просящія, то угрожающія въ такомъ родѣ:

— Надзирательша-а-а, ро-о-дная наша, пусти, ей-Богу, жрать-то хочется.

— Не пускать ихъ! не по праву: ежели пустите, мы окна побьемъ; тоже выдумали... а кто вчерась раньше насъ обѣдъ получалъ кто? а?

— Господи, да что же вы медлите, не даете имъ ѣсть-то? вѣдь кушанье — вотъ оно? — съ горечью и раздраженіемъ вырвалось у меня.

— Нѣтъ судговъ ихъ, и ложекъ еще не принесли, вѣроятно, моютъ еще, — спокойно отвѣтила надзирательница.

Черезъ нѣсколько минутъ принесли и судки. Они были сдѣланы на подобіе банныхъ тазовъ, но только не мѣдныя, а, вѣроятно, жестиныя. Ложки — деревянныя; ихъ арестантка принесли въ своихъ передникѣхъ цѣлую кучу. Другая женщина-арестантка принесла уже порѣзанные ломти чернаго хлѣба и соль. Когда вся посуда была собрана, надзирательница пошла по очереди отпереть камеры. Изъ отпертой камеры буквально не вышелъ, а высыпался народъ; торопясь, перегоняя другъ друга, толкаясь, падая, хватали арестантки свои судки и, какъ мнѣ показалось, дрожащими руками держали ихъ, пока имъ щедрою рукою надзирательница наливала не то супъ,

то щи, или скорѣе то и другое вмѣстѣ. Меня удивило, что такъ много вмѣщала въ себя каждый такой судокъ.

— Неужели все это съѣсть одна?—спросила я тихонько надзирательницу.

— Нѣ-ѣтъ, это на пятерыхъ; лучше бы по одной-то давать, а то все дерутся, да посуды столько нѣтъ.

Женщина, получившая наполненный судокъ, отправилась въ камеру, а за ней еще нѣсколько человекъ несли кто хлѣбъ, кто ложки. Мнѣ очень хотѣлось прослѣдить, какъ онѣ ѣсть будутъ, и когда одна камера была уже снабжена супомъ и дверь ея опять закрылась, то я съ любопытствомъ заглянула въ форточку въ дверяхъ: всѣ женщины сидѣли на полу группами, одна группа въ 5 человекъ, другая въ 4 человекъ, третья въ 3 человекъ. Я подумала: отчего такъ неравномерно? отчего бы не составить каждую группу въ 5 человекъ. Потомъ я сообразила, что вѣдь не всякое число дѣлится на 5 безъ остатка, тѣмъ болѣе, что группы формировались по числу судковъ, отпускаемыхъ по камерамъ; если въ этой камерѣ 28 человекъ, а судковъ 6, то, конечно, въ однѣхъ группахъ будетъ по 5, а въ послѣдней 3, или двѣ послѣднія по 4, а 4 по 5; иначе быть не можетъ, но судки у всѣхъ равнаго размѣра, слѣдовательно, понятно, что въ малыхъ группахъ всѣ сыты, а въ большихъ, можетъ быть, и не хватаетъ. Пока я смотрѣла и считала, не замѣтила, какъ за моей спиной въ коридорѣ стала какая-то женщина-арестантка, которая тоже внимательно заглядывала въ камеру, гдѣ обѣдали.

— Я вамъ мѣшаю, вы въ камеру идете?—спросила я арестантку.

— Насажусь еще въ камерѣ-то... я сегодня дежурная по коридору.

— Что вы не обѣдаете?

— Я уже обѣдала въ кухнѣ.

— Въ чемъ же заключается ваше дежурство?

— Вотъ убирать этотъ коридоръ, мести его, чистить также отхожія мѣста, носить къ обѣду хлѣбъ, рѣзать хлѣбъ,—дѣла-то много!—улыбнулась арестантка.

Меня удивило въ этой женщинѣ то, что она говоритъ хорошо: не похоже, что она была изъ простыхъ и по лицу, и по складу рѣчи.

— Вы давно въ тюрьмѣ?

— Да вотъ ужъ второй годъ!

— А въ школѣ учитесь?

— Нѣтъ, я беру только книги читать. У меня ребенокъ,—онъ здѣсь родился, вотъ здѣсь и растеть; я все больше съ нимъ.

Арестантка говорила такъ хорошо, спокойно, видимо, у ней вся

духовная жизнь сосредоточена была на ребенкѣ и въ ребенкѣ, который помогалъ ей переносить легче и тяжелое тюремное заключеніе.

— Что же, здоровый у васъ ребеночекъ-то?

— Когда сама кормила, такъ былъ здоровъ, а теперь больше все; да вотъ скоро, вѣроятно, выпустятъ, — вѣдь я уже наказана отбываю, — на свободѣ-то онъ у меня поправится.

Нѣкоторыя группы въ камерѣ уже съѣли свою порцію, подошли съ судками къ двери, увидѣвши дежурную, и обратились къ ней словами:

— Матрешъ, а Матрешъ, еще положь немножечко!

— Спрошу надзирательницу, подождите, — отвѣтила имъ Матреша и отправилась съ судками къ мѣсту, гдѣ разливали супъ.

Надзирательница была уже чѣмъ-то раздражена и громко заявила:

— Не дамъ я имъ больше супу; онѣ получили сегодня первую а у меня еще не брала камера пересыльныхъ.

— Что такое за камера пересыльныхъ у васъ? — спросила я Матрешу, которая вернулась уже съ пустымъ судкомъ.

— А это тѣ, которыя слѣдуютъ за мужьями въ Сибирь; сидятъ здѣсь, томятся, болѣютъ, ждутъ не дождутся, когда-то ихъ ушли дѣтей ихъ жалко больно: имъ уже очень здѣсь плохо... все мленькія.

— Какой же имъ расчетъ ѣхать съ мужьями въ Сибирь да съ многодѣтнымъ? — удивилась я.

— Я хорошо-то не знаю, говорятъ, если жена съ дѣтьми слѣдуетъ въ Сибирь за мужемъ, то онъ тамъ будто бы избавляется отъ рудниковыхъ работъ, и вообще семейныхъ облегчаютъ... Да и бабы, оставшаяся послѣ мужа-каторжника на волѣ съ дѣтьми, куда она дѣнется? Кто ее возьметъ? Работать ей дѣти не дадутъ. Да и Сибири-то, говорятъ, легче бабѣ съ дѣтьми найти службу, или дѣла какое, чѣмъ здѣсь-то.

— Дежурная! Неси кашу! — громко пронесся голосъ надзирательницы по сводамъ коридора.

— Хорошо, сейчасъ, — отвѣтила моя собесѣдница скромнымъ тихимъ голосомъ и отправилась въ кухню.

Скоро появилась и каша; ее клали въ тѣ же металлическіе судки и процедура раздачи каши была все та же. Мнѣ прямо тяжело было смотрѣть на это кормленіе и нехватало духа подойти и попробовать ту кашу, которую арестантки уничтожали съ жадностью голодныхъ людей. Такъ и хотѣлось спросить:

— А прусовъ здѣсь нѣтъ — въ вашей кашѣ, въ вашей похлѣвкѣ?

Но ограничилась я тѣмъ, что постаралась отыскать опять Матрешу и спросила ее:

— Чисто ли вообще содержится здѣсь кухня?

Матреша улыбнулась и сказала:

— Почему же ей быть здѣсь чистой-то? Здѣсь все грязно, все плохо. Если-бъ кто и захотѣлъ руки приложить свои и сдѣлать, какъ лучше, какъ чище, такъ все равно нѣтъ бы ничего не сдѣлалъ, потому что для этого надо все передѣлывать снова.

— Но вѣдь въ тюрьмѣ есть смотритель, есть инспекція, есть врачъ, — всѣ они слѣдятъ же и за чистотой, и за тѣмъ, чтобы была лица хорошая и т. д.?

— Чего-жъ мужчины понимаютъ въ этомъ дѣлѣ? Они, поди, и дома-то у себя не знаютъ, какъ у нихъ въ кухнѣ-то!

Пожалуй, отчасти Матреша была права.

Однако прошелъ еще часъ, а насъ, учительницъ, стало только на одну больше. Теперь уже мы приступили къ обсужденію вопроса, какъ намъ четыремъ вести занятія съ шестью группами. Приходилось мнѣ, какъ лицу еще не получившему опредѣленную группу, заниматься опять за другую учительницу, да не за одну, а за двоихъ, т.-е. съ двумя группами. Почти тотчасъ же послѣ обѣда всѣ ученицы были собраны въ школьную камеру и мнѣ отрекомендовали ученицъ, съ которыми я сегодня должна была заниматься. Ученицъ было немного — въ обѣихъ группахъ всего 5; а потому мы успѣли за небольшимъ отдѣльнымъ столомъ и начали сначала бесѣдовать, а потомъ и заниматься. У одной ученицы на рукахъ былъ 10-тимѣсячный ребенокъ, и она все время качала его, играла съ нимъ и въ то же время внимательно слушала, что я говорю, и прежде всѣхъ отвѣчала мнѣ на вопросы.

— Неужели же вы всегда съ ребенкомъ занимаетесь? — спросила я ее.

— Всегда, я ни на минуту въ камерѣ его безъ себя не оставляю, — горячо и нервно возразила молодая и красивая арестантка.

— Ну, а какъ же вы съ нимъ писать-то будете?

— А вотъ сюда на столъ посажу, а сама здѣсь писать буду, — весело какъ-то посмотрѣвъ на своего ребенка, сказала мать.

Ребенокъ былъ тоже очень красивъ, очень чисто и опрятно одѣтъ; совершенно не похоже, что и онъ растетъ среди тюремной обстановки. Нѣжный и здоровый цвѣтъ его личика, веселые жизнерадостные глазки такъ и блестяли, перебѣгая взглядами съ одного предмета на другой. Ручонки его во всему тянулись: ему нужны была чернильница и перо, и тетради, конечно, для того, чтобы все это тащить въ

ротъ; у него обильно текла слюна изъ ротика, очевидно, уже прорезывались зубы. Здоровый ребеночекъ развивался правильно, какъ на волѣ.

— Давно ли вы съ нимъ здѣсь?—спросила я.

— Пятую недѣлю уже, отвѣтила мать, внимательно смотря на что-то въ книгу.

Эти двѣ мои случайныя группы, съ которыми я занимаюсь, были хорошо грамотны: хорошо читали и понимали прочитанное, а такъ недурно писали и дѣлали даже письменное изложеніе прочитаннаго. Трое изъ моихъ сегодняшнихъ ученицъ показали мнѣ свои тетради, въ которыхъ было написано изложеніе того, что читала имъ учительница во время урока. Я могла познакомиться съ этими работами только съ внѣшней стороны, а читать ихъ во время урока—жалко было времени. Съ внѣшней стороны работа выполнена хорошо: довольно опрятно содержалась тетрадь, красиво и четко написано было изложеніе.

Ученицы увидѣли, что я бѣгло просматриваю ихъ тетради, и одна изъ нихъ меня спросила:

— Развѣ вы намъ не поправите наше изложеніе?

— Я съ удовольствіемъ это сдѣлаю, но я думаю, что вамъ пріятнѣе было бы, еслибъ эти изложенія прочла и поправила ваша учительница, вѣдь я временная ваша учительница, а она постоянная.

— Ну, хорошо, тогда задайте намъ еще новое изложеніе, — и будемъ писать!

— Не желаете ли вотъ теперь же написать изложеніе того, что мы съ вами прочтемъ сейчасъ, и это изложеніе будетъ у насъ въ тетрадкахъ?

Ученицы охотно согласились на это, и мы принялись читать статью изъ второй книги для взрослыхъ Алчевской—«Пасторъ Оберлейнъ». Мы разобрали съ ученицами этотъ рассказъ по пунктамъ, выясняя послѣдовательно, какъ пасторъ Оберлейнъ вводилъ постепенно культуру въ совершенно дикую страну и почему первымъ деломъ было открыть школу и т. д. Двѣ ученицы (изъ 5) очень оживились подъ вліяніемъ этого рассказа и одна даже спросила:

— А вправду былъ такой пасторъ или его писатель выдумалъ?

Не успѣла я отвѣтить, какъ уже другая увѣреннымъ тономъ пояснила:

— Ну да, былъ, только въ нѣмецкой землѣ!

— Развѣ что въ нѣмецкой!—недовѣрчиво проговорила первая.

Я взяла на руки ребенка ученицы и ходила съ нимъ по камнямъ.

ячески развлекая и забавляя его, чтобы онъ не вспоминалъ мать, которая съ увлеченіемъ писала мнѣ изложеніе. Всѣ ученицы, какъ хорошо грамотныя, писали скоро и бойко,—только однѣ очень разьянно, другія же—серьезно и сосредоточенно относились къ своей работѣ. Ребенокъ тоже былъ оживленъ, прыгалъ у меня на рукахъ, дымалъ вверхъ свои ручонки, точно собираясь летѣть куда-то. поднесла и подняла его высоко къ окну, онъ уперся своими ручками объ откосыи подоконникъ и сосредоточенно устоялся на то-то; мать обратила на насъ вниманіе, и пристально и долго смоляла на ребенка.

Я спросила:

— Въ окнѣ рамы нѣтъ, вы не боитесь, что я его простужу?

— Нѣтъ, нѣтъ! я и въ камерѣ такъ дѣлаю; только тамъ и рѣпотка, и стекло, а здѣсь чистый воздухъ дуетъ.

— На что это онъ заглядѣлся такъ долго?—спросила я.

— Вѣроятно, птицу или муху видитъ.

— Есть у него игрушки?

— Какія игрушки! Онъ еще малъ. Есть одна побрякушка, да онъ все ее бросаетъ, а потомъ въ ротъ тащить, а въ камерѣ-то, знаете, на полу какая чистота-то.

— Ну, какъ подвигается ваше изложеніе?

— А вотъ скоро кончимъ, вы прочтете,—сказала съ улыбкой ученица и отправилась къ своему мѣсту дописывать работу.

Черезъ нѣкоторое время ученицы, очевидно, кончили свою работу: закрыли тетрадки, отодвинули чернила и перо, даже вздохнули не то отъ тяжести непосильной работы, не то отъ сознанія удачно исполненнаго дѣла.

— Что же, кончили? Можно прочесть?—спросила я.

— Кончили, только ужъ, пожалуйста, прочтите дома, что я написала,—просила одна ученица.

— И мою также прочтите дома,—сказала другая.

— Ну, а мою какъ хотите; всѣ вмѣстѣ писали одно и то же, и читать можно бы... вотъ я имъ читаю вслухъ въ камерѣ, слушаютъ охотно, а какъ стану говорить съ ними о чемъ прочла, уйдутъ въ другой уголь,—сказала ученица съ ребенкомъ, котораго я уже ей передала на руки.

— Чего-жъ разговаривать-то? здѣсь вѣдь не на свободѣ: на свободѣ, извѣстно дѣло, говорили бы, а здѣсь—тюрьма.

«Такъ вотъ что связываетъ ихъ языки,—думалось мнѣ, и невольно при этомъ вспомнились слова надзирательницы, которая говорила, что «грамотѣйки выдѣлываютъ надъ неграмотными разными

штуки». Я молчала, а мысли мои бѣжали одна за другой, хотѣлось даже крикнуть: «У васъ въ тюрьмѣ заключеннымъ можно ругаться, драться, порой даже неистовствовать, стучать въ двери ругами и ногами, но нельзя заключеннымъ высказывать свои мысли, навѣянныя какимъ-либо впечатлѣніемъ, либо книгою. Но почему же? Да потому, что мысль свободна, а здѣсь никакая свобода не признается». По дорогѣ домой изъ тюрьмы я не утерпѣла, чтобы не просмотрѣть тетрадокъ своихъ ученицъ, въ которыхъ онѣ мнѣ писали изложеніе. Мнѣ очень хотѣлось знать, какъ онѣ мыслятъ вообще, какъ поняли прочитанную статью, и пробудила ли она какія-либо въ нихъ мысли. И вотъ что въ первой же тетради я нахожу довольно четко написано:

«Зачѣмъ тюрьма, зачѣмъ острогъ?

Зачѣмъ неволя и печали?

Хоть Божій міръ отъ насъ далекъ,

А мы о немъ кой-что слышали.

Мы вѣримъ въ Бога въ небесахъ,

Мы знаемъ пастора Оберлея,

Мы видимъ ангеловъ у насъ

Добра, свободы и идеи.

Хоть тѣло здѣсь,

Но духъ нашъ тамъ,

Гдѣ пасторъ много такъ трудился,

Чтобъ показать примѣромъ намъ,

Чего великій умъ добился».

Послѣ этого общаго впечатлѣнія, выраженнаго въ стихотворной формѣ, излагается весь рассказъ о пасторѣ Оберлейнѣ, очень вѣрно: ученица хорошо поняла содержаніе рассказа, все колоссальное значеніе такого лица, какъ пасторъ Оберлейнъ. Пріятно было читать, легко и отрадно думать, что рассказъ, какъ крупница добраго семени, попалъ на хорошую почву, навѣрное возрастетъ и принесетъ со сторицею. Но вотъ другое изложеніе: «Въ нѣмецкой странѣ жилъ пасторъ (это—что нашъ священникъ), звали его Оберлянь. Онъ пошелъ служить въ бѣднѣйшій приходъ, гдѣ и земля-то ничего не родила, потому были одни только камни. Захотѣлъ онъ дѣлу помочь, какъ отъ бѣдности избавиться, и сталъ строить школу»... Весь рассказъ написанъ въ этомъ же духѣ, только въ концѣ любопытное добавленіе: «рассказъ хорошій, а не все въ немъ выговорено; все у нихъ потомъ, вишь, завелось; и школа, и аптека, и больница, а какъ же тюрьма, была, али нѣтъ? и можно ли безъ тюрьмы быть?» Эти два изложенія не шаблоннаго характера, поэтому я ихъ и привожу здѣсь, остальные же три ничего изъ себя оригинальнаго не

представляли. Я была сильно рада, что рассказъ выбранъ былъ удачно, и всю дорогу до дому строила планы, какъ подобрать для пересказовъ или изложеній статьи систематически, чтобы по выходѣ изъ тюрьмы ученицы помнили, что узнали добраго въ школѣ; но на это нужно имѣть время и свѣжую голову, а моя слишкомъ устала, да къ тому же сегодня намъ объявили, что занятія въ тюремной школѣ прекращаются на всѣ лѣтніе каникулы по случаю ремонта въ тюрьмѣ, слѣдовательно, обдумать серьезно систематическій планъ рассказовъ для изложеній времени будетъ достаточно.

— О чемъ это вы задумались?—прервала мои мысли учительница, ѣхавшая со мной въ одномъ трамваѣ.

— Да вотъ, не знаю еще, съ осени какую группу мнѣ брать—грамотную или неграмотную. Сегодня я занималась съ хорошо грамотными ученицами, и мнѣ кажется, съ ними, пожалуй, заниматься интереснѣе, чѣмъ со звуковиками!

— Не спорю, что интереснѣе, но тюремная школа имѣетъ значеніе только для неграмотныхъ арестантовъ, а для грамотныхъ что же она даетъ? читать, писать и здраво мыслить онѣ умѣли и раньше, до тюрьмы, въ тюрьму пришли уже готовыми, съ опредѣленными взглядами, которые вы передѣлать не въ силахъ, если находите неправильными, не въ силахъ потому, что ихъ взгляды, ихъ міровоззрѣніе на все окружающее складывались не изъ книжной морали, а изъ самой ихъ жизни. Вотъ, напримѣръ, одна моя ученица хорошо грамотная спорила со мной, что ложь не грѣхъ, что безъ лжи нельзя прожить человѣку, потому что всякое дѣло, какое бы человѣкъ ни дѣлалъ, сопряжено съ ложью. Эта женщина—моя ученица занималась сначала торговлей, потомъ жила въ прислугахъ, дальше содержала какія-то дешевыя меблированныя комнаты, и, наконецъ, попала въ тюрьму. Тюрьма ее еще болѣе укрѣпила въ мнѣніи, что ложь не грѣхъ, а скорѣй—спасеніе. Разубѣдить ее въ этомъ намъ, учительницамъ, невозможно.

— Вѣроятно, такая ученица едва ли бы и повѣрила учительницѣ, если бы та хотѣла разубѣдить ее,—замѣтила я.

— Весьма возможно,—продолжала учительница, потому что эта же ученица разъ меня спросила, сколько я получаю жалованья за то, что учу въ тюремной школѣ; я ей отвѣтила, что жалованья мы, учительницы, не получаемъ совсѣмъ.

— Кто же безъ денегъ жить можетъ?—удивленно спросила меня ученица,—потомъ прибавила: «Можетъ, чего другое получаете?... а только сюда ходить,—обуви истреплешь болѣе, чѣмъ надо.. и все въ-за ничего?»

— Ну, какъ бы я ей доказала свое безкорыстіе въ этомъ дѣлѣ для нея совершенно непонятное и чуждое!

— Я думаю, съ такими взглядами ученицъ среди неграмотныхъ еще больше и онѣ еще упорнѣе въ своихъ заблужденіяхъ, благодаря ихъ неразвитости. А вотъ сегодня одна ученица написала мнѣ письмо о пасторѣ Оберлейнѣ... прочтите-ка его. Я передала тетрадь учительницѣ, и она, быстро прочитавъ ее, сказала:

— А эту ученицу я знаю. Мнѣ приходилось заниматься съ нею по случаю манкировокъ ея учительницы нѣсколько разъ. Она большая погонница «труда» всякаго, во всякой формѣ и имѣетъ совершенно опредѣленный взглядъ на трудъ вообще. Вамъ не приходилось съ ней говорить объ этомъ?—спросила меня учительница.

— Нѣтъ, я только въ первый разъ съ нею занималась.

— Ну, такъ вотъ. Во-первыхъ, она содержится въ тюрьмѣ за дѣланіе фальшивыхъ денегъ: недоумѣваетъ и удивляется, почему эта работа, какъ она говоритъ, преслѣдуется и карается такъ строго. По ея мнѣнію все, что достается трудомъ, все, къ чему прилагается трудъ, да еще такой тяжелый и упорный, должно быть законно. По ея мнѣнію, надо сажать въ тюрьму людей, которые живутъ на тѣ капиталы, которые даже и не сами приобрѣли, а получили по наслѣдству. Однимъ словомъ все, что приобрѣтено не трудомъ, она отрицаетъ, и считаетъ такое приобретеніе преступленіемъ.

Мы уже доѣхали.

Намъ надо разстаться, а жаль: я еще охотно поговорила бы съ вами о нашей тюремной школѣ, ну, до свиданья, до слѣдующаго уже раза!

— До свиданья и тюрьма съ ея интересными ученицами, до свиданья и вы, милыя учительницы, съ которыми я съ грустью расстаюсь до осени!

Л. Н.

РОМАНЪ ВЪ МАСТЕРСКОЙ.

Авраама Кагана *).

(Переводъ съ англійскаго).

Лейзеръ Липманъ принадлежалъ къ числу тѣхъ портныхъ-хозяевъ, которыхъ ихъ же работники называютъ «мелкотой»; это начало, что онъ имѣлъ очень маленькую мастерскую съ одною только «упряжкою» рабочихъ, т.-е. держалъ одного строчильщика, одного сметывальщика, одну кончальщицу и одного гладильщика.

Мастерскою занята была одна изъ трехъ комнатъ, составлявшихъ квартиру на третьемъ этажѣ запущеннаго стараго дома, и въ этой же самой комнатѣ производилась стряпня и происходили семейныя трапезы. Она выходила на грязный дворикъ и черезъ темную альню сообщалась съ пріемною, изъ оконъ которой былъ виденъ мый центръ еврейскаго базара. Связки уже свроенныхъ частей одежды были разбросаны по полу, лежали беспорядочными кучами у кой изъ стѣнъ, загромождали кухонный столъ и пару стульевъ, а углу образовывали импровизированное ложе, на которомъ покоилъ грязный двухлѣтній мальчикъ, Лейзеровъ наследникъ.

Различные предметы болтались на гвоздяхъ около двери или валились между связками сукна; тутъ были: кухонная посуда, грязная бѣлье, Липманова бархатная ермолка, шляпы, башмаки, ножи, катушки и многое другое. Раскаленная до-красна плита съ то сверкающей рѣшеткой, уставленной горячими утюгами, поддерживала чрезмѣрно высокую температуру въ комнатѣ и въ буквальномъ смыслѣ оправдывала ее прозвище «потѣльной мастерской».

Работы было очень мало. Но распорядитель того магазина готово платья, однимъ изъ многочисленныхъ контрагентовъ котораго

*) Первые рассказы изъ того же сборника Кагана помѣщены въ *Русской Мысли* 1905 г.

былъ Липманъ, приходился троюроднымъ братомъ женѣ послѣдняго и заботился, чтобы мужъ его родственницы не оставался безъ дѣла. Поэтому въ Лейзеровой мастерской дѣло шло полнымъ ходомъ. Строчильщикъ Хейманъ, засучивъ рукава на своихъ коричневатыхъ рукахъ, направлялъ подъ машину неоконченный пиджакъ, надъ которымъ голова его, съ гривой курчавыхъ темныхъ волосъ, парила, точно орелъ надъ добычей. Онъ покачивался въ тактъ ритмическому жужжанію своей машины, шумъ которой, съ присоединеніемъ энергическихъ ударовъ Мейерова утюга, составлялъ какъ бы оркестровый аккомпанементъ къ звучному и печальному дуэту, распѣваемому кончалъщицей Бейлей и сметывальщикомъ Давидомъ.

Лейзеръ ушелъ въ контору магазина, откуда бралъ заказы, а Злета, жена его, отправилась въ продолжительную экспедицію за покупками. Это обстоятельство давало работникамъ передышку отъ тѣхъ стѣсненій, какія обыкновенно налагались на нихъ присутствіемъ хозяина и хозяйки; они старались обмануть свою скуку и утомленіе то пѣніемъ, то подшучиваніемъ надъ хозяевами или другъ надъ другомъ.

— Ну, полагаю, что, пожалуй, будетъ!—сказалъ Мейеръ, пухлый, рыжий и веснучатый сорокалѣтній парень, подчеркивая свое замѣчаніе сердитымъ ударомъ утюга.—Вы безъ умолку поете эту пѣсню уже въ пятидесятый разъ! Мнѣ, наконецъ, надоѣло.

— Вамъ не нравится? Такъ заткните уши!—возразила Бейля, не поднимая головы, наклоненной надъ работой.

— Нѣтъ, отчего же? Нравится,—отвѣтилъ Мейеръ;—но когда у васъ ротъ закрытъ, то мнѣ нравится еще больше, вотъ что!

Серебристо-звонкій голосъ Бейли, когда она пѣла, погружалъ Хеймана въ блаженную тоску, давалъ ему новыя силы для работы и какъ бы вливалъ новую жизнь во всѣ его члены; когда же ея пѣніе было прервано замѣчаніемъ гладильщика, то онъ невольно пріостановилъ машину съ тѣмъ неприятнымъ чувствомъ, которое испытываютъ танцоры при неожиданной и внезапной остановкѣ музыки.

— А вы?—обратился онъ къ Мейеру, съ раздраженіемъ повернувшись на стулѣ.—Бываетъ недурно, когда вы говорите, но ужъ куда лучше, когда вы молчите. Не слушайте его, Бейля! Пойте дальше,—сказалъ онъ дѣвушкѣ, причемъ съ его ослѣпительно-блѣдноты лица исчезъ всякій гнѣвъ, а маленькіе глазки сощурились при самоувѣренной и любезной улыбкѣ.

— Занимались бы лучше своимъ дѣломъ, Хейманъ! Могли бы въ это время заработать полцента,—отпарировалъ Мейеръ съ проницательнымъ взглядомъ, намекая на то обстоятельство, что строчилъ

щикъ имѣлъ репутацію скопидома, который надрывался надъ работой, лишалъ себя всякаго удовольствія и наслаждался единственно видомъ своей книжки изъ сберегательной кассы.

Возникла рѣзкая перебранка, перешедшая на тему о работѣнн Хеймана передъ хозяиномъ.

— Вѣдь это вы, не правда ли, — сказалъ Мейеръ, — придумали эту смядину для подарка во дню рожденія хозяина? Намъ, разумѣется, неловко было отказаться. Почему же Давидъ держитъ себя независимо?

— Да развѣ я васъ заставлялъ? — возразилъ Хейманъ. — И чѣмъ я виноватъ, что хозяинъ именно мнѣ сдѣлалъ намекъ насчетъ подарка? Съ дѣлами теперь такъ туго, что намъ нужно благодарить Бога за постоянную работу, — закончилъ онъ, опять наклоняясь надъ машиной.

Давидъ, который тоже пересталъ пѣть, молча тыкалъ иголкой въ куски сукна, разложенные на хозяйскомъ обѣденномъ столѣ. На время онъ прервалъ работу, чтобы поправить растрепавшіеся черные волосы, причемъ гребнемъ служила пятерня, и вытереть рукавомъ рубашки потъ со своего смуглаго, безбородаго, типично-еврейскаго лица.

Пока онъ это дѣлалъ, его томные каріе глаза были устремлены на кончалъщицу. Она инстинктивно почувствовала его взглядъ и подняла голову. Ея свѣжее, веселое личико, розовое отъ жары и усердія, обратилось прямо къ молодому человѣку. Давидъ покраснѣлъ и, чтобы скрыть смущеніе, предложилъ вопросъ:

— Что-жъ, вамъ прибавятъ жалованья?

Бейля утвердительно кивнула и опять нагнулась надъ шитьемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ теперь у васъ будетъ по пяти долларовъ въ недѣлю! Боюсь, теперь вы заважничаете, а?

— А вамъ завидно? Такъ я съ удовольствіемъ помѣняюсь съ вами: уступаю вамъ мои пять долларовъ и буду брать ваши двѣнадцать каждую недѣлю.

У Липмана работали сдѣльно. Согласно обычаямъ того міра, гдѣ въ ходу «выжиманіе пота», его строчильщикъ, сметывальщикъ и кончалъщица были номинально договорены за извѣстную плату въ недѣлю, но въ дѣйствительности имъ уплачивалось поштучно, такъ какъ рабочая недѣля опредѣлялась извѣстнымъ количествомъ готовыхъ куртуковъ или пиджаковъ, а вовсе не должнымъ числомъ оборотовъ земли вокругъ ея оси; и «потѣльный» день лишь въ томъ случаѣ совпадалъ съ солнечнымъ, если въ теченіе его было сдѣлано

должное количество штукъ. Что же касается гладильщика, то онъ всегда и неизмѣнно платится поштучно.

Чтобы читатель могъ яснѣе представить себѣ поштучную систему въ портновскомъ ремеслѣ, могу сослаться на Давида, хотя и положеніе послѣдняго не лишено сатирическаго оттѣнка. Въ самодѣлѣ, Давидъ, несмотря на свою обычную молчаливость, былъ болѣе шумнымъ шутникомъ, и немногочисленные фразы, которыя онъ произносилъ во время работы, часто вызывали шумную веселость его товарищей. Хотя онъ произносилъ ихъ съ небрежнымъ видомъ и со своимъ обычнымъ добродушно-ироническимъ взглядомъ, который странно гармонировалъ съ общимъ угрюмымъ выраженіемъ его лица.

— Мои двѣнадцать каждую недѣлю, — повторилъ Давидъ. — Ахъ понимаю! У васъ въ недѣлѣ выходитъ двѣнадцать дней! — И иглолка вновь заныряла по сукну.

— Какъ же это у васъ выходитъ? — спросилъ Мейеръ, чтобы вызвать шутку у своего остроумнаго сосѣда.

— Вамъ-то, разумѣется, этого не понять. Но спросите Хейманъ или Бейлю. Мы трое понимаемъ.

— Такъ объясните ему, и онъ тоже пойметъ, — посоветовалъ Бейля, заранѣе смѣясь ожидаемой шуткѣ.

Хотя кончалъщица того не знала, но ея просьба имѣла неодолимую власть надъ Давидомъ и въ настоящемъ случаѣ развязала его языкъ.

— Ну, я получаю въ недѣлю двѣнадцать долларовъ, а Хейманъ — четырнадцать. Въ рабочей недѣлѣ шесть дней, но хмъ! — «но» застреваетъ у меня въ горлѣ, — но у насъ день не въ день, съ нами не сошьемъ двѣнадцати сюртуковъ. А календари всѣ врутъ!

— Какъ же это такъ?

— Да по ихнему въ суткахъ бываетъ двадцать четыре часа, а это вздоръ! Въ суткахъ бываетъ двѣнадцать сюртуковъ.

Восторженное хихиканье Бейли обострило его склонность къ ироніи, и онъ продолжалъ:

— Въ синагогѣ сейчасъ читаютъ вторичный псаломъ, а я сталъ читать понедѣльничныи.

— Почему?

— Да какъ же? Скоро придетъ Мейерова жена съ его обѣдомъ, а мнѣ еще осталось додѣлать два вчерашнихъ сюртука. Поэтому меня все еще понедѣльникъ. У меня вторникъ начнется только сегодня въ два часа.

— Сколько-жъ вы получите за эту недѣлю? — допытывалъ Мейеръ.

— Въ концу недѣли я не одолѣю четырехъ рабочихъ дней и получу всего восемь долларовъ въ пятницу, — въ томъ, конечно, случай, если хозяйка не истратитъ до тѣхъ поръ нашего жалованья. Поэтому, когда наступитъ пятница, для меня все будетъ среда. А когда женюсь, — прибавилъ онъ, помолчавши, — и баба станетъ просить денегъ на субботній расходъ, я буду отвѣчать ей, что еще только среда, а не пятница, и что у меня нѣтъ денегъ.

Давидъ умолялъ, но мысленно продолжалъ иронизировать, переоскакивая съ предмета на предметъ.

Давидъ считалъ себя большимъ чудачкомъ и часто изумлялся тѣмъ штукамъ, какія выкидывало его воображеніе, тѣмъ каррикатурнымъ комбинаціямъ, какія возникали въ его головѣ. Въ настоящую минуту, наклонившись надъ работой, онъ вникалъ въ причину того, что Мейеръ напоминаетъ ему цифру семь.

— Какая чепуха! — мысленно восклицалъ онъ, изгибаясь надъ поворотомъ работы. — А на что похожъ Хейманъ? — возникъ у него въ умѣ вопросъ, точно на зло. Онъ искоса посмотрѣлъ на строчильщика, перебирая всѣ арабскія цифры и даже всю еврейскую азбуку въ поискахъ чего-нибудь похожаго на молодого человѣка; но ничего не нашель. — Его лицо скорѣй шло бы дѣвушка, — рѣшилъ онъ, наконецъ, и мысленно повязалъ Хейманову голову платочкомъ Бейли. Но это почему-то его покорило, и онъ перенесъ свое вниманіе на толстый носъ строчильщика. Нѣтъ, этотъ носъ слишкомъ сиверень для дѣвушки. Его не худо бы немножко построгать. Онъ точно будто недоделанъ. Еслибъ не носъ, то Хейманъ и въ самомъ дѣлѣ былъ бы красивъ. Божа бѣла, какъ снѣгъ, усы густые и щеголеватые... — Да, кабы не носъ, онъ былъ бы ничего, — лукаво подшучивалъ онъ про себя. — Да и мнѣ было бы ничего, еслибъ у Хеймана отвалился носъ, — прибавилъ онъ, переходя мыслью къ Бейлѣ и недоумѣвая, почему она такъ мила. Въдъ и у нея носъ не особой красоты: слишкомъ прямой и... и какой-то легкомысленный. Глаза у нея какъ будто состарились и точно каждую минуту собираются заплакать. Ахъ, но зато губки... и прелестная улыбка, выползающая изъ угла рта! Его охватило сильнѣйшее стремленіе броситься на эти губки и расцѣловать ихъ, что онъ и исполнялъ мысленно и отъ чего сквозь его тѣло прошелъ точно электрическій токъ. При этомъ состарившіеся глаза Бейли восхищали его и пронзали до самаго сердца, а носъ не только не казался легкомысленнымъ, но какъ будто выражалъ презрѣніе, торжество и пронизательность, точно зная всѣ его мысли.

Пока все это происходило въ мозгу и въ сердцѣ Давида, Бейли была занята Хейманомъ и своими къ нему отношеніями. Его уха-

живаніе за нею не было ни для кого тайною, и онъ самъ ничуть не скрывалъ его. Напротивъ, онъ не пропускалъ дня, чтобъ не проводить ее домой послѣ работы, и водилъ ее на балы и пикники, и это требовало большого самопожертвованія отъ человѣка, дрожавшаго надъ каждой копейкой и вознаграждавшаго всякій непредвидѣнный расходъ экономіей на собственныхъ трапезахъ. Когда онъ стоялъ въ дверяхъ въ парадномъ залѣ, а она сидѣла въ креслѣ, то онъ становился такимъ нѣжнымъ, трепетнымъ, и нѣсколько разъ онъ даже называлъ ее ласкательнымъ именемъ «Бейлинъка». Однако все это тянулось уже три мѣсяца, а онъ не только ни разу не замекнулъ на свадьбу, но даже не сдѣлалъ никакого подарка.

Мать не давала ей покоя и настаивала на выборѣ между формальнымъ обрученіемъ и искомъ за нарушеніе брачнаго обѣщанія. Бейля согласна была скорѣе умереть, чѣмъ стать героиней такого скандальнаго процесса; кромѣ того, мысль натравить на Хейманъ полицію казалась черезчуръ ужасною, чтобы остановиться на ней хоть на минуту.

Она любила его. Ей нравились его цвѣтущее лицо, его бархатные усы, оригинальная манера вскидывать головою при ходьбѣ; было пріятно его общество, она была увѣрена, что влюблена въ него. Ея ближайшая пріятельница, землячка и подруга дѣтства, недавно вышедшая за гладиальщика Мейера, подтвердила ей этотъ фактъ.

Но она испытывала нѣкоторое разочарованіе. Влюбленность представлялась ей гораздо болѣе пріятною. Она полагала, что влюбленная дѣвушка восхищается всѣмъ въ предметъ своей привязанности и слѣпа ко всѣмъ его недостаткамъ. Она слыхала, что любовь подобна постоянному блаженному трепету сердца.

— Я чувствую, точно у меня здѣсь что-то таетъ, — говорила она, указывая на сердце, одна изъ ея подружекъ незадолго до своей свадьбы. — Видишь: и болитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сладко. — А у меня нигдѣ ничего не таетъ, и кое-что въ Хейманѣ положительно ей не нравится. Его улыбка иногда бываетъ ей противна. Ахъ! Еслибъ онъ не жмурился глазъ, когда улыбается! Что онъ не щедръ на деньги, это ей даже пріятно: когда на ней женится, то будетъ отдавать все жалованье до копейки. Но вотъ, когда они бываютъ вмѣстѣ на балу, то никогда не подходитъ къ стойкѣ, чтобы угостить ее стаканомъ содовой воды, какъ другіе кавалеры угощаютъ дамъ, а только даетъ ей яблоко или грушу, которыя обыкновенно покупаетъ у торговца на лоткѣ. Дѣйствительно ли она влюблена? Можетъ быть, ошибается? Только нѣтъ! Онъ всетаки ей очень милъ. Должно быть виновата она сама. Мать недаромъ укоряетъ ее за нытье и

чанье, отъ котораго нѣтъ покоя ея окружающимъ. Но почему онъ не объясняется? Не потому ли, что слишкомъ жаденъ, чтобы содержать жену? Неужели онъ ее дурачилъ? Значить, за кого же онъ ее принимаетъ?

Нужно отдать справедливость Хейману, что, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, она ошиблась и подозрѣвала его неосновательно. Денежныя соображенія не играли никакой роли въ его нерѣшительности. Еслибъ она наблюдала за нимъ и могла заглянуть ему въ душу въ тѣ моменты, какъ онъ подсчитывалъ свою кассовую книжку (что онъ дѣлалъ очень часто), то убѣдилась бы, что маленькія изображенія ея самой прыгаютъ передъ его глазами между цифрами и что итогъ вызываетъ въ его воображеніи картину будущаго счастья, въ которой средоточіемъ является именно она.

Бѣдняжка! Она не знала, что, когда онъ медлительно гладилъ ея руку, прощаясь съ нею подъ воротами, то предложеніе такъ и вертѣлось у него на языкѣ, и что, не имѣя силы облегчить себя отъ своей тайны, онъ каждый разъ утѣшалъ себя тѣмъ, что минута была неудобна и что завтра онъ непременно все порѣшитъ. Она не знала, что всего два дня назадъ ему пришло на умъ прибѣгнуть къ посреднику во образѣ дамскихъ часовъ и что, пока она теперь сидитъ, сокрушаясь, не дурачить ли онъ ее, золотой знакъ любви лежитъ въ его жилетномъ карманѣ, такая заодно съ его сердцемъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи того вечерняго часа, когда возможно будетъ исполнить возложенное на него порученіе.

« Попрошу мать поговорить съ нимъ », рѣшила Бейля, задумавшись надъ иголкой. Она начала воображать себѣ эту сцену; но въ ту же минуту мысли ея были внезапно прерваны, такъ какъ что-то вцѣпилось ей въ волосы и преобильно потянуло ихъ. Это былъ хозяйскій сыночекъ. Онъ только что пробудился отъ послѣбобѣденнаго отдыха и, за отсутствіемъ другихъ развлеченій, запустилъ свою грязную ручонку въ ея синевато-черныя кудри.

— Онъ приучается быть хозяиномъ, — замѣтилъ Давидъ, вниманіе котораго привлекъ визгъ кончальщицы.

Голосъ Бейли побудилъ Хеймана вскочить на ноги, выпутать пальцы ребенка изъ волосъ дѣвушки и отхлопать его по щечкамъ. Пока это происходило, на порогъ распахнувшейся двери показался отецъ маленькаго преступника. Хейманъ мрачно вернулся на мѣсто, гнущая носомъ въ работу и трескомъ машины сталъ заглушать вопли мальчика, который прибѣгъ бы къ гораздо болѣе высокимъ помощамъ, присутствуй здѣсь его мамаша.

Липманъ снялъ пальто, смѣнилъ высокую шляпу на засаленную

бархатную ермолку, закурилъ сигару и, съ видомъ добродушной дѣловой важности приблизившись къ Мейеру, принялся разсматривать сюртукъ.

— А на что похожъ этотъ?—спросилъ себя Давидъ, вглядываясь въ своего хозяина.—На метлу палкой внизъ,—рѣшилъ онъ къ своему удовольствію.—А его табакерка (подъ этимъ наименованіемъ разумѣлся Липмановъ большой носъ)? Сушная скрипка! А ротъ? Такие роты обыкновенно бываютъ у глухо-нѣмыхъ. А борода? Черезчуръ густа и слишкомъ красива для его рожи. Она попала на нее по ошибкѣ.

Тутъ дверь опять распахнулась, и въ перевалку вошла г-жа Липманъ, отдуваясь и ведя на буксирѣ какую-то пожилую парочку.

— Зеленчаки!—замѣтилъ про себя Мейеръ.—Должно быть, земляки ея, недавно пріѣхали.

— Она—совершенный самоваръ, ужъ и пытитъ точно такъ же,—подумалъ Давидъ, послѣ равнодушнаго взгляда на незнакомцевъ уставившись на свою дородную и малорослую хозяйку.—Нѣтъ,—поправилъ онъ себя,—она больше похожа на метлу, изъ которой выдернута палка. Вотъ именно! И какъ весело было бы привязать ей палку на голову и начать ею мести полъ! А ротъ? Ей-Богу, подумаешь, будто она только и дѣлаетъ, что чихаетъ.

— Вотъ Лейзеръ! Лейзеръ, посмотри, какихъ гостей я привела тебѣ,—воскликнула Злета, побросавъ свои свертки.—Садитесь, ребѣ Абрумъ, садись, Бася! Это у насъ мастерская,—продолжала она съ улыбкою, выражавшею одновременно радушіе и торжество, когда шумныя привѣтствія пришли къ концу.

Мейеръ не ошибся: Злетины гости только что пріѣхали съ ея родины, изъ бѣднаго городка западной Россіи, гдѣ занимали гораздо болѣе высокое положеніе, нежели ихъ теперешняя хозяйка; и г-жа Липманъ, встрѣтивши ихъ на улицѣ, поспѣшила пригласить ихъ къ себѣ, чтобы поразить своимъ американскимъ благополучіемъ.

— Пойдите, я покажу вамъ мою гостиную, — проговорила г-жа Липманъ, маня за собою земляковъ, и, прежде нежели тѣ успѣли сѣсть на предложенные стулья, повела ихъ въ лучшую комнату.

Когда процессія вернулась, Лейзеръ, повинувъ женѣ, занялся ребомъ Абрумомъ и началъ посвящать его въ тайны американскаго портняжества.

— Ахъ! Ахъ!—внезапно воскликнула Злета съ улыбкой.—Я чуть не забыла объ угощеніи. Бейльба,—обратилась она къ кончалщицѣ небрежно-повелительнымъ тономъ,—вотъ мелочь, принеси изъ лавочки двѣ бутылки содовой воды.

— Не ходи, Бейля, — прошептала Давидъ черезъ столъ, замѣтивши нежеланіе дѣвушки.

Бейлѣ нѣрѣдко случалось ходить по порученіямъ хозяйки, но она всегда исполняла это неохотно и единственно изъ страха потерять мѣсто. Но всетаки Злета обыкновенно просила этихъ услугъ, какъ одолженія; на этотъ же разъ Бейля была смертельно оскорблена ея повелительнымъ тономъ и, при мысли, что ее при чужихъ ставятъ въ положеніе прислуги, покраснѣла, какъ огонь. Тѣмъ не менѣе, перспектива очутиться безъ работы побудила ее не возражать Злетѣ, и она уже готова была протянуть руку за монетой, когда совѣтъ Давида задѣлъ ее за живое, обостривъ въ ней чувство собственнаго достоинства; она продолжала шить. Хейманъ, работу котораго прервала любознательность гостя, видѣлъ всю сцену, но отвернулся и сталъ возиться надъ своей машиной. Сердце въ немъ замерло отъ неловкости положенія; онъ нервно скрипѣлъ зубами и шурилъ глаза, ожидая въ дальнѣйшемъ еще худшаго. Все въ немъ дрожало отъ жалости къ возлюбленной и отъ смертельной ненависти къ Давиду.

«Но что же можно сдѣлать? — оправдывался онъ передъ самимъ собой. — Развѣ не глупо рисковать потерей постоянной работы въ теперешнюю глухую пору ради такой бездѣлицы, какъ сбѣгать за бутылкой содовой воды? Бакое дѣло было Давиду вмѣшиваться?»

— Оглохли вы, что ли? Я говорю вамъ: принесите содовой воды, живѣй! — воскликнула г-жа Липманъ, сама боясь, что заходитъ черезъ чуръ далеко.

— Ни съ мѣста, Бейля! — настаивалъ сметывальщикъ, съ огнемъ въ глазахъ.

Бейля не двинулась.

— Говорю вамъ, ступайте! — загремѣла Злета, покраснѣвъ, точно свекла, по ея собственному любимому выраженію.

— Не безпокойся, Злета, — вмѣшалась Бася, чтобы прекратить замѣшательство. — Мы только что пили чай.

— Не безпокойтесь, совершенно не стоитъ, — поддержалъ Абрумъ.

Но это только еще болѣе взбѣсило Злету; забывая о послѣдствіяхъ, она двинулась къ предмету своего раздраженія, вырвала работу изъ рукъ дѣвушки и взвизгнула:

— Или принесите воду, или сію минуту убирайтесь изъ моей мастерской!

Хейманъ хотѣлъ что-то сказать, что-то сдѣлать, самъ не зная, что именно, но языкъ у него одеревенѣлъ, кровь застыла въ жилахъ, и онъ не въ силахъ былъ ни заговорить, ни двинуться.

Лейзеръ, отличавшійся спокойствіемъ и миролюбіемъ и находившійся весьма подъ башмакомъ супруги, стоялъ, нервно улыбаясь и покручивая бороду.

Давидъ сталъ сѣрвато-блѣднымъ и, дрожа отъ бѣшенства, говорилъ громко и рязвизно:

— Плюнь на нее, Бейля, и не огорчайся! Пойдемъ со мной. Я найду тебѣ мѣсто получше. Эта штука не выйдетъ, хозяйшца! Вамъ знакомые все ужъ поняли, не правда ли?—обратился онъ къ гостямъ.—Ей хотѣлось васъ огорошить, за этимъ она васъ сюда и притащила. Она хвасталась передъ вами ковромъ въ гостиной, такъ ли? А говорила ли, что онъ купленъ на выплату, и что разбогачикъ хотѣлъ взять его назадъ, потому что неаккуратно платять?

— Лейзеръ! Что-жь ты... пьянь?—насилу выговорила г-жа Лейманъ, причемъ злоба и отчаяніе исказили ея лицо.

— Ступайте вонъ!—произнесъ Лейзеръ такимъ тономъ, который скорѣе подходилъ бы для радушнаго приглашенія остаться.

Впрочемъ, въ этихъ словахъ и не было нужды, такъ какъ Давидъ уже застегивалъ на себѣ пальто и былъ въ шляпѣ. Манифактурно, слѣдуя его примѣру, Бейля также одѣлась. Видя ее въ новой кофточкѣ и заново отдѣланной большой старой шляпѣ, Бася сравнила ее съ разстроенной хозяйкой и нашла, что кончалъщица болѣе похожа на барышню, а Злета—на служанку.

— Приготовьте къ пятницѣ наше жалованье и всю недоплату также!—было послѣднимъ выстрѣломъ Давида, и парочка вынимая изъ комнаты, вызывающе хлопнувъ дверью.

— Вотъ она, Америка!—замѣтила Злета, пытаясь презрительно улыбнуться.—Послѣдняя нищая дѣвчонка, и та задираетъ носъ.

— А зачѣмъ же позволять собой командовать? Она вѣдь не горничная,—пробормоталъ Хейманъ, глядя въ уголъ, и накинудся на машину, чтобы заглушить свое горе.

.....

Когда дневной трудъ былъ оконченъ, у Хеймана не хватило духу показаться Бейлѣ на глаза, и онъ не пошелъ къ ней, хотя сильно желалъ ее видѣть. На слѣдующее утро онъ проснулся съ головной болью и воспользовался этимъ предлогомъ передъ самимъ собою, чтобы лечь спать немедленно послѣ ужина.

На другой день вечеромъ, онъ отправился на Дивизионную, къ тому дому, гдѣ, наверху, жила его милая съ матерью; но когда дошелъ до воротъ, то его храбрость пропала. Къ его трусливому поведенію во время той памятной сцены присоединилось, такимъ образомъ, въ глазахъ кончалъщицы, очевидное равнодушіе, вым...

ное отсутствіемъ въ теченіе двухъ вечеровъ въ такое критическое время. Онъ придумалъ солгать, чтобы объяснить свое поведеніе. Но все было напрасно. Онъ не могъ принудить себя къ ужасному для него свиданію. И такъ пошли дни одинъ за другимъ, причемъ каждый усиливалъ невозможность рѣшиться на желанное посѣщеніе.

Наконецъ, въ одинъ вечеръ, недѣли черезъ двѣ послѣ пораженія г-жи Липманъ, Хейманъ, какъ будто забывши о своей трусости, бодро взбѣжалъ по четыремъ лѣстницамъ дома на Дивизионной. Онъ уже собирався постучаться, когда услышалъ странный шумъ, какъ будто въ комнатѣ били посуду, и восклицанія веселыхъ голосовъ. Вскорѣ онъ разобралъ: «Желаемъ счастья! Желаемъ счастья!» и не могъ ошибиться въ значеніи слышаннаго. Очевидно, тамъ собрались свадебные гости. Раввинъ только что прочелъ брачную запись, и, по обычаю, согласіе сторонъ было подтверждено разбитіемъ тарелки.

Тутъ же Хейманъ услышалъ рѣчи, которыя разсвѣяли всѣ его сомнѣнія относительно лицъ, вступавшихъ въ союзъ: «Будьте счастливы, Давидъ! Будьте счастливы, Бейля. Дай вамъ Богъ счастливо дожить до старости! Фейге, что же вы не возьмете пирога? Не церемоньтесь! Дай Богъ счастья!» — доносилось изъ-за двери среди общаго гула голосовъ.

Хейманъ былъ пораженъ и, чувствуя головокруженіе, постѣжно отретировался.

Со времени траги-комическаго происшествія въ мастерской Липмана, Бейля представляла себѣ Хеймана лишь въ томъ жалкомъ, трусливомъ видѣ, въ какомъ онъ сидѣлъ за машиною въ теченіе той памятной сцены. Она была увѣрена, что возненавидѣла его; однако, въ первые дни сердце ея не переставало трепетать отъ ожиданія его визита. Когда же она рѣшила, что, если бы онъ и пришелъ, то она всетаки не захочетъ имѣть съ нимъ ничего общаго, изъ глубины ея сознанія раздался голосъ, увѣренно говорившій: «Охъ, нѣтъ! Ты знаешь, что ни за что не откажешь ему. Ты не рискуешь остаться старой дѣвой, не правда ли?» Мысль о томъ, что онъ бросилъ ее, терзала ее день и ночь. Неужели онъ воспользовался ея уходомъ изъ мастерской Липмана, чтобы избѣгнуть предложенія, которое естественнымъ образомъ отъ него ожидалось, но котораго онъ, можетъ быть, никогда не хотѣлъ дѣлать? Неужели онъ только забавлялся ею?

Когда прошла недѣля, а Хейманъ все не показывалъ глазъ, то она рѣшила, что позволить матери посовѣтоваться съ адвокатомъ относительно жалобы на нарушеніе брачнаго обѣщанія. Но нѣкій образъ, уже нѣсколько дней жившій въ ея сердцѣ, отвлекъ ея мысли отъ этого рѣшенія. То былъ образъ чловѣка, болѣе храбраго, пе-

жени Хейманъ,—такого, который казался болѣе способнымъ защитить жену, внушалъ ей болѣе уваженія и довѣрія и, главное, кажется, собирався сдѣлать ей предложеніе.

То былъ Давидъ. Молодой портной ухаживалъ за ней со спокойною настойчивостью и подавленнымъ жаромъ, чѣмъ не замедлилъ покорить сердце дѣвушки. Онъ нашелъ себѣ и ей работу въ одной и той же мастерской, провожалъ ее домой каждый вечеръ, аккуратно являлся послѣ ужина, чтобы сводить ее прогуляться, и по дорогѣ заходилъ купить для нея леденцовъ или приглашалъ въ кофейную, чего никогда не дѣлывалъ Хейманъ; смѣшилъ ее своими шутками и, по истеченіи десяти дней, сидя рядомъ съ нею вечеромъ въ Центральномъ Паркѣ, сказалъ въ отвѣтъ на ея слова, будто такъ темно, что она даже не знаетъ, гдѣ находится:

— Я вамъ скажу, гдѣ вы находитесь; угадайте!

— Гдѣ?

— У меня въ сердцѣ и не даете мнѣ спать по ночамъ. Скажите, Бейля, что я вамъ сдѣлалъ? За что вы такъ тревожите меня?

Сердце ея сильно забилося. Она постаралась разсмѣяться и отвѣтила:

— Не знаю... Вы никакъ не можете не шутить. Удивительно!

— Шутить? А вамъ хочется, чтобъ я заплакалъ? Съ удовольствіемъ, если вы только согласитесь выйти за меня замужъ,—отвѣтилъ онъ, густо краснѣя подъ покровомъ ночи.

— Когда?

Это слово сорвалось съ ея губъ помимо ея сознанія.

— По мнѣ, хоть бы и завтра...

Перевела В. Кошевичъ.

Памяти В. А. Гольцева.

(† 18 ноября 1906 года.)

Я чту тебя, идейный паладинъ,
За твой призывъ, за гордый духъ свободный —
Когда царилъ ночь среди родныхъ равнинъ,
Ты смѣло шелъ впередъ на подвигъ благородный.
Борясь съ неправдою, съ могучимъ, властнымъ зломъ,
Ты страстно полюбилъ гонимую свободу,
Разилъ ея враговъ карающимъ перомъ
И свѣточъ яркій несъ забытому народу...

.
Мнѣ трудно быть, боецъ, холоднымъ, какъ гранитъ —
Я плачу на твоей печальной, грустной тризнѣ:
«Патрокла нѣтъ въ живыхъ и здравствуетъ Терситъ!»
Таковъ законъ судьбы въ измученной отчизнѣ.
Ты умеръ, какъ орелъ, предъ радостной зарей,
Сестрой мечтательной сіяющаго Феба,
И розовый разсвѣтъ шепнулъ: «прощай, родной...»
А ты любилъ зарю и ласковое небо.

Анатолиі Доброхотовъ.

ИЗЪ ДЕКАБРЬСКИХЪ ДНЕЙ.

Эпизодъ изъ московскаго возстанія.

I.

Это было 12 декабря. Мы вдвоемъ съ товарищемъ шли Сивцевымъ Вражкомъ. Было часовъ 8 вечера, темно и пустынно. Только одна часть горизонта освѣщалась громаднымъ заревомъ: то горѣла лавка потребителей казанской желѣзной дороги. На Сивцевомъ Вражкѣ еще попадались люди. На Пречистенскомъ бульварѣ никого уже не было,—чувствовалась территорія, занятая правительственными войсками. На Пречистенкѣ въ этотъ день шла стрѣльба, и вечеромъ разъѣзжали конные патрули. Ходили слухи, что солдатъ сильно напиваютъ, поэтому встрѣча съ ними была не изъ желательныхъ. Намъ предстояло проскочить черезъ линію патрулей, чтобы добратъся до своей квартиры въ Лебяжьемъ переулкѣ. Идти черезъ пустую площадь около храма Христа Спасителя было опасно, поэтому мы пересѣкли бульваръ и проходнымъ церковнымъ дворомъ прошли въ Большой Знаменскій переулокъ, по которому и стали осторожно подвигаться къ выходу изъ него. Вдругъ впереди, на высотѣ лошадинаго роста, мнѣ показался холодный блескъ двухъ сабельныхъ полосъ. Я осторожно остановилъ товарища, и мы впились глазами въ темноту. Въ концѣ переулка ясиѣ и ясиѣ обрисовались двѣ конныя фигуры. Чуть слышно мы отступили по Большому Знаменскому переулку, который круто повернулъ къ Знаменѣ. Направо тянулася низкая каменная ограда, черезъ которую можно было перескочить въ случаѣ нужды, но мы остались незамѣченными.

На углу Антипьевскаго переулка стояла группа, человекъ въ 6—7, городскихъ и ночныхъ сторожей. Городовые были въ штатскомъ, но нѣкоторые имѣли форменныя шапки. Отъ реального училища Мазинга подвигался навстрѣчу еще городской въ формѣ. Его

сильная фигура рѣзко выдѣлялась на бѣломъ фонѣ стѣны, освѣщенная одинокой надходной электрической лампочкой. Мы шли по другой сторонѣ улицы.

Я окрикнулъ его.

Молчаніе.

— Городовой!—громче окрикнулъ я.

Онъ остановился.

— Чего изволите?

— Взять патрули по Волхонкѣ?

— Давеча ѣздили!

— А сейчасъ?

— Не могу знать!

На этомъ разговоръ закончился. Полиція оказалась для насъ не полезной, но и не вредной. Единственно, чего намъ можно было опасаться, это встрѣчи съ многочисленнымъ патрулемъ. И насмѣшница-судьба какъ разъ готовила намъ этотъ наихудшій случай.

Мы прошли на противоположный уголъ Малаго Знаменскаго переулка и поколебались: свернуть въ него или идти прямо по Антипьевскому. Впереди, въ самомъ концѣ Антипьевскаго переулка горѣлъ фонарь и злобѣще ярко вырѣзался изъ спасительной для насъ темноты. Темное будущее, залегшее тамъ въ концѣ, оставило на насъ единственный желто-красный воспаленный глазъ и ждало.

Колебаніе сразу рѣшилъ товарищъ.

— Пойдемъ прямо!

И, сдѣлавъ два шага, добавилъ:

— А какъ разъ тутъ, пожалуй, и попадемся.

Двѣ темныя человѣческія фигуры тихо двинулись вдоль молчаливыхъ домовъ, чутко прислушиваясь. Нигдѣ ни звука. Ни налѣво, ни направо не было ничего такого, за что можно было бы спрятаться или что вообще могло бы намъ оказать какую-либо помощь. Последнія ворота, около которыхъ мы шли, можно было бы перескочить, но за ними стояло нѣсколько городскихъ и ночныхъ сторожей. Темныя, злобѣщія, молчаливыя фигуры. Вотъ фонарь и парадный входъ дома. Еще стоитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ до угла, пересѣчь Волхонку, пройти два дома въ противоположной крошечной Лѣвнивѣ улицѣ, и мы дома.

Мы уже у самого угла.

Вдругъ среди ночной тишины мгновенно родились какіе-то тупые звуки и явственный топотъ многочисленныхъ копытъ. Мы бросились назадъ.

И въ тотъ же моментъ услышали громкій окрикъ:

— Стой! Что за люди?

Оглянувшись на мгновение, я чуть не обратился въ соляной столбъ: всю Волхонку наполнила уже головная часть драгунскаго отряда.

— Руки вверхъ! Стрѣлять будемъ! — угрожающе-предупредительно раздалось сзади.

Черныя крылья смерти распростерлись надъ нами.

Я былъ уже у воротъ, за которыми стояли городовые съ ночными сторожами.

— Пустите!

— Теперь нельзя! — былъ не враждебный, но убійственный отвѣтъ.

Дѣваться было некуда. Переулокъ уже весь наполнился драгунами. Все это произошло въ нѣсколько секундъ — раздумывать было некогда. Четверо драгунъ уже спѣшились и подскочили къ намъ. Мы держали руки вверхъ.

«Влетѣли!» — вертѣлось въ головѣ.

Изъ кармана товарища вытащили его плохонбій револьверъ. У меня во внутреннемъ карманѣ палецъ драгунъ нащупалъ и медленно и, какъ мнѣ показалось, неохотно вытащилъ мой новенькій, въ огромные октябрьскіе дни купленный револьверъ Маузера.

И градъ ругательства посыпался на наши головы. Руки солдатъ въ то же время проворно шарили по нашимъ карманамъ. Мой кошелекъ съ небольшими деньгами, моя пустая записная книжка и два вчерашнихъ номера газеты «Извѣстія совѣта рабочихъ депутатовъ» (№ 5 отъ 11 декабря), со вложеннымъ въ одномъ изъ нихъ отдѣльнымъ оттискомъ, въ этомъ же № помѣщенныхъ «Совѣтовъ возставшимъ рабочимъ», за подписью боевой организаціи при московскомъ комитетѣ россійской социаль-демократической рабочей партіи — въ двѣ-три секунды сдѣлались ихъ добычей. На поясѣ у меня висѣлъ черный кинжалъ, который я получилъ два года назадъ на Кавказѣ въ подарокъ отъ одного кабардинца. Случайно разсматривая у него кинжалъ, я похвалилъ, дѣйствительно, прекрасный клинокъ. Кабардинецъ тотчасъ снялъ клинокъ съ пояса и подарилъ мнѣ. Я отдалъ ему деньгами, которыя были приняты, но при условіи, чтобы бывшіе съ нимъ туземцы этого не видали и не слышали.

Я зажалъ кинжалъ ногами и повернулся отъ фонаря. Благодаря такому маневру кинжалъ остался незамѣченнымъ.

— Убить ихъ изъ ихъ же револьверовъ! — гремѣли съ лошадей злобные голоса.

Солдаты же, обыскивавшіе насъ, молчали. Близость словно связывала, а разстояніе отдаляло человѣка отъ человѣка.

— Убить, да и разговоръ коротокъ!

Подъ нами разверзалась могила. Мы поздно сообразили, что международное право стоитъ за японцевъ, сдающихся въ плѣнъ, а къ намъ не относится: мы русскіе, православные, крестьяне, можетъ быть, прямые, кровные родственники встрѣтившихся драгунъ, а со своими какія же могутъ быть церемоніи.

Драгунъ, распорядившійся обыскомъ, возвысилъ голосъ:

— Я ихъ въ манежъ отведу!

— Да что съ ними возиться-то, убить и только! — упорно стояли на своемъ голосовъ 5—6.

— Я сказалъ, что въ манежъ отведу!

Очевидно, этотъ драгунъ представлялъ изъ себя начальство. Офицеровъ не было видно. Правда, они ѣздили посредникъ отряда, какъ говорили тогда; но въ данномъ случаѣ другой команды не раздавалось, — значитъ, ихъ не было вовсе.

Около насъ встали трое драгунъ и на помощь себѣ взяли троихъ ночныхъ сторожей и одного городского, вышедшихъ изъ-за воротъ.

Отрядъ драгунъ отправился дальше къ Пречистенкѣ, и топотъ ихъ лошадей скоро затихъ въ отдаленіи, а нашъ маленькій отрядъ завернулъ по Волхонкѣ.

II.

Теперь мы шли уже не вдвоемъ, а въ числѣ девяти человекъ: мы съ товарищемъ рядомъ, по бокамъ двое драгунъ, сзади трое ночныхъ сторожей, за ними городской, и шествіе заключалъ послѣдній драгунъ. Стало тихо-тихо. Въ морозномъ воздухѣ не умолкалъ только трескучій скрипъ человѣческихъ и лошадиныхъ шаговъ. Городовой, который сначала шелъ рядомъ съ нами, должно быть, пожалѣлъ насъ и мягкимъ, выражающимъ участіе голосомъ предложилъ отвести насъ въ часть.

— Нѣтъ, въ манежъ! — тономъ, не допускающимъ возраженій, оборвалъ драгунъ, командовавшій надъ прочими и ѣхавшій теперь налѣво впереди вмѣстѣ съ нами.

Разговоръ прекратился.

Впереди на углу былъ поворотъ къ части. Утопающій хватается за соломинку. Въ часть попасть для насъ, несомнѣнно, было выгодно, чѣмъ къ солдатамъ, очень, можетъ быть, пьянымъ, усталымъ, озлобленнымъ и, наконецъ, скучающимъ въ манежѣ. Только сказать надо было такъ, чтобы не вызвать въ головахъ вершителей нашихъ судебъ естественной реакціи. И вотъ я завожу рѣчь сначала съ го-

родовымъ. Указываю на домъ, гдѣ живу. Мы только что прошли мимо него.

— Домъ Ботова?—переспрашиваетъ городской.

Я подтверждаю и возможно мягче обращаю вниманіе на то, что часть недалеко и дойти туда съ нами можно очень скоро.

— Въ манежъ, въ манежъ!—прерываетъ меня командиръ.

Соломинка оказалась тѣмъ, что она есть.

Надѣво высится красивая громада Румянцевскаго музея, направо на углу прижалась знакомая аптека Бельчевскаго.

Товарищъ дѣлаетъ послѣднюю попытку.

— Вы все теперь отъ насъ отобрали, возьмите себѣ мой кошель, все возьмите себѣ, только отпустите насъ!

Я поддерживаю его почти безъ надежды на успѣхъ.

Послѣдняя соломинка переломилась.

«Если въ манежѣ солдаты найдутъ у меня кинжалъ, то возможенъ взрывъ ярости, надо отдать сейчасъ!»—проносится въ головѣ.

Мысли въ этотъ вечеръ молніей сверкали въ сознаниі, —блеснуть, освѣтить и погаснуть.

Бросить на землю нельзя: звукъ паденія услышать и сразу замѣтить большой и черный предметъ на снѣгу; да и отвязывать его трудно, тоже замѣтить.

Сердце мучительно сжалось, когда я поднялъ любимое оружіе и подалъ его направо ѣхавшему драгуну со словами:

— Вотъ у меня еще не взяли кинжалъ!

— Какой его сукинъ сынъ обыскивалъ!—вскричалъ драгунъ, приподнимаясь на сѣдлѣ.— Смотрите, какъ они, мерзавцы, вооружаются!—продолжалъ ругаться онъ, рассматривая кинжалъ.—Убить ихъ на мѣстѣ надо было!

— Дай-ка его сюда!—потребовалъ нашъ командиръ и, посмотрѣвши на кинжалъ, похвалилъ его.

— Съ Кавказа привезъ!—задабривающимъ тономъ началъ я.— Этакого кинжала не найдешь во всей Москвѣ, пожалуй!

— А мы вотъ нашли!—связвилъ правый драгунъ.

— Ваше счастье!—отвѣтилъ я.

— Ну, благодарите Бога, что вы къ намъ попали въ руки, — началъ нашъ командиръ,—другіе бы васъ на мѣстѣ убили!

«Ну, и въ манежѣ-то не сладко будетъ!»—блеснуло у меня въ головѣ и тотчасъ потухло.

Въ рукахъ у командира появился мой револьверъ. Онъ держалъ передъ собой и, видимо, любовался имъ. Остальные всѣ шли молча.

По обѣимъ сторонамъ улицы тянулись помертвѣлыя каменные

зданія. Городъ вымеръ. На улицѣ—ни души. Ворота домовъ заперты. Огни погашены. Каждый домъ стоялъ, какъ осажденная крѣпость. Чувствовалось, что за этими холодными, молчаливыми стѣнами притаилась и не смѣетъдохнуть жизнь, придавленная чѣмъ-то огромнымъ, тяжелымъ, мрачнымъ и безпощаднымъ. Проявленіе этого давящаго начала вырвало двѣ жизни изъ одного дома и ведетъ на закланіе, а общество домовъ, какъ стадо пугливыхъ барановъ, сжалось тѣснѣе, смотреть темными, пустыми глазами и ничего не видеть, а если видеть, то ничего не дѣлаетъ.

«Что съ нами сдѣлаютъ?—врывается въ голову неприятно-назойливая мысль.—Изувѣчатъ до полусмерти и отправятъ въ тюрьму, а тамъ придется 3 мѣсяца отсидѣть за ношеніе оружія безъ разрѣшенія!»—рѣшаю я и на этомъ останавливаюсь.

И разъ рѣшеніе найдено, странно успокоиваюсь. Дальше заглядывать не хочется.

Что въ это время думалъ мой бѣдный товарищъ по несчастію? Онъ въ полицейскомъ смыслѣ былъ опытнѣе меня: разъ уже сидѣлъ въ тюрьмѣ по политическому дѣлу. Дальнѣйшее показало, что онъ, дѣйствительно, вѣрнѣе смотрѣлъ на наше положеніе.

Улица кончилась.

Передъ нами открылась темная, пустая площадь передъ городскимъ манежемъ. И въ глубокой темнотѣ ея таилась разгадка нашего ближайшаго будущаго.

— Кто идетъ?—огликаютъ солдаты сторожевого поста.

— Революціонеровъ поймали, ведемъ въ манежъ!—поясняетъ нашъ командиръ.

— Ведите, ведите!—одобряютъ тѣ.

Мы подходимъ къ своей голгоѣ.

III.

Напротивъ старѣйшаго русскаго университета, изъ тѣсныхъ стѣнъ котораго выбивается наружу пламенный духъ свободолюбивой безъ оговорокъ молодости, залегло громадное тупое зданіе манежа.

Широко распахнулись передъ нами среднія двери этого страшнаго зданія. Яркій снопъ лучей вырвался оттуда, и войти въ свѣтлое и теплое помѣщеніе было даже пріятно.

По обѣ стороны отъ насъ колыхалась масса человѣческихъ головъ, лоснились спины лошадей, блестяли плѣшины между человѣческими и лошадиными массами, и паръ, промозглый паръ царилъ надъ всѣмъ. Пахло потомъ, прѣлымъ навозомъ и сѣномъ. Въ воз-

духъ висѣлъ гулъ многочисленной толпы. Бъ намъ сбѣжалось десятка два ближайшихъ пѣхотныхъ солдатъ и сумскихъ драгунъ. Послѣ объясненія конвоировъ раздались восклицанія и ругательства. Толпа вокругъ выросла, обхватила насъ плотнѣе и, наконецъ, зловъще стиснула.

— Начинается! — подумалось мнѣ.

Но видно было, что кричать далеко не всё.

Вдругъ предъ нами выросла офицерская шинель и за ней протѣснились другія. Толпа немного отхлынула.

— Пойдите! — сказалъ одинъ изъ офицеровъ. Но крикуны не унимались. Особенно одинъ солдатъ со звѣрскимъ выраженіемъ лица налѣзалъ на насъ.

— Дозвольте мнѣ ихъ, ваше благородіе! — сжимая кулаки, хриплымъ голосомъ воилъ онъ. — Вонъ у нихъ и рожи-то какія: видать, что по ночамъ не спать.

Я взглянулъ на товарища: онъ былъ блѣденъ, но только слегка. Такой же приблизительно представлялъ я себѣ и свою фizioномію. Солдатъ не особенно ясно выразилъ свою мысль, но выводъ былъ противъ насъ, и поэтому я приподнял шапку и сдѣлалъ шагъ къ нему.

— Погляди, братъ, — такія ли рожи? Смотри, не ошибись!

Послѣ этого не было ни криковъ противъ насъ, ни угрожающаго наступленія массы. Никто даже не огрызнулся.

— Обыскать ихъ! — распорядился появившійся впереди офицеръ — ихъ стало уже 8 человекъ, всё въ одинаковой формѣ — съ бѣлыми околышами и петлицами — пожилой и, очевидно, старшій между присутствовавшими офицеръ, — чиномъ ниже генерала. Остальные офицеры относились къ нему болѣе чѣмъ почтительно.

Одинъ изъ солдатъ опять полѣзъ по всѣмъ моимъ карманамъ, обшарилъ рубашку, нащупалъ на ней въ маленькомъ карманѣ на груди серебряные Мозеровскіе часы съ хорошимъ ходомъ, случайно уцѣлѣвшіе при первомъ обыскѣ, незамѣтно зажалъ и скрылъ ихъ въ рукавъ. Я скрылъ — въ свою очередь — продѣлку солдата, задабривая его.

А онъ уже кричалъ:

— Ну, поворачивайся!

Очевидно, такая же процедура была продѣлана и съ товарищемъ.

Вторичный обыскъ не далъ никакихъ результатовъ для начальства..

— Вы зачѣмъ по ночамъ шляется? — обратился къ намъ старшій офицеръ.

— Мы домой возвращаемся. Мы—мирные люди,—въ два голоса заговорили мы.

— А зачѣмъ оружіе носите?

— Да какъ же можно теперь безъ оружія ходить?—отвѣтилъ я.—Обидѣть могутъ! Для самозащиты!

— Развѣ вы не знаете, что это запрещено?

— Нѣтъ, не знаемъ.

— Господа,—обратился старшій офицеръ къ остальнымъ, подавая имъ мой револьверъ,—настоящій Маузеръ!

Офицеры молча любовались револьверомъ, переворачивали его лѣва направо и, наконецъ, словно не умѣя открыть его, спросили насъ:

— Сколько въ немъ пуль?

Господа офицеры, должно быть, не видали еще и не умѣли обращаться съ Маузеромъ.

Это какъ бы и подтвердилъ одинъ изъ нихъ.

— Намъ еще первый такой попадается!

На вопросъ о пуляхъ я отозвался незнаемъ, а просилъ обратить вниманіе на то, что револьверъ совершенно новый и что изъ него *ни разу* не стрѣляли,—стѣить посмотреть и понюхать дуло.

Въ отвѣтъ одинъ изъ солдатъ поднесъ къ моему носу дуло своего револьвера, стараго и плохонькаго, и сказалъ:

— Понюхай! Отъ моего тоже не пахнетъ,—стѣить только хорошенько вычистить,—а я изъ него пострѣлялъ-таки.

Я почувствовалъ, что здѣсь мои слова отскакиваютъ, какъ отъ тѣны горохъ.

— Гдѣ взялъ револьверъ?—загремѣлъ начальническій голосъ.

— Купилъ,—отвѣчалъ я.

— За сколько?

— За 45 рублей.

— Почему такой именно, а не другой?

— Другихъ въ магазинахъ уже не было, болѣе дешевые уже были раскуплены.

— Въ какомъ магазинѣ?

Назвать магазинъ я отказался.

— Вотъ еще, ваше высокоблагородіе, у нихъ нашли,—вмѣшалъ въ это время драгунъ, доставившій насъ въ манежъ, подавая остальнымъ отобранныя у насъ вещи, въ томъ числѣ 2 свернутыхъ нумера газеты со вложеннымъ однимъ отдѣльнымъ оттискомъ изъ этого же нумера, гдѣ были помѣщены директивы московскаго коми-

тета р. с.-д. р. п. и, въ частности, рекомендовалось убивать офицеровъ и драгунъ, пѣхотныхъ же солдатъ и казаковъ не трогать.

Офицеры отошли въ сторону и начали разсматривать газеты.

Товарищъ мой вдругъ обратился къ рядомъ стоявшему солдатикѣ и тихо спросилъ:

— Насъ убьютъ?

Солдатикъ ничего не отвѣчалъ.

Мнѣ съ товарищемъ разговаривать было нельзя, и я съ нѣмымъ укоромъ обернулся къ нему, желая дать понять, что онъ такимъ вопросомъ можетъ навести на мысль убить насъ. Самъ же я и думать не хотѣлъ о смерти: я уже сказалъ, какъ мнѣ представлялся исходъ дѣла. Теперь же ясно вижу, насколько товарищъ вѣрнѣе оцѣнивалъ положеніе.

Къ намъ опять подошелъ старшій офицеръ.

— Гдѣ взяли эти газеты?

— У Ильинскихъ воротъ купилъ!—отвѣтилъ я.

— И это тоже тамъ купилъ?—насмѣшливо переспросилъ офицеръ, указывая на отдѣльный оттискъ изъ газеты.

— Да, онъ былъ вложенъ въ одно изъ номеровъ.

И я уставился на золотое шитье стоячаго воротника мундира у нашего судьи, потомъ на его сѣдину, сильно пробивающуюся на коротко стриженныхъ щетинистыхъ вискахъ.

Онъ отошелъ. Офицеры сгруппировались и нѣсколько секундъ переговаривались.

До меня долетѣло только послѣднее слово:

— Настоящіе революціонеры!

И тотчасъ отъ группы офицеровъ мячемъ откатился и подскочилъ къ намъ бѣленькій, тоненькій, маленькій подпоручикъ съ едва пробивающимися усиками, совсѣмъ еще мальчигъ.

Въ рукахъ у него былъ кошелекъ. Онъ его протянулъ ко мнѣ. Доставившій насъ драгунъ, протянувши руки, бросился впередъ.

— Дозвольте мнѣ это, ваше благородіе; вѣдь я ихъ предоставилъ.

— Отдайте ему!—поддержалъ я солдата, желая задобрить его на всякій случай.

Но подпоручикъ уже грубо совалъ мнѣ кошелекъ за пазуху и какъ разъ попалъ въ широкій внутренній карманъ пальто.

— Не надо намъ вашихъ денегъ!

Всѣ движенія распорядившагося нашей участію мальчика были неестественно порывисты. Торопливо схватилъ онъ насъ за плечи и подвелъ къ стѣнѣ. Мы горячо запротестовали, но что можно было еще сказать, кромѣ повторенія того, что мы мирные люди.

А между тѣмъ около насъ уже стало пусто и образовался полукругъ изъ солдатъ. Дѣло приняло сразу серьезный оборотъ.

— Неужели грозить разстрѣлъ? Да не можетъ этого быть! — забилаясь, какъ испугнутая птица, мысль.

И съ силой отчаяннiя обратился я къ подпоручику, который сталъ уже смахивать на палача.

— Съ какой же стати, господинъ офицеръ? Мы мирные люди. Вонъ рядомъ наша квартира, справьтесь, ну арестуйте, разслѣдуйте!

Товарищъ говорилъ то же самое.

Подпоручикъ, скрывая досадную неловкость, порывисто отпарировалъ:

— Я исполняю, что мнѣ приказано.

Однако бросился къ офицерамъ.

Офицеры посмотрѣли на насъ, словно измѣряя разстоянiе.

Опять подскочилъ подпоручикъ и тѣмъ же порядкомъ, т.-е. за плечи, отвелъ отъ стѣны.

Забившееся сердце успокоилось было, но преждевременно: оказалось, отвели отъ стѣны только затѣмъ, чтобы поставить между внутренней и наружной затворенными половинками огромныхъ дверей манежа у толщи каменной стѣны, гдѣ мы двое усталились какъ разъ плечо къ плечу. Между дверьми было темно и сыро, а въ освѣщенной половинѣ напротивъ насъ подпоручикъ примѣривался на-глазъ, отступивши, сколько позволяло мѣсто, до самой противоположной толщи стѣны. Здѣсь можно было поставить противъ насъ только двухъ рядовыхъ со штыками.

Не понравилось.

И мы опять очутились въ манежѣ.

Какое рѣшенiе приняли офицеры? Почему ничего не говорятъ намъ? — терзался я, не рѣшаясь назвать происходившее полевымъ судомъ, не вѣря въ возможность непоправимой, ужасной несправедливости.

Прецедентовъ, подготовляющихъ умы обывателей, тогда еще не существовало, и потому я даже обрадовался, когда, послѣ секунднаго колебанiя, офицеры тронулись и вывели насъ вонъ изъ манежа.

— Насъ повели въ часть!? Неужели даже не изувѣчать? — мельтаетъ въ головѣ счастливая мысль. Боюсь вѣрить. Сердце хотѣло бы вѣрить, но разумъ противится. Однако мысль находитъ себѣ подтвержденiе въ томъ, что старшiй офицеръ, — остановившiйся въ двухъ шагахъ отъ дверей и окруженный частью офицеровъ, которые заста-

вили собой выходъ изъ манежа и, кажется, притворили внутреннюю половинку двери, — началъ ругать насъ.

— Русский человѣкъ поругается, отведетъ душу и отстанетъ!

Мы стояли передъ нимъ. Я ближе, товарищъ подальше, за нимъ лѣвымъ плечомъ. За нами стояло человѣкъ 60 сумскихъ джунгу и пѣхотныхъ солдатъ, неизвѣстно откуда взявшихся. При нашемъ приближеніи къ манежу около него никого не было. Когда вели солдатъ изъ манежа, я совершенно не замѣтилъ, но они, сомнѣнно, были приготовлены для насъ. Изъ нихъ могъ быть весь конвой для нашего путешествія въ часть. Но для этого ихъ было слишкомъ много, и душевная тревога не уменьшалась.

Занятый этими мыслями, я стоялъ, опустивъ голову и плечи, улавливая краснорѣчіе начальства, а оно продолжало филиппику съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія. Только изрѣдка взглядывалъ я на него сверху внизъ.

— Да какъ вы, мерзавцы, смѣете шляться ночью съ оружіемъ? Да знаете ли вы, что я могу убить васъ и какъ с...с...собака бросить вонъ туда, — краснорѣчиво-величественный жестъ въ сторону университета, — и будете валяться вы тамъ на мостовой, какъ с...с...собака!

Рѣчь неожиданно кончилась. Я поднялъ голову и увидѣлъ, какъ налѣво отъ меня заблестали обнажаемыя сабли; я быстро повернулся на блескъ, — товарища около меня уже не было, а холодно сверкала и переливалась рядъ обнаженныхъ сабель на высотѣ лица.

Я прочелъ свой смертный приговоръ.

Переходъ отъ надежды на арестъ въ части былъ довольно рывокъ, облегчила его лишь тревога, разлитая въ воздухъ.

Въ ближайшемъ ко мнѣ офицеръ я прочелъ неумолимое сочувствіе и рѣшился на послѣднюю попытку. Бросился къ нему и крикнулъ:

— Господа офицеры, хотъ вы вступитесь!

Но тутъ же понялъ, что зову ихъ на бунтъ противъ начальства, и что теперъ на это рассчитывать по меньшей мѣрѣ смѣшно.

И въ то же время, не знаю отъ кого, но съ той стороны, гдѣ стояли офицеры и гдѣ рядовыхъ, кажется, не было, я получилъ первый ударъ по протянутой впередъ правой рукѣ. Кости пальцевъ, какъ оказалось потомъ, были перерублены, но я почувствовалъ не боль, а только слабость въ пальцахъ. Я круто повернулся въѣвъ солдатамъ. Отъ рѣзкаго движенія у меня слетѣла въ этотъ моментъ слабо сидѣвшая на головѣ шапка и отнатилаcь немного. Я наклонился за ней. Передо мной, ближе моей шапки, лежала мягкая шляпа тюр-

рища; въ черномъ кругу полей ея красиво выдѣлялся голубой кружокъ атласной подкладки. Я хотѣлъ было ею покрыть голову, но подумалъ:

— Зачѣмъ?

И не взялъ.

Въ мятущемся мозгу родилось опасеніе, какъ бы не ударили по наклоненной головѣ. Я быстро, дѣлая шагъ впередъ, выпрямился, сдѣлалъ еще шагъ къ темной внизу и свѣтлой выше стѣнѣ манежа и повернулся лицомъ къ убійцамъ. Тылъ былъ защищенъ, и это было мнѣ пріятно.

Передо мной сверкало до 30 сабельныхъ полосъ зловѣщимъ неправильнымъ полукругомъ.

— *Ну, смерть!*—врѣзалась тяжелая молнія въ мозгъ и засѣла тамъ.

Это былъ самый тяжелый порогъ. Какъ только я его переступилъ, остальное все стало относительно легко и понятно, естественно вытекало одно изъ другого.

Сабельный полукругъ быстро сжимался. Лица убійць слились въ одно неотвратимо надвигающееся цѣлое.

Послѣднее человѣческое желаніе—посмотрѣть на товарища, гдѣ онъ, и что съ нимъ—возникло вдругъ въ мозгу и перескочило черезъ поконченные счета съ жизнью.

И я повелъ глаза влѣво, дальше и дальше, и шагахъ въ 20—30 увидѣлъ сѣрую группу рядовыхъ и среди нихъ на одно мгновение черную фигуру товарища.

Въ тотъ же моментъ я получилъ ударъ саблей, словно палкой, по головѣ, повалился на лѣвый бокъ вдоль стѣны и инстинктивно схватился за голову руками, которыя сейчасъ же слиплись отъ теплой крови. Кто-то ударилъ меня въ правую сторону груди. Послышался трескъ раздираемыхъ покрововъ—на мнѣ было ватное пальто, сюртукъ и рубашка—и въ мякоть груди мягко вошелъ штыкъ. Руки у меня невольно раскинулись.

— Какая цѣль закрывать голову?—мелькнула мысль.

Въ то же время тѣло вздрогнуло и вытянулось въ струнку. Штыкъ дрогнулъ и остановился, продвинулся еще немного и вышелъ назадъ изъ тѣла.

Послѣдовали два очень сильныхъ пинка сзади наискосокъ, въ поясницу. Тѣло безжизненно подалось впередъ. Я холодно ждалъ слѣдующихъ ударовъ.

А ко мнѣ бросились со всѣхъ сторонъ солдаты, приподняли за плечи тѣло, тащили каждый къ себѣ, моментально сорвали съ пра-

ваго плеча пальто вмѣстѣ съ куртукомъ и выхватили, наконецъ, главный призъ—кошелекъ. Въ то же время другіе сорвали поочередно съ обѣихъ ногъ кавказскіе бурочные сапоги вмѣстѣ съ колошами и чулкомъ съ лѣвой ноги, правая же нога оказалась счастливѣе: осталась въ чулкѣ.

И когда уже больше нечего было взять, размахнувшись, отбросили тѣло впередъ головой по направленію къ университету. Тѣло покатилося немного по наклону мостовой.

Пальто съ куртукомъ, волочившіеся на лѣвой рукѣ, отгнулись далеко въ сторону, и я очутился въ рубашкѣ на холодныхъ, побрызганныхъ тонкой коркой снѣга камняхъ мостовой.

Я лежалъ и равнодушно ждалъ дальнѣйшаго. Боли никакой ни отъ одного удара не чувствовалъ.

Получилась какая-то полная анестезія.

Пусть помнятъ это тѣ, которымъ придется такъ же умирать.

IV.

— Какой еще молодой!—разсуждали надо мной столпившіеся солдаты.

— Совсѣмъ молодой!

— Да что-то онъ больно скоро умеръ.

— Поглядѣть надо.

— Посмотри-на, умеръ ли?—раздалось сразу нѣсколько восклицаній.

И оживившаяся толпа сдвигается плотнѣе.

Одинъ солдатъ наклоняется надо мной и зажигаетъ спичку.

Я лежу лицомъ вверхъ. Закинута назадъ голова съ закрытыми глазами, высоко выдавшійся вверхъ подбородокъ съ плотно сжатыми губами и широко раскинутыя руки во мнѣ самомъ вызываютъ представление о бездыханномъ тѣлѣ.

Спичка гаснетъ отъ порыва вѣтра. Вспыхиваетъ другая и подносится ближе. Сквозь вѣки вижу близкое красно-желтое пятно свѣта. Гаснетъ и вторая спичка.

Солдаты толпятся ближе.

— Прижги ему вѣки-то!

Чиркаетъ съ трескомъ надъ грудью спичка о коробку, подносится къ лицу, придвигается ближе-ближе къ самой рѣсницѣ.

Я напрягаю всѣ мускулы, которые не морщатъ замѣтно лица, и сначала сдерживаю вѣки. Наконецъ, правое вѣко не выдерживаетъ близости огня и чуть приподнимается. Въ крохотную щелочку видно

огромное, во все поле зрѣнія, злое пламя, лишь справа и слѣва чуть окаймленное тьмой.

— Глянуть, кажется!—отдается вверху злорадное эхо и до боли усиливаетъ мое диаметрально-противоположное желаніе не обнаружить жизни.

Спичка гаснетъ. Вѣко опускается. Дѣло остается невыясненнымъ.

— Прижги еще!—входитъ въ азартъ кто-то.

Новая спичка приближается.

Порывъ вѣтра—и снова темно.

— Тни ему въ носъ спичкой!

— Въ ноздри-то тни!—не спадаетъ общее настроеніе.

Спичка приближается къ носу. Сдерживаю дыханіе. Но спичка, къ счастью, гаснетъ.

— Постой, вотъ я его!—слышится новый голосъ.

Бто-то опускается справа на землю, приподнимаетъ кисть моей руки и беретъ въ свою руку два пальца съ совершенно перерубленными косточками. Я улавливаю намѣреніе палача и замираю.

«Теперь, должно быть, не выдержу!...»—жжетъ мозгъ огненная мысль.

Палачъ сжимаетъ мои пальцы такъ, что косточки сдвигаются со своихъ мѣстъ, и дергаетъ ихъ къ себѣ.

Къ крайнему своему удивленію, не чувствую никакой боли, словно наблюдаю за гѣмъ-то другимъ, словно мое «я» раздвоилось: одно лежитъ и умираетъ, другое со стороны хладнокровно наблюдаетъ за всѣмъ, происходящимъ съ первымъ.

Послѣдній опытъ показался, очевидно, убѣдительнымъ для палача.

— Умеръ!—произнесъ онъ, приподнимаясь съ земли. Но другіе еще сомнѣвались.

Одинъ изъ нихъ опустился на колѣни, припалъ къ моей груди и началъ ласково гладить, приговаривая:

— Ну, будетъ!... Ну, чего ужъ!... Теперь довольно... Раскрой глаза-то!

Психологическій расчетъ поразительный. Избитое сердце такъ обрадовалось ласки, такъ горячо откликнулось на зовъ другого будто бы просто человѣческаго сердца, такъ забилося желаніемъ отдохнуть отъ подавляюще-несправедливаго кошмара дѣйствительности, что я едва удержался, чтобы не открыть глазъ.

Солдатъ, помолчавши немного, поднялся съ земли со словами:

— Видно околѣлъ, сугинъ сынъ!

На нѣсколько мгновеній опыты прервались.

Но нашелся еще одинъ Оома невѣрный.

— Дай посмотрю у него всетаки сердце!—вдругъ прервалъ общее молчаніе одинокій хриплый голосъ и болѣзненно отозвался у меня гдѣ-то въ глубинѣ, какъ звонъ похороннаго колокола. Біеніе сердца ничѣмъ скрыть нельзя. Однако я приподнялъ грудь и затаилъ дыханіе. Подъ темно-синей рубашкой и въ ночной темнотѣ это движеніе осталось незамѣченнымъ.

Чья-то жаждущая крови рука опустилась на мой лѣвый бокъ. Прошло нѣсколько мучительныхъ мгновеній, —я не дышалъ. Вдругъ, сердце стукнуло—разъ, и вскорѣ еще отчетливѣе—два!

— Живъ еще! Бьется хорошо!—радуясь успѣху, вскричалъ и привскочилъ темный человѣкъ.

«Бончено. Напрасно притворялся. А вѣдь все шло такъ хорошо!»—закружились досадныя, напряженно-тоскливыя мысли въ моемъ черепѣ.

— Дай-ка я на немъ свой револьверъ попробую!—тотчасъ же произнесъ другой голосъ.

Щелкнулъ взведенный курокъ.

«Дрянъ у тебя револьверъ!»—подумалось мнѣ.

— Брось!—энергично произнесъ кто-то изъ солдатъ.—Развѣ послѣ такихъ ранъ оживеть?

— А если и оживеть, въ участіѣ добьютъ!—поддержалъ предыдущаго еще одинъ голосъ.

И револьверъ остался неиспробованнымъ, конечно, до слѣдующаго только случая. Занесенный надъ головой мечъ не опустился, удержанный руками солдатъ.

Выяснялось, что не всѣ солдаты были солидарны во взглядахъ на убійство. Даже среди малочисленной, отборной, надежнѣйшей сѣрой скотинки, которую Дубасовъ счелъ возможнымъ двинуть въ качествѣ активной силы противъ охваченной пламенемъ возстанія столицы, нашлись люди, противорѣчившіе представленію о нихъ.

Справа вдругъ усилился шумъ, и до моего слуха донеслись восклицанія:

— Живъ еще! Живъ!

Я очень обрадовался. Ясно было, что товарищъ еще живъ и также лежитъ раненый, притворяясь мертвымъ.

Внезапно все смолкло и замерло.

Налѣво отъ меня, отъ самыхъ дверей манежа, слышались чьи-то твердые увѣренные шаги и около нихъ мелкіе, шаркающіе и лезущіе шажки.

Шаги приближаются. Несутся какія-то тихія, неразборчивыя рѣчи: твердые, опредѣленные вопросы и мягкіе, заискивающіе отвѣты.

Проходятъ мимо головы. Не могу разобрать ни одной фразы и только соображаю, что это, должно быть, старшаго офицера провожаютъ. Отходятъ дальше-дальше. На какой-то вопросъ жесткаго начальническаго голоса доносится угодливый отвѣтъ:

— Никакъ нѣтъ еще! Живы!

— Пригончить!—явственно отдается лаконическое приказаніе.

Одинокіе уже шаги удаляются по направленію къ гостиницѣ «Петергофъ», на уголъ Воздвиженки и уносятъ съ собой жизнь.

Къ кому первому теперь подойдутъ и поднесутъ горькую чашу?

Шарканіе нѣсколькихъ паръ ногъ направляется къ товарищу.

Очевидно, къ нему было ближе.

Въ тишинѣ, не нарушаемой больше разговорами, многочисленныя ноги задвигались вдругъ и сдвинулись вокругъ товарища; затѣмъ раздвинулись немного. Свѣтъ жалобно заскрипѣлъ и смолкъ.

И черезъ одну мучительную секунду общаго молчанія раздался рѣзкій металлически-звонкій выстрѣлъ.

Гулъ его и до сихъ поръ стоитъ въ моихъ ушахъ.

— Ну, товарищъ, прощай! Очередь за мной!

И въ головѣ въ нѣсколько секундъ пронеслась моя недолгая жизнь.

Первой пронеслась и умчалась мысль о моей милой. Потомъ встали предо мной братишка, двѣ сестренки и бабушка,—семья, которую мнѣ пришлось содержать послѣ смерти родителей.

— Какъ-нибудь прожить!—завучалъ въ ушахъ лейтмотивъ крестьянской жизни.

А изъ глубины сердца выростало горячее желаніе жить. Всей душой вѣрилось, что наступаетъ лучшее будущее моей несчастной родины, и въ этотъ моментъ приходилось умирать! Умирать полному силъ и желанія работать! Боварное сердце взбунтовалось въ послѣдній моментъ. Заглушенная тоска по уходящей жизни вышла изъ тайниковъ сердца и грозила разлиться широкой, всепоглощающей волной.

— Пусть я умру, а социаль-демократія всетаки побѣдитъ! На нашей крови вырастетъ лучшее будущее родины!—поднялся другой внутренній голосъ и отразилъ натискъ перваго.

— Но *тебя* въ этомъ лучшемъ будущемъ уже не будетъ, *тебя не будетъ!*—крѣпко защемила сердце смертельная тоска. Сердце сжалось въ маленькій-маленькій комочъ и на мгновеніе замерло.

Я не хотѣлъ умереть съ этой малодушной мыслью. И вотъ, чтобы

не дать ей ходу, чтобы заглушить смертную тоску, я принялся мысленно твердить:

— А социаль-демократія всетаки побѣдитъ! Всетаки побѣдитъ! Побѣдитъ!

И хотѣлъ крикнуть это вслухъ въ лицо убивающимъ тѣло, духа же не могущимъ убить, какъ изъ толпы солдатъ, направившихся отъ товарища ко мнѣ, раздались возгласы:

— А вѣдь какъ притворялся!

— То лежалъ мертвымъ, а то говорить: пощадите!

Бѣдный товарищъ не вытерпѣлъ въ послѣднюю секунду.

— Ну ужъ я вамъ не скажу! — мелькнуло у меня гдѣ-то близко подъ лобной костью, гдѣ въ послѣдній моментъ сконцентрировалось все мое «я». — Довольно, говорилъ, пока стоялъ на ногахъ, и убѣдился въ бесполезности разговоровъ. Бейте! Интересно, какъ пуля просверлитъ високъ и пойдетъ черезъ мозгъ.

Огнестрѣльной раны я еще не пробовалъ, и поэтому она заинтересовала меня. Вниманіе выжидательно сосредоточилось на правомъ вискѣ, и всѣ другія мысли отошли на задній планъ.

Шарканье ногъ становилось громче, отчетливѣе. Шаги солдатъ уже были, по-моему представленію, приблизительно на срединѣ разстоянія между мной и товарищемъ, какъ вдругъ раньше времени раздался выстрѣлъ.

Въ меня не попали.

Буда же стрѣляли?

Я не могъ разобрать. Въ меня ли промахнулись, въ воздухъ ли выстрѣлили нарочно или нечаянно, или вторично въ товарища, — неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, послѣднее.

Только что шаги приблизились ко мнѣ, отъ двери послышались новые твердые шаги и начальнической окликъ молодымъ, сочнымъ голосомъ:

— Вы что тутъ дѣлаете? Безобразничаете? Васъ однихъ оставить нельзя!

Все кругомъ замерло.

Только одно истерзанное сердце забилося сильнѣе: въ немъ впервые затеплилась надежда на спасеніе.

— Ахъ, если бы офицеръ увелъ солдатъ въ манежъ!

И воспаленное воображеніе уже нарисовало мнѣ пустую площадь, а горячая мысль быстрѣе свѣтовой волны умчалась далеко впередъ.

— Вѣдь можно было бы убѣжать: сначала въ Александровскій садъ, а по нему низомъ, прямо къ своей квартирѣ. Только вотъ бо-

сикомъ придется бѣжать, по скользкимъ мерзлымъ дорожкамъ и рыхлому снѣгу, ну да это ничего.

Это неожиданное возвращеніе къ мысли о жизни и ея ближайшимъ задачамъ такъ увлекло и заняло меня, что я плохо понималъ, о чемъ говорилъ офицеръ. Но вотъ онъ что-то упомянулъ о караулѣ, и я превратился въ слухъ.

— Не къ намъ ли хочеть приставить караулъ, чтобы солдаты не трогали насъ?—подсказывала надежда.

Однако я не успѣлъ вслушаться, какъ офицеръ кончилъ говорить, и снѣгъ скрипнулъ подъ его ногами.

Сердце, измученное рѣзкими переходами, остановилось.

— Ахъ, если бы онъ не уходилъ.

Но звонко хрустящіе шаги направились къ двери манежа.

Солдаты уже бросились ко мнѣ.

И вдругъ изъ манежа опять раздались шаги, и снова солдаты замерли.

Вышедшій офицеръ началъ ходить мимо меня взадъ и впередъ.

— Это хорошо,—отдалось въ мозгу у меня.

Но прогулка могла такъ же неожиданно прекратиться, какъ и началась. Солдатъ офицеръ не уводилъ и не выказывалъ намѣренія увести. Мелькнувшая надежда на спасеніе смѣнилась равнодушно-тупымъ ожиданіемъ.

Мнѣ стало холодно.

Мысль перенеслась домой.

— Дома теперь тепло, свѣтло, готовятъ на ужинъ молочную лапшу—мое любимое блюдо,—а тутъ вотъ приходится лежать на голой землѣ. А завтра будешь уже въ холодной могилѣ и не почувствуешь неприятнаго сосѣдства мерзлыхъ комьевъ земли или холодныхъ камней и снѣга, какъ теперь.

И неприятное сначала ощущеніе смѣнилось какъ будто даже приятнымъ.

А холодъ настолько уже давалъ себя чувствовать, что ноги и особенно руки начинали дрожать. Я, сдерживая ихъ, натягивалъ мускулы, наконецъ, прижимался къ землѣ. Но холодные камни вбирали послѣднюю теплоту, и становилось еще холоднѣе.

— Скоро, что ли?—нарушилъ тишину прохаживавшійся офицеръ.

— Чего онъ ждетъ?—не понималъ я.

Руки у меня начинали дрожать крупной дрожью, подпрыгивая почти, и я едва ихъ сдерживалъ.

«Неужели не вытерплю?» думалъ я, все еще не желая отказаться отъ ускользающей надежды на спасеніе.

Справа въ это время послышались какіе-то странные звуки. Что-то заскрипѣло. Ближе и ближе. Подъѣхали. Меня подняли за руки и за ноги, очень невысоко отъ земли и на такой же высотѣ положили. Правая рука при этомъ закинулась къ головѣ и локтемъ уперлась въ ноги товарища, а правая нога упала ему на грудь. Лѣвую руку я задержалъ на шероховатомъ прямомъ углу повозки. По срединѣ чувствовалась широкая планка, прибитая вдоль всей повозки плашмя. Повозка представлялась похожей на опрокинутый ящикъ.

— Поправь ногу, положи, какъ слѣдуетъ! — командовалъ кто-то. Ногу мою сняли съ груди товарища.

И затѣмъ чьи-то руки накинули на меня волочившіеся на лѣвой рукѣ сюртукъ и ватное пальто—и какъ разъ накрыли голыя ноги. Ноги сразу перестали дрожать, и черезъ нѣсколько мгновений около нихъ стало тепло. Мысленно я сказывалъ большое спасибо человѣку, вольно или невольно оказавшему мнѣ большую услугу.

— Въ Арбатскую часть!—раздалась отрывистая команда. Повозка заскрипѣла и тронулась.

У.

Чуть приподнимая правое вѣко, я видѣлъ обнаженную саблю и солдатскую шинель. Налѣво я уже не взглядывалъ: и такъ были слышны тяжелые солдатскіе сапоги, подъ которыми въ морозномъ воздухѣ звучно хрустѣлъ снѣгъ. Взглядывая направо вверхъ, видѣлъ университетъ; значить, мы ѣхали по Большой Никитской улицѣ. Дальше я почти не открывалъ уже глазъ, такъ какъ не зналъ домовъ.

Ноги у меня согрѣлись и болѣе не беспокоили, а все вниманіе сосредоточилось на рукахъ. Незамѣтно сгибая правую руку, я дотронулся до головы. Волосы слиплись отъ крови и замерзли. Руки сильно продрогли, пальцы совсѣмъ коченѣли. Упираясь справа въ ноги товарища, а лѣвой кистью въ край повозки, я сдерживалъ дрожь въ рукахъ, напрягая всѣ силы. Пальцы лѣвой руки сдѣлались уже толстыми и постепенно теряли чувствительность.

«Пусть отмерзнуть, а всетаки не подамъ признака жизни!» думалъ я, чувствуя надъ собой обнаженные сабли, подкрѣпленный и ободренный предыдущей удачей.

Солдаты шли молча. Только на срединѣ дороги единственный разъ одинъ солдатъ не вытерпѣлъ:

— Скоро ли часть?

Ему никто не отвѣтилъ, и только я внутренне вполнѣ присоединился къ его желанію.

Наконецъ, повозка начала заворачивать, заскрипѣла, еще повернула направо и остановилась.

— Отпирай!

— Кто тамъ?

— Да отпирай, что ли!

Грянулъ внезапно выстрѣлъ.

Изнутри, за воротами и наши конвойные передъ воротами зашумѣли.

— Что вы, черти, палите по своимъ? Или не узнали солдатъ?

— А вы что не отделикаетесь?

Ворота скрипнули, и повозка вползла во дворъ. Налѣво отъ себя я видѣлъ какія-то стѣны, углы и черныя фигуры людей. Повозка продвинулась немного впередъ и вправо и остановилась. За руки и за ноги меня съ товарищемъ сняли и положили на какой-то низкій помостъ, должно быть, въ сараѣ. Постепенно насъ окружили бывшіе во дворѣ.

— Какіе оба еще молодые!— началось обсужденіе сюжета.

— Должно быть, студенты.

— Видать, что студенты!

Раздаются чьи-то шаги, кто-то проталкивается и наклоняется ко мнѣ, дотрогивается до лба, потомъ прижимаетъ ладонь лобу, наклоняется также вправо къ товарищу и говорить шопотомъ:

— Этотъ еще живъ!

Опять меня берутъ за руки и за ноги и куда-то несутъ.

«Не приканчивать ли, какъ говорилъ солдатъ?» проносится первая мысль.

Поднимаютъ ноги вверху и такъ несутъ. Чувствуется лѣстница. Тотъ же голосъ говорить:

— Приготовьте-ка поскорѣ постель!

И чьи-то проворные шаги побѣжали впередъ насъ по лѣстницѣ.

«Значить, не приканчивать!» сдѣлавъ я выводъ и отпустилъ изъ послѣднихъ силъ сдерживаемыя руки и ноги. Онѣ задрожали крупной сильной дрожью.

— Смотрите, задрожалъ, задрожалъ!—раздалось вокругъ.

«Побыли бы въ моей шкурѣ!» отозвалось во всемъ моемъ существѣ.

Меня внесли наверхъ и въ первой комнатѣ опустили на холодный полъ. Было очень холодно, и полъ представлялся мнѣ такимъ грязнымъ, какъ это бываетъ только въ полицейскихъ участкахъ, а у меня была открытая рана на головѣ.

Чтобы поскорѣе достигъ теплой и чистой постели, я открылъ глаза.

— Очнулся!—вѣтромъ пронесся общій шопоть.

У меня въ глазахъ промелькнулъ блѣдный керосиновый свѣтъ стѣнной лампочки, много ногъ и полицейская шинель. Я закрылъ глаза. Но цѣль была достигнута: меня тотчасъ положили на кровать.

Приятная теплота разлилась по моему тѣлу. Я приподнялъ голову и глянулъ впередъ. Передъ постелью стояло 8 солдатъ въ рядъ. Я хотѣлъ приподняться и обратиться къ нимъ. Но плечъ не могъ приподнять, поднялъ только голову, да и та закружилась, и я опрокинулся на подушку.

— Ваша фамилія?—наклонился надо мной докторъ.

Голова закружилась сильнѣе, я подумалъ, что окончательно забываюсь, и шопотомъ поторопился выговорить свою фамилію. Затѣмъ у меня схватило, точно клещами, и затѣмъ клещи стали исчезать.

«А еще хотѣлъ убѣжать!» сообразилъ я.

Оправился я, мнѣ показалось, скоро.

И тогда привелъ свою мысль въ исполненіе—осторожно уже приподнялъ голову и, глядя на стоявшихъ напротивъ солдатъ, едва слышнымъ голосомъ началъ:

— Эхъ вы, палачи, палачи! Зачѣмъ вы насъ били? Зачѣмъ невинный народъ убивать? Можетъ быть, мы вамъ больше, чѣмъ родные братья. Зачѣмъ товарища убили?

При воспоминаніи о товарищѣ слезы градомъ хлынули у меня изъ безсильныхъ очей, подступили къ горлу, и я захлебнулся. Сквозь слезы я слышалъ, что правофланговый что-то угрюмо буркнулъ подъ носъ, всѣ повернулись налѣво и мѣрнымъ шагомъ вышли, а за ними вышли молча и остальные черныя, штатскія фигуры изъ комнаты, и только послѣдняя фигура остановилась на порогѣ и, оборотившись, изрыгнула:

— Ишь ты, сволочь, околеваетъ, а лается!

И скрылась.

Началась врачебная помощь. Я не помню, чтобы была какая-нибудь промывка (кромѣ, кажется, головы) или дезинфекція ранъ, а просто, кажется, раны были обмотаны марлей, и больше ничего. Такъ какъ въ перерубленныхъ пальцахъ стало сильно дергать, а въ груди колоть, то я стоналъ и намѣренно усиленно, чтобы меня не приканчивали, а предоставили самому умереть или выздоровѣть. Въ отвѣтъ на стоны къ груди мнѣ приставили лѣду, и мнѣ стало легче.

— Ваша фамилія и фамилія товарища?—спрашиваетъ полицейскій чиновникъ.

«По крайней мѣрѣ, умремъ, дома будутъ знать и не будутъ беспокоиться понапрасну, а то могли бы исчезнуть безслѣдно!» думалъ я.

Затѣмъ всё куда-то исчезаетъ.

Надо мной лицо доктора, который тоже собирается уйти. Я прошу его почевать со мной или оставить кого-нибудь другого. Остается сторожъ.

Все утихаетъ. Сторожъ хочетъ идти спать. Я прошу его остаться спать здѣсь. Онъ ложится среди пола.

Царить тревожная тишина. Гдѣ-то хрипятъ часы, — не знаю, сколько разъ. Мнѣ слышатся осторожные шаги. Мелькаетъ женское платье въ дверяхъ и исчезаетъ.

И снова нависаетъ свинцовая тишина, удушливая, невыносимая. Кто-то всхрапываетъ.

«Неужели сторожъ уже спитъ?»

— Какъ васъ звать?—окликаю я его.

— Яковомъ! — односложно, устало произносить онъ съвозъ сонъ.

— Яковъ, скажите мнѣ, пожалуйста, ой! Живъ мой товарищъ или нѣтъ?

Яковъ мнется и чешется.

— Яковъ, пожалуйста, не скрывайте!

— Если бы живъ былъ, его сюда бы должны принести! — уклончиво, не прямо отвѣчаетъ онъ.

А я уже плачу, плачу беззвучными слезами. Бѣдный, бѣдный Костя! Что скажетъ бѣдная сестра его, для которой Костя былъ единственнымъ, незамѣнимымъ человѣкомъ въ мірѣ? Что попытають старые родители при вѣсти о гибели единственнаго сына?

Всѣ спать. Храпять мой сторожъ. А у меня разрывается грудь отъ боли и горя.

— Яковъ, Яковъ!—едва слышнымъ голосомъ кричу я.

А Яковъ только пошвыстываетъ носомъ.

— Яковъ!—отчаянно-безнадежно взываю я еще разъ.

Яковъ ворочается и поднимаетъ съ подушки свою уже не молодую голову.

— Яковъ, подойдите ко мнѣ!

— Что нужно?—подходить Яковъ.

— Поднимите меня, тяжело мнѣ!—больше стоню, чѣмъ говорю я.

— До васъ боязно дотронуться, не то что поднимать!—проте-

стуетъ Яковъ и, тихо-тихо обнявши, старается приподнять мое туловище. У меня кружится голова, и онъ снова опускаетъ безжизненно виснувшее на рукахъ тѣло.

— Да у васъ весь ледъ растаялъ, — говоритъ Яковъ, приподнявъ резиновый мѣшокъ съ груди.

Я щупаю мѣшокъ, — въ немъ, дѣйствительно, одна вода.

— А всетаки оставь, — шепчу я, — съ нимъ легче!

Насилу проходитъ тяжелая кошмарная ночь. Бѣлѣть въ окнахъ и на стѣнахъ. Свѣтаетъ, наконецъ!

«А если и оживетъ, въ участіе добыють!» звучитъ въ ушахъ голосъ солдата. И я ожидаю, вотъ войдутъ и добыють. А Яковъ спитъ, а можетъ быть, нарочно дѣлаетъ видъ, что спитъ.

Свѣтлѣе и свѣтлѣе.

Что это за шумъ гдѣ-то вдали?

Голоса и шаги.

— Яковъ! Кто тамъ?

Но Яковъ храпитъ, а голосъ теряется у меня же въ груди.

Входятъ черныя фигуры — одна, другая, третья.

Ближе, ко мнѣ.

А, знакомое вчерашнее лицо — докторъ. Одинъ изъ вошедшихъ несетъ мой сюртукъ и пальто. Меня одѣваютъ и кладутъ на носилки. Ноги остаются голыми, а голова — непокрытой. Сносятъ внизъ и во дворъ. Утренняя свѣжесть пронизываетъ меня. Во дворѣ стоитъ черная карета съ открытой дверцей въ задкѣ. Подносятъ къ ней.

— Докторъ, куда меня? — сдержанно спрашиваю я.

— Въ Голицынскую больницу! — отвѣчаетъ онъ.

Дѣлаю вылазку въ интересующую меня область.

— Докторъ, тогда отправьте меня домой, я могу дома лѣчиться.

— Нельзя, у васъ серьезно перешибленные кости пальцевъ, нужно въ хирургическую.

И съ носилками, головой впередъ, совывають меня въ карету.

«Какъ же это, думаю, повезли лѣчить, а ноги и голову оставили голыми на морозѣ? Не приганчивать ли прямо на кладбище?»

Сбоку на отгладномъ сидѣніи устроился фельдшеръ, и дверца хлопнула. У фельдшера было доброе славное лицо, но серьезное вдумчивое выраженіе его не предвѣщало словно мнѣ ничего хорошаго. Карета внутри была окрашена въ веселый, свѣжій желтый цвѣтъ. Въ боковыя окошечки вверху были видны верхніе этажи зданій, но не узнавалъ, куда мы ѣдемъ. Наконецъ, показалось зданіе Румянцевскаго музея, и тогда я сталъ успокаиваться. Значитъ, мы ѣдемъ въ Голицынскую больницу, а не въ сторону Ваганькова кладбища.

Попросилъ было я фельдшера подвезти меня на минуту къ находившейся вблизи квартирѣ, но безуспѣшно.

Промелькнули нѣкоторыя зданія Якиманки. Но прежде чѣмъ добраться до невольной цѣли путешествія, я успѣлъ еще разъ основательно промерзнуть.

VI.

Свѣтлая, чистая, высокая хирургическая. Бѣлые чистые костюмы на докторахъ и фельдшерицахъ. Бѣлыя выхоленныя руки. Все такъ чисто, изящно. А я такъ люблю чистоту и изящество во всемъ.

Лежу на высокомъ длинномъ столѣ. Вокругъ стола собираются врачи, разматываютъ марлю, осматриваютъ раны, разспрашиваютъ; я коротко рассказываю, но при воспоминаніи о товарищѣ опять не выдерживаю и начинаю плакать навзрыдъ. Меня успокаиваютъ.

Я чувствую себя снова между людьми. Только ненадолго. Неожиданно сзади кто-то злорадно металлическимъ голосомъ отчеканиваетъ:

— Ага, господа забастовщики!

На меня снова пахнуло полицейскимъ воздухомъ, въ комнатѣ потемнѣло, чистота и изящество потускнѣли и подернулись чернотеннымъ налетомъ, кругомъ нависло что-то нудное.

А мнѣ уже намыливаютъ голову, выбриваютъ разсѣченное мѣсто, промываютъ, дезинфицируютъ и забинтовываютъ. Наглядывается также бинтъ и на штыковую рану.

Спрашиваю о характерѣ ранъ; говорятъ, что на головѣ разсѣчена только кожа, а кость цѣла, а рана въ груди не должна быть глубока.

Это обстоятельство дѣйствуетъ успокоительно.

При перевязкѣ кисти меня просятъ не смотреть на пальцы и дѣлаютъ такъ, что мнѣ ничего не видно. Я подумалъ, что будутъ ставить кости на старое мѣсто, такъ какъ видѣлъ въ части, что кость среднего пальца значительно сдвинута въ сторону. Этого не сдѣлали. Доктора что-то говорили о раздробленіи кости на мелкіе кусочки.

Рука живо очутилась въ лубкѣ. При этомъ одинъ изъ докторовъ обезпокоился, какъ бы не искривить пальцевъ.

Я подумалъ:

«Какъ же они не искривятся, когда переложены толстымъ слоемъ ваты у основанія, а концы пальцевъ туго стянуты марлей!»

Но ничего не сказалъ, такъ какъ послѣ чернотеннаго восклицанія, молчаливо принятаго всѣми присутствовавшими безъ малѣйшаго возраженія, я почувствовалъ себя въ лагерѣ дикихъ, пляшущихъ надъ трупомъ врага.

Черезъ шесть недѣль, когда врачъ снялъ мнѣ лубки, пальцы, дѣйствительно, значительно искривились, рука осталась навсегда сильно обезображенной, и кривые пальцы стали мѣшать работать.

Перевязка кончилась. Остальное зависѣло отъ организма.

Молчаливые служители отнесли новый предметъ безпокойства и заботъ на носилкахъ на самый верхъ, въ 3-й или 4-й этажъ, въ маленькую, низенькую комнату, очевидно, отведенную спеціально для жертвъ гражданской войны, такъ какъ другихъ больныхъ тамъ не было. Раненыхъ тамъ оказалось шестеро.

Меня положили въ углу на холодную постель. Понеминому я содрѣлся и прежде всего поспѣшилъ дать знать о себѣ домой.

Въ комнатѣ стало тихо-тихо. Вонъ напротивъ, у окна, сидятъ двое раненыхъ, губы у нихъ шевелятся, но я уже ничего не слышу. Вѣки не держатся, я закрываю глаза и не то засыпаю, не то теряю сознание.

А когда открываю глаза, то вижу надъ собой два близкихъ лица. Я не удивляюсь ихъ появленію, какъ будто бы это само собой разумѣлось. Только почему они такъ серьезны и печальны?

Постепенно сознание мое проясняется, и я искренно радуюсь ихъ присутствію, а по ихъ уходѣ я уже вступаю въ разговоръ съ другими ранеными. У половины были раны ногъ, а всѣ вообще имѣли раны несмертельные и попали подъ пули нечаянно. Для образца приведу рассказъ раненаго полотера, молодого парня, доставленнаго изъ Арбатской части вскорѣ послѣ меня. Во дворѣ дома, гдѣ онъ жилъ, лежалъ трупъ убитаго человѣка. Домовладѣлецъ нанялъ ихъ, шестерыхъ полотеровъ, снести трупъ въ часть. Они согласились и понесли. Часть была уже недалеко, а вдали впереди стояли солдаты. Полотеры крикнули имъ, чтобы они не стрѣляли, а тѣ приложились и дали залпъ. Этому полотеру прострѣлили ногу, и онъ поспѣшилъ уползти въ часть, чтобы уйти изъ-подъ выстрѣловъ, которые не прекращались.

Население комнаты оказалось довольно подвижнымъ. Однихъ раненыхъ приносили, другихъ—уносили. Съ моей койки только что унесли внизъ раненаго и черезъ нѣсколько часовъ стало извѣстно, что онъ уже скончался. Поэтому я не особенно хорошо почувствовалъ себя, когда вскорѣ пришли и за мной съ носилками, чтобы снести внизъ. Тревожное и унижительное чувство полного безсилія охватило меня на холодныхъ носилкахъ. Рядъ комнатъ казался безконечнымъ. Служители устали нести и въ больничной церкви остановились отдохнуть. Совпаденіе было не изъ удачныхъ. Холодно глядѣли на меня церковныя позолоты. Съ отвращеніемъ отворачи-

вался я отъ противныхъ глянцевитыхъ колоннъ. Послѣ долгихъ мытарствъ тѣло мое, наконецъ, нашло мѣсто успокоенія въ палатѣ, гдѣ лежали чахоточные, смежной съ палатой сифилитиковъ. Меня сейчасъ же окружили тѣ и другіе. Чахоточные встали по бокамъ кровати, а сифилитики у ногъ.

— Вы что, — дружинникъ? — было первымъ вопросомъ.

— Нѣтъ.

На лицахъ собравшихся больныхъ выразилось ни съ тѣмъ несравнимое разочарованіе. Такъ имъ видимо хотѣлось посмотрѣть на стоящаго дружинника. Однако они съ интересомъ спрашивали меня.

Потомъ одинъ чахоточный поссорился съ сифилитикомъ, и чахоточные начали гнать вонь изъ своей палаты сифилитиковъ.

— Убирайтесь отсюда! — кричали чахоточные. — Ишь гнилые черти какіе здоровые! Только и знай шлятся, гнилушки свои заразные разносятъ. Уходи!

Большая часть незваныхъ гостей ушла, а нѣкоторые рассыпались по палатѣ и съ злыми лицами разгуливали взадъ и впередъ и, наслаждаясь, слушали, какъ елокотали отъ безсильной злобы и болѣзни груди чахоточныхъ.

Оказалось, что чахоточные, больной водянкой и другіе больные этой палаты давно ведутъ борьбу съ несчастными сосѣдями, но не могутъ одолѣть ихъ. Сифилитики скучаютъ и разгуливаютъ и по своей и по чужой палатѣ.

Осмотрѣвшись, я увидѣлъ направо отъ себя блѣдное, совершенно безжизненное, восковое лицо съ глубоко впалыми щеками и тонко заострившимся носомъ. Высоко вздымалась больная грудь, и въ ней что-то страшно елокотало, хрипѣло и лопалось. Но это былъ не чахоточный, а 40-лѣтній Сытинскій рабочій съ прострѣленной грудью.

За чаемъ мы съ нимъ познакомились. На меня глядѣла изъ глубины глазныхъ впадинъ кристаллически чистая душа простого человѣка. Онъ не стоналъ, не жаловался. Только, когда пришла навѣстить его жена, изрѣдка вздрагивала его прекрасная черная борода. Жена оставила ему двугривенный и ушла, а онъ долго и безсильно лежалъ въ одномъ положеніи. Онъ рассказывалъ, если не измѣняетъ мнѣ память, что шелъ домой по Пятницкой улицѣ, а сзади съ площади солдаты начали стрѣлять залпами, онъ торопился уйти съ опустѣвшей улицы, но не успѣлъ, что-то вдругъ его дернуло, онъ побѣжалъ, почувствовалъ, что за рубашкой стало мокро и упалъ. Вотъ и все. Къ нему почти никто не приходилъ, рѣдко подходила къ койкѣ и больничная прислуга.

Одиноко и гордо угасала душа незамѣтнаго русскаго пролетарія, представителя того самаго пролетаріата, который потрясъ буржуазный міръ неслыханными со временъ коммуны подвигами мужества, самоотверженія и героизма и надвигающимся грознымъ краснымъ призракомъ.

Черезъ сутки я сталъ подниматься на постели, температура стала лучше, черезъ другія—вставалъ на ноги, а черезъ третьи—учился ходить около кровати. Каждый день приходили посѣтители и приносили новости съ воли. Тѣ же новости иллюстрировались съ утра до вечера доносившейся пушечной пальбой. Широкія большія окна палаты болѣзненно вздрагивали. Мысль стремилась черезъ нихъ туда, гдѣ идетъ борьба, гдѣ приносятся кровавыя гекатомбы сирадному разлагающемуся тѣлу самодержавія и молодому упитанному идолу російской буржуазіи. Въ саду передъ окнами голыя деревья грустно покачивали вершинами и роняли снѣжныя слезинки. Сѣрое нависшее небо сурово смотрѣло сверху. А надъ городомъ носился духъ разрушенія. И сердце родины обливалось, истекало кровью. Лежать при такихъ условіяхъ было вдвойнѣ тяжело. Какъ только выяснилось, что температура установилась удовлетворительная, и повышенія опасаться нѣтъ основаній, что желудокъ хорошъ, и признаки вообще благопріятны, и что все дальнѣйшее зависитъ исключительно отъ жизненныхъ силъ организма,—я попросилъ главнаго врача, который ко мнѣ относился лучше другихъ, выписать меня изъ больницы,—долѣживаться могъ я и дома.

Желаніе мое исполнилось. Меня перевязали снова. Я поблагодарилъ главнаго врача и простился. Когда подходилъ я къ своей койкѣ, на нее издали, на разстояніи болѣе сажени, служитель швырнулъ мое верхнее платье.

Двое товарищей, которые были въ это время у меня, помогли мнѣ одѣться, взяли подъ руки, такъ какъ меня еще вѣтромъ шатало и вывели изъ негостепримной больницы, гдѣ нашлись люди, державшіе себя со мной хуже, чѣмъ ихъ коллеги въ полицейскомъ участкѣ, роялисты больше, чѣмъ самъ король.

Свѣжій морозный воздухъ охватилъ меня. Выглянувшее жизне-радостное солнышко освѣтило и разгладило суровыя морщины неба.

Извозчикъ съ тремя сѣдоками веселой рысцой понесся по пустыннымъ улицамъ Замоскворѣчья. Солнышко ласково улыбалось мнѣ, привѣтствовало тысячами ослѣпительныхъ брызгъ на снѣгу и грозило холоднымъ отблескомъ отъ многочисленныхъ штыковъ на перекресткахъ.

VII.

Въ заключеніе мнѣ остается только докончить печальную повѣсть о погибшемъ товарищѣ, Бонстантинѣ Петровичѣ Романовѣ. Родился онъ въ 1880 г. въ Саратовѣ, гдѣ родители его живутъ и сейчасъ. Среднее образованіе получилъ въ реальномъ училищѣ сначала въ Вольскѣ, потомъ въ Саратовѣ. По окончаніи курса онъ поступилъ въ петербургскій технологическій институтъ, гдѣ дошелъ до 3 курса. Незадолго до всеобщей студенческой забастовки 1905 г. недолго сидѣлъ по политическому дѣлу въ тюрьмѣ (въ Крестахъ). Во время этой грандіозной забастовки учащихся переѣхалъ въ Москву и поступилъ учиться живописи въ частную школу художника Мѣшкова, такъ какъ имѣлъ художественные задатки и подавалъ въ этомъ смыслѣ большія надежды. Участвовалъ въ осенней выставкѣ картинъ, устроенной Мѣшковымъ въ Историческомъ музеѣ, гдѣ нѣкоторыя его картины были проданы. Красивый блондинъ, веселый общительный человѣкъ, чуткій, отзывчивый товарищъ, на котораго можно было во всемъ положиться, Б. П. Романовъ былъ всегда душой общества, въ которое его забрасывала судьба.

Когда ужасное извѣстіе дошло до его родственниковъ, то одинъ изъ нихъ отправился въ Арбатскую часть, но городовые не впустили его туда. Онъ просилъ вызвать пристава, ему пригрозили стрѣлять, если не отойдетъ, и уже навели холодное дуло нехолоднаго оружія. Тогда онъ догадался похоронить убитаго черезъ похоронное бюро Ботова, находившееся какъ разъ напротивъ. Отъ бюро отправился къ части представитель, высоко поднявши обѣими руками свидѣтельство для пропуска, какъ парламентаръ—бѣлый флагъ, и, встрѣченный ружейнымъ дуломъ, самоотверженно настоялъ на своемъ правѣ. На другой день виѣстѣ съ представителемъ бюро былъ пропущенъ и родственникъ убитаго для опознанія трупа.

Въ сараѣ онъ увидѣлъ труповъ пять. Трупъ Б. П. Романова сразу бросился ему въ глаза: товарищъ застылъ въ вытянутой позѣ съ раскрытыми глазами; онъ лежалъ раздѣтый, разутый, съ оголеннымъ туловищемъ; на лѣвомъ боку рдѣлъ цѣлый пучъ застывшей крови, яркой, алой крови горячаго сердца. Другіе трупы лежали съ закрытыми глазами, страшно скорчившись, съ мукой на лицѣ и въ позѣ. На ихъ рабочихъ костюмахъ и лицахъ также ярко рдѣла замерзшая кровь мучениковъ. На тѣлѣ у товарища было еще нѣсколько ранъ: на рукѣ, головѣ—сабельныя и на животѣ.

На вопросъ родственника—почему Романовъ лежитъ вытянувшись во весь ростъ, а остальные всѣ прижали руки и ноги къ жи-

воту, сгорбились и скорчились—окружающіе, служащіе части отвѣтили, что пораженный въ сердце Романовъ, очевидно, умеръ мгновенно, а рабочіе съ пулевыми ранами замерзли на улицѣ.

То были результаты Дубасовской политики: общественные санитары разстрѣливались, несмотря на повязку съ краснымъ крестомъ, а правительственныхъ—несчастные сограждане не дождались.

18 декабря ровно въ восемь часовъ утра назначено было отпѣваніе тѣла Е. П. Романова въ церкви Вознесенія на Большой Никитской улицѣ. Похоронное бюро доставило тѣло товарища не задолго до 8 часовъ. Представитель бюро вышелъ минутъ на 5 для встрѣчи родственниковъ изъ церкви и былъ очень удивленъ, когда по возвращеніи услышалъ отъ священника, что онъ уже отпѣлъ тѣло. Когда явились родственники и знакомые—еще не было 8 часовъ—высокій и сѣдой служитель Бога Всевышняго, Бога любви и христіанскаго всепрощенія уже уходилъ изъ церкви и на претензіи родственниковъ въ оскорбительномъ тонѣ отвѣтилъ:

— Здѣсь не покойница!

Родственники принуждены были просить отслужить хоть панихиду. Смиранный пастырь стада Христова не сразу согласился на это, а только послѣ того, какъ и о. дьяконъ присоединилъ свой голосъ къ хору родственниковъ и знакомыхъ. Затѣмъ проводили прахъ Е. П. Романова до Прѣсни, гдѣ процессію остановили: еще шла бомбардировка Прѣсни. Родственники принуждены были вернуться обратно, а прахъ товарища насилу добрался до мѣста успокоенія.

Его похоронили съ воинскими почестями: подъ громъ орудійныхъ, пулеметныхъ, ружейныхъ и револьверныхъ выстрѣловъ.

На Ваганьковомъ кладбищѣ, въ 4 разрядѣ, направо отъ входа стоитъ теперь скромный крестъ съ надписью:

Студентъ-технологъ
Константинъ Петровичъ
Романовъ.

Убитъ 12 декабря 1905 года.

Спи спокойно, дорогой товарищъ!

Настанетъ пора, когда къ могиламъ жертвъ жестокаго деспотизма, на крови которыхъ воздвигнуто зданіе первой русской конституціи, придетъ дѣйствительно свободный и счастливый народъ и поминетъ васъ добрымъ словомъ:

Прощайте же, братья! Вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!

А 25 декабря, въ самый день Рождества Христова, праздника, изъ котораго—на земли миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе,—фрики-родители Б. П. Романова получили отъ товарища прокурора жовскаго окружного суда 5-го участка Гордзялковскаго слѣдую- вѣ извѣщеніе, помѣченное 19 декабря.

М. г. Бъ переданному мнѣ полиціей для дальнѣйшаго направле- дознанія приобщено ваше письмо отъ 6 ноября 1905 г., писан- студенту технологическаго института Константину Петровичу ванову. Усматривая изъ письма ваше родственное отношеніе, счи- р своимъ долгомъ извѣстить васъ о несчастной судьбѣ, постигшей него родственника, увѣренный, что вы предпочтете худшія свѣ- нія неизвѣстности, въ которой вы могли бы пребывать весьма дол- время. 12 декабря Романовъ и нѣкій Моховъ были задержаны вромъ коннымъ разѣздомъ. Такъ какъ у нихъ были найдены ольверы, кинжалъ и значительное количество прокламацій, то а были отправлены на гауптвахту въ Кремль. По заявленію ка- гла, Романовъ и Моховъ намѣревались бѣжать, вслѣдствіе чего ка- гль стрѣлялъ въ нихъ. Романовъ оказался убитымъ, Моховъ же вело раненымъ. Моховъ проживаетъ въ Москвѣ въ д. Ботова по иконкѣ, въ настоящее время помѣщенъ на излѣченіе въ Голицын- ю больницу. Полагаю, что отъ него вы можете получить болѣе робныя свѣдѣнія о вашемъ родственникѣ.

Подпись: тов. прокурора Гордзялковскій.

О, безстыдная все выносящая официальная ложь!

Изъ предыдущаго видно, сколько правды въ этомъ извѣщеніи. окламація у меня была только одна, а у товарища и того не было. обстоятельство, что раны у обоихъ спереди, а не сзади, а огне- ѣльныхъ ранъ у меня совсѣмъ нѣтъ, — дѣлаетъ объясненіе при- ть убійства совсѣмъ неумнымъ.

Какой болью сжималось потомъ у меня сердце, когда въ разгарѣ ція я читалъ изъ Прибалтійскаго края, прекраснаго Кавказа и ргихъ другихъ окраинныхъ и коренныхъ мѣстъ истекающей кровью инны телеграфно сухія извѣщенія: поймано столько-то, пытались вать и были застрѣлены. Сколько гнусныхъ преступленій правя- хъ и власть имущихъ скрывается подъ такими сухими короткими ючками многочисленныхъ телеграммъ! Сколько слезъ пролилось рмыхъ и невидимыхъ міру!

О, если бы вся кровь и слезы, пролитыя за эти годы, изъ нѣдръ нныхъ всѣ выступили бы вдругъ, то былъ бы вновь потопъ, и вы бы лебнулись, убійцы, Банны, въ своихъ высокихъ неприступныхъ кахъ, въ своихъ домахъ, дворцахъ роскошныхъ!

Сильно постарѣвшій и посѣдѣвшій отъ горя отецъ убитаго товарища, П. Р. Романовъ, послѣ открытія первой Государственной Думы написалъ горячее письмо саратовскому депутату Аникину, которое и было помѣщено въ № 8 издававшейся подъ редакціей саратовскаго же депутата Ульянова газеты *Дѣло Народа* подъ заголовкомъ: «Я требую суда надъ убійцами моего юноши-сына».

Тамъ помѣщенъ пересказъ вышеприведеннаго, будто бы мной подписанный. Я его не подписывалъ и подписать не могъ въ виду нѣкоторыхъ неточностей, допущенныхъ, очевидно, по забывчивости уважаемымъ П. Р. Романовымъ, которыя настоящимъ и исправляются.

Горячая вѣра несчастныхъ родителей въ справедливость не оправдалась: убійцы къ отвѣтственности не привлечены. А Государственная Дума распущена, и многіе ея члены попали подъ судъ.

Теперь несчастные осиротѣвшіе старики стали увѣрять себя и другихъ, что ихъ сынъ живъ, спасся и еще вернется и утѣшитъ ихъ одинокую старость.

■.

Политическія причины голодовокъ.

При обсужденіи продовольственнаго вопроса въ Государственной Думѣ (въ засѣданіи 12 іюня 1906 г.) Ф. И. Родичевъ подчеркнул связь между голодовками и политическимъ строемъ Россіи. Возражая на это замѣчаніе Родичева, гр. Гейденъ произнесъ удивительную рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: «Здѣсь говорили, что будто бы свободная Россія перестанетъ голодать. Я думаю, что стихійныя силы засухи, которыя теперь проявляются въ Заволжьѣ, ничего общаго съ свободами не имѣютъ и всегда тамъ будутъ. Вѣдь эти страшныя засухи, которыя все высушивали, — мѣстное постоянное явленіе, и когда будутъ жить тамъ свободныя люди, онѣ всетаки будутъ» *).

Было бы вполне понятно, если бы подобную рѣчь произнесъ депутатъ Ерогинъ; но въ устахъ гр. Гейдена она звучала очень странно. Гр. Гейденъ категорически отказался признать политическія причины голодовъ въ Россіи. Онъ выдвинулъ на первый планъ стихійныя силы природы, съ которыми будто бы, по его мнѣнію, нельзя успѣшно бороться.

Кому же не извѣстно, что неурожай, зависящій отъ стихійныхъ силъ природы, можетъ случиться и въ конституціонныхъ странахъ, въ которыхъ господствуетъ интенсивная система земледѣлія? Но въ этихъ странахъ не бываетъ голода. Правительство не доводитъ населенія до нищеты, до полного отсутствія денежныхъ и натуральныхъ запасовъ на черныи день.

Засухи могутъ случиться во всякой странѣ; но въ свободныхъ странахъ населеніе вооружено знаніями и успѣшно борется даже со стихійными силами природы. Населеніе значительно ослабляетъ силу неурожаяевъ; правительство же никогда не допускаетъ населеніе до голода.

Въ цитированныхъ выше словахъ гр. Гейденъ обнаружилъ свое поразительное незнакомство съ исторіей голодовъ въ Западной Европѣ и въ Россіи. Онъ называлъ засухи постояннымъ мѣстнымъ явленіемъ Заволжья;

* Государственная Дума. Стенографическіе отчеты. 1906 годъ. Сессія первая. Томъ II. (Спб., 1906 г.), стр. 1255.

при этомъ онъ добавилъ, что засухи въ Заволжьи будутъ даже тогда, когда тамъ будутъ жить свободные люди. Гр. Гейденъ правъ, что засухи еще долго будутъ оказывать свое губительное дѣйствіе въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи; но въ свободной Россіи голодовъ уже не будетъ. Отвѣтственное передъ народными представителями правительство никогда не позволитъ себѣ допустить пострадавшее отъ неурожая населеніе до голода.

Наконецъ, гр. Гейденъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на то, что неурожай въ Россіи стали повторяться все чаще и чаще, благодаря истощенію почвы нераціональною зерновою культурою. Послѣдняя же объясняется тѣмъ, что малоразвитое сельское населеніе не умѣетъ и не въ состояніи (по экономическимъ причинамъ) перейти отъ экстенсивной къ интенсивной системѣ земледѣлія. Слѣдовательно, дѣятельность всего государственнаго механизма слишкомъ тяжело отзывается на сельскомъ населеніи. Политика полицейско-самодержавнаго абсолютизма доводила населеніе до нищеты и полнаго разоренія, чѣмъ подготавливала почву для появленія голодовъ въ Россіи.

При разсмотрѣніи вопроса о причинахъ голодовъ нельзя обойти молчаніемъ политическихъ причинъ. То или иное государственное устройство, то или иное соотношеніе борющихся политическихъ партій или сословій перемѣщаютъ центръ государственнаго управленія въ ту или другую сторону. Правительство является простымъ отраженіемъ того или иного соотношенія борющихся силъ въ странѣ; оно принимаетъ всѣ мѣры, направленные къ поддержанію тѣхъ классовъ, которые имѣютъ силу. Всѣ тяжести государственныхъ повинностей ложатся невыносимымъ бременемъ лишь на тѣ классы общества и на тѣ сословія, которые не имѣютъ достаточной политической силы, чтобы направлять политику государства въ ту или иную сторону. Во всѣхъ государствахъ можно наблюдать, что политика направлена на удовлетвореніе нуждъ господствующихъ классовъ. Въ этомъ отношеніи справедливы замѣчанія нѣкоторыхъ писателей, что современное государство легализируетъ организованное насиліе одной части населенія надъ другою.

Еще въ срединѣ XIX вѣка высказывалось подобное мнѣніе. Въ 1864 г. Бомъ справедливо замѣтилъ, что социальный строй большинства европейскихъ государствъ составляетъ главную причину дороговизны и голода *).

Слова Бомы вполне примѣнимы даже въ настоящее время къ тѣмъ странамъ, въ которыхъ случаются голода. Въ самомъ дѣлѣ, если внимательно прослѣдить исторію западно-европейскихъ странъ, то невольно придется прийти къ заключенію, что политическій и социальный строй государства является однимъ изъ наиболѣе значительныхъ факторовъ, способствующихъ или задерживающихъ возможность появленія голодовъ въ данной странѣ.

*) *Boom*: „Une solution politique et sociale“. Paris, 1864.

Въ различныхъ странахъ Западной Европы неурожаем перестаютъ оказывать свое губительное вліяніе на населеніе и не превращаются въ голода лишь послѣ того, какъ политическая власть постепенно переходила къ народу. Лишь послѣ того, какъ дѣятельность всѣхъ чиновниковъ была поставлена подъ строгій контроль всего народа (въ лицѣ его представителей); послѣ того, какъ государственными доходами и расходами стали распоряжаться не безотвѣтственные придворные лакеи, называвшіеся министрами финансовъ стараго режима, а палата народныхъ представителей; лишь послѣ того, какъ экономическая и финансовая политика получала то или иное направленіе въ зависимости отъ воли народныхъ представителей; лишь послѣ того, какъ были произведены демократическія реформы,—въ Западной Европѣ мы уже не встрѣчаемся съ голодами.

Измѣнившійся социальный строй западно-европейскихъ государствъ повлекъ за собою преобразование всей жизни каждой отдѣльной страны. Тамъ, гдѣ самодѣятельность личности была раньше подавлена, произошло раскрѣпощеніе личности. Пробудившаяся самостоятельность населенія, снятіе административной опеки, распространеніе народнаго образованія, успѣшное примѣненіе научныхъ открытій и изобрѣтеній къ требованіямъ практической жизни и многія другія условія способствовали поднятію экономическаго благосостоянія населенія. Населеніе училось культурнымъ приемамъ обработки почвы, оно перестало разграблять производительныя силы почвы; наоборотъ, оно стало заботиться о сохраненіи ихъ. Постепенная эволюція въ области экономической и финансовой политики снижала невыносимую податную тяжесть съ наиболѣе обремененныхъ крестьянскихъ плечъ и переносила ее на болѣе состоятельныхъ людей. Съ другой стороны, развитіе парового транспорта, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и распространеніе пароходнаго сообщенія облегчило доставку необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ въ тѣ мѣстности, которыя случайно были поражены неурожаями.

Главный же вопросъ, вопросъ о наличности денежныхъ или натуральныхъ запасовъ на случай неурожая, былъ разрѣшенъ удовлетворительно лишь послѣ того раскрѣпощенія личности, которое явилось послѣдствіемъ политическихъ реформъ западно-европейскихъ странъ.

Голода исчезаютъ въ Западной Европѣ по мѣрѣ распространенія культуры въ данной странѣ, по мѣрѣ развитія началъ правового государства, по мѣрѣ поднятія благосостоянія всего населенія.

Если голода въ Западной Европѣ отошли уже въ область историческихъ категорій, то въ Россіи они являются печальною современностью. Голода отойдутъ современемъ и для Россіи въ область историческихъ категорій; но это будетъ лишь тогда, когда завершится политическая и социальная реформа. Въ Россіи въ настоящее время вполнѣ примѣнимы вышеприведенныя слова Бома, что главною причиною голодовъ являются несовершенства политическаго и социальнаго строя.

Бѣдственными послѣдствіями неурожая въ Россіи въ значительной сте-

пени были обусловлены политикою представителей стараго режима, направленною на угнетеніе и разореніе наиболѣе обездоленныхъ слоевъ сельскаго населенія.

Отсутствіе достаточныхъ надѣловъ, ростовщическія условія аренды, невыносимая тяжесть прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, ложившихся, главнымъ образомъ, на крестьянское населеніе, экономическая политика, направленная на насажденіе въ Россіи крупнаго капиталистическаго производства въ ущербъ сельскому хозяйству, и многія другія экономическія причины создавали благодарную почву для голодовъ. Полицейскій режимъ самодержавія бюрократіи былъ несомнѣннѣе ни съ распространеніемъ образованія среди населенія, ни съ развитіемъ самодѣятельности трудящихся классовъ. вмѣсто того чтобы быть «кузнецомъ своего счастья», вмѣсто того чтобы дѣятельно бороться съ различными причинами неурожая, русское крестьянство безропотно подчинялось произволу стихій и считало неурожай Божьимъ наказаніемъ. Бюрократія была непосредственно заинтересована въ томъ, чтобы поддерживать дикое невѣжество крестьянъ: бюрократія была заинтересована въ томъ, чтобы съ развитіемъ просвѣщенія не распространилось политическое самосознаніе угнетенныхъ классовъ, чтобы крестьяне не сознали всю ненормальность своего положенія, чтобы они не потребовали себѣ никакихъ правъ.

Разгулъ административнаго произвола царилъ во всѣхъ отрасляхъ управленія. Онъ отражался самымъ неблагопріятнымъ образомъ на положеніи продовольственнаго дѣла въ Россіи.

Министерство внутреннихъ дѣлъ выработало особую систему продовольственной политики. Въ рукахъ безответственной администраціи продовольственное дѣло превратилось въ одно изъ орудій внутренней политики, которымъ администрація дѣйствовала по своему усмотрѣнію. Сущность этой продовольственной политики сводилась къ слѣдующему. Въ случаѣ, если надъ нѣкоторыми губерніями Россіи разразился неурожай, слѣдуетъ оказывать настолько минимальную помощь пострадавшимъ, чтобы она спасала мѣстное населеніе только отъ голодной смерти. Тагъ какъ среди мѣстнаго общества могутъ найтись отзывчивые люди, сочувствующіе народной нуждѣ и искренно стремящіеся къ ея облегченію, то необходимо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы эти люди не могли довести до свѣдѣнія общества о бѣдственномъ положеніи пострадавшихъ губерній. Здѣсь на сцену выступаетъ весь сложный механизмъ государственнаго управленія. Прежде всего отдаются энергичныя приказанія цензурѣ не пропускать въ печать никакихъ свѣдѣній о голодѣ, искоренить самое слово: «голодъ», замѣнить его болѣе мягкимъ: «недородъ». Если принятія цензурой мѣры оказывались недостаточными, если положеніе пострадавшаго населенія было настолько бѣдственно, что дальше скрывать его нельзя было, то правительство оказывало минимальную продовольственную помощь. Опасаясь развращающаго вліянія выдачи продовольственныхъ ссудъ, министерство внутреннихъ дѣлъ выдавало продовольственные ссуды только неработоспо-

собному населенію (дѣтямъ и старикамъ), исключая изъ числа «бѣдиковъ» все крестьянское населеніе въ рабочемъ возрастѣ. Такъ какъ выданныя ссуды распределялись между всеми членами семьи, ссудъ, конечно, оказывалось недостаточно.

Населеніе принуждено было прибѣгать къ употребленію суррогатовъ хлѣба. На почвѣ недостаточнаго питанія возникали и распространялись различныя болѣзни и эпидеміи. (цынга, тифъ, куриная слѣпота и другія). Подъ влияніемъ замалчиванія народной нужды и отсутствія правильной продовольственной помощи болѣзни быстро распространялись и принимали форму эпидемій. Несмотря на распространеніе массовыхъ заболѣваній, мѣстная администрація считала своею обязанностью отрицать существованіе народной нужды.

Дѣятельность всѣхъ вѣдомствъ была направлена на то, чтобы скрыть истинные размѣры народнаго бѣдствія. Общество долго находилось въ невѣдѣніи относительно истиннаго положенія вещей, такъ какъ цензура задерживала всякія извѣстія изъ голодающихъ мѣстностей. До какихъ невѣроятныхъ размѣровъ доходило иногда невѣжество бюрократіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ виду того, что главное управленіе по дѣламъ печати особымъ циркулярнымъ отношеніемъ изъясло изъ обращенія самый терминъ: «голодь», цензура тщательно слѣдила за тѣмъ, чтобы это слово не проникло въ печать. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ цензура замѣняла слово «голодь» официальнымъ названіемъ «недородь». Одинъ провинціальный ученый написалъ статью общаго характера подъ заглавіемъ: «Физиологическія послѣдствія голода», причемъ рассматривалъ вопросъ съ научной точки зрѣнія и совсѣмъ не касался голода 1891 г. Свою статью онъ отослалъ въ одну изъ провинціальныхъ газетъ. Цензура не могла пропустить ее въ такомъ видѣ, такъ какъ въ ней было употреблено слово «голодь». Цензоръ вычеркнулъ неудобныя ему мѣста и сдѣлалъ соотвѣтствующія поправки. Въ результатъ получилась статья подъ заглавіемъ: «Физиологическія послѣдствія недорода». Цензоръ, очевидно, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о медицинѣ, даже не подозрѣвалъ, что физиологическія послѣдствія можетъ имѣть только голоданіе человѣческаго организма, а никакъ не недородь. Подобныя нечѣпости случались на каждомъ шагѣ.

Во время голода 1898—99 г. С. А. Горюшинъ написалъ статью подъ заглавіемъ: «Голодь въ поселкѣ»; при этомъ онъ пользовался только тѣми матеріалами, которые уже появились въ печати. Въ своей статьѣ авторъ описалъ то бѣдственное положеніе, въ которомъ оказывалось земледѣльческое населеніе, благодаря неурожаю и благодаря политикѣ бюрократіи. Статья уже была напечатана въ петербургскомъ журналѣ *Жизнь* (В. А. Поссе). Несмотря на то, что статья была составлена только на основаніи печатныхъ матеріаловъ (т.-е. испытанныхъ на себѣ всю тяжесть русской цензуры и тщательно профильтрованныхъ), книжка *Жизнь* со статьею С. А. Горюшина была задержана, статья была вырѣзана и уничтожена.

Самодержавная бюрократія, политика которой была направлена на замалчиваніе народной нужды, не могла выносить свободного слова, изобличавшаго преступленія русской бюрократіи передъ народомъ. Поэтому, столничная цензура не допускала критики высшихъ правительственныхъ учрежденій; мѣстная же цензура не пропускала въ печать вообще никакихъ свѣдѣній о положеніи голодающихъ. Бюрократія хорошо понимала, что свободное слово разоблачитъ ея своекорыстную политику, направленную на поддержку и защиту командующихъ классовъ и на угнетеніе низшихъ классовъ. Въ виду того, что независимая печать могла изобличить самодержавную бюрократію въ ея преступленіяхъ передъ народомъ, цензура не терпѣла даже тѣни свободного слова и независимой мысли. Въ этомъ случаѣ цензура была лишь простымъ отголоскомъ теченій, существовавшихъ въ правительственныхъ сферахъ, непосредственно заинтересованныхъ въ томъ, чтобы никто изъ «обывателей» не осмѣлился сомнѣваться въ пользѣ политики, направленной на поддержаніе среди крестьянства невѣжества, рабства и нищеты.

Мѣстная администрація, получившая соответственные указанія изъ Петербурга, прилагала всѣ свои усилія къ тому, чтобы обрисовать положеніе голодающихъ крестьянъ въ благопріятномъ свѣтѣ. Представители мѣстной администрація отрицали наличность продовольственной нужды: и въ печати, и въ обществѣ, и на земскихъ собраніяхъ администраторы-крѣпостники заявляли, что «все обстоитъ благополучно». Они заявляли, что въ подвѣдомственныхъ имъ губерніяхъ никакого голода нѣтъ, а былъ лишь легкій «педородъ»; крестьянскому населенію не слѣдуетъ оказывать достаточной продовольственной помощи, такъ какъ подобная помощь развращаетъ народъ.

Напримѣръ, самарскій вице-губернаторъ В. Г. Кондонди (дѣятельный сотрудникъ *Гражданина* и *Московскихъ Вѣдомостей*) заявилъ на январскомъ губернскомъ земскомъ собраніи (1899 г.), что распространяемые въ печати слухи о голодѣ и о болѣзняхъ не имѣютъ подъ собою почвы и не заслуживаютъ никакого довѣрія, что всѣ эти слухи слишкомъ преувеличены. Отсюда Кондонди дѣлалъ логичный выводъ, что продовольственные ссуды слѣдуетъ назначать съ особенной осторожностью. Какъ бы въ отвѣтъ на эту рѣчь г. вице-губернатора изъ всѣхъ мѣстностей Самарской губерніи стали ежедневно поступать многочисленныя донесенія земскихъ врачей, предсѣдателей земскихъ управъ, земскихъ начальниковъ, что въ различныхъ мѣстностяхъ вспыхиваютъ эпидеміи цынги и тифа, которыя быстро распространяются по всей Самарской губерніи. Благодаря постоянному отрицанію угрожающаго народнаго бѣдствія и полному отсутствію со стороны администрація заботы о голодающихъ, эпидеміи развивались съ ужасающей силой. Въ голодный 1898—99 г. самарское санитарное бюро опредѣляло число цынготныхъ больныхъ въ Самарской губ. въ 23 тыс. чело-вѣкъ, а Красный Крестъ—въ 29 тыс. Приведенныя данныя являются нагляднымъ доказательствомъ той бездушной политики, которая доводила мѣстное населеніе до полного истощенія и массовыхъ заболѣваній.

При такомъ отношеніи центральной и мѣстной администраціи къ нуждамъ голодающихъ крестьянъ, нельзя удивляться полной неподготовленности бюрократіи бороться съ народнымъ бѣдствіемъ. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій неурожаи стали постояннымъ явленіемъ для многихъ мѣстностей Россіи. Болѣе или менѣе сильные неурожаи неразрывно были связаны съ голодовками. Тѣмъ не менѣе, правительство постоянно оказывалось совершенно неподготовленнымъ къ борьбѣ съ голодомъ, несмотря на постоянство этого бѣдственнаго явленія. Доведенное до нищеты населеніе не имѣло собственныхъ запасовъ на случай неурожая и было поставлено почти въ полную зависимость отъ правительственной помощи. Однако, правительственная помощь постоянно запаздывала, и населенію было предоставлено полное право разоряться.

Впрочемъ, это право населенія разоряться было зафиксировано даже въ законахъ, а не въ одной административной практикѣ. Если мы обратимъ вниманіе на духъ и направленіе временныхъ продовольственныхъ правилъ 12 іюня 1900 г., то увидимъ, что они мало содѣйствуютъ поднятію экономическаго благосостоянія населенія, а скорѣе способствуютъ его упадку.

Вмѣсто того, чтобы кореннымъ образомъ измѣнить весь продовольственный уставъ послѣ неурожая 1891 г., бюрократія выработала временныя продовольственные правила, которые ни въ какомъ случаѣ не могли поддержать крестьянское хозяйство. Подъ вліяніемъ причинъ, ничего общаго съ продовольственнымъ дѣломъ не имѣющихъ, продовольственное дѣло было изъято бюрократіей изъ вѣдѣнія земства *). Политика правительства была направлена на то, чтобы сократить сферу земской компетенціи, омертвить дѣятельность земства по принятію различныхъ мѣръ, направленныхъ на предупрежденіе неурожая, и такимъ образомъ подготовить почву для полнаго уничтоженія земства, какъ нежелательнаго элемента въ общей системѣ государственнаго управленія. Бюрократы наносили земству одинъ ударъ за другимъ, и изыятіе продовольственнаго дѣла изъ вѣдѣнія земства (по политическимъ причинамъ) оставляло въ дѣятельности земства широкую брешь и готовило почву къ полному упраздненію земства. Такова была политическая задача, которую преслѣдовали составители временныхъ продовольственныхъ правилъ 12 іюня 1900 г.

Соотвѣтственно съ этимъ руководящимъ лейтъ-мотивомъ были составлены всѣ статьи временныхъ правилъ. Коренной вопросъ о цѣли выдачи продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудъ былъ рѣшенъ съ бюрократической точки зрѣнія. Если земства постоянно стремились къ тому, чтобы по возможности оказать достаточную продовольственную и сѣменную помощь и этимъ содѣйствовать поддержанію экономическаго благосостоянія

*) Подробности см. въ нашей статьѣ: „Почему продовольственное дѣло было изъято изъ вѣдѣнія земства?“ въ „Земскомъ Сборникѣ Черниговской губерніи“ 1906 г. № 5, май, стр. 86—123.

населенія, то самодержавная бюрократія принимала нѣкоторыя мѣры только къ тому, чтобы спасти населеніе отъ голодной смерти и не оставя надѣльныхъ полей безъ обмѣненія (однако и эта задача не была достигнута бюрократіей).

Земскіе дѣятели неоднократно заявляли и на земскихъ собраніяхъ, и въ печати, и на мартовскомъ съѣздѣ земскихъ представителей 1903 г., что продовольственные мѣропріятія должны быть направлены не только на спасеніе голодающихъ отъ смерти, но и на поддержаніе экономическаго благосостоянія народа *). Такіе взгляды земскихъ дѣятелей были неудобны представителямъ центральной власти; поэтому въ 1900 г. продовольственное дѣло было изъято изъ вѣдѣнія земства и передано въ вѣдѣніе крестьянскихъ учреждений.

Временныя продовольственные правила 12 іюня 1900 г. совершенно игнорируютъ благосостояніе крестьянъ. Они преслѣдуютъ свою цѣль только простое подкармливаніе голодающихъ и спасеніе ихъ отъ голодной смерти, но не предупреждаютъ экономическаго разоренія крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ временныхъ правилъ содержится прямое указаніе, что предупрежденіе экономическаго разоренія крестьянъ не входитъ въ задачу, преслѣдуемую правилами 12 іюня 1900 г. Напримѣръ, статья 61 временныхъ правилъ ставитъ условіемъ выдачи продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудъ не только недостатокъ въ средствахъ пропитанія и въ сѣменахъ для посѣва, но и отсутствіе такого имущества, продажа котораго безъ существеннаго разстройства хозяйства могла бы доставить средства къ пропитанію и посѣву; сверхъ того, крестьянскія учреждения могутъ выдавать ссуды лишь при неизбѣнн заработковъ или при отсутствіи въ семьѣ лицъ, способныхъ къ работѣ. 61 статья предоставляла полный просторъ дѣйствій различнымъ представителямъ администраціи. Въ дѣлѣ назначенія ссудъ царилъ административный произволъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «начальство» выдавало ссуды только совершенно разорившимся крестьянамъ, а остальнымъ предоставляло право распродавать хозяйственный инвентарь, входить въ неоплатные долги и разоряться **). Такимъ образомъ, временныя продовольственные правила, которыя должны были бы предупреждать разореніе крестьянъ, въ дѣйствительности разоряли насе-

*) См. „Докладную записку г. министру внутреннихъ дѣлъ представителямъ земствъ, приглашенныхъ къ участію въ Высочайше утвержденномъ совѣщаніи по пресмотру узаконеній продовольственнаго дѣла“ въ *Саратовской Земской Недѣль* 1903 г. № 6—7, стр. 32.

**) В. М. Яновичъ высказалъ (въ Соликамскомъ уѣздномъ комитетѣ о нуждахъ сел.-хоз. пром.) вполне справедливое мнѣніе, что выдача продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудъ зависить отъ количества имѣющагося налично скота, а не отъ степени нужды; см. „Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сел.-хоз. пром.“, т. XIII, Пермская губ., (Спб., 1903), стр. 478—479.

Вслѣдствіе такой политики ряды сельскаго пролетаріата послѣ неурожайныхъ лѣтъ постоянно увеличиваются за счетъ убыли изъ рядовъ кредитоспособныхъ и платежеспособныхъ крестьянъ.

леніе. Если таковъ былъ духъ и общее направленіе законовъ, регулирующихъ продовольственное дѣло, то чего же можно было ожидать отъ тѣхъ чиновниковъ, которые должны были примѣнять указанный законъ? Причина русскихъ голодовокъ лежала очень глубоко въ ненормальныхъ условіяхъ русской общественной и политической жизни. Старый режимъ, искусственно поддерживаемый самодержавной бюрократіей, самъ умышленно содѣйствовалъ разоренію крестьянскаго хозяйства. Къ такому выводу можно придти, если изучать законы, дѣйствовавшіе въ то время (и, къ сожалѣнію, еще не отиѣненные до сихъ поръ), а также если наблюдать практическую дѣятельность представителей стараго режима. Такъ какъ предохраненіе крестьянъ отъ разоренія никогда не входило въ задачи самодержавной бюрократіи, то не было правильно организованной продовольственной статистики. Вслѣдствіе этого продовольственные смѣты были составляемы неправильно и подвергались постояннымъ сокращеніямъ по мѣрѣ удаленія отъ мѣста нужды. Администрація относилась очень подозрительно вообще ко всякимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, въ частности—къ правильной организациі продовольственной статистики. Для того чтобы получить точныя данныя о размѣрѣ продовольственной нужды, требовалось произвести соответственные изслѣдованія. Когда же мѣстныя земства принимали подобныя статистическія изслѣдованія, губернская администрація ставила имъ всевозможныя препятствія. Напримѣръ, статистическое отдѣленіе Калужской губернской земской управы намѣревалось произвести опросъ при участіи сельскихъ старостъ отдѣльныхъ домохозяевъ (1-й, 21-й, 41-й и т. д. дворъ), для того чтобы выяснитъ истинныя размѣры продовольственной нужды въ Калужской губ. послѣ неурожая 1897 г. (И. Э. Гужовскій и А. Д. Петровскій: «Способы опредѣленія продовольственной и сѣменной нужды» въ изд. И. вол. экон. общ.: «Продовольственный вопросъ въ 1897—1898 гг.» (Спб., 1898 г., стр. 88). Однако, калужскій губернаторъ не разрѣшилъ статистическому отдѣленію произвести указанное изслѣдованіе размѣровъ продовольственной нужды. Вообще, всякая статистика находилась у администраціи подъ подозрѣніемъ и на лицѣ, занимающихся статистикой, представители администраціи смотрѣли, какъ на неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи. Неудивительно, что ни у земства, ни у администраціи никогда не бывало точныхъ данныхъ о размѣрахъ продовольственной нужды, такъ какъ сама администрація не разрѣшала собирать необходимыя свѣдѣнія. При опредѣленіи размѣровъ продовольственной нужды ограничивались отзывами мѣстныхъ людей, показаніями волостныхъ писарей и другими мало достоверными данными. Опредѣленіе размѣровъ продовольственной нужды было производимо чисто канцелярскимъ путемъ. Съ размѣрами истинной нужды совершенно не сообразовались и ее опредѣляли на основаніи чисто формальныхъ признаковъ. Когда продовольственнымъ дѣломъ завѣдывали земства, они заботились о томъ, чтобы выдать крестьянамъ возможно большее количество ссудъ для удовлетворенія неотложной продовольственной и сѣменной нужды.

Однако администрація не довѣряла земству и постоянно урѣзывала и сокращала продовольственныя смѣты. Вся постановка продовольственнаго дѣла сводилась къ открытому торгу—снизу и урѣзкѣ—сверху. Впослѣдствіи оказывалось, что земскія данныя болѣе приближались къ истинѣ, чѣмъ данныя администраціи. Министерству внутреннихъ дѣлъ поневолѣ приходилось отпускать новыя дополнительныя ассигнованія на продовольственныя ссуды.

Результатомъ подобной сокращающей продовольственной политики являлось полуголодное существованіе пострадавшихъ крестьянъ, истощеніе ихъ организма, сильная воспримчивость къ различнымъ заболѣваніямъ, быстрое развитіе эпидемій и усиленная смертность (въ особенности дѣтей и стариковъ, какъ наиболѣе слабосильной части населенія). Исторія послѣднихъ неурожайныхъ лѣтъ въ Россіи даетъ неопровержимыя доказательства, что «сокращающая» продовольственная политика самодержавной бюрократіи вела не только къ экономическому разоренію крестьянскаго населенія, но и къ его физическому вырожденію.

Въ послѣднее время народное продовольствіе было обращено въ одно изъ орудій внутренней политики. Министерство внутреннихъ дѣлъ лишило продовольственной помощи всѣхъ крестьянъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ беспорядкахъ. Начальникъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ В. І. Гурко внесъ въ концѣ 1905 г. въ продовольственный комитетъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ г. Ватаца, предложеніе лишить продовольственной помощи всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые участвовали въ аграрныхъ беспорядкахъ. Комитетъ не принялъ столь нераціональнаго предложенія. Послѣ этого г. Гурко внесъ свое предложеніе въ порядкѣ подчиненности управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново. Предложеніе понравилось Дурново, и въ результатѣ получился извѣстный циркуляръ 11 ноября 1905 г. губернаторамъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, запрещающій выдавать продовольственныя ссуды крестьянамъ, принимавшимъ участіе въ аграрномъ движеніи. Нѣкоторые губернаторы обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ за разъясненіемъ: слѣдуетъ ли лишать продовольственной помощи также и семьи лицъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ беспорядкахъ? Министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинъ въ своемъ отвѣтѣ на запросъ членовъ Государственной Думы сказалъ 12 іюня 1906 г., что лишеніе продовольственной помощи не касалось семействъ крестьянъ, принимавшихъ участіе въ крестьянскихъ беспорядкахъ. Очевидно, г. министръ былъ плохо освѣдомленъ о дѣйствіяхъ мѣстныхъ агентовъ центральной власти и, по всей вѣроятности, онъ забылъ свои собственныя дѣянія въ бытность саратовскимъ губернаторомъ. Въ 25 засѣданіи Государственной Думы (12 іюня 1906 г.) были прочтаны документы, удостовѣрившіе, что мѣстныя власти лишали продовольственной помощи не только отдѣльныхъ крестьянъ, но и ихъ семейства. А. Θ. Аладьинъ прочиталъ слѣдующее сообщеніе изъ Симбирской губерніи: «Земскій начальникъ 1 участка Таушевъ и предсѣдатель земской управы

Пайтусовъ посодѣйствовали лишать пособія семейства лицъ, находящихся въ тюрьмѣ за аграрные безпорядки, а эти аграрные безпорядки были именно въ имѣніи Таушева, стало быть, питають они къ народу месть и злобу, питають ее ко всему крестьянству» *). Это сообщеніе было прислано изъ Курмышскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Подобнаго рода сообщенія нерѣдко приходили также изъ другихъ губерній.

Наконецъ, въ печати была опубликована телеграмма бывшего саратовскаго губернатора П. А. Столыпина балашовскому уѣздному предводителю дворянства, въ которой Столыпинъ дѣлалъ распоряженіе прекратить оказаніе продовольственной помощи всѣмъ селамъ и деревнямъ, принимавшимъ участіе въ аграрномъ движеніи **). Очевидно, что П. А. Столыпинъ довольно скоро забылъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ предпринималъ, будучи саратовскимъ губернаторомъ. Въ Государственной Думѣ (12 іюня) онъ совершенно спокойно заявилъ, что семьи «аграрниковъ» не были лишаемы продовольственной помощи ***)... Замѣтимъ, что ни сообщенія, сдѣланныя въ Думѣ, ни опубликованная телеграмма Столыпина балашовскому предводителю нигдѣ не были опровергнуты.

Подобныя явленія наглядно доказываютъ, до какого разложенія дошла «власть» въ Россіи. То самое народное продовольствіе, которое даже г. министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинъ призналъ дѣломъ громадной государственной важности, было превращено въ простое орудіе внутренней политики. Представители министерства внутреннихъ дѣлъ рѣшили оказывать продовольственную помощь только благонадежнымъ крестьянамъ; у «неблагонадежныхъ» же они вырывали кусокъ хлѣба изо рта. Во многихъ мѣстахъ та же участь постигла не только самихъ «аграрниковъ», но и ихъ семейства. Ослабленные страхомъ за свое будущее, воодушевленные чувствомъ мести, представители «власти» со спокойной совѣстью осуждали на полное экономическое разореніе и на голоданіе не только самихъ аграрниковъ, но и лицъ, совершенно невинныхъ, нисколько не причастныхъ къ аграрному движенію, а именно дѣтей. Местъ бюрократіи была перенесена даже на потомство тѣхъ лицъ, которыя были ненавистны «безпартійнымъ» представителямъ власти...

Мы рассмотрѣли, какъ относились представители центральной и мѣстной бюрократіи къ народному бѣдствію. Мы видѣли, что старый режимъ полнаго административнаго произвола способствовалъ появленію голода въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Причины русскихъ голодоевъ заключались въ «вышей политикѣ». Разсмотримъ теперь вопросъ, какъ относилась бюрократія къ частнымъ благотворителямъ, во имя любви къ ближнему приходившимъ на помощь къ пострадавшимъ?

*) Государственная Дума. Стенографическіе отчеты. 1906 годъ. Сессія первая. Томъ II, стр. 1248—1249.

**) См. открытое письмо А. Тимофеева министру внутреннихъ дѣлъ г. Столыпину отъ 21 іюня 1906 г., въ *Современникъ* 1906 г., № 81 отъ 23 іюня.

***) Госуд. Дума. Стеногр. отчеты, т. II, стр. 1243.

Бюрократія, которая оказывала слишкомъ недостаточную продовольственную помощь пострадавшимъ отъ неурожая крестьянамъ, отрицательно относилась къ частнымъ благотворителямъ. Мѣстные власти постоянно подозрѣвали въ частныхъ благотворителяхъ «крамольниковъ», явившихся для возбужденія мѣстнаго населенія противъ правительства. Всѣхъ лицъ, явившихся въ голодающія мѣстности для оказанія благотворительной помощи, администрація постоянно подозрѣвала въ политической неблагонадежности. Въ силу однихъ подозрѣній, довольно часто ничѣмъ не оправдываемыхъ, администрація ставила всевозможныя стѣсненія дѣятельности благотворителей.

Во время голодовыхъ послѣднихъ десятилѣтій, когда гласность была стѣснена, когда безправное населеніе принуждено было голодать, заболѣвать и объ этомъ, благодаря цензурѣ, никто не могъ знать,—мѣстные власти были заинтересованы въ томъ, чтобы до общества не доходили никакія извѣстія о бѣдственномъ положеніи населенія. Провинціальная администрація, постоянно доносившая въ Петербургъ о «благополучіи» во вѣрренныхъ ей мѣстностяхъ, не терпѣла тѣхъ лицъ, которые желали помочь голодающимъ. Стоитъ вспомнить инцидентъ, произошедшій въ Лукояновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи въ 1891—92 г. Мѣстные уѣздныя «власти» категорически отказывались признать наличность продовольственной нужды въ своемъ уѣздѣ и постоянно сообщали губернатору, что въ ихъ уѣздѣ «все обстоитъ благополучно *). Лукояновскій инцидентъ является простою иллюстраціей отношенія мѣстной бюрократіи къ нуждамъ народа.

Какъ относилось мѣстное «начальство» къ частной благотворительности въ 1891 г., видно изъ слѣдующаго факта. Земскій начальникъ 5-го участка, Цивильскаго уѣзда, Казанской губерніи г. Есиповъ особымъ предписаніемъ за № 4711 запретилъ крестьянамъ своего участка брать муку, пожертвованную купцомъ Каретниковымъ. Въ качествѣ мотивовъ г. земскій начальникъ приводилъ слѣдующіе доводы: 1) по слухамъ, мука раздается неправильно, а 2) (что самое главное) г. земскій начальникъ откровенно признается, что онъ не терпитъ, когда кто-либо другой распоряжается въ его участіѣ **).

Въ голодный 1898—1899 г. частная благотворительность также встрѣчала разнообразныя препятствія и подозрительное къ себѣ отношеніе. Такъ какъ центральное правительство отказывалось признавать существованіе въ Россіи голода, а признавало лишь «недородъ», то въ теченіе долгаго времени нельзя было даже помѣщать въ газетахъ воззванія о помощи голодающимъ и собирать пожертвованія. Мѣстные корреспонденты столичныхъ

*) *Владиміръ Короленко*: „Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія и замѣтки“ (4-е изд., Спб., 1902 г.), стр. 43, 60 и слѣд.

**) *Вл. Мичневичъ*: „Черные дни. Изъ поѣздки по шести губерніямъ, пострадавшимъ отъ неурожая въ концѣ 1891 года. Наблюденія и замѣтки“, (Спб., 1892 г.), стр. 91.

газетъ, сообщавшіе о надвигающемся народномъ бѣдствіи, находились на плохомъ счету у мѣстной администраціи. На этихъ корреспондентовъ, не желавшихъ скрывать истинное положеніе вещей, провинціальная администрація смотрѣла, какъ на нарушителей общественнаго спокойствія, и видѣла въ нихъ почти бунтовщиковъ и агитаторовъ.

Какъ отзывалась на положеніи голодающихъ такая политика бюрократіи? Общество не могло составить себѣ правильнаго представленія о дѣйствительныхъ размѣрахъ народнаго бѣдствія и поэтому относилось сравнительно равнодушно къ бѣдственному положенію голодающей деревни. Въ то время, какъ голодъ уносилъ все болѣе и болѣе жертвъ, частная благотворительность не могла выступить на борьбу съ нимъ: не было ни средствъ, ни людей, которые приняли бы на себя тяжелую обязанность работать на голодѣ. Наконецъ, когда народнаго бѣдствія уже нельзя было скрывать, когда въ различныхъ губерніяхъ появились десятки тысячъ больныхъ цынгой и тифомъ, — мѣстная администрація принуждена была признать народное бѣдствіе и разрѣшить частнымъ благотворителямъ оказывать продовольственную и медицинскую помощь голодающимъ. Безъ полицейскаго разрѣшенія русское общество не имѣло права кормить голодающихъ. Для западно-европейскаго общества, незнакомаго съ условіями русской жизни, должно казаться дикимъ и невѣроятнымъ, что нужно получить разрѣшеніе для того, чтобы имѣть право накормить голодающаго. Между тѣмъ, эти дикіе взгляды находили себѣ примѣненіе въ очень многихъ мѣстностяхъ Россіи.

Даже послѣ неурожая 1905 г., когда дѣлались приготовленія къ созыву Государственной Думы, и, наконецъ, даже тогда, когда Государственная Дума функционировала, мѣстная администрація ставила благотворителямъ постоянныя препятствія въ борьбѣ съ голодомъ и въ значительной степени парализовала починъ со стороны частныхъ лицъ и обществъ *). Всевозможныя стѣсненія частной благотворительности заставили 65 членовъ Государственной Думы сдѣлать 13 мая 1906 г. запросъ министру внутреннихъ дѣлъ. Въ своемъ отвѣтѣ на этотъ запросъ министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что препятствіе въ дѣлѣ оказанія благотворительной помощи встрѣтили тѣ лица, которыя помимо благотворительной дѣятельности были уличены въ дѣятельности другого рода, за что были арестованы и привлечены къ судебной отвѣтственности. Въ своей рѣчи Столыпинъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Мнѣ кажется, насколько нелѣпо было бы ставить препятствія частнымъ лицамъ въ области помощи голодающимъ, настолько преступно было бы бездѣйствіе власти по отношенію къ лицамъ, прикрывающимся благотворительностью въ цѣляхъ противозаконныхъ».

*) Нѣкоторыя данныя о препятствіяхъ со стороны администраціи содержатся въ „Предварительномъ отчетѣ о дѣятельности Московскаго комитета общественной помощи голодающимъ за 1905—6 г.“, стр. 4, 6—9.

Въ отвѣтъ на это депутаты В. И. Долженковъ и А. В. Васильевъ привели много фактовъ, доказывающихъ, что при стѣсненіяхъ частной благотворительности мѣстная администрація руководствовалась не дѣйствительной политической неблагонадежностью благотворителей, а простымъ заподозриваніемъ всѣхъ благотворителей въ политической неблагонадежности.

Министръ внутреннихъ дѣлъ назвалъ преступнымъ бездѣйствіе власти, не преслѣдующей агитаторовъ. Но какъ же назвать ту власть, которая безъ малѣйшаго повода запрещаетъ людямъ благотворить? Это не только преступное превышеніе власти; это — анархія и разрушеніе страны самими правительственными органами. Это вѣрно подмѣтилъ Ф. И. Родичевъ, который въ отвѣтъ на рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ заявилъ: «До тѣхъ поръ, пока каждый изъ насъ на каждомъ шагѣ опутанъ разрѣшеніями, до тѣхъ поръ никакая борьба съ голодомъ никогда не будетъ удачна... До тѣхъ поръ, пока во главѣ власти стоятъ люди, допускающіе тотъ принципъ, который развратилъ всю администрацію, до тѣхъ поръ, пока стоятъ люди, отстаивающіе это гибельное прошлое, до тѣхъ поръ бесплодны будутъ ассигновки ваши, до тѣхъ поръ голодъ и отчаяніе — вотъ будущее нашей земли!» *).

Дѣйствительно, если министерство не въ состояніи отличить филантропію отъ политики, если представителямъ администраціи совершенно чуждо простое чувство состраданія и любви къ ближнему, если эти представители стараго режима во всемъ усматриваютъ фантомъ «кромолы», то никакая борьба съ голодомъ со стороны частныхъ благотворителей невозможна. Затрудненія, которыя администрація ставитъ частной благотворительности, удаляютъ общество отъ оказанія благотворительной помощи и въ высшей степени вредно отзываются какъ на самомъ обществѣ, такъ и на голодающихъ. При разсмотрѣніи этого вопроса нельзя упускать изъ виду моральную точку зрѣнія. Тѣ представители власти, которые стѣсняли частную благотворительность, какъ бы содѣйствовали погашенію и заглушенію святого чувства любви къ ближнему. Эти представители власти не остановились даже передъ грубымъ вмѣшательствомъ въ такое индивидуальное дѣло, какъ помощь голодающимъ. Даже въ святомъ дѣлѣ помощи ближнимъ постоянно слышался грубый начальническій окрикъ: «Quos ego!»

Изъ отношенія правительства къ частнымъ благотворителямъ наглядно видно, какое огромное значеніе въ дѣлѣ появленія и развитія голодovie имѣютъ политическія условія.

Голодовки въ Россіи постоянно обострялись вслѣдствіе того, что забота объ обезпеченіи народнаго продовольствія была возложена на чиновниковъ, получавшихъ свои деньги отъ народа и въ благодарность за эти презиравшихъ народъ. Министры внутреннихъ дѣлъ, на которыхъ былъ

*) Государственная Дума. Стенографическіе отчеты. Т. II, стр. 1,251.

возложена главная забота объ обезпеченіи народнаго продовольствія, дѣлали настоящій искусственный подборъ чиновниковъ въ своемъ вѣдомствѣ. Такіе столпы реакціи, какъ гр. Д. А. Толстой и его преемники, не допускали въ своемъ вѣдомствѣ никакого «вольнодумства». Губернаторы должны были слѣпо исполнять приказанія изъ Петербурга, не имѣя права заботиться о благосостояніи мѣстнаго населенія. Если же среди высшей мѣстной администраціи встрѣчались иногда независимые люди, отзывчиво относящіеся къ народному бѣдствію, центральная администрація немедленно ихъ удаляла. Напримѣръ, въ голодный 1891—2 г. былъ смѣщенъ Саратовскій губернаторъ генераль-лейтенантъ А. И. Косичъ за то, что онъ горячо отнесся къ бѣдствіямъ голодающихъ и постарался оказать имъ возможно широкую помощь. Этотъ честный человекъ, свободный отъ бюрократическаго формализма, оказался неподходящимъ къ должности губернатора. На «почтенной» должности губернатора должны были быть, въ качествѣ общаго правила, только администраторы-крѣпостники, энергично проводящіе реакціонную политику. Взглядамъ А. И. Косича придали несоответственное толкованіе, объявили его вторымъ Пугачевымъ и удалили со службы по министерству внутреннихъ дѣлъ. Такъ относились прислужники стараго режима къ наиболѣе просвѣщеннымъ, наиболѣе умнымъ и независимымъ людямъ. Представители центральной власти на мѣстахъ ни передъ кѣмъ не отвѣчали за развитіе болѣзней на почвѣ голода въ подвѣдомственныхъ имъ губерніяхъ. Они должны были сокращать продовольственные смѣты и не смѣли запрашивать слишкомъ много денегъ на организацію продовольственной помощи. Наиболѣе ревностные администраторы доходили даже до того, что взыскивали подати съ голодающихъ крестьянъ, причемъ взысканіе налагали на хлѣбъ, выданный крестьянамъ въ ссуду отъ земства. Какъ центральная, такъ и провинціальныя власти употребляли всѣ усилія не къ тому, чтобы поддержать экономическое благосостояніе крестьянъ, а къ тому, чтобы содѣйствовать его дальнѣйшему паденію.

Даже въ концѣ XIX вѣка въ Россіи бывали случаи голодной смерти. Объ этомъ свидѣтельствуютъ много авторовъ, написавшихъ очерки голодныхъ 1891—2 и 1898—9 гг., напримѣръ, В. Г. Короленко, В. И. Якимовъ и др. *) Невольно напрашивается сопоставленіе русскихъ голодoвъ съ индійскими. Англійское правительство заявило (во время голода 1873—1874 г.), что лица, которымъ ввѣрено дѣло помощи пострадавшимъ отъ неурожая, будутъ лично отвѣтственными за всякій смертный случай отъ голода, происшедшій вслѣдствіе ихъ недостаточной распорядительности. Между тѣмъ въ Россіи губернаторы и министры внутреннихъ дѣлъ ни передъ кѣмъ не были отвѣтственными за смертный случай отъ голода.

*) Влад. Короленко: „Въ голодный годъ“ (Спб., 1902), стр. 348—349; А. А. Корниловъ: „Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ. Отчетъ о помощи голодавшимъ нѣкоторыхъ мѣстностей Моршанскаго и Кирсановскаго уѣздовъ, Тамбовской губерніи, въ 1891—92 г.“ (М., 1893), стр. 20; Вас. Якимовъ: „По слѣдамъ голода. Изъ воспоминаній“ (Спб., 1903), стр. 26, 27.

Мы выяснили связь между политическим строем данной страны развитием голодовокъ. Представители стараго режима боролись не съ голодомъ, а съ голодающими; они не предпринимали никакихъ мѣръ къ тому, чтобы предупредить самую возможность появленія голодовокъ; наоборотъ своею безразсудною дѣятельностью они создавали почву для голода. Для предупрежденія голодовокъ необходимо поднятіе экономическаго благосостоянія сельскаго населенія, необходимо улучшеніе сельскаго хозяйства, рациональное развитіе обрабатывающей промышленности, устройство дорогихъ путей сообщенія, правильная организація хлѣбной торговли, правильная постановка страхового дѣла, цѣлесообразное устройство благотворительности. Что же сдѣлано на этомъ поприщѣ?

Правительство заботилось о созданіи цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ; однако, одною изъ наиболѣе слабыхъ сторонъ желѣзнодорожнаго движенія грузовъ были огромныя залежи хлѣба, предназначавшагося въ голодающія мѣстности; кромѣ того, въ настоящее время въ Россіи имѣются иныя мѣстности, слишкомъ удаленныя отъ желѣзнодорожныхъ линій. Главнымъ способомъ передвиженія грузовъ тамъ является гужевой. При неудачномъ состояніи дорогъ нерѣдко случается, что въ этихъ мѣстностяхъ доставка продовольственнаго и сѣменнаго хлѣба слишкомъ замедляется. Поэтому въ Россіи еще до сихъ поръ можно наблюдать чрезвычайно колебаніе хлѣбныхъ цѣнъ въ различныхъ, отдаленныхъ другъ от друга мѣстностяхъ. Въ этому присоединяются недостатки неправильной организаціи хлѣбной торговли.

По отношенію къ Россіи до сихъ поръ нельзя было говорить объ улучшеніи сельскаго хозяйства; съ большимъ правомъ можно было бы суждать о его паденіи. Неурожаи оказывали въ Россіи свое губительное вліяніе, въ особенности потому, что въ Россіи не было разнообразія земледѣльческихъ культуръ, при которомъ неурожаи однихъ хлѣбовъ уравновѣшивался бы урожаемъ другихъ. Улучшеніе сельскаго хозяйства возможно только при переходѣ къ болѣе усовершенствованнымъ приемамъ обработки почвы, при переходѣ къ высшимъ системамъ хозяйства. Между тѣмъ, въ Россіи мало сдѣлано для перехода отъ экстенсивной системы земледѣлія къ интенсивной. Переходъ же къ интенсивной системѣ земледѣлія далъ бы въ руки сельскаго населенія средства бороться съ причинами неурожаевъ въ Россіи. Наконецъ, ни о какомъ переходѣ къ интенсивной системѣ нельзя говорить до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранено малоземелье, чрезвычайно развитое въ Россіи. Между тѣмъ, для устраненія малоземелья правительство не предпринимало почти никакихъ мѣръ.

Рациональное развитіе промышленности въ Россіи дало бы правительству возможность отвлекать извѣстную часть населенія отъ земледѣлія и доставлять ей заработокъ въ промышленности. Однако, рациональное развитіе обрабатывающей промышленности выродилось въ Россіи въ усиленный протекціонизмъ, причемъ въ жертву искусственно насаждавшейся крупной промышленности были принесены интересы мелкой промышленности.

ности и интересы сельскаго хозяйства. Такое направленіе финансово-экономической политики еще болѣе содѣйствовало объединенію наименѣе состоятельныхъ слоевъ населенія.

Что касается вопроса о широкой постановкѣ страхового дѣла, то въ Россіи существовало лишь факультативное страхованіе сельскохозяйственныхъ посѣвовъ отъ градобитій. Въ этому виду страхованія прибѣгали только наиболѣе состоятельныя лица; главная же масса сельскаго населенія ничѣмъ не была застрахована отъ дѣйствія разнообразныхъ причинъ неурожаевъ.

Насколько цѣлесообразно была организована благотворительность, мы уже говорили выше. Правительство употребляло всѣ свои силы для того, чтобы не допустить частныхъ благотворителей въ голодающія мѣстности для оказанія продовольственной и медицинской помощи. Во время всѣхъ голодovieвъ при старомъ режимѣ правительство стѣсняло дѣятельность частныхъ благотворителей, опасаясь распространенія «крамолы». Что же касается официальной благотворительности Краснаго Креста, то дѣятельность Краснаго Креста приносила извѣстную пользу, но далеко не ту, какая требовалась. Дѣятельность Краснаго Креста смягчала бѣдствія голодовки, хотя и въ недостаточномъ размѣрѣ; съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду отрицательныя стороны официальной благотворительности. Напримѣръ, въ голодный 1891—2 г. въ Самарской губерніи возникали недоразумѣнія между Краснымъ Крестомъ и частными благотворительными организаціями. Самарскій губернаторъ требовалъ даже официальныхъ объясненій по поводу того что самарскій частный кружокъ кормилъ голодающее населеніе гораздо лучше, чѣмъ столовыя Краснаго Креста. Губернаторъ какъ бы настаивалъ на прекращеніи выдачи достаточнаго для нормальнаго питанія пайка (въ столовыхъ частнаго кружка), мотивируя свое требованіе тѣмъ, что худшая пища въ столовыхъ Краснаго Креста вызываетъ кривотолки населенія и возбуждаетъ сужденіе о томъ, что частная организація лучше заботится о населеніи, чѣмъ учрежденіе, состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ; это можетъ даже вызвать волненія *)...

Въ голодный 1898—99 г. представители Краснаго Креста, пріѣхавшіе спасать голодающее населеніе Самарской губ., ознаменовали свое пребываніе въ Самарѣ гомерическими кутежами, разгулами и оргіями **). Въ то же самое время въ отрядахъ Краснаго Креста нехватало самыхъ необходимыхъ медикаментовъ, и на ходатайства медицинскаго персонала о присылкѣ медикаментовъ Красный Крестъ въ теченіе долгаго времени не отвѣчалъ ничего или же ссылался на недостатокъ денежныхъ средствъ ***). Нако-

*) „Государственная Дума. Стенографическіе отчеты“. Т. II, стр. 1,251 (рѣчь представителя Самарской губ., П. П. Крылова).

***) А. С. Пруцкинъ: „Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898—99 г.“ (М., 1906), стр. 177.

****) Ibidem, стр. 51.

вещь, столовая Краснаго Креста для «лицъ съ ослабленнымъ питаніемъ» были учреждены слишкомъ поздно и, благодаря крайне недостаточнымъ продовольственнымъ нормамъ, не могли задержать развитія цынги.

Такимъ образомъ, мѣропріятія правительства, направленные на устраненіе причинъ голодовъ въ Россіи, совершенно отсутствовали. Экономическое благосостояніе сельскаго населенія находилось на крайне низкомъ уровнѣ. Своею финансовою политикою правительство еще болѣе понижало уровень благосостоянія сельскаго населенія. Платежеспособность населенія была чрезвычайно напряжена. При помощи обременительныхъ податей и налоговъ правительство отбирало у населенія всѣ его наличныя средства и не давало огромной массѣ крестьянъ возможности сдѣлать какія-либо сбереженія на черный день. По мѣрѣ того, какъ государственный бюджетъ все болѣе и болѣе разрастался и превысилъ уже два миллиарда рублей, правительство все сильнѣе надавливало прессъ для выжиманія налоговъ и податей. Результаты подобной политики были самыя плачевныя. Населеніе, не имѣющее никакихъ сбереженій на случай неурожая, при первомъ же недородѣ оказывалось на краю гибели. Правительство должно было оказывать продовольственную помощь огромнымъ массамъ сельскаго населенія, такъ какъ послѣднимъ угрожали голодная смерть въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ происходило подкармливаніе голодающихъ на государственный счетъ. Официально, по точной буквѣ мертваго закона, эта кормежка на государственный счетъ называлась выдачею продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудъ. Однако, о какихъ ссудахъ можно говорить, когда по той же буквѣ закона продовольственная помощь оказывается лишь наименѣ кредитоспособнымъ? Дѣйствующія временныя продовольственныя правила 12 іюня 1900 г. отъ первой до послѣдней статьи совершенно не соответствовали требованіямъ жизни. Благотворительность была плохо прикрыта названіемъ ссудъ.

Такъ называемыя продовольственныя и сѣменныя ссуды за послѣднее время въ большинствѣ случаевъ фактически превращались въ безвозвратныя. Не только мѣстные хлѣбныя запасы и денежныя продовольственныя капиталы безслѣдно исчезали послѣ неурожайныхъ лѣтъ, но такая же участь часто постигала и общеимперскій продовольственный капиталъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ неоднократно принуждено было испрашивать новыя ассигнованія изъ государственнаго казначейства на подкрѣпленіе общеимперскаго капитала. Со времени образованія общеимперскаго продовольственнаго капитала (т.-е. съ 1867 г.) только одна сумма въ 3.229,224 руб., занятая въ 1881 г., была полностью возвращена въ казну. Послѣдующія неоднократныя позаймствованія изъ казны во время неурожайныхъ лѣтъ 90-хъ годовъ XIX в. и перваго десятилѣтія XX в. были почти полностью слагаемы со счетовъ, въ виду невозможности взыскать ссуды съ неплатежеспособныхъ должниковъ. Во время голода 1891—92 гг. на пополненіе средствъ общеимперскаго капитала было отпущено изъ государственнаго казначейства 148.500,000 р.; изъ нихъ населеніе уплатило

немного болѣе 10%, а остальная сумма была сложена со счетов *)). Та же участь постигла отпущенную въ 1898 г. сумму въ 34 мил. руб. Неурожай начала XX в. не только истощили мѣстные средства и общеперскай капиталъ, но постоянно требовали все новых и новых ассигнований изъ средствъ государственнаго казначейства. Въ 1902 г. было отпущено 6.200,000 р., въ 1905 г.—около 60 мил. р., въ 1906 г.—около 65 мил. р. (15 м., ассигнованныхъ Государственной Думой, и выпускъ государственной ренты на 50 мил. руб.). Въ 1907 г. предстоитъ новая крупная ассигновка изъ государственнаго казначейства на сумму около 80 мил. руб. **).

Такие результаты не должны казаться удивительными, такъ какъ причины крушенія дѣйствующей продовольственной системы заключались въ ней самой, въ ея основномъ принципѣ самопомощи. По дѣйствующимъ временнымъ продовольственнымъ правиламъ помощь могла быть оказываема въ видѣ краткосрочной безпроцентной ссуды только наименѣе кредитоспособнымъ должникамъ. Вызвать съ нихъ выданныя раньше ссуды не представлялось возможнымъ, въ виду крайняго упадка ихъ хозяйствъ. Слѣдовательно, государственное казначейство не могло и не можетъ рассчитывать на то, что податные нищія когда-либо уплатятъ ему свои долги. До нищеты же населеніе было доведено нераціональною финансово-экономическою политикою правительства.

Какъ въ настоящее время, такъ и въ ближайшемъ будущемъ нельзя избѣжать бѣдственнаго вліянія крупныхъ неурожаевъ. Вопросъ еще болѣе обостряется тѣмъ, что неурожай въ Россіи, сопровождаемые голодовками, все болѣе и болѣе учащаются. Въ 1842 г. правительство констатировало, что неурожай повторяются черезъ каждыя 6—7 лѣтъ. Черезъ нѣсколько десятилѣтій Высочайше учрежденная 26 мая 1872 г. коммиссія для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи засвидѣтельствовала, что неурожай въ Россіи стали появляться еще чаще; а именно, одинъ неурожай въ каждыя 4—5 лѣтъ считался уже нормальнымъ явленіемъ ***).

По отдѣльнымъ губерніямъ среднее количество неурожаевъ за опредѣ-

*) См. „Отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1896 г.“. Ч. II, прил. 10, стр. 1340—1341, 1346—1347 (Спб., 1897 г.).

**) Поэтому, можно согласиться съ мнѣніемъ С. П. Шликевича, что борьба съ бѣдствіемъ въ неурожайные годы „сводится не къ хозяйственной поддержкѣ платежныхъ силъ страны, а къ благотворительности, плохо замаскированной названіемъ „ссуды“. См. докладъ С. П. Шликевича, представленный въ уфимскій губернский комитетъ о нуждахъ сел. хоз. пром., подъ заглавіемъ: „О мелкомъ кредитѣ и реорганизации продовольственнаго дѣла“, въ „Трудахъ мѣстныхъ комитетовъ“, т. XLIV, Уфимская губ. (Спб., 1903), стр. 7.

***) Докладъ Высочайше учрежденной коммисіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи (Спб., 1873 г.), т. I. Докладъ. Журналъ, стр. 41.

ленный периодъ времени сильно возрастаетъ. Въ мѣстныхъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности неоднократно свидѣтельствовали, что многія губернія, бывшія раньше житницей Россіи, стали все чаще и чаще подвергаться крупнымъ неурожаямъ. Если ознакомиться съ «Трудами мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности» по Вятской, Оренбургской, Пермской, Симбирской и др. губерніямъ, то въ нихъ можно найти много данныхъ, доказывающихъ, что неурожай значительно участился въ указанныхъ губерніяхъ *)).

Наконецъ, если мы обратимся къ даннымъ центрального статистическаго комитета, помѣщаемымъ въ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ: «Статистика Россійской имперіи», то намъ придется констатировать, что за послѣднее десятилѣтіе (съ 1896 по 1905 г.) неурожай случался по три раза (т.-е. приблизительно черезъ три года) въ шести губерніяхъ: Таврической, Рязанской, Симбирской, Уфимской, Астраханской и въ Донской области; въ двухъ губерніяхъ (Самарской и Оренбургской) сильный неурожай въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ случился по четыре раза. Такимъ образомъ, въ отдѣльныхъ губерніяхъ за послѣднее время неурожай стали повторяться черезъ 2—3 года. Благодаря указаннымъ выше политическимъ причинамъ, болѣе или менѣе сильные неурожай сопровождались голодовками. Для того чтобы спасти населеніе только отъ голодной смерти, правительство было принуждено дѣлать ассигновки изъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ десятковъ милліоновъ рублей; ни о какомъ поддержаніи экономическаго благосостоянія пострадавшаго населенія правительство не заботилось. Этимъ оно подготавливало для будущаго времени все новыхъ и новыхъ кандидатовъ на правительственный паекъ. Если не принимать мѣръ къ поднятію экономическаго благосостоянія сельскаго населенія, если не снять путы, стѣсняющія самостоятельность этого населенія,—то кормежка на государственный счетъ можетъ продолжаться до безконечности. Въ результатъ—никакихъ средствъ государственнаго казначейства не можетъ хватить. Съ логической необходимостью мы приходимъ къ выводу, что прежняя политика должна быть совершенно измѣнена. Грозный вопросъ: что дѣлать?—встаетъ во всемъ своемъ величіи. На этотъ вопросъ можетъ быть данъ одинъ отвѣтъ: необходимо устранить политическія причины голодовъ, а вслѣдъ за политической реформой произвести и социальную.

Сэръ Вильямъ Винтеръ, историкъ голодовъ въ Индіи, приходитъ къ выводу, что весь обширный списокъ средствъ, необходимыхъ для побѣды надъ грубыми силами природы, конкретно выражается въ слѣдующихъ четырехъ словахъ: «просвѣщенная администрація и современная цивилизація». Гдѣ существуютъ эти специфическія средства противъ голода, тамъ

*) См. «Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности», тт. X, XXVII, XXX, XXXVIII и др.

неурожаи не сопровождается гибелью людей и не переходитъ въ голодъ; гдѣ ихъ нѣтъ,—самыя усиленныя заботы правительства могутъ только смягчить или ослабить интенсивность голода, но никогда не устранять его печальныхъ послѣдствій *). Ни перваго, ни втораго условія дѣйствительной борьбы съ голодами въ Россіи не существовало по политическимъ причинамъ. Представители стараго режима видѣли свои задачи только въ охраненіи порядка, причѣмъ подъ порядкомъ они подразумѣвали «полноправное, охватывающее всѣ сферы человѣческой дѣятельности, владычество самодержавія администраціи до низшихъ ея властей».

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ никакого дѣйствительнаго порядка не было, а было лишь разрушеніе страны, усердно производимое различными органами администраціи. Все государственное управленіе при существованіи полицейскаго абсолютизма сводилось къ безграничному административному произволу властей, заботящихся только о своей служебной карьерѣ и оставлявшихъ безъ всякаго вниманія насущныя нужды народа.

Депутатъ отъ Кутанской губерніи Рамишвили высказалъ въ засѣданіи Государственной Думы 23 іюня вполне справедливое мнѣніе социаль-демократической фракціи, что одною изъ главныхъ причинъ крестьянскихъ голоденокъ является безконтрольное хозяйничанье самодержавнаго правительства, распоряжающагося всѣми средствами изъ народнаго кармана, отрывающаго множество рабочей силы на военную и полицейскую службу и своей опекой мѣшающаго развитію хозяйственныхъ силъ крестьянства; что невозможно допустить ни малѣйшаго прикосновенія къ дѣлу помощи голодающимъ правительства и администраціи, являющихся истинными виновниками голоденокъ, тратящихъ народныя деньги на войну съ народомъ и мѣшающихъ дѣйствіямъ лицъ и общественныхъ организацій оказывать крестьянамъ продовольственную помощь **).

Политическія причины голоденокъ въ Россіи не могутъ быть устранены до тѣхъ поръ, пока въ Россіи не будетъ отвѣтственнаго передъ народными представителями министерства. Лишь то министерство, которое будетъ состоять изъ членовъ партій, располагающихъ въ Государственной Думѣ большинствомъ голосовъ, будетъ сообразоваться съ нуждами народа и проводить такую политику, которая будетъ направлена на поднятіе экономическаго благосостоянія населенія, а не на постоянную войну съ народомъ.

Мы сказали, что, кромѣ политической реформы, необходима еще социальная. Вернеръ Зомбартъ справедливо выставляетъ идеаломъ социальной политики, въ широкомъ смыслѣ этого слова, «высшее развитіе производительныхъ силъ, достиженіе котораго необходимо требуется въ интересахъ культурнаго прогресса» ***).

*) Е. Ламанскій: „Индія. I. О неурожаяхъ въ Индіи“ (Спб., 1893), стр. 82—83.

**) Государственная Дума. Стенографич. отчеты. 1906 г., т. II, стр. 1674.

***) В. Зомбартъ: „Идеалы социальной политики“ (1905 г., изд. 2-е), стр. 58.

Дѣйствительно, если цѣлью соціальной политики будетъ хозяйственная система наивысшей производительности, то этимъ самымъ политикой и самаго государства будетъ направлена на достиженіе такой организационно-экономической жизни, при которой получается наивысшая плодотворность общественной работы. Только такое правительство, которое будетъ держиваться здоровой соціальной политики, которое будетъ содѣйствовать народу въ его стремленіи впередъ къ свѣту и свободѣ,—сумѣетъ провести реформы, необходимыя для устраненія голодовъ въ Россіи.

И. Сухоплосовъ.

Къ университетскому вопросу.

Послѣ долгой реакціи университеты, наконецъ, добились автономіи.

Соціально-политическія условія нашей жизни, при которыхъ совершилось это важное событіе, были въ высшей степени тяжелы; не менѣе, если не болѣе, тяжелыми остаются они и до сихъ поръ.

Но, какъ бы то ни было, передъ университетами немедленно выдвинулась одна изъ главнѣйшихъ задачъ, потребовавшихъ серьезнаго разрѣшенія, — именно *пересмотръ всей организаціи учебнаго дѣла*, устраненіе крупныхъ недочетовъ, накопившихся въ ней за долгое время, и проложеніе путей для радикальной ея реформы, и притомъ реформы гибкой, каковая могла бы считаться съ дальнѣйшимъ ростомъ наукъ, съ эволюціей общества и съ разнообразіемъ тѣхъ запросовъ, которые предъявляютъ къ университету его слушатели и т. д., и т. д.

И вотъ университеты, а также и другія высшія школы передѣляли уже свое прежнее преподаваніе на такъ называемое «предметное».

Въ частности, историко-филологическій факультетъ Московскаго университета рѣшилъ не ограничиваться лишь частичными измѣненіями въ прежде дѣйствовавшей системѣ преподаванія, но выработать проектъ радикальной реформы факультетскаго строя, между прочимъ, съ введеніемъ въ него цѣлаго ряда наукъ съ другихъ факультетовъ.

Проектъ этотъ уже съ нынѣшней осени вводится въ дѣйствіе, сообщая жизни факультета новый, необычный видъ.

Несомнѣнно, что уже первый годъ дѣйствія этого проекта дастъ много цѣннаго матеріала для его дальнѣйшаго усовершенствованія, причемъ нѣкоторые довольно любопытные симптомы наблюдаются уже и теперь.

Во всякомъ случаѣ, историко-филологическіе факультеты всегда были главными представителями общественно-гуманитарныхъ знаній, широкое распространеніе которыхъ теперь болѣе чѣмъ когда бы то ни было желательно; а потому позволю себѣ, какъ участникъ въ работѣ по указанной реформѣ, познакомить читателей *Русской Мысли* съ нѣкоторыми идеями и подробностями нашего проекта *).

*) При этомъ мнѣ придется неоднократно обращаться къ нѣкоторымъ положеніямъ моей статьи „Мысли о реформѣ университетскаго строя на основѣ предметной“

I.

Мы исходимъ изъ того воззрѣнія на университетъ, въ силу котораго университетъ, прежде всего, является ученымъ учрежденіемъ для разработки наукъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ задачи университета входитъ сообщеніе высшаго научнаго образованія какъ общаго, такъ и спеціальнаго, а въ частности и такого, которое могло бы быть пригоднымъ въ той или иной формѣ для будущихъ профессиональныхъ дѣятелей.

Такимъ образомъ, функціи университета довольно сложны и многообразны; ихъ осуществленіе, разумѣется, не можетъ быть равномернымъ и въ одинаковой степени успѣшнымъ во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ.

Но тѣмъ не менѣе это разнообразіе функцій университета должно за нимъ остаться на долгое время въ зависимости не только отъ потребностей страны, но и отъ современнаго состоянія наукъ, въ силу котораго общеобразовательные и спеціально-научные моменты въ преподаваніи и усвоеніи наукъ тѣсно связаны другъ съ другомъ и безъ взаимной поддержки въ настоящее время невысказаны.

Что касается потребностей страны, то вполне естественно, чтобы университетъ приносилъ ей какъ можно больше пользы, и вполне желательно, чтобы между университетомъ и обществомъ всегда поддерживалась живая связь.

Въ этомъ ведутъ и могутъ вести многіе пути.

Такъ, съ общественной точки зрѣнія весьма важно постоянное *ослаженіе состава университетскихъ слушателей* учащимися обоюдо пола, различныхъ національностей и съ различной предварительной подготовкой. Но оно не менѣе важно и съ чисто университетской точки зрѣнія: поскольку эти разнородные элементы приходятъ въ ближайшее соприкосновеніе съ преподавателями на почвѣ научныхъ занятій, они заставляютъ преподавателя избѣгать шаблонности въ преподаваніи, быть осмотрительнымъ въ сортировкѣ научнаго матеріала и въ выборѣ темъ для занятій, наконецъ, — самое главное, — вызываютъ въ немъ стремленіе къ ясному и простому изложенію даже наиболѣе сложныхъ и общихъ проблемъ науки *).

Съ другой стороны, если университетъ не можетъ и не долженъ имѣть своей прямой задачей подготовку профессиональныхъ дѣятелей (наприм., преподавателей средней школы), то всетаки для него не безразлично, что-

системы" (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1906 г., мартъ, въ отдѣлѣ „Современная жизнь“). Оговорюсь, что статья эта, написанная въ связи съ работами факультета по реформѣ, была рассчитана по преимуществу на преподавателей гуманитарныхъ наукъ въ высшихъ школахъ, и потому многія изъ ея положеній не требовали обширныхъ иллюстрацій.

*) Несомнѣнно, между прочимъ, что и наша зарождающаяся „University extension“ (публичныя лекціи, высшіе женскіе курсы, въ послѣднее время „Народный университетъ“) успѣла уже послужить въ этомъ отношеніи большую службу многимъ университетскимъ преподавателямъ, особенно молодымъ.

бы въ гибкой системѣ университетскихъ курсовъ и занятій будущіе профессиональные дѣятели нашли для себя свѣдѣнія полезныя и отчасти необходимыя и, главное, чтобы они еще на университетской скамьѣ прониклись духомъ научной критики и приучились къ самостоятельной (хотя бы и не слишкомъ сложной) научной работѣ.

Внесеніе университетскихъ вѣяній, наприм., въ преподаваніе въ средней школѣ, во всякомъ случаѣ, не лишено значенія ни для общества, ни для самого университета.

Если мы теперь перейдемъ на почву чисто академическую, то и съ этой точки зрѣнія университету долго придется оставаться *средоточіемъ какъ спеціальною, такъ и общаю образованія.*

Возьмемъ обширнѣйшую область гуманитарно-общественныхъ наукъ, преподаваемыхъ въ настоящее время по преимуществу на историко-филологическомъ и юридическомъ факультетахъ.

Трудно представить себѣ такіе общіе курсы по этимъ наукамъ, которые можно было бы сколько-нибудь сносно усвоить безъ фактическихъ иллюстрацій, иногда довольно сложныхъ, и безъ справокъ въ смежныя области знанія; а эти справки въ свою очередь также требуютъ фактическихъ подтвержденій.

Болѣе того, усвоеніе хотя бы небольшой группы общихъ курсовъ по смежнымъ предметамъ (наприм., по отдѣламъ исторіи, исторіи литературы, исторіи философіи, элементовъ правовѣдѣнія и политической экономіи) положительно невозможно безъ систематическихъ упражненій почти по всемъ этимъ предметамъ. Только эти упражненія сдѣлаютъ для участниковъ въ нихъ, при извѣстномъ, можетъ даже и значительномъ, умственномъ усиліи съ ихъ стороны, жизненными нѣкоторые наиболее существенные методы и проблемы указанныхъ наукъ и отчасти выяснятъ внутреннюю связь между самими науками.

Но какъ бы ни элементарны были подобныя занятія, помогающія усвоенію общаго образованія, они уже вносятъ въ это образованіе начало спеціализаціи.

Слѣдовательно, для студента *общее идетъ рука объ руку со спеціальнымъ.*

То же самое происходитъ и съ преподавателемъ. Конечно, для университета очень важно имѣть такихъ талантливыхъ и опытныхъ преподавателей, которые могли бы съ возможной простотой, ясностью и живостью излагать самыя трудныя и общія темы своей науки. Но какими трудомъ дается такая опытность даже самымъ блестящимъ университетскимъ дѣятелямъ!

Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать, чтобы самая организація университетскаго преподаванія позволяла преподавателю шире, чѣмъ до сихъ поръ, развѣртывать свои знанія, не обрекала бы его на повтореніе изъ года въ годъ однихъ и тѣхъ же общихъ курсовъ, но давала бы ему возможность чередовать эти общіе курсы съ спеціальными и вести практиче-

скія упражненія по общимъ и частнымъ вопросамъ своей науки. Этотъ путь будетъ приводить его, съ одной стороны, къ постоянному освѣженію и упрощенію его общихъ курсовъ и, съ другой, къ введенію энциклопедическаго начала даже въ его съ виду узко-спеціальныя практическія занятія со студентами.

II.

Подвинемся дальше. Если постоянное освѣженіе общихъ курсовъ (сопровождающееся, между прочимъ, ихъ упрощеніемъ) желательно съ практической точки зрѣнія, то оно прямо неизбежно съ точки зрѣнія *историческаго развитія общественно-гуманитарныхъ наукъ*.

До XIX вѣка еще можно было, хоть до нѣкоторой степени, помышлять объ общемъ энциклопедическомъ образованіи на основѣ преимущественно общественныхъ наукъ. Но XIX вѣкъ,—вѣкъ историзма,—можно сказать, радикально измѣнилъ всю картину этихъ наукъ. Въ этотъ вѣкъ укрѣпилась, между прочимъ, обширная новая, отчасти эмпирическая отрасль знанія—критика источниковъ, благодаря которой гуманитарныя науки получили болѣе твердыя основанія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно раздѣлились въ ширину. Съ другой стороны, критическій пересмотръ огромнаго прежняго историческаго матеріала съ поисками и анализомъ новаго вызывался то доминирующими философскими теоріями, то мировыми явленіями политическаго и социальна-экономическаго характера, возбуждавшими широкій интересъ къ исторической жизни или отдѣльныхъ народовъ или общественныхъ классовъ. Вообще критическая переоцѣнка наличнаго историческаго матеріала въ связи съ открытіемъ новаго далеко еще не закончена.

Но параллельно съ этимъ за послѣднее время съ большой силой развивается и философское теченіе въ области гуманитарныхъ наукъ: онѣ стремятся къ самоопредѣленію и къ восстановленію взаимной связи, но уже на новыхъ основаніяхъ, на обобщеніи колоссальной, въ значительной степени эмпирической и детальной работы всего предшествующаго вѣка.

Вполнѣ естественно требовать отъ университетскаго профессора, чтобы онъ былъ не узкимъ, одностороннимъ (хотя бы и первокласснымъ) специалистомъ, но обладалъ бы, помимо специальныхъ знаній, широкимъ и глубокимъ энциклопедическимъ образованіемъ.

Но при современномъ положеніи гуманитарныхъ наукъ сами профессора нуждаются въ такой постановкѣ университетскаго преподаванія, которая постоянно позволяла бы имъ комбинировать общее съ специальнымъ и переходить отъ одного къ другому, одно другимъ освѣжая.

Еще сложнѣе вопросъ объ опредѣленіи *путей, ведущихъ къ серьезному не одностороннему научному образованію людей молодыхъ, лишь приступающихъ къ наукамъ*.

Нѣсколько соображеній по этому вопросу мы и представимъ въ данн главѣ нашей статьи.

Довольно ясно, что *общее энциклопедическое образование*, как Ding an und für sich, пока еще преждевременно даже въ области однихъ только гуманитарныхъ наукъ, не говоря уже о сочетаніи ихъ (разумеется, въ высокой степени желательномъ) съ науками натуралистическими.

Подобное преждевременное общее образование было бы слишкомъ догматично; безъ поддержки специальныхъ занятій, оно потребовало бы отъ учащихся прежде всего *отры* во многія довольно еще условныя и спорныя научныя положенія и, сверхъ того, немовѣрнаго напряженія *памяти* для усвоенія разнородныхъ, плохо связывающихся другъ съ другомъ и въ концѣ-концовъ лишь приближающихся къ истинѣ ученій.

Но соответствуютъ ли такія требованія *достоинству* современнаго человѣка? Не переносятъ ли они насъ до нѣкоторой степени на Востокъ или въ средніе вѣка, педагогическая система которыхъ, съ ея своеобразнымъ энциклопедическимъ фундаментомъ, подверглась саркастическому и заслуженному осужденію еще во времена перваго возрожденія (ср. хотя бы воспитаніе Гаргантюа у Раблэ)?

Не проще ли будетъ оставить за университетомъ одну изъ его главнѣйшихъ функций—*непрерывную работу критической научной мысли*? Что бы по временамъ ни говорили противъ такъ называемаго разлагающаго критицизма, но довольно ясно, что въ тѣхъ областяхъ человеческой жизни, въ которыхъ критическая мысль ослабѣваетъ или замираетъ, водворяется застой.

Сообразно съ этимъ, не рациональнѣе ли будетъ предоставить университету право борьбы противъ *пассивнаго* усвоенія наукъ, право поощренія стремленія къ *самодѣятельности*, одного изъ благороднѣйшихъ и прогрессивнѣйшихъ стремленій юности?

Вѣдь пора наконецъ понять, что молодые люди не гомунгулы, высклываемые въ ретортѣ, и пора отказаться отъ всякихъ затѣйливыхъ и хитроумныхъ экспериментовъ надъ ними съ цѣлью снабдить ихъ напрокатъ готовымъ міросозерцаніемъ научнымъ или политическимъ. Подобные эксперименты можно было бы производить лишь въ томъ случаѣ, если бы человечество было лишено, напр., критическихъ способностей, т.-е., по просту говоря, разума...

Вообще всякаго рода попытки *перевоспитывать* взрослыхъ молодыхъ людей по готовымъ рецептамъ, не согласующимся съ ихъ индивидуальными наклонностями, основаны, въ сущности говоря, на глубочайшемъ презрѣніи къ человеческой личности.

Итакъ, по нашему мнѣнію, въ настоящее время мыслимо *лишь соединеніе общаго научнаго образованія съ специальнымъ* (конечно, не узкимъ и не одностороннимъ), и притомъ по возможности въ той послѣдовательности, которая соответствуетъ преобладающимъ интересамъ молодыхъ людей и складу ихъ ума и природныхъ дарованій.

Необходимо, конечно, одно условіе, чтобы при поступленіи въ университетъ молодой человѣкъ, живой и не лишенный талантовъ, уже имѣлъ

какіе-нибудь *опредѣленные научные интересы*, какое-нибудь *любимое дѣло*, которымъ онъ уже занимался хотя бы и немного, но самостоятельно *).

Если у подобнаго молодого человѣка такіе интересы есть, то высшая школа не только имѣетъ право, но даже нравственно обязана идти имъ навстрѣчу и, между прочимъ, разрѣшить ему рано специализоваться, тѣмъ болѣе, что современное состояніе наукъ, особенно гуманитарныхъ, само по себѣ не допускаетъ односторонней, чисто технической специализаціи, но, можно сказать, даже предписываетъ въ случаѣ специализаціи, своего рода *contradictio in adiecto*—*энциклопедическія занятія специальностью*.

Возьмемъ, напр., *исторію* въ ея современномъ пониманіи. Уже въ любого, хотя бы и довольно популярнаго, руководства по этому предмету видно, что современные исторіи для выясненія многообразныхъ и сложныхъ историческихъ процессовъ оперируютъ съ обширной энциклопедіей какъ гуманитарныхъ, такъ отчасти и натуралистическихъ знаний. При этомъ не только цѣльное и законченное изложеніе исторіи какаго-либо народа (конечно, въ связи съ исторіей другихъ народовъ, поскольку данный народъ съ ними соприкасался) является монументальной энциклопедіей, но даже изученіе отдѣльныхъ эпохъ въ жизни народовъ, особенно эпохъ перелома, немислимо безъ очень широкой энциклопедической перспективы, такъ какъ въ подобныя эпохи народно-государственная жизнь въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова (учрежденія, общественные классы, экономическія отношенія, право, мораль, религія, искусство и т. д.) подвергается болѣе или менѣе рѣзкимъ колебаніямъ и измѣненіямъ.

Поэтому неудивительно, что, напр., эпоху «просвѣщенія» и *французской революціи* изучаютъ и въ той или иной мѣрѣ преподаютъ представители иностранной и русской исторіи и литературы, историки философіи,

*) Въ противномъ случаѣ даже и очень талантливые люди обречены на горькія разочарованія. Въ этомъ отношеніи очень поучительна блестящая, но во многихъ отношеніяхъ довольно парадоксальная и, во всякомъ случаѣ, сильно устарѣвшая автобиографическая статья Писарева „Университетская наука“, которую почему-то теперь воскрешаютъ нѣкоторые современные реставраторы высшей школы, не замѣчая, что въ статьѣ этой Писаревъ принижаетъ не только своихъ университетскихъ наставниковъ, но и самого себя. Отсутствие опредѣлившихся научныхъ интересовъ передъ поступленіемъ въ университетъ въ связи съ горячимъ желаніемъ какъ можно скорѣе сдѣлаться виднымъ ученымъ—заставило этого блестящаго человѣка постоянно перебѣгать отъ одной специальности къ другой и цѣлыми годами исполнять работы, которыя онъ самъ находилъ бессмысленными и одуряющими.

Прибавимъ, впрочемъ, что эпоха, которую осмѣиваетъ Писаревъ, для современнаго человѣка уже довольно архаична. Во времена Писарева нѣкоторые изъ профессоровъ лишь популяризовали (въ чемъ всетаки состоятъ ихъ немалая заслуга) новѣйшія теченія западно-европейской научной мысли; но слѣдующія поколѣнія, несмотря на крайне-неблагопріятныя условія русской общественно-политической жизни, выдвинули у насъ цѣлый рядъ первоклассныхъ изслѣдователей, встрѣтившихъ не только полное признаніе, но и величайшее уваженіе со стороны своихъ западно-европейскихъ коллегъ.

юристы, даже классическіе филологи (особенно постольку, поскольку дѣло идетъ о возрожденіи античныхъ идей).

Понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что болѣе или менѣе многостороннее освѣщеніе подобной эпохи немислимо безъ предварительной характеристики предшествующаго періода и безъ справокъ въ общую европейскую исторію, доходя—тамъ, гдѣ это нужно,—даже до временъ греческихъ софистовъ *).

Но можно взять и болѣе простой примѣръ. Представимъ себѣ человѣка съ историко-литературными интересами и съ особой любовью, напр., къ Пушкину, съ желаніемъ понять возможно глубже этого поэта, какъ личность и какъ историческую фигуру въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова.

Вѣдь уже теперь «Пушкинская» научно-критическая литература представляетъ собою широчайшую гуманитарно-юридическую энциклопедію съ содержаніемъ не только русскимъ, но и общеевропейскимъ,—и притомъ съ содержаніемъ, падающимъ на одну изъ крупнѣйшихъ и сложнѣйшихъ эпохъ въ исторіи человѣчества.

Въ частности, довольно сложнымъ явилось бы уже изученіе *исторіи самообразованія* (въ связи съ его источниками) Пушкина, этого несомнѣннаго энциклопедиста философа—разумѣется, съ преобладающимъ позитивнымъ оттѣнкомъ.

Для цѣлей нашей статьи интересно отмѣтить, что въ этапахъ его самообразованія было много своего рода эмпирическихъ, практическихъ моментовъ **).

Но, встаетъ сказать, не менѣе эмпирическимъ было энциклопедическое образованіе и самообразованіе старшаго современника Пушкина—Гёте, во многомъ родственнаго по складу ума съ нашимъ поэтомъ ***).

*) Мы имѣемъ въ виду, напр., ученія о естественномъ правѣ съ протестомъ противъ всего условнаго, что дала человѣчеству культура.

**) Напр., изученіе исторіи Карамзина связывается у Пушкина съ изученіемъ ея источниковъ—русскихъ лѣтописей, а это переплетается у него съ его симпатіями къ народному языку и быту; интересъ къ историческимъ памятникамъ, какъ лѣтописи, и къ народной поэзіи и языку увеличивается у него въ моментъ горячаго увлеченія Шекспиромъ и, въ частности, удивительной манерой послѣдняго индивидуализировать свои драматическіе персонажи до статистовъ включительно, хотя при этомъ герой Пушкина—Шекспиръ, какъ и многіе даже изъ ученѣйшихъ его современниковъ, довольно примитивно относился къ исторической перспективѣ и т. д. и т. д.

***) Могучая личность Гёте обобщала все, что она пріобрѣтала и своимъ трудомъ, и своими ошибками, и случайными увлеченіями. Такъ, напр., по собственному признанію Гёте Эккерману, его постоянныя теоретическія занятія естественными науками и временное увлеченіе техникой живописи, къ которой Гёте въ концѣ-концовъ почувствовалъ себя неспособнымъ, содѣйствовали развитію въ немъ реалистической отчетливости и точности изображенія (см., напр., *Воспом.* 20 апрѣля 1825 года и 18 января 1829 года).

III.

Въ свою очередь эти и имъ подобные примѣры лишній разъ подтверждаютъ то вполне естественное положеніе, что *истинно-энциклопедическое образование* является въ сущности результатомъ и цѣлью *всей жизни* просвѣщеннаго человѣка.

Высшая школа можетъ лишь укрѣпить его первые шаги въ любимыхъ имъ научныхъ предметахъ и предложить къ его свѣдѣнію или руководству ту или иную серію лекцій и занятій по различнымъ отраслямъ науки, предоставляя ему самому выборъ этихъ занятій.

Повторяемъ, что энциклопедическое образование прочно лишь при личности у человѣка какъ-либо опредѣленныхъ интересовъ*), какъ центра, около котораго могли бы группироваться дополнительные знанія, связываясь другъ съ другомъ и съ этимъ центромъ въ болѣе или менѣе живое цѣлое.

Личность человѣка, конечно, играетъ и должна играть въ этомъ случаѣ огромную роль.

Не безъ основанія замѣчено, что каждый человѣкъ рождается или платоникомъ или аристотеликомъ, т.-е. съ преимущественными наклонностями либо въ сторону идеализма, дедукціи и метафизики, либо въ сторону реализма и индукціи.

Уже это одно обстоятельство не даетъ права предопредѣлять для всего юношества ходъ его образованія. Въ широкому и глубокому образованію на практикѣ ведутъ и будутъ вести различные пути: дедуктивистъ предпочитаетъ переходить отъ общаго къ частному, индуктивистъ — наоборотъ; бываютъ плодотворными и параллельныя занятія общимиъ и частнымиъ.

Напримѣръ, для образованнаго историка (въ современномъ широкомъ смыслѣ слова) необходимо основательное (хотя бы и не детальное) знакомство съ юридическими науками, въ частности съ государственнымъ правомъ; но опредѣлить моментъ и предѣлы изученія государственнаго права для этого историка невозможно, да и не нужно. Конечно, нельзя отрицать пользы предварительнаго изученія юридическихъ наукъ; но если мы имѣемъ дѣло съ индуктивистомъ, то онъ съ пользой для себя сначала познакомится съ политическими элементами преимущественно эмпирически — на фактахъ исторіи, изъ-за которыхъ для него будутъ живо вырисовываться государственныя схемы или нормы; а затѣмъ онъ можетъ перейти къ изученію теоріи, каковое будетъ для него и легко и жизненно и, въ концѣ-концовъ, непременно дастъ ему новыя точки зрѣнія на матеріалъ, который былъ ранѣе предметомъ его изученія.

Но, какъ показываетъ опытъ, самый лучший моментъ для расширенія образованія это тотъ, когда ученый (все равно, молодой или очень мо-

*) Къ подобнымъ интересамъ мы, разумѣется, не причисляемъ, напр., сильно развитого честолюбія и побужданій матеріалистическаго свойства.

людей) самым ходомъ своихъ занятій по избранному предмету будетъ приведенъ къ изученію сопрягающейся съ нимъ вспомогательной специальности. Въ этомъ случаѣ данная специальность изучается обыкновенно съ особой шириной и глубиной, съ особой настойчивостью и напряженіемъ ума, и результаты этого изученія могутъ быть очень разнообразными и глубокими *).

Вѣдь прочно и жизненно только то, что человѣкъ пріобрѣтаетъ самостоятельнымъ умственнымъ трудомъ; наоборотъ, никакой цѣны и устойчивости не имѣетъ поверхностный энциклопедизмъ, если онъ представляетъ собою пеструю смѣсь отрывочныхъ фактовъ и теоретическихъ свѣдѣній, заученныхъ наизусть **).

IV.

Но какъ разъ съ такого рода дилеттантизмомъ на почвѣ обязательнаго и шаблоннаго энциклопедизма университетамъ постоянно приходилось сталкиваться за время дѣйствія не только устава 1884 г., но и устава 1863 г. По уставу 1863 г. всѣ лекціи профессоровъ (даже и очень спеціальныя, читавшіяся часто взамѣнъ общихъ) обязательно выучивались къ экзамену;

*) Немудрено, напр., что историкъ литературы, всесторонне изучающій Щедрина, къ которому уже теперь иногда необходимъ историческій комментарий, можетъ придти къ прямой необходимости самостоятельнаго и систематическаго изученія русскаго права и его исторіи—предмета не совсѣмъ для него обычнаго и притомъ такого, глубокое пониманіе котораго дастся ему не безъ труда и не безъ борьбы. Зато вполне понятно, что подобное расширеніе образованія не только освѣтитъ для такого историка литературы его спеціальные вопросы по Щедрину, но и вообще явится огромнымъ плюсомъ въ его спеціальномъ и общемъ образованіи.

***) Припомнимъ по этому поводу слова Гёте въ одной изъ его бесѣдъ съ Эккерманомъ (1 мая 1825 г.): „Благодаря вашему пристрастію къ стрѣльбѣ изъ лука, вы пріобрѣли прекрасныя *сѣднннн* и притомъ *жизненные*, которыя добываются только *практическимъ* путемъ. Выгода всякой страсти (*leidenschaftlicher Richtung*) состоитъ именно въ томъ, что она увлекаетъ насъ въ самую *сущность вещей*. Хороши также поиски и ошибки, потому что этимъ путемъ люди учатся, и при этомъ учатся не только самому предмету, но и всему, что съ нимъ тѣсно связано (*den ganzen Umfang*). Что зналъ бы я о растеніяхъ и о цвѣтахъ, если бы *мою теорію мнѣ сообщили чьтоюю* и я заучилъ бы ее наизусть? Но именно потому, что я самъ принужденъ былъ изслѣдовать и отыскивать, а при случаѣ и ошибаться, я и знаю кое-что объ этихъ двухъ вещахъ, и притомъ больше, чѣмъ напечатано“.

Съ другой стороны небезынтересно и то, что говоритъ этотъ великій энциклопедистъ о выборѣ спеціальнаго предмета для занятій и о предѣлахъ расширенія образованія (*Бесѣды*, 20 апрѣля 1825 г.). „Слѣдуетъ остерегаться, чтобы не *распространять черезчуръ границы своего образованія*. Особенно это можетъ случиться съ естествоиспытателями, потому что для наблюденія природы, дѣйствительно, требуется весьма гармоническое общее образованіе“. Напротивъ, всякій долженъ *избѣгать ограниченія и односторонности въ знаніяхъ, которыя прямо принадлежатъ къ предмету его спеціальности*. Поэтъ, желающій писать для театра, долженъ знать спелу, чтобы имѣть возможность оцѣнить средства, которыми ему придется пользоваться“.

практических занятій почти не существовало, за исключеніем нѣкоторыхъ «семинаріевъ» для студентовъ двухъ старшихъ курсовъ.

Уставъ 1884 г. лишь съ виду обезпечивалъ академическую свободу слушанія лекцій, и лишь съ виду почти совсѣмъ отмѣнялъ экзамены; во экзаменахъ оказались такъ называемыя «репетиціи» въ концѣ каждаго семестра, а «свобода» слушанія была скована случайнымъ, большей частью совершенно нераціональнымъ приуроченіемъ предметовъ къ определеннымъ семестрамъ, при чемъ нерѣдко лучшее и наиболее трудное падало на первые семестры, а второстепенное и относительно легкое—на послѣдніе.

Но уже въ 1889 году историко-филологическіе факультеты должны были отказаться отъ учебной системы устава 1884 года и вернуться къ системѣ 1863 года, введя въ нее нѣкоторыя не особенно существенныя видоизмѣненія.

По этой системѣ факультетъ распался на два отдѣленія: въ первые два года студенты только слушали лекціи по общимъ и частью специальнымъ предметамъ, если не считать нераціонально поставленныхъ практическихъ занятій по древнимъ языкамъ (только по нимъ однимъ). Въ общей сложности всѣ эти обязательные курсы занимали до 22 часовъ въ недѣлю. Большая часть изъ нихъ подлежала «полукурсовому» экзамену, именно: четыре курса по древнимъ языкамъ (два по поэзіи и два по прозѣ), два курса по древней исторіи (греческой и римской), два курса по русской исторіи (древней и новой), курсы по логикѣ, психологій и древней философіи, по сравнительному языковѣднію (общее введеніе) и по церковно-славянскому языку.

На двухъ старшихъ курсахъ студенты продолжали слушать рядъ лекцій и обязаны были участвовать въ семинаріяхъ съ довольно шаблоннымъ распределеніемъ послѣднихъ: напримѣръ, студенты съ преобладающимъ интересомъ къ русской литературѣ или исторіи (наукамъ обширнымъ) обязаны были работать въ семинаріяхъ по иностраннымъ литературамъ и по иностранной исторіи; а это многимъ изъ нихъ было не подъ силу, хотя бы уже потому, что они принуждены были приступать къ труднымъ упражненіямъ, не имѣвши передъ этимъ упражненій болѣе элементарныхъ. Въ концѣ-концовъ такой порядокъ заставлялъ иногда руководителей, въ угоду неподготовленнымъ слушателямъ, понижать научный уровень семинарскихъ занятій.

Результаты дѣйствія всей этой системы оказались болѣе чѣмъ плачевными.

Группа предметовъ общаго характера для студентовъ младшихъ курсовъ съ виду не плоха, но, вслѣдствіе сложности содержанія каждаго изъ нихъ, съ ней немислимо освоиться въ теченіе двухъ лѣтъ безъ систематическихъ упражненій по этимъ предметамъ и безъ дополнительныхъ специальныхъ курсовъ по ихъ главнѣйшимъ проблемамъ и отдѣламъ. Понятно, что молодымъ людямъ, не успѣвшимъ приобрести навыка въ критикѣ и комбинаціи частныхъ явленій, не оставалось ничего иного, какъ наскоро и не-

хотя выучивать эти лекціи къ экзаменамъ, усваивая изъ нихъ лишь то, что удерживаетъ память, или то, что такъ или иначе отвѣчаетъ ихъ органическимъ или даже случайнымъ интересамъ.

Это подневольное изученіе наукъ, въ сущности очень интересныхъ, приводило то къ дилеттантизму, то къ развитію тупой пассивности, то къ крайне узкой специализаціи *), тѣмъ болѣе, что факультетская организація не давала простора для широкаго изученія излюбленной студентомъ научной области и не заключала въ себѣ системы разнообразныхъ практическихъ занятій (особенно для начинающихъ), каковыя несомнѣнно предостерегли бы ихъ участниковъ отъ чрезмѣрной односторонности.

Поэтому даже наиболѣе блестящіе и глубокіе курсы не имѣли того успѣха и вліянія, какое они имѣли бы, если бы не были обязательными.

Воспитаніе въ студентахъ пассивности и привычки къ шаблоннымъ схемамъ приводило еще и къ тому истинно-уродливому явленію, что не малая часть студенчества настаивала на соответствіи обязательныхъ курсовъ съ планами государственныхъ экзаменовъ и отрицательно относилась къ попыткамъ отдѣльныхъ преподавателей замѣнить старые шаблонные курсы новыми, болѣе рациональными, но не предусмотрѣнными въ казенныхъ программахъ государственныхъ экзаменовъ.

Таковы нѣкоторые плоды шаблоннаго нивелирующаго энциклопедизма, построеннаго на принудительномъ началѣ и на неуваженіи къ личности учащихся **).

*) Такъ, напримѣръ, историкъ литературы часто игнорировалъ исторію и исторію философіи, съ одной стороны, языковѣдніе—съ другой, и наоборотъ.

**) Мои соображенія о различныхъ формахъ специализаціи и энциклопедизма оказались непонятными для г. Владимира Вагнера (см. его статью „Чѣмъ долженъ быть университетъ?“ въ *Русской Мысли* за 1906 г., сентябрь, стр. 135 и слѣд.). Внимательный читатель моей статьи „Мысли о реформѣ университетскаго строя“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1906, № 3) врядъ ли сталъ бы упрекать меня въ утилитаризмъ и въ принесеніи въ жертву энциклопедизма (какого?) специальному образованію (какому?).

Что начинающій ученый можетъ серьезно *улыбнуться* въ излюбленную имъ спеціальность (не одностороннюю, конечно),—это, хоть и удивительно для г. Вагнера, но не страшно никому изъ противниковъ дилеттантизма и легкомыслія.

Мысль, что „расширеніе общаго образованія бываетъ особенно плодотворнымъ тогда, когда оно подкашивается *нуждами прямой спеціальности молодого ученаго*“,—далеко не нова и принадлежит не мнѣ одному, но всѣмъ тѣмъ, кто расширялъ свое образованіе органически, непрерывной умственной работой.

Оцѣнивать подобное положеніе съ точки зрѣнія цитаты изъ Тэна о преимуществѣ профессиональныхъ школъ передъ общеобразовательными (и сопровождать эту оцѣнку восклицаніями въ родѣ „жалкая идея! жалокъ молодой ремесленникъ!“ и т. п.) тѣмъ болѣе неумѣстно, что это цитата не имѣетъ по своему содержанію отношенія къ моей статьѣ ни въ ея цѣломъ, ни въ ея частностяхъ.

На стр. 135 авторъ категорически сообщаетъ и квалифицируетъ слѣдующую новостъ о „предметной“ системѣ въ германскихъ университетахъ:

„Въ Германіи, какъ извѣстно (?), предметная система имѣетъ задачей дать слушателямъ возможность усвоить необходимыя для нихъ предметы въ томъ порядкѣ, въ которомъ это для каждаго изъ нихъ удобно, съ цѣлью „дать возможность способнымъ и энергичнымъ студентамъ прослушать необходимыя для сдачи государственныхъ экзаменовъ предметы въ возможно болѣе короткій срокъ“. Другими сло-

Съ другой стороны, этотъ порядокъ съ его курсовой системой и съ шаблоннымъ приуроченіемъ обязательныхъ лекцій къ извѣстнымъ годамъ сковывалъ по рукамъ и ногамъ не только студентовъ, но и профессоровъ: большая часть времени уходила у многихъ изъ послѣднихъ на ежегодное повтореніе общихъ казенныхъ курсовъ; а при затруднительности или даже невозможности разнообразить преподаваніе введеніемъ въ него курсы специальныхъ, не легко было подновлять и освѣжать курсы общіе.

Но на этомъ мрачномъ фонѣ рутинѣ и пассивности начали съ большой силой вырисовываться новыя жизненныя теченія въ академической средѣ.

Энергичные и работоспособные профессора не мирились съ господствующей шаблонной системой, но всячески, насколько могли, расширяли кругъ своего преподаванія.

вами, значеніе системы этой сводится къ дѣламъ не столько академическимъ, сколько экономическимъ" (?).

Въ моей статьѣ я даю какъ разъ нныя свѣдѣнія о современномъ нѣмецкомъ учебномъ стрѣ.

Что касается самой статьи г. Вагнера, то въ ней нѣтъ недостатка въ добрыхъ чувствахъ и пожеланіяхъ: съ его протестами противъ капитализма, противъ рабской приспособляемости, противъ лицемерія въ современномъ обществѣ, противъ ремесленности специалистовъ извѣстнаго типа—можно вполне согласиться; можно, пожалуй, ничего не имѣть и противъ пространно проводимой имъ параллели между социологіей и биологіей; дажѣ, отчего не пожелать, чтобы университетъ не превращалъ людей въ манекеновъ, „чтобы люди, учившіеся въ университетѣ, выходили изъ него гражданами, съ человѣческими идеалами и запросами, сознательными, а не стадными, разумными, а не слѣпыми борцами въ переустройствѣ государственной машины, во имя справедливости, во имя общаго блага и общественныхъ идеаловъ“.

Для достиженія этихъ почтенныхъ цѣлей рекомендуется сдѣлать университетъ только общеобразовательнымъ учрежденіемъ („съ новой по формѣ, по методу преподаванія и даже по самому содержанію университетской науки“), отводя „добываніе и разработку необходимаго для развитія научнаго знанія матеріала“ въ вѣдѣніе особыхъ академій и специальныхъ высшихъ школъ юридическихъ, физико-математическихъ и т. п.

Въ высшемъ общеобразовательномъ учрежденіи даются людямъ, „претендующимъ на образованіе“, лишь *только отѣты современной науки* на ихъ запросы. Какъ добываются наукой эти отѣты, не важно: „одно дѣло—научное исследование, другое—ознакомленіе съ его результатами тѣхъ, кто интересуется, кто считаетъ себя въ правѣ знать, что добыто путемъ этихъ исследований“. Этотъ тезисъ подкрѣпляется характернымъ примѣромъ (по мысли автора, вѣроятно, примѣнимымъ ко всѣмъ безъ исключенія отраслямъ человѣческаго знанія): общество, нуждающееся въ храмѣ, для постройки котораго необходимы строители и матеріалъ, не имѣетъ надобности интересоваться изготовленіемъ кирпичей и присутствовать при этомъ изготовленіи...

Нетрудно догадаться, что въ основѣ такого проекта лежать принципы и сбъчяи (я притомъ устарѣвшіе) *средней школы*, и „разумному, не стадному гражданину“ отводится роль школьника, притомъ не высшаго, даже не средняго, а младшаго юрраста...

Какъ ояъ изъ такой высшей школы выйдетъ не манекеномъ, проектъ, разумается, не посвящаетъ...

Далѣ, институтъ привать-доцентовъ (хотя задуманъ онъ былъ научно) принесъ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, много пользы торико-филологическимъ факультетамъ: между прочимъ, привать-доценты учили слушателей къ необязательнымъ курсамъ общаго и спеціальнаго характера и практическимъ занятіямъ и, такимъ образомъ, косвенно расчистили путь для широкой реформы факультетскаго преподаванія.

Въ свою очередь, наиболѣе живая и просвѣщенная часть студенчества всегда съ большой чуткостью слѣдила за новыми курсами и практическими занятіями, и практика нашего факультета знаетъ немало случаевъ, когда группы студентовъ сами обращались къ преподавателямъ съ просьбой пройтись для нихъ особыя занятія по непреподаваемымъ на факультетѣ научнымъ областямъ, иногда очень спеціальнаго, чисто ученаго характера.

Этимъ и опредѣляется основной принципъ реформы—*раскрытие* *талантовъ и слушателей и преподавателей.*

У.

Обращаемся теперь къ нѣкоторымъ наиболѣе существеннымъ подробностямъ проекта реформы, отчасти, впрочемъ, затронутымъ и въ предыдущемъ разсужденіи.

1. Необходимо полное отдѣленіе государственныхъ экзаменовъ отъ университетскаго преподаванія. Какъ и по какимъ программамъ должны впредь изводиться такіе профессиональные экзамены, этого мы въ настоящее время опредѣлять не будемъ; университетъ можетъ только пожелать, чтобы въ составъ подобныхъ экзаменаціонныхъ комиссій входили не исключительно университетскіе преподаватели. Вообще надо всячески устранять вліяніе института профессиональныхъ испытаній на университетское преподаваніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно какъ можно скорѣе привить нашему обществу и студенчеству тотъ принципъ, въ силу котораго человѣкъ, стремящійся къ профессиональной дѣятельности, не имѣетъ надобности добиваться предварительно университетскаго ученаго диплома, каковой можетъ быть желательнымъ только для будущихъ профессоровъ.

2. Это отмежеваніе университета отъ государственныхъ профессиональныхъ испытаній позволить автономнымъ университетамъ не только ввести высые, болѣе рациональные, чѣмъ прежде, планы преподаванія, но и постоянно ихъ улучшать.

3. Удовлетвореніе предпочтительныхъ наклонностей студентовъ и ихъ стремленія къ самодѣятельности можетъ быть достигаемо выработкой такого плана преподаванія, въ которомъ на-ряду съ общими курсами всегда или бы налицо въ достаточномъ количествѣ курсы спеціальные и дополнительные, а также практическія занятія всѣхъ родовъ, начиная съ элементарныхъ и кончая чисто-учеными, предназначаемыми для будущихъ профессоровъ.

4. Для выполнения подобной организации преподавания необходима коллегиальная работа всех факультетских преподавателей и, в частности, широкое привлечение в дѣлу «младших» преподавателей, т.-е. приват-доцентовъ и отчасти даже оставленныхъ при университетѣ.

Такая коллегиальная работа, несомнѣнно, принесетъ пользу во многихъ отношеніяхъ дѣлу просвѣщенія. Такъ, путемъ подобнаго коллегиальнаго обсужденія слѣдовало бы (чего до сихъ поръ почти не дѣлалось) устанавливать на каждый годъ (или даже на каждый семестръ) циклы курсовъ и упражненій, такъ или иначе связанныхъ другъ съ другомъ.

Но эта взаимная коллегиальная поддержка представителей одной и той каѳедры или, что еще лучше, нѣсколькихъ смежныхъ каѳедръ можетъ выработать и провести въ жизнь и другіе плодотворные принципы университетской педагогики, особенно нормировку испытаній*), а также темъ для практическихъ занятій и студенческихъ выпускныхъ диссертаций (въ смыслѣ преимущественнаго сосредоточенія на основныхъ научныхъ вопросахъ, а не на отдѣльныхъ мелочныхъ фактахъ).

Во всякомъ случаѣ, уже подборъ слаженныхъ другъ съ другомъ курсовъ и занятій, какъ извѣстно, очень помогаетъ студентамъ, если у нихъ сложились сколько-нибудь опредѣленные интересы, довольно быстро ориентироваться въ избранномъ предметѣ и соприкасающимися съ нимъ отраслями знанія **).

5. Современное состояніе гуманитарныхъ и общественныхъ наукъ, при условіи коллегиальной дѣятельности всехъ старшихъ и младшихъ представителей факультета съ привлеченіемъ преподавателей съ другихъ факультетовъ, позволяетъ студентамъ уже со дня вступленія въ университетъ намѣтить основную специальность, причѣмъ учебная факультетская и отчасти

*) Отмѣтимъ, впрочемъ, что отдѣленіе государственныхъ экзаменовъ отъ университета и, съ другой стороны, широкая организация практическихъ занятій сильно сократятъ извурительную экзаменационную систему.

**) Между прочимъ, по *всеобщей исторіи* на нынѣшній годъ у насъ объявлены слѣдующіе курсы и занятія: начальныя „просеминаріи“ по греческой и римской исторіи, специальный курсъ по исторіи римской имперіи и семинаріи по ней; общій и специальный курсъ по средневѣковой исторіи и семинаріи по ней; просеминаріи по социально-экономической исторіи XIV, XV и XVI вв.; курсъ о развитіи абсолютизма на Западѣ, преимущественно въ XVI и XVII вв.; общій курсъ по новѣйшей исторіи западной Европы; курсъ по исторіи Германіи въ XIX вѣкѣ; начальныя и высшія занятія по конституціонному праву и его исторіи.

Разнообразную схему представляютъ собой и планы преподаванія *русской исторіи* въ нынѣшнемъ году: кромѣ общихъ курсовъ по древней и новой русской исторіи и специальнаго по русской исторіографіи предложены практическія занятія трехъ степеней: а) начальныя по тѣмъ-тописи, толкованіе древнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ русской исторіи (до XV в. включительно); в) упражненія преимущественно для студентовъ, пробывшихъ не менѣе года въ университетѣ: практическія занятія въ связи съ изученіемъ сочиненія Катошихина „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“; сказанія о смутномъ времени, какъ историческій источникъ; с) семинаріи: по эпохѣ Іоанна Грознаго; разборъ источниковъ по исторіи русскаго общества въ XVIII в.

междуфакультетская организація облегчаетъ серьезное и самостоятельное изученіе тѣхъ научныхъ отраслей, которыя съ этой спеціальностью непосредственно или близко связаны.

6. Для студентовъ, желающихъ слѣдовать указаніямъ факультета, послѣдній выработалъ рядъ примѣрныхъ плановъ *), причемъ совокупность всѣхъ лекцій и занятій, предусматриваемыхъ этими планами, при условіи четырехлѣтняго пребыванія студента въ университетѣ, требуетъ не болѣе 14—16 часовъ въ недѣлю.

Такимъ образомъ уже студентамъ этой категоріи открыта возможность расширять свое общее и спеціальное образованіе въ томъ направленіи, въ какомъ они сами пожелаютъ.

Разумѣется, временный переходъ на другой факультетъ или параллельное обученіе на двухъ и даже нѣсколькихъ факультетахъ вполне согласны съ духомъ реформы.

7. Для облегченія путей къ широкому энциклопедическому образованію, конечно, недостаточно организаціонной работы какого-либо одного факультета. Въ высшей степени желательна, прежде всего, восстановленіе родственной связи—на новыхъ раціональныхъ началахъ,—между факультетами историко-филологическимъ и юридическимъ, каковая была порвана уставомъ 1884 года.

Но и этого мало: необходимо стремиться къ широкой организаціи курсовъ междуфакультетскихъ (отводя для нихъ преимущественно внѣлекціонные часы) какъ для университетскихъ слушателей, такъ и для публики **).

*) Такъ, наприм., въ группѣ *всеобщей исторіи* у насъ намѣчены слѣдующіе предметы: а) *подготовительные* (время слушанія ихъ, какъ и другихъ предметовъ группы, предоставлено преимущественно самимъ студентамъ): психологія, логика, обзоръ философскихъ проблемъ; государственное право, элементы гражданскаго права, политическая экономія; два античныхъ текста (историка, оратора или политическаго философа); б) *основные*: два курса по древней исторіи, два по среднимъ вѣкамъ, два по новой исторіи, одинъ по новѣйшей и сверхъ того историческіе курсы (безъ опредѣленія количества ихъ) по группамъ историческихъ явленій; наконецъ, три курса по русской исторіи; в) *начальныя практическія замѣткія* по всеобщей и русской исторіи и активное участіе въ трехъ высшихъ семинаріяхъ по всеобщей исторіи; д) *курсы вспомогательные*: 1) философія и методологія исторіи, 2) историческая географія, 3) этнологія, 4) исторія религій, 5) исторія философіи, 6) исторія искусства, 7) всеобщая литература (№№ 4—7 по одному отдѣлу, соответствующему или древней, или средней, или новой исторіи).

Сверхъ того, рекомендуются еще слѣдующіе вспомогательные курсы и занятія: а) къ *древней исторіи*: исторія древняго востока, исторія эллинистическаго востока, эпиграфика и нумизматика, археологія Европы и передней Азии, древніе авторы; б) къ *средневековой исторіи*: исторія Византии, исторія Ислама, средневѣковые языки Запада; в) къ *новой исторіи*: исторія политическихъ и социальныхъ ученій, семинарій по аграрной исторіи, семинарій по конституціонному праву.

***) См. соображенія по этому вопросу въ моихъ „Мысляхъ о реформѣ“, стр. 37 слѣд. Между прочимъ, въ средѣ преподавателей Московскаго университета (старшихъ и младшихъ) не мало лицъ, сочувствующихъ этой идеѣ. Но при первой воз-

8. Коллегиальная работа всѣхъ факультетскихъ преподавателей съ рациональнымъ (и, во всякомъ случаѣ, гибкимъ) распредѣленіемъ между ними ихъ функций по веденію общихъ и специальныхъ курсовъ и практическихъ занятій облегчить усвоеніе, такъ сказать, циклической системы преподаванія, наподобіе лучшихъ образцовъ этой системы въ современныхъ нѣмецкихъ университетахъ *).

Находя себѣ поддержку въ товарищахъ и помощникахъ не только по своей кафедрѣ, но и по другимъ съ нею смежнымъ, главный представитель извѣстной факультетской науки не будетъ имѣть надобности слишкомъ часто повторять нѣкоторые изъ своихъ общихъ курсовъ, но, наоборотъ, получитъ возможность постепенно и болѣе или менѣе широко пускаться въ оборотъ (примѣрно на протяженіи трехлѣтняго цикла, подсказываемаго уже практическими соображеніями) свои разнообразныя, постоянно подновляемыя, познанія; если это человекъ талантливый, то онъ этимъ путемъ расширитъ сферу своего научнаго и просвѣтительнаго вліянія, какъ живой носитель связи между близкими и родственными отраслями науки.

Но сверхъ того, при подобной циклической разверсткѣ предметовъ кафедры, часть изъ нихъ всегда будетъ переходить то къ товарищамъ, то къ помощникамъ указаннаго ученаго, и это обстоятельство, несомнѣнно, будетъ лишь содѣйствовать развитію здоровой, очень полезной для университетскаго дѣла, конкуренціи между университетскими преподавателями различныхъ степеней.

Таковы нѣкоторые изъ путей, способныхъ, по нашему мнѣнію, привести къ радикальному обновленію университетской учебной организаціи согласно съ достоинствомъ науки и тѣхъ, кто ею занимается, т.-е. университетскихъ преподавателей и слушателей.

М. М. Покровский.

возможности ея широкаго осуществленія лица эти врядъ ли станутъ связывать себя какимъ-либо догматическими программами; для указанной дѣли могутъ подходить и общія введенія въ науки, и обзоръ главнѣйшихъ ихъ проблемъ, и такіе ихъ отдѣлы, которые доступны пониманію людей съ среднимъ образованіемъ; наконецъ, и нѣкоторые изъ прежнихъ обязательныхъ факультетскихъ общихъ курсовъ (какъ, напр., курсы по русской и иностранной исторіи, литературѣ и мн. др.).

*) Въ моихъ „Мысляхъ о реформѣ университетскаго строя“ приведено нѣсколько наиболѣе характерныхъ образцовъ подобной циклической организаціи преподаванія. Такъ, наприм., проф. *Ниссенъ* (ср. стр. 12—13) въ теченіе шести семестровъ въ своихъ курсахъ (по 4 ч. въ недѣлю) и семинаріяхъ (по 2 ч. въ недѣлю) единолично даетъ цѣлую энциклопедію знаній по античной исторіи: таковы общіе четыре курса по исторіи Греціи и Рима, далѣе курсъ по римскому государственному праву и семинаріи о правахъ римскихъ городовъ, курсъ по древней географіи съ этнографіей, семинаріи по важнѣйшимъ эпохамъ античной исторіи (напр., 1-я пуническая война, исторія Гракховъ, „Заговоръ Катилины“, Саллюстія, персидскія войны Геродота) и отчасти по политической философіи (анализъ 6-й книги Полибія, этого авторитетнаго представителя такъ называемой „смѣшанной“ формы государственнаго устройства).

Къ двадцатипятилѣтію украинскаго театра.

(Посвящается глубоко-уважаемой М. Б. Заньковецкой.)

Въ настоящемъ зимнемъ сезонѣ исполнилось 25 лѣтъ возрожденному украинскому театру (1881—1906 гт.). Конечно, въ тяжелое переживаемое время не до празднованія какихъ-либо юбилеевъ; но украинскій театръ сыгралъ такую великую роль въ національно-культурномъ возрожденіи Украины въ послѣдніе годы закончившагося столѣтія, что нельзя не помянуть добрымъ словомъ выдающихся дѣятелей украинской сцены, отдавшихъ свою жизнь, свои лучшія творческія силы на ея созданіе. М. Б. Заньковецкая, М. Л. Бровивницкій, А. К. Саксаганскій и Н. К. Садовскій всегда будутъ любимыми и великими дѣятелями для украинскаго народа, своими яркими талантами свѣтившими ему въ минуту самаго мрачнаго безпросвѣтнаго его національнаго угнетенія. Театръ въ 80-е годы былъ для Украины единственнымъ мѣстомъ, гдѣ звучала ея литературная родная рѣчь, и многіе украинцы послѣ талантливыхъ спектаклей Бровивницкаго и семьи Тобилевичей начинали говорить своимъ забытымъ, всюду гонимымъ языкомъ, и во многія души вдохновенная игра М. Б. Заньковецкой заронила первую искру національнаго самосознанія и благороднаго стремленія служить своей глубоко-несчастной Украинѣ. Велика роль этихъ высоко-одаренныхъ артистовъ въ національно-культурномъ пробужденіи украинскаго общества: ихъ имя извѣстно и дорого во всѣхъ самыхъ глухихъ украинскихъ городкахъ. Безконечное, глубокое спасибо имъ скажетъ украинскій народъ.

I.

Частнымъ образомъ украинскіе спектакли давались еще раньше 80-хъ годовъ. Исполнителями были обыкновенно любители. Такъ, напримѣръ, въ частномъ домѣ была поставлена въ Кіевѣ въ 1872 году первая опера Лысенка «Різдвяна Ніч»; въ Елисаветградѣ въ 1874—76 гт. играла труппа любителей подъ управленіемъ Карпенка-Карого. Большой популярностью пользовались малорусскіе любительскіе спектакли въ Черниговѣ, Полтавѣ

и Харьковѣ. Но законъ 1876 года на смерть поразилъ всякое проявленіе украинскаго національнаго творчества и осудилъ всю страну къ гробовому молчанію. По удачному выраженію Н. Садовскаго, «30-ти миллионному народу вырѣзали языкъ». Даже чарующая украинская пѣсня была изгнана изъ публичнаго обращенія и на концертахъ украинскія мелодіи должны были исполняться съ французскими словами. Такъ, на концертѣ Инсенка въ 1878 году народная веселая пѣсня «Дошикъ» исполнялась только въ переводѣ: «La pluie tombe du toit dégoûtant; J'ai pensé, j'ai pensé, Que c'est un cosaque, maman! Такъ издѣвалась кievская администрація надъ святыней народной: его языкомъ, его пѣсню. И Украина замолчала». *)).

Но для крупныхъ талантовъ никакія самыя тяжелыя пути не страшны; ихъ творческая сила непременно вырвется изъ нихъ. Такъ было и съ тѣми артистическими силами, которыми судьба надѣлила Украину въ эту тяжелую минуту ея жизни. Ни Кропивницкій, ни Заньковецкая, ни братья Тобилевичи (Сабаганскій, Садовскій, Барпенко-Барый) не могли не завоевать себѣ свободы проявленія для своего крупнаго артистическаго таланта, и они громко открыто заговорили украинскимъ, запрещеннымъ языкомъ и завоевали ему право на жизнь.

Новый украинскій театръ начался очень скромно спектаклями труппы Ашкаренка въ Кременчугѣ въ сезонъ 1881—82 гг. Г. Кропивницкій въ своихъ воспоминаніяхъ такъ описываетъ это начало «новой эры». «Нищенскіе заработки русскими спектаклями заставили труппу просить министра внутреннихъ дѣлъ гр. Лорисъ-Меликова разрѣшить ей сыграть хоть нѣсколько спектаклей на украинскомъ языкѣ, чтобы не умереть голодной смертью. Графъ снизошелъ на нашу просьбу, и мы начали «новую эру» — «Наташкой Полтавкой». И въ томъ же ноябрѣ, когда въ праздникъ пьеса Островскаго сдѣлала сборъ всего въ 30 р., столѣтняя бабушка «Наташка Полтавка» въ будни привлекла полный театръ. На слѣдующіе спектакли билеты раскупались нарасхватъ, но вокругъ театра тѣснились не фаэтоны и коляски, а возы и фургоны пріѣзжавшихъ на украинскіе спектакли хуторянъ казаковъ». Одинъ казакъ при этомъ набиралъ по десять и больше билетовъ; пріѣзжали цѣлыми семьями, и на вопросъ одного изъ служащихъ въ театрѣ великороссовъ: «неужели вамъ такъ правится малороссійскій театръ», казакъ пожалъ плечами и просто отвѣтилъ: «да это же наше родное» **).

Успѣху труппы Ашкаренка, конечно, больше всего содѣйствовалъ талантъ Кропивницкаго во всемъ его великомъ реализмѣ; вслѣдъ за Кременчугомъ труппа въ этотъ же сезонъ играла въ Харьковѣ и Кіевѣ уже съ участіемъ Н. Садовскаго. Въ слѣдующемъ году труппа блистала такими выдающимися драматическими силами, какъ Заньковецкая, Садовская (рано

*) См. *Лит. Наук. Вѣстн.*, X кн., 1906 г.

**) *Нова Грамада*, 1906 г. № 9, „За 35 літ“.

умершая, очень талантливая артистка), Садовскій, Брощивницкій, Вѣрина и Грицай. Они съ успѣхомъ играли въ Ростовѣ, Нахичевани, Кіевѣ и др. южныхъ городахъ. Безденежье не давало однако возможности поставить выдающихся артистовъ въ достойную ихъ декорационную обстановку. За это дѣло взялся Старицкій; не жалѣя собственныхъ денегъ, онъ создалъ костюмы, декорациі, инвентарь украинской сцены; талантливая группа могла уже смѣло заявить себя и передъ взыскательной публикой Москвы и Петербурга, гдѣ она завоевала себѣ полный успѣхъ. Еще внимательнѣе и серьезнѣе отнесся позже къ театральному дѣлу, къ правильной во всѣхъ малѣйшихъ деталяхъ постановкѣ пьесъ, какъ историческихъ, такъ и бытовыхъ, молодой антрепренеръ А. Саксаганскій. Его спектакли по реализму обстановки, серьезной отдѣлкѣ всѣхъ деталей съ режиссерской и бутафорской стороны дѣла въ лучшіе годы его антрепризы могутъ стать рядомъ со столь прославившейся своей обстановкой сценой московскаго художественнаго театра. Усилиями Старицкаго, Брощивницкаго (режиссера) и Саксаганскаго украинская сцена заняла выдающееся мѣсто на всѣхъ лучшихъ театрахъ не только Украины, но и всей Россіи (Петербурга, Москвы, Варшавы, Вильно, Одессы, Харькова, Кіева и др.). Но еще больше своей извѣстности обязанъ украинскій театръ талантамъ его первыхъ исполнителей, ихъ глубокому знанію народной души, народной жизни родной ихъ Украины.

Успѣхъ первой украинской труппы соблазнялъ и другихъ, и мало-помалу изъ одной труппы образовалось за 20—25 лѣтъ до 50, изъ которыхъ 5—6 труппъ извѣстны и въ столицахъ. Но нельзя сказать, чтобы завоеваніе украинской сцены далось ей первымъ артистамъ легко: долгое время центръ Малороссіи былъ совершенно лишень возможности видѣть родную драму, такъ какъ украинскія представленія были строго воспрещены въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волинской, Черниговской и Полтавской. Оставались для дѣятельности труппъ свободными, кромѣ великорусскихъ губерній, Новороссія, Харьковская, Воронежская, Курская да Кубанская область съ украинскимъ населеніемъ. Украинскіе спектакли допускались только какъ придатокъ къ русскимъ, и потому украинскіе антрепренеры вынуждены были держать по двѣ труппы: русскую и украинскую, а спектакли составлять неизбежно изъ двухъ пьесъ—великорусской и украинской. Нѣкоторые губернаторы и градоначальники (наприм., одесскій) требовали, чтобы число актовъ великорусскихъ пьесъ было не меньше числа актовъ украинской пьесы; поэтому приходилось играть сряду пять великорусскихъ водевилей для того, чтобы исполнить затѣмъ пятиактную украинскую драму. Только постепенно требованіе русской пьесы свелось на исполненіе одного водевиля, который по великой милости губернатора разрѣшалъ ставить на конецъ; въ послѣдніе годы великорусскіе водевили могли уже совѣмъ сойти съ репертуара украинскаго театра. Повсемѣстное же разрѣшеніе на украинскіе спектакли получилось всего 5—6 лѣтъ назадъ.

Среди тѣхъ крупныхъ талантовъ, какіе создали новый украинскій театръ, яркой звѣздой свѣтитъ М. Б. Заньковецкая, любимая артистка не только на Украинѣ, но и по всей Россіи, и въ обѣихъ ея столицахъ. Чарующая внѣшность, музыкальный выразительный голосъ, утонченная чуткость пониманія роли и глубокая задушевность вмѣстѣ съ оригинальнымъ умомъ сдѣлали изъ М. Б. одну изъ выдающихся первоклассныхъ артистокъ нашего времени. Ея игра создала сразу совершенно самобытную украинскую драматическую школу, полную глубокаго художественнаго реализма, задушевной искренности и подкупающей простоты. Много разъ М. Б. предлагали перейти на великорусскую сцену, соблазняя артистку большимъ разнообразіемъ репертуара; увѣряли ее, что роли графинь и королевы болѣе достойны ея великаго таланта, чѣмъ скромныя роли наймичекъ и сельскихъ дѣвушекъ. Но Заньковецкая не соблазнилась болѣе широкими и свободными условіями игры на русской сценѣ. Она осталась вѣрна своему родному искусству, своему великому призванію: художественному воспроизведенію душевнаго облика украинской женщины. И какое цѣльное многостороннее его воспроизведеніе получается въ разнообразномъ репертуарѣ Заньковецкой, начиная съ наивной, ребячески шаловливой и непосредственной «дѣвчины» (въ драмѣ «Лісова Квитка»), невинной, лирически любящей весь міръ и довѣрчивой «Наймички», кончая драматической страстной ролью Маруси Богуславки, пылкой, гордой Бондарівны, Зиньки; отъ сложной трагической героини Наталіи (Лемеривна) и до безмятежно веселой легкомысленной Цвиркунки (Чорноморци) и кумы (въ водевилѣ «Кумъ Мірошникъ»). Заньковецкая уловила всѣ оттѣнки сложнаго и возвышеннаго образа украинской женщины съ тонкой душевной организаціей и сильнымъ героическимъ характеромъ, сумѣла воскресить образъ, сложившійся изъ взаимодействія южной природы и героическихъ условій исторической жизни Украины; Заньковецкая одинаково вѣрно воссоздавала передъ восхищенными зрителями и бытовыхъ современныхъ дѣвушекъ и женщинъ Украины — матерей, женъ и сестеръ убогихъ земледѣльцевъ, и ея историческихъ героинь, какъ онѣ запечатлѣлись въ народной эпической поэзіи и выразились въ переработкѣ современныхъ украинскихъ драматическихъ писателей. Первый колоссальный успѣхъ Заньковецкая одержала въ роли Олены («Глитай», Кропивницкаго). Говорятъ, что послѣ 2-го акта, когда Заньковецкая впервые выступила какъ драматическая артистка, она такъ провела свою роль, что публикой овладѣлъ какой-то безумный восторгъ: она видѣла передъ собой не актрису, а живого человѣка, страдающаго отъ нестерпимой душевной боли, рыдающаго искренними слезами. Послѣ этого перваго драматическаго выхода Заньковецкая недѣлю пролежала больной, — такъ сильно пережила она горе изображенной ею обманутой Олены. Давно это было, въ 1881 году; но годы безсильны надъ могучимъ дарованіемъ артистки, и теперъ, какъ и 25 лѣтъ тому назадъ, М. Б. заставляетъ по произволу и плакаты, и смѣяться своихъ зрителей, даетъ смыслъ и значеніе самой пустой пьесъ,

въ которой она участвуетъ. Такъ создала она, напримѣръ, извѣстность «Лісовой Квиткѣ», «Цыганкѣ Азѣ» и многимъ другимъ пьесамъ.

Изъ другихъ женщинъ артистокъ украинскихъ нельзя не выдѣлить по выдающемуся комическому таланту недолго подвизавшуюся г-жу Затыркевичъ, такъ неподражаемо, безъ всякаго шаржа создавшую образъ украинской бабы, почти всегда выпивающей, остроумной и бѣдовой, когда нужно, но глубоко несчастной въ большинствѣ случаевъ.

Неподражаемы до сихъ поръ остаются талантливые братья Тобилевичи; особенно Садовскій и Саксаганскій; ихъ проникновенная игра создала незабвенные образы трудового земледѣльческаго населенія нашихъ южныхъ степей, образы народныхъ героевъ, борцовъ за свободу и за права обижаемыхъ, вѣчно протестующихъ за независимость своей родины. Кто слышалъ хоть разъ художественный монологъ Садовскаго въ роли Панаса въ драмѣ «Наймичка» Карпенка-Караго, тотъ не забудетъ этотъ стонъ рабочего, безземельнаго земледѣльца, неимѣющаго къ чему приложить свои трудовыя руки, свою бездѣльную любовь къ землѣ-кормилицѣ. Кто разъ видѣлъ Саксаганскаго въ роли Гната Голаго въ драмѣ «Савва Чалый», тотъ получитъ яркій правдивый образъ типа борца украинца за дѣло народной свободы. Это не революціонеръ всемірный, а типичный украинскій гайдамака, борющійся за право «голоты», ненавидящій панство органически, безкорыстно преданный своей идеѣ, своей родинѣ, «безталанной Украинѣ».

Въ послѣднее время часто говорятъ, что пролетаріи въ борьбѣ за свои экономическіе интересы не имѣютъ родины, и всякія политическія стремленія къ освобожденію родины навязываются имъ интеллигенціей и буржуазіей. Объ Украинѣ этого нельзя сказать, такъ какъ исторически объ идеи социальнаго и политическаго освобожденія проводились здѣсь разомъ и одинаково захватывали все обездоленное населеніе.

Талантъ Саксаганскаго отличается удивительной многосторонностію и одинаково художественно проявляется, какъ въ типахъ комедій, такъ и въ самыхъ драматическихъ положеніяхъ. Онъ создалъ комическіе типы комедій своего брата—Бонавентуру (въ «Ста тысячахъ») и глухого Пенѣнжи (въ «Мартынѣ Бурулѣ»). Онъ доходитъ до высочайшаго трагизма въ роли Гната (въ «Безталанной») и въ отцѣ Харитинки («Наймичка»).

Всѣ эти талантливые артисты, конечно, многимъ обязаны тому реальному художественному направленію, лишенному всякой искусственности и какого-либо шаржа, какое внесено было въ украинскій новый театръ его «батькомъ»—М. Л. Кропивницкимъ.

Всѣ артисты съ «батькомъ» во главѣ сразу стали играть не по заученной трафареткѣ, а такъ сказать, прямо изъ души; они не разыгрывали сценъ, а переживали на сценѣ ту драму, какую переносилъ изъ народной жизни на подмостки ихъ же товарищъ, такъ какъ и всѣ драмы вначалѣ писались только ими же, т. е. Старницкимъ, Кропивницкимъ, Карпенко-Карымъ. Всѣ они вышли изъ народной среды, провели дѣтство

среди народа; их чуткому взору рано открылась вся глубина народной души, народного характера. Вот почему их игра никогда не грѣшитъ противъ психологической и бытовой правды. Это непосредственное близкое знакомство съ народной жизнью вмѣстѣ съ ихъ высокой художественной одаренностью помогло Садовскому, Саксаганскому, Кропивницкому и Заньковецкой создать въ Украинѣ такой народный театръ, какого нѣтъ въ Россіи; его появленіе въ самую глухую мертвую эпоху подавленности всѣхъ общественныхъ силъ на Украинѣ подтверждаетъ еще лишній разъ все великое значеніе одаренной сильной личности въ историческомъ ходѣ развитія народной жизни. Оглядываясь назадъ за 25 лѣтъ, можно смѣло сказать, что всю первую половину этого періода имя Заньковецкой и работавшихъ съ ней вмѣстѣ великихъ артистовъ было лозунгомъ возрожденія Украины, было тѣмъ чарующимъ волшебнымъ словомъ, которое будило въ украинскомъ обществѣ, какъ въ столицѣ, такъ и въ самыхъ глухихъ городкахъ, всѣми подавляемое національное сознаніе и сознаніе своихъ невыполненныхъ обязанностей передъ страдающей родиной и ея оскорбляемымъ народомъ.

Призванная къ жизни игрою артистовъ, народилась украинская драматическая литература; за нею вслѣдъ подняла голову и поэзія, и повѣствовательная художественная проза, и въ моментъ всеобщаго пробужденія всѣхъ народностей Россіи Украина не осталась позади другихъ, а громко, увѣренно заявила о своихъ правахъ на свою землю, на свою свободную жизнь, на свое слово. И въ этотъ знаменательный моментъ украинскій народъ не долженъ забывать тѣхъ своихъ дѣятелей, которые лучшими творческими силами своей души не переставали призывать его къ великимъ идеаламъ свободы и правды. Заньковецкая, Кропивницкій, Саксаганскій, Садовскій, Старицкій и Барпенко-Барый займутъ въ исторіи національнаго возрожденія Украины первыя мѣста, а любовь народная вознаграждать ихъ за все, что имъ пришлось выстрадать въ эпоху гоненій и преслѣдованій украинскаго слова.

II.

Русская критика долго не желала признавать украинской драматической литературы. Она отрицала для нея всякую возможность развитія въ силу того, что послѣдняя яко бы осуждена не выходить изъ предѣловъ простонародной жизни, что въ ней нѣтъ и быть не можетъ мѣста сложнымъ драмамъ и тонкимъ комедіямъ: слишкомъ проста и наивна, видите ли, эта простонародная среда. Но украинскіе писатели, очевидно, держались иного взгляда на народную жизнь: зная ее очень хорошо, они видѣли въ ней далеко не одну простоту и наивность, а и сильныя страсти, и сложныя драматическія коллизіи. Когда труппа Кропивницкаго начала свои представленія въ 1881 году, украинскій репертуаръ состоялъ изъ водевилей и оперетокъ и существовалъ только, такъ сказать, ради увеселенія и смѣ-

четворнаго изображенія не то сословной, не то этнографической разновидности—*сохла*. Лучшихъ, сколько-нибудь художественныхъ пьесъ было всего 2—3 съ столѣтней бабушкой, повсемѣстно любимой «Наталкой Полтавкой» во главѣ: «Сватанья на Гончарівці»—Бвитки, «Запорожець за Дунаємъ»—Кумъ мірошникъ и др. Ихъ главнымъ украшеніемъ служили пѣсни; на роляхъ этихъ пьесъ трудно было проявиться крупнымъ драматическимъ талантамъ. Пришлось «батьгѣ» самому расширить поле дѣятельности объединившихся вокругъ него артистическихъ силъ; онъ взялся за перо и однимъ изъ первыхъ дѣйствительно драматическихъ произведеній, въ которыхъ съ особенной силой проявился талантъ Заньковецкой, были пьесы Бропивицкаго: «Доки сонце зійде, роса очі виїсть», «Глитай абож павукъ» и «Дай сердцю волю, заведе у неволю». Прекрасный чистый украинскій языкъ и яркіе выхваченные изъ народной жизни типы сразу обратили вниманіе украинскаго общества на эти пьесы и дали новое значеніе театру. Въ «Глитай» былъ выведенъ типъ сельскаго кулака, своимъ хищничествомъ разоряющаго все село и въ частности разбивающаго личную жизнь одной молодой семьи. Подробно останавливаться на разсмотрѣніи пьесъ украинскихъ намъ не приходится въ такой короткой общей замѣткѣ. Первые пьесы Бропивицкаго сразу завоевали симпатіи публики: въ нихъ впервые выступила передъ зрителями современная народная жизнь Украины, серьезно и правдиво очерченная. Правда, въ нихъ было больше этнографіи, чѣмъ сложнаго драматическаго творчества; но ихъ играли такіе истинные артисты, которые каждую роль одухотворили своимъ горячимъ вдохновеніемъ и создавали живые типы изъ самыхъ блѣдныхъ очертаній. Лучшими пьесами Бропивицкаго останутся надолго любимыя драмы: «Доки сонце зійде роса очі виїсть», «Дві сімѣ», полная этнографическихъ богатствъ свадебнаго украинскаго ритуала, и безсмертная популярная шутка-водевиль «По ревизіі».

Слѣдомъ за Бропивицкимъ и одновременно съ нимъ выступилъ другой, несомнѣнно, крупный даровитый драматическій писатель; вслѣдъ за этнографическими картинами явились захватывавшіе зрителя драматическіе эпизоды изъ былой и современной жизни украинскаго народа: Карпенко-Барый первый показалъ, насколько неправы были литературные критики, осуждавшіе украинскую драматическую литературу на гибель за ея демократизмъ; онъ обнаружилъ, сколько драматическихъ индивидуальныхъ коллизій скрывается въ этой, повидимому, столь стихійной жизни села, сколько глубокихъ драматическихъ моментовъ переживало и переживаетъ теперь это самое населеніе села при постоянномъ столкновеніи въ немъ старыхъ традиціонныхъ элементовъ съ новыми заманчивыми; но не всегда ясными идеалами. Не отходя отъ абсолютной, точной, этнографически правдивой характеристики общества сельской жизни, Карпенко-Барый на ея фонѣ вырисовываетъ художественныя то трагическія по своимъ конечнымъ моментамъ драмы, то удивительно тонкія юмористическія комедіи на современныхъ темъ переживаемаго селомъ переходнаго времени. Теперь, когда

всѣ драмы и комедіи Карпенка-Бараго напечатаны и составили 5 томовъ, можно, читая ихъ, цѣнить всѣ ихъ художественныя достоинства, независимо отъ того захватывающаго впечатлѣнія, какое они производятъ на сценѣ, въ исполненіи Заньковецкой, Саксаганскаго, Садовскаго и самого автора.

Остановимся сначала на комедіяхъ Карпенка-Бараго; изъ нихъ лучшими считаются: обличительныя «Мартынь Буруля» и «Хозяинъ» и бытовыя «Сто тысячъ» и «Розумный та дурень». Мастерская наблюдательность, природный украинскій юморъ и свойственное чувство мѣры, отсутствіе шаржа и любовное отношеніе самого автора къ слабостямъ и недостаткамъ ближняго вносятъ и въ душу зрителя благодушное отношеніе къ этимъ типамъ, созданнымъ всѣми отрицательными условіями современной общественной жизни и села, и города: «Мартынь Буруля»—это, такъ сказать, литературный отецъ «Хозяина»; оба они родные братья Мольеровскихъ буржуа-жантильмовъ. Они жаждутъ выйти изъ своего униженнаго положенія сельскихъ сословій или путемъ приписки къ привилегированной дворянской кастѣ, какъ силится это сдѣлать Мартынь Буруля, или путемъ обогащенія, какими бы то ни было способами, какъ этого добиваются Балитка въ «Ста тысячахъ» и Пузырь въ комедіи «Хозяинъ». «Мартынь Буруля» и «Пузырь», несомнѣнно, самые цѣльные и законченные образы Карпенка-Бараго, и обѣ комедіи блещутъ реализмомъ и глубиной юморомъ. «Хозяинъ»—какъ яркая картина эксплуатаціи крупнымъ землевладельцемъ всего окружающаго населенія—получила особое социальное значеніе въ наше время и по всей Украинѣ пользовалась огромнымъ успѣхомъ. Это навело автора на мысль написать продолженіе своей социальной комедіи «Хозяинъ», въ которой выступили бы передъ зрителями дѣти «Пузыря»,—то слѣдующее поколѣніе народной интеллигенціи, которая, хотя и училась на нечистоплотныя денежки отца, но сама уже набралась въ школѣ новыхъ, болѣе свѣтлыхъ идей и стремленій. Это молодое поколѣніе подъ тѣми же именами и проходитъ въ двухъ послѣднихъ комедіяхъ Карпенка-Бараго «Суета» и «Житейское море». Обѣ эти пьесы обнаруживаютъ полное банкротство той нравственной подготовки, какую получили въ современной школѣ (низшей и высшей) эти живые, здоровые отпрыски крестьянства: двое сыновей, и кандидатъ правъ, и директоръ гимназіи, набрались только одного желанія—занять высокое положеніе въ обществѣ и благополучно сдѣлать «карьеру», отвернувшись при этомъ съ пренебреженіемъ отъ своего родного отца и родной матери за ихъ принадлежность къ неказистому крестьянскому люду. Въ этомъ отношеніи потрясающее впечатлѣніе производитъ заключительная сцена въ «Суетѣ» когда на именины пролѣзающаго въ директора гимназіи сына вдругъ прѣзжаютъ его старики отецъ и мать: незванные гости обнаруживаютъ крестьянское происхожденіе карьериста, что приводитъ въ отчаяніе его жену-дочь генерала. Имъ дѣлаютъ такой пріемъ, что они предпочитаютъ немедленно уйти изъ дома своего любимаго старшаго сына.

Въ «Житѣйскомъ морѣ» идетъ уже жизнь младшаго сына того же богатаго крестьянина; онъ тоже ушелъ изъ села, но не ради наживы или карьеры, а, повинувся художественному влеченію, пошелъ на сцену и сталъ знаменитъ. Но и тутъ полное отсутствіе нравственныхъ устоевъ приводитъ его къ этическому паденію. Такимъ образомъ, вся трилогія Карпенка-Бараго является обличеніемъ современнаго взаимодѣйствія города и села: люди уходятъ изъ села, бѣгутъ въ городъ за свѣтомъ знанія, а онъ, разбившая ихъ вѣковыя традиціи, не даетъ взаимѣнъ ничего, кромѣ жажды матеріальныхъ благъ, карьеры и наслажденія жизнью. Только одинъ членъ семьи Борильченка не гибнетъ въ общемъ разложеніи, это—единственная дочь, Василина; она тоже кончила гимназію, тоже порывалась уйти отъ своихъ на курсы въ городъ, но судьба ее сводитъ съ мѣстнымъ народнымъ учителемъ, и она остается работать вмѣстѣ съ своимъ мужемъ въ народной школѣ.

Этотъ призывъ назадъ въ село для плодотворной работы звучитъ и въ другой комедіи Карпенка-Бараго: «За Днѣпромъ», гдѣ герой, сынъ крестьянина, окончивши сельско-хозяйственное училище, возвращается къ себѣ устраивать земледѣльческія артели и изъ-за нихъ ведетъ борьбу съ сельскими кулаками. На этихъ комедіяхъ Карпенка-Бараго приходится остановиться; онъ впервые влилъ въ украинскую художественную литературу обличительный характеръ отношенія къ существующей въ украинскомъ селѣ дѣйствительности взаимѣнъ прежней сентиментальной ея идеализаціи. Рядомъ съ обличеніемъ у автора всегда звучитъ и опредѣленное положительное требованіе, вытекающее, какъ изъ его собственнаго міросозерцанія, такъ и изъ культурнаго положенія Украины, лишенной всякой родной культуры, родной интеллигенціи. Это—требованіе производительной культурной и экономической работы на селѣ.

Национальное чувство горячо проявляется Карпенко-Барымъ въ его прекрасныхъ историческихъ драмахъ. Вообще въ немъ соединяются и реализмъ-сатирикъ и романтикъ-художникъ, ищущій красоты героизма, высокихъ чувствъ. Украинская исторія манила его именно тѣмъ героизмомъ, котораго въ ней такъ много. Карпенко-Барый началъ писать драмы, увлекшись чарующимъ женскимъ образомъ народныхъ украинскихъ историческихъ пѣсень—«Бондаривною». Эта первая драма сразу выдвинула ея автора яркостью картинъ, новизною образовъ и богатствомъ языка. Этими качествами, характеризующими вообще творчество Карпенка-Бараго, особенно отличается его другая историческая драма—«Савва Чалый». Здѣсь выступаетъ на фонѣ ярко обрисованнаго глухого народнаго волненія два образа, два вождя тогдашней волнуемой Украины: ея народный гайдамакъ Гнатъ Голый и культурный умиротворитель Савва, ищущій тѣхъ компромиссовъ, при которыхъ два лютыхъ врага—панство и украинская народная масса—безъ огня и безъ меча могли бы придти къ какому-нибудь соглашенію. Увы—его поведеніе является въ глазахъ истиннаго народнаго ватажка Гната однимъ безчестнымъ компромиссомъ, а драма раз-

рѣшается убійствомъ Саввы рукою его же друга и бывшего товарища Гната. Драма тонко анализируетъ эти оба историческіе характера; она написана горячимъ музыкальнымъ языкомъ и слушается, и читается съ захватывающимъ интересомъ.

Тонкость анализа души человѣческой и глубина драматической коллизіи отличаютъ бытовые драмы Карпенка-Караго отъ всѣхъ современныхъ украинскихъ драматическихъ произведеній. Его коллизіи приводятъ къ дѣйствительно безвыходнымъ положеніямъ и погружаютъ зрителя въ трагическій беспросвѣтный мракъ душевныхъ страданій героевъ. Возьмемъ ли мы «Наймичку», гдѣ судьба сводитъ богатаго крестьянина-развратника съ одной изъ его же непризнанныхъ дочерей. Эта роковая встрѣча приводитъ его къ самому страшному преступленію и разбиваетъ жизнь и несчастной наивной чистой Харитинѣи и любящаго ее работника Опанаса. Всѣ три лица здѣсь такъ мастерски противопоставлены, такъ выпукло обрисованы, что зрителю въ концѣ тяжелой исторіи украинскаго Эдипа всѣхъ жалко, и чувствуется, что всѣ эти люди съ ихъ дурными страстями и съ нѣжными, чистыми чувствами—только жертвы какой-то неумовимой и жестокой судьбы, управляющей стихійно людскимъ счастьемъ и несчастьемъ. Тоже и въ прекрасной драмѣ «Безталанна», гдѣ Софія является коронной ролью М. Б. Заньковецкой. Тутъ два женскіе характера—одинъ нѣжный, любящій, довѣрчивый—Софія, жена красавца-крестьянина Гната, другой—страстный, гордый, неуступчивый—Варка, отбивающая у Софіи мужа и разбивающая жизнь и Софіи, и Гната, и свою. Такимъ же фатализмомъ дышитъ и драма «Батькова сказка» и «Підпанки», построенныя на старомъ фонѣ крѣпостныхъ нравовъ. Личныя страданія вездѣ переплетаются у украинскаго драматическаго писателя со страданіями всего народа; нужда, невѣжество, угнетеніе давятъ народную массу, не даютъ выдѣлиться изъ нея сильнымъ талантамъ, ломаютъ человѣческую жизнь. Но масса пробуждается, борется за свои права, и талантливый сильный рѣзецъ Карпенка-Караго вырѣзываетъ передъ нами нестираемые образы его героевъ, его борцовъ, его вождей. Село теряетъ свою кажущуюся инертную, однообразную стихійность, и выдвигаетъ наружу свою индивидуальную и общественную жизнь.

Намъ пришлось такъ долго остановиться на произведеніяхъ Карпенка-Караго потому, что они дѣйствительно создали украинскую драматическую литературу, поставили ее на высоту требованій современнаго народнаго театра и больше всѣхъ другихъ произведеній украинской литературы способствовали пробужденію украинскаго національнаго самосознанія.

Въ этомъ отношеніи сыграла также очень большую роль историческая драма Старицкаго—«Богданъ Хмельницкій», особенно въ художественномъ исполненіи труппы Саксаганскаго; въ этой драмѣ проявляется весь талантъ эффектной сценической композиціи, какииъ обладалъ Старицкій, а грандіозное историческое содержаніе драмы, искусно использованное авторомъ, производитъ на зрителя очень сильное впечатлѣніе. Старицкій, какъ писа-

тель, еще недостаточно оцѣненъ современниками украинцами. Его часто обвиняли въ подражательности, въ слишкомъ свободныхъ заимствованіяхъ сюжетовъ; но Украина всегда останется благодарна ему за его труды по правильной постановкѣ дѣла украинскаго театра, на которое онъ пожертвовалъ все свое значительное состояніе, а также и по широкой разработкѣ литературнаго украинскаго языка. Изъ его драмъ лучшей навсегда останется «Богданъ Хмельницкій», и бытовая: «Не такъ складлося якъ жадалося». Написанная на ту же тему, какъ и драма Кропивницкаго «Доки сонце зійде, роса очі вістать» — она превосходитъ послѣднюю болѣе тонкимъ анализомъ человѣческой души и лучшей сценической отдѣлкой.

Изъ другихъ украинскихъ драматическихъ писателей выдѣляется Мпрный своей бытовой драмой «Лимеривна», написанной на сюжетъ одной изъ популярнѣйшихъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ о томъ, какъ мать пьяница пропиваетъ свою красавицу дочь богатому, но ненавистному ей дочери жениху. Это — яркая картина нравовъ, въ которой вдохновенная игра Заньковецкой создала одну изъ первыхъ драмъ въ украинскомъ театрѣ. Здѣсь этой артисткой проявляется тонкое пониманіе женской души, борющейся между двумя чувствами: любовью къ бѣдной своей несчастной матери-пьяницѣ и къ молодому бѣдному ушедшему на заработки паробку. Любовь къ матери и долгъ дочери на время берутъ верхъ, и она выходитъ замужъ за богатаго, противнаго ей, придурковатаго крестьянина. Но природа скоро беретъ верхъ и мучительно заставляетъ страдать молодую женщину, прикованную къ жалкому, презираемому ею человѣку. Возвращеніе любимаго ею раньше паробка приводитъ къ драматической развязкѣ. Во всей драмѣ разлито драматическое настроеніе, оно чувствуется уже съ перваго акта и кроется въ затаенно враждебныхъ отношеніяхъ двухъ слоевъ сельскаго общества — пролетаріевъ и разбогатѣвшихъ, зазнавшихся кулаковъ. Это настроеніе производитъ очень сильное впечатлѣніе на зрителя, но расплывается при чтеніи. Во всякомъ случаѣ «Лимеривна» — одна изъ наиболѣе яркихъ бытовыхъ украинскихъ драмъ, но для своей постановки требуетъ большого ансамбля даровитыхъ артистовъ.

Кромѣ этихъ художественныхъ драмъ и комедій на украинской сценѣ много, такъ сказать, и второстепенныхъ пьесъ, обязанныхъ своимъ успѣхомъ не драматическому искусству ихъ авторовъ, а исключительно обаятельно художественной игрѣ М. Б. Заньковецкой. Такова, на примѣръ, «Цыганка Аза» — мелодрама Старицкаго. Это — эффектная, безсодержательная пьеса, но въ роли Азы живетъ, любитъ и ненавидитъ, танцуетъ, кокетничаетъ и умираетъ великая артистка, и публика обѣихъ столицъ спѣшитъ на эту пьесу, боится пропустить малѣйшее движеніе властительницы украинской сцены.

Такова же и недавно поставленная на сценѣ пьеса г-жи Яновской — «Лісова Квітка». Ей не было хода ни въ одной труппѣ: слишкомъ бросалось въ глаза отсутствіе истиннаго драматическаго творчества у автора, столь талантливаго въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ. Но вотъ года два

тому назадъ въ Петербургѣ Заньковецкая захотѣла выступить въ роли новой индѣлки «Лисовой Квіткѣ» и создала нѣчто жизненное и непосредственное, чарующее своей абсолютной наивностью. Пьеса г-жи Яновской стала пользоваться громаднымъ, хотя и рефлекторнымъ, такъ сказать, успѣхомъ. Были и другія пьесы, пользовавшіяся временнымъ успѣхомъ, напримѣръ, «Борці замрїї», «Жидівка Выхрестка» и др. Но въ драматическомъ отношеніи онѣ написаны слабо. Наоборотъ, есть пьесы, по содержанію отвѣчающія на серьезные вопросы переживаемой эпохи, напр., «На різнахъ мовахъ»—Д. Маркевича, которыя существующими труппами рѣдко ставятся. Въ послѣднее время выступило два новыхъ драматическихъ украинскихъ писателя: Гринченко, давшій уже цѣлый сборникъ своихъ драмъ, и Хоткевичъ, помѣстившій въ *Литер. Науков. Вістн.* (Львовъ) 1906 г. новую драму, полную жизни, изображающую современное общественно-революціонное движеніе, охватившее всю Россію и всѣ классы ея населенія. Въ этой драмѣ еще слабо очерчены типы, но картины нарисованы горячо и вся драма оставляетъ цѣльное впечатлѣніе. Драма эта еще нигдѣ не ставилась, и потому не можетъ быть опѣнена со стороны ея сценичности. Драмъ Гринченка нѣсколько разъ ставились разными труппами, но съ перемѣнчивымъ успѣхомъ. Въ нихъ мало живыхъ людей, нѣтъ естественныхъ жизненныхъ коллизій; всѣ онѣ слишкомъ искусственны и написаны холодно, не языкомъ страсти, а размысленной рѣчью человека, только наблюдающаго жизнь, его окружающую.

Не малое значеніе для успѣха украинскаго театра имѣла чарующая украинская музыка. И теперь, а тѣмъ болѣе раньше, многіе ходили въ украинскій театръ—лишь бы насладиться украинскими пѣснями, украинской музыкой. Раньше въ каждую драму, въ каждую комедію вставлялись совершенно естественно хоровыя и соловыя пѣсни: украинскій народъ живетъ сильными чувствами и выразителемъ силы его чувства и является народная богатая музыка. Украинецъ думаетъ, переживаетъ горе, радуется,— все пѣснью. Въ той Украинѣ, которую не развратила еще казарма и фабрика, у которой чуждая ей школа не затуманила ея природнаго поэтическаго художественнаго настроенія, пѣсня играетъ громадную роль въ жизни. Этого не понимаютъ многіе критики и считаютъ вставку пѣсенъ въ обиходныя картины сельской жизни капризомъ писателей, незнающихъ чѣмъ наполнить ту или иную сцену. Между тѣмъ, это пѣніе органически связано съ бытомъ украинскаго села. Въ репертуарѣ украинскаго театра есть пьесы, въ которыхъ цѣлыя сцены полны этнографическаго содержанія и чаруютъ зрителей своими музыкальными ансамблями. Такъ, напр., въ драмѣ Старицкаго «Ой не ходи Грицю тай на вечорницї» и его же пьесѣ «Нічъ на Івана Купала» великолѣпны сцены, гдѣ сельская молодежь «водитъ ко роля», гуляя въ лѣсу. Прекрасна также вся украинская свадьба, изображенная въ драмѣ Бровивницкаго: «Дві Семьи». Діалектическія пѣсни въ «Димеривнѣ» (въ предпоследнемъ дѣйствїи) усиливаютъ трагическое впечатлѣніе, не внося ничего искусственнаго въ ходъ самаго дѣйствія. Н.

кроме тѣхъ драмъ и комедій, которыя богато украшены украинской музыкой, на украинской сценѣ даются и настоящія оперы; начиная съ простенькихъ музыкальныхъ картинъ Нищинскаго «Вечориці» и «Наташки Полтавки», такъ любимыхъ на всѣхъ украинскихъ театрахъ, и кончая сложными музыкальными произведеніями Лисенка—«Різдвяна Ніч» и «Утоплена». Дается также опера «Катерина» (по Шевченко) музыка Аркаса. Очень жаль, что затруднительныя условія, въ какихъ украинское слово оставалось до сихъ поръ, не дали возможности г. Лисенку поставить его большую оперу «Тарасъ Бульба», интересныя №№ которой исполнялись въ концертахъ.

Такимъ образомъ усиліями маленькой группы людей, высокоодаренныхъ выдающимися талантами и безграничной преданностью своему родному слову (а слово—это душа и мысль народа), за 25 лѣтъ созданъ украинскій театръ съ разнообразнымъ репертуаромъ, съ прекрасной обстановкой и выработанной традиціей реального художественнаго исполненія ролей. Теперь, по иниціативѣ Н. В. Лисенка, въ Кіевѣ открыта первая украинская музыкально-драматическая школа, гдѣ съ этого года читаются лекціи объ украинскомъ драматическомъ искусствѣ и по украинской литературѣ. Нечего и говорить, какое громадное значеніе эти курсы имѣютъ для дальнѣйшаго развитія украинскаго драматическаго искусства.

Въ годовщину 25-лѣтія украинскаго новаго театра нельзя не пожелать, чтобы на Украинѣ, также какъ и въ Чехіи въ эпоху ея національнаго обновленія, открылась всенародная подписка на постройку народнаго украинскаго театра. Но увы! Въ настоящее время Украина вмѣстѣ со всей Россіей переживаетъ такую тяжелую годину, что не до театра ея страдающему измученному населенію. Но когда борьба закончится и свѣтлая свобода смѣнитъ современные черныя дни, тогда украинскій народъ сумеетъ достойно почтить то великое дѣло, которое вынесли на своихъ плечахъ немногочисленные достойные дѣятели его національнаго возрожденія. И между ними одно изъ первыхъ мѣстъ займетъ великая украинская артистка М. Б. Зашьковецкая и ея первые товарищи-артисты.

С. Русова.

Неприкосновенность народных представителей въ Германіи.

Вопросъ о неприкосновенности депутатовъ является въ настоящее время жгучимъ для нашего юнаго парламентаризма. Русская бюрократія, какъ показалъ фактъ съ депутатомъ перваго призыва Ульяновымъ, намѣревается поступать съ нашими народными представителями самымъ безцеремоннымъ образомъ. Если бюрократія не въ состояніи уничтожить свободу слова въ самой Думѣ, то она намѣрена освободиться отъ оппозиціонныхъ депутатовъ путемъ привлеченія послѣднихъ къ суду за ихъ внѣ-парламентскую дѣятельность.

Неприкосновенность депутатовъ (такъ называемые «иммунитеты»), какъ въ самомъ парламентѣ, такъ и внѣ стѣнъ парламента—наиболѣе выстраданная потребность всего европейскаго парламентаризма. Во всѣхъ странахъ этотъ вопросъ служилъ долгое время яблокомъ раздора между народнымъ представительствомъ, съ одной стороны, и монархіей—съ другой. Исторія почти всѣхъ представительныхъ учрежденій показываетъ, что въ начальный періодъ парламентаризма, когда старый режимъ доживалъ свои послѣдніе дни, онъ, этотъ старый режимъ, долго сопротивлялся требованію парламента обезпечить депутату полную свободу дѣйствій въ его парламентской и внѣ-парламентской дѣятельности. Въ Англіи перы послѣ долгой борьбы съ монархіей добились неприкосновенности. Долгое время англійская монархія всѣми средствами боролась съ оппозиціонными депутатами и противилась требованію установить депутатскую неприкосновенность. Достаточно только сказать, что въ 1399 г., въ царствованіе Ричарда II, одинъ изъ перовъ былъ присужденъ къ смерти за произнесенную въ парламентѣ рѣчь, направленную противъ расточительства въ королевскомъ дворцовомъ хозяйствѣ.

Только въ 1689 г., при изданіи знаменитаго «bill of rights», была установлена статья, гарантировавшая неприкосновенность депутатовъ. Статья эта (9-я) гласитъ: «Свобода рѣчи, дебатовъ или засѣданій въ парламентахъ не должна служить предметомъ обвиненія или вопроса со стороны какой-либо власти, за исключеніемъ парламента».

На континентѣ иммунитетъ впервые появляется во Франціи, гдѣ право неприкосновенности депутатовъ было завоевано во время великой французской революціи. Впервые неприкосновенность депутатовъ въ парламентѣ и внѣ парламента была провозглашена въ Національномъ Собраніи. Припомнимъ, что въ то время для французскихъ народныхъ представителей было особенно важно оградить личность депутатовъ внѣ парламента, такъ какъ знаменитыя *lettres de cachet* предоставляли администраціи полнѣйшій произволъ. Со времени великой революціи всякое уголовное преслѣдованіе депутатовъ находится въ зависимости отъ согласія камеры, исключая только случаевъ задержанія при самомъ совершеніи преступленія.

Перекинувшаяся изъ Франціи въ сосѣднія страны революціонная волна принесла съ собою вмѣстѣ съ идеей представительнаго учрежденія и идею неприкосновенности депутатовъ. При введеніи во всѣхъ народныхъ представительствахъ парламентскихъ привилегій руководились прежде всего тѣмъ, чтобы защитить народныхъ представителей отъ злоупотребленій со стороны правительства. Парламенты исходили изъ того взгляда, что правительство можетъ привлечь оппозиціонныхъ депутатовъ къ суду за ихъ критику дѣйствій правительства, а судъ, подъ давленіемъ правящихъ сферъ, можетъ и осудить депутата. Отсюда естественно возникло требованіе полной свободы слова депутатовъ и неприкосновенности послѣднихъ. Но сдѣлавъ этотъ шагъ, представительныя учрежденія логически должны были сдѣлать второй шагъ и прокламировать неприкосновенность депутатовъ и за ихъ внѣ-парламентскую дѣятельность; вѣдь очень легко могло случиться, что правительство привлекаетъ къ суду кого-либо изъ неприятныхъ ему депутатовъ за какое-либо дѣйствіе, совершенное внѣ парламента, арестовываетъ его и такимъ образомъ избавляется отъ нежелательнаго депутата. Въ виду этого явилось необходимымъ въ интересахъ сохраненія въ чистотѣ принципа парламентаризма бороться и за то, чтобы всякій арестъ депутата могъ производиться лишь съ согласія парламента.

I.

Лишь въ началѣ XIX вѣка, когда идеи французской революціи проникли и въ Германію, мы встрѣчаемъ въ конституціяхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ княжествъ пункты о парламентскомъ иммунитетѣ. Впервые мы встрѣчаемъ этотъ пунктъ въ Саксоніи-Веймаръ-Эйзенахѣ, гдѣ конституція была установлена 5 мая 1816 г.

Въ Баваріи неприкосновенность депутатовъ выражена въ 27 статьѣ конституціи отъ 26 мая 1818 г. Въ Пруссіи принципъ иммунитета установленъ въ конституціи отъ 1850 г. Такъ, статья 84 прусской конституціи гласитъ: «члены обѣихъ палатъ никогда не отвѣтственны за свое голосованіе въ палатѣ, за высказанныя же въ ней мнѣнія они несутъ отвѣтственность только передъ палатой на основаніи собственнаго регламента». До 1870 года не существовало одного, обязательнаго для всѣхъ

ландтаговъ Германіи принципа иммунитета. Въ большинствѣ конституцій германскихъ союзныхъ государствъ установленъ принципъ неподсудности депутатовъ; но имѣются конституціи, устанавливающія, что сами ландтаги должны рѣшить вопросъ о подсудности депутата; наконецъ, имѣются конституціи (въ двухъ союзныхъ государствахъ), совершенно не устанавливающія принципа иммунитета. Въ имперской же конституціи принципъ иммунитета выраженъ въ статьѣ 30, которая гласитъ: «Ни одинъ членъ рейхстага ни въ какое время не долженъ подвергаться судебному или дисциплинарному преслѣдованію и внѣ рейхстага привлекаться къ отвѣтственности за способъ его голосованія или за выраженія, сдѣланныя имъ при выполненіи депутатскихъ функцій». Различіе между парламентскими привилегіями въ отдѣльныхъ ландтагахъ и въ рейхстагѣ давало себя настолько чувствовать, что уже въ 1868 году, во время функціонированія сѣверо-германскаго рейхстага, Ласкеръ, извѣстный прогрессистскій политическій дѣятель, внесъ въ рейхстагъ слѣдующій законопроектъ: «Ни одинъ членъ какого-либо ландтага или камеры какого-нибудь изъ союзныхъ государствъ ни въ какое время не долженъ подвергаться судебному или дисциплинарному преслѣдованію, или внѣ ландтага привлекаться къ отвѣтственности за свое голосованіе, или за выраженія, сдѣланныя имъ при исполненіи своего депутатскаго призванія». Консервативныя партіи и партія католическаго центра выступили противъ этого проекта, рассматривая его какъ нарушеніе федеративнаго принципа и вмѣшательство въ область, касающуюся только ландтаговъ. Но во имя «идеи объединенія» выступилъ бывшій тогда еще либераломъ будущій прусскій министръ финансовъ (а въ 1848 году революціонеръ и другъ Карла Маркса) Микель. Онъ указывалъ, что задача рейхстага работать надъ расширеніемъ своихъ компетенцій, что тенденціи, направленные къ тому, чтобы сузить компетенціи рейхстага, являются тенденціями враждебными по отношенію ко всему «союзу». «Мы убѣждены,—доказывалъ Микель—что если представителей народа въ отдѣльныхъ государствахъ ставятъ въ независимое положеніе отъ давленія со стороны партикулярныхъ тенденцій правительствъ, этимъ самымъ свобода народныхъ силъ растетъ». Проектъ Ласкера былъ принятъ въ рейхстагѣ 119 голосами противъ 65. Но союзный совѣтъ отклонилъ проектъ. Въ 1869 г. проектъ Ласкера вновь обсуждался въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ. На сей разъ противъ него энергично выступилъ самъ Бисмаркъ, который хотя тогда и былъ защитникомъ всеобщаго избирательнаго права, все же не сдѣлалъ шага, логически вытекающаго изъ самаго факта существованія представительныхъ учреждений. Рейхстагъ и въ 1869 г. высказался за проектъ Ласкера. Союзный же совѣтъ опять-таки отклонилъ проектъ. Наконецъ, въ 1870 году, когда былъ созданъ единый имперскій уголовный кодексъ, въ него ввели § 11, который устанавливаетъ иммунитетъ для всѣхъ нѣмецкихъ ландтаговъ. Этотъ параграфъ гласитъ: «Ни какой членъ ландтага, или камеры какого-либо изъ входящихъ въ имперскій союзъ государствъ, не долженъ внѣ камеры привлекаться къ отвѣт-

ственности за свое голосованіе или за выраженія, сдѣланныя имъ при выполненіи депутатскихъ полномочій». Этотъ § 11 дѣйствителенъ для представительныхъ учреждений германскихъ союзныхъ государствъ, а также для Эльзасъ-Лотарингіи и трехъ вольныхъ городовъ.

Въ исторіи германскаго парламентаризма имѣется нѣсколько случаевъ столкновенія народныхъ представителей съ правительствомъ на почвѣ принципа иммунитета. Однимъ изъ этихъ случаевъ является извѣстный «Fall Twesten» — случай, относящійся ко времени прусскаго конфликта въ 1865 г. Въ этомъ году былъ привлеченъ къ отвѣтственности извѣстный прогрессистскій дѣятель Твестенъ за произнесенную имъ въ прусскомъ ландтагѣ рѣчь, въ которой онъ яко бы оклеветалъ и оскорбилъ прусскую юстицію. Въ первой судебной инстанціи Твестенъ былъ присужденъ къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія, а во второй—къ денежному штрафу въ размѣрѣ 300 талеровъ. Въ объясненіе такого приговора верховный судебный трибуналъ доказывалъ, что статья 84 прусской конституціи не исключаетъ случаевъ ареста членовъ обѣихъ палатъ за высказанныя ими клеветы. Трибуналъ комментировалъ, что подъ словомъ «мнѣнія» нужно понимать лишь результаты мыслительныхъ способностей, въ противоположность утвержденіямъ, основаннымъ на фактахъ. По мнѣнію высшихъ судебныхъ инстанцій, отсутствіе въ 84 статьѣ слова «выраженія» ограничиваетъ полную свободу слова депутатовъ и такимъ образомъ даетъ право суду преслѣдовать тѣхъ депутатовъ, рѣчи которыхъ выходятъ за предѣлы «мнѣній» и носятъ оскорбительный или клеветническій характеръ. Съ такимъ казуистическимъ толкованіемъ судебныхъ инстанцій не согласился прусскій ландтагъ. Въ 1867—68 гг. Ласкеромъ былъ внесенъ проектъ, согласно которому въ статью 84 вносится и слово «выраженія». Ландтагъ принялъ проектъ Ласкера, но «палата господъ» (верхняя камера) отклонила его; та же исторія повторилась и въ 1869 г. Принятый въ 1870 году § 11 имперскаго уголовного кодекса сдѣлалъ излишнимъ препарателъства по этому поводу въ прусскомъ ландтагѣ.

Но и въ послѣдующіе періоды германская парламентская жизнь богата примѣрами, когда или правительство, или господствующее большинство рейхстага пытались свести на нѣтъ всю сущность принципа неприкосновенности народныхъ представителей—мы имѣемъ въ виду попытки ограничить свободу слова депутатовъ. Въ 1879 г., когда эра преслѣдованія германскихъ социаль-демократовъ была въ полномъ разгарѣ, Бисмаркъ, этотъ творецъ «закона противъ социалистовъ», внесъ въ 1879 г. въ рейхстагъ законопроектъ касательно «уголовной власти рейхстага надъ своими членами». Этотъ законопроектъ имѣлъ единственной цѣлью отнять у социалистовъ возможность пропагандировать свои идеи путемъ единственно остававшагося у нихъ средства парламентской трибуны (социаль-демократовъ въ рейхстагѣ было тогда 9). Согласно проекту Бисмарка, коммиссія, состоящая изъ президіума и десяти членовъ рейхстага, имѣла полномочія опредѣлять рядъ наказаній для провинившихся депутатовъ: выговоръ въ

присутствіи всего рейхстага, вынужденіе принять свои слова обратно, исключеніе на нѣкоторое время и даже до конца легислатурнаго періода изъ числа членовъ рейхстага. Но этотъ проектъ вызвалъ къ себѣ отрицательное отношеніе даже со стороны національ-либеральной партіи, партіи, господствовавшей тогда въ рейхстагѣ и при ближайшемъ содѣйствіи которой «законъ о социалистахъ» вступилъ въ жизнь. Однѣ лишь консервативныя партіи поддержали проектъ, который такимъ образомъ большинствомъ рейхстага былъ отвергнутъ.

Слѣдующій прецедентъ, вызвавшій много толковъ, извѣстенъ въ исторіи нѣмецкаго парламентаризма подъ именемъ «случая Либкнехта»; этотъ случай относится къ 1897 г. Въ германскомъ рейхстагѣ существуетъ обычай въ началѣ и въ концѣ каждой сессіи выражать свои вѣрнопоподанническія чувства императору; это дѣлается такимъ образомъ, что депутаты по приглашенію президента рейхстага встаютъ съ своихъ мѣстъ и кричатъ «hoch (да здравствуетъ!)». Соціалъ-демократы обыкновенно въ такихъ случаяхъ оставляютъ залъ засѣданій, не желая участвовать въ этой монархической манифестаціи. Когда при открытіи сессіи въ 1894—95 г. президентъ рейхстага провозгласилъ «hoch» императору, Вильгельмъ Либкнехтъ не послѣдовалъ примѣру своихъ товарищей, повинувшихъ залъ, но остался въ залѣ засѣданій и продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ. Это поведеніе Либкнехта глубоко задѣло монархическія чувства депутатовъ, которые увидѣли въ поступкѣ Либкнехта демонстрацію противъ императора. Тогдашній президентъ рейхстага, извѣстный консервативный политическій дѣятель фонъ-Левецковъ тогда же, во время «прецедента» обратился къ Либкнехту съ слѣдующими словами: «Я сожалѣю, что не располагаю средствами наказать или предупредить такое поведеніе». Германское правительство желало наказать Либкнехта и прокуратура вошла въ рейхстагъ съ предложеніемъ о возбужденіи немедленнаго преслѣдованія и привлеченія къ суду Либкнехта. Но рейхстагъ большинствомъ голосовъ отклонилъ предложеніе прокуратуры. Большинство рейхстага (лишь консерваторы и антисемиты голосовали за предложеніе прокуратуры) стало на точку зрѣнія, что поступокъ Либкнехта былъ сдѣланъ «при исполненіи депутатскихъ функций»,—а это, согласно 30 ст. имперской конституціи, составляетъ прерогативы депутата.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о свободѣ слова депутатовъ находится вопросъ объ обязательствѣ давать свидѣтельскія показанія. Этотъ вопросъ является въ настоящее время весьма жгучимъ въ нѣмецкой парламентской жизни въ виду нѣкоторыхъ фактовъ самаго послѣдняго времени, фактовъ, подрывающихъ въ корнѣ весь принципъ свободы слова депутатовъ и этимъ самымъ весь принципъ иммунитета народныхъ представителей. Согласно германскимъ законамъ, свидѣтель, отказывающійся отъ дачи показаній по дѣлу, ему хорошо извѣстному, подвергается извѣстнаго рода наказаніямъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ приглашенъ къ берлинскому слѣдователю депутатъ рейхстага Эрцбергеръ, котораго про-

силы давать рядъ свидѣтельскихъ показаній по дѣлу, которое имѣ, Эрцбергеромъ, было освѣщено въ рейхстагѣ въ рядѣ рѣчей (рѣчи Эрцбергера обличали порядки въ германскомъ колоніальномъ вѣдомствѣ и содержали въ себѣ массу новыхъ, неизвѣстныхъ широкой публикѣ и весьма некрасивыхъ фактовъ изъ области управленія нѣмецкими колоніями). Этотъ прецедентъ—вызовъ Эрцбергера въ качествѣ свидѣтеля—вызвалъ сильное возбужденіе и много толковъ въ нѣмецкой политической и юридической прессѣ. Большинство германскихъ юристовъ исходитъ изъ того положенія, что, примѣняя принудительность свидѣтельскихъ показаній и къ народнымъ представителямъ, этимъ самымъ наносится ударъ всей парламентской свободѣ слова. Принудительность свидѣтельскихъ показаній уничтожаетъ одно изъ важнѣйшихъ правъ депутата вынести на свѣтъ Божій многія темныя стороны жизни, не опасаясь преслѣдованій и принужденія раскрыть тѣ источники, откуда депутатъ черпалъ свои факты. Многіе довѣряютъ именно депутату подѣ условіемъ сохраненія тайны, и если бы депутатъ вынужденъ былъ давать свидѣтельскія показанія и раскрыть тѣ источники, откуда онъ черпалъ свои сообщенія—многія явленія общественной жизни не увидѣли бы свѣта. И если бы депутаты наказывались за отказъ давать показанія, то это явилось бы нарушеніемъ всей сущности иммунитета. Германскіе юристы требуютъ, чтобы въ уголовное право былъ включенъ пунктъ, который долженъ ясно указать, что депутаты освобождены отъ принудительной дачи показаній. Интересно отмѣтить, что вопросъ объ обязательствѣ давать показанія и депутатамъ уже разъ обсуждался въ германскомъ рейхстагѣ. Въ 1886 г. одинъ депутатъ былъ привлеченъ въ качествѣ свидѣтеля въ виду брошенныхъ имъ обвиненій по отношенію къ двумъ берлинскимъ торговымъ фирмамъ. Депутатъ отказался на судѣ давать какія-либо показанія. Рейхстагу пришлось заняться этимъ вопросомъ. Тогдашній вождь центра, Виндгорстъ, внесъ во время дебатовъ слѣдующій антрагъ: рейхстагъ долженъ сдѣлать заявленіе того рода, что нельзя заставить депутатовъ давать показанія относительно фактовъ, которые были сообщены ему, какъ народному представителю, и которыхъ онъ въ рейхстагѣ касался». При обсужденіи этого антрага Виндгорстъ мотивировалъ необходимость принятія его предложенія слѣдующимъ образомъ. Источники,—говорилъ онъ,—откуда депутаты черпаютъ свои матеріалы для того, чтобы какія-нибудь темныя явленія жизни стали извѣстны народу—закроются или депутатъ самъ потеряетъ возможность имъ пользоваться, какъ только дача показаній сдѣлается принудительной, ибо въ этомъ случаѣ условіе, поставленное депутату со стороны доставившихъ матеріалы лицъ, сохранить тайну—будетъ нарушено. По волнующему въ настоящее время всѣхъ вопросу о принудительности свидѣтельскихъ показаній и для депутатовъ высказался недавно въ одномъ юридическомъ журналѣ депутатъ рейхстага Миллеръ. Онъ писалъ: «Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о правѣ депутатовъ подвергаться критикѣ темныя

стороны жизни. Подавляющее большинство народа видит въ свободѣ слова наибольшее право народнаго представительства».

Свобода слова въ германскомъ рейхстагѣ ограничена при обсужденіи дѣйствій и вообще особы императора. Въ германскомъ рейхстагѣ существуетъ обычай, согласно которому депутаты рейхстага стараются не втягивать въ дебаты особу императора, ибо «личность императора священна и непримосновенна». Этотъ обычай на нашъ взглядъ не вполне соответствуетъ истиннымъ задачамъ политической и парламентской жизни, имѣющей своей цѣлью освѣщать *ест* явленія жизни. Упомянутый обычай особенно чувствителенъ въ Германіи, гдѣ императоръ откликается на всѣ явленія общественной жизни и въ своихъ частыхъ рѣчахъ высказываетъ свои мнѣнія (и часто въ довольно рѣзкой формѣ) о различныхъ политическихъ партіяхъ, общественныхъ группахъ и пр. Реагировать на рѣчи императора считаютъ иногда своей политической обязанностью тѣ партіи, на которыя императоръ нападаетъ. Въ виду этого установилось въ рейхстагѣ то правило, что касаться рѣчей императора можно лишь въ томъ случаѣ, если эти рѣчи аутентичны, т.-е. опубликованы въ официальномъ «имперскомъ указателѣ». Это правило было фиксировано заявлениями президента рейхстага 21 января 1899 г., 21 июня и 12 декабря того же года. Но были случаи, когда президентъ рейхстага не дозволялъ депутатамъ касаться опубликованныхъ въ «имперскомъ указателѣ» рѣчей императора. Одинъ изъ надѣлавшихъ шуму случаевъ произошелъ достопамятной зимой 1902—03 г., во время извѣстной борьбы за таможенный тарифъ. Политическія страсти тогда были очень разгорячены. Императоръ Вильгельмъ далъ волю своему темпераменту и въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ Эссенѣ и Бреславлѣ, обрушился на социаль-демократовъ, назвавъ ихъ «недостойными носить имя нѣмца». Когда Фольмаръ отъ имени социаль-демократической фракціи хотѣлъ 20 января 1903 г. касаться рѣчей императора, президентъ рейхстага, гр. Баллестремъ, запретилъ ему это. Этотъ поступокъ Баллестрема вызвалъ возмущеніе всѣхъ лѣвыхъ партій рейхстага и подавляющаго большинства нѣмецкаго народа.

II.

Наряду съ привилегіей парламентской дѣятельности депутата многія законодательства расширили иммунитетъ въ томъ смыслѣ, что за внѣ-парламентскую дѣятельность депутата судебное преслѣдованіе послѣдняго можетъ начаться только съ разрѣшенія самого рейхстага. И эта часть иммунитета обязана своимъ происхожденіемъ политическимъ мотивамъ. Творцы этого закона исходили изъ того, что правительство при желаніи избавиться отъ нежелательныхъ депутатовъ можетъ арестовать ихъ за внѣ-парламентскую дѣятельность. Для того, чтобы устранить такую возможность, всѣ западно-европейскія законодательства признаютъ, что депутатъ можетъ быть преданъ суду не иначе, какъ съ разрѣшенія па-

латы. Только наша российская «конституция» и въ этомъ вопросѣ отличается отъ европейскихъ конституцій. По закону 20 февраля 1906 года членъ думы, преданный суду по обвиненію въ преступленіи, за которое въ законѣ положено наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, временно устраняется отъ участія въ ея собраніяхъ (ст. 20). Въ Германіи неприкосновенность депутата внѣ парламента обставлена слѣдующимъ образомъ. Ст. 31 имперской конституціи устанавливаетъ: «Безъ разрѣшенія рейхстага никакой членъ его во время сессіи не можетъ быть привлеченъ къ дознанію или арестованъ, исключая случаевъ задержанія при самомъ совершеніи преступленія или въ теченіе послѣдующаго за этимъ дня». Пунктъ третій этой статьи гласитъ: «По требованію рейхстага подлежить прекращенію на время сессіи каждое судебное производство противъ его члена, а также и каждое предварительное заключеніе и гражданская отвѣтственность». Вопросъ о томъ, распространяется ли этотъ пунктъ и на приведеніе въ исполненіе уголовного наказанія, являлся и является по сю пору спорнымъ въ германскихъ парламентскихъ кругахъ. Исторія нѣмецкаго парламентаризма богата фактами, когда большинство рейхстага въ этомъ вопросѣ высказывалось не въ пользу парламентскихъ прерогативъ. Такое толкованіе 31 ст. было особенно чувствительно для социаль-демократической партіи, которая, по выраженію социаль-демократическаго депутата Фальтейха въ 1874 г. «никогда не страдаетъ недостаткомъ въ людяхъ, которые сидятъ въ тюрьмѣ».

Впервые былъ внесенъ въ рейхстагъ въ мартѣ 1873 г. антрагъ депутатовъ Шрапса и Зоннеманна, гласившій: «рейхстагъ рѣшаетъ: требовать освобожденія изъ заключенія депутата Бебеля на время періода засѣданій». Бебель, какъ извѣстно, былъ присужденъ тогда къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія по знаменитому дѣлу «о подготовленіи къ государственной измѣнѣ». Но большинство рейхстага отвергло это предложеніе, мотивируя тѣмъ, что къ случаямъ заключенія ст. 31 не примѣняется. Въ 1874 г. пришлось требовать освобожденія Либкнехта, но и это требованіе не было поддержано рейхстагомъ. Съ наступленіемъ въ 1875 г. эры усиленныхъ репрессій по отношенію къ социаль-демократіи требованіе объ освобожденіи заключенныхъ социаль-демократическихъ депутатовъ раздавалось часто какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ социаль-демократической прессѣ. Въ 1875 г. антрагъ прогрессиста Банка измѣнить ст. 31 имперской конституціи въ томъ смыслѣ, что по требованію рейхстага подлежить прекращенію и приведенію въ исполненіе уголовного наказанія, былъ отвергнутъ большинствомъ рейхстага. И характерно, что съ теченіемъ времени уменьшилось число депутатовъ, защищавшихъ полную неприкосновенность депутатовъ и отстаивавшихъ ту точку зрѣнія, что иммунитетъ долженъ распространяться и на приведеніе въ исполненіе уголовного наказанія. Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда господствовалъ такъ назыв. «культуркампфъ» и католическая партія центра преслѣдовалась— эта партія шла рука объ руку съ социаль-демократіей, когда дѣло шло о

требованіи полного и окончательнаго иммунитета. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ центръ былъ еще оппозиціонной партіей, которая, подобно социаль-демократической партіи, была заинтересована въ расширеніи 31 ст. имперской конституціи. Но въ началѣ 90-хъ годовъ центръ постепенно становится партіей правительственной; ея оппозиціонный духъ исчезаетъ и она вмѣстѣ съ консервативными партіями и національ-либералами становится защитницей всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій. Въ виду этого, начиная съ 90-хъ годовъ единственной защитницей полного и послѣдовательнаго иммунитета народныхъ представителей является социаль-демократическая партія. Почти въ каждой сессіи рейхстага вносится социаль-демократическими депутатами предложеніе о распространеніи силы 31 ст. и на приведеніе въ исполненіе уголовного наказанія—но эти предложенія постоянно отвергаются почти всѣми бюргерскими партіями.

К. Надевъ.

Два гения.

Одно сопоставленіе именъ Александра Пушкина и Адама Мицкевича вызываетъ цѣлый рядъ мыслей. По странной случайности два послѣднихъ года XVIII столѣтія породили двухъ величайшихъ поэтовъ сосѣднихъ славянскихъ національностей. Равные по силѣ и блеску своего великаго таланта, они оба должны были испытать на себѣ весь гнетъ «жестокаго» вѣка и сойти со сцены, далеко не докончивъ того, что могли бы совершить, оба въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Пушкинъ умеръ 38 лѣтъ, Мицкевичъ—56 лѣтъ. Пушкинъ задохнулся въ расшитомъ золотомъ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, Мицкевичъ долгіе годы долженъ былъ влечить свою жизнь на чужбинѣ и зачахъ вдаль отъ своей родной Литвы, шумящей волнами «пшеницы золотой, да жита серебрятаго». Мало того, судьба столкнула двухъ колоссовъ Россіи и Польши и связала ихъ узами дружбы. Правда, дружба эта была впоследствии омрачена столкновеніемъ, происходящимъ изъ чисто политическихъ причинъ, но во вражду она не перешла.

Отношенія Пушкина къ Мицкевичу не мало занимали какъ русскихъ, такъ и польскихъ историковъ литературы и продолжаютъ занимать и до сихъ поръ. Извѣстный польскій писатель, проф. Юзефъ Третьякъ недавно выпустилъ большую книгу, отчасти посвященную этому мало изслѣдованному вопросу и имѣющую главнымъ предметомъ Мицкевича и Пушкина (*Józef Tretiak: «Mickiewicz i Puszkina. Studya i szkice»*. Warszawa, 1906, 334 str. in 8°).

Книга эта составлена изъ цѣлаго ряда статей, до сихъ поръ неизвѣстныхъ въ Россіи по милости цензуры. Намъ, русскимъ, въ особенности важно ознакомиться съ тѣмъ, какъ польскій писатель относится къ Пушкину, и не проскользнуть ли здѣсь отзвуки той проклятой распри, которая такъ недавно разъединяла два братскихъ народа? Бъ счастью, этого нѣтъ. Прекрасная книга проф. Третьяка написана совершенно безпристрастно, съ великимъ сочувствіемъ къ нашему барду и его судьбѣ.

Посмотримъ, какъ онъ описываетъ возникновеніе печальнаго обстоятельства, разлучившаго нашихъ великихъ поэтовъ.

Встрѣтившись и сойдясь ближе, оба поэта въ достойной мѣрѣ оцѣнили

другъ друга, а такъ какъ зависть великимъ душамъ не свойственна, то они должны были почувствовать другъ къ другу симпатію, и эта симпатія должна была быть глубока, коль скоро ее не порвали политическія событія, которыя вызвали въ сердцѣ Мицкевича такой взрывъ чувствъ и такъ расширили пропасть историческихъ традицій, отдѣляющихъ его отъ русскаго поэта.

Гдѣ искать источникъ такой симпатіи? Несомнѣнно въ личномъ общеніи, которое позволяло имъ глубже проникать въ сердце другъ къ другу. Въ глазахъ другъ у друга они читали искренность и чистоту своихъ вдохновеній и стремленіе душъ, обреченныхъ поэзіей къ взлету надъ торжищемъ низменныхъ дѣлъ. Тѣ минуты, проведенныя вмѣстѣ, бесѣды, въ которыя они, какъ мы знаемъ отъ Мицкевича, затрогивали высокіе религіозные и общественные вопросы, во время которыхъ, какъ говоритъ Пушкинъ, Мицкевичъ «нерѣдко говоритъ о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся», оставили неизгладимые слѣды въ ихъ памяти. И вотъ, хотя ихъ пути впослѣдствіи разошлись, хотя Пушкинъ не всегда умѣлъ удерживаться на тѣхъ высотахъ, гдѣ встрѣчались души двухъ поэтовъ,—даже и тогда они вспоминали другъ о другѣ съ симпатіей. Пушкинъ даже въ приведенномъ стихотвореніи, въ которомъ онъ упрекалъ Мицкевича въ ненависти къ Россіи, называлъ его вдохновеннымъ свыше (онъ вдохновеиъ былъ свыше и съ высоты взиралъ на жизнь). Мицкевичъ же, въ некрологѣ о Пушкинѣ, не скрывая его недостатковъ, выставлялъ на видъ доброту и благородство его природы. «Я близкаго зналъ русскаго поэта, долгое время сталкивался съ нимъ и считалъ его человекомъ хотя легкомысленнымъ и порою слишкомъ впечатлительнымъ, но всегда искреннимъ, благороднымъ и нескрытымъ. Всѣ его недостатки, казалось, зависѣли отъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ жилъ,—что было въ немъ хорошаго, происходило изъ глубины его собственного сердца».

...Что можно прибавить къ такой глубокой характеристикѣ?

Но время шло и неумолимо предъявляло требованіе къ нашему поэту. Семья, широкая жизнь—все требовало новыхъ средствъ къ существованію, а ихъ не представлялось. Возникла было мысль о газетѣ, но осуществиться она не могла; нужно было примириться съ Дворомъ, отъ котораго Пушкинъ бѣжалъ когда-то.

Плодомъ примиренія между правительствомъ и поэтомъ, выраженіемъ тогдашняго настроенія Пушкина явились два его стихотворенія: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина», изданныя вмѣстѣ съ стихотвореніемъ Жуковскаго аналогическаго содержанія подъ общимъ названіемъ «На взятіе Варшавы». Но, во всякомъ случаѣ, первое стихотвореніе Пушкина не соотвѣтствуетъ общему титулу книжки (стихотвореніе помѣчено 2 августа, а Варшава была взята 26 того же мѣсяца).

«Клеветники Россіи», какъ писалъ поэтъ къ Бенкендорфу, это газетки и политическіе ораторы Запада, берущіе подъ защиту Польшу и бивающіе Европу къ войнѣ съ Россіей. Пушкинъ взываетъ къ нимъ, т

они не вмѣшивались въ «домашній споръ» между «кичливымъ ляхомъ и вѣрнымъ россомъ», въ споръ о томъ, «славянскіе ли ручки сольются въ русскомъ морѣ, оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ», потому что вопроса этого не понимаютъ.

Другое стихотвореніе «Бородинская годовщина», вызванное извѣстіемъ о взятіи Варшавы, очень похоже на первое. И здѣсь поэтъ обращается не непосредственно къ полякамъ, а къ такъ называемымъ «Блеветникамъ Россіи» и передразниваетъ ихъ угрозы и планы разрѣшенія польскаго вопроса. Разница только одна—«Бородинская годовщина» заканчивается триумфальнымъ возгласомъ и апофеозомъ двухъ покорителей Варшавы: прежняго—Суворова и новаго—Паскевича.

Что касается поляковъ, то въ обоихъ стихотвореніяхъ видно желаніе шадить ихъ. Весь свой гнѣвъ поэтъ обращаетъ противъ заграничныхъ «мутителей», Польша же упоминается только мимоходомъ:

„Въ боренья падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старья скривжали
Хранять въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сождемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрять гнѣвнаго лица,
И не услышать пѣснь обиды
Отъ ляры русскаго пѣвца“.

Но, къ сожалѣнію, поэтъ и это обѣщаніе въ точности не исполнилъ: «ляха» онъ назвалъ «кичливымъ», Варшаву—«буйной», Польшу сравнялъ съ «бѣгущимъ полкомъ», который «во прахъ бросаетъ стягъ кровавый». «Въ концѣ,—говоритъ Спасовичъ,—онъ могъ бы пошадить поляковъ хотя бы отъ призрака Паскевича, запятнаннаго рѣзней Праги».

Существуетъ предположеніе, что Мицкевичъ отвѣтилъ на эти стихотворенія своимъ знаменитымъ посланіемъ «Въ друзьямъ русскимъ» (оно помещается въ настоящей книгѣ *Русской Мысли*).

Несравненная сила, искренность и глубина лиризма заключается въ девяти строфахъ этого посланія. Поэтъ этой апострофой хотѣлъ громко заявить, что вступилъ въ борьбу не съ народомъ, а съ правительственной системой, угнетающей этотъ народъ, что поднималъ знамя «за нашу и вашу свободу», и напоминалъ своимъ друзьямъ, что то, что онъ нынѣ гласитъ на весь міръ изъ глубины души, проникнутой болью и негодованіемъ, онъ давно раскрылъ въ интимныхъ бесѣдахъ, что, однимъ словомъ, онъ остался точно такимъ же, какимъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но они, которые слушали его съ интересомъ, порою даже съ восторгомъ, и вторили ему, они-то не измѣнились ли? остались ли они вѣрными прежнимъ убѣжденіямъ?

Но тайники души я повѣрляю предъ вами
И сердце голуба для васъ я открываю.

Теперь я въ чашу влил всю горечь укоризны,
И будетъ жечь васъ ядъ моихъ суровыхъ словъ.
Ихъ горечь выпилъ я изъ слезъ моей отчизны,—
Но я коснусь не васъ, а вашихъ кандаловъ.

Начертывая послѣдніе стихи, имѣлъ ли въ виду Мицкевичъ кого-нибудь изъ своихъ русскихъ друзей? Пр. Третьякъ говоритъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ ему казалось, что они были направлены противъ Пушкина и Жуковского, какъ авторовъ стихотвореній, воспѣвающихъ взятіе Варшавы, и что для нихъ-то онъ и предназначалъ.

Но впоследствии, на основаніи различныхъ предположеній и сопоставленій, онъ пришелъ къ убѣжденію, что стихи «Посланіе» написано раньше, въ 1828 или 1829 году.

«Посланіе» сдѣлалось извѣстнымъ Пушкину, должно быть, весной или лѣтомъ 1833 г. Онъ собственноручно переписываетъ его въ свою тетрадь и ѣдетъ съ нимъ въ Оренбургъ, Казань и Симбирскъ, гдѣ разыгрывался бунтъ Пугачева. Того обстоятельства, что «Посланіе» было написано раньше и лишь много времени спустя появилось вмѣстѣ съ третьей частью «Поминокъ» («Dziady»), онъ знать, конечно, не могъ и не могъ не чувствовать, что «чашу укоризны» предстоитъ испить именно ему.

Принять въ молчаніи такой страшный ударъ отъ руки человѣка, такъ высоко цѣнимаго имъ, было совершенно невозможно для впечатлительной натуры Пушкина, который даже малѣйшихъ щелчковъ не привыкъ оставлять безъ отпора. Но отвѣтъ представлялся дѣломъ далеко не легкимъ. Пожалуй, нетрудно было, не сходя съ однажды занятого положенія, отвѣтить Мицкевичу тономъ официального негодованія; это даже открыло бы новый путь къ царскому расположенію и милостямъ. Но Пушкинъ былъ слишкомъ искрененъ и благороденъ, для того, чтобы его могла удовлетворить такая форма отвѣта, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ всю его фальшь. Нѣтъ, онъ хотѣлъ высказаться всею силою чувства и мыслей, въ этомъ найти удовлетвореніе для своего сердца, хотѣлъ достойно отвѣтить великому противнику. Но на этой дорогѣ, какъ преграды, стояли, во-первыхъ, царская цензура, всегда придирчивая къ Пушкину, а потомъ шумъ и суета петербургской жизни.

Какъ бы то ни было, въ томъ же 1833 г. появился Пушкинскій переводъ двухъ балладъ Мицкевича: «Воевода» и «Будрысь и его сыновья». Заключался ли въ томъ отвѣтъ Пушкина?

Послѣдній отдѣлъ книги проф. Третьяка «Пушкинъ и Россія» для насъ представляетъ особый интересъ. Въ Россіи, призванной къ конституціонной жизни, теперь возможенъ свободный обмѣнъ мыслями между двумя національностями, которыя до сихъ поръ были если и связаны тѣмъ-нибудь, такъ только узами общей неволи. Прислушаемся къ голосу польскаго писателя въ оцѣнкѣ нашего великаго поэта.

«До появленія Пушкина въ Россіи не было настоящаго поэта и на-

стоящей поэзіи. И только тогда, когда Державинъ уже сходилъ въ могилу, а Жуковский былъ въ зенитѣ своей славы, на поэтическую арену выступилъ юноша, голосъ котораго сразу возбудилъ восторгъ и всеобщее удивленіе. То былъ новый, до сихъ поръ неизвѣстный языкъ настоящей поэзіи. Правда, въ первыхъ произведеніяхъ новаго поэта чувствовалось еще влияние образцовъ, по которымъ онъ обучался, но вмѣстѣ съ тѣмъ было видно, съ какой легкостью онъ опережалъ эти образцы, съ какою свободою переливался въ ритмическій потокъ пѣсни игру своей фантазіи. Да и не въ томъ только заключалась неслыханная новость этого явленія. Чудесный юноша, который еще такъ недавно воспѣвалъ только Вакха и Киприду, вдругъ настроилъ лиру на важный складъ и громко запѣлъ пѣсню во славу свободы.

Свершилось: двадцатилѣтній смѣльчакъ бросилъ перчатку всемогущей идее самодержавія; въ первый разъ свобода нашла въ Россіи поэтическаго героя. Перчатку тотчасъ же подняли, чтобы примѣрно наказать молоко-сосу, и только благодаря вліятельнымъ друзьямъ поэта удалось избавить его отъ суроваго заточенія въ Соловецкомъ монастырѣ и замѣнить наказаніе ссылкой на югъ.

Кара, постигшая самонадѣяннаго юношу за возгласъ въ честь свободы въ царствѣ деспотизма, продолжалась шесть лѣтъ. За это время въ самомъ Пушкинѣ произошло много перемѣнъ, но судьба его всетаки не измѣнилась, и онъ, несмотря на всѣ свои ходатайства, долженъ былъ прозябать въ своемъ имѣніи, Михайловскомъ.

Но вдругъ умираетъ императоръ Александръ I и вскорѣ на улицахъ Петербурга возносятся знамя конституціонной свободы, то самое знамя, которое пять лѣтъ тому назадъ поднялъ Пушкинъ въ своей «Одѣ на вольность». Декабристы были жестоко наказаны, но Пушкинъ вскорѣ имѣлъ возможность убѣдиться, что если по отношенію къ декабристамъ царь Николай оказался неумолимымъ, то по отношенію къ нему онъ хочетъ быть особенно ласковымъ и снисходительнымъ. Царь послалъ за нимъ фельдъегеря, приказавъ привезти его къ себѣ, самъ объявилъ, что даруетъ ему свободу и—неслыханная милость—отнынѣ самъ будетъ его цензоромъ.

Пушкинъ былъ ослѣпленъ внезапною перемѣною своихъ отношеній къ могучему самодержцу и въ первую минуту не замѣчалъ опасностей, таившихся на пути, который открывался передъ нимъ. Ему улыбалась надежда занять высокое положеніе въ обществѣ, положеніе посредника между царемъ и народомъ, въ особенности съ тою частью народа, которая имѣла либеральныя стремленія. Ему казалось, что онъ будетъ имѣть возможность стоять у трона безъ іерархическаго отличія, съ однимъ только іерархическимъ знакомъ генія на челѣ и воздѣйствовать пѣснью на душу автократа, настраивая ее и дѣлая доступною для пробуждающихся высшихъ стремленій народа. Началась игра, единственная въ своемъ родѣ: царь хотѣлъ воспитать для себя поэта, поэтъ хотѣлъ на свой ладъ настроить царя

Игру началъ царь. Чтобы изслѣдовать поэта и сразу ноставить его на новую дорогу, онъ вскорѣ поручилъ ему представить свои соображенія относительно тогдашняго воспитанія молодежи въ Россіи.

Конечно, изъ этого ничего не вышло. Когда Пушкинъ представилъ свой мемориаль, царь поблагодарилъ за него, но къ его либеральнымъ заключеніямъ отнесся недоброжелательно и ясно далъ понять, въ какомъ направленіи надлежитъ совершенствоваться, чтобы заслужить признательность и довѣріе правительства.

Долго продолжалась неравная борьба и съ роковою послѣдовательностью привела къ тому роковому результату, къ которому должно привести единоборство свободнаго поэта съ могущественнымъ владиной. Пушкинъ былъ цѣлою головою выше тогдашняго свѣтскаго петербургскаго общества, ненавидѣлъ его и оно ненавидѣло его. Нужно ли удивляться, что это разногласіе должно было имѣть какой-нибудь исходъ, долженъ былъ явиться кто-нибудь, кто избавилъ бы довольную и пресыщенную толпу отъ смѣлыхъ пѣсень поэта? Явился Дантесъ—и 27 января все было кончено.

Такъ кончилась трагедія жизни Пушкина, трагедія борьбы поэта съ высокими вдохновеніями и слабой волей, съ могуществомъ русскаго самодержавія. Но хотя самъ Пушкинъ умеръ и уже не могъ быть ни врагомъ, ни союзникомъ самодержавія,—послѣ него оставалась поэзія, не только та, которая была просѣяна сквозь сито цензуры и напечатана, но и та, что еще скрывалась въ его бумагахъ и могла заключать въ себѣ не одинъ неприятный сюрпризъ для существующаго порядка. Объ этой поэзіи царь Николай не забывалъ, и въ то время, когда поэтъ извивался въ страшныхъ мукахъ, императоръ вызвалъ къ себѣ Жуковскаго и приказалъ ему послѣ смерти Пушкина опечатать его бумаги, а потомъ пересмотрѣть ихъ, понятно, съ тою цѣлю, чтобы изъ нихъ не вырвалось на свѣтъ Божій что-нибудь неблагопріятное по отношенію къ правительству. И вотъ мягкій романтикъ, щеголявшій въ тогѣ невинности, предназначенъ былъ на то, чтобы вѣчно быть посредникомъ между поэтомъ и царемъ, даже и послѣ смерти поэта. Волю императора онъ исполнилъ самымъ аккуратнымъ образомъ, и черезъ три четверти часа послѣ кончины Пушкина наложилъ свою печать на кабинетъ поэта. Но этого было мало,—при описи рукописей присутствовали также и жандармы. Это участіе жандармовъ при обзорѣ наслѣдства Пушкина очень краснорѣчиво: они явились въ кабинетъ какъ бы для уловленія духа либерализма, притаившагося въ бумагахъ, котораго мягкій романтикъ своими силами не въ состояніи былъ бы задержать. И онъ былъ тамъ, былъ, исподтишка выглядывалъ изъ множества тетрадей и разрозненныхъ листовъ, которые жандармы приводили въ порядокъ и шивали такъ добросовѣстно, что изъ нихъ образовывался ужасающій хаосъ. Больше всего нетерпимый духъ скрывался въ одномъ предсмертномъ отрывкѣ, вѣриѣ, въ одной строфѣ этого отрывка... что тутъ!... даже въ одномъ стихѣ этой строфы, забившійся въ уголокъ и какъ бы съ пистолетомъ ожидающій жандармовъ.

Этотъ отрывокъ былъ написанъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти поэта и имѣлъ эпиграфомъ начало стиха Горація: *Exegi monumentum*. Какъ бы въ предчувствіи близкой смерти Пушкинъ подводилъ въ немъ итогъ своихъ заслугъ и значенія своей поэзіи, а въ четвертой строфѣ перечислялъ поводы, по которымъ онъ рассчитываетъ на любовь народа:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу,
 И милость къ падшимъ призывалъ.

«Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу»,—вотъ гдѣ скрывался неисправимый преступникъ, котораго ни жалованье, ни щедрыя субсидіи, ни ласки, ни придворный титулъ не могли сломить и подчинить лдѣ самодержавія. Теперь его арестовали (мягкій романтикъ въ компаніи съ жандармами!), вытащили изъ строфы, въ которую онъ проскользнулъ, а такъ какъ образовавшуюся брешь нужно было чѣмъ-нибудь заполнить, то Жуковский самъ сочинилъ стихъ съ соответственнымъ размѣромъ и рѣзю, и такой невинный, что онъ могъ бы превосходно фигурировать на памятникѣ его собственной поэзіи:

Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ.

Были еще и другія поправки Жуковского и не только въ этомъ стихотвореніи, но и все наслѣдство Пушкина, тогда еще неизвѣстное обществу, перешло черезъ такую же корректуру мягкаго романтика и въ исправленномъ имъ видѣ печаталось въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

Такова исторія отношенія Пушкина къ государству. То была птица безподобно поющая, но всю жизнь содержащая въ клеткѣ. Эту клетку, во второй половинѣ его жизни, старались украсить такъ, чтобы поэтъ не тосковалъ по свободѣ; птицѣ обильно сыпали зерна, дали ему красивую самгу и птица примирилась съ прутьями своей клетки. Но случилось и такъ, что, заслышавъ издалека свободный голось другихъ птицъ, парящихъ среди зелени и солнца, поэтъ выдался на золоченые прутья, преграждавшіе ему доступъ къ свободному міру, и напрасно бился о нихъ своими крыльями. А при одной изъ такихъ попытокъ онъ разбился на смерть.

Посмотримъ теперь, каково было отношеніе Пушкина къ Россіи не какъ къ государству, а какъ къ народу? Чѣмъ былъ Пушкинъ для этого народа? Прежде всего онъ былъ явленіемъ, какого народъ до сихъ поръ не видалъ: явленіемъ истинной поэзіи, дышащей всею искренностью чувствъ, отливающей всѣми цвѣтами радуги. Во-вторыхъ, въ этомъ чудномъ явленіи русскій народъ (понятно, въ тѣхъ наслоеніяхъ, которыя способны были охватить поэзію Пушкина), находилъ себя, свою природу, свои традиціи, свой сказочный міръ, свою дикость и низкій уровень своей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, да еще и въ огромной степени, свое пробужденіе отъ

тяжелого сна възовъ, свои впечатлѣнія, вызванныя волной западной жизни, все сильнѣе и сильнѣе ударающей о берега Россіи. Пушкинъ въ известномъ стихотвореніи «Эхо» (мысль, заимствованная у Т. Мура) неподобно сравнилъ поэта съ эхомъ, которое повторяетъ всякій болѣе сильный голосъ: и ревъ звѣря въ лѣсу глухомъ, и отлосокъ рога, и грохотъ грома, и долетающую до него изъ-за холма пѣсню дѣвы. Такимъ эхомъ Пушкинъ поистинѣ былъ для Россіи. Отъ этого эха до Россіи доносились и ея родные звуки, ея несдержимая сила, ея варварство, а еще громче звучали чувства недавно привитой къ ней цивилизаціи Запада, ея европеизмъ, еле замѣтнымъ слоемъ покрывающей вросшее до глубины души варварство. Отсюда происходитъ и двойственность поэзіи Пушкина: стадный духъ, настолько сильный въ Россіи, и духъ свободы рядомъ другъ съ другомъ распространяють свои крылья, и нѣтъ ничего удивительнаго, что поэтъ былъ настоящимъ эхомъ тогдашней Россіи. Отсюда въ его поэзіи столько родного элемента, а съ другой стороны столько европейскихъ формъ и такая приверженность къ нимъ. Поэтому въ Россіи въ поклоненіи Пушкину соединяются два противоположные лагеря и каждый изъ нихъ считаетъ его своимъ поэтомъ, какъ это ярко проявилось при торжествѣ открытія ему памятника въ Москвѣ въ 1880 г.

Поэзія Пушкина стала разсадникомъ для разныхъ позднѣйшихъ литературныхъ направленій. Изъ нея вышелъ весь Лермонтовъ со своимъ азиатскимъ байронизмомъ; изъ нея Гоголь черпалъ поддержку для своего реализма и ѣдкой сатиры, на ней воспитался Тургеневъ и изъ нея же вытекалъ свои симпатіи къ Западу, и даже болѣе всѣхъ отдаленный отъ Пушкина и годами и воззрѣніями Левъ Толстой могъ найти въ его поэзіи (напримѣръ, въ «Галубѣ» и въ нѣкоторыхъ отрывкахъ послѣднихъ лѣтъ) указанія для своего нео-христіанскаго направленія. Но та же самая поэзія въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, такихъ, какъ «Клеветникамъ Россіи» или «Бородинская годовщина», являлась и является до сихъ поръ знаменемъ въ рукахъ пресловутой троицы-русскаго сервилизма, шовинизма и панславизма, а выраженіе Пушкина о сліянніи славянскихъ ручьевъ въ русское море стало классическимъ лозунгомъ ея стремленій.

Раньше уже упоминалось, какъ въ стихотвореніи «Клеветникамъ Россіи» поэтъ величался матеріальнымъ могуществомъ Россіи, ея протяженіемъ отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Волжиды, ея стальной щетиною. Кому же угрожалъ поэтъ могуществомъ, представленнымъ въ образѣ диваго звѣря? Кто были тѣ «клеветники Россіи»? Навѣрно тамъ были разные люди, которыхъ Мицкевичъ называлъ «шайкой деморализованныхъ эгоистовъ», умѣвшихъ, какъ афиняне во время Демосоена, «шумѣть и мѣнять ораторовъ и вождей», но были и такіе, какъ аббатъ Ламинъ, благороднѣйшіе представители западнаго либерализма, того «западнаго вѣтра», который, по пророчеству Мицкевича, вложенному имъ въ уста Пушкина (въ «Памятникѣ Петру Первому») «когда-нибудь согрѣеть и рас-

топить скованный морозом каскадъ тиранства». Пушкинъ не отличалъ тѣхъ отъ другихъ, всѣмъ одинаково угрожалъ клыками и щетиною кабана. Въ этихъ угрозахъ и въ этихъ похвальбахъ физическою силою Россіи, и даже въ этомъ нежеланіи различать противниковъ, Пушкинъ становится похожимъ на мистическихъ богатырей русскихъ былинь, на Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича и многихъ другихъ, которыхъ фантазія русскаго народа одарила гигантскою физическою силою и соответственной этому хвастливостью, и которые, ослѣпленные сознаниемъ этой силы, готовы были вызывать въ битву даже небесныя силы.

Пр. Третьякъ заканчиваетъ свой трудъ одной изъ этихъ былинь, и находитъ, что въ ней самъ русскій народъ какъ бы заключилъ пророчество и предостереженіе для русскаго государственнаго могущества. Это пророчество и предостереженіе по идеѣ своей сходны съ пророчествомъ Мицкевича о «каскадѣ тиранства».

Былина повѣствуетъ о битвѣ богатырей съ татарами надъ фантастической рѣкою Сафатъ, которая обязана своему названію долинѣ Иосафата. Татарская сила была нечислима, «ни молодецъ ее не объѣдетъ, ни сѣрый волкъ не объжитъ, ни черный воронъ не облетитъ», но богатыри побѣдили всѣ эти силы и такъ вознеслись въ своей гордынѣ, что одинъ изъ нихъ воскликнулъ: «давай намъ сюда небесную силу,—мы и съ той справимся». Лишь только они это сказали, какъ появились два небесныхъ витязя, и говорятъ: «Вы хотите биться, начинайте!» Налетѣлъ на нихъ сначала Алеша Поповичъ, взмахнулъ мечомъ во всю силу и разрубилъ каждого на двое; изъ двоихъ сдѣлалось четверо,—и всѣ живые. Налетѣлъ потомъ Добрыня Никитичъ, снова взмахнулъ мечомъ и разрубилъ каждого на двѣ части; изъ четырехъ сдѣлалось восемь, и всѣ живые. Налетѣлъ Илья Муромецъ, сдѣлалъ то же самое, а сила небесныхъ витязей опять умножилась въ два раза,—и всѣ живые.

...Долго рубились богатыри, а небесная сила все растетъ и растетъ и идетъ на бой съ богатырями... Устрашились могучіе богатыри, и побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры. Подбѣжить богатырь къ горѣ и окаменѣть, подбѣжить другой и окаменѣть, подбѣжить третій и тоже окаменѣть... Съ тѣхъ поръ и перевелись богатыри на Руси...

Эта прекрасная былина не служитъ ли пророчествомъ, изъ глубины души люда происходящимъ, что гигантская матеріальная сила Россіи, олицетворенная въ сказочныхъ богатыряхъ, въ концѣ-концовъ должна понести поражение, если будетъ вызывать на бой небесныя силы? А развѣ свобода и справедливость не являются тѣми двумя небесными витязями, которые дозволяютъ разрубать себя на части, чтобы потомъ въ удвоенномъ числѣ возстать готовыми для новой битвы? Эта борьба, до сихъ поръ дѣлящаяся въ Россіи (нужно отмѣтить, что пр. Третьякъ послѣднюю свою статью писалъ въ 1899 году) и которая продлится, должно быть, еще много времени, отпечатлѣлась въ душѣ и поэзіи Пушкина такимъ образомъ, что онъ вы-

ступалъ по очереди какъ пѣвецъ то одной, то другой изъ борющихся сторонъ. Но если онъ когда-нибудь становился поющимъ орудіемъ востывающаго авторитаризма, то только вследствие слабости натурн, и подчиняющейся соблазнамъ жизни; въ глубинѣ души онъ не переставалъ поклоняться «силамъ небеснымъ» и вліяніе этой враждующей стороны гораздо сильнѣе и полнѣе находить отзвукъ въ его поэзіи, чѣмъ на сторонѣ противной.

Очевидно, самъ поэтъ и утѣшался этимъ, и гордился, если въ своемъ поэтическомъ завѣщаніи, перечисляя свои права на народную любовь, начерталъ:

Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу.

В. А.

Основные моменты въ развитіи исторической мысли.

Матеріальная и духовная культура тѣсно, органически связаны между собой. Онѣ образуютъ единое *соціальное* явленіе, живутъ общею жизнью и повинуются одному и тому же закону развитія. Религія, мораль, право, науки и искусства представляютъ собой лишь идеальныя формы историческаго сознанія человѣка,—формы, въ которыхъ отражается и выражается внѣшній реальный міръ во всемъ своемъ безконечномъ разнообразіи, всеми своими сторонами. Отсюда со смѣной эпохъ, по мѣрѣ поступательнаго движенія исторіи, мѣняется и психологія общества и его отдѣльныхъ соціальныхъ группъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ и совершенно новый міръ понятій. Религіозныя, нравственныя и правовыя системы, научныя теоріи—все развивается вмѣстѣ съ обществомъ въ тѣсной связи съ его потребностями и интересами, умирая и вновь рождаясь, какъ легендарный Фениксъ, изъ пепла. *Panta řei* (все течетъ), говоритъ античный философъ, и въ этомъ безконечномъ потокѣ явленій нѣтъ, какъ во всей природѣ, состоянія покоя, нѣтъ абсолютныхъ «нормъ», а есть лишь непрерывно смѣняющіяся формы. Поэтому міръ идей остался бы для насъ вѣчной загадкой, если бы мы порвали жизненный нервъ питающій его, т.-е. ту интимную связь, которая существуетъ между явленіями, такъ называемой, «духовной» и «матеріальной» культуры, между общественными идеями и общественными интересами. И если мы принимаемъ теперь известное положеніе Аристотеля, что «человѣкъ по природѣ—животное общественное», то вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны признать, что это «животное» обладаетъ также и *соціальной психологіей*, т.-е. что соціальныя элементы проникаютъ въ самую сердцевину его идей и, такъ сказать, формируютъ ихъ. И эта глубокая внутренняя зависимость человѣческой мысли отъ соціальной среды не менѣе рельефно выступаетъ и въ сферѣ развитія историческихъ идей. Прошлое и настоящее исторической науки, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ справедливость этого положенія. Въ предлагаемомъ бѣгломъ очеркѣ мы и попытаемся дать общую картину эволюціи историческаго мышленія.

I.

Человѣкъ всегда интересовался своимъ прошлымъ, думалъ о немъ. В этомъ смыслѣ можно съ увѣренностью сказать, что никогда еще не было да и нѣтъ народа безъ исторической памяти, безъ *традицій*. Историческое сознание проснулось въ человѣкѣ съ первыхъ же дней его культурной жизни, едва вспыхнулъ первый культурный очагъ. Человѣкъ чувствовалъ, что его настоящее было лишь наследіемъ исчезнуваемаго прошлаго, и онъ пытался проникнуть въ это таинственное царство предковъ. Размѣется, то были лишь самые слабые зародыши исторической мысли, во нихъ уже сквозило стремленіе, оглянувшись назадъ, такъ или иначе *проставить* себѣ далекое, темное прошлое. Между этими первыми робкими попытками примитивнаго ума проникнуть въ тайну минувшаго и современной исторической наукой лежить, конечно, цѣлая пропасть, такое же огромное разстояніе, какъ между первобытнымъ обществомъ каменнаго вѣка и блестящей культурой XX столѣтія, но отмѣченный фактъ не уничтожаетъ ни въ коемъ случаѣ *генетической* связи между начальными и конечными моментами эволюціи исторической мысли. Исторія, какъ и природа, не дѣлаетъ скачковъ, она есть процессъ, непрерывная цѣпь явленій, гдѣ выпаденіе одного звена неминуемо влечетъ разрывъ всего цѣлаго. Такимъ образомъ, историческая наука имѣетъ свою собственную исторію.

Понятно, что въ различныя времена человѣкъ смотрѣлъ на свое прошлое не одинаковыми глазами, обращался къ нему съ различными запросами, почему оно и представлялось его взору въ самыхъ разнообразныхъ очертаніяхъ и тонахъ. Это загадочное недосягаемое прошлое то казался ему желаннымъ «золотымъ вѣкомъ», «добрымъ старымъ временемъ» своихъ предковъ или даже потеряннымъ раемъ, то возставало передъ нимъ, какъ мрачный періодъ борьбы злыхъ и темныхъ силъ. Но какъ бы ни представлялъ человѣкъ минувшіе вѣка, они равно манили его къ себѣ и будили въ немъ живой интересъ къ старинѣ и ея традиціямъ. И человѣкъ продолжалъ оглядываться на пройденный имъ путь, стремился какъ бы вспомнить забытую «повѣсть» своей собственной жизни; и если его прошлое представлялось ему въ различные моменты по разному, то причина этого явленія, какъ было уже отмѣчено выше, слѣдуетъ искать, конечно, въ самомъ человѣкѣ *даннаго* историческаго момента. Прошлое, само собой понятно, не могло измѣниться, мѣнялась психологія людей въ тѣсной связи съ измѣненіями окружающей общественной среды. «Преданье старинны глубокое», проходя черезъ сознаніе людей той или иной эпохи, каждый разъ пріобрѣтало новый смыслъ, облекалась въ образы, которые ей подсказывала современность. Такимъ образомъ, подобно тому, какъ сама жизнь общества въ каждый данный моментъ представляетъ весьма живое смѣтеніе «переживаній» старинны и возникающихъ новообразованій, такъ точно и въ мірѣ идей происходитъ непрестанная диффузія идей.

и міросозерпаній. Теперь мы и прослѣдимъ необходимый рядъ этихъ, послѣдовательно сѣбнвившихъ одна другую, формъ непрерывно развивающейся исторической мысли.

Древнѣйшею формою историческаго сознанія было преданіе, эпосъ, сага, героическая пѣснь, священные гимны. То были сказанія о подвигахъ и дѣяніяхъ боговъ и героевъ, которымъ приписывалось дѣло созданія первой культуры. Народная память свято хранила это сокровище вѣками, передавая унаслѣдованную традицію изъ поколѣнія въ поколѣніе. И священные гимны долго жили, какъ устное преданіе, пока чья-нибудь благочестивая рука ни высѣкала ихъ на камень или заносила въ свитокъ пергамента. Но въ томъ и другомъ случаѣ традиція преданія сохраняла свои отличительныя черты. Религіозно-мистическая оболочка и фантастическій элементъ глубоко проникли эту первую историческую традицію и сообщали ей *сказочный* характеръ. И это было вполне естественно. Въ столь отдаленную эпоху, конечно, не могло быть и рѣчи о какой-либо рациональной исторической «теоріи». Въ этомъ смыслѣ историческая философія первобытнаго человѣка вполне гармонировала съ его примитивной психологіей. Историческое *сознаніе* его было совершенно чуждо какой либо критической мысли, оно было его вѣрой. Онъ поклонялся прошлому, какъ своимъ «невѣдомымъ богамъ», въ рукахъ которыхъ онъ видѣлъ судьбу вселенной и свою собственную. Все непонятное, значительное приводило его въ священный трепетъ, ибо для него, говоря словами Тацита, «*omne ignotum pro magifico est*». Вотъ почему все, на чемъ лежала печать сѣдой древности, все, что было окутано мракомъ вѣковъ, вызывало его на поклоненіе и обоготвореніе. И мы видимъ, что на этой стадіи своего развитія историческая традиція превращалась въ *культъ героевъ и культъ предковъ*, становилась *религіей прошлого*. Однако, несмотря на свою яркую миеологическую и мистическую окраску, преданіе старины не теряло своего реального значенія. Эта историческая сказка, или, какъ ее называлъ Вико, «миеологическая исторія», подобно двуликому Янусу, смотрѣла одновременно впередъ и назадъ, храня въ себѣ традицію былого и пониманіе ея въ настоящемъ *). Въ ней горѣлъ лучъ исторической правды, преломившійся въ сознаніи примитивнаго человѣка. Послѣдняя, благодаря этому, принимала легендарный оттѣнокъ, не теряя однако своего значенія *востановленія* о пережитой далекой «были». И эту важную роль «миеологической исторіи» или исторической символики съ необыкновенной глубиной оцѣнилъ еще гениальный Вико, а современная историческая наука сумѣла наконецъ раскрыть и совретенный смыслъ «священной» традиціи преданія, подобно тому, какъ научилась она читать невѣдомыя письмена на памятникахъ ископаемой культуры древнихъ народовъ.

*) Задача исторической критики и сводится къ тому, чтобы выдѣлеть эти различныя наслоенія и постепенно совлечь декоративный элементъ съ исторической основой традиціи преданья.

Въ такой формѣ является намъ первая историческая традиція. Эпоха, когда незамѣтно выросла эта историческая сказка, принимавшая нѣрѣдко размѣры грандіозной *космогонической эпопеи* *), была «героическимъ» періодомъ въ исторіи человѣчества. То было время массовыхъ народныхъ передвиженій, время напряженной и безпощадной борьбы человѣка съ человѣкомъ и величественной дѣвственной природой, время «раздѣла земли». То пионеры человѣчества прорубали себѣ первые пути къ исторической жизни. То была гигантская работа основанія культуры. Базалось, все должно было дышать силой и мощью въ эти времена «подвиговъ Геркулеса», когда сами боги принуждены были вочеловѣчиться и вмѣшаться въ борьбу стихій и народовъ. Вотъ почему едва на свѣже-взрытой груди нашей планеты зацвѣла новая жизнь, завоеванная культура явилась позднѣйшимъ поколѣніемъ, какъ чудесный даръ боговъ и дѣло рукъ героев, и они благословили и обоготворили ее. Это была первая благодарственная жертва мирной цивилизаціи на алтарь предковъ. Такъ былъ данъ первый толчокъ творчеству исторической мысли, а вмѣстѣ съ тѣмъ было заложено и предварительное основаніе первой исторической «теоріи» — теоріи культа героев. По представленію человѣка древности культура предковъ, какъ и самый міръ, были плодомъ исключительныхъ творческихъ силъ боговъ и героев. Такая точка зрѣнія какъ нельзя лучше гармонировала съ антропоцентрическимъ и въ то же время реалистическимъ мышленіемъ первобытнаго человѣка, въ глазахъ котораго все во вселенной должно было имѣть своего творца, мастера, и который самихъ боговъ создавалъ «по своему образу и подобию». При такихъ условіяхъ и въ такихъ формахъ рождалась историческая мысль...

Но едва улеглось взбаломученное море народовъ, и они усѣлись по «своимъ мѣстамъ», какъ началась мирная культурная работа, началось *историческое домостроительство*. Всюду стали складываться, первоначально мѣлкіе, политическіе областные союзы, объединенные на почвѣ мѣстныхъ земскихъ интересовъ. Эпоха легендарныхъ подвиговъ миѣческихъ «героевъ» миновала, на первый планъ теперь выступилъ мирный трудъ. Въ этой новой будничной трудовой обстановкѣ поблѣднѣли яркія краски воспоминаній о нѣкогда пережитыхъ грозныхъ временахъ великихъ народныхъ передвиженій. Тогда на смѣну бардашь и историческому эпосу пришла скромная *летопись*, *областная хроника*, съ ея ограниченнымъ кругозоромъ и земскимъ патріотизмомъ, а вмѣстѣ съ ней явилась и литература «житій» «лучшихъ» людей земли, подвижниковъ и властителей, *біографія* и *автографія*. Съ этого момента *анналистика со всеми своими разветвленіями* и

*) Космогоническій элементъ въ большей или меньшей степени входитъ въ составъ „мифологической исторіи“ положительно всѣхъ народовъ. Особенное развитіе онъ получаетъ въ традиціи преданья народовъ Востока. Для правильной оцѣнки этихъ теогоній историкъ не долженъ забывать, что „народъ всегда рисуетъ бытъ своихъ боговъ чертами собственнаго быта“ (Ковалевскій, „Историко-сравнительный методъ“).

и становится основной формой исторической традиции *). Однако, новая разновидность исторического сознания еще тѣсно примыкала къ древнѣйшимъ образцамъ: лѣтописная традиція какъ бы продолжала традицію героическаго преданія. Она сорвала лишь съ послѣдней ея поэтической покровъ и заставила ее служить новымъ героямъ; на-ряду съ культомъ предковъ она создала культъ ихъ потомковъ. Въ послѣднемъ смыслѣ лѣтописная традиція являлась уже идеологіей новаго общественнаго порядка: болѣе того, она стала на стражѣ его. На мѣсто боговъ и богоподобныхъ героевъ древности она ставила теперь реальныхъ вождей народа, представителей руководящихъ общественныхъ классовъ. Вліятельное положеніе этихъ «переднихъ мужей» выдвигало ихъ, въ глазахъ лѣтописца, въ ряды создателей, творцовъ исторіи, а вѣковая традиція не замедлила вывести ихъ генеологію съ Олимпа. Общезвѣстенъ фактъ, что древніе княжескіе и аристократическіе роды обыкновенно приписывали своимъ предкамъ божественное или героическое происхожденіе.

Такъ постепенно традиція преданія обращалась подъ перомъ лѣтописца въ офиціозную, а позднѣе и въ офиціальную, политическую хронику, а историческая мысль шла на службу возникающему новому государственному порядку, новой государственной власти. Было бы большою ошибкой поэтому представлять себѣ древняго «лѣтописца» въ образѣ, начертанномъ гениальною рукою бессмертнаго русскаго поэта. Образъ пушкинскаго Пямена мы должны теперь признать неисторичнымъ. Такого «къ добру и злу постыдно равнодушнаго» лѣтописца не знаетъ исторія. Лѣтописецъ, какъ и его современники, былъ сыномъ своего вѣка, онъ самъ переживалъ вмѣстѣ съ послѣдними всѣ перипетіи «земли родной». Онъ выступалъ, какъ обличитель и судья, какъ менторъ и философъ **). Стоя на стражѣ порядка, онъ, въ качествѣ «патріота своего отечества», первый формулировалъ теорію «культа героевъ», культурной миссіи государственной власти, посланничества «цесарей». А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ первый выступилъ идеологомъ своей земщины, «національности» въ ея эмбріональной стадіи. Нельзя не вспомнить поэтому нашего кievскаго лѣтописца, того пристрастія, съ какимъ онъ описывалъ «нравъ тихъ и кротокъ», близкихъ его сердцу полянъ, и той суровости, съ какою онъ обличалъ «звѣринскій» обычай сосѣднихъ племенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ не менѣе интересно отмѣтить и ту настойчивость, съ какою наша лѣтопись подчеркиваетъ божественный источникъ княжеской власти ***). Съ этой

*) Возникнувъ съ момента образованія первыхъ территориально-племенныхъ союзовъ, аналогия особенно пышно расцвѣла въ эпоху феодализма. Лѣтопись это—типичный продуктъ историческаго „средневѣковья“, политическаго партикуляризма.

***) Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что какъ на Западѣ, такъ и у насъ, по общему правилу, лѣтописи составлялись лицами духовными и первоначально лѣтописаніе являлось какъ бы монополіей монастырей. Позднѣе оно перешло въ королевскія канцеляріи.

***) „Помысливъ высокоумьемъ своимъ, не вѣдый, яко Богъ даетъ власть, ему же хочеть, дать. Аще бо кая земля управится предъ Богомъ, поставляетъ ей цесаря

двойной, религіозной и политической, точки зрѣнія лѣтописецъ и судилъ своихъ современниковъ, и живописалъ свою «повѣсть временныхъ лѣтъ».

Послѣ всего сказаннаго очевидно, что по содержанию своему лѣтопись должна была значительно отличаться отъ традиціи преданія. Правда, она широкой рукой еще черпала изъ народнаго сказанья, но центръ тяжести ея интереса лежалъ уже не въ нихъ: то была невольная дань старымъ, поверженнымъ богамъ. Напротивъ, лѣтопись, какъ мы замѣтили уже выше, была прежде всего областной хроникой, она жила настоящимъ, глубоко проникнувшись интересами своей земли. Въ тѣхъ же специальныхъ интересахъ она перерабатывала и народную традицію, невольно перенося въ прошлое понятія и интересы настоящаго. Это былъ, такъ сказать, первый образецъ «патріотической» исторіи, который и легъ въ основу первыхъ историческихъ сводовъ.

Событія *политической* жизни естественно при такихъ условіяхъ почти цѣликомъ поглощали вниманіе лѣтописца, который, подобно своимъ современникамъ, умѣлъ и долженъ былъ болѣе всего цѣнить блага внутренняго и внѣшняго мира, «нарядъ» или «урядъ» земли; напротивъ, повседневная суета, жизнь изо дня въ день, протекавшая обычнымъ, «искони» заведеннымъ порядкомъ и извѣстная всѣмъ и каждому, его вовсе не интересовала и почти вполнѣ имъ игнорировалась. Подобный односторонній, *политическій* характеръ лѣтописи, обращавшій ее, говоря словами Татищева, въ «сушую архонтологию», имѣлъ роковыя послѣдствія для развитія, собственно, исторической науки, такъ какъ лѣтописные своды послужили моделью и матеріальной основой первыхъ трудовъ по исторіи.

Благодаря указанному обстоятельству традиція лѣтописи позднѣе незамѣтно превратилась въ традицію «историческую», академическую.

До сихъ поръ мы все время говорили объ *историческомъ* сознаніи человѣчества, но не упоминали объ историческомъ знаніи, наукѣ исторіи. Мы поступали такъ, желая яснѣе подчеркнуть ту мысль, что какъ традиція преданія, такъ и традиція лѣтописная были совершенно чужды основнымъ принципамъ научнаго познанія, хотя онѣ и оставались связаны съ исторической наукой узлами внутренняго преемства. До сихъ поръ мы имѣли дѣло, именно, только съ формами историческаго сознанія. Прimitивная историческая традиція представляла изъ себя, по существу, писанную или неписанную «повѣсть временныхъ лѣтъ», она была какъ бы воспоминаніемъ о минувшемъ; ея цѣлью прежде всего было—*представить* себѣ прошлое человѣчества, возстановить хронологическую послѣдовательность событій былыхъ временъ и запечатлѣть въ памяти потомковъ сказанія о подвигахъ ихъ славныхъ предковъ, «земли родной минувшую судьбу». Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, традиція древности пре-

или князя праведна любяща судъ и правду, и властелин устрояетъ, и судью правящаго судъ. Аще бо князи правдивы бывають въ земли, то многа отдаются согрѣшенья земли; аще ли зли и лукавы бывають, то больше зло наводятъ Богъ на землю, понеже то глава есть земли». Лавр. лѣтописецъ, стр. 136 (изд. 1897 г.).

слѣдовала в нѣкоторую морально-политическую задачу. Обращая прошлое въ предмет поклоненія, въ «книгу завета» предковъ къ потомкамъ, традиція такимъ путемъ сама въ глазахъ современниковъ становилась «скрижалю откровеній и правилъ», наставницею жизни, *Doctrin gentium*. И люди долго смотрѣли на нее, какъ на источникъ вѣковой мудрости. Они искали въ ней отвѣтовъ на вопросы дня, незамѣтно для себя вмѣстѣ съ тѣмъ модифицируя и перерабатывая самое преданіе.

Интересъ собственно къ историческому знанію пробуждается гораздо позднѣе. Историческое изслѣдованіе, историческая наука выступаютъ на сцену лишь съ начала образованія крупныхъ національныхъ государствъ. Только по мѣрѣ объединенія мелкихъ политическихъ тѣлъ въ могущественныя державы подготовлялась благоприятная почва для быстрого расцвѣта матеріальной и духовной культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для развитія научнаго знанія *). Событіе столь огромной важности дало новый могучій толчокъ развитію исторической мысли, совершивъ въ то же время цѣлую революцію въ головахъ людей. Еще разъ человѣкъ остановился въ невольномъ удивленіи передъ дѣлами рукъ своихъ. «Подвигъ», совершенный имъ, поразилъ его самого, и онъ снова задумался надъ великой исторической проблемой, съ новымъ интересомъ устремившись къ своему прошлому **). Съ этого момента и начинается новая эра—эра историческихъ

*) У насъ уже съ образованіемъ московскаго государства складывается первая національно-государственная теорія, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются и первыя попытки переработки лѣтописей. Такими чертами отличались московскіе лѣтописные своды, хронографы, литература „повѣстей“ и „сказаній“, „Степенная книга“, „Синописецъ“. См. Дьяконовъ: „Власть московскихъ государей“; П. Н. Милюковъ: „Очерки по исторіи русской культуры“, ч. III. в. I, гл. II, стр. 28 и сл. Его же: „Главныя теченія русской исторической мысли“, стр. 17.

**) Съ вопроса о томъ, какъ сложилось русское національное государство, обыкновенно и начинали наши первые историки. Ломоносовъ, напримѣръ, открываетъ свою исторію выраженіемъ удивленія, какимъ образомъ Россія могла подняться „на величайшую степень величества, могущества и славы“, а не погибла среди пережитыхъ ею почти непрерывныхъ внутреннихъ и вѣшнихъ потрясеній („Древняя российская исторія“, стр. 1). Карамзинъ въ свою очередь писалъ въ предисловіи къ „Исторіи Государства Россійскаго“: „Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль цѣпенѣть; никогда Римъ въ своемъ величій не могъ равняться съ нею.—Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами Естества,... могли составить одну державу съ Москвою?“ („И. Г. Р.“, т. I, стр. 12—13). Ср. „Шлецеръ-Несторъ“, т. I, стр. 34. То же обстоятельство подвинуло и М. Погодина посвятить свои труды изслѣдованіямъ по русской исторіи. Во вступленіи ко II-му тому своихъ „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій“ Погодинъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свои взгляды по этому поводу: „Первый вопросъ, который намъ представляется здѣсь, есть слѣдующій: какъ началось русское государство. Вопросъ важный и любопытный: какъ началось то государство, которое могуществомъ своимъ превышаетъ далеко всѣ государства въ мірѣ, прошедшемъ и настоящемъ;... которое занимаетъ уже теперь первое мѣсто въ политической системѣ Европы и можетъ располагать судьбою ея, судьбою всего свѣта, всего рода человѣческаго... Какъ зародился этотъ удивительный колоссъ—найдется ли другой вопросъ любопытнѣе для мыслящаго историка, политика и философа“ (стр. 1—2). „Мысль русскаго человѣка,

изысканій. У изслѣдователей прежде всего рождался вопросъ, какъ возникъ и выросъ данный національный организмъ, каковы его отличительные признаки, въ чемъ выражается его самобытный духъ, какимъ путемъ нація сложилась въ единое *государство*. Обостренное въ борьбѣ за самостоятельное политическое существованіе, національное чувство, гордое сознание собственной силы, вѣра въ національный гений смѣшивались въ такомъ случаѣ съ презрѣніемъ, нетерпимостью къ другимъ народамъ—соперникамъ, съ непоколебимой увѣренностью въ своемъ превосходствѣ. Напряженная борьба, которой сопровождался объединительный процессъ у всѣхъ современныхъ народовъ, борьба во внѣ при размежеваніи съ сосѣдями и борьба внутри съ феодальной традиціей—центробѣжными общественными теченіями—питала и разжигала націоналистическія тенденціи. При такихъ условіяхъ историки прежде всего старались доказать, что историческая судьба даннаго народа не имѣетъ ничего общаго съ судьбами прочихъ народовъ, что прошлое ихъ страны отличается «совершеннымъ своеобразиемъ», а характеръ націи самобытными «счастливыми» особенностями. При этомъ каждый «народъ» объявлялъ себя солью земли, избранникомъ неба и смѣло говорилъ о своемъ правѣ на исключительную миссію во всемірно-историческомъ процессѣ, такъ что въ концѣ-концовъ эти національныя претензіи обращались иногда въ своеобразную *Mania grandiosa historica*. Но это было уже крайнее выраженіе національно-государственной идеи, въ которомъ слышался побѣдный кличъ торжествующихъ націй.

Понятно, въ какомъ направленіи должна была (при такихъ условіяхъ) развиваться историческая мысль новорожденныхъ народовъ. Люди стали съ жаромъ доискиваться своихъ національныхъ «основъ», «исконныхъ» началъ, стали искать «самихъ себя» въ томъ далекомъ прошломъ, которое продолжало вопросительно смотрѣть на нихъ и гдѣ, казалось, все было такъ загадочно и «чудесно». Взглядъ историка устремился, конечно, прежде всего къ родной старинѣ, къ памятникамъ родной древности; внѣ ея онъ не хотѣлъ, да и не могъ видѣть ничего иного *).

мысль славянина (говорилъ Соловьевъ на „помянкахъ“ по Керамзинѣ), должна была остановиться прежде всего на томъ явленіи, что изъ всѣхъ славянскихъ народовъ народъ русскій одинъ образовалъ государство, не только не утратившее своей самостоятельности, какъ другіе, но громадное, могущественное, съ рѣшительнымъ влияніемъ на историческія судьбы міра“. Москов. унив. извѣстія 1866—1867 г., № 3, стр. 179. Ср. также Соловьевъ. Соб. соч., стр. 794, 809. Авторъ любилъ также говорить о „великомъ подвигѣ“ созданіи русскаго государства (см. *ibid.* „Древняя Россія“).

*) Одновременно съ этимъ и въ литературномъ мірѣ пробуждается интересъ къ народной поэзіи и памятникамъ духовной народной культуры. Въ Германіи съ середины XVIII вѣка начинается *движеніе* возрожденія національной самобытности, съ которымъ тѣсно связано имя Лессинга. У насъ тоже со второй половины XVIII столѣтія „открывается исканіе народной почвы“ въ памятникахъ народнаго творчества. См. А. Пылякъ. „Исторія русской литературы“, т. III, гл. III, стр. 111—117; т. IV, стр. 201—209.

и возникает усиленное стремленіе къ собранію и разработкѣ источниковъ и памятниконъ старины, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ этого момента берутъ свое начало и первые опыты научной обработки отечественной исторіи. Понятно, что историкамъ пришлось прежде всего обратиться къ возрожденію народнаго преданія, лѣтописной традиціи, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они невольно подчинились авторитету этого основнаго своего источника.

Культъ прошлаго, который являлся теперь выраженіемъ *культу государственной національности*, заставилъ ихъ смотрѣть и на лѣтописную традицію, какъ на нѣчто «священное» и непрерываемое, прежде чѣмъ историческая критика осмѣлилась поднять руку на это откровеніе вѣковъ *).

Извѣстно, что какъ на Западѣ, такъ и у насъ, первые историческіе опыты представляли собой не что иное, какъ пересказъ лѣтописи, художественно-патріотическое или критическое переложеніе ея на академическій или литературный «благородный штиль», причемъ элементъ риторическій и художественный первоначально преобладалъ надъ критическимъ.

Это былъ періодъ господства историческаго *прагматизма*, слѣдуя которому, писатели очевидно подражали классической историографіи, «безсмертнымъ твореніямъ Фукидидовымъ, глубокомысленному живописцу Тациту», «славному, краснорѣчивому Ливію». Первоначально на переднемъ планѣ у нихъ были поставлены литературныя достоинства историческаго повѣствованія—*scribitur ad narrandum*. Но, высоко цѣня искусство исторической живописи, на-ряду съ этимъ историки даннаго періода не менѣе охотно выступаютъ въ роли «моралиста или политика, панегириста или судьи»—*scribitur ad probandum*. Впрочемъ, уже съ этого момента изслѣдователи начинаютъ интересоваться также и вопросомъ о причинахъ историческихъ явленій и событій, но и здѣсь они не идутъ сначала далѣе своихъ образцовъ (лѣтописи и классиковъ), сосредоточивая все свое вниманіе почти исключительно на дѣятельности королей и князей, мудрой политикѣ или страстямъ которыхъ они и приписывали направляющую, творческую силу въ исторіи. Психологическая мотивировка событій—излюбленный, традиціонный приѣмъ историка-прагматика. По его понятіямъ это и значило восходить къ истиннымъ причинамъ «дѣяній и приключеній», причинамъ, въ ряду которыхъ всеблагое Провидѣніе играло роль послѣдней инстанціи.

Стремясь такимъ образомъ къ художественной передачѣ событій прошлаго, къ возможно точному пересказу своего главнаго источника лѣтописи, историкъ-прагматикъ, въ сознаніи своего высокаго призванія, ставилъ своей цѣлью служеніе исторической «правдѣ», хотя, быть можетъ, ему и не всегда удавалось, подобно нашему Карамзину, соблюсти «безпристрастіе историка изъ-за любви къ отечеству». Стремленіе къ «истинѣ»

*) Предметомъ своеобразнаго культа довольно долго былъ у насъ «преподобный Несторъ», которому приписывалось составленіе лѣтописи.

тѣмъ богѣ воодушевляло историка, что онъ смотрѣлъ на свою «должность», какъ на своего рода *shupis publicum*. Онъ сочинялъ свою исторію въ убѣжденіи, что «она даетъ государямъ примѣръ правленія, подданнымъ повиновенія, всѣмъ намъ мужества, судьямъ правосудія, молодымъ старыхъ разумъ, престарѣлымъ сугубую твердость въ совѣтахъ, каждому незлобивое увеселеніе съ несказанною пользою соединенное», справедливо полагая при этомъ, что «когда вымышленныя повѣствованія производятъ движеніе въ сердцахъ человѣческихъ, то *правдивая* ли исторія побуждать къ похвальнымъ дѣламъ не имѣетъ силы» *). При такихъ воззрѣніяхъ историкъ естественно стремился выдвинуть въ своемъ разсказѣ элементъ «героическій», «разительный», драматизируя событія, превознося «подвиги» и обличая «злодѣйства». Подъ его перомъ исторія такимъ образомъ превращалась, по остроумному выраженію Савиньи, въ «*moralisch-politische Beispiel-Sammlung*».

Но повторяя лѣтописный разсказъ, историки вѣстѣ съ тѣмъ усваивали и самый «духъ», направленіе лѣтописи. Полуофициальный «культъ героевъ» послѣдней нашель у нихъ дальнѣйшее развитіе и обоснованіе, сдѣлавшись научнымъ догматомъ, превратившись, наконецъ, въ «философію исторіи». Явленіе это станетъ для насъ вполне понятнымъ, если мы вспомнимъ, что объединительный процессъ въ исторіи европейскихъ народовъ, т.-е. образованіе національныхъ государствъ, совершился подъ знаменемъ абсолютной монархіи, которая всюду вступила въ энергическую борьбу съ феодальнымъ «расчлененіемъ» общества **).

*) См. Ломоносовъ: „Древняя Россійская исторія“, стр. 4.

**) „Абсолютизмъ,—говоритъ проф. Н. Н. Ардашевъ,—составляетъ такую же господствующую характерную черту политической фязіономіи XVII—XVIII в. какою служитъ феодализмъ для IX—XIII в. и сословная монархія для XIV—XV в. Это не значитъ, конечно, чтобы абсолютная монархія господствовала одинаково на всемъ пространствѣ Зап. Европы и на всемъ хронологическомъ протяженіи указанного періода... не всюду въ извѣстный данный моментъ и не во все время въ извѣстной данной странѣ господствуетъ абсолютная монархія. Но эти частныя проблемы не нарушаютъ общаго господствующаго тона картины, и этотъ тонъ дается, именно, именно, абсолютизмомъ. Тамъ, гдѣ мы не находимъ абсолютизма въ фактѣ, мы встрѣчаемся съ нимъ въ притязаніяхъ, въ стремленіяхъ, въ идеяхъ, наконецъ. Абсолютизмъ не только даетъ господствующій тонъ всей политической жизни эпохи, но налагаетъ свой отпечатокъ и на умственную, нравственную и экономическую фязіономію послѣдней“, см. „Абсолютная монархія на Западѣ (1902 г.)“, стр. 1—2 и сл. Особая тѣсная связь національной идеи съ абсолютизмомъ наблюдается, конечно, во Франціи. „Ростъ королевской власти во Франціи (говоритъ тотъ же авторъ) самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ постепеннымъ территориальнымъ и національнымъ объединеніемъ страны“ Ibid., стр. 101. Ср. Sorel. „L'Europe et la révolution française“, 1 pag., p. 122—123, 190; проф. Герье, С. М. Соловьевъ (*Истор. Вспоминанія* 1880 г., т. I, стр. 75). Въ Германіи, напротивъ, этотъ процессъ былъ задержанъ и маскировался благодаря его локализациі въ нѣсколькихъ политическихъ центрахъ страны, что однако не помѣшало окончательному торжеству государственнаго начала надъ феодальной традиціей и не могло воспрепятствовать развитію національной идеи. Напомнимъ также, что національная освободительная война начала XIX ст. въ Герма

отражая въ себѣ этотъ великій историческій пероворотъ, создала вмѣстѣ съ тѣмъ апофеозъ *абсолютизму*, государственной власти, объявивъ ее «творцомъ» исторіи и величія народовъ. При этомъ она охотно и послѣдовательно отождествляла державныхъ вождей народовъ съ самымъ «государствомъ», персонифицируя государственную власть и сосредоточивая все вниманіе на дѣяніяхъ этихъ «великихъ подвигоподвижниковъ». Исторія народа должна была ступеваться, исчезнуть «*degrèe les manteaux de soug*». Эта новая историческая теорія явилась, такимъ образомъ, академической идеологіей «государственности», просвѣщеннаго абсолютизма *). Историки на этотъ разъ закончили дѣло легистовъ.

Такъ, подъ двойнымъ вліяніемъ національной и государственной идеи зародилась историческая наука и первая историческая теорія. Господство этихъ идей было всеобъемлюще. «Вамъ извѣстно уже, — говорилъ своимъ слушателямъ Гизо на лекціяхъ по «Исторіи цивилизаціи во Франціи», — что черезъ королевскую власть, съ одной стороны, и черезъ идею о націи вообще и о правахъ ея — съ другой, стало преобладать у насъ политическое единство и устроилось государство» **). Этими двумя богамъ — Націи и Государству — и поклонялись историки, послѣдовательно переходя отъ раціоналистическаго

ни имѣла своимъ вождемъ прусскаго короля и закончилась апофеозомъ королевской власти, который ои создала философія реакціи въ лицѣ Шаллинга и Гегеля, обоготворившихъ прусскую монархію и открывшихъ послѣднее мѣстопробываніе „мироваго духа“ въ германскомъ „народѣ“. Тѣ же тенденціи повдѣе съ особенною силой сказались въ трудахъ такихъ нѣмецкихъ историковъ, какъ, наприм., Ранке, Трейчке и Моммсенъ. Послѣдній обратилъ свою римскую исторію въ гимнъ цезаризму. См. Guillaud. „L'Allemagne nouvelle et ses historiens. Introduction“, p. 112, 123, 130—131 et suiv.

*) См. Анри Мишель: „Идея государства“ (Сиб., 1903 г.). Введение, стр. 9—27. „Такимъ образомъ (разъясняетъ авторъ на 23 стр.) теорія просвѣщеннаго деспотизма, отеческой монархіи или, если употребить техническій нѣмецкій терминъ „полицейскаго государства“ господствовала въ концѣ XVIII в., какъ въ Германіи, такъ и въ Шотландіи, какъ въ Италіи, такъ и во Франціи“. Вообще XVIII ст. можно охарактеризовать какъ эпоху господства *просвѣщеннаго абсолютизма*. Въ свою очередь эта политическая доктрина была дѣтищемъ такъ называемой „просвѣдательной философіи“ XVIII в. Сторонниками просвѣщеннаго деспотизма являлись, какъ извѣстно, Вольтеръ, энциклопедисты, физиократы. Въ Россіи уже въ XVII в. мы находимъ у Крижанича развитую національно-государственную теорію въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма. См. Н. Поповъ, В. Н. Татищевъ и его время (1861 г.), стр. 75—79. Миллюковъ, *op. cit.*, ч. III, в. 1, стр. 113—123.

**) Гизо. „Исторія цивилизаціи во Франціи“ (М., 1881 г.), т. III, стр. 59. Ср. Д. Градовскій „Собр. сочиненій“ (1901 г.), т. VI, стр. 4, 11. Указавъ на фактъ образованія національныхъ государствъ, авторъ говоритъ, что въ немъ „проявилось два стремленія народностей, тѣсно связанныя между собою: первое стремленіе къ внѣшней самостоятельности и второе — къ внутреннему единству народа. *Королевская власть представительница національнаго движенія* объявила, что она ни отъ кого не зависитъ въ дѣлахъ внутренняго управления страной кромѣ Бога“. Такимъ путемъ она покончила сразу и съ феодальной традиціей и идеей всемірной монархіи. См. особенно К. Лампрехтъ „Исторія германскаго народа“, т. I. Введение. Ср. также А. Мишель, *op. cit.*, стр. 4.

прагматизма къ историческому романтизму и идеалистической «философiи исторiи» *).

Рожденная въ водоворотѣ политической борьбы, историческая литература этого періода отличалась бурнымъ, полемическимъ характеромъ. Въ ней сказались антагонизмъ общественныхъ элементовъ эпохи, борьба различныхъ теченій, которыя постоянно сталкивались между собой. Поэтому

*) Здѣсь мы должны отмѣтить, что національно-государственная историческая теорiя сложилась несомнѣнно подъ непосредственнымъ влияніемъ идей, съ одной стороны, романтической, и такъ называемой, «исторической» школы, съ другой—подъ влияніемъ идеалистической философіи Шаллинга-Гегеля. Всѣ эти философскіе теченія въ свою очередь являлись яркимъ отраженіемъ политическихъ событийъ эпохи, породившей ихъ. Культъ „государства“ и „національности“ проходитъ, какъ *Leitmotiv*, черезъ всѣ эти системы, глубоко проникая ихъ и въ то же время сообщая имъ характеръ политическихъ трактатовъ. Возникнувъ почти одновременно, эти системы взаимно проникали одна другую, и въ то время, какъ центръ тяжести философіи романтиковъ и корифеевъ исторической школы лежалъ въ націоналистическихъ тенденціяхъ, идеалистическая философія создала религію „государства“, обоготворивъ его и все подчинивъ его могучей десницѣ. Система Гегеля, по существу, синтезировала основныя идеи и настроенія момента, отчасти смягчивъ крайности націонализма исторической школы и вмѣстѣ съ тѣмъ придавъ ей положеніемъ законченный, всеобъемлющій философскій видъ созданіемъ грандіозной поэмы о саморазвивающемся міровомъ духѣ, абсолютномъ разумѣ. (См. П. Н. Коркуновъ. Лекціи по общей теорiи права. Изд. 4, стр. 86—89.) Это было, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Випперъ, „последняя философія прогресса единого человѣчества“ (Випперъ, *op. cit.*, гл. XI, стр. 176 и сл.). Намъ остается отмѣтить и еще одну не менѣе типичную черту, равно присущую всѣмъ поименованнымъ выше теорiямъ и системамъ. Отъ *культы націи и государства* онѣ переходили къ *культу прошлаго*, изъ нѣдръ котораго выводилось и то и другое. Поэтому всѣ эти системы отличались глубоко консервативнымъ и даже реакціоннымъ характеромъ. Все существовавшее было признано „разумнымъ“, историческая традиція священной и неприкосновенной. Государство, объявленное вѣнцомъ историческаго творчества, становилось Божествомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обоготворялись и носители государственной власти и государственной идеи, которые согласно теорiи, являлись какъ бы священными сосудами, въ которыхъ пребывалъ „міровой духъ“. Отсюда же вытекалъ и культъ „всемирно-историческихъ“ личностей, новый культъ героевъ. Такимъ образомъ вновь явилась возможность разсматривать историческiй процессъ сязовъ психологію великихъ посланниковъ міроваго духа. „Въ этомъ случаѣ (говоритъ К. Бестужевъ-Рюминъ) наука, сама того не замѣчая, возвращалась къ эпохѣ созданія мѣоувъ, когда цѣлые періоды сознанія воплощаются въ одномъ божественномъ или героическомъ лицѣ, совершающемъ рядъ подвиговъ, символически знаменующихъ длинный рядъ событийъ, накопившихъ собою жизнь нѣсколькихъ вѣковъ“. (Русская Исторiя, т. I, 1872 г., стр. 6.) Такъ именно и смотрѣлъ на задачу историка маститый С. Соловьевъ (Соб. соч., стр. 1122—1123). Отмѣчая такимъ образомъ огромное опредѣляющее вліяніе, какое оказало ученіе исторической школы и идеалистическая философія на образованіе національно-государственной теорiи въ исторической наукѣ, мы не должны однако забывать, что ще раньше, отчасти въ томъ же направленiи, дѣйствовала доктрина „естественнаго права“. Уже Гоббсъ, родоначальникъ теорiи просвѣщеннаго деспотизма, развилъ въ ученіи естественнаго права въ интересахъ абсолютизма. Мы знаемъ, что у насъ, напр., Ѳеофанъ Прокоповичъ на аналогичномъ основанiи построилъ свой знаменитый трактатъ о „Правдѣ воли монаршей“. Вліяніе Пуффендорфа, Гроція, Лейбница и особенно Хр. Вольфа въ этомъ отношенiи также не подлежитъ сомнѣнію.

на исторической литературѣ того времени лежить публицистическій отпечатокъ, и тенденціозность, партійность можетъ служить ея отличительнымъ признакомъ.

Это было время, когда на Западѣ, какъ и у насъ, одна историческая «школа» возникала за другой среди ожесточенныхъ споровъ на тему о томъ, «откуда есть пошла русская (или иная какая-либо) земля» и какъ сложилась та или другая «народность». Самыя названія этихъ школъ съ очевидностью показываютъ, что яблокомъ раздора былъ именно *вопросъ національный*. То были школы германистовъ, романистовъ, кельтистовъ, славянская, варяжская и т. п. Воспоминанія объ этомъ Sturm-und Drangperiode въ прошломъ исторической науки до сихъ поръ даютъ еще себя чувствовать какъ въ европейской, такъ и въ отечественной специальной литературѣ.

Основной цѣлью всѣхъ этихъ академическихъ пререканій были поиски національнаго типа. Нѣмецкіе историки стремились, наприм., доказать, что въ жилахъ ихъ народа течетъ несмѣшанная кровь древнихъ германцевъ, французскіе настаивали на гальскомъ происхожденіи своихъ предковъ, англійскіе—на англо-саксонскомъ, русскіе пытались превратить въ славянъ варяговъ, скиновъ и сарматъ и т. д. Мысль объ «иноплеменномъ» вліяніи казалась оскорбительной и оспаривалась историками съ патриотическимъ воодушевленіемъ, напротивъ, «своеродность», «самобытность» національнаго развитія отставалась со всѣмъ жаромъ національной исключительности. Отсюда и берутъ свое начало всѣ эти классическія формулы: «Франція—для французовъ», «Россія—для русскихъ» и т. п. влючительно до «Deutschland, Deutschland über alles».

Но если страсти горѣли и шла ожесточенная и непримиримая литературная война, то вмѣстѣ съ тѣмъ все прочій и прочій устанавливалась гегемонія нѣкоторыхъ основныхъ, руководящихъ идей. Сухой прагматизмъ начиналъ постепенно облекаться въ торжественныя одежды идеалистической философіи, мета-историческаго романтизма.

Стремясь вскрыть тайну историческаго роста великихъ національных организмовъ, историки теперь ставили своею основною цѣлью *народное самопознаніе*, т. е. они стремились объяснить этотъ ростъ свободнымъ внутреннимъ развитіемъ самобытнаго «народнаго духа», который окончательно «самоопредѣлялся» лишь въ моментъ образованія единаго національнаго государства. На этой почвѣ и возникла теорія *органическаго* развитія народовъ, которая, какъ извѣстно, выдвинула впервые великую проблему о законахъ историческаго процесса. Такимъ путемъ былъ сдѣланъ смѣлый шагъ, благодаря которому полагалось первое основаніе прогрессу научнаго историческаго знанія. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что понятіе историческаго закона, какъ и самой исторической эволюціи долго оставалось въ устахъ историковъ понятіемъ чисто формальнымъ, безъ определеннаго содержанія. Развивающійся изъ себя самодовлѣющій народный духъ являлся у нихъ вполнѣ абстрактнымъ философскимъ надъ-историческимъ понятіемъ,

логической категорией, и «законы» его внутреннего необходимого развития представлялись поэтому также законами, если можно такъ выразиться, сверхъ-историческими, чисто апіорными. *Процессъ діалектической пока долженъ былъ замѣнить процессъ исторической.* Идеалистическая философія оправдала, такимъ путемъ, и санкціонировала авторитетомъ верховнаго разума національное *государство*, какъ историческій фактъ; будущимъ историкамъ предстояло вывести это государство изъ самой исторіи.

Однако, несмотря на всѣ свои недостатки, новая доктрина сыграла великую роль въ прошломъ исторической науки, оказавъ огромное вліяніе на методы историческаго изслѣдованія. Она провозгласила великую идею *историческаго развитія.*

Обращаясь теперь къ самой исторической схемѣ, какой мы встрѣчаемъ ее въ трудахъ націоналистовъ-историковъ, намъ не трудно предугадать, въ какомъ направленіи прежде всего должна была пойти научная разработка исторіи въ этомъ періодѣ. Заимствуя свой матеріалъ у летописца, историки, подъ давленіемъ окружающихъ событій и господствующаго настроенія умовъ, должны были проникнуться и дѣйствительно прониклись «*государственной*» точкой зрѣнія и начали усиленно ее культивировать. Мы указали уже, что образованіе великихъ національныхъ государствъ совершилось подъ знаменемъ монархій. Могучая, сосредоточенная государственная власть своей желѣзной рукой, казалось, сформовала эти новыя народныя громады; по крайней мѣрѣ, она именно была *признаннымъ вождемъ* великаго объединительнаго движенія. «Первоначальный принципъ, руководившій національнымъ движеніемъ (замѣчаетъ по этому поводу Градовскій) состоялъ въ представленіи о *независимости и единствѣ государственной власти. Правомъ короля на всю территорию и народъ прикрывалось и защищалось право націи на самостоятельное развитіе, подъ защиту этого верховнаго права становилось всякое движеніе, обезпечившее впоследствии національную независимость*» *). Отсюда понятно, что историческая теорія не задумалась обратить эту власть *къ творца исторіи* **). Историческая литература этой эпохи полна поэтому директивъ государственной власти и ея представителямъ: она объявила абсолютизмъ, самодержавіе «палладиумомъ»

* Д. Градовскій: „Собр. соч.“, т. VI, стр. 112. „Фактически, какъ и въ теоріи (говоритъ А. Мишель) государство сливалось (тогда) съ государемъ, воплощалось въ его особѣ. Власть государя, если и не была произвольна, то, во всякомъ случаѣ, не имѣла другихъ границъ, кромѣ опредѣлявшихся его собственными интересами или же его личными обязанностями по отношенію къ Богу“. „Идея государства“, стр. 4. См. особенно Sorel, A.: „L'Europe et la révolution française“, 1 p. (2 éd. 1887), p. 12—13, 36.

** При такихъ условіяхъ изслѣдовать причины происхожденія того или другаго института или историческаго явленія, значило отыскать соотвѣтствующій королевскій указъ. Такъ, французскіе и нѣмецкіе историки приписывали королямъ *сведеніе* феодальнаго, у насъ—крѣпостнаго права и др. институтовъ. Проф. Сергѣевичъ, наприм., до сихъ поръ еще ищетъ пропавшей грамоты о прикрѣпленіи крестьянъ (см. „Юридич. Древности“, т. I, стр. 240—247).

національной исторіи *). Выводить все историческое развитіе «сверху» — стало обычнымъ академическимъ приемомъ, подобно тому, какъ одно время было принято посвящать историческіе труды коронованнымъ особамъ **). «До сихъ поръ большая часть писателей и ученыхъ, историковъ и публицистовъ,—писалъ Гизо въ своихъ «Essais sur l'histoire de France»,—стремилась познать состояніе общества, степень и характеръ его культуры путемъ изученія политическихъ учреждений. Однако было бы гораздо разумнѣ сначала изучить самое общество, чтобы познать и понять его политическія установленія», заключаетъ онъ. И эта государственная точка зрѣнія до того вошла въ плоть и кровь исторической науки, что даже въ наши дни, наприм., французскій историкъ J. Flach находитъ еще нужнымъ полемизировать съ ней: «Идея королевской власти насъ гипнотизировала (говоритъ авторъ). Мы централизовали исторію, теперь ее надо децентрализовать, вывести исторію нашихъ учреждений изъ тѣхъ узкихъ и священныхъ формъ, въ которыхъ, какъ тому слишкомъ долго вѣрили, она будто бы протекала согласно творческой волѣ нашихъ королей, тогда какъ въ дѣйствительности она развивалась медленно, постепенно, по мѣрѣ расцвѣта ея внутренней жизни и подъ вліяніемъ окружающей среды» ***). При такихъ условіяхъ вполне понятно, что весь интересъ специалистовъ изслѣдователей былъ прикованъ почти исключительно къ исторіи *политической*, и мы, дѣйствительно, можемъ констатировать тотъ знаменательный фактъ, что до-революціонная историографія усленно разрабатывала, именно, государственную исторію, страдая въ этомъ отношеніи рѣзко выраженной гипертрофіей научнаго интереса ****). Это, дѣйствительно, былъ своеобразный гипнозъ, хотя и вполне понятный и даже необходимый. Нечего и говорить, что историки при этомъ переносили въ прошлое основныя черты современнаго имъ политическаго строя, стремясь открыть «настоящія» монархическіе институты чуть ли не въ самой колыбели національной исторіи.

Однако этотъ культъ народности и государственности, достигнувъ полнаго расцвѣта, постепенно началъ терять подъ собой почву по мѣрѣ того, какъ въ самой жизни народовъ моментъ политическій началъ отступать на

*) Въ русской исторической литературѣ эта мысль проходитъ красной нитью въ трудахъ историковъ XVIII—XIX вв. Классическія слова Карамзина—„самодержавіе есть палладіумъ Россіи“, въ 1879 г. повторилъ проф. В. Сергѣевичъ: „начало монархической формы правленія стоитъ въ нашей исторіи неизгладимо: безъ монарха русскій человекъ не можетъ жить“ (курсивъ автора), см. „Государство и право въ исторіи“, стр. 94 („Сборникъ государственныхъ знаній Безобразова“, кн. VII).

**) „Исторія народа принадлежитъ царю“,—писалъ Карамзинъ въ посвященіи императору Александру I („Исторія госуд. Россійскаго“, т. I, ст. VIII). Характернымъ явленіемъ этого времени были „historiographes gouaux“, которые состояли почти при всѣхъ дворахъ.

***) Jacques Flach: „Les origines de l'ancienne France“, t. III (1904), p. 7—8

****) Въ свою очередь и юристы обращали исторію права въ исторію законодательства. При этомъ по преимуществу они разрабатывали право государственное.

задній планъ передъ вопросами социальнаго - экономическаго характера. Национально-государственная историческая теорія съ ея крайнимъ преклоненіемъ передъ «народностью», вѣрой въ особые законы развитія народнаго духа и исключительнымъ интересомъ къ политической исторіи должна была постепенно сойти со сцены. Но прежде чѣмъ покинуть послѣднюю свою позицію, традиціонная историческая теорія продолжала еще нѣкоторое время держать въ своей власти научно-историческую мысль. Жизнь шла впередъ, а деспотическая теорія не переставала повторять свои стереотипныя формулы, изнемогая подъ бременемъ своего собственнаго непониманія. Такой моментъ наступилъ теперь именно для русской исторической науки, которая, впрочемъ, въ самое послѣднее время обнаружила уже ясное стремленіе порвать съ этой академической традиціей, подобно тому, какъ революціонная Россія стремится въ наши дни сбросить съ себя иго абсолютизма. И это совпаденіе крушенія «самодержавія» и поворота въ русской исторической наукѣ вовсе не случайно, оба отмѣченныя явленія органически связаны между собой. Мы знаемъ, что плѣнная историческая мысль при такихъ же точно условіяхъ сорвала съ себя оковы традиціи и на западѣ, создавъ на развалинахъ послѣдней *новую* историческую науку.

II.

Мы видѣли уже, какой огромный переворотъ совершился, долженъ былъ совершиться въ головахъ историковъ подъ вліяніемъ такого грандіознаго событія, какъ образованіе великихъ національныхъ государствъ. Въ періодъ, когда складывались эти державы, Европа представляла огромный военный лагерь. Шла гигантская борьба и народы учились болѣе ненавидѣть другъ друга, чѣмъ понимать и уважать одинъ другого. На этой почвѣ взаимнаго отчужденія и почти полнаго незнакомства народовъ между собой усиленно разгарались націоналистическія тенденціи. И до тѣхъ поръ, пока народы жили каждый особнякомъ, смотря на иностранца, какъ на тайнаго или явнаго врага, взаимное непониманіе было неизбѣжнымъ результатомъ подобнаго порядка вещей.

Вѣра въ совершенное своеобразіе своего историческаго прошлаго только здѣсь и могла находить свое послѣднее основаніе и логическое оправданіе. Но едва затихли первые громы междоусобной брани народовъ, какъ открылись новые горизонты передъ глазами утомленнаго міра. Культурныя націи, выросши и окрѣпнувъ, начали вступать все въ болѣе и болѣе тѣсное общеніе между собой, полагая тѣмъ самымъ основаніе новому историческому періоду—периоду *культурнаго сотрудничества націй*. Тѣсныя между-народныя сношенія, установившіяся въ результатъ блестящаго промышленнаго развитія западныхъ странъ, послужили почвой, на которой европейскія государства сплотились въ общую «семью» культурныхъ народовъ. Незбѣжнымъ слѣдствіемъ отмѣченнаго факта было одно весьма важное открытіе. Народы увидѣли, какъ близки они другъ другу по традиціямъ

прошлаго и настоящаго, какое близкое родство сказывается въ ихъ учрежденіяхъ, исторически и «самобытно» сложившихся, словомъ, какъ похожи они другъ на друга и какъ тѣсно связаны ихъ взаимные интересы. Это было, дѣйствительно, открытіе Европы Европой. Съ этого момента историческая наука и терминологія обогащаются новымъ понятіемъ и новымъ словомъ—*европейская цивилизація*. Европейская исторія въ сознаніи исследователей стала теперь получать все большее и большее *единство*. И по мѣрѣ того, какъ мысль о близкомъ родствѣ культурныхъ «историческихъ» народовъ Европы находила постепенно широкое признаніе, старымъ націоналистическимъ предрассудкамъ приходилось рѣшительно отступать. Характерно, однако, что, говоря о «европейской цивилизаціи», западные историки обходили совершеннымъ молчаніемъ исторію Россіи. Не трудно понять, чѣмъ объяснялось такое молчаніе. Россія выступила много позднѣе Запада на историческое поприще и позднѣе другихъ странъ вошла въ семью европейскихъ народовъ, поэтому она до сихъ поръ еще очень мало знакома нашимъ западнымъ сосѣдямъ, не говоря уже о ея историческомъ прошломъ. Исторія Египта, Китая, Индіи, Японіи интересовала до сихъ поръ европейскихъ ученыхъ неизмѣримо болѣе, чѣмъ судьбы Россіи.

Указанный выше переворотъ въ умахъ европейскихъ историковъ отразился рѣшительнымъ образомъ и на всемірно-исторической точкѣ зрѣнія. Европейская исторія заняла теперь вполне самостоятельное положеніе въ мировой исторіи. Древній міръ, какъ особый историческій типъ и средневѣковая и новая Европа, какъ представительница совершенно особой самобытной культуры,—такова эта традиціонная трехчленная схема историческаго развитія человѣчества. Такимъ образомъ, *communis doctus opinio*, высказавшись въ пользу признанія единства европейской культуры, рѣшительно отмежевало отъ нея античный міръ и древнюю исторію Востока, на долю которыхъ, согласно общей схемѣ, выпала совершенно иная всемірно-историческая роль. Такъ, хронологическая послѣдовательность была возведена въ историческій принципъ.

Но, если съ признаніемъ *единства* европейской культуры, націоналистическая исключительность отдѣльныхъ народовъ теряла подъ собой реальную почву, то, съ другой стороны, произошло какъ бы *обобществленіе* націоналистическаго чувства въ признаніи за цѣлой Европой особаго мѣста во всемірной исторіи. Европа оказалась, по признанію ученыхъ, совершенно особымъ культурно-историческимъ явленіемъ, ея прошлое и настоящее основывалось на совершенно иныхъ «началахъ», чѣмъ исторія древнихъ народовъ. Гордые сознаніемъ своего европейскаго величія, западные народы съ нескрываемымъ высокомеріемъ стали смотрѣть на современныхъ «варваровъ», къ которымъ они начали врываться подъ знаменемъ просвѣщеннаго культуртрегерства.

Но если культъ націонализма въ исторіи все болѣе и болѣе терялъ свой *raison d'être*, то на-ряду съ этимъ мы должны отмѣтить и другое въ высшей степени знаменательное явленіе, которое роковымъ образомъ от-

разилось какъ на національной, такъ особенно и на «государственной» точкѣ зрѣнія въ исторической наукѣ. Мы разумѣемъ то великое революціонное движеніе, которое, начиная съ самаго конца XVIII вѣка, всыпхнувъ сначала во Франціи, постепенно охватило почти всю континентальную Европу и въ итогѣ принесло западному обществу свободныя учрежденія. По существу это революціонное движеніе было послѣднимъ заключительнымъ актомъ многовѣкового объединительнаго процесса въ исторіи европейскихъ народовъ, послѣднимъ моментомъ ихъ государственнаго «самопредѣленія», какъ тогда говорили. Въ этомъ смыслѣ великія революціи XIX столѣтія знаменовали собой окончательное торжество *національно-государственной* идеи, которая изъ *монархической* теперь превратилась въ *революціонную, демократическую*, изъ *политической* въ *соціальную*. Начавшись подъ знаменемъ абсолютизма, объединительное движеніе закончилось крушеніемъ неограниченной монархіи *).

Но обращаясь въ свою собственную противоположность, старая національная государственная теорія вмѣстѣ съ тѣмъ приходила логически къ самоотрицанію, подготавливая почву для новой научной конструкціи понятій націи и государства.

Мы не должны забывать, что великое освободительное движеніе прошлаго вѣка, глубоко потрясшее европейскія государства, какъ извѣстно, манифестировало выступленіе на историческую арену широкихъ народныхъ массъ; оно перенесло въ руки «народа» политическую власть и навсегда покончило съ абсолютизмомъ. Паденіе неограниченной монархіи на Западѣ было, такимъ образомъ, прямымъ слѣдствіемъ демократизаціи политическихъ и социальныхъ отношеній. На смѣну стараго режима полицейскаго государства тогда и явилось новое *правовое государство*. Конституціонныя учрежденія обновленной Европы съ этой точки зрѣнія были торжественной санкціей завоеваній, сдѣланныхъ самимъ народомъ въ сферѣ политической и гражданской свободы. Переворотъ былъ великъ, стоилъ огромныхъ усилій и почти вѣковой борьбы, но зато результатъ былъ у всѣхъ на глазахъ. Дѣйствительно, въ то время, какъ старое абсолютное государство строилось по принципу подчиненія и европейскіе монархи, удерживая за собой всѣ политическія права, смотрѣли на народъ, какъ на «подданныхъ», на долю которыхъ оставались однѣ лишь обязанности и долгъ вѣрности, — государство правовое, напротивъ, краеугольнымъ камнемъ новаго строя поставило «права человѣка и гражданина» и выдвинуло идею народнаго суверенитета. Если раньше единственнымъ легальнымъ носителемъ верховной государственной власти являлся монархъ, то теперь центръ тяжести этой власти пережѣтился въ сторону народнаго представительства; и подобно тому, какъ прежде въ блестящій періодъ расцвѣта абсолютизма, «король-солнце» могъ сказать приписываемыя ему трагич-

*) Довершить великое дѣло *организации* государства было не въ средствахъ абсолютизма такъ же, какъ не въ его силахъ было удержать въ тискахъ старую монархію. Только революціонное движеніе, поглотившее его, могло это сделать.

щей классическія слова: «государство это—я», теперь народные представители западныхъ государствъ съ такимъ же правомъ стали провозглашать: «государство это—мы». Таково было великое значеніе совершившагося переворота! Понятно въ какомъ направленіи отнынѣ должна была работать общественная и научная мысль. Идеологія «старого порядка» теперь была подорвана въ самомъ корнѣ. Соціальныя вопросы выдвинулись на первый планъ. Взглядъ «сверху», поэтому, уже не могъ болѣе удовлетворять при рѣшеніи историческихъ и политическихъ проблемъ, едва до слуха европейскаго общества и правительствъ долетѣлъ «шумъ тяжелой поступи» народныхъ массъ, требующихъ себѣ самостоятельной доли участія въ политической жизни страны. Теперь стало ясно, что жизнь государственная направляется вовсе не «творческой волею» державныхъ вождей народа, а именно общественными силами, борьбой интересовъ и классовъ. Сложность явленій соціальной жизни не допускала уже болѣе элементарныхъ толкованій. Съ этого момента и начинается преобладать убѣжденіе, что лишь путемъ самаго тщательнаго анализа всей совокупности общественныхъ явленій, ихъ необходимой внутренней взаимной связи возможно вскрыть дѣйствіе тайныхъ образующихъ силъ историческаго процесса; вмѣстѣ съ тѣмъ необычайный расцвѣтъ наукъ естественныхъ и экономическихъ съ новой силой выдвинулъ на очередь вопросъ объ исторической эволюціи человѣчества и законахъ историческаго развитія. Теперь впервые теорія «органическаго» развитія народовъ спустилась на землю изъ-за облачныхъ сферъ мета-исторической философіи и была «поставлена на ноги», а вмѣстѣ съ тѣмъ открылось необъятное поле для научнаго изслѣдованія. Поэтому, если прежде, какъ было указано выше, историки, создавая апологию національнаго государства, весь интересъ своихъ изысканій сосредоточивали на *биографіи или исторіи государственной власти*, то теперь вниманіе ихъ сконцентрировалось на процессахъ, происходящихъ въ низахъ общественной жизни, на «внутренней» исторіи. Съ этого момента соціально-экономическія отношенія, соціально-экономическая эволюція общества стала все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ вниманіе специалистовъ *) подобно тому, какъ соціальная политика начала занимать доминирующее положеніе въ государственной жизни современныхъ культурныхъ народовъ. Такимъ образомъ, совершенно мѣнялась отправная точка зрѣнія при историческомъ изслѣдованіи. Мы видѣли, что прежде историки все выводили «сверху» и самую исторію объявляли дѣломъ мудрой политики государственной власти; напротивъ, теперь сама эта государственная власть должна была подвергнуться исторической реабилитаціи, она сама была признана историческимъ фактомъ, который въ свою очередь долженъ быть оцѣненъ и истолкованъ въ общей связи съ прочими историческими феноменами. Задача историка, благодаря этимъ новымъ требованіямъ, теперь

*) У насъ соціальная и экономическая исторія Россіи начала разрабатываться лишь въ самое послѣднее время. До этого вниманіе историковъ и историковъ-юристовъ всецѣло было поглощено государственной исторіей древней и новой Руси.

сильно осложнилась, но зато, съ другой стороны, она облегчалась тѣмъ, что въ его распоряженіе стали поступать новые драгоценные матеріалы, которыми въ эпоху «просвѣщеннаго» абсолютизма суждено было гнить въ архивахъ, куда не смѣла свободно проникать пытливая научная мысль *).

При такихъ условіяхъ историческая наука вступила въ новую эру своего развитія. Однако, полная переработка традиціонной исторической теоріи въ значительной мѣрѣ тормозилась тѣмъ обстоятельствомъ, что европейскіе историки продолжали еще твердо вѣрить въ особия начала историческаго развитія привилегированныхъ народовъ Запада. Само собой разумѣется, что пока этотъ предрасудокъ оставался въ силѣ, не могла получить правильной постановки и самая проблема о всеобщихъ законахъ исторической эволюціи. Разрушить эти послѣднія иллюзіи, какъ всегда, такъ и на этотъ разъ, должна была сама жизнь. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду прежде всего промышленный расцвѣтъ европейскіхъ государствъ новѣйшаго времени, колоссальный ростъ ихъ производительныхъ силъ и ту ожесточенную конкуренцію на международномъ рынкѣ, которая вызвала въ концѣ-концовъ необычайную *колоніальную горячку*. Въ погонѣ за внѣшними рынками и въ неудержимомъ стремленіи къ экономическому міровому господству державы наперерывъ стремились овладѣть всеми лакомыми кусками земного шара. Колоніальная политика заняла поэтому преобладающее положеніе въ европейской дипломатіи и колоніальный вопросъ получилъ первостепенное значеніе. Но для насъ важенъ не столько самый этотъ фактъ, сколько тѣ послѣдствія, какія повлекъ онъ за собой въ сферѣ специально интересующихъ насъ отношеній. Намъ важно именно отмѣтить здѣсь, что на почвѣ всѣхъ этихъ колоніальныхъ захватовъ гордымъ европейцамъ пришлось ближе ознакомиться съ самыми различными народами земного шара, народами всѣхъ цвѣтовъ и языковъ, а также вмѣстѣ съ тѣмъ удалось наблюдать человѣческія общества на самыхъ различныхъ ступеняхъ ихъ культурнаго развитія. Но что особенно драгоценно, на колоніальныхъ территорияхъ явилась возможность широко организовать археологическія изысканія. Благодаря всѣмъ этимъ наблюденіямъ и открытіямъ былъ данъ могучій толчокъ развитію новой дисциплины—*соціологіи*, которая въ свою очередь оказала такое огромное вліяніе на историческія науки. На этотъ разъ въ головахъ историковъ совершилась, дѣйствительно, величайшая революція, едва только изъ нѣдръ земли под-

*) Вспомнимъ признаніе Байера, который говорилъ, что въ его время „занятіе русской исторіей для русскихъ сопряжено было не только съ трудомъ, но и съ опасностью“. *Литингъ*: „Исторія русской литературы“, т. III, стр. 510 (1903). М. Championnière, наприм., говоря о „хаосѣ“ мнѣній, который господствовалъ среди французскихъ историковъ его времени, объясняетъ столь печальное состояніе науки недостаткомъ „свободной критики“, и незнакомствамъ авторовъ въ источникахъ, „qu'il n'était pas alors permis de lire et surtout de révéler“. Недавно еще,—говоритъ онъ,—грозила Bastille за историческія изслѣдованія, неудобныя сильнымъ міра сего. De la propriété des eaux courantes et cet. 1846, p. VII.

нялись цѣлые города и царства и передъ изумленными взорами изслѣдователей открылось еще небывалое зрѣлище. Ученые археологи, этнографы, языковѣды, юристы и историки принялись теперь усиленно оживлять безмолвныхъ свидѣтелей тьмы вѣковъ. И когда эти живые мертвецы вдругъ заговорили, изумленію ученыхъ не было предѣла. Въ этихъ загадочныхъ, тысячелѣтними тлѣвшихъ въ землѣ, памятникахъ архангелскихъ временъ таялось что-то такое близкое намъ. Оказалось, что перипетіи, еще такъ недавно пережитыя новѣйшими народами, были уже не разъ пережиты людьми за 2—3 тысячи лѣтъ до нашей эры, какъ переживаются онѣ теперь на нашихъ глазахъ современными «дигарями», въ которыхъ мы можемъ видѣть какъ бы воскресшихъ нашихъ далекихъ предковъ *). Все, что извѣстно было до сихъ поръ о древнихъ народахъ, пришлось при такихъ условіяхъ подвергнуть самому коренному пересмотру, ходячія параллели отбросить и приступить къ постройкѣ новаго зданія. Теперь стало очевиднымъ, что всѣ народы развивались *аналогичнымъ путемъ*, проходя одинаковые историческіе этапы, повинуюсь однимъ и тѣмъ же законамъ развитія. Не всѣ, конечно, достигли одинаковой высоты культуры, не всѣ ушли одинаково далеко въ своемъ развитіи, но, пока они двигались, ихъ *направленіе* было одно, ихъ цѣли были тѣ же. Понятно, какой глубочайшій переворотъ долженъ былъ совершиться въ исторической наукѣ въ результатъ всѣхъ этихъ открытій и наблюдений. Вотъ, наприм., въ какихъ выраженіяхъ одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей по исторіи древняго Египта А. Егманъ передаетъ намъ свои впечатлѣнія по поводу новѣйшихъ открытій въ этой области: «на мѣстѣ «heiligen Dämmerung», какъ рисовались египтяне еще Гёте, вспыхнулъ яркій безжалостный свѣтъ исторіи, и древніе египтяне явились передъ нами, какъ народъ, который былъ ничѣмъ не хуже и не лучше прочихъ народовъ... Египтяне за 3000 лѣтъ до Р. Х. во всѣхъ отношеніяхъ представляли собой то же самое, что и современные народы на подобной же стадіи культурнаго развитія и при подобныхъ же отношеніяхъ. Ихъ языкъ, религія, государство развивались тѣмъ же путемъ, какъ и у другихъ юныхъ народовъ. Міръ 5000 лѣтъ тому назадъ былъ тѣмъ же, чѣмъ и въ наше время, тѣ же вѣчные законы, которымъ онъ повинуетъя нынѣ, господствовали и

*) Въ своемъ извѣстномъ докладѣ на съѣздѣ нѣмецкихъ историковъ Эд. Мейеръ, выступивъ рѣшительнымъ противникомъ, «обычнаго дѣленія исторіи на древнюю, среднюю и новую», противопоставилъ ему совершенно другую точку зрѣнія на предметъ. «Въ противоположность этому взгляду (говоритъ авторъ „Geschichte des Alterthums“) необходимо самымъ энергичнымъ образомъ указать на то, что исторія развитія народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря, представляетъ два параллельныхъ періода, что съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается снова, и что оно снова возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя уже давно были пройдены („Экономическое развитіе древняго міра“, пер. Гершензона, М., 1906 г., стр. 9; его же Geschichte des Alterthums, I. s., s. s., 2—15). Напоминимъ здѣсь, что ту же мысль высказалъ въ свое время еще Вико, который вывелъ на этомъ основаніи свой „законъ историческаго круговращенія (corsi e ricorsi)».

тогда съ тою же непоколебимостью. Всѣ открытія и успѣхи, которые съ тѣхъ поръ сдѣлало человѣчество, ничего здѣсь не могли измѣнить: та же борьба, которая создала древнія государства, создаетъ и современныя, тѣ же отношенія, которыя способствовали расцвѣту и развитію стараго искусства, пробуждаютъ къ жизни и убиваютъ современное» *). Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ на страницахъ журнала «L'année sociologique» высказался другой ученый по поводу появившагося на нѣмецкомъ языкѣ новаго изслѣдованія по исторіи Японіи **). Авторъ статьи обращаетъ вниманіе на ту аналогію, которую представляетъ эволюція Японіи съ нашими собственными социальными развитіемъ (т.-е. Франціи). Мы прошли,—говоритъ онъ,—почти тѣ же самыя стадіи. За имперіей Каролинговъ послѣдовалъ феодализмъ, за феодализмомъ абсолютная монархія. Даже въ деталяхъ мы находимъ сходство... Словомъ, и то, и другое развитіе находится въ зависимости отъ общихъ причинъ и, можетъ быть, передъ нами уже открывается здѣсь абстрактный типъ социальной эволюціи». Къ тѣмъ же результатамъ и къ тѣмъ же выводамъ приходятъ и новѣйшіе изслѣдователи Индіи. Такъ, указывая на великія научно-историческія завоеванія послѣдняго времени, I. Dahlmann выступилъ съ рѣшительнымъ протестомъ противъ традиціоннаго взгляда на исторію Востока, какъ на исторію народовъ, которые якобы вѣками «спятъ, покой дѣня». Оказывается, что и народъ Индіи, этотъ «Volk von Träumen», какъ представлялся онъ историкамъ старой школы, при свѣтѣ сравнительно-историческихъ данныхъ и послѣднихъ открытій «проснулся», наконецъ, и для «исторіи» ***). Мы не будемъ останавливаться далѣе на результатахъ современныхъ изысканій въ области античной исторіи, которая въ наши дни, можно сказать, подверглась полной и совершенной переработкѣ, но мы не можемъ пройти молчаніемъ одного изъ новѣйшихъ открытій, которое произвело исключительное впечатлѣніе на весь ученый міръ нашего времени. Вы разумѣете найденные въ 1902 г. законы вавилонскаго царя Гамураби, памятники, восходящіи почти за 2500 лѣтъ до Р. X. Что же нашли историки въ этихъ законахъ и памятникахъ погибшей культуры Вавилона? «Государство, культурное развитіе котораго не уступало развитію нашихъ средневѣковыхъ государствъ»,—отвѣчаетъ Ф. Делитъ ****). Такимъ образомъ, тотъ самый историческій укладъ, который такъ недавно считался «особенностью» западно-европейской исторіи, феодальный строй оказался сабытнымъ явленіемъ дряхлаго Вавилона.

*) A. Erman. Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum. 1 B. (1885), S. 5, ср. Alf. Kremer. Kulturgeschichte des Orients, B. I, 1875, S. IX. 110.

**) Année Sociologique, 1902, p. 342—347. Ср. Pierre Leroy Beaulieu. La Révolution de l'Asie (1900), p. IX—X, 154 et suiv.

***) См. Joseph Dahlmann. Das altindische Volkstum und seine Bedeutung für die Gesellschaftskunde (Köln., 1899), SS. 1—5 и сл. Ero же. Das Mahabharata als E x und Rechtsbuch (1895).

****) Библия и Вавилонъ, стр. 18 (издан. Суворина, 1906 года). См. такъ же I. J. Jeremias. Moses und Hammurabi. S. 8 и а.

Говоря по этому поводу о побѣдахъ, одержанныхъ въ наши дни историческими науками благодаря великимъ открытіямъ послѣдняго времени и примѣненію историко-сравнительнаго метода изслѣдованія, цюрихскій профессоръ G. Kohn замѣчаетъ, что теперь становится все очевиднѣй и очевиднѣй та великая истина, которая учитъ насъ, «какъ внѣ всякой фактической связи правовые институты различныхъ народовъ измѣняются согласно общимъ законамъ развитія» *). Такимъ образомъ, современные изслѣдователи приходятъ теперь къ тѣмъ же самымъ выводамъ и заключеніямъ, которые еще въ 1878 году были сформулированы А. Постомъ, признавшимъ, что «человѣческій духъ творитъ въ области права съ изумительной общей для всего человѣчества закономѣрностью, которая ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія господство всеобщихъ жезъзныхъ естественныхъ законовъ» **). Такъ, къ концу XIX вѣка мысль объ «идеальной естественной исторіи человѣчества», которую пытался построить еще Вико, получила, наконецъ, свое научное признаніе и первое обоснованіе.

Означеннымъ глубочайшимъ переворотомъ историческая наука была несомнѣнно обязана новому методу изслѣдованія, методу историко-сравнительному, который началъ находить особенное распространеніе съ 80-хъ годовъ XIX столѣтія и въ теченіе четверти вѣка совершенно преобразилъ историческія науки.

Теперь, когда область историческаго знанія расширилась почти безпредѣльно, только благодаря новымъ методологическимъ приѣмамъ, явилась возможность произвести надлежащую оцѣнку и переработку массы сырого накопленнаго матеріала. Передъ глазами историка открылась теперь міровая сцена, а историко-сравнительное изслѣдованіе сообщало его взгляду чисто космополитическую широту. Новая точка зрѣнія поставила на мѣсто націоналистическихъ предразсудковъ и тенденціозной односторонности принципъ объективно научнаго анализа. Вся исторія человѣчества предстала теперь въ новомъ свѣтѣ, какъ единый великій процессъ, гдѣ подъ виднымъ разнообразіемъ внѣшнихъ формъ господствуетъ единый естественный законъ. Вопросъ объ историческихъ законахъ и исторической эволюціи человѣческихъ обществъ только съ этого момента получилъ надлежащую постановку. Введеніе историко-сравнительнаго метода въ область историческихъ дисциплинъ въ этомъ смыслѣ было какъ бы своего рода изобрѣтеніемъ компаса. Научная мысль озарилась новымъ руководящимъ началомъ, и можно сказать, не боясь преувеличеній, что, слѣдуя указаніямъ этого компаса, историкамъ конца XIX в. удалось открыть новый міръ. Старое ветхое зданіе историческаго знанія было теперь поколеблено въ самомъ своемъ основаніи. На мѣсто шаблоннаго дѣленія «всемірной исторіи» на древнюю, среднюю и новую, какъ три послѣдовательныя стадіи въ развитіи человѣчества, былъ поставленъ совершенно новый принципъ.

*) Die Gesetze Hammurabis. Rektoratsrede (Zürich), 1903, S. 43.

**) Альб. Постъ. Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношеній, переводъ подъ ред. М. Ковалевскаго (1901), стр. 12.

Совершилась полная перетасовка эпохъ и народовъ. «Древній міръ» былъ открытъ въ средневѣковой Европѣ и наоборотъ «средневѣковый» строй оказался достояніемъ древнѣйшихъ народовъ *). Погребенное среди песковъ, нѣкогда славное египетское царство фараоновъ, долго представлявшееся ученымъ какимъ-то загадочнымъ историческимъ сфинксомъ, оказалось исторически гораздо ближе къ намъ, чѣмъ германцы эпохи Цезаря или Тацита, или славяне первоначальной русской лѣтописи. Исторія, такимъ образомъ, вытянулась теперь въ цѣлый рядъ параллельныхъ линій различной длины, а не рисовалась, какъ прежде, говоря словами Эд. Мейера, въ видѣ непрерывной «восходящей линіи». Отсюда понятно, что въ этомъ новомъ разрѣзѣ, вопреки традиціоннымъ воззрѣніямъ историковъ старой школы, на одной исторической плоскости встрѣтились народы самыхъ различныхъ хронологическихъ зонъ. И, дѣйствительно, теперь явилась возможность сблизить феодальную Европу, Египетъ фараоновъ XII династіи, Японію X и позднѣйшихъ вѣковъ, древнюю Русь начиная съ XIII ст. и т. д. Въ концѣ-концовъ, благодаря всѣмъ этимъ наблюденіямъ надъ историческою жизнью народовъ, прочно устанавливался фактъ перво-степенной научной важности; оказывалось, что подъ различными широтами, при самыхъ многообразныхъ климатическихъ и географическихъ условіяхъ, народы всѣхъ расъ на пространствѣ тысячелѣтій проходили однѣ и тѣ же типическія стадіи историческаго развитія. Конечно, далеко не всѣ изъ этихъ народовъ прошли всѣ основные этапы социальной эволюціи, но тѣмъ не менѣе всюду мы видимъ аналогичныя явленія, характерную *последовательность* въ смѣнѣ политическихъ и социально-экономическихъ формаций. Открытіемъ этой великой истины мы обязаны историко-сравнительному методу. Съ этого момента должны были измѣниться не только приемы, но и самыя цѣли научнаго изслѣдованія; если прежде историкъ ставилъ своей задачей «народное самосознаніе», то теперь онъ стремится къ чисто *научному познанію*, говоря иначе, его конечною цѣлью стало открытіе законовъ движенія историческихъ силъ, т.-е. *законовъ историческаго развитія*. Такова, именно, конечная цѣль всякаго вообще научнаго знанія.

Историко-сравнительный методъ, можно сказать, даетъ намъ шахматш средствъ для реализаціи этого пока еще далекаго идеала. Методъ этотъ заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя гарантіи какъ противъ анти-историческихъ одностороннихъ построеній, такъ и противъ вульгарнаго, шаблоннаго пониманія исторической эволюціи. Гарантіи эти сводятся къ тому, что при сравнительно-историческомъ изученіи *общее и частное, явленія родового сходства и видовыхъ различій* выступаютъ съ одинаковою силой и очевидностью. Исслѣдователю легче выдѣлать, съ одной стороны, черту *индивидуальную* въ исторіи каждаго народа, съ другой—легче уловить го *общее, основное*, что и составляетъ самую *сущность историческаго процо-*

*) По остроумному замѣчанію Фримена, историкъ старой школы разсматривал и «древнюю» исторію такъ, какъ будто бы всѣ древніе народы жили въ одно время. Ср. Мейеръ: «Экономическое развитіе древняго міра», стр. 910.

цесса. «Люди очень часто смѣшиваютъ,—говоритъ К. Каутскій,—и, именно въ различныхъ областяхъ соціальной науки,—законъ съ шаблономъ *). Историко-сравнительный методъ и предохраняетъ отъ подобнаго рода смѣшенія, доказывая намъ, что, если исторія въ своемъ движеніи подчиняется известнымъ законамъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она никогда не повторяется въ смыслѣ тожества, шаблона. Типическое вѣдь не только не противорѣчитъ индивидуальному, но, напротивъ, его необходимо предполагаетъ.

«Проводя какую-нибудь аналогію,—говоритъ англійскій изслѣдователь Фримэнъ,—слѣдуетъ также внимательно останавливаться на чертахъ различія, какъ и на чертахъ сходства, вѣшнія различія часто даютъ намъ въ самомъ дѣлѣ лучшее доказательство внутренняго сходства. Если въ своемъ сравненіи мы останавливаемся, замѣчая въ подробностяхъ то или другое несходство, это служитъ вѣрнѣйшимъ подтвержденіемъ дѣйствительнаго сходства сравниваемыхъ предметовъ. Если мы замѣчаемъ малѣйшія различія между лицами людей, то это потому, что мы видимъ во всѣхъ нихъ существенное сходство, которое только и даетъ намъ возможность замѣчать черты несходства **). Но если историко-сравнительный методъ позволяетъ намъ ясно различать общесторическія и «національныя» черты въ развитіи каждаго отдѣльнаго народа, то, съ другой стороны, онъ также помогаетъ намъ правильно оцѣнивать и тѣ изъ явленій въ исторіи народовъ, которыя при *изолированномъ* изученіи остались бы для насъ или мало понятными, или приняты были бы за «случайныя». Известно, что историческіе памятники нерѣдко избылуютъ крупными пробѣлами и носить фрагментарный характеръ; въ такихъ-то случаяхъ сравнительно-историческая точка зрѣнія можетъ освѣтить намъ многія темныя стороны исторіи отдѣльныхъ народовъ.

Наконецъ, благодаря новымъ методологическимъ приѣмамъ и *вопросъ національный* получилъ совершенно новую постановку и разрѣшеніе. Если прежде подъ національностью разумѣлись известныя природенныя особенности народнаго характера и самое понятіе народа принималось въ смыслѣ кровнаго, племеннаго единства, то теперь, напротивъ, понятіе націи стало конструироваться, какъ понятіе чисто *историческое*. Мы видѣли уже, что націоналисты-историки выводили исторію народа изъ народнаго «духа», изъ тѣхъ самобытныхъ «исконныхъ» началъ, которыя якобы были заложены самой природой въ данную племенную разновидность человѣческаго рода. Поэтому исторія каждаго народа разсматривалась ими, какъ вѣчто совершенно «своеобразное»: въ крови германца таились совсѣмъ иныя историческія возможности, чѣмъ, напримѣръ, въ крови славянина. Въ зависимости отъ этого каждой націи и приписывалась особая роль во всемірно-историческомъ процессѣ. Наоборотъ, новѣйшіе историки *выводятъ самую націю изъ истории*. Съ этой точки зрѣнія національныя государства представляются чисто историческими категори-

*) Карл Каутскій: „Возникновеніе брака и семьи“ (Слб., 1895 г.), стр. 97.

**) Фримэнъ: „Сравнительная политика“, стр. 14.

ями. Подъ національнымъ государствомъ мы и разумѣемъ теперь политически сплоченный народный организмъ, сплоченность котораго покоится на общности исторической жизни, многовѣковомъ культурномъ сотрудничествѣ. Единство культуры,—такова матеріальная основа современныхъ націй. Такимъ образомъ нація является для насъ прежде всего культурно-историческимъ понятіемъ *); не кровное начало, а социально-экономическія отношенія въ связи съ борьбой за самостоятельное политическое существованіе, вотъ что склываетъ современные націи въ тѣсные государственные и народно-хозяйственные союзы. Но новѣйшія научныя изысканія утвердили выше приведенное опредѣленіе націи еще и съ другой стороны. Теперь мы знаемъ, что современные государства въ «кровномъ», этнографическомъ отношеніи представляютъ самую запутанную антропологическую черезполосицу: каждый народъ образуетъ въ большей или меньшей степени смѣсь различныхъ народностей и расъ, съ одной стороны, съ другой—одна и та же народность входитъ въ составъ различныхъ національностей (наприм., германская кровь равно вошла въ «національные» организмы Франціи, Германіи, Англіи и др. народовъ, хотя это и не мѣшаетъ историкамъ говорить о французской, германской и друг. націяхъ).

Характерно, что едва эта сторона образованія національностей была вскрыта научнымъ анализомъ, какъ націоналистическія тенденціи постыжили найти свой послѣдній пріютъ въ томъ утвержденіи, что *единство культуры европейскихъ народовъ* покоится на ихъ *общности происхожденія*. Европейская цивилизація была объявлена культурой народовъ арійской расы **). Но историко-сравнительныя изысканія разрушили и эту послѣднюю иллюзію относительно особыхъ основаній самобытной исторической эволюціи европейскихъ избранныхъ народовъ. Въмѣстѣ съ культомъ европейской народности должна была пасть и теорія особой арійской культуры и высокой миссіи въ міровой исторіи.

Ближайшее знакомство съ исторіей угасшихъ и исчезнувшихъ народовъ не-арійскаго происхожденія блестяще доказало, что передъ лицомъ исторической необходимости представители всѣхъ расъ—равны, какая бы кровь

*) Ср. П. Н. Милоковъ: „Очерки по исторіи русской культуры“, ч. III, в. 1. Введение.

**) На такой точкѣ зрѣнія стоятъ, наприм., Фримэнъ („Сравнительная политика“, стр. 35, 42 и др.), который сходства въ учрежденіяхъ и историческихъ судьбахъ народовъ арійской расы объясняетъ единствомъ ихъ происхожденія, хотя и онъ допускаетъ здѣсь нѣкоторыя оговорки (см. *ibid.*, стр. 179,—42). Авторъ вообще полагаетъ, что „исторія человечества“ должна сводиться къ исторіи европейскихъ народовъ. Такъ, назвавъ грековъ, римлянъ и германцевъ, онъ замѣчаетъ, что „эти народности были тремя главными историческими народностями, которыя занимаютъ первенствующее мѣсто среди человечества, и исторія которыхъ собственно и составляетъ исторію человечества“. „Кельты,—говоритъ онъ,—пришли слишкомъ рано, а славяне слишкомъ поздно для того, чтобы принять прямое участіе въ дѣлѣ ихъ братьевъ“ (*ibid.*, стр. 34—35), ср. его же. Методы изученія исторіи (1898 г., изд. Солдатенкова), стр. 37, 205—2,011, 253. У насъ историкъ С. Соловьевъ также постоянно подчеркивалъ ту мысль, что „великое племя“ арійцевъ является „любимцемъ исторіи“; см. Собраніе сочиненій, стр. 980, 1,146.

ни бѣжала въ ихъ жилахъ, каковъ ни былъ бы цвѣтъ ихъ кожи, и въ какихъ бы климатическихъ условіяхъ они ни жили.

Такимъ образомъ современная наука даетъ совершенно новое понятіе національности, она строитъ его, какъ понятіе *историческое*, т.-е. видитъ въ націяхъ одно изъ позднихъ историческихъ явленій, необходимый результатъ долгой исторической эволюціи. Съ этой точки зрѣнія *всякая національная исторія* есть лишь частный случай проявленія общихъ историческихъ законовъ.

Каждый народъ въ условіяхъ даннаго мѣста и времени переживаетъ, конечно, по-своему основные моменты исторической эволюціи, но это все не значитъ, что онъ подчиняется особымъ законамъ развитія. На обязанности историка поэтому и лежитъ, — выдѣлить въ исторіи каждаго народа элементы родовой и видовой. Только такимъ путемъ можетъ онъ восходить до общихъ принциповъ, абстрагировать коренныя начала, лежащія въ основѣ реальныхъ явленій, всегда отмѣченныхъ *индивидуальными* признаками.

Покончивъ разъ навсегда съ академическими предрасудками, новая историческая наука вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ передъ нами широчайшіе горизонты и перспективы. Міръ, какъ цѣлое, предсталъ теперь передъ нами въ видѣ закономѣрно-развивающагося единства, какъ необходимый процессъ, который наука обнимаетъ въ одномъ понятіи *эволюціи*. Въ кругъ данныхъ, установленныхъ принциповъ нѣтъ и не можетъ быть научнаго знанія. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ умъ можетъ познавать только въ терминахъ необходимаго, закономѣрнаго: таковы основы всякой логической, т.-е. мыслительной дѣятельности; иначе міръ нашихъ понятій и представленій долженъ разрушиться, а мысль погрузиться въ безнадежный хаосъ. Съ другой стороны, и планомѣрная сознательная дѣятельность человѣка, для того чтобы быть продуктивной, должна всегда исходить изъ понятія закономѣрнаго, реально-возможнаго, такъ какъ мы являемся дѣятельными агентами въ жизни всегда лишь въ той мѣрѣ, въ какой *необходимое въ общественно-историческомъ процессѣ* обращается для насъ въ психологически необходимое, т.-е. должное. Было бы, конечно, неумѣстно говорить по этому поводу о фатализмѣ, слѣпомъ преклоненіи передъ неумолимымъ рокомъ исторіи. Мы изучаемъ законы природы съ тѣмъ, чтобы слѣдуя, *повинуясь* имъ, побѣждать и властвовать, сознательно и цѣлесообразно творить; насъ не смущаетъ мысль о томъ, что мы не можемъ разорвать цѣпей желѣзнаго закона гармоніи стихійныхъ силъ, сознание, что мы съ нашей планетой ничтожная песчинка, гонимая въ необходимомъ мировомъ процессѣ по пути для насъ загадочной и непонятной вѣчности. Напротивъ, наше творчество не оскудѣваетъ и чѣмъ больше познаемъ мы законы природы, т.-е. необходимое постоянство въ соотношеніи и движеніи естественныхъ силъ, тѣмъ шире развивается наша культурная дѣятельность. Тѣ же цѣли и тѣ же результаты имѣются въ виду и при анализѣ историческихъ процессовъ.

Б. И. Сыромятниковъ.

Думы о „Быломъ“ *).

(«Былое» 1906 г., январь—сентябрь.)

II.

«Эпоха великихъ реформъ...» При этихъ словахъ обыкновенно представляется весна русской жизни, бурнымъ потокомъ снесшая грязь и залежавшійся мусоръ «старого, но не добраго времени», — бодрая и радостная «нигилистическая» переоцѣнка всѣхъ прежнихъ цѣнностей, небывалое доселѣ (да и послѣ) у насъ напряженіе общественной энергіи, широкій и высокой подъемъ правительственной инициативы.

...Мечты поэта,
Историкъ строгій гонитъ васъ!
Увы—его раздался гласъ,
И гдѣ-жъ очарованье свѣта?...

«Строгий гласъ» безпристрастной исторіи давно уже разрушилъ эту прекраснодушную «мечту» наивно поэтизирующаго обывателя, ея беспощадный анализъ разложилъ и разсѣялъ туманъ легенды, восстановилъ реальныя очертанія пережитаго момента.

Въ началѣ его пестрая и шумная сутолока цѣлкой старины и только еще нащупывавшей почву новизны. Среди общихъ напряженныхъ ожиданій, при прежнихъ условіяхъ жизни, всѣмъ опостылѣвшихъ старыхъ административныхъ и цензурныхъ порядкахъ, прозвучали магическія слова: «обновленіе» и «освобожденіе» — слова столько же знаменательныя, сколько и отвѣтственныя. Общимъ надеждамъ предстоялъ долгій и тяжелый искусь. Дѣло обѣщанныхъ и назрѣвшихъ реформъ затягивалось и шло зигзагами; то, что давалось или было обѣщано сегодня, отнималось или ограничивалось завтра; за шагомъ впередъ слѣдовало нѣсколько шаговъ назадъ или въ сторону; реформа осуществлялась для того, чтобы тотчасъ же свести ее «на нѣтъ», и уродливыя надстройки и пристройки въ корень искажали зданіе, которое только начали возводить.

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1906 г.

Освобожденіе крестьянъ было проведено такъ, чтобы черезъ одно или два поколѣнія привести ихъ къ полному обществу; облегченіе цензурнаго гнета, «судъ скорый и милостивый», автономія университета, городское и земское самоуправленіе оставались пустыми звуками до тѣхъ поръ, пока сохранялось нетронутымъ самодержавіе правящей бюрократіи, пока за ними не было реальныхъ гарантій.

Постоянныя колебанія заправляющаго маятника между Долгоруковыми, Шуваловыми, Муравьевыми—вѣшателями, Треповыми, Мезенцовыми, Валуевыми, Толстыми—и «кузнецами-гражданами» приводили въ нервическое раздраженіе всѣхъ алкавшихъ и жаждавшихъ новой, болѣе устойчивой и разумной жизни; стремительной волной подымались общее разочарованіе и недовольство. Выдвинутая «нигилистами» борьба за элементарныя права человѣческой личности начинаетъ все болѣе и болѣе осложняться политическими мотивами; съ вершинъ европейской науки, воинствующаго матеріализма и непримиримаго атеизма, позитивныхъ исканій и социалистическихъ грезъ они все болѣе и болѣе спускаются къ грязи и ужасамъ родной дѣйствительности.

Обособленная вначалѣ, и потому заранѣе осужденная на «кипѣніе въ дѣйствіи пустомъ» борьба за освобожденіе мысли и личности наталкивалась на противорѣчія и сопротивленіе упругаго политическаго строя и должна была вскорѣ направить свои удары противъ него; все болѣе прояснялось сознаніе необходимости коренной политической реформы. Поднявшіеся «со дна» и оттѣснившіе энергическимъ натискомъ «кающихся» и «будуирующихъ» дворянъ разночинцы принесли съ собою живое и сочувственное пониманіе положенія обездоленныхъ общественныхъ низовъ, отрѣшившись отъ фантома царизма, этой исторической провѣйки народнаго горя. Кровавыя расправы съ бунтовавшими крестьянами и поляками (вспомнимъ «Бездненскую» исторію и подвиги Муравьева-вѣшателя), разгромъ воскресныхъ школъ и прогрессивной печати, неосмысленныя, жестокая репрессія по отношенію къ профессорамъ, студентамъ и писателямъ (дѣла профессоровъ: Шапова и Павлова, Михайлова, Чернышевскаго и др.) довершили политическое и общественное воспитаніе Базаровыхъ, Рахметовыхъ и Рязановыхъ и направили ихъ дѣятельность по революціонному руслу. Сложное и острое броженіе мысли привело такимъ образомъ къ нащупыванію революціонныхъ силъ и быстрому революціонизированію общества, захватившему прежде всего разночинческую интеллигенцію и учащуюся молодежь и затѣмъ приведшему къ первымъ попыткамъ проникнуть съ систематической антиправительственной или социалистической пропагандой въ народъ и войска (первая «Земля и Воля», «Великорусь» и т. д.).

Своеобразно переплетаются отголоски утопическаго социализма и коммунизма, наслѣдія 40-хъ годовъ, славянофильствующаго социализма Герцена, могучаго анархистскаго «бунтарства» Бакунина, роста воинствующаго пролетаріата на Западѣ, реминисценцій европейскихъ революцій и русскихъ

бунтовъ; съ каждымъ годомъ растетъ количество политическихъ процессовъ, вѣра революціонеровъ въ близость общаго возстанія, которое во всякомъ случаѣ дастъ конституцію или демократическую республику, если не приведетъ къ обѣтованной землѣ социализма или коммунизма. Пока движеніе идетъ слабыми толчками, разрозненными вспышками, которые для правительства были лишь случайными проявленіями злой воли, требовавшими только быстрого и безпощаднаго подавленія. Ихъ рокового внутренняго значенія правительство не понимало. Свою программу и тактику оно продолжало строить на пескѣ народной безсознательности, на началахъ грубаго классоваго эгоизма. А между тѣмъ процессъ государственнаго распада развивался медленно, но послѣдовательно и неуклонно; революціонеры не могли играть въ немъ вначалѣ особенно замѣтной роли въ силу своей дезорганизованности, изолированности дѣйствій, непримиренныхъ и непримиримыхъ противорѣчій основныхъ взглядовъ и тактическихъ пріемовъ. Правительственныя репрессіи сыграли въ этомъ отношеніи роль связующаго цемента, въ одномъ случаѣ, или приводили къ окончательной дифференціаціи, въ другомъ: кружки и группы вырастаютъ въ партіи и организаціи, которыя все болѣе расходятся въ вопросахъ программъ и тактики.

Уже въ 60-хъ годахъ легко можно подмѣтить зародыши всѣхъ тѣхъ движеній, которыя достигли полнаго развитія въ слѣдующее десятилѣтіе. Убѣжденные конституціоналисты «постепеновцы» идутъ объ руку съ пропагандистами-народниками, социалистами, отрицающими «буржуазную» конституцію («для народа она бесполезна и вредна») или признающими ее первымъ этапомъ политическаго развитія, *conditio sine qua non* свободной пропаганды,—даже террористами (вплоть до идеи царубійства). Очевиднаго перевѣса не было еще на сторонѣ ни тѣхъ, ни другихъ; противоположныя идеи часто бродили и сталкивались въ одномъ и томъ же кружкѣ.

Близкизм Чернышевскаго и утопическій социализмъ Михайлова не мѣшали имъ настойчиво проводить идеи конституціи. Первоначальная «Земля и Воля», «Великорусь», Каракозовцы и Нечаевцы по справедливости могутъ быть признаны ближайшими предшественниками не только «народниковъ», «бунтарей», но и народовольцевъ и чернопредѣльцевъ 70-хъ годовъ. Если не было здѣсь определенной філіаціи поколѣній, то во всякомъ случаѣ была довольно устойчивая філіація идей—на почвѣ главнымъ образомъ одинаковыхъ литературныхъ вліяній. Съ другой стороны, внѣ всякаго сомнѣнія и точки ихъ соприкосновенія съ міромъ «либераловъ».

Вліяніе нашей эмиграціи, Бакунина и Лаврова (всего меньше Ткачова и Нечаева позднѣйшаго періода), особенно усилившееся благодаря палочничеству нашей учащейся молодежи въ Швейцарію къ началу 70-хъ годовъ,—побѣднаго шествія «Интернаціонала» и европейскаго социализма вообще, потрясающихъ впечатлѣній Парижской коммуны дали перевѣсъ движенію чисто-соціалистическому надъ политическимъ, въ частности конституціоннымъ; общій потокъ рѣзко отклонился отъ опредѣлявшагося уже

политическаго фарватера. Началось эпидемическое «хождение въ народъ» и на фабрики—чаще всего крестовый походъ дѣтей наивнаго социализма, упрямо, вопреки «впечатлѣніямъ бытія», отрицавшихъ «буржуазную политику» и прекраснодоушно вѣрившихъ, что «на другой день» близкой социальной революціи самъ собою рухнетъ и гнусный политическій строй. Возбужденныя и вдохновенныя молодымъ энтузіазмомъ лица этихъ дѣтей на время заслонили умудренныя жизненнымъ опытомъ, сѣдѣвшія головы «отцовъ»—нигилистовъ и «постепеновцевъ» съ ихъ «политикой» и невѣріемъ въ близость страшнаго суда социальной революціи—и «отцы» быстро вышли изъ моды, если не въ тиражъ.

«Летучая пропаганда» и позднѣйшія «деревенскія и фабричныя поселенія» были вѣсело мало плодотворны при громадной затратѣ силъ и слишкомъ большихъ жертвахъ. Это скоро привело къ разочарованію, а ожесточенныя, неосмысленныя репрессіи правительства доводили революціонную молодежь до слѣпотаго отчаянія, жажды мести и толкали ее на террористическій путь. Движеніе было снова введено въ политическое русло; произошло хотя бы въ одномъ пунктѣ сближеніе представителей «соціально-революціонной партіи» и «либераловъ». Началось героическое единоборство «Народной Воли» съ правительствомъ, которое скоро свелось на своеобразное обоснованіе терроромъ чисто-конституціонныхъ стремленій, причемъ социалистическія раг excellence идеи сами собою отодвинулись на задній планъ. Кому онѣ были дороги, тотъ ушелъ черезъ «Черный передѣлъ» и «Группу освобожденія Труда» въ обще-европейскую социаль-демократію, окончательно выдѣлившись изъ господствующаго революціоннаго теченія.

Но революціи не дѣлаются и конституціи не завоевываются героическимъ самоотверженіемъ отдѣльныхъ личностей или кружковъ. У движенія не было, такъ сказать, классоваго базиса. Силы уходили на самозащиту и борьбу съ правительствомъ, которое не останавливалось ни передъ какими средствами и мало-по-малу перевело борьбу на болѣе свойственную ему почву. Оргія шпіонажа, въ видѣ отвѣта, вызвала парализующую дѣятельность въ III отдѣленіи Клыточникова. При всемъ его благородствѣ логическимъ ея продолженіемъ была Дегаевщина—печальный, но естественный результатъ прямолинейнаго проведенія въ жизнь рокового афоризма: «цѣль оправдываетъ средства».

Способы «дезорганизаціи» правительства, учащавшіеся случаи «экспроприаціи», разъ показавшіеся и уже не исчезающій призракъ социальной революціи и «захвата власти» отпугнули либеральную буржуазію, которая изъ страха передъ неизвѣстнымъ и тревожнымъ будущимъ готова была примириться со всеми бичами и скорпіонами настоящаго. Движеніе пошло на убыль не только потому, что изъ его рядовъ были вырваны наиболѣе сильныя борцы, но еще болѣе потому, что внутри его опредѣлился болѣзненный надломъ, и оно начало терять подъ собою почву. Правительство увидѣло въ этомъ оправданіе своей тактики, чтобы усиленіемъ ея вызвать черезъ 10—15 лѣтъ еще болѣе острый и грозный взрывъ.

Безсознательно своими дѣйствіями оно исправляло всѣ ошибки и заблужденія, создавало для него почву, сближало разрозненные и враждебныя теченія.

Вдумчивый японскій дипломатъ охарактеризовалъ послѣднія перемѣны нашей исторіи словами: «неспособное правительство и безсмысленная революція». Дебогорій-Мокрѣевичъ и Брототкинъ дополнили первое опредѣленіе эпитетами: «злое и глупое»; современная наша жизнь внесла существенную поправку и во второе опредѣленіе: «безсмысленная пока, но съ каждымъ новымъ моментомъ усиливающаяся благодаря конституціоннымъ мѣрамъ теперешняго правительства революція».

Революціонизированіе—и распадъ: распадъ всего строя, правительственной системы въ особенности, «распыленіе» революціоннаго процесса. Что будетъ скорѣй? Чѣмъ все это кончится? Освѣжающимъ громовымъ взрывомъ внезапнаго катаклизма или затяжнымъ, медлительнымъ, гнойнымъ разложеніемъ, изъ продуктовъ котораго зародится новая жизнь?!

«Мудрый Эдишъ, разрѣши!»

Многія интимныя, наиболѣе интересныя стороны только что начавшаго замѣчательнаго процесса впервые вскрыло на своихъ страницахъ «Былое», и въ этомъ его непрекаемая заслуга, которую съ глубочайшею благодарностью долженъ признать каждый историкъ нашей общественной жизни. Вскрыло не всѣ одинаково равномѣрно, но почти всѣ выпукло и ярко.

Именно это выпуклое и яркое слѣдуетъ особенно отмѣтить. Именно появилось благодаря «Былому» въ печати впервые; остальное существовало только «для немногихъ», которымъ были доступны заграничныя русскія партійныя изданія. Наконецъ, данныя, разбросанныя по разнымъ книжкамъ журнала, производятъ не то впечатлѣніе, которое вызываютъ ихъ объединеніе въ извѣстномъ фокусѣ, по указанной выше схемѣ. Попытка такого объединенія и будетъ сдѣлана въ ближайшемъ изложеніи.

III.

Много новыхъ фактовъ, иногда совсѣмъ неожиданное и высокоинтересное освѣщеніе вносятъ «Былое» въ исторію нашихъ общественныхъ теченій 60-хъ годовъ, которыя до самаго послѣдняго времени оставались очень мало изученными *).

*) *Январь*: М. К. Лемке, Дѣло М. И. Михайлова, 1861 г.; Письма Чернышевскаго къ Краевскому; М. К. Лемке, За что арестовали Чернышевскаго? *Февраль*: М. К. Лемке, Дѣло Д. И. Писарева; Письмо Салтыкова къ Чернышевскому; Письма Глѣбовъ, Нелишнее разъясненіе (о прокламаціи „къ молодому поколѣнію“). *Мартъ*: М. А. Антоновичъ, Арестъ Чернышевскаго; М. К. Лемке, Дѣло Чернышевскаго; Письма, вятыхъ у Чернышевскаго при арестѣ. *Апрѣль*: Дѣло Чернышевскаго; Д. Стасовъ, Каракозовскій процессъ; П. И. Вейнбергъ, 4 апрѣля 1866 г. *Май*: Дѣло Чернышевскаго; М. Н. Чернышевскій, Къ дѣлу Чернышевскаго; Дѣло Сымина и др. *Июнь*: Писаніе П. Л. Лаврова М. И. Михайлову. *Июль*: Дѣло Ушакова. *Августъ*: М. К. Лемке, Процессъ „великоруссцевъ“; Письмо Бакунина; Дѣло Яковлева и др.

Распространенная М. И. Михайловымъ, но, вѣроятно, составленная Н. В. Шелгуновымъ прокламація «къ молодому поколѣнію» считала только молодежь жизнеспособной и, подчеркивая «полное и всеобщее недовѣріе и частью презрѣніе» къ тогдашнему правительству, совѣтовала ей разъяснить это народу и солдатамъ. По собственнымъ словамъ Михайлова, «выйти изъ сферы обычной скромной дѣятельности заставила его горькая боль сердца при вѣсти о печальныхъ случаяхъ усмиренія крестьянъ военною силою, и опасенія, что эти случаи могутъ долго еще повторяться въ будущемъ». Прокламація вооружалась противъ стремленія «надѣть на себя петлю европейскихъ учрежденій и ея экономическихъ порядковъ» и призывала «развивать тѣ начала, какія живутъ въ народѣ». «Мы—народъ запоздалый, и въ этомъ наше спасеніе. Мы должны благословить судьбу, что не жила жизнью Европы. Ея несчастья, ея безвыходное положеніе—урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала и ея императорской власти». «Мы вѣримъ, что призваны внести въ исторію новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы».

Все это—отголоски Герценовскаго разочарованія въ Западѣ и его славянофильствующаго «соціалистическаго мессіанизма». Отвѣчая на вопросъ: «чего мы хотимъ?»—прокламація выдвигаетъ дальше совѣтъ умѣренную программу, подъ которой подписалось бы теперь и большинство «кадетовъ»: «мы хотимъ выборной и ограниченной власти, свободы слова, всеобщаго самоуправленія, равенства всѣхъ передъ закономъ и въ государственныхъ податяхъ и повинностяхъ, точнаго отчета въ расходованіи народныхъ денегъ, открытаго и устнаго суда, уничтоженія всякой полиціи и тѣлеснаго наказанія, общиннаго владѣнія землей... немедленнаго выкупа всей личной земельной собственности... сокращенія расходовъ на армію, перевоспитанія кровожадной императорской арміи, сокращенія срока военной службы... сокращенія расходовъ на государственное управленіе и дворъ, амнистіи всѣхъ политическихъ преступниковъ и совершеннаго измѣненія всѣхъ основныхъ законовъ». Для Михайлова эти «безсмысленныя мечтанія» кончились 6-лѣтней каторгой и безвременной смертью въ далекой Сибири. Вслѣдъ ему прозвучали удивительныя слова Огарева:

Закованъ въ желѣзо съ тяжелою цѣпью,
Идешь ты, изгнанныкъ, въ холодную даль,
Идешь безконечною, снѣжною степью,
Идешь въ рудокопы на трудъ и печаль.

Иди безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ, и святы страданья.
И вѣр неослабно, мой мученикъ смыслный,
Иной рудокопъ не исчезъ, не потухъ—
Незримый, поспѣшннй, повсюдннй, всесильннй
Народной свободы таинственннй духъ.

скихъ саперъ; Дѣло Бензенгера и Делькевича. Августъ: М. К. Лемке, Дѣло П. А. Мартынова; Гильомъ, Бакунинъ. Сентябрь: М. К. Лемке, „Дѣло о лицахъ, объявляемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“.

Иди безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ, и святы страданья...

Прокламаціи «Великоруссь» (юль 1861 годъ), начавшія собою серію агитаціонныхъ и нелегальныхъ изданій 60-хъ годовъ, при всей своей неопредѣленности и расплывчатости, стоятъ приблизительно на той же конституціонной точкѣ зрѣнія, какъ и воззваніе «къ молодому поколѣнію», но обосновываютъ ее очень своеобразно.

«Правительство ничего не въ силахъ понимать, оно глупо и невѣжественно, оно ведетъ Россію къ пугачевщинѣ. Надо образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ изъ рукъ неспособнаго правительства, чтобы спасти народъ отъ истязаній; если общество не сдѣлаетъ этого, оно само подвергнется терроризму, потому что правительство, при своей неспособности вести національныя дѣла разумнымъ образомъ, впадаетъ въ необходимость держаться системы стѣсненій. Если образованные классы почтутъ себя бессильными, не почувствуютъ въ себѣ рѣшимости обуздать правительство и руководить имъ, тогда патріоты будутъ принуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались бы образованные классы. Сначала же попробуемъ: быть можетъ, просвѣщенная часть націи не почтетъ себя бессильною. На дѣлѣ она гораздо сильнѣе правительства, тупого и трусливаго. Такъ, просвѣщенные люди должны громко сказать правительству: мы требуемъ отміны такихъ-то и такихъ-то вещей, мы хотимъ замѣны ихъ такими-то и такими-то. Требованіе будетъ исполнено. Мы не поляки и не мужики. *Въ насъ стрѣлятъ нельзя*» (sic!).

Народъ и образованные классы одинаково желаютъ «устраненія произвольнаго управленія», «замѣны его законностью». Главнѣйшія условія для водворенія законнаго порядка—хорошее разрѣшеніе крѣпостнаго дѣла, освобожденіе Польши и конституція». Государство должно отдать крестьянамъ безвозмездно (принявъ выкупъ на счетъ всей націи), по крайней мѣрѣ, тѣ земли и угодья, которыми они раньше пользовались. Польшу нужно освободить потому, что «пока въ одной части государства власть надъ цивилизованнымъ народомъ держится системой военнаго деспотизма, правительство не можетъ отказаться отъ этой системы и въ остальныхъ частяхъ государства». Чтобы ввести и упрочить у себя свободу, нужно вообще «вполнѣ признать права національностей».

Конституція должна установить слѣдующія «черты законнаго порядка»: «отвѣтственность министровъ, вотированіе бюджета, судъ присяжныхъ, свобода исповѣданій, уничтоженіе сословныхъ привилегій, самоуправленіе по областнымъ и общиннымъ дѣламъ».

Съ удивительною прозорливостью авторы прокламаціи ставятъ дальше такой вопросъ: «но чего требовать? Того, чтобы государь даровалъ конституцію, или чтобы онъ предоставилъ націи составить ее. Правительствомъ не умѣетъ порядочно написать даже обыкновеннаго указа, тѣмъ менѣе сумѣло бы оно составить хорошую конституцію, если бы и захотѣло. Но оно хочетъ сохранить произволъ, потому подъ именемъ конституціи

издало бы оно только актъ, сохраняющій, при новыя слова, прежне самовластіе. Итакъ, требовать надобно не октроирования конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія. Для выбора представителей нужны: свобода печати, право популярнымъ людямъ составить изъ себя въ каждой губерніи распорядительный комитетъ съ подчиненіемъ ему всѣхъ губернскихъ властей, составленіе временнаго избирательнаго закона популярными лицами, которыхъ уважить голосъ публики».

Комитетъ «Великорусса» не особенно вѣрить въ конституціонную монархію, но готовъ поддержать умѣренную партію, желающую добиться конституціи мирными средствами (вплоть до подачи соответствующаго адреса государю). «Если нынѣшній государь добросовѣстно откажется отъ произвола, проигрышь республиканской партіи будетъ не очень великъ: истинноконституціонная монархія мало отличается отъ республики». Первой, конечно, не будетъ—и это расчиститъ дорогу для второй. Испробовать это средство всетаки нужно—для политическаго воспитанія чистыхъ конституціоналистовъ: «сами факты пусть раскроютъ глаза людямъ, питающимъ ошибочную надежду на династію». Нужно помочь имъ прозрѣть...

Проектъ адреса Александру II заканчивался такими словами: «согласившись на введеніе конституціоннаго устройства, вы только освободите себя отъ тяготѣющаго надъ вами владычества лжи, замѣнивъ нынѣшнее наше подчиненіе—чистой и полезной поворностью истинѣ, которая не можетъ существовать въ государственныхъ дѣлахъ безъ политической свободы. Только правительство, опирающееся на свободную волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту».

За распространеніе этихъ прокламацій Обручевъ заплатился трехлѣтними каторжными работами. Во время совершенія надъ нимъ гражданской казни «толпа, окружавшая эшафотъ, выражала звѣрскія желанія, чтобы ему отрубили голову, или наказали кнутомъ, или, по крайней мѣрѣ, повѣсили на позорномъ столбѣ внизъ головою, за то, что онъ смѣлъ идти противъ царя»... Характерная иронія судьбы, и злобщій отвѣтъ на поставленный «Великоруссомъ» вопросъ о призывѣ народа для «дѣла, отъ котораго отказались бы образованные классы»!...

Центральный революціонный комитетъ, издавшій прокламацію «Молодая Россія» (1862 г.), имѣлъ конечною цѣлью своей программы не конституцію, а «соціальную и демократическую русскую республику». Онъ признавалъ терроръ и требовалъ «республиканско-федеративнаго союза областей, состоявшихъ, въ свою очередь, изъ земледѣльческихъ общинъ, выборнаго суда, правильнаго распредѣленія налоговъ, заведенія общественныхъ фабрикъ, заводовъ и лавокъ, общественнаго воспитанія дѣтей, содержанія общиной стариковъ и больныхъ, полной эмансипаціи женщины, уничтоженія брака, семьи и монастырей, увеличенія содержанія солдата, уменьшенія срока его службы и замѣны арміи національною гвардіею, полной независимости Польши и Литвы». Проведеніе этой программы возлагалось глав-

нымъ образомъ на молодежь, затѣмъ на войско, за которыми пошелъ бы народъ, особенно старообрядцы. «Народное возстаніе близится. Пусть пойметъ это публика и пусть помнить. Пусть сообразить теперь, что реакція, порожденная ея же сплетнями *), поддерживается ея легковѣріемъ, дастъ возстанію чернаго народа характеръ столь свирѣпый, что никакія усилія революціонеровъ не будутъ въ состояніи ни смягчить переворота, ни положить ему предѣловъ».

Тотъ же комитетъ пытался распространить протесты Мошкалова и Д. И. Писарева противъ пасквиля на Герцена, инспирированнаго русскимъ правительствомъ. Первый указывалъ на то, что «въ дѣйствіяхъ нашего правительства, подавляющаго всякое проявленіе жизни, замѣчается новая черта—трусливая подлость іезуита: не переставая ссылать, заѣзжать, пытать, разстрѣливать, оно употребляетъ скрытныя, подины, но исполнѣ достойныя его мѣры тамъ, гдѣ нельзя нагло сдѣлать грубымъ насиліемъ». Еще сильнѣе заключительныя слова Писарева: «низверженіе... и измѣненіе политическаго и общественнаго строя составляютъ единственную цѣль и надежду всѣхъ честныхъ гражданъ. Чтобы при теперешнемъ положеніи дѣлъ не желать революціи, надо быть или совершенно ограниченнымъ, или совершенно подкупленнымъ въ пользу царствующаго зла. Посмотрите, русскіе люди, что дѣлается вокругъ васъ, и подумайте, можемъ ли мы дольше терпѣть насиліе, прикрывающееся устарѣлою формою божественнаго права. Посмотрите, гдѣ наша литература, гдѣ народное образованіе, гдѣ всѣ добрыя начинанія общества и молодежи? Придравшись къ двумъ-тремъ случайнымъ пожарамъ, правительство все проглотило; оно будетъ глотать все—деньги, идеи, людей, будетъ глотать до тѣхъ поръ, пока масса проглоченнаго не разорветъ это безобразное чудовище. Воскресныя школы закрыты, народныя читальни закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народъ и идею, Петербургъ поставленъ на военное положеніе, правительство намѣрено дѣйствовать съ нами, какъ съ непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примиренія нѣтъ. На сторонѣ правительства стоятъ только негодяи, подкупленные тѣми деньгами, которыя обманомъ и насиліемъ выжимаются изъ бѣднаго народа».

На сторонѣ народа стоитъ все, что молодо и свѣжо, все, что способно мыслить и дѣйствовать... и петербургская бюрократія должна погнубить... То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться въ могилу. Намъ остается только дать имъ послѣдній толчокъ и забросать грязью ихъ смердящія трупы».

Какъ часто потомъ оппозиціонная и революціонная печать будетъ повторять подобныя слова: «близость общаго возстанія», «такъ дольше жить нельзя», «хуже быть не можетъ», «правительственная система наканунѣ своего полнаго краха» и т. д.! Но приходилось все же жить при худшихъ и худшихъ условіяхъ, «послѣдній толчокъ» все не давался, «сме-

*) О поджогахъ, производимыхъ революціонерами.

дѣше трупы» обнаруживали чудодѣйственную живучесть... Долго ли мы будемъ и впредь повторять и варьировать такія фразы?...

Для 60-хъ годовъ онѣ еще не потеряли своей новизны, и въ нихъ чувствуется молодой задоръ, глубокая вѣра. Въ открытомъ письмѣ (1862 г.) къ Александру II, напечатанномъ въ *Колоколѣ*, Мартыяновъ, ярый поклонникъ славянской федераціи, даетъ уничтожающую критику современнаго режима и настаиваетъ на созваніи Земской Думы—средняго пропорціональнаго между западнымъ парламентомъ и славянофильскимъ Земскимъ Соборомъ. И. Серно-Соловьевичъ и тверскіе земцы (1862 г.) ждуть конституціи съ высоты трона. Прокламація «къ барскимъ крестьянамъ», къ которой, повидимому, былъ прикосновененъ и Чернышевскій (1863 г.), разъясняла народу въ очень доступной формѣ преимущества англійскаго парламентаризма. То же недовольство современнымъ строемъ, ненависть къ деспотизму и настойчивое требованіе политической реформы проглядываютъ и въ рядѣ менѣ крупныхъ политическихъ процессовъ 60-хъ годовъ (Бензенгера, Ушакова, присужденнаго къ смертной казни, «помилованнаго» на каторгу, затѣмъ амнистированнаго и недавно выступившаго въ Государственномъ Совѣтѣ страстнымъ защитникомъ смертной казни и т. д.). Броженіе оппозиціонной мысли обострялось все больше и больше, и правительственныя репрессіи только раздували огонь. Надежда на дарованіе конституціи «съ высоты трона» падаетъ; конституціонное теченіе отодвигается на второй планъ революціоннымъ. У Баранозовцевъ въ зародышѣ уже почти всѣ идеи и приемы послѣдующихъ революціонныхъ теченій.

Живыя, основанныя на современныхъ замѣткахъ воспоминанія Д. В. Стасова (защитника Ишутина) вводятъ насъ въ психологію этого переходнаго момента въ исторіи нашего освободительнаго движенія.

«Въ 1860-хъ годахъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, а, по всѣмъ вѣроятіямъ, и ранѣе того... возникло въ обществѣ то движеніе, которое выразилось чрезвычайно разнообразно среди учащейся и всякой другой молодежи: въ устройствѣ кружковъ для взаимной помощи и поддержанія другъ друга по доставленію средствъ для образованія, въ складчинахъ для устройства библіотекъ, частныхъ курсовъ, школъ, чтеній въ частныхъ домахъ, въ распространеніи образованія въ низшихъ классахъ, устройствѣ типографій, печатаніи брошюръ, книгъ, распространеніи ихъ въ народѣ. Отъ всѣхъ этихъ начинаній естественный переходъ къ сближенію съ народомъ путемъ совѣстной съ нимъ жизни, а отсюда—поселенія въ деревнѣ, устройство тамъ школъ, кузницъ, всякаго рода ремесленныхъ заведеній и т. п. на общія средства, на началахъ ассоціаціи. Однимъ словомъ, проявилось въ болѣе или менѣ крупныхъ размѣрахъ то движеніе, которое въ слѣдующія десятилѣтія вылилось и въ хожденіе въ народъ и проч. Въ кружкахъ молодежи, разумѣется, шли толки о томъ, что ее болѣе всего занимало и волновало, сначала вопросы школьные, экономическіе, соціальные; къ нимъ примѣшивались и необходимо затрогивались и вопросы политическіе».

Ближайшіе товарищи Баракозова предполагали купить фабрику и устроить ее на началах ассоціаціи. Среди нихъ «были толпы о плохомъ положеніи крестьянъ, хотя и освобожденныхъ, но безправныхъ, объ ихъ малоземельѣ, о необходимости увеличить ихъ надѣлы, о необходимости измѣнить экономическій бытъ народа на началахъ социализма, о необходимости замяти правленія какимъ-нибудь лучшимъ и т. д.». Ишутинъ и Худяковъ ссылаются при этомъ на какой-то европейскій революціонный комитетъ, «пребывающій въ Женевѣ и имѣющій цѣлю улучшение экономического и социальнаго быта народа посредствомъ измѣненія существующаго строя правленія. Комитетъ этотъ прибѣгаетъ для достиженія своихъ цѣлей къ весьма разнообразнымъ средствамъ, не отвергаетъ даже, въ случаѣ надобности, и убійствъ правящихъ лицъ».

Ишутинъ совѣтуетъ товарищамъ «применить къ европейскому комитету, совершить что-нибудь, что расшевелитъ молчащую толпу, привлечь къ нимъ многихъ, произведетъ влияние на народъ, т.-е. царевубійство». Нѣкоторые изъ нихъ собирались поступить на фабрики для пропаганды, запасались фальшивыми паспортами и ядами на случай ареста—черты, живо напоминающія послѣдующихъ «народниковъ» 70-хъ годовъ. Странденъ замышляетъ освобожденіе Чернышевскаго изъ Сибири, за которое взялся позднѣе Мышкинъ.

Пока дѣло болѣе ограничивалось разговорами и предположеніями. Одни собирались «заставить» или «просить правительство ввести социализмъ», другіе «для введенія социализма хотѣли перевести нѣкоторыя книжки». Всѣ вообще считали настоятельно нужной пропаганду социалистическихъ идей среди учащейся молодежи и народа.

Во всемъ этомъ, конечно, много наивнаго, но уже чувствуется приближеніе бури. Баракозовское покушеніе было первой попыткой по осуществленію программы кружка. Нужно помнить затѣмъ и то, что онъ былъ подготовительной школой для ряда послѣдующихъ революціонеровъ.

Болѣе опредѣленная и прочная кристаллизація движенія складывается у Нечаевцевъ, Чайковцевъ и Долгушинцевъ, но для ихъ внутренней исторіи *Былов* даетъ немного: біографическія свѣдѣнія о Нечаевѣ *) и отдѣльныя черты въ біографіяхъ и воспоминаніяхъ революціонеровъ болѣе поздней формаціи **).

Лучше и обстоятельнѣе освѣщаетъ оно эпоху «хожденія въ народъ», «народничество» и «бунтарство», «Земли и Воли», послѣдней въ особенності ***). Мы осязательно видимъ, какъ неумолимая логика событій

*) *Апрѣль*: Ралли-Арборе, С. Г. Нечаевъ; Д—ъ, Арестъ Нечаева въ Цюрихѣ; Нечаевъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ въ 1873—1888 гг.

***) Въ особенности воспоминанія Синегуба и Любатовичъ (май, іюнь, августъ, сентябрь).

****) *Январь*: Бурцевъ, Сѣверно-русскій рабочій союзъ. *Февраль*: Виташевскій, Процессъ И. М. Ковальскаго; М. Р. Поповъ, Къ біографіи Мышкина. *Май*: Фроленко, Побѣгъ Алеши Поповича; Любатовичъ, Далекое и недавнее, воспоминанія изъ жизни

звлекла революціонеровъ отъ мирной социалистической пропаганды къ вооруженнымъ сопротивленіямъ и систематическому террору. Общій потокъ событій увлекаетъ даже такихъ въ сущности мирныхъ по натурѣ людей, какъ Ковальскій и В. И. Засуличъ. На югѣ нарождается «Исполнительный комитетъ» — предтеча «дезорганизирующей», террористической фракціи, «Народной Воли». И сразу же разворачивается передъ нами потрясающая картина покушеній, убійствъ, казней, мукъ «одиночекъ» и «каменныхъ мѣшковъ». Для расцвѣта террористической дѣятельности *Былое* даетъ особенно много, и большинство опубликованныхъ имъ матеріаловъ имѣетъ интересъ полной новизны, впервые вскрываетъ наиболѣе интимныя и никому, кромѣ ближайшихъ участниковъ, не извѣстныя стороны движенія. По нимъ можетъ быть прямо написана яркая и колоритная исторія «Народной Воли» 1879—1883 гг. *).

революціонеровъ 1878—1881 гг. *Юль:* Любатовичъ, Драгомановъ, Автобіографія; Къ дѣлу Мышкина. *Август:* М. Р. Поповъ, „Земля и Воля“ накануне воронежскаго съѣзда; Синегубъ, Воспоминанія Чайковца; Ильячъ-Свѣтычъ, Мое знакомство съ Ковальскимъ. *Сентябрь:* Синегубъ.

*) *Январь:* Ашенбреннеръ, Шлиссельбургская тюрьма за 20 лѣтъ; Засѣданіе Государственнаго Совѣта 8 марта 1881 г.; Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г. *Февраль:* Фроленко, Милость, изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ; Морозовъ, Изъ шлиссельбургскихъ мотивовъ; А. Д. Михайловъ; Волковъ, Народовольческая пропаганда среди московскихъ рабочихъ въ 1881 г.; Поливановъ, Отрывки изъ писемъ бывшаго шлиссельбуржца и „Кошмаръ“; Панкратовъ, Памяти Волкенштейнъ. *Мартъ:* Богучарскій, 1 марта—3 апрѣля 1881 г.; Письмо Исполнительнаго комитета къ Александру III; В. Я. Б., Событіе 1 марта и Михайловскій; Н. Р., Событіе 1 марта и Шалгуновъ; П. Ц., Событіе 1 марта и Вл. Соловьевъ; Хирьяковъ, Событіе 1 марта и Л. Н. Толстой; Изъ рѣчей на судѣ Желябова, Кибальчича и Перовской; Тригоны, Мой арестъ въ 1881 г.; Бѣлоконскій, Желябовъ; Иванова, Воспоминаніе о Перовской; Панкратовъ, Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1880—1884 гг.; В. Н. Фигнеръ, Шлиссельбургская узница Л. А. Волкенштейнъ; Ольхивъ, Морозову; Заключеніе Желябова отъ 2 марта 1882 г.; Письмо Желябова къ Драгоманову; Къ портрету Желябова; Инструкція для заключенныхъ въ Шлиссельбургской тюрьмѣ; Документы для исторіи Общества „Краснаго Креста“ партіи „Народной Воли“. *Апрѣль:* Прибылева-Корба, Дегаевъ; Дегаевщина (матеріалы и документы); Новорусскій, Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ; Надинъ, Стрѣльниковскій процессъ 1883 г. въ Одессѣ; Л., Желябовъ; Василевскій, „Пролетаріатъ“; Семенюта, Изъ воспоминаній о Желябовѣ; С. Ивановъ, Изъ воспоминаній о 1881 г.; „Голубя“ Саблина. *Май:* Къ біографіи В. Н. Фигнеръ; Джабадари, Въ неволѣ; Тырковъ, Къ событію 1 марта 1881 г.; Русова, Янгансъ. *Юль:* Новорусскій, Въ Шлиссельбургской крѣпости; С. Ивановъ, Возникновеніе и паденіе Дурноселовки; Осмоловскій, Карійская трагедія; Джабадари; Прибылева-Корба, Нѣкоторыя данныя о „Письмѣ Исполн. комитета къ Александру III“; Отчетъ о процессѣ 20-ти „народовольцевъ“; Фроленко, Дополнительныя свѣдѣнія о процессѣ 20; По поводу „Объявленія Исполн. комитета“. *Август:* Ашенбреннеръ, Военная организація „Народной Воли“; Изъ показаній В. Н. Фигнеръ; Манучаровъ, Мой процессъ; Новорусскій; Виташевскій, Централка; Василевскій, „Пролетаріатъ“ передъ судомъ; Къ исторіи отношеній партіи „Народной Воли“ и партіи „Пролетаріатъ“; Къ дѣлу Засуличъ. *Август:* Манучаровъ, Эпизодъ изъ жизни въ Шлиссельбургской крѣпости; Къ біографіи Желябова и Перовской; Конъ, У подножія висѣлицъ; Изъ исторіи народовольческаго движенія среди военныхъ въ

Не исчерпывая всего материала (этого и нельзя сдѣлать въ журнальной статьѣ), остановимся на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ моментахъ этой исторіи.

Когда вчитываешься въ воспоминанія народовольцевъ или о народовольцахъ, вглядываешься въ прекрасныя, одухотворенныя лица большинства изъ нихъ (*Было* дано нѣсколько десятковъ отлично выполненныхъ ихъ портретовъ), начинаешь понимать всю силу проникавшаго ихъ благороднаго и самоотверженнаго идеализма, столь присущую имъ глубину вѣры, страстную жажду дѣла и страданія во имя блага народа. Особенно захватываютъ читателя образы А. Д. Михайлова, В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ.

«Свѣтлая и могучая жизнь» Михайлова проходила въ непрестанныхъ заботахъ о «дѣлѣ» и товарищахъ по партіи, для которой много лѣтъ онъ былъ ангеломъ-хранителемъ. Даже изданная жандармами «Хроника социалистическаго движенія въ Россіи» отдаетъ должное его благородству (какъ и В. Н. Фигнеръ). Уже осужденный на медленное умираніе въ одиночкѣ (г-жѣ Борба онъ говорилъ, что «не вынесетъ одиночнаго заключенія»), и дѣйствительно прожилъ въ крѣпости только два года), онъ оставляетъ товарищамъ трогательное завѣщаніе.

«Завѣщаю вамъ, братья, не расходовать силу для насъ (заключенныхъ), но беречь ихъ отъ всякой бесплодной гибели и употреблять ихъ только въ прямомъ стремленіи къ цѣли».

«Завѣщаю вамъ, братья, не посылайте слишкомъ молодыхъ людей въ борьбу на смерть. Давайте окрѣпить ихъ характерамъ, давайте время развить всѣ ихъ духовныя силы».

«Завѣщаю вамъ, братья, заботиться о нравственной удовлетворенности каждаго члена организаціи. Это сохранить между вами миръ и любовь; это сдѣлаетъ каждаго изъ васъ счастливымъ, сдѣлаетъ навсегда памятными дни, проведенные въ вашемъ обществѣ».

«Затѣмъ цѣлую васъ всѣхъ, дорогіе братья, милыя сестры, цѣлую всѣхъ по одному, и крѣпко-крѣпко прижимаю къ груди, которая полна желаніемъ, страстью, воодушевляющими и васъ. Простите, не поминайте лихомъ. Если я сдѣлалъ кому-нибудь непріятное, то, вѣрьте, не изъ личныхъ побужденій, а единственно изъ своеобразнаго пониманія нашей общей пользы и изъ свойственной характеру настойчивости. Итакъ, прощайте, дорогіе!»

Сколько силы и гордаго спокойствія въ сжатомъ показаніи В. И. Фигнеръ на первомъ допросѣ (іюль, стр. 27)! И сколько мягкости, душевной

началъ 80-хъ годовъ; Бяловескій, Изъ прошлаго; Новорусскій; Маклецова-Дегаева Судейкинъ и Дегаевъ; Курицынъ, его письмо и отвѣтъ на него редакціи. *Сентябрь*. С. Иванова, Первая типографія „Народной Воли“; Тригона, Посѣтъ Шлиссельбурга Годъ, Зубатовъ; Геккеръ, Политическая каторга на Карѣ; Миноръ, Якутская драма 1889 г.; Письма осужденныхъ якутянъ; Новорусскій, Годъ (некрологъ); Николадзе, Освобожденіе Чернышевскаго.

теплоты и высокой женственности въ ея отношеніяхъ къ товарищамъ по заключенію!

Борьба не на жизнь, а на смерть съ правительствомъ, боль столбныхъ утратъ на каторгѣ, въ крѣпости и на висѣлицѣ не помѣшали имъ обратиться къ Александру III съ историческимъ письмомъ, полнымъ сдержаннаго достоинства и сконцентрированной силы. Они думаютъ не о «захватѣ власти», готовы забыть все и сложить оружіе — только бы правительство искренно рѣшилось сойти со своего пагубнаго пути, исполнить свой долгъ передъ народомъ.

«Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ. Этихъ условій, по нашему мнѣнію, два: 1) общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданского долга; 2) созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями. Считаемъ необходимымъ напомнить, однако, что легализація верховной власти народнымъ представительствомъ можетъ быть достигнута лишь тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при слѣдующей обстановкѣ: 1) депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично, и пропорціонально числу жителей; 2) никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть; 3) избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго собранія, допустить: а) полную свободу печати, б) полную свободу слова, в) полную свободу сходокъ, г) полную свободу избирательныхъ программъ. Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильнаго и мирнаго развитія *). Заявляемъ торжественно, предъ лицомъ родной страны и всего міра, что наша партія съ своей стороны безусловно подчинится рѣшенію народнаго собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному народнымъ собраніемъ. Итакъ, ваше величество, — рѣшайте. Передъ вами два пути. Отъ васъ зависитъ выборъ. Мы же затѣмъ можемъ только просить судьбу, чтобы вашъ разумъ и совѣтъ подсказали вамъ рѣшеніе, единственно сообразное съ благомъ Россіи, съ вашимъ собственнымъ достоинствомъ и обязанностями передъ родною страной».

Послѣ нѣсколькихъ колебаній совѣтъ злого генія Россіи — Побѣдоносцева **) и опредѣлявшаяся среди либеральной буржуазіи реакція рѣзо

*) Почти того же требовали и прокламація 60-хъ годовъ, и конституціоналисты 80-хъ (см. *Былое*, январь, 309; апрѣль 304). Очень характерное совпаденіе!

**) *Былое*, январь. *Русскій Армія* этого года даетъ нѣсколько иную версію.

склонилла заправляющій государственный механизмъ вправо. Переговоры съ революціонерами въ 1883 г. *) имѣли цѣлью не благо народа, а обезопасеніе коронаціи...

Затѣмъ руки были развязаны, и заключенныхъ, которымъ по условію дарована была жизнь, начали изводить и морить медленными пытками и муками. Общественное и правительственное гнѣвіе стало заражать и революціонный міръ; явились Дегаевы, разыгралась затѣмъ карійская и якутская трагедіи. Надвинулись сумерки и потемки, изъ которыхъ мы не можемъ выбраться и до сихъ поръ...

Кое-что даетъ *Былое* и для исторіи революціоннаго процесса послѣдняго времени **).

Въ каждой книжкѣ помѣщена «Современная лѣтопись» — назней, дѣйствій карательныхъ экспедицій, репрессій по отношенію къ печати. Ея сухіе перечни и цифры производятъ особенно тягостное впечатлѣніе: они даютъ схему всѣхъ ужасовъ, переживаемыхъ нами... И дѣлается вполне понятнымъ, почему свидѣтель якутской бойни началъ свой разсказъ въ *Быломъ* извиненіемъ: то, что было тогда всетани исключительнымъ явленіемъ, сдѣлалось теперь привычнымъ и обычнымъ. Нервы устали реагировать на всю кровавую бессмыслицу современной жизни...

Уподобившись сказочному герою, правительство продолжаетъ рубить тотъ корявый сукъ, на которомъ оно плотно и грузно усѣлось. Въ послѣднее время оно дѣлаетъ это съ особымъ, слѣпымъ и злобѣщимъ ожесточеніемъ. Счастье его, что орудіе тупо... А отъ суда все же летать изуродованныя щепки. На долго ли его хватить?!..

О библиографическомъ отдѣлѣ *Былого* говорить мы не будемъ: составляется онъ очень неполно и отличается случайностью.

Слѣдуетъ отмѣтить зато рядъ новыхъ литературныхъ произведеній, впервые имъ опубликованныхъ: первоначальную редакцію «Узницы» Полонскаго (январь), съ новыми строфами, неизданную юношескую статью Герцена (1833 г., февраль), стихотвореніе Огарева «Размолвка» (февраль), не искаженную цензурой редакцію перевода Михайлова изъ Гейне (февраль), стихотвореніе Тургенева «Толпа» (мартъ), «На смерть Шевченка» Некрасова, «Голуби» Н. А. Саблина (апрѣль), неизданное стихотвореніе Державина (кажется, апокрифическое—май), неизданныя стихотворенія Шевченка (іюнь и августъ), басню, приписываемую Д. В. Давыдову: «Орлица, Турухтанъ и Тетеревъ» (іюль) и неизданныя стихотворенія Никитина

*) Воспоминанія Любатовичъ и Николадзе.

**) *Январь*: Гуревичъ, Народное движеніе въ Петербургѣ 9-го января 1905 г. *Февраль*: Рѣчь Н. Ф. Бунакова. *Мартъ*: Къ біографіи А. В. Ухтомскаго. *Апрѣль*: Письмо Л. Ф. Пантелѣва Сипягину. *Май*: Л. С., Воспоминанія студента-солдата; Н. Н., Послѣдній день Каляева; О. Г., Костюшко-Валюжанягъ. *Іюнь*: Къ дѣлу Ф. Бочуры; Хавякъ Гершковичъ; Казнь Балмашева. *Іюль*: Савяикова, Годы скорби. *Сентябрь*: Старосельскій, Крестьянское движеніе въ Кутаиской губерціи.

(юль). Последніа освѣщаютъ И. О. Никитина съ довольно неожиданной стороны—его политическаго свободомысліа:

Постыдно гибнетъ наше время...
 Наслѣдство дѣдовъ и отцовъ—
 Послушно носить наше племя
 Оковы тяжкія рабовъ.
 И стоимъ мы позорной доли!
 Мы добровольно терпимъ зло:
 Въ насъ нѣтъ ни смѣлости, ни воли...
 На насъ проклятiе легло...

Или:

Тяжкій крестъ носемъ мы, братья,
 Мысль убить, ротъ закрыть,
 Въ глубинѣ души проклятiа,
 Слезы на сердцѣ кипятъ!
 Русь подъ гнетомъ, Русь болѣетъ,
 Гражданинъ въ тоскѣ иѣмой—
 Явно плакать онъ не смѣетъ,
 Смыъ о матери больной!
 Нѣтъ въ тебѣ добра и мира,
 Царство скорби и цѣпей,
 Царство взятокъ и мундира,
 Царство налоговъ и плетей!

Мягкимъ и грустнымъ юморомъ проникнуто талантливое стихотвореніе «Голуби», приписываемое Н. А. Саблину *):

Голуби по двору ходятъ-воркуютъ
 Сизою артелью своею.
 Все подозрительно какъ-то толкуютъ,
 Быстро летать отъ людей.
 Часто гурьбою громадной слетаются
 Мирно ко мнѣ подъ окно;
 Цѣлою коммуною дружно питаются,
 Дѣлать по-братски верно.
 Видно влияние идей растлѣвающихъ
 Въ бѣдной семьѣ голубей—
 Мысли основы основъ подрывающихъ
 Соціализма идей.
 Гдѣ у нихъ личность отъ злыхъ ограждающій
 Мудрой полиціи глазъ?
 Гдѣ у нихъ кормчій, ихъ жизнь направляющій,—
 Этотъ порядка компасъ?
 Здѣсь анархизма примѣръ замѣчается—

*) Въ революціонной журналистикѣ 70-хъ годовъ мы разыскали его съ другими инициалами.

Страшный примѣръ для людей:
 Браки свободны—никто не вѣчается,
 Нѣтъ ни поповъ, ни церкви.
 Голуби съезе, пташечки бѣдня,
 Развращены вы совсѣмъ!
 Кѣмъ же идеи всѣ эти зловредныя
 Къ вамъ прививаются?—Кѣмъ?
 Скажутъ—природой... Для благъ человѣчества
 Выскажу мнѣнье свое:
 Если природа враждебна отечеству—
 Выслать подалше ее!

Такъ свѣялся тотъ, кому суждено было вскорѣ покончить съ собою,
 не дожидаясь смертной казни. Любопытная психологическая черта поко-
 лѣнія и эпохи...

Вл. Маяковскъ.

Убѣжденный человѣкъ.

(Памяти В. А. Гольцева.)

I.

Мнѣ кажется, въ покойномъ Викторѣ Александровичѣ убѣжденность была самой рельефной чертой его этической и общественной психики.

Истинно-убѣжденныхъ людей все еще мало и въ нашей интеллигенціи, и, до жалости, мало—въ морѣ русскихъ «обывателей» всякаго званія, пола и возраста. Долгое «безвременье» развело на Руси цѣлые рассадники чеховскихъ героевъ—не только подавленныхъ жизнью, но и весьма нестойкихъ въ своихъ убѣжденіяхъ. А покойный принадлежалъ вѣдь къ этой генерациіи, гдѣ, по своему возрасту, никакъ уже не могъ бы значиться въ «отцахъ», а развѣ только въ старшихъ братьяхъ. Онъ всего на десять лѣтъ былъ старше автора «Палаты № 6» и «Чайки»—произведеній, какъ разъ появившихся впервые въ *Русской Мысли*, когда онъ былъ ея редакторомъ.

Убѣжденность часто называется у насъ «прямолинейностью». Ее считаютъ, также часто, весьма неудобной въ дѣлѣ созиданія себѣ прочнаго мѣста за житейской трапезой, вѣщающей ладить съ людьми, даже и своего лагерь.

Да, это такъ! И В. А., безъ сомнѣнія, изъ-за этого коренного свойства своего, и не сумѣлъ быть «удачникомъ» и всегда страдалъ отъ своей неподатливой убѣжденности.

Но почему же она не мѣшала самымъ мирнымъ и прочнымъ сношеніямъ съ нимъ въ той сферѣ, которой онъ отдалъ всего себя—въ сферѣ литературной, въ дѣлѣ руководства журнальнымъ органомъ?

На основаніи долгихъ лѣтъ сотрудничества въ *Русской Мысли*, пишущій эти строки можетъ подвести нѣкоторые итоги на такую именно тему.

Правда, у насъ не могло быть столкновеній чисто-редакціонныхъ по дѣламъ журнала, такъ какъ я не состоялъ никогда членомъ редакціи, заведующимъ какимъ-нибудь отдѣломъ и даже сотрудникомъ, доставляющимъ срочныя статьи; но и область беллетристики—чревата всякими «недора-

зумѣніями» и можетъ подавать поводъ къ тому ненужному контролю, отъ котораго писатели такъ страдаютъ, когда имѣютъ дѣло съ редакторами, слишкомъ склонными къ учительству, къ доктринерству, къ хозяйскому усмотрѣнію. Вотъ такая *прямолинейность*—дѣйствительно неудобна.

Разъ въ писателѣ признаютъ дарованіе, считаютъ его желательнымъ владѣликомъ въ журналѣ, знаютъ, какихъ онъ взглядовъ и симпатій,—совершенно лишнее: подвергать его, по поводу всякой новой вещи, все новымъ и новымъ испытаніямъ. Такъ, напр., всегда велъ себя Н. А. Некрасовъ, какъ издатель-редакторъ журнала. Никакого умничанія, никакихъ придиорокъ или вторженія въ то, что вышло изъ-подъ вашего пера. Только одинъ цензурный гнетъ и вторгнулся, чрезъ посредство редакціи, въ ваше авторское «я». Но и тутъ *Русская Мысль*, хотя и должна была выносить усиленный мѣстный надзоръ, оказалась смѣлѣе многихъ органовъ. Я это знаю по личному опыту: одинъ большой романъ, смутившій редакцію другого журнала, былъ цѣликомъ напечатанъ въ *Русской Мысли*.

Твердая убѣжденность В. А. и наложила такую тяжелую руку на всю его судьбу. Въ томъ, что я уже печатно сказалъ, въ моемъ обращеніи къ его памяти, въ день его похоронъ, показана была его «незадача» и какъ профессора, и какъ общественнаго дѣятеля, преданнаго земскимъ интересамъ, и какъ руководителя журнала, который ему не удалось передъ кончиной оградить отъ натиска того литературнаго «безвременья», отъ котораго страдаютъ теперь всѣ ежемѣсячные журналы.

Почему тотъ «режимъ», который довелъ наше отечество до такихъ трагическихъ испытаній, въ лицѣ своихъ агентовъ и приспѣшниковъ, такъ упорно преслѣдовалъ его? Потому, что люди, какъ онъ, пренеполнены презрѣнія и ненависти къ этому, общему для всѣхъ *убѣжденнымъ* людей—врагу.

Если терминъ «радикализмъ» къ чему могъ быть приложенъ безъ всякихъ оговорокъ и смягченій, то, конечно, къ «сгедо» Гольцева. Но нашъ русскій «радикализмъ» нельзя понимать, наприм., во французскомъ смыслѣ. У насъ «радикалы», какимъ несомнѣнно былъ и В. А., въ вопросахъ экономическихъ, особенно въ аграрномъ, окажутся гораздо лѣвѣе, чѣмъ даже французскіе «радикалы-соціалисты». Они могутъ критически относиться къ доктринамъ разныхъ соціалистическихъ фракцій, не удовлетворяясь ихъ «прямолинейностью»; но они самые искренніе поборники демократическихъ началъ, друзья трудового народа, и сельскаго, и городского, и въ нихъ жажда политической свободы, готовность бороться за *гарантіи* ея, никогда не остывала ни на одинъ градусъ.

Не слѣдуетъ забывать, что десять лѣтъ назадъ, когда доктрина «историческаго матеріализма» стала захватывать массу нашей молодежи, къ борьбѣ за *политическую свободу* начали относиться съ сильными оговорками, какъ бы не считая ея *conditio sine qua non*—общей леммы соціальнаго строенія. И настоящіе «радикалы» могли очутиться въ глазахъ тогдашнихъ «владельцевъ думъ» молодежи чѣмъ-то вродѣ умѣренно-либеральныхъ буржуа.

Надо было имѣть глубокую вѣру въ правоту своего политическаго «средо», чтобы къ моменту взрыва русскаго освободительнаго движенія оказаться въ первыхъ рядахъ поборниковъ свободы, сохранившихъ и теплую связь съ народомъ. Тутъ «прямолинейность» сыграла бы самую доблестную роль. Съ этимъ сознаниемъ В. А. сошелъ и въ могилу.

II.

Судьба Виктора Александровича чрезвычайно знаменательна для русскаго «интеллигента»... Это былъ всегда въ глазахъ власть имущихъ заповѣрный человѣкъ. Терпѣть его на каедрѣ имъ нельзя было, и его смѣщаютъ «по третьему пункту». Но и какъ общественный дѣятель внѣ службы онъ не дереставалъ находиться «подъ сомнѣнiемъ». Только литература и журналистика давали ему хоть нѣкоторую возможность «стоять на брѣши»—по образному выраженiю французовъ.

Онъ и стоялъ на ней до самыхъ послѣднихъ минутъ жизни, когда болѣзнь одолѣла его и держала въ своихъ когтяхъ. И случилось это вскорѣ послѣ того, какъ открылась для его родины эра политическаго возрожденiя. Законно утомленный тѣмъ, что онъ долгие годы выносилъ, уже больной, онъ съ той же увѣжденностью, съ той же вѣрой въ окончательную побѣду праваго дѣла, отдался предвыборной работѣ, произносилъ рѣчи, руководилъ засѣданiями, самъ участвовалъ въ пренiяхъ, отдался осуществленiю идеи народнаго университета и дожилъ до своей «реабилитаци», какъ профессоръ: былъ приглашенъ занять каедрѣ въ томъ университетѣ, откуда его удалили въ самомъ началѣ его академическаго поприща.

Все это—въ высшей степени характерные факты!... Такую судьбу не только можетъ, но и долженъ былъ имѣть каждый честный и смѣлый гражданинъ въ тѣ десятилѣтiя реакци, которыя тянулись у насъ, по крайней мѣрѣ, съ 1866 г., т.-е. цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Если общественнымъ дѣятелямъ, какъ Гольцевъ, удавалось сколько-нибудь *уцѣлѣть*, то всегда съ потерей, по меньшей мѣрѣ, двухъ третей того дѣла, на какое они были способны, къ какому считали себя призванными...

Но неблаговидный и злопамятный «сыскъ» сверху находилъ себѣ возмездiе въ видѣ тѣхъ симпатiй, которыя вызывалъ въ обществѣ къ такимъ избранникамъ реакціонно-обскурантскаго преслѣдованiя... Предметы его выступаютъ рельефнѣе передъ сознаниемъ самой чуткой и зрѣлой доли публики, наглядно показываяютъ и молодежи: кого гонять и устраняютъ, кого лишаютъ не только мѣста, но и личной свободы за свои идеи и протесты...

И Гольцевъ сдѣлался здѣсь, въ Москвѣ, уже лѣтъ пятнадцать-двадцать назадъ, однимъ изъ самыхъ выдающихся *пробудителей* общественнаго чувства и протестующей мысли. Не было ни одного начинанiя въ сферѣ литературы, прессы, земскаго движенiя, просвѣтительной инициативы, не

устраивалось никакого сборища, объѣда, вечера, публичнаго чтенія, поминковъ или чествованія съ освободительнымъ характеромъ, гдѣ бы онъ не принималъ живого участія, гдѣ бы онъ не былъ председателемъ, устройте-лемъ, ораторомъ или руководителемъ. Тогда біеніе жизни для всего передоваго общества сводилось къ такимъ вотъ мирнымъ манифестаціямъ, да и тѣ безпрестанно наталкивались на ревнивый полицейскій надзоръ.

Бто много читалъ публичныхъ лекцій, знаетъ, черезъ какія мытарства проходили вы въ хлопотахъ о разрѣшеніи... У попечителей онъ находилъ не меньше придирокъ, чѣмъ въ мѣстномъ охранномъ отдѣленіи, или въ департаментѣ полиціи... Самый невинный объѣдъ по подпискѣ могъ вестъ за собою крупныя непріятности...

И среди всѣхъ этихъ подводныхъ камней такой заморенной общественности, В. А. выработалъ изъ себя стойкаго, непримиримаго бойца—за начала политической свободы и гражданской этики, который еще до взрыва освободительнаго движенія, являлся поборникомъ того, что легло въ основу всѣхъ *via desideria* «лучшихъ людей» Россіи, что проявилось въ жизни перваго русскаго народнаго представительства.

Тогда же онъ выработалъ себѣ и тотъ замѣчательный, своеобразный даръ слова, способность держать тонъ оригинальнаго лектора и оратора и на чтеніяхъ, и на всякихъ собраніяхъ, и на публичныхъ трапезахъ...

Съ нимъ сошелъ въ могилу чисто-русскій складъ ума, діалектики, анализа и манеры, не такой, которая выгодна для трибуна, или оратора на шумныхъ митингахъ; съ гораздо большимъ самообладаніемъ, съ привычкою замедлять темпъ рѣчи и держать ее на низкихъ нотахъ. Но подо всѣмъ этимъ чувствовалась страстная убѣжденность; идеи и протесты облекались свободно и обильно въ форму сильныхъ и мѣткихъ оцѣнокъ, сопоставленій, часто обличеній, съ проблесками юмора и сарказма, которыя выигрывали отъ общаго тона и ритма рѣчи... Въ такомъ точно родѣ никто не говорилъ изъ его ближайшихъ сверстниковъ и коллегъ и, въ послѣднее время, членовъ той же партіи.

Принадлежа къ партіи «народной свободы», Гольцевъ, по натурѣ своей, по складу ума и темперамента, не могъ быть узко-тенденціознымъ членомъ. Это сказывалось и въ направленіи журнала, которымъ онъ руководилъ... Но и «безпартійность» онъ не могъ считать своимъ идеаломъ, потому что стоялъ за активную борьбу, неразлучную съ опредѣленною тактикой...

Принадлежность къ партіи—проживи онъ еще десятокъ и больше лѣтъ—не отняла бы у него оригинальнаго пошиба его устнаго слова, въ которомъ сказывался его тонкій анализъ и сосредоточенный натискъ его выводовъ, согрѣваемый всегда живымъ общественнымъ чувствомъ.

Оставаясь убѣжденнымъ сторонникомъ западной культуры, В. А. во всѣхъ проявленіяхъ своего душевнаго «я» и жилъ и умеръ типичнымъ русскимъ интеллигентомъ и даже москвичемъ.

III.

Наше знакомство съ нимъ началось съ тѣхъ дней, когда онъ жилъ, уже семейнымъ человекомъ, въ маленькомъ особнячкѣ, гдѣ-то около Успенья на Могильцахъ. Я попадалъ къ нему на вечерніе приемы. Тогда онъ пользовался еще хорошимъ здоровьемъ, всегда очень веселый, радушный, окруженный молодежью. На этихъ вечеринкахъ бывало шумно илюдно, и журналъ, которому В. А. отдалъ всего себя, сдѣлался очень популярнымъ въ молодой публикѣ. Это и были годы расцвѣта *Русской Мысли*.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, на обѣдѣ, устроенномъ моими пріятелями и ближайшими собратами, по поводу двадцатипятилѣтія моей работы повѣствователя-балетриста, В. А. обратился ко мнѣ съ рѣчью, въ которой онъ привѣтствовалъ не одного романиста, а и автора политическихъ вещей, не подписанныхъ мною полнымъ именемъ. Не знаю какъ, но ему было извѣстно, что мнѣ принадлежала статья въ петербургскомъ журналѣ *Слово* (издававшемся подъ редакціей Д. А. Борогичевскаго), озаглавленная: «Нашимъ національ-либераламъ». Привожу этотъ эпизодъ, чтобы показать, до какой степени В. А. былъ чутокъ ко всему, въ чемъ видѣлъ хотя бы признакъ борьбы съ тѣмъ «національно-славянофильскимъ» либерализмомъ, которымъ тогда пробавлялись и авторитетные профессоры-публицисты.

И въ другіе года, на разныхъ чествованіяхъ, я слышалъ отъ него не банальныя похвалы, которыми душать обыкновенно юбиляровъ, а всегда что-нибудь вѣское, продуманное и тонко выраженное, въ его оригинальной манерѣ.

Это должно бы невольно подкупать меня. Но я думаю, что былъ бы совершенно свободенъ въ своихъ оцѣнкахъ, еслибъ и не дѣлался никогда предметомъ такихъ сочувственныхъ и лестныхъ обращеній.

Въ Гольцевѣ и была та особенно-цѣнная черта, что онъ никогда не впадалъ въ условный торжественный или чувствительный тонъ. И если онъ пользовался всегда случаемъ служить торжеству дорогихъ для него идей и упованій, то безъ того, что называется «кружковщиной» и безъ шаблоновъ ораторской риторики.

А въ личныхъ сношеніяхъ, по журналу и внѣ его, онъ держался часто своего полухулиганскаго тона, безъ того профессиональнаго серьезничанья, которое такъ часто подавляетъ сотрудниковъ, особенно молодыхъ, начинающихъ.

Онъ не любилъ распространяться на письмахъ, а въ послѣдніе два-три года писалъ очень кратко, пять-десять строкъ; но всегда отвѣчалъ, что я считаю не малой добродѣтелью въ русскомъ человекѣ.

Подъ всѣми проявленіями его психики вы чувствовали темпераментъ, безъ какого не можетъ быть стойкихъ убѣжденій. И если бы судьбѣ угодно было побаловать его, и политическая жизнь, съ народнымъ представительствомъ, началась бы у насъ десять-пятнадцать лѣтъ назадъ, онъ сдѣ-

зался бы, безъ сомнѣнiя, выдающимся парламентскимъ бойцомъ—не шумнымъ трибуномъ, для пылкихъ воззванiй, но опаснымъ обличителемъ враговъ свободы и социальной правды, искуснымъ и безпощаднымъ «дибберомъ», какъ говорятъ въ англiйскихъ палатахъ. Его рѣчь потому и была такъ содержательна, что подъ нею всегда лежала основа большихъ и разнообразныхъ знанiй, и его диалектика выработана была съ молодыхъ лѣтъ въ общенiи съ идеями и системами мышленiя изъ обширной области философiи политическаго права.

Это была самая родственная ему сфера... А русская дѣятельность и тогда, когда онъ еще занималъ кафедру, заставила его читать «молицейское право»!

Гольцевъ—и вѣдомство «предупрежденiя» и «пресѣченiя» да еще въ такомъ архиполицейскомъ государствѣ, какъ наше отечество! Но хотя мнѣ и не приводилось слушать его курсъ въ университетѣ; но можно съ увѣренностью сказать, что слово «полицейское» было только официальнымъ ярлыкомъ извѣстнаго факультетскаго предмета.

Одинъ изъ его предшественниковъ называлъ этотъ предметъ «общественнымъ» правомъ. И В. А., конечно, читалъ его въ духѣ самыхъ живыхъ и освободительныхъ запросовъ общественности. А просвѣтительное вѣдомство, лишившее его кафедры, точно хотѣло сказать этимъ поступкомъ:

«Какъ можно человѣку, какъ Гольцевъ, читать предметъ, носящiй такой эпитетъ?!»

И вся его дальнѣйшая дѣятельность была не что иное, какъ ратованiе, въ печати и въ жизни, за истинные принципы «общественнаго» правопорядка...

Въ тотъ тяжкiй моментъ, какой мы переживаемъ теперь, когда закупившая удила реакцiя вызвала въ нашей обывательской массѣ всѣ истинныя мракобѣсiя, расовой и всякой другой злобы, покойному собрату нашему было бы слишкомъ невыносимо—послѣ взрыва всѣхъ радужныхъ надеждъ и горячихъ упованiй—быть нѣмымъ свидѣтелемъ, да еще прикованнымъ къ одру болѣзни, тѣхъ ужасовъ, какими омрачена наша «смута».

Какъ ни велика бы была его вѣра въ окончательное торжество правды и свободы, онъ, быть можетъ, предпочелъ бы самъ небытiе *такимъ* проявленiямъ жизни.

А когда то, о чемъ онъ мечталъ всю жизнь, наконецъ, утвердится на незыблемыхъ устояхъ, всѣ, кто умѣетъ помнить истинныхъ поборниковъ свѣта и свободы, помянуть и его словомъ такого же глубоко-убѣжденнаго сочувствiя, какое жило въ немъ ко всему, изъ-за чего стоить на свѣтѣ бороться... и умирать «на брешнѣ»!

П. Боборыкинъ.

Журнальное обозрѣніе.

Въ XI-й книгѣ *Современнаго Мира* отиѣтимъ разсказъ Анатолія Каменскаго «Бѣлая ночь». Такъ давно вошедшая въ литературу петербургская бѣлая ночь послужила для автора фономъ, на которомъ онъ конкретизировалъ въ нѣсколькихъ чертахъ свою, очевидно, завѣтную мысль о нецѣлостности обычнаго раздѣленія людей на знакомыхъ и незнакомыхъ, — вообще, о странной и пошлой формѣ человѣческихъ отношеній. Въ бѣлую ночь, когда «никому не хотѣлось спать и все было похоже на сонъ — дѣятельный, предприимчивый и осторожный», когда была «отчетливая сухость красокъ, подробныхъ, законченныхъ и плоскихъ, какъ рисунокъ дорогого ковра, и такая же подробная отчетливость звуковъ, похожихъ на торопливый шепотъ заговорщиковъ», — въ эту ночь, ослѣпленный ея теплымъ дыханіемъ и ея фантастикой, художникъ Блючаревъ, гуляя со своимъ пріателемъ, акцизнымъ чиновникомъ Гордѣевымъ, рѣшилъ возстать противъ жизненнаго маскарада и попытаться осуществить «настоящую свободу», при которой «нѣтъ чужихъ людей, чужихъ квартиръ, нѣтъ знакомыхъ и незнакомыхъ, а есть только ничѣмъ не преграждаемая свобода влеченія одного къ другому». Онъ надѣялся, что «вспыхнетъ великая, безкровная революція отношеній между чужими и, кто знаетъ, можетъ быть, обновится самая психологія сближенія человѣка съ человѣкомъ». И вотъ на первый разъ художникъ и акцизный чиновникъ входятъ въ первую попавшуюся квартиру, гдѣ живетъ присяжный повѣренный Рафаилъ Николаевичъ Черемшанскій. Понятно, какъ и чѣмъ обыкновеннѣйшій изъ присяжныхъ повѣренныхъ встрѣтилъ эксцентричность незнакомцевъ. И дико было ему слышать изъ устъ художника упреки въ томъ, что онъ, Рафаилъ Николаевичъ, «любилъ въ послѣдній разъ 15 лѣтъ назадъ, плакалъ въ послѣдній разъ на первомъ курсѣ университета, евангеліе и библію перелистывалъ въ послѣдній разъ въ 6-мъ классѣ гимназіи. Затѣмъ пріатели, уже очутившіеся на улицѣ, видятъ въ окнѣ женщину съ интеллигентнымъ лицомъ, и художникъ красиво говоритъ ей: «утро похоже на элегію, и въ вашихъ глазахъ отразились молитва и разсвѣтъ, — но женщина красивыхъ словъ не поняла, и она оказалась профессиональ-

но-благосклонной къ мужчинамъ... Съ недоумѣніемъ встрѣтилъ и незнакомый офицеръ привѣтствіе художника: «здравствуй, хорошо ли ты провелъ вечеръ?», — и кончилъ Ключаревъ безумную и бессонную бѣлую ночь тѣмъ, что уѣхалъ съ пріятелемъ ужинать въ дорогой ресторанъ. Тамъ окончательно успокоится въ среди людей, про которыхъ самъ же говорилъ, что у нихъ «горѣніе бензина въ автомобиляхъ и никакого горѣнія въ душѣ».

Въ разсказѣ г. Каменскаго, вообще говоря, — совершенно неубѣдительно, имѣеть внѣшній интересъ слегка разработанная сцена посѣщенія незнакомой квартиры. Въ остальномъ же авторъ переплетаетъ красивыя черты дѣйствительной наблюдательности съ притязаніями на нее.

Въ XI-й книгѣ *Русскаго Богатства* г. О. Крюковъ въ полубеллетристическомъ втудѣ описываетъ свою встрѣчу на судѣ, гдѣ авторъ занималъ скамью подсудимыхъ, — встрѣчу со своимъ бывшимъ товарищемъ по Государственной Думѣ, теперь полицейскимъ чиновникомъ. «Не такъ давно мы возсѣдали съ нимъ рядомъ на депутатскихъ креслахъ. Это — въ первый мѣсяцъ существованія нашего парламента, когда еще не было размѣщенія по партіямъ, а была группировка областная. Съѣли тогда вмѣстѣ и мы, восемь представителей донского казачества: два священника, два учителя, юристъ и четыре урядника». Депутатъ, превратившійся въ полицейскаго, жалуется, что изъ-за Думы онъ сталъ пролетаріемъ: «любезные сограждане», станичники, лишили его имущества за участіе въ Думѣ, а другого своего депутата, Куркина, они, несмотря на его патріотизмъ, даже били. Въ результатѣ — характерная бытовая картинка.

А.

Въ ноябрьской книгѣ *Вѣстника Европы* напечатана посмертная работа извѣстнаго юриста Боровиковскаго, найденная въ его бумагахъ и характеризующая оригинальный складъ ума и стіля покойнаго автора, у котораго долго еще будущимъ юристамъ слѣдовало бы учиться умѣнью примирять толгованія холоднаго закона съ сострадательнымъ и живымъ отношеніемъ къ условіямъ гражданскаго быта.

Замѣтка г. Боровиковскаго носить заглавіе: «Законы и опечатки». Въ ней авторъ задается вопросомъ о значеніи и силѣ законности, въ особенности въ примѣненіи къ многострадальной русской дѣйствительности.

«Законность... Юристы говорятъ, что законность есть основное благо правильной государственной жизни. Законность — это дѣйствія, согласныя съ закономъ. Значить, если законъ хорошъ — хороша и законность; если же законъ злой, то и законность злая?»

«Герценъ о современной ему русской жизни острялъ, говоря, что въ Россіи только и можно жить благодаря безпорядкамъ, т.-е. отступленіямъ отъ закона.

«Гдѣ тутъ правда?»

Для рѣшенія этого вопроса Боровиковскій беретъ примѣръ изъ далекаго прошлаго, чтобы обсудить тему безъ примѣса ужаса, гнѣва и состраданія, и дѣлаетъ остроумные и оригинальные выводы изъ этого примѣра.

Нѣкогда Иродъ «послалъ избить всѣхъ младенцевъ въ Вилеємѣ и во всѣхъ предѣлахъ его отъ двухъ лѣтъ и ниже».

Подобное избіеніе являлось, такимъ образомъ, законностью; не лучше ли было бы, однако, если бы Иродъ велѣлъ своимъ посланнымъ избивать младенцевъ по ихъ, посланныхъ, «усмотрѣнію»; если, молъ, младенецъ—гдѣ бы то ни было и какого бы то ни было возраста—покажется вамъ подозрительнымъ, какъ возможный претендентъ въ будущемъ на мое, Иродово, царство—убивайте его; если къ такому подозрѣнію основаній не усмотрите—оставляйте младенца въ покоѣ. Но знайте, что за недогадливость вы мнѣ отвѣчаете: прозѣваете—я съ васъ взыщу жестоко.

Какая же изъ такихъ двухъ бѣдъ была бы болѣе тяжкою? правило—или усмотрѣніе, произволь?

«При усмотрѣніи бѣда грозила всему іудейскому народу, каждой его семьѣ. Никто не былъ безопасенъ.

На милосердіе, на подкупъ деньгами или женщиной—надежды плохи, въ особенности когда и надъ посланными виситъ угроза: «прозѣваете—жестоко отвѣтите!» А у кого нѣтъ денегъ, нѣтъ женщины, которая могла бы, въ глазахъ посланныхъ, пересилить страхъ отвѣтственности? И пошли бы взяточничества, вымогательства, обезчещеніе женъ и дочерей... Сосчитайте всѣ эти бѣдствія.

При законности же—погибли бы указанныя Иродомъ дѣти въ указанномъ имъ районѣ. Но всѣ дѣти въ Вилеємѣ, переросшія двухлѣтній возрастъ, и всѣ жившія внѣ округа, оставались бы спокойными.

И борьба въ пользу отиѣны закона—все же легче, чѣмъ борьба противъ произвола. Чтобы добиться отиѣны закона—надо было дѣйствовать на одного Ирода: задобрить его, задарить, наконецъ, наслать на него какую-нибудь новую Далилу. Гораздо труднѣе борьба съ многоголовымъ произволомъ.

Я взялъ самый крайній случай, чтобы и на немъ иллюстрировать мысль о законности и произволѣ. Даже и въ этомъ случаѣ законность лучше.

Но обыкновенно вопросъ не стоитъ такъ круто, какъ въ разбираемомъ случаѣ избіенія невинныхъ дѣтей. На другихъ случаяхъ тотъ же тезисъ могъ бы быть иллюстрированъ еще съ болѣею очевидностью.

Итакъ, согласимся съ юристами, что законность дѣйствительно благо,—или, по меньшей мѣрѣ, что произволь—это гораздо большее, чѣмъ самая суровая законность».

Городничій Градобоевъ спрашивалъ у обывателей: «Какъ хотите: судить ли мнѣ васъ по законамъ, или по душѣ, какъ мнѣ Богъ на сердце положитъ?».

— Нѣтъ ужъ за что же, Серапіонъ Мирдарычъ, суди по душѣ, будь отецъ,—отвѣчали ему.

Вотъ до чего доводитъ привычка обѣихъ сторонъ къ произволу,—запѣваетъ Боровиковскій.

«Горе народу, если у него слагаются пословицы: «не бойся суда, бойся судьи», «до Бога высоко, до царя далеко». Есть времена, когда, какъ выразился поэтъ:

Законы святы,
Да исполнители лихіе суздостаты.

«Нѣтъ, законность и законность! Ненуженъ, вреденъ произволъ!»

Что же сказать о тѣхъ случаяхъ, когда гнететь не законъ, даже не произволъ, а нѣчто не имѣющее съ закономъ ничего общаго. Боровиковскій приводитъ изъ прошлаго одинъ поучительный эпизодъ. Во времена крѣпостного права закономъ предоставлялось помѣщикамъ право расправы съ своими крестьянами, между прочимъ дозволено было послѣднихъ подвергать наказанію розгами до сорока или палками до пятидесяти ударовъ. Почти наканунѣ освобожденія одинъ исправникъ въ Астрахани усомнился въ законѣ: палки несравненно больнѣе розогъ; какъ же, розогъ 40 ударовъ, а палокъ 50?! По справкѣ съ другимъ такимъ закономъ, по резолюціи губернскаго правленія, куда рачительный исправникъ доносилъ о своемъ недоумѣніи и, наконецъ, по указу сената, куда восходило это дѣло, явствуетъ, что въ сводѣ законовъ 57 г. была допущена опечатка, которую сенатъ и исправилъ, но уже, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, послѣ освобожденія крестьянъ. Между тѣмъ сколько мужичьихъ спинъ пострадало отъ грубой опечатки, за много лѣтъ не встрѣчавшей никакихъ сомнѣній или недоумѣній.

Мы доживаемъ въѣтъ подобныхъ опечатокъ, — заканчиваетъ Боровиковскій свою статью. Некомпетентная, но фактически могущественная власть отдаетъ приказанія, на которыя закономъ вовсе не уполномочена. И задачей настоящихъ юристовъ является защита закона, очищеніе его отъ болѣзненныхъ наростовъ и извращеній.

Подобными грубыми извращеніями являются несомнѣнно знаменитыя сенатскія разъясненія избирательнаго закона. Но результаты этихъ разъясненій, этой атаки на демократическую Россію едва ли дадутъ удовлетвореніе реакціи. «Борьба противъ стараго порядка ведется не однимъ какимъ-либо классомъ, а всеми живыми классами нарождающагося общества, не одной арміей, а союзными арміями, справедливо замѣчаетъ г. Ник—скій въ ноябрьской книгѣ *Современнаго Мира*. Это обстоятельство вызываетъ необходимость объединенія силъ въ предстоящей на выборахъ атакѣ на старыя порядки. Отсюда — тотъ горячій интересъ къ вопросу объ избирательныхъ соглашеніяхъ, который обнаруживается въ средѣ демократическихъ и социалистическихъ партій».

Но сознаніе необходимости объединенія, чтобы не дать возможности побѣдить на выборахъ реакціоннымъ элементамъ, очевидно нисколько не мѣшаетъ лѣвымъ партіямъ и ихъ публицистамъ попрежнему искажать основныя идеи и тактическія приемы конституціонно-демократической партіи, вѣроятно, въ надеждѣ, что такимъ путемъ объединеніе можетъ быть легче достигнуто. Тотъ же г. Ник—скій называетъ демократизмъ партіи народ-

ной свободы «флиртомъ дворянскаго предводителя съ земскою учительницей». А г. Мякотинъ въ цѣломъ рядѣ послѣднихъ книжекъ *Русскаго Богатства* открылъ настоящій походъ противъ «кадетовъ», очевидно, поклявшись не положить своего пера раньше, чѣмъ уничтожить эту зловредную партію.

Центральнымъ пунктомъ обвиненія (*Русское Богатство*, ноябрь, Наброски современности) въ статьѣ г. Мякотина является все то же выборгское воззваніе. «Партія не можетъ только звать къ дѣйствіямъ другихъ. Она обязана сама дѣлать то, на что она зоветъ, и лишь помня объ этой обязанности, она можетъ правильно сообразовать указываемые ею средства съ преслѣдуемыми ею задачами, выработать тактику, не выходящую изъ условій дѣйствительности, и намѣтить дѣйствія, на почвѣ которыхъ возможна плодотворная организація народныхъ силъ».

Все это совершенно справедливо, но все это быть мимо цѣли. Уже неоднократно разъяснялось, что поскольку выборгское воззваніе являлось практическимъ лозунгомъ ближайшихъ дѣйствій—оно оказалось неосуществимымъ уже черезъ нѣсколько дней послѣ своего появленія.

И естественно, что члены партіи, во многихъ случаяхъ подчиняясь непреодолимой силѣ обстоятельствъ, отказались отъ практическаго проведенія въ жизнь воззванія; что же касается организаціи общественныхъ силъ, которую лѣвыя партіи противопоставляютъ организаціи общественнаго мнѣнія, то въ значительной степени эта формула лишена какого бы то ни было практическаго значенія для ближайшаго будущаго. Тактическіе же приемы, по нашему глубокому убѣжденію, должны имѣть въ виду главнымъ образомъ переживаемый моментъ, а съ точки зрѣнія этого момента партія народной свободы, загнанная теперь въ подполье, тѣмъ не менѣе все съ той же неуклонной энергіей стремится использовать все то, что не выходитъ изъ предѣловъ ея общаго политическаго міровоззрѣнія, все то, что можетъ послужить оружіемъ въ борьбѣ за достиженіе побѣды демократическихъ принциповъ, намѣченныхъ уже первою Государственною Думою. Въ этомъ заключается тотъ истинный патріотизмъ, который стремится воскресить Россію и о которомъ пишетъ кн. Е. Трубецкой въ № 38 *Московскаго Еженедѣльника*.

«Долгъ истиннаго патріотизма—не въ томъ, чтобы воскресить городского, а въ томъ, чтобы воскресить Россію. Для этого ей нужно дать тотъ внутренній миръ, который можетъ быть построенъ только на прочномъ фундаментѣ общечеловѣческой правды. Миръ социальный создается не дробленіемъ сословій, не искусственнымъ возбужденіемъ антагонизма среди сельскаго населенія, а широкими демократическими реформами. Миръ племенной создается не притѣсненіемъ, не насильственнымъ осуществленіемъ вѣшняго единства, а признаніемъ индивидуальных особенностей каждаго племени и развитіемъ широкаго мѣстнаго самоуправленія».

Правыя партіи не знаютъ патріотизма, имъ извѣстенъ только націонализмъ. И если націонализмъ «истинно-русскихъ людей» является въ звѣ-

риною облигъ, то націонализмъ союза 17 октября по самой природѣ своей— націонализмъ головной, бездушный и ложный. И правъ Трубецкой, замѣчая, что если націонализмъ когда-либо восторжествуетъ, онъ превратитъ живое національное тѣло въ трупъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ создастъ то мертвое единство внѣшняго порядка, которое прикрываетъ племенную вражду и классовую рознь. Это патриотизмъ полицейскаго участка, въ которомъ «содержатся» обездоленные классы и обездоленные національности. И если съ одной стороны правительственная Россія, союзъ русскихъ людей и союзъ 17 октября въ тѣсномъ единеніи ведутъ атаку на молодую демократическую Россію,—то на всѣхъ конституціонныхъ партіяхъ лежитъ нравственный долгъ передъ родиною объединенными и дружными усиліями отразить эту атаку.

Е. А.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ мѣропріятій правительства за послѣднее время несомнѣнно явился указъ 9 ноября объ измѣненіи нѣкоторыхъ законоположеній, касающихся крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія. Этимъ указомъ была произведена ликвидація существующаго строя крестьянской жизни, рѣзко нарушены всѣ тѣ экономическія и правовыя начала, на которыхъ болѣе полстолѣтія основывался крестьянскій бытъ.

Сущность этого быта сводилась къ общинному землевладѣнію, при которомъ собственникомъ надѣльной земли и ея верховнымъ распорядителемъ являлось сельское общество, отдѣльные члены котораго имѣли лишь право временнаго пользованія тѣмъ или инымъ участкомъ.

Вопросъ о той роли и значеніи, которая играла въ жизни крестьянина община, давно уже вызывалъ горячіе споры въ русской литературѣ. Съ одной стороны, указывалось, что все міросозерцаніе крестьянина-великоросса связано съ общиннымъ правомъ, съ трудовымъ началомъ, лежащимъ въ основѣ его, съ тѣмъ проблескомъ идеи экономическаго равенства, которое осуществлялось въ уравнивательныхъ передѣлахъ земли. Съ другой стороны, указывалось главнымъ образомъ на то, что община тормозила попытки улучшенной обработки земли, не давала простора развитію личной инициативы и энергіи. Послѣ цѣлаго ряда произведенныхъ обследованій и научныхъ трудовъ выяснилось съ достаточной ясностью то обстоятельство, что община во всякомъ случаѣ не является умирающимъ институтомъ, что основанія ея имѣютъ большую жизненную силу. И постепенно общественная мысль пришла къ твердому выводу, что всякая искусственная ломка сложившихся отношеній въ этомъ направленіи являлась бы такимъ же большимъ и непоправимымъ зломъ, какъ и тѣ искусственные пути, благодаря которымъ до послѣдняго времени община носила крѣпостническій характеръ.

Указъ 9 ноября, если формально и не разрушилъ общины, то создалъ для нея такое положеніе, при которомъ община несомнѣнно придетъ къ быстрому упадку и разложенію.

Сущность этого акта заключалась въ томъ, что отпущенъ каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльной землею на общинномъ правѣ, можетъ во всякое время требовать укрѣпленія за собою лично въ собственность

причитающейся ему части из означенной земли. Домохозяева, за которыми укрѣплены въ личную собственность участки общинной земли, сохраняютъ право пользованія покосными, лѣсными и другими угодьями, а также право участія въ пользованіи мирской усадебной землею, выгонами и пастбищами. Требования объ укрѣпленіи въ личную собственность части изъ общинной земли предъявляются черезъ сельскаго старосту обществу, которое по приговору, постановляемому простымъ большинствомъ голосовъ, обязано въ мѣсячный срокъ указать участки, поступающіе въ собственность переходящаго къ личному владѣнію домохозяина. Если въ теченіе тридцати дней общество не постановитъ приговора, то всѣ дѣйствія исполняются на мѣстѣ земскимъ начальникомъ, который разбираетъ по существу всѣ возникающіе споры. Въ обществахъ, въ коихъ не было общихъ передѣловъ въ теченіе 24 лѣтъ, предшествующихъ заявленію отдѣльных домохозяевъ о желаніи перейти отъ общиннаго владѣнія къ личному, за каждымъ такимъ домохозяиномъ укрѣпляется въ личную собственность, сверхъ усадебнаго участка, всѣ участки общинной земли, состоящіе въ его постоянномъ неарендномъ пользованіи. Въ обществахъ, въ коихъ въ теченіе 24 лѣтъ, предшествующихъ заявленію отдѣльных домохозяевъ о желаніи перейти изъ общиннаго владѣнія къ личному, были общіе передѣлы, за каждымъ сдѣлавшимъ такое заявленіе домохозяиномъ укрѣпляются въ личную собственность сверхъ усадебнаго, всѣ тѣ участки общинной земли, которые предоставлены ему обществомъ въ постоянное, впредь до слѣдующаго передѣла, пользованіе. Къ этому нужно прибавить, что указъ 9 ноября, разрушая общину, разрушаетъ и общую семейную собственность, превращая ее въ личную собственность домохозяина. Это новое начало указъ распространяетъ на всѣхъ крестьянъ, какъ владѣющихъ землей на общинномъ правѣ и выходящихъ изъ общины, такъ и на такихъ, которые владѣютъ надѣльной землею на правѣ подворномъ.

Съ юридической стороны указъ 9 декабря является тѣмъ самымъ нарушеніемъ «священнаго и неприкосновеннаго права собственности», противъ котораго такъ возставало министерство Столыпина въ Думѣ. Только подобное принудительное отчужденіе земли у общины и крестьянской семьи продиктовано не интересами самихъ крестьянъ, не стремленіемъ прийти на помощь крестьянамъ въ ихъ земельной тѣснотѣ, а своеобразными политическими расчетами, желаніемъ создать консервативные кадры домохозяевъ, которые могли бы сыграть желательную для правительства роль на будущихъ выборахъ.

Съ экономической стороны указъ 9 ноября намѣчаетъ вѣхи къ обезземеленію крестьянъ, къ выбрасыванію на рынокъ массы надѣльной земли, къ усиленной мобилизаціи крестьянской собственности.

Указъ 9 ноября изданъ на основаніи 87 ст. основныхъ законовъ и потому представляетъ изъ себя временную мѣру, подлежащую утвержденію будущей Государственной Думы. Но ясно, что измѣнить это мѣропріятіе или тѣмъ болѣе отмѣнить его будетъ въ высшей степени трудно, потому

что участки, выдѣленные изъ общинной земли въ личную собственность, навсегда изъемяются изъ общиннаго землевладѣнія. Такимъ образомъ правительство, не имѣя на то ни малѣйшаго права, не будучи въ состояніи сослаться на чрезвычайныя обстоятельства, своей властью разрѣшило вопросъ, связанный съ благосостояніемъ милліоновъ русскаго крестьянства, и разрѣшило его вопреки твердо установившемуся общественному мнѣнію.

Въ серединѣ ноября былъ опубликованъ законъ о продолжительности рабочаго времени и воскресномъ отдыхѣ въ торговыхъ предпріятіяхъ. Министерство Столыпина, выступающее, съ одной стороны, какъ министерство неслыханныхъ репрессій, съ цѣлью подавленія революціоннаго движенія, загнавшее всю мыслящую и оппозиціонную Россію въ подполье, съ другой стороны, пытается мелкими крохами удовлетворить насущныя потребности обездоленныхъ классовъ и найти въ нихъ себѣ прочную опору. Что же въ новомъ законѣ можетъ дѣйствительно улучшить бытъ торговыхъ служащихъ? Этими закономъ введенъ максимальный 12-часовой рабочий день въ торговыхъ заведеніяхъ; подобное сокращеніе рабочаго дня явилось бы для большинства труженниковъ въ мелкой торговлѣ существеннымъ облегченіемъ ихъ участи, если бы вслѣдъ за этимъ не слѣдовали оговорки, чрезвычайно суживающія кругъ этихъ служащихъ: «Заведенія для продажи кушаній и напитковъ для потребленія на мѣстѣ, въ томъ числѣ распивочныя пивныя лавки, погреба для распивочной продажи русскихъ виноградныхъ винъ, ренсковые погреба, купальни и бани могутъ быть открыты не болѣе 10 часовъ въ сутки. То же время можетъ производиться торговля предметовъ продовольствія и табаку въ разность и изъ передвижныхъ помѣщеній». Сверхъ того, въ продолженіе 40 дней въ году рабочий день можетъ быть удлиненъ на 2 часа, т.-е. до 14 и 17 часовъ.

Но, кромѣ всѣхъ этихъ оговорокъ, новый законъ вводитъ правило, превращающее всѣ параграфы этого закона въ мертвую букву: оказывается, что сверхъ установленнаго времени работы все же допускаются, но «лишь съ согласія служащихъ за особую плату». Тѣ, кто знаетъ условія быта торгово-промышленныхъ служащихъ, ту зависимость, въ которой они находятся отъ хозяевъ, легко поймутъ, къ чему сведутся подобныя соглашенія за особую плату, и что будетъ представлять изъ себя максимальный рабочий день. Что касается до полнаго воспрещенія торговли по воскреснымъ днямъ и большимъ праздникамъ, то здѣсь законъ дѣлаетъ исключеніе не только въ видѣ допущенія такой торговли въ читальняхъ, ресторанахъ и т. д., что можетъ быть объяснено интересами населенія, но и въ конторахъ и складахъ, что, очевидно, ограждаетъ лишь интересы хозяевъ. Установленіе обязательнаго перерыва въ занятіяхъ для обѣда и предоставленіе подросткамъ возможности посѣщать школы явилось бы дѣлособразнымъ, если бы новый законъ ввелъ дѣйствительную защиту своихъ постановленій путемъ дополненія уголовнаго уложенія статьями, карающими за его неисполненіе; между тѣмъ по отношенію къ взрослымъ служащимъ мужчинамъ этого не сдѣлано, равно какъ обойдены молчаніемъ и тѣ органы,

которые должны слѣдить за исполненіемъ закона. Ясно, что при подобныхъ условіяхъ новый законъ является все тѣмъ же мертворожденнымъ дѣтцемъ бюрократіи; оно можетъ быть оживлено только народнымъ представительствомъ, которое, пересмотрѣвъ этотъ вопросъ въ числѣ другихъ социальныхъ проблемъ, должно дать ему правильное и справедливое разрѣшеніе.

Въ этомъ краткомъ обзорѣ мы коснулись наиболѣе важныхъ законодательныхъ актовъ послѣдняго времени. Между тѣмъ жизнь течетъ своимъ порядкомъ, окутанная туманомъ, пропитанная потоками крови, слезъ и ужасовъ. Въ газетахъ попрежнему каждое утро мы встрѣчаемъ цѣлый столбецъ повѣшенныхъ и казненныхъ по распоряженію того узаконеннаго произвола, который называется военно-полевымъ судомъ. Правительство, не будучи въ состояніи справиться съ оппозиціонной Россіей, рѣшило объявить ее революціонной для того, чтобы имѣть возможность хотя бы по формѣ не считаться съ ея мнѣніемъ, поставить ее внѣ закона и отдать на растерзаніе невѣжественной администраціи. Каждый день появляются всевозможные ограничительные циркуляры непосредственно отъ министерства или же указы послушнаго ему сената, толкующіе законъ въ желательномъ для правительства смыслѣ. Никогда несчастная страна не переживала такого позора, никогда правосудіе—этотъ оплотъ государственности, не попиралось такъ беззащитно въ странѣ анархіи, подрывая послѣднія проблески надежды на мирный исходъ борьбы. Съ особенной настойчивостью преслѣдуетъ правительство конституціонно-демократическую партію, эту почти единственную партію легальной, но неуклонной оппозиціи. Собранія, устраиваемыя ею, не разрѣшаются, закрываются ея клубы и бюро, помѣщаемыя на частныхъ квартирахъ; о той широкой агитаціонной дѣятельности, которую проявила эта партія передъ прошлыми выборами, не можетъ быть болѣе и рѣчи. И среди кладбищенскаго молчанія и тишины, которую водворяетъ правительство, раздастся только одинъ наглый голосъ союза русскихъ людей, устраивающихъ забіенія интеллигенціи въ Одессѣ и шумныя уличныя манифестаціи на улицахъ Петербурга. И мыслящая Россія должна, наконецъ, понять, что время иллюзій миновало, что она должна готовиться къ самому худшему, что можетъ случиться, къ тому, чего теперь добиваются истинно-русскіе люди—къ отмѣнѣ всякаго народнаго представительства. Чтобы предотвратить эту опасность, разбившемуся на отдѣльныя группы и враждующія партіи освободительному движенію долженъ быть возвращенъ тотъ національный характеръ, который ему былъ присущъ до манифеста 17 октября. Отвѣтныя адресы первой Думы должны стать тѣмъ лозунгомъ, который долженъ объединить вновь разсѣявшіяся группы и дружнымъ усиліемъ создать такую Думу, вокругъ которой могли бы сорганизоваться общественное мнѣніе и общественныя силы, чтобы добиться парламентарнаго строя, при которомъ отойдутъ, наконецъ, въ прошлое позорныя эпопеи Гурко-Лидваля и близкихъ имъ по духу хищниковъ, разоряющихъ нашу несчастную родину.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Декабрь

1906 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Публицистика, критика.—Исторія, біографія.—Книжки для дѣтей. II. Спискомъ книгъ, поступившихъ въ редакцію Журнала «Русская Мысль» съ 1-го ноября по 1-е декабря 1906 года. III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1906 годъ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

XII сборникъ т-ва „Знаніе“.—Э. Версаръ. Зѣри. Перев. А. Воротникова и С. Шамбиано.—К. Тилова. Бадужкинъ. Разсказъ изъ манчжурской эпопеи.—С. Сергеевъ-Ценскій. Сады. Разсказъ.—В. К. Измайловъ. Одинокіе. Разсказы.—Николай Поляковъ. Солнечныя пѣсни.—Стихотворенія. Н. М. Михайлова.

XII Сборникъ товарищества Знаніе за 1906 г. Спб., Ц. 1 р. Продолженіе очерковъ Горькаго „въ Америкѣ“ интереснѣе начала, помещеннаго въ предыдущемъ сборникѣ. По крайней мѣрѣ это можно сказать относительно очерка подъ заглавіемъ „Мовъ“, гдѣ ярко описана уличная жизнь большого и грохочущаго города.

Но вся американская жизнь попрежнему представляется автору какой-то черной и мерзкой клоакой, гдѣ кипятъ жадные и подлые люди, которые словно задались цѣлью обнаруживать одну только „отвратительную наготу своей лжи и наивность своей хитрости, лицемеріе свое и неважную силу жадности своей“ и скудоумія. „Только одно хорошо въ свѣтломъ городѣ,—заканчиваетъ Горькій свой первый очеркъ:—въ немъ можно на всю жизнь напоить душу свою ненавистью къ силѣ глулости“. Если давно уже въ художественной литературѣ потеряли право гражданства такъ называемые злодѣи, которые рисовались раньше исключительно черными красками, то и картины чуждой намъ жизни, написанныя перомъ, напитаннымъ исключительно горечью и ненавистью, представляются читателю односторонними и вызываютъ въ немъ глухое чувство протеста противъ искаженія правды.

Интересно задуманъ и хорошо выполненъ разсказъ Серафимовича „Въ семьѣ“. Дружная интеллигентная семья, пріютившая у себя евреевъ, спасающихся отъ погрома, по мѣрѣ приближенія погрома и нарастающихъ тревожныхъ слуховъ, раскалывается на два враждебныхъ лагеря. Старшіе члены семьи въ изступленномъ ужасѣ гонять отъ себя тѣхъ, кто можетъ и на нихъ навлечь погромную грозу, подростки-дѣти съ мужествомъ и отчаяніемъ защищаютъ жизнь чуждыхъ имъ доселѣ и ставшихъ сразу близкими и дорогими гонимыхъ и угнетенныхъ людей.

Пьеса Юшкевича „Въ городѣ“ написана нѣсколько манернымъ и вычурнымъ языкомъ, который вообще свойственъ автору и который читатель порою съ трудомъ преодолеваетъ. Нищета и озлобленность однихъ,

робкая любовь, пропадающая въ тинѣ тяжелой и сѣрой жизни, необходимость продавать себя, чтобы найти кусокъ хлѣба, робкія иллюзіи, которыя даютъ силу жить робкимъ и маленькимъ людямъ,—такое содержаніе пьесы. Тяжелое и гнетущее впечатлѣніе, испытываемое читателемъ, мѣстами переходитъ въ чувство скуки вслѣдствіе растянутости изложенія, введенія цѣлага ряда ненужныхъ, выдуманныхъ и неинтересныхъ персонажей и повторенія нѣкоторыхъ сценъ и положеній.

Очень живо написанъ разсказъ Чирикова „Въ тюрьмѣ“, описывающій злочленія дѣйствительнаго статскаго совѣтника, по недоразумѣнію попавшаго въ тюрьму и принимаемаго властью имущими лицами за опаснаго бомбиста, искусно заметающаго свои слѣды. Разсказъ кончается смертью дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и читатель переживаетъ жуткое чувство кошмара нашей сумбурной и ужасной дѣйствительности.

Недуренъ разсказъ Зиновія Пэ „Домъ“, представляющій изъ себя очеркъ изъ жизни американскихъ рабочихъ. Воспоминанія Новорусскаго, воспроизводящія отдѣльные эпизоды изъ шлиссельбургской жизни, какъ и все, что касается этой жизни, должны интересовать читающую публику.

Эмиль Верхарнъ. Зѳри. Переводъ А. Воротникова и С. Шамбинаго. Москва, 1906 г. Ц. 20 к. Эта утопическая драма представляетъ особый интересъ, какъ пропаганда мира, ярко изображающая всѣ ужасы войны. Содержаніе ея заключается въ слѣдующемъ: „Великій городъ“ осажденъ непріателемъ. Война длится двадцатый мѣсяць и въ окрестностяхъ города горятъ села и фермы; крестьяне, фермеры, нищѣ и бродяги толпами стекаются къ городу. Среди нихъ находится трибунъ Эреніанъ. Онъ идетъ около носилокъ, на которыхъ лежатъ умирающій его отецъ—простой поселенинъ. Правительство Великаго города не пускаетъ за свои укрѣпленныя стѣны обнищавшую голодную толпу. Эреніанъ становится во главѣ толпы и ведетъ ее за собой въ городъ. У воротъ ихъ останавливаетъ офицеръ и, въ концѣ-концовъ, какъ будто согласившись съ доводами Эреніана, пропускаетъ его въ городъ вмѣстѣ съ носилками, но, какъ только онъ входитъ, ворота замыкаются, и вся толпа остается по ту сторону стѣны. Тогда оставшіеся безъ помощи и правительства устраиваютъ стачку. Положеніе обостряется, дѣла правительства въ разстройствѣ, и оно рѣшается на коварныя уступки. Консулъ вступаетъ въ переговоры съ Эреніаномъ, поручаетъ ему вернуть народъ въ городъ и отъ имени правительства обѣщать полную амнистію, вознагражденіе за всѣ убытки и вообще все, что потребуетъ народъ; онъ передаетъ Эреніану письменное уполномочіе. Эреніанъ отправляется на Авертинъ, гдѣ собрался народъ, произноситъ горячую рѣчь, полную примиренія; онъ противъ всякихъ кровавыхъ столкновеній и передаетъ народу всѣ обѣщанія правительства, онъ самъ полонъ вѣры въ приближающуюся весну человѣческаго счастья. Онъ разсказываетъ о томъ, что правительство стало слабо, солдаты отказываются повиноваться, то же самое происходитъ и въ непріятельскомъ лагерѣ. Пропаганда мира, книги самого Эреніана о грядущемъ общечеловѣческомъ счастьи и о способахъ его водворенія дѣлаютъ свое дѣло, программы обсуждаются всѣми, среди непріятелей также много послѣдователей этихъ программъ. Народъ возвращается въ городъ, но правительство только отчасти исполняетъ свои обѣщанія,—никому не возмѣщены убытки, и одна пострадавшая семья не получила никакого вознагражденія. Народъ возмущенъ и во всемъ начинаетъ винить Эреніана. Толпа съ криками „измѣнникъ, подкупъ“, начинаетъ громить его домъ. На защиту Эре

нану выступаютъ два другихъ трибуна; выходитъ самъ Эреніанъ, онъ оправдывается передъ народомъ и общаетъ ему совершить великія завоеванія для человѣчества—уничтожить войну. Ночью, въ полѣ, Эреніанъ, сопровождаемый двумя трибунами, устраиваетъ совѣщаніе съ капитаномъ непріятельской арміи—Ордэномъ—поклонникомъ ученія самого Эреніана, его послѣдователемъ. Отвращеніе къ войнѣ въ обѣихъ войскахъ дошло до апогея, повальные болѣзни, голодъ и нужда косяты людей, началось открытое неповиновеніе, войска требуютъ мира, побѣда не имѣетъ въ ихъ глазахъ никакой цѣнности. При такихъ условіяхъ обѣ стороны протягиваютъ другъ другу руки, рѣшаютъ кончить войну и, бросивъ оружіе, слиться въ одинъ братскій народъ. На слѣдующій день часть непріятельскаго войска идетъ къ городскимъ воротамъ и, при видѣ осажденныхъ, бросаетъ оружіе. Правительственные генералы сначала въ изумленіи, не могутъ ничего понять; имъ дѣлается все ясно только тогда, когда прежніе непріатели появляются въ городѣ и начинаютъ брататься съ народомъ. Народъ и солдаты осажденнаго войска восторженно пріѣтствуютъ пришедшихъ. Часть генераловъ бросается къ зданію правительства, около котораго стоятъ еще пятьсотъ человѣкъ гвардіи, не порывающіе завѣтовъ старой жизни и не видящіе зорю новой. Побѣда остается на сторонѣ народа, но Эреніанъ убить однимъ изъ гвардейцевъ. Послѣднее дѣйствіе—похороны Эреніана. Надъ его гробомъ Ордэнъ произноситъ горячую рѣчь, которая заканчивается слѣдующими словами: „Народы, наконецъ, поймутъ, что совершилось нѣчто безсмертное, здѣсь, въ Великомъ городѣ, откуда въ теченіе ряда вѣковъ лучшія человѣческія идеи летѣли въ міръ. Впервые, съ появленіемъ силы, съ того времени, какъ мозгъ началъ исчислять время, впервые двѣ расы отреклись, одна—отъ своей побѣды, другая—отъ оскорбленіи гордости, и слились въ объятія. Вся земля содрогнулась, кровь и сила прилили къ сердцу всего живущаго. Согласіе и единеніе побѣдили вражду. Борьба людей въ кровавой формѣ отвергнута. Отнынѣ сіяющій маякъ горитъ на горизонтѣ будущихъ бурь. Его свѣтъ ослѣпитъ взоры, покоритъ умы, озаритъ грезой сердца. И надо, послѣ испытаній и горестей, придти въ ту пристань, куда онъ указываетъ путь, позлащая мачты и мирныя ладьи!“

Эта драма съ своеобразнымъ содержаніемъ написана также совершенно своеобразно. Въ ней прозаическій діалогъ постоянно прерывается стихотворными строфами,—все лица очерчены своеобразно: широкими штрихами, очень картинно и образно, но безъ контуровъ. Въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ первымъ поставлена „толпа“, а по ремаркѣ „группы дѣйствуютъ, какъ одинъ многоликій человѣкъ“. Все захвачено очень широко, дѣйствіе происходитъ какъ бы внѣ времени и пространства, обрывки демократическихъ теорій переплетаются съ символизмомъ, страсти и характеры дѣйствующихъ лицъ обладаютъ исключительной силой, задній планъ декораций всегда грандіозенъ и дышитъ ужасомъ. Массовыя сцены занимаютъ гораздо болѣе половины дѣйствія. Тенденція автора сквозитъ повсюду и проводится имъ намѣренно рѣзко.

К. Тылова. Балдушкинъ. Разсказъ изъ манчжурской эпопеи. Спб., 1906 г. Ц. 40 к. Манчжурская эпопея еще долго будетъ служить темой для нашей литературы. Авторъ, видимо, хорошо знакомъ съ тѣмъ, что дѣлалось во время войны въ тылу арміи. Рассказываемая имъ исторія правдоподобна по своимъ подробностямъ, но ужасна по смыслу. Балдушкинъ—начальникъ казенной палаты, полнѣйшее ничтожество, выхлопываетъ себѣ во время войны мѣсто завѣдующаго по финансо-

вой части какого-то полевого учреждения; онъ набираетъ съ собою, въ качествѣ штатныхъ чиновниковъ, дѣлюю компанію такихъ же, какъ онъ, невѣждъ, людей безъ опыта и безъ любви къ дѣлу, но такихъ же, какъ и онъ, жадныхъ, наглыхъ и корыстныхъ. Вся эта банда ѣдетъ на войну управлять и распоряжаться. Вместе съ компаніей ѣдетъ корова, предназначенная для будущихъ щенятъ любимой собаки „его превосходительства“. На войнѣ, въ тылу арміи, въ знаменитомъ городѣ X. эти люди, получающіе тысячи, дали полный просторъ своимъ неизменнымъ аппетитамъ. Работали только военные писари, а начальники, ихъ помощники, помощники ихъ помощниковъ и т. д. развѣзжали по многочисленнымъ веселымъ мѣстамъ г. X., охотились въ окрестностяхъ, дѣлали визиты и получали въ-время присвоенные по штату оклады. Наступилъ миръ, и загулявшіе чиновники встрепенулись. Что дѣлать? куда дѣваться? Но Балдушкинъ выхлопоталъ разрѣшеніе сохранить жалованье еще на годъ по окончаніи войны, и всё опять воспрянули духомъ.

Этотъ рассказъ описываетъ такіе вопіющіе случаи съ мельчайшими подробностями, передаетъ такіе факты, которые не могутъ быть изобрѣтены и самой смѣлой фантазіей. Мы хотимъ не вѣрить въ то, что возможны были въ дѣйствительности такіа расхищенія и злоупотребленія. Путемъ открытаго гласнаго суда правительство могло бы доказать—правдиво или неправдиво то, что изложено въ книжкѣ.

С. Сергѣевъ - Ценскій. Садъ. Рассказъ. Издательство О. Н. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 12 к. Въ рассказѣ *Садъ* г. Сергѣевъ - Ценскій описываетъ исторію одного убійства. Нѣкто Шевардинъ, кончившій курсъ лучшимъ ученикомъ въ земледѣльческомъ училищѣ, снимаетъ у причта села Татьянавки фруктовый садъ за 40 рублей въ лѣто, рассчитывая нѣчто выгадать на такомъ дѣлѣ. Повидимому, дѣло совсѣмъ мирное, имѣющее въ виду только благосостояніе садовода Шевардина; но стоило Шевардину поселиться въ Татьяновкѣ и увидать, что божь-о-божь съ ней тянутся на 40 верстъ владѣнія развратника графа, который тѣснить, жметъ и эксплуатируетъ окружающее населеніе, — какъ у него зарождается определенное намѣреніе убить, какъ какого-нибудь паразита, этого графа, и намѣреніе свое онъ выполняетъ. Слишкомъ яркія картины эксплуатаціи, горя и нищеты, виновникомъ которыхъ является графъ, не могли пройти безслѣдно для Шевардина, и онъ, мирный садоводъ, превращается въ убійцу. Можетъ быть, такое превращеніе мало мотивировано, и личность Шевардина обрисована не вполне выпукло, но отъ всего рассказа вѣетъ правдой и жизнью, многія сцены набросаны живо, среди дѣйствующихъ лицъ встрѣчаются выразительныя фигуры, вродѣ, наприим., татьяновскаго священника отца Мееодія, и рассказъ производитъ впечатлѣніе, заставляя въ наши дни тревогъ и волнений задуматься надъ многими и очень многими. Наконецъ, нельзя оставить безъ вниманія доступность рассказа для самаго простаго читателя какъ по хорошему языку, такъ и по цѣнѣ: книжка стѣитъ всего 12 к.

В. К. Измайловъ. Одинокіе. Рассказы. Издательство О. Н. Поповой. № 79. Спб., 1906 г. Ц. 5 к. Всѣ три рассказа, помѣщенные въ брошюркѣ г. Измайлова, написаны не безъ таланта, живо, интересно и то, что называется, „съ настроеніемъ“. Настроеніе это во всѣхъ трехъ рассказахъ одно и то же, почему имъ и дано общее названіе „Одинокіе“, что, впрочемъ, не мѣшаетъ сюжетамъ отличаться разнообразіемъ. Г. Измайловъ довольно чутко угадалъ современное общественное направленіе мысли, ищущей вездѣ разгадки, и самъ онъ во всѣхъ трехъ рассказахъ какъ бы задается однимъ вопросомъ: „зачѣмъ? Зачѣмъ такъ

одиноки люди? Зачѣмъ такъ скучна и тяжела ихъ жизнь? Зачѣмъ такъ жестоко распоряжается она человѣкомъ? И гдѣ смыслъ этой жизни? Но вопросы эти только какъ бы намѣчаются авторомъ въ его коротенькихъ разсказахъ и нигдѣ не разрѣшаются, какъ не разрѣшились они пока жизнью, которая, при идущей кругомъ жестокой ломкѣ старыхъ традицій, еще не выработала новыхъ опредѣленныхъ идеаловъ въ области человѣческой этики. Последнее обстоятельство наводитъ насъ на нѣкоторыя соображенія относительно удобства или неудобства подобныхъ изданій для народа. Разумѣется, для читателя интеллигента неопредѣленность содержанія нисколько не повредитъ ясности впечатлѣнія, такъ какъ настроеніе автора слишкомъ опредѣленно рисуетъ основную мысль, но для малоинтеллигентнаго читателя мало настроенія, ему мало одного вопроса, ему нуженъ отвѣтъ, если вопросъ поставленъ. Во всякомъ случаѣ, на нашъ взглядъ, такіе разсказы гораздо больше скажутъ уму и сердцу читателя интеллигента, чѣмъ читателю съ малой литературной подготовкой.

Николай Поярковъ. Солнечныя пѣсни. М., 1906 г. Ц. 60 коп. Муза г. Пояркова принадлежитъ старому времени, новая жизнь съ новыми увлеченіями, мечтаніями, ошибками и побѣдами не касалась ея. Впрочемъ, мы упоминаемъ объ этомъ не въ упрекъ, а только для характеристики „направленія“ стихотвореній г. Пояркова. И изъ стараго времени можно было извлекать многое для пѣснопѣній и созвучій, однако, г. Поярковъ не нанелъ обилія темъ для своихъ Солнечныхъ пѣсней изъ той жизни. Диаметръ его „круга солнца“ необычайно малъ, площадь круга почти пуста, солнце г. Пояркова свѣтитъ тускло, безъ блеска. Море, любовь, любовь, море—вотъ все, о чемъ на всякіе лады только и повторяетъ г. Поярковъ. Иногда еще промелькнетъ „предчувствіе смерти“ у него, необычайнаго пѣснопѣвца „какъ весна молодого и какъ пламя жгучаго“, промелькнетъ какъ рекомендація себя въ красивомъ плащѣ горлой разочарованности. Но это только въ шутку. Вообще же г. Поярковъ рѣдко задумывается; онъ предпочитаетъ любоваться пейзажами и видами во время путешествій и подробно сообщаетъ о всякомъ видѣ читателю. Подробно, но не характерно и не образно. Картинность описаній ему совершенно не удается, у него нѣтъ способности остановить вниманіе читателя на какомъ-нибудь опредѣленномъ яркомъ образѣ, онъ не умѣетъ подбирать краски въ общей картинѣ, еще менѣе ему знакомы красочныя сочетанія словъ и звуковъ. Все это онъ старается замѣнить беспорядочнымъ нагроможденіемъ эпитетовъ, обиліемъ онъ замѣняетъ опредѣленность, случайнымъ театральнымъ эффектомъ замѣняетъ истинную художественность картины. Вообще онъ не умѣетъ сконцентрировать свою мысль и расплывается въ перечисленіи мелочей. Кромѣ того у г. Пояркова совершенно отсутствуетъ гибкость и богатство языка, такъ необходимыя для поэта,—его сравненія необычайно избиты, ухо читателя рѣжутъ сравненія паруса съ крыльями чайки или просто съ чайкой. Два эпитета: „чеканный“ и „алый“ г. Поярковъ повторяетъ чуть не въ каждомъ стихотвореніи, видимо считая эти эпитеты особенно удачными. Нѣкоторые стихи написаны такъ тяжело, что языкъ заплетається при ихъ чтеніи. Такіе стихи производятъ какое угодно впечатлѣніе, только не „солнечныхъ“.

Стихотворенія Н. М. Михайлова съ 1895 по 1904 г. Ц. 45 к. Въ предисловіи къ этой изящно изданной книгѣ П. Н. Сакулинъ разсказываетъ печальную исторію автора, который два года назадъ покончилъ со своей двадцатипятилѣтней жизнью. Все, что терзало душу само-

убійцы, онъ вылилъ въ стихотвореніяхъ, полныхъ неисцѣлимой тоски. Они не имѣютъ поэтической цѣнности, не блещутъ оригинальностью образовъ или рѣчѣмъ, но каждое изъ нихъ, дѣйствительно, представляетъ собою подлинный человѣческій документъ и привлекаетъ своей искренностью. Въ одномъ стихотвореніи Михайловъ красиво говоритъ про себя, что въ дѣтскомъ углу, куда ушелъ онъ отъ чопорныхъ гостей, онъ былъ „книгой безъ картинъ“; можно это сравненіе продлить и сказать, что внутренній міръ юности, поскольку онъ раскрывается въ стихотвореніяхъ покойнаго и еще въ памяти г. Сакулина,—что этотъ міръ тоже былъ похожъ на книгу безъ картинъ, безъ яркихъ красокъ. Жила въ немъ только черная скорбь (нашъ поэтъ даже море рисуетъ „съ черными волнами“—это его любимый цвѣтъ), и оттого самъ онъ не могъ долго жить. Потеряла ли въ немъ русская литература крупнаго писателя,—это сомнительно; зато несомнѣнно, что потерявъ въ его лицѣ человѣка съ хорошей, несчастной душою, человѣкъ, который, по справедливому слову его друга и учителя г. Сакулина, „не только жилъ, но мыслить и страдалъ“. Въ особенности, страдалъ...

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА.

Воспоминанія Вл. Дебогорія-Мокрѣевича.—В. Володинъ. Народная школа и рабочий классъ.

Воспоминанія Вл. Дебогорія-Мокрѣевича. Книгоизд. „Свободный трудъ“. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к. Типичный „народникъ“ и „бунтарь“ 70-хъ годовъ, Дебогорій-Мокрѣевичъ пережилъ очень бурную революціонную карьеру. Отъ наивнаго „хожденія въ народъ“ и прекрасодушныхъ мечтаній о социалистической колоніи въ Америкѣ онъ переходить къ активной революціонной дѣятельности около половины 70-хъ годовъ, сближается съ кружкомъ Осинскаго, принимаетъ нѣкоторое участіе въ дѣйствіяхъ перваго „Исполнительнаго Комитета“ и вмѣстѣ съ „Косаровцами“ попадаетъ въ руки кievской полиціи. Въ Сибирь онъ ушелъ помѣняться фамиліями съ однимъ уголовнымъ, по дорогѣ въ Европейскую Россію организовалъ общество помощи политическимъ оссыльнымъ и благополучно перебрался затѣмъ черезъ границу, осудивъ себя на тяжелую жизнь политическаго эмигранта.

Его простой, искренній и непосредственный рассказъ о своей жизни представляетъ большой историческій и общественный интересъ. Онъ вводитъ насъ прежде всего во внутреннюю жизнь радикальныхъ кружковъ 70-хъ годовъ, которую мы до сихъ поръ знаемъ слишкомъ мало—почти исключительно изъ умышленно искаженныхъ официальныхъ источниковъ или обличительныхъ романовъ. Въ живыхъ образахъ проходятъ передъ нами—зарожденіе народничества, увлеченіе американской свободой, кружки и „коммуны“, „опыты народохожденія“, „Чигиринское дѣло“, Коваликъ, Мышкинъ, Войнаральскій, переходъ къ террористическимъ дѣйствіямъ, вооруженное сопротивленіе въ домѣ Косаровской, Валеріанъ Осинскій и его казнь, впечатлѣнія тюремныя и этапныя, „смѣнка“ въ уголовнымъ, возвращеніе изъ Сибири подъ псевдонимомъ, организація революціоннаго „Краснаго Креста“.

Благодаря своему темпераменту, сдержанному и умѣренному, и условіямъ жизни (арестъ и заключеніе въ 1879 г., затѣмъ эмиграція) Дебогорій-Мокрѣевичъ не примкнулъ къ народолюбцамъ, въ то же время не слиявшись и съ чернопередѣльцами. По отношенію къ послѣдующимъ

вершителямъ борьбы за наше освобожденіе онъ сохранилъ внутреннюю свободу, полное безпристрастіе, и къ его голосу стоитъ прислушаться, какъ къ голосу умнаго, сповойнаго и вдумчиваго человѣка.

„По понятіямъ социалистовъ 70-хъ годовъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и моимъ, конечно), народъ и привилегированныя сословія представляли собою противоположенія, что-то вродѣ плюса и минуса, взаимно уничтожавшіяся, двѣ вѣчно борющіяся силы, съ настолько различными интересами, что все то, что было полезно для одной, оказывалось вреднымъ для другой. Такимъ образомъ, политическая свобода, полезная для высшихъ сословій, такъ какъ она давала имъ больше правъ и дѣлала ихъ болѣе могущественными, была, по нашимъ понятіямъ, вредной для народной массы, по той логикѣ, что для народа будетъ тѣмъ хуже, чѣмъ могущественнѣе его враги. Если бы наше правительство было умнѣе и въ особенности если бы не было такое злобное и не принялось съ такимъ ожесточеніемъ насъ преслѣдовать, оно могло бы продержатъ насъ въ этомъ невѣжественномъ представленіи дѣйствительности очень долгое время. Но начался терроръ, вызванный правительственными репрессіями, и среди революціонеровъ выступилъ на очередь вопросъ о политической свободѣ... Какъ люди активные, а не доктринеры, народолюбцы поняли значеніе, оказываемое на нашу жизнь правительствомъ, и совершенно вѣрно утверждали, что главный врагъ страны было именно правительство, а не буржуазія, какъ мы думали раньше, и что, слѣдовательно, силы революціонеровъ должны быть направлены на борьбу съ нимъ. Но такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ они встали продолжали думать, что конституціонный режимъ могъ оказаться полезнымъ лишь для одной буржуазіи, а не для всего народа, то поэтому они поставили своею цѣлью не завоеваніе политической свободы и не простой переходъ отъ самодержавія къ конституціи, а коренное измѣненіе всего социальнаго строя. Если бы „Народная Воля“ поставила своей задачей завоеваніе конституціоннаго режима, она могла бы надѣяться найти себѣ союзниковъ въ соответственныхъ общественныхъ теченіяхъ. Но, увлекшись мечтою о преобразованіи въ ближайшемъ будущемъ полуазиатскаго царства на социалистическихъ началахъ, миная парламентаризмъ, она должна была прійти къ мысли о захватѣ власти и этимъ только изолировала себя отъ другихъ оппозиціонныхъ теченій“. При нереволуціонности народныхъ массъ, по мнѣнію автора, „революціонное народничество было осуждено на гибель“, если бы не преслѣдованія правительства. „Движеніе наше улеглось бы, приняло бы спокойное теченіе и, въ концѣ концовъ, пожалуй, мы оказались бы не чѣмъ инымъ, какъ „крайней лѣвой“ нашего общеземскаго движенія. Осѣли бы мы по деревнямъ, кто въ качествѣ учителя, кто фельдшеромъ, кто ремесленникомъ, и стали бы пропагандировать идеи социализма. Обружающая дѣйствительность скоро наложила бы печать на нашу пропаганду; мы увидѣли бы вкругомъ себя почти поголовную безграмотность (а какая же широкая пропаганда возможна среди безграмотнаго населенія?); самъ собою выступилъ бы на очередь вопросъ о распространеніи въ народѣ грамотности и т. п. культурной дѣятельности. Такъ рисуется мнѣ теперь эволюція нашего движенія, если бы условія русской жизни были сколько-нибудь нормальны, т.-е., другими словами, если бы у насъ вмѣсто злого и глупаго правительства оказалось бы умное, которое сумѣло бы правильно взглянуть на движеніе и предоставило его теченіе самому себѣ“.

Опять-таки „для русскаго общественнаго дѣятеля вопросъ объ обузданіи правительства или, другими словами, вопросъ о политической сво-

болѣ самъ собою ставится въ первую очередь“. Въ этомъ—главный выводъ жизни Дебогорія-Мокрѣвича и его дѣльныхъ „Воспоминаній“.

В. Вологдинъ. Народная школа и рабочій классъ. Спб., 1906 г. Ц. 8 к. Въмѣсто введенія авторъ предпосылаетъ главу о развитіи рабочаго класса у насъ въ Россіи и параллельномъ развитіи дѣла народнаго образованія. Авторъ доказываетъ, что до освобожденія крестьянъ, при господствѣ натурального хозяйства, ни рабы-крестьяне, ни рабовладельцы-помѣщики не чувствовали острой потребности въ начальной школѣ. Съ того же времени, какъ на мѣсто баръ-помѣщиковъ стали капиталисты, а на мѣсто крѣпостныхъ крестьянъ—наемные рабочіе, образованіе и низшая школа начали дѣлаться необходимою для обѣихъ сторонъ,—капиталисту нуженъ образованный, знающій рабочій, у наемнаго рабочаго, оторваннаго отъ мѣста и выброшеннаго въ міръ, появились духовные запросы, проснулась мысль, жажда знанія и стремленія учиться.

Правительство изъ понятныхъ причинъ всегда ставило преграды для расширенія народнаго образованія. Исторія этихъ преградъ, положеніе народнаго учителя, сравненіе народнаго образованія въ Россіи съ народнымъ образованіемъ въ другихъ странахъ изложены авторомъ съ достаточной убѣдительною. Только демократическій строй можетъ обезпечить народу всеобщее, обязательное и бесплатное обученіе въ начальной школѣ. Однако демократія уничтожаетъ неравенство людей передъ закономъ, но она не уничтожаетъ неравенства бѣдныхъ и богатыхъ. Средняя школа надолго еще будетъ недоступна для рабочаго класса. Авторъ приходитъ къ тому убѣжденію, что среднее и высшее образованіе будетъ доступно для всѣхъ только при торжествѣ социализма.

ИСТОРИЯ, БЮГРАФІИ.

Исторія какъ наука и какъ предметъ преподаванія. Историко-методологическій этюдъ *Ильи Смоленскаго*. Вып. I.—Изъ Исторіи Геродота. Персы. Египтяне. Скиаія. Чтеніе для юношества и для самообразованія. Состав. *В. Д. Первовъ*.—*С. Дозимскій*. Революція 1848 г. въ Венгріи.—*М. М. Антокольскій*. Его жизнь, творенія, письма и статьи. Подъ ред. *В. В. Стасова*.

Исторія какъ наука и какъ предметъ преподаванія. (Переоцѣнка историческихъ знаній). Историко-методологическій этюдъ *Ильи Смоленскаго*. Выпускъ первый. Одесса, 1906. Ц. 1 р. „Переоцѣнка историческихъ знаній“—такова заманчивая цѣль лежащей передъ нами книжки. Въ введеніи авторъ указываетъ, что содержаніемъ статьи является „разсмотрѣніе исторіи съ точки зрѣнія научной и точки зрѣнія педагогической“, а методъ изложенія состоитъ въ томъ, что, не давая никакихъ разъясненій и не дѣлая оговорокъ, г. Смоленскій прямо цитируетъ авторовъ. Благодаря такому методу, статья г. Смоленскаго представляетъ любопытное собраніе отрывковъ изъ сочиненій историческихъ и философскихъ, нѣчто вродѣ хрестоматіи, гдѣ пестрятъ имена Магса Нордау, Сеньбоса, Лалланда, Гумпловича, Канта и др., импонируя читателю своимъ ученымъ престижемъ. Г. Смоленскій выдвигаетъ на сцену весь этотъ почтенный багажъ учености съ цѣлью доказать слѣдующія основныя положенія: исторія—не наука, и мѣсто исторіи не въ средней школѣ, а въ университетѣ. Повидимому, эти положенія противорѣчатъ другъ другу. Если исторія не наука, то почему же ей мѣсто въ университетѣ? Чтобы выйти изъ этого противорѣчія, авторъ приводитъ цѣлый рядъ соображеній и доказательствъ, цитируетъ научные автори-

тоты, тратить массу энергии, позволяетъ себѣ самая желчныя выходки по адресу современной исторической науки.

Ходъ мысли его таковъ: „Исторія (въ томъ видѣ, какъ она существуетъ) не наука, а только совокупность знаній (только болѣе или менѣе вѣроятныхъ, а потому малоцѣнныхъ по качеству“) (стр. 156). Таки какъ историческіе факты съ теченіемъ времени теряютъ свою достовѣрность, а слѣдовательно и цѣнность, то „знать достовѣрно мы можемъ только совершающееся, а не совершившееся“ (стр. 14). Поэтому „на все историческое прошлое мы должны поставить крестъ, перестать заниматься раскопками, превратить заботу о музеяхъ и археологическихъ кабинетахъ“ (стр. 56), и „навсегда распрощаться съ Геродотами, Ливіями, Моммзенами и др. историками...“

Какъ все это просто и какъ легко, отбросивъ весь этотъ вѣками накопленный историческій „хламъ“, сдѣлать исторію наукой. Для этого ее нужно начинать, по рецепту г. Смоленскаго, съ нынѣшняго дня, нужно обратить ее въ собраніе „фактовъ будущаго“, планомерно и систематически зарегистрировать (стр. 50). Но, скажетъ читатель, это будетъ статистика, имѣющая вполне законное право на существованіе въ ряду другихъ наукъ, но статистика, а не исторія. Допустимъ, что историки будутъ планомерно и систематически собирать факты и притомъ не будущаго, какъ желаетъ г. Смоленскій, а настоящаго или, вѣрнѣе, даже прошлаго, такъ какъ въ самый моментъ ихъ регистраціи они станутъ уже болѣе или менѣе отдаленнымъ прошлымъ, событіями совершившимися, а не совершающимися; но мы боимся, что г. Смоленскій найдетъ ихъ уже не достовѣрными, а только вѣроятными, такъ какъ онъ не даетъ никакихъ указаній, какой именно промежутокъ времени, отдѣляющій отъ насъ совершившіеся факты, сдѣлаетъ ихъ недостовѣрными въ его глазахъ.

Далѣе, по мнѣнію г. Смоленскаго, изъ исторіи должна быть изгнана всякая тенденціозность, всякая этическая оцѣнка событій, всякая попытка къ установленію причинной связи, долженъ быть реформированъ языкъ историческихъ сочиненій, должны быть изгнаны всякіе литературные и художественные приемы въ изложеніи историческихъ событій, такъ какъ „основная цѣль исторіи, — говоритъ авторъ на 82 стр. — *установленіе фактовъ прошлаго* (sic!) на основаніи ряда данныхъ (документальныхъ и монументальныхъ)“ и только. Совершенно вѣрно, но какъ согласовать это опредѣленіе исторіи съ утвержденіемъ, что исторія не должна касаться фактовъ прошлаго и не должна опираться ни на какія документальныя или монументальныя данныя?

Далѣе, рѣшая вопросъ о томъ, гдѣ и какъ должна проходить исторія, авторъ говоритъ, что „было бы желательно измѣнить всю существующую систему преподаванія... и поставить преподаваніе исторіи въ университетѣ на строго научную почву, опираясь на изслѣдованіе источниковъ“. Тутъ уже читатель поставленъ въ полное недоумѣніе. Какіе же источники будутъ изучаться въ университетѣ, когда разъ и навсегда будетъ поставленъ крестъ на всѣ источники и документы?

Хорошо, что авторъ черезъ 3 страницы спохватывается и спѣшитъ оправдаться въ своемъ противорѣчій. „Однако, всегда нужно помнить, что эта система есть только *лучшая изъ худшихъ*. Несомнѣнно, настанетъ время, когда и эта система перестанетъ существовать, ибо къ источникамъ будетъ потеряно научное довѣріе, и когда возникнетъ совершенно новая исторія“ (стр. 149).

Когда наступятъ эти блаженныя времена и какова будетъ эта „но-

вая исторія“, — авторъ не говоритъ, ограничиваясь короткими и мало убѣдительными намеками на „зарегистрированное будущее“. Быть можетъ, подробную аргументацію этого новаго положенія авторъ пребрегаетъ до втораго выпуска? Своей книгой онъ дѣлаетъ только вызовъ современнымъ историкамъ, предлагая имъ защищать свою науку и прося ихъ только „не замалчивать вопроса“.

Въ нашу задачу не входитъ писать апологию исторіи, такъ смѣло сброшенной съ научнаго пьедестала г. Смоленскимъ, ни возражать подробно на всѣ его аргументы. Въ этой бѣглой замѣткѣ мы остановились только на основныхъ выводахъ, заводящихъ порою автора въ дебри непреодолимыхъ противорѣчій. Къ этому можно добавить только одно. Что даетъ г. Смоленскому право такъ смѣло, иногда крайне безцеремонно обращаться съ созданной до сихъ поръ исторической наукой и ея представителями? Не говоря уже о томъ, какъ достается преподавателямъ исторіи, особенно „такъ называемымъ хорошизмъ“, — какъ назвать подобную выходку по адресу выдающагося социолога, Л. Гумпловича: „Если Гумпловичу такъ ужъ хочется знакомить публику съ исторіей, такъ пусть онъ позаботится объ устройствѣ особыхъ историческихъ аудиторій, въ которыхъ бы публикѣ сообщались всевозможнѣйшія басни и враки изъ области „пресловутаго былого“, но эти аудиторіи не должны имѣть ничего общаго съ университетомъ и другими учебными заведеніями, гдѣ преподается „дѣйствительная наука“. На вывѣскахъ подобныхъ аудиторій должно быть написано: *не любю — не слушай, а врать не жаль!*?...“ *).

Едва ли это пріемъ, достойный критики, сколько-нибудь претендующей на серьезность, а не на гаерство для забавы той самой публики, которую авторъ старается уберечь отъ современной исторіи.

Мы, кажется, слишкомъ много времени и вниманія посвятили „широковѣщательной и многошумящей“ книгѣ г. Смоленскаго. Желая быть вполне безпристрастными, мы не можемъ не выразить полнаго одобренія подробному указателю книгъ и статей по методологіи исторіи и социологіи, приложенному г. Смоленскимъ въ концѣ книги. Напрасно только онъ изощряетъ всю свою энергію и остроуміе на защиту этого приложенія. Такой библиографическій указатель всегда очень полезенъ, а въ данномъ случаѣ представить единственное цѣнное приобрѣтеніе, которое можетъ сдѣлать читатель отъ знакомства съ разбираемой енигой.

Изъ Исторіи Геродота. Перев. Египтяне. Скиеія. Чтеніе для юношества и для самообразованія. Сост. П. Д. Первовъ. М., 1905. Ц. 60 к. Г. Первовъ составилъ разбираемую книжку, выбравъ нѣкоторые рассказы изъ Исторіи Геродота и снабдивъ ихъ многочисленными примѣчаніями, разъясненіями и историческими справками. Глава о Скиеіи составлена даже самимъ г. Первовымъ, причѣмъ свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ, дополнены тѣмъ, что даютъ намъ археологическія раскопки, произведенныя на югѣ Россіи въ Бурганахъ. Расположеніе матеріала сохранено то же, что въ Исторіи Геродота, въ его 9 книгахъ, чтобы сохранить и его руководящую идею: „желаніе изобразить великую и славою борьбу Эллады съ Азіей“.

Поэтому повѣствованіе начинается исторіей Лидіи и Креза, исторіей покоренія малоазіатскихъ грековъ, затѣмъ рассказана исторія персовъ и ихъ завоеваній (въ связи съ этимъ и исторія скиеовъ) и, наконецъ, описаніе греко-персидскихъ войнъ, кончая Кимоновымъ миромъ (хотя это

*) Курсивъ нашъ.

не указано въ заглавіи). Въ началѣ книги г. Первовъ излагаетъ біографію Геродота, основываясь главнымъ образомъ на лексиконѣ византійскаго писателя Свиды, указывая, однако, на то, что въ біографіи Геродота до сихъ поръ много неточнаго, неустановленнаго, выведеннаго путемъ догадокъ и комбинацій и часто даже совершенно отрицаемаго критической школой историковъ. Въ этой же главѣ, написанной авторомъ о Геродотѣ, г. Первовъ указываетъ на тѣ источники, которыми пользовался Геродотъ, на историческій методъ, котораго онъ придерживался, указываетъ также на основныя черты, которыми можно охарактеризовать его исторію: глубокую религіозность и вѣру въ судьбу, съ одной стороны, и нравственную идею, освящающую все его отношеніе къ совершавшемуся—съ другой. Въ научномъ отношеніи Геродотъ, конечно, стоитъ на уровнѣ своего вѣка.

Книга г. Первова можетъ составить очень полезное чтеніе для учащихся и для всякаго, желающаго познакомиться съ древней исторіей, такъ какъ это есть обращеніе къ первоисточнику, а руководящая глава о Геродотѣ и многочисленныя объясненія облегчатъ пользованіе этимъ источникомъ. Намъ кажется только, что прочтеніе этой книжки въ ея цѣломъ покажется учащимся нѣсколько скучнымъ, особенно, наприм., главы о Скиеи, составленной слишкомъ сухо и черезчуръ детально. При умѣломъ руководствѣ со стороны преподавателя книжка г. Первова можетъ послужить очень цѣннымъ матеріаломъ для чтенія и самостоятельныхъ работъ учащихся и составить полезный вкладъ въ нашу популярно-научную литературу.

С. Лозинскій. Революція 1848 г. въ Венгріи. (Исторія и общественные вопросы, № III). Спб., 1906 г. Одинъ изъ наиболее драматическихъ эпизодовъ всемірной исторіи—венгерская революція 1848 г.—представляетъ изъ себя особенно удобный матеріалъ для популярнаго изложенія. Быстро развивающіяся событія, исключительный подъемъ революціоннаго настроенія, самая необычайность личной судьбы героевъ венгерской революціи,—все это должно невольно захватить читателя, приковать къ себѣ его вниманіе. Г. Лозинскій очень умѣло воспользовался рѣдкими по обилію драматическихъ ситуаций венгерскими событіями 1848 г., и въ его изложеніи національныя противорѣчія венгерской исторіи XIX вѣка, поведшія въ концѣ концовъ къ революціи, представлены ясно и просто. Мы бы сдѣлали автору только два упрека: во-первыхъ, онъ слишкомъ изолировалъ венгерскія событія 1848 г. изъ общей связи революціонныхъ проявленій во всей Австро-Венгріи въ этотъ годъ, вслѣдствіе чего для неподготовленнаго читателя взаимныя отношенія австрійскихъ нѣмцевъ, славянъ и венгерцевъ въ нѣкоторые моменты (напр., въ октябрьскіе дни 1848 г.) должны представиться недостаточно ясными; во-вторыхъ, онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на національныхъ контрастахъ и, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ замѣчаній (стр. 12 и 17), ничего не сказалъ о несомнѣнно существовавшихъ тогда социально-экономическихъ противорѣчіяхъ, которыя были одной изъ причинъ конечнаго неуспѣха революціи.—При всемъ этомъ брошюра г. Лозинскаго представляетъ изъ себя очень хорошую популяризацию событій 1848 г. въ Венгріи и заслуживаетъ широкаго распространенія.

Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій. Его жизнь, творенія, письма и статьи. Подъ редакціей В. В. Стасова. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ и Москва. 1905. Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ художниковъ, вся жизнь которыхъ есть одно чистое, беззабѣтное служеніе искусству. Онъ посвятилъ ему

всѣ свои силы и отдалъ за него свою жизнь. Антокольскій не жилъ, а горѣлъ; онъ стремился вывести искусство на новый широкій путь служенія человечеству, сдѣлать искусство воплощеніемъ правды и красоты, той красоты, которая облагораживаетъ человѣка, давая ему въ художественныхъ образахъ нравственный идеалъ. Такимъ рисуется намъ образъ Антокольскаго въ его творчествѣ, въ автобіографіи, въ замѣткахъ и перепискѣ, въ статьяхъ, написанныхъ о немъ В. В. Стасовымъ и Ил. Гинцбургомъ.

Сынъ бѣднаго виленскаго еврея, содержателя харчевни, полуграмотный рѣзчикъ по дереву, онъ еще мальчикомъ мечтаетъ посвятить себя скульптурѣ, пробирается въ Петербургъ и поступаетъ въ Академію художествъ. Это — первая удача, первая побѣда Антокольскаго надъ суровой дѣйствительностью. Тутъ наступаютъ долгіе годы труда, лишеній, нравственныхъ униженій и хроническаго голодація. Не малую роль сыграла при этомъ его национальность, что такъ болѣзненно отзывалось на его самолюбивой, чуткой натурѣ. Но это только сильнѣе поддерживало въ немъ горячую любовь къ своимъ обездоленнымъ братьямъ и негодованіе на несправедливость общества, что такъ характерно выражено въ его письмахъ къ Тургеневу.

Недостатокъ образованія не давалъ ему возможности сдать экзаменъ по обще-образовательнымъ предметамъ и получить званіе художника. Даровитый юноша не могъ и не хотѣлъ идти старой дорогой шаблоннаго академизма, сухое подражаніе классическимъ образцамъ не могло удовлетворить его страстной души, искавшей въ искусствѣ прежде всего правды, искренности, выраженія. Съ первыхъ же шаговъ Антокольскій становится реалистомъ въ искусствѣ и порываетъ съ традиціями академіи. Новаторство раздражало профессоровъ, вызывало насмѣшки или сожалѣніе товарищей.

Много живыхъ, задушевныхъ страницъ въ автобіографіи посвятилъ Антокольскій своей академической жизни; ярко и образно описанъ этотъ періодъ его жизни и въ біографіи, написанной В. В. Стасовымъ.

Но даровитость натуры, оригинальность и сила творческаго таланта прорвали наконецъ брешь въ заколдованномъ кругѣ рутинны и предразсудковъ.

„Иванъ Грозный“ вывелъ Антокольскаго на новый путь славы и достатка, доставилъ ему званіе художника и средства къ жизни. Но здоровье Антокольскаго было разбито долгими лишеніями и неудачами. Необходимо было переменить условія жизни, и Антокольскій уѣхалъ за границу. Ему было въ это время 27 лѣтъ. Въ жизни его наступаетъ рѣшительный переломъ: съ этихъ поръ въ теченіе 30 лѣтъ Антокольскій извѣстный скульпторъ, окруженный славой, любовью, достаткомъ, живущій счастливою семейною жизнью въ европейскихъ центрахъ, Римѣ и Парижѣ.

Но оттуда, гдѣ все было прекрасно, природа и искусство, гдѣ была черезъ край культурная жизнь, Антокольскій стремился всею душою на далекій родной сѣверъ, къ русской природѣ, русскимъ людямъ, русскому искусству. За границей онъ оставался чужимъ, одинокимъ, и тамъ онъ умеръ, вдали отъ горячо любимой родины, умеръ жертвой нерадѣнія и небрежности модныхъ заграничныхъ докторовъ... Ужасныя подробности о послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти Антокольскаго передаетъ его ученикъ и другъ, Илья Гинцбургъ въ своей замѣткѣ. Родина встрѣтила и осыпала почестями и сожалѣніями только прахъ своего великаго художника...

Въ своихъ письмахъ, въ своихъ статьяхъ Антокольскій всегда остается вѣренъ себѣ, своему служенію, своей любви къ искусству, своему исканію высшей правды. Горячо негодуяетъ онъ, возставая противъ упадка искусства, противъ современнаго декадентства, доведеннаго до крайности, противъ увлеченія формой и отсутствія содержанія, отсутствія сильныхъ сюжетовъ и серьезныхъ, волнующихъ темъ.

Но не въ этихъ статьяхъ великъ Антокольскій, не онѣ обезсмертили его имя.

Въ русскихъ музеяхъ разбросаны его созданія, въ которыхъ вылилась его душа, его пониманіе искусства. Дивные образы, созданные имъ, образы Сократа и Христа, образы евреевъ, Нестора лѣтописца, Ивана Грознаго и Петра Великаго, Мефистофеля и др., стоятъ на недосягаемой высотѣ, говоря о расцвѣтѣ русской скульптуры, составляя гордость и славу русскаго искусства. Снимки съ этихъ произведеній помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ въ очень недурныхъ репродукціяхъ.

Матеріалы для біографіи Антокольскаго изданы подъ редакціей Вл. Вас. Стасова и посвящены „русскимъ художникамъ“. Въ числѣ статей и замѣтокъ Антокольскаго есть одна, посвященная его біографу, гдѣ авторъ говоритъ: „я пишу для того, чтобы добрые люди услышали, что думаютъ о Владимірѣ Васильевичѣ Стасовѣ его друзья, ибо о томъ, что думаютъ его враги, всѣ слышались достаточно. Я пишу, кромѣ того, для того еще, чтобы самъ В. В. слышалъ это именно теперь, а не потомъ, когда онъ уже не услышитъ, когда ему будетъ все равно, что бы о немъ ни говорили, ни писали...“ И не ошибся пророческій голосъ художника... Теперь о В. В. Стасовѣ много пишутъ и многое будутъ писать, но онъ уже не услышитъ... 10 октября его не стало...

60 лѣтъ стоялъ онъ на славномъ посту служенія русскому искусству; своимъ отзывчивымъ горячимъ словомъ онъ откликался на всѣ явленія этого искусства, привѣтствовалъ каждый новый талантъ, ободряя каждый шагъ, ведущій искусство впередъ. Таже же горячо и страстно осуждалъ онъ отклоненія и ненормальности, указывалъ ошибки. Оттого-то у него было столько горячихъ друзей и столько заклятыхъ враговъ. Но ничто не могло остановить его. Знатецъ и цѣнитель искусства, талантливый критикъ и выдающійся археологъ, онъ до послѣдняго дня, несмотря на свои 82 года, отзывался на все, что происходило въ мірѣ искусства, и его смерть прервала еще бодрую, еще дѣятельную жизнь...

Мы можемъ только помянуть его словомъ глубокой благодарности и искренно пожелать, чтобы русское общество и русскіе художники не забыли того, кто таже неутомимо работалъ надъ вопросами искусства и посвятилъ „русскимъ художникамъ“ не только разбираемую книгу, но и всю свою жизнь.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

П. Телліе. Изъ жизни уличнаго мальчика.—*Е. Колтоновская.* Поборница справедливости (Элиза Ожешко).—*С. Русова.* Пѣвецъ и мученикъ свободы. К. Рылѣвъ.—*Н. А. Рубакинъ.* Воля Аллаха или Абдуль, Абдуль и еще Абдуль.—*Ю. Менжинская.* Францискъ Пизарро и завоеваніе Перу. — *Викторъ Окс.* Среди дикарей.

П. Телліе. Изъ жизни уличнаго мальчика. Ц. 5 коп.—*Е. Колтоновская.* Поборница справедливости (Элиза Ожешко). Ц. 5 коп.—*С. Русова.* Пѣвецъ и мученикъ свободы. Рылѣвъ. Ц. 5 коп. „Библиотека Юнаго Читателя“. Спб., 1906 г. Разказъ П. Телліе напи-

санъ вполне литературно. Въ первой половинѣ онъ напоминаетъ нѣсколько уличнаго мальчика Бретъ Гарта, далѣе дѣйствіе переносится въ одинъ изъ русскихъ городовъ, и рассказъ заканчивается описаніемъ смерти мальчика съ краснымъ флагомъ въ рукахъ на улицѣ отъ пулевой раны. Рассказъ написанъ съ несомнѣннымъ талантомъ, типъ уличника и психологія ребенка очерчены ясно и всесторонне. Простота и искренность чувства въ описаніи жизни мальчика, отсутствіе какой-либо тѣни сентиментальности и вообще всякой искусственности выдѣляютъ рассказъ Телліе изъ ряда „дѣтскихъ рассказовъ“. Но въ томъ-то и дѣло, что дѣтямъ этотъ рассказъ будетъ совершенно не ясенъ, какъ по своей фабулѣ, такъ и по глубинѣ психологическаго анализа. Многое въ этомъ рассказѣ пропадетъ для дѣтей и внесетъ въ ихъ голову ненужную путаницу. Это—чтеніе для взрослыхъ. Чтеніе глубоко-скорбное, производящее сильное впечатлѣніе, вслѣдствіе ужасной правды, изображенной авторомъ.—Очеркъ г. Колтоновской объ Элизѣ Ожешковой составленъ вполне понятно и можетъ замѣнить пособіе при чтеніи нѣкоторыхъ, разобранныхъ авторомъ, произведеній знаменитой польской писательницы. Жаль, что въ своемъ очеркѣ г-жа Колтоновская взяла только одну сторону въ характерѣ творчества Элизы Ожешковой и не указала на ея значеніе, какъ писательницы художницы, обладающей способностью писать „красивыми тонами и яркими красками“, на ея значеніе для самосознанія національнаго. Не упоминаетъ ничего авторъ и про публицистическую дѣятельность разбираемой имъ писательницы, которую онъ упорно именуетъ Элизой Ожешко, несмотря на то, что подъ портретомъ, помѣщеннымъ въ текстъ, находится не оставляющее никакого сомнѣнія факсимиле—подпись самой писательницы—*Элиза Ожешкова*. Полнѣе и лучше составлена биографія К. Рыльева, озаглавленная: „Пѣвецъ и мученикъ свободы“. Довольно подробно и ясно изображена историческая обстановка и выяснены историческія условія; привлекательная личность К. Рыльева очерчена рельефно, книжка написана съ любовью, ровнымъ и спокойнымъ слогомъ, безъ излишняго негодованія и сгущенныхъ красокъ; она даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Союза добродѣтели, о декабрьскомъ бунтѣ, выясняетъ личность Александра I и Николая I; въ ней приводятся характерные отрывки изъ произведеній поэта. Изложеніе сдѣлано простымъ, удобопонятнымъ языкомъ и потому вполне пригодно для чтенія подрастающимъ поколѣніямъ. Къ книжкѣ приложенъ недурно исполненный портретъ и цѣна книжки не высока, чего нельзя сказать про два предыдущихъ изданія.

Н. А. Рубанинъ. Воля Аллаха или Абдуль, Абдуль и еще Абдуль. Ц. 15 к. Москва, 1906 г. Въ подзаголовкѣ „Воля Аллаха“ помѣчено: „Восточная сказка, записанная въ Константинополѣ 9 января 1305 г. книжнымъ червякомъ“. Въ этой восточной сказкѣ съ ѣдкимъ юморомъ описывается, какъ бѣднякъ Мустафа искалъ правду. Цѣлую жизнь работалъ онъ на своего хозяина, за что получалъ гнилой картофель для пропитанія и разрѣшеніе жить въ лачужкѣ, и всегда онъ говорилъ: „Воля Аллаха—могло и хуже еще быть“. Завелъ онъ себѣ послѣ сорокалѣтнихъ трудовъ курицу, да курица поклевала на грядкѣ рѣдкія хозяйскія сѣмена, и за эту „куриную вину“ Мустафу били нещадно и выгнали вонъ. Пошелъ Мустафа искать правду и у всѣхъ встрѣчныхъ спрашивалъ: „можно ли человѣка бить за куриную вину“. У многихъ спрашивалъ Мустафа: и у Имама, и у Кадія, и у начальника заплѣвъ, и вездѣ били его и смѣялись, а такіе же бѣдняки, какъ онъ самъ, говорили, что и у нихъ „такъ же“. Послѣ долгихъ странствованій

ній Мустафа устроился рабочимъ по саду султана Абдула, который жилъ и ходилъ всегда въ сопровожденіи Муфтія Абдула и великаго визиря Абдула. Зналъ Мустафа, что у правды три защитника и стража: тѣнь Аллаха на землѣ—самъ султанъ Абдулъ, второй стражъ—законъ, т. е. самъ великій визирь Абдулъ, третій—Коранъ—самъ великій муфтіи Абдулъ. Но не добился правды Мустафа; выгнали его съ побоями и изъ султанскаго сада, и понялъ онъ, что истинная правда въ стражахъ и защитникахъ не нуждается, неизбѣнно стоитъ она на своихъ собственныхъ ногахъ, что источникъ правды—сама жизнь, что обманы да кулаки нужны только для одной неправды, а безъ нихъ она и одного дня не просуществовала бы. Сдѣлалось ясно для Мустафы, что Аллаху дороги не нѣкоторые люди, а весь человѣческій родъ, что многіе дѣйствительно хотять добиться справедливости отъ враговъ правды, да въ этомъ мѣшаетъ имъ то, что сами они темны, ослабли отъ голода и сдѣлались трусливыми, а темнота, забитость и трусость всегда помогали врагамъ правды. И видитъ Мустафа сонъ: будто онъ ломовая лошадь и везетъ онъ огромную колесницу, а въ колесницѣ сидятъ три Абдула, подхлестываютъ его, а сами хвалятся, что они—стражи правды и что таково воля Аллаха. Вдругъ разверзлось небо, и показалась голова и сѣдая борода Аллаха. „Врете вы, океаннне!—воскликнулъ Аллахъ.—Все у васъ я, да я. Лошадь-Мустафа, жалкая ты, несчастная, загнанная кляча! Брыкайся! Я такъ хочу!“—Такъ закричалъ Аллахъ, а затѣмъ загремѣлъ громъ, задрожали небо и земля.

Такую сказку записалъ книжный червякъ въ Константинополь, и надо сказать, что сдѣлалъ онъ это вполне удачно, что онъ хорошо изучилъ турецкій бытъ 1305 года и съ злымъ остроуміемъ записалъ много подробностей о „стражахъ правды“. Очевидно, много записано и невѣроятнаго, много здѣсь выдумки и личной фантазіи. Но на то и сказка! Художественному творчеству предоставляется въ сказкѣ полный просторъ, изобрѣтательность и фантазія не портятъ, а украшаютъ сказку, особенно, если это сдѣлано талантливо и умѣло, какъ въ „Волѣ Аллаха“.

Ю. Менжинская. Францискъ Пизарро и завоеваніе Перу. Съ 20 рисунками. Спб., 1906 г. Ц. 20 коп. „Библіотека Юнаго Читателя“. О завоеваніи Перу въ русской переводной и оригинальной литературѣ существуетъ цѣлый рядъ изданій. Книжка г-жи Менжинской, составленная по нѣмецкимъ пособіямъ Кронау, Мерлу и др., не добавляетъ ничего новаго къ исторіи разбойничьей шайки Пизарро. Культура инковъ очерчена довольно поверхностно, историческая обстановка того времени совершенно не выяснена, поэтому все предпріятіе Пизарро должно представиться уму юнаго читателя какъ мало-правдоподобный отдѣльный эпизодъ, логически не только не связанный съ жизнью, но даже находящійся съ ней въ противорѣчій. Несправедливости и жестокости, чинимыя кучкою испанцевъ въ Перу, описаніе золота въ дворцахъ и храмахъ скорѣе могутъ подѣйствовать нежелательнымъ образомъ на воображеніе дѣтей, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ предпріятіяхъ Пизарро постоянно сказывалась отвага, смѣлость и находчивость, сами по себѣ привлекательныя. Изложеніе сдѣлано не всегда достаточно гладкимъ языкомъ, безцвѣтно и вяло, поэтому книжка не можетъ быть признана вполне пригодной для чтенія дѣтямъ.

Викторъ Оксъ. Среди дикарей. Біографическій рассказъ, съ рисунками. Спб., 1906 г. Ц. 15 к. Въ доступной и популярной формѣ В. Оксомъ изложена біографія Николая Николаевича Милухи-Маклая. Подробно описаны его научныя изслѣдованія и его жизнь среди дика-

рей Новой Гвинеи, на островахъ Зондскаго архипелага, его дѣятельность въ Сидней и печальное возвращеніе на родину въ Петербургъ. Необыкновенно гуманная личность Миклухи-Маклая, его энергичная борьба съ скрытымъ рабовладѣльчествомъ въ Австраліи, его жгучая энергія и беззаветная преданность научному изслѣдованію всегда привлекали къ нему симпатіи образованнаго общества. Тѣмъ болѣе въ насъ звучитъ упрекъ г. Овся Русскому Императорскому географическому Обществу, которое до сихъ поръ не только не обработало материаловъ собранныхъ Маклаемъ цѣною своей собственной жизни, но даже и до сихъ поръ не напечатало ихъ. До сихъ поръ, по словамъ В. Овся, плоды научнаго подвижничества Маклая остаются подъ спудомъ, и ему преслѣдуетъ та же жестокая судьба, которая преслѣдовала многихъ знаменитыхъ путешественниковъ и ученыхъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ послѣ ихъ смерти. Это—забвеніе.

Книга „Среди дикарей“ особенно пригодна для чтенія подрастающимъ поколѣніямъ, она должна также получить и широкое распространеніе въ народныхъ бібліотекахъ-читальняхъ, такъ какъ, помимо своего образивающаго гуманнаго значенія, даетъ много свѣдѣній по политическаго географіи и естествознанію.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря
1906 г.**

- А. К. Семья и женщина.** Спб., 1905 г. Ц. 10 к.
- Абрамовъ, Ив. С.** О курскихъ со-
ляхъ. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.
- Автономная организація средней школы.**
Смоленскъ, 1906 г.
- Адлеръ, Г., проф.** Исторія социа-
лизма и коммунизма. Спб., 1906 г. Ц.
15 коп.
- Алтаевъ, А.** Подъ знаменемъ баш-
мака. 1906 г. Ц. 50 к.
- Ан—скій, С.** Крестьянскій вопросъ во
Франціи. Второе изданіе. Спб., 1906 г.
Ц. 7 к.
- Ачадовъ.** Третій элементъ. Ц. 7 к. —
Государственная власть. Ц. 10 к.
— Взгляды социалистическихъ партій на
обществ. самоуправ. М., 1907 г. Ц. 10 к.
- Вахъ, Макс.** Австрія въ первую
половину XIX вѣка. Перев. съ нѣм.
подъ редакціей В. Базарова и Степано-
ва. Изд. С. Смирмута. М., 1906 годъ.
Ц. 2 р.
- Вейерлейнъ, Ф. А.** Вечерняя Зѣра.
Пер. съ нѣм. Ярославль, 1906 г. Ц. 35 к.
- Вебель, А.** Постоянная армія и на-
родная милиція. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.
- Верлинъ, П. А.** Политическая борьба
въ парламентѣ и вѣдъ его. Спб., 1906 г.
Ц. 10 к.
- Врусянинъ, В. В.** Судьба первыхъ
депутатовъ. Спб., 1906 г. Ц. 20 к.
- Врешенковъ, К.** Куръзъ русскаго
святыксиса. М., 1907 г. Ц. 50 к.
- Будъ, А.** Командитъ и его обществен-
ная роль. М., 1906 г. Ц. 5 к.
- Бунинъ, Ив.** Стихотворенія. Спб.,
1906 г. Ц. 1 р.
- Ванъ-Коль.** Колоніальная политика и
соціалъ-демократія. Перев. І. Гольден-
берга. Спб., 1906 г. Ц. 5 к.
- В. В.** Соціальное преобразование Россіи.
М., 1906 г. Ц. 18 к.
- Вентцель, К. Н.** Освобожденіе ре-
бенка. Ц. 10 к.
— Какъ создать свободную школу. Ц. 15 к.
— Цѣпи невидимаго рабства. Ц. 5 коп.
М., 1906 г. Изд. „Посредника“.
- В—уръ, М.** О партіи мирнаго обно-
вленія. (Русскіе угодовцы.) Мариуполь,
1906 г. Ц. 10 к.
- Гартманъ, Г.** Міровоззрѣніе современ-
ной физики. Перев. съ нѣм. С. В. Кон-
товта. Астрахань, 1906 г. Ц. 1 р.
- Геофдингъ, Гарольдъ.** Современ-
ные философы. Издан. О. Н. Поповой.
Спб., 1906 г. Ц. 50 к.
- Герценъ, А. И.** Движеніе обществен-
ной мысли въ Россіи. Перев. съ франц.
М., 1907 г. Ц. 50 к.
- Геккель, Эрнстъ.** „Міровыя загад-
ки“. Перев. съ нѣм. подъ редакц. В. М.
Шимкевича. М., 1907 г. Ц. 80 к.
- Гогель, С. К.** Вопросы уголовного
права, процесса и тюрьмовѣдѣнія. Спб.,
1906 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гогель, С.** Роль общества въ дѣлѣ
борьбы съ преступностью. Спб., 1906 г.
Ц. 2 р.
- Гоцъ, М.** Система правды. М., 1906 г.
Ц. 18 к.
- Грагамъ, В.** Соціализмъ новый и
старый. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Давидъ, Эд.** Соціализмъ и сельское
хозяйство. Спб., 1906 г. Ц. 20 к.
- Днѣпровъ, М.** Начало и конецъ абсо-
лютизма во Франціи. Спб., 1906 годъ.
Ц. 5 к.
- Доллеансъ, Э.** Робертъ Оуэнъ. М.,
1906 г. Ц. 30 к.
- Догановичъ, Анна.** Три. Бытовые
рассказы. Изд. В. С. Спиридонова. М.
1907 г. Ц. 40 к.
- Диль, К.** О социализмѣ, коммунизмѣ и
анархизмѣ. М., 1907 г. Ц. 60 к.
- Дурьдинъ, С.** Въ школьной тюрьмѣ.

- Исповѣдь ученика. Изд. „Посредникъ“. М., 1907 г. Ц. 15 к.
- Дѣдусъ. Стихотвореніе. М., 1906 г. Ц. 8 к.
- Дѣло В. В. Водовозова въ с.-петербургской судебной палатѣ. Сб., 1906 г. Ц. 10 к.
- Ермиловъ, В. Дѣтская страда. Педагогическіе очерки. Изд. „Посредника“. М. Ц. 20 к.
- Житловскій, Ж. Материализмъ и диалектическая логика. М., 1906 г. Ц. 20 к.
- Закъ, С. Крестьянство и социализация земли. Ц. 15 к.
- Демократизация земства. Ц. 25 коп. М., 1906 г.
- Золотаревъ, Л. Самообразование сельскихъ хозяевъ. 2-е изданіе. М., 1906 г. Ц. 30 к.
- Зеленинъ, Д. Троицкплатица. Ватка. 1906 г.
- Каутскій, К. Американскій и русскій рабочій. Ц. 15 к.
- Соціализмъ и сельское хозяйство. Ц. 15 к. Сб., 1906 г.
- Этика и материалистическое пониманіе исторіи. Съ приложен. статьи: Жизнь, наука и этика. Изд. С. Скирмунта. М., 1906 г. Ц. 25 к.
- Американскій и русскій рабочій. Пер. съ нѣм. М. И. Батырева. Сб., 1906 г. Ц. 15 к.
- Казариновъ, А. В., д-ръ. Основы психологической гигиены въ связи съ психологической теоріей психоневрозовъ и душевныхъ заболѣваній. Москва, 1906 г. Ц. 40 к.
- Колтоновская, Е. Поборница справедливости (Элиза Оржешко). Сб., 1906 г. Ц. 5 к.
- Котельниковъ, А. Нужна ли и зачѣмъ нужна статистика. Сб., 1906 г. Ц. 10 к.
- Краткій обзоръ начального народнаго образованія въ Херсонской губерніи за 1904 годъ. Изд. херсонской губернской земской управы. Херсонъ, 1906 г.
- Кропоткинъ, П. Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ. Сб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Крживицкій, Л. Аграрный вопросъ. Сб., 1906 г. Ц. 70 к.
- Курскій, Д. И. Англійскій рабочій. Сб., 1906 г. Ц. 5 к.
- Кузьминъ-Караваевъ. Изъ эпохи освободительнаго движенія. До 17 октября 1905 г. Ц. 1 р.
- „Революціонное выступленіе“ Думы и земельный вопросъ. Ц. 25 к. Сб., 1906 г.
- Лассаль. Косвенные налоги. Сб., 1906 г. Ц. 25 к.
- Лексановъ, Евгеній. Стихотворенія. Одесса, Ц. 40 к.
- Линдеманъ, Г. Коммунальная политика социализма. Сб., 1907 г. Цѣна 15 коп.
- Либкнехтъ, Вильгельмъ. Есть сила, сила есть знаніе. Сб., Ц. 15 к.
- Линдеманъ, К. Э. О червяхъ и ихъ вліяніи на здоровье и живыя члѣны и домашнихъ животныхъ. Ц. 20 к.
- О насѣкомыхъ. Ц. 30 к. М., 1906 г.
- Лягорделъ, Гюберъ. Революціонный социализмъ. Издан. „Посредникъ“. Сб., 1906 г. Ц. 40 к.
- Маниловъ, С. На крестахъ. Сб., 1906 г. Ц. 30 к.
- Марксъ и Энгельсъ. Манифестъ коммунистической партіи. Сб., 1906 г. Ц. 12 к.
- Матье, А. Соціальный вопросъ въ время французской революціи 1789 г. М., 1906 г. Ц. 5 к.
- Мангеймскій партейтагъ германской социаль-демократіи. Доклады и пренія массовой стачкѣ. Изд. „Интернационалъ“. Сб., 1906 года. Ц. 25 к.
- Мартинъ, Рудольфъ. Будущее Россіи и Японіи. Подъ редакціей и съ вступительной статьей Т. В. Довганя. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1907 г. Ц. 1 р.
- Менжинская, Ю. Францискъ Изабелло. Сб., 1906 г. Ц. 20 к.
- Митчелъ, Джонъ. Рабочіе союзы въ Америкѣ. Сб., 1906 г. Ц. 60 к.
- Моррисъ, В. Вѣсти изъ отчужда. 2-е изданіе. Сб., 1906 г. Ц. 50 к.
- Николаевъ, И. Невидимыя войны. М., 1906 г. Ц. 4 к.
- Огановскій, Н. Освобожденіе земли. Сб., 1906 г. Ц. 6 к.
- Оксъ, В. Среди дикарей. Сб., 1906 г. Ц. 15 к.
- Орловъ, А. Кого выбрать въ депутаты. Сб., 1906 г. Ц. 8 к.
- Основные вопросы программы и тактики на съѣздахъ германской социаль-демократіи. В. І. Программа партіи. Подъ редакціей В. Водкина. Изд. „Давкисъ“. М., 1906 г. Ц. 35 к.
- Пантелъева, С. Трудовая самопомощь. Кооперативныя общества Бельгіи. (Въ пользу безработныхъ). Сб., Ц. 7 к.
- Панъ. Изъ недавняго революціоннаго движенія. Сб., 1907 г. Ц. 30 к.
- Паннекёкъ, Антонъ. Соціализмъ и религія. Съ нѣм. А. Рагнера, перев. редакціей П. Румянцева. Сб., 1906 г. Ц. 5 к.
- Полная энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства. Т. X, вып. 19-й. Сб., 1906 г.
- Поаундлеръ, Л. Физика общественнаго жианя. Перев. съ нѣм. Г. Котляра. Сб., 1906 г. Ц. 3 р.
- Раппопортъ, Ж. Л. Жиль Гизъ и французская рабочая партія. Сб., 1906 г. Ц. 15 к.
- Рабочій ежегодникъ 1906 г. Сб., 1906 г. Ц. 60 к.

- енаръ, Жоржъ.** Во французской деревнѣ. Перев. съ франц. Шведовой. Спб., 1906 г. Ц. 3 к.
- Вессель, В.** Очерки изъ истории германской социаль-демократической рабочей партіи. Шестъ лекцій. Перев. съ англ. В. Финнеръ; редакц. и предисловіе В. Канала. Изд. С. Скармута. Москва, 1906 г. Ц. 25 к.
- Веклю, Элизе.** Эволюція, революція и идеалы анархизма. Перев. съ франц. А. И. и Л. Т. М., 1906 г. Ц. 40 к.
- Вистъ, Шарль.** Профессиональные рабочіе союзы въ Англіи. Пер. съ франц. Шведовой. М., 1906 г. Ц. 1 к.
- Возень, Е., баронъ.** Записки декабриста. Спб., 1907 г. Ц. 3 р.
- Вудинъ, А.** Что говорятъ русскіе социаль-демократы „деревенской бѣднотѣ“. М., 1906 г. Ц. 10 к.
- Русова, С.** Пѣвецъ и мученикъ свободы. Спб., 1906 г. Ц. 5 к.
- Рязановъ, В.** Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковского. Спб., 1906 г.
- Самыгинъ, С.** Изъ прошлаго. М., 1906 г. Ц. 3 к.
- Савенкова, С.** Годы скорби. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.
- Садовниковъ, Д.** Подвиги русскихъ въ Сибири. М., 1906 г. Ц. 20 к.
- С. Ц.** Прехъ разсвѣтомъ. М., 1906 г. Ц. 10 к.
- Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи.** Подъ редакціей В. В. Нодовова. Вып. IV и V—по 10 к. Спб., 1906 г.
- Сверчокъ.** Сборникъ рассказовъ для дѣтей средняго возраста. Спб., 1906 г. Ц. 30 к.
- Скворцовъ, А. И.** Аграрный вопросъ и Государственная Дума. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Смирновъ, М. и Горчуковъ, М.** Практическій начальныи курсъ этнологіи. Новочеркасскъ, 1906 г. Ц. 1 р.
- Смолова, Король и народъ.** М., 1906 г. Ц. 2 к.
- Сознательная Россія.** Сборникъ на современные темы. Спб. Ц. № 3—15 к. № 4—20 к.
- Суперанскій, М.** Начальная народная школа въ Сибирской губерніи. Историко-статистическій очеркъ. Изд. сибирскаго губернскаго общества. Сибирскъ, 1906 г.
- Сухоплюевъ, И. К.** Почему продовольственное дѣло было изъято изъ дѣлнія земства. Черниговъ, 1906 г.
- Телліе, П.** Изъ жизни удичлаго мальчика. Спб., 1906 г. Ц. 5 к.
- Толстой, Л. Н., графъ.** Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой. Т. I. Изд. „Русскаго Свободнаго Слова“. Спб., 1906 г.
- Туркестанское сельское хозяйство.** Ежемѣсячныи сельско-хоз. журналъ. № 10. Ташкентъ, 1906 г. Ц. въ годъ 4 р.
- Уголовное уложеніе 22 марта 1903 г.** Глава вторая. Изд. Н. С. Таганцева. Спб. Ц. 1 р.
- Филианскій.** Стихотворенія. М., 1906 г. Ц. 50 к.
- Френсенъ, Густавъ.** „Рукопись“ изъ романа „Hillegel!“ (Жизнь Іисуса). Пер. Арнольда Губерта. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.
- Чарнолускій, В.** Итоги общественной мысли въ области образованія. Спб., 1906 г. Ц. 50 к.
- Черновъ, И.** Луя Бланъ. М., 1906 г. Ц. 15 к.
- Черкассовъ, А. А.** Стихотворенія. Т. I. Екатеринбургъ, 1906 г. Ц. 50 к.
- Чернышевъ, В.** Законы и правила русскаго произношенія. Варшава, 1906 г. Ц. 30 к.
- Черри, К., проф.** Развитие карательной власти въ древнихъ общинахъ. Перев. съ англ. П. И. Люблинскаго. 1906 г. Ц. 50 к.
- Черновъ, Викторъ.** Пролетаріатъ и трудовое крестьянство. Ц. 20 к.
- Монистическая точка зрѣнія въ психологии и социологии. Ц. 12 к. М., 1906 г.
- Чириковъ, Е.** Разсказы. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Шкапскій, О.** Вопросы колонизаціи. Спб., 1907 г. Ц. 2 р.
- Шэффле, А.** Сущность социализма. Полный перев. съ нѣм. Л. Чалдинскаго. Спб., 1907 г. Ц. 15 к.
- Экономическое наследованіе маслодѣлія въ Сибири.** Харьковъ, 1906 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. КНИЖИ.

	<i>Стр.</i>
Веллетристика: XII сборникъ т—ва „Знаніе“.—Э. Вергартъ. Збрн. Перев. А. Воротникова и С. Шамбинаго.—К. Тылова. Балдушкинъ. Разскавъ изъ манчжурской эпопеи.—С. Сергеевъ-Ценскій. Садъ. Разскавъ.—В. К. Измайловъ. Одинокіе. Разсказы.—Николай Полярковъ. Солнечныя вѣсни.—Стихотворенія Н. М. Михайлова.	327
Публицистика, критика: Воспоминанія Дебогорія-Мокривича.—В. Володимъ. Народная школа и рабочій классъ.	332
Исторія, біографіи: Исторія какъ наука и какъ предметъ преподаванія. Историко-методологическій этюдъ Иллы Смоленскаго. Вып. I.—Изъ исторіи Геродота. Перем. Египтяне. Скнеія. Чтеніе для юношества и для самообразованія. Состав. В. Д. Перевозъ.—С. К. Лозинскій. Революція 1848 г. въ Венгріи.—М. М. Антокольскій. Его жизнь, творенія, письма и статьи. Подъ ред. В. В. Стасова.	334
КНИЖИ ДЛЯ ДѢТЕЙ: П. Телліе. Изъ жизни уличнаго мальчика.—Е. Колтоноевская. Поборница справедливости (Элиза Ожешко).—С. Русова. Пѣвецъ и мученикъ свободы. К. Рыгевъ.—Н. А. Рубакинъ. Воля Аллаха или Абдуль, Абдуль и еще Абдуль. Ю. Менашинская. Францискъ Пиварро и завоеваніе Перу.—Викторъ Окса. Среди дикарей	341

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1906 г.

III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1906 годъ.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1906 годъ.

ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.—ПЕДАГОГИКА.

- Арепьевъ, Н. О.** Родительскіе кружки и союзы. Родительскій кружокъ въ Петербургѣ. Кн. VI, стр. 158.
- Вигелюу, Джонъ.** Тайна сна. Пер. съ англ. Парадвской. Кн. X, стр. 271.
- Вентцель, К. Н.** Освобожденіе ребенка. Кн. VI, стр. 159.
- Володквичъ, Н.** 1) Задачи педагогической дѣятельности. 2) О принципахъ, которые должны быть положены въ основу преподаванія естествознанія въ средней школѣ. Кн. III, стр. 63.
- Гефдингъ, Г., проф.** Жанъ-Жакъ Руссо и его философія. Перев. Л. Давыдовой. Кн. IX, стр. 230.
- Гецъ, Ф. В.** О недостаткахъ современной средней школы и о мѣрахъ къ ея исправленію. Докладъ. Кн. VI, стр. 156.
- Гринченко, В.** На безпросвѣтномъ пути. Объ украинской школѣ. Кн. IX, стр. 234.
- З. Г.** Метафизика глѣности. Сатира на трагедію философіи. Кн. XI, стр. 309.
- Запанковъ, Н. А.** Учитель народной школы. 1) О подготовкѣ народного учителя въ связи съ идеями К. Д. Ушинскаго. 2) О самообразованіи народного учителя. Кн. IX, стр. 234.
- Зибертъ, д-ръ.** Книга для родителей. Матерямъ подрастающихъ дочерей. Пер. д-ра Мона. Кн. IX, стр. 233.
- Крижъ, В. О.** О классномъ чтеніи въ сельской школѣ. Замѣчанія для учащихся по книгѣ того же автора „Первая грамота“. Кн. III, стр. 63.
- Кросби, Эрнестъ. Л. Н.** Толстой, какъ школьный учитель. Пер. съ англ. Кн. IX, стр. 232.
- Кэй, Эдленъ.** Вѣкъ ребенка. Подъ редакц. Ю. И. Айхенвальда. Кн. III, стр. 62.
- Менгеръ, Антонъ.** Новое ученіе о нравственности. Перев. Л. Г. Изд. Долбишева. Кн. VII, стр. 185.
- Народная и дѣтская литература съ 1880 г.

- но 1905 г. Сборникъ своихъ отзывовъ. Редакция А. А. Громбаха. Вып. I. Кн. X, стр. 271.
- Некрасовъ, П. А.** Къ обществу, родителямъ и педагогамъ. Основы общественныхъ и естественныхъ наукъ въ средней школѣ. Докладъ. Кн. VI, стр. 160.
- Паульсенъ, Фр.** Основы этики. Пер. подъ редакціей Ивановскаго. Кн. VIII, стр. 208.
- Первая, вторая и третья книжки педагогической психологіи. Кн. VIII, стр. 209.
- РИБО, Т.** Логика чувствъ. (Образовательная библиотека О. Н. Поповой. Серия VI. № 10.) Кн. VII, стр. 182.
- Соловьевъ, Е. А.** Философск. очерки. Кн. IX, стр. 231.
- Стратоновъ, Ем.** Настоящее состояніе средней школы и средства ея возрожденія. Кн. XI, стр. 310.
- Тихомировъ, Д. И.** „Законы Воиѣ“ и „ученіе человѣческое“. Кн. IX, стр. 235.
- Фихте.** Назначеніе человѣка. Пер. подъ ред. Лоссаго. Кн. IV, стр. 87.
- Фишеръ, Куно.** Исторія новой философіи. Въ восьми томахъ. Кн. XI, стр. 309.
- Челпановъ, Г., проф.** Введеніе въ философію. Кн. IV, стр. 86.
- Учебникъ психологіи. Кн. VII, стр. 185.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

- Александровскій, А. Н.** Дома и за границей. Рассказы. Кн. XI, стр. 291.
- Амари.** Стихотворенія. Кн. XI, стр. 299.
- Арцыбашевъ, М.** Рассказы. Т. II. Кн. X, стр. 258.
- Вальмонтъ, К. Д.** Стихотворенія. (Дешевая бібліотека т-ва „Знаніе“.) Кн. XI, стр. 296.
- Беме, М.** Дневникъ папши. Кн. VIII, стр. 203.
- Бергстрёмъ, Яльмаръ.** Инггоръ и К°. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Переводъ А. и П. Гаязевъ. Кн. XI, стр. 294.
- Благодушная, Софія.** Какъ огу пошелъ въ народъ. Кн. II, стр. 35.
- Васильевъ, А. К.** Друзьямъ, това-

- рицахъ, любителямъ стиховъ. Кн. I, стр. 3.
- Ватсонъ, М.** Стихотворенія. Кн. IX, стр. 222.
- Верхарнъ, Эмиль.** Стихи о современности. Въ переводъ *Валеріи Бросова*. Книгоизд. „Скорпионъ“. Кн. VII, стр. 174.
- Збѣр. Пер. А. Воротникова и С. Шамбинаго. Кн. XII, стр. 328.
- Владими́рова, Е.** Изъ женской жизни. Повѣсти и рассказы. Кн. XI, стр. 292.
- Волковъ, Евг.** Рассказы. Т. I. Кн. II, стр. 33.
- Гюнсмандъ, Ж. К.** Наоборотъ. Кн. X, стр. 259.
- Галина, Г.** Прехравайтныя пѣсни. Кн. XI, стр. 298.
- Гильдебрандтъ, И.** Ома Минцеръ. Драма въ 5 д. Кн. II, стр. 37.
- Гвѣдичъ, П. П.** Песни мухи. Кн. I, стр. 1.
- Госмансталъ, Гуго.** Драмы. Пер. *Сергия Орловскаго*. Кн. VII, стр. 173.
- Джованноли, Спартакъ.** Романъ изъ римской жизни. Изданіе 3-е. Кн. XI, стр. 296.
- Добролюбовъ, Александръ.** Изъ книги невидимой. Кн. I, стр. 2.
- Драхманъ, Гильгеръ.** Тисяча одна ночь. Драма-сказка. Кн. I, стр. 4.
- „Жемчужное ожерелье“. Сказка Кавказа. Собраи и илож. В. А. Гатцуковъ. Кн. IV, стр. 86.
- Ибсенъ, Генрикъ.** Полное собраніе сочиненій. Пер. Гавзеиъ. Т. II. Кн. VII, стр. 173.
- Измайловъ, А. А. (Смоленскій).** Осеня мертвой цвѣты западальне. Рассказы. Кн. II, стр. 34.
- Измайловъ, В. К.** Одинокіе. Рассказы. Кн. XII, стр. 330.
- Изъ современныхъ настроеній. Рассказы и очерки. Перев. А. Ф. Л. Кн. VI, стр. 150.
- Ковалевская, Софія.** Нигилистка. Ром. изъ эпохи 60—70-хъ гг. Кн. VIII, стр. 201.
- Косарь (Гр. Кайзерманъ), Басиъ.** Кн. X, стр. 262.
- Кравчинскій, С. М.** Андрей Кожуховъ. Романъ изъ эпохи 70-хъ годовъ. Книгоизд. „Колоколъ“. Кн. VI, стр. 150.
- Лазаревскій, В.** Повѣсти и рассказы. Кн. IX, стр. 223.
- Ленау, Николай.** Фаустъ. Поэма. Перев. Ан. Анютина. Кн. IX, стр. 221.
- Литературно-художественный сборникъ. Въ пользу еврейскихъ дѣтей, осиротѣвшихъ и обездоленныхъ во время октябрьскаго погрома въ Одессѣ. Кн. X, стр. 260.
- Мазепинъ, Евгений.** Волоостной псарь. Кн. VII, стр. 177.
- Малкъ.** Литературно-публицистич. сборникъ. № 1. Изд. А. Лугового. Кн. IX, стр. 222.
- Милитчъ, Ел.** На досугѣ. Очерки и рассказы. Кн. VII, стр. 176.
- Михайловъ, Н. М.** Стихотворенія. Кн. XII, стр. 331.
- Мошинъ, Алексѣй.** Штрихи и настроенія. Вторая книга. Кн. XI, стр. 293.
- На сабарскія темы. Сборникъ въ пользу томскихъ воскресныхъ школъ и Гоголевскаго народнаго дома. Подъ редакц. М. Н. Соболева. Кн. II, стр. 38.
- Новакъ, М. М.** Передъ бурей. Драма въ 5-ти дѣйств. Кн. IX, стр. 227.
- Оболенская, Э. Н.** Къ свободѣ и свѣту. Стихотворенія. Кн. VII, стр. 176.
- Обуховъ, Сергѣй.** Не въ моготу. Рассказъ изъ крестьянск. жизни. Кн. XI, стр. 296.
- Омулевскій (И. В. Федоровъ).** Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. П. В. Быкова. Кн. X, стр. 262.
- По, Эдгаръ.** Собраніе сочиненій въ перев. съ англ. К. Д. Баммонна. Т. II. Кн. V, стр. 121.
- Подъ краснымъ знаменемъ. Сборникъ свободныхъ пѣсенъ. Вып. I—II. Кн. II, стр. 33.
- Поспѣловъ, С. А.** Золото. Кн. VII, стр. 178.
- Поярковъ, Николай.** Солнечныя пѣсни. Кн. XII, стр. 331.
- Пѣсна свободи. Кн. II, стр. 33.
- Рунова, О.** Утренничан и другіе рассказы. Кн. IX, стр. 225.
- Русскій.** Думы и пѣсна. Кн. II, стр. 36.
- Сборникъ книгоиздательства „Набатъ“. Кн. VI, стр. 149.
- XI** сборникъ т-ва „Знаніе“. Кн. X, стр. 257.
- XII** сборникъ т-ва „Знаніе“. Кн. XII, стр. 327.
- Свободныя стихотворенія Пушкина, Лермонтова и друг. Изданіе Дубровскаго. Кн. II, стр. 83.
- Сергѣевъ-Ценскій, С. Садъ.** Рассказъ. Кн. XII, стр. 330.
- Собраніе стихотвореній декабристовъ. Т. I. Кн. III, стр. 61.
- Собраніе сочиненій и переписка К. Ф. Рыльева. Кн. III, стр. 61.
- Соловьевъ, К. К.** Родное село. Бытъ, нравы, обычай и повѣрья. Кн. IX, стр. 225.
- Сологубъ, Федоръ.** Роднѣй. Стихи. Книга пятая. Кн. XI, стр. 297.
- Степнякъ, С. (Кравчинскій).** Штувальстъ Павелъ Руденко. Романъ. Кн. VIII, стр. 197.
- Домикъ на Волгѣ. Повѣсть. Кн. I, стр. 262.
- Съверцевъ - Полиловъ, Г. Т.** Подъ трапезелью и играми... Рассказъ изъ русско-японск. войны. Кн. I, стр. 1.
- Тепловъ, А.** Современныя сказки. басн. Вып. I. Кн. I, стр. 3.
- Тылова, К.** Балдушкины. Рассказъ изъ манчжурской эпохи. Кн. XII, стр. 322.

Фигнеръ, В. Н. Стихотворенія. Кн. VIII, стр. 202.
Франсъ, Ан. 1) Разсказы. 2) Подъ старымъ язамъ. Кн. X, стр. 260.
Швейхель, Робертъ. За свободу. Ром. Сокращ. пер. Аносовой. Кн. VIII стр. 197.
 Японская антологія. Пѣсни ста поэтовъ. Кн. X, стр. 263.

ИСТОРИЯ. — ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. — АРХЕОЛОГИЯ. — БИОГРАФИИ. — МЕМУАРЫ.

Аваловъ, Э. Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней. Политическое изслѣдованіе. Кн. X, стр. 275.
Айхенвальдъ, Ю. Силуэты русскихъ писателей. Вып. I. Кн. XI, стр. 342.
Акимовъ-Махновецъ, В. Очеркъ развитія социалъ-демократіи въ Россіи. Кн. V, стр. 125.
Андреевъ, М. Н. Германія въ 48-мъ году. Кн. I, стр. 14.
Бахъ, Макс. Австрія въ первую половину XIX в. Кн. I, стр. 16.
Берлинъ, Я. А. Исторія книги. Культурно-историч. очеркъ. Кн. IX, стр. 238. — Великая семья человечества. Книга четвертая. Кн. X, стр. 274.
Вандаль, Альбертъ. Возвышеніе Бонапарта I. Происхожденіе брѣммерскаго консулства. Конституція III-го года. Пер. Журавской. Кн. I, стр. 13.
Васкевичъ, П. Очеркъ быта японцевъ въ Приамурскомъ краѣ. Кн. I, стр. 9.
Венгеровъ, А. С. Эпоха Бѣльскаго. Кн. I, стр. 11.
Венгерова, Зин. Литературныя характеристики. Книга вторая. Кн. IX, стр. 239.
Волкенштейнъ, Л. А. 13 гѣтъ въ Шлессбургской крѣпости. Кн. II, стр. 44.
Готье, Ю. Замосковский край въ XVII в. Опытъ изслѣдованія по исторіи экономическаго быта Москов. Руси. Кн. IX, стр. 236.
Дейчъ, Л. Г. 16 гѣтъ въ Сибири. Ч. I. Кн. IV, стр. 96.
Декабристы. Изданіе М. М. Зензинова. Кн. VI, стр. 162.
Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И. Декабристы въ Зап. Сибири. Историч. очеркъ. Кн. I, стр. 9.
Довнаръ-Запольскій, М. В. Веревина и разрубная книги сѣвернаго края. Кн. III, стр. 68.
Драгомановъ, М. П. М. А. Бакунина. Критико-біографическій очеркъ. Кн. IV, стр. 96.
Иконниковъ, В. С. Крестьянское движеніе въ Киевской губ. въ 1826—27 гг.,

въ связи съ событіями того времени (по архивнымъ матеріаламъ). Кн. V, стр. 127.
Ковалевскій, М. М., проф. Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ революціи. Кн. I, стр. 15.
Лозинскій, С. Революція 1848 г. въ Венгрии. Кн. XII, стр. 337.
Левъ Николаевичъ Толстой. Биографія. Т. I. Сост. Бирюкова. Кн. XI, стр. 342.
Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій, его жизнь, творенія, письма и статьи. Подъ ред. В. В. Стасова. Кн. XII, стр. 337.
Марксъ, Карлъ. Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г. Кн. I, стр. 15.
Материалы для исторіи дѣлопроизводства помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣду въ XVII вѣкѣ, собранные В. Н. Сторожескимъ. Вып. I, Кн. III, стр. 70.
Никитенко, А. В. Записки и Дневникъ. Т. I—II. Кн. I, стр. 6.
Николаевъ. Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ. Кн. IV, стр. 97.
Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в. Т. I. Декабристы: фортъ-Визитъ, кн. Е. Оболенскій и бар. Штейнгель. Кн. I, стр. 12.
Пантелъевъ, Л. Ф. Изъ воспоминаній прошлаго. Кн. I, стр. 8.
Панкратовъ, В. Жизнь въ Шлессбургской крѣпости. Книгоизд. „Молодая Россія“. Кн. V, стр. 124.
Первовъ, П. Д. Изъ исторіи Геродота. Перомъ Египтяне. Склепа. Чтеніе для юношества и для самообразованія. Кн. XII, стр. 336.
Письмо В. Бѣльскаго къ Н. Гоголю. 1) Подъ ред. Венгерова. Кн. I, стр. 11. 2) Изд. Яковенко. Кн. IV, стр. 96.
Плехановъ, Г. В. Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи (по личн. воспомин.). Изд. „Пролетаріатъ“. Кн. VI, стр. 162.
Поповъ, А. Н. Отечественная война 1812 г. Т. I. Кн. I, стр. 12.
Поливановъ, П. I) Алексѣевскій развѣлъ. Отрывокъ изъ воспоминаній. 2) Кончидся. Разсказъ. Кн. V, стр. 124.
Процессъ 1-го марта 1881 г. Изд. Балашова.—Дѣло 1-го марта. Изд. книгоизд. „Свободный трудъ“. Кн. III, стр. 67.
Процессъ декабристовъ. Изд. Малинина.—Декабристы. Изд. Саблина. Кн. III, стр. 67.
Роэновъ, Эмиль. Томасъ Мюндеръ. Кн. I, стр. 15.
Русскій біографическій словарь, изд. подъ наблюд. А. А. Половцова. Т. 8—11. Кн. II, стр. 41.
Сватиковъ, С. Г. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895 гг.). Кн. V, стр. 126.
Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Ч. II. Кн. X, стр. 277.
Скартаццини, I. Данте. Пер. Введенской. Кн. X, стр. 278.

- Смоленскій, Ильѣ.** Исторія какъ наука и какъ предметъ преподаванія. (Переоцѣнка историческихъ знаній.) Историко-методологич. вступл. Вып. I. Кн. XII, стр. 334.
- Старина и Новляна.** Кн. X.—Кн. I, стр. 16.
- Стасовъ, В. Н. Н. Ге,** его жизнь, произведенія и переписки. Кн. II, стр. 43.
- Стѣпнякъ, С.** Подпольная Россія. Кн. III, стр. 64.
- Стороженко, Н. И.** Кирядло-мееодіевскіе заговорщики. Кн. X, стр. 275.
- Труды XII археологическаго съѣзда** въ Харьковѣ. Т. I—III. Кн. III, стр. 69.
- Тунъ, А.** Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. Кн. III, стр. 64.
- Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Пер. съ нѣм. похр. ред. и съ прим. Шишко. Книгоизд. „Земля и Воля“ и „Донской Рѣчь“. Кн. VI, стр. 162.
- Успенскій, А. И.** Представленіе объ учрежденіи законодательной, судительной и наказательной власти въ Россійской Имперіи. Сочиненіе С. Е. Десницкаго. Кн. IV, стр. 95.
- Флетчеръ.** О государствѣ русскомъ. Кн. III, стр. 65.
- Циллиакусъ, Кони.** Революціонная Россія. Возникновеніе и развитіе революціоннаго движенія въ Россіи. Перев. Жихаревой. Кн. X, стр. 276.
- Шишко, А.** 1) Рассказы изъ русской исторіи. Ч. I—II. 2) Рассказы изъ русской исторіи. Николай I, Александръ II. Кн. V, стр. 126.
- КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА.**
- Арнольди, С. С.** Кому принадлежитъ будущее. Кн. IV, стр. 88.
- Баженовъ, Н.** Психологія казненныхъ. Кн. XI, стр. 303.
- Вебель, А.** 1) Очерки по женскому вопросу. Женщина и социализмъ. 2) Будущее общество. 3) Академики и социализмъ. Кн. II, стр. 40.
- Вобриковъ, Г. И.** Наброски изъ общественной жизни. Кн. X, стр. 267.
- Вѣлконскій, И. П.** Отъ деревни до парламента. Роль земства въ будущемъ строѣ Россіи. Кн. XI, стр. 306.
- Веревкинъ.** Страничка изъ дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Аргура. Кн. XI, стр. 302.
- Вересовъ, Л.** Подвиги русской женщины. Страница изъ исторіи общественнаго движенія. Кн. XI, стр. 301.
- Владиміровъ, В. Марія** Спиридонова. Кн. XI, стр. 302.
- Владиміровъ.** Карательная экспедиція отряда лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка въ декабрьскіе дни на Моск.-Кавказск. ж. д. Кн. VIII, стр. 205.
- Волкенштейнъ, П. А.** 13 дѣтъ въ Шляссельбургской крѣпости. Съ предислов. Засулцк. Книгоиздат. „Новый міръ“. Кн. VIII, стр. 206.
- Болодинъ, В.** Народная школа и рабочій классъ. Кн. XII, стр. 334.
- Въ каменномъ мѣшкѣ.** Надгробное слово. Воспоминанія политическаго каторжаника. Кн. XI, стр. 300.
- Гессенъ, Ю. И.** Евреи въ Россіи. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русскихъ евреевъ. Кн. VI, стр. 154.
- Гиляровъ-Платоновъ, Н. П.** Вопросы вѣры и церкви. Т. II. Кн. IX, стр. 229.
- Городскія учрежденія Москвы,** основанныя на пожертвованія и капиталы, пожертвованные московскому городскому общественному управленію въ теченіе 1863—1904 гг. Кн. XI, стр. 306.
- Граціановъ, Н.** Народные университеты въ Западной Европѣ, Сѣверной Америкѣ и въ Россіи. Кн. VIII, стр. 207.
- Грушевскій, Мих., проф.** Управленіе въ Россіи, его запросы и нужды. Кн. VII, стр. 181.
- Дебогорій-Мокривичъ, Вл.** Воспоминанія. Кн. XII, стр. 332.
- Демченко, Я.** Правда для украинифильствъ. Кн. VII, стр. 179.
- Дѣло 1 марта.** Прощень Желябова, Перовской, Михайлова, Кабальчича, Гельфманъ и Рысакова. Полный правительствен. отчетъ. Кн. X, стр. 286.
- Живнъ лейтенанта Шмидта.** „Правовая казнь“. Кн. XI, стр. 302.
- Ждановъ, Сергѣй.** Три мѣсяца „въ одиночѣ“. Кн. IV, стр. 91.
- Карлъ Марксъ** перекъ судомъ присяжныхъ въ Кельнѣ. Кн. VIII, стр. 204.
- Кеннанъ Джорджъ.** Сибирь. Перев. съ нѣм. Изд. Пирожкова. Кн. VI, стр. 155.
- Петропавловская крѣпость и русскіе государственные преступники. Изданіе „Всемирнаго Вѣстника“. Кн. VI, стр. 155.
- 1) Сибирь и ссылка. Изд. книгоизд. „Лучъ“. 2) Тюрмы въ Россіи. Издан. Общед. библ. для всѣхъ“. 3) Жизнь политическихъ арестантовъ въ русскихъ тюрьмахъ. Издан. Балашова. Кн. IV, стр. 90.
- 1) Сибирь и ссылка. Изд. Распопова. 2) Сибирь и ссылка. Издан. Скурать. 3) Сибирь и ссылка. Издан. „Логосъ“. 4) Сибирь. Т. II. Издан. Пирожкова. 5) Сибирь и ссылка. Очерки изъ жизни политич. ссыльныхъ. Т. II. Кн. IX, стр. 229.
- Климовъ.** Расправы и расстрѣлы. Кн. VIII, стр. 205.
- Кольцовъ, И. К.** Памяти павшихъ. Жертвы изъ среды московскаго студенчества въ октябрьскіе и декабрьскіе дни. Кн. XI, стр. 302.
- „Кругъ чтенія“. Избранныя, собранныя

и расположены на каждый день Львомъ Толстымъ мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи. Изд. „Посредняка“. Т. I. Кн. V, стр. 123.

Кудринъ, Н. Е. (Н. С. Русановъ). Галерея современныхъ французскихъ знаменитостей. Книгоизд. „Русск. Богатство“. Кн. VIII, стр. 204.

Кунчинскій. Въ японской неволѣ. Кн. XI, стр. 302.

Къ введенію на Кавказѣ земскаго самоуправления. Сборникъ матеріаловъ. Состав. кн. Г. Тумаковымъ. Кн. I, стр. 4.

Ларенко. Страдные дни Портъ-Артура. Кн. XI, стр. 302.

Луи, Поль. Будущее социализма. Книгоизд. „Дѣло“. Кн. X, стр. 264.

Мельшинъ, Л. (П. Ф. Якубовичъ). Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Т. II. Изд. 3-е. Кн. VII, стр. 178.

„Миръ Труда“. Сборникъ изъ семи брошюръ по женскому вопросу. Кн. VI, стр. 152.

Моръ Томасъ. Утопія. Перев. съ лат. А. Г. Генкель при участіи Н. А. Макшеевой. Кн. X, стр. 270.

Москва въ декабрѣ. Изд. Кохманскаго. Кн. VIII, стр. 205.

Мытарь Іуда. 1) Что такое приказчикъ. 2) Какъ облегчить старость приказчиковъ. Кн. V, стр. 122.

Мягкова, К. О положеніи народныхъ учителей въ связи съ экономическимъ значеніемъ народнаго образованія и постановкой послѣдняго въ Россіи. Кн. I, стр. 5.

М—инъ, С. П. Дѣло М. А. Спиридоновой. Кн. XI, стр. 302.

Ножинъ, Е. К. Правда о Портъ-Артурѣ. Кн. XI, стр. 302.

Обнинскій, В. Полгода русской революціи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи русской революціи (октябрь 1905 г., апрѣль 1906 г.). Вып. I. Кн. X, стр. 266.

Озеровъ, Ив., проф. Земское обложение и въ чемъ должна состоять его реформа. Кн. XI, стр. 305.

Оленовъ, Мих. Идеология русскаго буржуа. Кн. X, стр. 265.

Опалихинскій, А. Торговецъ-идеалистъ. Кн. IV, стр. 95.

Перрисъ, Д. Шонеры русской революціи. Кн. VIII, стр. 206.

Плехановъ, Г. Генрихъ Ибсенъ. Кн. XI, стр. 304.

Покровский, В. И. Женъ декабристовъ. Сборникъ историко-бытовыхъ статей. Кн. XI, стр. 301.

Противъ смертной казни. Сборникъ. Кн. VI, стр. 151.

Пругавинъ, А. С. Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1889—1899 гг. Кн. VI, стр. 155.

Самодержавіе и печать въ Россіи. Библиотечка „Свѣточа“. Кн. VI, стр. 152.

Сочиненія А. И. Герцена и переписка съ Н. А. Захарьиной. Т. I—VII. Кн. II, стр. 39.

Стопневичъ, А. Д. Процессъ 193-хъ. Кн. XI, стр. 301.

Революціонные силуеты. Первомагтовцы. Изд. Балашова. Кн. X, стр. 269.

Рейснеръ, М. А., проф. Русскій абсолютизмъ и европейская реакція. Кн. IX, стр. 228.

Рудольфъ, Н. Ф. Значеніе начальной школы въ распространеніи доступнаго промышленнаго образованія. Кн. IV, стр. 93.

Рязановъ, Н. Группа „Освобожденіе труда“. Кн. IV, стр. 90.

Танъ, Новое крестьянство. Кн. IV, стр. 88.

Тепловъ, П. Исторія якутскаго протеста. „Дѣло Романовцевъ“. Кн. X, стр. 269.

Трейманъ, Р. Тираборцы. Кн. XI, стр. 305.

Тумановъ, Г. М. Характеристики и воспоминанія. Кн. вторая. Кн. IV, стр. 92.

Фаресовъ, А. И. Въ одиночномъ заключеніи. Кн. IV, стр. 91.

Шереметевъ, П., графъ. Записки. Кн. I, стр. 5.

Щепкинъ, М. П. Общественное самоуправленіе въ Москвѣ. Проектъ городского Положенія. Кн. XI, стр. 308.

Эльцбахеръ, П. Анархизмъ. Изложеніе ученій: Годвина, Прудона, М. Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тукера, Л. Толстого. Перев. съ нѣмецк. Р. Стрѣльцова. Кн. X, стр. 267.

Эристовъ - Шарвашидзе, Н., д-ръ. Памятная записка о нуждахъ грузинскаго народа, съ картой Грузіи. Кн. V, стр. 123.

Н. И. Князьичъ. Изд. Распопова. Кн. X, стр. 269.

С. Л. Перовская. Изд. Распопова. Кн. X, стр. 269.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. — СТАТИСТИКА.

Алибеговъ, И. Жилищныя условія рабочихъ Чернаго города. Кн. II, стр. 49.

Альбомъ картограммъ и диаграммъ по производству, продажѣ и потребленію вина и пива. Изд. главнаго управлен. окладн. сборовъ и казенной продажи питей. Кн. V, стр. 131.

Колобаевъ, В. П. Забастовки и заработная плата. Кн. III, стр. 72.

Сводъ свѣдѣній о дѣятельности потребителей общества въ Россіи вообще и за 1903 г. въ частности. Составилъ В. Ф. Тотомицъ. Кн. II, стр. 49.

Скаржинскій, Л. Забастовки и рабочія союзы. Кн. II, стр. 49.

Страхованіе рабочихъ. Отдѣлъ першій. Страхованіе на случай болѣзни въ Гер-

манія и въ Австріи. Обработано фабрич. ревью. Дементьевымъ. Кн. IV, стр. 99.

Статистическій ежегодникъ Тверской губ. за 1903—1904 гг. Вып. II. Кн. IV, стр. 99.

Статистика краткосрочнаго кредита. Операция акціонерныхъ банковъ коммерческаго кредита въ 1894—1900 гг. Подъ ред. Голубева. Кн. IV, стр. 100.

Статистическое бюро таурического губернскаго земства. Сборникъ по школьной статистикѣ. Вып. II. Кн. V, стр. 133.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Влиновъ, И. Губернаторы. Историко-юридическій очеркъ. Кн. V, стр. 133.

Воржю, Ш. Учрежденіе и пересмотръ конституцій. Пер. подъ ред. Кокошкина. Кн. II, стр. 45.

Кассо, Л. А., проф. Русское поземельное дѣло. Кн. IX, стр. 241.

Качоровскій, К. Народное право. Кн. VIII, стр. 209.

Къ реформѣ государственнаго строя. Россія. Вып. I. Системы избр. права Западной Европы и Северо-Американ. Соедин. Штатовъ. Перев. подъ ред. проф. Соболева. Кн. II, стр. 48.

Менгеръ, А. 1) Право на полный продуктъ труда. 2) Новое ученіе о государствѣ. 3) Новое ученіе о правдивости. Кн. IV, стр. 101.

Михайловскій, И. В. Основные принципы организаціи уголовного суда. Кн. X, стр. 279.

Романовскій, В. Е. Государственныя учрежденія древней и новой Россіи. Кн. II, стр. 46.

Сборникъ программъ политическ. партій. Съ пред. Воловозова.—Полный сборн. платформъ всѣхъ русскихъ политическихъ партій. Кн. II, стр. 47.

Современныя конституціи. Сборникъ дѣствующихъ конституціонныхъ актовъ. Т. I. Конституціонныя монархіи. Кн. II, стр. 44.

Трусевичъ, X. И. Къ реформамъ въ Россіи. I. Новая схема высшихъ государственныхъ учреждений. II. Новая форма законодательнаго учрежденія. Кн. IX, стр. 242.

Штиглицъ, А. Италия и тройственный союзъ. Кн. X, стр. 281.

ГЕОГРАФІЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Пири, Р. По большому льду къ северу. Кн. VI, стр. 165.

Садовниковъ, Д. Наши землепродукты. Разсказы о заселеніи Сибири. Кн. VIII, стр. 211.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.—МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Адамантовъ, Д. Краткая исторія развитія математическихъ наукъ съ древнѣйшихъ временъ и исторія первоначальнаго ихъ развитія въ Россіи. Кн. II, стр. 52.

Вуткевичъ, А. Самоучитель пчеловодства. Общедоступное руководство для пчеловодовъ-практиковъ. Кн. IX, стр. 245.

Вълявинъ, Л. П. Начальный курсъ физики и механики. Кн. II, стр. 52.

Иллюстрированный техническій словарь на шести языкахъ: нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ, русскомъ, итальянскомъ и испанскомъ. Обработанный по особому методу инженер. Дейгагартонъ и Шломаномъ. Т. I. Кн. IX, стр. 245.

Келлеръ, К., проф. Жизнь моря. Животный и растительный міръ, его жизнь и взаимоотношеніе. Перев. П. Шмидта. Изд. 2-е. Кн. IX, стр. 244.

Коноваловъ, М. Практическія занятія по общей химіи. Состав. по Рамсэю („Библиотека для самообразованія“). Кн. VIII, стр. 212.

Крапивинъ, С. Г. Энергія и ея превращенія. Кн. V, стр. 135.

Ремсенъ, И. Введеніе въ наученіе химіи (неорганическая химія). Перев. подъ ред. М. И. Коновалова. Изд. 2-е. „Библиотека для самообразованія“. Кн. VIII, стр. 212.

Ройтманъ, Дм. Значеніе математики, какъ науки и какъ общеобразовательнаго предмета. Кн. IX, стр. 246.

Серре. Дополненіе къ „Теоріи круговыхъ функций“. Пер. М. В. Пирожкова. Кн. IX, стр. 247.

Успѣхи физики. Сборникъ статей о важнѣйшихъ открытіяхъ послѣднихъ лѣтъ въ общедоступномъ изложеніи. Издан. „Mathesis“. Кн. IV, стр. 101.

Холодковскій, Н. Учебникъ зоологіи и сравнительной анатоміи для высшихъ учебныхъ заведеній. Кн. IX, стр. 244.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Ежегодникъ русскихъ сельско-хозяйственныхъ опытныхъ учреждений. Вып. IV. Ч. I. Кн. I, стр. 18.

Клингенъ, И. Воздѣлываніе кормовыхъ растений и польза отъ нихъ. Части I, II, III. Кн. VIII, стр. 213.

Марголюсъ, А. М. Горный инженеръ. Соляные промыслы Закавказья, въ прошлое, современное состояніе и возможное будущее. Кн. V, стр. 135.

Окуличъ, I. К. Молочное дѣло. Кн. VIII, стр. 214.

- Отоцкий, П.** 1) Грунтовая вода, ихъ происхождение, жизнь и распределение. 2) Грунтовая вода и дѣса, преимущественно на равнинахъ среднихъ широтъ. Кн. I, стр. 19.
- Поповъ, Ив.** Скотоводство. Кн. I, стр. 18.
- Слезкинъ, П.** Агрономъ - практикантъ въ хозяйствахъ. Кн. I, стр. 17.
- Смирновъ, Алексѣй.** Что сдѣлали сельско-хозяйственные оумы на Западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ. Кн. I, стр. 17.
- Труды 2-го сѣзда дѣятелей по сельско-хозяйственному опытному дѣлу.** Ч. II. Кн. I, стр. 18.

ИСКУССТВО.

- Долгова, Е.** (состав.). Флоренція. Картинныя галлерей. II. Галлерей Пятти, академія художествъ, музей С. Марко и др. Кн. VI, стр. 163.
- Маргилъберъ, О.** Альбрехтъ Дюреръ. Критическая біографія. Кн. IV, стр. 102.
- ерцовъ, П.** Венеція. Кн. III, стр. 70.
- Русскій музей императора Александра III.** Живопись и скульптура. Сост. баронъ Н. Врангель. Т. I и II. Кн. IX, стр. 240.
- Шлютеръ, Іосифъ.** Обзорніе всеобщей исторіи музыки. Перев. съ нѣм. и прилож. „Очеркъ музыки въ Россіи“ В. В. Бесселя. Изд. 2-е. Кн. V, стр. 129.

УЧЕБНИКИ. — ПОСОВІЯ. — КНИГИ ДЛѢ ДѢТЕЙ.

- Алтаевъ, А.** Подъ знаменемъ башмака. Историч. повѣсть изъ XVI в. Кн. XI, стр. 314.
- Библиотека Горбунова-Посадова для юношества.** Бѣлое перо и др. легенды. Кн. I, стр. 21.
- Библиотека Горбунова-Посадова.** Другъ животныхъ. Гуманитарно-зоологическая хрестоматія. Сост. Горбуновъ-Посадовъ и Лукьянская. Кн. III, стр. 74.
- Библиотека для семьи и школы.** *А. Алтаевъ.* Разказы о маленькихъ людяхъ. Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе“. Кн. V, стр. 140.
- Библиотека для семьи и школы.** (Издан. „Дѣтск. Чтенія“ 1) *А. Алтаевъ.* Въ новый міръ. 2) *Я. А. Берлинъ.* Великая семья человечества. Кн. 1 — 3. 3) *Ив. Блюзоусъ.* Росника. — Родной уголокъ. Кн. VII, стр. 189.
- Библиотека нашихъ дѣтей.** О. Н. Половой. *Д. Сеифтъ.* Путешествіе Гулливера въ страну великутовъ. Кн. VII, стр. 138.
- „Библиотека Юнаго Читателя“.** *Березинъ, Н.* Страна граната и озеръ (Финляндія). Кн. VIII, стр. 214.
- „Библиотека Юнаго Читателя“.** Томасъ Альва Эдисонъ, его жизнь и изобрѣтенія. Кн. VIII, стр. 215.

- Бобинъ, С. П.** Краткій курсъ географіи. Изд. 2-е. Кн. III, стр. 75.
- Вось, А.** Элементарная алгебра. Кн. III, стр. 75.
- Вейнбергъ, Л. О.** Новая русская хрестоматія. Ч. I и II. Изд. 2-е. Кн. VII, стр. 190.
- Владимірскій, И.** (состав.). Знаки препинанія. Руководство къ употребленію знаковъ препинанія въ русской письменной рѣчи. Кн. VII, стр. 189.
- Воиновъ, А.** Сборникъ ариметическихъ задачъ съ приложеніемъ краткихъ свѣдѣній изъ ариметики. Курсъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I и II. Кн. IX, стр. 249.
- Волковскій, Д. Л.** Собраніе ариметическихъ упражненій для гимназій и реальныхъ училищъ. Кн. VII, стр. 191.
- Герхеръ, В.** Учебникъ элементарной геометріи. Вып. I. Кн. X, стр. 285.
- Горожанскій, Я. И.** Орфографическая тетрадь, №№ 1, 2, 3 и 4. Пособіе для самостоятельнаго изученія дѣтми элементарнаго правописанія. Кн. X, стр. 283.
- Дворниковъ, П.** Краткій курсъ исторіи русской литературы. Кн. I, стр. 20.
- Дрентельнъ, Н. С.** Начальная физика. Кн. IV, стр. 107.
- Дѣтскій театръ, предлагаемый похъ ред. П. Новица.** № 2. Работникъ Шабарша. Сказка въ 1-мъ дѣйствіи. Сочин. Ю. Кн. VII, стр. 167.
- Жизнь поэта-крестьянина, С. Д. Дрожжина,** описанная имъ самимъ, и избранныя стихотворенія. Кн. I, стр. 21.
- Извольскій, Н. А.** Ариметика. Ч. I и II. Кн. II, стр. 55.
- Іензенъ, В.** Густавъ Ваза, освободитель Швеціи. Историческая повѣсть. Пер. Ал. Острогорской. Кн. V, стр. 138.
- Казанскій, В.** 1) Конспектъ русской этимологіи для младшихъ классовъ духовно-учебныхъ заведеній. 2) Учебникъ русскаго синтаксиса, составленный примѣнительно къ программѣ епархіальныхъ женскихъ училищъ. Кн. X, стр. 283.
- Клазентъ и Вахъ.** Сборникъ геометрическихъ задачъ къ элементарной геометріи Герхера. Вып. I. Кн. X, стр. 285.
- Коваленская, А.** Разказы и сказки для дѣтей. Кн. XI, стр. 343.
- Козакъ, А. А.** Собраніе воихъ формулъ по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Кн. XI, стр. 318.
- Колтоновская, Е.** Сборница справляемости (Элиза Ожешко). Кн. XII, стр.
- Кругловъ, А. В.** Царь Свѣтланъ и царевичъ Златокудръ (легенда). Издан. ред. журн. „Мірокъ“. Кн. V, стр. 139.
- Круглый, Д.** На судѣ преподавателей русскаго языка. Кн. X, стр. 284.
- Лондонъ, Джекъ.** Дикая сила. Пер. Рубиновой. Кн. I, стр. 22.

Любинъ, В. П. На зарѣ. Сборникъ разсказовъ. Кн. VII, стр. 188.

Львовъ, А. К. Пѣсни горькой доли. Стихотворенія. Кн. XI, стр. 315.

Межеричеръ, П. И. Учебникъ геометріи. Кн. VIII, стр. 217.

— Общественный курсъ машиностроительнаго черченія съ подготовит. курсомъ начальнаго черченія. Кн. XI, стр. 317.

Мельгуновъ, П. Что такое исторія? Кн. IV, стр. 108.

Менжинская, Ю. Францискъ Пизарро и завоеваніе Перу. Кн. XII, стр. 339.

Назарова, Ю. Систематическій курсъ начальной географіи, популярно изложенный для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для городскихъ школъ и вечернихъ классовъ. Кн. IX, стр. 248.

Нечаевъ, А. П. Между огнемъ и льдомъ. Очерки и картины изъ жизни земли. Кн. VI, стр. 166.

Общедоступная библиотечка Горбунова-Посадова для семьи и школы. Вып. III. Путешествіе по Сахаръ. По Врему сост. С. Портыцкій; вып. V: Воздушные путешествіи. С. Портыцаю. Кн. V, стр. 139.

Око, Викторъ. Среди лязгрой. Биографич. разсказъ. Кн. XII, стр. 342.

Пашковскій, Н. А. (состав.). Полное руководство для управленія волшебныхъ фонаремъ. Кн. VIII, стр. 218.

Пианци, Адрианна. Затонувшій корабль. Кн. III, стр. 73.

Постниковъ, А. П. Элементарный курсъ электротехники. Издан. 2-е. Кн. VIII, стр. 216.

Рамзевичъ, Н. К. Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ. Кн. XI, стр. 317.

Россиевъ, Павелъ. Стрѣла друга. Сказка. Кн. XI, стр. 315.

Русова, С. Пѣвецъ и мученикъ свободы. К. Рыльевъ. Кн. XII, стр. 339.

Рубакинъ, П. А. Воля Аллаха или Абдул, Абдул и еще Абдул. Кн. XII, стр. 340.

Сабинаина, М. Донсторическій человекъ. Кн. XI, стр. 316.

Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX в. Кн. VI, стр. 167.

Сандомирскій, Э. Сборникъ упражненій по арифметикѣ. Ч. I и II. Кн. II, стр. 55.

Сатаровъ, В. Н. Родные посѣвы. Третья книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Кн. X, стр. 284.

— Задачи, планы, темы, статьи и рюонія для упражненій въ письменномъ изложеніи мыслей. Кн. IX, стр. 248.

Сиповскій, В. В. 1) Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. I, вып. I и т. III. 2) Исто-

рія русской словесности. Ч. I. вып. I. Народная словесность. Кн. I, стр. 19.

Степановъ, П. П. Учебникъ космографіи. Состав. по программѣ женскихъ гимназій В. У. И. М. и женск. духовн. учил. Кн. X, стр. 285.

Сурю, М. Лицейскій сторожъ. Перев. А. В. Погосевой. Кн. III, стр. 74.

Телле, П. Изъ жизни удилчаго мальчика. Кн. XII, стр. 339.

Тулуповъ, Н. В. и Шестаковъ, П. М. Новая школа. Ч. I. Первая послѣдъ буква кляга для обученія народному языку въ школахъ и дома. Кн. V, стр. 137.

Флеровъ, А. Дѣтскій другъ. Русский букварь для совместнаго обученія чтенію и письму. Кн. XI, стр. 343.

Чернышевъ, В. Гомонія на христіанъ въ римской Имперіи. Общеизвестные историческіе разсказы. Кн. I, стр. 23.

Шафровъ, И. (состав.). Учебникъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Кн. VIII, стр. 217.

Эригъ, Г., д-ръ. Тригонометрія для техникумовъ-практиковъ и для самообразованія. Пер. Римина. Кн. III, стр. 76.

Abraham, H. Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ, составленный при участіи многихъ физиковъ. Ч. II. Кн. VIII, стр. 216.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

А. П. Какъ жили первые люди и какъ жизнь послѣ измѣнилась. Изд. вятскаго т-ва „Народная бібліотека“. Кн. XI, стр. 320.

Волчанецкая, Е. Н. Іоаннъ Гуттенбергъ и развитіе книгопечатан. Кн. VI, стр. 166.

Изданія „Донской Рѣчи“: 1) Яблоновскій, А. Нухимъ. 2) Костинъ, Ф. Ошибки. 3) Мать. (Съ армяск.) 4) Короленко, В. Г. Чужая. 5) Хватить ли на всѣхъ земля? 6) Либкнехтъ. Пауки и мухи. 7) Царь-голодъ. 8) Какъ нѣкими добыли себѣ свободу. 9) Какъ болгары добыли себѣ свободу. Кн. II, стр. 53 - 54.

Изданія Раппа: 1) Толстой, Л. Н. Тяжелое бремя. 2) Короленко, В. Г. Страстная суббота. Домъ № 13. Яшка. Кн. III, стр. 78.

Изданія „Трудъ и Воля“: 1) Дзеса. Великая крестьянская война. 2) Исаковъ. Изъ русской старины. Бунтъ Стеньки Разина. 3) Захъ, Г. Фердинандъ Лао-саль и его время. 4) Житковъ. О налогахъ. 6) У. В. Какіе нужны порядки. Кн. III, стр. 78.

Изданіе Раппъ: 1) Назимовъ, Ие. Плотные. Очеркъ. 2) Данилинъ, И. Довольно. Кн. V, стр. 140.

Изданія „Посредникъ“: 1) Назимовъ. Въ стѣнахъ. Великая истина. 2) Русова. Павлюкъ. 3) Поступаевъ. Не до-

пель. *Златооратскій*. Деревенскій король. 4) *Горбуновъ - Посадокъ*. Въ Христову ночь и др. стихотвор. 5) *Божьяжизнь*. Счастливый день Дудкина. 6) *Потамина*. Рассказы о бурятахъ. Дорджи, бурятскій мальчикъ. Несчастныя. 7) Сборникъ стихотв. состав. *Горбуновъ-Посадокъ*. Кн. XI, стр. 319.

Жилина - Дьяконова, Е. Царство фараоновъ. Кн. III, стр. 79.

Любичъ-Кошуровъ, I. А. Стрѣй герой (Рядовой Рябовъ). Кн. I, стр. 24.

Ольховскій, В. (оост.). Родныя пѣсни. Кн. I, стр. 23.

Пименова, Э. Иоаннъ Гуттенбергъ и его великое изобрѣтеніе. Біографическ. очеркъ. Кн. I, стр. 23.

Пименова, Э. К. 1) Георгъ Вашингтонъ и война за независимость. 2) Анри Дюналь, другъ раненныхъ. 3) Джонъ Говардъ, другъ заключенныхъ. Біограф. очеркъ. Кн. V, стр. 141.

Эркманъ-Шатрианъ. Исторія одного крестьянина. Кн. IV, стр. 107.

МЕДИЦИНА.

Кабанесъ и Нассъ. Революціонный неврозъ. Перев. съ фр. подъ ред. Коморскаго. Кн. VI, стр. 164.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Аркадьевъ, Е. И. Всеобщее обязательное обученіе народа въ Россіи и за границей. Кн. III, стр. 80.

Карѣва, С. Школьный историческій словарь. Кн. IV, стр. 111.

Отчетъ общества „Помощь“ при вологодской бесплатной библиотекѣ за 5-й годъ его существованія. Кн. III, стр. 81.

Племмеръ, Мари. Руководство для небольшихъ библиотекъ. Кн. I, стр. 24.

Справочная книга учительскихъ обществъ взаимопомощи. Кн. IV, стр. 112.

Что читать народу? Критич. указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Т. III. Составл. при участіи Х. Д. Азчевской. Кн. XI, стр. 321.

ЖУРНАЛЫ.

„Всемирный Вѣстникъ“ 1905 г., №№ 1—12; 1906 г., №№ 1—2. Кн. IV, стр. 113.

„Дѣтское Чтеніе“ 1905 г., №№ 1—12. Кн. I, стр. 25.

„Другъ Дѣтей“ 1905 г., №№ 1—21. Кн. I, стр. 25.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія (апрѣль 1905 г.—апрѣль 1906 г.). Кн. IX, стр. 249.

„Кіевская Старина“ 1905 г., № 7—12. Кн. IV, стр. 113.

„Педагогическій Листокъ“ за 1905 годъ, №№ 1—8. Кн. I, стр. 25.

„Русская Старина“ 1905 г. №№ 1—12; 1906 г. №№ 1—3. Кн. IV, стр. 113.

„Русская Школа“ за 1905 г. и начало 1906 г. Кн. V, стр. 142.

„Семья и Школа“ 1905 г., №№ 1—12. Кн. II, стр. 55.

XXXVIII г. изд. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ XXXVIII г. изд.

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

4 р. 50 к.

безъ пере-
смыки.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

(„ЮНАЯ РОССІЯ“).

5 руб.

съ пере-
смыкой.

Вышла декабрьская книга журнала „Юная Россія“ („Дѣтское Чтеніе“) за 1906 г.

Содержаніе: I. Рождество Христово. Съ картины Корреджіо. На отд. страницѣ. II. Христосъ родился. Стихотвореніе. Павла Россіева. III. Служители правды. Повесть. Окончаніе. Глава XXXI.—Къ своимъ. Глава XXXII.—Призраки прошлаго. Гл. XXXIII.—Въ невѣдомую даль. Маша Шмелева. Съ рисунками художника Н. И. Жичаго. IV. Въ гѣсу. Разсказъ. А. Ваданской. V. Рыцари духа. Стихотвореніе. Анатолия Доброхотова. VI. Хабарда. (Изъ закавказской жизни). Съ рисунками. Евгени Яхонтова. VII. Въ степи. Стихотвореніе. В. Кремнева. VIII. Зимній вечеръ въ школѣ. (Изъ воспоминаній народной учительницы). А. Ситальской. IX. Мечты. Разсказъ. Ив. Митропольскаго. X. Въ ту ночь, когда звѣзды на небѣ сіяли. Стихотвореніе. Ед. Буланной. XI. Юноша изъ Газатин. Переводъ съ англійскаго. А. Н. Рождественской. Съ рисунками. XII. Морская Пани. Стихотвореніе. Н. Балъмонта. XIII. Сумерки Возрожденія. Историческая повесть. Окончаніе. Гл. X. Божественная комедія. Ал. Алтаева. Съ рисунками. XIV. Товарища! видите парусъ вдали. Стихотвореніе. Н. Фольбаума. XV. Изъ исторій одного натуралиста. Окончаніе. Проф. А. М. Никольскаго. Съ рисунками. XVI. Черкесы. (Словъ кабардин. сказаній.) В. Гатцма. Оконч. XVII. Какъ животныя защищаются отъ враговъ. Оконч. Гл. XIII. Брони, панцири и иглы. Н. А. Сиверцова. Съ рисунками. XVIII. Отъ самарскаго комитета помощи голодающимъ. XIX. Содержаніе „Юной Россіи“ („Дѣтское Чтеніе“) за 1906 годъ. XX. Объявленія.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

1 р. 75 к.
безъ
перес.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

2 р.
съ
перес.

НА ЖУРНАЛЪ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Вышла декабрьская книга „Педагогическаго Листка“ за 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Моя жизнь. Записки. Н. Ф. Бунакова. Продолженіе. II. Народное образованіе на Западѣ. Бориса Флита. Продолженіе. III. Дѣятели освобожденія. А. И. Одоевскій. Н. Я. Абрамовича. IV. Эрнестъ Ренавъ. Жизнь Иисуса Христа. Д. А. В.—скаго. V. Великое слово. Стихотвореніе Анатолия Доброхотова. VI. Къ вопросу о насиліи надъ ребенкомъ. Н. А. Гольцовой. VII. Юбилей дѣтскаго журнала. В. Ермилова. VIII. Среди книгъ и журналовъ. В. IX. Наша школа. Н. А. Сиверцова. X. Памяти В. А. Гольцева. (Съ портретомъ). Д. И. Тихомирова. XI. Рыцарь духа. (Памяти В. А. Гольцева. Стихотвореніе. Анатолия Доброхотова. XII. Съѣздъ инспекторовъ народныхъ училищъ Прибалтійскаго края. XIII. Скромный юбилей. Н. XIV. Сельской учительницѣ. Стихотвореніе. Л. XV. Библиографія. Иоаннъ Гутенбергъ и развитіе книгопечатанія Е. Н. Волчанецкой. Н. С.—Я. А. Берлявъ. Исторія книги. Н. С.—И. Горбуновъ-Посоловъ. Пѣсь о матери. Сборникъ стиховъ. Н. С.—Проф. Челпановъ. Введеніе въ философію. Д. А. В.—скаго.—Проф. И. А. Сикорскій. Всеобщая психологія съ физиономікой въ иллюстрированномъ изложеніи. В.—Флетчеръ. О государствѣ русскою. Д. А. В.—скаго.—Н. В. Чеховъ. Книги для дѣтскаго чтенія. Учебники и учебныя пособія. Д. В.—Н. В. Чеховъ. Школьные праздники. Д. В.—Е. И. Арзакъевъ. Всеобщее обязательное обученіе въ Россіи и за границей. Д. В. XVI. Содержаніе журнала „Педагогическій Листокъ“ за 1906 г. XVII. Приложеніе. Какъ постепенно вошли люди до настоящей арифметики. Общедоступные очерки для любителей арифметики. Листъ восьмой. В. Беллюстина. XVIII. Объявленія.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Молчановка, д. № 24, Д. И. Тихомирова.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

Подписная цѣна

Безъ доставки на годъ	1 руб. 75 коп.
Съ доставкой и пересылкой въ годъ	2 „ — „
Съ доставкой и пересылкой изъ 1/2	1 „ — „
„Педагогическій Листокъ“ вмѣстѣ съ „Юной Россіей“ на годъ	6 „ — „

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

Москва, Большая Молчановка, д. № 24, Дм. Ив. Тихомирова.

Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книгопродавцамъ уступка 5%.

Въ конторѣ имеются въ продажѣ оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“ за прежніе годы: 1894, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1905 гг. Цѣна „Дѣтскаго Чтенія“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ по 3 руб. за годъ безъ пересылки. „Дѣтское Чтеніе“ безъ „Педагогическаго Листка“ 4 руб. „Педагогическій Листокъ“ безъ „Дѣтскаго Чтенія“ 1 руб. 50 коп. безъ пересылки.

За 1904 г. „Педагогическій Листокъ“ разошелся безъ остатка.

Плата за объявленія въ журналѣ „Педагогическій Листокъ“:

за страницу	40 руб.
„ 1/2 страницы	20 „

При журналѣ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ книжный складъ Д. И. Тихомирова: 1) Библиотека для семьи и школы. 2) Учительская библиотека.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЦАРИЦЫНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1907 году (десятый годъ изданія)

политическую, общественную и литературную газету, выходящую ежедневно, кромя дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

(съ доставкой и перес.) на 12 мѣс. — 6 р., 11 мѣс. — 5 р. 60 к., 10 мѣс. — 5 р. 20 к., 9 мѣс. — 4 р. 80 к., 8 мѣс. — 4 р. 40 к., 7 мѣс. — 3 р. 80 к., 6 мѣс. — 3 р. 50 к., 5 мѣс. — 3 р., 4 мѣс. — 2 р. 50 к., 3 мѣс. — 2 р., 2 мѣс. — 1 р. 40 к., 1 мѣс. — 75 к., (безъ доставки) на годъ — 5 р., полгода — 3 р., на мѣсяць — 65 к. Для рабочихъ съ дост. 60 к., безъ дост. 50 к. Объявленія передъ текстомъ — 20 к., позади текста 10 к. за строку пята. Крупныя объявленія принимаются по соглашенію.

Отдѣльные номера въ конторѣ и у разносчиковъ — 5 к. Главная контора помещается въ Царицынѣ на Волгѣ при типографіи Е. Г. Жигмановской, Астраханская улица, свой домъ.

Редакторъ-издатель Е. Д. Жигмановскій.

Открыта подписка на 1907 годъ
(третій годъ изданія)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтѣй

СЕМЬЯ И ШКОЛА.

Журналъ предназначенъ для дѣтѣй средняго возраста (10—12 лѣтъ) какъ учащійся къ младшихъ классамъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и учениковъ начальной, городской и сельской школы.

Съ 1907 г. „Семья и Школа“ расширяетъ свою программу. Кромѣ 12-ти книжекъ журнала, редакціей будетъ издано еще 6 отдѣльными книжечкѣ подъ общимъ названіемъ „Библіотека Семьи и Школы“.

Не привлекая своихъ подписчиковъ никакими преміями, ни такъ называемыми бесплатными приложеніями, редакция попрежнему будетъ обращать исключительное вниманіе на внутреннее достоинство самаго журнала и на его изящную вышность. Для послѣдней цѣли, какъ и въ предыдущіе годы изданія, текстъ журнала будетъ тщательно иллюстрироваться художественно исполненными рисунками, и, кромѣ того, въ каждой книжкѣ будутъ помѣщаться отдѣльные картинки.

Въ „Семьи и Школѣ“ принимаютъ участіе: Е. А. Балунина, И. А. Бѣлоусовъ, Е. Волкова, Н. А. Гольцева, С. Д. Дрожжанинъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, А. А. Кивеветтеръ, С. А. Блязковъ, М. А. Кружовскій, В. Н. Львовъ, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. И. Митропольскій, Юр. Новоселовъ, К. Д. Носиловъ, Сергій Орловскій, О. П. Рунова, С. И. Рербергъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, Н. Д. Телешовъ, М. В. Тиличьева, В. Н. Харузина, Ю. Н. Щербачка, С. А. Фомичевъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За 12 книжекъ „Семьи и Школы“ и за 6 книжекъ „Библіотеки Семьи и Школы“: съ доставкой и пересылкой 3 р., безъ доставки 2 руб. 50 коп.

Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и въ книжныхъ магазинахъ „Трудъ“ и Н. Карбасникова.

Пробный номеръ высылается изъ редакціи за три семикопеечныя марки.

Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“, Москва, Гончарная ул., домъ № 17.

Редакторъ-издатель Вл. Лесовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на общественно-литературную и политическую газету

ЧИТА,

выходящую въ г. Читѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ. Съ 1 января «Чита» будетъ выходить въ размѣрѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная плата съ доставкой и пересылкой: на годъ—9 р., на 1/2 года 5 р., на 3 мѣсяца—3 р., на мѣсяць—1 р. Безъ доставки: на годъ—8 р., полгода—4 р. 50 к., 1 мѣсяць—90 к.

Допускается разсрочка. Иногороднихъ просятъ адресовать денежную корреспонденцію для редакціи такъ: гор. Чита, Александръ Григорьевичъ Солдатовой.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи: уг. Петровской и Иркутской ул., д. Жеребцова; въ газетномъ кіоскѣ на уг. Амурской и Иркутской ул., въ Харбинѣ: на Пристанн, Коммерческая ул., контора П. И. Перегудова; Мостовая № 33 у Н. А. Ефрона; ст. Чжалантунъ у Н. Н. Чернышева; въ Верхнеудинскѣ у агронома С. А. Устрѣцкаго; въ Срѣтенскѣ—въ газетномъ кіоскѣ; въ Нерчинскомъ Заводѣ—въ конторѣ г. Коренева; на ст. Далайноръ К.-В. ж. д. (каменно-угольнымъ копа)—въ конторѣ Алексацдрова.

Издательница А. Г. Солдатова.

Редакторъ С. А. Царевъ.

Открыта подписка на 1907 годъ
НА ЖУРНАЛЪ
ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

XVIII годъ изд.

Журналъ ставитъ своею задачею выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ систематическіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естественнаму, общественнымъ наукамъ и друг., о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ. Кроме того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. И. Анхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольди, д-ръ Д. Д. Векарюковъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Венцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Випперъ, А. Ф. Гартвицъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Ивановъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Кабуловъ, проф. М. М. Ковалевскій, проф. Н. М. Кулагинъ, Е. I. Ложинскій, проф. Т. В. Локоть, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Мировичъ, Н. Ф. Михайловъ, С. П. Моравскій, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянко-Кудиковскій, проф. И. Г. Оршанскій, проф. А. П. Павловъ, проф. А. А. Радцигъ, Г. Роконъ, прив.-доц. П. Н. Сакулякъ, прив.-доц. Е. Д. Сявцкій, Л. Д. Сивяцкій, Н. В. Сперанскій, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, В. П. Хопронъ, В. И. Чарнолускій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрismanъ, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе др.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книгѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р.; въ полгода 3 руб.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Ковшовенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ.

Гг. городовскихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Витебскія Губ. Вѣдомости.

Выходятъ два раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ и четвергамъ.

Открыта подписка на 1907 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ годъ — 3 руб. | За 6 мѣс. — 1 р. 50 к.

За 3 мѣсяца — 1 рубль.

На 1907 годъ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ БЫЛОЕ.

Журналь—виѣспартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія—издается подъ редакц. В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Въ 1907 г. между многими другими статьями будутъ напечатаны:

М. Ю. Ашценбренеръ—Воспоминанія (60-е и 70-е годы); *А. Бизъ*—Воспоминанія народовольца; *В. Я. Богучарскій*—Декабрьскіе М. С. Луничъ; *В. Л. Бурцевъ*—Изъ воспоминаній; *И. П. Бьлюксскій*—Земское движеніе до образованія „Союза Освобожденія“; *В. А. Вейнштокъ*—Акутуйскій рудникъ; *М. О. Гершензонъ*—Западныя друзья Герцена; *В. С. Голубевъ*—Государственная Дума 1906 г.; *В. А. Даниловъ*—Изъ воспоминаній; *С. А. Жебуневъ*—Изъ воспоминаній; *А. И. Иванчинъ-Писаревъ*—Побѣгъ князя Кропоткина; *Н. И. Jordanскій*—Миссія П. С. Ванновскаго; *Кабиеро*—Воспоминанія; *Ксавельжо*—11 дней на „Потемкинѣ“; *Е. Д. Кусковъ*—Политическія партіи въ 1906 г.; *Платонъ Лебедевъ*—Красныя дни въ Нижнемъ-Новгородѣ; *М. К. Лемке*—Процессъ Митрофана Муравскаго, Сунгурова, Блюмера, Головина, кн. Долгорукова и др. (по неизданнымъ архивнымъ даннымъ); *Е. Е. Лаваревъ*—Гавайскій сенаторъ; *А. О. Лукашевичъ*—Въ народъ; *І. Д. Лукашевичъ*—Дѣло 1 марта 1887 г.; *И. Л. Манугаревъ*—Изъ Шинссельбурга на Сахалинѣ; *Н. А. Морозовъ*—Изъ воспоминаній; *Э. К. Пекарскій*—Рабочій Петръ Алексѣевъ (изъ воспоминаній); *П. Н. Перевезевъ*—Экспедиція генерала Ренненкампафа; *М. Р. Поповъ*—Изъ моего революціоннаго прошлаго; *С. Н. Прокоповичъ*—Формы и результаты аграрнаго движенія въ 1906 г.; *А. С. Прусовъ*—Декабрьскіе въ монастырской тюрьмѣ; *Л. Ф. Пантелеевъ*—Дѣла давно минувшихъ дней (арестъ, ссылка и пр.); *З. Ралли*—Изъ воспоминаній о Драгомановѣ и Бакунина; *И. А. Рубановичъ*—Дѣло Гоца въ Италіи и Савидкаго во Франціи; *С. А. Савинкова*—Изъ воспоминаній; *С. Г. Святковъ*—Очерки по исторіи студенческаго движенія; *В. П. Семескій*—Волненія въ л.-гв. Семановскомъ полку въ 1820 г.; *Е. П. Семеевъ*—Народовольческіе кружки въ Одессѣ; *Э. А. Серебряковъ*—Революціонеры во флотѣ; *С. Сомовъ*—Рабочее движеніе въ Петербургѣ въ 1906 г.; *Н. П. Стародворскій*—Дегаевъ и Судейкинъ. Изъ воспоминаній; *П. Б. Струевъ*—Заграничный журналь „Освобожденіе“; *Е. В. Тарле*—Каннингъ и Николай Тургеневъ, Герценъ и газета Прудона; *Н. А. Тамъ*—Послѣдній періодъ „Народной Воли“; *М. П. Фроленко*—Воспоминанія о Воронежскомъ и Илецкомъ съѣздахъ *Л. Ш.*—Страница изъ исторіи идейныхъ теченій въ „Народной Воли“; *П. Е. Шеню*; *Левъ*—Агитаціонная литература декабристовъ, Конецъ императора Павла (историческое разслѣдованіе); *Ф. Л. Ястржембскій*—Записки петрашевца; Записки императора Николая I о 14 декабря, неизданныя произведенія *А. И. Герцена* и др.

Будутъ напечатаны также: „Сводъ указаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“ (полностью); Докладъ (официальный) о дѣлѣ В. И. Засуличъ; Разгромъ тверскаго земства (извлеченіе изъ доклада г. Штурмера); Къ исторіи русской „конституціи“ (официальные матеріалы и документы); Обзоры по дѣламъ политическимъ за разные годы (изъ изданій д-та полиціи); Отчеты о процессахъ, не бывшіе въ печати (дѣло 1 марта 1887 г., военныхъ кружковъ 1887 г. и др.); рѣдчайшія революціонныя изданія, письма разныхъ общественныхъ дѣателей, документы и очерки по исторіи освободительнаго движенія послѣднихъ двухъ лѣтъ и т. д.

Журналь будетъ выходить попрежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Въ журналь помѣщаются—на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ—портреты дѣателей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движенія.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 января по 1 января) — 8 руб.; на 1/2 года (съ 1 января по 1 июля) — 4 руб.; на 1/4 года (съ 1 января по 1 апрѣля) — 2 руб. Переѣзна адреса — 30 коп. Книжные магазинамъ при поднаскѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ — 1 руб., для покупающихъ въ конторѣ — 85 коп., для выписывающихъ изъ конторы — 1 руб. 10 коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльныя книжки — 30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала, (ежедневно, кромя праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня) — С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44 и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“ — въ Москвѣ (Срѣтенка, Ащеуловъ переулокъ, 13), Кіевѣ (Крещатикъ, 27), Ростовѣ на Д. (Казанская, 42) и Одессѣ (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Блюе“ проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписки годовой экземпляръ журнала будетъ стоить только 8 руб. 50 коп. вмѣсто теперешней 10 руб. Кромя того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратно. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., причѣмъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, на Знаменской ул., д. 19.

Личныя объясненія съ редакторами — по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ, пятницамъ (кромя праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы { В. Я. Вогучарскій. Издатель Н. Е. Парамоновъ.
 { П. Е. Щеголевъ.

Подписка на 1906 г. продолжается, новымъ подписчикамъ высылаются всѣ вышедшія книги.

**Открыта подписка на 1907 годъ
НА НОВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО**

ДОНСКОЙ КРАЙ.

Задача газеты — выясненіе нуждъ населенія донского края вообще, безъ различія сословій, и нуждъ казаковъ въ особенности. Съ этою цѣлью редакціей приняты мѣры къ тому, чтобы изъ каждаго болѣе или менѣе населеннаго пункта области войска Донского доставлялись свѣдѣнія о фактахъ и явленіяхъ мѣстной жизни. Необходимость прогресса въ нашей гоударственной жизни, необходимость намѣненія, улучшенія ея гражданской свободы во всѣхъ ея проявленіяхъ на основѣ постепенности и послѣдовательности, тѣсно связанныхъ съ народною пользою и самобытностью, вотъ соображенія, которыми будутъ руководствоваться сотрудники газеты.

Редакція, будучи безпартийной, удѣлитъ большое вниманіе обзору газетъ и журналовъ всѣхъ направленій, дабы читатель, экономя время, могъ быть освѣдомленъ о томъ, какъ толкуются и рѣшаются выдвигаемые жизнью вопросы той или другой партіей.

ВЪ ПРОГРАММУ ГАЗЕТЫ ВХОДЯТЪ СЛѢДУЮЩІЕ ОТДѢЛЫ:

1) Вопросы дня. 2) Заграничная хроника. 3) Последнія извѣстія. 4) Изъ газетъ и журналовъ. 5) Статьи и замѣтки, касающіяся Донск. обл. 6) Фельетонъ, очерки, рассказы и стихотворенія. 7) По страницамъ и хуторамъ. 8) Хроника, 9) Театръ и музыка. 10) Телеграммы. 11) По Россіи.

Для болѣе всесторонняго освѣщенія нуждъ области войска Донского, редакція проситъ своихъ читателей сообщать ей свѣдѣнія о мѣстныхъ событіяхъ общественнаго характера, не стѣняясь изложеніемъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 12 мѣс. — 8 р., на 6 мѣс. — 3 р., на 3 мѣс. — 1 р. 70 к., на 1 мѣс. — 60 к. съ доставкой и пересылкой.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: На 1-й страницѣ — 20 к., на 4-й страницѣ — 10 к. за строку вѣтвѣ или занимаемое ею мѣсто. Большія объявленія — по особому соглашенію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Новочеркасскѣ, въ конторѣ редакціи (Московская ул., д. Байдалаковой). Телефонъ № 303.

Редакторъ-издатель Р. С. Ястребовъ.

Годъ изданія сорокъ второй.

АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ

съ бесплатнымъ еженедѣльнымъ журналомъ

«Астраханскій Иллюстрированный Листокъ»

будетъ выходить въ 1907 году подъ тою же редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, независимая отъ какихъ-либо партій и кружковъ. Основная задача газеты: содѣйствіе осуществленію широкихъ народныхъ реформъ путемъ мирнаго преобразования государства и народнаго быта на демократическихъ началахъ.

Дѣятельное представительство краевыхъ интересовъ.

Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ.

Самый полный торгово-промышленный и сел.-хозяйств. обзоръ юго-востока Россіи. Точныя свѣдѣнія съ рынковъ, рыбнаго, нефтянаго, мяснаго, о судоходствѣ и др.

Объявленія въ губерніи: Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской и изъ Закаспійскаго края и Кавказа, а также объявленія казенныя, банкирскихъ конторъ, желѣзныхъ дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи, всѣ же прочія исключительно Центральною конторою Л. и Э. Метцль и К^о въ Москвѣ, на Мясницкой, въ д. Сытова. Плата за объявленія со строки петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп. Печатающіе болѣе трехъ разъ пользуются скидкой 10 проц. Годовыя объявленія — по особому соглашенію съ конторою редакціи, съ большою уступкою.

Подписная цѣна съ пересылкою: 1 г.—7 руб. 50 коп., 1/2 г.—4 руб. 50 коп., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.

„Астрах. Листокъ“ расходуется больше, чѣмъ всѣ прочія астраханскія изданія, взятыя вмѣстѣ.

Подписка принимается исключительно въ Астрахани, въ конторѣ „Астрах. Листка“, по Ахматовской улицѣ, домъ Азамжанова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 годъ

на выходящую въ гор. Ковнѣ единственную въ Ковенской губерніи ежедневную политическую, общественную и литературную газету

КОВЕНСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

(III-й годъ изданія).

Редакція и контора газеты: Ковна, Николаевскій проспектъ, домъ Рабиновича.

Подписная цѣна: съ доставкой на годъ—5 р., на 6 мѣс.—2 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—50 к. Съ пересылкой на годъ—6 руб., на 6 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—1 р. 80 к., на 2 мѣс.—1 р. 20 к., на мѣс.—80 к.

Плата за объявленія: за строку петита или занимаемое ею мѣсто: на первой страницѣ—25 к., на послѣдней—15 к.

При повторныхъ объявленіяхъ значительная скидка.

Подписка и объявленія принимаются въ гор. Ковнѣ, въ конторѣ „Ковенскаго Телеграфа“, въ конторахъ торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о (С.-Петербургъ—Морская, № 11; Москва—Мясницкая, д. Сытова; Варшава—Браковское предмѣстье, № 58).

СИБИРСКИЕ ОТГОЛОСКИ

(Бывшій Сибирскій Наблюдатель).

Еженедѣльный иллюстрированный общественный, политический и литературный журналъ съ сатирически-карикатурнымъ отдѣломъ „Бубенцы“.

(Редакція: г. Томскъ, Воскресенская ул., № 5).

Вступивъ въ IX годъ своего существованія „Сибирскій Наблюдатель“ переименованъ въ „Сибирскіе Отголоски“ и будетъ выходить въ свѣтъ въ 1907 г. еженедѣльно по слѣдующей программѣ: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Корреспонденція изъ разныхъ городовъ Сибири и Россіи, перепечатки изъ разныхъ газетъ и проч. 3) Внутреннее обозрѣніе. 4) Иностранное обозрѣніе. 5) Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и проч. 6) Театральная хроника. 7) Судебная хроника. 8) Всякаго рода рисунки, эстампы, гравюры и т. д. 9) Объявленія.

Редакція съ своей стороны приложитъ всѣ старанія, чтобы изданіе удовлетворяло своему назначенію и давало возможно подробную картину текущихъ событій какъ въ Сибири, такъ и вообще во всей Россіи и за границей, а также литературный матеріалъ для чтенія.

Цѣна въ годъ 3 р., а съ доставкой и пересылкой 4 р., на полгода—2 р. и 2 руб. 50 к. съ доставкой и пересылкой. За доставку за границу добавляется на годъ—4 р., на полгода—2 р.

Лица, желающія имѣть отъѣмы о своихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ, благоволятъ присылать въ редакцію экземпляры ихъ.

Цѣна объявленій: въ началѣ текста 1 строка 15 к., послѣ текста—8 к.

Подписки и объявленія принимаются: въ редакціи „Сибирскихъ Отголосковъ“ въ гор. Томскѣ, Воскресенская ул., № 5, (телеф. № 1) и въ книжн. магазинѣ П. И. Макушина. Въ Москвѣ у И. К. Голубова—книжн. магаз. „Правовѣдніе“, Никольская; въ Красноярскѣ—въ книжн. маг. А. Ф. Комарова. Объявленія также принимаются въ Москвѣ: въ Центральной конторѣ торговаго дома „Л. и Э. Метцль и К^о“, Мясницкая, д. Сытова, и въ конторѣ объявленій и подписки І. В. Бартошевича, Малая Лубянка, № 29. За перемѣну адреса городского на иногородній и обратно и иногороднаго на другой иногородній вносятся 40 коп. деньгами или почтовыми марками.

Редакторъ-издатель В. А. Долгоруковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ

Въ 1907 г. (45-й годъ изданія).

Подписочная цѣна: Съ доставкой въ Саратовъ и въ Покровскій слоб. На годъ 7 р., на 11 мѣс.—6 р. 50 к., на 10 мѣс.—6 р., на 9 мѣс.—5 р. 50 к., на 8 мѣс.—5 р., на 7 мѣс.—4 р. 50 к., на 6 мѣс.—4 р., на 5 мѣс.—3 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 2 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 р. Съ пересылкой въ другіе города. На годъ 8 р., на 11 мѣс.—7 р., на 10 мѣс.—6 р. 50 к., на 9 мѣс.—6 р., на 8 мѣс.—5 р. 50 к., на 7 мѣс.—5 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 5 мѣс.—4 руб., на 4 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—3 р., на 2 мѣс.—2 р. 40 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к.

Чтобы дать возможность подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ, редакція допускаетъ разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ. Первые вносятъ: при подпискѣ 3 р., 1 марта—2 р. и 1 мая—2 р.; иногородные: при подпискѣ 4 р. и 1 мая—4 р.

Подписка принимается съ 1 по 1 каждого мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, д. Оневорге; въ сл. Покровской у П. М. Осюко.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ 20 к. за строку петица, на 3-й и 4-й—по 7 к. Годовыя пользуются особой усупкой. Иногородніа объявленія принимаются по цѣнѣ 10 к. за строку понадъ текста, на первой страницѣ цѣна двойная. Объявленія изъ-за границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и вѣволжскихъ губ., принимаются исключительно въ центральн. конторѣ объявленій торг. дома Метцль въ Москвѣ, на Мясниц. ул., въ д. Сытова.

Редакторъ-издатель П. О. Лебедевъ.

Издатель И. П. Горизонтовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ
на ежедневную газету
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ТОРГОВЛИ

ОРЛОВСКИЙ ВЪСТНИКЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города
на годъ 7 руб., за границу 14 руб.

На 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 руб., 9 мѣс.—5 руб. 50 коп., 8 мѣс.—5 руб.,
7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к.,
2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., 1/2 мѣс.—50 к.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ плате-
не менѣе какъ 1 р. въ мѣсяцъ, до выплаты всей суммы; обязательно при первомъ
же взносі дѣлать надписи въ письмѣ—“въ разсрочку”, иначе газета будетъ выка-
заться лишь до того срока, по которому внесены деньги.

Подписка въ разсрочку принимается только на 1 г. или 1/2.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 16 числа каждаго мѣсяца.

Плата за объявленія: за каждую строку летита въ 35 буквъ, въ одинъ
столбецъ, или за занимаемое мѣсто, повади текста, въ первый разъ увеличивается
10 коп. и въ слѣдующіе разы 5 коп. На первой страницѣ, впереди текста, плата выше
дороже. За объявленія, печатаемые 20 разъ, дѣляется уступка—10%, 30 разъ—15%,
40 разъ—20%, 50 разъ—25%, 60 разъ—30%, отъ 70—100 разъ—40%, на мѣсяцъ
100—150 разъ уступка 50%. За адресомъ, въ 5 строкъ, на 1-й страл. газеты—20 р. въ
годъ 150 разъ, 12 р.—за 75 разъ, 8 р.—за 38 разъ и 4 р.—за 15 разъ. За разсрочку
при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ
1,000 экз. или по 50 к. за 100 экз.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо со-
общить прежній адресъ. Кошечки могутъ быть высланы марками.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производится:

Въ Орлѣ: въ конторѣ *Орловскаго Вѣстника*, Зиновьевская ул., д. № 2, и въ отдѣл-
нин ея—Московская улица, аптекарскій магазинъ Коссовскаго.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

Въ Ельцѣ—въ книжномъ магазинѣ Э. П. Залкина. Въ Брянскѣ—Авиловская улица,
домъ Сурнина, А. К. Федоровъ. Въ Болховѣ—Карачевская ул., Ф. А. Костинъ

ТОЛЬКО РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ГАЗЕТЫ:

Въ Ельцѣ—Торговая улица, книжный магазинъ Залкина и магазинъ Пузевск.
Въ Карачевѣ—въ магазинѣ К. А. Хализовой и Яковскаго. Въ Брянскѣ—въ библ.
г. Федорова. Въ Трубчевскѣ—магаз. И. И. Гамова—Сафьянова. Въ Ливнахъ—
библиотекъ г. Крафтъ. Въ Липецкѣ—книжн. магазинъ А. И. Полянскаго. Въ Щенскѣ—
магаз. Половневъ и въ книж. маг. Иванова. Въ Дмитровскѣ—гал. маг. Антономъ

Редакторъ-издатель А. И. Аристовъ.

XIV-й годъ изданія.

Открыта подписка

НА

1907 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕДОСТУПНУЮ

ГАЗЕТУ

Сибирская Жизнь

издаваемая въ г. Томскѣ.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

„Сибирская Жизнь“ отстаиваетъ и защищаетъ начала конституціоннаго государства, полную гражданскую и политическую свободы, народное представительство на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, широкое самоуправленіе земствъ и городовъ. Въ экономической области газета защищаетъ интересы трудящихся классовъ народа—крестьянъ, рабочихъ и вообще всѣхъ, живущихъ личнымъ трудомъ, и съ этой точки зрѣнія даетъ разрѣшеніе вопросамъ земельнаго устройства, рабочаго законодательства, обложенія налогами и проч.

Съ особой тщательностью редація будетъ знакомить читателей съ нуждами и интересами Сибири, сообщая факты ея повседневной жизни и давая имъ посильное освѣщеніе.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. В. Адриановъ, С. И. Акербломъ, Д. В. Алексѣевъ, Г. Б. Байтовъ, М. Р. Бейлинъ, прив.-доц. М. И. Богодѣловъ, прив. доц. П. В. Бутягинъ, М. Г. Васильева, Г. А. Вяткинъ, Ю. О. Горбатовскій, А. Д. Журавлева, проф. Е. Л. Зубашевъ, М. С. Кларинъ (псевдонимъ), А. Б. Ключе, А. И. Макушинъ, проф. І. А. Малиновскій, проф. І. В. Михайловскій, прив.-доц. Н. Я. Новомбергскій, проф. В. А. Обручевъ, Николай Степнякъ (псевдонимъ), Г. Н. Потанинъ, проф. Н. Н. Розинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, проф. М. Н. Соболевъ, проф. В. А. Ульяницкій, С. Д. Чаховъ, В. К. Штильке и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ	На 9 мѣс.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Томскѣ или пересылк. въ гор.					
Россіи	5 р.	4 р.	3 р. — „	1 р. 50 к.	— 50 „ к.
За границу	9 р.	7 р.	5 р. — „	3 р. — „	1 р. — „

Новые годовые подписчики, подписавшіеся въ конторѣ газеты до 1 декабря, получаютъ газету до конца года бесплатно.

За печатаніе въ „Сибирской Жизни“ объявленій взимается плата: впереди текста за строку петица—20 коп., позади текста—10 коп. За рассылку объявленій при газетѣ въсомъ не болѣе лота 7 руб. за 1,000 экземпляровъ.

Подписки и объявленія принимаются: въ конторѣ газеты (уголь Дворянской улицы и Ямского пер., собств. д.) и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина въ Томскѣ.

Изгородіе адресуютъ свои требованія съ г. Томскъ, съ контору газеты „Сибирская Жизнь“.

Редакторы-надатели: І. Малиновскій и М. Соболевъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1907 г. НА ЖУРНАЛЬ МОСКОВСКИЙ ЕЖЕНЕДЪЛЬНИКЪ.

Подъ редакціей кн. Е. Н. Трубецкого.

Выходит книжками въ 4 листа еженедѣльно
ПО РАСШИРЕННОЙ ПРОГРАММѢ.

Держась строго демократическаго направленія, журналъ не будетъ органомъ какой-либо изъ существующихъ въ Россіи политическихъ партій: исходя изъ признанія незыблемыхъ правъ человѣческой личности, редакция будетъ стоять на стражѣ конституціонныхъ началъ, избѣгая всякія посягательства на свободу, откуда бы они ни исходили. Главную задачу народнаго представительства журналъ видитъ въ проведеніи широкихъ социальныхъ преобразованій и выдвигаетъ на первый планъ аграрную реформу, переустройство быта крестьянъ и рабочее законодательство: вопросамъ мѣстнаго самоуправленія, въ связи съ національными, и вопросу церковному будетъ также удѣлено особое вниманіе.

Кромѣ статей по общественно-политическимъ и экономическимъ вопросамъ „МОСКОВСКИЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ“ будетъ удѣлять мѣсто и статьямъ по вопросамъ литературы, искусства и общественной жизни и произведеніямъ беллетристическаго характера.

Въ теченіе года подписчики получаютъ 52 книжки журнала.

Въ журналъ принимаютъ участіе:

Н. Н. Авиновъ, священникъ К. М. Агеевъ, проф. А. С. Алексѣевъ, В. П. Алексѣевъ, Мих. Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, Н. Н. Баженовъ, П. В. Безобразовъ, Н. А. Бердяевъ, М. И. Брунъ, О. Е. Бужанскій, проф. С. Н. Булгаковъ, прив.-доц. Д. В. Викторовъ, проф. П. Г. Виноградовъ, М. А. Гершензонъ, проф. И. М. Громогласовъ, проф. А. Г. Гусаковъ, прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, Н. П. Добронравовъ, проф. В. Э. Денъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. М. Э. Злѣховскій, М. А. Иванцовъ, проф. И. И. Ивановъ, Г. Б. Юлосъ, проф. А. В. Карташевъ, А. А. Кауфманъ, прив.-доц. И. А. Кистяковский, проф. М. М. Ковалевскій, прив.-доц. С. А. Котляревскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. Ф. Левинскій, А. Р. Ледяницкій, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. И. В. Луцицкій, Н. Н. Львовъ, В. А. Маклаковъ, А. Н. Максимовъ, М. М. Марголинъ, Б. М. Маркельсъ, В. Г. Михайловскій, проф. Б. М. Млодзѣвскій, проф. П. И. Новгородцевъ, И. Д. Новикъ, Ю. А. Новосильцовъ, проф. Л. I. Петражицкій, прив.-доц. А. И. Покровский, Т. И. Полнеръ, проф. А. С. Посняковъ, прив.-доц. Г. К. Рахмановъ, Ф. И. Родичевъ, Сергій Глаголь, В. Ю. Скалонъ, Л. З. Слоновскій, П. Б. Струве (б. редакторъ „Освобожденія“), проф. С. С. Салазкинъ, кн. Г. Н. Трубецкой, проф. Н. А. Умовъ, проф. С. Ф. Фортунатовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. В. М. Хвостовъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. фонъ-Шульце-Гевеницъ (Фрейбургъ въ Бресгау), М. П. Щепкинъ, прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій и другіе.

Условія подписки на 1907 г.:

За годъ 5 р., за 6 мѣсяц. 2 р. 75 к., за 3 мѣсяц. 1 р. 50 к., за границу вдвое. Разсрочка допускается только годовымъ подписчикамъ на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 2 р., 1 апрѣля—2 р., 1 августа—1 р., или при подпискѣ 2 р., 1 апрѣля—1 р., 1 июня—1 р. и 1 августа—1 р.

Подписавшіеся на весь 1907 г. въ текущемъ году будутъ получать журналъ съ момента подписки до 1 января 1907 г. безвзматно.

Книгопродавцы удерживаютъ съ подписной цѣны 10%; коммисіонеры розничной продажи пользуются обычной уступкой.

Подписка принимается: въ конторѣ редакция, у Н. Печковской и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Страстная пл., д. Живаго. Телефонъ № 127—18.
Редакторъ-издатель проф. кн. Е. Н. Трубецкой.

Вышла ноябрьская книга
ЖУРНАЛА
СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Вл. Ладыженскій. Вилетка.—П. и С. Панько. Духъ свободы. Гарибъ (Аароянъ), переводъ съ армянскаго.—И. В. Аптекманъ. Отрывокъ изъ воспоминаній землевольца.—И. Аксельродъ. Соціальныя мотивы въ драмахъ Гергарта Гаутмана.—Л. Борисовичъ. Законъ о синдикатахъ во Франціи и его примѣненіе. Современное обозрѣніе.—К. Егоровъ. За границей.—Г. Вельтовъ. Замѣтки публициста. Мнѣніе западно-европейскихъ социалистовъ о современномъ общественномъ движеніи въ Россіи.—Густавъ Адольфъ Зорге. (Некрологъ). Библиографія.—О. В. Аптекманъ. *Былое*, №№ 1—9.—Л. Мартовъ. В. Раднъ. Первый совѣтъ рабочихъ депутатов.—О. В. „Письма и выдержки изъ писемъ“ І. Ф. Беккера, Іос. Диггена, Фр. Энгельса, Карла Маркса и др. къ Ф. А. Зорге и др.—Г. П. Вернеръ Зомбартъ. Почему нѣтъ социализма въ Соединенныхъ Штатахъ?—О. В. Теорія обманчива или теорія меморанъ. Рудольфъ Гольшейдъ.—Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію. Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ
НА ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: За годъ—10 руб., $\frac{1}{2}$ года—5 руб., $\frac{1}{4}$ года—2 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ главный конторъ редакціи: Москва, Невинная, 4, „Журнальное Дѣло“ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Годъ изданія XXIV.

ВЪ ГОРОДѢ КАРСѢ, КАРССКОЙ ОБЛАСТИ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

КАРСЪ

на 1907 годъ.

Условія подписки: Съ доставкою и пересылкою 3 рубля въ годъ.

Подписка принимается въ редакціи газеты „Карсъ“, въ гор. Карсъ, куда адресуютъ свои требованія и изгородніе.

Газета „Карсъ“ имѣетъ ближайшею цѣлью всестороннее изученіе Карской области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея благоустройству.

При каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложений, подписчики получаютъ по одной книгѣ, а новые подписчики, выписывающіе также (за 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.) терями 10 книгъ К. М. Станюковича за 1906 г., получаютъ ихъ при одномъ изъ первыхъ №№ „Нивы“ 1907 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1907 годъ

(38-й годъ изданія)

на еженедельн. иллюстриров.

ЖУРНАЛЬ

со многими приложениями

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1907 года:

НИВА

52 №№ художеств.-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себя романы, повести и рассказы; гравюры, рисунки и иллюстраціи современ. событій.

40 КНИГЪ „Сборника Нивы“, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо газетной бумагѣ и содержавшей:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ въ

10 КНИГЪ гр. АЛЕКСѢЯ ТОЛСТОГО

(Стихотворенія: пѣсни, поэмы, былины, баллады. Драматич. трагедія: Смерть Иоанн Грознаго. Царь Федоръ Ивановичъ. Царь Борисъ. Князь Серебряный. Упырь и др.) — значительно дополн. произведеніями, не вошедшими въ предыдущія изданія и издаваемые за границу. Съ критико-биографическ. очеркомъ С. А. Венгерова. (Цена существ. неполнаго изданія, безъ пересылки, 8 р. 50 к.).

ОСТАЛЬНЫМЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

30 КНИГЪ К. М. СТАНЮКОВИЧА

(„Морскіе рассказы“; романы: „Омутъ“, „Откровенные“, „Наши нравы“, „Ирочи“ и друг.; „Картины обществен. жизни“, „Письма знат. иностранца“; вѣсти, рассказы и пр.) — значительно дополн. произведеніями, не вошедшими въ предыдущія изданія.

Съ критико-биографическимъ очеркомъ П. В. Быкова. (Цена существ. неполнаго изданія, съ пересылкой, 21 руб.).

12 КНИГЪ „Сюжетныя литературныя и популярно-научныя иллюстраціи“

содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отрывками библиографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, загадокъ и различныхъ игр.

12 №№ „Паринюнкъ моль“. До 200 столбцовъ текста и 300 медныхъ гравюръ. Съ нечленивыми ящичкомъ для отвѣтовъ на разнообразныя вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльных, вышивальныхъ работъ и для вышивания въ до 300 чертвей въ крошкѣ въ натуральную величину.

1 „ОТЪННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1907 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложениями на годъ:

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки — 8 р. 50 к.; съ доставкой — 7 р. 50 к.

Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печниковой — 7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“ — 7 р. 50 к.

Съ пересылкою по всѣмъ мѣстамъ Россіи **8** р.

За границу — 12 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗОРОЧНА ПЛАТЕНА въ 2, 3 и 4 ОРОКА.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1907 г. со всѣми ея приложениями, еще ПЕРВЫЕ 10 книгъ соч. К. М. СТАНЮКОВИЧА за 1906 г., доплачиваютъ одновременно при подпискѣ: безъ доставки въ СПб. — 1 р. 50 к.; съ дост. въ СПб. и съ пересылкой иногороднымъ и за границу — 2 руб.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22

